

ЗА ЦАРА И РОДИНУ

ПАТРИОТИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ

как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.)

В коллективной монографии анализируется проблема генезиса идей русского национализма и патриотизма периода с конца XVIII в. до 1917 г. в государственно-политической жизни Российской империи и эволюции русского патриотизма в советской идеологической парадигме 1917–1991 гг. Данная тема не получила должного освещения в отечественной и зарубежной историографии. В настоящее время в силу происходящих в России социально-политических процессов и в связи с актуальностью проблем межнациональных отношений внутри страны, а также в связи с предпринимаемыми государством мерами, направленными на объективное изучение конкретных событий российской и советской истории и на воспитание у молодого поколения чувства патриотизма, изучение данной проблемы приобретает особую актуальность.

ПАТРИОТИЗМ и НАЦИОНАЛИЗМ

как факторы
российской истории
(конец XVIII в. – 1991 г.)

Коллективная монография

Ответственный редактор
В. В. Журавлев

РОССПЭН
Москва
2015

УДК 94(100)"654"

ББК 63.3(0)

П20

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 10-01-00040а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 15-01-16034д*

П20

**Патриотизм и национализм как факторы российской истории
(конец XVIII в. – 1991 г.). Коллективная монография / Отв. ред.
В. В. Журавлев. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 783 с.**

ISBN 978-5-8243-1974-3

В коллективной монографии анализируется проблема генезиса идей русского национализма и патриотизма периода с конца XVIII в. до 1917 г. в государственно-политической жизни Российской империи и русского патриотизма в советской пропаганде 1917–1991 гг. Данная тема не получила должного освещения в отечественной и зарубежной историографии. В настоящее время в силу происходящих в России социально-политических процессов и в связи с обострением национальных отношений внутри страны, а также в связи с предпринимаемыми государством мерами, направленными на объективное изучение конкретных событий российской и советской истории и на воспитание у молодого поколения чувства патриотизма, изучение данной проблемы приобретает особую актуальность.

Издание ориентировано на специалистов, а также на всех, кто интересуется историей Отечества в ее духовных и идеологических проявлениях.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-8243-1974-3

© Коллектив авторов, 2015

© Политическая энциклопедия, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Журавлев В. В.</i>)	5
Глава I. Формирование основных типов национальной идеологии от М. В. Ломоносова до Н. Я. Данилевского (<i>Ильин Н. П.</i>).....	9
§ 1. От российского патриотизма к русскому национализму.....	9
§ 2. Призрак «декабризма» в русской национальной идеологии	24
§ 3. «Будьте истинно русскими!» Национальная революция «сверху»	30
§ 4. У алтаря человечеству: славянофилы и западники	49
§ 5. «Право народности есть сильнее всех прав». Три богатыря русского почвенничества	78
§ 6. Россия плюс. Национализм и панславизм в учении Н. Я. Данилевского.....	98
§ 7. Типология национальных идеологий и самоидентификация русского национализма	108
Глава II. Народ, патриотизм и национализм в русском народничестве (<i>Зверев В. В.</i>)	113
§ 1. Россия, Европа, народ и социализм в творчестве А. И. Герцена	118
§ 2. Н. Г. Чернышевский: преемственность и новизна идей	133
§ 3. Революционеры и народ	149
§ 4. Реформаторы	169
§ 5. Ревизия народнической доктрины.....	184
а) Традиции и новации П. П. Червинского.....	184
б) Нация, национализм и национальная ксенофобия в работах И. И. Каблица	189
Глава III. Патриотическая идея в оценках российской революционной интеллигенции XIX в. (<i>Кожевников А. Ю.</i>)	207
Глава IV. Проблемы патриотизма, национализма и интернационализма в идеологии российской социал-демократии (<i>Савельев П. Ю.</i>).....	226
Глава V. Большевизм и русский вопрос в начале XX в. (<i>Кожевников А. Ю.</i>).....	247
Глава VI. Лозунг «Россия для русских»: зарождение, трактовки, апология, критика (<i>Иванов А. А.</i>)	259
Глава VII. Имперский и национальный принцип в конце XIX – начале XX в. (<i>Репников А. В.</i>)	283
Глава VIII. Российские либералы: между правыми националистами и леворадикальными пораженцами (<i>Канищева Н. И., Шелохаев В. В.</i>)	323

Глава IX. От идеи «мировой революции» к государственному патриотизму (<i>Кожевников А. Ю.</i>).....	355
§ 1. Идеи «красного патриотизма» в годы Гражданской войны (1918–1920).....	355
§ 2. Русский патриотизм в советской идеологии 1920-х гг.: «за» и «против»	386
§ 3. Трансформация патриотической идеи в 1930-е гг.	452
Глава X. Идеи патриотизма и национализма в общественной мысли Русского Зарубежья (<i>Антоненко Н. В.</i>)	561
Глава XI. Русский советский патриотизм в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1953) (<i>Кожевников А. Ю.</i>)	615
Глава XII. Позднесоветский консерватизм и русский национальный патриотизм в 1960-х – середине 1980-х гг. (<i>Кожевников А. Ю.</i>).....	666
Глава XIII. Национальный вопрос и межнациональные противоречия в годы перестройки. Крах «советского патриотизма» (1985–1991) (<i>Доброхотов Л. Н.</i>).....	722
§ 1. Национальный вопрос как часть вопроса о власти	725
§ 2. От локальных вспышек до общегосударственной проблемы.....	746
§ 3. Парадокс российского сепаратизма.....	752
Заключение (<i>Журавлев В. В.</i>)	765

ВВЕДЕНИЕ

Патриотизм и национализм... Сложно найти в социально-политическом словаре другие понятия, которые, будучи на слуху и на устах представителей самых различных социальных страт и политических сил российского общества на протяжении двух предшествующих современности столетий нашей истории, неизменно оставались бы столь аморфными. А по сути своей почти всегда субъективно окрашенными, социально и политически ориентированными. Иными словами, трудно поддающимися упорядоченному, четко структурированному истолкованию.

И это не случайно. Ибо несхожие трактовки искомых понятий на различных изломах и зигзагах истории и тем более реальные социальные действия по воплощению в жизнь содержащихся в их ткани идеологических убеждений, установок, требований всегда служили и продолжают служить непререкаемым инструментом как государственной политики, так и идейной и социально-политической борьбы в недрах российского социума. Оружием, незаменимым по своей универсальности и эффективности, степени воздействия не только на разум, но и на чувства самых различных категорий граждан.

Специфика любой исторической эпохи, ее запросы, вызовы и далеко не в последнюю очередь эмоционально окрашенные настроения диктуют не только содержание, но и формы проявления дискуссионных трендов, а также стремлений докопаться до сути тех ускользающих от требований формальной логики понятий и явлений, которые воплощены в казалось бы простых и всем однозначно понятных дефинициях «патриотизм», «национализм».

Приведем в связи с этим всего лишь один, но весьма показательный пример.

Сто лет назад – в 1916 году – в разгар Первой мировой войны и на закате могущественной Российской империи в журнале «Русская мысль» появилась статья богослова Д. Д. Муратова «Этюды о национализме». Автор статьи утверждал, что термин «национализм» в современной ему публицистике истолковывается совершенно неправильно как учение, нравственно оправдывающее нарушение идеи справедливости и прав других народов во имя любви к своему народу. Ставя фактически знак равенства между понятиями «патриотизм» и «национализм», он апеллировал к терминологии другого отечественного мыслителя – К. Н. Леонтьева, утверждавшего, что в случае с патриотизмом

речь идет не о любви-сострадании, а о любви-восхищении: «Не ты должен любить свой народ, но просто “люблю свою народность”»¹.

Пытаясь выявить и зафиксировать характер взаимодействия идей и проявлений национализма и патриотизма, Муратов связывал любовь к родине с половой любовью и заявлял, что в случае, когда ее объектом становится «исторический народ, тогда возникает вид политического исступления – “национализм”»².

Полемическая заостренность статьи Муратова заставила другого отечественного мыслителя Николая Васильевича Устрялова – либерала, конституционного демократа, будущего идеолога сменовеховства – подключиться к разговору на данную животрепещущую тему, в чем-то соглашаясь, а в чем-то дискутируя со своим оппонентом.

Явно не поддерживая трактовку исходных понятий в русле концепции «политического исступления», он в своей статье «К вопросу о сущности “национализма”», опубликованной в декабре 1916 г., утверждал: «Проблема любви к отечеству и “национальной гордости” приобретает в наши дни особенно жизненную остроту. Когда факт патриотизма становится непосредственно несомненен, осязателен для каждого, естественно, что каждый мыслящий человек стремится так или иначе этот факт осмыслить, выработать определенную теорию патриотизма»³.

Сделав определенную заявку на решение данной задачи, Устрялов прежде всего констатирует: «Величия и славы желаешь своей родине не в силу доводов рассудка (“не победит ее рассудок мой”), не на основании зрелого размышления, а просто как-то непосредственно, по неоспоримо ясному предписанию “внутреннего чувства”, ранее всяких соображений и рассуждений»⁴.

В итоге, фактически присоединяясь к концепции «национального эроса» в части того, что «любовь к родине ускользает от формул *рассудочно-логических и моральных*», что она «запредельна, “иррациональна”», мыслитель приходит к выводу, что «родина есть эстетическая категория»: «Факт любви к отечеству, необъяснимый ни с точки зрения системы природы, ни с точки зрения системы этики, может быть умозрительно выведен при помощи категорий эстетического познания»⁵.

В итоге предпринятая Устряловым очередная попытка «выработать определенную теорию патриотизма» в его связи с национализ-

¹ Муратов Д. Д. Этюды о национализме // Русская мысль. 1916. Кн. 1. С. 65.

² Там же. С. 67.

³ Устрялов Н. В. Избранные труды. М., 2010. С. 45.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 50. Если не оговорено особо, то здесь и далее во всех приводимых в книге цитатах курсив первоисточника.

мом так и осталась лишь одной из многих попыток. Вызовы же той эпохи вели общественное мнение в совершенно другом направлении.

За гранью приведенных и им подобных причудливых теоретических изысков происходили «грубые», реальные исторические процессы. Страна погружалась в бездну системного кризиса. Обильно лилась кровь на полях сражений непомерно затянувшейся Первой мировой войны. Разваливалась экономика, агонизировал транспорт. Последние месяцы доживал самодержавный режим, от которого отвернулись практически все социальные и политические силы страны. Общество сковало состояние беспомощности и отчаяния, требующее социально-психологической разрядки.

Все это толкало россиян, неравнодушных к судьбе своей страны и народа, занимать ту или иную позицию в охватившем все слои общества гражданском противостоянии. Руководствуясь при этом или осознанным в той или иной мере пониманием своего долга перед Родиной, или же (чаще всего) просто ориентируясь на это понимание, рожденное не столько разумом, сколько чувством («чувство Родины»).

Данный пример как нельзя лучше свидетельствует о том, что отголоски истины правомерно искать не в той или иной трактовке самих понятий и даже не в их интерпретации теми или иными социальными и политическими силами (хотя все это исследователю требуется четко осмыслить и установить). Суть проблемы заключается в познании исторической динамики модернизационных процессов, протекавших внутри российского общества. В выявлении алгоритма этих процессов, пробивающих себе дорогу в острой идейной борьбе и в яростных социальных битвах, освящаемых идеями патриотизма и национализма в их самой разнообразной, часто причудливой, конфликтной по отношению к иным истолкованиям трактовке.

Выявить эту динамику в строго историческом контексте – такова одна из главных задач данного, представляемого вниманию читателя исследовательского поиска.

При сохраняющейся спорности вышеприведенных теоретических постулатов Н. В. Устрялова свою несомненную значимость продолжает сохранять сама постановка им искомой проблемы: «Что такое любовь к отечеству, где ее корни, в чем ее смысл? Каким образом ее познать и должно ли ее оправдать или осудить? Если она подлежит оправданию, то в какой форме и в каком отношении? Как возможен истинный национализм?»

Ставя в повестку дня все эти вопросы, мыслитель заключает: «Так формулируется “критический вопрос”, на который современность требует ясного и отчетливого ответа»¹.

¹ Там же. С. 45.

Ровно сто лет прошло с той поры. И в силу стоящих сегодня перед нашей страной новых, но не менее острых внешнеполитических и назревших внутривнутриполитических вызовов второго десятилетия XXI в. эти проблемы приобретают, пользуясь терминологией Устрялова, «особенно жизненную остроту». Пробуждая, оживляя и *одушевляя* гражданские принципы и чувства всех неравнодушных наших современников и соотечественников, для которых «факт патриотизма» действительно становится *«непосредственно несомненным, осязателен»*.

В. В. Журавлев

Глава I. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ТИПОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ОТ М. В. ЛОМОНОСОВА ДО Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

§ 1. От российского патриотизма к русскому национализму

Приступая к такой злободневной теме, как русский национализм, исследователь сталкивается с двояким соблазном: или слишком поспешно погрузиться в эту злободневность, или начать совсем изда- лека, скажем, с «Повести временных лет», дабы легче было соблю- дать принцип *sine ira et studio*. Избегая этих крайностей, вспомним, что «Вначале было Слово», а так как «в русском языке слово *нация* <...> известно с Петровского времени»¹, то от него мы и будем от- правляться. Это не значит, что мы считаем время Петра I временем *рождения* русского национализма. Как *образ действий* он заявил о себе значительно раньше, в продолжительный период «превращения Московского удела в национальное великорусское государство»², но как *образ мыслей*, как *сознательный* национализм, он начал формироваться только в непосредственной связи с реформами Петра Великого.

Связь эта наложила свой отпечаток на всю последующую судьбу русского национализма и во многом определила его основные про- блемы. Одна из них выражена в известных словах Н. М. Карамзина: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случа- ях, гражданами России. Виною Петр»³. Следует, однако, признать, что Карамзин предъявил Петру не совсем справедливое обвинение. Ведь именно при Петре и после него, в течение всего XVIII столетия, рус- ским людям непрерывно напоминали, что они – «россы», «россияне», «сыны Российские», «российские чада», принадлежат к «роду рос- сийскому» и т. д. Простое слово *русские* оказалось практически вы-

¹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного рус- ского языка. М., 1993. Т. I. С. 562.

² Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2006. С. 195.

³ Карамзин П. М. О древней и новой истории. Избранная проза и публи- цистика. М., 2002. С. 389.

тесненным из лексики целой эпохи¹. Своего апогея это «вытеснение» достигло у М. В. Ломоносова, который в выступлениях против засилья иностранцев в Академии наук отстаивал особые права русских ученых в качестве «природных россиян». Тем не менее, с точки зрения развития русского самосознания, «российскую» риторику нельзя оценивать однозначно.

С одной стороны, эта риторика отдавала дань самому зримому для современников результату деяний Петра Великого – превращению Московского царства в могущественную европейскую державу, Российскую империю. *Причастность* к этому могуществу (*imperium*) каждого русского человека как раз и передавали слова «росс», «россиянин»; причастность не случайную, а «природную», органическую; причастность *сына* – «сына Отечества», как стали говорить именно в эту эпоху. Правда, человек, осознавший такую причастность, – это скорее *патриот*, чем *националист*. Однако чувство своей связи с чем-то более значительным, чем он сам, является элементом, *общим* для патриота и националиста. Выдвинув на первый план служение Отечеству как важнейшее общее дело всех русских людей, Петр спаял их в единство, притягательное, помимо прочего, и своей новизною. Поэтому совсем не случайно образ Петра как *национального героя* без труда затмил созданный его противниками образ «антихриста в немецком платье». Национально-героическое восприятие фигуры Петра I только усиливалось после его смерти. И настал день, когда его дочь Елизавета Петровна победоносно взошла на трон с обещанием «править Россией посредством русских людей», что и определило «прочность и популярность нового царствования, объявившего своим лозунгом верность традициям Петра Великого»². Таким образом, российский патриотизм естественным образом претворялся в русский национализм.

Но существовала и другая сторона «общего дела», состоявшего в самоотверженном служении Отечеству. Постепенно и все отчетливее проступал вопрос: что же является ценностью более высокого порядка: Российское государство или русский народ? Теперь национализм оказывается уже не союзником патриотизма, а скорее его оппонентом, ибо там, где один заявляет – *русские для России*, другой настаивает – *Россия для русских*.

Для выдающихся умов, сложившихся под прямым влиянием Петровской эпохи, само собой разумелось первое. В «сохранении и размножении российского народа <...> состоит величество, могуще-

¹ *Крестова Л. В.* Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике первой половины XVIII в. // Вопросы формирования русской народности и нации. Л., 1958. С. 253–296.

² *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. С. 539–540.

ство и богатство всего государства, а не в обширности. тщетной без обитателей»¹, – пишет Ломоносов в ноябре 1761 г. И. И. Шувалову. Отношение между государством и народом явно понимается как отношение *собственника* к его *собственности*. Ряд мер, предлагаемых Ломоносовым для сохранения и умножения этой собственности, демонстрирует его поразительное безразличие к русским народным обычаям, традициям, верованиям. Своего *nes plus ultra* это безразличие достигает в предложении Ломоносова «в России вселенский собор составить», который перенесет Великий пост (а значит, и Светлое Воскресение) с весны на более подходящее (с точки зрения биологических и хозяйственных ритмов) время года. Эту рекомендацию Ломоносов завершает восклицанием: «Российский народ гибок!» Может показаться даже, что Ломоносов иронизирует, но это не так; он просто последователен в своей верности духу петровских преобразований, всецело связанных с созданием могущественного и процветающего государства, *обладающего* жизнедеятельным населением.

Причем не обязательно русским. Ломоносов предлагает активнее привлекать «к поселению в России» иностранцев, причем речь идет не об отдельных лицах. «Пространное владение великой нашей монархини в состоянии вместить в свое безопасное недра целые народы»², – торжественно заключает Ломоносов, показывая, насколько буквально он понимал «российский народ» как «богатство», которое может прирастать не только органически, изнутри, но и механически, извне. Гениальный сын великой эпохи, Ломоносов последовательно, ясно и весьма рельефно выразил ее главную идею – идею Российского государства как высшей ценности. В лучах этой идеи другая идея – идея русского народа, и до того не существовавшая в качестве автономной идеи, *всецело* подчиненная до Петра идее народа «православного», продолжала светить лишь отраженным светом, теперь как идея народа «российского».

Но, достигнув своего апогея, патриотическое сознание начинает обращаться вглубь себя, к своим национальным корням; сын Отечества начинает ощущать себя и *сыном своего народа*, даже этим последним – в первую очередь. *Русское* уже не поглощается *российским*, но и не возвращается в лоно *православного*, а приобретает самостоятельное значение и достоинство – приобретает в несомненной связи с горячими спорами о выборе верного пути к литературному языку, адекватному новой исторической реальности. Народ, или «язык», обретает *субъектность*, пусть и не безусловную, в национальном языке.

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 384.

² Там же. С. 402.

Следует отметить, что в данном случае мы не шли по какому-то «особому пути». По словам американского исследователя, «формирование национального светского литературного языка, наряду с борьбой против иностранных влияний на него» происходило в период XVI–XVIII вв. в Италии, Франции, Германии, Англии, так что в этом отношении «развитие России вполне сопоставимо с западным» и выражает процесс «созидания культуры, сознающей себя и свое достоинство»¹.

В споре о том, каким должен быть русский литературный язык (а шире – язык русской культуры), участвовали, наряду с М. В. Ломоносовым, также В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков и другие выдающиеся писатели XVIII в. Его продолжили уже в XIX в. А. С. Шишков и Н. М. Карамзин, а также многочисленные «шишковисты» и «карамзинисты». «Творчество Пушкина подводит итоги этой полемики»², в том числе и в плане соотношения между «российским» и «русским». Конечно, Пушкину был чужд ригоризм литературных «направлений»; он безошибочно угадывал, когда *уместно* использовать архаичный «высокий штиль», вопрошая, например: «Кто устоит в неравном споре: // Кичливый лях иль верный росс?» Но там, где вопрос ставился с особой серьезностью, без тени улыбки, русский человек и русский народ неизменно назывались своим настоящим именем: «Иль русского царя уже бессильно слово? // Иль нам с Европой спорить ново? // Иль русский от побед отвык?» Тот факт, что русский народ и русский человек снова стали – по крайней мере на уровне литературной нормы – *русскими*, был глубоко важен; он выражал, если угодно, дух времени³. Дух, который становится *национальным духом* по мере того, как обретает способность видеть в народе реальность, самостоятельную по отношению к государству и даже *равноправную* с ним. Именно такой взгляд на народ мы находим у ряда мыслящих русских людей эпохи Екатерины Великой, когда в русском языке стало закрепляться понятие *нации*.

Выразительным памятником того, как русская культурная элита («an aristocracy of education and intellect», по выражению Х. Роггера) усваивала язык и дух национализма, является «Рассуждение о непрременных государственных законах» Д. И. Фонвизина, написанное

¹ Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Harvard University Press, 1969. P. 85.

² Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 184.

³ Характерно, что В. И. Даль сообщает с оттенком упрёка, что «россиянами» нас прозвали поляки, «а мы переняли это» и стали даже слово «русский» писать с двумя «с» вместо одного, как «встарь». См. статью: *Руский (русский)* в «Толковом словаре живого великорусского языка».

им, по-видимому, в начале 1780-х гг., когда в кругу братьев Паниных «неоднократно вставал вопрос о передаче власти Павлу – законному претенденту на русский престол»¹. Но сейчас нас интересует не сиюминутная подоплека «Рассуждения», а его общая идейно-политическая (и в каком-то смысле *философская*) установка.

Фонвизин отмечает, что «без непрременных государственных законов <...> нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей»². Это «политическое тело» он в дальнейшем называет *нацией*, используя это слово не менее десятка раз на страницах своего лаконичного текста. Он решительно подчеркивает право нации на восстание в том случае, когда из-за произвола государя и его «любимцев» она оказывается «в губительном положении». Право нации «разорвать свои оковы» Фонвизин связывает, вполне в духе времени, с идеей «общественного договора», который понимается им как «первобытный» договор между нацией и монархом. Последний «должен знать, что нация, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству», и это знание налагает *ответственность*, связанную с самой сутью монархии.

Акцент на «вольности» нации побуждает современного исследователя утверждать, что под нацией Фонвизин подразумевает не весь народ, а только «корпорацию российского дворянства»³. С этим, однако, нельзя полностью согласиться. Дворянство для Фонвизина – это «почтеннейшее из всех состояний», которое обязано «корпусом своим представлять нацию», именно *представлять*, а не *составлять*. В другом месте «Рассуждения» Фонвизин прямо связывает право на восстание против деспотизма и произвола с *народом*, заявляя: «Тиран, где б он ни был, есть тиран, и право народа спасать бытие свое пребывает вечно и везде непоколебимо»⁴. Тем самым подчеркивается если не синонимичность, то близость понятий «нация» и «народ».

Нельзя не обратить внимание и на то, что Фонвизин различает формальную и реальную «вольность», выступая с самой резкой критикой Запада. Вот что он пишет о Франции во время своего заграничного путешествия 1777–1778 гг.: «Первое право каждого француза есть вольность; но истинное настоящее его состояние есть рабство, ибо бедный человек не может снискать своего пропитания иначе, как рабскою работою, а если захочет пользоваться драгоцен-

¹ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.: Л., 1959. Т. 2. С. 680.

² Там же. С. 255.

³ Миллер А. И. История понятия *нация* в России // Понятия о России. К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2012. Т. II. С. 12.

⁴ Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 263.

ною своею вольностью, то должен будет умереть с голоду. Словом, вольность есть пустое имя и право сильного остается правом превыше всех законов»¹. И добавляет в другом письме: «Божество его (француза. – Н. И.) – деньги».

Но, конечно, автора «Рассуждения», даже с учетом его резких выпадов против западной действительности, никак нельзя считать «предшественником славянофилов»; нельзя, прежде всего, потому, что он признает за нацией право на политическое действие, причем самое радикальное, по сути революционное. И делает это еще до первых раскатов Французской революции. Опытный Фонвизин – чисто теоретически, еще без «подсказки истории» – *революционный потенциал национализма* стал впоследствии одной из главных причин недоверия, которое русское правительство нередко проявляло к национализму как таковому.

Влияние на Д. И. Фонвизина целого комплекса западноевропейских идей несомненно. И потому в словах о том, что «поиск национальной идентичности был одним из аспектов вестернизации русского общества»², есть несомненная доля истины, но далеко не вся истина. Национализм каждой нации коренится в ней самой. «Европейские влияния только пробудили те струны и силы, которые уже хранились в русских душах», – писал впоследствии Н. Н. Страхов в статье «Ход нашей литературы, начиная от Ломоносова», где отмечал также: «Век Екатерины был временем удивительного примирения двух противоположных начал, под действием которых развивалась Россия, – наплыва Европейского просвещения и ревнивого охранения своей самобытности, своей государственной силы, своих народных интересов»³.

Именно взаимодействие этих «противоположных начал» определило творческий путь целого ряда выдающихся русских людей, среди которых Страхов в первую очередь выделяет Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). Сначала он находился во власти космополитических убеждений, откровенно выраженных, например, в письме из Парижа в 1790 г.: «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое*, ибо я человек!»⁴ Но спустя

¹ Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 460.

² Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. P. 277.

³ Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Книжка вторая. СПб., 1883. С. 17, 39.

⁴ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 254. В примечаниях указано, что в первом издании «Писем» вместо *народное* стояло *национальное*. Отмечу также, что этноним «русские» написан у Карамзина с одним «с».

12 лет, в начале царствования Александра I, Карамзин размышляет на ту же тему уже в совершенно ином ключе. В статье «О любви к отечеству и народной гордости» (1802) он пишет: «Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне *смирненны* в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; *но русский должен знать цену свою*»¹.

А вот его важнейшее замечание на тему, которую можно назвать – несколько забегая вперед – темой нашей «всемирной отзывчивости»: «Мы никогда не будем умны чужим умом и славны чужою славою: французские, английские авторы могут обойтись без нашей похвалы; но русским нужно по крайней мере внимание русских». *Внимание русских к русским* для Карамзина важнее, чем внимание к чужому. Внимание последнего рода он не отвергает, он ценит в русском человеке качество *переимчивости*, но при этом подчеркивает: «Есть всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть *сам собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно!*»²

На протяжении всей статьи Карамзин то и дело сопоставляет народ и человека, а еще точнее – народ и отдельную личность. При этом он отчетливо видит именно в *личности* первоисточник «общественных» чувств: «любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма»³. Как и для Фонвизина, для Карамзина чувства *личного и национального достоинства* нераздельны, причем первое является предпосылкой второго. С таким взглядом согласятся впоследствии далеко не все, но и *персоналистический* взгляд, наметенный Карамзиным (пусть еще в достаточно наивной форме), найдет своих сторонников и получит более точное выражение и весомое философское обоснование.

Тот факт, что поворот к национализму сопровождался *поворотом к человеку*, в немалой степени объясняется тем, что для мыслящего националиста особый интерес представляет *национальная психология*. В связи с этим необходимо отметить размышления Петра Алексеевича Плавильщикова (1760–1812), талантливого актера, драматурга и публициста. В 1792 г. в журнале «Зритель» появилась его

¹ Карамзин П. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 94. Курсив мой. – П. И.

² Там же. С. 96–97.

³ Там же. С. 93–94.

статья с выразительным названием «Нечто о врожденном свойстве душ Русских». На деле автор говорит о целом комплексе свойств, отмечая, например, русское гостеприимство (которое позволяет иностранцам «жить весело за счет Российского добродушия и над ним насмехаться»). Но дело не ограничивается подобными, пусть и не лишёнными остроумиями, банальностями. Среди всех свойств «душ Русских» Плавильщиков выделяет «свойство, которое ни один народ не имеет; оно состоит в непостижимой удобности все понимать». При этом автор сразу подчеркивает: *понимать* – это совсем не то же, что *перенимать*, то есть «схватить только поверхность». «*Понимать* же значит проникать мыслями во внутренность дела, доходить до основания и ясно постигнуть умом его существо: в таком случае человек сам бывает творцом и может превзойти своего учителя»¹.

Читая слова «чего Русский не поймет, то будет навсегда сокрыто от всех племен земнородных», трудно, конечно, удержаться от улыбки. Но в данном случае преувеличение служит важной практической цели. Плавильщиков категорически возражает на основании сказанного против моды приглашать иностранцев в качестве воспитателей и наставников русского юношества. Возражает не только потому, что они склонны «вливать в Россиян ненависть и презрение к России». Даже если речь идет об иностранных учителях, свободных от этой склонности, они все равно будут воспитывать только *подражателей*, а не *творцов*; а «где нет творческого духа, там нет и произведения»². *Русское юношество должны воспитывать и обучать русские же наставники*, и это необходимо не только с нравственной точки зрения, но и с точки зрения самостоятельного культурного творчества.

Тема воспитания и образования русского человека *в национальном духе* постепенно выходит на первый план. Подобная тема является одной из важнейших для любой культуры, а в России она получила исключительное значение в силу того, что наша государственная мощь, очевидная уже к концу XVIII в., парадоксальным образом сочеталась с явным господством западных идей в области воспитания и образования дворянской и аристократической молодежи. И не только иноземных идей, но и самих иноземцев; говоря о царствовании Екатерины II, В. О. Ключевский отмечает «педагогическую монополию» французских гувернеров, которые по большей части внушали своим воспитанникам радикально «республиканские» принципы³.

Не внес существенных перемен и приток эмигрантов из той же Франции по мере усиления в ней революционного террора. Здесь

¹ Зритель. Ежемесячный журнал. Апрель. 1792. С. 168–169.

² Зритель. Февраль 1792. С. 10.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Пг., 1922. Т. V. С. 129–130.

уместно отметить, что во время Французской революции (как и много позже во время революции 1917 г. в России) немалая часть дворянства и даже аристократии упорно придерживалась не только либеральных, но и прямо «якобинских» убеждений. А там, где происходил отказ от этих убеждений, им на смену приходили взгляды столь же сомнительные. Ярким примером может служить знаменитый граф Жозеф де Местр (1753–1821), который ходил в якобинцах еще в 1795 г., когда ужасы революционного террора уже стали фактом истории¹. Но и превратившись в ультрароялиста, он продолжал оправдывать и даже восхвалять «революционное правительство» за то, что оно «закалило душу Французов в крови» и отстояло «целостность самого прекрасного царствия после Царствия Небесного»².

Однако с началом XIX в. ситуация в русском обществе начинает постепенно меняться. Хотя в деле воспитания молодых дворян продолжают доминировать иноземные учителя и иноземные идеи, растет число образованных русских людей, призывающих «коренным образом перестроить всю жизнь и все обычаи дворянского общества, чтобы обратить его к русской оригинальности, от которой мы удаляемся ежедневно»³. Выделенные слова принадлежат, как сообщает Н. И. Казаков, рано умершему поэту Андрею Ивановичу Тургеневу (1778–1801). Свой голос в защиту «русской оригинальности» подают А. Ф. Мерзляков, А. С. Кайсаров (автор труда «Мифология славянская и российская»), А. Ф. Воейков (предметом сатиры для которого служит «воспитанный французами дурак»). О том, что принятый в дворянской среде стандарт воспитания не способствует формированию достойных сынов Отечества, много писал и Федор Васильевич Ростопчин, будущий московский генерал-губернатор, в сочинениях которого, по-видимому, впервые прозвучал (еще в 1807 г.) призыв «стоять за веру, за царя и за отечество»⁴.

В публицистике начала XIX в. то и дело встречаются произведения практически забытых сегодня авторов, отмеченные глубокой мыслью в сочетании с сильным национальным чувством. Такова, например, статья Якова Андреевича Галинковского (1776–1816) «Мнение о характере Русских». Выражая свое намерение говорить

¹ Фагз Э. Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века. М., 1900. С. 1. Напомню, что сильное влияние идей де Местра испытал П. Я. Чаадаев.

² Местр Ж. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 24. Нетрудно заметить практически полное смысловое совпадение этих заявлений с доводами «национал-большевиков».

³ Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М., 1989. С. 24.

⁴ Ростопчин Ф. В. Ох, французы. М., 1992. С. 149.

«об общем свойстве целой Нации», Галинковский уточняет: «Тысячи бесхарактерных, испорченных Россиян не составляют еще целого народа; и когда мы знаем, что, может быть, два миллиона только преобразились в иноплеменных, *не своих*, то можем ли сомневаться, чтоб *двадцать* не было настоящих Русских: сохранивших нерушимо свой коренной характер»¹.

Но в чем суть этого характера? Перечислив, подобно Плавильщикову, ряд «добрых свойств» русского человека, Галинковский доходит до главного: «Вообще Русский, сколько может один отвечать за всю Нацию, есть совершенный *Еврипидов человек*: он таков, как есть, не таков, как должен быть»². Чтобы понять настоящий смысл этих слов, надо вспомнить, что здесь имеется в виду следующее место в «Поэтике» Аристотеля: «Софокл говорил, что сочиняет людей такими, как они должны быть, а Еврипид – как они есть»³. В этом споре Галинковский принимает сторону Еврипида. Если Софокл изображает человека с точки зрения его соответствия некой идеальной норме, то для Еврипида важнее всего подлинность человеческого существования, право и способность человека *быть самим собою*. По мнению Галинковского, у русского человека стремление к *самобытности* проявляется особенно сильно, даже составляет условие *sine qua non* его общественного и личного бытия. Поэтому для русских совсем не естественно *подражание*, которое, тем не менее, «превратилось у нас в совершенную язву» под влиянием «нынешнего нашего воспитания». В то же время автор призывает не преувеличивать глубину этой «язвы» и подчеркивает то сопротивление, которое национальная природа русского человека оказывает ложному космополитическому воспитанию: «Одна наружность погибла; коренные мнения и свойства остались те же»⁴.

Как уже отмечалось, тогда же, в самом начале XIX столетия, распрощался с идеями космополитизма Н. М. Карамзин – и приступил к систематическим занятиям русской историей, создав в итоге «Историю государства Российского» – «первый цельный взгляд на русское историческое прошлое»⁵. Значение этого произведения как «катализатора» роста русского национализма огромно; впрочем, и в этом случае на русской почве проявилась общеевропейская тенденция, ибо «историография играла важнейшую роль в формировании национального сознания и национальных чаяний по крайней

¹ Корифей, или ключ литературы. СПб., 1802. Ч. I. С. 159–160.

² Там же. С. 165.

³ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 676–677.

⁴ Корифей, или ключ литературы. С. 174.

⁵ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. С. 22.

мере еще с эпохи Ренессанса»¹. Конечно, у Карамзина был ряд предшественников, среди которых необходимо отметить немецких ученых, посвятивших себя изучению русской истории. Сохранилось немало свидетельств того интереса и сочувствия, с которым их деятельность воспринималась видными представителями русской культуры. Так, В. А. Жуковский, назвавший Карамзина «воскресителем прошедших веков бытия нашего народа», сообщал в 1810 г. о том, что «прочитал с жадностью» первую часть сочинения Августа Шлецера «Нестор» и собирается теперь изучать русские летописи, чтобы при этом «особенно следовать за образованием русского характера». В том же письме Жуковский резюмирует взгляд на историю, сложившийся у него при чтении «Нестора»: «Политические происшествия можно назвать воспитанием того отвлеченного существа, которое называют *нацией*»².

В спорах о русской истории особое место занял вопрос о так называемом призвании варягов, который по существу заключал в себе два вопроса: вопрос об этнической принадлежности первых князей и вопрос о том уровне цивилизации, на котором находились тогда восточные славяне. Ломоносов эти моменты не различал и был убежден, что допускать «призвание» значит считать, что «до призвания князей русские не знали цивилизации и ею обязаны германскому элементу»³. Но уже современник Ломоносова Василий Никитич Татищев (1686–1750) отчетливо разделял эти моменты. Поэтому он, с одной стороны, включил в свою «Историю Российскую с самых древнейших времен» текст работы основоположника «норманнской теории» Г. С. Байера «О варягах», но с другой – отстаивал древность славянской культуры, ссылаясь на античных и византийских авторов.

Другой видный предшественник Карамзина, Иван Никитич Болтин (1735–1792), стал автором двух обширных трудов по русской истории, написанных после того, как француз Леклерк (*Le Clerc*), осыпанный милостями при дворе Екатерины II, выпустил многотомный трактат, «со страниц которого Россия представляла последним оплотом невежества и деспотизма в Европе»⁴. Возражая Леклерку, Болтин развивает «первую в России философию истории»⁵, в которой нетрудно заметить влияние идей Просвещения, поставленных,

¹ Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. P. 186.

² Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 468–469.

³ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Мн., 1997. С. 161.

⁴ Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. P. 228. Примером может служить абсурдное утверждение Леклерка, что в России «функции правительства узурпированы духовенством».

⁵ Там же. P. 230.

так сказать, на службу Отечеству. Особенно энергично Болтин подчеркивает тезис о неизменной, всегда и везде одинаковой *природе человека*: «Добродетели и пороки суть всех веков и всех народов. Видим мы образцы редкие добродетели в самых грубых, и самые ужасные злодеяний примеры в наипросвещеннейших народах, и едва ли в сих не чаще»¹. Различия между народами Болтин связывает исключительно с природно-географическими факторами. Таким образом, ссылка на единство *нравственной* природы людей позволяет Болтину отвергнуть принципиальное отличие России от Европы, показывая, что «для каждого явления русской истории можно найти параллель в истории Запада»². Одновременно, с учетом разницы в природных условиях, теряют силу главные обвинения в адрес России, например, обвинение в стремлении непрерывно расширять свои границы. По этому поводу Болтин замечает: «О России судить, применяясь к другим государствам Европы, есть то же, что шить на рослого человека платье по мерке, снятой с карлы»³.

Нетрудно заметить основное различие между философско-историческими взглядами Болтина и Карамзина. У Болтина все нравственное, все духовное в человеке – *общечеловечно*, не имеет отношения к его национальности, которая рассматривается как чисто биофизический фактор. В этом отношении Болтин – прямой предшественник «западников». Совершенно иначе у Карамзина. В основе его «философии истории» лежит убеждение в том, что «дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости»⁴. Карамзина нередко обвиняли в том, что он написал историю *государства*, а не историю *народа*. Но основанием государственного могущества был для Карамзина именно дух народа, сознание своего национального достоинства и способность его отстаивать перед врагом; об этом свидетельствует множество страниц его «Истории». Характерно, что представитель позднейшего либерального славянофильства Орест Миллер, категорически отрицая национализм своих учителей – классических славянофилов, утверждал, что именно «Карамзин подходил к тому, что называется теперь *националом* <...>. Наши теперешние “националы” – это лже-славянофилы. Они скорее *ново-карамзинисты à la Bismark*»⁵.

¹ Болтин Н. И. Критические примечания на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794. С. 82.

² Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. P. 233.

³ Болтин Н. И. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. II. С. 152.

⁴ Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 388.

⁵ Миллер О. Основы учения первоначальных славянофилов // Русская мысль. Март 1880. Раздел «Русская жизнь». С. 43.

Вместе с тем очевидно, что в своей «Записке о древней и новой России», составленной накануне наполеоновского нашествия, Карамзин выразил ряд идей, впоследствии развитых славянофилами. Основное *настроение* автора «Записки» – это резкое, даже беспощадное осуждение «правительства» за унаследованную от Петра I «излишнюю любовь его к государственным преобразованиям», проводимым по европейским образцам. Если молодой Карамзин считал, что нападки на Петра – это «жалкие *Иеремиады*», которые «происходят от недостатка в основательном размышлении»¹, Карамзин зрелый находит в деяниях преобразователя России только «блестящие ошибки». Впрочем, «действия нынешнего царствования», с точки зрения Карамзина, ничуть не лучше; с особой энергией он обрушивается на М. М. Сперанского (не называя его по имени) за намерение изменить русское законодательство в духе «Кодекса» Наполеона. Но почти сразу выясняется, что Карамзин считает ненужным законотворчество *как таковое*: «Для старого народа не надобно новых законов». И наконец, доводя свою мысль до логического завершения, он произносит знаменательные слова: «Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности <...> Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны»². Здесь впервые отчетливо звучит мысль о несовместимости «русского духа» с правовым «формализмом». Высшим воплощением принципа, согласно которому «не бумаги, а люди правят», Карамзин считает личность российского монарха: «В России государь есть живой закон <...> В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное»³. Отголоски этих слов мы будем неоднократно слышать в дальнейшем.

Целый ряд положений «Записки» Карамзина не позволяет, однако, считать ее ни «преамбулой» к славянофильству, ни выражением последовательного национализма, который ясно намечался в его статье «О любви к отечеству и народной гордости». В национализме есть тот динамизм, то сочетание традиции и творчества, то сознание *ценности развития*, перехода в новое качество бытия, которого явно не хватает чистому (если не сказать – стерильно чистому) *консерватизму* «Записки». А самое важное отличие от славянофильства состоит в том, что в «Записке» практически отсутствует *религиозный* момент; Карамзин лишь мимоходом отмечает значение «веры христианской», но никак его не акцентирует. В этом, конечно, снова проявилась связь русских писателей XVIII и начала XIX столетия с за-

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 254.

² Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 427.

³ Там же. С. 430.

падноевропейским Просвещением; ведь то же самое можно сказать и об авторах, рассмотренных нами ранее. Правда, упоминает о вере граф Ростопчин, но его боевые тирады слишком поверхностны, чтобы делать из них далеко идущие выводы.

В этом отношении показателен текст, в котором связь патриотических чувств с религией подчеркивается, на первый взгляд, весьма решительно: речь под названием «Рассуждение о любви к Отечеству», произнесенная Александром Семеновичем Шишковым (1754–1841) в декабре 1811 г.¹ Шишков стремится включить любовь к Отечеству прямо в число *христианских ценностей*, но делает это не слишком удачно. По его мнению, ради этой любви – и только «в сем едином случае» – Бог позволяет *нарушать* заповедь любви к врагам и «повелевает нам проливать свою и чужую кровь»². Шишков считает даже, что религия поддерживает «надежду на бессмертие» с той главной целью, чтобы «христолюбивые воины» бесстрашно шли на смерть «за Церковь, за Царя, за Отечество». Пройдет время, и именно подобное «военизированное» христианство станет легкой добычей для Льва Толстого.

Впрочем, у веры есть соратник – *язык*: «Народ Российский всегда крепок был языком и верою; язык делал его единомысленным, вера единокорным»³. Мы узнаем соотечественника по языку, и воин «посреди лютой брани» не поражает врага, услышав от него мольбу о пощаде на «отечественном языке». Язык оказывается, таким образом, великодушнее веры. От языка прямо зависит и успех воспитания, ибо «ученый чужестранец <...> не может вложить в душу нашу огня народной гордости», даже если захочет; он просто не найдет *нужных слов*, которые должны «пламенную рекою литься из души моего учителя»⁴. В общем и целом любовь к отечественному языку засвидетельствована у Шишкова убедительней, чем «пристрастие» к отечественной вере.

Между тем на горизонте уже ясно виднелось грозное облако «третьей, весьма опасной войны с Наполеоном», как отмечал Карамзин. Отмечал, еще надеясь, что это облако минует Россию, «хотя бы с утратой многих выгод т. н. чести, которая есть только роскошь сильных государств и не равняется с первым их благом или целостью бытия»⁵.

¹ Именно к А. С. Шишкову было впервые применено слово «славянофил» поэтом К. Н. Батюшковым в стихотворении «Видение на берегах Леты» (1809).

² Чтение в Беседе любителей Русского слова. СПб., 1812. Кн. 5. С. 38.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 434.

В этих словах «любовь к отечеству» входит в осязаемое противоречие с «народной гордостью», патриотизм – с национализмом.

Гроза, однако, пришла, и Россия выдержала ее, ни в чем не поступившись своей честью. Вот первый, самый очевидный факт: испытание с честью выдержали и правительство, и дворянство, и народ в целом¹. При этом особое значение получило именно общее всем сословиям «чувство оскорбленной народной гордости», которое гениально передал Л. Н. Толстой в «Войне и мире». Для сравнения: если эпохальная победа над Карлом XII была *военно-политической* победой Петра I, создавшего русскую армию нового типа, то победа над Наполеоном I была именно *народной победой* – и не только потому, что простой народ активно участвовал в борьбе с захватчиками. В этой борьбе решалась судьба самой *идеи народа* – вот суть дела. В 1869 г., в первой статье, посвященной «Войне и миру», Страхов напишет об этом так: «Французы явились как представители космополитической идеи, – способной, во имя общих начал, прибегать к насилью, к убийству народов; русские явились представителями идеи народной, – с любовью охраняющей дух и строй самобытной, органически сложившейся жизни. Вопрос о национальностях был поставлен на Бородинском поле, и русские решили его здесь в первый раз в пользу национальностей»². В этих словах нет никакого преувеличения. Историю XIX в. как *века национальностей* в немалой степени определил русский народ: при ином исходе его борьбы с захватчиком космополитическая идея «мирового порядка» утвердилась бы значительно раньше.

Так что же? Получается, что и мрачные предчувствия Н. М. Карамзина, и размышления в стихах и прозе об «испорченных россиянах» оказались «жалкими *Иеремиадами*», не имевшими под собою серьезных оснований? На первый взгляд дело обстояло именно так. Однако уже ближайшие годы обнаружили недостаточность стихийного, инстинктивного национального чувства без ясного национального самосознания.

Прежде всего, русское правительство поставило выше русских национальных интересов обязанность «внести в политическую жизнь умиротворенной Европы начала христианской любви и правды»³. Но «попытка подчинить право и политику велениям морали и ре-

¹ Слово «народ» стало «сравнительно широко распространяться в русской печати лишь с Отечественной войны 1812 г.», причем под народом понималась «совокупность всех сословий страны, то есть дворян, духовенства, купцов, мещан и крестьян», см.: *Казakov Н. И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи. С. 23.

² *Страхов Н. Н.* Литературная критика. М., 1984. С. 285–286.

³ *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. С. 649.

лигии», продолжает историк, привела лишь к тому, что под эгидой «Священного союза» происходило «подавление всякого национального движения», а «стоявший во главе Союза Александр, казалось, стал и во главе европейской реакции». Тем самым был искажен основной смысл победы над Наполеоном; искажен, поскольку *неверно понят*, связан с идеей легитимности, а не с идеей национальности. Политический «имидж» России был серьезно подпорчен, чем не преминули воспользоваться уже в следующем царствовании ее исторические противники с Англией во главе.

Еще более опасный для *внутренней* жизни России процесс стал стремительно развиваться в дворянской среде, где недостаток ясного, прошедшего испытание серьезной рефлексией, национального самосознания привел к неестественному симбиозу стихийного национального чувства с космополитическим образом мыслей. Продуктом этого симбиоза стал «декабризм».

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть: рассмотренный период истории русской мысли, в начале которого стоит мощная фигура М. В. Ломоносова, а в конце – столь же внушительная фигура Н. М. Карамзина, был периодом *зарождения* практически всех основных проблем и ключевых вопросов национального самосознания. Рядом с освященными веками «идеологией» православия начинается *независимый* рост идеологии патриотизма, а вместе с нею пробиваются первые ростки идеологии национализма; там же, где есть национализм, непременно заявит о себе и космополитизм. Размежевания и сплетения этих идеологий неотделимы от вопросов об отношениях нации и личности, нации и государства, нации и отдельных сословий. Но первым вопросом, который был ясно осознан в рассмотренный период, был вопрос о *воспитании и образовании русского человека*. Важнейший шаг к углублению этого вопроса на следующем этапе русской истории совершила верховная власть в лице Николая I и его ближайшего соратника графа С. С. Уварова. Но сначала новому русскому императору пришлось выдержать испытание, которое в глазах многих историков определило теневые стороны его царствования, но без которого, возможно, не вышла бы так стремительно на первый план *ключевая идея русского национализма – идея народности*.

§ 2. Призрак «декабризма» в русской национальной идеологии

Обзор даже важнейших мероприятий, проведенных под началом Николая I во внутренней жизни России, выходит за пределы данной главы. Отмечу только, что в ряде отношений его деятельность фактически соответствовала рекомендациям Карамзина, а точнее – тем

рациональным элементам, которые заключались в «Записке о древней и новой России». Так, М. М. Сперанский, вернувшийся при новом императоре к законотворческой деятельности, взял за основу уже не кодекс Наполеона, а «сначала собрал все законы, изданные с 1649 г., а затем из этого собрания законодательного материала составил систематический свод действующих законов»¹, то есть совершил именно то, что и предлагал Карамзин. Определенное сходство с советами Карамзина можно заметить и в мероприятиях, позволивших восстановить финансовую сферу (под непосредственным руководством Е. Ф. Канкрин), и в мерах по облегчению положения крестьянства, связанных с именем П. Д. Киселева.

Лишь один призыв Карамзина не был услышан новым русским царем: он совсем не спешил «возвышать сан дворянства»; более того, не сразу, но все яснее император давал понять, что не считает дворянство *как сословие* надежной опорой власти. Непосредственной причиной такого отношения явилось так называемое восстание декабристов, с которого и началось царствование Николая I. Дело, однако, не только в самом факте военного мятежа. С замечательной ясностью пишет о ситуации «после 14 декабря» С. Ф. Платонов. Отметив, что «далеко не вся интеллигенция сочувствовала бурным планам декабристов», он продолжает: «Но разгром декабристов болезненно отразился не на одном их круге, а на всей той среде, которая образовала свои взгляды и симпатии под влиянием западноевропейских идей. <...> Поэтому как бы хорошо ни зарекомендовала себя новая власть, как бы ни была она далека от уничтоженной ею «аракчеевщины», она все-таки оставалась для людей данного направления карающей силой. А между тем именно эти люди и стояли во главе умственного движения той эпохи. Когда они сгруппировались в два известных нам лагеря «западников» и «славянофилов», оказалось, что оба эти лагеря одинаково чужды правительственному кругу, одинаково далеки от его взглядов и работ и одинаково для него подозрительны»².

Таким образом, не только Николай I проникался, по мере того как выяснялись масштабы заговора, недоверием к дворянской среде, но и сама эта среда, включая и ряд ведущих представителей «умственного движения той эпохи», начала смотреть на молодого царя не просто с недоверием, а с ужасом, как на *карающую силу*, и встала в оппозицию даже к тем начинаниям правительства, которые отвечали ее собственным самым существенным *умственным запросам*.

Но об этом далее, а сейчас необходимо отметить, что значение декабризма не исчерпывается его весомым «вкладом» в отчуждение

¹ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. С. 659–660.

² Там же. С. 666.

между правительством и значительной частью интеллектуальной элиты. Не менее важно и другое: феномен декабризма была далеко не второстепенным (хотя и крайне болезненным) моментом в росте русского национального самосознания. Специфический характер этого момента яснее всего выражен в таком принципиальном документе, как «Русская Правда» П. И. Пестеля.

Говоря об этом документе, современный автор отмечает, что та его часть, которая посвящена *национальному вопросу в России*, была «фактически проигнорирована» в научных исследованиях советского периода¹. И не мудрено: в этой части своего сочинения Пестель был актуален совершенно недопустимым по советским понятиям образом.

«Русская Правда или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского» определяет *народ* следующим образом: «Народ есть совокупность всех тех Людей, которые принадлежат к одному и тому же Государству, составляют Гражданское Общество имеющее целью своего существования, возможное Благоденствие Всех и каждого»². Из этого определения совершенно ясно, что Пестель отождествляет национальность и гражданство, то есть принадлежность к тому или иному государству. Это отождествление встречается в западноевропейской политической мысли начиная по крайней мере с XVII в., а в наши дни оно фактически возведено в своего рода «международную норму». «Западным политикам просто непонятно различие государства и нации»³, – отмечал немецкий историк, анализируя проблемы послевоенной Европы. Впрочем, то, что он считал дефектом западного политического менталитета, современная американская исследовательница Лия Гринфельд оценивает сугубо положительно и с нескрываемым восторгом пишет о том, что еще «около 1600 года» в Англии «страна» определялась как нация, нацию определяли как «страну»⁴. Этот бесхитростный *circulus vitiosus* кажется ей вершиной политической философии, до которой так и не поднялась «континентальная мысль».

¹ Денисова Н. Д. Национальный вопрос в конституционном проекте П. И. Пестеля «Русская Правда». М., 2004. С. 12.

² Восстание декабристов. Документы. 1958. Т. VII. С. 116. Цитируя «Русскую Правду», я сохраняю орфографию и пунктуацию указанного издания.

³ Lemberg E. Osteuropa und die Sowjetunion. Geschichte und Probleme. Salzburg, 1956. S. 133. Под «Западом» Лемберг понимает ведущие державы к западу от Германии, то есть Францию, Великобританию и США. Такое понимание «Запада» и «Востока» типично для национально-консервативной немецкой мысли.

⁴ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008. С. 34.

Мы видим, однако, что П. И. Пестель этой «вершины» достиг. Конечно, он понимает, что современная ему Россия еще очень далека от подобного идеала. Обдумывая путь к его достижению, Пестель предлагает различать «право Народности» и «право Благоудобства». Первое из них означает право народов «составлять особые Государства», а второе – право уже существующих государств принимать все меры «для утверждения (своей) Безопасности»¹. Пестель знает, что в этих правах выражены «два противоположных желания», конфликт между которыми может повести к самым неприятным последствиям в государстве, состоящем из «многочисленных племен». Чтобы избежать этого конфликта, необходимо ограничить *сферу применения* «права народности», а именно: «право Народности существует истинно для тех только Народов которые пользуясь оным, имеют возможность оное *сохранить*». Но как решить, существует или нет такая возможность для данного народа? Пестель предлагает учитывать два момента, исторический и демографический. Те народы, которые «никогда не пользовались <...> самостоятельной независимостью» и к тому же являются «маленькими Народами», вряд ли способными сохранить независимость, даже если ее подарит случай, поступят мудро, если «совершенно сольют свою Народность с народностью Господствующего Народа, составляя с ним один Народ»².

Обратим внимание: Пестель не предлагает образовать из различных народов, входящих в данное государство, некий «многонациональный» народ, подобно тому, как через столетие был образован «советский народ». Он требует именно слияния с «Господствующим Народом»; поэтому можно в определенной степени согласиться с замечанием А. И. Миллера, что руководитель Южного общества предложил «самую радикальную ассимиляторскую программу». Однако радикализм этой программы под стать ее *утопизму*, а еще вернее – ее абсолютной *беспочвенности*. Чтобы убедиться в этом, проследим дальнейший ход мысли автора «Русской Правды».

Делая исключение только для Польши, которой одной «должна Россия даровать независимое существование», Пестель приступает к рассмотрению проблем, связанных со слиянием всех племен с «Коренным Народом Русским». Под последним имеется в виду «Племя Славянское», состоящее из пяти «оттенков»: это «так называемые собственно Россияне, населяющие губернии Великороссийские», «белорусцы», украинцы, малороссияне и «руснаки». *Всех остальных* он рассматривает не как коренное население России, а как «Племена, к России присоединенные». В частности, проблему

¹ Восстание декабристов. Т. VII. С. 121.

² Там же. С. 122.

«Народов Кавказских» Пестель предлагает решить путем их разделения на «мирных» и «буйных»; последних необходимо «силою переселить во внутренность России раздробив их малыми количествами по всем русским Волостям», а их земли передать «русским переселенцам».

Еще любопытнее соображения, высказанные Пестелем о «Народе Еврейском». Он подчеркивает сплоченность евреев, основу которой составляет религиозное убеждение в том, что «они предопределены все прочие Народы покорить и ими обладать»¹. Поэтому евреи не считают, что они связаны какими-либо юридическими и нравственными нормами в отношениях с людьми другого племени: «нет тех обманов и фальшивых Действий, коих бы они себе не позволяли». Чтобы изменить эту ситуацию, необходимо собрать совещание «ученейших рабинов и умнейших Евреев», которым будет предложено *добровольно* отказаться от практики кагала и других обычаев, противоречащих «Коренным Правилам», общим для всего населения России. В случае их несогласия остается лишь одно решение «еврейского вопроса», которое «состоит в содействии Евреям к Учреждению особого отдельного Государства в какой-либо части Малой Азии»; подобное переселение «свыше двух миллионов» Пестель считает задачей трудной, но вполне осуществимой. Огромное число «переселенцев» даже имеет тот плюс, что им «не трудно будет преодолеть все Препоны как-кие Турки могут им Противопоставить».

Конечно, это крайние меры, связанные с особым противодействием «обрусению» (как выражается Пестель) со стороны горцев и евреев. В общем и целом для достижения «непременной цели» нового правительства – «чтобы обитатели целого пространства Российского Государства *все* были Русские» – будет достаточно трех основных средств. Во-первых, необходимо, чтобы на этом пространстве «господствовал один только язык российский»; все остальные языки должны быть каким-то образом изъяты из обращения. Во-вторых, Пестель предлагает отказаться от особых «племенных» названий для всех народов, кроме русского: необходимо, «чтобы все сии различные имена были уничтожены и везде в *общее Название* Русских воедино слить». Наконец, в очередной раз подчеркивается необходимость того, чтобы повсюду действовали «одни и те же Законы, один и тот же образ Управления». И хотя – как средство русификации – это требование названо третьим, совершенно ясно, что именно оно является для Пестеля основным.

Именно в связи с этим требованием Пестель формулирует центральную идею философско-политической концепции декабри-

¹ Восстание декабристов. Т. VII. С. 146.

стов. Он пишет: «Опыты всех веков и всех Государств доказали что Народы везде бывают таковыми, каковыми их соделывают правление и Законы, под коими они живут»¹. Именно вера во всемогущество законов (а по сути – в государственное принуждение) определяет в первую очередь и радикализм, и утопизм взглядов Пестеля на «национальный вопрос», диктует ему категорический императив: «Все племена должны быть слиты в один Народ». В то же время нельзя забывать, что Пестель, как и многие другие декабристы, соединял веру в просветительские догматы с романтическим мироощущением, для которого характерно особое внимание к фактору национального языка. Поэтому он предложил всем племенам России говорить исключительно по-русски, *вливаясь* в русский народ, забыв «свою прежнюю бессильную Народность» при вступлении «в новую Величайшую Народность». Таким образом, лишено почвы пафосное утверждение Лидии Гинзбург: «Декабристская народность – это национальная самобытность и в то же время гражданственность»². Никакой положительной *национальной самобытности* Пестель не признает; не видит он ее и в русском народе, которому отдается предпочтение только потому, что это самый большой и самый сильный народ России. В конечном счете все снова сводится к государству, и вполне права современная исследовательница «Русской Правды», когда подчеркивает: «Важнейшая задача, поставленная в конституционном проекте, – *достижение единства в государстве*»³. Можно сказать и сильнее: в глазах Пестеля это не просто важнейшая, а *единственная* задача всех намеченных преобразований. Задача, состоящая в том, чтобы «вся Россия на целом своем пространстве являла бы вид Единородства, Единообразия и Единомыслия»⁴. К Пестелю можно с полным основанием отнести слова, сказанные впоследствии Н. Н. Страховым о В. С. Соловьеве, – он был *ослеплен идеей единства*.

Правда, некоторые современные авторы пытаются придавать планам Пестеля позитивное значение, как это делает та же Н. Д. Денисова, утверждая, в частности: «Актуальным остается положение Пестеля об особой роли русского народа, который должен исполнять особую обязанность по поддержанию российского государства в интересах всех его граждан, независимо от национальности, а поэтому ему должны быть предоставлены дополнительные возмож-

¹ Там же. С. 149.

² *Гинзбург Л. Я.* О проблеме народности и личности в поэзии декабристов // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. М.; Л., 1960. С. 59.

³ *Денисова Н. Д.* Национальный вопрос в конституционном проекте П. И. Пестеля «Русская правда». С. 294.

⁴ Восстание декабристов. Т. VII. С. 149.

ности для этнического сохранения и развития»¹. Совершенно непонятно, однако, каким образом русский народ будет сохраняться *этнически* путем *слияния* со всеми другими народами России. Как этнически, так и *культурно* он будет только утрачивать свое своеобразие, свою «русскую оригинальность», превращаясь в некий *новый* народ (как невольно проговаривается Пестель), русский только по имени, *номинально*.

Планы Пестеля по превращению России в совершенно однородное, во всех отношениях «единообразное» государство нельзя не признать, при внимательном к ним отношении, столь же сомнительными с точки зрения национально-русских интересов, как и планы Никиты Муравьева по созданию на месте России рыхлой федерации из 15 «держав». Несомненно, что Николай I был знаком и с теми, и с другими планами. В самом начале своего царствования он получил возможность убедиться в том, что идеи народа и народности (нации и национальности) вошли в самый радикальный политический дискурс не только на Западе, но и в России, в дворянскую среду, пропитанную смесью просвещенческих и романтических представлений. Поэтому требовалось ясно определить отношение власти к этим идеям, или отбросив их, или приняв в состав государственной идеологии.

§ 3. «Будьте истинно русскими!» Национальная революция «сверху»

Борьба с Наполеоном приняла ярко выраженный национально-освободительный характер в Испании, в Германии и, наконец, в России. Но и после падения Наполеона стремления к национальной независимости и к национальному единству громко заявляли о себе в целом ряде европейских стран. «Скоро то германские студенты, то испанские кортесы, то итальянские карбонары, то турецкие сербы и греки начали тревожить сонный покой Священного Союза»². А в это время Александр I простодушно уверял Шатобриана: «Не может быть более политики английской, французской, русской, прусской, австрийской: есть только политика общая, которая должна быть принята и народами, и государствами»³.

Император Николай I с его трезвым взглядом на положение дел ясно видел, что национализм становится первостепенной политиче-

¹ Денисова Н. Д. Национальный вопрос в конституционном проекте П. И. Пестеля «Русская правда». С. 291–292.

² Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. V. С. 200.

³ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 461.

ской силой. Вопреки распространенному мнению, даже во внешней политике новый русский царь не стал заложником легитимизма, хотя и хранил рыцарскую верность принципу *pacta servanda sunt*. Тем не менее, «тотчас по вступлении на престол, император Николай провозгласил свое право рассчитаться с Турцией <...> Поступая таким образом, государь несомненно действовал в духе традиционной исторической политики России, завещанной ему величайшими из его державных предков, Петром и Екатериной»¹.

Но наиболее важные действия были предприняты во внутренней политике. Направление первых шагов нового императора в этой области ясно отражает Манифест от 13 июля 1826 г. В самом начале манифеста отмечается, что в мятеже декабристов «явилась нам тайна зла многолетнего», поэтому его «укрощение» военной силой и наказание преступников никоим образом не означают, что это зло побеждено окончательно. На очереди – следующая задача, которая формулируется так: «Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей. Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать <...> сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец – погибель. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам»².

Заметим, что речь идет о действительно общенациональной, а не узко правительственной задаче. Об этом говорят и следующие слова манифеста: «Дворянство, ограда престола и чести народной, да станет и на сем поприще, как на всех других, *примером всем другим состояниям*. Всякий его подвиг к усовершенствованию отечественного, природного, не чужеземного воспитания Мы примем с признательностью и удовольствием»³.

Очевидно, что в тот момент Николай I искренне рассчитывал на активное содействие дворянства; в том же 1826 г. Николай I обращается к ряду представителей русской культурной элиты с просьбой изложить свои взгляды на задачи и методы воспитания. Среди представленных ему ответов выделяется записка А. С. Пушкина «О народном воспитании». Ее автор безоговорочно осуждает «преступные заблуждения» декабристов и считает необходимым «защитить новое, возрастающее поколение» от тех идей, которые превратились в «замыслы более или менее кровавые и безумные»⁴. Вместе с тем он пи-

¹ Там же. С. 463.

² Император Николай Первый. М., 2002. С. 141.

³ Там же. Курсив мой. – Н. И.

⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. VII. С. 42–43.

шет: «Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества: воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла». Поэтому «молодой человек <...> входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил: всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние». Вот причина, по которой «мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания»: они лишь заняли то свободное пространство, которое оставалось в умах, лишенных «основательных знаний».

По мнению Пушкина, эту пустоту должно ликвидировать в первую очередь изучение истории. Что касается всеобщей истории, то здесь необходимо «показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных». Особое значение имеет изучение отечественной истории, которую «должно преподавать по Карамзину. “История государства Российского” есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским <...> Изучение России должно преимущественно занять в окончателные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою»¹.

Настроение Пушкина оказалось созвучным и настроению молодого императора (который был только на три года старше поэта): в познании «духа народов» и особенно в познании *духа своего народа* во всей полноте его культурно-исторических свершений царь и поэт увидели одну из важнейших задач *народного воспитания*. А через 7 лет реальность русской нации как самостоятельной исторической силы была официально признана, получив статус особого начала русской жизни – *начала народности*. Тем самым русский национализм был фактически провозглашен обязательным элементом государственной идеологии. Но прежде чем рассмотреть эту ситуацию ближе, уместно затронуть вопрос о происхождении судьбоносного слова – народность².

«Автором» этого слова принято считать князя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), поэта, критика и мемуариста, который позже, в начале царствования Александра II, занимал должность това-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. VII. С. 48.

² Что касается его самого общего значения, которое оставалось *основным* на протяжении по крайней мере всего XIX в., то оно ясно выражено в словаре Владимира Даля, причем как *единственное* значение: «Народность – совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого». Ничего похожего на употребление слова «народность» в значении «малый народ» у Даля нет и в помине. См.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. Т. II. Ст. 1201 // Репринт третьего издания 1903–1909 гг. М., 1998.

рища министра народного просвещения. А много раньше, в 1819 г., в его письме к Александру Тургеневу встречаются следующие, можно сказать, исторические слова: «Зачем не перевести *nationalité* – *народность*. Поляки сказали же: *narodowość!*»¹ Ясно, что для Вяземского «народность» – это, так сказать, обрусевшая «национальность».

Впоследствии равноценность (или неравноценность) понятий *народности* и *национальности* окажется предметом острого и весьма принципиального спора. Что касается «польско-французских истоков» слова «народность», то более интересным представляется сопоставление с немецким языком. В 1810 г. профессор Берлинского университета Фридрих Людвиг Ян ввел в употребление слово *Volkstum*², которое непосредственно перекликается с русским словом «народность», так как немецкие слова *Volk* и *Nation* образуют ту же семантическую пару, что и *народ* и *нация*. Но все эти проблемы стали актуальными в русском образованном обществе только после того, как слово «народность» вошло в идеологический «символ веры», предложенный С. С. Уваровым в 1833 г. сначала в докладе Николаю I, а потом в специальном циркуляре Министерства народного просвещения.

До этого поворотного момента дело ограничивалось спорами в литературной среде о «народности» тех или иных художественных творений. Пушкин ясно видел основной порок этих споров, в которых «никто не думал определить, что понимает он под словом народность». Сам поэт высказывает несколько соображений, среди которых наиболее интересно следующее: «Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками – для других оно или не существует, или даже может показаться пороком»³. Таким образом, по мнению Пушкина, адекватное суждение о народности тех или иных литературных произведений может быть вынесено только представителем этого же народа. Однако такое, можно сказать, типично националистическое убеждение нуждалось, конечно, в обосновании. Ведь даже соотечественники Пушкина (в том числе и его современники) вели горячие споры о «народности» его собственных произведений. Именно в ходе одного из таких споров Д. В. Веневитинов заметил (в 1825 г.): «Не забыва-

¹ См.: Остафьевский архив князей Вяземских. I. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819. СПб., 1899. С. 357. Характерно, что и в современном польском языке *narodowiec* значит *националист*.

² Wörterbuch der deutschen Volkskunde. Stuttgart, 1974. S. 920. Ф. Л. Ян стал в те же годы основателем студенческих союзов националистического характера. Не забудем, что мы уже встречали слово «народность» у П. И. Пестеля, который до 1810 г. учился в Германии.

³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. VII. С. 38–39.

ем ли мы, что в пиитике должно быть основание положительное, что всякая наука положительная заимствует свою силу от философии, что и поэзия неразлучна с философией?»¹ Начиная с 1833 г. задача философски определить понятие народности стала насущной не только для литературной критики, но и для умственной жизни русского общества в целом. Отправным же пунктом послужило то небольшое, но весьма существенное, что счел нужным сказать о народности новый министр народного просвещения граф С. С. Уваров. А точнее то, что было сказано им по воле монарха, поскольку «очень трудно разделить идеи и действия» Уварова и императора Николая I².

Прежде всего несомненна преемственность между триадой «Православие, самодержавие, народность» и манифестом от 13 июля 1826 г. Уваров стремился установить «те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа»³. Таким образом, «уваровская триада» выражала не только общее идеологическое кредо, но и принципы, в русле которых должно происходить воспитание и образование русского человека.

Особенно важно то, что Уваров не считает «европейский дух» чем-то чуждым. Этот дух не является, конечно, нашим *родным* духом, но он должен быть в той или иной степени воспринят в процессе образования при условии, что учащийся уже получил *базовое* воспитание в русском духе. Здесь мы имеем дело с одной из самых заветных идей Уварова. Например, инспектируя Московский университет, он, по собственным словам, «весьма часто» обращался к слушателям с разъяснением «необходимости быть Русским по духу прежде, нежели стараться быть Европейцем по образованию»⁴. Иначе говоря, европейское образование может принести вред только тому, чей ум – это *tabula rasa*, на которую можно наносить какие угодно письма.

Знаменательно, что Уваров признавал возможность и необходимость органического сочетания русского духа с «высшими познаниями» европейской культуры, несмотря на то что над Европой совсем недавно (в 1830 г.) прогремела очередная общественно-политическая буря. Эта буря дошла до самой России в виде польско-

¹ Веневитинов Д. В. Избранное. М., 1956. С. 186.

² Riasanovsky N. V. Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. University of California Press, 1959. P. 46.

³ Десятилетие министерства народного просвещения. 1833–1843. СПб., 1864. С. 4. Далее как: Десятилетие... 1833–1843.

⁴ Цит по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 83.

го восстания, после подавления которого на Запад «эмигрировало около 10 тысяч активных участников восстания», «восторженно встреченных во всей Европе»¹. Во Франции и особенно в Англии начался масштабный приступ русофобии. Влиятельные газеты, вроде «Таймс», заявляли: если бы во время наполеоновских войн Польша была свободна, «мы бы никогда не увидели, как варварские орды из России свирепствуют в Европе». И это писали в стране, которую Россия считала своим союзником в борьбе с Наполеоном! Личные нападки на Николая I принимали самую дикую форму: например, с трибуны палаты общин сообщалось, что это «чудовище в человеческом облике <...> запустило кровавые лапы Ирода-детоубийцы в колыбели невинных польских младенцев»².

На эту бредовую клевету Россия ответила не железным занавесом. Напротив, тот же Уваров напоминал, что в своих отношениях к Европе Россия уже со времен Петра Великого «различает добро от зла: пользуется первым и не страшится второго»³. Оставаться *открытыми* европейскому духу и в то же время «укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народа», – в этом видели русский император и его ближайший сподвижник адекватный ответ на вызовы, исходящие от Европы. И нет вины Николая I в том, что впоследствии Европа все-таки заставила его отказаться от этой *великодушной* позиции.

Переходя к характеристике «твердых оснований», или «начал, составляющих отличительный характер России и ей исключительно принадлежащих», Уваров называет прежде всего *православие* и *самодержавие*. Но только этих начал недостаточно. «Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: *народность*», причем все три начала «проистекают из одного источника и связываются на каждой странице истории Русского Царства»⁴. Мы видим, что народность, хотя и занимает формально третье место, после православия и самодержавия, признается началом не менее важным и сильным, чем они. Более того, фактически народность выходит на *первый* план, так как и два других начала Уваров называет *национальными*. Поэтому можно утверждать, что народность, с точки зрения, высказанной Уваровым (и одобренной Николаем I), является не просто «третьим началом», добавленным к двум другим, но началом, *определяющим единство «триады» в целом*.

¹ Балабан И., Тромччинский В. История Польши. СПб., 1909. С. 133.

² Gleason J. H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. Harvard University Press, 1950. P. 115, 123, 126.

³ Журнал Министерства Народного Просвещения (далее – ЖМНП). 1834. № 1. С. III.

⁴ Десятилетие... 1833–1843. С. 3.

Без этого скрепляющего начала православие и самодержавие подвергаются опасности разъединения и даже конфронтации, как, например, в трагедии раскола.

Николай I и С. С. Уваров смело пошли навстречу требованиям времени, связав «традиционные начала» с «новым» началом народности, то есть с *собственно национальным началом*. Конечно, достаточно скупые замечания Уварова не раскрывали в должной мере понятие народности; но министр вполне определенно призывал от имени русского царя к такому раскрытию, и призыв этот был обращен, естественно, к мыслящим представителям русского общества. Это очевидно, в частности, из слов Уварова о том, что «народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует *неподвижности в идеях*»¹.

Призыв был услышан, движение идей началось. Среди самых первых откликов выделяется речь Петра Александровича Плетнева «О народности в литературе», произнесенная 31 августа 1833 г. на торжественном собрании Санкт-Петербургского университета. «В звуках слова *народность* есть еще для слуха нашего что-то свежее и, так сказать, необносившееся»², – замечает Плетнев в начале своей речи; можно сказать, что нечто свежее есть и в его речи, хотя, если судить по названию, она примыкает к литературным дискуссиям 1820-х гг. Но суть не в них. Народность для Плетнева – это не только качество тех или иных литературных творений, но в первую очередь качество каждой *нации как таковой* (слово «нация» встречается в речи Плетнева так же часто, как и слово «народность»). Однако это качество нельзя понимать статически, как раз и навсегда данное; оно формируется (и видоизменяется) в процессе *исторического развития*. Поэтому понимание народности дается только «созерцанием стройного и самобытного развития духовных сил нации». Эталонным таким развитием являются для Плетнева древние греки, давшие «первый и прекрасный образец народности». Разъясняя суть этого образца, Плетнев сначала отмечает: «Историей каждого народа разрешается какой-нибудь важный вопрос о человечестве». Какой же вопрос разрешили древние греки, когда они, по словам Плетнева, «образовали нацию»? Постепенно, свободно и органично, «непринужденным возрастанием нравственных сил» они пришли к мысли о том, что «для человека на земле нет выше назначения, как соделаться прекрасным гражданином; что все

¹ Десятилетие... 1833–1843. С. 3. Нетрудно видеть абсурдность утверждения анонимного автора статьи об Уварове в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, согласно которому в «знаменитой формуле под народностью разумелось одно лишь крепостное право».

² Плетнев П. А. О народности в литературе. Консерватор. СПб., 2008. № 3. С. 69.

его достоинство заключается только в гражданских доблестях; что вне гражданства нет цели существования»¹.

Таким образом, в речи Плетнева (написанной как отклик на действия *верховой власти*) появляется та идея, которая была заветной идеей мятежников-декабристов – идея гражданственности. Это лишь раз говорит о том, что правительство отвергло не эту идею как таковую, а задуманный декабристами способ ее реализации. Плетнев смотрит на происхождение гражданственности совершенно иначе, чем автор «Русской Правды». Для Пестеля все упиралось в «правильные» законы; достаточно их установить, хотя бы и насильственно, как сразу возникнет «гражданское общество». Для Плетнева обретение гражданственности является результатом *развития личности*, развития *естественного*, непринужденного, внутренне связанного с развитием нации в целом.

Не менее важно и другое: из слов Плетнева ясно, что «вопросом о человечестве» он называет фактически *вопрос о человеке*. Плетневу такое уточнение показалось бы, вероятно, излишним педантизмом. Но очень скоро именно по линии, отделяющей *понятие человека* от *понятия человечества*, пройдет важнейший водораздел между *различными типами* национальной идеологии в русской мысли. Впрочем, этот водораздел наметил, пусть безотчетно, и сам Плетнев, когда перешел в своей речи от Древней Греции к Древнему Риму. «Римской Литературе не достаёт народности», – утверждает он и поясняет: древние римляне после пяти столетий «органического развития» (то есть республиканского периода) стали постепенно утрачивать народность, «истощая силу самобытности своей над осуществлением идеи всемирного самовластительства»². В отличие от Гегеля, убежденного, что на стороне римлян «было великое право всемирной истории»³, Плетнев считает утрату национальной самобытности слишком дорогой ценой за достижение «всемирно-исторического» значения.

Но в чем же конкретно выразилась эта утрата? Ответ Плетнева снова звучит отнюдь не тривиально: расплатой является остановка «естественного развития национального ума». Это выражение – *национальный ум* – не случайный гость в речи Плетнева; здесь один из ключевых моментов его взгляда на значение народности. Последнюю он даже прямо называет *истиной*, которая «господствует во всех явлениях умственной деятельности, порожденных собственным духом какой-нибудь нации». Как мощный культурно-исторический тезис

¹ Там же. С. 71.

² Там же. С. 73.

³ Гегель Г.-В.-Ф. Философия истории. СПб., 1993. С. 326.

звучат слова Плетнева: «Пробуждение чувства народности возвращает граждан на тот путь, который указан Провидением их умственной деятельности»¹. Мы видим, с какой настойчивостью мыслящие русские люди подчеркивают значимость национального *склада ума*.

Говоря о России, Плетнев отмечает «пробуждение народности» при Екатерине II, деятельность которой была исполнена «стремления к воззванию Русского духа на все поприща гражданственности нашей». И это воззвание не осталось без последствий. Плетнев восклицает: «Был ли хоть один гражданский путь, по которому в ее державе еще при жизни Ее не прошел великий человек в той поразительной красоте, которую сообщает народность?»² И называет далее имена Ломоносова, Державина, Суворова, Фонвизина и других. В России, как и везде, народность являет себя в *прекрасной личности* – вот еще одна наиважнейшая мысль, которая отчетливо присутствует в речи Плетнева. Его национализм подчеркнуто эстетичен. О «проповедниках космополитизма» он говорит так: «Они готовы были весь род человеческий облечь в свою бесцветную одежду, концерт языков заменить однострунными звуками и сообщить сердцу холодность камня». Можно было бы назвать еще целый ряд суждений Плетнева, существенных в свете дальнейшего развития идеи народности. Ограничимся, однако, тем, что приведем концовку его речи, в которой даже *верноподданность* выражается уже на новом языке национализма. «Самая поучительная История Государства», – утверждает Плетнев, заключается в характере «действий Правительства в отношении к нации». И называет затем два выдающихся деяния, уже совершенных в царствование Николая I: издание «совокупности наших законов» и преобразования «в деле просвещения», где «первое слово к нам было: *народность*».

Мы видим, что действия правительства оцениваются Плетневым с принципиально новой точки зрения – по их «отношению к нации». И способствовала переходу на эту точку зрения сама же *русская верховная власть*.

По своей философской углубленности к речи Плетнева примыкает публичная лекция «О народности в жизни и поэзии», прочитанная в 1835 г. в Московском университете Василием Степановичем Межевичем³. Отметив, что «всякий век, всякая эпоха имеет свое от-

¹ Плетнев П. А. О народности в литературе. С. 76.

² Там же. С. 79.

³ В. С. Межевич (1814 или 1812–1849) – публицист, поэт и критик, судьба которого сложилась трагично «в значительной степени стараниями Белинского, в 1840–1841 гг. беспрестанно осуждавшего “измену” Межевича в статьях и письмах». См.: Русские писатели. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 562–563. (Издание продолжается, к выпуску намечено семь томов.)

личительное направление, свою особенную черту, свой заветный иероглиф», Межевич находит, что наиболее характерным для новейшего времени является «всеобщее стремление к *народности*, которое в последние годы сделалось потребностью всех образованных наций»¹. Но что такое народность? Пытаясь ответить на этот вопрос, Межевич прибегает к аналогии между развитием нации и развитием отдельного человека. Когда последний достигает зрелости, «его внутренняя личность, физиономия души, резко отпечатлевается на челе его»; человек обретает «сознание самого себя, сознание своего *я*, идею самого себя»². По существу, то же самое происходит и с народом: «Всякий народ имеет свой определенный путь, в жизни своей проявляет свою особенную идею; эта идея есть душа народа, и так сознание этой души, сознание этой идеи – вот что составляет народность!» Ту же мысль Межевич повторяет и в конце своей продолжительной лекции: «народность есть сознание своей самобытности, сознание своей национальной идеи»³.

Уместно сравнить эти слова В. С. Межевича с утверждением, которое прозвучало через полвека из уст знаменитого философа В. С. Соловьева, прочитавшего в 1888 г. в Париже лекцию под названием «Русская идея». В самом начале этой лекции Соловьев подчеркнул: «...*Идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности*»⁴. Совершенно очевидно, что автор этих слов *отрицает* национальное самосознание как таковое, а заодно приписывает себе знание мыслей Бога. Тем отраднее знать, что задолго до высокопарных откровений Соловьева скромный русский литератор именно в способности нации *думать о себе самой*, сознавать свою самобытность, постигать свою национальную идею увидел самую суть народности. И в этом отношении Межевич стоит несравненно ближе, чем Соловьев, к русской национальной философии в целом, для которой сознание и самосознание имеют ключевое значение как в жизни каждого человека, так и в истории каждой нации⁵.

Василий Межевич близок к этой философской традиции еще и потому, что вслед за Плетневым самым тесным образом связывает национальную идею с ее воплощением в личности. Правда, в отличие от Плетнева он находит «полноту народности» только

¹ Ученые Записки Императорского Московского Университета. Январь–февраль. 1836. С. 95–96.

² Там же. С. 110–112.

³ Там же. С. 273, 303.

⁴ Вопросы философии и психологии. Кн. 100. 1909. С. 324.

⁵ Подробнее о *нафосе сознательности*, свойственном русской классической философии XIX в. см.: Ильин Н. П. Трагедия русской философии. М., 2008. С. 61–94.

в Пушкине: «Его национальный дух облекается в национальную форму, в живое Русское слово»¹. Так или иначе, но народность и у Плетнева, и у Межевича – это *личностная* цель человека, особенно человека, которому присущ *«творящий дух»* (как выразился еще раньше Плавильщиков). Поэтому задача «пробудить народность» – это главная задача *воспитания личности*, подчеркивает Межевич и заканчивает свою речь, повторяя призыв Николая I, прозвучавший еще в 1826 г. при посещении монархом Московского университета: *Будьте истинно русскими!*

На примере речей Плетнева и Межевича отчетливо видно, как уже при первых попытках осмысления правительственной концепции воспитания все яснее проступает понимание того, что *народное воспитание* – это не «воспитание народа» (ибо предметом воспитания всегда является отдельная личность), но воспитание в человеке чувства и сознания *своей народности*.

Но не заставили себя ждать и отклики иного сорта. Один из них стоит упомянуть уже сейчас, так как принадлежал он Н. И. Надеждину, редактору журнала «Телескоп», где в сентябре 1836 г. было напечатано первое из «Философических писем» П. Я. Чаадаева. Разговор об этом письме впереди, а пока вспомним, что еще в начале того же года в том же журнале появилась статья самого Надеждина под названием «Европеизм и народность в отношении к русской словесности». Странное впечатление оставляет эта пространная статья: автор то ли слишком пылко исповедует идею народности, то ли просто потешается над нею. Чего стоит хотя бы длинная тирада о «русском кулаке» как о лучшем доказательстве нашей «самобытности»: «Европейцу как хвалиться свои тщедушным, крохотным кулачишкой? Только русский владеет кулаком настоящим, кулаком *comme il faut*, идеалом кулака» и далее в том же роде². Амбивалентные рассуждения Надеждина достаточно определенно указывают на ту оппозицию, которую вызвала новая идеологическая программа правительства у части образованного общества. Но прежде чем говорить об этой оппозиции, необходимо подчеркнуть: вокруг идеи народности, именно как правительственной идеи, как лозунга самодержавной монархической власти, практически сразу консолидировалась немалая часть русской интеллигенции, в первую очередь литературной и профессорско-преподавательской. В число ее наиболее заметных фигур несомненно входили М. П. Погодин и С. П. Шевырев; но уже у них не-

¹ Ученые Записки Императорского Московского Университета. С. 297.

² Приводя эту тираду, советский исследователь замечал: «Скрытое глумление над официальной идеологией не смягчало факта капитуляции Надеждина перед уваровской “триадой”», см.: *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 70.

трудно заметить тот «подводный камень», столкновение с которым могло стать роковым для идеи народности.

Михаил Петрович Погодин (1800–1875), сын крепостного, получившего вольную благодаря своим деловым качествам, сочетал в себе талант историка с унаследованной от отца практической хваткой, особенно в качестве издателя и редактора журнала «Москвитянин» (1841–1855), ставшего «характерным выразителем официального политического учения эпохи Николая I о православии, самодержавии и народности»¹. Впрочем, в «Москвитянине» печатались и авторы, взгляды которых были достаточно далеки от «официальных», однако сам Погодин был вполне солидарен с программой Уварова и, в частности, с ее открытостью «европейскому духу». Это особенно ярко проявилось в многочисленных трудах Погодина по русской истории, где он последовательно отстаивал «непреложность норманнской теории происхождения Руси» и превозносил Петра Великого, который в глазах Погодина был «не только основателем русской европейской державы, но и спасителем древней»². Считая, что «Россия есть часть Европы», Погодин подчеркивал вместе с тем отличие исторического пути России от судеб Западной Европы, где «все государства начинают одинаково от бракосочетания победителей с побежденными», тогда как «к нам пришли иноземцы, но приглашенные»³.

Именно Погодину принадлежит (среди русских авторов) *несомненный приоритет* в развитии концепции «ненасильственного» происхождения русской государственности; притом он не забывал ссылаться на тех европейских историков (прежде всего на Огюстена Тьерри), которые еще раньше показали, что на Западе «новые общества устроились из обломков обществ древних, разрушенных насильственно»⁴. В статье с характерным названием «За Русскую старину» Погодин писал: «И у нас было введено Христианство, только иначе, мирно и спокойно, с крестом, а не с мечом; и мы начали молиться единому Богу, но на своем языке, понимая свои молитвы, а не перелепывая чуждые звуки; и у нас образовалось духовенство, но духовное, а не мирское; и мы преклонялись пред ним, но пред его словом и убеждением, а не властью». Называет Погодин в качестве несомненных преимуществ «русской старины» и «общее

¹ Корсаков Д. Погодин М. П. // Русский биографический словарь. СПб., 1905.

² Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. М., 2011. С. 709.

³ ЖМНП. Ч. I. СПб., 1834. С. 35–36. Ту же самую мысль Погодин высказывал в статье «Взгляд на русскую историю», написанной еще в 1832 г.

⁴ Погодин цитирует работу Тьерри «История завоевания Англии норманнами» (1830).

владение», и «мирскую сходку», и многое другое¹. Практически весь набор утверждений, которые принято считать «славянофильскими», здесь налицо.

Роль Погодина как «предтечи славянофилов» становится особенно очевидной при чтении его письма к цесаревичу Александру Николаевичу, где мы встречаем следующие слова: «Есть в истории черед для народов, кои один за другим выходят стоять как будто на часы и служить свою службу человечеству; до сих пор одних славян свет не видал на этой славной череде; следовательно, они должны выступить теперь на поприще, начать высшую работу для человечества и проявить благороднейшие его силы»². Здесь уместно вспомнить знаменитую «славянскую главу», вышедшую из-под пера Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803), в которой выдающийся немецкий мыслитель выражал надежду, что «славянские народы, столь глубоко павшие, некогда столь трудолюбивые и счастливые, пробудятся, наконец, от своего долгого и тяжелого сна, сбросят с себя цепи рабства» и «станут возделывать принадлежащие им прекрасные области земли»³. У Погодина мысль Гердера о будущем возрождении славянства «вступает в брак» с мыслью Гегеля о «всемирно-исторических народах», призванных на определенных этапах истории возглавлять движение человечества к «царству духа». Но современное состояние славянских народов таково, что лишь один из них способен если не сейчас, то в недалеком будущем возглавить это движение. И Погодин восклицает, обращаясь к России: «Тебе, тебе суждено довершить, увенчать развитие человечества, представить все фазы его жизни, блиставшие доселе порознь, в славной совокупности»⁴.

Совершенно очевидно, что Погодин, несмотря на свой первоначальный европеизм, высказал в связи с Россией и славянством те историко-философские идеи, которые вскоре будут усвоены (конечно, с определенными вариациями) А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариним. Вместе с тем, ввиду той ясности, с кото-

¹ Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 439–440.

² Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. С. 31. Письмо Погодина было составлено в 1838 г., но впервые напечатано им же в газете «Русский» только в 1867 г.

³ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 471. В той же главе подчеркивается, что «многие народы, а больше всего немцы, совершили в отношении их (славян. – Н. И.) великий грех». «Славянскую главу» многие немецкие историки склонны считать одной из главных идеологических предпосылок широкого движения за возрождение славянства в XIX столетии. См.: Lemberg E. Geschichte des Nationalismus in Europa. Stuttgart, 1950. S. 201–203.

⁴ Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. С. 31.

рой Погодин излагает свои исторические воззрения, нетрудно заметить заключенную в них *двойственность*, которая в скором времени приняла – у названных сейчас мыслителей – характер *внутреннего противоречия*. В чем суть этой двойственности?

Хорошо известны слова М. П. Погодина: «Историк по преимуществу есть венец народа, ибо в нем народ узнает себя (достигает до своего самопознания)»¹. Но из сочинения Погодина под названием «Исторические афоризмы» (1836), откуда эта цитата, становится ясно, что не понятие народа является краеугольным камнем его *философско-исторических* воззрений. Центральное место занимает в них понятие *человечества*. Вот как звучит его самый первый «афоризм»: «История должна из всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человека и представить биографию этого человека через все степени его возраста. Многочисленные народы, жившие и действовавшие в продолжение тысячелетий, доставят в такую биографию, может быть, по одной черте»². Только человечество можно уподобить *полному* человеку; отдельный народ – это всего лишь отдельная «черта» человечества, в лучшем случае – «такой-то орган человеческого рода».

По сравнению с человечеством меркнет значение не только народов, но и исторических личностей: «Занимаясь Историей, более удивляешься человечеству, нежели людям. Они – мелки, велико оно»³. Мы узнаем не только о том, что «величайший человек есть человечество», но и о том, что «человечеству больше всего мешают люди». Последнее заявление звучит, как неловкий парадокс, но и здесь проявляется последовательность Погодина; усвоив «культ человечества», он вынужден отдать дань тому настроению творцов этого культа, которое П. А. Вяземский метко выразил в словах о Вольтере: «И презирал он человека // И человечество любил».

Следует, конечно, подчеркнуть: в *собственно исторических* сочинениях Погодина мы встречаем совсем другое отношение к той роли, которую играют в истории и *народы*, и *личности*; встречаем ясное понимание того, что история, собственно говоря, и есть *их история*, есть *зримый образ их бытия*, а не только намек на то «таинственное лицо, образ которого мы не видим» (как в порыве почти религиозного экстаза Погодин именуется человечество). Но такое прояснение взгляда на историю происходит у Погодина почти исключительно в связи с тем или иным конкретным историческим материалом. На уровне *фило-*

¹ Погодин М. П. Исторические афоризмы // Тайны истории. М., 1994. С. 21.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 20.

софских обобщений он неизменно возвращается к кумиру «человечества», вознесенному на пьедестал эпохой Просвещения. И здесь он уже прямой, непосредственный предшественник не только славянофилов, но и западников.

О том, что идея народности начинает даже у ее «апологетов» подчиняться идее человечества, свидетельствует и творчество Степана Петровича Шевырева (1806–1864), который тесно сотрудничал с М. П. Погодиным. Для наших целей вполне достаточно рассмотреть первую лекцию из его «Истории русской словесности, преимущественно древней», изданной в 1846 г. Здесь Шевырев ставит перед собою «трудную задачу: раскрыть душу русского человека в истории его слова», пробудить в своих слушателях «народное самопознание»¹. Но приступая к решению этой благородной задачи, он спешит сообщить: «...народ есть только сосуд для того, чтобы в нем росло все прекрасное человеческое, точно так, как человеческое, в свою очередь, есть сосуд для Божественного». Таким образом, сразу намечена иерархия ценностей, в которой «народное» занимает *нижнее* место, ниже не только «божественного», но и «человеческого». Продолжая развивать тот же образ, Шевырев пишет: «Но ясно, чем сосуд вместительнее и шире, тем он лучше, и во всемирном состязании народов тот народ станет выше других, кто более способен другим сочувствовать и в себя принимать всемирное, очищая его в Божественном»².

Следующие слова Шевырева еще более узнаваемы. Он пишет: «Наше русское народное тем отличается от других, что оно с самого начала бытия своего окрестилось, облеклось во Христа». Именно тот факт, что «мы так тесно сопрягли христианское с народным», позволит русскому народу «предохранить себя от односторонней исключительности» и даже «явиться со временем сосудом всеобщего примирения», носителем «великой силы воспринимать всечеловеческое и очищать его в Божественном»³. Все это, напомним, было сказано в лекциях, читанных в 1844–1845 гг., то есть задолго до знаменитой «пушкинской речи» Ф. М. Достоевского, произнесенной в 1880 г. Впрочем, не менее, чем явное сходство основного тезиса этой речи с приведенными суждениями Шевырева, очевидно и другое – прямая связь этих суждений со следующими словами: «Назначение германских народов состоит в том, чтобы быть носителями христианского принципа. Принцип духовной свободы, принцип примирения был

¹ Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М., 2004. С. 205, 209.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 206, 224.

заложен в простодушных, еще не просвещенных душах германских народов»¹.

Связующее положение С. П. Шевырева – между идеями немецкого идеализма и романтизма, с одной стороны, и взглядами ряда позднейших русских мыслителей «славянофильского толка» – отнюдь не ограничивается идеей «всемирного примирения» на почве христианских принципов. На тех же страницах мы читаем: только нам, русским, суждено «разрешить загадку о человеке полном и цельном», «представить цельность бытия человеческого». Итак, тот *идеал цельности*, который практически все исследователи связывают с И. В. Киреевским (и с влиянием на него оптинских старцев), был выражен Шевыревым не только раньше, но и совершенно отчетливо. Вместе с тем и этот идеал затруднительно признать собственно русским (или собственно православным): о нем крайне настойчиво говорили немецкие романтики, да и тот же Гегель находил «цельность духа», «чувство естественной цельности» и т. д. во все той же «германской нации»².

Тем не менее нельзя не поразиться разнообразию идей, которые были высказаны в ходе *непосредственных* откликов на призыв правительства положить начало народности в основу образования и воспитания. Причем практически все эти идеи не исчезли бесследно, а вошли в состав русской мысли, были усвоены (а зачастую и *присвоены*) теми, кто внятно заявил о себе уже позже и по другому поводу. Заканчивая наш обзор, необходимо вспомнить и автора следующих восторженных слов: «Да, у нас скоро будет свое русское народное просвещение; мы скоро докажем, что не имеем нужды в чуждой умственной опеке. Нам легко это сделать, когда знаменитые сановники, сподвижники царя на трудном поприще народоправления, являются среди любознательного юношества в центральном храме русского просвещения возвещать ему священную волю монарха, указывая путь к просвещению в духе “православия, самодержавия и народности”...»³ Это пассаж из «Литературных мечтаний» В. Г. Белинского (1811–1847), опубликованных в конце 1834 г.; будущий кумир либеральной общественности начинал именно как горячий адепт «официальной народности», причем подобное увлечение, учитывая краткость жизни Белинского, было совсем не мимолетным. В 1839 г., возглавив редакцию «Отечественных записок», Белинский делает попытку развить целую *философию народности*. В статье, посвященной «Очеркам Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки, он формулирует ее исходное

¹ Гегель Г.-В.-Ф. Философия истории. С. 361.

² Там же. С. 368–369.

³ Белинский В. Г. Собр. соч. СПб.; М., Б. г. С. 95.

положение: «Народ есть личность, как отдельный человек». Конечно, этот тезис звучал (хотя не так чеканно) и раньше, но Белинский извлекает из него весьма оригинальные следствия. Там, где другие авторы подчеркивали значение *национального самосознания*, Белинский делает прямо противоположный акцент – на лежащем за пределами сознания начале народного бытия, на том, что «народ родится бессознательно», то есть, как и отдельный человек, не сознает своего появления на свет. Более того, «бессознательным» является для Белинского не только рождение народа, но и процесс его развития вплоть до превращения в «гражданское общество». «Как невозможно сочинить язык, так невозможно и устроить гражданское общество, которое устроится само собою, без сознания и ведома людей, из которых оно складывается»¹.

Аналогия с языком переходит в аналогию с прорастанием зерна: «Сущность жизни – в зерне жизни, а это зерно – божественная идея», – пишет Белинский, приправляя немецкий идеализм христианским платонизмом. Тем самым признается существование «национальной идеи», но как идеи всецело божественной и только Богу известной, ибо в жизни народа, как и в жизни отдельного человека, все происходит «не по человеческому условию и произволу, но по воле Божьей»².

Итак, *причины* рождения и последующего развития народов – это тайна, скрытая в «божественной идее», в исходящем от Бога «духе жизни» и т. п. Но вслед за этим Белинский заявляет: «Исходный пункт жизни каждого народа скрывается в географических, этнографических, геологических и климатических условиях». Таким образом, рядом с теологическим объяснением «происхождения народов» (из «божественной идеи») мы получаем и объяснение сугубо *натуралистическое*. Столь странное соседство, однако, нисколько не смущает Белинского, ибо он убежден: «Закон родства крови и плоти есть закон самого духа!» Это восклицание нельзя признать совсем неожиданным: там, где отрицается *сознательность* как основной признак духовного бытия, там размывается граница между духом и плотью. Характерно, что выраженная в этом восклицании мысль используется Белинским для самого решительного осуждения космополитизма: Белинский считает, что «духовное родство сперва проявляется <...> как родство крови и плоти»; «духовное родство потому и свято, что выходит из кровноплотского»³. Поэтому космополит, живущий по

¹ Белинский В. Г. Собр. соч. СПб.; М., Б. г. С. 364.

² Там же. С. 375. Очевидно, что Белинский высказывает здесь то понимание (или непонимание) «национальной идеи», которое впоследствии только повторил Владимир Соловьев.

³ Там же. С. 367.

принципу *ubi bene ibi patria*, «представляет из себя какого-то амфибия, уродливого и отвратительного, как все амфибии», «есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священным именем человека»¹.

Несомненно, что Виссарион Белинский был первым, кто выразил в русской мысли *натуралистический национализм*, национализм «почвы и крови», выразил увлеченно и даже «неистово». Еще более приближает его к этому типу национализма откровенный *вождизм*, пусть и окрашенный в густые монархические тона. Для Белинского царь, монарх, император – это *отец народа*, ибо «мистическая и священная идея отца-родоначальника была живым источником истекшей из нее идеи царя». Эталон же является русское самодержавие и русский царь, на которого Белинский смотрит теми же глазами, что и В. А. Жуковский, цитируя его строки: «Вождь вождей, царей диктатор, // Наш великий император, // Мира светлая звезда».

Но «философия народности», развитая Белинским в подробностях, которые мы опускаем, вскоре разочаровала ее творца. К концу жизни он перешел на антирелигиозные, антимонархические и, если говорить прямо, антинациональные, космополитические позиции². Конечно, для такого перехода существовал целый ряд причин, включая быстрое ухудшение здоровья после переезда в Петербург. Но сейчас нас интересует внутренняя слабость того «религиозно-натуралистического национализма», который Белинский исповедовал если не слишком долго, то весьма страстно.

Самым уязвимым элементом является здесь понятие *личности*. С одной стороны, это понятие оказывается у Белинского *ключевым*: он предлагает рассматривать народ не просто по аналогии с личностью, а прямо *в качестве личности*. Но на тех же страницах уже заметна и другая тенденция: всячески возвышая «личность народа», Белинский явно принижает значение личности *отдельного человека*: «Человек есть частное и случайное по своей личности, но общее и необходимое по духу, выражением которого служит его личность»³. Другими словами, единичная личность значима не сама по себе, а лишь как *выражение* «духа народа» или «духа государства», чего-то общего и общественного, ибо «общество есть высшая действительность».

Но и преклонение перед «личностью народа» неизбежно оказывается преходящим. В цикле статей «Русская народная поэзия» (1841) говорится уже совершенно прямо, что «ни один народ не должен су-

¹ Там же. С. 368.

² Поэтому «предателем» был сам Белинский, а не Межевич, которого, как отмечалось выше, он начал травить именно в начале 1840-х гг.

³ Там же. С. 376.

ществовать отдельно от человечества». А далее звучит суровый приговор тем народам, которые так или иначе уклоняются от этого *долга*: «...народ, не сознающий себя живым членом в семействе человечества, – не нация, но племя, подобное калмыкам и черкесам, или живой труп, подобно китайцам, японцам, персиянам и туркам»¹. Одним махом целый ряд народов объявлен «живым трупом» только за то, что имеет наглость *сознавать себя* не «живым членом в семействе человечества», но в первую очередь чем-то особенным, *самобытным*, отдельным от других народов. Культ «человечества» неумолимо влек своего адепта к тому космополитизму, который он совсем недавно категорически осуждал. В итоге «философия народности», после многообещающего начала, свелась у Белинского к известной формуле: «Чтобы народ был действительно историческим явлением, его народность необходимо должна быть только формой, проявлением идеи человечества, а не самою идеею». Отсюда до известного пустословия о «культуре, национальной по форме и общечеловеческой по содержанию», рукой подать.

Что же мы видим? После 1833 г. идея народности вышла из ограниченного пространства литературной критики на простор широких философско-исторических, мировоззренческих размышлений. Но именно на этом духовном просторе открылась настоящая глубина проблем, с которыми русская мысль еще не могла справиться самостоятельно. В первую очередь это относится к соотношению между *идеей народности* и *идеей человечества*; последняя идея была любимым детищем Просвещения, «усыновленным» и корифеями немецкого идеализма, несмотря на их подчеркнуто критическое отношение к предшествующей эпохе. Под несомненным влиянием западноевропейской философии и в русской мысли начинается поиск «синтеза» этих идей, а тем самым и поиск «примирения» национализма с космополитизмом².

Рядом с идеей человечества стоит другая идея, которая в русской мысли практически изначально сопутствовала идее народности – *идея личности*. Эта идея была в те годы еще весьма юной, почти не освоенной на *философском* уровне даже в западной мысли. Тем более показательно, что целый ряд мыслящих русских людей сразу обратился к понятию личности, считая, что оно самым тесным образом связано с понятием народности. Но уже пробивался на поверхность

¹ Белинский В. Г. Собр. соч. СПб.; М., Б. г. С. 911.

² Как показал немецкий историк и философ Фридрих Мейнеке в работе «Космополитизм и национальное государство», такой поиск был характерен практически для всех крупных западноевропейских мыслителей конца XVIII и первой половины XIX в. См.: *Meinecke Fr. Weltbürgertum und Nationalstaat*. 4-e Auflage. München; Berlin, 1917.

и агрессивный коллективизм, который к тому же настаивал на своих якобы христианских корнях.

Наконец, необходимо отметить, что новая идеологическая программа правительства откровенно сочетала русский национализм с определенной долей *европеизма*. И такое сочетание поначалу не вызвало протеста даже у тех, кто сознавал глубокую разницу между историческими судьбами России и Запада. Но постепенно становилось все яснее, что император Николай I, провозгласив начало народности истинно русским началом, тем самым вторично прорубил «окно в Европу», в новую *Европу национальностей*. И это не могло не вызвать, как в свое время деяния Петра Великого, наряду с энтузиазмом одних, негодование других. А когда у этих последних нашелся свой «духовный лидер», который выступил против программы правительства совершенно откровенно, с какой-то отчаянной решимостью (пусть и быстро его оставившей), консолидация противников русского национализма стала практически неизбежной. Об этой консолидации и пойдет сейчас речь.

§ 4. У алтаря человечеству: славянофилы и западники

В сентябре 1836 г. в журнале «Телескоп» появилось первое из «Философических писем» П. Я. Чаадаева, которое сводилось к безграничному восхищению Западом и к огульному осуждению России. О «европейском мире» Чаадаев вполне серьезно заявляет: «...Нельзя отрицать, что царство Божие до известной степени осуществлено в нем»¹. Но еще категоричнее звучат его откровения о своем отечестве. «Окиньте взглядом *все* прожитые нами века, *все* занимаемое нами пространство – вы не найдете *ни одного* привлекательного воспоминания, *ни одного* почтенного памятника <...> *ни одна* полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины <...> *нет ничего*, что привязывало бы, что пробуждало бы в вас симпатию или любовь»².

Наполненное подобными тирадами, первое «Философическое письмо» явилось первым открытым выступлением против идеи народности («национального предрассудка», по словам самого Чаадаева), первым публичным выражением *национального нигилизма*. В этом настоящее значение публикации в «Телескопе». Утверждать же, что именно письмо Чаадаева «пробудило русское самосознание», значит бесцеремонно исказить историю русской мысли. Мы уже видели, что интенсивные размышления о русской нации, о русской

¹ Чаадаев П. Я. Философические письма // Россия глазами русского. СПб., 1991. С. 36.

² Там же. С. 24, 29. Курсив мой. – Н. И.

идее, о русском национальном характере берут начало в XVIII столетии, а собственно философский элемент таких размышлений растет по мере того, как идея народности становится ключевым принципом русского просвещения, русской духовной жизни. Выходка Чаадаева была именно *реакцией* на этот рост, реакцией в форме «философического» нигилизма.

Во взглядах Чаадаева выразилось, конечно, не только его личное настроение; как отмечал еще в 1833 г. Петр Васильевич Киреевский в письме к Н. М. Языкову, «проклятая чаадаевщина» только «доведена *ad absurdum* в сумасшедшей голове Ч., но отзывается, по несчастью, во многих». С точки зрения Петра Киреевского, сам Чаадаев – *варвар*, ибо «отличительное, существенное свойство варварства – беспамятность <...> а национальной гордости нет без национальной памяти»¹.

Обратившись к П. В. Киреевскому (1808–1856), мы вступили, по-видимому, в *круг славянофилов*. Но как раз на примере их отношения к Чаадаеву становится ясно, насколько условным является представление о славянофильстве как о каком-то *внутренне едином* направлении русской мысли. Казалось бы, «Философические письма», в каком бы объеме они ни были известны ранним славянофилам, должны были вызывать у них единодушное неприятие. Однако вместо неприятия мы нередко встречаем *приятие* этих идей, их усвоение в той или иной степени, с теми или иными оговорками. Показательна в этом отношении статья «Несколько слов о философическом письме», вышедшая из-под пера Алексея Степановича Хомякова (1804–1860) сразу после публикации в «Телескопе». Сначала, говоря о России, Хомяков пишет: «Положение наше ограничено влиянием всех четырех частей света, и мы – *ничто*, как говорит сочинитель “Философического письма”, но мы – центр в человечестве европейского полушария, море, в которое стекаются все понятия»².

Очевидно, что Хомяков не опровергает, а уточняет и даже *развивает* мысли Чаадаева о России. Эта последняя – «ничто», но такое «ничто», которое подобно «морю», куда стекаются все «частные истины», чтобы составить «истину общую». Здесь уже намечено славянофильское понимание «общечеловеческого призвания» России, причем намечено в русле «Философических писем». Затем Хомяков приводит слова Чаадаева о том, что русские «явились в мир как незаконнорожденные дети», и после вялых возражений успокаивает читателя: «Порода имеет влияние только в отношениях людей между собою <...> но религиозное состояние человека не требует породы». Поэтому «родословие народа» нужно только для человеческой гор-

¹ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Калуга, 2006. Т. 3. С. 371–372.

² Хомяков А. С. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 450.

дости, «а для религии России нужно только уважение ее к собственной религии, которой святость и могущество проходит так мирно через века»¹. Так, вместе с народной памятью отбрасывается, как нечто предсудительное, и народная гордость.

Допустив в *принципе* «ничтожество» и «безродность» России, Хомяков продолжает «уточнять» Чаадаева. Сказав несколько слов в защиту Древней Руси, он поддерживает нападки Чаадаева на современную Россию, где, оказывается, даже «родной язык не уважен». И это заявлено в 1836 г., когда Россия уже обладала таким бесценным сокровищем, как творения Пушкина, когда уже проявилось огромное дарование Гоголя и ряда других представителей русской словесности. В презрении к ней (т. е. к России) Хомяков даже превосходит Чаадаева и сохраняет это презрение до конца жизни.

Таким образом, Хомяков не отвергает, а только *ограничивает* национально-исторический нигилизм Чаадаева, «выводит» из-под его критики (да и то не слишком решительно) допетровскую Русь. Уместно отметить и то, что в этом «первом наброске» славянофильских воззрений понятие народности, уже три года привлекавшее пристальное внимание русского общества, просто *отсутствует*.

Еще интереснее обстояло дело с другим представителем раннего славянофильства – Иваном Васильевичем Киреевским (1806–1856), старшим братом Петра. Он вообще шел в ногу с Чаадаевым в борьбе с «национальным предрассудком», порадовав публику еще в 1832 г. обширной статьей «Девятнадцатый век»². Здесь Киреевский пишет о том, что в России «стремление к национальности есть не что иное, как непонятное повторение мыслей чужих, мыслей европейских». В Европе идея национальности *органична*, «там просвещение и национальность одно, ибо первое развивалось из последней», но «у нас искать национального – значит искать необразованного», ибо наш национальный характер не имеет «достаточных элементов для внутреннего развития образованности»³. А посему мы можем или заимствовать просвещение, отрекаясь от себя – или отречься от просвещения, оставаясь верными себе. Очевидно, что подобный вывод – это разновидность чаадаевского убеждения в том, что «в нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному просвещению».

Это «родство душ» с западником-ультрамонтаном Чаадаевым является лишь одним из целого ряда моментов, которые заставляют

¹ Там же. С. 451.

² Подробнее я рассматриваю ситуацию с закрытием журнала «Европеец», где была напечатана первая часть указанной статьи, в исследовании «И. В. Киреевский. От беспочвенности к существенности». См.: Философская культура. 2005–2006. № 1–3.

³ Европеец. Журнал И. В. Киреевского. М., 1989. С. 316.

критически отнестись к устоявшемуся взгляду на «ранних славянофилов» как на творцов русской национальной идеологии. В действительности их роль, как минимум, амбивалентна, если не сказать – *деструктивна*. Как отмечал автор монографии, которая фактически подводила итог «дискуссиям о славянофилах» в советский период, «славянофильский кружок играл роль общественно-политической оппозиции правительству», выражая взгляды «тех русских либералов, кто <...> не смирился с торжеством “православия, самодержавия и народности”»¹. В приведенных словах, к сожалению, есть немалая доля истины; ведущие идеологи «раннего славянофильства» – А. С. Хомяков и И. В. Киреевский, к которым присоединились несколько позже К. С. Аксаков (1817–1860) и Ю. Ф. Самарин (1819–1876), заняли по отношению к новой национальной идеологии, предложенной правительством, позицию, среднюю между равнодушием и враждебностью.

Оценивая славянофильство, важно выяснить, когда же оно превратилось из «нашего кружка» (по выражению А. И. Кошелева) в самостоятельное направление русской мысли. На этот счет высказывались различные мнения. В качестве самых ранних документов нередко указывают на записку А. С. Хомякова «О старом и новом» и на записку Ивана Киреевского «В ответ А. С. Хомякову», которые появились (в рукописном виде) в 1839 г.; как пишет один из исследователей, в них «была сформулирована четко и полно в своих основах славянофильская доктрина»². Посмотрим, насколько оправдано это утверждение.

Записка А. С. Хомякова по названию примыкает к записке Н. М. Карамзина «О древней и новой России», но существенно уступает последней и в ясности мысли, и, если угодно, в серьезности тона. Хомяков точно играет в какую-то полемическую игру *pro et contra*, до последних страниц поочередно отмечая то «плюсы», то «минусы» как старой, допетровской, так и новой, выросшей из петровских реформ, России (причем «минусы» как той, так и другой явно перевешивают «плюсы»). Ярким примером может служить его отношение к тем преобразованиям, которые произвел Петр в церковном устройстве. Хомяков считает, что «не должно его обвинять в порабощении церкви, потому что независимость ее была уничтожена переселением внутрь государства престола патриаршего, который мог быть свободным в Царьграде, но не мог уже быть свободным в Москве»³. Таким образом, получается, что в своем «порабощении»

¹ Цимбаев Н. И. Славянофильство. С. 71.

² Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 20.

³ Русский мир в лицах. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С. 150.

виновата сама же Русская православная церковь, возжелавшая стать именно *русской*.

Не менее неожиданно звучит заявление Хомякова о «многих прекрасных стихиях, которые нами утрачены»; оказывается, что они «прежде были убиты народом, потом уже схоронены государством». Насмешливый отзыв о подвигах русских людей в 1612 г. вполне «гармонирует» с утверждением, что разорение Киевской Руси монголами было «случайностью, счастливой для нас», поскольку древнерусский строй «уже не мог долее существовать». На этом фоне совсем неплохо смотрится Петр I, который «ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза». В целом же Хомяков считает, что спор между сторонниками старой и новой России неразрешим на почве *исторических фактов*: «Два воззрения, совершенно противоположные, одинаково оправдываются и одинаково отвергаются фактами неоспоримыми»¹.

Но разве не ставит это заявление жирный крест на какой-либо апологии допетровской России? Оказывается, не ставит, потому что у нас (несмотря на все темные стороны нашей истории) есть огромное преимущество перед Западом. Какое? Да то самое, о котором говорил М. П. Погодин (Хомяковым, естественно, не упомянутый): «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщениия». Поэтому мы можем строить будущее «на неиспорченной индивидуальности нашего племени», на душе, сохранившей в себе «закон справедливости и любви взаимной»². Получается, что «родословие народа», небрежно отброшенное Хомяковым ранее, все-таки имеет принципиальное значение.

Очевидно, что записка 1839 г. никоим образом не выражает «полно и четко» основы «славянофильской доктрины». Интересно и важно другое. По сути дела, Хомяков идет на дальнейшие уступки Чаадаеву, признавая, что исторические факты рисуют «старую» Россию в столь же неприглядном виде, как и Россию «новую». Единственное, что спасает Хомякова от «проклятой чаадаевщины», – это вера в особое «ненасильственное» начало русской истории. Именно вера, ибо «старую Русь надобно – угадать», чтобы прикоснуться к «древности *неизвестной*, но живущей в нас тайно»³. При этом условии «нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее»⁴.

¹ Там же. С. 148.

² Там же. С. 158–159.

³ Курсив мой. – Н. И. «Неизвестная древность», то есть не отраженная в исторических документах.

⁴ Там же. С. 152.

Здесь мы подходим к существенному моменту, который нередко упускается из виду при анализе славянофильства как национальной идеологии. Суть этой идеологии принято видеть в апологии древнерусской жизни. Но Хомяков подчеркнуто отказывается от такой апологии, а если порою и склоняется к ней, то проявляет тем самым *непоследовательность*. Вера в русский народ может быть *оправдана* не его прошлым, а его будущим – вот настоящий смысл его записки «О старом и новом». Поэтому именно взгляд славянофилов на *будущее русского народа* имеет решающее значение для адекватной оценки их учения. В самой же записке 1839 г. об этом будущем еще не сказано ничего конкретного.

Что касается ответа И. В. Киреевского, то это, строго говоря, вовсе не ответ на размышления Хомякова. Много рассуждая о «европейской образованности» (и пересказывая при этом анализ *основных начал* европейской цивилизации в лекциях французского историка Франсуа Гизо), о России Киреевский говорит как бы мимоходом, делая, пожалуй, только одно важное наблюдение. В отличие от Хомякова, в записке которого нет даже намека на крестьянскую общину, Киреевский, очевидно, имеет в виду ее, когда указывает на «маленькие так называемые миры», которые покрывали «прежнюю Россию» и в которых знали только общую собственность на землю: «Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества»¹. Петр I для Киреевского лишь «разрушитель русского и вводитель немецкого». Правда, как и у Хомякова, основная вина лежит на церковной иерархии, а конкретно – на Стоглавом Соборе; здесь исток «разномыслия» власти «с большинством народа, отвергаемого под названием раскольников»². А в конце записки Иван Киреевский, как и Хомяков, выражает надежду на будущее, когда «Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее церковь». Имеется ли в виду тот дух, которым дышит «церковь» старообрядцев, остается неясным.

В целом же очевидно, что рассмотренные документы никак нельзя считать действительно «программными», выходящими за рамки сумбурных кружковых дискуссий, в которых лишь намечались контуры будущей «доктрины». Отыскивая ее, ряд исследователей указывает на 1845 г., когда редактором погодинского «Москвитянина» на короткое время стал И. В. Киреевский, а также появился знаменитый «валуевский сборник», в предисловии к которому Д. М. Валуев

¹ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 122.

² Там же. С. 126. Настоящий смысл этого замечания поясняется ниже.

«впервые печатно изложил основы историко-философской концепции славянофильства»¹.

Как же выглядит эта концепция у Валуева? Ее наиболее заметная черта – отсутствие крайностей в суждениях о России и Западе. Но равновесие, которое пытается сохранить молодой мыслитель, явно *неустойчивое*. «Столбовой дороге, пробитой Петром, не зарасти травой, и делу его не заглохнуть»², – пишет Валуев в начале своего предисловия. Но одновременно он предупреждает: «Уже время подумать о том, чтобы нам самим и из себя вырабатывать внутренние начала своей нравственной и умственной жизни». Получается, что до сих пор мы обходились без этих «внутренних начал»; но тогда их выработка вряд ли совместима с продолжением движения по выше-названной «столбовой дороге». Конечно, подобные неувязки в рассуждениях Валуева можно объяснить тем, что его сборник был по составу участников даже скорее «западническим», чем славянофильским. Действительно, в нем мы находим статьи Т. Н. Грановского, К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева, которые уже тогда не разделяли убеждений славянофильского «кружка», хотя и принимали участие в его дискуссиях. Однако суть дела вряд ли правильно сводить к желанию Валуева найти компромисс с этими участниками сборника. Слабость его рассуждений – это слабость практически всех дальнейших построений, в фокус которых навязчиво помещалась проблема «Россия и Запад». Такой фокус неизбежно двоится, не позволяет разглядеть ни Россию, ни Европу *в качестве таковых*.

В предисловии Валуева есть, однако, слова, которые звучат весьма определенно и твердо. Говоря о том значении, которое имеют для России русский народ и другие народы, ее населяющие, он подчеркивает: «И потому всякий подданный государства принадлежит России, – но Россия принадлежит только православному и Русскому, ибо ему одному принадлежит и с ним нераздельна ее история, ее прошлое и будущее»³. По сути дела, Валуев заявляет себя приверженцем принципа «Россия для русских», который составляет самый нерв *идеи народности*. И в том же 1845 г. свою приверженность этой идее *отчетливо выразил*, наконец, Иван Киреевский, когда он впервые (после западнического «Девятнадцатого века») выступил в печати с большой концептуальной статьей.

¹ Цимбаев Н. И. Славянофильство. С. 58. Ранняя смерть 25-летнего Д. А. Валуева в том же году не позволила ему занять должное место среди классиков славянофильства.

² Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовременных и единоплеменных. М., 1845. Т. 1. С. 10. На титульном листе также значится: «Издад Д. В.».

³ Там же. С. 19.

Однако основные идеи статьи «Обозрение современного состояния литературы» оказались совсем не созвучны настроениям, преобладавшим в славянофильском кружке. В частности, автор статьи приходит к убеждению в том, что «все споры о превосходстве Запада или России, о достоинстве истории европейской или нашей и тому подобные рассуждения принадлежат к числу самых бесполезных, самых пустых вопросов, какие только может придумать праздное любопытство мыслящего человека»¹. В то же время Киреевский считает, что внимательный взгляд на жизнь Европы позволяет извлечь полезные для России уроки. Прежде всего он замечает, что на Западе происходит борьба двух *противоположных* тенденций. Первую из них он характеризует так: «*Отдельные западные народности, достигнув полноты своего развития, стремятся уничтожить разделяющие их особенности и сожмнуться в одну общеевропейскую образованность*»². Это уничтожение национальных особенностей Киреевский никоим образом не одобряет; по его мнению, безоговорочно поддерживают отмеченную тенденцию только евреи, «воспитавшиеся в разрыве с народными убеждениями» и всегда имеющие «свои особенные виды». Сами европейские народы далеки от безоглядного «*общеевропейского*» энтузиазма. В своей жизни и особенно в своей литературе они стремятся сохранять и оберегать свою *национальную крепость* – вот вторая, противоположная тенденция, которую Киреевский безоговорочно поддерживает. «Эта национальная крепость, эта живая целостность образованности европейских народов <...> сообщает литературе их особенное значение»³. Такая литература является «внутренним делом самопознания», «является необходимою, как естественный процесс умственного дыхания, как прямое выражение и вместе как неизбежное условие всякого развития образованности»⁴.

Таким образом, с точки зрения Киреевского, *национальная крепость* – это условие *жизнеспособности* культуры, условие ее продуктивного развития; только в связи с этим фундаментальным качеством «вступает она в сферу общего всечеловеческого общения как живой неотъемлемый элемент, как личность с голосом в деле общего совета». Но и вступая в такое общение, нация должна сохранять способность *возвращаться* «к внутреннему своему основанию, к началу своего исхода», к настоящему первоисточнику своей силы. Фактически Киреевский формулирует *принцип национальности* как основной

¹ Киреевский И. В. Избранные статьи. С. 156.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 147–148. Под литературой Киреевский подразумевает все виды словесного творчества, включая научные, философские и религиозные произведения.

⁴ Там же. С. 148.

принцип европейской жизни; те или иные формы межнационального общения, сотрудничества и т. п. не отвергаются, но ставятся под контроль этого принципа, признаются допустимыми лишь в той степени, в какой они не угрожают «национальной крепости».

Открыв в Европе борьбу между тенденцией к «общевропейской» интеграции и тенденцией к национальной индивидуализации, Киреевский переходит к России. Для нее имеет первостепенное значение именно вторая тенденция, поскольку мы должны не просто оберегать нашу национальную крепость, но, по существу, ее *воссоздавать*. Киреевский пишет: «Может быть, справедливо думают те, которые утверждают, что мы, русские, способнее понять Гегеля и Гёте, чем французы и англичане; что мы полнее можем сочувствовать с Байроном и Диккенсом, чем французы и даже немцы; что мы лучше можем оценить Беранже и Жорж Занд, чем немцы и англичане». Но откуда берется подобная отзывчивость? Киреевский отвечает на этот вопрос так: «Если мы оторвемся от народных убеждений, то нам не помешают тогда никакие особенные понятия, никакой определенный образ мыслей, никакие заветные пристрастия <...> Мы свободно можем разделять все мнения, усваивать себе все системы, сочувствовать всем интересам, принимать все убеждения». Но при этом наши собственные произведения будут лишь «бледными отражениями» чужого творчества и не смогут воздействовать «на образованность народную, потому что между ею и нами нет умственной связи, нет сочувствия, нет общего языка»¹. Ибо народ никогда не ставит на одну доску *свое* и *чужое*.

Совершенно очевидно, что эти слова направлены против мнения, согласно которому самую суть нашего национального характера является способность к вселенскому сочувствию. Киреевский с этим категорически не согласен. Для него единственным прочным основанием национальной культуры служит сознательная связь с «коренными стихиями» и «началами» нашей собственной, а не чужой жизни. Именно этими чертами отмечено творчество таких «необыкновенных явлений», как Державин, Карамзин, Пушкин, Гоголь. Но хотя вершины русского слова и русской мысли возвышаются как неприступные бастионы «национальной крепости», в повседневной культурной жизни процветает именно подражательность слова и несамостоятельность мысли. Тон задают здесь те, кто считает, что «полнейшее усвоение иноземной образованности может со временем пересоздать всего русского человека, <...> изгладить нашу особенность и таким образом сделать нас европейски просвещенными»².

¹ Там же. С. 151–152.

² Там же. С. 152.

Значит ли это, что Киреевский все-таки приходит к отрицанию западного просвещения, по крайней мере с точки зрения его совместимости с коренными началами русской жизни? Киреевский спешит отвергнуть такое понимание его слов, отмечая: «Другое мнение, противоположное этому безотчетному поклонению Западу и столь же одностороннее, хотя гораздо менее распространенное, заключается в безотчетном поклонении прошедшим формам нашей старины» и выражается в призыве «развитием нашей особенной образованности» *изгладить* «новоприобретенное европейское просвещение». Этот призыв тоже чужд Киреевскому. Европейское просвещение надо не отрицать, «а, напротив, принять в себя, оценить, поставить в свои границы и, подчинив таким образом собственному превосходству, сообщить ему свой истинный смысл»¹.

Каким же образом *дополняют* друг друга европейское просвещение и «наша особенная образованность»? Ответ Киреевского, хотя и сформулирован несколько тяжеловесно, но вполне ясен. Он отмечает, что существуют два главных способа «раскрытия умственных сил в человеке и народах». Один способ «зависит от того начала, которому покоряется человек»; как бы в награду за эту покорность истина здесь «может сообщаться непосредственно». Второй способ – это «формальное развитие разума и внешних познаний»; истина здесь «есть плод медленной и трудной работы». При всем их различии это две стороны одного процесса познания: «Первая дает смысл и значение второй, но вторая дает ей содержание и полноту»².

Кратко говоря, для познания равно необходимы логическое мышление и непосредственная *интуиция*. Именно в интуиции нам даны («извещаются») коренные начала русского духа, его глубинные верования, неискоренимые убеждения. Но раскрывать и *развивать* эти начала можно только с помощью ясного и отчетливого, *рационального* мышления, школой которого является европейское просвещение, готовящее человека именно к «медленной и трудной» работе ума.

Фактически И. В. Киреевский, сам того не сознавая, переводит на язык умознания призыв, который мы уже слышали от С. С. Уварова: будьте русскими по духу и тогда вы можете без ущерба для себя стать европейски образованными людьми. Подводит Киреевский черту и под «чаадаевскими» настроениями молодости, когда он был уверен, что «у нас искать национального – значит искать необразованного». Теперь он философски обосновывает и четко формулирует свое credo, выдержанное, повторю еще раз, вполне в «правительственном»

¹ Киреевский И. В. Избранные статьи. С. 154–156.

² Там же. С. 158.

духе: «Направление к народности истинно у нас как высшая ступень образованности, а не душный провинциализм»¹.

Все это почувствовали другие славянофилы и фактически *отказали* новому редактору в той «активной и единой поддержке», на которую он рассчитывал². Отказ этот в целом понятен. Во-первых, практически все другие славянофилы не могли принять последовательно *национальный* взгляд Киреевского и на Европу, и на Россию, ибо считали, что русский народ обязан *всецело* посвятить себя «всецелочеловеческому общению». Во-вторых, достигнутое Киреевским *философское* понимание того, что европейский менталитет и русский склад ума не исключают, а дополняют друг друга, было его мнимым «единомышленникам» просто недоступно.

Разочарование Киреевского остро выразилось в письме к «московским друзьям», в котором он подчеркивал, что в кругу славянофилов отсутствует «настоящее единомыслие». Главную причину он видит в том, что «народность в ее общем начале до сих пор еще нами не признана и не выражена. Оттого понятия наши смешаны, требования необязательны и сочувствия неплодоносны»³. Впрочем, никакой заметной реакции на обращение И. В. Киреевского со стороны «московских друзей» не последовало. Было, как говорится, не до этого. В 1847 г. произошло событие, которое можно считать *первым публичным размежеванием славянофилов и западников*. Именно это событие следует, по-видимому, считать настоящей «датой рождения» славянофильства как особого *направления русской мысли*, ибо до того лишь Иван Киреевский дал более или менее связное и развернутое изложение *своих* взглядов, другими славянофилами *не поддержанных*.

После того, как западники обрели свой собственный печатный орган – журнал «Современник», в его первом номере появилась работа Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885) «Взгляд на юридический быт древней России», которая «долгие годы воспринималась как программный документ западничества»⁴. В качестве *центральной идеи* Запада (а тем самым и русских западников) автор выдвинул *идею личности*. Особое значение имела для Кавелина прямая связь этой идеи с *христианством*. Он набрасывает эту связь яркими и уверенными мазками: «Христианство открыло в человеке и глубоко развило в нем внутренний, невидимый, духовный мир <...> Так возникла впервые в христианстве мысль о бесконечном, безусловном достоин-

¹ Там же. С. 155.

² Подробнее см.: Müller E. Russischer Intellekt in Europäischer Krise. Ivan V. Kireevskij. Köln; Graz, 1966. S. 28–29.

³ Киреевский И. В. Избранные статьи. С. 323.

⁴ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 544.

стве человека и человеческой личности». Но идея личности не осталась исключительно религиозной идеей и перешла «в мир гражданский». Отныне «для всех народов нового христианского мира – одна цель: безусловное признание достоинства человека, лица и всестороннее его развитие. Только все идут к ней разными путями, бесконечно разнообразными, как сама природа и исторические условия народов»¹.

Быстро выясняется, однако, что никакого «бесконечного» разнообразия здесь нет, а есть только *два пути*, характерные для двух групп народов. С одной стороны, это германцы, с другой – славяне, в том числе и «русские славяне». Коренное качество германцев состоит в том, что *еще до принятия христианства* в них развилось «глубокое чувство личности, но под грубыми, дикими формами». Совсем иначе обстояло дело со славянами: «Начало личности у них не существовало». Отсюда следует, что после принятия христианства германцам «предстояло *развить* историческую личность, которую они принесли с собой, в личность человеческую; нам предстояло *создать* личность»².

Но на каком основании Кавелин отрицает существование «начала личности» у славян? По сути дела, он приводит один-единственный довод: «Семейственный быт и отношения не могли воспитать в русском славянине чувство osobности, сосредоточенности, которое заставляет человека проводить резкую черту между собою и другими и всегда и во всем отличать себя от других». Нетрудно заметить подмену понятий, которую совершает автор. Оказывается, человек является личностью в той мере, в какой он *всегда и во всем отличает себя от других*. Вот то *определение личности*, которое приходит у Кавелина на смену христианскому представлению о человеке как существе, наделенном *внутренним духовным миром* и потому обладающим безусловным достоинством. Теперь такой мир оказывается излишним. Важно лишь «всегда и во всем» считать, что я не такой, как другие.

К одной ошибке присоединяются другие. Кавелин считает семью, а также род и племя чисто *биологическими* образованиями; кроме того, он уверен, что *духовное* вообще несовместимо с «кровными», органическими связями между людьми. Встав на позицию такого сомнительного «спиритуализма», Кавелин последовательно противопоставляет семью и государство. По его мнению, «в государственной сфере происходит отрицание исключительно кровного, семейного начала <...> На сцену выступает личность. Она не произвольно выходит из кровного союза, ставит себя выше семьи: она отрицает их во имя идеи, и эта идея – государство»³.

¹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 19–20.

² Там же. С. 22–23. Курсив мой. – Н. И.

³ Там же. С. 47–48.

Применяя изложенные теоретические соображения, Кавелин набрасывает соответствующую картину русской истории. Германцы-варяги принесли русским славянам как идею личности, так и идею государства. Но эти идеи еще не успели укорениться, когда варяги уже фактически «исчезли», растворившись в «русско-славянском элементе». С усилением этого элемента восторжествовало (при Ярославе Мудром) родовое начало, но это торжество сокрушили монголы. Хотя «они сделали много зла России», в их господстве был и несомненный плюс: «ханам были чужды родовые расчеты», они ценили «личные качества» князей. Наступил новый период: «Из-под великокняжеской вотчины проглядывает государство, отвлеченное нравственное лицо, имеющее свое физическое существование и самостоятельное, разумное значение». Дерзкий (хотя и неудачный) шаг к полному торжеству личного и государственного начал делает Иван Грозный, который «глубоко пал именно потому, что был велик». Наконец, наступает решающий перелом: «При Петре Великом личность на русской почве вступила в свои безусловные права, отделилась от непосредственных, природных, исключительно национальных определений, победила и подчинила их себе»¹.

Внешняя стройность рассуждений Кавелина не способна скрыть их недостаточную продуманность. Об этом свидетельствуют и слова, которые можно считать итоговыми: «Исчерпавши все свои исключительно национальные элементы, мы вышли в жизнь общечеловеческую, оставаясь тем же, чем и были прежде, – русскими славянами». Как возможен такой фокус-покус – «исчерпать» свою национальность и остаться русскими – понять затруднительно. Но, похоже, ясность в этом моменте для Кавелина не так уж и важна; как и у славянофилов, его взгляд устремлен в будущее. Теперь мы стали равноправными партнерами Европы, ибо между нею и Россией «вся разница только в предыдущих исторических данных, но цель, задача, стремления, дальнейший путь один»².

Это заявление Кавелина очень характерно для риторики западников. Они соблазняются возможностью равенства с Западом, но на деле это равенство оказывается фиктивным, чем-то вроде «равенства» между человеком, который всегда жил на свободе, и тем, кто только что вышел на свободу, проведя значительную часть жизни в тюрьме. Западноевропейские народы развивались, сохраняя «глубокую печать своей национальности», мы же должны были сначала «исчерпать» свою национальность. Они были всегда верны себе, мы же были обязаны от себя отречься.

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 67.

В то же время нетрудно понять впечатление, которое произвела на современников историческая схема Кавелина. Мы видели, какие надежды связывались тогда с идеей народности, или национальности, в качестве принципа понимания как истории Европы, так и отечественной истории. Но вот пришел еще совсем молодой автор и предложил, по его собственным словам, свой «ключ к правильному взгляду на русскую историю» – идею личности. Идею, которая тоже вызвала самый живой отклик в русском образованном обществе. Ясно, что такое выступление недавнего сторонника славянофилов было для них вызовом, требующим незамедлительно ответа.

Ответ последовал – со стороны молодого славянофила Юрия Федоровича Самарина (1819–1876), напечатавшего в том же 1847 г. в «Москвитянине» статью под названием «О мнениях “Современника”, исторических и литературных». Как отмечает Н. И. Цимбаев, «именно эта работа Самарина была первым произведением, обращенным к русской читающей публике, где излагались историко-философские, политические и общественно-литературные воззрения московских славянофилов»¹.

В начале полемики с «Современником» Самарин указывает, что речь идет о «споре между Москвою и Петербургом» и что вместо «придуманного» в Петербурге названия «славянофилы» уместнее говорить о «московском направлении»². Не Запад, «страна святых чудес», а Петербург был для славянофилов символом всего враждебного, ненавистного, подлежащего уничтожению; клич «да здравствует Москва и да погибнет Петербург» сопровождал, по словам того же Самарина в одном из писем, все встречи представителей «московского направления»³. И в этом «кличе» наглядно проявилась несостоятельность славянофильства как общенациональной идеологии.

Но вернемся к отклику Самарина. По основному смыслу статьи Кавелина его оппонент был должен ясно выразить отношение славянофилов к идее личности. Определенная ясность в статье Самарина есть, но состоит она в настойчивом стремлении *дезаурировать* эту идею, дезаурировать всесторонне – и как религиозный, и как исторический, и как философский принцип.

Начинает он, естественно, с религии. Идея личности, пишет Самарин, «не только не исчерпывает сущности христианства», но составляет всего лишь «отрицательную сторону христианства». Хотя христианство и учит о безусловном достоинстве человека, но

¹ Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 569. Мы видим, как различны (даже у одного и того же специалиста) мнения о том, какую работу следует считать первым «программным» произведением славянофилов.

² Там же. С. 411.

³ Цимбаев Н. И. Славянофильство. С. 124–125.

«человека, отрекающегося от своей личности <...> и подчиняющего себя безусловно *целому*»¹. Поразительнее всего то, что христианский мыслитель (каковым принято считать Самарина) даже не вспоминает о христианстве как о религии *теистической*, религии *личного* Бога. Впоследствии православный богослов и выдающийся психолог Вениамин Алексеевич Снегирев (1842–1889) отмечал, что «религия с безличным богом – не есть религия в собственном смысле, а только подобие или суррогат ее»². Именно такой суррогат мы находим у Самарина, когда он дает *положительное определение* христианской религии. Оказывается, что христианство – это «учение, распространяющее братские отношения на все человечество и, следовательно, возводящее их от естественного, природного факта до идеи». Обратим внимание: в христианстве, так понимаемом, нет ничего принципиально, качественно нового; оно только распространяет «на все человечество» *общинное начало*, которое состоит в «потребности жить вместе в согласии и любви, потребности, сознанной каждым членом общины как верховный закон, обязательный для всех»³.

Взгляд на христианство как на апофеоз «общинного начала» весьма напоминает «христианский социализм» Сен-Симона и прочих⁴. Соответственно, община становится у Самарина всеобъемлющим принципом объяснения, ибо «составляет основу, грунт всей русской истории, прошедшей, настоящей и будущей». Перед его взором встает даже «единая, обнимающая всю Россию государственная община, – последний вид, выражение земского и церковного единства». При этом Самарин никак не выделяет общину в собственном смысле, *крестьянскую общину*, даже вообще ничего не говорит об этом виде общины *как таковом*. Слово «община» становится заклинанием, изгоняющим злополучную «личность».

Правда, время от времени Самарин отмечает и положительную роль «личного начала» в русской истории, но эти редкие (и робкие) оговорки теряются на фоне рассуждений о том, что личность – это вообще не русское, а «германское национальное начало». Что же остается в сухом остатке? По сути дела, и западник Кавелин, и славянофил Самарин *согласны в главном*, ибо признают личность началом, по своей сути западным, «германским», а не русским. Собственно русским (или «славяно-русским») они признают некое *коллективное* начало,

¹ Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. С. 417.

² Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений. Харьков, 1893. С. 599.

³ Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. С. 432–433.

⁴ Белинский, и сам к тому времени пламенный социалист, отмечал у Самарина фразы, «целиком взятые из французских социалистов», но «плохо поняты» (в письме к Кавелину в том же 1847 г.).

которое Кавелин предпочитает называть родовым, а Самарин – общинным. Поэтому спор между ними – это *не принципиальный* спор, а лишь разногласие относительно того, какой знак – положительный или отрицательный – ставить перед этими началами. Единомыслие славянофилов и западников уместно назвать единомыслием *по модулю*.

Предубеждение Самарина против «личного начала» было не только его личным мнением, но вполне разделялось признанным вождем славянофилов А. С. Хомяковым. Из статьи «О возможности русской художественной школы» (1847) мы узнаем: «Художник не творит собственною своею силою: духовная сила народа творит в художнике»¹. Но это утверждение, навеянное целой плеядой немецких философов, звучит еще слишком неопределенно, и Хомяков идет дальше, сообщая, что произведение искусства «не есть произведение единичного духа, но произведение духа народного в одном каком-нибудь лице. Сохранение же имен в памяти народной или их забвение есть чистая случайность, не составляющая действительно никакой разницы в истории искусства»². Помним мы о Пушкине или нет – совершенно неважно; его талант – это не более, чем «талант» медиума, устами которого говорила «народная личность».

Конечно, *олицетворение* народа является естественным моментом в развитии национального самосознания; в русской мысли мы встречаем это олицетворение задолго до славянофилов. То новое, что внесли они, – это последовательное *отрицание личности отдельного человека* во имя *метафорической* «народной личности». Вот одна из важнейших причин того, почему западничество постоянно выигрывает соревнование со славянофильством за ум и сердце *русского* человека. Последний чувствует, пусть и безотчетно, что именно «славянофилы», ополчаясь на личность, покушаются тем самым и на его собственное человеческое достоинство. Притом дело не ограничивается идеей личности; вслед за нею и идея народности теряет в глазах «истинных славянофилов» всякое *самостоятельное* значение. Ход мысли здесь тот же, что и в рассмотренных ранее статьях Белинского: сначала единичное всецело подчиняется общему, затем менее общее – более общему, а в конечном счете все подчиняется *самому общему* – *человечеству*.

Такая иерархия была вполне ясно выражена А. С. Хомяковым еще в конце 1830-х гг., когда он приступил к работе над «исследованием истины исторических идей», получившим среди его друзей название «Семирамиды». Уже на первых страницах своего исследования

¹ Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. С. 137–138.

² Там же. С. 154.

Хомяков заявляет: «Не дела лиц, не судьбы народов, но общее дело, судьба, жизнь всего человечества составляют истинный предмет истории»¹. Без ложной скромности он пишет Самарину, что деятельность славянофилов «есть дело не только русское, но и всемирное», что они «посвятили себя великому всемирному труду христианского воспитания»². Вспомним, что Чаадаев называл «великой воспитательницей рода человеческого» католическую церковь.

Доказательству того, что «русское дело» является *по существу* делом «всемирным», посвящена статья Хомякова «По поводу Гумбольдта», написанная в конце 1848 г., формально – по поводу появления в русском переводе первого тома «Космоса» Александра фон Гумбольдта, а по сути – в связи с революционными событиями в Европе. Хомяков видит в этих событиях грандиозный исторический катаклизм: «Общество восстает не против формы своей, а против сущности, против своих внутренних законов»³. Неизбежность этого восстания обусловлена тем, что «новый европейский мир» был «создан христианством», но *развивался* «не под влиянием христианства», а под влиянием двух его *искажений*. Суть христианства составляют «идеи единства и свободы, неразрывно соединенные в нравственном законе взаимной любви». Но Запад, наследник «римского мира», «не мог понять этого закона: для него единство и свобода явились силами, противоположными друг другу». Долгое время всю жизнь Запада определяло «латинство», которое отвергало свободу в пользу «внешнего единства». Затем, в качестве реакции, «наступил период протестантства», которое повсюду выдвигало «идею свободы и приносило ей в жертву идею единства». Теперь же совершается «суд истории», озаменованный «падением начала латино-протестантского», падением сперва «в душе человеческой», а потом и в организации общества. Для Запада остается единственный выход из исторического тупика: принять «истину первобытного христианства», тем более что эта истина уже давно получила реальное *историческое воплощение*: «Таково православие», представителем которого «является Восток, по преимуществу же земли славянские и в главе их наша Русь»⁴.

Итак, «призвание русской земли в истории всемирной» установлено: дать миру «чистое христианство», сохраненное православием. Но осуществить это призвание мешает тот факт, что в самой России – «вследствие исторических случайностей» – весьма окрепли позиции

¹ Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. М., 1994. Т. 1. С. 39.

² Цит по: Владимиров Л. Е. Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение. М., 1904. С. 19.

³ Русский мир в лицах. Алексей Степанович Хомяков. С. 309.

⁴ Там же. С. 312.

«европеизма», или «русского вигизма», который «отлучил от себя все русское начало и сам от него отлучился». Тем самым он лишился всякого самостоятельного значения и был вынужден всецело подчиниться «движению Запада, которого он сделался школьником и рабом»¹. Это «духовное рабство перед западным миром», считает Хомяков, привело к тому, что просвещение в России пришло ныне, к середине XIX в., в совершенный упадок. В искусстве дело обстоит особенно скверно: «Ни искусство слова, ни искусство звука, ни пластика в России не выражают еще нисколько внутреннего содержания русской жизни, не знают еще ничего про русские идеалы»². Как узнаваемы эти «нисколько» и «ничего»...

Впрочем, в конце статьи сообщается, что «возврат русских к началам русской земли уже начинается». Веских доводов в пользу этого неожиданного оптимизма не приводится, но скорее всего Хомяков имеет в виду самих славянофилов, которые «стараются хотя несколько приблизить свой домашний быт к жизни и обычаям русским». Этого, прямо скажем, скромного достижения достаточно, чтобы с надеждой смотреть в будущее и утверждать: «История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения; она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал, а право, данное историю народу, есть обязанность, налагаемая на каждого из его членов»³.

Исторической схеме Хомякова, если смотреть на нее с высоты птичьего полета, нельзя отказать в своеобразной стройности. Она основана на том постулате, что жизнь народов всецело определяется их верой, ибо «вера есть высшее общественное начало». При этом «в настоящее время» и Россия, и Запад находятся в состоянии *кризиса*, связанного с отрывом образованной части общества («личностей») от собственных религиозных начал. Но если для Запада выход из кризиса состоит в окончательном отречении от своих ложных начал, то для России он связан с возвращением к своему истинному началу⁴. От того, насколько успешно решит Россия эту задачу, зависит и судьба Запада, который, отринув латинство и протестантство, не может остаться вообще без веры и должен, вслед за Россией и *ведомый* Россией, обратиться, наконец, к истинному христианству, к религии «всеобщего братолюбия».

Определенная логика в этом построении есть, но не менее очевидны и его изъяны. В своей «историософии» Хомяков – крайний ге-

¹ Русский мир в лицах. Алексей Степанович Хомяков. С. 315.

² Там же. С. 319.

³ Там же. С. 327.

⁴ Очевидно, что и здесь мы имеем зеркальное отражение концепции «западников».

гельянец, несмотря на свою критику «гегелизма». «Всемирная история» для него – это арена *борьбы идей*, причем взятых в самой общей, отвлеченной форме, как идеи свободы и единства (или необходимости); идеи, заметим, скорее *философские*, чем собственно религиозные. За этими идеями у него стоят христианские конфессии – и лишь *на третьем плане* мы различаем *народы*, роль которых сводится к тому, что они или «искажают» христианство, или хранят его «в чистоте». Горячий почитатель Хомякова выразил этот аспект учения Хомякова в следующих словах: «Не народность свою инстинктивно, суетно и самолюбиво возвеличивать, а христианство воплотить во всем народе, вот высшее алкание души славянофила Хомякова»¹. И действительно, строго говоря, у Хомякова нет понятия о народности *как самостоятельном начале*; с некоторой осторожностью он выделяет «общинное начало», но не как собственно русское, а как общеславянское. Более того, народность, *отождествленная* с общинным началом, неизбежно утрачивает свою «самолюбивую» индивидуальность, перестает быть *этой* народностью. Ведь в идеале все общины должны перерасти в одну общину всего человечества, во «всемирное братство». Идея такого братства, по своей сути *теократическая*, несовместима с национальным разнообразием. Западный средневековый идеал, известный под именем *Pax Christiana*, подспудно, но весьма ощутимо присутствует в славянофильской доктрине.

Отношение Запада и России исчерпывает у Хомякова основное содержание «всемирной истории». Правда, этот очевидный *европоцентризм* он пытался преодолеть в своей «Семирамиде», представив историю человечества как историю борьбы его «иранской» и «кушитской» ветвей². Но и эти ветви определяются у Хомякова скорее абстрактно-философски, как носители принципов «духовности» и «грубой вещественности», чем конкретно-исторически. В частности, безоговорочно причисляя древних евреев к «Ирану», Хомяков не только огорчает тех, кто хотел бы видеть в нем единомышленника графа Гобино и предшественника Х. С. Чемберлена, но и вступает в безнадежный конфликт с выводами сравнительного языкознания. А главное, «ирано-кушитская» историософия не находит у Хомякова никакого применения при рассмотрении русской истории.

Данный Хомяковым анализ тех «потрясений», которые испытал Запад в середине XIX в., нельзя признать убедительным еще и потому, что он фактически упускает из виду важнейшую черту своей эпо-

¹ *Владимиров Л. Е.* Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение. С. 7–8.

² *Хомяков А. С.* Записки о всемирной истории. Часть вторая // *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1873. Т. VI. С. 16–17.

хи – культурно-политическое *самоутверждение наций*. Эту черту отмечали, еще в 1830-е гг., Плетнев и Межевич, Погодин и Белинский. Хомяков же, будучи, несомненно, человеком незаурядного ума, оказался неспособен уловить даже в 1848 г. хотя бы отблески европейского национализма. Невосприимчивость Хомякова к национальному фактору – как фактору *sui generis* – была несомненно связана с абсолютизацией религиозного фактора.

Нельзя не отметить еще одно слабое звено в схеме Хомякова – его трактовку «отрыва от народных начал», возникшего в *русской* истории, как отрыва *случайного*. Понятие «исторической случайности» можно использовать «точечно», но не как объяснение огромного исторического периода. Кроме того, связывая указанный отрыв с *протестом* личности против *перевеса* общественных интересов и требований, Хомяков фактически шел по следам Кавелина и других западников с той лишь разницей, что говорил о «случайности» там, где они говорили о *закономерности*.

Короче, требовалась новая, более убедительная, но притом именно «славянофильская» схема *внутренней* истории России, а для новой схемы требовался новый человек. И он появился в лице Константина Сергеевича Аксакова (1817–1860). Однако прежде, чем его голос прозвучал в полную силу, в жизни русского общества и всей России произошли события, на которых необходимо кратко остановиться.

Осенью 1853 г. началась война с Турцией, а уже в феврале следующего года ультиматум России предъявили две главные колониальные империи, Великобритания и Франция, с их огромными военными, экономическими и людскими ресурсами. Россия подверглась нападению по всему периметру своих морских границ, от Черного до Белого моря, от Балтики до Дальнего Востока; боевые действия шли также на Дунае и на Кавказе. Без всякой конспирологии понятно: союзники планировали уничтожение России как *великой державы*, если не как самостоятельного государства вообще. *Эти планы провалились*; не помогло и содействие той влиятельной группы в русском правительстве, которая стремилась к быстрейшему окончанию войны и примирению с Западом¹.

Война 1853–1856 гг. не осталась, конечно, без внимания со стороны славянофилов. Только внимание это проявлялось зачастую весьма сомнительным образом, как, например, в известном стихотворении Хомякова, где сообщалось, что Россия «*всякой мерзости полна*»

¹ Е. В. Тарле отмечал в связи с этим: «Продолжать войну было возможно, жизненные центры России не были затронуты, никаких симптомов упадка духа, растерянности, малодушия в армии не наблюдалось», см.: Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 544.

и потому должна омыть себя «водою покаянья» *прежде*, чем бросаться «в пыл кровавых сеч». Даже либеральный князь Вяземский, склонный при случае «уколоть» свое отечество, прозрачно намекнул Хомякову, что тот совершенно некстати выступил в роли ветхозаветного Хама¹.

То покаяние, на котором настаивал Хомяков, представлялось ему и его единомышленникам отнюдь не религиозно-символическим. Именно в годы Крымской войны, сообщает исследователь, «в славянофильском кружке составляются многочисленные проекты, записки, письма, мнения», в которых настойчиво проводится мысль о «немедленном освобождении крепостных крестьян»². И это – в разгар тяжелейшей борьбы с сильнейшими державами Запада! Здесь славянофилы явно выступают как предшественники «февралистов»; более того, известны высказывания славянофилов, звучащие прямо по-ленински. Первый историограф славянофильского кружка А. И. Кошелев писал о царивших там настроениях так: «Высадка союзников в Крым в 1854 году <...> и обложение Севастополя нас не слишком огорчили; ибо мы были убеждены, что даже поражения России сноснее и даже для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время»³.

Кончина Николая I в феврале 1855 г. дала славянофилам еще один повод выразить свое непонимание как его личности, так и его дел. «Я считаю Николая Павловича просто душегубцем; никто не сделал России такого зла, как он», – юродствовал И. С. Аксаков в очередном письме к очередной корреспондентке. Но вот «душегубец» ушел в мир иной; вступил на престол Александр II, и уже в самом начале нового царствования К. С. Аксаков составляет для нового императора записку «О внутреннем состоянии России», которая, по словам еще одного современного исследователя, содержит «квинтэссенцию его воззрений»⁴. Действительно, записка Константина Аксакова излагает определенную *концепцию русской истории*, не «расплываясь» в историю «всемирную».

Ключевой тезис этой концепции мы находим в самом начале записки: «Русский народ есть народ не государственный, то есть не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного

¹ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 569–570.

² Цимбаев Н. И. Славянофильство. С. 184–185. Особенно рьяно отстаивал эту идею И. С. Аксаков.

³ Там же. С. 186–187.

⁴ Аксаков К. С. Государство и народ. М., 2009. С. 27–28.

властолюбия»¹. Надо отдать должное К. С. Аксакову: он не пытается свести историю к диалектике отвлеченных понятий. В то же время сразу возникает вполне конкретное недоумение: правильно ли называть «негосударственным» народ, который не стремится к государственной *власти*? Отношение русского человека к государству издавна выражалось в понятии *службы*; Петр Великий возвел это отношение в основное, и для своих подданных, и для себя самого, возвел не произвольно, но опираясь на тот *государственный инстинкт*, который уже укоренился в русском человеке. Малоубедительны и ссылки К. Аксакова на «добровольное призвание чужой государственной власти в лице варягов», а также на то, что «в 1612 году народ призвал государственную власть, избрал царя и поручил ему неограниченно судьбу свою»². Ведь слова «призвание», «избрание», «поручение» выражают (в контексте примеров Аксакова) *государственно-политические деяния*, исполненные величайшего значения.

Признав русский народ «негосударственным», Аксаков несколько неожиданно заявляет затем, что в нем живет «дух законности»; последний выражается, например, в том, что все народные восстания в истории России – это восстания «за законную власть против незаконной», хотя «законность иногда понимается ошибочно». Но этот дух, спешит уточнить Аксаков, совсем не такой, как «дух законного порядка» в западном представлении. Для западного человека «дух законности» состоит в том, чтобы иметь законы, которые были бы *общими для него и для власти*, исполнялись бы всеми гражданами данного государства. В противном случае, если власть нарушает законы, народ имеет право на восстание (вспомним рассуждения Фонвизина). Но именно поэтому западные народы являются народами «политическими». Не таков русский народ: самая идея «какого-то политического восстания» ему «противна» и основное желание его – существенно иное.

Характеризуя это желание, Аксаков самым решительным образом *разделяет* власть и народ. Русский народ хочет «оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт, – жизнь мирную духа <...> Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, – народной жизни внутри себя». Таким образом, Константин Аксаков – в письме к новому русскому царю – принципиально отделяет правительство (как «власть от мира сего») от «внутренней» христианской жизни народа. Только эта последняя жизнь является «жизнью духа». Что касается правительства, то в утеше-

¹ Ранние славянофилы. М., 1910. С. 69.

² Там же. С. 69–70.

ние ему Аксаков пишет: «Высокий подвиг совершает тот, кто бодрственно стоит на страже храма в то время, как в нем совершается богослужение»¹. Здесь явно присутствует либеральное понимание государства как «ночного сторожа», только оберегающего в данном случае не экономическую, а *религиозную* жизнь и никак не вмешивающегося в нее.

Обратим внимание: *отделено* от народа, с точки зрения Аксакова, должно быть не только «правительство» в узком смысле слова, но и «все те, которые служат в государственной службе». Он считает идеалом «древнее разделение России, в понимании Русского человека, на государство и землю (правительство и народ)»²; но, по сути, его идеал – это система какого-то фантастического «духовно-политического» апартеида, какой-то отголосок кастового деления, но только с перевернутой иерархией.

«Итак, первое отношение между правительством и народом есть отношение *взаимного невмешательства*», – резюмирует Аксаков, а вслед за этим «успешно» решает задачу о квадратуре круга, находя *силу*, которая позволяет народу *влиять на политику*, оставаясь при этом *всецело вне политики*. Этой силой являются Земские Соборы. Правда, исторически на «Земские Соборы созывались не одни земские люди, но и служилые или государевы», признает Аксаков, однако здесь они как бы преображались, превращаясь в «народ». Каким образом происходило это преобразование, Аксаков не поясняет, а просто рисует вполне идиллическую картину русской истории в период расцвета Земских соборов: «Народ и правительство, не смешиваясь, жили в благоденственном союзе»³.

Петр нарушил эту идиллию, сделав вмешательство в жизнь народа постоянным принципом своей деятельности: «государство, в лице Петра, посягнуло на народ, вторгнулось в его жизнь, в его быт, изменяло насильственно его нравы, его обычаи, самую его одежду» и т. д. Это *вмешательство* и определило *общественный разрыв*: «Служилые люди, или верхние классы, оторвались от народных начал, понятий, обычаев, и вместе от русского народа». Терминология Аксакова, согласно которой «невмешательство» равносильно «благоденственному союзу», а «вмешательство» – «разрыву», вызывает, конечно, определенные семантические недоумения. Но подобное *смещение понятий* позволяет ему обойти собственный тезис о невозможности революции со стороны русского народа. Тлетворный «политический дух» начинает проникать и в народ, но исключительно по вине «те-

¹ Там же. С. 73–74.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 85.

перешней Петровской правительственной системы». Заметим: обвинение правительства в том, что оно само «толкает» народ к революции, станет вскоре излюбленным приемом антиправительственной пропаганды.

Так в чем же выход? Революционный путь смены «политической системы» Аксаков, естественно, отвергает, а вместо этого предлагает правительству «*понять Россию* и возвратиться к русским основам, согласным с ее духом»¹. Однако «понять Россию» своим умом, насквозь пропитанным западными идеями, правительство, конечно, не способно и потому должно получить «нужные для него указания и сведения» из другого источника. Казалось бы, тут-то и надо еще раз вспомнить о Земских соборах. Но «созвать в настоящее время Земский Собор было бы делом бесполезным», считает Аксаков. Вместо этого он предлагает обратиться *непосредственно* к таинственной инстанции, открытой славянофилами совместно с западниками, – к «*общественному мнению*». Говоря же конкретнее, необходимо «снять гнет с устного и письменного слова». «Свобода духа более всего и достойнее всего выражается в свободе слова. Поэтому – свобода слова, вот неотъемлемое право человека»², – заявляет Аксаков, как запаровский либерал-западник.

Подчеркнем, что К. С. Аксаков требует от царя именно *полной* отмены цензуры, полной свободы слова во всем, что касается «мысли и всякого мнения». Но разве не очевидно, что при этом откроется полный простор для пропаганды разрушительных идей? На это сомнение следует простодушный ответ: «Если найдутся злонамеренные люди, которые захотят распространить вредные мысли, то найдутся люди благонамеренные, которые обличат их и тем самым дадут новое торжество и новую силу правде». В заключение Аксаков настаивает, что свобода слова «составляет главный вопрос» даже по сравнению с вопросом о «крепостном состоянии», которое ведь не помешало крестьянам «сохранить основы русского быта в его чистоте»³.

Требования славянофилов к «правительству» по существу совпадали с требованиями западников. Для сравнения можно взять статью Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904) «Современные задачи русской жизни», написанную в том же 1855 г. Чичерин называет сначала *свободу совести*, потом *свободу от крепостного права* и, наконец, *свободу общественного мнения*, но сразу же уточняет, что «мы должны поставить ее на первом плане, как краеугольный камень либеральной

¹ Ранние славянофилы. М., 1910. С. 92.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 94, 96.

политики»¹. Восходящая звезда отечественного либерализма продолжает: «Правительство не должно подавлять в народе политической жизни, чтобы каждый мог по возможности иметь ясное понятие о законах своего отечества, о внутреннем его состоянии и о политической системе управления. А этого иначе нельзя достигнуть, как предоставив всем право свободно высказывать свои мнения и убеждения»². Мы видим, что Чичерин прекрасно понимает, что свобода слова как выражение общественного мнения – это элемент *политической* жизни общества, и не пытается прикрыться маской *мнимого* отказа от политики, как Константин Аксаков. Но не только в этом заключается серьезное преимущество позиции либералов перед позицией славянофилов.

Отмечая, что «общественное мнение есть выражение народной мысли», Чичерин одновременно поясняет, что народ – это все граждане России, это нация в целом: «Народ есть самое общество, для пользы которого и существуют все государственные учреждения»³. Иначе обстоит дело у К. Аксакова, для которого только «простой народ, точно, есть *просто народ*, или народ собственно»⁴. Но тогда чье же право на «гласность» и «свободу слова» он отстаивает? Ясно, что не право *простого народа*; говоря, например, о крестьянах, он вопрошает почти иронически: «...но что могли бы сказать они, так долго молчавшие?»⁵ Очевидно, что славянофилы, превознося «духовность» простого народа, тем не менее требовали права на свободу слова не для него, а *для самих себя*. В теории ставя на первое место интересы «простого народа», славянофильская «элита» *на практике* выдвигала на первый план свои собственные (пусть и сугубо интеллектуальные) интересы.

«Записка» К. Аксакова обнажает самый нерв славянофильства, даже можно сказать – выдает его главную тайну. Постоянно сетуя на «разрыв» между «верхними классами» и «простым народом», славянофилы сами исповедовали *идеологию разрыва*, изолируя в своих схемах «простой народ» от остальной части нации, дабы уберечь его духовную непорочность от заразы «политического». Константин Аксаков здесь особенно откровенен: для него простой народ (то есть крестьянство) – как лучшая, идеальная часть нации – является *противоположностью* не только плохого «петербургского» государства. Он является *не государственным* народом даже в идеализированной

¹ Голоса из России. Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В 4 кн. Лондон, 1857. Кн. 4. С. 119 (факсимильное издание: М., 1975).

² Там же. С. 119–120.

³ Там же. С. 70.

⁴ Ранние славянофилы. С. 114.

⁵ Там же. С. 94.

истории Московской Руси. Более того, именно тогда *разделение* народа и государства получило самое чистое выражение: народ со своей *духовной свободой* сам по себе, государство со своими заботами «мира сего» само по себе.

Все это, конечно, чистой воды «ретро-утопия». И можно понять досаду Б. Н. Чичерина, который спрашивал своего славянофильского оппонента: «...неужели бояре и слуги, которые не жили общинами, перестали от этого быть Русскими и принадлежать к русскому народу?»¹ И где больше исторической правды – в рассуждениях о «не государственном» характере русского народа или в словах того же Чичерина: «Дух русского народа выразился в создании государства; отсюда истекают основные начала его общественной жизни»?²

Показательно, что в «Записке» Аксакова лишь однажды, да и то вскользь, упомянуты церковь и духовенство. Для славянофилов «простой народ» с его жизнью в общине по «закону братской любви» и был *подлинной земной церковью*. Эта *подмена* тесно связана с той симпатией, которую славянофилы питали к *старообрядцам*. В николаевскую эпоху она (по понятным причинам) выражалась достаточно осторожно, но с началом царствования Александра II стала проявляться все активнее. Современный исследователь пишет: «В этот период славянофилы <...> начинают плотно взаимодействовать с торгово-промышленной элитой староверия и энергично отстаивать во власти интересы московских воротил. Это относится к таким известным фигурам, как И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, князь В. А. Черкасский, Ф. В. Чижов, А. И. Кошелев и др.»³ В частности, во многом благодаря усилиям Ивана Аксакова на пост главы Московской городской думы был избран купец-старовер Лямин, причем «Аксаков готовил выступления, которые тот заучивал наизусть и затем произносил на заседаниях»⁴.

Славянофильские симпатии к старообрядцам понятны: последние могли служить эталоном «народа Божьего», который соблюдал строгую *духовную самоизоляцию* не только от «государства антихриста», но и от всех русских людей, не разделявших убеждения раскольников. *Единство нации* не имело для этих последних никакого значения. Впрочем, *срастание славянофильства со староверием* явилось лишь отдаленным следствием фундаментального заблуждения: превращения религиозности в высший критерий народности. Это заблуждение вело в тупик, выход из которого был возможен только при условии

¹ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 115.

² Там же. С. 139.

³ Пыжиков А. В. Грани русского раскола. М., 2013. С. 219.

⁴ Там же. С. 222.

пересмотра излюбленных славянофильских постулатов – о «бессилии» личности и о «братолюбии» как сущности христианства. Среди основоположников славянофильства определенный шаг к такому пересмотру совершил только И. В. Киреевский.

В 1850-х г. Иван Киреевский опубликовал две большие статьи – «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (1852) и «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856); последняя статья появилась в новом славянофильском журнале «Русская Беседа», здесь же был помещен и его некролог, написанный Хомяковым. На эти статьи принято смотреть как на вершины творчества И. В. Киреевского. Такой взгляд был бы *отчасти* оправдан, если бы при этом было ясно опознано то новое, что выражено в этих статьях. Но на щит обычно поднимаются пространные рассуждения автора о превосходстве России над Западом – рассуждения, которые ранее, в 1845 г., сам же Киреевский отнес «к числу самых бесполезных, самых пустых». Значение последних работ Киреевского, конечно, совсем в другом – в признании *значения личности* как ключевого фактора общественной жизни. В статье 1852 г. он пишет: «В устройстве русской общественности личность есть первое основание, а право собственности только ее *случайное* отношение. Общине земля принадлежит потому, что община состоит из семей, состоящих из лиц, могущих землю возделывать»¹. Эти слова полностью расходятся с представлениями славянофилов, для которых несомненно экономическое преимущество общины *как таковой*, поскольку отдельное лицо «бессильно» в сельском труде, как и в любом другом. Иначе у Киреевского: право общины на землю определяется тем, что община состоит не из кого угодно, а именно из лиц, *способных* к земледельческому труду; если даже эти лица не составляют большинство общины, они – ее ядро, ее подлинная основа. Не «обобществление» само по себе, а объединение хозяйственно сильных личностей ведет к процветанию общины.

От земледельцев Киреевский переходит к землевладельцам, отмечая: «Отношения помещика к государству зависят не от поместья его, но его поместье зависит от его личных отношений». Очевидно, что в этих словах выражено именно то понимание роли *дворянства*, которое утверждал Петр Великий: в основе дворянского достоинства и благополучия должно лежать *личное служение Отечеству*. Развивая эту мысль, Киреевский отмечает, что передача земли по наследству не может иметь силы обязательного закона: права на землю определяются служебными отношениями отдельного лица к государству и «теряются неспособностью поддерживать» эти отношения. По сути,

¹ Киреевский И. В. Избранные статьи. С. 228.

Киреевский отстаивает – другой вопрос, насколько сознательно, – возвращение к *петровским нормам* национально-государственной жизни. Неудивительно, что другие славянофилы поспешили заявить, что они «не подписались бы под эту статью»¹.

Вряд ли можно признать удачной попытку Киреевского философски углубить идею личности с помощью понятия «цельности», к которому еще до него обращался в своих лекциях С. П. Шевырев. Тем не менее важнейший шаг к тому, чтобы интегрировать идею личности – не метафорической «личности народа», а конкретно-индивидуальной личности человека – в национальную идеологию, был совершен именно И. В. Киреевским. Особенно ясно свидетельствуют об этом его «Отрывки», опубликованные посмертно. Здесь мы читаем, что «существенного в мире есть только разумно-свободная личность. Она одна имеет самобытное значение. Все остальное имеет значение только относительное»². Подобное убеждение было, естественно, злостной ересью для всех остальных славянофилов. Если Хомяков рассуждал о «грубой нечистоте отдельного личного существования», то Киреевский писал: «Каждая нравственная победа в тайне одной христианской души есть уже духовное торжество для всего христианского мира»³. Здесь же, в «тайне души», личность человека обращается к «Живой Божественной Личности». Первичное значение в христианстве имеет религиозная *вертикаль*, и только вокруг нее выстраиваются горизонтальные связи между вверяющими.

«Направление к личности», усвоенное Иваном Киреевским в последние годы жизни, еще требовалось, конечно, связать с принятым ранее «направлением к народности», но решить эту задачу Киреевский так и не успел. Сделать это предстояло ведущему представителю нового течения русской национальной мысли, которое получило название *почвенничества*.

В заключение этого параграфа необходимо сказать следующее. До сих пор распространено мнение, что любой спор о «судьбе России» сводится в конечном счете к противостоянию «славянофилов» и «западников». Если бы дело обстояло так, то положение русской мысли было бы весьма плачевным. Не имеет смысла и «синтез» этих идейных течений, поскольку, помимо своих собственных, так сказать, частных ошибок, у них есть и *общее* заблуждение. Западники всячески принижали значение *народности*, славянофилы – значение *личности*, но при этом и те, и другие поклонялись *человечеству* как

¹ См. подробнее: *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1898. Кн. 12. С. 113–114.

² *Киреевский И. В. Разум на пути к истине*. М., 2002. С. 280–281.

³ Там же. С. 285.

высшему принципу. А в этом поклонении теряли самостоятельное значение и личность, и народность. «Православие спасает не человека, а человечество», – возвещал Хомяков. Только совершая «дело человечества», народности «светлеют и оправдываются как народности» заявлял К. С. Аксаков. А у эпигонов славянофильства дело зашло еще дальше. Сын А. С. Хомякова, церковный деятель и публицист Дмитрий Хомяков (1841–1919), назвав «идиотизмами» любые *особенности* того или иного народа, заявлял: «Русский народ, как и все народы, имеет свои идиотизмы», но при этом, будучи православным народом, «искреннее желает быть народом так сказать “в минимальной степени”»¹. Как известно, эту «минимизацию» еще при жизни Хомякова-младшего начали большевики.

Принеся личность в жертву народности, славянофилы возложили и народность на алтарь человечества. Исторические задачи русского народа понимались ими всецело в категориях «всемирного призвания». Там, где западники призывали Россию послушно следовать в обозе «европейской цивилизации», славянофилы призывали ее непременно «стать впереди», «вести народы» к «всечеловеческому братству» и т. д. И можно спорить только о том, какой из этих призывов *безответственной*.

Эту безответственность, политический инфантилизм славянофилов прекрасно понимал император Николай I. Его «предубеждение» против славянофилов выглядит тем более оправданным, что в ненависти к «правительству» они ничуть не уступали западникам; оппозиционность последних отчасти умерялась их уважением к *идее государства*, тогда как славянофилы эту идею по большому счету не понимали.

Тогда можно ли говорить о каком-то положительном значении славянофильства для русской национальной идеологии? Сам этот вопрос требует существенного уточнения. Славянофильство и западничество были первыми отчетливыми свидетельствами того, что национальная идеология реализуется в ряде *различных типов*. Но думать, что этими двумя элементарными типами дело и ограничилось, что «все остальное» было только их вариациями, – более чем наивно. Впрочем, не менее ошибочно воображать, что формирование новых типов продолжается *ad infinitum*. Всегда наступает исторический момент, когда ряд *существенно* различных типов (которые допустимо считать типами именно *национальной идеологии*) завершается и когда можно подвести итог и попытаться понять, в каком же из этих типов русский национализм находит наиболее *адекватное* выражение.

¹ Хомяков Д. А. Православие, самодержавие, народность. Монреаль, 1983. С. 35–36.

§ 5. «Право народности есть сильнее всех прав».

Три богатыря русского почвенничества

В работах, посвященных «эпохе великих реформ», нередко приводятся слова историка и публициста Г. А. Джаншиева (1851–1900): «Невесть откуда явилась фаланга молодых, знающих, трудолюбивых, преданных делу, воодушевленных любовью к отечеству государственных деятелей, шутя двигавших вопросы, веками ждавшие очереди, и наглядно доказавших всю неосновательность обычных жалоб на неимение людей»¹. Либеральные убеждения Джаншиева не позволяли ему признать, что «фаланга» молодых государственных деятелей, осуществивших реформы, вышла практически полностью из пресловутой «николаевской бюрократии». В качестве примеров можно назвать Н. П. Милютину, С. И. Зарудного, А. П. Заблоцкого-Десятовского и ряд других ключевых фигур. Известный американский специалист по русской истории Брюс Линкольн писал без обиняков: «Именно просвещенная бюрократия, которая сформировалась к концу Крымской войны, сыграла главную роль в планировании великих реформ <...> законодательная база реформ была создана теми, кто проявил себя (на государственной службе. – *Н. И.*) в последнее десятилетие эпохи Николая I»².

То огульное осуждение «правительства», в котором рьяно упражнялись как западники, так и славянофилы, оказалось несправедливым и недальновидным. Между тем у славянофилов (в отличие от западников) это осуждение входило, можно сказать, в их символ веры, который запрещал ждать чего-либо доброго от «Петербурга». Поэтому здесь требовался решительный пересмотр своей позиции, сознательный отказ от той антигосударственной тенденции, которая неизбежно присутствовала в требовании «невмешательства» государства во «внутреннюю жизнь народа». Не удивительно, что с началом реформ в среде славянофилов началось размежевание по вопросу об отношении к деятельности правительства. В свойственной ему безапелляционной манере И. С. Аксаков поспешил объявить (в письме к Ю. Ф. Самарину) манифест 19 февраля об освобождении крестьян «безобразным исчадием письменности», а самого Самарина (который принимал в крестьянской реформе самое активное участие) обвинить в «угождении Петербургу». Со своей стороны, Юрий Самарин ясно выразил убеждение в том, что догматы классического славянофильства утратили свое значение и «что

¹ Цит. по: *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 117.

² *Lincoln W. Bruce.* In the Vanguard of Reform. Russia's Enlightened Bureaucrats 1825–1861. Northern Illinois University Press, 1982. P. 135.

во всех вопросах мы должны начинать с азбуки»¹. С ним соглашались и некоторые другие члены славянофильского кружка, например, А. И. Кошелев и князь В. А. Черкасский. Последний заявлял в 1862 г. в письме к тому же Ивану Аксакову: «В настоящую минуту и прежнее славянофильство и прежнее западничество – суть уже отжитые моменты <...> Нужно что-нибудь новое, соответствующее настоящим требованиям общества, нужно, необходимо слиться и действовать единодушно»².

Выраженное в этих словах настроение знаменательно. В процессе реформ обретала все более осязаемую реальность идея *единой русской нации*, идея, не сводимая к интересам какого-то одного сословия, какой-то части нации, будь то дворянство или «простой народ». Такая идея существовала, как мы видели, давно; именно с ней был связан принцип *народности*. Но до отмены крепостного права, до создания бессословного суда, до введения всеобщей воинской повинности эта идея была в значительной степени *отвлеченной*. Теперь же она обрела прямую связь с текущими задачами русской жизни. Назрела необходимость *вернуться* к теме народности с учетом опыта, вынесенного из спора славянофилов и западников, не становясь, однако, заложниками этого спора, не вливая новое вино в старые идеологические мехи. Наиболее серьезной попыткой такого рода стало так называемое *почвенничество*.

Строго говоря, история почвенничества как определенного литературного явления – это история совсем недолгая, уместившаяся в 1861–1864 гг., когда издавались журналы «Время» и «Эпоха». Именно на эти годы приходится тесное сотрудничество трех выдающихся представителей русской культуры: Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864), Федора Михайловича Достоевского (1821–1881) и Николая Николаевича Страхова (1828–1896). Следует, однако, подчеркнуть, что Ап. Григорьев весомо заявил о себе еще в 1850-е гг.; напротив, для Федора Достоевского и Николая Страхова именно «Время» стало отправной точкой их философско-публицистической деятельности. С учетом этих различий мы и рассмотрим взгляды «почвенников».

«Ярко выраженный национализм Григорьева» (В. Ф. Саводник) проявился еще в период его работы в «Москвитянине» Михаила Погодина, где он стал фактическим лидером «молодой редакции», члены которой, по его словам, «несли со всем пылом и энергией молодости <...> лучшие силы, лучшие соки жизни на служение нацио-

¹ См. *Бычков С.* Начало разногласий в кружке славянофилов // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 245.

² Там же. С. 246.

нальному направлению»¹. Характеристику Ап. Григорьева как *националиста* следует признать вполне адекватной. Широко используя понятие «народности», Григорьев в то же время уточнял: «...Я употребляю слова: народность, народный – в смысле слов: национальность, национальный»². Но почему целесообразно использовать два понятия там, где, казалось бы, можно обойтись одним? Этот принципиальный момент разъясняется в статье 1855 г. о творчестве А. Н. Островского, которая, как и *все без исключения* «литературно-критические» статьи Григорьева, насыщена глубоким идейно-философским содержанием.

Прежде всего Григорьев отмечает, что «под именем народа разумеется народ в обширном смысле и народ в тесном смысле <...> Под именем народа в обширном смысле разумеется целая народная личность, собирательное лицо, слагающееся из всех черт всех классов народа, высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных; слагающееся не механически, а органически; носящее общую, типическую характерную физиономию физическую и нравственную, отличающую его от других подобных ему собирательных лиц. Под именем народа в тесном смысле разумеется та часть его, которая наиболее, сравнительно с другими, находится в непосредственном, неразвитом состоянии». Двум идеям народа соответствуют и два представления о народности литературы. «Литература бывает народна в первом смысле, когда она в своем *миросозерцании* отражает взгляд на жизнь, свойственный *всему* народу, определившийся только с большею точностью, полнотою и, так сказать, художественностью в передовых его слоях <...> В тесном смысле литература бывает народна, когда она или 1) приравнивается к взгляду, понятиям и вкусам неразвитой массы, для воспитания ее, или 2) изучает эту массу как *terram incognitam*, ее нравы и понятия как нечто чудное, ознакомливая с ними развитые и, может быть, пресытившиеся развитием слои»³.

Таким образом, двойственность понятия народности коренится в самой реальности. Но в то же время для Григорьева несомненен и мировоззренческий, и собственно эстетический приоритет первого, широкого понимания народности, и только с таким пониманием он связывает понятие *национальности*. «В первом смысле народность литературы, как национальность, является понятием безусловным, в природе лежащим, во втором – относительным, обязанным своим происхождением болезненному факту». Не отрицая «исторический факт разрозненности в народе», Григорьев отрицает его существенность; это *видимость*, которую надо философски и художественно

¹ Григорьев Ап. Собр. соч. М., 1915. Вып. 1. С. 68.

² Там же. Вып. 11. С. 59.

³ Там же. С. 14–15, см. там же: С. 57–58.

преодолеть, так как «нет существенной разрозненности в живом, свежем и органическом теле народа».

Заметим, что все это было написано в том же 1855 г., когда Константин Аксаков подал Александру II свою «записку», где пытался обосновать именно «существенную разрозненность» русской нации. Таким образом, идея национального единства как единства общенародного и всесловного стала руководящей идеей Григорьева еще на пороге эпохи, важнейший смысл которой заключался именно в осуществлении этого единства, в создании учреждений, где «все общество, всесловно и бессловно, призывается к работе над общественным благоустройством»¹.

Сприсушим его сочетанием ясности и выразительности Григорьев писал Погодину в 1857 г.: «*Правда*, которую я исповедаю (да, кажется, и Вы), твердо верит вместе с славянофилами, что спасение наше в хранении и разработке нашего *народного*, типического; но, как скоро славянофильство видит *народное* начало только в одном крестьянстве (потому что оно *у них* связывается с старым боярством), совсем не признавая бытия чисто великорусской промышленной стороны России, – как скоро славянофильство подвергает *народное* обрезанию и холощению во имя узкого, условного, почти пуританского идеала – так славянофильство, во имя сознаваемой и исповедуемой мною правды, становится мне отчасти смешно, отчасти ненавистно как *барство* с одной стороны и пуританство с другой»².

«Пуританскую» подозрительность славянофилов к русской литературе, с ее главной вершиной – Пушкиным, Григорьев отвергал с горячностью, которая может показаться порою чрезмерной³, но которая оправдана поистине гениальным пониманием того, в чем именно состоит *национальное* значение величайшего из русских поэтов. Разъясняя в статье 1859 г. собственный тезис «Пушкин – наше все», Григорьев подчеркивает, что в богатейшем разнообразии художественных образов Пушкин дал «пока единственный полный очерк нашей народной личности», то есть показал средствами искусства, что русского человека нельзя сводить к тому или иному шаблону. Русские люди могут быть самыми разными по своему характеру (например, принадлежать к «смирному» или к «хищному» типу), оставаясь при этом русскими. «Сфера сочувствий Пушкина не исключает ничего до него бывшего и ничего, что после него было и будет пра-

¹ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. С. 703.

² Григорьев Ап. Письма. М., 1999. С. 127. Замечание о «великорусской промышленной стороне России» показывает, насколько яснее, чем славянофиль, Григорьев видел объективные тенденции в развитии русского общества.

³ В одном из писем он называл отношение славянофилов к искусству «тупым и безносым».

вильного и органически нашего», – отмечает Григорьев. Гений русской поэзии учит нас *узнавать* русского в человеке, далеко от нас, даже стоящем по другую сторону тех или иных «баррикад», – ибо сам Пушкин «не западник, но и не славянофил: Пушкин – русский человек, каким сделало русского человека соприкосновение со всеми сферами европейского развития»¹.

Отвергая «фанатизм теории», характерный как для западников, так и для славянофилов, Григорьев был, несомненно, *первым* русским мыслителем, который самым решительным образом выступил против их общего кумира – «человечества». Сотворение этого кумира он связывает с тем, что «вместо действительной точки опоры – души человеческой, берется точка воображаемая, предполагается чем-то действительным отвлеченный “дух человечества”. Ему, этому духу, отправляются требы идольские, приносятся жертвы неслыханные, – жертвы незаконные»². Сегодня, в начале XXI в., очевидно, что в этих словах нет никакого преувеличения: «во имя человечества», от лица «мирового сообщества» совершались и продолжают совершаться кровавые преступления, развязываются войны, инспирируются революции. Григорьев ясно понимает, что поклонение человечеству – это, по сути дела, религия *нигилизма*, поскольку предмет поклонения в данном случае просто не существует в качестве реального исторического субъекта. В 1859 г., в статье «Несколько слов о законах и терминах органической критики», он пишет: «Что собирательного лица, называемого человечеством, как лица, не существует, а существуют народности, расы, семьи, типы, индивидуумы с особенными отливами, что типическая жизнь этих отливов необыкновенно крепка, что они не стираемы – это, покамест, факт несомненный». Григорьев не впадает, однако, в излишний оптимизм и не исключает возможность того, что в будущем произойдет «амальгамация» типов и «вместо видов явится только *род*» (здесь сразу вспоминается пресловутый «плавильный тигель»). Но если нечто подобное произойдет, это будет означать полную духовную деградацию: «Когда луна соединится с землею и когда типы сольются в роде, – ни знанию, ни творчеству, ни индивидуальной жизни нечего будет делать. Бытие и того, и другого, и третьей обусловлено бытием типическим, бытием оттенков в мироздании»³.

Рука об руку с «идеей отвлеченного человечества» идет «однообразный уровень, централизация, – католическая ли, социалистиче-

¹ Григорьев Ап. Собр. соч. Вып. 3. С. 37.

² Там же. Вып. 2. С. 87.

³ Там же. С. 123–124.

ская ли, это в сущности все равно – но централизация»¹. Отвергая позицию западников, Григорьев столь же определенно размежевывается с «подчиненным всякой поповщине социализмом славянофильства», связавшего идею народности с мечтами о церковной «централизации», только уже не католической, а православной. Отчетливо видел он и специфическое заблуждение славянофильства, отмеченное особенно ясно в письме Ап. Майкову: «Мысль об уничтожении личности общностью в нашей русской душе – есть именно *слабая* сторона славянофильства»².

Григорьев не только показал, что «выбор» между западниками и славянофилами утратил всякий смысл, но и наметил основы национальной идеологии нового типа, о которой он имел полное право сказать, что она «*не теория*, не поставленная наперед тема, а философия и жизнь»³. Постоянно подчеркивая значение разума, мышления, сознания, он одновременно отмечал: «Только за ту головную мысль борются, которой корни в сердце, в его сочувствиях и отвращениях, в его горячих верованиях»⁴. При этом Григорьев совершенно ясно указывал на те «корни в сердце», из которых выросла его собственная мысль, отмечая присущую ему уже с юных лет *веру в душу и веру в народ*. Важно понять, что здесь мы имеем дело с двумя сторонами одной веры, связанными настолько тесно, что в отдельных случаях Григорьев отмечает лишь одну из сторон, то призывая: «Верь только в народ, старый и новый вместе», то подчеркивая: «...*Я только в душу и верю*». При этом сочетание «веры в душу» с «верой в народ» не имеет у Григорьева ничего общего с той романтической мифологемой коллективной «народной души», которая увлекла славянофилов; он вполне определенно говорит об *индивидуальной душе*, высшая ценность которой была установлена в «чистейшей форме» лишь христианством, его учением о «вечной правде души человеческой». Но как связана индивидуальная душа человека с его народностью, или национальностью? В ясном и глубоком ответе на этот вопрос заключается главный вклад Аполлона Григорьева в философию национализма.

Существо дела было обрисовано им еще в статье «О правде и искренности в искусстве» (1856). С одной стороны, Григорьев убежден в том, что художник является «высшим представителем нравственных понятий окружающей его жизни, то есть своего народа и своего века»⁵. Но, с другой стороны, он не менее энергично настаивает на

¹ Там же. Вып. 3. С. 103, 106.

² Григорьев Ап. Письма. С. 183.

³ Там же. С. 194.

⁴ Григорьев Ап. Собр. соч. Вып. 2. С. 75.

⁵ Там же. С. 16.

том, что любой настоящий художник глубоко *субъективен*, «равно как Дант, как наш Пушкин, как все великие художники: в их творениях сокрыта душа их с ее историей, с ее процессами, с ее муками и радостями, с ее любовью и ненавистью». Это парадоксальное слияние объективности и субъективности возможно лишь потому, что «личность художника, при всей ее самости, есть личность типическая, и тип ее или типы, из которых она сложена, непременно жили, живут и будут жить, как существенные в народной жизни»¹. Здесь не слишком удачно сказано, что личность «сложена из типов»; но в той же статье Григорьев выражает свою мысль практически безупречно, когда пишет о Пушкине, о его способности проникать в область «коренных народных созерцаний». Григорьев считает, что к этой области «приблизило его углубление в самого себя, обретение в самом себе стихий чистых, беспримесных, *совпадающих со стихиями народной жизни*»². Вслед за этим обретением Пушкин совершает следующий, уже творческий шаг «к художественному воссозданию и просветлению» открытых в себе стихий, к превращению их в художественные типы. Таким образом, *художник творчески превращает в ясно очерченные типы те стихийные элементы народной жизни, которые он находит в себе самом*, – вот суть эстетики Григорьева и одновременно суть его взгляда на природу «народности, или национальности» человека.

Понимание *национальности* как имманентной сущности человека, как реальности *внутри* человека принципиально преодолевает антиперсонализм славянофилов и, более того, делает личность первоисточником народности. Человек национален *по своей природе* – эта ключевая идея выражена у Григорьева яснее и продуманнее, чем у любого из тех европейских мыслителей, которых можно считать его предшественниками и учителями, будь то Гердер, Фихте-старший или Карлейль. При этом важно понять, что имманентная национальность человека не является, с точки зрения Григорьева, каким-то законченным, структурно определенным «национальным характером». Национальность – это именно *стихия* склонностей, предрасположений, задатков, которые еще должны получить определенность в процессе развития данной личности.

Вот почему человек не является у Григорьева заложником своей национальности; он обладает *творческой свободой* национального самовыражения, ибо способен творить из ее «стихийных элементов» разнообразные типы мышления, поведения, образа жизни. Более того, Григорьев признает за личностью *право на протест* против

¹ Григорьев Ап. Собр. соч. Вып. 2. С. 18.

² Там же. С. 16. Курсив мой. – Н. И.

чрезмерного диктата народности, отвергая любой этнический детерминизм. *Свобода* неразрывно связана для него со «святыней человеческого духа», и истина национализма может быть только истиной человеческой свободы: «Вообще всякая истина – *свободна*. Все несвободное есть софизм или сознательно или бессознательно подлый», – пишет он в 1858 г.

В связи с этим понятно, что Григорьев был далек от той безоглядной «апологии почвы», которую ему сплошь и рядом приписывают. «Почва» нужна, но ее недостаточно. Размышляя о творчестве А. Ф. Писемского, Григорьев отмечает, что его реализм «выразился именно верою в натуру, в почву, и совершенным неверием в действительность развития и силу его»¹. Между тем именно *развитие* приводит к *многообразию* русских типов, слияние которых в какой-то один «нормативный» тип Григорьев, как уже отмечалось, категорически отвергает.

Жизнь Григорьева была слишком непродолжительной для того, чтобы он смог полнее развить и тщательнее обосновать намеченную в его трудах философию национализма². Особенно это касается вопроса об отношении между национализмом и религией, вопроса исключительно острого ввиду настойчивого стремления подчинить начало народности началу православия; идею такого подчинения он как раз и называл «поповщиной». При этом Григорьев никоим образом не отрицает связь этих начал в русской истории: «*Дело православия слилось для восточно-славянского племени с делом его народности*. Еще более слилось оно с делом народности для нас русских»³. Но связь культурно-историческая и связь собственно *религиозная* – не одно и то же. Говоря об истории как о развитии *народных организмов* (каждый из которых «вносит свой органический принцип в мировую жизнь»), Григорьев пишет: «Каждый такой организм сам в себе замкнут, сам по себе необходим, сам по себе имеет полномочие жить по законам, ему свойственным, а не обязан служить переходною формою для другого; единство же между этими организмами, единство неизменное, никакому развитию не подлежащее, от начала одинаковое, есть правда души человеческой»⁴. В этих словах присутствует не только отмеченный В. Ф. Саводником «зародыш теории культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского, но и принципиально важная мысль о том значении, которое имеет «истинно-человеческое, то есть христиан-

¹ Там же. Вып. 4. С. 16. Органичное сочетание «реализма и идеализма» Григорьев находил, после Пушкина, в творчестве Тургенева.

² См. главу «Заклинатель стихий. Аполлон Григорьев и философия творческой личности» в кн.: *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. С. 317–438.

³ *Григорьев Ап.* Письма. С. 109–110.

⁴ *Григорьев Ап.* Собр. соч. Вып. 2. С. 90.

ское». Многообразие и даже «замкнутость» национальных организмов несколько не препятствует подлинному единству человеческого рода, поскольку это единство покоится на принципе *истинной человечности*, который коренится не в истории, но в *вечности*. Там же, где происходит отречение от вечной правды души человеческой, там место человека все настойчивей занимает, по выражению Григорьева, *скоточеловек*. И это снова заставляет вспомнить о нашем времени с его агрессивной «политкорректностью».

С появлением работ Григорьева в русской мысли повеяло подлинным, полнокровным национализмом, а не его бледным призраком, как в классическом славянофильстве; и одним из тех, кто испытал достаточно сильное (пусть и не слишком продолжительное) влияние этого личностного «веяния», был Федор Михайлович Достоевский.

Когда в конце 1859 г. Достоевский вернулся в Петербург после каторги, ссылки и военной службы в далеком Семипалатинске, его младший брат Михаил уже получил разрешение издавать «литературный и политический» журнал «Время»¹. В свою очередь Федор Достоевский увлек Ап. Григорьева и Н. Н. Страхова идеей журнала, поднимающего самые актуальные вопросы русской умственной жизни. Свое понимание задач нового издания Достоевский выразил в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 год».

«Объявление» возвещает приближение «великого переворота» и формулирует его суть: «Этот переворот есть слитие образованности и ее представителей с началом народным и приобщение всего великого русского народа ко всем элементам нашей текущей жизни»². Впоследствии Страхов пояснял: «Мысль Достоевского состоит в том, что нужно примирить образованные классы с народом, объединить их, причем ни образованные классы не должны отказываться от начал своей образованности, ни народ от своих почвенных начал»³. Подобная мысль, несомненно, соответствовала духу преобразований, происходивших в России, причем Достоевский предлагает *примирение* там, где и славянофилы, и западники фактически требовали *капитуляции* одной из сторон. Характерна в связи с этим ремарка Достоевского: «Мы не Европа, и у нас не будет и не должно быть победителей и побежденных». Сопоставляя настоящее с прошлым, он выражает и свой взгляд на реформы Петра Великого: «Мы сознаем, что реформа раздвинула наш кругозор, что через нее мы осмыслили

¹ Гроссман Л. Достоевский. М., 1962. С. 214.

² Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб., 1993. Т. 11. С. 5.

³ Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 1. С. 391.

будущее значение наше в великой семье всех народов»¹. Что же пришло это осмысление?

Прежде всего следующее: «Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал». Здесь налицо то понимание народности, или национальности, которое можно называть «уваровским»: как и другие европейские народы, мы *тоже* имеем свою особую и самобытную национальность. Сближает Достоевского с Уваровым и то, как он предлагает решать задачу по созданию «нашей собственной» формы национального бытия: «Распространение образования усиленное, скорейшее и во что бы то ни стало – вот главная задача нашего времени, первый шаг ко всякой деятельности»².

Но это лишь одна сторона «Объявления». Другая выглядит совершенно иначе. Говоря о «будущем значении» русского народа, Достоевский сообщает: «Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение в развитии русской народности». Это торжественное заявление весьма напоминает высказывания славянофилов о «море, в которое стекаются все понятия». Тем не менее, Достоевский категорически заявляет: «Мы говорим здесь не о славянофилах и западниках. К их домашним раздорам наше время совершенно равнодушно». Достоевский не лукавил (как считал, например, И. С. Аксаков); его суждения, содержащие славянофильский *оттенок*, имели вовсе не славянофильский *первоисточник*. Это совершенно ясно хотя бы из того факта, что в «Объявлении», да и в последующих статьях журнала «Время» Достоевский практически не упоминает религию, еще никак не связывает «русскую идею» с православием³. Его формулировка этой идеи указывает на мыслителя совсем иного склада, чье сильнейшее влияние было испытано Достоевским в молодые годы.

Речь идет, конечно, о Белинском, который еще в пору увлечения формулой «официальной народности» писал: хотя «у нас есть своя национальная жизнь – глубокая, могучая, оригинальная; но назна-

¹ Достоевский Ф. М.. Собр. соч. Т. 11. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ В связи с этим ясно, что каторга не имела того значения в формировании *сознательных* религиозных убеждений Достоевского, которое он ей много позже приписывал.

чение России есть – принять в себя все элементы не только европейской, но мировой жизни <...> Мы, русские, – наследники целого мира <...> мы возьмем, как свое, все, что составляет исключительную сторону жизни каждого европейского народа, и возьмем ее – не как исключительную сторону, а как элемент для пополнения нашей жизни»¹. Совершенно в том же ключе Достоевский утверждает в первом номере «Времени», что «русская нация – необыкновенное явление в истории всего человечества», поскольку только в русском народе «выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности <...> Он сочувствует *всему человечеству вне различия национальности*, крови и почвы. У него инстинкт общечеловечности»². Если называть вещи своими именами, то эти слова выражают взгляд, предельно близкий к *космополитизму*.

Тем не менее, энтузиазм Достоевского по поводу возможного «синтеза» всех на свете идей и возможного примирения всех народов был в начале 1860-х гг. еще достаточно умеренным; а точнее, *умерялся* Григорьевым, который в тех же номерах «Времени» отмечал, что в работах Белинского происходит «уничтожение всего местного в пользу общенационального, и по тому же принципу всего общенационального в пользу общечеловеческого»³. В свою очередь Достоевский, на время оставив в покое человечество, переносит взгляд на Россию и отмечает, что последнее внешнее препятствие к полному примирению всех сословий «уже уничтожается в наше время премудрым и благословенным царем». Что касается внутренних препятствий, их должно устранить уже известное нам средство – образование: «Наша новая Русь поняла, что один только есть цемент, одна связь, одна почва, на которой все сойдется и примирится, – это всеобщее духовное примирение, начало которому лежит в образовании»⁴. Основной акцент Достоевского в те годы – это, несомненно, акцент на общенациональную *культуру*, имеющую отчетливо светский характер.

Под несомненным влиянием своих ближайших сотрудников Достоевский все заметнее переходит на позиции трезвого и сознательного национализма, свободного от «всечеловеческих» фантазий. Об этом свидетельствует статья «Два лагеря теоретиков» (1862), которая по праву «принадлежит к числу важнейших программных публицистических выступлений Достоевского 1860-х годов»⁵. Выдвигая на первый план *внутренние* задачи русской жизни, Достоевский подчер-

¹ Белинский В. Г. Собр. соч. С. 331.

² Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 11. С. 27–29. Курсив мой. – Н. И.

³ Григорьев Ап. Собр. соч. Вып. 3. С. 97.

⁴ Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 11. С. 23.

⁵ Там же. С. 499.

кивает значение *земства* как всеобщего, общенационального и потому наиболее важного «нового элемента русской жизни». Именно на почве земства должна решаться задача «сближения с народом», сближения взаимного, в ходе которого должны выходить на более высокий *нравственный уровень* как «образованные классы», так и простой народ. Необходимость такого взаимного сближения как раз и не признают «два лагеря теоретиков, из которых один отвергает в принципе народность и, следовательно, наше чисто народное начало – земство, а другой понимает значение нашего земства по-своему и, во имя своей теории, не отдает справедливости нашему образованному обществу»¹. Достоевский продолжает осуждать как западников, так и славянофилов. Последних – особенно за узость их «московско-го идеальчика». Не жалея красок, он пишет: «В допетровской, московской Руси было чрезвычайно много азиатского, восточной лени, притворства, лжи. Этот квиетизм, унылое однообразие допетровской Руси указывают на какое-то внутреннее бессилие». Все это в целом и «заставило народ отвернуться от московского порядка вещей», ибо русский народ искал творческого приложения для накопившихся в нем сил. «В русском воздухе носились задатки реформационной бури, и в Петре только сосредоточилось это пламеннейшее общее желание – дать новое направление нашей исторической жизни»².

Проясняется и взгляд Достоевского на отношение между человечеством и отдельными нациями. Теперь он считает, что «тогда только человечество и будет жить полною жизнью, когда всякий народ разовьется на своих началах и принесет от себя в общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону». Не является исключением из этого правила и русский народ, который, как и все другие народы, обладает «правом *саморазвития*, умственной автономии». Жизнь в согласии с «общечеловеческим идеалом» уже не означает для Достоевского забвение *собственных* национальных интересов. Напротив: «Прежде чем понять общечеловеческие интересы, надобно усвоить себе хорошо национальные <...> А то может случиться, что за все возьмемся и нигде не успеем»³.

Новое настроение Достоевского получает особенно яркое выражение в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1863 г. Здесь нет даже тех умеренных реверансов перед «человечеством», которые еще оставались в статье «Два лагеря теоретиков». Теперь Достоевский утверждает без обиняков, что «право народности и есть сильнее всех прав, которые могут быть у народов и обществ».

¹ Там же. С. 229.

² Там же. С. 230.

³ Там же. С. 236.

Главным свидетельством величия русского народа является для Достоевского его история, то есть «одно то, что он отстоял себя в течение многих веков, что на его месте другой народ, после таких испытаний, которые тысячу раз посылало ему провидение, может быть, давно стал бы чем-нибудь вроде каких-нибудь чукчей»¹. Но от- дав должное русской истории – как истории борьбы за националь- ную самостоятельность – Достоевский никоим образом не впадает в пассаеизм славянофильского толка. Место «Времени» среди других изданий он определяет в следующих словах: «Мы не ходили в дре- внюю Москву за идеалами, мы не говорили, что все надо переломить сперва по-немецки и только тогда считать нашу народность за спо- собный материал для будущего вековечного здания. Мы прямо шли от того, что есть, и только желаем этому *что есть* наибольшей сво- боды развития»².

Таким образом, к началу 1863 г. Достоевский – это националист- прагматик; его внимание направлено на конкретные внутренние за- дачи, стоящие перед русской нацией на данном этапе ее истории – на развитие земства как всесословной формы самоуправления, на укрепление нравственного единства всех классов, на распространение об- разования, начиная с элементарной грамотности. В целом позиция Достоевского вплотную приближается к позиции Григорьева, хотя взглядам Достоевского недостает, конечно, философской углублен- ности. Но все это было, как говорится, делом наживным, конечно, при продолжении нормальной жизнедеятельности журнала, кото- рый обещал стать органом национального самосознания, свободным от предвзятых теоретических установок как славянофильского, так и западнического толка.

Однако нормальный ход дел был нарушен вмешательством из- вне. Об этом вмешательстве, инициаторами которого как раз и ста- ли упомянутые «теоретики», мы скажем ниже. А пока отметим, что после «Времени» (и ее недолговечного продолжения – «Эпохи») Достоевский в течение *восьми лет* избегает публицистики и возвра- щается к ней только в 1873 г. в качестве издателя и единственного автора знаменитого «Дневника писателя». В нашу задачу не вхо- дит, конечно, обозрение этого по-своему уникального произведе- ния Достоевского; нам достаточно понять, как трансформировались представления Достоевского о «русской идее» в последнее десятиле- тие его жизни. Суть этой трансформации проста: полное и безогово- рочное признание славянофильского взгляда на «всемирное призван- ие» России и русского народа и даже *радикализация* этого взгляда.

¹ Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 11. С. 248.

² Там же. С. 248–249.

Необходимое для этого «религиозное пробуждение» Достоевского произошло не в его публицистике, а в художественном творчестве и выразилось уже достаточно ясно в романе «Преступление и наказание» (1866). Конечно, тот факт, что христианство овладело *сознанием* Достоевского, еще не означал сам по себе, что писатель был обречен снова увлечься мечтами славянофилов о России, ведущей человечество к «всеобщему братолюбию». Ведь был же знаком Достоевский со взглядами Григорьева на христианский идеал как идеал, не осуществляемый в истории, а хранимый в «вечной правде души человеческой»; идеал, верность которому позволяет соблюдать *истинную человечность* в отношениях между людьми, не загоняя их в муравейник «человечества». Но такое понимание смысла христианства было слишком трудным и слишком «умеренным», в отличие от доходчивых (и броских) идей о руководящей исторической роли тех или иных «богоизбранных» народов. В русло этих идей и устремилась мысль Достоевского, предрасположенная к ним и влиянием Белинского, и знакомством с идеями «христианского социализма» еще со времен участия в кружке петрашевцев, и воспоминаниями о лекциях Шевырева, в которых давно прозвучали слова о русской «всечеловечности».

Так или иначе, но уже в 1867 г. Достоевский пишет А. Н. Майкову с вполне славянофильской категоричностью: «Все назначение России заключается в православии, в *свете с Востока*, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа»¹. Но просвещать Европу Достоевский собирается не только с помощью печатного слова. Здесь требуются более решительные меры, о которых Достоевский пишет с замечательной откровенностью: «Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль <...> Но чтоб это великое дело совершилось, надобно чтоб *политическое право* и первенство великорусского племени над всем славянским миром совершилось окончательно и уже бесповоротно»². Идея *панславизма* высказана здесь вполне ясно, притом именно как идея политической экспансии. Именно эту идею Достоевский настойчиво повторяет во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., причем ссылается на авторитет «передовых деятелей, основателей и представителей славянофильства». Теперь он уже безоговорочно уверен, что «национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение»³.

¹ Там же. Т. 15. С. 468.

² Там же. С. 350.

³ Собрание мыслей Достоевского. М., 2003. С. 234–235.

Соответствующий вид приобретает и то «христианство», которое теперь исповедует Достоевский в своей публицистике. Суть русского христианства составляет «обогащение любви, кротости и смирения, служения всем, как слуга», в результате чего «и выйдет свобода, равенство и братство для всех». Печать «христианского социализма», которой было отмечено славянофильство, здесь очевидна. Собственно, Достоевский с этим и не спорит – в «Дневнике писателя» то и дело упоминается «наш русский социализм», причем Достоевский, признавая его текущие расхождения с европейским социализмом, верит в их будущее примирение: «*Наше назначение быть другом народов <...> Несем православие Европе, – православие еще встретится с социалистами*»¹.

Ввиду всего сказанного, говорить о национализме Достоевского, за исключением несколько лет, связанных с изданием «Времени» и «Эпохи», вряд ли уместно, если, конечно, не считать «национализмом» выпады против евреев и поляков. Куда уместнее связывать с новой позицией Достоевского совсем другие «измы»: если не прямо космополитизм, то уж *интернационализм* точно, ибо какой интернационалист не повторит с восторгом слова из подготовительных материалов к «Дневнику писателя»: «Братство различных национальностей есть великая, прекрасная, самая русская вещь, то есть самая русская цель. Это впоследствии все поймут, что это одна из главных русских целей»². Что и говорить: еще как поняли...

Стоит задуматься, однако, над вопросом: точно ли надуманные идеи «всесветного единения и всепримирения» *сами по себе* вдохновляли Достоевского? Еще во «Времени» Достоевский утверждал: «Потребность заявить себя, отличиться, выйти из ряда вон есть закон природы для всякой личности». В 1870-е гг. он прямо перенес этот «закон природы» на русский народ. Так, поднося (через К. П. Победоносцева) роман «Бесы» цесаревичу Александру Александровичу, он сопровождает это подношение письмом, где следующим образом поясняет свое убеждение в способности русского народа «принести новый свет миру»: «Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного *высокомерия* о собственном мировом значении как нации никогда мы не можем быть великою нацией»³. А в «Дневнике писателя» за 1877 г. он высказывает ту же мысль просто и прямо: «Всякий великий народ верит и должен ве-

¹ Собрание мыслей Достоевского. М., 2003. С. 276, 280.

² Там же. С. 186.

³ *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. Т. 15. С. 494. Подчеркнуто, что слово «высокомерие» выделяет сам автор письма.

рять, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира».

Нормальная национальная *гордость* (на необходимость которой указал еще Карамзин) превращается у Достоевского, по его собственному выражению, в национальное *высокомерие*, которое нельзя не признать болезненным, по существу *ненормальным*. Характерно, что сам Достоевский признает это в своем художественном творчестве, создав запоминающийся образ Крафта в романе «Подросток». Крафт приходит к «математическому выводу», что «русский народ есть народ второстепенный», которому не суждено «иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества», и, сделав такой вывод, кончает жизнь самоубийством. То обстоятельство, что Достоевский дал «говорящую» немецкую фамилию¹ персонажу, который решительно говорит о себе «Я – русский», лишний раз показывает, насколько Достоевский-писатель пронизательней Достоевского-публициста. Ум Крафта – ум «немецкий», ум Гегеля с его учением о «всемирно-исторических народах», которые одни заслуживают внимания и уважения. Но чувство Крафта – чувство того, что ничтожество его народа является, по сути, его собственным ничтожеством, которое *нельзя пережить*, – это чувство глубоко русское, определившие то «тревожное искание своей народности», о котором писал Григорьев. В мысли о том, что «в русском народе заключается спасение мира», в мысли высокомерной, какие бы «жалкие слова» о пламенном желании русского народа быть лишь «слугою других народов» при этом ни произносились, Достоевский пытался окончательно успокоить никогда не покидавшее его чувство *тревоги* за русский народ.

Между тем, наметить высокое, но не высокомерное представление об историческом призвании русского народа сумел мыслитель, на которого мы уже неоднократно ссылались – Николай Николаевич Страхов. Первый – и существенный – шаг к такому представлению был сделан им в статье «Роковой вопрос», опубликованной в четвертом номере журнала «Время» за 1863 г. В номере, который стал последним номером журнала, поскольку в газетах «Московские Ведомости» (ред. М. Н. Катков) и «День» (ред. И. С. Аксаков) немедленно появились статьи, авторы которых фактически обвиняли Страхова в государственной измене – и не в мирное время, а в самый разгар очередного польского восстания. Налицо был прямой *политический донос*, к которому правительство, озабоченное успешным развитием восстания, поспешило прислушаться и закрыло «Время»². Конечно, прежде всего этот донос был мстью за критику, которой

¹ *Kraft* (нем.) – сила, мощь и т. д.

² Подробнее см.: *Ильин Н. П.* Воспоминание о будущем: русская национальная революция. Философская культура. 2006. № 3. С. 176–205.

подвергались издания Аксакова и Каткова на страницах «Времени», мезью тем более недостойной, что Страхов в этой критике никак не участвовал. Впрочем, у доносчиков был и более «принципиальный» мотив: идеология «Времени», особенно в силу отмеченного выше сближения позиций Достоевского и Григорьева, все очевидней раскрывала свой потенциал в качестве альтернативы как славянофильству, так и западничеству.

Но и статья Страхова была выбрана не просто потому, что в ней была неосторожно затронута слишком болезненная в тот момент тема русско-польских отношений. Страхов обратился к теме «Россия и Польша» как истинный философ, раскрывающий глубинный культурно-исторический смысл русско-польского противостояния, способный увидеть в этом противостоянии *трагедию* как Польши, так и России. В таком подходе люди типа Ивана Аксакова и Каткова могли достаточно искренне усмотреть «измену», тем более, что Страхов пытается выяснить в первую очередь ту идею, которая *вдохновляет* поляков на их борьбу с Россией. Настоящее «одушевление борьбы» они черпают, считает Страхов, из убеждения, имеющего более глубокие исторические корни, чем три раздела Польши в конце XVIII в., – из убеждения в том, что «с одной стороны борется народ цивилизованный, с другой – варвары»¹.

Распознав «польскую идею» как *идею борьбы за цивилизацию против варварства*, Страхов пытается эту идею *понять*. При этом он выясняет, что поляки имеют в виду не свою «чисто польскую» цивилизацию, но цивилизацию *европейскую*, к которой они принадлежат «наравне со всеми другими европейскими народами». Страхов идет дальше и признает, что притязания поляков на такую принадлежность достаточно основательны; влияние Запада на Польшу, притом влияние *плодотворное*, выразилось «в науках, в искусствах, в литературе, вообще во всех проявлениях цивилизации». Таким образом, уже в силу своего *культурного наследия* «поляки могут смотреть на себя как на народ вполне европейский, могут причислять себя к “стране святых чудес”»². А как смотрят поляки на нас, русских? Страхов пишет: «Не будем обманывать себя; постараемся понять, каким взглядом должны смотреть на нас поляки и даже европейцы вообще. Они до сих пор не причисляют нас к своей заповедной семье, несмотря на наши усилия примкнуть к ней». И Страхов открыто заявляет, что есть «много справедливого в этом взгляде». Жить с иллюзией нашей

¹ *Страхов Н. Н.* Роковой вопрос // Борьба с Западом в нашей литературе: В 3 кн. Киев, 1897. Кн. 3. С. 92.

² Там же. С. 93. Страхов цитирует известную характеристику Запада в стихотворении А. С. Хомякова «Мечта».

причастности к «заповедной семье» европейских народов было бы жалким самообманом.

Но где же тогда наша «точка опоры» в борьбе с поляками? Страхов отвечает: «Наши мысли обращаются к единому видимому и ясному проявлению народного духа, к нашему государству»¹. Вот *великое благо*, которым мы несомненно обладаем; благодаря «огромному и крепкому государству» мы «имеем возможность своей, независимой жизни». Однако реальное значение этого блага нельзя безмерно преувеличивать, поскольку «государство, конечно, есть возможность самостоятельной жизни, но еще далеко не самая жизнь». Этот тезис Страхова необходимо понять как можно точнее. Его отношение к государству не имеет ничего общего с рассуждениями Константина Аксакова о русском народе как «совершенно негосударственном». Для Страхова, как и для западника Чичерина, русское государство – это «ясное проявление народного духа». Но в то же время Страхов не «государственник», не «этатист», а именно националист, ибо понимает: независимое, политически суверенное государство еще не гарантирует *духовный суверенитет*, духовную независимость и самостоятельность нации.

Итак, за поляками стоит идея цивилизации, не подкрепленная, однако, независимой государственностью. Напротив, русская «точка опоры» – факт великого государства, но факт, сам по себе не способный заменить ясную идею *русской цивилизации*, тогда как поляки давно и бесповоротно осознали дух своей цивилизации. Поэтому, продолжает Страхов, «наше дело было бы вполне оправдано», если бы мы могли уверенно ответить полякам: «...С вами борется и соперничает *не азиатское варварство, а другая цивилизация, более крепкая и твердая, наша русская цивилизация*»². Но дать такой уверенный ответ мы еще не можем, и потому в нас живет болезненное сознание «несоразмерности нашей государственной силы с нашим нравственным значением».

Размышления Страхова вскрывают (возможно, помимо его желания) *вторичность* взглядов, характерных для славянофилов. Трагедия Польши напрямую связана с тем, что «польская идея» сформировалась как *идея религиозной и культурной миссии* в среде восточнославянских народов, как притязание нести к ним «свет с Запада»³. Но разве не «зеркальное отражение» этой идеи мы находим у славянофилов? «Русская идея» превращается у них в еще более

¹ Там же. С. 94.

² Там же. С. 99.

³ Польский «мессианизм» получил развернутое религиозно-философское обоснование в трудах Хёне-Вронского (1776–1853), А. Цешковского (1814–1894), А. Товянского (1799–1878?) и др.; его ярким выразителем был поэт Адам Мицкевич. См. подробнее: *Le prophétisme et le messianisme dans les lettres polonaises et françaises à l'époque romantique*. Varsovie, 1986.

глобальную, чем у поляков, идею «всемирного призвания России», грозя России еще большими бедствиями, чем те, которые принесла «польская идея» Польше. Страхов не говорит об этом прямо, но такой вывод напрашивается сам собою. При этом его слова о том, что идея культурно-религиозной миссии «не укрепила и не развила народной жизни» в самой Польше, «не могла слиться в крепкое целое с народным духом», вполне применимы и к России: только совершенно оторванные от реальной жизни «теоретики» могли приписывать простому народу мечты о «всемирном братстве».

Понятие цивилизации утрачивает свой настоящий смысл, считает Страхов, когда «перед этим понятием отступает на задний план идея самобытных народностей». В этом случае призывы к цивилизации – не что иное, как призывы к отречению от национальной самобытности. Только тогда, когда идея народности сохраняет свое руководящее значение, может быть создана – силами самой нации в соответствии с ее внутренними потребностями – жизнеспособная *органическая* цивилизация. Страхов пишет: «В европейской цивилизации, в цивилизации *заемной и внешней*, мы уступаем полякам; но мы желали бы верить, что в цивилизации народной, коренной, здоровой мы превосходим их или, по крайней мере, можем иметь притязание не уступать ни им, ни всякому другому народу»¹.

Нетрудно уловить в словах Страхова интонацию веры, а не абсолютной уверенности. Он призывает верить, что «тот же народ, который создал великое тело нашего государства, хранит в себе и его душу; что его духовная жизнь крепка и здорова; что она со временем разовьется и обнаружится столь же широко и ясно, как проявилась в крепости и силе государства». Здесь выражена, с одной стороны, *вера в народ*, в его творческие возможности, в его способность к историческому развитию, но одновременно и признание того, что русская цивилизация еще не стала реальностью *в такой же степени*, как русское государство, что «на нас лежит тяжелый долг – оправдать нашу народную гордость и силу»².

Страхов понимает, что и без притязаний на роль «всемирного» спасителя и примирителя перед Россией стоит исключительно высокая и трудная задача – продолжить созидание самобытной цивилизации. Отсюда сочетание в его статье тональностей надежды и тревоги. Отсюда и слова, которыми заканчивается его статья: «Русские духовные силы! Где они? Кто, кроме нас, им поверит, пока они не проявятся с осязаемою очевидностью, с непререкаемою властью? А их развитие и раскрытие – оно требует вековой борьбы, труда и времени, тяжелых усилий, слез и крови»³.

¹ Страхов Н. Н. Роковой вопрос. С. 102.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 104.

«Роковой вопрос» для Страхова – это не вопрос о русско-польских отношениях. Настоящий *роковой вопрос* – это вопрос о *русских духовных силах*, о нашем *понимании* этих сил, о нашем *долге* проявить эти силы «в ясных и могучих формах», создавая цивилизацию, которая была бы собственно *русской*. Страхов был первым, кто совершенно ясно поставил вопрос о такой цивилизации как настоящей, а не «мечтательной» *национальной задаче*.

Скажем несколько слов о дальнейшем развитии взглядов Страхова на русскую цивилизацию, а конкретнее – на тот ее элемент, которому он придавал особо важное, даже ключевое значение. Еще Аполлон Григорьев отмечал, что борьба славянофилов с так называемым западным рационализмом велась «оружием того же рационализма» и потому не только была безуспешной, но и получала оттенок интеллектуальной недобросовестности. Это не означает, однако, что мы должны безропотно перенимать образ мыслей Запада; но не менее серьезной ошибкой была и рекомендация «только верить» там, где требовалось *понимать*¹. Единственно правильный путь состоит в развитии русского склада ума, в формировании *русского типа рациональности*. По этому пути и пошел Страхов как в своих собственно философских трудах, так и в философско-публицистических сборниках под названием «Борьба с Западом в нашей литературе». В предисловии к первому сборнику Страхов писал: «Европейское просвещение, этот могущественный рационализм, это великое развитие отвлеченной мысли, должно быть для нас побуждением и средством к сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов»². В этих словах ясно выражено то понимание значения западной мысли для развития русского самосознания, которое высказал когда-то И. В. Киреевский вразрез со славянофильским «антирационализмом». В свою очередь это понимание неразрывно связано с принципом *открытой* самобытности, которому следовали в XVIII–XIX вв. все лучшие представители русской культуры.

Как уже отмечалось, история «почвенничества», в отличие от истории славянофильства, это история тесного сотрудничества трех выдающихся русских людей в течение всего нескольких лет. Но за это время, ничтожное по историческим меркам, были достигнуты результаты исключительной важности.

Во-первых, признав «имманентную» природу национальности, «почвенники» *восстановили* представление о том единстве личного и национального достоинства, которое фактически отрицалось славянофилами. Говорю «восстановили», так как это представление,

¹ Ср. замечания Страхова о знаменитых строфах Тютчева, см.: Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. С. 446.

² *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1887. Кн. 1. С. V.

которое мы отмечали у Фонвизина, Карамзина, Плетнева и других, является коренным убеждением русских людей «пушкинского типа». Добавим, что именно в указанном единстве – когда вера в нацию неразрывно связана с верой в себя – коренится психологическая (если не сказать, экзистенциальная) сила национализма.

Во-вторых, именно «почвенники» ясно выразили идею русской цивилизации, которая существует наряду с европейской цивилизацией и, возможно, уступает последней в тех или иных отношениях, но является – и это главное – цивилизацией самобытной, обладающей своим собственным потенциалом развития. Реализация внутренних возможностей русской цивилизации, ее развитие в качестве самостоятельной цивилизации составляла, с точки зрения «почвенников» (включая и Достоевского в период его творческого содружества с Григорьевым и Страховым), высшую национальную задачу, настоящую «русскую идею».

В-третьих, «почвенники» подчеркнуто «делали ставку» на *русский ум*, на интеллект русского человека, способного, как отмечал еще автор XVIII в., «проникать мыслями во внутренность дела». *Вера* была для «почвенников» отправной точкой человеческой деятельности, но вершиной ее было *понимание*¹. Представление о мыслящем и *высокообразованном* русском человеке было у «почвенников» таким же обязательным моментом национального идеала личности, как и требование твердых нравственных убеждений.

Этот перечень можно продолжить. Но и сказанного достаточно, чтобы, с одной стороны, признать прочные корни идеологии «почвенников» в тех традициях русского самосознания, которые сложились еще в «дославянофильский» период, а с другой – отметить их устремленность в будущее, к воплощению русских идеалов в русской жизни, притом *только в русской*. За другими народами они признавали право на собственные национальные идеалы, на верность собственным «органическим принципам».

§ 6. Россия плюс. Национализм и панславизм в учении Н. Я. Данилевского

«Россия и Европа» Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885) относится к тем многогранным произведениям, которые представляют серьезный интерес с самых разных точек зрения; например, ряд ценных мыслей может найти в этой книге специалист по истории естественных наук. В нашу задачу входит рассмотрение только тех

¹ См. подробнее: Н. Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания. СПб., 2010.

моментов в концепции Данилевского, которые непосредственно связаны с проблемами русской национальной идеологии. Н. Н. Страхов, благодаря усилиям которого обширное сочинение малоизвестного автора было напечатано в 1869 г. в журнале «Заря», назвал книгу Данилевского «целым катехизисом или кодексом славянофильства», но вслед за этим уточнил: «Россия и Европа есть книга совершенно самобытная, отнюдь не порожденная славянофильством в тесном, литературно-историческом смысле слова»¹.

Действительно, идея *славянства* (а точнее – «всеславянства») попадает здесь в самый фокус авторского внимания. Но такое значение она получает только потому, что Данилевский, хотя и выражает свои симпатии к ранним славянофилам (особенно к Хомякову), в то же время категорически отвергает основной философско-исторический догмат славянофильства (яснее всего выраженный тем же Хомяковым). По мнению Данилевского, «учение славянофилов было не чуждо оттенка гуманитарности» и под влиянием европейских теорий «считало, будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники. Такой задачи однако же вовсе и не существует – по крайней мере, в том смысле, чтобы ей когда-нибудь последовало конкретное решение, чтобы когда-нибудь какое-либо культурно-историческое племя ее осуществило для себя и для остального человечества»². Призвание России «стать во главе всемирного просвещения», «распространить братские отношения на все человечество» (как выражались Хомяков и Самарин) тем самым не просто ставится под сомнение, но вообще снимается с повестки дня – как задача, лишенная смысла, ибо лишено конкретного культурно-исторического смысла само понятие человечества. Данилевский пишет об этом с замечательной ясностью: «Человечество не представляет собою чего-либо действительно конституированного, сознательно идущего к какой-либо определенной цели, – а есть только отвлечение от понятия о правах отдельного человека, распространенное на всех ему подобных. Потому, все, что говорится об обязанностях в отношении к человечеству, приводится собственно к обязанностям в отношении к отдельным людям, к какому бы роду или племени они ни принадлежали»³. Другими словами, наши обязанности по отношению к человечеству сводятся к простой *человечности*. Очевидно, что эта мысль непосредственно примыкает

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб., 1895. С. XXIII–XXV.

² Там же. С. 120–121.

³ Там же. С. 108.

к рассмотренным выше взглядам Аполлона Григорьева и является одним из важнейших свидетельств определенного созвучия между идеями выдающегося «почвенника» и взглядами Данилевского. Тем не менее, несмотря на решительный отказ связывать с «человечеством» те или иные культурно-исторические цели и задачи, Данилевский фактически оказывается ближе – и даже значительно ближе – к славянофилам, чем к почвенникам. Отчасти это обусловлено тем, что он все-таки не смог вполне отказаться от выражений, характерных для поклонников «человечества». Это происходит, например, когда он пишет о том, что «народности, национальности суть органы человечества», или вводит уже знакомое нам понятие «всечеловеческого». Правда, он тут же поясняет, что всечеловеческое «состоит только из совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать; оно несовместимо и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности»¹. Ясно, что такое понимание имеет мало общего с представлением о «всечеловечности» лишь одного народа – русского.

Но принципиальное значение имеет все-таки другой, не связанный с теми или иными терминологическими недоразумениями момент. Славянофильская философия истории работала в рамках треугольника: *Россия, Запад и человечество*. Славянство здесь тоже присутствовало, но, как говорится, постольку поскольку; как замечал К. С. Аксаков, «кто не славянин, тот конечно не русский»². Данилевский убрал из числа главных действующих лиц «человечество» и заменил его именно *славянством*. По сути дела, в концепции Данилевского славянство приобрело значение, ничуть не уступающее значению человечества у славянофилов; можно сказать, что славянство оказалось у него как бы нашим, русским «человечеством». Но если так, то возникает принципиальный вопрос: как сочетаются панславизм и русский национализм в учении Данилевского?

Уже в самом начале своей книги Данилевский подчеркивает «убеждение большинства мыслящих людей» в том, что «всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание»³. Сразу вслед за этим он формулирует ту же мысль в более широко, отмечая, что «каждая историческая национальность имеет свою собственную задачу, которую должна решить, свою идею, свою отдельную сторону жизни, которые стремится осуществить, – задачу, идею, сторону жизни, тем более отличные и оригинальные, чем отличное сама на-

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 128.

² См.: Цимбаев Н. И. Славянофильство. С. 31.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 23.

циональность от прочих в этнографическом, общественном, религиозном и историческом отношениях».

В этих словах ясно выражена позиция вполне здравого, свободного от каких-либо чрезмерных притязаний национализма. Подобные суждения встречаются на протяжении всей книги, особенно в связи с вопросом о государстве. Поскольку «национальность составляет истинную основу государства, самую причину и главную цель его бытия», то первейшая задача государства «есть именно охранение народности». При этом Данилевский совершенно определенно настаивает на том, что «одна народность должна составлять только одно государство»¹. А как же быть с государствами, в которых проживают различные народы? Также и на этот вопрос Данилевский отвечает в духе самого решительного национализма: в таком государстве совершенно необходима *главная* (или *верховная*) национальность, которая или имеет «численное и нравственное преобладание», или «одна лишь имеет политическую волю».

Обратим внимание, что Данилевский – в духе почвенников, но не в духе славянофилов – практически отождествляет «народность» и «национальность», ни разу не отметив какой-либо разницы между ними. Однако, в отличие от почвенников, для которых народность, или национальность, – это в первую очередь *качество человеческого бытия*, даже внутренняя «стихия» человеческой души, у Данилевского эти понятия чаще всего выступают синонимами народа и нации. Впрочем, и он нередко говорит о народности как о состоянии духа, например, когда выражает свое кредо в словах: «Народность не есть только право, но и обязанность»².

Таким образом, национализм Данилевского отчетливо высказан на многих страницах «России и Европы», начиная с самых первых. Строго говоря, Данилевский даже не считает нужным специально его обосновывать, принимая как нечто само собой разумеющееся для «мыслящего человека». Обосновать он стремится не национализм, но именно панславизм, или идею «всеславянского союза». Отметим основные моменты этого обоснования.

Первые две главы посвящены доказательству того, что «Европа признает Россию и Славянство чем-то для себя чуждым, и не только чуждым, но и враждебным»³. Данилевский подкрепляет этот тезис разнообразными примерами и меткими наблюдениями: «Вешатели, кинжалщики и поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России. Защитники

¹ Там же. С. 237–238, 245.

² Там же. С. 272.

³ Там же. С. 53.

национальностей умолкают, коль скоро дело идет о защите русской народности»¹. Нетрудно заметить, однако, что вся аргументация Данилевского строится вокруг Крымской войны как своего «центра тяжести». Между тем эта война была (и осталась) *единственной*, где, с одной стороны, против России выступили сразу две мощные европейские державы, а с другой – у нее не оказалось в Европе ни одного союзника. Других войн с такой расстановкой силой Россия не знала ни до, ни после. Кроме того, из вражды Европы к России, даже если считать эту вражду доказанной, еще не следует, что Россия *не принадлежит* к Европе. В последней всегда хватало внутренней «междоусобной» вражды, которая принимала в ряде случаев чудовищные масштабы (например, Тридцатилетняя война в XVII в.). Данилевский и сам понимает, что одного указания на вражду недостаточно, и делает следующий шаг: определяет *основное* различие между Европой и Россией как различие *цивилизаций*. В главе «Европа ли Россия?» он пишет: «Европа есть поприще германо-романской цивилизации, ни более, ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация. Оба эти слова – синонимы». А чуть ниже он с сочувствием говорит о «славянофильской мечте <...> об особой русской или всеславянской цивилизации»².

Сразу бросается в глаза, что о германо-романской цивилизации Данилевский говорит, как о несомненной реальности, тогда как о «русской или всеславянской» – как о *мечте*, как о цивилизации *всечело будущей*: перечисляя в следующей главе «культурно-исторические типы или самобытные цивилизации», которые «были положительными деятелями в истории человечества», он не называет среди них ни русской, ни славянской! Станным образом этого не замечают многие авторы, пишущие сегодня о Данилевском, а ведь именно этот момент является ключевым для понимания его концепции в целом.

Достаточно серьезные вопросы вызывает и понятие «германо-романской» цивилизации как цивилизации «общевропейской в полном смысле этого слова». Между тем даже название *Европа* вошло в широкое употребление только в XVI в., когда *многонациональный* характер западного мира стал очевидной реальностью³. Конечно, определенная степень единства существовала всегда; точнее всего эту степень выразил в конце XVII в. Эдмунд Бёрк, когда заметил: «Ни один

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 49.

² Там же. С. 70.

³ См. подробнее монографию: Hay D. Europe. The Emergence of an Idea. Edinburgh, 1957.

европеец не может быть совершенным изгнанником нигде в Европе»¹. Но вот насколько прочнее и глубже, чем считал Бёрк, было единство Европы в Новое время, – это большой вопрос, в состав которого входит и проблема германо-романского *дуализма*. Данилевский замечает в одном месте, что «Франция – именно Европа, ее сокращение, самое полное ее выражение»²; вместе с тем он настойчиво подчеркивает примат *германского* элемента, корни Европы в «глубине германского духа». Хотя Данилевский придавал исключительно важное значение лингвистической близости или удаленности народов³, он фактически игнорировал *дуализм* романских и германских языков и соответствующий дуализм менталитетов, религиозных и культурных традиций. В глазах Данилевского Европа была неким *монолитом*, обращенным против славянского мира и единым, по крайней мере в своей вражде к этому миру. Впрочем, переходя от теоретических построений к вопросам практической политики, Данилевский то и дело указывал на весьма существенную разницу между европейскими государствами *с русской точки зрения*. Он отмечал, например, что «в теперешнем положении дел, Россия не может иметь другого союзника, как Пруссия, так же точно, как и Пруссия другого союзника, как Россия; и союз их может быть союзом благословенным, потому что у обеих цель правая»⁴. Непонятно, однако, как согласовать этот совет с центральной идеей «России и Европы» – идеей панславизма.

Данилевский формулирует эту идею в следующих выразительных словах: «Итак, для всякого славянина: Русского, Чеха, Серба, Хорвата, Словена, Словака, Булгара (желал бы прибавить и Поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него не достижимо без ее осуществления – без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства; а напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности»⁵.

Таким образом, даже русская наука может полноценно существовать только как наука «общеславянская». Понятно, что при таком взгляде не может быть и речи об отдельной русской цивилизации. Но чем же обусловлена столь тесная связь судьбы России с судьбой западного и южного славянства? Чтобы ответить на этот вопрос, по-

¹ Там же. Р. 123.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 256.

³ Это значение отмечает *первый* закон «движения и развития» цивилизаций.

⁴ Там же. С. 498.

⁵ Там же. С. 133.

смотрим сначала на ту общую картину человеческого рода, которую набрасывает Данилевский. Он пишет: «Культурно-исторические типы соответствуют великим лингвистико-этнографическим семействам или племенам человеческого рода. Семь таких племен или семейств народов принадлежат к Арийской расе. Пять из них выработали более или менее полные и совершенно самостоятельные цивилизации; шестое, Кельтское, лишенное политической самостоятельности <...> обратилось в этнографический материал <...> Славянское племя составляет седьмое из этих Арийских семейств народов. Наиболее значительная часть Славянства (не менее, если не более, двух третей) составляет политически независимое целое – великое Русское царство»¹.

Мы видим, что *базовое* значение имеет для Данилевского разделение человечества на *расы*, среди которых выделяется арийская (или индоевропейская) раса, создавшая пять из десяти известных истории «совершенно самостоятельных цивилизаций»: индийскую, иранскую, греческую, римскую и германо-романскую, или европейскую. Славянской цивилизации пока не существует, но, считает Данилевский, «вся историческая аналогия» говорит в пользу того, что «и Славяне, подобно своим старшим, на пути развития, арийским братьям, могут и должны образовать свою самобытную цивилизацию», по отношению к которой «Россия, Сербия, Булгария должны бы иметь тот же смысл, какой имеют Франция, Англия, Германия, Испания по отношению к Европе, – какой имели Афины, Спарта, Фивы по отношению к Греции»².

Таким образом, к заключению о *возможности* славянской цивилизации Данилевского приводит *аналогия с осуществленной* германо-романской цивилизацией. Аналогия является, несомненно, мощным инструментом познания, особенно тот вид аналогии, который использует Данилевский и который получил впоследствии название *типологической аналогии* у выдающегося русского философа С. А. Аскольдова (Алексеева) (1870–1945)³. Но для обоснования такой аналогии требуется, как минимум, ясное указание на типические черты, *общие* у сопоставляемых явлений, в данном случае – у славянских и германо-романских народов. Однако, хотя Данилевский и говорит о славянстве как о «члене в семье арийских народов», никаких общих признаков этой «семьи» он не рассматривает, целиком и полностью сосредоточив свое внимание на *различиях*

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 130.

² Там же.

³ См.: Аскольдов С. А. Аналогия как основной метод познания. СПб., 1922. № 1. С. 33–54.

между славянами и германцами. Но различия не могут служить достаточным основанием для аналогии, тем более что различия, отмечаемые Данилевским, имеют характер *противоположностей*.

Действительно, Данилевский считает, что основная черта германо-романского типа есть *насильственность*, которая в свою очередь «есть нечто иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности», порождающее целый букет пороков, от религиозной нетерпимости до колониализма. К мысли о том, что «для всякого истого европейца, в особенности же германца <...> насилие и господство составляют вторую природу», Данилевский возвращается постоянно, лишь однажды, да и то мимоходом, отмечая *справедливость* как добродетель, свойственную «германскому народному характеру». Суд его несравненно жестче и пристрастнее суда славянофилов – ни о какой «стране святых чудес» у автора «России и Европы» нет и речи.

Что касается славянских народов, то им присуща «прирожденная гуманность», в них бьется «обильное любовью к человечеству сердце», а суть их народного характера можно выразить одним словом – *благость*¹. При таком взгляде никакая «историческая аналогия» с германо-романскими народами не уместна, и если Данилевский все же искренне убежден в возможности всеславянской цивилизации, ничуть не уступающей западноевропейской, то по совсем другим причинам, которые необходимо понять.

Главная из этих причин лежит на виду: надежды Данилевского на славянское возрождение связаны, конечно, не с существованием европейской цивилизации, а с существованием России, «этого истинного солнца Славян»². Конечно, какое-то значение Данилевский придавал и тенденции к национальному возрождению у западных и южных славян. Но странным образом он не говорит об этой тенденции ничего определенного, лишь два-три раза на протяжении всей книги упоминая некоторых сторонников славянского единства без малейшей попытки обрисовать их взгляды. Впрочем, причина подобной сдержанности ясна: Данилевский понимал, что эти взгляды носят весьма умеренный характер, далекий от программы панславизма, изложенной в его книге³. Более того, он признавал, что славянство «еще не подготовлено к политическому объединению; племенные распри разделяют его; понятия его о России самые смутные и даже может быть отношения к ней недоверчивые. Но оно никогда и не

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 201, 211, 449.

² Там же. С. 394.

³ Даже такой энтузиаст «славянской взаимности», как словак Ян Коллар (1793–1852), строки которого Данилевский взял эпиграфом к одной из глав, ограничивался призывами к созданию «всеславянского» языка. См.: Степанович А. И. К 100-летию рождения Яна Коллара. Киев, 1893.

подготовится <...>, если не будет выдвинуто силою событий из своей мелочной атмосферы на всемирно-историческую арену великим историческим толчком»¹.

Но тогда во весь рост встает вопрос, почему Россия должна идти на огромный риск, связанный с реализацией политического панславизма путем «великого исторического толчка»? Пытаясь оправдать этот риск, Данилевский продолжает эксплуатировать тезис о принципиальной вражде Европы к России. Эта вражда требует, чтобы Россия могла «служить противовесом не тому или другому европейскому государству, а Европе вообще, в ее целостности и общности»². Однако слишком сильная для участия в европейском равновесии, Россия, считает Данилевский, «еще слишком слаба» для роли противовеса всей Европе. Поэтому ей необходимо стать «главою самостоятельной политической системы государств», или «Всеславянского союза», ибо России предназначено быть не «частью европейской семьи», а «главой славянской семьи».

Данилевский самым тщательным образом рассматривает предполагаемый состав этой «семьи», но при этом сразу выясняется, что она не может быть чисто славянской, ибо «в всеславянскую федерацию должны, *волею или неволею*, войти те неславянские народности (Греки, Румыны, Магьяры), которых неразрывно, на горе и радость, связала с нами историческая судьба, втиснув их в славянское тело»³. А ведь остается еще и задача создания (на отторгнутой от Турции территории) «Цареградского округа», в котором будет находиться будущая столица федерации. В связи с этой задачей Данилевский даже меняет терминологию и говорит в ряде случаев о «славяно-греческой федерации» или о «Славяно-греческом союзе», в форме которого должна «возродиться Восточная Римская империя», может *ожить* «царство Константина, Феодосия и Юстиниана».

Понимал ли Данилевский те огромные опасности, с которыми связан его грандиозный проект? Не только понимал, но и смело шел им навстречу; более того, приветствовал их! Дело в том, что в идейной борьбе, «в борьбе словом» сторонники «славянской идеи» обречены на поражение, поскольку «все поприща деятельности в Европе переполнены интеллектуальными силами», а «у нас, между тем, – недостаток в этих силах, к какому бы поприщу мы ни обратились». Напротив, «открытая борьба <...> быстро перевернет все выгоды на нашу сторону». С неподдельным энтузиазмом Данилевский заявляет: «Пусть только развяжет война дипломатические приличия, и мы уви-

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 471.

² Там же. С. 435–436.

³ Там же. С. 395. Курсив мой. – Н. И.

дим, как отзовутся славянские народы на искренний, прямой призыв России, который один только и может перетянуть на нашу сторону весы в борьбе с враждебными нам силами»¹. Впрочем, в другом месте Данилевский полагается не столько на народные массы, сколько на «мироправительный исторический Промысел», «непосредственному руководству» которого подчинены «прямые столкновения народов». Эти заявления Данилевского были *проверены историей* – с катастрофическими для России результатами.

Формулируя идею *русской цивилизации* в статье «Роковой вопрос», Страхов выдвинул на первый план *веру в русские духовные силы*. Через несколько лет, формулируя идею *славянской цивилизации*, Данилевский – вопреки своему собственному огромному таланту – продемонстрировал *неверие* в эти силы, в способность русского народа создать свою собственную цивилизацию и успешно вести *идейную* борьбу с Западом. Именно это слово – «неверие» – приходит на ум при чтении следующего тягостного пассажа: «Все грозное значение России в том, что она – прибежище и якорь спасения пригнетенного, но не раздавленного, не упраздненного, обширного славянского мира. Без этого, она была бы каким-то привидением прошедшего, вторгнувшимся из области теней в мир живых, и чтобы сделаться участницею в его жизни, ей действительно ничего бы не осталось, как сбросить скорее с себя свой славянский облик. Это было бы существование без смысла и значения, следовательно в сущности – существование невозможное»². В очередной раз мы видим, как «проклятая чаадаевщина» проникает в сознание (и речь) мыслителя, казалось бы, от нее бесконечно далекого.

Сказанное не означает, конечно, что теория культурно-исторических типов сама по себе несостоятельна. Установленные Данилевским пять законов движения и развития культурно-исторических типов требуют определенного уточнения³, но так происходит со всеми великими законами, если они не воспринимаются как религиозные догматы (да и те были точно сформулированы отнюдь не сразу и не одним человеком). При этом надо ясно понимать – *культурологическую теорию* не следует смешивать с *политической доктриной*; культурная близость народов не защищает их от опасности самых жестоких столкновений друг с другом. Две мировые войны XX в. продемонстрировали это самым наглядным образом.

¹ Там же. С. 511.

² Там же. С. 344.

³ Особенно это касается четвертого закона, согласно которому полноценная цивилизация возможна только для рыхлой «федерации» политически независимых государств.

И еще. Как известно, яростным критиком «России и Европы» (правда, подавшим голос почему-то только после смерти ее автора) был, как известно, В. С. Соловьев. Но нападки Соловьева (ибо их трудно назвать иначе) являлись нападками со стороны *радикального космополита* на мыслителя, который, несомненно, «отверг предрассудок космополитизма в истории»¹. К действительным заблуждениям Данилевского эти нападки имели лишь самое косвенное отношение (исчерпывающую оценку «критических приемов» Соловьева дал Страхов в третьем выпуске «Борьбе с Западом»).

В нашу задачу не входит рассмотрение истории панславянского движения в России. Отметим только, что в 1870-е гг. весьма заметную роль в этом движении стал играть И. С. Аксаков. Его статьи и речи, а также практическая деятельность по сбору средств на освободительную борьбу славян доставили ему «ораторскую славу и всемирную известность, увенчавшуюся кандидатурой его на болгарский престол, выдвинутой некоторыми болгарскими избирательными комитетами»². Ярким примером ораторских приемов Ивана Аксакова может служить речь, произнесенная им в июне 1878 г. в связи с тем, что на Берлинском конгрессе были пересмотрены не в пользу России условия мира, заключенного ранее с побежденной Турцией. В своей речи Аксаков предлагает риторический вопрос: «Спросите любого Русского из народа, не предпочтет ли он биться до истощения крови и сил, только бы избежать срама русскому имени, только бы не стать предателем христиан-братьев?»³ И вслед за этим Аксаков прямо призывает «непобедимого Русского Царя» немедленно начать *новую войну*, угрожая в противном случае разладом «между Царем и народом». Призывы воинствующих панславистов были оставлены без внимания и царем-освободителем Александром II, и его преемником, исполненным национально-государственного смысла царем-миротворцем Александром III. Но аналогичные призывы несомненно повлияли на роковое решение последнего русского царя вступить в войну за «общеславянское дело».

§ 7. Типология национальных идеологий и самоидентификация русского национализма

К началу 1870-х гг. в русской мысли достаточно ясно определились основные типы *национальной идеологии*; но только один из них можно рассматривать как *русский национализм* в собственном смысле

¹ Страхов Н. Н. Борьба с Западом. Киев, 1898. Кн. 3. С. 141.

² См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, статья «Аксаковы».

³ Аксаков И. С. У России одна-единственная столица. М., 2006. С. 269.

слова. Главные требования к национальной идеологии состоят в том, чтобы она, во-первых, признавала реальность нации, ее значимость как исторического субъекта, а во-вторых, устанавливала те основные задачи, которые должна решать нация, те высшие цели, к которым она должна стремиться; причем установление высших целей нации является одновременно определением ее высших ценностей. Но исполнение этих требований еще не превращает автоматически национальную идеологию в идеологию национализма. Последний имеет место только тогда, когда сама нация признается высшей ценностью, или, говоря более определенно, *рассматривается как высшая форма человеческой общности*. Поэтому среди всех целей, которые ставит перед собою нация, с точки зрения последовательного национализма высшей целью является совершенство и благополучие самой нации.

Лишь внеся такую определенность в понятие национализма, можно ясно охарактеризовать те типы национальной идеологии, которые вот уже полтора столетия образуют ландшафт русской мысли. Преобладающим среди этих типов является *русский европеизм*, или так называемое западничество. Стратегической целью России полагается здесь ее включение в «европейское единство» и дальнейшее движение по одному пути с Европой. Такая цель сама по себе не лишает русский европеизм права считаться национальной идеологией. Однако в русском европеизме зачастую просматривается намерение «пересоздать русского человека», звучит призыв к «национальному самоотречению». Именно это обстоятельство (а не стремление интегрироваться в Европу) ставит под сомнение национальный характер идеологии европеизма, поскольку сближает ее с *национальным нигилизмом* в стиле П. Я. Чаадаева и В. С. Соловьева. Но нельзя не отметить и той правды, которую должен признать в русском европеизме даже самый решительный русский националист. В частности, какой бы иллюзорной ни была задача нашего вхождения в «заповедную семью» европейских народов, тем не менее именно *европейская культура* нам наиболее близка и понятна; да и европейская жизнь в целом, будучи для нас *чужой* жизнью, не является нам совершенно *чуждой*. Европеизм, понятый как *взаимодействие* с этой жизнью без *врастания* в нее, становится необходимым элементом русского национализма.

Второй тип русской национальной идеологии можно без колебаний назвать *русским мессианизмом*, хотя в начале XX в. ряд авторов предлагал говорить о «миссионизме»¹. Но термин «мессианизм»

¹ Впервые этот термин предложил, по-видимому, Н. А. Бердяев, см.: Бердяев Н. А. А. С. Хомяков. М., 1912. С. 209. К нему присоединялся Н. В. Устрялов, см.: Устрялов Н. В. Национальная проблема у славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. X. С. 7.

давно приобрел ясное и устойчивое значение, которое указывает «на особую роль какого-либо народа, государства, общественной группы, организации, личности в изменении к лучшему ходу мирового развития, общественного порядка, конкретно-исторической кризисной ситуации»¹. Русский мессианизм – это, конечно, учение классиков славянофильства и тех позднейших славянофилов, которые разделяли их основные идеи. Среди этих идей идея *всемирного призвания* России занимает, несомненно, центральное место. Хотя А. С. Хомяков и другие признавали русскую нацию главным действующим лицом современного исторического процесса, однако высшей ценностью для них была не она, а *человечество*; отказавшись от своего призвания, от идеи устройства всечеловеческого «братства народов», русский народ терял в глазах славянофилов всякое право на уважение. Н. В. Устрялов точно выразил отношение славянофилов к России, когда писал: «Смысл ее бытия – не в ее собственной жизни, а в ее вселенском призвании». Не таков, конечно, смысл подлинного национализма, который придает наиважнейшее значение именно *собственной жизни* своего народа и по-настоящему озабочен судьбами других народов только в той степени, в какой они связаны с этой жизнью.

Вместе с тем, как и в случае русского европеизма, нельзя не признать наличие точек соприкосновения русского мессианизма с русским национализмом. Прежде всего дискурс мессианизма включает ряд идей и понятий, например, идею особого исторического пути, без которых трудно представить и дискурс национализма. Кроме того, в русском мессианизме не может не подкупать мысль о *величии* России и русской нации; мысль, которая сама по себе глубоко созвучна русскому национализму, хотя и наполняется в нем более ограниченным (и более органичным) содержанием. Но именно ввиду такого «опасного сходства» необходимо подчеркнуть: неверно и недопустимо отождествлять русский мессианизм с русским национализмом, тем более что при определенных исторических условиях именно мессианизм становится главным «внутренним» врагом национализма.

Третьим типом русской национальной идеологии является *русский панславизм*. Вообще говоря, его можно было бы считать разновидностью русского мессианизма, с которым он фактически сливался, как уже отмечалось, в сознании Ф. М. Достоевского и не его одного: самый горячий отклик идеи панславизма, истолкованного в мессианском ключе, с помощью которого отпирались «врата Царьграда»,

¹ Жуков В. И., Тавадов Г. Т. Большой этнологический словарь. М., 2011. С. 342.

находили у Ф. И. Тютчева, М. П. Погодина и многих других¹. Но именно потому, что панславизм сыграл весьма заметную – если не роковую – роль в русской истории, его уместно выделить особо. Эта роль во многом определялась тем, что панславизм успешно создавал иллюзию русского национализма, заверяя, что именно в нем происходит «дивное», по выражению Н. Я. Данилевского, «совпадение нравственных побуждений и обязанностей» русского народа с его «политической выгодой»². Помимо этого, панславизм знаменателен и тем, что именно из него возник четвертый идеологический тип – *русский ориентализм*. Зависимость идей «евразийцев» (к которым в дальнейшем присоединились «сменовеховцы» и Л. Н. Гумилев) от учения Н. Я. Данилевского несомненна, и мы не останавливаемся на ней только потому, что формирование русского ориентализма лежит за пределами эпохи, рассмотренной в данной главе. Добавим, однако, что важной ступенью к ориентализму стала концепция *византизма* у К. Н. Леонтьева, который воспринял идею Данилевского о «возобновленной Иоаннами, Петром и Екатериною Восточной римской империи славянской национальности», усилив самостоятельный статус этой идеи путем ее освобождения от «всеславянского» балласта.

От указанных типов русской национальной идеологии – европеизма, мессианизма, панславизма и ориентализма – необходимо отличать *русский национализм* как идеологию *sui generis*. Типические черты этой идеологии были намечены в работах русских «почвенников» Ап. А. Григорьева и Н. Н. Страхова, а также Ф. М. Достоевского в тот краткий период, когда он непосредственно сотрудничал с ними в журналах «Время» и «Эпоха». Именно почвенники решительно и недвусмысленно указали на приоритет, который имеет *единство русской нации* перед любым другим единством – европейским, славянским, общечеловеческим. Понимание такого приоритета – условие *sine qua non* серьезного разговора о русском национализме. Вместе с тем именно почвенники не уставали подчеркивать *внутреннее многообразие* русской нации, призывали вслушиваться в голоса «местностей», вглядываться в разнообразие психосоматических типов русского человека, отвергая какую-то односложную нормативную «русскость». Тем самым почвенники признавали, что среди русских людей встречаются и те, кто тяготеет к Европе, и те, кому дороги «братья-славяне», и те, кого привлекает Восток, и те, наконец, кто очарован мыслью о человечестве. Не принимая соответствующих *идеологий*, почвенники обладали истинно пушкинской широтой взгляда на русского человека.

¹ См. подробнее: *Кутузов Б.* Ошибка русского царя. Византийский соблазн. М., 2008.

² *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 436.

Немаловажно и то, что почвенники, никоим образом не отрицая важную роль государства, придавали решающее историческое значение не ему, а народу-нации. Другими словами, они были в первую очередь русскими националистами и лишь *вследствие этого* патриотами России. Той России, которая должна быть «ясным проявлением народного духа» (Страхов).

Национализм почвенников не возник *ex nihilo*; напротив, он имел прочные корни в русской мысли конца XVIII – XIX столетия. К числу их предшественников принадлежал, несомненно, Н. М. Карамзин, ясно высказавший мысль о единстве личного и национального достоинства человека. Почвенники не только усилили акцент на этом единстве, они также углубили его понимание, увидев в национальности человека фундаментальную характеристику его внутреннего душевно-духовного бытия¹. В связи с этим национализм почвенников приобрел отчетливо персоналистический характер, а их идеология может быть определена как идеология *национал-персонализма*.

Дальнейшее развитие этого типа русской национальной идеологии происходило в трудах сравнительно немногих мыслителей: Петра Евгеньевича Астафьева (1846–1893), Николая Григорьевича Дебольского (1842–1918), отчасти Ивана Александровича Ильина (1882–1954). Но, как отмечал еще Гераклит, там, где дело идет об истине, во «многих» нет необходимости. Для истины нужны только *лучшие*, а ими мы, несомненно, располагаем. Надо только научиться их узнавать и понимать.

¹ По сути дела, и Ф. М. Достоевский, даже после ухода в публицистику панславянского и «всечеловеческого» толка, оставался верен идее «внутренней национальности» при создании художественных образов русского человека.

Глава II. НАРОД, ПАТРИОТИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ В РУССКОМ НАРОДНИЧЕСТВЕ

Вопрос о национально-патриотической составляющей русского народничества, как ни странно это звучит, до настоящего времени еще не стал предметом изучения в отечественной историографии. Рассмотрение причин сложившейся ситуации может стать темой специального исследования эволюции исторической науки. Со своей стороны отметим, что в значительной степени такое положение дел продиктовано сохраняющейся неопределенностью смыслового содержания понятия «народничество».

Истолкование термина. Собственно уже появление термина оказалось связано не столько с выявлением доктринальных составляющих учения, сколько политически заостренных различий, свойственных некоторым направлениям внутри этого течения общественной мысли России. Вот как, например, рассказывал об этом бывший народоволец Л. А. Тихомиров. В начале 1870-х гг., когда «новые пропагандисты, созданные учениками Бакунина и явившиеся у нас как *анархисты*, прозвали старых в насмешку “образованниками”, а эти их в свою очередь прозвали “народниками”. Так возникло слово. Первоначально никто сам себя не называл: это было бы странно и даже смешно. Новое слово получило гражданство после известного “шалного лета” 1874 года с его массовым хождением “в народ”, а *народничество* в виде определенного кружка и определенной программы <...> явилось еще позднее, в 1877 году, в так называемом землевольчестве...»¹.

Смысловая «туманность» понятия «народничество» не исчезла в дореволюционной историографии и в дальнейшем. Как пи-

¹ Тихомиров Л. А. Летопись печати. Что такое народничество? // Русское обозрение. 1892. № 12. С. 915. Характерно, что против подобной датировки принципиально не возражал уже в советское время такой авторитетный историк, как Б. П. Козьмин. Так, он связывал возникновение самоназвания «народники» с деятельностью группы Натансона в середине 1870-х гг., см.: Козьмин Б. П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 641.

сал С. А. Венгеров, этот «термин <...> не имеет вполне точного значения» и «употребляется в самых разнообразных смыслах»: от обозначения грубого шовинизма до синонима демократизма и защиты интересов народа¹. Вполне соглашались с указанной точкой зрения А. Н. Пыпин, Д. Н. Овсянико-Куликовский, В. Е. Чешихин (И. Ветринский), Е. А. Соловьев (Андреевич). В появлении самоназвания «народничество» они склонны были видеть отход от «демократизма, радикализма, социализма» и «пламенного народолюбия 70-х годов» к превознесению деревни, идеализации мужика, противопоставлению устоев сельской жизни духовным основам русской интеллигенции. Однако объяснения причин самой эволюции не дали².

Более цельную и аргументированную концепцию эволюции народничества представил Р. В. Иванов-Разумник. По его мнению, в основе народнической теории лежали две идеи – признание особого пути развития России и служение народу. При этом главным в его содержании являлась социалистическая направленность. Иванов-Разумник отказывался от искусственного деления представителей этого учения на «народолюбцев» и «народников». Но признавал наличие тенденции идеализации народа, превращения «идеала в идола», желание возвести народные мнения во главу угла всего мировоззрения. Расхождения по этому вопросу стали, по его мнению, первым признаком дальнейшего разложения народничества, «обмещанивания» некогда цельной доктрины³.

Причины подобной эволюции коренились, как отмечал автор, в имманентно присущей всему народничеству утопии: придании слишком большого значения силам интеллигенции «в их воздействии на общественную жизнь страны», сознательном направлении «хода истории в желательную <...> сторону». Оказавшись в плену собственных представлений, народнические мыслители не смогли дать реального и взвешенного анализа развития капитализма в стра-

¹ Венгеров С. А. Литературные заметки // Устои. 1882. № 9–10. С. 88–89; Он же. Народничество. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. XX-а. С. 586.

² Венгеров С. А. Восемьдесятые годы // Русская литература XX в. М., 1914. Т. 1. С. 91; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. II. С. 375; Овсянико-Куликовский Д. Н. Литература 70-х гг. // История России в XIX в. СПб., 1907–1911. Т. VII. С. 46; Чешихин В. Е. (И. Ветринский). Очерк истории русской журналистики за 2-ю половину 19 в. // История русской литературы. М., 1910. Т. V. С. 427, 433; Соловьев Е. А. (Андреевич). Очерки из истории русской литературы XIX в. СПб., 1907. С. 345.

³ Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. СПб., 1908. Т. 2. Там же. С. 112, 118, 325.

не, происходившей «дифференциации классов», все более возматившей роли буржуазии. 1880-е гг. стали временем анабиоза старого (социалистического) народничества, на смену которого шло социалистическое и революционное неонародничество¹.

Иванов-Разумник справедливо отметил, что представление о принадлежности народнической доктрины исключительно к сфере интеллектуальной деятельности русской интеллигенции не давало твердых оснований для выявления его классификационных признаков. Для ликвидации этого недостатка он обращался к некоторым положениям марксизма, при этом настаивая на преимущественно социалистическом содержании народнической доктрины.

Русские ученики Маркса заняли в этом вопросе более жесткую и непримиримую позицию. Преобладающим тезисом в их анализе стало утверждение о прямой зависимости направлений общественно-политической мысли от интересов определенных классов. Развитие капитализма в России поставило вопрос не только об изменении социального состава населения страны, но и о степени выражения интеллигенцией взглядов его новых слоев. Расслоение крестьянства, шедшее, казалось, быстрыми темпами и повторявшее в этом смысле опыт Западной Европы, подталкивало к выводу о постепенном, но явном размежевании некогда единого мужицкого состава деревни на мелкую буржуазию и сельский пролетариат. В связи с этим, логически рассуждая, должно было измениться и реальное содержание идей той части интеллигенции, которая считала себя выразительницей чаяний и надежд крестьянства как целого.

Впервые мысль о мелкобуржуазном характере русского народничества была высказана в работах Г. В. Плеханова. В его интерпретации теоретический состав этого учения включал в себя западноевропейский утопический социализм, славянофильскую убежденность в особом пути развития России и веру «в прогрессивное воздействие революционной интеллигенции». Но постепенно у народников «стала прихрамывать “вера в народ”», а героическая борьба «Народной воли» закончилась поражением. В 1880-е гг. интеллигенция «потеряла <...> всякую энергию», а народничество выродилось в представительство «под видом защиты интересов народа» интересов мелкой городской и сельской буржуазии².

По мнению Плеханова, участь народнического учения была предопределена самим ходом социально-экономической эволюции страны. Ранее оно вполне соответствовало неразвитому состоянию общественных отношений в России, но с появлением новых классов

¹ Там же. С. 147, 189, 345, 387.

² Плеханов Г. В. Соч.: В 24 т. М.; Л., 1925–1927. Т. 3. С. 254–255. Т. 9. С. 14.

должно было уступить свое место более зрелой социальной доктрине, объективно отражающей настоящее, прогнозирующей будущее и ориентирующейся в своей практике на революционную борьбу промышленных рабочих за кардинальное преобразование общества.

Во многом сходной с взглядами Плеханова была и концепция народничества, предложенная В. И. Лениным. Во всей системе народнических воззрений он выделял три основные черты: «1) Признание капитализма в России упадком, регрессом <...> 2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности <...> 3) Игнорирование связи “интеллигенции” и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов»¹. И Плеханов, и Ленин в равной степени акцентировали внимание на утопизме надежд миновать капиталистическую стадию развития, обосновать особый исторический путь России и особую роль русской интеллигенции. Правда, ленинская интерпретация исключала славянофильские корни генезиса народничества, обращение к которым не могло объяснить эволюции этого течения общественной мысли². Однако в главном – определении классовой сущности народничества – плехановская и ленинская концепции полностью совпадали.

«Народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России», – так Ленин определял социальную основу и реальное содержание народнических идей. Возникнув в пору грандиозной ломки устоев крепостничества, политическая программа народников была рассчитана на то, чтобы «поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества». В этом отношении 1860–1870-е гг. стали эпохой «первых русских социалистов», эпохой «старого русского классического, революционного народничества»³.

Однако развитие товарно-денежных отношений в стране неминуемо размывало социальную основу народничества. К началу 1890-х гг. русские крестьяне уже стали товарными производителями, и в связи с этим крестьянство как таковое перестало быть единым, не представляло собой «особого класса <...> так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата»⁴.

С расколом русской деревни, появлением мелкого буржуа, непоследовательного и зыбкого в своих поступках, решениях, произошли существенные сдвиги и в идеологии народничества. По мнению

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1971. Т. 2. С. 528–529.

² Там же. М., 1971. Т. 1. С. 422.

³ Там же. М., 1971. Т. 22. С. 304. Т. 1. С. 271, 272.

⁴ Там же. Т. 1. С. 289.

Ленина, та пора, «когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединенное целое <...> безвозвратно канула в вечность». Крестьянский социализм распался на рабочий социализм и «пошлый мещанский радикализм». На этом этапе народничество, как считал Ленин, попросту выродилось в «радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства», которое объективно должно было способствовать улучшению положения трудящегося и облегчать «его самостоятельное мышление и действие»¹.

Однако плехановско-ленинское понимание причин и характера развития народничества не получило полной поддержки в среде российской социал-демократии. Так, А. Н. Потресов склонен был объяснять трансформацию народничества, исходя «из нарастающего группового самосознания интеллигенции»². Ю. О. Мартов (Цедербаум) и М. П. Неведомский (Миклашевский) видели в народничестве выражение демократических настроений прогрессивной интеллигенции, содержавших идею служения народу, признание особого пути развития России и утопическую мечту «миновать ненавистную фазу капитализма»³.

Расхождения в понимании характера и причин эволюции русского народничества в среде российской социал-демократии были весьма показательны для всей дореволюционной историографии. Узкоклассовая и политизированная позиция Плеханова и Ленина, с одной стороны, и попытки объяснения развития народнической доктрины по мере роста самосознания интеллигенции, с другой, носили в значительной степени оценочный, а не исследовательский характер. Пожалуй, самым главным выводом, который следовал из изучения крупнейшего течения общественной мысли России, стало утверждение об отсутствии общей социалистической направленности народничества и определенной гибкости этой доктрины, достаточно быстро приспособляющейся к изменяющимся политическим условиям. Однако для обеих концептуальных конструкций было характерным отсутствие (если не сознательное игнорирование) положений, напрямую сопрягающихся с таким важным и значимым вопросом, как национально-патриотическое содержание русского народничества. В лучшем случае лишь упоминалось, как это делал,

¹ Там же. С. 280, 272, 286, 530.

² *Потресов А. Н.* Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в начале XX в. СПб., 1909. Т. 1. С. 598.

³ *Неведомский М.* 80-е и 90-е годы в нашей литературе // История России в XIX в. СПб., 1911. Т. IX. С. 4, 13, 21, 23; *Мартов Л.* Общественные и умственные течения в России 1870–1905 гг. Л.; М., 1925. С. 3, 68, 75.

например, В. И. Ленин, что среди народников «есть люди, опускающиеся до национализма и антисемитизма»¹.

В этом отношении советская историография мало что добавила, поскольку изучение народничества происходило преимущественно в рамках устоявшихся ленинских оценок.

Рассмотрение обозначенного вопроса правомерно, на наш взгляд, через анализ идей главных теоретиков народничества и основных вех социальной практики 1860–1880-х гг.

§ 1. Россия, Европа, народ и социализм в творчестве А. И. Герцена

Прогресс и социализм. Для Герцена общественное развитие представлялось движением «человечества к освобождению и себяпознанию, к сознательному деянию», как постепенный «родовой рост», «свойство преемственно продолжающегося существования поколений». Идея прогресса – это не цель истории, а средство, «деятельная память и физиологическое усовершенствование людей общественной жизнью». Цивилизация не имеет заранее определенного предназначения. Путь в будущее «не назначен», и логика мысли соотносится с действительностью как реализация возможного через самоценность человека, его социальную значимость и деятельность². Другими словами, Герцен настаивал на всестороннем и гармоничном развитии личности и ее активном участии в исторических событиях.

Эволюция общества идет торной дорогой, на которой попадаются и прямые участки, и крутые изгибы, но редко встречаются указатели направления движения и расстояния до конечной цели. Такие «публичные меты» ставились лишь выдающимися мыслителями, сумевшими предвосхитить будущее. В поисках собственной концепции Герцен обращался к теории социализма и во многом находил в нем созвучие своим мыслям. Еще в студенческие годы, по его собственному признанию, сен-симонизм лег в основу его убеждений и «неизменно остался в существенном»³.

Вместе с тем увлеченность западноевропейскими социалистическими учениями не означала для Герцена некритического восприятия и осмысления их содержания. Он признавал заслуги предтеч нового общественного устройства, но мелочная регламентация быта, убийственная прозаичность жизни, свойственные произведе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 545.

² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. II. С. 310. Т. VI. С. 35, 34, 137, 78, 132.

³ Там же. Т. VIII. С. 162.

ниям Фурье и Сен-Симона, настораживали его, заставляли сомневаться в универсальной применимости этих теорий. «Обновление неминует, – записал он в своем дневнике 24 марта 1844 г., – но высказанным величайшим пророчествам <...> *чего-то* не достает». Коммунизм, близкий массам, «является более как негация», отрицание, в то время как он должен «дать индивидуальность, которая готова на братство»¹.

В социализме Герцена в первую очередь привлекала идея братского союза людей, *свободных* личностей, объединившихся в *свободном* обществе во имя высоких и благородных целей добра и справедливости. Его подход во многом определялся морально-этическим неприятием социального неравенства, подавления и угнетения одной группы населения другой. В немалой степени обращение к западноевропейскому социализму было вызвано протестом против удушающей атмосферы русской жизни 1830–1840-х гг., в которой нельзя было сохранить свободу совести, но можно было окаменеть в бессодержательности бытия, превратиться в бессловесный придаток бюрократической машины, подчиняющей и коверкающей душу человека.

Россия и Запад: деспотия и либерализм. Однако эмиграция и знакомство с Европой убедили Герцена, что западная демократия – далеко не тот свободный континент, каким он представлялся на расстоянии. Безбедная жизнь рантье, презрение к ближнему, дух чистогана и наживы превратили общество в просвещенную антропофагию. Вся система его бытия покоится на убежденности, что, если «не могут все хорошо жить, пусть живут несколько, пусть живет один, лишь кому-нибудь было бы хорошо». Сытое мещанское счастье уродовало не хуже кнута и ярма, собственность становилась тем блюдом чечевичной похлебки, за которую человек продает право первородства свободы и совести. «Вся нравственность свелась на то, что неимущий должен всеми средствами приобретать, а имущий хранить и увеличивать свою собственность <...> жизнь свелась на постоянную борьбу из-за денег»².

Грозным предупреждением о безнравственности западного быта стала революция 1848 г. Пережитое Герценом как личная трагедия поражение революционеров, кровь на парижских мостовых, убийства сотен невинных людей заставили его окончательно пересмотреть отношение к либеральной доктрине, выступить с собственным обоснованием необходимости кардинальной ломки буржуазных отношений и определением места России в эволюции человеческой цивилизации.

¹ Там же. Т. II. С. 345.

² Там же. Т. VI. С. 56. Т. IX. С. 126.

Он вынужден был признать, что прежние надежды на благотворное влияние политической свободы не оправдались. Ее оказалось недостаточно для воплощения идеалов истины и справедливости. «Англосаксонские народы освободили личность, отрицая общественное начало, обособляя человека», и попутно они разнуздали самые низменные чувства, пробудили в людях ненависть и зло. Либеральные деятели, тешившие себя иллюзиями абстрактной свободы в узком кружке единомышленников, за его пределами становились отъявленными консерваторами, стерегущими свое благополучие. Они могли рассуждать о сочувствии к обездоленным до тех пор, пока на сцене истории не появился настоящий, живой «работник с топором и черными руками, голодный и едва одетый рубищем». Столкнувшись с реальной, а не придуманной действительностью, либералы впали в животный страх и спрятались от нее за «штыками осадного положения, спасая цивилизацию и порядок»¹.

Не лучше проявили себя и западные демократы, обманутые своей призрачной любовью к ближнему, своей убежденностью в возможность достижения свободы, равенства и братства лишь сменой одной формы политического устройства. Добившись смены декораций и посчитав революцию законченной, демократы отдали власть в руки буржуазии, тем самым предав интересы людей труда. «Таково положение реформаторов вообще, – с горечью писал Герцен, – они, собственно наводят понтоны, по которым увлеченные ими народы переходят с одного берега на другой. Для них нет среды лучше, чем конституционное сумрачное ни то, ни се». Вся их сила – в призывах к обновлению прогнившей и погрязшей в коррупции государственной машины, к замене проворовавшихся чиновников и установлению всеобщего избирательного права. «Демократия не может ничего создать, это не ее дело, она будет нелепостью после смерти последнего врага, демократы только знают <...> чего не хотят, чего они хотят, они не знают»². Программы преобразований у них нет и не может быть. А голые призывы к свободе не способны увлечь народные массы, зажечь их верой, вооружить убежденностью в правоте и справедливости их требований. Застывшие в своем догматизме и религиозной приверженности к устаревшим лозунгам, демократы начинают плестись в хвосте событий, сотрясать воздух грозными пророчествами, которых уже никто не слышит и до которых уже никому нет дела.

Как никто из современников, Герцен сумел разглядеть изначальную ограниченность западноевропейского либерализма. И в первую очередь – либеральной идеи свободы в экономической, социальной

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XII. С. 190. Т. VI. С. 53.

² Там же. Т. VI. С. 51, 53–54, 77, 83.

и политической сферах. В экономике эта идея была сведена к требованию права выбора деятельности, основывающейся на интеллектуальных способностях, профессиональных навыках, деловой хватке; успех и процветание общества ставились в зависимость от стремления к благополучию и достатку отдельно взятого человека, а возможность использования личных качеств – от наличия свободного рынка труда и невмешательства государства в процесс производства. Главенство частной собственности и частной инициативы требовало закрепления политических прав и свобод – слова, печати, вероисповедания, установления верховенства закона.

В социальной области либерализм также стремился придать особый статус личности. Свободный индивид, наделенный рациональным мышлением, способностью к активной деятельности и преследующий собственные интересы, неминуемо, согласно доктрине либерализма, должен был вступать во взаимодействие и противодействие с другими людьми. Столкновение их эгоистических интересов придавало бы обществу необходимый динамизм и одновременно регулировало социальные отношения, отводя каждому человеку место, сообразное его деловым качествам. Однако жесткая и логически выстроенная схема либеральной свободы неминуемо входила в противоречие с идеями равенства и братства.

Запад: либерализм и социализм. Присущей Западу форме общественного устройства Герцен отказывал в праве на бытование. Она уже исчерпала себя, воплотившись в идеалах либерального европоцентризма. Старый мир огромной, но рыхлой массой нависал над дорогой прогресса, грозя в любой момент обрушиться и перекрыть путь в будущее. Европе не осталось иного выбора, кроме возрождения в очистительном огне пролетарской революции: «...всякая надежда на спокойное и мирное развитие в его поступательном движении исчезла, все мосты для перехода разрушились»¹.

В грозных раскатах будущих потрясений Герцен слышал предзнаменования появления нового творца. «Будущность Франции <...> блузник, столяр, плотник, каменотелец», – писал он в «Письмах из Франции и Италии». Буржуазия с затаенным страхом ощущает «пророчество своей гибели – в этом юном бойце с заскорузлыми от работы руками». В рабочей среде, как и в слое образованного меньшинства, происходила напряженная работа мысли, велись поиски выхода из тупика капитализма. У каждого по-своему и на свой лад. Народы «влекутся темным инстинктом, безотчетными страстями», мыслящее меньшинство – рациональным пониманием мира, угрызением совести, желанием и стремлением «наполнить пропасть, их отделя-

¹ Там же. Т. VI. С. 189.

ющую от масс»¹. При всем различии подходов они имели, по мнению Герцена, общую цель – социализм.

В основе народного восприятия лежало чувство неудовлетворения и неприятия нищеты, несправедливости и голода. «Будь пролетарий побогаче, – писал Герцен, – он и не подумал бы о коммунизме»². Но это безотчетное и инстинктивное влечение причудливо перекликалось с идеей любви и равенства, овладевшей образованным меньшинством. Темный и забитый народ тянулся к справедливости, подсознательно чувствуя то, что соответствовало его интересам, образованное меньшинство пыталось рационально обосновать перспективы социалистического будущего.

В конце 1840-х гг. произошло первое соприкосновение теоретического понимания социализма с буйной фантазией и необузданной энергией народа. Западноевропейские рабочие перевели сухие и сложные теоретические понятия Фурье и Сен-Симона на общедоступный, понятный и суровый язык, создали «коммунизм, учение о принудительном отчуждении собственности, учение, возвышающее индивидуум при помощи общества, граничащее с деспотизмом и освобождающее между тем от голода»³.

В герценовской оценке социализма конца 1840-х – начала 1850-х гг. по-прежнему основной оставалась идея гармоничного развития личности в справедливо устроенном обществе. Но одновременно с этим этическое восприятие доктрины все более сменялось представлениями о закономерности и научной обоснованности социалистического этапа. Его становление и развитие в такой же мере будет зависеть от общих диалектических принципов, как и предыдущие периоды истории. «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией»⁴.

Таким образом, понимание Герценом прогресса не было равнозначно социалистическому идеалу. Социализм – это промежуточная, хотя и необходимая станция на магистральном тракте исторического развития. Он требует от западного общества не только кардинально преобразования отношений собственности, но и сохранения поли-

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. V. С. 314. Т. VI. С. 80, 102.

² Там же. Т. VI. С. 97.

³ Там же. Т. V. С. 428.

⁴ Там же. Т. VI. С. 110.

тической свободы, равенства прав населения, без которых этот общественный строй «быстро выродится в авторитарный коммунизм»¹.

«Старые» и «молодые» народы. Видя в социалистической перспективе единственно возможный вариант прогрессивного развития Западной Европы, Герцен подчеркивал, что альтернативой ей может стать только падение в пропасть небытия, деградации и разрушения культуры. Но сомнения в жизненных способностях буржуазной цивилизации отнюдь не означали окончательного приговора. Герцен неоднократно возвращался в 1850–1860-х гг. к судьбам Европы. Он был глубоко убежден, что общественное развитие идет через столкновение «двух взаимодействующих сил *традиции и идеала*», и это сохраняло за старым миром прежний выбор: между «подлинно радикальной революцией» и смертью².

Понимание Герценом социализма как научно обоснованной стадии развития общества и глубокие сомнения в способности западной цивилизации перейти к новому социальному устройству подталкивали его к поискам иного «русла», которым может пойти поток мировой истории. Он считал, что если судьбы человечества не смогут решиться на поле великой брани и консерватизм прошлого окажется сильнее одухотворенного порыва в будущее, то на руинах Европы закипит новая жизнь, «дикая, свежая мощь распахнется в молодой груди юных народов <...> преобразуются иные страны»³.

В своем стремлении «не привязывать», «не приколачивать» судьбы человечества к Западу Герцен все внимательнее присматривался к «молодым» народам, которые только начинали жить и уже поэтому имели неоспоримое преимущество перед «долго жившими» народами. В их существовании он находил свидетельства альтернативности и вариативности социальной эволюции. По словам Герцена, вклад разных народов в общее дело прогресса зависит от разных причин. В их числе – и динамика внутреннего развития, и особенности национального характера, и зародыши новых порядков. Хотя «у природы и истории – все званые гости», но реализация потенциальных возможностей в «исторической гоньбе» идет «диагонально»: народы могут веками лежать «под паром», а затем оказываются под воздействием новых и благоприятных условий «исполненными сил и соков». «Странами *ближайшего будущего*», способными, по мысли Герцена, придать новый импульс ходу мировой истории, и были прежде всего Северо-Американские Соединенные Штаты Америки и Россия. Но если Америка, еще пока уступавшая

¹ Там же. Т. V. С. 88, 89.

² Там же. Т. XVI. С. 204. Т. XV. С. 146. Т. XX. С. 58.

³ Там же. Т. VI. С. 110, 190.

западноевропейскому уровню цивилизации, принадлежит к одному и тому же типу буржуазной демократии и представляет собой лишь «исправленное издание прежнего текста»¹, то Россия несет в себе зародыши новых отношений.

Провозглашая этот тезис, Герцен прекрасно понимал, что возлагает надежды на страну, погрязшую в рабстве, униженную и обесчещенную отсутствием элементарных прав и свобод человека, и тем самым нарушает каноны элементарной логики. Именно в парадоксальности самой идеи он пытался обрести опору для своих прогнозов.

Россия – не Европа. Европейские народы пошли путем развития личности, в конечном итоге воплотившей себя в образе гордого британца, кичащегося конституционными правами и презирующего бескультурие и варварство всего остального мира. Русский народ, напротив, сумел сохранить и как бы законсервировал многовековый уклад жизни, опирающийся на начала коллективизма, который в нравственном отношении оказался выше индивидуальной свободы европейцев.

Герцен решительно отрицал необходимость прохождения «через скорбные, трудные фазы исторического развития <...> предшественников»². Россия и без того имела великие «права на будущее». Но признание Герценом особого пути преобразования России не несло в себе националистической идеи богоизбранности народа, оно произрастало из глубокого чувства патриотизма и стремления найти идеал общественного устройства для своей родины.

Вера в особый путь России в сочетании с усвоенными и переработанными идеями западноевропейской социалистической мысли и послужили основой для создания Герценом концепции «русского социализма», ставшей базой народнической доктрины. Путь России к новому социальному устройству он рассматривал как вариацию мировой истории, как безусловно необходимый этап движения к свободе, без которой невозможно развитие человека.

Община – личность – социализм. Предпосылки для социалистического преобразования страны коренились, по мысли Герцена, в издревле существовавшем общинном характере землепользования и артельном производстве. Именно община с ее демократическими традициями, периодическими переделами земли, совместным владением лугами, пастбищами должна была стать зародышем «экономических и административных установлений» будущего общества. Прекрасно видя униженное и зависимое положение этого института

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XX. Кн. 1. С. 57. Т. XI. С. 473. Т. XVIII. С. 349. Т. VI. С. 28. Т. XII. С. 169, 427. Т. XVIII. С. 352. Т. XII. С. 351.

² Там же. Т. XII. С. 186. Т. VII. С. 308. Т. XIV. С. 155.

народной жизни в царской России, констатируя у него отсутствие побудительных мотивов к внутреннему развитию, он вместе с тем считал, что первым к социализму подойдет тот народ, который «на знамени своем поставит не личность, а общину, не свободу, а братство, не абстрактное равенство, а органическое распределение труда»¹.

В конце 1840-х – начале 1850-х гг. Герцен прекрасно осознавал, что все общинные предпосылки к социалистическому переустройству были не чем иным, как «сырым материалом нашего быта». Отсутствие в общине внутренней конкуренции, борьбы интересов усыпляло народ и способствовало поглощению личности массой. Однако, наряду с этим, Герцен пытался и доказать, что внутренняя неподвижность еще не ставила непроходимого «заплота» «для личной свободы и инициативы». Примером тому служила артель – «не-что вроде русской подвижной общины <...> соединение вольных людей одного мастерства на общий прибыток общими силами», благодаря деятельности которой были раздвинуты границы государства и на протяжении веков обустроивалась Россия².

Главным для Герцена становилось признание за общиной права собственности: «...в избе русского крестьянина мы обрели зародыши экономических и административных установлений, основанных на общинном землевладении, на аграрном и инстинктивном коммунизме»³. И все-таки Герцен был весьма далек от идеализации общины. Его оценки на этот счет достаточно взвешены; да и в определении русского социализма Герцен был крайне осторожен. Он не исключал и вариант «буржуазной полосы»: «Не следует слепо верить в будущее; каждый зародыш имеет право на развитие, но не каждый развивается. Будущее России зависит не от нее одной. Оно связано с будущим Европы». Западная цивилизация продемонстрировала «единственный путь спасения», путь использования тех элементов, которые «сильно и глубоко лежат в народном характере». Для Герцена было совершенно очевидно, что «в помощь нашему делу нужна мысль Запада и нужен его опыт»⁴.

Для осуществления социалистических идеалов должны были произойти огромные изменения: в первую очередь требовалось освободить общину от «удушающего ига власти», а затем перенять и использовать в повседневной хозяйственной деятельности научно-практические знания Европы. Только при реализации этих двух условий община сможет, согласно Герцену, развить заложенные в ней

¹ Там же. Т. XIII. С. 179. Т. II. С. 336.

² Там же. Т. XVIII. С. 357. Т. XII. С. 45. Т. VI. С. 202. Т. XII. С. 110.

³ Там же. Т. XIII. С. 179.

⁴ Там же. Т. VII. С. 334. Т. VI. С. 334. Т. XIII. С. 45. Т. XVI. С. 204.

задатки и наиболее полно удовлетворить свои материальные и духовные потребности.

В общетеоретическом плане постановка вопроса об общинном социализме означала определение некоей идеальной формы соединения личных интересов с общественным характером производства, при использовании которой коллективная собственность и коллективный труд предотвращали превращение свободы в одну из «монопольей собственника»¹. Формы, безусловно, национальной и отличной от буржуазной модели Западной Европы. Вера Герцена в общину основывалась на ее способности предотвратить «кровавые муки капитализма».

«Социализмом к свободе». *Революция и реформа.* Сопоставляя европейский опыт с российскими условиями, Герцен находил, что исходные предпосылки для социалистической эволюции различны. «Европа <...> не разрешила антиномии между личностью и государством <...> русский народ сохранил общинное начало, отрицая личность, поглощая человека». В преодолении этой двойственности и заключается, по его мнению, «вся мучительная задача нашего века, в этом-то и состоит весь социализм». Освобождение и развитие человека по-прежнему оставались для него главной целью прогресса общества, а общинный социализм – лишь специфичным национальным средством достижения поставленной задачи. Резюмируя отличия условий Запада и России, Герцен писал, обращаясь к европейским единомышленникам: «Мы шли за вами, пути наши пересеклись, и мы снова пойдем не по одной дороге – *вы пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе*»².

Европа уже выработала, подготовила тот слой населения, который способен включиться в новый виток эволюции. Но так ли уж необходимо и русскому народу повторять скорбные уроки предшественников? Его ответ однозначен и категоричен – нет: «Человек будущего в России – мужик, точно так же, как во Франции – работник»³; его только нужно освободить от крепостной зависимости с обязательным наделением землей. В этом Герцен видел ближайшую задачу общества.

Но гигантский переворот в русской жизни не обязательно должен принять форму революционного насилия. Кровавые потрясения «бывают иногда необходимы, ими отделяется общественный организм от старых болезней, от удушающих наростов», но все же предпочтительнее «путь мирного человеческого развития». Здание свободы

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XII. С. 310.

² Там же. Т. VII. С. 326. Т. XII. С. 190, 112. Т. XVIII. С. 469.

³ Там же. Т. XII. С. 44.

и счастья людей не может быть скреплено их страданиями, слезами и горем. Массы не должны становиться «мясом общественного благополучия». «Мы не западные люди, – писал Герцен по этому поводу, – мы не верим, что народы не могут идти вперед иначе, как по колена в крови; мы преклоняемся с благоговением перед мучениками, но от всего сердца желаем, чтоб их не было»¹.

Итак, в 1840–1850-е гг. социалистический путь России представлялся Герцену возможным без образования пролетариата в стране, при условии освобождения крепостного крестьянства и активного развития общинно-артельного производства. Это давало возможность «на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плукая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтобы у свободной личности земля осталась под ногами, и чтоб общинник был совершенно свободное лицо». Предпочтительным Герцен считал и мирное разрешение главных противоречий русского общества. Радикализм требований и «революционная декларация» насилия, по его оценкам, также были не нужны стране, «как французам была не нужна римско-спартанская риторика, которой они говорили в конце прошлого века»².

Реформа 1861 г., первоначально восторженно встреченная Герценом, казалось бы, решительно разрушила один из гордиевых узлов в России: крестьянство было освобождено и получило землю. Родоначалник народничества полагал, что страна оказалась «лицом к лицу с огромным экономическим переворотом», перед ней отрывалась возможность некапиталистического развития. Однако внимательное изучение обнародованных документов привело Герцена к выводу о половинчатости реформы. Получив волю, крестьяне оказались без необходимого хотя бы для сносного существования количества земли, а значит, и без действительного права хозяйственной самостоятельности. Стремление самодержавия не столько преобразовать общество, сколько сохранить его старозаветные основы, становилось для Герцена все более очевидным.

Практически это означало, что старый лозунг земли и воли остался актуальным и в новых условиях. Задача сводилась к тому, чтобы «развить полную свободу лица, не утрачивая общинного владения и самой общины». В этом контексте русским социализмом Герцен называл «тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общин-

¹ Там же. Т. XIV. С. 239. Т. XVI. С. 28. Т. XIII. С. 22. Т. XIV. С. 186.

² Там же. Т. XIV. С. 183. Т. XVI. С. 204.

ного владения и общинного управления, – и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»¹.

При этом не грех было использовать и то немногое, что дали реформы, проведенные властью. Отмена крепостного права «при всей сбивчивости, неполноте своей, тотчас повела к экономическим, административным и юридическим последствиям своим – введением земских учреждений, нового суда и пр.». В результате даже непосредственных преобразований резко возросла роль сельской общины, которая «оказалась впервые вовлеченной в социальное развитие огромного государства <...> Находившийся в заточенном состоянии принцип самоуправления, раздавленный полицией и помещиками, начинает все более и более избавляться от своих пеленок и свивальников; избирательное начало укореняется, мертвая буква становится реальностью. Старосты, общинные судьи, сельская полиция – все избирается, и права крестьянина простираются уже далеко за пределы общины. Он является ее представителем на общегубернских собраниях, в суде присяжных»².

Следующим шагом должен был стать созыв «великого собора», где были бы представлены все слои населения без различия в их социальном и имущественном положении. «Каково бы ни было *первое Учредительное собрание, первый парламент* – мы получим свободу слова, обсуждения и законную почву под ногами. С этими данными мы можем двигаться вперед»³.

Герцен настаивал на последовательном продолжении реформаторского процесса, на предоставлении крестьянам земли и воли. Уникальность ситуации, сложившейся в России после 1861 г., заключалась, по мнению Герцена, в том, что она позволяла без ужасов, которые несли в себе революционные потрясения, осуществить преобразования в направлении социалистического будущего. В пореформенный период он остался верен старой идее – не звать «к топору <...> до тех пор, пока остается хоть одна разумная надежда на развязку без топора»⁴. Призывать массы к восстанию можно было, по его мнению, только в том случае, если не оставалось ни единой возможности сломить силу традиции, и если существовали силы, способные возглавить выступление и руководить им. Развитие событий в 1860-е гг. все более убеждало Герцена в том, что Россия не готова к революции.

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XIX. С. 186, 193.

² Там же. Т. XIX. С. 195. Т. XX. С. 66–67.

³ Там же. Т. XX. С. 79.

⁴ Там же. Т. XIV. С. 239.

«Мысль» и «масса». Экономические и политические преобразования в России виделись родоначальнику народничества в свете эволюционного и постепенного освобождения человека. Логика рассуждений вела Герцена к обоснованию идеи длительной подготовительной работы в народе, выработки программы, соответствующей интересам общества в целом, а не отдельных его слоев и групп. Решение этой задачи требовало определения той силы, которая способна взять на себя тяжкую ношу служения будущему страны. Для Герцена это означало «приложение» к конкретным русским условиям «силлогизма» отношений «мысли» и «массы». Он обращался к обоснованию особой роли «образованного меньшинства» страны в наведении «моста» с народом. И эта тема стала одной из главных в его творчестве.

Раскол, разъединение, «пропасть» между трудовой частью населения и интеллектуальной элитой общества были характерны, по мысли Герцена, для всего человечества, но в России это приобрело гипертрофированный характер. Однако уже выступление декабристов «героическим поведением заговорщиков» открыло «новую стадию политического воспитания» в России. А современное образованное общество символизировало для Герцена «разум страны». Именно с ним он связывал свои надежды на будущее России, но обращался к разным его представителям и по-разному определял стоящие перед ними цели. В дореформенный период Герцен еще надеялся на преобразовательные возможности среднего дворянства, которое могло «приобрести гражданское значение только одним выходом из правительственной касты в определенное сословие, называемое *образованным*. Для этого одна дорога – *идти дальше самого правительства в освобождении крестьян с землею*»¹.

Но постепенно под образованной элитой он начинает понимать тех, кто в условиях отсутствия элементарных прав и свобод возложил на себя функции защитника интересов молчаливого народа, выразителя его надежд и чаяний. Такие люди в России были. Они принадлежали к той части образованной элиты, которая, по словам Герцена, в результате своей духовной эволюции прошла «все формы либерализма от английского конституционализма до поклонения 93-му году», поплатилась за свое свободомыслие «виселицами, каторгой, казематами, ссылкой и жизнью»². Она еще не смогла пробиться к народу сквозь толщу бюрократического управления и крестьянского недоверия. Но сможет это сделать, если проникнется духом самопожертвования и станет «закваской» социалистического будущего.

¹ Там же. Т. VII. С. 243–244. Т. XIV. С. 241.

² Там же. Т. XII. С. 186.

К числу таких «землемеров, вбивающих веки нового мира», Герцен относил и себя. Ему в равной степени было присущи и ощущение долгого, трудного пути, и потребность стать посредником «между русским народом и революционной Европой». Только познакомившись с социализмом, он почувствовал «всю неизмеримую важность для <...> общества нашей сельской родной коммунистической общины» и тем самым приобрел веру в будущее, хотя его наступление и было скрыто пеленой тумана времени: «...когда-нибудь, долго после нашей смерти, дом, для которого мы расчистили место, выстроится, и в нем будет удобно и хорошо – другим». Но важный, решающий шаг был сделан. Русский социализм получил обоснование, а, значит, и был «переброшен первый мост между меньшинством и крестьянством»¹.

Но этот «понтон» был именно первой, еще ненадежной ниточкой, сшивающей разрубленный организм нации. Любое неосторожное, грубое движение могло нарушить сложный и трудный процесс заживления. Обосновывая особую роль российской интеллигенции, Герцен считал, что она должна «раствориться в народе», просветить его сознание и готовить к грядущим преобразованиям. Призыв «в народ!», звучавший со страниц «Колокола», будил и звал к активной деятельности. Но деятельности мирной, нереволюционной.

«С тем, кто освобождает и пока он освобождает». По мнению Герцена, «никакое меньшинство из образованных не может сделать у нас неодолимого переворота без власти или без народа»². Но если народная сила еще не пробудилась от векового сна, то центральная власть при определенных условиях могла оказать положительное воздействие на реформаторский процесс. Это была весьма призрачная надежда. Но и ее Герцен полностью не исключал.

Слова Александра II, произнесенные перед московским дворянством еще в марте 1856 г.: «...господа, лучше, чтоб эти перемены сделались сверху, – нежели снизу», открывали, по его мнению, уникальную возможность кардинальных преобразований верховной властью. Российский император мог начать новый переворот, «опираясь, с одной стороны, на народ, с другой – на всех мыслящих и образованных людей России». Поддержка и первой, и второй силы была гарантирована, поскольку существовала «целая среда, зрелая мыслью, готовая идти с правительством, но за народ и с народом». Не следовало бояться народной темноты и бедности: умение, понимание русских крестьян давно известны, а освобождение пробудит творческие воз-

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VI. С. 25, 326. Т. XII. С. 77.

² Там же. Т. XVI. С. 225.

возможности: «...шаг народных масс, когда они принимаются двигаться, необычайно велик»¹.

Вера в такую возможность подталкивала Герцена к неоднократным обращениям к императору, не давала остыть надежде видеть в царе-освободителе не консерватора, а инициатора «*революционного начала*» реформ, «демократического нивелирования дворян и признания аграрного начала в поземельном наделе». В письмах к венценосцу Герцен предстает как «неисправимый социалист», готовый признать несомненные заслуги представителя «враждебного стана» в деле освобождения крестьян. С достоинством и тактом Герцен не только убеждает царя, но и обнажает язвы страны, предупреждает Александра II об ошибках, которые «ведут от несправедливости к несправедливости» и «приведут к гибели». Он следует своему старому правилу: «...мы идем с тем, кто освобождает и пока он освобождает». Герцен не колебался и не шел на компромиссы, когда речь шла о будущем страны. Патриотизм, изначально присущий его взглядам, проявлялся в самоотверженности, даже самоотречении, при условии, если «самодержавная революция могла вести Россию к великому развитию всех ее неистощимых сил, неведомых возможностей, не проливши ни одной капли крови, не поставивши ни одной виселицы и делая из сибирского тракта путь богатства и обмена»². Однако этим надеждам так и не суждено было сбыться.

«*Мирный, неревolutionный социализм*». «*Внешняя*» и «*внутренняя*» свобода. В целом представления Герцена о социализме не получили законченного оформления. В его взглядах с удивительной причудливостью переплетались убежденность в научной обусловленности социализма, надежда на коммунистические зачатки общины, вера в созидательную мощь передовой интеллигенции, безуспешные призывы к преобразующей миссии русского царя, отрицание и неприятие крови и страданий революционного переворота. Прекрасный пропагандист социалистических идей, яростный противник мещанства и буржуазности, Герцен заложил основы народничества, которые, по меткому замечанию М. А. Бакунина, можно назвать «мирным, неревolutionным социализмом»³.

Причины этого коренились в том, что в конце 1860-х гг. надежды на скорое исчезновение эпохи господства капитала не оправдались. Между просвещенным меньшинством страны и народом

¹ Там же. Т. XIII. С. 29, 23, 24.

² Там же. Т. VIII. С. 341. Т. VII. С. 455. Т. XIX. С. 81. Т. XIII. С. 197. Т. XIV. С. 216.

³ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906. С. 279.

по-прежнему пролежала пропасть, которую не удалось преодолеть. На одной ее стороне закрепился консерватизм основной массы населения, с которым «труднее бороться, чем с консерватизмом трона и амвона». В основе народного мирозерцания покоятся косность и привязанность к традиции. «Народ – консерватор по инстинкту <...> Он даже новое понимает только в старых одеждах». На другой стороне пропасти сохранились неопределенность и отсутствие четко очерченных перспектив будущего. «Меньшинство, идущее впереди, не доработалось до ясных истин, до практических путей, до полных формул будущего быта». Были сформулированы только общие положения, имелись смутные представления, которые не давали «ни путей, ни средств, ни даже достаточной среды»¹.

В этих условиях надеяться на возможность преобразовать мир рывком, «взять грудью, усердием, отвагой», означало, по мнению Герцена, идти «по старой колее пророков и прорицателей, фанатиков и цеховых революционеров». При отсутствии реальной программы действий невозможно ни убедить, ни освободить людей. Насилие и террор могут только разрушить ранее созданное, чтобы воздвигнуть на обломках цивилизации уродливый монумент кнута и гильотины: «петроградизмом социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдет»².

Герцен настаивал на более взвешенной оценке готовности человека к грядущим преобразованиям: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное рабство, чем дар излишней свободы». Это отнюдь не означало отречения от социалистических убеждений. Герцен был по-прежнему уверен, что судьба капитализма предрешена. Но «конец исключительному царству капитала и безусловному праву собственности» должен был положить переворот в сознании общественной неправды, несправедливости положения работников. Революционным путем этого добиться нельзя. «Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять шаг *людской* в былом и настоящем, – писал Герцен, – для того, чтобы знать, как идти в ногу, не отставая и не забегая в такую даль, в которую люди не пойдут за мной – не могут *идти*»³.

По сравнению с началом 1860-х гг. во взглядах Герцена еще четче проявлялось отрицательное отношение к революционным методам насилия, негативное влияние которых неминуемо должно было сказаться на характере будущего общественного устройства. В 1869 г.

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XX. Кн. 2. С. 577, 589.

² Там же. С. 577, 582, 578.

³ Там же. С. 590, 577, 586.

он был убежден в необходимости взвешенной научной проработки и теоретической подготовки прогресса: «на авось» идти нельзя, а знание и понимание основного вектора истории вооружают против необдуманности и поспешности социального экспериментаторства. Иногда бывает гораздо разумнее идти медленно, но уверенно, постепенно и более целенаправленно.

На рубеже 1870–1880-х гг. Герцен оставлял будущему поколению социалистов только обозначенные, но не разрешенные вопросы социальной концепции. Социализм, видевшийся ему как главное средство освобождения человека, реализации его способностей, по-прежнему оставался достаточно неопределенной и расплывчатой конструкцией. Родоначальник русского народничества указал на необходимость активной деятельности отечественной интеллигенции, вплотную подошел к определению роли личности в истории России, но не дал четкого содержания ее практики. Вопрос о соотношении революции и реформы не получил однозначного ответа в его работах. В равной степени можно сделать аналогичный вывод и в отношении проблемы «народ и интеллигенция», которая была в творчестве Герцена во многом ответом на капиталистическое развитие Запада, где «либеральный зигзаг» вел, по его мнению, к крушению цивилизации. Русская особость, русский национальный уклад жизни становились вариантом спасения будущего, который он отстаивал со всем блеском своего научного и литературного таланта.

§ 2. Н. Г. Чернышевский: преемственность и новизна идей

Понимание Н. Г. Чернышевским теории прогресса, определение места России в мировой цивилизации, обозначение роли интеллигенции в эволюции общества во многом перекликались со взглядами Герцена, однако им были присущи и серьезные отличия, которые проявились в ином истолковании наследия западноевропейской мысли, законов общественной эволюции, критичных оценках крестьянской общины.

По меткому замечанию известного исследователя народничества В. Ф. Антонова, все творчество Н. Г. Чернышевского «пронизано идеей прогресса»¹. Толкование им всеобщих законов развития основывалось на принципиальном утверждении о неразрывной связи природы и общества и преобразующей роли «деятеля истории – человека»². Отправной точкой его концепции социального прогресса

¹ Антонов В. Ф. Историческая концепция Н. Г. Чернышевского. М., 1983. С. 28.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953. Т. VI. С. 13.

становилась констатация единства биологической и духовной составляющих человеческого бытия.

Антропологический принцип философии. Главным в жизни человека Чернышевский считал труд, а первостепенным фактором, обеспечивающим поступательное движение общества – техническое усовершенствование производства и характер трудовой деятельности. По мере улучшения орудий труда улучшается и качество произведенных продуктов, повышается квалификация производителя, «качества работника, исполняющего эти операции». Таким образом, производительный труд в определении прогресса человеческого общества становился базовой категорией, действующей «на человека с необходимостью физических законов»¹.

Вместе с тем не только обеспечение физиологического существования людей влияет на общественное развитие. Чернышевский считал, что всеми поступками человека руководит его природный эгоизм, именно он побуждает все соизмерять расчетом, «велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия»². И даже общество, достигшее высокой степени в технологии производства, неминуемо столкнется с проблемой баланса интересов его членов.

Таким образом, материальные потребности и собственный интерес индивидуума должны быть соотнесены с более общими понятиями. «Общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного», – так он определяет общественные приоритеты³.

В своем стремлении соединить индивидуальные и социальные начала Чернышевский прямо следовал рациональному подходу, свойственному Герцену: «...эгоизм и общественность – не добродетели и не пороки; это основные стихии жизни человеческой, без которой не было бы ни истории, ни развития»⁴. Но для обоснования тезиса о том, что все полезное для большинства членов общества также должно быть полезно и для отдельных его представителей, Чернышевский использовал идеалистическую категорию добра, свойственную философии европейского Просвещения. Под добром он понимал все то, что соответствовало социальному прогрессу, не противоречило и не приносило вреда общественным интересам.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. IX. С. 219, 338.

² Там же. Т. VII. С. 285.

³ Там же. С. 286.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. III. С. 119. Т. VI. С. 130.

Что есть прогресс? Соединение материалистического понимания основ существования человека с идеалистической категорией добра подталкивало к поискам универсального средства, способного примирить два разнохарактерных вектора прогресса. У Чернышевского это средство – сила разума: «...прогресс основывается на умственном развитии; коренная сторона его прямо и состоит в успехах и развитии знаний». Наука тем самым становилась высшим выражением поступательного движения к более совершенному общественному устройству: накопление и распространение знаний одновременно определяет как степень технического оснащения производства, так и интеллектуально-моральный облик людей. Как он писал по этому поводу: «...основная сила прогресса – наука, успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространения знаний. Вот что такое прогресс – результат знаний»¹.

В этом утверждении также легко читается главная идея эпохи Просвещения – непоколебимая убежденность в том, что чем выше образованность людей, тем совершеннее общество, тем гуманнее отношения между его членами. Собственно, иллюзорные надежды на всемогущее разума, науки, образования и определяли на протяжении всего XIX в. интеллектуальные поиски многих мыслителей. Чернышевский в их ряду не был исключением. Вопрос заключается в уровне творческого осмысления наследия предшественников. И если Герцен в своем понимании прогресса шел путем критического восприятия французского просветительства и немецкой философии, то Чернышевский был в гораздо большей степени зависим от западноевропейских теорий.

Идеи эпохи Просвещения привлекали его обоснованием непрерывности развития цивилизации, эволюционного и постепенного движения на основе накопления и распространения знаний. У Чернышевского «прогресс – просто закон нарастания». Его суть состоит в том, что каждая историческая эпоха оставляет наследие, с помощью которого можно или повторить в новых условиях аналогичный процесс, или, опираясь на накопленный опыт, «начать новый процесс высшего порядка»².

Личный, общественный интерес и западноевропейский социализм. Попытка соединения объективных материальных основ существования человека и идеалистических представлений возвращали Чернышевского к проблеме трудовой (экономической) деятельности человека и общества. По его мысли, хотя «личный интерес есть главный двигатель производства», он непременно должен быть до-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 645.

² Антонов В. Ф. Историческая концепция Н. Г. Чернышевского. С. 31.

полнен другими качествами, которыми «отстранялись бы невыгоды прежнего одностороннего идеала». Их Чернышевский находил в идее «о союзе и братстве между людьми», впервые высказанной в утопических учениях Р. Оуэна, А. Сен-Симона, Ш. Фурье¹.

Но эти первые проявления новых общественных стремлений имели «характер энтузиазма, мечтательности», более походили на поэзию, чем на серьезную науку². Такой подход не удовлетворял Чернышевского. Его идеалом было сочетание личного интереса работника с владением вещью, «которая выходит из его рук». «Труд должен быть единственным владельцем производимых ценностей», – так звучало экономическое обоснование будущего социального устройства. Земля, фабрики, заводы – все должно перейти в общественную собственность, стать общим достоянием трудящихся. В результате коллективного производства его эффективность значительно возрастет, «каждая пробужденная потребность будет удовлетворяться досыта», а труд превратится «в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности»³.

Чернышевскому казалось, что сочетание объективного элемента трудовой деятельности с разумным устройством хозяйственных и распределительных отношений позволяет утопическому социализму приобрести необходимые характеристики закономерного общественного развития, высшей ступени социальной эволюции. Тем самым прогресс приобретал целевую направленность в восхождении от первоначальной неразвитой формы общественной жизни к ее совершенному и гармоничному устройству.

Представления Чернышевского об этапах развития человечества перекликались со взглядами Сен-Симона. Он по-своему препарировал деление французским мыслителем истории на органические и критические периоды и стремился доказать, что «человечество идет к учреждению всеобщей ассоциации, основанной на любви»⁴. А фундаментальное доказательство универсальности общего движения человечества к социализму Чернышевский в очередной раз находил в философии Гегеля.

Универсализм исторических законов и морально-этический императив. Во взглядах Чернышевского на этапы (фазисы) эволюции общества в полной мере присутствуют как свойственное его концепции прогресса стремление соединить объективные закономерности существования человека с субъективными элементами его деятель-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 578. Т. VII. С. 18. Т. IV. С. 729.

² Там же. Т. VII. С. 156.

³ Там же. Т. VII. С. 19, 38. Т. IV. С. 739. Т. V. С. 609.

⁴ Там же. Т. VII. С. 159, 165.

ности, так и попытка доказать универсальный характер истории. Идеи эпохи Просвещения в сочетании с философией Фейербаха, Гегеля и учениями западноевропейских социалистов-утопистов порождали убеждение в том, что «все народы в одно и то же или в разное время прошли один и тот же путь развития»¹. Цикличность эволюционного процесса получала конкретное воплощение в смене этапа «первобытного состояния» (начало) «цивилизацией классического мира», капитализмом (усиленное развитие) и социализмом (высший этап). Как критика капиталистического общества, так и обоснование наступления нового (социалистического) этапа имели в значительной мере общее морально-этическое содержание. И здесь взгляды Чернышевского впервые сближались с позицией Герцена. Они расходились в теоретическом обосновании идеи прогресса общества, по-разному интерпретировали открытия западноевропейской философской мысли. Герцен большее внимание уделял альтернативности истории, Чернышевский настаивал на универсальности законов социальной эволюции. Само же социалистическое будущее человечества ни у одного, ни у другого не вызывало сомнений. И хотя Чернышевский пытался использовать для обоснования закономерности социалистического этапа «экономические» аргументы, они были весьма уязвимы и утопичны. В то же время моральное неприятие капиталистической эксплуатации и желание предотвратить или смягчить социальные последствия рыночной экономики – эмоционально ярко выражены и субъективно объяснимы.

Способы общественных преобразований. В меньшей мере близость взглядов Герцена и Чернышевского наблюдается и в определении способов общественных преобразований. Процесс эволюции далеко не бесконфликтен. Все новое и прогрессивное пробивает себе дорогу в борьбе с отжившим и сопротивляющимся старым. Но в социальной жизни длительный и постепенный процесс эволюции в значительной степени зависит и от тех средств, которые используются для осуществления прогрессивных начинаний. Мировая история, констатировал Чернышевский, была полна сведениями о кровавых завоеваниях, революционных потрясениях, политических переворотах, реформах; по своей сути они представляли собой варианты насильственных и ненасильственных способов преобразований. Их использование определялось в конечном итоге готовностью общества к назревшим изменениям и степенью сопротивления уже переживших свое время идей и порядков. Устаревшая форма общественного устройства чаще всего держится силой традиции, но как только в со-

¹ Антонов В. Ф. Историческая концепция Н. Г. Чернышевского. С. 43.

знании людей прочно закрепляется идея о ее бесплодности и вредности, участь прежних «понятий и учреждений» предрешена.

Вся логика рассуждений Чернышевского свидетельствует о том, что наиболее приемлемым средством преобразований ему представлялось ненасильственное и постепенное накопление количественных изменений, которые в конечном итоге привели бы к качественному преобразованию существовавшего общества. «Реформа – главное орудие прогресса», – так можно в целом охарактеризовать его представления об эволюционно-поступательном развитии цивилизации. Это, конечно, не означает, что Чернышевский отвергал революции как закономерный факт мировой истории. Свидетель революционных выступлений в Европе, он осознавал их значение и влияние на ход мировых событий. Но опыт конца XVIII–XIX вв. наглядно продемонстрировал, что, во-первых, политические перевороты не полностью разрешали накопившиеся проблемы и отнюдь не всегда приводили к установлению «порядка дел, сообразного с новыми потребностями общества»; во-вторых, революции – это и «безрассудные меры», и «кровавые восстания», и «уличные смуты». Цена «изменения гражданского быта» могла оказаться непомерно высокой и оплаченной жертвами ни в чем не повинных людей. Как и Герцен, Чернышевский задумывался над целесообразностью и правомочностью использования насильственных методов. Он предупреждал, что нельзя предаваться их идеализации.

Личность и масса. Ключ к решению проблемы использования насильственных и ненасильственных средств преобразования общества лежал, по его мнению, в рациональном постижении общественных законов и целенаправленном их использовании. А центральным вопросом становился вопрос о взаимодействии личности и масс в историческом процессе. Роль народа в социальном прогрессе, по словам Чернышевского, огромна. В конечном итоге судьба человечества зависела не от гения либо выдающегося государственного, политического деятеля, а от совокупных усилий «людей простых и честных, темных и скромных». Трудом народа создаются материальные блага, его умственное и нравственное развитие определяет общий уровень гуманности и цивилизованности общества¹.

Однако подавляющая масса населения «привыкла жить рутинной, привыкла быть апатична, привыкла доверять господствующим над ней людям». Приверженность традиции, отсутствие «непоколебимых и ясных политических убеждений» неоднократно делали народ игрушкой в руках реакционеров. Народ еще нем и темен, он не спо-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 597. Т. V. С. 176. Т. III. С. 547. Т. IX. С. 66.

собен разумно и целенаправленно влиять на ход мировой истории¹. Для того, чтобы народ в полной мере осознал и проявил свои *силы*, необходимо *силой просвещения* пробудить в нем человеческое достоинство, развить природный ум, дать возможность реализовать его разнообразные и недюжинные способности.

Как и Герцен, Чернышевский отводил роль инициатора побудительного толчка образованной части общества. Выдающиеся личности должны были стать наставниками и руководителями основной массы населения в усвоении главных ценностей цивилизации – науки и образования. Чем больше простого народа будет приобщено к культуре, чем более просвещенной станет основная масса населения, тем быстрее пойдет развитие общества, тем совершеннее станет его устройство. И все же этот процесс не обещал завершиться в скором будущем. Подхлестывать эволюционное и постепенное движение по пути прогресса было крайне опасно.

Констатируя сходство взглядов Герцена и Чернышевского в определении роли и значения интеллектуальной элиты общества, вместе с тем необходимо отметить факт различной акцентировки, содержащейся в их работах. Чернышевский в этом частном вопросе испытывал значительное влияние Гегеля, согласно которому деятельность человека прямо вытекает из объективного бытия. Свобода личности проявляется в постижении законообусловленности прогресса и подчинении разумной необходимости. Тем самым человек оказывался зависим от общества. Универсализм и телеологичность, преобладавшие в понимании Чернышевским общественной эволюции, приводили к механистическому прочтению роли личности, которая оценивалась лишь как выразительница и служительница времени. «Нельзя найти в истории ни одного случая, в котором не явились бы на первый план люди, *соответствующие характеру обстоятельств*» (выделено нами. – В. З.)².

Здесь Чернышевский прямо расходился с Герценом, для которого «подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее – продолжение человеческих жертвоприношений»³. Утилитаризм и предопределенность деятельности людей претила его пониманию прогресса, главным критерием которого было освобождение человека, а различные этапы эволюции общества (в том числе и социализм) выражали степень раскрепощения личности и обретенной свободы. И если Герцен своим творчеством восставал против «механистической» заданности эволюции, подавляющей инициативу личности, то

¹ Там же. Т. VII. С. 155, 618. Т. V. С. 44. Т. VI. С. 370.

² Там же. Т. VII. С. 888.

³ Герцен А. И. Собр. соч. Т. IV. С. 125–126.

для Чернышевского понимание «механики» целенаправленной эволюции служило источником социального оптимизма.

Причины расхождений между Герценом и Чернышевским в вопросе о роли и значении личности в истории, как и в целом их близкое, но не во всем совпадающее толкование прогресса, следует искать в степени критического восприятия наследия западноевропейской общественной мысли и выработки собственной концепции социальной эволюции. Мятущийся, все подвергающий сомнению герценовский ум не терпел диктата чужого знания и требовал выявления идейных противоречий, создающих дисгармонию философских и социальных учений. Чернышевский – в большей степени систематизатор, пытающийся совместить порой разноречивые по своему содержанию взгляды. Их расхождения в основном затрагивали проблемы универсальности и альтернативности истории, целевой направленности и содержательной стороны прогресса. И Герцен, и Чернышевский – социалисты, отстаивающие мирный, ненасильственный путь общественной эволюции. Но если первый обращал главное внимание на социальные и политические аспекты, то второй пытался использовать для обоснования справедливого устройства общества экономические выкладки западноевропейских социалистов. В сочетании со значительным влиянием идей эпохи Просвещения это создавало теорию, в которой причудливо переплетались рационализм и утопизм, идеалистическое понимание всеобщности законов развития и материалистическая интерпретация основ существования человека.

Россия и мир. Такое понимание прогресса наложило свой отпечаток на представления Чернышевского о месте России в мировой истории, ее будущем, о характере взаимоотношений интеллигенции и народа в жизни страны и общества. Не будучи профессиональным историком, он обращался с историческими фактами как публицист и политический деятель, который главную свою цель видит в доказательстве правильности избранной позиции, а сведения, почерпнутые из наследия прошлого, служат лишь аргументами в споре с оппонентами и противниками.

Для Чернышевского центральной стала мысль о зависимости русской истории от общих законов развития человеческого общества. В его интерпретации она звучала следующим образом: «Русская история понятна только в связи с всеобщей историей; объясняется ею, и представляет только видоизменения тех же самых сил и явлений, о каких рассказывается во всеобщей истории»¹. Вместе с тем характер развития России имел свои особенности, к числу которых

¹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. VII. С. 268.

Чернышевский относил обширность территории, внешний фактор, влияние государственной власти.

Общее и особенное в судьбе России. Разбросанность владений, наличие значительного числа «пустошей», разделявших немногочисленные группы народа, привели Древнюю Русь к распаду на уделы с усилением власти местных князей. Могущество державы было подорвано. Вторжение татар закрепило раздробленность. Но постепенно, с ослаблением татарского ига и ростом населения, «русский народ получил некоторую свободу», проникся «сознанием единства», что стало главной причиной образования независимого государства. Однако централизаторские тенденции имели, по Чернышевскому, как положительные, так и отрицательные стороны. Объединение ранее разрозненных территорий соединяло народ в единое целое, способствовало развитию земледелия, ремесел и торговли. Но сама форма объединения привела к расширению власти центра и сокращению прав местного управления. Усиление административного диктата, введение наместничества привели к возрастанию произвола, взяточничества, господству бюрократического аппарата¹.

Государственная власть в России стала главенствующей силой, заботившейся преимущественно о собственных интересах. Их призвана была защитить армия ненасытного и алчного чиновничества. Менялись цари и правители, но неизменным оставался порядок жизни, «при котором не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность <...> Там господствует исключительно насилие. Кто сильнее, тот безнаказанно делает над слабейшим все, что только угодно». Такой порядок Чернышевский называл азиатством, добавляя, что он рождает самодурство правителя и полную беззащитность и зависимость подданного².

В России худшие черты азиатства воплотились в крепостничестве. Абсолютная зависимость от земельного собственника, отсутствие элементарных человеческих прав воспитывали у народа такие черты национального характера, которые были выгодны государству и господствующим классам: «...долготерпение, переносливость к лишениям[, обидам] и всяким невзгодам». Этих качеств, может быть, и было достаточно в минуты трудных испытаний, неоднократно выпадавших на долю России, но подневольный малопроизводительный труд был неприемлем для роста богатства нации и продвижения ее по пути прогресса. В целом Чернышевский видел в крепостном праве «корень <...> почти всех <...> бедствий и недостатков»³.

¹ Там же. Т. VII. С. 703, 947. Т. III. С. 571, 574, 575.

² Там же. Т. V. С. 700.

³ Там же. Т. V. С. 708, 694–695, 90.

Результатом такого порядка становилась «непривычка частных людей к инициативе», «изумительная апатия» и приверженность рутине. Лишившись поддержки деятельной части населения, государство осталось один на один со своими проблемами, и, как свидетельствовала история, бюрократическая система оказалась неспособной к самореформированию. Для Чернышевского было очевидным, что именно господствующая система власти не позволила стране добиться больших успехов в деле прогресса. В середине XIX в. русское общество находилось лишь на переходной стадии от феодализма к капитализму и отставало от передового Запада.

В Европе Чернышевского привлекали динамизм развития, постепенное движение к усовершенствованию общественной организации. Не менее привлекательной чертой была и свобода личности. Однако, приветствуя достижения европейских народов в области политических свобод и юридических гарантий независимости, Чернышевский не принимал экономического подавления человека, превращения его в бессловесный придаток машины, выступал против появления «язвы пролетариата». По его оценке, западноевропейский вариант эволюции не обеспечивал «материальной стороны быта», а его общественная форма не соответствовала магистральному направлению прогресса¹.

Свобода и социализм. Как и Герцен, Чернышевский сталкивался с тем же «проклятым» вопросом: свободы нет ни на Западе, ни на Востоке. В России – безынициативность, рутина, господство государства, в Европе – несоответствие общественного устройства насущным потребностям личности. Где выход из тупика?

По мнению Чернышевского, переходный этап от феодализма к капитализму при существовании более развитых государств представлял России уникальную возможность выбора – следовать ли путем западноевропейских народов или попытаться миновать этот этап мировой истории. Капитализм нес преобразования как в характере «деятельности производящих классов», так и в быту всего населения. Развитие транспорта должно было сказаться на интенсивности торговых операций, ускорить накопление капиталов и их «приложение» к производству. Капитализм в сельском хозяйстве неминуемо обернется потерей земли для большинства крестьян, превращением их «в безземельных бобылей» и появлением фермерских хозяйств, построенных по фабричному образцу эксплуатации². Такой вариант развития событий был реален, но и связан с повторением уже хорошо известных в Европе явлений конкуренции и кризисов производ-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 727, 728, 730. Т. VII. С. 477.

² Там же. Т. IV. С. 304. Т. XIV. С. 348. Т. V. С. 153.

ства, обнищания и безработицы населения в социальной сфере, т. е. именно тех черт западной цивилизации, которые были неприемлемы для Чернышевского. Поэтому вполне резонно было его сомнение в правомерности следования европейским образцам. Чернышевский однозначно настаивал на социалистическом варианте эволюции.

Община и ассоциация. Во взглядах Чернышевского по этому вопросу явно просматриваются различия, характерные для второй половины 1850-х и начала 1860-х гг. В первый из указанных периодов Чернышевский считал, что по сравнению с европейскими экономическими порядками Россия сумела сохранить земельную общину в сельскохозяйственном производстве. Первое неоспоримое ее преимущество перед капиталистическим производством – в том, что она «обеспечивает огромному большинству поселян пользование землей» и тем самым «предотвращает излишнее неравенство состояний между членами общины». В отличие от фермерского хозяйства землевладельцы не обращаются в наемных работников. Только этих выгод, по словам Чернышевского, «совершенно достаточно для предпочтения общинного владения всякому другому». В русских общинах, где практикуется продолжительное пользование надельной землей или даже отсутствуют ее переделы, возможно применение новейшей технологии обработки почвы и повышения ее плодородия¹.

Общинная форма была крайне выгодна в юридическом и административном отношениях. Споры, возникающие между членами общины, не так часты, как у собственников, разрешаются гораздо быстрее, проще и без вмешательства государственных чиновников и полицейского надзора. Самостоятельность русских крестьян в юридических вопросах воспитывает в них «привычки к энергической деятельности» и ставит преграду бюрократическому вмешательству в их жизнь. Как казалось Чернышевскому, «с теоретической точки, преимущество общинного владения доказано неоспоримо» и именно такую форму собственности «должны иметь поземельные отношения при достижении высокого развития»².

Перед Россией открывалась возможность миновать «кровавые муки капитализма», используя задатки коллективного производства, сохранившиеся в общине. Этот «переход в будущее» весьма длителен и связан с постоянной борьбой социалистических и капиталистических начал. К тому же он должен произойти только вместе с Европой, не опережая общего хода мировой истории, но и не отставая от него. Влияние и помощь Запада были столь же необходимы, как

¹ Там же. Т. IV. С. 313. Т. VII. С. 123.

² Там же. Т. V. С. 615, 616, 618, 378. Т. XIV. С. 348.

и развитие национальных особенных свойств. Общинное владение – всего лишь зародыш будущего строя.

Однако увлечение Чернышевского общиной продлилось очень недолго. Уже в начале 1860-х гг. он критически пересмысливает собственные взгляды. Согласно его рассуждениям, община – лишь элемент, облегчающий само продвижение к социализму, но далеко не гарантирующий его реализации на практике. К тому же формы социалистической организации труда многообразны. В их числе – различные ассоциации, товарищества, распространенные, кстати, именно на Западе и воплощавшие в себе идеалы социализма в гораздо большей степени, чем община. В них уже не только осуществляется совместное владение землей, но и организовано коллективное производство, регулируемое «надобностью собственного потребления», и рациональное распределение продуктов труда. Расчетливое ведение хозяйства позволяет не только обеспечить необходимый прожиточный минимум, покрыть все производственные издержки, но и накопить значительную денежную сумму, которая «пойдет в дивиденд всем членам товарищества, каждому по числу его рабочих дней»¹.

В процессе углубления своих представлений о социалистическом будущем России Чернышевский все больше склонялся к идее универсальности форм, используемых в Европе. Значение общины как основы прогрессивных преобразований падало, ее место постепенно замещалось кооперативными принципами ведения хозяйства. Герцен имел основание отнестись подобные взгляды, хотя и представленные «с огромным талантом и пониманием», к теориям «западного социализма». Расхождения между родоначальниками народничества касались содержательной стороны «русского социализма». Герцен под этим термином понимал социализм «земли и крестьянского быта». Чернышевский ориентировался в 1860-е гг. на городскую среду, которая состояла, по герценовской оценке, «исключительно из работников умственного движения, из пролетариата, интеллигенции, из «способностей»»².

Просветительство, интеллигенция и народ. Ориентируясь не на деревню, а на город, Чернышевский в нем находил проводников своих идей. Он соглашался с Герценом в необходимости для России «индивидуальной самостоятельности», также видел пропасть между интеллигенцией и темной, непросвещенной массой населения. Преодолеть ее можно было кропотливой и целенаправленной работой. Первый шаг в сближении образованных и «дюжинных» людей – в понимании «народного сознания». Второй шаг – просвещение народа. Это

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 55, 62.

² Герцен А. И. Собр. соч. Т. XIX. С. 193, 194.

«дело долгое и трудное», время его настанет, «но не завтра и не послезавтра». И, наконец, третий шаг – ликвидация русского азиатства. Все три шага должны были привести Россию к европейскому уровню цивилизации¹.

Просвещением догнать других – так звучит основная задача российской интеллигенции. В этой формуле нет и намёка на насильственные способы преобразования общественного строя. Длительный подготовительный период нужен стране, ранее погрязшей в азиатстве, чтобы овладеть достижениями цивилизации, просветить основную массу народа, а только затем двигаться вперед по пути прогресса. Напротив, решительные, но необдуманные действия могут привести к тому, что «возбужденное чувство, не имея возможности устремиться к правильной цели, выразилось бы горячими действиями для достижения целей неправильных». Народу необходим надежный и верный поводырь, который мог бы подсказать правильный путь и повести по нему. В противном случае эту обязанность может возложить на себя «первый встречный плутоватый самодур», воспользовавшийся забитостью и темнотой народа, его неумением рассуждать. И чем плутоватей будет он, тем «гуще повалит за ним толпа <...> желающих прожить чужим умом и под чужой волей, хотя бы самодурной». Другая опасность коренилась в невежестве, предрассудках и слепой ненависти народа «ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию»².

Чернышевский боялся необдуманных и стихийных выступлений. Главной задачей в жизни страны он считал освобождение крестьян с землей без выкупа. Действия правительства в конце 1850-х гг., направленные на отмену крепостного права, Чернышевский первоначально приветствовал как факты «всемирно-исторического значения». Но впоследствии, убедившись в непоследовательности, половинчатости решения крестьянского вопроса, неоднократно критиковал избранный вариант освобождения и призывал изменить его основные положения «для отклонения смут».

Среди других неотложных мер Чернышевский особенно выделял ликвидацию «дурного управления», реформирование государственного аппарата и судебной власти. В целом предлагаемую им программу можно назвать программой демократизации России,

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 616, 889. Т. V. С. 700. Т. VII. С. 616–617.

² Там же. Т. VII. С. 882. Т. X. С. 92.

программой привлечения наиболее активной и просвещенной части населения к деятельному участию в преобразовании страны. Благодаря свободе слова, печати, собраний можно было бы преодолеть инерционную силу бюрократии, придать новый импульс реформаторскому процессу.

Конечная цель преобразований виделась Чернышевскому в установлении конституционного порядка, когда власти закона подчинялось бы все население страны и им же определялись основные черты общественной и государственной деятельности: «ответственность министров, вотирование бюджета, суд присяжных, свобода печати, уничтожение сословных привилегий, самоуправление по областям и общинным делам»¹.

Но путь к такому устройству нелегок и тернист. Установление конституционного порядка зависит от кропотливого труда, пропаганды «партии просвещенных людей», составляющих «мирную оппозицию» власти и требующих «не октроирования конституции, а созыва депутатов для свободного ее составления». Действовать нужно крайне осторожно, чтобы не вызвать подозрительной настороженности властей и необузданного бунта уставшего ждать подлинной воли народа. На первых порах можно было ограничиться подготовкой общественного сознания к подаче адреса государю, затем – начать собирать подписи. И лишь когда «настанет срок», подготовленные требования будут представлены «спокойно, торжественно, с непреодолимою силою, перед которою робко преклонится правительство»².

Чернышевского абсолютно не смущало, что обращаться придется к российскому императору, который навряд ли благосклонно отнесется к поднесенному адресу. Он был убежден, что опасность национальной смуты заставит главу государства согласиться на введение конституции. Хотя династия и «будет потом стараться взять назад свои уступки», но и «партия просвещенных людей» может изменить свои требования. Он и сам в тактических соображениях допускал возможность сохранения на определенный срок прежней системы правления, если «нынешний государь откажется от произвола». В конечном итоге, по его словам, «истинно конституционная монархия мало отличается от республики»³.

Убежденность Чернышевского в необходимости ненасильственного реформирования России заставляла его, как и Герцена, неоднократно обращаться к Александру II с призывами силой власти и пра-

¹ Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. М., 1983. С. 309.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 653. Т. X. С. 97; Он же. Письма без адреса... С. 313, 309, 312.

³ Чернышевский Н. Г. Письма без адреса... С. 312, 311.

вительства, опирающихся «на свободную волю нации», совершить необходимые преобразования. В противном случае Россия подвергнется страшному перевороту, и все достижения цивилизации будут уничтожены в огне крестьянского бунта. *Разрушение или прогресс* – так можно определить еще один принцип взаимоотношения интеллигенции с основной массой населения.

При сопоставлении программы преобразований Чернышевского со взглядами Герцена можно констатировать совпадение их позиций по всем основным вопросам: в равной мере им свойственно стремление политическими средствами преодолеть кризисное состояние России и призвать к активной деятельности просвещенное меньшинство страны. Отрицание и неприятие кровавых последствий радикализма в полный голос звучит со страниц их работ. А апелляция к разуму царствующего монарха у Чернышевского напоминает аргументы Герцена. Расхождения между ними наблюдаются лишь в определении состава интеллектуальной элиты страны.

Если Герцен склонен был высоко оценивать идейный потенциал дворянской интеллигенции, опирающейся на наследие 1840-х гг., то Чернышевский весьма критически относился к «лишним людям». Для него сила будущих преобразований заключалась в «новых людях», более близких к народу, чутко относящихся к его настроению и способных оказать на него благотворное влияние. Таких личностей он находил во всех слоях населения. Чернышевский почувствовал и предугадал появление нового поколения интеллигенции – разночинцев, которые были вызваны к деятельной жизни произошедшими в стране изменениями, но одновременно определяли характер будущих изменений. В них он видел проводников идеи прогресса и наделял их качествами, которых не было у предшественников. И если Герцена настораживал радикализм молодежи, то Чернышевский подчеркивал другие ее качества – рационализм и практичность, высокую мораль и готовность к самопожертвованию. В целом, несмотря на различия в понимании содержательной стороны социализма, расхождения в оценках состава «просвещенного меньшинства» страны, конкретные проекты родоначальников народничества совпадали. В них содержался мощный заряд антикрепостнических идей, стремление к демократическому преобразованию общества.

Предварительные итоги. Труды Герцена и Чернышевского заложили основы русского народничества. Отталкиваясь в формировании собственного мировоззрения от западноевропейских идей эпохи Просвещения, немецкой философии и утопических теорий социализма, они, каждый по-своему, переосмысливали интеллектуальное наследие предшественников и современные открытия. В значительной степени восприятие достижений общественной мысли проходило через противопоставление и сопоставление основных понятий: со-

циальный прогресс и человек, личность и общество, Россия и Запад, революция и реформа, капитализм и социализм, интеллигенция и народ. В общетеоретическом смысле это позволяло ставить новые проблемы, расширяло границы творческого поиска, ускоряло процесс самоидентификации отечественной интеллигенции. Но одновременно такой подход лишал рождающуюся доктрину целостности, создавал возможность различной интерпретации обозначенных проблем.

Созданный Герценом и Чернышевским идеал общественного устройства стал ответом на развитие капиталистических отношений в Европе и на начавшийся процесс модернизации России. Стремление не допустить подавления человека грядущей мощью машинной цивилизации, обеспечить ему возможность для всестороннего раскрытия заложенных способностей послужило основной идеей народнической доктрины. А социализм и реформаторство – его конкретным выражением. Родоначальники народничества были противниками насилия и склонялись к использованию мирных путей перехода к новому обществу. В русских условиях наиболее приемлемой формой социалистического переустройства, по мнению Герцена, могла стать крестьянская община. Чернышевский придерживался несколько иных взглядов, акцентируя внимание на кооперативном принципе трудовых ассоциаций, получивших широкое распространение на Западе. Вместе с тем в определении главенствующей роли русской интеллигенции в грядущих преобразованиях общества их позиции совпадали.

Без всякого сомнения, в теоретических конструкциях Герцена и Чернышевского содержалась значительная доля утопизма – утопизма требований, предъявляемых передовой интеллигенции, утопизма надежд, возлагавшихся на русскую общину, утопизма веры в социалистические потенции народа. В какой-то мере создав идеал будущего устройства, определив его контуры, основоположники народничества не смогли ответить на вопрос о путях достижения поставленных целей. Как и о первых социалистах в Западной Европе, о них можно сказать словами самого Герцена, что «скорее пророки, чем организаторы, они оставались на верном пути в своих неопределенных стремлениях и запутывались в их применении и их последствиях»¹.

Наиболее реальной и содержательной стороной взглядов родоначальников народничества следует признать их конкретные планы реформирования государственных и административных институтов, ликвидации крепостного права, сковывающего духовные, интеллектуальные и экономические силы народа, демократизации общественной жизни, установления конституционного порядка и обеспечения

¹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. V. С. 428.

участия в политической деятельности всего населения страны. Такая программа объективно была направлена на постепенное и последовательное приобщение к мировой цивилизации, развитие самосознания и сплочения нации. Однако понимание народного мировоззрения не шло дальше утверждения о потенциальных силах трудовой части населения, под которой понималось крестьянство, отличавшееся от западноевропейского пролетариата сохранностью общинной организации. И Герцен, и Чернышевский не исключали, что при определенных социально-экономических трансформациях этот элемент традиционного народного быта мог превратиться в зародыш справедливого общественного устройства.

§ 3. Революционеры и народ

Наследие и наследники. Восприятие и интерпретация идей Герцена и Чернышевского происходили на фоне реформ 1860-х – начала 1870-х гг. Либерализация самодержавного режима власти, потребность в новых людях, способных участвовать в преобразованиях, порождали надежды на быстрые и масштабные социально-экономические изменения. Центральное место в идейных поисках занимали способы воздействия на исполнительную власть, которая, как правило, расценивалась в качестве главного препона на пути прогресса.

Явно политизированное прочтение возможной эволюции России подталкивало к постепенной радикализации требований: от призывов к царю наделить граждан России равными правами, ввести справедливый суд, развить начала самоуправления, ввести общинную собственность на землю до угроз не остановиться перед истреблением ста тысяч помещиков¹. Эта тенденция просматривалась в разного рода прокламациях, наводнивших столицу империи. При этом степень расхождения во взглядах авторов «подметных листков» была весьма велика, а возникавшая полемика зачастую служила свидетельством не столько единства оппозиционных настроений, сколько разности взглядов на грядущие преобразования и на избираемые средства действий.

Единственно в чем, пожалуй, сходились оппоненты, так это в представлении народа в качестве объекта прогресса, зависимого от активной позиции отечественной интеллигенции. Именно на этот слой населения возлагалась высокая и ответственная миссия разработки конструктивной программы будущего и донесения ее (конечно

¹ К молодому поколению // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 103, 104, 100.

же, в упрощенной и доступной форме) до молчаливого и могучего, но еще не пробудившегося к активной деятельности исполина.

Естественным и логичным способом распространения идей передовой интеллигенции считалось сближение с народом. Для руководства людьми труда требуется знать их потребности, нужды, образ мышления. Другими словами – понять народ и сблизиться с ним. Но в реализации намеченных целей не было единства. Часть молодежи тяготела к преимущественно просветительской деятельности, отдавая предпочтение распространению знаний, образованию забитой и неграмотной массы населения. Более решительные и активные силы готовы были идти в бой, рассчитывая на подготовленность и самопожертвование небольшой и сплоченной группы единомышленников. Появившиеся в 1860-е гг. различные кружки и организации на практике подтвердили уже явно обнаружившиеся идейные расхождения. Становилось очевидным, что основам народнической доктрины требуется более существенное и осязаемое дополнение, которого недоставало теоретическим построениям Герцена и Чернышевского.

Перед народниками все отчетливее вырисовывалась необходимость теоретического осмысления опыта «проб и ошибок», заблуждений и верных решений, увлечений и разочарований. Требовалось определение конкретных путей реальной деятельности в наведении мостов между интеллигенцией и народом. Ответить на поставленные временем вопросы попытались как сторонники радикальных взглядов на преобразование общества, так и приверженцы реформаторской деятельности. К концу 1860-х гг. среди революционеров явно обозначились три направления в народничестве – пропагандистское (главным идеологом которого стал П. Л. Лавров), бунтарское (во главе с М. А. Бакуниным) и заговорщическое (где господствовали взгляды П. Н. Ткачева).

Критически мыслящие личности П. Л. Лаврова. Становление и развитие взглядов П. Л. Лаврова происходило в основном под влиянием тех же учений, которые были предметом самого пристального внимания и родоначальников народничества – А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского. Философия Г. Гегеля, И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Л. Фейербаха, идеи эпохи Просвещения, социалистические проекты западноевропейских мыслителей стали основой для формирования его собственного понимания эволюции природы и общества. Не остались в стороне от критического осмысления Лаврова и новые явления интеллектуальной жизни – научные открытия О. Конта, Г. Спенсера, материалистические взгляды Л. Бюхнера, К. Фохта, Я. Молешотта, теория К. Маркса.

Обращение Лаврова к идее социализма стало результатом напряженных размышлений над характером исторического развития, поисков критерия общественного прогресса. В 1869 г. он изложил свои

мысли по этим вопросам в работе «Исторические письма». Главным условием цивилизации Лавров считал мощь научного познания, идеи. Именно они позволили человеку вырваться из мира природы. В этом он прямо следовал за Н. Г. Чернышевским.

Близость их взглядов наблюдается и в определении главного субъекта прогресса – человека. Личность становилась для Лаврова центром социальной жизни и одновременно смыслом общественно-го развития. Однако признание самоценности индивида у Лаврова не сочеталось с его подчинением предопределенности общественной эволюции, которая наблюдалась во взглядах Чернышевского. Напротив, он шел дальше в решении вопроса о роли личности в истории. Для него человек выступал сознательным преобразующим элементом, движущей силой развития цивилизации. Лавров пытался соединить герценовское отрицание фатализма хода истории, подчинение «личности общему» с пониманием разумной цели прогресса, которая преобладала у Чернышевского.

Преимственность взглядов Лаврова и родоначальников народничества также просматривается в оценке интеллигенции. Этот слой населения в силу своей профессиональной занятости выполнял функции носителя знаний, накопленных человечеством, а значит, и преобразующей силы общества. Но это передовое меньшинство населения смогло добиться своего положения, умения влиять на ход событий благодаря труду и самопожертвованию народа. Поэтому оно находится перед ним в неоплатном долгу, должно приложить все силы для его просвещения и тем самым усилить сознательный элемент в жизни общества. Общественный прогресс представлялся Лаврову как «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости»¹.

Но далеко не всякий интеллигент может носить высокое звание творца будущего. Его заслуживают люди, живущие сообразно тому идеалу «развитого человека», который был ими выработан в результате мучительных интеллектуальных поисков и который стал основой их активной гражданской позиции². К их числу Лавров относил критически мыслящих личностей, соизмеряющих свои действия с выработанным нравственным идеалом. Тем самым народнический мыслитель стремился пробудить в современниках не только осознание долга перед народом, но и потребность уплатить этот долг. В своих работах Лавров обосновывал субъективный метод в социологии,

¹ Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 54.

² Там же. С. 89–90.

где центральное место занимал человек, его деятельность, направленная на целенаправленное формирование собственного мировоззрения и активное преобразование общества.

Для деятельности критических личностей Лаврова свойственно просветительство, но просветительство революционного толка. Такие люди сознательно готовят себя к будущей борьбе, закаляя свой характер и волю. Их деятельность должна пройти три фазиса в своем развитии. Задача первого из них состоит в выступлении перед массами с родившимися идеями. Это время героев, способных пойти за свои убеждения в тюрьмы и ссылки, на страдания и смерть. Второй фазис связан с появлением в народной среде новых деятелей, которые ощущают острую необходимость в объединении своих усилий. Наконец, третий фазис – самый трудный – объединение личностей в партию.

Идеи о критически мыслящих личностях как главной силе прогресса получили свое логическое завершение в учении о партийной организации, способной реализовать на практике идеал социального устройства. Лавров вполне резонно считал, что корпоративную структуру российского государства может победить только более сплоченная корпорация единомышленников. Для него не имело принципиального значения, к какому слою общества принадлежал тот или иной человек. Более важными представлялись его взгляды, моральный облик, готовность на самопожертвование и служение народу. Партия становилась тем «мостом», который должен был соединить интеллектуальную элиту общества и молчаливую народную массу. И если Герцен и Чернышевский в конечном итоге не пошли в разрешении этой проблемы дальше идеи просветительства, указывая на необходимость длительной подготовительной работы *для народа и среди народа*, то Лавров настаивал на *революционной деятельности вместе с народом*.

Как он писал, критически мыслящие личности должны были понимать «не только цель, к которой стремишься, но средства, которыми ее можно достигнуть»¹. В первую очередь нельзя было ограничиваться только своей партийной средой, а требовалось найти поддержку деятельности у *возможных и неизбежных* союзников. К первым из них относятся представители интеллигенции, а ко вторым – многочисленные народные массы. Они – самая надежная и верная основа партии.

Естественно, само сближение с народом произойдет не сразу и потребует инициативы со стороны критически мыслящих личностей. Но одновременно с их кропотливой работой в среде народа неуклон-

¹ Лавров П. Л. Избранные сочинения. М., 1934. Т. 4. С. 424.

но будет расти и накапливаться недовольство существующими порядками. В обществах, где существуют неразрешенные социальные проблемы, с течением времени для большинства населения «страдания умножаются. Происходят местные взрывы, легко подавляемые. Правительство и господствующие классы прибегают к паллиативам, к полумерам для облегчения слишком явных страданий и к уменьшению полицейского надзора и карательных мер». Но этого оказывается явно недостаточно. В том случае если критическое меньшинство осознало, что существующие общественное устройство пережило себя, «путь мирных реформ для общества невозможен». Сторонники самих умеренных преобразований убеждаются, что «недостаток умственного и нравственного развития в господствующих и руководящих личностях и группах ведет <...> к неизбежному кровавому столкновению». Так было всегда и, когда устаревшие формы общественной жизни «не поддавались под напором развития мысли», они «распадались не раз под взрывами революций»¹.

Народная революция. Для Лаврова эволюционный и революционный варианты развития цивилизации – два законообусловленных и взаимосвязанных способа разрешения назревших социальных проблем. В этом отношении он прямо следовал идеям родоначальников народничества. Однако выявленная им закономерность перехода от мирной оппозиционности к вооруженному противостоянию, нарисованная в «Исторических письмах», была однозначно революционной. Однозначно революционной была и позиция самого Лаврова. По его мнению, революция – необходимая, хотя и насильственная мера, к которой приходится прибегать для уничтожения старых порядков, противостоящих развитию общества. Он не отрицал того факта, что цена революции крайне высока. К тому же очень часто оказывается, что изменения, которых ожидают от нее, не исполняются, а преобразования ограничиваются «лишь заменой одной господствующей группы другой, массы же, к улучшению положения которых стремятся искренние революционеры и силами которых революции совершаются, очень мало выиграют от переворота». И все-таки они выигрывают, если не в сутолоке повседневности, то в перспективе, в отказе от отжившего прошлого и в надежде на лучшее будущее. Для Лаврова было очевидным, что раз «хронические страдания масс при сохранении прежнего строя иногда далеко превосходят все вероятные страдания революции, то приходится самым мирным, но искренним реформаторам обращаться в революционеров»².

¹ Лавров П. Л. Философия и социология. Т. 2. С. 66, 67, 73.

² Там же. С. 67.

Однако без народа добиться победы невозможно. Сами же люди труда еще не готовы и не способны к революции. Они просто не осознают ее целей. Помочь разобраться в этом и должны члены партии. Лавров требовал от «цивилизованного русского меньшинства» всесторонней подготовленности. Только обогатив себя знаниями и усвоив народные потребности, можно было просветить народ и подготовить его к революции. В этом видел Лавров главную задачу революционера, поскольку «перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и с посредством народа». И лишь когда «течение исторических событий укажет само минуту переворота и готовность к нему народа русского, можно считать себя в праве призвать народ к осуществлению этого переворота»¹.

Нетрудно заметить, что представлениям Лаврова о народе в основном присущ социально-политический акцент. Национальная принадлежность являлась для него скорее дополнительным и второстепенным фактором. Первичным элементом, безусловно, выступал характер трудовой деятельности основной массы населения. В этом отношении подвижническая жертвенность критически мыслящих личностей становилась необходимым и значимым дополнением в деле реализации его собственной формулы прогресса, без реализации которого страна была обречена на длительную стагнацию.

«Исторические письма» для многих народников на долгие годы стали символом веры, ради которого они готовы были идти в Сибирь, в тюрьму и на смерть. Однако радикальная молодежь не всегда удовлетворялась призывами Лаврова к самоподготовке и последующему просвещению народа. Она жаждала практического дела, стремилась «ковать» революцию, поднимать народ на борьбу.

Бунтарский социализм М. А. Бакунина. Выразителем подобных настроений стал М. А. Бакунин. Главную причину социальных бедствий Бакунин находил в государственности². Отрицая необходимость государства, Бакунин считал вредным и участие революционеров в политической борьбе, которая выгодна лишь радикальной буржуазии. По его мнению, в России народ уже выработал длительной многовековой работой идеал свободы и поэтому необходимо перейти «прямо к организации всенародного бунта». Никакой революции, кроме «стихийной, или народно-социальной», он не признавал. Любая другая революция отвергалась и предавалась анафеме, поскольку, согласно взглядам Бакунина, она была «бесчестна, вредна, свободно- и народноубийственна» и лишь сулила бы «новую нищету

¹ Лавров П. Л. Избр. соч. Т. 4. С. 423, 424.

² Бакунин М. А. Полн. собр. соч.: В 2 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 17.

и новое рабство». Наряду с этим он понимал, что для осуществления народного выступления требовалось «связать лучших крестьян всех деревень, волостей, передовых людей, естественных революционеров между собой, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством». Организация революционных сил страны достигалась, согласно Бакунину, путем объединения крестьян всей России и слияния их в единый фронт с фабричными рабочими. Сами же революционеры должны были разъяснить народу конкретные революционные задачи, не давая угаснуть бунтарскому пылу, создавать «чувство и сознание действительного единства». Тем самым Бакунин не отрицал правомерности и оправданности деятельности тайного общества с целью «возбуждения, сплочения и организации народных сил»¹.

Он не ставил перед революционной молодежью задачи навязать народу свою программу, а призывал пробуждать в русских общинах сознание собственной свободы и необходимости объединения в общей борьбе. Только в этом отношении Бакунин признавал целенаправленное использование пропаганды.

Сама же организация революционеров должна была объединить «самых умных <...> самых страстно непоколебимо и неизменно преданных людей, которые, отрешившись по возможности, от всех личных интересов и отказавшись один раз навсегда, на всю жизнь, по самую смерть, от всего, что прельщает людей, от всех удовлетворений тщеславия, чиновлюбия и славолубия, были бы единственно и всепоглощены единою страстью всенародного освобождения; людей, которые отказались бы от личного исторического значения при жизни и даже от исторического имени после смерти». По мысли Бакунина, не обязательно было набирать армию революционеров, достаточно было создать штаб революции из 50–60 человек, спаянных общей идеей и стремлением. Такая организация послужила бы «посредницей между народным инстинктом и революционной мыслью»², дала бы возможность народу вооружиться, стихийно выдвинуть из своей среды вожаков и, в конечном итоге, добиться окончательной и бесповоротной победы над врагом.

По сравнению с лавристской концепцией позиция Бакунина была ориентирована не столько на рационально-сциентистское восприятие социальной эволюции, сколько на стихийное мироощущение крестьянства («народные инстинкты»), в котором виделся идеал мироустройства. Бакунин будто не замечал, что тем самым, желая или не желая того, идеал подменялся идолом. И хотя апостол анархизма

¹ Бакунин М. А. Философия, социология, политика. М., 1989. С. 538, 539.

² Там же. С. 550, 546.

никогда не отрицал присущих народу недостатков, к числу которых им относились «религиозный и политический фатализм русского народа», привязанность к «патриархальному складу жизни», чересчур «коммунистические воззрения на отношения лица к миру, общине», тем не менее он яростно защищал крестьянский мир от насилия со стороны интеллигенции, желавшей, по его мнению, нарушить гармонию народного существования.

Опасность насильственных действий со стороны этого слоя населения отнюдь не исчезала и в случае победы над современным (буржуазным) типом государства. Бакунин был убежден, что «власть действует столь же развратительно на тех, кто облечен ею, сколько и на тех, кто принужден ей покоряться». А раз это так, то «никакое государство, – писал он, – как бы демократичны ни были его формы, хотя бы самая красная политическая республика, народная только в смысле лжи, известной под именем народного представительства, не в силах дать народу то, что ему надо, то есть вольной организации своих собственных интересов снизу вверх, без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, в сущности своей не представляет ничего иного, как управления массами сверху вниз, посредством интеллигентного и поэтому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ»¹.

Противников анархистских принципов Бакунин обвинял в том, что они пропагандируют «антинародный» характер революции, делая ставку на меньшинство, на выходцев из «привилегированных слоев общества»². Данный упрек он адресовал не только сторонникам Лаврова, но и последователям заговорщической тактики, имевшей много общего с бланкистскими попытками в Западной Европе.

Заговорщики. Главный теоретик этого направления П. Н. Ткачев отразил в своих взглядах настроения части интеллигенции, не верившей в возможность осуществления революции силами народа, и стремившейся создать тайную организацию с целью свержения царского правительства для проведения социалистических преобразований.

Считая, что «народ не может себя спасти <...> не может устроить своей судьбы сообразно реальным потребностям и осуществить идеи социальной революции»³, Ткачев возлагал свои надежды на революционное меньшинство. Оно и должно было «раскачать» существующий строй, дать толчок для проявления стихийной энергии масс.

¹ Бакунин М. А. Полн. собр. соч. Т. II. С. 20, 23.

² Там же. С. 23.

³ Ткачев П. Н. Избр. соч.: В 4 т. М., 1933. Т. III. С. 263.

Узкая группа людей, объединившаяся в партию, преследовала тем самым, по мысли Ткачева, двуединую цель: подготовить захват власти и поднять народ на выступление.

Сделать это будет далеко не просто: вековое рабство превратило «среднего человека» в апатичного обывателя («послушного и аморфного»), мирящегося с устоявшимся порядком вещей. Вывести его из обычного дремотного состояния могут только экстраординарные события, которые покажут, что существующая власть уже не так сильна, более того, что она «поругана, расстроена, дезорганизована, обессилена – и тогда ему нечего будет бояться»¹.

Итак, роль основной массы населения (народа) находится в прямой зависимости от наиболее активной и деятельной группы. В ее состав Ткачев в первую очередь включал молодежь. Именно молодое поколение было готово к решительным действиям, готово на любые жертвы ради народного блага, его нельзя запугать никакими опасностями. «Найти тысячу не сложно, – утверждал Ткачев, – за людьми дело не станет, а если так, то нечего и медлить»².

Для решения последней задачи предполагалось использовать средства агитации. Признавая необходимость подготовительной работы в народе, Ткачев вместе с тем расходился в этом вопросе с Лавровым. По его глубокому убеждению, если следовать лавристским рецептам, то революция превратится в утопический долгий путь мирного прогресса³. С помощью «мирной» пропаганды, – отмечал он, – «можно совсем сбить молодежь с толку, представляя ей действительную революцию как искусственное навязывание народу неосознанных и непрочувствованных им идей, как нечто деспотическое, эфемерное, скоротечное и потому вредное; уверяя ее, что победа народного дела, что радикальный переворот всех существующих общественных отношений зависит от степени сознания народом его прав и потребностей, то есть от степени его умственного и нравственного развития, можно незаметно довести ее до убеждения, будто развивать народ и уяснять ему его потребности и тому подобное – значит готовить не торжество мирного прогресса, а торжество истинной революции»⁴.

В противовес этому Ткачев настаивал на том, что настоящий революционер должен призывать народ к восстанию, сам выбирать нужное для него время, а не ждать, когда наступит удобный для этого момент. В связи с этим революционер всегда должен быть готов к ре-

¹ Ткачев П. Н. Наши иллюзии // Набат. № 2/3. 1876. С. 4.

² Ткачев П. Н. Возможна ли социальная революция в России в настоящее время // Набат. № 6. 1876. С. 2.

³ Ткачев П. Н. Собр. соч.: В 2 т. М., 1976. Т. 2. С. 17.

⁴ Там же. С. 18–19.

волюции, которая никогда не будет проходить мирно и тихо, как, по его мнению, об этом мечтал Лавров. Что касается России, то она уже была подготовлена всем ходом своего развития к грядущим революционным потрясениям¹.

Таким образом, Ткачев расходился с Лавровым по стратегическим вопросам революционной деятельности. Не последовательное и осторожное проникновение в народную среду, а «возбуждение» в обществе чувство недовольства и «озлобления» существующим порядком. Пропаганда должна настоятельно требовать «практической революционной деятельности и хорошей организации»². Принципиально важной для Ткачева оставалась возможность захвата власти группой революционеров.

Полемика: революция и народ. Лавров не мог оставить без ответа прозвучавшие в его адрес инвективы. Его контраргументы касались в первую очередь понимания взаимодействия в ходе революции интеллигенции и народа. Неподготовленная революция равнозначна поражению, выгодному в первую очередь «врагам народа», утверждал Лавров. В этом отношении «тактика заговора», в основе которой лежит ставка на интеллигентное меньшинство, была обречена на провал. «Революция в пользу народа может быть произведена только народом – не меньшинством, а большинством и должна опрокинуть разом экономические основы настоящего существующего строя»³.

Вспыхнувшая между двумя теоретиками революционного народничества полемика показала, что существовавшие между ними разногласия касались принципиальных вопросов революционной деятельности. Однако, несмотря на разность взглядов, и Лавров, и Ткачев отводили основной массе населения (народу) в значительной степени подчиненную роль реципиента. Инициатором революционных начинаний однозначно должна была выступать отечественная интеллигенция, вне зависимости от принадлежности к пропагандистской или заговорщической группировке.

Надо сказать, что не менее ожесточенное противостояние в вопросе о характере взаимодействия интеллигенции и народа наблюдалось между сторонниками Бакунина и последователями Ткачева. Основные критические замечания со стороны анархистов привел в одной из своих статей лидер заговорщического направления: «Нас упрекают в высокомерном отношении к народу, – писал он, – вы хотите, говорят нам, сделать революцию, может быть, и для народа, но

¹ Ткачев П. Н. Собр. соч.: В 2 т. С. 21.

² Там же. С. 38–39.

³ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. I. 1870–1875 гг. М., 1964. С. 172–178.

без народа. Вы хотите, чтобы мыслящее, интеллигентное меньшинство насильственно навязало ему свои идеалы, распяло бы его на прокрустовом ложе своих книжных теорий, одним словом, вы стремитесь не к революции народной, не к революции, идущей снизу вверх, а к революции барской, революции сверху вниз. Потому-то для вашей революции и необходимо государство во всеоружии власти, необходимо именно то, против чего мы боремся, что мы считаем одной из основных причин существующего социального зла»¹.

В ответ на эту критику Ткачев выдвигал следующий контраргумент: значительный процент революционного «меньшинства» состоит из так называемых разночинцев, то есть людей, вышедших из эксплуатируемых, разоренных и задавленных классов общества. Даже те революционеры, которые по рождению своему принадлежали к привилегированной дворянской среде, не могут быть названы «буржуазными революционерами», так как они изнутри знают народную жизнь и ставят «народные идеалы» выше своих «личных амбиций»². Поэтому называть их революцию барской было, по крайней мере, неправомерно и ошибочно.

А вот собственная позиция анархистов поднять народ на восстание одной агитацией была чистой воды утопией. Бунтарские идеи Бакунина страдали противоречием. С одной стороны, он утверждал, что никакие «яростные революционеры» не способны сделать ничего для народа, так как только сам народ сумеет изменить свою жизнь. Но одновременно с этим он призывал именно «интеллигентную» молодежь к агитации в деревне и был убежден, что из-за тяжелого положения ей «ничего не стоит поднять любую деревню», объединить разьединный народ и тем самым устранить «главный недостаток, парализующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание». Выходила явная несуразица: признание явных недостатков деревенской жизни и отказ в активной деятельности наиболее активной и передовой части русского общества³.

Верно схваченное Ткачевым противоречие бакунинской теории обыгрывалось им в духе защиты заговорщической тактики. В первую очередь отрицалась правомерность утверждений о бунтарском духе русского народа. Ткачев однозначно настаивал на том, что «положительные идеалы нашего крестьянства еще не революционны; они не могут быть идеалами революции»⁴.

¹ Ткачев П. Н. Революция и государство // Набат. № 2/3. 1876. С. 5.

² Там же. С. 7–8.

³ Ткачев П. Н. Анархия мысли // Набат. № 2/3. 1876. С. 21.

⁴ Ткачев П. Н. Народ и революция // Набат. № 4. 1876. С. 2.

Вторым важным доводом, направленным против анархистов, ставилась мысль о том, что воспитание народа и агитация к бунту в его среде невозможны и даже вредны: «Разве дело революционера воспитывать народ? – писал Ткачев. – Мало того, если бы даже наши революционеры считались не десятками и сотнями, а тысячами и миллионами, разве бы они могли осуществить это? Чтобы перевоспитать народ, для этого потребуется работа многих поколений, многих десятков лет»¹.

Сильно «хромало» у анархистов и намерение «убеждать народ во вреде всякого господства, всякого авторитета, всякой власти», развивать в нем сознание «личного права». Провозглашая эту идею, они одновременно рекомендуют сплотить разрозненный «крестьянский мир в одно целое», подчиняющееся единому общему руководству, преследующему единую общую цель. Выходило, что правая рука не ведала, что делает левая: нельзя заставить народ поверить в то, что всякая власть «портит всякое дело», и в то же время привести его к сознанию необходимости подчиняться для успеха революционного движения «какому-то общему, единому руководству, какой-то власти»². Любая организация, о которой пишут анархисты, по мнению Ткачева, приведет к федералистским или центристским началам, что не соответствует так защищаемой ими идее безвластия³.

Вся полемическая заостренность выступлений Ткачева была направлена не только на опровержение анархистских идей, но и на дополнительное доказательство правильности и оправданности «теории заговора», при помощи которой можно было не только свергнуть существующий государственный строй, но и перейти в дальнейшем к строительству справедливого общества. Победоносная революция всегда приводит к захвату власти. При помощи этой власти прогрессивное «меньшинство» может заставить «косное, рутинное большинство», которое не доросло еще до понимания необходимости революции и не уяснило себе ее цели и задачи, перестроить свою жизнь сообразно с его истинными потребностями, сообразно с идеалом наилучшего и «справедливейшего общежития». Лишенное власти, оно будет лишено и всякого влияния. Неумелое и неразвитое большинство, предоставленное само себе, восстановит «старый порядок под новой формой»⁴.

Власть необходима и потому, что иначе возникает хаос. В этой связи Ткачев адресовал анархистам вопрос: что они будут делать

¹ Ткачев П. Н. Анархия мысли // Набат. № 2/3. 1876. С. 21.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 24.

⁴ Ткачев П. Н. Революция и государство // Набат. № 2/3. 1876. С. 9.

после свершения революции – сидеть сложа руки или «добиваться влияния силы, то есть власти, то есть того, от чего теперь вы отрещиваетесь?»¹.

Найти «золотую середину», рассуждал Ткачев, здесь практически невозможно, ибо она приведет к децентрализации: «Революционное меньшинство, распавшись по отдельным, самостоятельно действующим общинам и городам, волей-неволей и почти неприметно для себя должно будет подчиняться местным влияниям, то есть тому самому большинству, которое насквозь пропитано рутинными традициями, которое чувствует инстинктивное уважение к старине и, постоянно обращая свои взоры на прошлое, ищет в нем руководящих идеалов и образцов для настоящего»².

Среди главных идеологов революционного народничества Ткачев был не только наиболее решительно настроен по отношению к существовавшей форме государственного устройства, требуя его скорого и самого решительного уничтожения, но и признавал правомерным использовать принуждение по отношению к народу. Далеко не случайно в его работах так часто повторяется глагол «заставить». Ткачев будто не замечал, что одним из его семантических смыслов являлось обозначение насилия. И его нисколько не смущало, что это насилие проповедуется во имя блага собственного народа.

В рассуждениях Ткачева преобладают отнюдь не мотивы человеколюбия, диктуемые, в том числе, и представлениями об общем происхождении, кровной связи, едином языке общения, а убежденность в безусловной, хотя и жестокой, предопределенности общественного прогресса. В этой связи несомненный интерес представляют его идеи о нивелировке национальных особенностей в буржуазном обществе.

Нация, капитализм и социализм. По словам Ткачева, капитализм с его господствующим принципом развития промышленности, торговли, со все усиливающейся ролью государства стремится сгладить национальные особенности. В результате этого появлялся «класс людей», у которых «национальные, племенные особенности почти совершенно изгладились».

Класс этот, как считал Ткачев, складывается, во-первых, из так называемого служилого сословия, из «бюрократии», «закрепощенной государством», утратившей под его «нивелирующим давлением» все свои национальные особенности; во-вторых, из интеллигенции». Между интеллигентными людьми различных национальностей, указывал Ткачев, больше похожих черт, общих чувств, привычек, воззрений, чем «между интеллигентным и неинтеллигентным человеком» од-

¹ Там же. С. 10.

² Там же.

ной и той же национальности. Между образованными людьми, между людьми психически развитыми нет и не может быть «ни эллинов, ни иудеев», есть только люди, или «общечеловеки». Интеллектуальный прогресс стремится уничтожить господство над человеком «бессознательных чувств, привычек, традиционных идей, унаследованных предрасположений», следовательно, такой человек стремится уничтожить национальные особенности, которые слагаются из этих «бессознательных чувств, привычек, традиций идей и унаследованных предрасположений»¹.

Таким образом, Ткачев настаивал на том, что капитализм, круша на своем пути все национальные перегородки, сближает интеллигентных людей, одновременно формирует новую общность интересов, ценностей. Аналогичные процессы свойственны и пролетарской среде, в связи с чем тип фабричного рабочего носит также общенациональный характер, как и тип «интеллигентного человека». Объективный характер развития общества выдвигает на первый план не национальные, а социальные проблемы, а раз это так, то социалисты должны концентрировать на них в первую очередь собственное внимание. Национальные особенности при этом не играют позитивной роли в деле подготовки революции, но даже опасны для нее. Более того, как настаивал Ткачев, «между принципом социализма и принципом национальности» существует непримиримый «антагонизм». Или социализм должен быть принесен в жертву «национализму», или «национализм в жертву социализму»².

Ключевым понятием идеологов революционного народничества являлся «социализм». И в этом Ткачев был абсолютно прав. При всех разночтениях, противоречиях, дискуссиях построение справедливого общества без эксплуатации человека человеком становилось конечной целью, к которой должны были стремиться истинные «друзья народа». Однако уже разность оценок степени готовности трудовой части населения к вероятным социальным трансформациям служила серьезным предупреждением о слабом знакомстве с народным сознанием. Последующая практика только подтвердила подозрения о косности, инертности, природном консерватизме крестьянства, глубоко укоренившейся в его мировоззрении вере в доброго царя и незыблемость традиционных устоев жизни.

«Хождение в народ» и крестьянство. Грянувшее в 1874 г. «хождение в народ» приобрело черты крестового похода с «заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений», где «со-

¹ Ткачев П. Н. Революция и принцип национальности // Набат. 1878. С. 76.

² Там же. С. 88.

циализм был <...> верой, народ <...> божеством»¹. Однако уже первые столкновения с реальной действительностью показали непрактичность и незнание молодежью деревенской жизни. Оказавшись в среде крестьянства, участники «хождения в народ» чувствовали себя чужаками. Полной неожиданностью для них оказалось и то, как «холодно относился народ к социализму и, наоборот, с какой горячностью и страстностью дебатировались те вопросы, которые касались его неотложных нужд и потребностей, которые не выходили из обычного круга его представлений и понятий о лучшей крестьянской жизни, о лучшей доле». Нельзя сказать, что пропагандистов не слушали. К ним относились с вниманием, но оно было сродни детскому интересу, проявляемому при рассказывании сказки: «Не любо не слушай, а лгать – не мешай»².

Мало встречалось и крестьян, готовых стать в ряды борцов с существовавшим строем. Сельские жители все больше отмалчивались или невразумительно отвечали на увещевания пропагандистов. В лучшем случае «на призыв к активной борьбе подавали реплики, свидетельствующие, что они лишь поддержат тех, кто начнет борьбу, причем одни ожидали начала от царя, другие от революционеров»³. Крестьянство в целом осталось глухо к призывам революционеров.

«Хождение в народ» стало первым столкновением двух утопий – революционно-народнической и консервативно-народной, кардинально различавшихся между собой. Стремление выразить умонастроения эпохи, стать защитником молчавшего народа подталкивало отечественную интеллигенцию если не к мессианству, то к подвижничеству. Самопожертвование и самоотречение во имя светлого будущего, помноженные на душевный ригоризм и готовность на мученичество, создавали ореол героизма, который был столь же реален, как и отталкивающая действительность. И если основная масса населения и не была подготовлена к восприятию социалистических теорий, то на эмоциональном уровне социалисты встречали сочувствие и сопереживание. В определенной мере можно говорить и о вере в святость русского народа.

Утопичность взглядов людей деревни покоилась на вере в непоколебимость и справедливость веками вырабатывавшихся норм, навыков и привычек. Устоявшийся и отфильтрованный в толще веков

¹ *Степняк-Кравчинский С.* Подпольная Россия. Сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 350, 354.

² *Аптекман А. О.* Общество «Земля и воля» // Революционеры 1870-х годов. Л., 1986. С. 314, 315.

³ *Ковалик С. Ф.* Революционное движение семидесятых годов // Революционеры 1870-х годов. С. 187.

стиль работы, его сезонный характер, потребление в основном продуктов собственного труда, низкий уровень товарности производства, – все это определяло органичную связь крестьянина с землей, характер использования природных богатств. Труд в поле основывался на накопленном опыте, интуиции, наблюдательности. Технические усовершенствования мыслились и воспринимались как необходимые дополнения к природному процессу, но ни в коем случае не как его кардинальная ломка или проведение непродуманных экспериментов. По крестьянской логике, человек должен был брать от земли не более того, что было необходимо для жизни, ограничиваться разумной достаточностью и тем самым уже заботиться о ее будущем плодородии.

По словам Л. Н. Толстого, «постоянное думанье о земле» было отличительной чертой существования сельского жителя, сближало его с природой, устанавливало их нерушимую связь. Трудолюбие и долготерпение крестьянина спасали его от голодной смерти и обеспечивали необходимый прожиточный минимум. Но не более того. Неизменность процесса производства, использование главным образом мускульной силы человека и животных исключали широкое разделение труда и его интенсификацию. Крестьянин был обречен на выживание. Постоянная опасность недорода, стихийных бедствий заставляла вырабатывать необходимые формы взаимопомощи и взаимоподдержки: совместное (общинное) владение землей, ее периодические переделы, общее пользование выгонами, лесами, работа в пользу пострадавших и обездоленных. Напряженность, как правило, возникала не на имущественной почве, а из-за расхождения интересов разных поколений, особенно когда наступала пора смены главы большой крестьянской семьи.

Русский крестьянин был силен своей общинностью, которая диктовала неписанные законы общения между членами сельского общества. Нормы уважения были четко определены. Наибольшим почтением пользовался «исправный хозяин», трудолюбивый и рачительный, «правильно» ведущий себя по отношению к родным и близким, воспитывающий детей в страхе и покорности. Нерадивых и лодырей община никогда не жаловала. Лень не украшала человека и считалась одним из смертных грехов, равным которому могло быть, пожалуй, только пьянство. В крестьянском сознании эти пороки были между собой тесно связаны. Правда, средний общинник не прочь был выпить (и выпить немало). Но только по праздникам и после напряженного труда. Как хорошо подметил Н. А. Некрасов, «он до смерти работает – до полусмерти пьет».

Традиция и обычай, определявшие повседневную жизнь крестьянина, сказывались и на его отношении к власти. В его представлении царь рисовался по образу и подобию идеального главы семьи: жесток и крут, но справедлив. Его слово – закон, а нарушителей ждет суро-

вое, но заслуженное наказание. Провиденциальное назначение главы государства выдвинуло в гарантии существования устоявшегося быта, стереотипов действия и мышления. При территориальной ограниченности крестьянского мира, политической пассивности жителей деревни основная масса населения России представляла надежную опору трона. А представления о справедливом устройстве мира не шли дальше требований решения локальных и сиюминутных задач. Другими словами, это была утопия сохранения существующих порядков с их частичной и незначительной модификацией.

«*Переодеть социализм в крестьянскую сермягу*». Неудача «хождения в народ» не только показала эфемерность бакунинских утверждений о готовности крестьянства к бунту, несостоятельность в организационном плане системы кружков, но и заставила пересмотреть прежние представления об исключительно социалистическом сознании народа. Крестьяне были невосприимчивы к пропаганде социализма и противились в своей массе коллективистским тенденциям. Жизнь заставляла искать иные пути к уму и сердцу мужика.

Как писал известный народник О. В. Аптекман, «в применении к русской действительности социализм по необходимости пришлось урезать <...> взять из него только то, что не противоречит исконным народным идеалам, воззрениям и требованиям»¹. Эта тенденция нашла свое воплощение в программе партии «Земля и воля». Уже ее название фиксировало сужение социалистических требований «до реально осуществимых в ближайшем будущем». Конкретное выражение реальных настроений народных масс было сформулировано в четырех пунктах: 1. Переход всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерное ее распределение («Мы убеждены, что две трети России будут владеть землей на общинном начале»). 2. Содействие осуществлению полного мирского управления, при котором свободный союз общин сам определит долю общественных функций, передаваемых государству («Наша обязанность только стараться уменьшить возможно более эту долю»). 3. Введение полнейшей свободы вероисповедания. 4. Разделение современной Российской империи на части соответственно местным желаниям².

Как метко заметил С. М. Кравчинский, «пять лет назад мы сбросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь мы видим, что этого мало, – пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и одеть его в народную сермягу». По его словам, «основанием всякой историко-революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала

¹ Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. П., 1924. С. 193.

² Революционное народничество семидесятых годов XIX века. М., 1964. Т. 1. С. 30, 31.

история в данное время и в данной местности. Мы не верим в возможность путем предварительной работы создать в народе идеалы, отличные от развитых в нем всей предшествующей его историей»¹.

Землевольцы по-прежнему считали, что добиться задуманного можно было «только путем насильственного переворота». Разъединенный и угнетенный народ не может «подготовить и противопоставить правительственной пропаганде широкую народную организацию». В связи с этим революционеры собирались оказать помощь «народным элементам недовольства», разного рода оппозиционным выступлениям. Для победы требовалась и дезорганизация государства. Успех самого широкого хорошо задуманного восстания был невозможен без ослабления государства².

Подготовка широкомасштабного выступления планировалась путем использования организации «готовых революционеров», ведущих широкую агитацию как словом, так, главным образом, и делом, «начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным бунтом». Требования заводить широкие связи в готовых к выступлению местностях, устраивать «прочные поселения»³ свидетельствовали о том, что землевольцы хотели поднять крестьянство на борьбу не проповедью бунта, а путем сближения с народом, селясь в деревнях под видом учителей, кузнецов, медицинских работников. Тем самым отдавалось предпочтение внесению революционного брожения в широкие слои населения длительной, медленной, но более надежной и выверенной работой.

Однако и на этот раз оказалось, что при существовании самодержавия, наивной веры русского крестьянства в доброго царя поднять деревню на борьбу за землю и волю невозможно. Крестьяне по-прежнему не реагировали на попытки «помочь организовать элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера»⁴. Да и положение самих «поселенцев» в деревне было сложным и трудным. Подозрительность властей, доносы кулаков, шинкарей не позволяли широко проводить задуманную работу.

Пожалуй, только в одном случае народникам удалось направить недовольство крестьянской среды на подготовку вооруженного восстания. Речь идет о знаменитом «Чигиринском деле». Его инициаторы Л. Г. Дейч и Я. В. Стефанович, действуя в Чигиринском

¹ Революционная журналистика 70-х годов. Ростов-на-Дону, Б. г. С. 71, 77.

² Революционное народничество семидесятых годов XIX века. Т. 1. С. 33.

³ Там же. С. 31, 32.

⁴ Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 174.

и Черкасском уездах Киевской губернии, столкнулись с уверенностью крестьян в том, что «намерения царя непременно согласны с желаниями народа». Убедившись в бесплезности доказать противное, Дейч «задался целью внести в этот тупой протест революционный элемент» и для этого стал «приноравливаться в своем образе действий к характеру крестьянского мировоззрения, не вносить ничего такого, что переворачивало бы вверх дном те основы, с которыми сжились и к которым народ привык, быть, так сказать, радикалом постольку, поскольку им может быть крестьянин». Была составлена подложная царская «Высочайшая тайная грамота», согласно которой будто бы приказывалось крестьянам образовать вооруженную тайную дружину и выступить против «дворян, чиновников и всех высших сословий»¹. В организацию были вовлечены многие крестьяне, но к сентябрю 1877 г. властям удалось раскрыть заговор. Однако подобная мистификация не встретила однозначного одобрения в среде землевольцев.

Сила и слабость революционной организации. Все большее число революционеров понимало бесперспективность надежд поднять крестьян на борьбу без разрушения существовавшей системы власти и завоевания политической свободы. Они укреплялись во мнении, что добиться этого могла лишь партия профессиональных революционеров-единомышленников. Как писал Кравчинский, «вера в безграничную силу и расширяемость революционной организации заменила собою все»².

При общей инертности народа, репрессивной политике правительства, отсутствии демократических институтов политическая борьба свелась к тактике индивидуального террора против царя и виднейших представителей бюрократии. Среди землевольцев наметился раскол на «деревенщиков», сторонников старых методов агитации и пропаганды, и «политиков». «Земля и воля» перестала существовать как единое целое, распавшись в 1879 г. на «Черный передел» и «Народную волю».

Народовольцы направили свой главный удар против самодержавного государства. В его лице они рассчитывали уничтожить «крупнейшую в стране капиталистическую силу» и «единственного политического притеснителя народа». Государство не имело ничего общего «с народными желаниями и идеалами», держалось «исключительно голым насилием». Поэтому политический переворот представлялся самым простым и эффективным способом перехода

¹ Памятники агитационной литературы: В 2 т. Т. 1. Черный передел. Орган социалистов-федералистов: 1880–1881. М.; Пг., 1923. С. 145, 147.

² *Степняк-Кравчинский С.* Сочинения. М., 1968. Т. 1. С. 542.

к реализации исконных принципов существования: право на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова.

После победы революции воля народа могла быть «высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей». Наряду с этим представительный орган страны должен был пересмотреть устройство государственных и общественных учреждений, перестроить их согласно воле народа. Сами народовольцы собирались отстаивать перед депутатами свои конкретные предложения по реформированию политической системы страны: народное представительство, областное самоуправление, административная и экономическая самостоятельность общины, принадлежность земли крестьянам, фабрик и заводов – рабочим, свобода слова, печати, собраний, всеобщее избирательное право, замена постоянной армии территориальной¹. Программа «Народной воли» концентрировала в себе идеи, которые были высказаны теоретиками народничества и частично апробированы в документах других организаций.

Практика народовольцев включала в себя пропагандистско-агитационную и разрушительную деятельность. Задача пропаганды состояла в популяризации во всех слоях населения демократического политического переворота, как средства социальных преобразований, и собственной программы партии. Агитация должна была способствовать высказыванию в широких масштабах протеста против существовавших порядков и требованию реформ. Формами выражения такого протеста могли стать сходки, демонстрации, петиции, отказ от уплаты податей. Деятельность разрушительная включала в себя организацию террора против «наиболее вредных лиц правительства», подрыв «обаяния правительственной силы», защиту партии от шпионов, возбуждение революционного духа народа и поддержание веры в победу, формирование годных к бою сил.

Создание по всей стране тайных обществ, сплоченных вокруг одного центра, признавалось необходимым особенно при организации переворота. Работу среди народа народовольцы по-прежнему считали одной из главных в своей деятельности и стремились приобрести сторонников, подготовить массы к активному содействию. Но сама организация выступления возлагалась на партию. В программных документах не отрицалась возможность крестьянской революции, но главным методом борьбы считался заговор².

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 171, 172.

² Там же. С. 173, 174.

Принципиально новыми во взглядах народовольцев стали обоснование необходимости политической борьбы и создание концепции подготовки, проведения революции, реализации социальных преобразований. Однако окружающая действительность в очередной раз с безжалостной очевидностью опровергала все благие намерения. Крестьянство оказалось не готово к восприятию даже максимально приспособленных к его мировоззрению, как казалось народовольцам, социалистических идей. Не случайно, что все большее количество революционеров стало обращать внимание на фабричных рабочих, которые были, по их мнению, более развиты в общественно-политическом плане. В связи с этим и само понятие «народ» стало рассматриваться как обозначение всего трудового населения страны. Что касается акций политического характера, то в условиях самодержавного строя они превращались в террористические акты, которые хотя и могли держать в напряжении систему государственного управления, но подобное действие было кратковременным и встречало далеко не однозначную реакцию русского общественного мнения. Между радикально настроенной интеллигенцией и народом по-прежнему пролегла глубокая пропасть непонимания.

§ 4. Реформаторы

Эпоха «бури и натиска» 1870 г. обострила целый ряд теоретических и тактических вопросов в русском народничестве: взаимоотношение интеллигенции и народа, выбор форм и средств борьбы, баланс демократических, социалистических и политических требований в партийных программах и т. п. Над их разрешением бились не только радикалы, но и народники умеренного (реформаторского) направления, которые в основе своих концептуальных подходов не были сторонниками революционного насилия или в силу различных причин пришли к выводу о необходимости пересмотра казавшихся ранее единственно верных взглядов. Наиболее явно обе тенденции проявились в творчестве Н. К. Михайловского, П. П. Червинского и И. И. Каблица (Юзова).

Формула прогресса Н. К. Михайловского. Имя Н. К. Михайловского стало широко известно читающей публике после публикации в 1869 г. обширной статьи «Что такое прогресс?», в которой были изложены основы его социальной концепции. Формирование представлений о развитии общества шло путем критического осмысления модных на Западе и получивших уже распространение в России идей Г. Спенсера и О. Конта. Рассматривая взгляды позитивистов, Михайловский однозначно заявил о неприятии аналогии между миром природы и миром человека. Негативно отнесся он и к попытке

понять общественный прогресс только при помощи объективистских методов. Игнорирование роли субъективного элемента означало для Михайловского сужение содержательной стороны прогресса. Его не устраивала однобокая интерпретация, согласно которой общество прогрессирует, хотя и давит при этом человека, заставляя превращаться его по отношению к другим членам человеческого сообщества «в более или менее замаскированное положение раба». Личность должна обладать правом реализовать свои способности и адекватно влиять на социальную эволюцию. По мнению Михайловского, позитивизму недоставало главного – человека, интересам которого должен быть подчинен социальный прогресс и который в конечном итоге является его творцом.

Критически оценивая односторонность позитивизма, Михайловский обосновывал правомерность использования субъективного метода в социологии. Для него было совершенно очевидно, что субъективизм невозможно устранить из науки. Любой серьезный ученый опирается в своей работе на запас знаний, накопленных до него. Но само восприятие предыдущего опыта определяется «высотой нравственного уровня исследователя». И если в науках естественных морально-этическая позиция ученого не столь очевидна, то в науках общественных, где наряду с категорией необходимости всегда присутствует и категория желательности, мнение специалиста «должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности», чтобы тем самым приблизиться «к пониманию смысла явлений общественной жизни»¹.

В обосновании субъективного метода в социологии Михайловский шел собственным путем. В отличие от Лаврова, уделявшего главное внимание рациональным принципам, он настаивал на эмоционально-психологическом элементе – сопереживании как свойстве, способствующем открытию истины. Если Лавров принципиально важным считал интеллектуальное развитие личности, то Михайловский делал акцент на трудовом сотрудничестве людей, развитии форм кооперации. Последнее понятие наряду с разделением труда стало главным в определении идеала общественного устройства, выявлении отличительных черт каждого из фазисов истории общества.

Труд – основа существования людей, но формы его проявления различны для разных этапов социального развития. Для несовершенного устройства общества характерен сложный тип кооперации, для более развитого этапа – простой тип сотрудничества. Простая кооперация, как считал Михайловский, способствует проявлению разносторонних качеств человека, сохранению его инди-

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1909–1913. Т. 1. С. 15, 14.

видуальности и целостности, а значит, и является более высокой в нравственном отношении. Такой тип сотрудничества был идеалом Михайловского. В нем он видел залог реализации на практике собственной формулы прогресса: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно, полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»¹. Михайловскому казалось, что, соединив элементы трудовой деятельности, эмоционального сопереживания людей с целевой направленностью социальной эволюции, ему удалось преодолеть крайности объективизма. Благодаря этому субъект прогресса одновременно становится целью прогресса, а его активная позиция в вопросах общественной жизни определяет темпы движения к справедливому общественному устройству.

Современное ему капиталистическое общество Михайловский считал антигуманным, поскольку в основу его развития был положен принцип раздробления труда между людьми, а роль человека сводилась к бессловесному придатку машины. За время господства товарно-денежных отношений произошло исчезновение непосредственности в отношениях между людьми и дробление индивидуальной целостности личности. Разделение труда и сложная кооперация в производстве привели к слому морально-этической шкалы ценностей и появлению нового наслаждения, наслаждения приобретения, и новой цели – накопления богатства. Как результат этого, уже не общество служило интересам человека, а человек превращался в орудие прогресса. Все глубже и глубже пролегал демаркационная линия «между интересами различных слоев общества». Михайловский не отрицал того положительного, что было сделано в прошлом (наука, культура, промышленность), но куплено это было «слишком дорогой ценою»². Приблизить наступление нового периода истории могли только личности, осознавшие насущные потребности общества, выработавшие морально-этический идеал и делавшие все возможное для его реализации на практике.

В 1870-е – начале 1880-х гг. Михайловский продолжил дальнейшее развитие своей концепции. Идеи, высказанные в статье «Что такое прогресс?», получили более расширенное толкование, развернутую аргументацию и фактическое наполнение. Как и в конце 1860-х гг.,

¹ Там же. С. 150.

² Там же. С. 101, 108.

Михайловский признавал роль интеллекта в постижении законов природы и поступательном движении общества к справедливому социальному устройству. Однако сама по себе наука еще не может обеспечить благополучия и процветания всего социума в целом. Она должна быть социально ориентированна. Только выполняя свой моральный долг перед простыми людьми, только служа интересам труда, ученые могут стать выразителями прогресса. Именно в этом видел Михайловский назначение науки. Этическая оценка ее роли преобладала в его взглядах и распространялась как на естествознание, так и на социальные дисциплины. Открытия, совершаемые в каждой из этих отраслей знания, могли приобрести, по его мнению, строго определенную общественную направленность в зависимости от интерпретации новых идей представителями различных слоев населения.

В целях критики отстраненного (объективистского) отношения к происходящим событиям, обоснования методологических принципов анализа Михайловский разработал собственную «систему правды». Как он считал, «правда» – это термин, использование которого не сводится только к познавательной области, но содержит этические и психологические элементы. Есть «правда-истина» и «правда-справедливость». Первая из них присуща преимущественно сфере науки и образования. Вторая характерна для межличностных отношений в обществе. Но вместе с тем они связаны самым непосредственным образом: «справедливость есть только отражение истины в мире практическом, а истина – только отражение справедливости в области теории <...> истина и справедливость не могут противоречить друг другу»¹. Субъективный метод оставался определяющим элементом всего комплекса представлений Михайловского об обществе, он содержал и строго определенную социальную направленность идей, и способ изучения эволюции цивилизации, и морально-этические критерии оценок человека и событий.

В связи с этим Михайловский крайне негативно относился к попыткам использования дарвинизма в социальных исследованиях. Им не принимались и отторгались идеи утилитаризма и предельной полезности, которые звучали как призыв к использованию личных качеств для собственной выгоды: «приспособляйся к условиям окружающей тебя жизни, дави неприспособляемых, ибо из этого произтекает вящая выгода для общества»². Подобная доктрина «правильного распределения труда» и «экономических гармоний» была, по словам Михайловского, античеловечным обоснованием «постоянного истребления» как залога общественного преуспевания. Стремление

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 384.

² Там же. Т. I. 292.

подчинить развитие человека фатальным и неумолимым законам природы значило бы лишить его моральных принципов, гуманности, которыми, в конечном итоге, определяются взаимоотношения между людьми. «Из того, что человек – животное, – писал по этому поводу Михайловский, – еще вовсе не следует, чтобы для него обязательно было быть скотом»¹.

Для Михайловского дарвинизм в социологии, как и позитивизм в методологии, только указывали на то, *как не надо подходить* к определению цели общественной эволюции, *как не надо переносить* законы развития природы в социальную жизнь. Отрицательный опыт западноевропейского либерализма убеждал его в том, что принцип «борьбы всех со всеми», нашедший свое экономическое воплощение в свободной конкуренции, не способствует проявлению *индивидуальности* личности, а лишь «разнуздывает» в ней *индивидуализм*, создающий препоны для солидарной деятельности людей. Определяющим моментом в поступательном движении социума Михайловский по-прежнему считал совместную трудовую деятельность людей, построенную на принципах простой кооперации. Именно ее он рассматривал как противовес борьбе за существование между представителями одного и того же биологического вида. Но Михайловский внес в свою концепцию некоторые изменения и дополнения. Так, для характеристики уровня социального развития им используются понятия степеней и типов: цивилизация может достигнуть высокой степени развития, но принадлежать к низшему типу организации. Примером этого являлось буржуазное общество, в котором человек был превращен в придаток машины, винтик государственного устройства. Высокий тип, напротив, предполагает всестороннее развитие личности, реализацию ее способностей, благоприятно влияющих на прогресс человечества. И хотя такой тип был воплощен на практике только на заре истории, однако в будущем возможен переход к такой совершенной организации. Центральная идея творчества Михайловского оставалась неизменной: не человек для общества, а общество для человека.

Стремясь обнаружить закономерности эволюции личности и проследить характер ее взаимоотношений с социумом, Михайловский в 1870-е – начале 1880-х гг. разработал теорию борьбы за индивидуальность. В ее создании он опирался на труды известного биолога-эволюциониста Э. Геккеля, согласно взглядам которого степень развития целого находится в прямо пропорциональной зависимости от разнообразия входящих в него элементов, их взаимодействия и управляемости, а также – в обратно пропорциональной зависимости от степени власти и влияния высшей системы, в которую оно (целое)

¹ Там же. С. 332.

входит в качестве органа или составной части. Эти идеи, как казалось Михайловскому, отличались от прямолинейных попыток «организмов» перенести законы природы в общественную эволюцию. Ведь если следовать предложенной схеме, то уже не части единого целого ведут между собой борьбу, а некая индивидуальность противопоставляет себя насилию и порабощению со стороны высшей системы. Тем самым она противится поглощению и стремится сохранить качества, присущие только ей одной. Понимая под индивидуальностью некую общность составляющих ее элементов, Михайловский относил к ее общественным формам государство, сословие, корпорацию, цех и личность, находящиеся между собой в постоянных столкновениях. Человек занимал в этой системе совершенно особое положение. С момента своего появления на земле он, с одной стороны, всячески развивал свои органы, дифференцируя и приспособляя их к определенным функциям; с другой – постоянно подвергался аналогичным действиям со стороны общества. Но если первый процесс однозначно прогрессивен и служит проявлению разных полезных качеств индивидуума, то второй – регрессивен в силу своего желания лишить личность индивидуальности. По этой причине между человеком и обществом завязывается перманентная и беспощадная борьба. Цель индивида состоит в освобождении от внешних перегородок и условностей, которые стесняют его естественное желание счастья. Общество, напротив, заботясь о прогрессе всего целого, надеется «подчинить и раздробить личность, оставить ей какое-нибудь одно специальное отправление, а остальные раздать другим, превратить ее из индивида в орган»¹. В этих не утихающих ни на минуту столкновениях каждая из сторон преследует свои собственные интересы, что и служит побудительным мотивом к прогрессу личности.

Теория борьбы за индивидуальность должна была, по мысли Михайловского, соединить воедино все элементы его социологической концепции: субъективный метод исследования, простую и сложную кооперацию, типы и степени цивилизации. Однако осуществить задуманное не удалось. Для этого борьба за индивидуальность была достаточно противоречива, не учитывала многообразия отношений между людьми и совокупности происходящих в обществе процессов. Она лишь продолжала традицию многофакторного прочтения общественной эволюции, включающей не только объективные (трудовая деятельность, простая и сложная кооперация), но и субъективные (психологические, этические) элементы.

Принципиально важным следствием теории борьбы за индивидуальность стала и дальнейшая разработка проблемы роли лич-

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. С. 461–462.

ности в истории. Считая человека главным творцом прогресса, Михайловский обратился к рассмотрению условий появления и формирования взглядов, характера великих людей, значения их деятельности. По его мысли, история управляется общими законами, которые люди не могут изменить. Но наряду с этим «сознательная деятельность человека есть такой же фактор истории, как стихийная сила почвы или климата». А личность самым непосредственным образом влияет на темпы и скорость происходящих в обществе изменений. Особую роль в общественной жизни играют великие люди, отличающиеся от других людей неординарностью натуры и силой воли, широтой образованности и пониманием общественных нужд и потребностей. Обычно они появляются на стыке двух эпох, «на границе двух фазисов исторического развития, на точке перелома»¹. Великий человек одновременно является порождением эпохи и противостоит ей, закладывает основы будущего. В минуты серьезных испытаний и должны проявиться его волевые качества борца. В противном случае человек, кажется, наделенный всеми необходимыми атрибутами выдающейся личности, рискует впустую растратить свой талант и превратиться в заурядного обывателя.

Эти рассуждения подвели Михайловского к изучению законов взаимоотношений между личностью и массой в периоды кризисов и смут. Свои наблюдения и идеи он изложил в «теории героев и толпы». Героем Михайловский называл человека, «увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело». Героя создает сама толпа, в нем концентрируются ее желания и инстинкты. Он должен обладать такими качествами, как «внешняя сила и хитрость», умение влиять на настроение людей и подчинять их своей воле². Толпу Михайловский рассматривал как «самостоятельное общественно-психологическое явление», в котором исчезают социальные, национальные и конфессиональные признаки. Причины его появления весьма различны и коренятся «в понятиях, интересах, экономических и политических условиях жизни людей». Обычно к объединению несхожих по своему социальному, имущественному и т. п. статусу людей толкает неординарное событие, имеющее крайне позитивный или негативный оттенок. Коллективная радость, горе, возмущение проявляются в минуты резкого изменения обычных и привычных условий жизни³. Во многом готовность людей подчиняться воле определенного лица вытекала из скудости эмоциональных впечатлений,

¹ Там же. Т. VI. С. 100, 103.

² Там же. Т. II. С. 97, 433.

³ Там же. С. 416, 434.

узости интересов, односторонности духовной жизни народа. Они взвинчивали человека, расщепляли его внутреннюю индивидуальность, превращая потенциальную личность в раба, готового повиноваться руководству героя. Другим условием срабатывания эффекта героя и толпы Михайловский считал присущее человеку сознательное и бессознательное подражание. Он стал первопроходцем в исследовании важной социально-психологической проблемы, а его идеи во многом опередили науку второй половины XIX в.: «теория героев и толпы» появилась задолго до публикации созвучных по содержанию работ Г. Тарда и Г. Лебона.

В целом социологическая концепция Михайловского была направлена на обоснование и доказательство идеи личности – творца прогресса. Но не менее важными представляются также оценка личности как цели общественной эволюции и определение формы организации социума, которая наиболее способствует реализации потенциальных возможностей человека. Как и в 1860-е гг., для Михайловского «мерилом достоинства всякого союза – партии, кружка, семьи, нации» – служил «интерес личности». В связи с этим любые социальные и политические образования имели цену, измеряемую только совпадением или, наоборот, расхождением с тем высоким идеалом, при реализации которого в жизни личность станет центром, рассеивающим «во все стороны лучи Правды» и освещающим «значение того или другого общественного союза»¹.

В определении наиболее оптимальной формы общественного устройства Михайловский шел путем противопоставления собственного идеала капиталистической стадии развития. Поскольку при капитализме «национальное богатство есть нищета народа», то «действительно справедливое общество должно направлять усилия на возвышение благосостояния *только* народа». Поскольку эксплуататорский строй отрицает лозунги свободы, равенства и братства, то следует ориентироваться на «идеи политической свободы и равенства», которые «крепко вросли в общее сознание»².

В конечном итоге, оптимальным вариантом общественного устройства народническому мыслителю представлялось такое положение, при котором «производитель и потребитель, капитал и труд совпадали в одной личности». Михайловский повторял давно известную мысль Чернышевского, подчеркивая тем самым преемственность между взглядами одного из родоначальников народничества и собственными идеями³. Перед нами, безусловно, заявления социали-

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 451, 460.

² Там же. Т. III. С. 704. Т. II. С. 597. Т. IV. С. 994.

³ Там же. Т. X. С. 210.

ста, но социалиста, настаивающего на необходимости политической борьбы. По сравнению с концом 1860-х гг. это было шагом вперед в обосновании социалистического идеала и способов его реализации. Придерживаясь идеи многофакторности исторического прогресса, Михайловский вполне обоснованно включил в свою социологическую концепцию и политический элемент, считая его абсолютно необходимым в деле создания справедливого общества.

Россия и социальный прогресс (интеллигенция и народ). Как и родоначальники народничества, Михайловский надеялся и верил, что Россия способна проложить свою особую тропу, которая не поведет к обочине главной магистрали цивилизации, а позволит миновать ее изгибы и ухабы: «никакое общество не обязано проходить через метаморфозы, которым подвергались его старшие в историческом порядке родичи». В его идее наметить отличный от Европы исторический путь не было никаких намеков на избранность нации. Он отвергал чуждый своему духу национализм и признавал в качестве эталона только «путь сознательной, практической пригонки национальной физиономии к интересам народа»¹.

Обоснование особой исторической судьбы России у Михайловского шло от любви к отечеству, от стремления «доставить торжество в своей стране гуманитарному идеалу». Но этот патриотизм был и «любовью-ненавистью». По словам Михайловского, «любя отечество, можно и должно многое ненавидеть, презирать, клеймить, позорить». Любя свой народ и свою родину, он выступал против такого положения, когда «высшие моменты национальной славы могут <...> причинно совпадать с высшими же моментами бесправия народа», а «колоссальное национальное богатство может создаваться ценою страшной нищеты». Исправить такое положение было невозможно одним развитием промышленности, внедрением конкуренции и разделением труда. Положить конец ужасам капиталистического строя могла «только полная ликвидация современной общественной организации»².

Таким образом, патриотизм приобретал социалистический оттенок, становился составной частью и естественным дополнением социалистического идеала. Как писал Михайловский, социализм «совпадает с некоторыми, по крайней мере, элементами русской правды». Но сами по себе качества национального характера были лишь облегчающим условием перехода к справедливому общественному

¹ Там же. Т. I. С. 901. Т. IV. С. 952.

² Там же. Т. X. С. 63, 64. Т. V. С. 472. Т. IV. С. 951–952.

устройству, которое нуждалось и в использовании всего положительного, что было накоплено мировой цивилизацией¹.

Ход мысли Михайловского в общем повторял хорошо известные тезисы народнической программы – соединить элементы социалистического устройства России с полезными и необходимыми западноевропейскими заимствованиями, чтобы на почве их синтеза создать идеальную модель национального развития. Традиционен и выбор формы реализации изложенной идеи – община. Этот социальный институт, по мнению Михайловского, был принадлежностью только народной жизни, которая по типу отношений между людьми принципиально отличалась от жизни «высших классов». Народ движется по пути прогресса медленнее, но основательнее, не поддаваясь безудержному новаторству и сохраняя приверженность традиции. «Нравы и понятия представляют как бы обломки, иногда очень крупные, ранних ступеней истории». Община и оказалась таким осколком прошлого, сохранившимся в России. Михайловский не склонен был видеть в ней «нечто <...> преимущественно русское». Напротив, согласно его взглядам, «община существует или существовала во всех частях света». Но на протяжении истории она повсеместно продемонстрировала удивительную пластичность отношений между ее членами, дружелюбие и взаимопомощь. В ней «даже чужой человек не встречал враждебности», а мог стать своим, пройдя обряды усыновления и побратимства. С моральной точки зрения община представляла более высокую ступень развития по сравнению с капиталистическим этапом эволюции².

Образование имущественного неравенства, выделение различных по уровню благосостояния групп населения, нарастание социальной напряженности не могли не сказаться на функционировании старых устоев. Уже феодализм нанес существенный удар по общине, практически ликвидировав «братские отношения» между ее членами. А окончательно разрушила «древнейшее право» «практика рынка, которая <...> ввела в междуличных отношениях <...> вражду, борьбу и конкуренцию»³.

Развитие капитализма на Западе привело к гибели общины. Разрушение традиционных связей между крестьянами «разнуздало» личную инициативу, и каждый земледелец якобы получил «право выбора любой деятельности для себя. В действительности дух наживы, “дав право выбора” личности, «немедленно же отнял у нее возможность выбора». Человек, потеряв свой небольшой земельный надел,

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. I. С. 871.

² Там же. Т. I. С. 596, 612, 614.

³ Там же. С. 614.

вынужден был наниматься в батраки, идти на фабрику, пополнять число безработных. Итог такого положения дел был столь плачевен, сколь и закономерен: крестьянин обрел «славу участия в производстве колоссальных богатств и существование в десять раз хуже и досуг в десять раз меньше прежнего»¹.

В России этот процесс не зашел еще так далеко. Но уже появилась буржуазия, готовая последовать примеру своих западных предшественников. Опасность, исходящая от «нарождающегося мещанина», была пострашнее власти «выродившегося барина»: «где оказалась бессильна дубина, там легко может сделать свое пакостное дело полтина». Буржуазные адепты в науке и прессе активно начали пропагандировать мнение о том, что разрушение общины позволило бы сформировать новый слой наемных рабочих, повысить производительность их труда. В результате этого бывшие крестьяне помогут фабрикантам и крупным землевладельцам быстро оживить русское хозяйство и извлечь «из недр нашего обширного отечества ныне втуне лежащие там богатства»².

Михайловский был против идеи «отдавать на жертву Молоху “народного богатства”» ни в чем не повинных людей, подвергать личную опасность подавления машинно-бездушной цивилизацией Запада. Община, как он считал, была единственным противовесом обезземеливания крестьян, гарантирующим «их священное право собственности» и защищающим от повторения процесса «европейского экономического развития»: «община дорога не сама по себе, как идол какой-нибудь», а благодаря тем элементам «ограждения личности мужика от бурь промышленной конкуренции»³.

Наряду с этим, опровергая аргументы сторонников капитализма, указывавших на необходимость крупного землевладения для интенсивного ведения сельского хозяйства, народнический мыслитель видел в земледельческой ассоциации и поземельной общине средство, позволяющее добиться повышения народного богатства при росте общего благосостояния всех членов общества. «Для этого нужно только дальнейшее развитие общинного принципа». Все утверждения о рудиментарности общины еще абсолютно ничего не доказывали. Даже допустив неизбежность ее разложения, писал Михайловский, «мы все-таки не знаем, наступил или не наступил <...> у нас тот момент, когда община становится поперек дороги промышленного прогресса»⁴.

¹ Там же. Т. III. С. 199, 200.

² Там же. Т. X. С. 867. Т. VI. С. 301.

³ Там же. Т. VI. С. 301, 302. Т. III. С. 593. Т. IV. С. 452.

⁴ Там же. Т. VI. С. 301, 302.

Однако наряду с защитой основ общинной жизни Михайловский не идеализировал мира русской деревни, где существовали и собственные инстинкты, и подавление личности, и отвратительное отношение к женщине. Как социалист он ориентировался на элементы коллективизма, которые чудом сохранились и еще окончательно не были вытравлены из народного сознания наступившей эпохой конкуренции и наживы. Не очень верил Михайловский и в прирожденные социалистические качества народного миропонимания в России. В целом оно представлялось ему противоречивым и сложным. В нем тесно переплелись наивный идеал и незнание способов его реализации в жизни, понятие добродетели и пассивная покорность судьбе: «народная правда инстинктивна и бессознательно наивна»¹. В целом в 1870-е гг., когда определенная часть российской интеллигенции находилась под влиянием бакунизма и пыталась на практике воплотить идею народного бунта, Михайловский придерживался более взвешенных и продуманных взглядов.

Не менее реалистичными были и его оценки русской интеллигенции. Для Михайловского принадлежность к этой категории населения никогда не определялась исключительно социальным статусом и профессиональными занятиями того или иного человека. Наряду с преимущественно интеллектуальным характером труда русский интеллигент должен обладать такими качествами, как морально-этические принципы отношения к окружающей действительности, постоянный поиск истины, сопереживание униженным и оскорбленным.

Михайловский совершенно верно подметил свойственные народнической интеллигенции идеи служения народу, нравственного долга, самопожертвования и готовности на подвиг. Не менее важным представляется и то, что свои надежды на преобразование общества он возлагал именно на деятельность прогрессивно настроенного образованного меньшинства. При этом интеллигенция должна была руководствоваться интересами подавляющей части общества, трудящихся. «Вся программа настоящего времени, все его стремления, желания, цели, все руководящие принципы семидесятых годов, – писал Михайловский, – может быть исчерпано двумя словами: русский народ»².

Революция, политическая деятельность и интеллигенция. Призыв народнического мыслителя к активному воздействию на события истории сближал его взгляды с революционерами. Однако эта близость проявлялась лишь в социалистичности общей концепции. Михайловский занимал совершенно иную позицию в выборе средств

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. I. С. 870.

² Там же. Т. III. С. 738.

и методов общественной деятельности. Наиболее явственно эти различия проявились в его переписке 1873 г. с П. Л. Лавровым. На предложение теоретика революционного народничества принять участие в подготовке народного выступления Михайловский фактически ответил отказом. И для этого у него были весьма веские основания: в России не существовало «никакой радикально-социалистической оппозиции». При существующем положении вещей все попытки подтолкнуть страну к революции были обречены на напрасную трату сил и поражение. Хотя Михайловский признавал, что момент революционного выступления приближается, он вовсе не горел желанием стать революционером, а лишь собирался готовить людей «к тому, чтобы они встретили революцию, как следует». Встретили «не с Малешотом на устах и не с игрушечными коммунарами, а с действительным знанием русского народа и с полным умением различать добро и зло европейской цивилизации»¹.

До тех пор, пока существовала необходимость умственного и нравственного развития молодежи, ее идейного вооружения, подготовки и воспитания, Михайловский был готов служить этому делу с полной отдачей сил и способностей. Он прекрасно осознавал, что его взгляды могут создать ему славу радикала, и откровенно побаивался такого поворота событий. В письме Лаврову его собственная оценка была однозначной: «Я не революционер, всякому свое». По словам Михайловского, он не столько опасался реакции, как революции². Даже интеллигенцию страны требуется воспитать, подготовить к грядущим преобразованиям, чтобы вероятный социальный взрыв не разрушил великих творений человеческого гения, не превратил в прах и пепел наследие культуры. А деструктивная сила народного бунта может стать тормозящим фактором прогресса.

Боязнь революции, «крестьянской Жакерии» во взглядах Михайловского была связана с отрицанием насилия, сомнением в способности народа выступить в качестве преобразующей социальной силы. Прямым следствием этого убеждения стал и вывод о зависимости будущего страны от взаимоотношения власти и интеллигенции.

Михайловский надеялся, что при соответствующей организации социалистическая оппозиция может заставить власть пойти на целый ряд изменений, отвечающих интересам всей страны, всей нации, всего народа. Средством реализации конкретной программы преобразований должна стать только широкая общественная реформа. Но преобразования не могут затрагивать исключительно формальную сторону общественного процесса – достижение мифической свободы,

¹ Там же. Т. X. С. 68.

² Там же.

о которой постоянно твердили либералы. В 1870-е гг. Михайловский признавал необходимость политических требований в социалистических программах, но наряду с этим его крайне беспокоила перспектива захвата господствующего положения в обществе русской буржуазией. Она могла использовать демократические преобразования исключительно в собственных интересах, оттеснить оппозиционно настроенную интеллигенцию, противостоящую власти, и вступить в союз с консерваторами.

На рубеже 1870–1880-х гг. Михайловский частично пересмотрел прежние взгляды. Он пришел к заключению, что интеллигенция может эффективно противостоять власти только при условии создания оппозиционной силы, способной добиться радикального изменения социального строя, проведения аграрной реформы и демократических преобразований. Если не будет установлено правление «с выборными от русской земли», если не будет принята конституция и созван земский собор, то Михайловский грозил существующей власти созданием тайного комитета общественной безопасности и ведением борьбы далеко не парламентскими методами¹.

Народнический мыслитель надеялся силой оппозиционного движения заставить русское самодержавие пойти на серьезные уступки. В решении политических вопросов он близко подходил к радикализму требований народовольцев. Преклоняясь перед их отвагой и самоотверженной преданностью социалистическим идеалам, Михайловский предлагал пойти на союз с теми либералами, которые честно признают справедливость требования земли и воли и готовы «пристать» к политическим радикалам. Но революционная форма преобразований Михайловским отвергалась. Как и в начале 1870-х гг., он по-прежнему боялся негативных последствий русского бунта: «народное восстание может выставить гениального честолюбца – цезаря, полубога, перед которым покорно склонит голову несчастная страна»².

Не во всем соглашался Михайловский и с аграрными требованиями «Народной воли». Оставаясь приверженцем общинного землевладения, он все-таки предполагал длительное существование нескольких форм земельной собственности, которое позволит самому крестьянину выбрать оптимальный вариант развития хозяйства. Поэтому земельная реформа в первую очередь должна была установить основной государственный закон «в роде американского Homestead Law, только в более определенной и последовательной

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 958. Т. X. С. 36.

² Там же. Т. X. С. 34, 35; Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 29.

форме»¹. По этому закону каждый гражданин при уплате незначительной суммы денег и обязательстве обработки почвы получал право на земельный участок, который в дальнейшем мог перейти в его собственность.

В целом в вопросе о способах и средствах преобразования общества Михайловский настаивал на эволюционном, постепенном реформировании традиционной структуры государственной власти, демократизации политической и экономической сфер жизни России. По его мнению, социалистический идеал требовал длительной подготовки народного сознания, распространения научных знаний и образования. Именно на решение всей совокупности поставленных задач и ориентировал народнический мыслитель отечественную интеллигенцию. Он по праву может считаться властителем ее дум. Но властителем духовным, отвергавшим любые формы насилия и призывавшим воспитывать в каждом человеке личность.

Разработка Михайловским в 1870-е – начале 1880-х гг. субъективного метода в социологии, идеи простой и сложной кооперации, типов и степеней социального развития, теории «борьбы за индивидуальность», «героя и толпы» служили важными аргументами в доказательстве центрального положения личности в прогрессе общества. Защищая интересы человека от конкуренции и борьбы за существование, он однозначно придерживался социалистической ориентации. Этический подход скреплял достаточно неустойчивые народнические конструкции, позволял компенсировать отсутствие доктринальной целостности целевой направленностью идей, созданием идеала общественного порядка.

Ключевую роль в эволюции России, по мнению народнического мыслителя, должна была сыграть отечественная интеллигенция, способная возглавить борьбу против социальной и духовной дисгармонии. Ее нравственный и интеллектуальный потенциал служил для Михайловского залогом будущего справедливого общественного устройства. Но, отвергая и не принимая законы буржуазной цивилизации, Михайловский не стал сторонником революционного насилия. Реформа как главное средство реализации назревших преобразований преобладала в его программе политического и экономического обустройства страны.

Осторожность в отношении использования радикальных средств преобразования общества во многом была продиктована трезвой оценкой мировоззрения народа, его зашоренности нуждами повседневной жизни, невосприимчивостью к социалистическим идеям, отторжению новаций современности. Медленный, но последователь-

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. X. С. 36.

ный путь просвещения народа, приобщения его к достижениям науки и культуры должен был предшествовать грядущему социальному прогрессу. Михайловский не вышел за рамки традиционного для народничества понимания лидерства интеллигенции в деле взаимоотношения с народными массами, но лидерства мирного, нацеленного на пробуждение людей труда к политической активности социалистического толка.

§ 5. Ревизия народнической доктрины

Однако наряду с позицией Михайловского в 1870-е – начале 1880-х гг. стала наблюдаться и иная интерпретация традиционной дихотомии «интеллигенция – народ». Ее выразителями стали известные публицисты П. П. Червинский и И. И. Каблиц. Эволюция их мировоззрения во многих отношениях характерна для той части российской молодежи, которая переосмыслила прежние идеалы и попыталась по-новому подойти к решению проблемы места и роли России в мировой цивилизации, дать свои оценки и свое видение перспектив развития страны.

а) Традиции и новации П. П. Червинского

В 1870 г. П. П. Червинский был активным участником студенческих волнений в Санкт-Петербургском земледельческом и лесном институте. Известный своим радикализмом, обладавший авторитетом среди студентов, несомненными организаторскими способностями, он быстро попал в поле зрения жандармов и скоро оказался в ссылке в Холмогорах. В столицу Червинский вернулся лишь в 1875 г. Вынужденная оторванность от активной деятельности была использована для самообразования, а ее результатом стал ряд статей, опубликованных в газете «Неделя».

Выбор научной теории. Работы, подписанные инициалами «П. Ч.», сразу же привлекли внимание публики, статьи с «интересом читала <...> тогдашняя молодежь»¹, которую захватила острота вопросов, поднятых Червинским. Одно из главных мест среди них занимала проблема выбора научной теории, применимой для изучения общества. В статье «Теория подбора и естествознание» Червинский однозначно высказался против попыток использования в социальной науке «результатов, добытых естествознанием»². По его мнению, между

¹ Аптекман О. В. Зачатки культурного народничества в 70-х годах // Историко-революционный сборник. М.; Л., 1924. С. 26.

² Червинский П. П. Теория подбора и обществоведение // Неделя. 1875. № 9. С. 335.

миром природы и миром человека существует громадная разница. Если в мире животных и растений борьба за существование ведет к приспособлению организмов и может сопровождаться при определенных условиях повышением или понижением организации, то в обществе людей всякое приспособление связано с понижением нравственного развития личности. Червинский не отрицал, что борьба между человеческими индивидами является реальностью, однако применение к ней дарвиновского принципа подбора было бы ошибкой.

Рассуждения Червинского в этом вопросе очень напоминали оценки Михайловского. Как и маститого народнического публициста, молодого автора «Недели» отталкивали от социал-дарвинизма пропаганда буржуазных ценностей, стремление к материальному благополучию в ущерб моральному облику человека. Такой вид эволюции, по оценкам Червинского, не способствовал прогрессивному развитию общества. В равной степени отвергал он и подавление человека человеком, нарушение принципов солидарности и коллективизма.

Единственной правомерной и целесообразной формой борьбы, способствующей эволюции цивилизации, Червинский считал идейную полемику. Столкновение различных мнений может привести к выработке общего идеала, идеала счастья. В конце концов, люди сумеют устранить крайности, существующие в их взглядах, сгладить остроту противоречий, и «тогда борьба за идеалы, потеряв свой мрачный, трагический характер, делается великим двигателем человечества»¹.

Признание определяющего влияния идей на становление социальной организации было общим для народничества конца 1860-х гг., и в этом отношении Червинский прямо следовал по пути своих предшественников. Наряду с этим он находил, что сила ума является далеко не единственным средством влияния на прогресс. Непременным условием изучения социальной жизни общества сам Червинский считал исследование влияния экономического элемента на события мировой истории. По его словам, «за исключением движений, возбужденных религиозным фанатизмом, едва ли сыщется хоть одно крупное историческое событие, которое при ближайшем рассмотрении, по крайней мере на три четверти, не вызывалось экономическими пружинами»².

Само по себе стремление найти в хозяйственной деятельности одну из составляющих социальной жизни человека также не было новым для общественной мысли России. Но для доказательства этой

¹ Там же. С. 339.

² Червинский П. П. Типы народного хозяйства // Неделя. 1875. № 11. С. 351.

идеи Червинский обратился к теории К. Маркса. Правда, его восприятие основных идей марксизма было весьма своеобразным. Признавая зависимость общественного устройства от производственной сферы, он считал, что возникающие между производительными силами и производственными отношениями противоречия могут разрешиться эволюционным, а не революционным путем. В лучшем случае Червинский писал о «революции в средствах производства», с которой и связывал изменения в жизни общества. Наряду с этим в его работах наблюдается и попытка дополнить марксистские идеи некоторыми положениями, заимствованными из других доктрин. В целом в вопросе об основных составляющих прогресса Червинский придерживался точки зрения многофакторности исторического процесса и в этом отношении был продолжателем общей тенденции использования западноевропейских теорий для обоснования собственных взглядов.

Как и все народники в целом, не принимал Червинский и законов развития капиталистического общества. В его представлении товарное хозяйство – это поле постоянных столкновений, вражды и ненависти, доходящих до невиданной ранее бесчеловечности. Даже приобретение производством общественного характера, включение в технологический процесс массы разнообразных лиц, обеспечение промышленными продуктами более широкого круга потребителей не становилось залогом использования высокой производительности труда в общественных интересах. Напротив, любое новое изобретение неминуемо приводило к сокращению числа рабочих, закрытию заводов, бедствию одних и богатству других. Червинский однозначно приходил к выводу, что при товарном хозяйстве «человек стоит против человека, слой против слоя, провинция против провинции, государство против государства, и не временно, не случайно, не по недоразумению, как бывало в старину, а постоянно и неизбежно; и чем далее, тем резче обрисовывается эта хроническая война всякого против всех»¹.

Неприятие товарно-денежных отношений, превращения человека в средство достижения богатства и роскоши, негативное отношение к духу наживы, – весь набор народнической критики капитализма явственно проявился при характеристике Червинским капиталистического хозяйства. Он однозначно занимал воинственную позицию борца с миром чистогана и бездуховности. Его собственное видение прогресса включало в себя устранение причин столкновения различных социальных групп или, по крайней мере, введение этих столкновений в рамки идейной полемики и выработки на ее основе приемлемой для всего общества стратегии социальных отношений.

¹ Червинский П. П. Типы народного хозяйства // Неделя. 1875. № 11. С. 357.

Типы и степени развития. Отказываясь признавать необходимость капиталистического хозяйства, Червинский вступал в противоречие с логикой рассуждений Маркса, для которого капитализм был закономерной ступенью в развитии человеческого общества. Для того чтобы преодолеть несоответствие между собственным пониманием прогресса и социально-экономическими элементами эволюции современного ему общества, он прибегнул к разработке собственного понятия типов и степеней развития. Под типом общественного устройства Червинский подразумевал отношение производителей к средствам производства, а под степенью – уровень развития производительных сил. В соответствии с этим капитализм мог классифицироваться как низкий тип с высокой степенью развития, а патриархальное хозяйство – как пониженная степень высокого типа развития.

Предложенная Червинским классификация очень напоминала идеи Михайловского, что было далеко не случайно. Всею логикой своих рассуждений он доказывал, что идеалом хозяйственных отношений может быть лишь бестоварное хозяйство, в котором отсутствуют противоречия, а само производство служит не извлечению прибыли, а обеспечению нормального существования членов производственного коллектива. Фактически Червинский воспроизводил давно известные народнические идеи, хотя и прибегал для их обоснования к некоторым положениям марксистской теории.

Вполне естественным становилось в этой связи и его утверждение об особом пути России, отличавшемся от эволюции Западной Европы. Идеализируя историческое прошлое народа, Червинский настаивал на необходимости развития «тех бытовых особенностей, в которых заключается залог лучшего будущего». Благодаря этому, по его словам, появится возможность «усвоить все действительно хорошее, выработанное европейской культурой», и избавиться от ее темных сторон¹. На Западе его главным образом привлекали передовые технические разработки, внедрение которых могло повысить производительность труда и улучшить качество выпускаемой продукции. А зародышами будущего справедливого, трудового хозяйственного устройства он по традиции считал общину и артель. В конечном итоге Червинский не мог предложить ничего лучшего, кроме изначальной народнической идеи использовать для прогрессивного развития страны национальные черты, помноженные на избирательное отношение к опыту Западной Европы.

Народ и интеллигенция. Казалось бы, во всех основных чертах Червинский не отошел от мировоззренческих основ народничества

¹ Червинский П. П. Наша национальная особенность // Неделя. 1875. № 31. С. 109.

и только дополнил их некоторыми положениями марксистской теории. Но это не так. Расхождения, и довольно явственные, с позицией родоначальников обнаруживаются при истолковании им характера взаимоотношений между народом и интеллигенцией. В этом вопросе автору «Недели» был свойственен явный уклон в сторону абсолютизации особенностей развития страны и противопоставления самобытности крестьянского мира интеллектуальным силам и моральным качествам образованной элиты общества.

В первую очередь Червинский пытался опровергнуть мнение о том, что русская деревня – оплот неподвижности и застоя. Существовавшая в народном быту община «олицетворяла собой принцип солидарности, нравственной связи, в противоположность принципу крайнего индивидуализма и нравственной разобщенности, выразителем которого был и есть <...> город». Жизнь в условиях взаимопомощи и поддержки друг друга сформировала у общинников чувства человечности, сопереживания, сочувствия, терпимости. Как писал Червинский, у простых людей моральные «задатки, инстинкты и здоровее и чище», чем у интеллигенции, которая страдает «отсутствием исторического нравственного наследства»¹.

Собственно русский нравственный тип, как считал Червинский, определяется именно народом. Несмотря на быстрое развитие товарно-денежных отношений и разрушение привычного уклада жизни, быстрое изменение нравов «общинные и артельные привычки слишком крепко срослись с нашим крестьянством <...> они <...> пережили бы не на один десяток лет даже фактическое уничтожение деревенской общины». Настаивая на психологических моментах формирования национального характера, Червинский действительно отмечал некоторые черты, свойственные нации в целом. Его замечания о долгом сохранении в психологии народа элементов традиционных представлений, выработанных многовековым опытом ведения хозяйства аграрного типа, характере взаимоотношений внутри производственного коллектива, формировании особенных моральных отношений между людьми и сегодня заслуживают внимания. Важным представляется и само желание публициста «Недели» не исходить в своих взглядах «из абстрактного человека, существующего вне времени и пространства»².

Однако превознесение Червинским моральных качеств крестьян сочеталось с подчинением деятельности интеллигенции интересам деревни. Как он писал по этому поводу, задача представителей культурных слоев должна состоять в «ассимиляции» народного ми-

¹ Червинский П. П. От себя или от деревни? // Неделя. 1876. № 2. С. 62, 63.

² Там же. С. 63, 64.

ропонимания, «психологическом срастании» с деревенским миром. В результате этого нравственное чувство крестьян обогатилось бы умственным потенциалом интеллигенции, а «люди города» приобрели бы широкое поле для применения своих сил¹.

Несмотря на кажущуюся близость идей Червинского взглядам родоначальников народничества, в них проявлялись почвеннические мотивы, в чем-то перекликавшиеся со славянофильством. Народничество в интерпретации Червинского приобретало такие «приставки» и дополнения, которые давали повод для самого различного его толкования. Акцент на исключительно национальных особенностях лишал народническую теорию социалистического содержания и политической перспективы. В условиях широкого распространения искаженных идей предшественников и их нарочитой простоты и доступности это могло нанести серьезный урон основам доктрины.

б) Нация, национализм и национальная ксенофобия в работах И. И. Каблицы

Всю историю своего существования русское народничество придерживалось идее разумного сочетания общемировых тенденций прогресса человечества и особенностей развития каждого народа. Поставленная еще в работах А. И. Герцена проблема национальной вариативности социально-экономической эволюции оставалась одной из центральных в разработках наиболее крупных теоретиков, программных документах политических партий. В целом и радикалы, и представители умеренного крыла наиболее влиятельного общественного движения России второй половины XIX – начала XX в. придерживались принципа равноправия наций, выступали против любых выражений национального гнета, унижения национального достоинства людей. Однако в 1880-е гг. произошел пересмотр некоторых основополагающих элементов доктрины, в том числе и отношения к национальному вопросу.

Данное замечание в первую очередь относилось к работам И. И. Каблицы, выступавшего в печати под псевдонимом Юзов. Его статьи в газете «Неделя», книги «Интеллигенция и народ», «Основы народничества» были хорошо известны и вызывали определенный интерес у некоторых читателей. Интересен и жизненный путь автора.

Активный член студенческих кружков в Киевском университете, участник «хождения в народ», прошедший на собственный страх и риск в общей сложности 1800 верст по Полтавской, Харьковской,

¹ Там же.

Воронежской губерниям, землям Войска Донского, автор первого проекта покушения на царскую семью в Зимнем дворце – таков далеко не полный «послужной список» его участия в революционном движении. Но к концу 1870-х гг. от бывших убеждений активного последователя учения М. А. Бакунина не осталось и следа. Неудачи попыток свержения самодержавия, инертность народа заставили Каблицу по-новому подойти к сложившейся в стране ситуации и высказать иные предложения по преобразованию русского общества.

Теоретические основы мировоззрения Каблицы содержали ряд черт, свойственных народничеству в целом, в их числе неременная вера в общественный прогресс, который должен состоять в обеспечении счастья и желаний «личностей, составляющих данное общество»¹. Наряду с этим Каблиц настаивал на многофакторности эволюции: человек в своей жизни подчинен влиянию многих условий (экономических, географических, социальных). Не последнюю роль среди них играют национальный характер и национальные традиции. Первоначально они сформировались под воздействием окружающей среды и общественных отношений. Но затем, преломляясь и воплощаясь в деятельности людей, их психологии, стали оказывать влияние на социальное устройство.

Человек, являвшийся целью прогресса в понимании Каблицы, одновременно становился и главным творцом своей судьбы. Но этот процесс однозначно окрашивался в национальные тона. В этом Каблиц изначально расходился с другими теоретиками народничества, которые осознавали особенность исторического пути России, но никогда не ставили будущее страны в зависимость только от национальной специфики, самобытности психологического склада народа. Их понимание прогресса основывалось на идеях рационального устройства мира, в то время как Каблиц склонялся к нравственно-чувственному объяснению эволюции общества.

Он находил, что рассудок и мораль влияют на поступки и решения людей, но по-разному для разных социальных категорий. Рационалистическое мировоззрение характерно в первую очередь для лиц, занимающихся умственным трудом. Народ, напротив, руководствуется нравственным чувством, основанным на жизненном опыте, традиции, особенности уклада повседневной жизни. Чувства концентрируют в себе опыт, приобретенный человеком, служат руководством к действию. Рационализм мышления приобретает главным образом под влиянием книжных знаний. По своей значимости он вторичен и зависит от контролирующей функции чувств. Противопоставление чувств разуму стало исходной точкой в полярном разъединении Каблицем народа и интеллигенции.

¹ *Каблиц (Юзов) И. И. Лже-народничество // Неделя. 1882. № 14. С. 436.*

Кто является интеллигентом? В своих работах публицист «Недели» дал и отличное от общепринятого в народнической среде толкование просвещенного меньшинства страны. По его мнению, «всякий, кто живет не физическим трудом, зачисляет себя в интеллигенцию, и имеет полное право на это». К этой категории населения им были отнесены не только литераторы, ученые, журналисты, художники, артисты, но и «проповедники всякого рода идей, учителя, лица духовного звания, военные, промышленники, сельские хозяева, торговцы, наконец, чиновники и администраторы». Тем самым Каблиц менял основополагающий критерий оценки интеллигентного человека. Не моральный облик личности, ее готовность на подвижническое служение народу, жертвенность и героизм становились главными качествами русской интеллигенции. Каблиц предлагал заменить их чисто профессиональными функциями; основная из них – забота «об увеличении количества и значения знания в обществе»¹.

Народнический публицист совершенно справедливо отметил функциональное использование слоя образованных людей в индустриальном обществе. Его подход отличался реальностью оценки профессиональных задач интеллигенции, возрастания ее роли как генератора, носителя идей, способствующих усилению влияния науки на все стороны жизни человека. Но вместе с тем Каблиц не учитывал других элементов в ее многосторонней деятельности. Простая констатация рода занятий не учитывала их содержания и направленности. Определение интеллигенции только через параметры умственной занятости толкало Каблица к приравниванию позиций прогрессивно мыслящего общественного деятеля и ретрограда-консерватора, уравнивала в социальном отношении учителя, получавшего грошовое жалование, и крупного государственного чиновника.

Кроме того, подобная классификация заставляла видеть в интеллигенции людей, стремящихся приобрести знания с единственной целью – получение «диплома легкого хлеба» и привилегированного места в служебной иерархии. Чинопочитание и карьеризм оказывались в числе ее наиболее характерных черт. По существу Каблиц объединял большинство образованных людей страны в категорию «просвещенной бюрократии», которая была едина, по его мнению, в стремлении доказать «*право интеллигенции <...> на самоуправление над народом* (здесь и далее выделено Каблицем. – В. З.)»².

В понимании народнического публициста проблема взаимоотношения громадного большинства населения страны и ничтожной

¹ Каблиц (Юзов) И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 73, 74, 120.

² Там же. С. 54.

части людей, приобшившейся к достижениям цивилизации, переносилась из плоскости сближения с народом в плоскость противостояния и борьбы. Каблиц считал, что «просвещенный бюрократизм» был «только мнимым защитником народных “интересов”», а в действительности полностью игнорировал права народа и стремился к реализации собственной выгоды¹.

Наряду с пересмотром дилеммы «интеллигенция – народ» в работах, опубликованных на страницах «Недели», подвергалась сомнению и точка зрения о высоком моральном облике образованных людей. Как писал Каблиц, «приобретение *знания* не ведет за собой непременно и *нравственного* развития». Разобщенность, индивидуализм интеллигенции, узкий круг интересов, знакомств, семейной жизни ставили ее в нравственном отношении на более низкую ступень по сравнению с народом, живущим по неписанным мирским законам. «Мирские порядки гораздо больше упражняют социальные и нравственные чувства, нежели интеллигентская жизнь», – беспартийно заявлял народнический публицист. Да и вообще интеллигенции свойственно злоупотребление выгодами своего «привилегированного положения». Политическая власть, оказавшись в ее руках, могла обернуться для народа самыми прискорбными последствиями².

Как видим, Каблиц в непримиримом тоне оценивал роль образованного меньшинства страны. По существу интеллигенция под его пером приобретала характер «захребетника народа», живущего за его счет и стремящегося к тому же навязывать ему собственное видение справедливого мироустройства. Причина этого коренилась, как считал Каблиц, в приверженности западным идеям. «Народ, по мнению западников, есть только человеческий материал, бесформенный и бессмысленный, который только под руками интеллигенции превращается в культурное общество», – писал по этому поводу народнический публицист. С Запада пришла в Россию идея «облагодетельствования народа». Там заимствовали российские интеллигенты побудительный мотив «лечить крестьянина от холопства путем передачи ему книжной мудрости»³.

Итак, Каблиц не просто противопоставил интеллигенцию народу, наделил ее моральными качествами, уступающими миру деревни, обвинил в приверженности западноевропейским ценностям и забвении истинно национальных качеств, но и, казалось бы, отказал ей в праве влиять на ход исторического развития страны. Однако подобный вер-

¹ Каблиц (Юзов) И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 63.

² Там же. С. 75, 76, 77.

³ Там же. С. 132, 133.

дикт полностью перечеркивал бы его собственный вывод о прогрессивно-поступательной эволюции нации. Поэтому Каблиц вынужден был обозначить единственный, на его взгляд, путь ликвидации разобщенности интеллигенции и основной массы населения. В первую очередь, «меньшинство должно понять стремления народа», но не ограничиваться только этим. Другая задача состояла в отстаивании «независимости народной жизни». Добиться ее выполнения можно было лишь через «помощь осуществлению народного блага». Это – конечный ориентир деятельности. Каблиц был убежден: чтобы достигнуть цели, стремления интеллигенции «должны быть ограничены *только умственным и нравственным воздействием* на народ; насилием оно тут ничего не сделает»¹.

Но, ликвидировав, казалось бы, одно из противоречий своей теории, Каблиц сталкивался с не менее трудными вопросами. Если вся интеллигенция представляет собой когорту «просвещенной бюрократии», преследующей собственные интересы, то кто же в ее среде возложит на себя подобную миссию, какие конкретные формы и методы деятельности должна избрать эта часть населения страны, какой характер отношений должен установиться между ней и государством?

Разные категории интеллигенции. Эти проблемы заставляли его разделить всю интеллигенцию на несколько категорий. К первой он отнес «интеллигентский или просвещенный бюрократизм»; ко второй – сторонников либерального учения; а в третью категорию вошли представители народничества.

Среди просвещенных бюрократов оказались образованные служители государства и «народолюбцы», которые неоднократно заявляли о своей якобы искренней любви к народу и готовности пожертвовать собой ради его благополучия и счастья. Но подобные заявления были лишь декларациями. Их любовь весьма напоминала жалость к животным, смешанную с «желанием покровительствовать и господствовать». При этом сам объект любви считался «невежественным и безнравственным скотом, не имеющим никакого понятия об истинных своих нуждах и потребностях». Причина подобного отношения к народу коренилась, как писал Каблиц, в приверженности чисто русским чиновничьим способам «подгонять сверху бюрократическим кнутом ход народной жизни по пути прогресса»².

Следствием такого отношения к широким массам стало забвение интересов живущего поколения людей и создание утопии будущего. Это было отнюдь не безобидной затеей, а, напротив, могло превратить «земную жизнь в бесконечный ряд жертв», когда «целью обще-

¹ Там же. С. 82, 83.

² Там же. С. 41, 42, 43, 44–45.

ственного прогресса окажется не счастье людей, а счастье только фиктивного последнего поколения». Не завтра и не где-то, а сегодня и здесь – так можно охарактеризовать ответ Каблиц на идеи народолюбивой интеллигенции. Он призывал заботиться об удовлетворении «потребностей *современных* поколений, достигая этим путем улучшения жизни наших потомков»¹.

Вместе с тем Каблиц не отказывался от идеи жертвенности. Позиция общественного деятеля, посвящающего всего себя служению великой цели, представлялась ему высоконравственной. Но она была таковой лишь до тех пор, пока образованные люди не стали бы силой навязывать свои идеи народу. В противном случае насилие обернется тем же бюрократизмом, который «может быть не только консервативным, но и либеральным, радикальным или даже социалистическим. Социалист, думающий насаждать социалистический общественный строй путем господства просвещенных революционеров-социалистов над массой народа – ничего более, как бюрократ, только бюрократ-социалист»².

Причину резко негативного отношения публициста «Недели» к народолюбцам и «просвещенной бюрократии» следует искать в провале попытки хождения в народ, в непонимании и неприятии крестьянством романтических идей народнической молодежи 1870-х гг. Разочаровавшись в революционном преобразовании общества, Каблиц критически переосмыслил свои прежние идеи и попытался дать собственное понимание основного содержания народничества.

Наследие предшественников. В первую очередь он отказывался от наследия 1860–1870-х гг. Основная идея интеллигенции в это время состояла, по его словам, в том, что «центр тяжести страны лежит в *культурно-интеллигентских классах*, и что эти классы должны оказывать, если не исключительное, то, во всяком случае, *преимущественное* влияние на ход социальной жизни». Прикрываясь «знаменем науки и прогресса», она и стремилась навязать народу собственные идеалы. Для оправдания такого насилия было использовано этическое учение утилитаризма. Согласно ему, «все люди – эгоисты, и разница в их поведении определяется тем, что эгоизм одних требует нарушения чужих прав, а эгоизм другого – уважения к ним». Эгоизм двух личностей приводит их к мысли о необходимости компромисса, результатом которого становятся правила общежития, основанные на том, что «достигнуть личного счастья нельзя помимо общечеловеческого счастья»³.

¹ Каблиц (Юзов) И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 65.

² Там же. С. 68, 143–144.

³ Там же. С. 48, 278–280.

Нетрудно заметить, что Каблиц в первую очередь обращал внимание на теорию разумного эгоизма Н. Г. Чернышевского, и его отношение к идеям одного из родоначальников народничества было однозначно негативным. Как он писал, проповедь достижения личного счастья путем содействия общественному благу стала лишь ширмой для достижения личных выгод. А утилитаризм однозначно классифицировался Каблицем в качестве аристократического учения, потому что он «осуждает толпу, как невежественную массу, на безнравственность»¹.

Разум или чувство. В отличие от своих предшественников истинные народники ставили, по мнению Каблица, нравственное поведение личности в зависимость не от знаний, а от чувств человека. Согласно такому подходу, простой крестьянин может быть более развит в моральном отношении, чем интеллигент. Главным критерием народнических взглядов Каблиц считал альтруизм определенной части интеллигенции и ее неподдельное уважение к народу, воплощавшему в себе «высокий для нашего времени уровень справедливости и человечности»². Во взглядах Каблица обоснование народничества получало эмоционально-психологическую направленность: в конечном счете чувства, а не разум определяют роль образованного меньшинства в эволюции страны, подсказывают характер взаимоотношений с миром деревни.

Его собственная ориентация на морально-этические качества народа подталкивала к абсолютизации русской почвы, превознесению позиции «самобытников». Начав с утверждения о том, что «истинный <...> общественный прогресс бывает только там, где общественное дело двигает не одна интеллигенция, а весь народ», Каблиц заканчивал выводом о всеспасительной силе деревенских устоев, которые загоразивали «дорогу разным либерально-буржуазным затеям, в которых мы не видим добра для народа и общества»³.

Капитализм и либерализм. Мысль о противостоянии сельского мира капиталистическому развитию страны была для него далеко не случайной, как и негативная оценка либеральной доктрины. По мнению Каблица, либерализм, хотя и не был лишен крупниц истины, вместе с тем «совсем не есть ближайшая станция прогресса, а напротив – ведет в сторону от столбовой дороги <...> приводя к непролазной трущобе». Неоднократно Каблиц подчеркивал принадлежность либерализма к числу «самых вредных общественных учений», враждебных народничеству и губительных «для русского народа

¹ Там же. С. 281, 284.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 145, 146.

и государства»¹. Ни просвещенный бюрократизм, ни народолюбство не награждались в работах народнического публициста таким количеством отрицательных эпитетов.

Каблиц стремился показать идеологическую и практическую несостоятельность либерализма в России. В первую очередь он выделил явное преобладание политических мотивов над экономикой: либералы «не думают, что экономическая независимость должна считаться настолько же важным правом личности, как и политическая». Они в лучшем случае надеются улучшить положение народа «уменьшением податной тягости, увеличением производительности <...> труда капиталистическим производством, но отнюдь не путем предоставления народу экономической независимости»². Для Каблиц эта идея была равносильна навязыванию русскому народу интеллигентского понимания эволюции.

К тому же печальный опыт Западной Европы свидетельствовал о том, что в погоне за материальным благосостоянием либералы совершенно упустили вопрос о необходимости изменения характера распределения произведенного продукта. «В конце концов оказалось громадное накопление богатств в руках буржуазии и нищета рабочих классов». Каблиц больше привлекала идея таких производственных отношений, при которых бы не существовало собственников орудий труда и наемных работников. Правда, до этого было весьма далеко. Поэтому он и пытался «придумать более практические меры»: наделить «трудящихся орудиями труда в достаточной мере и тем освободить их от необходимости прибегать к арендам, батрачеству и тому подобным средствам»³. Фактически Каблиц выступил защитником нетоварной формы производства русского крестьянства. И в этом вопросе он оставался пропагандистом «особости» страны. Отвергая западноевропейскую модель экономики, он смог противопоставить ей только вариант сохранения экономической независимости деревни, дополненный элементами обеспечения «нормальных условий» труда производителя.

Неприятие либерализма сохраняется и при анализе политического аспекта либеральной доктрины, требовавшей предоставления и обеспечения прав личности. Либерализм измерял политическое достоинство человека его имущественным положением. Результатом этого становилось господство экономически более могущественного сословия, когда в Западной Европе «громаднейшее большинство

¹ Каблиц (Юзов) И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 174, 148, 198.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 173, 160.

личностей находится в странном положении: они вполне свободны и полноправны в юридическом отношении и в то же время находятся в фактическом рабстве у буржуазии». В результате этого свобода превратилась в фикцию, так как «она не поддержана экономической независимостью»¹.

Критикуя идеи либерализма, Каблиц сумел подметить действительные слабости, присущие этому учению, как и негативные стороны капитализма в Западной Европы. Как он писал по этому поводу, под блестящей внешностью либеральной теории «скрывается защита экономического рабства труда и господство капитала»². Однако сама критика либерализма велась Каблицем отнюдь не с социалистической точки зрения, что было свойственно родоначальникам народничества и сторонникам политических преобразований страны. Он выступал защитником самобытности русских условий, отстаивал чисто национальные основы жизни и деятельности народа.

Отголоски бакунизма. На «идеальные образцы практической жизни» ориентировался Каблиц и при рассмотрении проблем государственного устройства. В России, как он считал, не было необходимости выдумывать что-то новое. Достаточно было наделить общину правами самоуправления при минимальном вмешательстве центральной власти. Государство вполне могло довериться здравому смыслу русского крестьянства при решении местных, локальных задач, оставив за собой управление лишь «специальными сферами жизни» – «заведовать» вопросами железнодорожного строительства, деятельностью банков и т. п. Для этого не надо было прибегать даже к помощи земств, поскольку общинная организация более продумана и приспособлена к условиям существования народа.

В этих рассуждениях Каблиц явно ощущается его юношеская увлеченность бакунинскими идеями. Но в начале 1880-х гг. само прочтение бакунизма в публицистике народника приобрело черты народного анархизма и абсолютизации общины. Начав с противопоставления альтруистически настроенных народников просвещенной бюрократии, Каблиц в итоге приходил к оправданию объединения их усилий в деле государственного регулирования условий существования народа, патронажа над общинными порядками.

«Истинный национализм». Признание приоритета народных мнений над интеллигентским мировоззрением, почвенническое прочтение «особости» России не могли не привести к появлению великодержавия и националистических мотивов в работах Каблица. Считая решение национального вопроса одной из наиболее важных задач

¹ Там же. С. 147, 172, 173, 183.

² Там же. С. 184.

в жизни страны, он предлагал подойти к его анализу с точки зрения «истинного национализма». Сердцевина его программы – утверждение о том, что «общечеловеческая солидарность достигается <...> не нивелировкой наций, не обезличиванием их, а, наоборот – полным развитием их особенностей. Чем разнообразнее будут народности, входящие в состав человечества, тем жизнь этого человеческого целого будет полнее и ярче во всех отношениях»¹. Нетрудно заметить, что в очередной раз Каблиц подчеркивал особенность, специфичность развития каждого народа, отличия его национальных качеств. Как он писал, это не означало их абсолютизации, противопоставления одной нации другой. Этим «истинный национализм» отличался, по его словам, от ретроградского «эгоистического национализма», способного «внести в нашу и европейскую жизнь только семена раздора и разложения»².

Вместе с тем трезвый учет живучести «племенных особенностей» мог позволить добиться стабильности в положении государства и обеспечении национального мира. *«Думать, что политическое единение должно быть основано на этнографическом слиянии, – писал Каблиц, – это значит увлекаться политическим романтизмом, недостижимой утопией, во вред насущным, современным потребностям государства»*³. Грубое нарушение «прав племени» приводит к непониманию, столкновению интересов. Попытки ассимилировать тот или иной народ вызывают вполне естественное сопротивление, которое создает напряженность в межэтнических отношениях и подрывает национальный мир. Подобную политику Каблиц вполне резонно критиковал и считал, что более осторожное государственное отношение к традициям и культуре определенного народа подтолкнет его к «политической связи с чужим племенем; в особенности, если их общие политические формы более или менее соответствуют их нуждам»⁴.

В связи с этим для многонациональных государств обеспечение прав населяющих его народов становилось, как считал Каблиц, одним из главных вопросов. Трезвый учет живучести «племенных особенностей» мог позволить добиться стабильности положения и обеспечения национального мира. Возникшими трениями сразу же

¹ Каблиц (Юзов) И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 205.

² Там же. С. 205, 206.

³ Там же. С. 208.

⁴ Там же. С. 210.

попытались бы воспользоваться другие страны, что могло обернуться международным конфликтом и войной.

Политический прагматизм и государственные интересы. Суждения народнического публициста политически прагматичны, однако в них настораживает приоритет государственных интересов, стремление приспособить национальные особенности не столько для равноправного развития культуры каждого народа, сколько для устойчивости и жизнеспособности государственных структур, обеспечивающих победу в соперничестве с другими державами. Сам Каблиц этого нисколько не скрывал. Он прямо писал, что для предотвращения иностранного влияния на часть населения российской империи недостаточно надеяться только на силу оружия, а требуется взвешенность и осмотрительность. Так, в Прибалтике и Польше Каблиц предлагал «помогать развитию польской культуры <...> и польского языка», способствовать «расширению крестьянского землевладения» с целью предотвратить экономическое влияние немцев в этом крае. Его главная идея состояла в том, чтобы «выставить» поляков «аванпостами славянства против движения немцев на Восток»¹.

Возложив на себя обязанности защитника государственных интересов, Каблиц фактически становился на позиции российского правительства. Его «истинный национализм» вполне укладывался в рамки представлений о «единой и неделимой Российской империи». Тем более, что статьям Каблица были не чужды идеи русификаторства окраин. Правда, их реализация должна была осуществляться достаточно осторожно и затрагивать в первую очередь братские славянские народы – белорусов и украинцев. Хотя Каблиц и писал, что нельзя игнорировать различий между ними и русскими, но в дальнейшем «великорусский, малорусский и белорусский языки <...> при дружественных отношениях этих племен <...> легко <...> сольются в одном русле общерусского языка». Сделать это можно было в несколько этапов. Первоначально «рядом с общерусским литературным языком будет существовать племенной язык <...> Первый из них будет употребляться интеллигенцией, не имеющей непосредственных отношений к народу и нуждающейся в литературе, заключающей в себе все верхушки человеческого знания и мышления, второй – народом и интеллигенцией в тех случаях, когда она имеет дело с народом». Такое параллельное существование языков будет способствовать их сближению. В конце концов произойдет «желаемое слияние ни для кого не обидное, так как оно не будет вынужденным, а произойдет вследствие взаимной выгоды»².

¹ Там же. С. 223, 226, 227.

² Там же. С. 228, 230, 231.

Нарисовав столь «благостную» картину, Каблиц и сам не заметил, как впал в противоречие с собственными идеями равноправия и автономности национальных культур. На первый план выступала убежденность в первенстве великорусской нации, что могло вызвать крайне негативную реакцию других народов, населявших Россию. Замена родного языка – пусть даже ненасильственная и длительная – неминуемо привела бы к борьбе за его сохранение в форме нарочитого использования в противовес русификаторским намерениям власти. Национальная интеллигенция, отстаивая собственную культуру, втянулась бы в длительную и в общем бесплодную полемику об истинных и мнимых недостатках нации «колонизаторов», что послужило бы началом вызревания зерен раздора и ненависти. Концепция межнациональных отношений Каблица была изначально противоречива и уязвима. Ее великодержавная направленность сближала автора со сторонниками подчинения индивидуальности других народов русской самобытности. Государственная необходимость брала верх у Каблица над требованием равноправия. И хотя он стремился совместить «интересы русского государства» с «принципами любви и справедливости»¹, этого у него не получалось.

Национализм, великодержавие и еврейский вопрос. Наиболее отчетливо национализм и великодержавие народнического публициста проявились при рассмотрении еврейского вопроса. В отличие от других народов России за евреями Каблиц не оставлял даже эфемерного права сохранения самобытности. По его мнению, евреи – народ пришлый, занимающийся в основном непроизводительной деятельностью (ростовщичество, торговля и т. п.) и в силу этого имеющий в стране «место только известного класса лиц, неспособного существовать без деятельности остального населения, чуждого им по расовым особенностям». Уже поэтому они обязаны подчиняться «этнографическим особенностям» народа, среди которого живут (усвоить его язык, носить его одежду и т. п.) и отличаться «только религией и теми расовыми чертами, которых изменить уже не в состоянии». В большинстве стран мира так и произошло, продолжал развивать свою мысль Каблиц, Россия же имеет полное право требовать от евреев сближения «с коренным населением, приняв его язык и внешность»². А само сближение должно закончиться полным слиянием с коренным населением.

За внешней стороной этого требования Каблица скрывалось «нравственное и экономическое» содержание. Как он считал, занятие основной массы евреев торгово-ростовщическими операциями выра-

¹ *Каблиц (Юзов) И. И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 237.

² Там же. С. 238, 239.

ботало у них такие свойства характера, как пронырливость, хитрость, изворотливость, которые и давали «перевес над другими в делах торговых и биржевых». Но эти качества среди земледельческого русского народа «считаются низшими умственными способностями»¹. Русский мужик никогда не уважал и не ценил торгашества и мироедства. Ростовщичество было греховным делом. Поэтому столь враждебно и была настроена русская деревня против евреев.

Неприятие аморальности еврейской деятельности усугублялось чисто экономическими последствиями их вмешательства в жизнь русской деревни. Высокие проценты на предоставляемые ссуды, содержание шинков и кабаков, сдача земли в аренду разоряли крестьянство, что являлось для Каблиц свидетельством эксплуатации русского народа евреями, эксплуатации, вредной для всего населения и государства.

Подтверждение своей мысли о несовместимости мировоззрения евреев и русского народа публицист «Недели» находил в факте погромов, прокатившихся по стране в начале 1880-х гг. «Все подробности беспорядков, – писал Каблиц, – доказывают, что народ озлоблен против евреев за их экономическую эксплуатацию». А поскольку, согласно его убеждениям, «законодательство должно быть основано на народном мирозерцании», то и требовалось ввести «юридико-экономические меры», способствующие «русскому народу стать в независимое положение» от евреев².

В экономике это должно было воплотиться в создании конкурентных структур. Так, вполне резонным выглядело бы разрешение «народонаселению» иметь общественный кабак в деревне или селе. Это позволило бы сельскому обществу получать доход. Устройство общественного кредита подорвало бы влияние еврея-ростовщика. В законодательной области Каблиц приветствовал отмену ранее существовавшего права евреев покупать и арендовать земли. Он аргументировал справедливость подобного решения исключительно торгашеским отношением еврейской нации к земельной собственности, идущим вразрез «с существом сельскохозяйственной промышленности»³.

Вполне обоснованным считал Каблиц и сохранение «черты оседлости». «При дозволении евреям заниматься торговлей по всей России произошло бы вытеснение русских торговцев еврейскими», – писал он в работе «Интеллигенция и народ в общественной жизни России». К тому же, при расселении евреев по всей стране конкуренция между ростовщиками на старом месте их проживания «уменьшится <...>

¹ Там же. С. 270.

² Там же. С. 246, 256, 253.

³ Там же. С. 266.

их торговый процент поднимется в ущерб остальному населению»¹. Этими экономическими причинами и оправдывал Каблиц «недопущение» еврейского населения в другие губернии, кроме западных и юго-западных окраин.

Он прекрасно сознавал сложность жизни народа в подобной «резервации». Однако эту тяжелую и горькую школу «еврейство обязано пройти <...> чтобы привыкнуть хотя мало-помалу к производительным занятиям». Ничего более оригинального для изменения враждебного отношения коренного населения к евреям, кроме их перехода «от исключительного занятия торговлей к производительному труду», Каблиц предложить не мог².

В еврейском вопросе (как и в целом при рассмотрении национальной проблемы) проявились все слабости, передержки концепции публициста «Недели», его отход от заветов шестидесятников и семидесятников. Каблиц по существу призывал следовать антисемитским настроениям кулаков, шинкарей и тому подобных «предпринимателей», видевших в евреях конкурентов в ограблении своих же односельчан. Не замечая этого факта, он защищал интересы наиболее состоятельной части деревни, проникнутой духом торгашества и наживы, столкнувшейся с одним «из наиболее мобильных отрядов российского капитализма» в лице еврейской буржуазии. По данным середины 1880-х гг., евреи составляли 18,4 % купцов первых двух гильдий по стране в целом. А в «черте оседлости» эти показатели были гораздо выше: 40,3 % купцов I гильдии, 56,2 % купцов II гильдии, 49,2 % мелких торговцев, здесь еврейской буржуазии принадлежало 37,8 % промышленных предприятий и 59,1 % питейных точек³.

Закономерный итог. Ревизия Каблицем народнического варианта решения национального вопроса была вызвана его отходом от основ самой доктрины. Признание приоритета нравственно-чувственного восприятия мира перед рациональным истолкованием законов его существования привело к обоснованию национализма. Каблиц фактически признавал и оправдывал государственную политику ассимиляции других народов России. Патриотизм Герцена и Чернышевского был заменен обоснованием русского великодержавия. Каблиц явно сближался с идеями консервативной части русского общества, видевшей спасение от надвигавшейся капиталистической модернизации в сохранении патриархальных устоев русской деревни. Но при этом

¹ Каблиц (Юзов) И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 268–269, 263.

² Там же. С. 270, 277.

³ Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 26.

упускалось из виду, что сами «народные требования» зависят от материального положения определенных слоев крестьянства, серьезно разнятся между собой и могут быть диаметрально противоположными. Желание защитить деревню от «тлетворного влияния товарно-денежных отношений» перерождалось в поиски внешних врагов, мешающих жизни трудолюбивых русских селян. Социалистическая направленность народничества подменялась опасной националистической утопией, способствующей дальнейшему обострению социально-политической ситуации в стране.

В целом взгляды публициста «Недели» представляли собой наиболее явно выраженную ревизию основ народнического мировоззрения. Отказ от социалистических идей, сужение просветительской деятельности, апелляция к государственным интересам, акцентирование внимания на повседневных проблемах жизни крестьянства подталкивали к выводу о необходимости изменения характера взаимоотношений интеллигенции и народа, перенесения центра тяжести на исключительно культурническую деятельность. Правда, эти идеи во взглядах Каблица были выражены достаточно неопределенно, в основном касались социологического, а не экономического аспекта проблемы. Причины этого коренились, на наш взгляд, в теоретической «размытости» позиции их автора, желании совместить идеи эволюции со статикой быта русской деревни. Целевая направленность народничества исчезала у Каблица. А противоречивость критерия оценки интеллигенции не позволяла определить конкретные формы деятельности этого слоя российского населения.

Общее и особенное. Русское народничество, расцвет и наиболее интенсивное развитие которого приходится на вторую половину XIX в., объективно выражало протест против становления капитализма, складывания новой социальной структуры, разрушения основ традиционного общества. Труды идеологов этого крупнейшего общественного течения представляли собой попытку выработать национальную модель некапиталистической эволюции, постепенной адаптации большинства населения к условиям модернизации страны.

В истолковании процессов, происходивших в стране, отечественная интеллектуальная элита испытывала сильное влияние европейской общественной мысли. Но веяния, шедшие с Запада, воспринимались в России далеко не однозначно и через критическое противопоставление главных понятий: общество и человек, личность и личное, индивидуальность и индивидуализм, закономерность бытия и моральный долг субъекта истории. Можно сказать, что классическая триада эпохи Просвещения – «самопознание – просвещение – формирование национального самосознания» – реализовывалась в русских условиях не через интегральность, а через оппозиционность,

которая зачастую вела к доктринальной незавершенности и идейной утопичности. В значительной степени это было связано и с тем, что многие проблемы, уже решенные в Европе (установление политических систем, гарантировавших соблюдение прав определенным группам населения, примат норм собственности и т. п.), для России являлись еще весьма отдаленной перспективой.

В условиях, когда освобождение большинства населения страны от крепостной зависимости, формирование гражданского общества считались первостепенными, в сознании части интеллигенции они тесно переплетались с идеями справедливого социального устройства, ликвидации имущественного неравенства, порабощения человека человеком. Прогресс понимался как процесс всестороннего развития человека, осуществляемый самим человеком, влияющим своей деятельностью на объективные законы истории и использующим научные знания для их разумной коррекции. Конечная цель общественной эволюции – создание такой формы социального устройства, при которой в полной мере могли бы проявиться как индивидуальные способности личности, так и ее коммунитарные качества (коллективизм, солидарность интересов и т. п.). Общее благо всех, а не одного – так можно было бы охарактеризовать исходную точку формирования народнической доктрины.

Само понятие «народник» родилось как выражение стремлений определенной части образованного меньшинства страны (в условиях отсутствия элементарных прав и свобод, при крайне ограниченных возможностях оппозиционной деятельности) возложить на себя функции защитника интересов безмолвствующего народа от разрушительной силы капиталистической цивилизации. В основе доктринальных построений лежало искреннее чувство патриотизма, любви к родине, желание счастья и процветания людям труда.

Первоначально «народ» был тождествен крестьянству, что казалось вполне оправданным, как и определенная романтизация его образа и превознесение нравственных качеств. Но скорее это было побочным эффектом противопоставления патриотических и социалистических настроений жестким канонам западноевропейского либерализма, ставившим индивидуализм на первое место.

Не менее важным было и то, что уже родоначальники народничества А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский при всех различиях в понимании всеобщих законов истории, в оценках национальных особенностей России были едины в признании необходимости просветительской практики российской интеллигенции. Ее основное содержание можно было определить словами: «все для блага народа». Конкретное выражение этой идеи не выходило за рамки требований надделения крестьян землей без выкупа, организации местного самоуправления

с достаточно широкими правами, созыва всесословного представительного учреждения.

Однако нечеткое определение принципов бытия, неоднозначное истолкование роли знания и науки создавали возможность пересмотра и замены неоправдавшихся, устаревших теоретических конструкций элементами новых учений. Социалистическая направленность идей не исключала их преимущественно антикапиталистического прочтения, как и многообразия точек зрения на проблему взаимодействия интеллигенции и народа. Как показала практика общественного движения 1860-х гг., к концу десятилетия запас идейного влияния родоначальников народничества был в значительной мере исчерпан. Требовалась дальнейшая конкретизация и детализация в целом общих и неопределенных доктринальных положений.

К концу 1860-х гг. обозначилось разделение среди сторонников социалистической альтернативы. Социализм и патриотизм по-прежнему оставались «несущими конструкциями» народничества, но основным предметом разногласий стал вопрос о революционном или реформаторском характере преобразований. В связи с этим и просветительская тенденция приобретала или агитационно-пропагандистское звучание ниспровержения существовавшего строя, или умеренно-постепенного перевоспитания человека, подготовки высокоморального и активного гражданина будущего мира. Общим как для революционеров, так и для реформаторов было желание добиться блага народа. Но по сравнению с началом 1860-х гг. к известной формуле были добавлены новые слова: «все через народ, все посредством народа».

Благодаря работам П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева в 1870-е гг. среди российской интеллигенции преобладало влияние революционного народничества, стремившегося при помощи различных средств поднять на борьбу с самодержавием инертную крестьянскую массу. В значительной степени влияние на радикализацию взглядов части народнической интеллигенции оказали непосредственность и просчеты в проведении реформ национальной бюрократией, желание не столько модернизировать общество, сколько сохранить основы самодержавия. Переход от политики преобразований к подавлению оппозиционных выступлений, навязыванию безальтернативных решений кардинальных вопросов русской жизни подтолкнули к попыткам пробудить к активным действиям основную массу населения страны. Однако русское крестьянство осталось глухо к революционным призывам радикалов. Неудачи и промахи заставили вырабатывать новые подходы. В числе идей, появившихся в результате трудных поисков, стало требование преобразования политического строя страны.

К аналогичным выводам пришел в 1870-е гг. и главный теоретик реформаторского народничества Н. К. Михайловский. Придерживаясь социалистической ориентации, он отстаивал идеи Герцена и Чернышевского. Его активная теоретическая деятельность по обоснованию субъективного фактора в истории позволяла компенсировать отсутствие доктринальной целостности народничества целевой направленностью идей.

Одновременно с этим разочарование в насильственных революционных методах подталкивало некоторых из бывших активных участников революционного движения к переоценке прежних взглядов, переориентации жизненной позиции, отказу от навязывания крестьянской массе интеллигентского миропонимания и мировоззрения. Указанная тенденция впервые проявилась уже в середине 1870-х гг. в творчестве П. П. Червинского. А в конце десятилетия И. И. Каблиц (Юзов) наиболее громко высказал требование согласовывать темпы «организации общественно-политических форм» с социальными строениями масс. По своей сути это была попытка ревизии роли выдающейся личности в истории, переакцентировки направленности просветительства. Патриотизм, свойственный взглядам родоначальников народничества, сменился великодержавием и национализмом, социалистическое содержание доктрины – идеей приспособления к капитализму.

Глава III. ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX в.

Идеи государственного патриотизма, национального патриотизма вообще трактовались основоположниками «научного коммунизма» в сугубо отрицательном контексте – как порождение буржуазного общественно-экономического строя, а такое понятие, как «нация», являлось, по сути, синонимом буржуазии, пришедшей в свое время к власти в результате революционного переворота. Подобные оценки понятий «отечество» и «патриотизм» на протяжении десятилетий служили предметом острой полемики в европейских интеллектуальных кругах. Не остались от нее в стороне и русские марксисты. Г. В. Плеханов в статье «Патриотизм и социализм» (1905) попытался дать свою трактовку знаменитым словам К. Маркса из «Манифеста»: «Слова “рабочие не имеют отечества” написаны были в ответ идеологам буржуазии, обвинявшим коммунистов в том, что те хотят “уничтожить отечество”. Ясно, стало быть, что у авторов Манифеста речь шла об “отечестве”, понимаемом в совершенно определенном смысле, т. е. в том смысле, который придавали этому понятию буржуазные идеологи <...> Так как по условиям современного мирового хозяйства социалистическая революция, которая положит конец господству капитала, должна быть международной, то в умах сознательных рабочих идея *отечества*, объединяющего в одно солидарное и полное “исключительности” целое все классы общества, по необходимости должна уступить место бесконечно более широкой идее солидарности революционного человечества, т. е. “пролетариев всех стран”. И чем шире делается могучая река современного рабочего движения, тем дальше отступает психология патриотизма перед психологией интернационализма»¹.

Вопрос об отношении к идеологии государственного и национального патриотизма рассматривался западноевропейскими марксистами и их последователями в России с точки зрения решения конкрет-

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1957. Т. 3. С. 90, 94–95. Здесь и далее в цитатах курсив оригинала. – А. К.

ных задач социальной борьбы. Идея отечества, чувство «национальной привязанности» в своей буржуазной интерпретации, по мнению левых интернационалистов, разобщали народные массы, являлись препятствием на пути к их революционной организации и поэтому подлежали осуждению. Подобное отношение к патриотической идее было также характерно и для многих представителей русского революционного движения XIX столетия, развивавшегося под влиянием западноевропейской просветительской и социалистической мысли.

«Патриотизм» господствующего дворянского сословия, его культура, религия традиционно являлись для российских революционеров официальным идеологическим обоснованием существующих в стране социально-политических порядков. Уваровская «теория официальной народности», консервативная «охранительная» публицистика, попытки внедрения элементов русского национализма в имперскую идеологию при Александре III, дискриминационная политика в отношении «инородцев», позиция православной церкви, благословлявшей действия правящих кругов, – все эти проявления «великодержавного» курса царской власти в области идеологии, религии, культуры и национальных отношений служили объектом беспощадной критики со стороны левой интеллигенции – от революционных демократов 1840-х гг. до русских марксистов начала XX в. В этом отношении показательны высказывание А. И. Герцена, характеризующее идеологическую политику Николая I: «Россия, патриотизм были всего лишь средством укрепить самодержавие, народ никогда не обманывался насчет национализма Николая; ярчайшее выражение его царствования – девиз деспотизма: “Пусть погибнет Россия, лишь бы власть осталась неограниченной и нерушимой”»¹.

Зачастую антипатриотизм являлся своеобразным «ответом» оппозиционно настроенных слоев российского общества XIX столетия на существующий идеологический «патриотический» официоз. При этом понятия «угнетающее самодержавное государство» и «Родина» нередко отождествлялись. Такая негативная оценка России, ее национальной истории представителями дворянской и «разночинной» интеллигенции берет свое начало в знаменитом первом «Философическом письме» П. Я. Чаадаева (1829), в котором он, по его же словам, оказался «желчным в отзывах о родине», утверждая, что русские «миру ничего не дали, ничего у мира не взяли»². «Как сладостно отчизну ненавидеть! / И жадно ждать ее уничтоженья!», – восклицал философ-эмигрант эпохи Николая I В. С. Печерин³.

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966. Т. 7. С. 201.

² Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 330, 338.

³ Цит. по: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 75.

Спустя полвека ему вторил русский поэт В. Я. Брюсов, разделявший леворадикальные взгляды своего времени: «Родину я ненавижу, – / я люблю идеал человека»¹. Поэт-народник П. Ф. Якубович в стихотворении «К Родине», написанном на каторге, отвергал саму идею любви к своей отчизне, обрекающей ее сынов на страдания: «За что любить тебя? Какая ты нам мать, / Когда и мачеха бесчеловечно-злая / Не станет пасынка так беспощадно гнать, / Как ты детей своих казнишь, не уставая?»²

Подобное отношение к своей стране формировалось не без влияния западной культуры и идеологии. В представлении русских «западников» («правых» и «левых») Европа являлась оплотом «передовой» современной цивилизации и родиной наиболее прогрессивных социальных и политических учений. В разработке собственных идеологических концепций русские революционеры опирались на труды своих западных учителей. Это касалось и национального вопроса. Понятие «национальность», наполняющее патриотическую идею реальным культурно-этническим содержанием, также виделось отдельным представителям революционной интеллигенции препятствием на пути осуществления мечты о «всемирном социалистическом братстве». Так, М. В. Буташевич-Петрашевский, следуя учению западноевропейских социалистов-утопистов, считал, что «социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народов исчезает, есть только люди»³.

Показательно, что в трудах ряда ведущих революционных мыслителей 1820–1850-х гг. официально патриотизму противопоставлялась идея подлинного «народного» патриотизма. Русский народ (прежде всего крестьянство) рассматривался ими как один из наиболее бесправных и угнетаемых в империи и поэтому провозглашался потенциальной движущей силой в национально-освободительной борьбе и в будущих великих социальных преобразованиях. Подобные взгляды отчетливо просматриваются в программных документах и художественных произведениях декабристов, публицистике и письмах В. Г. Белинского, А. И. Герцена, статьях и поэзии Н. П. Огарева.

Для декабристов было характерно признание русских главенствующей нацией России. Основными факторами, способствовавшими формированию национального патриотизма как одной из главных составляющих идеологии декабризма, являлись: влияние идей европейских просветителей второй половины XVIII в. и Великой

¹ Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973–1975. Т. 1. С. 100.

² Цит. по: «О, русская земля!» Сб. М., 1971. С. 221.

³ Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 432.

французской революции, противопоставивших народный (буржуазный по своей сути) «национализм» прежнему пониманию патриотизма как выражения «дворянской преданности» своему монарху; осознание того, что русские являются наиболее угнетаемым народом Российской империи; осуждение «антинациональных» проявлений в политике Александра I (в частности, его намерения присоединить в 1817 г. к подвластной царской короне польской территории исконно русские земли); неприятие «иностранного засилья» (прежде всего немецкого) в высших слоях царской бюрократии¹. Именно «немецкая централизация» в последние годы правления императора вызвала, по мнению поэта и революционера Н. П. Огарева, ответную реакцию в русских патриотических кругах: «Петербургская централизация была наследие немецкое; вызвав русские силы на свет, она осталась немецкою <...> Немецкая централизация в Петербурге проникнулась духом татарщины и была уродливым соединением кнута с шпигрутенами, грабежа с канцелярией. Противодействующие ей силы выразились в том блестящем меньшинстве, из которого возникло 14 декабря; оно соединяло в себе чутье русского народного социализма с французско-либеральным понятием гражданского права, требовало освобождения крестьян и колебалось между республикой и конституционной монархией»².

Особое влияние на формирование патриотических взглядов декабристов имели события Отечественной войны 1812 г., в которой многие из них приняли участие. Как отметит впоследствии М. И. Муравьев-Апостол, «именно 1812 год, а вовсе не заграничный поход создал последующее общественное движение, которое было в своей сущности не заимствованным, не европейским, а чисто русским»³. «Мы были дети 12 года», – скажут о себе позднее первые революционеры России⁴. Отечественная война 1812 г. оценивалась декабристами как событие, оказавшее решающее влияние на формирование национального самосознания русских. Декабрист И. Д. Якушкин писал: «Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании»⁵. По мнению декабриста А. Е. Розена, «народная война вызвала такую уверенность в народной силе и патриотической восторженности, о коих до того времени никакого понятия, ника-

¹ См.: Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 56; Якушкин И. Д. Записки // Декабристы. Избранные сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 388–389.

² Огарев Н. П. Избр. соч.: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 446–447.

³ Цит. по: Афанасьев В. В. Рылеев. Жизнеописание. М., 1982. С. 300.

⁴ Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 178.

⁵ Записки декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 7.

кого предчувствия не имели»¹. Более сотни будущих представителей декабристского движения участвовали в Отечественной войне 1812 г., 65 человек сражались на поле Бородина². Именно декабристы первыми указали на народный характер этой войны, явившейся, по их мнению, определяющим событием в формировании гражданственности и патриотизма в русском обществе. «Наполеон вторгся в Россию, тогда народ русский ощутил свою силу, тогда пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии народной. Вот начало свободомыслия России», – отметит позднее декабрист А. А. Бестужев³. Яркое проявившийся в годы войны патриотизм русских, стремление к национальной независимости могли бы стать, по мысли декабристов, прочной основой для будущих социальных преобразований. Свержение самодержавной власти, ликвидация крепостнических порядков, социальное освобождение народа рассматривались участниками движения 14 декабря как задачи, от решения которых зависела историческая судьба Российского государства. Тем болезненнее была реакция многих декабристов на бесправное положение народа-победителя. Н. И. Тургенев писал: «Можно ли будет без сердечной горести видеть то, что я всего более люблю и уважаю, русский народ, в рабстве и унижении?»⁴

Декабристы стремились создать собственную патриотическую идеологию, которая служила бы теоретическим обоснованием революционного движения и социальных преобразований в новой России. Как справедливо отмечал историк В. А. Федоров, патриотизм декабристов «коренным образом отличался от официального». По мнению ученого, декабристы «главную свою задачу видели в борьбе с феодально-абсолютистскими порядками и считали, что прогресс нации может быть обеспечен лишь коренными политическими преобразованиями <...> Борьба за эти преобразования рассматривалась ими в первую очередь как глубоко патриотическая задача “спасения” России»⁵. Показательно, что первая декабристская организация называлась «Союз спасения или Союз истинных и верных сынов Отечества» и одной из главных ее задач было «отстранение иноземцев от влияния в государстве»⁶. Патриотическая идея стала одной из

¹ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 56.

² Федоров В. А. Декабристы и их время. С. 40.

³ К истории суда над декабристами // Советские архивы. 1963. № 1. С. 35.

⁴ Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 198.

⁵ Федоров В. А. Декабристы и их время. С. 42.

⁶ Восстание декабристов. Материалы. Документы. М.; Л., 1925–1986. Т. 3. С. 49.

основополагающих компонент в идеологии декабризма. Это находило свое выражение даже в личных документах членов тайного общества. Так, декабрист М. Ф. Орлов в письме С. Г. Волконской подчеркивал: «Прежде всего каждый русский должен быть русским во всем. Во всем должна господствовать идея родины. Именно ей он должен посвятить свои усилия, свои успехи, свои надежды»¹. К. Ф. Рылеев полагал, что для приема нового члена в Северное общество необходимым условием являлась бы «пламенная любовь к России» и готовность пойти «для благ ее <...> на всякое самоотвержение»². Примечательно, что в современной российской историографии обозначилось направление, выделяющее «государственнический» и даже «националистический» характер идеологии декабристов. Так, историк С. М. Сергеев отмечает: «Декабристы, подобно своим отцам, отнюдь не чувствовали себя “лишними людьми”, “государственными отщепенцами” <...> Будущие члены Тайного общества <...> были готовы пойти на прямое неповиновение верховной власти во имя интересов государства, истинными выразителями которых они себя ощущали. Служение Отечеству перестало быть для них синонимом служению монарху, их патриотизм – уже не династический, а националистический, патриотизм *граждан*, а не *верноподданных*»³.

Постреволюционная Россия виделась многим декабристам как государство русского народа. Так, в программном документе Южного общества «Русская правда» (1823), составленном П. И. Пестелем, даже предлагались меры по ассимиляции всех малых народов новой революционной республики с русским народом. Руководитель Южного общества утверждал, что «в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно непременную цель иметь в виду, чтобы составить из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского Государства все были Русские»⁴. Далее П. И. Пестелем указываются «многообразные способы» к достижению поставленной цели «русификации» народов страны: «Средства общие состоят главнейшее в том, чтобы, во-первых, на целом пространстве Российского государства господствовал один только язык Российский (имеется в виду русский язык. – А. К.). Во-вторых: так как ныне существующее различие в названиях народов и племен, Россию наполняющих, всегда составлять будет из

¹ Цит. по: *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований. М., 1975. С. 179.

² Цит. по: *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 462.

³ *Сергеев С. М.* Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 79–80.

⁴ Восстание декабристов. Т. 7. С. 121.

жителей Российского Государства отдельные друг от друга массы и никогда не допустит столь для блага отечества необходимого совершенного в России единства, то чтобы все или различные имена были уничтожены и везде во всеобщее название Русских воедино слиты»¹. Показательно, что русской ассимиляции по данному проекту подлежали и «народы кавказские» (народы Северного Кавказа. – А. К.). Данные народы подразделялись на два разряда: «мирные» (находившиеся под властью России) и «буйные» (сопротивляющиеся русской экспансии). Если первой группе возможно было «дать российское правление и устройство», то вторую, по мнению Пестеля, следовало «силою переселить во внутренность России», сломив их сопротивление и также предоставив ей права российского гражданства².

Эти жесткие меры, предлагаемые автором «Русской правды», не являлись свидетельством его ксенофобии. Как отмечает историк О. И. Киянская, Пестель считал, что «любое национальное своеобразие: культурное, религиозное или политическое – уничтожало принцип равных возможностей. И поэтому народам предоставлялся выбор: либо слиться с русскими, приняв их образ жизни и формы правления, либо испытать на себе много неприятностей – вплоть до выселения из страны»³. В современной российской историографии приводится и другое истолкование «русификаторского» проекта, предлагаемого П. И. Пестелем. По мнению историка Н. Д. Денисовой, подобные взгляды являлись реакцией декабристов на дискриминационную политику, проводимую правительственными кругами империи в отношении русского народа. Автор монографии, посвященной национально-правовым аспектам «Русской правды», отмечает: «Российское правительство начала 19 века <...> старалось по возможности облегчить участь нерусских народов, особенно тех, которые были недавно присоединены. Подобное стремление можно было бы только приветствовать, если бы в результате несоразмерная тяжесть государственных расходов, военных и трудовых повинностей не ложилась преимущественно на русский народ <...> Таким образом, на практике существовала явная диспропорция соотношения прав и обязанностей русского народа и других народов России – не в пользу первого (что представляло собой грубое и недопустимое нарушение принципов, на которых, как считал Пестель, должно быть основано государственное устройство). Принадлежность к русской нации не давала никаких особых преимуществ ни народу, ни знати

¹ Там же.

² Там же. С. 144–145.

³ Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002. С. 225.

<...> Ставя задачу создания единой нации, которая в конкретных условиях данной страны могла означать лишь русификацию, Пестель обязан был учесть это обстоятельство»¹. Конечной целью будущего государственного и национального переустройства для Пестеля являлось «построение единой и неделимой России», в которой все племена и народы сольются в единый русский народ².

Подобный путь решения национального вопроса в «Русской правде» П. И. Пестеля служил в советской историографии декабризма объектом жесткой научной критики. Так, историк Н. С. Прозорова писала о пренебрежительном отношении Пестеля к национальной культуре и национальным языкам народов России³, историк Р. Х. Яхин подчеркивал «дворянскую ограниченность» автора «Русской правды»⁴. Ведущий декабристолог, академик М. В. Нечкина утверждала, что политическая идеология Пестеля, «его взгляды на национальный вопрос носили на себе печать великодержавности»⁵. Б. Карташев и В. Муравьев даже заявили, что «национальный вопрос Пестелем разрешался шовинистически»⁶. Однако, как справедливо отмечает историк Н. Д. Денисова, «у Пестеля же, наоборот, предусмотрено слияние всех народов России в единый русский народ, так что о ненависти и речи быть не может»⁷.

Являясь убежденным сторонником централизованного унитарного государства, П. И. Пестель категорически отвергал принцип федерализма: «Легко убедиться можно в решительном преимуществе неразделимого образования государства над федеративным, особенно применяя оное к России при обширном ее пространстве и большом количестве племен и народов, ее населяющих»⁸. Федеративная форма устройства республики, по мнению автора документа, могла бы стать помехой и для идеологии государственного патриотизма, необходимой для объединения всех граждан страны: «Слово государство при таком образовании будет слово пустое, ибо никто нигде не будет видеть государства, но всякий везде только свою частную область; и потому любовь к отечеству будет ограничиваться любовью к одной

¹ Денисова Н. Д. Национальный вопрос в конституционном проекте П. И. Пестеля «Русская правда». М., 2004. С. 106–107.

² Там же. С. 107.

³ Прозорова Н. С. Политические взгляды П. И. Пестеля. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 14.

⁴ Яхин Р. Х. Государственно-правовые взгляды П. И. Пестеля. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 14.

⁵ Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 83.

⁶ Карташев Б., Муравьев В. Пестель. М., 1958. С. 266.

⁷ Денисова Н. Д. Национальный вопрос. С. 109.

⁸ Там же. С. 126.

своей области»¹. Кроме того, исторический пример «удельной системы» в Древней Руси (эту систему Пестель называл «видом федеративного устройства») показывал, что страна «горькими опытами и долголетними бедствиями жестоко заплатила за сию ошибку в прежнем ее государственном образовании»². Несмотря на то что в другой программе декабристов – «Конституции» Н. Муравьева (1825) первоначально провозглашалась федеративная форма будущего государственного устройства как необходимое средство противодействия чрезмерному усилению центральной власти, в окончательном (третьем) варианте документа принцип федерализма фактически отвергался. Предполагаемые автономные державы превращались в «области, равные нынешним генерал-губернаторствам», а их столицы – в обычные административные центры, подчиненные верховной государственной власти³. Таким образом, к моменту своего выступления декабристские организации склонялись к учреждению унитарной формы государственного устройства после прихода к власти. В «Конституции», как и в «Русской правде», население страны провозглашалось русским: «Русскими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России»⁴. Тот же принцип распространялся и на построение социальной структуры будущего государства: «Названия и сословия однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием Гражданина или Русского»⁵. Каждый гражданин был «обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям отечества и явиться на защиту Родины, когда востребует того Закон»⁶. Показательно, что слова «Родина» и «Русский» во многих теоретических и литературных сочинениях декабристов писались с заглавной буквы.

Следование идеям русского патриотизма нашло свое отражение и в литературном творчестве декабристов. Участники тайных революционных обществ, многие из которых были талантливыми литераторами, обращались в своих произведениях к героическому прошлому русского народа, черпая в нем реальные исторические факты, которые способствовали бы пропаганде в обществе идей свободолюбия, национальной независимости, любви к своей Отчизне. Эти мотивы отчетливо проявились в «Думах» К. Ф. Рылеева («Димитрий Донской»,

¹ Там же.

² Там же. С. 127.

³ См.: *Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 296.*

⁴ Проект Конституции Н. Муравьева // *Декабристы. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1 С. 86.*

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Там же.

«Иван Сусанин», «Волинский»), стихотворениях П. А. Катенина («Мстислав Мстиславич»), А. А. Бестужева («Михаил Тверской») и др. Глубоко патриотическими по своей идейной направленности явились «Письма русского офицера» декабриста Ф. Н. Глинки, повествующие о подвиге русского народа в Отечественной войне 1812 г. В своих пропагандистских сочинениях, написанных для простонародья, декабристы поднимали тему «иноземного засилья» в царской бюрократии эпохи Александра I и в русском обществе того времени, тем самым оценивая существующий политический порядок как антинациональный (например, в агитационной песне «Царь наш – немец русский» К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева)¹.

Уже после подавления восстания 14 декабря 1825 г. участники движения на допросах открыто декларировали свою приверженность патриотической идее как моральной основе своей политической деятельности. Так, в показаниях следственной комиссии поэт и декабрист В. К. Кюхельбекер отмечал: «Взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ Русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного, наконец по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему пред всеми свойственному, я душой скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, быть может, опадет, не принеся никакого плода в нравственном мире!»² Член Общества соединенных славян Я. М. Андреевич заявил следователям: «Желая блага своему отечеству, видя его угнетаемо несправедливостями, решился отыскать причину злополучия моих соотечественников и, найдя, истребить оную, хотя бы самому стоило жизни»³. В своем письме к родителям, написанном незадолго до казни, П. И. Пестель сделал следующее признание, излагающее мотивы его политической деятельности: «Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно любил мое Отечество, я желал ему счастья»⁴. Декабрист А. А. Бестужев в письме Николаю I утверждал, что члены тайного общества решились на переворот, основываясь «вообще на правах народных и в особенности на затерянных русских»⁵. Об униженном положении русских и искусственно создаваемых препятствиях, не позволяющих представителям коренной национальности занимать значимые государственные посты, писал молодому императору П. Г. Каховский: «Мне мало известны способности государ-

¹ К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев // Декабристы. Т. 1. С. 238–239.

² Восстание декабристов. Т. 2. С. 166.

³ Там же. Т. 5. С. 388.

⁴ Бумаги И. Б. Пестеля // Русский Архив. 1975. Т. 4. С. 421.

⁵ Цит. по: Афанасьев В. В. Рылеев. Жизнеописание. С. 300.

ственных людей, но как ревностному сыну отечества простительно надеяться, что у нас, конечно, нашлись бы русские заместить места государственные, которыми теперь обладают иностранцы. Очень натурально, что такое преобладание обижает честолюбие русских и народ теряет к Правительству доверенность»¹.

Идеологи народничества А. И. Герцен и Н. П. Огарев, позиционировавшие себя правопреемниками декабризма, также считали русское население Российской империи ведущей силой революционных преобразований. Историческая роль, которую суждено будет сыграть русскому народу, представлялась теоретикам общинного «крестьянского социализма» как проявление своеобразного «революционного мессианизма»². Так, в статье 1849 г. «La Russie» («Россия») А. И. Герцен утверждал: «Россия приходит к жизни как народ <...> гордый своей силой, в эпоху, когда другие народы чувствуют себя усталыми и на закате <...> Множество народов сошло с исторической сцены, не изведав всей полноты жизни, но у них не было таких колоссальных притязаний на будущее, как у России»³. Герцен предрекал великое будущее России, русскому народу как «молодой» европейской нации, которую еще не затронуло разложение буржуазного «мещанского» Запада и которой суждено сказать свое «новое слово» в социалистическом преобразовании мира: «Национальный элемент, приносимый Россией, – это свежесть молодости и природное тяготение к социалистическим установлениям»⁴. «Просвещенная Европа», по мысли бывшего представителя радикального западничества, после подавления революций 1848 г. исчерпала свой политический и идеологический потенциал: «Роль теперешней Европы кончена; после 1848 года она разлагается с неимоверной быстротой»⁵. Как справедливо отмечал биограф Герцена В. А. Прокофьев, «убежденный в том, что умирающая Европа завещала грядущему миру социализм, Герцен отвернулся от полутрупа, он ищет, откуда придет этот грядущий мир. Именно духовная драма, пережитая Герценом на Западе, заставила

¹ Цит. по: Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 20–21.

² Примечательно, что именно в этом, полвека спустя, обвиняли А. И. Герцена социал-демократические публицисты. Так, Л. Д. Троцкий в своей статье, посвященной 100-летию со дня рождения писателя и революционера (1912), критикуя Герцена за утопические народнические взгляды, назвал его «социальным русофилом» и «провозвестником русского мессианизма». См.: *Троцкий Л. Д. Герцен и Запад (К столетию со дня рождения) // Он же. Политические силуэты. М., 1990. С. 203.*

³ *Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 6. С. 220–221.*

⁴ Там же. Т. 7. С. 255.

⁵ Там же. Т. 12. С. 167.

его повернуться к нему спиной, обратить все свои взоры, возложить все надежды на мир славянский, на Россию»¹.

Осуждая «допетровский» и «петербургский» деспотизм (при общей положительной оценке преобразований Петра I), А. И. Герцен обозначал последний не только как антинародный по своей сути, но прежде всего как антирусский, антиславянский. Характеризуя высший бюрократический слой эпохи Николая I в работе «О развитии революционных идей в России» (1851), ее автор отмечал: «Русское правительство – не русское, но вообще деспотическое и ретроградное. Как говорят славянофилы, оно скорее немецкое, чем русское, – это-то и объясняет расположение и любовь к нему других государств. Петербург – это новый Рим, Рим мирового рабства, столица абсолютизма; вот почему русский император братается с австрийским и помогает ему угнетать славян. Принцип его власти не национален, абсолютизм более космополитичен, чем революция»². Романовская монархия «рода Гольштейн-Готторпов», состоящая в союзе с Австро-Венгрией и Пруссией, покровительствуя «немецким своякам и дядям», являлась, по мнению Герцена, главным препятствием к общеславянскому единству. Это единство может быть достигнуто только в результате социальной революции, когда «сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, славянский мир вступит, наконец, в истинно историческое существование»³. Следуя идее революционного панславизма, Герцен задается вопросом: «Не имеем ли мы право считать Россию зерном кристаллизации, тем центром, к которому тяготеет стремящийся к единству славянский мир, и это тем более, что Россия покуда единственная часть великого племени, сложившаяся в сильное и независимое государство?»⁴ Единая славянская республика – «союз свободных и самобытных народов» – должна будет организована на основе «федерализации», поскольку «централизация» противна «славянскому духу»⁵. Однако именно царизм являлся главным препятствием для естественного исторического тяготения славянских народов к объединению, центром которого могла бы стать Россия. Как подчеркивал А. И. Герцен, «свободная федерация» славян невозможна при самодержавии, поскольку Николай I своей политикой предает интересы братских славянских народов, «предоставляет помощь и золото палачам славян <...> Он боится всякого движения, всякой жизни; он боится национального сознания, он боится пропаганды»⁶.

¹ Прокофьев В. А. Герцен. М., 1987. С. 268–269.

² Герцен А. И. Собр. соч. Т. 7. С. 255.

³ Там же. С. 315.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Там же. С. 315.

⁶ Там же. Т. 6. С. 235.

Другой теоретик революционного народничества М. А. Бакунин, также являвшийся сторонником идеи панславизма и осуждавший германские абсолютистские режимы (к которым он причислял и русский царизм), в отличие от А. И. Герцена, не рассматривал Россию как возможный центр объединения для создания будущей славянской федерации. В своей статье «Основы новой славянской политики» (1849) он утверждал, что политика освобожденного от иноземного порабощения славянства станет не политикой государств, а политикой «независимых свободных людей», которые «основывают свое новое могущество на неразрывном и братском союзе всех народов, составляющих славянское племя, и не будут искать никакой другой централизации, кроме той, которая вытекает из соединения всех славян»¹. В статьях Бакунина конца 1840-х – начала 1850-х гг. все отчетливее стали проявляться элементы революционного анархизма, отрицалась идея государственности, объединение славянских народов сводилось к созданию абстрактной свободной федерации с общим гражданством. В противоположность этой точке зрения, А. И. Герцен в «Письме русского к Маццини» (1849) подчеркивал ведущую роль России как «сильного и независимого государства» в сплочении славянских народов после революции. «Россия – это организованный славянский мир, это славянское государство. Именно ей должна принадлежать гегемония», – писал он². Примечательно, что тремя годами ранее, указывая на «искусственный» характер и «без-

¹ Цит. по: Бутаков Я. А. Бакунин М. А. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 36–37.

² Герцен А. И. Собр. соч. Т. 6. С. 235. Тем не менее столицей будущей общеславянской федерации А. И. Герцен предполагал не Москву или какой-либо другой российский город, а Константинополь, находящийся на стыке славянской и восточной цивилизаций. В письме к английскому поэту и издателю В. Линтону («Старый мир и Россия», 1854) Герцен писал об этом: «Время славянского мира настало <...> Где водрузит он свое знамя? К какому центру он тяготеет? <...> Ни Вена, город рококо-немецкий, ни Петербург, город новонемецкий, ни Варшава, город католический, ни Москва, город голько русский, – не могут претендовать на роль столицы объединенных славян. Этой столицей может стать Константинополь – Рим восточной церкви, центр притяжения всех славяно-греков, город, окруженный славяно-эллиническим населением» (Там же. Т. 12. С. 199). Парадоксальным образом суждение Герцена совпало со взглядами его давнего оппонента – консервативного мыслителя, историка и идеолога панславизма М. П. Погодина, также считавшего Константинополь возможной столицей будущего единого славянского государства (так называемого Дунайского союза), но организованного на совершенно иных социально-политических началах, под эгидой русского православного царя. См.: Багдасарян В. Э. Панславизм // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 342.

национальность» Австрийской империи, друг Герцена, литературный критик В. Г. Белинский также писал о той роли, которая предназначена историей России – единственному независимому славянскому государству: «Мы скажем, что решительно не верим в возможность крепкого политического и государственного существования народов, лишенных национальности, следовательно, живущих чисто внешнею жизнью. В Европе есть одно такое искусственное государство, склеенное из многих национальностей; но кому же не известно, что его крепость и сила – до поры и времени? Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство... В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль»¹.

В годы Крымской войны, несмотря на враждебные выпады в свой адрес английской, французской и немецкой печати, революционер-эмигрант А. И. Герцен постоянно подчеркивал, что остается патриотом, верящим в великое будущее русского народа, призванного сплотить славянство в революционной борьбе. Так, в своей речи «Народный сход в память Февральской революции», произнесенной в Лондоне в феврале 1855 г., Герцен в ответ на выдвинутые против него «бургграфами революции» обвинения в панславизме и приверженности к России и «русскости» заявил: «Мне стали ставить в укор любовь мою к славянам, мою веру в величие их будущности, наконец, самую мою деятельность <...> Доселе никогда еще не требовали ни от одного выходца или изгнанника, чтобы он ненавидел свое племя, свой народ <...> Если б я ненавидел русский народ, если б я не верил в него, меня бы не было здесь»². По свидетельствам современников, речь Герцена, посвященная революционному движению в России, произвела огромное впечатление на западную аудиторию³. Внимательно следивший за драматическими событиями Крымской кампании «лондонский изгнанник» с восхищением писал о подлинном героизме русских солдат, противопоставляя его политическому режиму Николая I с его псевдопатриотической риторикой: «Год, который был так беспощаден для царя (1855 г. – А. К.), показал нам снова неисчерпаемую, здоровую мощь русского народа. Как все это странно и полно глубокого значения! Русь оживала в то время, как он отходил, и отходил от того, что *не имел веры в свой народ*. Он знал

¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 8. С. 195.

² Герцен А. И. Собр. соч. Т. 12. С. 254.

³ Там же. С. 533–534.

Альму и Евпаторию¹, но крымской Сарагосы², но богатырской защиты Севастополя не предвидел <...> Воздух 1612 и 1812 годов повеял в России при вести о неприятельском нашествии, и ни один человек не поверил турецко-крестовому походу за “просвещение и свободу”³. Как полагал А. И. Герцен, события войны послужат существенной политической активизации российского общества⁴.

Стремление к объединению всех оппозиционно настроенных к николаевской «немецкой» монархии русских патриотов привело А. И. Герцена к мысли о возможном союзе сторонников «крестьянского социализма» со славянофилами. Призывая своих недавних оппонентов оставить «ставшую отныне ребяческую борьбу, соединиться во имя России, а также во имя независимости», Герцен обозначает ту идеологическую основу, на которой, по его мнению, мог бы состояться политический союз: «А социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, – разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку»⁵. Несмотря на явный утопизм этого предложения следует отметить, что надежды Герцена привлечь на сторону русских социалистов бывших «друзей-врагов» из славянофильского лагеря имели под собой определенную основу. Славянофилы, как и их недавние оппоненты – революционные западники 1840-х гг., перешедшие в последние годы николаевского царствования на позиции русского патриотизма и панславизма (А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин), выступали за самобытный путь развития России и русского народа, являлись сторонниками крестьянского общинного устройства как основы хозяйственной и социальной жизни деревни, обличали крепостнические порядки и «душевредный деспотизм» петербургской власти. Политический режим имперской России оценивался славянофилами как антинациональный по своей сути. И. С. Аксаков писал: «Детищам петербургского периода нашей истории ненавистнее всего <...> не революционеры, но люди, стоящие за

¹ Речь идет о сражении с силами англо-французского экспедиционного корпуса при реке Альме в Крыму (сентябрь 1854 г.), в котором русская армия потерпела поражение, а также ее неудачное наступление на Евпаторию (февраль 1855 г.).

² Севастополь А. И. Герцен уподобил испанскому городу Сарагосе, героически оборонявшемуся в 1808–1809 гг. от наполеоновских войск.

³ Лозунгом борьбы за «просвещение и свободу» французский император Наполеон III стремился обосновать свою интервенцию против России.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 12. С. 308.

⁵ Там же. Т. 7. С. 248.

русскую народность»¹. Ему же принадлежат слова, характеризующие положение русского народа в империи: «Народ и не подозревает, что он служит только орудием для исполнения замыслов, направленных против существенных интересов русской земли и русской народности, он и не подозревает, что он, в сущности, презираем. Его разумению недоступны те хитросплетенные узы, которыми опутывается его свобода, его жизнь, весь духовный мир России»². Другой теоретик славянофильства И. В. Киреевский указывал, что в имперской России «мнению русскому, живительному, необходимому для правильного здорового развития всего русского просвещения, не только негде было высказаться, но даже негде было образоваться»³.

При всей схожести оценок положения русских в Российской империи, приверженности идее социального освобождения народа, неприятия «немецкого» петербургского деспотизма, стремлении видеть в крестьянской общине основу для будущей организации национальной и хозяйственной жизни государства предполагаемый А. И. Герценом союз между его сторонниками и представителями «московского» славянофильского кружка не мог состояться в принципе. Герцен и его единомышленники выступали за революционное преобразование России на основах «крестьянского социализма», в то время как славянофилы являлись сторонниками постепенного решения крестьянского вопроса путем «реформ сверху». Преклонение перед личностью «коронованного революционера» Петра I⁴ (при всем сугубо отрицательном отношении к построенной им «немецкой» империи), пропаганда современных западных просветительских идей, призывы к объединению с революционными силами Европы в борьбе за установление республиканской формы правления на территории бывших монархий, наконец, атеистическое мировоззрение Герцена – все это не могло способствовать объединению сторонников воссоздания «допетровской» православной Руси с идеологами «русского социализма». Вместе с тем следует отметить, что представители славянофильства приняли деятельное участие в общественном движении второй половины 1850-х – начала 1860-х гг., используя для пропаганды своих идей возможности «Вольной русской типографии». Так, И. С. Аксаков в 1858–1863 гг. тайно посылал корреспонденции для лондонских изданий А. И. Герцена⁵. Во второй

¹ Цит. по: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 248.

² Там же. С. 214.

³ Цит. по: *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. М., 1986. С. 259.

⁴ *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 170.

⁵ *Ворохин И. А.* Аксаков И. С. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. С. 16.

половине 1850-х гг. своеобразным «информатором» и негласным сотрудником герценовских изданий являлся один из ведущих идеологов славянофильства Ю. Ф. Самарин¹.

Отдавая должное деятельности славянофилов 1840–1850-х гг., являвшейся самобытным проявлением формирующегося общественного и национального сознания в годы николаевского царствования, А. И. Герцен впоследствии отметит: «С них начинается *перелом русской мысли*. И когда мы это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в пристрастии. Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была *одна любовь, но неодинакая*. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы – за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*»². Один из ведущих теоретиков революционно-демократического направления 1850-х – начала 1860-х гг. Н. Г. Чернышевский, не являвшийся сторонником общественно-политической концепции, которой придерживались славянофилы, вместе с тем указывал, что их идеи – своеобразное и новое выражение патриотической и социальной мысли, отличающееся от традиционных западных учений, оправдывающих власть капитала. В статье «Заметки о журналах» (1857) он писал: «Человек, любящий родину и принимающий выводы науки на Западе, должен, однако же, сказать, что столь общее отрицание всякой справедливости в славянофильстве неосновательно. Если уж должно делать выбор, то лучше славянофильство, нежели та умственная дремота, то отрицание современных убеждений, которое часто прикрывается эгидою верности западной цивилизации, причем под западную цивилизацию понимаются чаще всего системы, уже отвергнутые западной наукою, и факты, наиболее прискорбные в западной действительности, например, порабощение труда капиталу, развитие искусственных потребностей, удовлетворяемых роскошью и т. д.»³

В трудах ведущих теоретиков народничества 1860–1870 гг. П. Н. Ткачева и П. Л. Лаврова социализм «утратит» свои специфические «русские» черты и будет рассматриваться как сугубо интернациональная идеология. Так, в своей статье «Революция и принцип национальности» (1878) П. Н. Ткачев подчеркивал:

¹ Прокофьев В. А. Герцен. С. 362.

² Герцен А. И. Собр. соч. Т. 9. С. 170.

³ Цит. по: Ланщиков А. П. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1989. С. 145, 147.

«Невозможно в одно и то же время быть социалистом и оставаться националистом; между принципом социализма и принципом национальности существует непримиримый антагонизм»¹. Другой революционер-народник П. Л. Лавров утверждал, что национальность – «не более, как случайное пособие или случайная помеха деятельности социализма»². Теоретик «революционного панславизма» М. А. Бакунин с конца 1860-х гг. становится сторонником всемирного братства народов (см. его работу: «Федерализм, социализм и антитеологизм», 1869 г.).

Первая половина XIX столетия – время становления революционного движения в России. Основывающаяся на просветительских, а позднее и на социалистических западных учениях, идеология этого движения в условиях самодержавия получила свое патриотическое выражение как национальное и демократическое. Патриотическая идея приобрела качественно иное, противоположное официальному идеологическому курсу содержание, согласно которому главным ее «носителем» провозглашались не царствующая династия и ее политические институты, а сам народ. Русский патриотизм, ярко выраженный в идеологии декабристов, в произведениях В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, являлся не только признанием исторической роли русского народа, но и реакцией на его социальную и национальную дискриминацию в Российской империи. Русские, как наиболее угнетаемая самодержавной властью нация, должны были стать движущей силой будущего революционного переворота и главенствующим этносом нового государства (унитарной русской республики – по проекту П. И. Пестеля, политическим центром общеславянской федерации, как полагал А. И. Герцен). Отвергая официальную версию истории России как идеологическое обоснование деспотической власти, декабристы, В. Г. Белинский, А. И. Герцен предрекали великую будущность русскому народу как главной силе грядущих революционных преобразований, опирающейся на традиции социальной и национально-освободительной борьбы. Следует также отметить, что эта концепция в корне отличалась от антипатриотических и нигилистических оценок оппозиционно настроенной к самодержавию интеллигенции, отвергавшей прошлое и ставящей под сомнение историческое будущее русского народа. В 1860–1870-е гг. русская революционная идеология утратила свое патриотическое содержание.

¹ Цит. по: Вдовин А. И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1996. С. 48.

² Там же. С. 47.

К концу XIX столетия под влиянием западноевропейского марксистского учения в среде российской радикальной интеллигенции распространяется сугубо интернационалистская трактовка социализма, ведущей силой и созидателем которого провозглашался «международный пролетариат». Однако в условиях многонациональной Российской империи при наличии наиболее многочисленного «государствообразующего» народа русский («великорусский») вопрос, а также непосредственно связанные с ним вопросы отношения к патриотической идее и государству, оказали самое существенное влияние на идеологию и тактику революционной борьбы.

Глава IV. ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЗМА, НАЦИОНАЛИЗМА И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА В ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Идеологией международного социал-демократического движения рубежа XIX–XX вв. был марксизм. Его наиболее общим программным документом являлся «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Важнейшим принципом революционного рабочего движения он провозглашал пролетарский интернационализм, ибо кроме солидарности у рабочих нет иного оружия в борьбе за власть. Поэтому текст «Манифеста» подытоживался лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹. Революционный процесс виделся как мировая пролетарская революция. Принцип пролетарского интернационализма требовал учета национальных задач пролетариата, поскольку «пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией»². В ответ на обвинения в адрес коммунистов, будто они хотят отменить отечество и национальность, авторы «Манифеста» заявляли: «Рабочие не имеют отечества», потому что эти «отечества» созданы буржуазией, но, добываясь политической власти, пролетариат «национален», стремится «конституироваться как нация»³. Вместе с тем «национальная обособленность и противоположность народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни», пролетарская революция приведет к их исчезновению⁴.

В основании Международного товарищества рабочих (1864–1876) реализовывались вышеуказанные принципы, Генеральный совет товарищества много внимания уделял поддержанию интернацио-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 459.

² Там же. С. 435.

³ Там же. С. 444.

⁴ Там же.

нальных связей. Основой организационной структуры Товарищества стала национальная секция по принципу государственной принадлежности, ибо «успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией»¹. В рамках товарищества в 1869–1872 гг. действовала Русская секция². Не относительно нее, в силу ее малочисленности (хотя для России это тоже было более чем актуально), сложной организационной проблемой в Товариществе стало создание секций в странах, разделенных языковыми барьерами, – Швейцарии, Бельгии, США. Маркс решительно выступал против «произвольных объединений по языку вместо действительных объединений по государствам и национальностям»³. Решение проблемы было найдено в создании в пределах таких государств федераций национальных секций во главе с национальным (федеральным) советом. К определению позиций Товарищества в вопросах межнациональных отношений, войны и мира Маркс и Энгельс всегда подходили с точки зрения борьбы пролетариата за свое социальное освобождение. Так, они считали, что победа польского национально-освободительного движения нанесет серьезный удар контрреволюционным правительствам России, Пруссии и Австрии, участвовавшим в разделе и угнетении Польши и тем самым будет способствовать успеху социальной революции в Европе. Сама идея создания международной организации рабочих возникла на митинге солидарности с героическими польскими повстанцами в июле 1863 г. С другой стороны, под влиянием Прудона среди его приверженцев в Товариществе имело место нигилистическое отношение к национальному вопросу вообще и к борьбе поляков за свое освобождение в частности. В серии статей «Какое дело рабочему классу до Польши?», опубликованной весной 1866 г., Энгельс обосновал непримиримое отношение пролетариата к политике национального угнетения. На примере Пруссии он показал, что участие в разделе Польши привело к усилению внутренней реакции в этой стране, развило в немецкой буржуазии дух воинствующего национализма и шовинизма. Поэтому рабочий класс Германии прямо заинтересован в восстановлении независимости Польши, должен руководствоваться «старым положением демократии и рабочего класса о праве крупных европейских наций на отдельное и независимое существование»⁴. Требование

¹ Маркс К. Временный Устав Товарищества // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 14.

² См.: Козьмин Б. П. Русская секция первого Интернационала. М., 1957.

³ Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 27 июля 1869 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 281.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 161.

освобождения Польши должно входить и в политическую программу российского рабочего класса¹. Маркс развил эту мысль в 1870 г., обращаясь к Русской секции Товарищества: «Работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата»². Аналогичные идеи Маркс высказывал об освободительной борьбе ирландцев.

На этапе становления европейских рабочих партий Маркс и Энгельс принимали участие в разработке их программных документов. Так, одним из замечаний Маркса на Готскую программу германской социал-демократии (1875) было указание на отсутствие в ее проекте указания на принцип интернациональности рабочего движения³. Замечание это было учтено, но все же в окончательном тексте программы было записано, что «рабочий класс действует для своего освобождения, прежде всего, в рамках современного национального государства, сознавая, что необходимым результатом его стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет международное братство народов»⁴. Сам Маркс во введении к программе Французской рабочей партии (1880) сформулировал принцип интернационализма так: «освобождение класса производителей есть освобождение всего человеческого рода, без различия пола и расы»⁵.

В целом для международной социал-демократии было характерно пассивное ожидание разрешения национального вопроса в процессе социальных преобразований и революции.

Зарождение российской социал-демократии относится к началу 1880-х гг. Почти синхронно в 1881–1882 гг. марксистские группы начали складываться в Варшаве, Петербурге и в среде российской эмиграции. В программе зарубежной группы «Освобождение труда» (1884) Г. В. Плеханов декларировал признание группой «великих принципов бывшей “Международной ассоциации рабочих”», в том числе интернационального характера рабочего движения и предстоящей пролетарской революции, а поэтому необходимость «солидар-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 158.

² Там же. С. 427.

³ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 22–23.

⁴ Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / под ред. П. И. Острикова. М., 1985. С. 15.

⁵ Маркс К. Введение к программе Французской рабочей партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 246.

ности производителей»¹. Что же касается конкретных требований, то интересующему нас вопросу в программе был посвящен 6-й пункт, требовавший полной равноправности «всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения». К этому пункту Плеханов сделал примечание: «Этот пункт логически заключается в 4 §, требующем, между прочим, полной свободы совести; но мы считаем нужным оттенить его ввиду того, что теперь существуют у нас целые слои населения, как, например, евреи, не пользующиеся даже теми жалкими “правами”, которые предоставлены другим обывателям»². В неопубликованном тексте, написанном еще весной 1882 г., соратник Плеханова П. Б. Аксельрод специально анализировал «еврейский вопрос». Он указывал на слишком большую абстрактность, хотя и формальную справедливость утверждения, что «вопроса еврейского не существует, а есть только вопрос освобождения рабочих масс всех наций, в том числе и еврейской», и что он разрешится «с наступлением торжества социализма»³. Благодаря продолжавшимся еврейским погромам выяснилось, что, во-первых, «евреи, как нация, занимают в России совершенно исключительное положение и ненавидимы большинством самых разнообразных слоев христианского населения»; во-вторых, социалисты, исходя из верного принципа интернационализма, совершили ошибку, упустив из виду реальное положение вещей; в-третьих, в отличие от Германии в России социалистам нельзя «так игнорировать в своей деятельности специально еврейскую массу», потому что русское население еще очень далеко «от понятий о солидарности низших классов разных национальностей»⁴. В решении «еврейского вопроса» социалисты должны исходить из классового принципа. Их должна интересовать судьба лишь «низших классов еврейского населения, а не вопросы о “национальном возрождении еврейства” или о восстановлении еврейского государства». Речь должна идти о борьбе с евреями-капиталистами. Вплоть до того, что Аксельрод допускал возможность перенаправлять толпы погромщиков «на одни богатые еврейские квартиры и преимущественно на таких богачей, как Бродские, Поляковы, Гинзбурги и т. д.»⁵. С точки зрения Аксельрода, радикальное решение «еврейского вопроса» в России состоит, с одной стороны, в превращении еврейской массы

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 372.

² Там же. С. 374.

³ Аксельрод П. Б. О задачах еврейско-социалистической интеллигенции // Из архива П. Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 406.

⁴ Там же. С. 409.

⁵ Там же. С. 413, 415.

«из посреднического и непроизводительного элемента в класс представителей разнообразных отраслей физического труда», с другой – «в возможно большем слиянии этой массы с соответствующими слоями “коренного” населения»¹. Для решения первой задачи необходимо добиться для евреев права свободного переселения и жительства по всей России и «замены абсолютизма свободными политическими учреждениями». Слияние евреев с «христианским населением» станет возможным только, когда «реформы откроют некоторый простор для более быстрого политического и интеллектуального развития низших классов в России вообще»². Независимо и синхронно с группой «Освобождение труда» в Петербурге сложилась группа «Партия русских социал-демократов», лидером которой, между прочим, был болгарский студент Димитр Благоев. Группа разработала свою программу и переслала ее за рубеж. В ней формулировалось требование «уравнивания прав подчиненных национальностей с преобладающей народностью»³. Плеханов подверг критике этот текст и разработал свой вариант, известный под названием «Второй проект программы русских социал-демократов». В нем в улучшенной редакции содержались вышеприведенные декларация принципа интернационализма и требование равенства всех граждан России⁴.

Знаменательно, что организационное оформление группы «Освобождение труда» шло в связи с формированием польской социал-демократической организации «Пролетариат». В 1880 и 1883 г. В. И. Засулич, имевшая польские корни, от имени русских революционеров выступала с приветствиями на международных митингах в Женеве, организованных польскими эмигрантами в годовщины польских восстаний. В эти же годы Л. Варыньский и Ш. Дикштейн тесно общались с Плехановым, Дейчем и Засулич, вместе углубленно изучали марксизм⁵. В дальнейшем члены группы «Освобождение труда» поддерживали тесные связи с Ц. Войнаровской, Станиславом и Марией Мендельсонами⁶. Программное воззвание «Пролетариата»

¹ Аксельрод П. Б. О задачах еврейско-социалистической интеллигенции. С. 413.

² Там же. С. 414.

³ Начало рабочего движения и распространение марксизма в России (1883–1894 гг.). Документы и материалы. М., 1960. С. 237.

⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. I. С. 377–378, 380.

⁵ Орехов А. М. Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874–1893 гг.). М., 1979. С. 87–90, 105, 111.

⁶ Из архива группы «Освобождение труда». М., 2010. Вып. 1. С. 52–54, 168, 284, 294, 307, 315 и др.

призывало польских рабочих морально и идейно освободиться от враждебных их классовым интересам националистических традиций, а в качестве конкретных требований указывало на «полную свободу вероисповеданий и наций» и «международную солидарность как гарантию всеобщего мира»¹. В организационных принципах «Пролетариата» эта позиция выразилась в признании его составной частью общероссийского революционного движения и желании на основе федеративной связи войти в состав общероссийской социально-революционной организации².

Однако, как и в международном социал-демократическом движении в целом, для революционеров России была характерна очень абстрактная постановка национального вопроса. Между тем империя была полинациональна, что не могло не проявиться в социалистической идеологии. В этом смысле представляется весьма знаменательным различия в отношении российской эмиграции к своему Отечеству. Если Плеханов и Засулич всем сердцем стремились вернуться на родину, готовы были ради этого рисковать жизнью (тяжело больной Плеханов совершил личный подвиг в 1917 г., вернувшись в Россию, Засулич на рубеже 1899–1900 гг. несколько месяцев нелегально провела в России, а вернувшись на родину в 1905 г., наотрез отказалась вновь эмигрировать в 1907 г.), то для Аксельрода Отечеством был Интернационал, и в отличие от своих товарищей он стремился получить швейцарское гражданство. Б. Н. Кричевский откровенно заявлял, что не желает возвращаться в Россию (что не помещало ему сохранить русский паспорт, по которому он въехал в Россию летом 1917 г.). И совсем уж цинично звучал вопрос Парвуса (А. Л. Гельфанд), адресованный В. Либкнехту: «Я ищу Отечество; где можно получить Отечество за дешевые деньги?»³

Неудовлетворенность абстрактной постановкой национального вопроса привела к появлению в России организаций, одновременно заявлявших и о своей приверженности принципам международной социал-демократии, и о своем национализме. Такой националистический разворот произошел в польском социалистическом движении. Уже в рамках первого «Пролетариата» наметились расхождения по вопросу об отношении к национально-освободительным задачам. Полное их игнорирование существенно суживало социальную базу движения. Второй «Пролетариат» уже не ограничивал себя деятельностью только на территории русской Польши. Разгром «Народной

¹ Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. С. 292, 294.

² Орехов А. М. Становление польского социалистического движения. С. 153.

³ Парвус. Правда глаза колет! Стокгольм, 1918. С. 6.

воли» дал возможность полякам говорить о прекращении существования в России революционного движения и об авангардности польского движения. Что в законченном виде выразилось в программных установках Польской социалистической партии (1892) вплоть до приоритетности национальных задач, восстановления «Великой Польши», сепаратизма по отношению к русскому революционному движению¹. В то же время менее крупные польские организации «Союз польских рабочих», а затем Социал-демократия Королевства Польского (СДКП) сохраняли верность интернациональным принципам первого «Пролетариата». Группа «Освобождение труда», представлявшая тогда общероссийское течение в социалистическом движении, не смогла выработать принципиальной позиции к этим явлениям. С будущим руководством СДКП Плеханов поссорился по сугубо личным причинам и, очевидно, в пику Я. Тышке, Р. Люксембург и Ю. Мархлевскому продолжал поддерживать личные контакты с Мендельсоном, хотя, конечно, национализм последнего его и возмущал. Так же «непублично» осуждалась позиция армянской эмигрантской группы «Гнчак». В этой позиции было много от народнического представления об обязанности отдать «долг народу», выражавшейся примерно в таком рассуждении: «русский царизм веками угнетал народы, поэтому русские социалисты должны снисходительно смотреть на их неизбежно выработавшийся национализм, который может быть преодолен только солидарной борьбой с царизмом». В 1890-е гг. для группы «Освобождение труда» на поле взаимоотношений между народами гораздо более важной представлялась задача представительства России на международных социалистических конгрессах, в форме которых первоначально шел процесс создания нового Интернационала. Плеханов и Аксельрод участвуют уже в первом таком конгрессе в Париже в 1889 г., причем в своей речи на конгрессе Плеханов говорил о «гносной роли», которую играл русский абсолютизм в истории Западной Европы, о том, что русские цари – «коронованные жандармы» Европы, что поэтому сближение «революционной России» с «социалистической Европой» принесет большую пользу всемирному социалистическому движению, «торжество революционного движения в России было бы торжеством европейских рабочих»². В это же время Засулич выступила с брошюрой по истории Первого Интернационала³ – истинным панеги-

¹ Орехов А. М. Становление польского социалистического движения. С. 167, 197, 322.

² Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 419, 420.

³ Засулич В. И. Очерк истории Международного общества рабочих. Женева, 1889. (Засулич В. И. Избранные произведения. М., 1983. С. 41–107).

риком международной солидарности рабочих, а Ф. Энгельс вскоре после конгресса разрешил опубликовать свою статью о внешней политике царизма в издававшемся Плехановым обозрении «Социал-демократ»¹, где детально развил тезис Плеханова о «гнусной роли» русского абсолютизма.

На Международном социалистическом конгрессе в Цюрихе в 1893 г. Плеханов выступал на пленарном заседании от имени комиссии по военному вопросу. Он заявил, что «уже давно пора покончить с русским царизмом, позором всего цивилизованного мира, с постоянной опасностью для европейского мира и прогресса культуры»². Вместе с тем Плеханов, а вслед за ним и конгресс в целом, не поддержал предложение об антимилитаристской всеобщей стачке, поскольку вряд ли удастся во всех странах выступить вполне синхронно, а тогда какие-то государства получают военные преимущества. Равным образом, он был решительным противником организации «крестового похода против северного деспота», поскольку «кровь пролетариата слишком дорога»³. Выступления Плеханова на конгрессе вызвала бурю эмоций. Делегаты Голландии и часть французов обвинили его чуть ли не в шовинизме⁴. Но большинство поддержало Плеханова, дополнив знаменитую резолюцию Конгресса 1889 г. о праздновании Первого мая предложением включить в первомайские лозунги требования мира и борьбы с милитаризмом.

На Конгрессе в Лондоне в 1896 г. российские социал-демократы имели уже весьма многочисленную делегацию. Помимо Плеханова, Засулич и Аксельрода в нее входили также Р. М. Плеханова, Парвус, Б. А. Гинзбург, В. А. Бухгольц, а негласно – тайно прибывшие из России А. Н. Потресов и П. Б. Струве. Конгресс принял специальную резолюцию, приветствующую русских революционеров. С этого момента представители России получили в Интернационале вполне законную и постоянную «прописку»⁵. Когда в 1900 г. приступило, наконец, к работе в качестве исполнительной структуры Интернационала Международное социалистическое бюро, постоянное представительство в нем получили и российские социал-демократы – сначала Плеханов и Кричевский, а затем и В. И. Ленин.

¹ Энгельс Ф. Иностранная политика русского царства // Социал-демократ. Женева, 1890. Кн. 1–2 (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 11–52).

² Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Л., 1927. Т. IV. С. 331.

³ Там же. С. 162.

⁴ Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 135.

⁵ См.: Свалов А. Н. Секция России на Лондонском конгрессе II Интернационала (1896 г.) // Научные ведомости. 2010. № 1. Вып. 13. С. 163–169.

В самом же их Отечестве национальные взаимоотношения выглядели совсем не так радужно. Конечно, в крупных промышленных центрах социал-демократические организации строились по интернациональному принципу. Да и на ряде национальных окраин он тоже не нарушался. Так, в деятельности первой грузинской социал-демократической группы «Мессаме-даси» на первый план выдвигались просветительские задачи: приобщение трудящихся к богатствам русской культуры. Такая же постановка работы была характерна первоначально для социал-демократов в черте еврейской оседлости. Однако поиск способов расширения своего влияния на население «черты» подтолкнул их к переводу своей агитации на идиш. Это привело к быстрому росту организаций за счет неграмотных ремесленников и рабочих, успешному проведению относительно крупных стачек, в конечном счете к оформлению национальной организации Бунд. Все это получило теоретическое обоснование в первомайской речи Ю. О. Мартова в 1895 г. в Вильно. Говоря о насущных задачах рабочего движения, на первый план он выдвигает задачу интеллектуальной эмансипации из-под влияния буржуазии, в том числе идеологии патриотизма. При этом патриотизм понимался им антиисторично и с узко классово-позиции. Он знает только «“воинствующий патриотизм”, который стремится весь мир разрушить и разгромить в интересах родины»¹. Однако и интернационализм им понимается, мягко говоря, своеобразно. Вся вторая часть его речи посвящена обоснованию необходимости для евреев национальной рабочей организации. Аргументы им выдвигаются следующие: движение станет более демократичным; более «материалистичным» (в смысле приспособления к потребностям массы); более самостоятельным по отношению к еврейской буржуазии; даст возможность нивелировать теперешнюю «слабость русского движения»; у русских и польских рабочих много своих собственных проблем и они легко пожертвуют специальными еврейскими интересами². Предвосхищая обвинения в национализме, он заявляет, что социализм международен, а классовая борьба ведет к стиранию национальных границ и слиянию народов, но путь к этому лежит через завоевание каждой нацией полной равноправности. Пробуждение национального и классового самосознания должно идти рука об руку и это не есть буржуазный национализм³. Вся последующая деятельность Мартова показывает, что сам он был чужд национализму и эта его речь – лишь эпизод его политической биографии. Она явилась следствием восторженного вос-

¹ Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. М., 2010. С. 38.

² Там же. С. 40–46.

³ Там же. С. 46.

хищения юноши сиюминутными успехами. Сам Мартов сожалел о своих высказываниях, но для формирующегося Бунда они явились чуть ли не теоретическим обоснованием своей собственной необходимости и исключительности. Без разрешения автора бундовцы опубликовали речь Мартова, отбывавшего тогда ссылку в Сибири, в виде брошюры «Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения», добились на I съезде РСДРП признания автономности своей организации к партии¹. Причем эта автономность толковалась ими очень широко, вплоть до самостоятельного представительства в Интернационале². И в первые годы XX века все тому же Мартову пришлось сломать немало копий в спорах с лидерами Бунда по вопросу, нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату. В частных письмах в ЦК и ЗК Бунда Мартов прямо определял эту позицию как национализм. В статьях в «Искре» он был более «дипломатичен», заявляя, что «весь российский пролетариат обречен на бессилие, если распадется на ряд «независимых» политических партий, организованных в пределах одного района или среди одной национальности». Такой распад законсервирует «атмосферу кустарнических точек зрения, местных интересов и микроскопических “задач”»³. И дело касалось не только Бунда. Вслед за ним к федеративному принципу построения партийной организации склонялись и другие национальные организации – литовцы, латыши, армяне, украинцы, ППС–Пролетариат. Редакция «Искры» считала такой принцип недопустимым. При этом, как показано выше, он вовсе не противоречил международной практике. Вероятно, редакция опасалась, что при признании этого принципа в условиях полинациональной России никакого внутрипартийного единства достичь невозможно. Эти споры были подытожены резолюцией Второго съезда РСДРП о месте Бунда в партии (на съезде вопрос рассматривался одним из первых). В ней было сказано о «недопустимости» федеративных отношений, но признавалась известная автономность Бунда⁴. В итоге Бунд из РСДРП вышел.

В те же годы выработывалась программа РСДРП. Сразу заметим, что острый конфликт внутри редакции «Искры» по программным вопросам совершенно не коснулся интересующих нас сюжетов. В части требований по национальному вопросу она явилась в наибольшей степени результатом коллективного консенсуса. Наибольший

¹ Первый съезд РСДРП. Март 1898 года. Документы и материалы. М., 1898. С. 82.

² Бунд. Документы и материалы... С. 317.

³ *Мартов Л.* Единая русская социал-демократия и интересы еврейского пролетариата // Искра. № 36. 1903, 15 марта. С. 8, 9.

⁴ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 428.

вклад в разработку этой части внесли П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов, а затем и делегаты Второго съезда. В центре внимания Плеханова и Ленина была принципиальная часть программы (программа-*maximum*) и аграрный вопрос. В результате были сформулированы конкретные требования, отсутствующие не только в предшествующих программных документах российских социал-демократов, но и в эталонной тогда Эрфуртской программе СДПГ¹. В окончательном виде программа РСДРП 1903 г. традиционно для социал-демократов открывалась констатацией международного характера рабочего движения и пролетарской революции. Применительно же к ближайшим задачам российской партии не предопределялся федеративный характер будущей демократической республики, но выдвигалось требование «областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения». Программа требовала равноправия всех граждан «независимо от пола, религии, расы и национальности», равноправия всех языков, включая право граждан получать образование на родном языке, объясняться на родном языке в государственных и общественных учреждениях, и «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»². Последнее требование не было поддержано делегацией СДКПиЛ, и эта организация в состав РСДРП не вошла. Ее программа настаивала только на «государственной автономии для Польши»³. Равным образом, не был согласен с этой частью программы РСДРП и Бунд, отстаивая австро-марксистскую программу экстерриториальной национально-культурной автономии, под которой понималось «изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и пр.) и передача их нации в лице особых учреждений...»⁴.

Следующим шагом в разрешении проблемы соотношения патриотизма и интернационализма российскими социал-демократами стала разработка тактики РСДРП по отношению к Русско-японской войне 1904–1905 гг. Они исходили из того, что «действительным условием всеобщего мира» явится только уничтожение эксплуатации⁵ и что непрременной обязанностью социал-демократов является борьба против

¹ См. ее текст: Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США... С. 28–32.

² Второй съезд РСДРП. Протоколы... С. 418, 421.

³ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 15.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 557.

милитаризма, а если началась война – за мир. Решение проблемы по отношению не к абстрактной, а к конкретной войне привело к оформлению нескольких позиций. Конечно, все фракции РСДРП осудили войну как не отвечающую национальным интересам России и несправедливую с обеих сторон. Осудили они и патриотические выступления российских либералов. Все они были «пораженцами» – в том смысле, что не желали побед русскому оружию. Но дальше начинались оттенки. Большевики не скрывали своего пораженчества, хотя и не призывали к саботажу, диверсиям и т. п. Меньшевики считали, что даже словесные декларации в пользу Японии способны подрывать доверие народа к РСДРП. «Мы достаточно патриоты, чтобы пальцем о палец не ударить, дабы помочь самодержавию победой над Японией укрепить свое, бесчестящее Россию владычество над нашей Родиной, – писал в “Искре” Мартов. – Но в то же время мы интернационалисты, а потому не наше дело помогать правящим классам Японии разгромить реакционную. Россию»¹. «Искра» выдвигала лозунг «Мир и свобода!», увязывающий заключение мира свержением самодержавия. Л. Д. Троцкий и вслед за ним Мартов не считали эту войну «национальной», вызванной ростом капитализма, а «династической», вызванной стремлением бюрократической монархии к самосохранению. Такое понимание вызвало оформление позиции Плеханова, во многом солидаризовавшегося с большевиками. Он считал, что эта война – империалистическая. С международной точки зрения победа любой из сторон – зло. Но поражение России – зло меньшее. «Справившись с внутренним врагом – царизмом и став, наконец, свободным народом, мы уже сравнительно легко уладим свои дела со всеми внешними врагами», – подытоживал Плеханов². При всей внешней схожести позиция Плеханова существенно отличалась от большевистской. На это указывают его подготовительные наброски к цитированной статье. В не вошедшем в нее тексте, в частности, говорилось: «...Мы стоим на точке зрения международного социализма, но это нисколько не мешает нам всем сердцем любить Россию. Нам глубоко жаль тех матросов и солдат, кровь которых льется на Дальнем Востоке, а осиротелые семьи мыкают горе на родине...»³ В этом ряду следует оценивать возмущение Плеханова попыткой финна Конни Зилиакуса вовлечь РСДРП в грязную авантюру финансирования японской разведкой, его встречи и беседы на курорте Беатенберг с командиром легендарного крейсера

¹ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. М., 1996. С. 68.

² Плеханов Г. В. Строгость необходима // Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 100.

³ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. II. С. 34.

«Варяг» Всеволодом Рудневым, вызывавшим в нем большую симпатию. Наконец, на исходе войны в статье «Патриотизм и социализм» он высказал ряд идей, легших в основу его позиции в ходе Первой мировой войны. Плеханов утверждал, что знаменитые слова Маркса «рабочие не имеют отечества» означают лишь неприятие «отечества», понимаемого в... смысле, который придавали этому понятию буржуазные идеологи», но не означает равнодушия к национальной культуре, языку, традициям и обычаям, наконец, к родной земле как естественной среде обитания каждого народа. С точки зрения Плеханова, и при коммунизме будут сохраняться национальные различия, как естественные грани «великого коммунистического человечества завтрашнего дня», когда идея «Отечества» постепенно отступит перед несравненно более широкой идеей «Человечества». Поэтому интернационализм «вполне совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны», т. е. с патриотизмом, что, конечно, не означает, что социалисты всегда и во всем должны поддерживать правительство своей страны, ибо интересы прогресса и революции – превыше всего¹.

Другой злободневной проблемой для российских социал-демократов в то время было восстановление партийного единства, в том числе объединение с национальными организациями. Она решалась IV (Объединительным) съездом РСДРП в 1906 г. Это нашло выражение в компромиссном уставе, принятом Объединительным съездом («IV съезд») РСДРП (апрель 1906 г.). Объединительный съезд положил начало федеративному построению по национальному признаку, которое не закреплялось формально уставом, но оформлялось особыми договорами – «Условиями объединения» с польской, латышской, армянской социал-демократическими партиями и Бундом². Условия были разными, выражая различную степень автономии национальных организаций. В самом крайнем случае речь шла о гарантированной квоте представительства в центральных учреждениях, о сохранении национального ЦК, включая и заграничный его отдел, и даже представительство в Интернационале. Естественно, с известными изменениями сохранялись и уставы этих организаций, тем более что свои уставы продолжали сохранять все местные организации партии. Такое решение вопроса подтверждалось и V съездом партии, последним форумом РСДРП³, где она была представлена как хотя и очень рыхлая, но все же относительно единая организация.

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 269–270.

² Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 529, 530, 532.

³ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963. С. 652–653.

Принципиальное изменение политической обстановки после 3 июня 1907 г. привело ее к уже необратимому межеванию и дроблению, в том числе и по национальному признаку. Периодические попытки восстановить единство не увенчались успехом.

Обособление большевиков-ленинцев на Пражской конференции в январе 1912 г., казалось, инициировало процесс консолидации всех российских социал-демократов, противостоящих Ленину. Апогеем этого процесса стала Венская конференция (август 1912 г.), избравшая даже Организационный комитет РСДРП. Однако результатом созданного партийного блока стало не только углубление пропасти между ленинцами и социал-демократами, принципы и тактику которых Ленин все более открыто и определенно подвергал пересмотру, но и дифференциация самих субъектов августовского блока. Сторонники Плеханова, поучаствовав и в Пражской, и в Венской конференциях, консолидировались в самостоятельную группу «Единство», которая с мая 1914 г. выпускала в Петербурге одноименную газету. Не нашли своего места в блоке «впередовцы» и «богоискатели» с «богостроителями», не говоря о националах, с которыми вроде бы опять объединились в Вене. Но самое неприятное заключалось в том, что с блоком порвал Троцкий – один из самых активных инициаторов его создания. В ноябре 1913 г. он основал в Петербурге «Междурайонную организацию объединенных социал-демократов» («межрайонцы»). Известные расхождения сохранялись и между «лучистами», группировавшимися вокруг легальной газеты «Луч», где руководство осуществляли Мартов и Дан, и «заристами» (легальный журнал «Наша заря», Потресов). Наконец, еще одним центром притяжения и консолидации социал-демократов становится их фракция в IV Государственной думе во главе с Н. С. Чхеидзе (с октября 1913 г. ленинцы имели в Думе свою собственную фракцию). Что же касалось новых подходов к решению национального вопроса, то ленинцы в преддверии мировой войны сосредоточились на обосновании программного требования права наций на самоопределение вплоть до отделения при выяснении вопроса целесообразности такого отделения. Венская же конференция с подачи делегатов от Грузии и Бунда заявила, что не видит принципиального противоречия между требованиями культурно-национальной автономии и правом наций на самоопределение¹.

По инициативе Международного социалистического бюро (МСБ) летом 1914 г. в преддверии очередного конгресса Интернационала была предпринята попытка объединить российских социал-демократов. 16 июля 1914 г. в Брюсселе состоялось совещание 11 рос-

¹ Меньшевики. Документы и материалы. С. 338.

сийских социал-демократических групп в присутствии членов Исполнительного комитета МСБ. На совещание не был приглашен ряд еще более мелких групп, прежде всего, национальных, в том числе Украинская СДРП. За предложенную К. Каутским резолюцию о единстве проголосовали все, кроме ленинцев и латышей. По окончании этой встречи состоялось частное совещание представителей ОК, Кавказского областного комитета и групп «Борьба», «Вперед» и «Единство», на котором было достигнуто известное согласие на антиленинской платформе¹.

Это согласие было вдребезги разбито начавшейся Первой мировой войной. Антивоенная позиция Интернационала, закрепленная в решениях его Штутгартского, Базельского и Копенгагенского конгрессов, была в одночасье отброшена действиями двух крупнейших партий – Германской и Французской и Исполкомом МСБ в лице Э. Вандервельде. Российские социал-демократы были шокированы и растеряны. Поэтому первое их публичное выступление получилось противоречивым. Две социал-демократические фракции Государственной думы при голосовании за военные кредиты 26 июля выступили с совместной декларацией, в которой, с одной стороны, содержались абстрактные антивоенные заявления, с другой, ссылки на какие-то мифические антивоенные выступления в Германии и, наконец, выбивающаяся из общего контекста фраза о том, что «пролетариат будет защищать культурные блага народа от посягательств, откуда бы они не исходили»². Гораздо большее впечатление произвел на общественность отказ голосовать за предоставление кредита. Вскоре депутатами была получена телеграмма от Вандервельде с просьбой поддержать военную демократию. Акт, мягко говоря, некорректный. И они предоставили возможность ответить на нее Потресову от имени редакции журнала «Наша заря». В этом тексте отмечалось, что бельгийские социалисты осуществляют правое дело *самозащиты* демократии от агрессии прусского юнкерства. Однако русский пролетариат лишен возможности подобно англичанам, французам и бельгийцам, активно участвуя в войне, взять на себя ответственность за действия русского правительства, которое не менее, чем германское, реакционно. Он лишь не противодействует войне³. Развивая эти тезисы, Потресов положил начало тому направлению в российской социал-демократии, которое получило название группы «самозащиты». Она считала, что СДПГ допу-

¹ См.: Ленин В. И. Сочинения. Изд. 3-е. Т. XVII. Примечания. С. 745–746; Меньшевики. Документы и материалы. С. 347–350.

² Меньшевики. Документы и материалы. С. 350–351.

³ Там же. С. 351–352.

стила «промах, который хуже любого преступления», признав идущую войну для Германии оборонительной. Напротив, Германия – единственная страна, препятствующая прочному миру, а единственный способ прекратить войну – решительная победа германской демократии над своим милитаристским режимом. Такое изменение позиции СДПГ будет означать торжество принципа интернационализма над национальным индивидуализмом¹. Потресов констатировал развал прежнего Интернационала, который в своей политике исходил из нарастания классового антагонизма, проглядев параллельно идущий процесс консолидации гражданских обществ в пределах национальных государств, не увидел, что «понятие Отечество перестало быть мертвой схемой, казенной вывеской»². Справедливые ранее формулы Маркса о том, что пролетариат не имеет отечества, и о том, что ему нечего терять, кроме своих цепей, теперь стали неверны. Пролетариату есть что терять и это – накопленный им в границах «отечества» «капитал труда и борьбы», общественно-политические приобретения и ценности³. Военный патриотизм разрушил не международность, а только ее довоенную форму. В этом – залог восстановления Интернационала. Но ему нужно будет считаться «с культурно-политическим единством, образующим национально-государственную индивидуальность каждой страны... как с подлинным накопленным историей богатством, которое надо беречь и которое... ляжет в основу высшей культуры грядущего»⁴. Будучи оптимистом относительно перспектив восстановления международной солидарности в Западной Европе, Потресов пессимистически оценивал в этом смысле ее Восток, в частности Россию, ибо «как прежде без капитализма мы шли в социализм, так теперь, пренебрежительно отшвыривая патриотизм как что-то отжившее, мы уже видим себя интернационалистами без страха и упрека»⁵. По сути интернациональная задача российских социал-демократов состоит в воспитании патриотического чувства русских рабочих к своему гражданскому обществу. «Дорваться России до патриотизма значит дорваться до Европы...»⁶, – подытоживает Потресов.

¹ Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: В 4 т. Т. 4: Демократия «страны нарушенного равновесия». М., 2014. С. 70, 71, 74.

² Там же. С. 282–284.

³ Там же. С. 285.

⁴ Там же. С. 289.

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Первая мировая война в оценке современников. С. 295.

С близких позиций и тоже в легальной прессе высказывался из-за рубежа Плеханов. Он заявлял на проводах на фронт русских волонтеров в Париже: «Я – принципиальный противник войны. Но раз война началась... – я желаю поражения виновному, т. е. нападающей стороне. А нападающая сторона... Германия»¹. Он возмущался предательством лидеров СДПГ, которые отныне служат надежной опорой империалистической политики немецкого юнкерства и буржуазии, сочувствовал самозащите атакованных Германией стран. При этом он исходил из тех же оценок Франко-прусской войны 1870 г. Марксом, к которым апеллировали и лидеры СДПГ².

В отличие от своих критиков слева Плеханов высказался и о своем отношении к патриотизму. «Нелепо было бы требовать от социалистов... равнодушия к интересам своей родины, – писал он. – Социализм отнюдь не исключает любви к Отечеству. Но... социалист должен иметь мужество пойти против своего Отечества, когда оно в своей иностранной политике поступает несправедливо... Только тот социалист, который способен на это, и имеет право сказать о себе, что в его любви к Отечеству нет шовинизма»³. Возвращаясь не в первый раз к толкованию тезиса «Манифеста» о том, что «рабочие не имеют отечества», Плеханов видел его смысл в том, что рабочие «считают, что их страна не должна стремиться к обособлению себя от других стран... пролетариат требует не уничтожения нации, а прекращения эксплуатации одного народа другим»⁴. Нетрудно понять, что эти пассажи были адресованы германским социал-демократам. Что же касается России, то ее поражение «вредно для дела народной свободы и полезно для старого порядка», «грозит ухудшением условий существования всей русской “нации”, т. е. всей нашей трудящейся массе». Победа же усилит самостоятельность этой массы, подобно тому как победа в наполеоновских войнах дала в России толчок освободительному движению⁵. Относительно упреков в отказе от идеи пролетарской революции он заявлял, что «каждый народ имеет право на самоопределение..., он не может освободить себя от ига капитала, не признав право другого народа на самоопределение», это «необходимое предварительное психологическое и политическое условие социалистической революции»⁶. Шовинистический угар, охвативший население Германии, приведший к предательству интерна-

¹ Первая мировая война в оценке современников. С. 40.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 6, 280–281.

³ Первая мировая война в оценке современников. С. 82.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 86, 88, 89.

⁶ Там же. С. 160.

циональных принципов СДПГ, ставит под сомнение наличие этого условия. «Может быть, наша конечная цель дальше от нас, нежели мы думали.., – заявлял он. – Но все-таки это ровно ничего не говорит против достижимости нашей конечной цели»¹. Блестяще парировал он и обвинения в сочувствии русским империалистическим захватам: «Я никогда не говорил, что русский пролетариат заинтересован в победе русского империализма.., он заинтересован лишь в одном: чтобы русская земля не сделалась предметом эксплуатации в руках германских империалистов»². К середине 1915 г. он начал считать ошибочным и отказ от голосования за кредиты русских и сербских социалистов³.

Выступления Плеханова были восторженно встречены Засулич, входившей в группу «самозащиты»: «Я счастлива, что теперь между мною и Жоржем [Плехановым] нет никаких разногласий»⁴. Она резко полемизировала с «интернационалистами» в лице Аксельрода. «Интернационалистское» течение в российской социал-демократии представляло собой многочисленное и структурно сложное идейное направление. В него входили и откровенные «пораженцы»-ленинцы, и «внефракционные голосовцы», объединившиеся вокруг Мартова и Троцкого, редактировавших парижскую русскоязычную газету «Голос», переименованную затем в «Наше слово», и ряд групп, действовавших непосредственно в России. Аксельрод занимал позицию на «правом» фланге этого течения, во многом, но не во всем солидаризуясь с Мартовым и Троцким. Засулич в статье «После войны», опубликованной в легальном московском журнале «Дело», сосредоточилась на трех тезисах, отстаивавшихся Аксельродом. Он исходил из того, что деление человечества на национальности и государства отжило свой век; что патриотизм несовместим с целями и задачами международного пролетариата, и он должен вести борьбу против местного и национального патриотизма; что необходимо восстановление *прежнего* Интернационала, возможное лишь на ежедневной практической работе, связывающей демократии всех стран. С первым тезисом Засулич была не согласна потому, что хотя «государства представляют собой действительно нечто... “искусственное”», нации «есть на самом деле нечто “естественное”, не “вечное”, конечно, но долговечное и умыслениям людей не поддающееся»⁵. Второй тезис, с ее точки зрения, был совсем несостоятелен. Война поставила под во-

¹ Там же. С. 180.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 166; Меньшевики. Документы и материалы. С. 375.

⁴ Аксельрод Л. И. Этюды и воспоминания. М., 1925. С. 42.

⁵ Первая мировая война в оценке современников. С. 340, 341.

прос само существование некоторых национальных государств. «Все дорогое становится несравненно дороже, когда ему грозит опасность исчезновения, и всякий патриотизм, чуть тлеющий в спокойные времена, ярко вспыхивает тогда, когда объекту грозит опасность, – писала Засулич. – Можно опасаться поэтому, что рабочий... сохранит в глубине сердца такую же, как прежде, если не большую привязанность к своей осуждаемой на гибель национальности»¹. С третьим тезисом Аксельрода Засулич согласна. Войны станут невозможными при тесной связи демократий всех стран. Но на каком основании может возникнуть такая связь? Для этого недостаточно прекраснодушных пожеланий и абстрактных призывов Аксельрода. Действительно гарантировать международную демократию от новых кризисов, от неизбежности новой войны может лишь совместная работа над решением действительно глобальной, общечеловеческой задачи. Таковыми не являются ни восстановление международных правовых норм и институтов, ни пропаганда интернационализма. Ибо «худшее наследие этой войны», с одной стороны, крушение всех моральных «предрассудков», с другой – «учение о безмерном превосходстве немецкого народа над остальным населением земного шара и о его призвании, победив другие народы, организовать их в одну мировую империю»², легко применимое по желанию того или иного народа и к себе. С точки зрения Засулич, действительно международная задача, под которой «могли бы “подписаться” самые широкие слои демократии» – это работа по осуществлению *всеобщего разоружения*³.

В «Голосе», где публиковались интервью Аксельрода, он тоже не был вполне своим. Редакция в своем комментарии к его публикациям осуждала его за резкую критику позиции Ленина, за недооценку опасности «социал-патриотизма» Потресова, Засулич и Плеханова, за надежды на примирение с «социал-патриотами» в рамках восстановленного II Интернационала, за критику стремления «голосовцев» образовать в противовес дезавуированному II Интернационалу международного объединения «интернационалистов»⁴. Тем не менее, Аксельрод вместе с «голосовцами» подписал Манифест Циммервальдской конференции (сентябрь 1915 г.), создавшей такое объединение и отстаивавшей лозунг «Ни побед, ни поражений!». Однако в отличие от остальных участников конференции он видел задачу этого объединения в том, чтобы инициировать восстановление II Интернационала. Поэтому более радикальные решения следу-

¹ Первая мировая война в оценке современников. С. 340.

² Там же. С. 343, 344.

³ Там же. С. 347.

⁴ Там же. С. 195–196.

ющей конференции в Кинтале (апрель 1916 г.), на которой образовалась фракционная «циммервальдская левая» Ленина, он решительно отвергал¹. Впрочем и основное ядро «голосовцев» расколется, первоначально из-за соперничества Троцкого и Мартова. Наконец, нужно сказать и о группе «сибирских циммервальдийцев». Ее образовали отбывавшие ссылку в Сибири И. Г. Церетели, В. С. Войтинский, Б. И. Николаевский, Ф. И. Дан, С. Л. Вайнштейн, Н. А. Рожков и др. В 1915 г. им удалось издать по одному номеру легальных и закрытых властями журналов «Сибирское обозрение» и «Сибирский журнал». Конечно, деятельность этой группы на общероссийском, а тем более на общемировом уровне была малозаметна. Однако само возникновение тандема Церетели-Дан было знаковым, перекидывающим мостик к событиям 1917 года. Церетели исходил из позиции II Интернационала о том, что причинами войны являются не религиозные или национальные различия, а экономическое соперничество имущих классов. Признавая, что Интернационал накануне войны совершил ряд ошибок, он отрицал факт его «крушения», признавая лишь временное отступление международного пролетарского движения, предвидя грядущее наступление, ибо война работает на него². Он отмечал господство в России, как и в других воюющих странах, шовинистического угара. Среди фракций Государственной думы только социал-демократы открыто выступили против войны и решились на акт, на который не решилась ни одна из демократических фракций воюющих стран – проголосовали против военных кредитов. Ни в какой другой стране рабочее движение не находится в таком противоречии со всем строем, нигде не приходилось ему преодолевать такие трудности в борьбе за право существования, как в России. Все демократические фракции, вся либеральная пресса ополчилась на социал-демократов. С той враждебной стороны оказался и Плеханов. Полемизируя с последним, Церетели, прежде всего, разбирает его тезис о том, что справедливость войны определяется тем, на чьей стороне «интересы прогресса» человечества. Он указывает, что точно так же аргументируют свою позицию германские шовинисты, приходя к прямо противоположным Плеханову выводам. С точки зрения Церетели, война в равной мере далеко отодвинула все страны с пути прогресса и культуры. Поэтому «задачей тех, кто дорожит интересами прогресса, является не подыскание оправданий воюющей стороне, а решительная борьба с вызванным войной всеобщим одичанием»³.

¹ Там же. С. 335–338.

² Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное. Ч. 2. М., 2010. С. 44, 50, 51.

³ Первая мировая война в оценке современников... С. 144.

Все страны желали войны – «одни раньше, другие позже, и равнодействующая общих желаний привела к событиям 1914 г.»¹. Поэтому правы социал-демократические депутаты Думы, а не Плеханов, рассуждающий о зачинщике войны.

Таким образом, война еще более усилила дифференциацию в российском социал-демократическом лагере. Одной из причин этого была постановка войной в очень острой и конкретной форме проблем соотношения патриотизма и интернационализма, национальных и государственных интересов, войны и борьбы за мир. Абстрактные формулы из идейного арсенала социал-демократов «рабочие не имеют отечества» и «пролетарии всех стран, соединяйтесь» нужно было применять к решению совершенно конкретных вопросов, поставленных войной, и определять свое личное место в ней. Чем дальше шла война, тем картинка в калейдоскопе мнений становилась все сложнее. Казалось, что консолидация социал-демократов уже никогда не будет возможна. Для возрождения этой тенденции потребовалось эпохальное изменение политической ситуации в России и всей международной расстановки сил.

¹ Первая мировая война в оценке современников. С. 147.

Глава V. БОЛЬШЕВИЗМ И РУССКИЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ XX в.

Большевики, позиционировавшие себя составной частью европейской социал-демократии («одним из отрядов всемирной армии пролетариата»¹), уделяли национальным проблемам своей страны особое внимание. В параграфе 9 Программы партии, разработанной на II съезде РСДРП в 1903 г., в соответствии с известным положением марксистской теории признавалось «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»². Однако практическое осуществление данного положения определялось необходимым условием: поддержка социал-демократией решения о государственном самоуправлении и отделении нации не должна была противоречить задачам «пролетарского интернационализма», то есть классовой солидарности между рабочими разных национальностей в борьбе против существующего политического строя. Неоспоримым такое решение о самоопределении признавалось лишь в том случае, если оно вело к развитию революционной ситуации. Соответственно, поощрялся и национализм угнетаемого самодержавной властью конкретного народа. «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации, — отмечал В. И. Ленин, — есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем»³. Вместе с тем, признавая прогрессивный характер борьбы «угнетенных наций» за свое социальное и национальное освобождение, вождь большевистского крыла РСДРП делал существенную оговорку: «Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть про-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд.: в 10 т. М., 1970–1972. Т. 1. С. 60.

² Там же. С. 63.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1970. Т. 25. С. 275.

грессивного в этих движениях, – чтобы это признание не вело к за-
темнению пролетарского сознания буржуазной идеологией»¹.

Принцип «национального самоопределения» никак не распро-
странялся на саму большевистскую РСДРП, которая В. И. Лениным
проецировалась как жестко централизованная организация всего
российского пролетариата. Всякие попытки национального «дро-
бления» партии ленинским руководством решительно отвергались.
Этим и объяснялась острая критика большевиками позиции Бунда
и ряда других социал-демократических партий, провозглашавших
себя выразителями интересов прежде всего своего национального
пролетариата и стремившихся занять более автономное по отноше-
нию к ленинской РСДРП положение. Сторонники этого направле-
ния в российской социал-демократии фактически придерживались
концепции «национально-культурной автономии», разработанной
представителями «австро-марксизма» О. Бауэром и К. Реннером. По
данной теории наличие персональной автономии предполагало так-
же и создание политической организации по национальному при-
знаку. Для большевиков – сторонников единой централизованной
партии – такой подход был абсолютно неприемлем. Показательны
в этом отношении строки молодого партийного пропаганди-
ста И. В. Сталина из его работы «Национальный вопрос и социал-де-
мократия» (1913): «Мы знаем, к чему приводит межевание рабочих
по национальностям. Распадение единой рабочей партии, разбивка
союзов по национальностям, обострение национальных трений, на-
циональное штрейхбрехерство, полная деморализация в рядах соци-
ал-демократии – таковы результаты организационного федерализ-
ма. История социал-демократии в Австрии и деятельность Бунда в
России красноречиво свидетельствуют об этом. Единственное сред-
ство против этого – организация на началах интернациональности.
Сплочение на местах рабочих всех национальностей России в еди-
ные и целостные коллективы, сплочение таких коллективов в еди-
ную партию – такова задача»².

Принцип партийного «централизма» в известной степени проеци-
ровался В. И. Лениным и на форму национально-территориальной
организации будущего пролетарского государства, которое рассма-
тривалось как единая демократическая республика: «Марксисты ни
в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа,
ни децентрализации»³. Это высказывание повторяло теоретическое
положение классиков марксизма, также являвшихся сторонни-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 131.

² Сталин И. В. Соч.: В 13 т. М., 1946–1951. Т. 2. С. 364.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 144.

ками создания единого государства. Так, в 1891 г. Ф. Энгельс, рассматривая вопрос о форме будущего государства рабочих, отмечал: «Пролетариат может употреблять лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная <...> уже становится помехой»¹. Таким образом, основоположники марксистского учения и их наиболее радикальные последователи в России – большевики выступали за создание унитарного государства как необходимой формы политической и экономической организации общества в условиях совершившейся революции и возможного враждебного окружения². Как полагали идеологи коммунистического движения, после победы мировой революции разные типы союзных государств должны будут слиться в единую демократическую республику, а в перспективе – перейти от нее к безгосударственному общественному самоуправлению³. В ходе этого процесса произойдет сближение наций, которые после естественного разрушения государственных перегородок, экономической и культурной ассимиляции сольются в единую наднациональную общность.

Декларируемое большевиками право наций на самоопределение не только было ярким лозунгом, способствующим привлечению многонациональных масс России к борьбе с самодержавием, но и могло в перспективе стать основой для будущего воссоединения народов в условиях социалистического государства. Главным препятствием этому, по мнению Ленина, являлся «великорусский национализм» как неотъемлемая компонента национальной политики и идеологии царского режима. В декабре 1913 г. в письме к одному из руководи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 22. С. 238.

² Историк В. Т. Логинов в своем исследовании приводит эпизод, повествующий о встрече в Цюрихе в январе 1917 г. В. И. Ленина с бежавшими из германского плена солдатами царской армии: «Перед ним сидели двое солдат, прошедших фронт, побывавших в плену. Ленин внимательно, не перебивая, слушал их рассказы. Сначала о плене. О тех ужасах, которые творились в концлагерях. О той пропаганде, которую вели немцы. Тысячи военнопленных они сгруппировали по национальному признаку и всячески пытались разжечь антирусские, сепаратистские настроения. Для украинцев, например, пригласили галицийских лекторов из Львова. Но результат оказался ничтожным: из 27 тысяч украинцев, сидевших в лагере, лишь 2 тысячи высказались за “самостийность”. Остальные, с величайшим удовлетворением отметил Ленин, “впадали в ярость при мысли об отделении от России <...> Факт знаменательный! Не верить нельзя <...> Авось, от “австрийского типа” развития судьба Россию избавит» (Логинов В. Т. Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 38). Эти слова вождя большевистской партии, взятые из письма к Инессе Арманд (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377), характеризовали государственно-унитаристские взгляды Ленина накануне Февраля.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1970. Т. 24. С. 144.

телей закавказских большевиков С. Г. Шаумяну Ленин подчеркивал: «Отделение вовсе не наш план. Отделение мы не проповедуем. В общем мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожителства, что иногда больше связи получается после свободного отделения!»¹ Решение национального вопроса, как указывал в том же письме лидер большевизма, заключалось в создании национальных автономных образований в рамках созданного народного государства.

Отношение большевиков к русскому населению Российской империи носило двойственный характер, определявшийся не только подчеркнутым интернационализмом их идеологии, но и тактикой революционной борьбы. Во многих теоретических документах и партийной публицистике «великороссы» обозначались как нация, «угнетающая» другие национальности самодержавной России, «окрещенной» большевиками, вслед за французским публицистом А. де Кюстином, «тюрьмой народов». В ленинских выступлениях встречается ничем не обоснованное даже с позиций «классового подхода» утверждение, что «великороссы» угнетают «большее число наций, чем какой-либо другой народ»². Столь предвзятое отношение к самому многочисленному народу страны в известной степени провоцировалось «русификаторским» курсом правительства в национальных районах Империи, официальной пропагандой, крайним шовинизмом поддерживаемых властью «черносотенных» организаций. Хотя зачастую «великодержавная» политика властей проецировалась большевиками на все русское население. В. И. Ленин писал: «Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны “высших” классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках»³. Следует также отметить и традиционно негативное отношение левых социал-демократов к наиболее многочисленному социальному слою страны – русскому крестьянству, которое в большинстве своем рассматривалось как «мелкобуржуазное» и «реакционное» (что соответствовало классическому определению основоположников марксизма). Вместе с этим в теоретических работах большевистских лидеров подчеркивалась роль русского рабочего класса как передо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235. См. также: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 498–506.

² Там же. Т. 31. С. 433.

³ Там же. Т. 25. С. 275.

вого отряда всероссийского пролетариата, призванного «освободить все человечество от позора царской монархии»¹. Доля русских среди членов ленинской РСДРП, вступивших в партию до февраля 1917 г., составляла 56,5 %, что также не могло не «корректировать» позиции ее руководства по «великоросскому вопросу»².

Все более активное массовое участие русского населения в революционной борьбе постепенно меняло отношение к нему со стороны интернационалистов-ленинцев. Так, в январе 1917 г. в докладе, посвященном годовщине событий первой русской революции, В. И. Ленин, в частности, отмечал: «Революция создала революционный народ, руководимый революционным пролетариатом». Благодаря ей «новый дух повеял во всей массе русского народа. Только теперь крепостная, пребывающая в медвежьей спячке, патриархальная благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама, только теперь русский народ получил действительно демократическое, действительно революционное воспитание»³. Однако «русский фактор» в представлении большевиков не имел самостоятельного значения и рассматривался как одна из составляющих общероссийского пролетарского движения. Любая попытка национальной «интерпретации» социализма воспринималась как покушение на основы марксистской теории и отступление на позиции буржуазного национализма. Как подчеркивал Ленин, «буржуазный национализм и пролетарский интернационализм – вот два непримиримо-враждебных лозунга»⁴.

Поддерживаемый правящими кругами и декларируемый крайне правыми партиями («Союз русского народа» и др.) русский национализм, по мнению большевистских руководителей, являлся одним из главных препятствий на пути к социальному освобождению многонациональных пролетарских масс России и реализации права наций на самоопределение. В резолюции по национальному вопросу, принятой на Поронинском совещании ЦК РСДРП в сентябре 1913 г., указывалось, что принципиального отстаивания права угнетенных наций на самоопределение требует «дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом»⁵.

¹ Там же. Т. 26. С. 18.

² Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения в 1917 г. // Вопросы истории. 1980. № 6. С. 46.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 313.

⁴ Там же. Т. 24. С. 123.

⁵ КПСС в резолюциях. Т. 1. С. 388.

Вопрос об отношении к «черносотенному» русскому национализму как одной из важнейших идеологических составляющих самодержавной политики был конкретизирован В. И. Лениным в том же 1913 г. в цикле теоретических статей по национальному вопросу. Так, в своей статье «Рабочий класс и национальный вопрос», обличая союз буржуазии с наиболее реакционными силами, объединившимися против революционных пролетарских масс, он отмечал: «Россия – пестрая в национальном отношении страна. Правительственная политика, политика помещиков, поддерживаемых буржуазией, проникнута вся насквозь черносотенным национализмом. Политика эта направлена своим острием против большинства народов России, составляющих большинство ее населения¹. Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союза с Пуришкевичами, с реакцией, предает демократизм, отстаивает угнетение или неравноправность наций, развращает рабочих националистическими лозунгами. Один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций»². Как видно из изложенного, именно «черносотенный великорусский национализм» властей и их буржуазных политических «попутчиков» продолжал, по мысли Ленина, оставаться едва ли не главным идеологическим врагом угнетаемого пролетариата и национальных меньшинств. В более поздней статье «О праве наций на самоопределение» (1916) вождь большевизма в дискуссии с Р. Люксембург дает еще более резкую характеристику русскому национализму как выражению феодально-самодержавной идеологии: «Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великорусов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, но более феодален, именно он главный тормоз демократии и пролетарской борьбы»³.

Стратегия революционной борьбы, направленная на разрушение Империи и ликвидацию ее политических институтов, требовала нанести главный удар по великодержавию и национализму, – главным, по мнению большевиков-ленинцев, идеологическим основам существующей власти, которым не должно быть места в будущем интернациональном пролетарском обществе. «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству! –

¹ По данным переписи 1897 г. «великороссы» составляли 44,3 % населения Российской империи, то есть численное меньшинство. Однако вместе с малороссами (17,8 %) и белорусами (4,7 %) общее количество «русского населения» в тогдашнем его понимании составляло 66,8 % (Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. СПб., 1905. Т. 2. С. 1–6).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 149.

³ Там же. Т. 25. С. 275.

вот принципы рабочей демократии», – призывал своих соратников В. И. Ленин¹. Только интернациональное сплочение рабочих, как полагали идеологи большевизма, могло бы стать прочным залогом победоносной революции и построения общества социальной справедливости.

Русская национальная культура также рассматривалась вождем большевизма с позиций ее «соответствия» задачам классовой борьбы. Для воспитания пролетариата годились лишь «демократические и социалистические элементы» этой культуры. «Черносотенная и клерикальная» культура являлась таким же идеологическим оружием в руках господствующих классов, как и национализм². Исходя из этого, В. И. Ленин в статье «Критические заметки по национальному вопросу» (1913) подчеркивал: «Может великорусский марксист принять лозунг национальной великорусской культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело – бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабочего движения»³. Соответственно, для эффективной революционной пропаганды, изобличающей пороки эксплуататорского строя, могли быть пригодны лишь произведения русских классиков «демократического направления» (В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Некрасов и др.), антиклерикальная публицистика Л. Н. Толстого, сочинения «пролетарских» писателей (Максим Горький, Демьян Бедный и др.). Творчество и взгляды «архискверного» (по выражению В. И. Ленина) «реакционера» Ф. М. Достоевского⁴ и большинства представителей дворянской и буржуазной культуры вряд ли могли быть полезны для решения этих задач⁵. Такое нигилистическое отношение левых радикалов к «духов-

¹ Там же. С. 150.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 120–121.

³ Там же. С. 122.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 295.

⁵ Примечательно, что в своей повседневной жизни В. И. Ленин имел традиционные вкусы: высоко ценил русскую классическую литературу, особенно творчество А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, и даже был поклонником поэзии великого князя Константина Романова. «Новомодные» и леворадикальные течения в литературе и искусстве им не признавались. Однако для Ленина-политика интересы революционного дела всегда были выше собственных эстетических пристрастий. См.: Ленин о литературе и искусстве. М., 1976. С. 56; *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993. С. 50–52; *Горький М.* Полн. собр. соч.: В 25 т. М., 1968–1976. Т. 20. С. 41, 48–49.

ным основам» Российского государства – патриотической идее, религии, национальной культуре, – постоянно вызывало враждебную реакцию не только у официальных властей, но и у представителей «правого» политического лагеря.

С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. большевистская РСДРП – единственная европейская социал-демократическая партия, заявившая о своей антивоенной позиции, фактически оказалась в политической изоляции. Социалисты западных стран, ведущие деятели II Интернационала, большинство представителей российских оппозиционных партий либо встали на путь шовинистической пропаганды, либо провозглашали идеи патриотического «оборончества». Признанный теоретик русского марксизма и один из меньшевистских лидеров Г. В. Плеханов выдвинул лозунг «защиты Отечества»¹. Русско-германская война была объявлена официальными российскими властями «Второй Отечественной».

В сложившихся условиях большевики были поставлены перед необходимостью более четкого обозначения своей антивоенной позиции и разоблачения «предательской» роли «социал-шовинистов» – представителей русской и зарубежной социал-демократии, выступивших на стороне воюющих правительств. В октябре 1914 г. в Женеве публикуется Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», написанный В. И. Лениным. Отмечая империалистический и захватнический характер разворачивавшейся мировой бойни, В. И. Ленин подчеркивал: «Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата – таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны. На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разобла-

¹ В своем выступлении на митинге в Народном доме в Лозанне (октябрь 1914 г.) Плеханов подчеркивал: «Социализм отнюдь не исключает любви к отечеству <...> Маркс говорит, что каждый народ имеет право на существование, на автономию, но ведь это право предполагает право защиты; когда на него нападают, он должен защищаться. Иначе будет не интернациональная политика, а вненациональная, то есть утопическая, а не международная. Конечно, каждый обязан бороться прежде всего с шовинизмом своей страны, но в случае объявления войны нужно решить, кто нападает и со всей силой обрушиться на него», цит. по: *Шуб Д.* Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.). Сб. статей. Нью-Йорк, 1969. С. 158–159. Свое новое понимание патриотической идеи Г. В. Плеханов более детально изложил в брошюре «О войне», выпущенной в Париже осенью 1914 г.

чить ложь, софизмы и “патриотические” фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны»¹. Лениным был выдвинут лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Лидер большевиков считал, что для успешной борьбы рабочего класса и всех трудящихся масс России наименьшим злом было бы военное поражение царской монархии, что ускорило бы ниспровержение существующего строя.

Такая радикальная «антигосударственная» позиция большевиков вызвала возмущение в российских политических кругах, разделявших лозунг «война до победного конца». Официальная власть получила «kozyрь» для усиления репрессий в отношении большевистской РСДРП. Легальная деятельность партии была фактически запрещена, в июле 1914 г. закрыт ее главный печатный орган – газета «Правда», в ноябре того же года были арестованы и после суда сосланы в Сибирь депутаты – члены большевистской фракции в Государственной Думе. В российской и «союзнической» англо-французской печати была развернута кампания против большевиков по обвинению их в «антипатриотизме» и «предательстве» интересов своего Отечества.

В связи с выдвинутыми обвинениями В. И. Ленину пришлось конкретизировать позицию партии по вопросу о патриотизме. В статье «О национальной гордости великороссов», опубликованной в декабре 1914 г., лидер большевиков, стремясь опровергнуть доводы политических противников, дает новую – «пролетарскую» трактовку патриотической идеи: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика <...> Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 15.

² Там же. С. 107.

В отличие от официальной патриотической доктрины, согласно которой единение самодержавной власти и ее «подданных» являлось гарантией величия империи, по ленинскому определению, реальными вершителями судеб России, ее социального освобождения и дальнейшего развития являлись рабочий класс и беднейшее крестьянство. При этом В. И. Ленин особо подчеркивал «великую социалистическую роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции»¹. Так патриотическая идея в большевистской интерпретации обретала свое народное, «классовое» содержание. Роль русского трудового народа (прежде всего пролетариата) в революционной борьбе многонациональных масс России провозглашалась в статье определяющей. Подлинный патриотизм великороссов, по мнению лидера большевиков, должен был основываться на революционных традициях народа. Примеры военных, научных и культурных достижений русских за всю их многовековую историю в данной работе не указывались.

Отвергая предъявленные большевистской партии обвинения в ее «антипатриотизме» и «пораженчестве», В. И. Ленин предложил свою трактовку понятия «защита Отечества», которая определялась тактическими задачами революционной борьбы великорусского пролетариата в условиях империалистической войны: «Мы говорим: нельзя в XX веке <...> “защищать отечество” иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины, – нельзя великороссам “защищать отечество” иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $\frac{9}{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $\frac{9}{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесценивает, протестует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами»². Таким образом, только революционная борьба против существующей самодержавной власти, социально-экономических порядков и «грабительской войны» отвечала, по мнению лидера большевистской партии, коренным потребностям прогрессивного развития России, национальным интересам русского народа и являлась выражением подлинного патриотизма трудящихся масс.

Разрабатывая в годы Первой мировой войны теорию империализма, В. И. Ленин пришел к выводу о неравномерности экономического и политического развития ведущих и развивающихся капиталистических стран в условиях наступившей эпохи империализма. Подобная

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. С. 110.

² Там же. С. 109.

неравномерность предопределяла разновременность созревания политических предпосылок для победы социалистической революции. По мнению В. И. Ленина, это опровергало классическую формулу основоположников марксизма о невозможности победы революции в одной стране и о возможности его победы лишь путем одновременной революции в наиболее развитых капиталистических странах. В условиях мировой войны, еще более обострившей противоречия капиталистического общества, победа социализма возможна, по утверждению лидера большевистского крыла РСДРП, даже в одной стране – «слабом звене» в цепи империалистических держав. В августе 1915 г. в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», опубликованной в номере женевского «Социал-демократа», В. И. Ленин отмечал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»¹. Читавшим эту сенсационную, ломавшую устоявшиеся марксистские стереотипы статью нетрудно было догадаться, что вождь большевистской партии имел в виду и Россию.

Это теоретическое положение, выдвинутое В. И. Лениным, вызвало негативную реакцию в социал-демократическом меньшевистском лагере. Лидера большевиков обвинили в отступлении от канонов марксизма. Странники Ленина – «левые циммервальдцы» Н. И. Бухарин, К. Б. Радек, Ю. Л. Пятаков – также не поддержали теоретические новации. Не остался в стороне от развернувшейся полемики и давний политический оппонент Ленина Л. Д. Троцкий. В газете «Наше слово» он писал: «Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма <...> В социал-патриотизме <...> подвизается национально-революционный мессианизм, который считает именно свое национальное государство – по состоянию ли его индустрии или по его демократической форме и революционным завоеваниям – призванным ввести человечество в социализм или в “демократию”»². Однако, как показали последующие события, то, что называлось меньшевистскими лидерами «социал-патриотизмом», обретет в революционной России реальное политическое содержание.

Эволюция взглядов российской революционной интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. на патриотическую идею прошла путь от полного ее отрицания как идеологической основы

¹ Там же. Т. 26. С. 354.

² Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 142–143.

существующего строя и монархии до первых попыток «патриотического» обоснования социальной борьбы рабочего класса – силы, на которую опиралась партия большевиков. Абстрактный, оторванный от национальной почвы и основывающийся на ультраинтернационализме социализм не мог служить эффективным пропагандистским «пособием» в деле революционного воспитания великорусского пролетариата. Уже в годы Первой мировой войны большевики-интернационалисты столкнулись с необходимостью создания собственной патриотической идеологии. После Октября 1917 г. и возникновения первой Республики Советов понятие «патриотизм» получит качественно иное содержание в условиях нового социально-политического строя.

Глава VI. ЛОЗУНГ «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ»: ЗАРОЖДЕНИЕ, ТРАКТОВКИ, АПОЛОГИЯ, КРИТИКА

Лозунг «Россия для русских», пожалуй, можно отнести к числу немногих девизов-долгожителей. Зародившись в XIX в., он провозглашается и разделяется частью нашего общества и сегодня, однако вкладываемое в него в наши дни содержание зачастую заметно отличается от первоначального смысла, которым наделяли его русские консерваторы и националисты второй половины XIX – начала XX в.¹ В связи с этим, как справедливо отмечает С. В. Лебедев, этот краткий лозунг «нуждается в подробном комментарии, иначе его можно свести <...> к требованию исключительных прав для русской нации <...> что совершенно неверно»².

Авторство лозунга часто приписывают либо императору Александру III, либо генералу М. Д. Скобелеву³, что действительно имеет под собой определенные основания. «При Императоре Александре III по всей стране впервые прозвучали слова: “Россия – для русских”», – пишет А. Н. Боханов⁴. Впрочем, другой историк царствования Александра III Е. П. Толмачев утверждает, что «приписываемый в ряде публикаций» императору лозунг «Россия для русских» «не соответствует действительности», поскольку «в документах рассматриваемой эпохи такая фраза отсутствует»⁵. Однако это не совсем так. Бывший начальник штаба М. Д. Скобелева и современник

¹ См.: *Иванов А. А.* «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX в. о лозунге «русского Возрождения». Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 92–102; *Он же.* К вопросу о содержании лозунга «Россия для русских» во второй половине XIX века // Герценовские чтения 2012. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2013. С. 57–63.

² *Лебедев С. В.* Русские идеи и русское дело. СПб., 2007. С. 138.

³ «Россия для русских, славянство для славян <...>. Вот что он повторял повсюду», – писал о генерале М. Д. Скобелеве В. И. Немирович-Данченко (*Немирович-Данченко В. И.* Скобелев. Личные воспоминания и впечатления. СПб., 1884. С. II).

⁴ *Боханов А. Н.* Александр III. Царь-миротворец. Русский общенациональный журнал. 2007. № 4. С. 65.

⁵ *Толмачев Е. П.* Александр III и его время. М., 2007. С. 305.

царя-миротворца генерал А. Н. Куропаткин, сам являвшийся приверженцем лозунга «Россия для русских»¹, утверждал: «Истинный богатырь русской земли, император Александр III руководящим девизом своего царствования поставил: “Россия для русских”»². В другом месте книги он утверждал, что путь развития России, указанный Александром III, был сформулирован словами: «Россия должна принадлежать русским»³. Для достижения такой цели, составлявшей возврат к русской национальной политике XVI, XVII и XVIII в., император Александр III, по словам министра финансов того времени Н. Бунге, признавал необходимым принять следующую программу действий:

«1) удовлетворить народному чувству, по которому Россия должна принадлежать русским;

2) освободить нашу внешнюю политику от опеки иностранных держав;

3) упорядочить и скрепить внутренний строй управления;

4) развить духовные и материальные силы русского народа.

Для достижения этих целей в русском государстве должны были господствовать:

а) русская государственность, то есть русская государственная власть и русские учреждения, примененные, где то требовалось, к бытовым условиям инородцев и окраин;

б) русская народность, освобожденная от иноплеменного преобладания;

в) русский язык как общегосударственный;

г) уважение к вере, исповедуемой русским народом и его государем»⁴.

Однако, отмечал А. Н. Куропаткин, «программа русского сердцем и всеми помыслами государя не встретила поддержки во всех чинах высшей бюрократии и интеллигентных слоях русского общества, и поэтому результаты деятельности государя к достижению основного

¹ Этот лозунг стоял перед заглавием каждого из трех томов работы А. Н. Куропаткина «Задачи русской армии». (СПб., 1910). При этом, отмечал автор, «я утешаю себе мыслью, что вслед за этим трудом появятся труды других авторов: задачи русского флота, задачи русской школы, задачи русского земледелия, задачи русской обрабатывающей промышленности, задачи русской торговли, задачи русской дипломатии и т. д.», которые «помогут русским людям <...> сознательнее послужить на укрепление во всех отношениях “России для русских”» (Куропаткин А. Н. Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. 1. С. III).

² Куропаткин А. Н. Задачи русской армии: В 3 т. СПб., 1910. Т. 3. С. 13.

³ Там же. Т. 1. С. III.

⁴ Там же. Т. 3. С. 13.

девиза его царствования «Россия для русских» оказались недостаточными и непрочными»¹. Но, заключал генерал, когда «ныне во всей великой России эти слова раздаются из края в край», чтобы «постоянно напоминать их русскому народу, необходимо снять с памятника Императору Александру III надпись, гласящую о железнодорожных заслугах русского самодержца, и заменить ее тремя словами: «Россия для русских»»².

Об этом же писали и другие. Генерал Н. Н. Янушкевич, говоря о царствовании Александра III, которого он считал «первым национальным истинно русским императором», утверждал, что «исторические страницы этих 13 лет дороги каждому русскому тем, что за это время впервые с высоты престола было твердо указано, что отныне Россия – для русских, что к голосу ее должны внимательно прислушиваться иноземцы и что наступил давно желанный конец слепого поклонения Западу»³. А будущий лидер Белого движения генерал А. И. Деникин вспоминал, что во время открытия 23 марта 1898 г. офицерского Собрания гвардии, армии и флота ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба полковник А. М. Золотарев (позже генерал, один из членов-учредителей «Русского собрания»), разбирая в своей речи политику Александра III, поставил в особую заслугу императору установление лозунга «Россия для русских»⁴. И хотя в опубликованном тексте речи данная фраза в устоявшейся форме не встречается, А. М. Золотарев, отмечая, что Александр III «положил начало новой жизни России, России – самобытной, России – истинно русской», констатировал, что этот самодержец «безгранично люб России и русским за то, что освободил нас от ига западной Европы, что рушил ту оскорбительную для нас политику, которой держались его предшественники в течение 150 лет (со времен Петра Великого. – А. И.); что был первый национальный истинно русский Царь!!»⁵. «Он не только освободил Россию от векового ига. Он положил начало объединению ее: объединению окраин ее с центром – обрусению их, объединению самих русских между собою, – обрусению тех, хотя не многих, но многозначущих, которые не так давно стыдились имени русского», – кон-

¹ Там же. С. 14.

² Там же. С. 433.

³ *Янушкевич Н. Н.* Состояние Вооруженных сил России со времени введения общеобязательной воинской повинности. Важнейшие реформы в военном деле в царствование императора Александра III // История русской армии и флота: В 15 т. М., 1911–1913. Т. 13. С. 31–32.

⁴ *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 68.

⁵ *Золотарев А. М.* Памяти императора Александра III. 23 марта 1898 г. [СПб., 1898]. С. 1, 25.

статировал докладчик¹. Другой генерал – М. К. Дитерихс, также обращаясь в своей книге к выступлению А. М. Золотарева, сообщал, что император Николай II, высоко оценивший речь профессора, «унаследовал от отца (курсив мой. – А. И.) в полной мере тезис “Россия для русских”»². При этом важно отметить, что Н. Н. Янушкевич, А. М. Золотарев и М. К. Дитерихс прежде всего понимали под этим лозунгом антинемецкую политику Александра III, то есть делали акцент на стремлении императора освободить Россию от чрезмерного германского (шире – западноевропейского) влияния.

Лидер Русской монархической партии В. А. Грингмут утверждал, что именно Александр III «первый из Русских Императоров понял, что Россия должна быть для Русских; что Русский народ сам по себе культурный, а не варварский народ; что он может и должен развиваться по своим собственным самобытным законам, а не по иноземным шаблонам»³. А преемник Грингмута, протоиерей Иоанн Восторгов, утверждал: «И вот, при Императоре Александре III дано сладкое утешение русским сердцам <...> Он любил все русское: изучал нашу историю, увлекался русской музыкою, зодчеством, русскою стариною. На Престоле он был цельным живым воплощением типа Русского Царя <...> Но главное всего, он был русским в своих деяниях и мероприятиях, всегда и во всем согласных с основными воззрениями и историческими преданиями народа, его заветными стремлениями и чаяниями и коренными жизненными интересами. <...> Общую их основу было стремление Царя к тому, чтобы “Россия” была “для русских”»⁴. И лишь «по мере того, как правительство стало уклоняться с благодатного пути, начертанного незабвенным Царем-Богатырем – Александром III, на Россию посыпались одно за другим тяжкие испытания и несчастья», – отмечал видный правый публицист П. Ф. Булацель⁵.

¹ Золотарев А. М. Памяти императора Александра III. 23 марта 1898 г. С. 25.

² Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале: В 2 ч. Владивосток, 1922. Ч. 1. С. 348–349.

³ Грингмут В. А. Русский народ в России // Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008. С. 393.

⁴ Восторгов И. И. Памяти Императора Александра III-го. Смысл и значение его царствования // Святые черносотенцы. Священный Союз русского народа М., 2011. С. 637.

⁵ Булацель П. Ф. День восшествия на Престол // Булацель П. Ф. Борьба за правду. М., 2010. С. 159. Как справедливо отмечает М. Н. Лукьянов, после смерти императора Александра III в отношении к лозунгу «Россия для русских» наметился конфликт между правыми консерваторами и правительством. Если первые были убеждены в том, что интересы Российской импе-

Таким образом, даже если император Александр III этот лозунг в устоявшейся форме и не произносил, то общее направление его политики давало основание ему этот лозунг приписывать.

Впрочем, ни М. Д. Скобелев, ни Александр III авторами фразы «Россия для русских» не являются. Когда и кем впервые были произнесены эти слова – сказать трудно, но фактом является то, что в годы царствования императора Александра II они уже были известны. Так, в передовице петербургской консервативной газеты «Весть», видимо написанной ее издателем-редактором В. Д. Скарятиним, еще в 1867 г. гордо провозглашалось: «Россия – для русских!»¹ Правда, контекст, в котором эта фраза неоднократно повторялась автором, был несколько иным, чем тот, который стал определять ее значение в начале XX в. «Русские интересы приносить в жертву славянским? – вопро-

рии тождественны интересам русских, то в правительственных кругах владело направление, что власть должна действовать в интересах не только русских, но и всех других народов империи. (См.: Лукьянов М. Н. «Россия – для русских» или «Россия – для русских подданных»? Консерваторы и национальный вопрос накануне Первой мировой войны. Отечественная история. 2006. № 2. С. 36).

¹ Весть. 1867. 15 ноября. При этом газета «Москва», откликнувшись на эту публикацию, иронизировала над тем, что «Весть», «переворачивая на все лады этот *новооткрытый ею для себя* (курсив мой. – А. И.) политический девиз <...> видимо радуется такой счастливой находке» (Москва. 1867. 25 ноября). Таким образом, можно предположить, что И. С. Аксакову лозунг «Россия для русских» был известен и до его провозглашения «Вестью». Заметим также, что другая газета – «Голос», издававшаяся А. А. Краевским и придерживавшаяся национал-либерального направления, хотя и не провозглашала на своих страницах лозунг «Россия для русских», тем не менее уже в 1865 г. во многом раскрывала его традиционное содержание в одной из своих передовиц. «Мы не требуем, – отмечало издание, – чтоб в России звание русского гражданина было привилегией, как римское гражданство в древнем Риме <...> но искренне желаем, чтоб природный русский на всем пространстве русской территории чувствовал себя таким же полноправным гражданином, как англичанин в Ирландии, а француз в Эльзасе». При этом издание подчеркивало, что «культурные инородцы» вполне заслуживают того, «чтобы мы относились к ним как равные к равным», в отличие от тех, что стоят по сравнению с русским народом «на низшей степени развития», среди которых «коренной русский имеет полное право считать себя лицом привилегированным, хотя бы все его привилегии заключались только в полном пользовании правами русского гражданства, что не всегда возможно предоставить полудикому инородцу». Главным же препятствием для полноправия русских в России, говорилось в публикации, являлось крепостное право, «всем бременем падавшее преимущественно на коренное русское народонаселение» и приводившее к тому, что «самый скромный инородец казался русскому крестьянину лицом, несправедливо пользующимся привилегиями» (Голос. 1865. 21 ноября).

шал автор статьи, полемизируя с панславистами. – Нет, и тысячу раз нет! *Россия – для русских!* Вот наше знамя <...> Истинно национальная политика заключается именно в этих трех словах – *Россия – для русских!*¹. По словам автора, существует большая разница между естественным сочувствием славянам, угнетаемым Австро-Венгрией и Османской империей, и желанием пролить за их свободу кровь русских солдат и тратить средства русской казны. «Думают ли, что казна России так переполнена, а кровь русских людей так дешева, что мы можем тратить то и другое иначе как только для самой России и ни для кого более, как для России <...> Не нам поддерживать надежды призрачные, и тем самым вовлекать этих несчастных в предприятия для них губительные, ибо, повторяем, *Россия – для русских!*», – резюмировала «Весть»². Таким образом, категория «русские» в данном контексте была отнюдь не этнической, а территориальной, тождественной сегодняшним «россиянам».

Антипанславистский пафос статьи «Вести» вызвал ответную реакцию издававшейся славянофилом И. С. Аксаковым газеты «Москва», в передовице которой утверждалось, что если трактовать девиз «Россия для русских» в том ключе, как это делает скарятинское издание, то приходится признать, что если Россия – не для славян³, а русские – это не неотъемлемая часть славянства, то получается, что она и не для русских. Критикуя петербургское издание за отчуждение России от славянства, автор передовицы (И. С. Аксаков) приходил к заключению, что «подлинная изнанка» девиза «Вести» – «это Россия для немцев, Россия для поляков, Россия для тех изуродованных русских, которые идею европеизма поставили выше идеи русской народности и интересы своей космополитической секты “крупных собственников” – выше интересов русского народа»⁴.

Также следует заметить, что лозунг «Россия для русских» был созвучен и мыслям Ф. М. Достоевского, который хотя нигде и не упо-

¹ Весть. 1867. 15 ноября.

² Там же.

³ «Девиз “Вести” “Россия для русских” значит “Россия не для славян”. Славяне сами по себе, русские сами по себе и истинно национальная русская политика, соответствующая русским интересам, не должна соответствовать интересам славянским», – резюмировала аксаковская «Москва» (Москва. 1867. 25 ноября). В ответ на этот выпад «Весть» провозглашала: «Мы даже осмеливаемся думать, что русская народность есть народность самостоятельная. Русский народ гордится своим собственным именем (а не тем, что он часть славянства. – А. И.) и думает, что он сам по себе есть сила великая, сила самостоятельно существующая, коей не находится в зависимости от кого бы то ни было» (Весть. 1867. 1 декабря).

⁴ Москва. 1867. 25 ноября.

треблял его в устоявшейся форме, но, тем не менее, писал в 1876 г.: что «Русская земля принадлежит русским, одним русским, и есть земля русская, <...> хозяин земли русской – есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус – это все одно) – и так будет навсегда»¹.

Споры о происхождении, содержании и уместности лозунга «Россия для русских» велись в конце XIX в. и на страницах суворинского «Нового времени». Анонимный автор статьи, посвященной этому лозунгу, соглашаясь с его критиками в том, что формула «Россия для русских» есть не что иное, как перифраз знаменитой американской формулы Дж. Монро «Америка для американцев»², настаивал на том, что смысл ее совершенно иной. «В Америке формула Монро служит руководящим началом для внешних политических отношений, а не для внутренних отношений. Там эта формула обращается исключительно к иностранным, преимущественно европейским государствам, как предупреждение, равносильное энергическому окрику “руки прочь!”. “Америка для американцев” – это значит, что всякое поползновение иностранных государств запустить длинные руки на американский материк – для захвата колоний и т. п. – встретит энергичный отпор <...> Дело в том, что право американских территорий на политическую независимость само собой не подразумевалось, по крайней мере, в глазах некоторых европейских государств, имеющих чересчур длинные руки, а не подразумевалось потому, что самостоятельная политическая жизнь Америки есть факт слишком недавний и на Америку в Европе смотрели так, как смотрят теперь на Африку, т. е. как на *res nullius*³. Но у нас, критикуемая в “разборе ходячих понятий” формула “Россия для русских” имеет свой особый, достаточно ясный смысл и для настоящей эпохи представляет значение большой практической важности»⁴. По мнению автора статьи, формула «Россия для русских», родившись как протест против нашей внешней политики, на протяжении XIX в. постоянно втягивавшей страну в разоряющие войны, которые ей не раз приходилось вести в интересах различных европейских держав, со временем стала иметь и иное значение. «Завершив многовековую упорную и страшную борьбу на севере и на западе России, мы начинаем с того, что на облитых рус-

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Сентябрь 1876. Гл. 2. Ч. III // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. С. 299.

² В 1823 г. в произнесенном американским президентом Дж. Монро послании к Конгрессу («Доктрина Монро») был провозглашен сформулированный госсекретарем США Дж. К. Адамсом принцип «Америка для американцев», предполагавший невмешательство европейских государств во внутренние дела США и стран Американского континента.

³ *Res nullius* (лат.) – вещь, никому не принадлежащая, бесхозная вещь.

⁴ О формуле «Россия для русских» // Новое время. 1896. 27 июня.

скою кровью окраинных территорий учреждаем почти независимые Великое Княжество Финляндское и Царство Польское, даем этим государствам либеральные конституции при господстве у самих крепостного права, даем им представительные учреждения, содержимые не без пособий нашей казны, устраиваем им на свой счет высшие и средние школы, имея таковых самое ничтожное количество у себя и почти приказываем, чтобы в этих школах и не пахло русским духом»¹. Все это привело к отчуждению присоединенных земель от России, и «формула “Россия для русских” явилась как ответ на формулы, возглашаемые нам с окраин: “Кавказ не для русских”, “Финляндия не для русских”, “Прибалтийский край не для русских” и т. п. ». «И пока существуют эти формулы, формула “Россия для русских” сохранит для нас полную государственную жизненность, – заключал автор статьи. <...> Великоросс <...> является тем государственным и культурным цементом, который образует великое целое – единую Россию и ему подобает не пренебрежение, а честь и право первенства в этой, им созданной, России. Вот о чем говорит формула “Россия для русских”»².

Таким образом, полемика вокруг лозунга «Россия для русских» второй половины XIX в. показала, что уже и в это время в отношении данной формулы не было единства, а его трактовки порой существенно отличались. В целом же, как справедливо отмечает М. Ю. Чернавский, девиз «Россия для русских» означал «не Россия только для русских, но Россия с опорой на русских»³. Развивая эту мысль дальше, можно заключить, что к концу XIX в. в этот лозунг вкладывали следующий смысл: поскольку русский народ является государствообразующей, титульной нацией Российской империи, то и государство поэтому должно строиться по-русски, исходя из официально сформулированной графом С. С. Уваровым русской национальной идеи: «Православие, самодержавие, народность». При этом «по-русски» вовсе не означало «в угоду русским», а напротив, возлагало на русский народ ответственность за судьбу России и населяющих ее народов⁴.

¹ О формуле «Россия для русских» // Новое время. 1896. 27 июня.

² Там же.

³ Чернавский М. Ю. Русский государственнический национализм // Правая.Ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravaya.ru/look/2639> (дата обращения: 23.01.2015).

⁴ Как отмечает М. Ю. Чернавский, в этом плане показательно сравнение, изложенное в одном из русских эмигрантских журналов правого толка: «Россия уподобляется солнечной системе, в которой солнцем выступает русская нация, а все остальные народы, для которых Россия также является родиной, сравниваются с планетами, вращающимися вокруг этой системообразующей нации-звезды. Не приходится сомневаться в том, что катастрофичная судьба ожидает планеты в том случае, если солнце погаснет» (Чернавский М. Ю. Русский государственнический национализм).

Не секрет также, что национальный вопрос в русской консервативной концепции всегда (или почти всегда) был тесно связан с вероисповедным вопросом. Поэтому, как справедливо отмечает А. В. Репников, «не случайно у европейских мыслителей, обращавшихся к истории России, порой создавалось впечатление, что понятие “русский” тождественно понятию “православный”»¹. При этом важно и то, что «православность» в трудах русских консерваторов XIX века, как правило, превалировала над «русскостью» или же не отделялась от нее. Очень показательны в этом отношении слова К. Н. Леонтьева: «Русское царство, населенное православными немцами, православными поляками, православными татарами и даже отчасти православными евреями, при численном преобладании православных русских, и русское царство, состоящее сверх коренных русских, из множества обруселых протестантов, обруселых католиков, обруселых татар и евреев. Первое созидание, второе – разрушение»².

Однако в начале XX в. многое поменялось. С одной стороны, идеология русского национализма, ранее воспринимавшаяся как чисто западническая по своей сути, стала уверенно завоевывать симпатии русских правых. А с другой – изменились и политические реалии, заставившие охранителей реагировать на смену политического курса, наметившегося в правительстве с уходом эпохи «царя-националиста» Александра III. Это, естественно, провоцировало реакцию, и приверженцы прежнего курса стали рьяно отстаивать привычную формулу. «Патриарх» правой публицистики К. Н. Пасхалов в связи с этим утверждал: «В настоящее время весьма распространен в “интеллигенции” взгляд на Россию как на конгломерат многих народностей, между которыми русская составляет, хотя и крупную, но равноправную с другими народностями часть, что лица, отстаивающие принцип преимущественных прав Русской народности, провозглашающие лозунг “Россия для русских”, стремятся к расчленению Государства и низведению его до размеров Московского Великокняжества, но с таким суждением едва ли можно согласиться. Великое Государство не может существовать без господствующей народности, интересы которой должны преобладать пред интересами других народностей, подчиненных в государстве жребием войны или другими историческими судьбами. Первая, основная задача Правительства заключается в том, чтобы его мероприятия находились в полном согласии с интересами господствующей народности и их удовлетворяли»³.

¹ Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX века). М., 2006. С. 183–184.

² Цит. по: Там же. С. 148–149.

³ Пасхалов К. Н. Итоги реформы государственной власти 1905–1909 гг. // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. М., 2008. С. 493.

Поэтому не удивительно, что в новых политических условиях лозунг «Россия для русских» был принят большинством русских консервативных мыслителей и гордо поднят на знамена монархических партий и союзов. «Россия – для русских», – таков лозунг Русской Монархической партии, ясно понимающей, что если предоставить Россию иноплеменикам, иноверцам и иностранцам, – то не только в России не будет Самодержавной Монархии, но не будет и самой России», – писал в одной из программных статей видный русский публицист, редактор «Московских ведомостей» (как принято считать, именно в этом издании после длительной паузы, летом 1905 г., вновь появился этот лозунг) В. А. Грингмут¹. Русский народ, отмечал он далее, «по полному праву должен чувствовать себя в России не “в гостях”, а “дома”». «В самом деле, кому должна принадлежать Россия, как не тому народу, который ее создал, ее развил и сделал одною из первых мировых держав?» – вопрошал Грингмут². «Все входящие в состав Российской империи иноплеменные народности всеми силами противились созданию и развитию России, а многие из них, как, например, татары, шведы, поляки, кавказцы и среднеазиатские племена, наносили ей в разные времена тяжелые удары; а потому не им быть хозяевами в возникшей несмотря на создаваемые ими препятствия, России, а русскому народу, который один со своими князьями и царями преодолел под сенью Православной Церкви эти препятствия и создал то стройное культурное государство, в состав которого вошли прежние его враги, найдя в нем крепкий оплот своему мирному дальнейшему существованию», – мотивировал свою позицию видный черносотенец³. «Не из какого-либо “человеконенавистничества”, не из “патриотического фанатизма”, не из “пустого властолюбия” Русский народ должен чувствовать себя дома во всех частях созданной им России, – а на основании самых элементарных принципов государственной политики, принятой всеми культурными народами», – заключал В. А. Грингмут⁴.

А видная московская монархистка, поэтесса Л. А. Кологривова, взяв в качестве эпиграфа слова В. А. Грингмута, сказанные им в 1906 г.: «Россия должна быть для Русских. Россия, это – наше добро, которое мы приобрели своими многовековыми трудами, трудами угодников Русских, Русских Царей и Русского народа», – развила

¹ Грингмут В. А. Русский народ в России // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3. М., 1910. С. 212.

² Там же.

³ Там же. С. 218–219.

⁴ Грингмут В. А. Русский народ в России. С. 219. Грингмут неоднократно возвращался к этому лозунгу в своих работах, выступая его истовым апологетом. См.: Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! С. 389, 457, 470.

их в стихотворении «Россия для русских», в котором, в частности, были такие строки: «Святой молитвой и трудом, // Снося невзгоды и страданья, // Народ свой отчий строил дом, // Слагал Руси державной зданье. // Терпя неволи страшный бич, // В борьбу и мир, без перемены, // За кирпичом он клал кирпич // И возводил все выше стены. // И вот чертог его готов, // Широко дверь раскрыта дома, // И он соседей и рабов // Зовет на пир в свои хоромы. // Хотя страны подвластный сын // Здесь встретил ласку и вниманье, // Народ лишь Русский – господин, // Просторный дом – его созданье. // Хозяин полный он всему, // Своими все создав трудами, // И место первое – ему // В углу палат под образами...»¹

Сходные мысли высказывали и другие крайне правые политики и публицисты. Председатель Главного совета Союза русского народа и лидер фракции правых в Государственной думе Н. Е. Марков в своей речи, посвященной финляндскому вопросу, заявлял: «Если вы дорожите благом России, если вы желаете действительно, чтобы государство наше было мощным, великим и могучим, то отбросьте все эти притязания финляндских изменников и сепаратистов и скажите могучее русское слово – Россия для русских, – все остальное да подчинится русским интересам!»² Другой видный правый деятель Г. Г. Замысловский в одном из интервью в период думских выборов так сформулировал свою политическую программу: «В основу своей программы я кладу национальный вопрос, который для русского населения края имеет решающее значение. Не желая зла полякам и евреям, и не желая притеснить, мы, члены окраинного союза, должны твердо и решительно заявить: “руки прочь, Россия для русских”»³. Член «Русского собрания» генерал М. М. Бородкин в свою очередь утверждал, что лозунг «Россия для русских» должен «служить руководящим началом во всей политике и в нашей повседневной жизни»⁴. Словами «Россия для русских!» заканчивалась и программа самого «Русского собрания»⁵. Этот же девиз как основополагающий был заявлен и такими известными правыми газетами, как «Русское знамя» и «Двуглавый орел». В 1906–1908 гг. вышло несколько монар-

¹ Кологривова Л. А. Россия для русских // Стихотворения. М., 1907. С. 140–141.

² Речи членов Государственной думы Маркова 2-го и Пуришкевича по вопросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 года. СПб., 1908. С. 27–28.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 280. Л. 2 об.

⁴ Цит. по: *Омельяничук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006. С. 407.

⁵ В 1906 г., во время избирательной кампании в Государственную думу Харьковским отделом «Русского собрания» и Союза русского народа также был выпущен предвыборный листок «Россия – для русских!».

хических брошюр, в заголовки которых был вынесен этот лозунг¹. А московское «Общество русских патриотов» (учреждено в конце 1905 г.), провозгласило слова «Россия для русских» своими целью и девизом, разместив их на нагрудном знаке в виде надписи на постаменте известного памятника Минину и Пожарскому. Но не только консерваторы взяли на вооружение этот лозунг. В опубликованной в Риге в 1905 г. программе Русской национал-либеральной партии, провозглашалось: «Окраины – для России, Россия – для славянства, славянство – для человечества; вот наша формула». Признавая за российскими инородцами право на одинаковые права с коренным русским населением, программа вместе с тем отмечала: «Во всех государственных учреждениях, содержащихся на казенные средства (судах, учебных заведениях и т. д.) главным языком устным и письменным должен быть русский, с допущением переводов на инородческие языки. Во всех учреждениях самоуправления городского и земского русский язык должен играть роль обязательного переводческого языка, на который должны переводиться все бумаги, все устные прения и т. д. Россия, прежде всего, для русских, и во всех пунктах Империи каждый русский человек должен чувствовать себя вполне “дома”»².

Как провозглашение этого лозунга с высоты царского престола некоторые правые расценили Манифест 3 июня 1907 г., в котором говорилось о роспуске II Государственной думы и изменении выборного законодательства. Обращая внимание на слова Манифеста, что «созданная для укрепления государства Российского, Государственная дума должна быть русской и по духу», а иные народности, входящие в состав империи, «должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских», правые, не скрывая радости, заверяли, что то, о чем они так долго твердили власти, наконец-то становится основой государственной политики. «Русский народ должен быть господином и хозяином России, а не те инородные элементы, которые в силу продолжительного исторического процесса поступили под высокую руку Русского Самодержца, – писала в связи с этим “Курская быль”. – Им не место в том собрании, которое будет создавать законы для Российской Империи». Утверждая далее, что лозунг «Россия для русских» «в на-

¹ Мухин С. Россия для русских. М., 1906; М., 1908; Россия для русских!: православие, самодержавие, народность. М., 1906; Россия для русских: Слово, сказанное священником Верхоспасского собора Дмитрием Лавровым пред молебном при открытии газеты «Голос русского» 31-го августа 1906 г. М., 1906.

² Платформа русской национал-либеральной партии. Прибалтийский край. 1905. 21 октября (3 ноября).

шей беспочвенной и наполовину инородческой интеллигенции вызывал ненависть и презренье, и оставлял холодной другую половину русского образованного общества, готового поклоняться всему нерусскому, как будто бы более культурному», автор газетной заметки пытался убедить читателя в крайне негативных последствиях такого пренебрежения к девизу и далее, восторгаясь текстом Манифеста 3 июня, так трактовал его содержание: «Русскому народу отводится подобающее ему первое место, от него будет зависеть удовлетворение потребностей мелких народностей, имеющих честь и счастье входить в состав Империи Российской. Отныне русские будут у себя дома, будут с гордостью называть себя своим именем и, не памятуя злобы к своим недавним обидчикам-инородцам, не откажут в снисхождении к тем народностям, которые приведены историей под высокую руку Российского Самодержца <...> Почувствовав себя хозяином в великом деле законодательства, русский народ сумеет положить предел дерзким притязаниям инородцев и, исповедуя начало “Россия для русских”, не откажет в заботливости и к тем народностям, которые волею истории соединены с ним неразрывными узами»¹.

При этом консерваторами обычно подчеркивалось, что лозунг «Россия для русских» вовсе не шовинистический и не сеет межнациональной вражды. «Национальной исключительностью и нетерпимостью русский народ никогда не отличался, не будет отличаться и впредь. Скорее можно упрекнуть русский народ в том, что он позволял всяким пришельцам занимать господствующее положение и увлекался всем чужим», – утверждала черносотенная «Курская быль»². Как отмечал председатель фракции правых III Государственной думы профессор А. С. Вязигин, «исповедуемый нами принцип не сеет вражду, но служит простой справедливости; ибо ключи от русского дома должны быть в русских руках, русское юношество должно получать национальное воспитание, русский человек – освободиться от гнета иностранщины, а все это даст только “Россия для Русских»»³. На это же указывал и такой апологет самодержавной монархии, как Н. И. Черняев: «Русское самодержавие обеспечивает существование России для русских – конечно, не в смысле угнетения инородцев, а в смысле незыблемости русского государственного строя, почетного положения русской народности на всем пространстве Империи, признания Православной Церкви господствующей, нимало не ис-

¹ Россия для русских. Курская быль. 1907. 9 июня.

² Там же.

³ Вязигин А. С. Россия для русских (Ответ Г. А. Шечкову) // Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма. М., 2008. С. 234.

ключающего широкой веротерпимости, и, наконец, признания русского языка языком государственным»¹.

Но особенно близким лозунг «Россия для русских» стал для русских националистов – членов Всероссийского национального союза (ВНС) и родственных ему структур. «Россия для русских. Политическое господство и наиболее выгодное экономическое положение в России должно принадлежать русским», – писал один из основателей ВНС, член его Совета профессор Н. О. Куплеваский. Правда, при этом он делал важную оговорку, отмечая, что «слово господство должно разумеется не в смысле порабощения, но в смысле политическом и экономическом»². М. О. Меньшиков и вовсе окрестил лозунг «Россия для русских» «лозунгом русского Возрождения»³. Он утверждал: «Россия в данный момент ее развития совершенно не нуждается в услугах инородцев <...> Россия – для русских и русские – для России»⁴. При этом показательно, что справедливость выдвигаемого русскими националистами лозунга Меньшиков пытался доказать в том числе и ссылками на его применимость в общественной практике конституционной Британии. «Россия “для русских” совершенно так, как Англия для англичан», – пояснял он⁵.

Видный киевский националист (в прошлом – трудовик) профессор Т. В. Локоть, открыто провозгласив со страниц издаваемой им умеренно-правой газеты «Киев» лозунг «Россия для русских», недоуменно отвечал своим оппонентам: «Ну, а для кого же Россия?.. Россия для евреев? Россия для немцев? Россия для англичан?.. Удивительная у нас логика! Если бы немцу сказали, что Германия

¹ Черняев Н. И. Из записной книжки русского монархиста // Черняев Н. И. Русское самодержавие. М., 2011. С. 312. Как отмечает в связи с этим С. В. Лебедев, на фоне пышно расцветающих в начале столетия в западных странах воинствующих шовинистических течений типа пангерманизма или англосаксонского джингоизма, русские правые выглядели «умеренными пацифистами», поскольку «ничего подобного идеологии “народа-господина”, объединения родственных народов, завоевания “жизненного пространства”, юридического закрепления дискриминации по этническому признаку и т. п. аксиом западного правого радикализма» в арсенале русских правых в указанный период не было (см.: Лебедев С. В. Русские идеи и русское дело. С. 139).

² Куплеваский Н. О. Всероссийский национальный союз. СПб., 1908. С. 5.

³ Цит. по: Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 93.

⁴ Меньшиков М. О. Национальный союз // Меньшиков М. О. Великоорусская идея: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 164.

⁵ Цит. по: Стукалов П. Б. Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – начале XX века: Всероссийский национальный союз и его идеологи. Воронеж, 2011. С. 130.

не для немцев, или что позорно говорить – “Германия – для немцев”, он бы счел это в лучшем случае – за глупость, за полное отсутствие национального и государственного самосознания. А у нас <...> считается не только некультурным, а просто даже неприличным думать и говорить “Россия для русских!”¹. Но при этом Локоть сразу же оговаривался, что «это совершенно не значит, что мы хотели бы не пускать в Россию немцев, англичан, американцев, китайцев <...> Это значит лишь одно: всякий русский гражданин должен свято уважать свое государство, как целое, а отдельным народностям, входящим в состав государства отводить то место, какое принадлежит им по справедливости!»². Генерал А. Н. Куропаткин, открыто заявлявший о своих симпатиях ВНС, развивал эту мысль дальше. Поскольку, по его словам, «в России всего менее выгодно стало быть русским», то «для возврата России русским, необходимо ранее всего отменить все особые привилегии различных народностей, населяющих Россию, которые не распространены на русских»³. Дальше же, продолжал Куропаткин, необходимо добиваться того, чтобы стало «выгодно обратиться из инородца в русского», что достижимо только «предоставлением в России русскому племени больших прав, сравнительно с правами других народностей, населяющих Россию»⁴. А председательствовавший на учредительном собрании Всероссийского национального клуба (1909) депутат Государственной думы П. Н. Крупенский в своей приветственной речи заявил: «Слава Богу, мы можем теперь громко говорить “мы – русские”, и эти слова наполнят наше сердце гордостью. Россия для русских, или, лучше, русские для России...»⁵

¹ Киев. 1910. 12 января. Почти теми же словами выражал свое недоумение и генерал А. Н. Куропаткин: «Казалось бы, странно даже ставить такой вопрос: кому же, как не русским, должна принадлежать Россия? Разве является сомнение, что Англия принадлежит англичанам, Франция – французам, Германия – немцам, Италия – итальянцам, Япония – японцам?» См.: *Куропаткин А. Н. Задачи русской армии*. Т. 3. С. 237.

² Киев. 1910. 12 января.

³ *Куропаткин А. Н. Задачи русской армии*. Т. 3. С. 237–239.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Известия Всероссийского национального клуба. 1911. № 1. С. 10. В том же духе рассуждал и председатель Русского окраинного общества проф. Н. Д. Сергеевский: «Говорят: “Россия для русских”. Пусть так, не спорю, но думаю, что вместе с тем или даже прежде того надо сказать: “Русские для России”. Тогда дело будет крепко. Это наша задача: служить русскому делу и вести духовную борьбу с враждебными темными силами. Не Россия для нас, а мы для России – вот наш девиз» (см.: *Сергеевский Н. Д. Русское Окраинное Общество*. Речь Н. Д. Сергеевского в первом собрании 27 апреля 1908 г. СПб., 1908. С. 26).

В 1906 г. зоолог, этнограф и путешественник В. П. Врадий, придерживавшийся умеренно-националистических взглядов, предпринял попытку издания еженедельной «политической, литературной и научной» газеты с названием «Россия – для русских», задачей которой должно было стать «отстаивание коренных русских интересов». Первый (и, судя по всему, единственный) номер газеты видел реализацию этого лозунга в целостности Российской империи, конституционно-монархическом строе, в поддержке «русского национализма и всех русских душою»¹. Издание объявляло своими противниками всех сепаратистов, сторонников Учредительного собрания, космополитов и «убежденных инородцев», под которыми подразумевались евреи, поляки, финны, армяне и балтийские немцы. При этом «Россия – для русских» позиционировала себя как орган прогрессивный, отрицающий лишь прогресс «безрассудный, бешено-порывистый и беспринципный». При этом В. П. Врадий ставил своей задачей преодолеть негативное отношение к русскому национализму в русском обществе, поскольку «инородцы, отрицая и смеясь (вместе с нами) над русским патриотизмом и “истинно русскими людьми”, сами не отрицают свой национализм. Они остаются евреями, поляками, армянами, – но при этом нам, русским, не позволяют признавать нашу национальность! А русские наивные (чтобы не сказать более) люди в восторге от своего космополитизма, нигилизма и анархизма! Инородцы же, под шумок неурядиц, делают свое национальное (польское, еврейское, немецкое etc.) дело»². Другой автор издания – Н. Зинченко, развивая эту тему, писал: «“Россия – для русских” <...> Нужно иметь большой запас гражданского мужества, чтобы сказать это слово. В наши дни Россия для всех, кроме русских»³.

Представляет интерес и раскрытие изданием содержания понятия «русские». «Под словом *Русский* мы подразумеваем не только тех русских людей, которые носят лишь кличку – *русских*, а всех тех, живущих в России, кто любит нашу родину. Тех, кто ради личных выгод не хочет раздробительного дележа России, тех, кто в тяжелые года России будет смело и бодро бороться с врагами русского народа. Вот эти русские люди, о которых мы говорим, что Россия – для русских»⁴.

Как видно из приведенных выше цитат, и для русских националистов лозунг «Россия для русских» не был шовинистическим и не ставил своей задачей «разжигание межнациональной ненависти». «Россия для русских и для всех народностей русского государства,

¹ Россия – для русских. 1906. 27 апреля.

² Врадий В. П. Вечерние наброски. Россия – для русских. 1906. 27 апреля.

³ Зинченко Н. Темы и недомолвки. Россия – для русских. 1906. 27 апреля.

⁴ Там же.

которые органически сошлись с русским народом и считают Россию своим отечеством», – именно так раскрывался этот базовый постулат русских националистов начала XX в. в программе национальной фракции Государственной думы¹. Русский народ, отмечал один из создателей партии русских националистов князь А. П. Урусов, должен занимать «место первого среди равных», и «всем – и русским и инородцам – на Руси должно быть безобидное житье»². При этом националисты подчеркивали, что было бы просто несправедливо «давать одни и те же права строителям русского государства и разрушителям его», а потому инородцы должны получать равноправие лишь «по мере слияния с русским племенем», то есть по мере отказа от самоопределения (М. О. Меньшиков)³.

Таким образом, как справедливо отмечает в монографии П. Б. Стукалов, реализация данного лозунга в представлении идеологов русского национализма означала в первую очередь «установление патриархального главенства русской нации над “инородцами” по принципу внутрисемейного старшинства и стремление к созданию условий, при которых осуществлялось бы взаимовыгодное сотрудничество русских и других имперских народностей»⁴. Националисты требовали от власти признания того, что «именно национально-государственные атрибуты русской нации должны определять общественное “лицо” империи», а «любое посягательство на декларируемый принцип со стороны враждебных русской нации сил» должно было расцениваться ею как политическое преступление⁵.

Правда, стоит отметить, что если для консерваторов-традиционалистов конца XIX в., как и для черносотенцев начала XX в., понятия «русский» и «православный» были неразрывно связаны между собой, то в среде националистов, балансировавших на грани между консерватизмом и правым либерализмом, по этому вопросу уже встречалось некоторое разномыслие. Одни из них продолжали придерживаться традиционных взглядов. «Без Православия нет русского народа в культурном и национальном значении этого слова», – считал член Главного совета ВНС граф В. А. Бобринский. «Русский народ, – высказывал аналогичное мнение один из лидеров Киевского клуба русских националистов А. И. Савенко, – создан так, что если он перестает быть православным, он перестает быть русским». Однако другие националисты допускали в этом вопросе некоторый пересмотр:

¹ Цит. по: *Санькова С. М.* Русская партия в России. С. 87.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 91.

⁴ *Стукалов П. Б.* Политические и правовые учения в России... С. 131.

⁵ Там же. С. 135.

«Православие есть отличительная черта русского народа, но совпадение понятий “русский” и “православный” является лишь общим правилом, допускающим исключения», – полагал член думской фракции националистов Д. Н. Чихачев. В. В. Шульгин и П. А. Кулаковский шли в этом вопросе еще дальше, считая, что вероисповедание вообще «не есть признак национальности», что русские люди не только могут быть православными, старообрядцами и лютеранами, и что даже белорусы-католики «должны быть признаны русскими»¹.

Вместе с тем, несмотря на практически общее увлечение лозунгом «Россия для русских» правых деятелей начала XX в. (как черносотенцев, так и националистов), отдельные голоса с критикой этого постулата из рядов русских консерваторов все же раздавались и в этот период. Так, видный московский монархист С. Ф. Шарапов, к примеру, писал: «Наш девиз – не “Россия – для русских!”, а “Святая Русь!”, а “Святою” мы ее имеем право называть только потому, что ее основная идея – осуществление, по мере сил, любви и правды Божьей на земле, смиренное и бескорыстное служение всему человечеству, защита всех угнетенных и слабых, словом, посильное осуществление христианской политики»². «Россия не “для русских”, а Россия со всеми русскими – для осуществления Божественной любви к грешному человечеству в пределах исторического существования нашей Родины. Вот ее миссия», – писал Шарапов в 1908 г. в письме к председателю Козловского Союза русских людей В. Н. Снежкову³.

А публицист В. Строганов и вовсе называл лозунг «Россия для русских» нелепым, отмечая что «либо мы должны отказаться от девиза “Россия для русских”, либо от обрусительной политики, так как совместить и то и другое – так же нелепо, как тушить пожар керосином»⁴. По мнению же такого теоретика монархизма, как Л. А. Тихомиров, формула «Россия для русских» стала просто калькой с аналогичных европейских лозунгов. Она не несет в себе ничего национально рус-

¹ Цит. по: *Козьбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 103.

² Цит. по: *Репников А. В.* Консервативные представления о переустройстве России. С. 190.

³ Цит. по: *Каплин А. Д.* Славянофилы, их сподвижники и последователи. М., 2011. С. 526.

⁴ Цит. по: *Репников А. В.* Консервативные представления о переустройстве России. С. 190. Учитывая то обстоятельство, что под «обрусением инородцев» часть консерваторов подразумевала вовсе не их ассимиляцию, а превращение их «в искренних защитников российского политического строя», следует признать, что критика В. Строганова выглядит обоснованной лишь отчасти (См., например: *Лебедев С. В.* Русские идеи и русское дело. С. 139).

ского. «Есть народы, для которых такая формула действительно национальна, вытекая из самого духа их и из обстоятельств их истории. У нас же трудно даже понять, какую именно программу способна дать подобная формула, притом же взятая напрокат у иностранцев. А между тем программы, вытекающей из содержания русского духа и из условий русской истории и жизни, у нас не видно и не видно», – отмечал Тихомиров¹.

Но наиболее аргументированную критику этому постулату русского национализма давал член Главной палаты Русского народного союза Михаила Архангела, депутат фракции правых III и IV государственных дум Г. А. Щечков. Политическое мировоззрение Щечкова напрямую вытекало из православного вероучения: «Мы, признавая кораблем спасения святую Церковь, обязаны прежде всего надеяться на ее ограду, а кони, колесницы и броневые стены – все это приложится нам. И эту истину мы теперь более чем когда либо должны иметь мужество в слове и деле исповедовать пред лицом восставшего на нас языческого мира», – писал он в одной из своих работ². Исходя из этого, Щечков выступал с резкой критикой «секулярного консерватизма» и критиковал взгляды русских националистов, в частности их тезис «Россия для русских»: «“Россия для русских” – вот ходячее слово, общее место, готовое, кажется стать девизом наших националистов. Это якобы очевидное положение все почти склонны принимать нынче за аксиому. [Об этом] не стоило бы и говорить, если бы дело ограничивалось кружком сторонников шаблонного европейского национальничанья, но “Россия для русских” возглашается устами двигателей нашего самосознания. Этот клич националистического сепаратизма выкрикивается борцами нашего единства. Тут, очевидно, досадное недоразумение»³.

Далее Щечков, как и Тихомиров, отмечал, что, во-первых, этот лозунг не является самобытным, а лишь «рабским осколком» с известных формул: «Англия для англичан», «Германия для германцев» и т. д.; а во-вторых, он таит в себе опасность разрушения Российской империи. «Нет, Россия не для русских, если мы не хотим, чтобы в черте еврейской оседлости она мечталась якобы призванной служить только для евреев, а в черте армянской – для армян и т. д. Россия – для православных! – восклицал он. – Нам недостаточно одной кровной связи: у нас на первом месте связь духовная. Мы прежде всего православные, а потом уже великорусы, грузины, малорусы, молда-

¹ Тихомиров Л. А. Что такое национализм // Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 223. Подробнее см. монографию: Ретников А. В., Милевский О. А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.

² Щечков Г. А. Наше знамя. Харьков, 1905. С. 8.

³ Там же. С. 4.

ване, литовцы, белорусы и т. д.»¹. Лозунг «Россия для православных», полагал Шечков, является наиболее точным и ни для кого не обидным, поскольку «только тот истинно русский, кто православен»². Развивая эту мысль дальше, он отмечал, что, помимо прочего, лозунг «Россия для русских» обиден для многих других верноподданных российского императора, не принадлежащих к русскому народу. К тому же, писал он, «кровное родство народностей приводило лишь к делению древнерусскую землю; объединяло же ее искони одно только родство духа». «Мы не “язык”; мы – народ крещеный. Нам недостаточно одной кровной связи: у нас на первом месте связь духовная», – заключал Г. А. Шечков³.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сделать ряд важных выводов.

Во-первых, в идеологических построениях дореволюционных русских консерваторов лозунг «Россия для русских» играл несомненно

¹ Шечков Г. А. Наше знамя. С. 4–5.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 5–6. Отметим, что точка зрения Г. А. Шечкова вызвала критику со стороны профессора А. С. Вязигина. «Не могу я согласиться с Вашим мнением, будто “Россия для русских” противоречит девизу “Православие, Самодержавие и Народность”, “обеспечивая развитие только одного национального начала в ущерб прочим двум”. Прежде всего “Россия для русских” вовсе не является <...> “формулой беспринципного национализма”. Подобное понимание решительно никем из сознательных националистов не разделяется: дело в том, что идеалы Православия и Самодержавия нуждаются для своего проведения в жизнь в реальном начале – народности. Русские по своему складу, чуждому мелкой исключительности, наиболее восприимчивы к широким идеалам истинной Христианской Веры и великим задачам Самодержавия, поэтому формула “Россия для русских” обозначает собой, что Россия должна служить осуществлению этих, сродных исконным особенностям русского племени, начал, а не каких-либо чуждых. “Россия для русских” требует, чтоб русский человек получил простор жить по своим заветным представлениям, а не по навязываемым зарубежным образцам, а это мыслимо только тогда, когда русские снова сделаются действительными хозяевами своего дома – России, когда забравшие себе все лучшее инородцы будут поставлены на свое место, когда от их упорных и наглых посягательств будут навеки защищены наши дорогие святыни – Православная, Соборная и Апостольская Вера и “истинное Самодержавие”. Отстаивая эти творческие начала, мы работаем не только для своего народа, но и для всего человечества, ибо настанет время, когда подлинная природа их будет понята не только нами, порой недостойными их носителями, но и всем миром. Великая терпимость, уживчивость, незлобивость русского человека представляются качествами, кои не допустят восторжествовать у нас узкому, исключительному национализму» [см.: Вязигин А. С. Россия для русских. (Ответ Г. А. Шечкову). С. 231–232].

важную, но отнюдь не первенствующую роль, занимая соответствующее ему «почетное третье место» в триаде: «Православие, самодержавие, народность». «Принцип крови» значил гораздо меньше вероисповедной самоидентификации, хотя русскому народу (как носителю православия) ими отводилось первенствующее положение в Российской империи.

Несколько по-другому относились к нему русские националисты, нередко «вытаскивавшие» народность на первое место в ущерб другим членам уваровской триады – православию и самодержавию, которые многими из них (но отнюдь не всеми) понимались лишь как вероисповедание и форма власти, наиболее соответствующие менталитету русского народа¹, а потому и наилучшие для него в *данный* исторический период. Такая логика естественно вела к тому, что теоретически в другой исторический период русскому народу, к примеру, вполне могла оказаться «наиболее подходящей» и другая форма правления, что, естественно, было в корне неприемлемо для монархистов-традиционалистов. Однако и националисты никогда не придавали лозунгу «Россия для русских» агрессивного, шовинистического звучания. Практически во всех трактовках правыми и националистами этого постулата проводилась мысль, что «Россия для русских» подразумевает вовсе не то, что нерусским в России не должно быть места, а то, что русский народ должен быть в созданном им государстве народом-хозяином, пользоваться в нем особыми правами и следить во благо всех «жильцов» за порядком в своем «доме».

Во-вторых, нельзя не признать, что понятие «русский» трактовалось консерваторами и националистами довольно широко. Под русскими, кроме великороссов, правыми всегда подразумевались белору-

¹ Характерны в этом плане высказывания таких идеологов русского национализма, как П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков. Так, по словам Ковалевского, «единая самодержавная власть в России вытекает прямо из характера национальных свойств русского народа» и «из органической неспособности славян к объединению самих в себе и самоуправлению». «Самодержавие в России является органической национальной потребностью, без которой Россия существовать не может до поры до времени», – так мотивировал Ковалевский приверженность русских националистов к самодержавию. Цит. по: *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия. С. 150, 165. По словам М. О. Меньшикова, «как потомок православных предков», он не мог «иметь иных, более привычных и приятных форм веры, кроме тех, которые вошли в мое сознание, с родным языком и родною мыслью», но вместе с тем, признавался публицист, «мне режет ухо, когда митинги крайних монархистов начинаются с “Царю Небесный” и оканчиваются “Спаси Господи”» (см.: *Меньшиков М. О.* Третья культура // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* М., 2003 [в выходных данных книги обозначен 2003 г., на титульном листе – 2004]. С. 40).

сы и малороссы; да и обрусевшие инородцы, верные уваровской триаде, несмотря на свои явно нерусские фамилии, воспринимались правыми как «истинно русские люди»¹. При этом те русские по рождению люди, которые утрачивали базовые, с точки зрения правых, присущие русской народности качества – переставали быть русскими. «[Когда] я говорю, что Милюков еврей, – говорил граф В. А. Бобринский, – я положительно не оговариваюсь. Я считаю, что не было более меткого и сильного слова члена Думы Пуришкевича (лидера правых – А. И.), как когда он провозгласил: “Можно быть фон Анрепом и русским, можно быть Милюковым и жидом” <...> Фамилия ведь ничего не значит, самое название не есть признак национальности»². Так что едва ли ошибочным будет утверждать, что для большинства правых и националистов конца XIX – начала XX в. право называть себя «русским» обретал православный человек, вне зависимости от своих этнических корней, если он относил себя к русской культурной традиции и придерживался монархических и патриотических взглядов.

Обвинения же правых и националистов в стремлении насильственно ассимилировать нерусские народы, населявшие империю, также нуждаются в комментариях. Насильно делать из инородцев русских никто из них не собирался. Так, председатель «Русского окраинного общества» профессор Н. Д. Сергеевский писал, что бороться с национальным сепаратизмом внутри империи возможно лишь путем «завоевания сердец покоренных народов», но не уступками, а проявлением разумной твердости. В связи с этим Сергеевский настаивал на «культурном сближении и духовном единении» всех подданных российского императора на «почве честной преданности единому всероссийскому государству», отмечая, что во всем остальном «пусть поляк остается поляком, финляндец финляндцем и т. д.». А инородцы, не пожелавшие «быть нашими братьями в составе всероссийской семьи, должны считаться нашими врагами, опасными и смертельны-

¹ Так, среди видных членов Союза русского народа и его покровителей встречаются немцы по происхождению – В. А. Гринмут и барон В. Ф. Таубе, поляки В. Ф. Залеский (Залесский) и С. К. Глинка-Янчевский, молдаване П. А. Крушеван и Г. В. Бутми-де-Кацман, грузин И. А. Думбадзе, француз В. Ф. Доррер, голландец граф Н. Ф. Гейден и многие другие. А в руководящем органе Всероссийского национального союза состояли А. А. Потоцкий, Н. К. фон Гюббенет, Ф. Н. Безак, А. И. Урсати, Н. П. Пештич – все, несмотря на свои нерусские фамилии, убежденные русские националисты. Да и император Александр III, будучи глубоко русским по духу, чье царствование, как отмечалось выше, во многом было попыткой воплощения в жизнь формулы «Россия для русских», имел всего лишь 1/64 часть русской крови.

² Цит. по: *Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия*. С. 98.

ми, но никого из них насильственно переделывать в русских мы не станем и не должны»¹, – подчеркивал Сергеевский.

Характерно в этом отношении и высказывание лидера русских националистов П. Н. Балашева: «Нам постоянно кидают упрек в чело-веконенавистничестве, в желании поглотить, уничтожить нерусские народности. Не в этом задача наша и не к этому мы стремимся. Наша обязанность поддержать полезные и обезвредить тлетворные начала на всем протяжении нашего отечества. Наш долг – громко и властно заявить: местные интересы да подчинятся русским, общегосударственным интересам; а нерусским поданным Великого Белого Царя мы говорим: примиритесь, раз и навсегда с тем, что вы составляете неотъемлемую часть неделимой России, подчините ваши мелкие местные вождения задачам Русского государства, скиньте шапки перед этой святынею, и живите и развивайтесь в мире; не мы вам будем в этом препятствовать: наш прямой расчет, чтобы все части великого целого процветали, чтобы всюду царили мир и согласие. Ну, а если не хотите, – то не взыщите»². При этом, указывал Балашев, национальную идею других народностей следует не подавлять, а «*направлять таким образом, чтобы она являлась пособником в деле государственного строительства* <...> возвеличения Русской Империи»³.

В-третьих, важно отметить, что помимо внутренней направленности лозунг «Россия для русских» имел еще и другое содержание, «означая еще и то, что русские люди должны развивать свою обширную страну, заселять пустынные земли внутри России и думать о себе самих, а не об освобождении славян от турок и немцев, жертвуя кровью и пот для появления на свет новых маленьких государств, потенциально готовых стать враждебными России»⁴.

Таким образом, один из самых популярных лозунгов русских консерваторов и националистов второй половины XIX – начала XX в. – «Россия для русских» – отнюдь не сводился к требованию исключительных прав для русского народа в Российской империи, а имел значительно более широкое звучание, менявшееся в зависимости от того контекста, в который эту фразу помещали ее апологеты или критики. Другое дело, что в массовом сознании как сторонников, так и противников русских консерваторов и националистов эти ню-

¹ Сергеевский Н. Д. Русское Окраинное Общество. С. 14.

² Вступительное слово Председателя «Всероссийского национально-го союза» Петра Николаевича Балашева на первом собрании представителей «Всероссийского национального союза» 19 февраля 1912 г. СПб., 1912. С. 6–7.

³ Цит. по: Коцобинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 248–249.

⁴ Лебедев С. В. Русские идеи и русское дело. С. 143.

ансы далеко не всегда принимались во внимание, в результате чего лозунг «Россия для русских» нередко вульгаризировался, а порой и утрачивал тот первоначальный смысл, который вкладывался в него теоретиками правого лагеря. Заметное его упрощение происходило (и происходит до сегодняшнего дня) при попытках определенных политических сил рассматривать этот лозунг как не нуждающийся в дополнительных пояснениях призыв к действию. Поэтому при рассмотрении лозунга «Россия для русских» крайне важно помнить о наличии разрыва между консервативной теорией (то есть его теоретическим обоснованием в трудах консервативно настроенных русских мыслителей) и конкретной политической практикой.

Глава VII. ИМПЕРСКИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Работы, связанные с изучением национализма, вызывают устойчивый интерес в академических кругах¹. Историками, занимающимися изучением русских монархических организаций, опубликована серия работ (не без элементов дискуссии), в которых рассматривается вопрос, можно ли отождествлять консерваторов, черносотенцев и националистов. В первую очередь это связано с оценкой Всероссийского национального союза как организационно оформленной структуры, ставившей во главу угла именно русский национализм². Представляется,

¹ См.: *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону, 1999; *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000; *Он же.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М., 2012; *Смит Э.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004; *Хаген М.* История России как история империи: перспективы федералистского подхода // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология.* М., 2005; *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма.* М., 2010; *Калхун К.* Национализм. М., 2006; *Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М., 2005; *Сидорина Т. Ю., Поляничков Т. Л.* Национализм: теории и политическая история: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Экономика». М., 2006; *Коцюбинский Д. А.* Русский народ глазами русских националистов. Идеологи Всероссийского национального союза (1908–1917) об особенностях русского национального характера // *Вопросы национализма.* 2010. № 4. С. 161–175; *Сергеев С. М.* Пришествие нации? М., 2010; *Тесля А. А.* Первый русский национализм... и другие. М., 2014 и др. Отметим выходящий в Казани журнал «Ab imperio», специализирующийся на исследованиях по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве, и журнал «Вопросы национализма», который выходит в Москве с 2010 г. (к настоящему времени вышел 21 номер).

² См.: *Стукалов П. Б.* Павел Иванович Ковалевский и Михаил Осипович Меньшиков как идеологи Всероссийского национального союза. Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009; *Он же.* Павел Иванович Ковалевский // *Вопросы национализма.* 2012. № 9. С. 168–179; *Репников А. В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014; *Омельяничук И. В.* О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. // *Вопросы истории.* 2008. № 4. С. 95–104; *Иванов А. А.* Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И. В. Омельяничука) // *Вопросы истории.* 2008. № 11. С. 171–175.

что проводимое большинством современных историков, обращавшихся к данной проблеме, разделение «черносотенцев» и «националистов» правомерно. Не случайно Ю. И. Кирьянов при составлении сборника документов «Правые партии» не включил в него материалы о националистах¹.

В период правления Александра III заметно усиление в идеологии российского консерватизма таких моментов, как апелляция к русскому национализму под лозунгом «Россия для русских». Не случайно, что именно Александр III провозглашается впоследствии «царем-националистом» (П. И. Ковалевский). Несомненно, что не только «русский стиль» в искусстве и архитектуре радовал монархистов. Однако историк А. А. Иванов верно отмечает, что лозунг «Россия для русских», обычно *притисываемый* Александру III или М. Д. Скобелеву, еще не означал «Россия только для русских» или «в угоду русским», а, напротив, возлагал «на наш народ добровольно взятую ответственность за судьбу России и населяющих ее народов»². Ограничения (словные, политические, национальные и др.), налагаемые властью на «не русских» еще не означали автоматически, что власть тем самым поддерживает «русских». Иногда эти ограничения, воплощаемые в жизнь административно-командными мерами, оказывались «медвежьей услугой». Обратной стороной насильственной русификации, происходившей без должного развития и поддержки русского национального самосознания, стал рост сепаратизма и национализма на окраинах. Одним из тех, кто принципиально выступал против насильственной русификации окраин и благодаря этому нажил себе немало врагов в правой среде, был С. Ф. Шарапов. На примере Финляндии он показывал, что «нет никакой надобности хлопотать о более тесном сближении с финнами. Всякие успехи русификации там крайне опасны, несправедливо открывая Россию для эксплуатации более сильным культурно финнам. Не об объединении нужно хлопотать, а, наоборот, о *возможной изоляции России* <...> Нам в Финляндии искать нечего <...> Избави Бог создавать из финнов искусственных русских, отдавая им Россию на эксплуатацию! Всякие разговоры о финском сепаратизме поистине нелепы, раз финны получают уверенность, что их национальному существованию ничто не грозит. Наоборот, объединительные стремления наших псевдопатриотов могут вызвать самые грустные усложнения и создать нам вторую Польшу»³. Идею обособления от *враждебных* окраин (к которым

¹ Правые партии. 1905–1917 годы. Документы и материалы: В 2 т. М., 1998.

² Иванов А. А. «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX вв. о лозунге «русского Возрождения». С. 93.

³ Шарапов С. Ф. Избранное. М., 2010. С. 46.

Шарапов относил не только Финляндию, но и Польшу) большинство правых воспринимало в штыки. Характерно, что даже националист М. О. Меньшиков критиковал насильственную русификацию, считая, что Россия должна заботиться не об обрусении и обращении в православие инородцев, а о самосохранении и саморазвитии. Он допускал, что Российская империя уже нежизнеспособна в том виде, в котором она сложилась к началу XX в., и ей придется избавиться от «бунтующих» окраин во имя сохранения русско-украинско-белорусского ядра. «Я <...>, – писал Меньшиков, – считаю вполне справедливым, чтобы каждый вполне определившийся народ, как, например, финны, поляки, армяне и т. д., имели на своих исторических территориях все права, какие сами пожелают, вплоть хотя бы до полного их отделения. Но совсем другое дело, если они захватывают хозяйские права на нашей исторической территории»¹. Возражение, что окраины в этом случае могут отпасть, Меньшиков парировал так: «Ну что ж, хотя это и не общий закон, но допустим даже полное отпадение таких окраин, каковы Финляндия, Польша, Армения и т. п. Я лично был бы счастлив дожить до этого: я счел бы Россию сбросившей наконец своих маленьких врагов <...> В качестве маленьких соседей все эти народцы не только безвредны, но отчасти даже полезны, играя роль буферов на границе с крупными державами. Территория Империи нашей сократилась бы едва заметно (взгляните на карту), а территория русского народа не сократилась бы ни на вершок <...> Россия вернула бы себе национальное единство, в чем заключается истинный секрет силы и процветания рас»². Князь В. П. Мещерский также возражал против насильственного наступления на права национальных меньшинств, считая, что это бумерангом ударит ростом оппозиционности на окраинах.

В среде «просвещенных националистов» (ВНС) оговорки о неприятии русификации окраин *любой ценой* были не случайны. Проблема роста национализма и сепаратизма на окраинах империи была, и ее нужно было решать. «Совершенно не стремясь к насильственной русификации, мы все же не можем допустить государственной обособленности наших окраин, чтобы наши окраины превратились в союзные того или другого типа государства», – утверждал, в частности, Н. Н. Ладомирский³. Виктор Строганов⁴ отмечал: «Мы должны быть особенно осторожными в своем поведении с иноплеменными. Мы

¹ Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 175.

² Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 340.

³ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 222.

⁴ Информации о биографии Виктора Строганова обнаружить не удалось. Возможно, что это псевдоним.

должны всячески подчеркивать, что не делаем никакой разницы между ними и своими, что их национальные особенности нас нисколько не пугают, так как мы столько же верим в их преданность, сколько и в свою собственную силу. Вот единственный путь к постепенному обрусению. Если же мы на каждом шагу будем давать им чувствовать, что мы не только им не доверяем, но и боимся их, а тем более – если мы вздумаем проводить нашу обрусительную политику насильственными мерами – мы только будем культивировать их сепаратизм и ненависть к нам»¹. С иронией он подчеркивал несоответствие между предлагаемыми консерваторами направлениями национальной политики: «И что курьезнее всего, что мы, проповедуя ненависть к инородцам, тем не менее требуем от них пламенной любви, потому-де, что “они вскормлены и вспоены на груди России”. Пора бросить эту хамскую манеру попрекать куском хлеба – она недостойна великого народа. Силой никого не заставишь любить. Это надо заслужить»².

В XIX в. отдельные представители русского консерватизма были готовы отодвинуть на второй план русский национализм ради имперского единства. Они полагали, что русским нужно было или настаивать на единстве по национальному признаку, или же взять в качестве объединительного принципа имперский. Именно в приоритете последнего и состоял, по мнению К. Н. Леонтьева, один из факторов успешного государственного строительства. В своей работе

¹ *Строганов В.* Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997. С. 84.

² Там же. В начале своей работы Строганов называл требование «Россия для русских» – «нелепым». Отмечу, что упреки в адрес окраин, над которыми иронизировал автор, были распространенным явлением в консервативной среде. «Все наши инородческие окраины существуют за счет коренной России, то есть, говоря проще, за счет русского народа, которому приходится нести двойную финансовую тяготу», – писал, А. П. Липранди в 1910 г. (цит. по: *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007. С. 409). Об окраинах, живущих «за счет России», неоднократно писал Меньшиков: «Инородческие окраины наши вместо того, чтобы приносить доход, вызывают огромные расходы. Рамка поглощает картину, окраины поглощают постепенно центр <...> В чем же секрет этого чуда? Только в том, что мы свою национальность оставили ниже всех. Англичане, покорив Индию, питались ею, а мы, покорив наши окраины, отдали себя им на съедение. Мы поставили Россию в роль обширной колонии для покоренных народцев – и удивляемся, что Россия гибнет! Разве не то же самое происходит с Индией? Разве не погибли красные, черные, оливковые расы, не сумевшие согнать с тела своего белых хищников? А мы – некогда племя царственное и победоносное – сами наклевали на себя чужеземцев, мало того: победили их для того, чтобы силой посадить себе на шею!» (см.: *Меньшиков М. О.* Письма к русской нации. С. 156).

«Византизм и Славянство» он писал: «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ведь, с одной стороны, ни у кого не чиста, и Бог знает, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации очень смешанной крови <...> Язык? Но язык что такое? <...> Любить племя за племя – натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть в чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами <...> Идея национальностей чисто племенных в том виде, в каком она является в XIX веке, есть идея, в сущности, вполне космополитическая, анти-государственная, противу-религиозная, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего созидającego, наций *культурой* не обособляющая; ибо культура есть не что иное, как своеобразие; а своеобразие ныне почти везде гибнет преимущественно от политической свободы <...> Кто радикал отъявленный, то есть разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею; ибо она есть лишь частное видоизменение космополитической, разрушительной идеи»¹. Государство должно строиться на принципах самодержавия и православия, а не по этническому признаку, поскольку в случае ослабления государственности нация, сколь могущественной она не была, неизбежно начнет клониться к закату. В статьях «Наши окраины» (1880) и «Национальная политика как орудие всемирной революции» (1888) Леонтьев особенно жестко бичевал национализм. Он утверждал, что «из самого великорусского племени, бывшего так долго ядром объединения и опорой созидания государству нашему, исходит теперь расстройство. *Русификация окраин есть не что иное, как демократическая европеизация их...*»². Он предупреждал о «разрушительно-космополитическом значении тех движений XIX века, которые зовутся “национальными”»³, уверяя, что «*движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации.* У многих вождей и участников этих движений XIX века цели действительно были национальные, обособляющие, иногда, даже культурно-своеобразные, но результат

¹ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2005. Т. 7. Кн. 1. С. 333–334. Подробнее см.: Хатулицев С. В. Цвет жизни: (К. Н. Леонтьев о национализме и национальной политике) // Подъем. 2002. № 10. С. 194–206; Сергеев С. М. Владимир Соловьев и Константин Леонтьев против национализма. Заметки ангажированного историка // Вопросы национализма. 2014. № 17. С. 81–99; Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 57–58.

² Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 32.

³ Там же. С. 497.

до сих пор был у всех и везде один – *космополитический*¹. Леонтьев, несомненно, был империалист, а не националист. Характерно, что в 1910 г. член Государственного совета Д. А. Олсуфьев, ссылаясь именно на Леонтьева, доказывал, что «русское государство должно быть пестро» и что «принцип разнообразия», сохранение специфических национальных черт у народов, объединенных в империю, следует сделать «неизменным основанием российской имперской политики»². Член Правой группы Государственного совета А. А. Ливен вторил ему, связывая «нивелировочные процессы» в социальной жизни с развитием демократических, социалистических и коммунистических доктрин³. То есть идеи Леонтьева о том, что национализм – это нивелировка, и космополитизм, и либерализм, были восприняты.

Полемизируя с Астафьевым⁴, который возражал ему с позиций русского националиста, Леонтьев ставил на первое место религиозную и монархическую идею в их связке: «Православное Самодержавие есть главный отличительный признак русской национальности в ее прошедшем и настоящем. – Именно Православное Самодержавие, а не просто Самодержавие и не просто Православие»⁵. Отмечу, что статьи Леонтьева с критикой национализма перепечатывались неоднократно, а вот позиция Астафьева остается для современного читателя тайной, как и большая часть его работ⁶. Обращаясь к этой полемике, современный философ Н. П. Ильин отмечает важный момент: «После жесткой критики со стороны П. Е. Астафьева Леонтьев пошел на символическую уступку, заменив в заглавии статьи слова “национальная политика” словами “племенная политика”. Впрочем,

¹ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. 2007. С. 500.

² Лукьянов М. Н. «Россия – для русских» или «Россия – для русских поданных»? консерваторы и национальный вопрос накануне первой мировой войны. Отечественная история. 2006. № 2. С. 42.

³ Там же.

⁴ См.: Ильин Н. П. «Душа всего дороже...» О жизни и творчестве П. Е. Астафьева. Русское самосознание. 1994. № 1. С. 9–33; Он же. Астафьев П. Е. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. С. 40–41.

⁵ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. 2009. Т. 8. Кн. 2. С. 24.

⁶ Подготовленный М. Б. Смолиным сборник работ П. Е. Астафьева (*Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения*. М., 2000) вызвал ряд критических замечаний. См.: Козырев А. П. [Рецензия]. Философская газета. 2001. № 1. С. 4–5. В качестве недостатков издания отмечалось в т. ч. «практическое отсутствие комментариев». Рецензент писал, что из вступительной статьи Смолина «создается впечатление, что более правильного, последовательного, национального мыслителя», чем Астафьев, в России того времени не было, и обоснованно ставил под сомнение смолинскую характеристику Астафьева как «метафизика и гусара». Там же. С. 5.

существа дела эта уступка никак не меняла; к тому же внутри статьи Леонтьев практически везде оставил слова “национализм” и “национальная политика”»¹. Итак, Леонтьев, определяет национализм в любых его проявлениях как... космополитизм.

В начале XX в. элементы русского национализма наличествуют в программах всех монархических партий и союзов. Но у черносотенцев они имели иной характер, чем у русских националистов. Говоря о националистах, следует учитывать, что определение «национализм» использовалось для идентификации группы депутатов Государственной Думы, представители которой утверждали, что в религиозных и национальных вопросах националисты неоднократно сходились с правыми, но их разделяла между собой разность взглядов на существо и задачи представительных учреждений². Однако многочисленные расколы в среде думских националистов и существование в их среде различных течений не позволяют говорить об удачной попытке создания мощного проправительственного течения, вооруженного идеологией «русского национализма». Термин «национализм», как отмечают исследователи, являлся в отношении данного направления в определенной мере искусственным и был взят им на вооружение, исходя из стремления простопыпинских сил найти новое определение, соответствующее европейским стандартам. Характерно, что черносотенное «Русское знамя», критикуя премьера, употребляло такое выражение, как «зоологический национализм П. А. Столыпина», и привело следующий пример: «Наши поэты: Пушкин – потомок арапа, Лермонтов – потомок шведа; наши патриоты: Грингмут – немец, Крушеван – молдаванин. Мыслимо ли было оттолкнуть этих преданнейших Родине и царю людей»³. Газета отмечала: «Афиширование русского национализма было скорее вредно государству, ибо оно как бы указало многочисленным населяющим Россию народностям поднимать каждой из них, свое маленькое знамя, о чем решительно до сего дня не думали»⁴. В этих рассуждениях имелось здоровое зерно. Происходило то, о чем пишет немецкий фило-

¹ См.: Ильин Н. П. Воспоминание о будущем. Философская культура. 2005. № 2. С. 137–138. В этом цикле статей Н. П. Ильин достаточно подробно проанализировал расхождения Леонтьева и его единомышленников с русскими националистами.

² См.: Санькова С. М. Век русского национализма (Трансформация идей государственного национализма в России с начала XIX по начало XX веков) // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. М., 2003. С. 34–42.

³ Цит. по: Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2012. С. 296.

⁴ Цит. по: Там же. С. 244.

соф и юрист Карл Шмитт в работе «Понятие политического», отмечая, что народ существует политически только в том случае, если он образует независимую политическую общность, и если он при этом противопоставляет себя другим политическим общностям, как раз во имя сохранения понимания своей специфической общности. О том, что национализм – оружие обоюдоострое и русский национализм может привести к росту «других» национализмов, предупреждали многие, и словно отвечая своим оппонентам, Меньшиков писал: «Главное призвание русской национальной партии есть *защита русского племени* как господствующего в России. Нас думают уязвить, называя иногда наш принцип зоологическим, – но зоология, господа, великая наука, и пренебрегать ее выводами могут лишь невежды»¹.

Современные историки отмечают, что подходы черносотенцев, для которых «православность» превалировала над «русскостью», основывались на традиции, берущей свое начало в XIX в. Отметим присутствующее в материалах съезда Союза русского народа и съезда «Русских людей», прошедшего в мае 1912 г., противопоставление народности и нации. Съезд подчеркивал, что суть русской народности заключается в: «1) исповедании Православия, 2) подчинении русской государственности и 3) приобщении к русскому просвещению Кирилло-Мефодиевского склада». Народность трактовалась как «соборность рода языка и быта страны (отечества, родины), связанная верою, просвещением и предопределенной Господом Богом целесообразностью», а нация – как «искусственное общество людей разного рода и племени, разно верующих и не всегда говорящих одним языком, но сплоченных одной цивилизацией и подвластных одному государству»². В отличие от националистов, именно народность, а не нация признавалась правыми одной из основ России. Это подчеркивает историк И. В. Омелянчук: «В своих трудах правые чаще использовали термин “народность”, лишь Л. А. Тихомиров да М. О. Меньшиков употребляли категорию “нация”. Но предикатом субъекта “народность” в трудах монархистов являлось слово “национальный”, а отнюдь не “народный”, что свидетельствовало об определенном смешении дефиниций. В основном правые под термином “народность” все же понимали нацию, но не как политическую или этническую общность, а как культурно-конфессиональное объединение с открытыми границами <...> Но большинство монархистов исходили из противопоставления понятий нации и народности»³. Правые сами выделяли признаки, отличающие их от националистов:

¹ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 430.

² См.: Правые партии. 1905–1917 годы. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 годы. С. 204–213.

³ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи. С. 403.

«Без вероисповедного единства, царского домостроительства и земской соборности – русская народность <...> становится антинародною, не русской национальностью»¹. С другой стороны, Строганов с грустью отмечал, что хотя монархические партии и «выставляют национализм в основе своих программ, но между их национализмом и национализмом настоящим нет ничего общего. Я считаю, что они являются злейшими врагами национализма, гораздо большими, чем наши социал-демократы, ибо последние его только отрицают, тогда, как первые его губят <...> истинный национализм мыслим только при наличии гражданской свободы <...> нужно, чтобы народ познал самого себя. Нужно, прежде всего, укоренить в нем сознание своей собственной личности, а для этого нужна свобода, обеспеченная законом равным для всех <...> Весь ужас нашего современного положения заключается в том, что о “свободе” у нас судят по революции, а о национализме по черносотенству»².

В целом же, с теоретической точки зрения, национальный вопрос консерваторами оставался разработан слабо. Тихомиров, посвятивший этой проблеме цикл статей, жаловался, что «в нынешнем национализме чувствуется скорее “слово”, чем “понятие” <...> хотя слово “национализм” раздается всюду, но что составляет содержание этого слова, к какому действию обязывает современного человека его “национализм”, – этого пока невозможно определить»³. В то время как для одних консерваторов истинно русским мог считаться только православный по вере, другие, наблюдая переход католиков и евреев в православие, призывали обращать внимание на происхождение. Наибольшее внимание данному вопросу уделял психиатр И. А. Сикорский⁴. В докладе, прочитанном 8 апреля 1910 г.

¹ Правые партии. 1905–1917 годы. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 годы. С. 204–212.

² *Строганов В.* Русский национализм, его сущность, история и задачи. С. 28–29.

³ *Тихомиров Л. А.* Христианство и политика. М., 1999. С. 164.

⁴ Сравнивая взгляды Сикорского на национальный вопрос с позицией других идеологов ВНС, И. В. Лукоянов замечает: «Он скорее оправдывал апартеид, чем был близок к западничеству других лидеров <...> Представления Сикорского разделялись далеко не всеми его однопартийцами», см.: *Лукоянов И. В.* Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX века). СПб., 2003. С. 68. См. также: *Колчинский Э. И.* Биология Германии и России – СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб., 2007; *Могильнер М. Б.* Номо imperii: История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.). М., 2008; *Репников А. В.* Сикорский. О жизни и научных трудах известного русского психиатра и националиста // Русское слово. 2009. № 2. С. 32–33.

в Киевском клубе русских националистов¹, он рассматривал идею национализма с биологической точки зрения. Сикорский полагал, что в оценке судьбы и будущего народов нужно принимать в расчет все пережитые ими исторические и биологические прецеденты. Народы, выделившиеся из ряда других благодаря своим биологическим особенностям, внесли в свою природу и жизнь «неисчислимыя затраты психической энергии», тем самым составив «духовный капитал». Этот капитал они передавали потомкам как биологическое наследие, и «сделаться участником этого великого духовного капитала возможно для постороннего индивидуума или народа только путем антропологического объединения, так как природа не знает и не практикует ни подражаний, ни дарственных записей, ни отчуждения духовных качеств»². Поскольку биологическое и психологическое существуют совместно и не подлежат разделению, все наследие прошлого «дается сразу сыну своего народа», а значит, «существующее ныне господство великих народов – это не продукт истории и исторических событий, но глубочайшее доисторическое и биологическое явление, служащее выражением эволюции и прогресса жизни. Это великая наследственная почать природы, оказанная тем, кто много потрудился в деле культуры духа и тела! Это личное приобретение, а не завоевание!»³. Националисты (не только в России, но и в других странах) – это люди, которые хотят показать душевные качества и духовную мощь своего народа, продемонстрировать «народный дух», который представляет собой создаваемое веками биологической и исторической жизни «величайшее биологическое богатство». Завершая свой доклад, Сикорский перечислил и атрибуты той самой «народной (национальной) души», которую должны были охранять националисты. В качестве таких атрибутов были названы: язык, поэзия, художественное творчество, школа, пресса, религия⁴.

О необходимости привнесения в науку национального самосознания писал один из крупнейших отечественных ботаников А. А. Еленкин. В 1909 г. отдельным оттиском вышла его работа

¹ См.: Кальченко Т. В. Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Киев, 2008; *Он же*. Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904–1919). Историческая энциклопедия, Киев, 2014. В издании почему-то отсутствуют биографические статьи про Д. И. Пихно, В. В. Шульгина и некоторых других деятелей, чья жизнь и политическая борьба были связаны с Киевом.

² Сикорский И. А. Психологические основы национализма. Читано в собрании членов Клуба русских националистов 8 апреля 1910 года // Русская расовая теория до 1917 года. М., 2004. Вып. 2. С. 294.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 296.

«Наука как продукт национального творчества», являющаяся частью, написанной «вместо предисловия» к его книге «Флора мхов Средней России»¹. По мнению Еленкина, наука «национальна в той же степени, что и искусство», и «оттого у нас и нет настоящих школ в биологии, что мы плохо знаем родную природу, что живем мы чужими темами, вместо того чтобы культивировать изучение своей страны и тем готовить почву к действительному восприятию и ассимиляции чужих идей, и развитию собственных направлений в науке, обусловленных нашим национальным гением. Поэтому-то западные идеи у нас не развиваются, не захватывают общество, а либо быстро сменяются другими течениями, либо бесплодно пережевываются б[ольшее] или м[еньшее] время»². Однако попытки подведения под национализм какой-то научной основы были редкими, по сравнению с обращением к эмоционально-чувственной аргументации. Тихомиров, например, считал, что национализм просто означает «быть самими собой», то есть являет необходимость отказаться от копирования чужих (в первую очередь европейских) идей, государственных учреждений, элементов культуры и т. д. С этой необходимостью отказаться от иноземных образцов был согласен и Ковалевский, понимавший под национализмом *«проявление уважения, любви и преданности, преданности до самопожертвования в настоящем, почтения и преклонения перед прошлым и желания благоденствия, славы и успеха в будущем той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит. Каждый член нации есть часть целого, и как нация не может и не должна оставлять своего члена беззащитным и неотомщенным как внутри, так и вне места ее обитания, так и часть ее, ее члены, должны быть всегда готовы пожертвовать собою для своей народности»*³.

Русские консерваторы отводили первенствующее положение в Российской империи русскому народу: «Надо раз и навсегда совершенно определено установить, что развитие русского государства должно совершаться именно в русском направлении. Великое государство, населенное многими разнообразными по своему национальному происхождению, культуре и прошлой истории народами, может существовать только в таком случае, и до сих пор, если и пока среди этих народов имеется один в духовном, экономическом и физическом отноше-

¹ Еленкин А. А. Наука как продукт национального творчества. Юрьев, 1909. Републикация осуществлена Н. П. Ильиным, см.: Еленкин А. А. Наука как продукт национального творчества // Философская культура. 2009. № 4. С. 254–274.

² Еленкин А. А. Наука как продукт национального творчества // Философская культура. С. 268, 266.

³ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб., 2006. С. 45–46.

нии сильнейший, налагающий печать своего гения на все общежитие, *народ-хозяин*, народ-господин. Обычно таким народом является тот, который и создал данное государство <...> *Господствующий в государстве народ* должен представлять собой *всестороннее могущество*», – писал по этому поводу юрист П. Е. Казанский¹. Разногласия начинались уже при обсуждении того, как именно надлежит обеспечить это «первенствующее положение», и в чем оно заключается. Казалось, что приоритет русских – это нечто само собой разумеющееся, и когда появился Всероссийский национальный союз, автор газеты Союза русского народа «Русское знамя» возмущался: «Совершенно непонятно, каким образом коренные русские люди могли додуматься до абсурда применения к себе слова “национализм” и создания русской “националистической” [партии] в своем собственном государстве»².

Взгляды русских националистов формировались под явным влиянием европейской мысли, и теории западного социал-дарвинизма и расизма (Ж. А. де Гобино, Х. С. Чемберлен и др.³) оказали влияние на формирование в начале XX в. идейных основ русского национализма⁴. Н. И. Герасимов отмечал: «Передовое общественное мнение постоянно предлагает России прогрессировать “в духе времени”. Дух времени в Европе – национализм, и следовательно <...> мы стоим перед необходимостью открыть в России эру национализма»⁵. Не случайно Ковалевскому и Меньшикову приходилось в ряде случаев мыслить в рамках «французской» или «немецкой» националистической традиции. Меньшиков писал: «Если изучить историю хотя бы одного рода на протяжении веков, но изучить биологически, с исследованием всех кровей, то можно найти истинную причину возвышения царств – чистоту расы и истинную причину упадка их – смешение рас»⁶. Попытка трактовки общественных, политических и социальных явлений на основе биологических категорий, с привлечением в качестве авторитета работ Х. С. Чемберлена, была свойственна для Меньшикова, в работах которого нередко употреблялось слово «раса», как и производные от

¹ Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999. С. 20.

² Цит. по: Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. С. 243.

³ См.: Гобино Ж. А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2000; Чемберлен Х. С. Арийское мирозерцание. М., 1995; Theologia teutonica contemporanea. Германская мысль конца XIX – начала XX в. о религии, искусстве, философии: Сборник произведений. СПб., 2006.

⁴ См.: Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. С. 199.

⁵ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 79.

⁶ Цит. по: Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа. 1907–1914. Пермь, 2001. С. 82.

него¹. В статье «Третья культура» он утверждал: «Я довольно долго сражаюсь за монархический принцип: это принцип арийский и в частности – славянский»². Слово «раса» и производные от него многократно употребляются в статьях этого публициста. Достаточно подробно эта тема освещена в кандидатской диссертации Н. В. Зверева³. Исследователь полагает, что «следы расовых мотивов обнаруживаются уже на самых ранних этапах творчества Меньшикова»⁴. По мнению американского автора Лакёра, «Меньшиков <...> первым стал проповедовать расовый антисемитизм, – в противоположность прежним, в основном религиозным его разновидностям»⁵. Н. В. Зверев задается вопросом: что же понимал Меньшиков под термином «раса»⁶? Оказалось, что «на страницах записных книжек публициста можно обнаружить примеры употребления термина “раса”, абсолютно не связанные ни с антрополого-биологическими, ни с этническими характеристиками. В них речь периодически заходила то о “разбойничьей расе”, то о “береговой” с “более свежей кровью” и “хорошо настроенными нервами”. Критикуя современную цивилизацию, Меньшиков писал о появлении “расы дикарей” – “дегенератов, людей которых общественная вражда непрерывным гнетом измяла и обесформила

¹ См.: Меньшиков М. О. Русское пробуждение. М., 2007. О расистских тенденциях в русской монархической публицистике см.: Löwe H.–D. The Tsars and the Jews: Reform, reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917. P. 283–284.

² Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 39.

³ Зверев Н. В. Нация и раса во взглядах М. О. Меньшикова // Он же. Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова (1885–1900 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 155–176.

⁴ Там же. С. 157.

⁵ Лакёр У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 50. Лакёр добавляет, что «эти идеи по большей части взяты у Хьюстона Стюарта Чемберлена, которого Меньшиков обильно цитировал», см.: Там же. Теперь у российского читателя есть возможность самому сравнить взгляды Меньшикова и Чемберлена: Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия: В 2 т. СПб., 2012. Обратим внимание на наличие размышлений о расовом аспекте и в работах других авторов. См.: Величко В. Л. Русские речи. М., 2010. С. 336–355. Современный исследователь отмечает, что у Меньшикова, Величко и др. «это был расизм, еще не имевший четкого представления о расе... При безусловном наличии в его представлениях расовых элементов, взгляды Величко отличались эмоциональной страстностью, далекой от научной строгости, которой и не стоило бы ожидать от публициста. Еще ближе к расизму подошел... М. О. Меньшиков...» // Шнирельман В. А. «Порог толерантности». Идеология и практика нового расизма: В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 211.

⁶ Зверев Н. В. Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова (1885–1900 гг.). С. 160.

до неузнаваемости”. Наконец, особенно любопытным выглядит не получившее четкого определения словосочетание “промышленная раса”. Приведенные факты убеждают нас в том, что смысл, который вкладывал Меньшиков в термин “раса”, был предельно далек от значений, заложенных в него Ж. А. де Гобино. В дневниках публициста можно обнаружить ряд суждений, которые едва ли могли принадлежать не только правоверному адепту идеолога расизма, но и любому борцу за “чистоту нации”. Это, впрочем, не отменяет вульгарной “биологизации” ряда общественных явлений, свойственной творчеству Меньшикова»¹.

Расовый вопрос затронул Тихомиров и в статье «Желтая и белая расы». Казалось бы, он далек от этой темы, но все объясняется просто – Тихомиров пересказывает публичную лекцию Сикорского, впоследствии изданную отдельной брошюрой². Сикорский полагал, что «русский народ, по общему признанию даже народов Западной Европы, явился бесспорным распространителем европейской культуры среди народов желтой расы», а «японец стремительно врывается в спокойное течение широких событий и хочет повернуть гигантское колесо жизни в другую сторону»³. Рассуждая о взаимоотношениях России и Японии, Тихомиров высказал собственное мнение: «Стремительному и хитрому натиску желтокожих Россия должна теперь противопоставить истинные свойства белой расы – хладнокровие, стойкость, внутреннюю дисциплину, единодушное подавление интриг, старающихся обессилить русских смутами и, такую же всенародную поддержку своих доблестных войск, не недели, не месяцы, а хотя бы и десять лет, – вплоть до того, *пока мы победим*. Эти свойства белой расы, свойства Рима, свойства Англии – свойства исторической России – должна проявить теперь и современная Россия, как достойная представительница белой расы против напора желтокожих»⁴. Апелляция к близости арийских народов имела место

¹ *Зверев Н. В.* Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова (1885–1900 гг.).

² См.: *Сикорский И. А.* Характеристика черной, желтой и белой рас в связи с вопросами Русско-Японской войны. Киев, 1904.

³ *Сикорский И. А.* Характеристика черной, желтой и белой рас в связи с вопросами Русско-Японской войны // Русская расовая теория до 1917 г. М., 2002. Вып. 1. С. 301.

⁴ *Тихомиров Л. А.* Христианское государство и внешняя политика. М., 2012. С. 492. Подробнее об отношении русских националистов к этому вопросу см.: *Сунь Чжинцин.* Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX века: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке М., 2008; *Ларюель М.* «Желтая опасность» в работах русских националистов // Русско-японская война. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 579–591.

и у других правых¹. В думской речи 7 декабря 1909 г. В. В. Шульгин утверждал, обращаясь к оппонентам: «Вот что я считаю центральным. Проф. Милюков говорил: “Вы, т. е. русские националисты, понятые в широком смысле этого слова, вы разрушители единства России, потому что провозглашаете принцип: “Россия для русских” и под русскими подразумеваете одних великороссов, а всех остальных, всех этих украинцев и проч., все остальные национальности и племена вы отбрасываете прочь и вместо того, чтобы воспользоваться ими как сотрудниками, как помощниками, в деле созидания великой державы, вы делаете их вашими врагами. Вы вашим сознательным нацио-

¹ Характерно, что в некоторых оценках и выводах идеологи русского национализма (М. О. Меньшиков, И. А. Сикорский, П. И. Ковалевский, В. В. Шульгин и др.) были ближе к европейским правым, чем те, кого исследователи традиционно считают предтечами европейских фашистов и национал-социалистов (Н. Е. Марков, Г. В. Бостунич, В. М. Пуришкевич). См.: *Иванов А. А., Машкевич С. В., Пученков А. С.* «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н. Е. Маркова в 1930-е гг. // *Новейшая история России.* 2014. № 1. С. 140–156; *Они же.* Неизвестные страницы эмигрантской биографии Н. Е. Маркова (по материалам личных писем политика) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* Тамбов. 2014. № 1. Ч. II. С. 79–85. В эмиграции среди «русских фашистов» была популярна и фигура П. А. Столыпина. Например, в Высшей партийной школе, функционирующей в Харбине для подготовки кадров «будущих строителей Русского фашистского здания», высшей ступенью являлась «Фашистская академия имени П. А. Столыпина» // *Базанов П. Н., Кремнев С. С., Кузнецова Т. В., Шомракова И. А.* Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 г. Энциклопедический справочник. СПб., 2005. С. 235. См. также: *Горячкин Ф. Т.* Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин. Харбин, 1928. Историк С. А. Павлюченков отмечал еще одно обстоятельство, «касавшееся оценки “белой альтернативы”, ... что в ряде случаев “белое движение” выступало альтернативой протофашистского толка, из которого вполне могла реализоваться фашистская модель развития, как это случилось позже в Италии и Германии» // *Данилов А. А. С. А. Павлюченков: историк, преподаватель, человек* // *Историк и его время. Воспоминания, публикации, исследования.* М., 2010. С. 26. Однако в этом случае можно говорить только о единстве *элементов* (см., например, дневниковые записи М. Г. Дроздовского). Подробнее см.: *Творушин М. И.* Феномен «фашизма» начала XX столетия в России и его развитие в Сибири в годы Гражданской войны. Ч. 1 // *Омский научный вестник. Исторические науки.* 2012. № 4. С. 16–20; *Он же.* Феномен «фашизма» начала XX столетия в России и его развитие в Сибири в годы Гражданской войны. Ч. 2 // *Омский научный вестник. Исторические науки.* 2012. № 5. С. 18–21; *Репников А. В.* «За грехи... и преступления... промотавшихся отцов» (И. А. Родионов, П. Н. Краснов и Ф. В. Винберг о революции в России) // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды.* Сборник научных статей. СПб., 2011. С. 141–152.

нализмом уничтожаете тот бессознательный процесс ассимиляции, который до сих пор шел в Российской Империи”. Так, кажется, я понял? (*Голоса слева*: да, да, верно) <...> Именно вы, вы постоянно, называя нас истинно русскими людьми в кавычках, издеваясь над нами, вы постоянно попрекаете нас тем, что в наших рядах много людей с нерусской кровью. И это совершенно верно. В нас вы найдете и немцев, и французов, и татар, и армян, и грузин, и поляков и даже <...> в виде исключения и евреи попадают. Но спрашивается, г., какую роль играют все эти инородцы у нас? А вот какую: под дыханием нашего национализма, национализма горячего и искреннего, – вот, г., вся разгадка, вот в чем секрет, искреннего национализма, – эти люди становятся такими же, как мы, русскими националистами. Вы, может быть, скажете, что все эти Грингуты и Крушеваны и проч., что они только представляются русскими. Но, г., верность их испробована на кровавом оселке. Когда они бросились к нам, когда объявили себя русским? Не в ту минуту, когда это было им выгодно, а именно в то мгновение, когда им за это грозила смерть или, что хуже смерти, – публичное позорное оплевание. Что же заставило их броситься в наши ряды и поддержать наши слабеющие силы? Да, г., именно исключительно то, о чем я вам говорил, способность, бесспорно доказанная, способность русского национализма переделывать инородческую стихию на свой русский образец. (*Голоса справа*: браво). Теперь, г., прошу вас обратить внимание на ваши ряды. Между вами также много инородцев, но только роль их совершенно противоположна. Мы сделали инородцев русскими, заставили их служить русской идее, вы же с каждым днем теряете национальный облик; вы, твердящие нам о свободе, на самом деле с каждым днем становитесь все более и более рабами инородцев; вы, г., под гиканье Петрункевича, Кареева и всех проч. дошли до того, что готовы были расшвырять Россию по кускам и над Империей Петра Великого выставить вывеску каких-то неизвестно как называющихся соединенных штатов. (*Голоса справа*: браво). Итак, г., я считаю этот первый вопрос исчерпанным. Русский национализм умеет перерабатывать в своей среде инородческую стихию. Но теперь второй вопрос – это процесс ассимиляции. Неограничен он или имеет свои пределы? За свою историю Россия переработала огромное количество чужой крови в русскую, но утверждаю, г., что всему на свете есть предел. Теперь наступил предел. Я говорю, – оговариваюсь, – не о всей толще русского народа, я говорю, собственно, об образованном классе и я утверждаю, что в настоящее время струя инородческая до такой степени уже сильна в этом классе, что больше мы перерабатывать не можем и это происходит потому, что за последние десятилетия инородцы бросились с особенной энергией, лавиной бросились на образование. Они ломаются всюду: в университеты, школы, куда хотите <...> Я, г., говорю, что сейчас уже не происходит ус-

воения инородческих тел, сейчас уже является отравление русского организма <...> русское образованное общество почти на половину разбавлено чужою кровью <...> Я, гг., не желаю сейчас поднимать еврейского вопроса, но беспристрастные люди должны сказать, что способность еврея ассимилироваться арийскими народами вообще подвергнута сомнению, ибо до сих пор ни один народ арийский, даже самый сильный, не смог выполнить этой задачи; следовательно, для меня совершенно очевидно, что в настоящее время мы, значительно ослабленные, тоже этой задачи выполнить не можем»¹.

Можно упомянуть и про К. С. Мережковского – биолога и профессора Казанского университета, брата Д. С. Мережковского, который исповедовал правые идеи и был одним из создателей отделения Союза русского народа в Казани. Взгляды К. С. Мережковского нашли отражение в утопии «Рай земной, или Сон в зимнюю ночь» (1903), действие которого происходит в XXVII в.² Позади эпоха, когда «на Европу, Америку и Австралию надвигались полчища из Азии. Еще раньше китайцы и японцы овладели всей западной половиной Северной Америки и распространили свое незаметное влияние на Европу и многие другие страны: всюду основывали они свои фактории, забирали торговлю и капиталы в свои руки и, подготовивши таким образом почву, монгольское племя, страшно к тому времени разросшееся, темной грозной тучей надвинулось на Европу и на все страны, населенные европейцами. Арийская раса дрогнула перед страшным монгольским драконом, но приготовилась к отчаянному отпору, и завязалась борьба, и полилась кровь рекой <...> целых пятьдесят лет тянулась эта опустошительная и упорная борьба»³. Победители («обновители») планировали обречь побежденных на уничтожение: «Азиатов мы решили истребить всех без исключения. Ни монгольская, ни негритянская расы не должны были войти в состав нового, обновленного человечества, ибо ни душевные, ни физические качества их не были для того пригодны; к поголовному истреблению предназначена была также и семитическая раса, а также такие народности, как армяне, персияне, сирийцы и тому подобные...»⁴ Одновременно стало создаваться новое человечество: «За основу для него <...> выбрали латинскую расу – французов, итальянцев, испанцев <...> к этому ядру <...> прибавили некоторое количество крови славянской ввиду симпатичной мягкости их характера, и белокурой

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 1. Ст. 3049–3052.

² См.: *Золотосов М. Н.* Братья Мережковские: Кн. 1: Отщепенis Серебряного века: роман для специалистов. М., 2003.

³ *Мережковский К. С.* Рай земной, или Сон в зимнюю ночь. Там же. С. 749.

⁴ Там же. С. 749–750.

кимврийской расы, главным образом ради разнообразия физической красоты <...> несколько женщин, отличавшихся особенно выдающейся красотой, дали нам также расы греческая и грузинская»¹.

Ясно, что в своих суждениях Меньшиков был не одинок, хотя далеко не все консерваторы уделяли такое внимание расовому и биологическому компоненту². Представитель монархического Русского собрания В. И. Веножинский в мае 1912 г. обратился к V Всероссийскому съезду «Русских людей», проходившему в Петербурге, со словами: «Еврейство, господа, прежде всего, не религия, а – раса, племя. Нам, христианам, непонятна дикая, племенная ненависть, расовая, кровная озлобленность еврейского племени к другим народам. Мы привыкли уважать другие народы и племена. Русский народ – миролюбивый и гостеприимный хозяин. И благодаря этим его качествам множество иностранцев, иноверцев за последние двести лет обрусели, полюбили Россию и стали служить ей, как прирожденные Русские. Россия поглотила их. И слава Богу, скажу я, что проглотила: это доказывает только лишний раз – могущество духа Русского и духовную близость арийских народов»³. Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что, допуская подобные высказывания, правые противоречили нормам российского законодательства, по которому дискриминационные меры не распространялись на евреев, переставших исповедовать иудаизм⁴.

Работы Меньшикова стали попыткой идеологического оформления доктрины русского национализма, который он ставил выше, чем православие и самодержавие. Н. О. Куплеваский тоже ставил на первое место обеспечение интересов русского народа: «Если русский

¹ *Мережковский К. С.* Рай земной, или Сон в зимнюю ночь. С. 757.

² «Деление человечества на роды и виды – расы, племена и народы – есть факт вполне и исключительно естественно-исторический: оно – простое явление природы, стоящее вне всякого влияния нравственного закона. С точки зрения последнего принадлежность к той или иной расе, племени или нации абсолютно безразлична и ни в какой, даже самой ничтожной, степени не может считаться достоинством или недостатком. Религия, провозвестница нравственного закона, по необходимости космополитична, не связана с расой, племенем или нацией <...> Для Церкви, как и для религии, действительно нет и не может быть ни эллина, ни иудея, ибо нравственный закон не знает и не делает никаких различий между ними», см.: *Дусинский И. И.* Геополитика России. М., 2003. С. 93. С консервативных позиций тему евгеники пытался рассмотреть Л. М. Савелов, см.: *Савелов Л. М.* Генетика и евгеника как части генеалогии. Новик. 1941. Вып. 2.

³ Правые партии. 1905–1917 годы. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 годы. С. 190.

⁴ См.: *Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа. 1907–1914. С. 82.

народ не может отстоять свои интересы, свое достоинство при конституции, пусть будет другая форма правления – монархия неограниченная, даже военная диктатура, даже республика»¹.

Как это ни странно, но за исключением небольшой группы идеологов ВНС, мало кто из русских консерваторов начала XX в. озабочился формированием идеи русского национализма. Не в последнюю очередь это объясняет и тот факт, что упомянутые идеологи возмущались тем, что некоторые видят в национализме «несколько замаскированное черносотенство, другие, наоборот, заподозревают его в революционном направлении»². Предложенная Виктором Строгановым платформа для объединения была новым шагом по сравнению с пропагандируемой черносотенцами опорой на традиционализм. «Громадное заблуждение, – писал он, – рассматривать национализм с точки зрения узкой партийной программы. Он значительно шире, всеобъемлюще. На его почве могут объединиться все существующие партии, исключая только анархистов <...> и практика западноевропейских парламентов доказывает это с полной очевидностью. Национализм, пожалуй, можно рассматривать скорее как религию, которая тоже объединяет людей самых различных политических партий, социальных положений, даже различных народов и рас»³.

На вопрос о том, что же представляет собой русский национализм, пытался ответить и Меньшиков. В его публикациях разных лет, посвященных этому вопросу, можно обнаружить немало противоречий. Объясняется это не только переменчивыми симпатиями и антипатиями публициста, но и тем, что доктрина русского национализма еще оформлялась. Меньшиков признает, что русский национализм только начал свое становление: «В течение долгих веков народ вырабатывал себе “православие” и “самодержавие”», пока «его “народность” пребывала в некотором забвении» и вот, «просыпающийся к сознанию» он «видит себя во власти иноземных и инородных стихий», когда «только возвращение к естеству, возвращение к самим себе, только *национализм* в состоянии вернуть нам потерянное благочестие и могущество»⁴. То есть, по Меньшикову, «пробуждение» русского национализма – это реакция на вмешательство «инородных сил» и объединение по принципу крови. В статье с характерным названием «Русское пробуждение» у Меньшикова опять возникает тема становления национального самосознания: «Мы,

¹ Цит. по: *Иванов А. А.* Были ли русские националисты черносотенцами? С. 172.

² *Строганов В.* Русский национализм, его сущность, история и задачи. С. 23.

³ Там же. С. 24.

⁴ *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* С. 42.

русские, долго спали, убаюканные своим могуществом и славой, – но ударил один гром небесный за другим, и мы проснулись и увидели себя в осаде – и извне, и изнутри»¹. Русский национализм использовался Меньшиковым в качестве мобилизационного фактора: «Империя – как живое тело – не мир, а постоянная и неукротимая борьба за жизнь, причем победа дается сильным, а не слюнтявым. Русская Империя есть живое *царствование русского племени*, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное подчинение себе национальностей, враждебных нам. Мало победить врага – нужно довести победу до конца, до полного исчезновения опасности, до претворения нерусских элементов в русские. На тех окраинах, где это считается недостижимым, лучше совсем отказаться от враждебных “членов семьи”, лучше разграничиться с ними начисто. Но отказываться от своего тысячелетнего царства ради какой-то равноправной империи, но менять державную *власть* на какое-то “водительство” и “руководство” – на это живая Россия не пойдет»². За этими словами просматривалось признание кризиса империи. От имени националистов Меньшиков обращался к «бунтующим» окраинам: «Вражда совершенно неизбежна при основном неравенстве, от которого ни вы, ни мы отказаться не можем. Вы <...> пламенно дорожите своим национальным своеобразием. Вы не хотите и *не можете* изменить ему. Мы, русские люди, то же самое... Остается, стало быть, разойтись, подобно Аврааму и Лоту: “Направо – твое, налево – мое”. Национализм русский, по крайней мере *в моем* понимании, не есть захват и не есть насилие. *Национализм есть честное разграничение* <...> Завоевав чуждые племена, мы имели несчастную ошибку удержать их у себя <...> Природа создала не одну, а разные национальности. Сентиментально смешивать их и притворяться, будто все они сливаются в одну, есть безумие и грех против природы»³.

Идеи Меньшикова вызывали неприятие в среде консерваторов. Тихомиров вполне в духе леонтьевской критики национализма признавал, что преобладание этнического подхода в государственной политике ускоряет процесс эгалитаризации общества: «В узких порывах патриотизма и у нас понятие о вере ныне смешивается с понятием о племени, и русский народ представляется живущим верой только для самого себя, в эгоистической замкнутости»⁴. В статье «Что значит жить и думать по-русски?» (1911) Тихомиров критикует идеологов русского национализма: «У нас нынче среди правых иногда по-

¹ Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 174–175.

² Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 186.

³ Там же. С. 176.

⁴ Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии. М., 1999. С. 221.

является такая узкая идея *русского* интереса, такой национальный эгоизм, которые приличествуют разве какой-нибудь бискайской "национальности". Но это в высочайшей степени антирусская черта <...> русская национальность есть *мировая* национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в *своем* деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта и делает русский народ великим мировым народом и, в частности, дает право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени. Мы же теперь слышим иной раз требование прав для русского племени не потому, что это нужно для всех других, для всего человечества, а просто потому, что для русского племени выгодно все забрать себе. Это настроение и точка зрения, против которых вопиют вся русская история, вся жизнь русского народа, все лучшие его мыслители и деятели. Только во имя своей великой общечеловеческой миссии русский народ может требовать себе руководства другими народами и тех материальных условий, которые для этого необходимы. Те требования, которые может и должен предъявлять русский народ, налагают на него великие обязанности попечения и справедливости. Он не из тех опекунов, которые пользуются своими правами для того, чтобы обобрать отданных в зависимость от него. Люди, которые этого не понимают и не чувствуют, думают и живут не по-русски¹. Эта цитата важна, так как отражает точку зрения не только Тихомирова, но и тех, кто критиковал русский национализм с консервативных позиций. Характерно, что Тихомиров неоднократно употребляет выражения об общечеловеческой миссии русских, которые есть «*мировая* национальность». Историк М. Ю. Лачаева полагает, что «религиозный подход к истории и детальный анализ мировых религий, и прежде всего христианства и иудаизма, дал Тихомирову возможность показать личное неприятие национализма и определить приоритет общечеловеческих ценностей как показатель развития»². Тихомирова, действительно, нельзя в полной мере зачислить в русские националисты³.

¹ Там же. С. 220.

² Лачаева М. Ю. «Цветущая сложность» К. Н. Леонтьева и концепция Л. А. Тихомирова // Историография истории России до 1917 г.: учебник для студентов высших учебных заведений: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 75.

³ Некоторые из современных публицистов указывают в качестве «признака» тихомировского национализма его критическое отношение к евреям, выражавшееся в статьях и дневниковых записях, однако было бы ошибочно считать, что антисемитизм является «обязательным» атрибутом русского национализма или консерватизма.

Иногда предложения националистов вовсе не вписывались в традиционное консервативное мировоззрение. Так, в дневниковых записях Меньшиков указывал, что еще при Александре II следовало бы «разделить Россию на самоуправляемые области по образцу С. Штатов <...> На месте царя я строго отделил бы царские обязанности от нецарских. Разделил бы Россию на сто автономных земель – штатов и возложил бы на них всю ответственность за их судьбу»¹. Строганов также советовал «расчленив территорию Империи на более мелкие административные единицы», предоставив местным органам большую инициативу².

Анализируя причины отторжения идеи русского национализма значительной частью правящего слоя дореволюционной России, С. М. Сергеев приходит к выводу, что это абсолютно логично в том случае, «если мы поймем, что она (Российская империя. – А. Р.) была *самодержавно-дворянским государством*»³. Дворянская аристократия (принадлежностью к которой гордился К. Н. Леонтьев) и бюрократически-чиновничья верхушка поддерживали «имперские аппетиты самодержавия, нашедшего себе верную опору в служилом дворянстве»⁴. Но всегда ли то, что «выгодно» для империи, «выгодно» для русской нации? Русские консерваторы, делавшие шаги на пути познания национального вопроса, обозначили еще одну проблему: можно ли найти верное соотношение имперского и национального?

Современный исследователь отмечает, что «идеи разделения народов империи по этническому принципу уходили корнями во вторую четверть XIX в., получив свое развитие в трудах основоположника русского национализма Н. Г. Дебольского»⁵. Действительно, Дебольский предпринял попытку обосновать идею этического на-

¹ Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX веков). М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993. Вып. IV. С. 26, 157.

² *Строганов В.* Русский национализм, его сущность, история и задачи. С. 70–71.

³ *Сергеев С. М.* Апология «очернительства» // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 224.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ *Размолодин М. Л.* О консервативной сущности черной сотни. С. 236–237. Биографию Дебольского см.: *Ильин Н. П.* Этика и метафизика национализма в трудах Н. Г. Дебольского. Русское самосознание. 1995. № 2. С. 7–64; *Он же.* Дебольский Н. Г. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. С. 150–151. Отрывок из цикла статей Н. Г. Дебольского «О содержании нравственного закона» републикован Н. П. Ильиным, см.: Русское самосознание. 1995. № 2. С. 65–79.

ционализма с философских позиций¹. Он полагал, что «хотя народный дух может поглотить и слить в себе различные породы», для надлежащей устойчивости народного союза должна существовать «господствующая в данной народности порода» (в русской народности – «великорусская порода»)². Н. П. Ильин пишет, что понятие «порода» (биологическое, в отличие от понятия «народ») в ряде случаев стоит у Дебольского ближе к понятию раса, чем этнос (племя), и Дебольский отмечал, что «различие между составляющими нацию "породами" не должно заходить слишком далеко», а во многих (хотя и не во всех!) случаях язык «служит лучшим признаком народности, чем порода, т. к. с языком связано понятие духовного общения»³. Обратим внимание на тот факт, что Дебольский выступал против «господства идеи теократии», подчеркивая «несоизмеримость» задач церкви с задачами национального самосохранения. Национальное самосохранение для него было более важно. Этим он и ряд других националистов (Меньшиков, Ковалевский, Сикорский) раздражали православных консерваторов. В отличие от Тихомирова (см. приведенную выше цитату), Дебольский не одобрял идею подчиненности народности государству. Он писал: «Племя, становясь началом и источником государственного единства, обращается в *национальность*. Отсюда видно, что не всякое племя в состоянии возвыситься до значения национальности, но только такое племя, которое имеет в себе достаточно внутренних сил для подчинения своей идеи – идее государства, для осуществления себя в виде государственного единства»⁴. Для Дебольского народность была силой, которая создала государство и могла придать ему новый импульс в развитии: «Народность есть одухотворение государства т. е. замена его насильственного характера свободным»⁵. Н. П. Ильин указывает на определенную преемственность: «Стройное, продуманное в важнейших деталях выражение философия русского национализма получила <...> в тру-

¹ См.: *Дебольский Н. Г.* О высшем благе. СПб., 1886. См. также осуществленную Н. П. Ильиным републикацию: *Дебольский Н. Г.* Начало национальностей в русском и немецком освещении // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: В 4 т. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А. В. Репников, сост., предисл. и комм. А. В. Репников, А. А. Иванов. М., 2014. С. 506–524.

² *Ильин Н. П.* Дебольский Н. Г. С. 150.

³ Там же. С. 150–151.

⁴ Цит. по: *Ильин Н. П.* Этика и метафизика национализма в трудах Н. Г. Дебольского. С. 23.

⁵ *Ильин Н. П.* Дебольский Н. Г. С. 151.

дах Н. Н. Страхова, П. Е. Астафьева и особенно Н. Г. Дебольского»¹. Ильин справедливо отмечает, что при жизни Дебольского наблюдалась его дистанцированность от партийно-политической борьбы. Это было связано с тем, что национализм Дебольского был несовместим с идеологией правых (черносотенных) партий и официальным курсом власти, в котором «народность» оказывалась «довеском» к «православию и самодержавию», не имея самостоятельного содержания. Но Дебольский вряд ли мог «уложиться» и в прокрустово ложе трактовки национализма ВНС, хотя если определять его идеологическую близость к тем или иным вышеупомянутым персонажам, он скорее ближе к Ковалевскому и Сикорскому.

Меньшиков отмечал, что «не отрекаясь» от начал православия и самодержавия, «мы должны дать развитие третьему, наиболее коренному из них, пришедшему в забвение, – именно русской народности <...> Теперь у нас и вера, и власть в упадке. Приподнимите народность – вместе с нею поднимутся и вера, и власть»². В статье «Совет монархистам» (1909) публицист утверждал: «Главным пунктом служит у нас народность, а не та или иная формула государственности и веры <...> Мне кажется, гораздо глубже монархизма и даже религиозных верований лежит та почва, где они коренятся – народность»³.

Ковалевский полагал, что «Самодержавие, Православие и единодержавие нераздельны, поддерживают друг друга и взаимно дополняют. Государственное Самодержавие в том виде, как оно утвердилось в России, возможно только у православных народов и немыслимо во всей полноте у католиков, ибо у последних оно сталкивается с церковным Самодержавием Римских пап, верховная власть которых, по религиозным верованиям католиков, выше всех земных властей <...> истинное Самодержавие в таких случаях немыслимо»⁴. На первое место он, как и Меньшиков, ставил «народность». Обращаясь к религиозным догматам в очерке «Мироздание», Ковалевский обосновал процесс возникновения и развития материального и биологического мира: «Во всем развитии Бытия мы имеем в виду три элемента: вещество или материю, силу или душу ее и законы, по которым вселенная живет. Но где же Бог и нужен ли Он? Как кому угодно. Бог может быть и может не быть»; Бог может быть, если это необходимо для «нуждающегося и слабого человека»⁵. Характерно, что имен-

¹ Ильин Н. П. Урок немецкого. Философская культура. 2005. № 1. С. 189.

² Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 308–309.

³ Меньшиков М. О. Совет монархистам. Новое время. 1909. 15 сентября.

⁴ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. С. 110.

⁵ Цит. по: Стукалов П. Б. Павел Иванович Ковалевский и Михаил Осипович Меньшиков как идеологи Всероссийского национального союза. Дис. ... канд ист. наук. С. 326.

но националист Ковалевский выступил с резкой критикой Ветхого Завета¹. Цензурный комитет признал книгу Ковалевского «Библия и нравственность» преступной (I), а самого автора – за «богохуление и оскорбление святыни» – отдал под суд, который Ковалевского оправдал, не найдя в сочинении святотатства (в дальнейшем брошюра выдержала 14 изданий). В ответ московская монархическая газета «Колокол» выпустила брошюру Е. Гептнер, содержащую критику позиции Ковалевского².

Позитивно оценивая в своих работах самодержавие и православие, Ковалевский рассматривал их именно через призму национализма, считая, что они вытекают из национальных свойств русского народа: «Для русских православная вера является твердыней и важным признаком их самостоятельного национального бытия <...> Тем не менее вера не может служить вообще важным национальным признаком, ибо мы видели, что многие нации исповедуют различные религии, как немцы, армяне и прочие, и это им нисколько не мешает принадлежать к своим нациям»³. Итог этим наблюдениям подвел историк А. А. Иванов, заметивший, что если бы с точки зрения русских националистов «Православие и Самодержавие не “подходило” бы к славянской природе, то и ценности в них никакой не было»⁴.

Национализм А. И. Дубровина, Н. Е. Маркова и других черносотенцев опирался на самодержавие и православие. В конце ноября 1915 г., когда уже всюду шла война, Н. Е. Марков заявлял на Всероссийском монархическом совещании в Нижнем Новгороде, что «русский народ крепко связан своими верованиями, и если он перестанет быть православным христианином, он перестанет быть собственно русским»⁵. То есть русский, ушедший от православия, – это не русский. В январе 1916 г. «Русское знамя» рисовало такую картину: «Русский человек, соvrащенный в баптизм или другую секту, перестает быть русским, он ненавидит русского православного человека, не любит русского царя и вешает в своем доме портрет Вильгельма,

¹ См.: Ковалевский П. И. Библия и нравственность. Пг., 1916.

² Гептнер Е. Библия и нравственность. В защиту Слова Божия (Ответ проф. П. И. Ковалевскому по поводу его брошюры «Библия и нравственность»). СПб., 1913. С. 6. Подробнее см.: Иванов А. А., Репников А. В. Ковалевский П. И. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. С. 243–247.

³ Ковалевский П. И. Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь-националист. М., 2005. С. 41–42.

⁴ Иванов А. А. «Россия для русских»: pro et contra. С. 101.

⁵ Цит. по: Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. С. 211.

его родиной становится Германия, и облик этого русского делается весьма немецким»¹. Вот так, – отошел от православия и стал «немец». Д. А. Коцюбинский обращает внимание на то, что понятие «русский» трактовалось порой очень широко, и «те русские по рождению люди, которые утрачивали базовые качества, присущие (по мнению националистов. – А. Р.) русской национальности, – автоматически переставали быть русскими»². «Настоящим русским мог считаться только православный, и только монархист», – утверждает Лукьянов, приводя слова из статьи Н. Н. Жеденова в «Русском знамени» от 2 апреля 1913 г.: «Тот, кто не православен, тот не русский человек: он уже выродок. Тот, кто не предан царю, также не русский»³. Зато немец, поляк, грузин или молдаван по происхождению, верой и правдой служивший царю и отечеству, наоборот, – «становился» русским. А. А. Киреев в своем дневнике записывал 28 октября 1909 г.: «Я придерживаюсь того мнения, что крещенный еврей – русский (если не сам – то его дети). Поляки придерживаются этого правила <...> и дело ассимиляции идет хорошо. Правда, польские евреи большей частью принимают протестантство»⁴. Киреев был не одинок, но было и мнение, что вероисповедание «не есть еще признак национальности» и религия не оказывает первостепенного влияния на национальный характер, так как «религиозные догмы, всегда чистые и высокие, сплошь и рядом извращаются <...> догмами “расовыми”», которые «в отличие от религиозных, вечны и неизменны»⁵. Коцюбинский обращает внимание на попытки Меньшикова придать при определении национальности «приоритетное значение природно-биологическим факторам»⁶, но меньшиковский национализм противоречив. Впрочем,

¹ Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. С. 211.

² Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 98.

³ Лукьянов М. Н. «Россия – для русских» или «Россия – для русских поданных»? С. 38.

⁴ Киреев А. А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 340.

⁵ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 103. По мнению Коцюбинского, с которым мы согласны, эта мысль, выраженная в 1913 г. на страницах газеты «Киевлянин» в статье автора под псевдонимом «Викт. Соседов», принадлежала В. В. Шульгину. Размышления «Соседова» схожи с более поздними работами Шульгина: «Я уверен, что в какую бы идеальную религию вы ни обратили евреев – они не изменятся. У них в крови те “особенности”, за которые их “изгоняли”, за которые их “гонят” до настоящего времени», и которые «неистребимы, как неистребима свирепость у коршуна и глупость у осла. Это “расовое”, а потому “вечное”» // Там же. С. 269. Подробнее см.: Репников А. В., Христофоров В. С. Шульгин Василий Витальевич // Российская история. 2009. № 5. С. 155–169.

⁶ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 99.

взгляды других русских националистов тоже «отличало внутреннее противоречивое стремление использовать западный теоретический фундамент для построения русской национал-либеральной системы взглядов, что в свою очередь, накладываясь на исходную внутреннюю противоречивость любой национал-либеральной идеологии, создавало цепь доходящих до гротеска логических несоответствий»¹. Меньшиков то склоняется к апологии расы (в духе некоторых современных ему европейских националистов), то в дневниковых записях подчеркивает (причем неоднократно), что «суеверие национальности пройдет, когда все узнают, что они – смесь, амальгама разных пород, и когда убедятся, что национализм – переходная ступень для мирового человеческого типа – культурного. Все цветы – цветы, но высшей гордостью и высшей прелестью является то, чтобы василек не притянул быть розой, а достигал бы своей законченности. Цветы не дерутся между собою, а мирно дополняют друг друга, служа гармонии форм и красок», и поможет в этом война, которая есть «нейтрализация национальностей, проникновение их друг в друга и окончательное погашение <...> настал момент окончательного (благодаря пробившимся путям) смещения и налицо – мировая война»². Обращаясь к эволюции взглядов Меньшикова на национализм, современные исследователи приходят к выводу, что «это напоминает отчасти позднего Шульгина»³ <...> Как человек, по Ницше, есть нечто, что должно преодолеть, так и национализм, по Меньшикову и Шульгину, есть нечто, что должно быть преодолено. Но преодолено не отменой, не упразднением самого субъекта национализма – живой исторической нации, а, напротив, путем максимального ее развития, возрастания

¹ Там же. С. 115.

² Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX веков). М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. С. 17, 89.

³ См.: Репников А. В., Гребенкин И. Н. Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 25–40; Они же. Жизнь и судьба Василия Витальевича Шульгина // Ключевские чтения – 2010. История России: личность, общество и природа страны: Материалы Всероссийской научной конференции: Сборник научных трудов. М., 2010. С. 88–107; Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В. Г. Макарова, А. В. Репникова, В. С. Христофорова; коммент. Макарова В. Г., Репникова А. В. М., 2010; Репников А. В. Долгая жизнь Василия Шульгина // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2013. № 4. С. 135–168; Они же. Василий Шульгин и «украинский вопрос» // Россия XXI. 2015. № 1. С. 146–171. Отметим и появление книги о Шульгине в известной серии «Жизнь замечательных людей», см.: Рыбас С. Ю. Василий Шульгин: судьба русского националиста. М., 2014. Летом 2015 г. в издательстве «Посев» выходит сборник трудов В. В. Шульгина «Россия, Украина, Европа», куда вошли его работы, посвященные национальному вопросу.

к той “общечеловечности”, о которой грезил в своей Пушкинской речи Достоевский»¹. Критически оценивающий националистические взгляды Меньшикова историк М. Н. Лукьянов тоже отмечает его эволюцию накануне Первой мировой войны, при этом делая общий вывод, согласно которому «националистический дискурс кануна Первой мировой войны носил заметный отпечаток либеральной, демократической риторики. Едва ли это можно объяснить чисто терминологическими ухищрениями идеологов русского национализма. Мысль о насущной необходимости синтеза, с одной стороны, либеральной, демократической идеи, а с другой – идеи национальной, получила самое широкое распространение в русской политической публицистике рассматриваемого периода»². С. М. Сергеев считает, что «“интегральный”, “новременский” национализм, чьим главным выразителем являлся М. О. Меньшиков, по внешности имел много общего с национал-либерализмом <...> Фразеология Меньшикова порой удивительно напоминает формулировки его постоянного и жесткого оппонента Струве³ <...> Так почему же Михаил Осипович и Петр Бернгардович не нашли общего языка? Прежде всего принципиально отличны общефилософские предпосылки их мировоззрений: Струве, отказавшись от марксизма и позитивизма, перешел к “этическому идеализму” <...> Меньшиков же был биологическим детерминистом и социал-дарвинистом с сильной примесью ницшеанства, для которого главной ценностью было благо этноса как биологического организма и национальность определялась принадлежностью к «расе», «крови», «породе»⁴. При этом у Меньшикова и Ковалевского биологизаторский подход к национализму уживался с «либерализ-

¹ *Поспелов М. Б., Лисовой Н. Н.* Естественный стиль. Штрихи к биографии и творчеству М. О. Меньшикова // *Меньшиков М. О.* Выше свободы: Статьи о России. М., 1998. С. 427.

² *Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа. 1907–1914. Пермь, 2001. С. 96.

³ Сходство националистической риторики Меньшикова и Струве было замечено не только С. М. Сергеевым, см.: *Толстенко А. К.* Либеральный и консервативный подходы к этнонациональной проблематике. Сравнительный анализ взглядов П. Б. Струве и М. О. Меньшикова. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012; *Она же.* «Национальная империя» Петра Струве и Михаила Меньшикова. Вопросы национализма. 2012. № 9. С. 130–139. По мнению исследовательницы, «Струве и Меньшиков стремились к одной цели: не сбрасывая с плеч русских бремя империи, добиться образования русской нации и построения русского национального государства. Непременным условием будущего государства они считали господство русского народа». Там же. С. 138–139.

⁴ *Сергеев С. М.* Русский национализм и империализм начала XX века // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* С. 14–15.

мом», но этот «либерализм», по своей сути, «был предельно далек от струвовского социал-либерализма, да и от классического либерализма тоже»¹. Те, кто пытается представить Меньшикова исключительно как «национал-либерала», оставляют вне поля зрения расовый аспект его публицистики. Другие поднимают на щит именно эту часть его наследия. Разобраться в этом мало кто пытается. В целом же в спорах рубежа веков «сторонники отождествления Российской империи с русским национальным государством и вытекающего из этого действительно утопического стремления к поголовной русификации всего населения империи неизменно составляли среди русских националистов заведомое меньшинство»².

Работы русских националистов содержат тезисы, в которых на первое место ставится не вера, а нация и в этом отношении «неудобны» для современных публикаторов, позиционирующих себя как «православные исследователи». С другой стороны, в публикациях, подготовленных современными националистами, подобные «купюры» как раз отсутствуют³. С. М. Санькова отмечает, что «современные авторы, стремящиеся представить Меньшикова исключительно в положительном свете, неизменно акцентируют его приверженность православию⁴, однако дальше констатации этого факта никто из них не идет»⁵. Происходит своеобразное «табуирование» критики церкви, которую Меньшиков и некоторые его единомышленники осуществляли именно с националистических позиций. Только максимально полное изучение идейного становления русского национализма начала XX в. в его развитии поможет реконструировать со всеми присущими ей противоречиями систему взглядов, которой руковод-

¹ Там же. С. 15.

² *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 153.

³ В републикации работ Ковалевского (*Ковалевский П. И.* Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь-националист) сделаны значительные сокращения материала, связанного с рассмотрением национального вопроса. В комментариях издателей сказано, что «Сокращения <...> текста книги сделаны за счет изъятия повторов с работой “Психология русской нации”, ряда материалов по еврейскому, польскому вопросам и т. д.». Там же. С. 101. В том числе сокращены места книги, связанные с критикой славянства, оставленные в републикации 2006 г., см.: *Ковалевский П. И.* Русский национализм и национальное воспитание в России: В 2 ч. СПб., 2006. С. 64–145.

⁴ См.: *Меньшиков М. О.* Вечное Воскресение. Сборник статей о Церкви и вере. Москва, 2003.

⁵ *Санькова С. М.* Идеология российского государственного национализма второй половины XIX – начала XX в. (Историографический аспект). Дис. ... докт. ист. наук. М., 2009. С. 417.

ствовались наиболее видные идеологи этого течения: Меньшиков, Ковалевский, Сикорский, Шульгин¹ и др.

Наконец, нужно отметить национал-демократическое направление российской общественной мысли, представители которого имели представительство в Государственной думе². «К числу национал-демократов можно отнести: 1) киевский кружок, сложившийся вокруг профессора, депутата 1-й Государственной думы Т. В. Локотя и газеты “Киев”; 2) петербургский кружок во главе с Д. Н. Вергуном и М. Я. Балясным, продуктом деятельности которого явился литературно-общественный сборник “Ладо”; 3) московский кружок во главе с П. В. Васильевым и И. З. Желудковым³, написавшими “проект программы русских народных националистов” и пытавшимися создать “Русский национал-демократический союз”; 4) “(Имперская) Народная партия”, основанная издателем журнала “Дым Отечества” А. Л. Грязиным, депутатом Думы М. А. Карауловым и упомянутым выше П. В. Васильевым. Если говорить об их расположении на политическом поле, то Т. В. Локотя и М. Я. Балясного можно поместить между националистами и октябристами»⁴.

В начале XX в. русские националисты пытались вписаться в происходившую модернизацию и не отстать от прогресса. Консерватизм С. Н. Сыромятникова предполагал развитие политической и общественной жизни России⁵. Он полагал: «Остановить движение человечества нельзя, можно и должно прорыть правильное русло

¹ Религиозные взгляды В. В. Шульгина были далеки от традиционного православия. Он серьезно интересовался мистикой и т. п., см.: *Шульгин В. В.* Мистика // Наш современник. 2002. № 3. С. 137–149.

² См.: *Лопухова А. В.* Националисты в Государственной Думе Российской Империи. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005; *Тарасов К. Н.* Российский консерватизм и народное представительство (проблема создания в России институтов народного представительства в идеологии отечественного консерватизма первой трети XX века: эволюция политической программы, 1900–1933 гг.). М., 2014.

³ О национал-демократическом спектре российской общественной мысли см.: *Чемакин А. А.* «Русский национальный меньшевизм». История национал-демократической группы Васильева – Желудкова // Вопросы национализма. 2014. № 4. С. 127–143.

⁴ *Чемакин А. А.* Русские национал-демократы в Российской империи: историографический аспект // Грамота. 2015. № 1. В 2 ч. Ч. II. С. 203.

⁵ См.: *Репников А. В.* С. Н. Сыромятников: штрихи к портрету // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 93–110; *Репников А. В., Соловьев К. А.* Сыромятников С. Н. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. С. 502–506; *Они же.* Общественный человек Сигма. «Прогрессивный националист» Сергей Сыромятников // Родина. 2011. № 10. С. 115–120.

для течения общественной мысли и общественного чувства. Теперь же общественная мысль и общественное чувство направлены против русской государственности»¹. Себя Сыромятников определял как «прогрессивного националиста», считая, что «истинный консерватизм, консерватизм не полицейский, а государственный, есть сохранение живого и жизнеспособного в народе, есть развитие исторически необходимого, есть защита испытанного своего против неиспытанного чужого, защита не кулаком и палкой, а воспитанием общественной мысли и чувства»². Сыромятников полагал, что «русская идея есть идея братства людей, как частиц мира, не как повелителей мира, не как истребителей жизни естественной, не как заменителей ее жизнью искусственной. Наше братство есть братство охраны мировой жизни»³.

Но вера в прогресс должна была в какой-то момент войти в противоречие с религиозными и традиционалистскими догмами⁴. Свообразным катализатором этого процесса явилась Первая мировая война. Еще в 1912 г. Строганов предупреждал, что новые технические достижения («новейшие способы истребления») коренным образом изменят сам характер войны и «новые войны будут лишены всякой декоративности, смерть утратит свою героическую красоту, наоборот по своей внезапности и громадному количеству жертв она будет казаться стихийным бедствием, против которого бессильны все человеческие усилия. И что ужаснее всего – эта смерть будет угрожать армии непрерывно, каждую секунду, не только со стороны видимого, хотя бы при помощи дальних разведок врага, но и с небесной выси»⁵. Мировая война, которая уже сама по себе явилась одним из последствий не только политического, экономического, но и мораль-

¹ Сыромятников С. Н. (*Сигма*) Опыт русской мысли. СПб., 1901. Кн. 1. С. 73.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 29.

⁴ Для понимания этого вовсе не обязательно было быть православным консерватором. Например, В. И. Вернадский полагал: «В результате длительных споров относительно существования прогресса, который всегда выявляется в истории человечества, сегодня уже можно утверждать, что существование прогресса в ходе времени доказано только для истории научного знания. Ни в каких других областях человеческого бытия – ни в государственном и экономическом устройстве <...> длительного прогресса с остановками, но без возврата назад, мы не видим. Не видим его мы и в отраслях морального, философского и религиозного состояния человеческих обществ», цит. по: Смирнов В. Н. Славянофилы и евразийцы (вторая половина XIX – начало XX в.). Харьков, 2007. С. 123.

⁵ Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. С. 76.

но-нравственного кризиса, привела к дальнейшему упадку религиозного сознания. Историк В. П. Булдаков отмечает, что «объяснения “высших” целей войны солдат ни от офицера, ни от священника не получал. Духовные пастыри иной раз признавали, что вера в технику и прогресс стала заслонять веру в Бога. Бывшим крестьянам поневоле пришлось уверовать во всемогущество убивающего прогресса»¹. Об этом же писал Меньшиков: «В Германии <...> там без Иверской воюют со всем светом и побеждают, а у нас и Иверская, и Казанская, и Смоленская, и Почаевская и не весть сколько других, и что же?.. Поразительно, до чего природа охотно благоприятствует человеку, решившемуся использовать природу. Человек не догадывается, что он бог. Он давно владеет возможностью творить чудеса, но почему-то думает, что вместо него их должна творить деревянная доска с изображением женщины, держащей ребенка»². В газете «Новое время» от 19 января 1917 г. в статье «Не любят правды», Меньшиков писал о православном духовенстве: «Если народ наш нравственно плох, то кто же виноват в этом, как не его так называемые духовные пастыри? <...> Каково было духовенство за эти тысячу лет, таким сложился и народ наш»³. Духовенство «само виновато в дурных общественных нравах, отравляющих между прочим и печать»⁴. Меньшиков безжалостен в своих оценках: «Никаких *особенных* заслуг у духовенства я не вижу, а “влияние” его на народ вижу <...> в общем *тысячелетнем* итоге очень неважное влияние»⁵. Не отрицая, что «изредка всегда встречались и встречаются добрые, почтенные и религиозные батюшки», и особо отмечая деятельность Иоанна Кронштадтского, Меньшиков полагает, что тот «был таким священником, каким должны бы быть все <...> не осталось после его ни одного ученика и преемника его роли среди духовенства <...> Хотелось бы около имени о. Иоанна могучего религиозного подъема и облагорожения самых нравов народных, но этого-то как раз и не заметно»⁶. Оппонент, из числа духовенства, которому Меньшиков возражает в статье, приводит аргумент: «Кто осмелился сказать, что народ наш перестал посещать церкви? <...>

¹ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 29.

² Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX веков). М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. С. 29, 64. Характерно, что в данном случае слово «бог» написано со строчной буквы, хотя в других местах дневника Меньшиков пишет его с заглавной.

³ Меньшиков М. О. Не любят правды. Новое время. 1917. 19 января. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Разве по праздничным дням не переполняются храмы богомольцами до тесноты? <...> Разве перестал народ выполнять таинства св. Церкви?»¹ Меньшиков парирует, что переполненные храмы, выполнение обрядов, молебны, «возжжение свечей» и прочие *внешние* признаки абсолютно не говорят о *внутренней* крепости веры в народе. Гораздо ббльшие толпы людей наполняют рестораны, кабаки, кинематографы и т. п. заведения. Публицист отмечает, что его оппонент, «как и великое множество людей его сословия, хочет громкими словами затушевать довольно жалкую церковную действительность»². По его мнению, «простой народ, как медиум, слепо повторяет мысли и жесты своих внушителей. От внушения истинной веры начинается жизнь истинная, то есть в существе своем блаженная. От внушений ложных начинается жизнь безумная, полная страданий»³. То есть религиозность в народе ослабла и нужно принимать реальные меры, а не прятать голову в песок, подобно страусу. «Возжжение свечей – вещь недорогая и ничего не говорящая в связи с моей темой, – писал он. – Я говорил о *плохой нравственности народной*, как результате плохого проповедания слова Божия. Нельзя же сводить великое дело Откровения к возжжению свечей и пению молебнов»⁴. Последнее предложение статьи Меньшикова таково: «Духовенству есть что замалчивать и скрывать, начиная с своего исторического, невыполненного им долга перед народом»⁵.

Можно отметить наличие во взглядах идеологов русского национализма определенного скепсиса по отношению к современному им состоянию самодержавия и православной церкви. Несмотря на неоднократные замечания о значимости для русского народа религии и монархии, националисты, как верно отмечает Д. А. Коцюбинский,

¹ Там же.

² Там же.

³ Меньшиков М. О. Выше свободы. Статьи о России. С. 244.

⁴ Меньшиков М. О. Не любят правды. С. 5. Пройдет немного времени после выхода этой статьи, и священники будут приветствовать отречение Николая II, служить молебны «по случаю переворота», украшать себя красными бантами и т. д. Представители духовенства из числа сторонников обновления церкви обрушатся на своих противников с обвинениями в «черносотенстве» и приверженности к «старому режиму». См.: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 62–63; Репников А. В. Церковь перед выбором. Переиздано собрание документов, посвященных отношению РПЦ к свержению монархии. НГ – Религии. 5 марта 2008 г. С. 11; Он же. [Рецензия] // Отечественная история. 2008. № 5. С. 202–204.

⁵ Там же.

прежде всего руководствовались не столько религиозными, сколько «национально-державными» представлениями¹.

В 1915 г. вышел сборник антигерманского содержания «Наши враги» со статьями русских националистов: Ковалевского, Сыромятникова и А. М. Михайлова². В «психологическом очерке», помещенном в книге, Ковалевский негативно характеризует немцев, у которых война только усилила «скотские чувства», и провозглашает наступление исторического момента «национального объединения славянской нации», которое будет «гибельно для немецкой нации»³. Сыромятников, совершив экскурс в историю, приходит к выводу, что после начала войны «даже самые тупые русские люди оценили значение прусской дружбы», а все разговоры об «усилении Англии» нужно отбросить, поскольку «ни мы, ни Англия не ищем мирового господства и честные, и умные люди наших обоих народов найдут возможность размежеваться, когда Европе перестанет угрожать кулак германских варваров»⁴. В схожем духе Меньшиков сравнивал немецкую и русскую культуру: «Что такое национальная “Илиада” германцев – “Песнь о нибелунгах”, как не сплошное предательство и душегубство? <...> сколько не фальсифицируйте разбойный смысл поэмы, он останется чисто разбойным <...> наши богатыри, созданные народным воображением, были истинные джентльмены в сравнении с немецкими героями “Нибелунгов”»⁵. Сравнивая древнюю религию германцев и славян. Меньшиков предпочитает Перуна Одину, заявляя, что «в силу разных причин на Западе, и особенно в Германии, идет открытое восстановление язычества <...> в самом сердце Европы идет восстановление древних демонов»⁶.

И. А. Сикорский присоединился к антинемецкой компании, выразив уверенность в победе: «Одаренность народов Тройственного Соглашения обещает успешность всякой коллективной работы <...> Все три союзные народы отличаются каждый – расовую одаренно-

¹ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 426.

² Наши враги. Очерки проф. П. И. Ковалевского, С. Н. Сыромятникова (Сигма) и А. М. Михайлова. Библиотека «Голоса Руси». Пг., 1915. Вып. 1.

³ Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. С. 250.

⁴ Там же. С. 264–269. Сравните с позитивным мнением М. О. Меньшикова об англичанах, которые, в отличие от немцев, «никому не навязывали <...> ни политического, на даже экономического ига. Все свои преимущества они более заработали, чем завоевали», цит. по: Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. М., 1997. С. 213.

⁵ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 496. 497.

⁶ Там же. С. 505.

стью, обладают хорошо развитою национальной литературой, и все три выработали у себя психологически тонкий язык <...> Все три народа, кроме того, материально обеспечены как естественными богатствами своих стран, так и значительными запасными территориями, обещающими ту же обеспеченность и в будущем. Своевременное приобретение таких территорий свидетельствует об уме, здравой расовой проницательности и давней предусмотрительности»¹. Нельзя согласиться с В. И. Менжулиным, что в этой брошюре «Сикорский не стал использовать по отношению к врагам свое излюбленное оружие – рассуждения о расовом превосходстве»². Тем более нельзя выводить германофильство Сикорского из того, что он отнес немцев «к расам здоровым и одаренным»³. Критика Сикорским Германии действительно затрагивала ряд ошибок, «традиционно допускаемых немцами в вопросах, связанных с созданием “территориальных запасов” (колоний)», как отмечает Менжулин⁴, но при этом был задействован расовый аспект.

Характерно, что в ходе войны идеологи русского национализма призывали на время забыть политические и национальные разногласия (особенно показательна здесь эволюция Шульгина, согласившегося на союз с Прогрессивным блоком и П. Н. Милюковым). Меньшиков в мае 1916 г. в статье «“Пророки” и держиморды» полемизировал с публикацией в черносотенной «Земщине», где его упрекали в забвении «еврейского вопроса». В ответ он объяснял, что российской печати еще в начале войны был свыше дан лозунг оставить националистические споры и забыть о внутренних распрях. Он полагал, что «державному русскому племени в период войны не время сводить счеты с маленькими народцами, переживающими в одинаковой мере неслыханную катастрофу и в одинаковой мере проливающими кровь

¹ Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. С. 77. См.: Ретников А. В. Русские националисты и Первая мировая война // Ключевский чтения – 2012. Российская государственность и освободительные войны. Материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2013. Т. 2. С. 67–71.

² Менжулин В. И. Другой Сикорский: неудобные страницы истории психиатрии. Киев, 2004. С. 440.

³ Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. С. 64. Далее он пишет: «Немцы представляют собою расу, бесспорно одаренную и сильную, хорошо приспособленную к жизни <...> немцы не лишены инстинкта расовых территориальных сбережений и накоплений, но всегда совершали это своеобразным способом <...> немцы издревле утвердили свою власть на костях славянских», см.: Там же. С. 66.

⁴ Менжулин В. И. Другой Сикорский... С. 440.

за общее великое отечество»¹. Поэтому он «отложил еврейский вопрос, как и многие иные, до наступления мирных времен»². Переживая трагедию мировой войны, можно увидеть, что «кроме мелких инородческих вопросов, в России есть необъятный по важности вопрос *русский*. Это вопрос общего нашего исторического положения среди народов и способности нашей защищать свое место под небом. Евреи во многом виноваты, но не они же, однако, призваны защищать нас. Не они тысячу лет были у нас законодателями, министрами, судьями, теми общественными деятелями, которым от имени огромного народа русского вручена была его оборона от внутренних врагов и внешних»³.

К моменту февральско-мартовских событий 1917 г. многие русские националисты смотрели на власть и монарха критически. В статье «Жалеть ли прошлого?»⁴, опубликованной после Февральской революции, Меньшиков писал о том, что в Пскове, «где 408 лет тому назад в последний раз прозвучал вечевой колокол <...> суждено было еще раз родиться русскому народоправству»⁵. Он отмечает неопределенность ситуации, когда Россия «не монархия и не республика», а просто государство. Такая ситуация, сложившаяся после отречения, будет существовать до тех пор, пока не начнет работу Учредительное собрание и пока его выбор не остановится «на лучшей форме правления». До этого момента «Россия должна почитаться народоправством», так как ей управляют представители народа. По Меньшикову, крушение монархии в России было предопределено еще в 1914 г., и «для русского цезаризма война эта в неожиданном ее развитии все равно обещала гибель. Может быть, это и служило одною из главных причин, парализовавших нашу подготовку к войне и энергию ее ведения. Пушечные удары под Верденом и Соммой звучали как похоронный колокол вообще всякому цезаризму на земле, в том числе и русскому, и турецкому (добавим от себя, что и германскому тоже. – А. Р.), хотя они почти невольно были вовлечены в поединок двух мировых принципов – британского и германского. Спрашивается, стоит ли нам жалеть прошлое, если смертный приговор ему был подписан уже в самом замысле трагедии, которую переживает мир? И не один, а два приговора, ибо, в самом деле, не мог же несчастный народ русский простить старой государственной сухомлиновщине того позора, к которому мы были подведены параличом власти <...> Жалеть ли нам прошлого, столь опозоренного, расслабленного, психически-гни-

¹ Меньшиков М. О. «Пророки» и держиморды // Новое время. 1916. 7 мая.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. С. 538–542.

⁵ Там же. С. 538.

лого, заражавшего свежую жизнь народную только своим смрадом и ядом?»¹. В другой статье 1917 г. «Кто кому изменил» публицист обвинял самодержавие в измене русской нации, утверждая, что в произошедших событиях виновна власть, которая не смогла осуществить реформы и привела страну к катастрофе². Меньшиков полагал, что в вопросе защиты русских национальных интересов самодержавный строй, по мнению русских националистов, не был тверд и последователен. Так считают и некоторые современные авторы³.

Можно сделать вывод, что, хотя на рубеже XIX–XX вв. консерватизм в России имел национальную окраску, мало кто из теоретиков этого течения серьезно задумывался о разработке философско-политической доктрины русского национализма. Когда же попытка оформления подобной доктрины была предпринята отдельными идеологами, выяснилось, что национализм более удачно может вписаться в новое общественно-буржуазное устройство. Меньшиков, Шульгин или Д. В. Скрынченко⁴ оказывались более «современны-

¹ Там же. С. 539.

² См.: *Репников А. В.* М. О. Меньшиков в 1917 году: анализ статей, опубликованных в «Новом времени» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 93–100; *Он же.* «Неудобная публицистика» русского националиста М. О. Меньшикова // Время выбирало нас: путь интеллектуала в политику: Сборник научных статей (Четвертые «Муромцевские чтения»). Орел, 2012. С. 306–320; *Иванов А. А.* Судьбы лидеров русского национализма после февраля 1917 г. // Русское самосознание. 2007. № 13. С. 47–58; *Он же.* Русские националисты и Февральская революция // 90 лет Февральской революции. СПб., 2007. С. 66–71.

³ *Шиманов Г. М.* Оккупация и геноцид русских в императорской России, или Что мы знаем о самодержавии. Молодая гвардия. 1994. № 1. С. 159–160. См. также работы С. М. Сергеева, позиция которого встретила крайнее неприятие на портале «Русская народная линия» (<http://ruskline.ru>), руководитель которого А. Д. Степанов откликнулся статьей «Русский национализм – могильщик России». Таким образом, выявилось имеющееся в настоящее время противостояние «старых» консерваторов, почитающих славянофилов, дореволюционную черную сотню и т. д., с «молодыми» националистами, в «пантеон» которых, наряду с М. О. Меньшиковым и П. И. Ковалевским, входят европейские правые и декабристы. Впрочем, декабристы присутствуют и в современном «пантеоне» левых сил, см.: *Эрлих С. Е.* «Без декабристов не было бы и коммунистов». Ленинское «первое поколение» в мифодизайне КИРФ // Россия XXI. 2014. № 4. С. 50–77.

⁴ Подробнее см.: *Колмаков В. Б.* С Россией в сердце. Дмитрий Скрынченко. История жизни. Воронеж, 2012; *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника / Предисловие и подготовка текста В. Б. Колмакова. М., 2012; *Репников А. В.* «Нам надо быть национально стальными...» // Вопросы национализма. 2014. № 18. С. 231–237; *Он же.* Размышления на чужбине (по страницам дневника Д. В. Скрынченко) // Интеллигенция и мир. 2014. № 3. С. 92–105.

ми», чем Дубровин или Пуришкевич. Но в итоге это привело их к признанию «несовременности» и архаичности существующей системы и если не прямому одобрению крушения монархии в 1917 г., то к сочувствию революции. Констатация этого факта заставляет задуматься о возможности существования национализма в российском пространстве как особой и отдельной идеологии и признать, вслед за исследователями, что есть основания считать национализм «служебным идейно-эмоциональным комплексом, который могут использовать в своих целях любые идеологии»¹.

Реальность вторгалась в идейные построения русских националистов, в которых «следует выделить, прежде всего, предельное теоретизирование и фактически бездоказательное преувеличение исторической роли нации. Так, сформулированные теоретиками русского национализма законы ее эволюции имели мало общего с действительностью, а реальное историческое развитие, наоборот, опровергало большинство из них. Кроме того, декларируя лозунг “национального государства”, Меньшиков и Ковалевский, видимо, слабо представляли себе возможные пути его создания и реальной организации. Данное обстоятельство в еще большей степени придавало идеям Ковалевского и Меньшикова отвлеченный, метафизический характер, а их концепция понимания категории нации как бы повисала в воздухе, не имея практического значения»². Искать «новую формулу существования русской нации»³ приходилось буквально «на ходу», в условиях проходившей в России и мире модернизации. Согласимся с П. Б. Стукаловым, что наиболее яркие представители русского национализма «Меньшиков и Ковалевский стремились представить национализм в качестве совершенно особой идейной доктрины, сугубо отрицательно относились к его интерпретации как вида политики. Политика представлялась Меньшикову в качестве некоего нелицеприятного аморального вида деятельности, имеющего в качестве единственной цели захват государственной власти с целью извлечения какой-либо личной корыстной выгоды всеми участниками политической борьбы. Национализм же, по Меньшикову, являлся кристально чистым, свободным от политического приспособленчества феноменом общественной жизни»⁴.

¹ Сергеев С. М. Русский национализм и империализм начала XX века. С. 9.

² Стукалов П. Б. Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – начале XX века... С. 63.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 70.

Вопрос о «родоначальниках» русского национализма оставался нерешенным. Славянофилы к таковым не относились¹, отдельные мыслители, типа Дебольского, известны не были, а черносотенные идеологи косились на националистов недоброжелательно. В итоге Меньшиков, Ковалевский, Сикорский (а также множество менее известных русских националистов) пытались использовать «рациональный принцип национального прагматизма, который являлся весьма аморфным и гибким по своей сущности и предполагал использование идейных средств, практических установок и позитивного опыта разнообразных общественно-политических доктрин, таких как консерватизм, либерализм и социализм. Данная характеристика определяла главное отличие доктрины русского национализма от крайне правой идеологии»².

Обращаясь к проблемам межнациональных отношений и всевозможным национальным «вопросам» (финскому, польскому, еврейскому и др.), русские националисты требовали жестких мер по отношению к «инородцам» со стороны государственной власти³. Хотелось бы обратить внимание на то, что при известном «либерализме» в вопросах государственного строительства и экономического развития принципиальные уступки в национальном вопросе, по их мнению, были недопустимы.

Сложность анализа генезиса русского национализма в рассматриваемый период состоит в том, что он не представлял собой нечто оформленное, а слова «Россия для русских», к которым апеллировали представители разных течений консервативной, традиционалистской и националистической мысли, можно было наполнить любым содержанием. Государство, а в особенности такое многонациональное, как Российская империя, не могло руководствоваться в своей политике исключительно этническим принципом. В схожем духе в 1949 г. рассуждал И. А. Ильин: «Россия велика, многолюдна и многоплемен-

¹ Подробнее см.: *Андреев Н. Ю.* Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2014.

² *Стукалов П. Б.* Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – начале XX века... С. 166.

³ Об украинском, польском и финляндском вопросе в представлениях консерваторов подробнее см.: *Западные окраины Российской империи.* М., 2006; *Голубев С. А.* Правые и либеральные политические партии России и польский вопрос (1905 – февраль 1917 года). Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1993; *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX века). СПб., 1998; *Он же.* Был ли шанс у Столыпина? Сборник статей. СПб., 2002; *Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа. 1907–1914. С. 75–77; *Омельяничук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи. С. 402–432.

на, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была единосоставным, простым народным массивом и не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве: государством пространственной и бытовой дифференциации, и в то же время – органического и духовного единения»¹. Националистические доктрины о неравенстве рас были в целом неприемлемы для большинства русских консерваторов².

Меньшиков. Шульгин и другие русские националисты, критиковавшие власть справа, в некоторых случаях блокировались с либеральной оппозицией³, но после падения монархии оказались неприкаянными. Поиски ими вождя (вспомним их неподдельные симпатии к П. А. Столыпину) были поисками того, кто «заменял» бы для них монарха. Если бы русским националистам удалось выработать свое, единое и цельное мировоззрение, пока в России были относительно благоприятные для этого условия, они могли бы стать самостоятельной силой, способной эффективно противостоять одновременно и революционным радикалам, и либералам, но этого не произошло.

¹ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 195.

² «Исторически связанная с национализмом ксенофобия не тождественна ему, потому что не предполагает развернутой идеологической программы и политических целей. Даже если каждый националист – ксенофоб (а это совсем не так), далеко не всякий ксенофоб – националист», см.: Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 277.

³ См.: Ретиков А. В. Сотворенные мифы // Вестник Фонда развития политического центризма. Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. М., 2001. Вып. 8. С. 47–49.

Глава VIII. РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ: МЕЖДУ ПРАВЫМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ И ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫМИ ПОРАЖЕНЦАМИ

Восприятие либеральной общественной мыслью проблемы национализма и патриотизма было неоднозначным. Чтобы понять сходства и различия в либеральной среде, прежде всего необходимо обратиться к анализу мировоззренческих и политических представлений, нашедших, в частности, отражение в базовых понятиях «нация», «национальность», «национализм», которые использовались представителями данной среды.

Либеральные теоретики, которые занимались разработкой общефилософских и религиозных проблем, считали, что понятия «нация» и «национальность» следует трактовать не только исключительно как духовные и культурные, но и как не поддающиеся рациональному объяснению, ибо они изначально иррациональны и мистичны. «Исходя из предпосылок мистического реализма, – писал С. Н. Булгаков, – мы должны мыслить и чувствовать национальность лишь как некоторое субстанционное бытие, существующее прежде сознания. Мы сознаем себя членами нации, потому что мы реально принадлежим к ней, как к живому духовному организму. Эта наша принадлежность совершенно не зависит от нашего сознания: она существует и до него и помимо него и даже вопреки ему»¹. В таком же духе понятия «нация» и «национальность» трактовали философы Н. А. Бердяев и С. Л. Франк.

Другие теоретики и особенно практики либерализма стремились эти понятия трактовать в реалистическом ключе, увязывая их с конкретным историческим контекстом. Так, Милюков, раскрывая содержание понятия «национальность», выделял ряд компонентов: язык, религия, территория, общая цель, история и предания. Перечислив эти, образно говоря, «несущие» конструкции, он подчеркивал, что национальность – это «культурно-социальная группа», «объединение идеальной ценности», которое через свою интеллигенцию отражает «на-

¹ *Булгаков С. Н.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. 2. С. 388–389; см. также: Т. 1. М., 1911. С. 280, 284.

циональную душу»¹. Что же касается понятия «нация», то Милюков характеризовал ее как «совокупность граждан одного политического тела»². В. М. Гессен рассматривал «нацию» как «общность известных культурных форм»³, а Б. Э. Нольде как «культурную ценность»⁴.

Трактовка понятий «нация» и «национальность» в качестве духовных и культурно-социальных категорий логически увязывалась с пониманием либералами национализма, в основе которого, по их мнению, по преимуществу лежат психоэтнические и психологические факторы, уходящие своими корнями в глубокое историческое прошлое, в подсознательные пласты человеческой психики. Поэтому либеральные теоретики рассматривали национализм как конкретно историческую данность.

Суть проблемы, по их мнению, сводится не к отказу от национализма как реального исторического явления, что практически невозможно, а к замене «зоологических», казенных форм национализма, мешающих формированию «политического тела» «гражданской нации», более цивилизованными и гуманными, которые, наоборот, стимулируют формирование гражданского общества и правового государства. «Торжествующий ныне официальный национализм, – писал Струве, – прокладывает путь не национально-государственному объединению, а национальному автономизму и федерализму. Он не собирает, а дробит государство»⁵. С точки зрения Струве, представители казенного национализма не могли быть по определению и патриотами, ибо их позиция объективно вела к ослаблению мощи единого государства.

Антитезу казенному национализму самодержавия (разделяемого и поддерживаемого правоконсервативными партиями), который подрывал «идею Российской империи, как великодержавного целого», либералы усматривали в той модели решения национально-колониального вопроса, которая на практике была апробирована англичанами и американцами. «Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, – подчеркивал Струве, – может быть лишь такая же свободная и органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи»⁶. Высоко оценивал политику англичан в решении на-

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3514. Л. 1 и 1 об.; 24 об. – 26.

² Там же. Л. 35 об.

³ Автономия, федерация и национальный вопрос. СПб., 1906. С. 4.

⁴ См. Нольде Б. Э. Национальный вопрос в России. Пг., 1917. С. 7.

⁵ Струве П. Б. *Patriotica*. СПб., 1910. С. 301.

⁶ Там же. С. 300–301.

ционально-колониального вопроса и Милюков. «Есть империалистическая политика и политика. Та империалистическая политика, которую ведет империалистическая Англия, разве похожа на нашу! Завидно становится, когда читаешь о культурных методах английской колониальной политики, умеющей добиваться скрепления частей цивилизованными, современными средствами»¹, – говорил он с думской трибуны.

Правые либералы, в частности Струве, более откровенно проповедовали лозунг великорусского национализма. Разделяя народности, населяющие Российскую империю, на «державные» и «недержавные», Струве считал, что Россия «есть национальное русское государство», а «русская народность – державная народность». «Великому народу, создавшему могущественное государство, – подчеркивал он, – не только нравственно приличествует, но и интересам его здоровья отвечает лишь открытый, мужественный, завоевательный национализм, провозглашающий и осуществляющий свободное состязание национальностей. Не ради гуманности, не из соображений справедливости русский народ должен держаться такой политики, а из чувства национального самосознания и самоутверждения, из здорового национального эгоизма»².

Проповедуя «здоровый» национальный эгоизм, Струве считал, что «русской национальности должна принадлежать гегемония в России»³, что она должна открыто проводить в жизнь «национализм англосаксонского типа», который «не боится соперничества, сознательно задается прозелитизмом, потому что он верит в то, что он не растворится в море чужеродных элементов, а претворит их в себя и, во всяком случае, рядом с ним окажется более крепким и стойким»⁴. В последовательной культурно-ассимиляторской политике Струве видел единственный путь роста и укрепления «державной» русской национальности, способной ассимилировать другие национальности, входящие в состав Российской империи.

Позицию Струве разделяли Бердяев, Булгаков, Франк, С. А. Котляревский, В. А. Голубев и другие. Так, Булгаков писал, что Россия «остается и останется русским государством при всей своей многоплеменности даже при проведении самого широкого национального равноправия»⁵. «Мы полагаем, – заявлял Голубев, – что, только под-

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия III. Ч. I. СПб., 1910. Стб. 2077–2078.

² Русская мысль. 1910. Кн. VI. С. 177.

³ Русская мысль. 1913. Кн. XI. С. 4.

⁴ Русская мысль. 1910. Кн. VI. С. 174.

⁵ Булгаков С. Н. Два града. Т. 1. С. 294.

няв русскую национальность как державную, подняв ее внутреннее чувство, ее самосознание, ее настроение и дух, достигнем мы и того, что будут подняты в своей равноправности и другие национальности»¹.

Тезис правых либералов о державной государственной нации снимал с повестки дня вопрос о праве других народностей на политическое самоопределение. По их мнению, в рамках «единой и неделимой империи» между национальностями должно сохраняться и соперничество, и состязание, что позволит предохранить нацию от застоя и отвечает требованиям «национальной гигиены»². Вместо слияния различных народностей в некую аморфную общность правые либералы считали целесообразным ограничиться их соглашением с «государственной нацией». «Задача российской интеллигенции: развивая свою национальность как национальность государственную, – писал Голубев, – стремиться не к слиянию с другими национальностями, а к признанию соглашения с ними»³.

В свою очередь Милюков и его единомышленники выступали против крайностей национализма, призывали своих коллег по партии «укротить бурные чувства», ибо «мы рискуем остаться с нашим национальным лицом по ту стороны культуры». Отмечая, что среди части интеллигенции «новой формации» усилилась тенденция к «отталкиванию» от нерусских народов, Милюков считал ее «преходящим явлением». «Интеллигенция, – точнее – та часть ее, от лица которой говорит П. Б. Струве, – писал Милюков, – это та самая интеллигенция текущей минуты, которая устала от политики и жизни и углубилась во всевозможные “искательства”, эстетические, этические и философские <...> Основная, центральная идея этих поисков есть идея чего-то неразложимого, индивидуального, таинственно-открытого в духе, не постижимого мыслью, но постижимого чувством, не выразимого метафизически, выразимого интуицией и откровением». Предостерегая Струве от «эстетического национализма», быстро вырождающегося в «племенной шовинизм», Милюков пытался внушить ему, что не следует публично отвечать «нездоровым национализмом на нездоровый национализм». При этом Милюков старался убедить националистов нерусских народов в том, что подобные настроения не свойственны кадетской партии, а являются наносными явлениями, порожденными в «гнилой атмосфере современной общественной реакции»⁴.

¹ По вехам... Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице» М., 1909. С. 50.

² Струве П. Б. *Patronica*. С. 299.

³ По вехам... С. 24.

⁴ Там же. С. 40–41, 76–77.

Милюков дал собственное понимание сущности национализма. Отметив, что «всякий национализм тяготеет к национальной исключительности» и «может подчас принимать крайне уродливые формы шовинизма», он подчеркнул, что национализм представляет собой одно из важных средств для сохранения исторических устоев и способов воздействия на массы с целью отвлечения их от «великих социальных и политических задач»¹. По мнению Милюкова, «национализм есть такое понимание национального вопроса, при котором свойства национальности, приобретенные историей, считаются неизменными и вечными, превозносятся за счет особенностей других национальностей и кладутся в основу всей внутренней политики страны»². В конечном счете великодержавный национализм противопоставляет себя: «1) развитию и прогрессу; 2) равноправию народностей (во имя державной народности, во имя захватов и завоеваний); 3) космополитизму и интернационализму»³.

Какую же альтернативу предлагал Милюков великодержавному национализму? Отождествив понятия национальности и государственности, он выделил три возможных варианта решения национального вопроса: «1) “национальное государство” – национальность и нация совпадают, то есть государство опирается на единый социальный союз граждан; 2) “государственная нация” (Швейцария, Америка); 3) “государство национальностей” – государственная организация, опирающаяся на национальные союзы на одинаковых правах (Австро-Венгрия)»⁴. По мнению Милюкова, имеются два возможных пути для объединения национальностей в едином государстве: во-первых, ассимиляция и, во-вторых, свободное сожительство. Отвергая политику ассимиляции, которая до сих пор нигде не удавалась и приносила только вред, Милюков настаивал на необходимости мирного сожительства национальностей в рамках единого государства. «Вот почему, – подчеркивал он, – идее национального русского государства мы противопоставляем идею российской государственности». Исходя из данного тезиса, Милюков считал политически вредным выставлять в рамках «разноплеменного государства» лозунг «национального русского государства», который на деле означает стремление «державной» народности подчинить себе «недержавные» народности. «Русский народ, – отмечал он, – перестав быть “господствующей нацией”, ничего не потеряет, ибо ничего не имел, а только выиграет везде, где выиграет государство». Поэтому идея

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3514. Л. 1 об., 3, 17, 22, 28.

² Там же. Л. 28.

³ Там же. Л. 22.

⁴ Там же. С. 20.

«государственной нации», по мнению Милюкова, вполне может осуществиться только в «государстве национальностей»¹.

В принципе не отказываясь от самой идеи национализма, но выступая против крайних форм его проявления, Милюков предложил собственную модель решения национального вопроса в рамках полиэтнического государства. Системообразующим элементом этой модели являлась идея космонационализма, суть которой сводилась к следующему. Считая, что «национализм – есть провинциализм в наше время», что «односторонняя гордость своей культурой, предпочтение своей общности есть жалкая ограниченность», Милюков подчеркивал, что «космополитизм имеет свои хорошие стороны, как знание, как стремление приобщиться к мировой жизни». Вместе с тем, по его мнению, «нельзя стряхнуть с себя национальность. И это делать не нужно, ибо дифференциация наций необходима, чтобы дать основу для организации человечества». Поэтому, настаивал Милюков, целесообразнее синтезировать, с одной стороны, национализм, а с другой – космополитизм. «Космонационализм, – писал он, – как нечто среднее между национальностью и человечеством – это если не решение, то путь к решению, в котором права национальности и интересы культуры не пожертвованы одно другому»². В отличие от Струве, Милюков предложил более гибкую модель мирного сожительства различных национальностей, населяющих Российскую империю. По его мнению, такое мирное сожительство национальностей в рамках единого правового государства должно было в конечном счете привести к мирной ассимиляционной переплавке различных национальностей в единую гражданскую нацию.

Теоретические представления идеологов либерализма по национальному вопросу стали основой разработки программ либеральных организаций, а затем и партий. Еще до революции 1905–1907 гг. в программу Союза освобождения был включен лозунг права народов на самоопределение. Это же требование было внесено в программу, принятую на конференции оппозиционных и революционных партий, состоявшейся в Париже в сентябре 1904 г. Во время конференции русские либералы установили контакты с представителями ряда национальных партийных организаций. Так, с финнами были начаты переговоры относительно конституционных прав Финляндии, а с поляками – об условиях автономии Польши.

Вступая в контакт с российскими революционными партиями и национальными организациями во имя создания единого общенационального фронта борьбы с самодержавным режимом и, следова-

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3514. Л. 31 об., 32.

² Там же. Л. 37–39.

тельно, с казенным национализмом, освобожденцы типа Струве и Милюкова выступили, однако, против лозунга пораженчества в период Русско-японской войны. Инициатива выдвижения этого антипатриотического лозунга принадлежала леворадикальным революционным и национальным партиям и организациям, которые готовы были во имя свержения самодержавного режима, с одной стороны, пожертвовать общенациональными интересами России на Дальнем Востоке, а с другой – не гнушались, как, например, эсеры, брать деньги у внешнеполитических врагов России, в частности, у японцев.

В либеральной среде лозунг пораженчества был поддержан и некоторыми левыми освобожденцами. Выражение «чем хуже, тем лучше», вспоминает А. В. Тыркова, «было одним из нелепых изречений левой интеллигенции». После сдачи Порт-Артура, продолжает она, «французы выражали нам соболезнование, а некоторые русские эмигранты поздравляли друг друга с победой японского оружия. Война с правительством заслоняла войну с Японией»¹. Тыркова подробно рассказала о попытке эсеров предложить Струве японские деньги. Взбешенный этим наглым предложением редактор журнала «Освобождение», призывавший с самого начала Русско-японской войны поддержать русскую армию и русское офицерство, с позором выгнал из квартиры эсеровского эмиссара, предложившего ему японские деньги. «Поражениям, – писала Тыркова, – Струве не радовался, хотя разделял всеобщую уверенность, что война вынудит правительство на реформы; но то, что ему осмелились предложить сговор с неприятелем, что его хотят купить японскими деньгами, привело его в праведное бешенство»².

Патриотически настроенная либеральная общественность уже в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. четко обозначила свою позицию, отделив себя от леворадикальных пораженцев, попытавшихся воспользоваться сложной внешнеполитической ситуацией для консолидации антипатриотических сил во имя свержения самодержавного режима.

Под влиянием событий 1905 г. левые освобожденцы радикализировали свои требования в национальном вопросе, рассчитывая тем самым привлечь на свою сторону интеллигенцию других национальностей. Во время встречи с представителями украинской интеллигенции, состоявшейся накануне III съезда Союза освобождения (март 1905 г.), они не возражали против федеративного устройства государства и национально-территориальной автономии. Но на самом съезде под давлением земских либералов левые освобожденцы

¹ Тыркова А. В. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 345.

² Там же. С. 346.

согласились изъять из программы пункт о федерации и ограничить требование областной автономии, признав ее в виде исключения только для Польши, Литвы, Закавказья и Украины. Другие же национальности получали право лишь на «свободное культурное самоопределение» и употребление родного языка в начальных школах и местных учреждениях.

Радикализация требований интеллигенции в национальных регионах вызывала тревогу у русских либералов. Так, в мае 1905 г. состоялся русско-польский съезд, на котором присутствовали представители русских либералов и польских национальных партий. Под давлением польских делегатов было принято решение, в котором признавалась необходимость «автономного строя в Королевстве Польском». Однако съезд отказался от какой-либо конкретизации пределов автономии Польши «до времени всесторонней разработки этой проблемы»¹. Безрезультатно закончились и последующие встречи с поляками. На съезде земских и городских деятелей, состоявшемся 6–8 июля 1905 г. в Москве, представители украинцев и грузин высказались за федеративное государственное устройство России. Однако рассмотрение этого вопроса было также отложено.

Понимая, что нельзя оттягивать до бесконечности обсуждение национального вопроса, либералы приняли решение специально рассмотреть его на сентябрьском (1905) земско-городском съезде, на котором с докладом «О правах национальностей и децентрализации» выступил ведущий теоретик кадетской партии по национальному вопросу Ф. Ф. Кокошкин. Отстаивая лозунг сохранения «единой и неделимой» империи, он высказался против принципа политического самоопределения наций и федеративного устройства государства, считая его лежащим «вне области практической политики». В его представлении это был прямой путь к расчленению «единой и неделимой Российской империи»².

В докладе Кокошкин подробно остановился на вопросе о местной автономии. По его мнению, «практическая постановка вопроса о разделении России на автономные области и о предоставлении автономии отдельным областям одновременно с вопросом об изменении формы правления угрожает серьезной опасностью самому делу политической и гражданской свободы в нашем отечестве. Несомненно, что вопрос о пределах и формах автономии и в особенности о границах автономных областей вызовет острые разногласия и может усилить

¹ Подробно см.: Булат В. Польский вопрос в борьбе русских политических лагерей осенью 1905 года // СССР и Польша. Интернациональные связи – история и современность. М., 1977. Т. 1. С. 241.

² Кокошкин Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 7.

национальную рознь»¹. Основываясь на этой посылке, Кокоскин делал практический вывод: «Вопрос об областной автономии не может быть окончательно разрешен ранее политического освобождения». И только «после установления прав гражданской свободы и правильного народного представительства с конституционными правами для всей Империи должен быть открыт законный путь для установления местной автономии»².

Однако и после политического освобождения страны автономия, по мнению Кокоскина, должна вводиться постепенно, по мере «выяснения потребностей в ней местного населения и естественных границ автономных областей». Причем для введения автономии каждый раз требовалось издание «особого имперского указа об образовании той или иной автономной области». «Местная автономия, – отмечал Кокоскин, – не нарушает государственного единства, если она устанавливается общегосударственным законом, определяющим ее границы»³. Законом регламентировались как пределы автономии, так и разграничительные функции между общеимперским и местным законодательным собранием. Принятые местными представительными собраниями законы могли получить юридическую силу только в том случае, если они были утверждены представителями центральной власти. При такой постановке вопроса речь, по существу, шла о распространении на автономную область принципов местного самоуправления. Недаром Кокоскин неоднократно подчеркивал, что «областная автономия и местное самоуправление суть явления одного и того же порядка», что автономия всего лишь «высшая ступень развития местного самоуправления»⁴.

Исключение из общего правила, по мнению Кокоскина, можно было сделать лишь для Польши. Предполагалось, что сразу же «по установлении общеимперского демократического представительства с конституционными правами» она будет выделена в «особую автономную единицу с сеймом, избираемым на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, при условии сохранения государственного единства Империи». При этом из компетенции сейма исключались: бюджет, внешняя политика, железные дороги, почта, телеграф и телефон. Что же касается законов, издаваемых самим сеймом, то они подлежали утверждению российским императором. В роли посредника между ним и сеймом выступал статс-секретарь,

¹ О правах национальностей и децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1906 г. и постановления съезда. М., 1906. С. 32–33.

² Там же. С. 33, 34, 45–46.

³ Кокоскин Ф. Областная автономия и единство России. С. 14.

⁴ Там же. С. 7, 9.

ответственный перед сеймом. Во главе управления в Польше находился наместник, назначаемый императором.

Для других национальностей, по мнению Кокошкина, в данный исторический момент следовало реализовать требование культурного самоопределения, Под этим он прежде всего понимал предоставление каждой народности права пользования родным языком во всех сферах общественной жизни, основание учебных заведений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры. «Всякие стеснения в этой области по отношению к народностям, не имеющим сил развивать собственную национальную культуру, — отмечал Кокошкин, — лишь замедляют и осложняют естественный мирный процесс слияния их с преобладающими народностями, по отношению же к народностям более развитым и сильным приводят к противоположным своей цели результатам, вызывают с их стороны ожесточенный отпор и сепаратистские стремления»¹. Декларируя лозунг культурного самоопределения, Кокошкин вместе с тем высказался за сохранение единого государственного языка.

Решения сентябрьского земско-городского съезда легли в основу национальных программ либеральных партий. Вместе с тем между этими программами имели место и расхождения, которые были особенно заметны между кадетами и октябристами. Кадеты включили в свою программу два пункта, принятые еще на сентябрьском земско-городском съезде. «После установления прав гражданской свободы и правильного представительства с конституционными правами, — говорилось в параграфе 24-м программы, — для Российского государства должен быть открыт правомерный путь в порядке общегосударственного законодательства для установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения». В следующем, 25-м, параграфе говорилось о предоставлении автономии Польше «немедленно по установлении общеимперского демократического представительства с конституционными правами»².

В свою очередь октябристы самым категорическим образом выступали против идеи автономии вообще, в том числе и Польши, считая, что это стало бы «первым шагом к федеративному устройству России»³. Поэтому в своей программе октябристы не шли дальше требования распространить местное самоуправление на всю терри-

¹ О правах национальностей и децентрализации... С. 6–7, 32–33, 44.

² Законодательные проекты и предложения партии народной свободы 1905–1907 гг. С. XIV.

³ Русские ведомости. 1905. 18 сентября; Слово. 1905. 16 ноября.

торию России. Аналогичной точки зрения по вопросу об автономии придерживались мирнообновленцы и прогрессисты.

Отметим, что теоретические и программные установки либеральных партий по национальному вопросу не всегда совпадали с их реальной политической позицией. Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

17 марта 1910 г. П. А. Столыпин внес в III Думу проект «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общеимперского значения», направленный на урегулирование весьма запутанных взаимоотношений между имперским центром и финским сеймом. Большинство октябристской фракции высказались в поддержку столыпинского законопроекта.

Позиция кадетов по финляндскому вопросу была не столь однозначной. Еще 21 октября 1909 г. при ЦК была создана комиссия в составе Милюкова, А. И. Шингарева, Д. Д. Протопопова, В. Д. Набокова и В. М. Гессена. В ноябре 1909 г. финляндский вопрос обсуждался на партийной конференции. В своем выступлении Милюков подчеркнул, что в отношении Финляндии «мы должны оставаться на точке зрения 1905 г.», то есть требовать восстановления конституции. Вместе с тем он предложил уточнить параграф 26 программы¹ в плане «соотношения списка тех вопросов, которые подлежат рассмотрению и финляндских, и имперских законодательных учреждений». Милюков внес на рассмотрение конференции две резолюции. «Конференция, – говорилось в первой из них, – признает необходимым, чтобы проект законодательного акта, перечисляющего общие для Империи и Великого Княжества законы и устанавливающего порядок их законодательного разрешения, был предложен на решение не одних только русских законодательных учреждений, но и финляндского сейма, в установленном сеймовым уставом порядке». По существу, в этой резолюции, единогласно принятой конференцией, была сформулирована идея «параллельного законодательства», с которой затем Милюков выступил в III Думе. Суть этой идеи сводилась к выработке компромиссного решения, которое позволило бы «примирить» русское правительство и финскую либеральную оппозицию. Вторая резолюция, по сути, носила пропагандистский характер и предназначалась для печати. «Конференция полагает, – отмечалось в ней, – что изменение существующих отношений между

¹ В § 26 программы говорилось: «Конституция Финляндии, обеспечивающая ее особенное государственное положение, должна быть всецело восстановлена. Всякие дальнейшие мероприятия, общие Империи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь делом соглашения между законодательными органами Империи и Великого Княжества» См.: Законодательные проекты и предложения партии народной свободы. С. XV.

Россией и Финляндией должно быть произведено с соблюдением законодательных прав финляндского сейма»¹.

По предварительному соглашению с прогрессистами, польским колом и мусульманами кадеты внесли в Думу декларацию, в которой осудили правительственный законопроект за то, что он противоречит Основным законам, является нарушением «торжественных обязательств, положенных в основу правового существования финляндского народа», грозит «нарушением национальных учреждений и быта», противоречит «сложившемуся национальному правосознанию финляндцев», наносит «огромный вред и правосознанию русского народа»². В заключение декларации все четыре фракции заявили, что «будут голосовать против перехода к постатейному чтению» законопроекта. Однако, несмотря на это заявление, кадеты все же приняли участие в его постатейном обсуждении. При этом они, видимо, питали иллюзию относительно октябристов, часть которых голосовала против передачи правительственного законопроекта в комиссию. И только после отклонения правооктябристским большинством всех их поправок кадеты покинули зал заседаний Думы.

В сентябре 1910 г. Столыпин внес в III Думу два новых законопроекта: об уравнивании в правах русских подданных в Финляндии и об отбывании воинской повинности финскими гражданами. Октябристы оказали полную поддержку правительственным проектам. В кадетской фракции во время обсуждения законопроекта о правах русских подданных в Финляндии возникли серьезные разногласия. Правые кадеты Маклаков, Н. А. Захарьев и Л. А. Базунов высказались в пользу признания за русскими прав господствующей нации и за введение общеимперского законодательства в Финляндии. Милюков и Н. М. Фридман настаивали на отклонении законов. 30 декабря 1911 г. в Петербурге на частной квартире состоялось заседание ЦК кадетской партии, на которое были приглашены депутаты финляндского сейма Неовиус и Нуортена. Финские социал-демократы проинформировали кадетское руководство о настроениях в различных слоях финского общества. Указав, что социал-демократы и младофинны являются сторонниками пассивной борьбы, Неовиус и Нуортена обратились к кадетам с просьбой, чтобы те поддержали «всеми мерами грядущее финское сопротивление, иначе народ найдет иные пути для протеста и тогда его кровь будет на наших руках»³. Председательствующий на этом заседании Н. А. Гредескул высказал-

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии 1908–1914 гг.: В 3 т. М., 2000. Т. 2. С. 229–230.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия III. Ч. IV. Стб. 2416–2417.

³ ГА РФ. Ф. 102 (1910). Он. 240. Д. 27. Л. 55 об. – 56.

ся против любых форм борьбы и заявил, что «у нас есть другие пути». Он предупредил финнов, что во время приближающихся выборов в IV Думу «нельзя активно агитировать за автономию Финляндии, ибо даже русские радикальные группы не чужды волне национализма, прокатившейся по России, а подобная ситуация может отвлечь от к.-д. Пусть лучше дела текут старым руслом. После новых выборов будут найдены и новые меры борьбы»¹.

Несмотря на нежелание кадетов оказать реальную поддержку Финляндии, финские либералы и социал-демократы не прерывали с ними контактов. Согласно агентурным сведениям департамента полиции 22–23 февраля 1912 г. в заседаниях ЦК кадетской партии принимали участие финские делегаты Кальсрем, Вреди, Ионингсен. На этих заседаниях вновь обнаружилось разногласие среди членов ЦК. Одни отстаивали требование полной автономии Финляндии. Другие во главе с М. В. Челноковым и М. М. Винавером считали, что принятые III Думой финляндские законопроекты являются «полезными и необходимыми». По их мнению, отношения между Россией и Финляндией не должны выходить «из рамок отношений между метрополией и автономной колонией». В результате предложенная правыми кадетами резолюция прошла, что «вызвало большой скандал».

Неоднозначную позицию занимали либералы в польском вопросе, который являлся органической частью общеславянского вопроса. Еще в марте 1908 г. в редакции газеты «Слово» состоялась встреча нескольких видных общественных деятелей, где один из лидеров партии мирнообновленцев М. М. Федоров предложил создать организацию беспартийного характера, которая занималась бы всесторонней разработкой славянского вопроса. 2 апреля 1908 г. в редакции «Слова» под председательством Н. А. Хомякова состоялось первое совещание, а на другой день, 3 апреля, в помещении клуба общественных деятелей был заслушан доклад С. А. Котляревского по славянскому вопросу. Основные положения доклада сводились к следующим пунктам: 1) признать современным возбуждение славянского вопроса, имеющего глубокий национальный интерес для России; 2) признать желательным сближение на почве культурных интересов различных славянских народностей; 3) поставить славянский вопрос независимо от вероисповедного и политического принципов; 4) не возбуждать в зарубежных славянах преувеличенных ожиданий; 5) считая несвоевременным созыв в России общеславянского съезда, принять меры к учреждению специального общества, ставящего своей целью «ознакомление со славянской культурой и взаимное сближение славянских народностей на почве культурных интересов. Участники сове-

¹ Там же. Л. 56 об.

щения в принципе одобрили тезисы Котляревского и создали организационный комитет в составе О. П. Герасимова, М. М. Ковалевского, Н. П. Кондакова, П. Н. Милюкова, Ю. Н. Милютина, И. Х. Озерова и М. М. Федорова.

30 апреля 1908 г. в клубе общественных деятелей состоялось организационное собрание общества «Славянской взаимности». В состав учредителей общества было избрано 40 человек, представлявших весь спектр основных консервативных и либеральных партий. Среди них были правые и националисты (В. А. Бобринский, П. Н. Балашов, А. С. Будилович), 10 членов ЦК октябристов (В. И. Герье, А. И. и Н. И. Гучковы, М. Я. Капустин, Л. А. Комаровский, П. Л. Корф, М. В. Красовский, Г. А. Крестовников, Ю. Н. Милютин, Н. А. Хомяков), 5 членов ЦК кадетов (В. И. Вернадский, С. А. Котляревский, В. А. Маклаков, П. Н. Милюков, П. Б. Струве), 5 членов партии мирного обновления (И. Н. Ефремов, Н. Н. Львов, М. А. Стахович, М. М. Федоров, Д. Н. Шипов), от партии демократических реформ М. М. Ковалевский и др. Вскоре после возникновения общества «Славянской взаимности» в Петербурге и Москве были созданы общества «Славянской культуры». В мае 1908 г. прошла так называемая Славянская неделя в связи с прибытием в Петербург делегации от австрийских славян во главе с К. Крамаржем. В конце июля в Праге состоялся всеславянский съезд, в котором принимали участие и представители общества «Славянской взаимности». Съезд показал, что решение славянского вопроса только на культурнической основе является утопией. На повестку дня с особой силой выдвигалось политическое решение славянских проблем. Идеологическим обоснованием такого решения и стал неославизм.

В основу неославизма была положена идея политического объединения всех славянских народов против германизма. «В основе нашего общественного сознания, – писал один из ведущих идеологов неославизма А. Л. Погодин, – должен лежать здоровый национализм, на знамени которого будет написано: Равноправие всем народам России, объединение всех славян для культурной борьбы с германизмом»¹. Главная задача неославизма, указывал тот же Погодин, состоит в том, чтобы «защитить славянство от поглощения враждебным миром, заставить уважать в нем равноправного члена европейской семьи и этим содействовать общему объединению ее»². В той или иной мере идеологию неославизма разделяли все либеральные партии. На какое-то время в неославизме «увяз», по собственному признанию, и Милюков, который одним из первых понял, что попытка объедине-

¹ Вестник Европы. 1909. Кн. 1. С. 261.

² Там же. С. 265.

ния с националистами в этом вопросе представляет собой политическую ошибку со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вскоре он пошел на организационный разрыв с неославистами. Одной из причин этого разрыва и стал польский вопрос.

Октябристы и прогрессисты, составившие основное ядро неославистского движения, открыто позиционировали себя последовательными противниками предоставления Польше не только права политической независимости, но даже и автономии в пределах «единой и неделимой» империи. «Польская автономия, – писал Е. Н. Трубецкой, – в настоящее время не принадлежит к числу осуществимых, а следовательно, и очередных. С этим волей-неволей приходится мириться, каков бы ни был наш образ мыслей. К тому же вопрос об автономии служит яблоком раздора между различными русскими партиями. Теперь не в интересах дела и не в интересах самих поляков его возбуждать»¹. По мнению октябристов и прогрессистов, полякам вполне достаточно было предоставить права осуществлять местное самоуправление, учиться и судиться на родном языке, свободу вероисповедания.

С особой остротой польский вопрос выдвинулся во время балканских войн. «Решение польского вопроса, преодоление русско-польского антагонизма, – писал Е. Н. Трубецкой, – вот истинный ключ к обладанию проливами и решению всего вообще ближневосточного вопроса»². Польскую проблему прогрессисты предлагали урегулировать путем предоставления полякам местного самоуправления. По существу, на эту же точку зрения встали и кадеты, выступившие с резкой критикой позиции польского коло во время обсуждения законопроекта о введении Городового положения в Польше в IV Думе. Излагая позицию кадетов по польскому вопросу, П. Д. Долгоруков заявил: «Единственно правильное решение польского вопроса – дарование Польше широкой автономии в смысле местного законодательства и предоставления широкого развития национального самосознания (полная свобода веротерпимости, язык, школа)»³. Подобная постановка польского вопроса на деле свидетельствовала о сближении позиций кадетов с прогрессистами и левыми октябристами.

Твердым орешком для либералов был и еврейский вопрос. Несмотря на то что в программе октябристов декларировалось требование равенства всех российских граждан без различия пола, национальности и вероисповедания, на деле они выступали против немедленного предоставления евреям равноправия. В 1905–1906 гг.

¹ Московский еженедельник. 1908. № 20. С. 5.

² Русская молва. 1913. 24 марта.

³ Речь. 1913. 15 мая.

об этом прямо заявляло правое крыло Союза 17 октября и его западные и юго-западные отделы. Что же касается «центра» партии, то он стоял за так называемое поэтапное решение еврейского вопроса, суть которого сводилась к следующему: «1) предоставить евреям свободу передвижения, но сохранить за населением отдельных местностей право не допускать евреев; 2) евреи без ограничения принимаются в средние и высшие учебные заведения, но только в том случае, если остались свободные места; 3) евреи допускаются к участию в местном самоуправлении, в частных обществах и союзах, но в определенном отношении и т. д.»¹ И лишь незначительная часть левых октябристов высказалась за немедленное предоставление евреям гражданских прав в полном их объеме.

Довольно близкие к октябристам позиции в еврейском вопросе занимали правые кадеты. В ходе дискуссии о «национальном лице» Струве сделал попытку дать теоретическое обоснование так называемой идеи асемитизма, суть которой состояла в следующем. С одной стороны, она противопоставлялась «зоологическим» формам проявления черносотенного антисемитизма, а также еврейскому национализму – сионизму. «Сознательная инициатива отталкивания от русской культуры, утверждения еврейской “национальной” особенности принадлежит не русской интеллигенции, – писал он, – а тому еврейскому движению, которое известно под названием сионизма»². С другой стороны, Струве настаивал на том, чтобы русская интеллигенция прекратила заниматься проповедью филосемитизма и показала евреям собственное «национальное лицо», продемонстрировала на деле «открытый, мужественный и завоевательный национализм». По мнению Струве, асемитизм, представлявший собой форму «этического национализма», является единственно правильным путем «для правового решения еврейского вопроса», безусловно более предпочтительным, чем безысходный бой, мертвая схватка – «антисемитизма» с «филосемитизмом»³.

Намечая пути реализации идеи асемитизма, Струве настаивал на необходимости эмансипации евреев (привлечение на службу русской государственности), а также их ассимиляции с русской культурой. «Центр тяжести политического решения еврейского вопроса, – писал он, – заключается в упразднении так называемой черты оседлости <...> Для хозяйственного подъема России евреи представляют элемент весьма ценный. В том экономическом завоевании Ближнего Востока, без которого не может быть создано Великой России, пре-

¹ Речь. 1907. 4 мая.

² Струве П. Б. *Patriotica*. С. 373.

³ Там же. С. 378.

данные русской государственности и привязанные к русской культуре евреи прямо незаменимы в качестве пионеров и посредников»¹. Позицию Струве по еврейскому вопросу разделяли члены ЦК кадетов Маклаков, Гредескул, Протопопов, А. В. Тыркова и другие. «Я, – говорил Маклаков в кругу единомышленников, – отличный кадет. Я принимаю всю программу за исключением принудительного отчуждения земли, всеобщего избирательного права и равноправия евреев»².

Центральное руководство кадетской партии во главе с Милюковым вынуждено было отмежеваться от правого крыла собственной партии. Дело в том, что позиция Струве и его единомышленников в еврейском вопросе способствовала отталкиванию от кадетов еврейской буржуазии, которая через Союз равноправия евреев, возглавляемый членом ЦК Винавером, оказывала кадетам материальную помощь. Немало представителей еврейской национальности было в самом ЦК, в редакциях кадетских органов печати, в составе столичных партийных организаций. И несмотря на все это, кадетское руководство в условиях третьиюньской политической системы все же не решалось поставить еврейский вопрос на повестку дня.

Эта позиция нашла свое отражение в решении совещания кадетской фракции с представителями партийных комитетов, состоявшемся 20–21 октября 1908 г. В документе подчеркивалось, что при постановке еврейского вопроса «необходима крайняя осторожность, и выставление своей программы по этому вопросу в III Думе было бы крайне рискованным»³. Не хотели «рисковать» кадеты и в IV Думе. Достаточно сказать, что во время процесса над М. Бейлисом (1913), спровоцированного крайне правыми и националистами, кадеты предпочитали молчать. 31 октября 1913 г. ЦК кадетов принял постановление, в котором говорилось: «Признать несвоевременными резолюции протеста по делу Бейлиса в общественных учреждениях, а также агитацию в широких слоях населения, высказаться против инициативы фракции к.-д. о внесении думского запроса в связи с тем же делом ввиду затруднительности его юридического обоснования»⁴. Однако после завершения дела Бейлиса кадеты, стремясь как-то спасти свою репутацию в глазах еврейской буржуазии и интеллигенции, в ряде думских выступлений высказались за демократическое решение еврейского вопроса.

¹ Там же. С. 83–84.

² ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 6. Л. 36 об.

³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 49.

⁴ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 243.

Не было единства среди либералов и в подходе к решению украинского вопроса. Октябристы вообще отрицали существование украинского вопроса и даже не включили украинцев в «список национальностей» (поляки, литовцы, немцы, татары, эстонцы, латыши, армяне, чехи и грузины), которым они намеревались предоставить право обучения в низшей школе на родном языке. Несколько иначе к решению украинского вопроса подходили прогрессисты, выступавшие за развитие на Украине земских учреждений, за украинский язык в начальной школе. Они теоретически допускали возможность автономии Украины, но с оговоркой, «если в этом будет нуждаться народ»¹.

Для кадетов, поддерживавших традиционные связи с различными политическими направлениями и течениями украинского национального движения и имевших довольно разветвленную сеть местных партийных организаций на Украине, украинский вопрос оказался далеко не простым. С одной стороны, правое крыло кадетов во главе со Струве вообще считало его «вредной интеллигентской выдумкой», призывало объявить решительную борьбу против «украинского партикуляризма». С другой стороны, Союз автономистов-федералистов, возглавляемый членом ЦК кадетской партии А. Р. Ледницким, относился сочувственно к требованиям украинских либералов. В свою очередь центральное руководство кадетской партии пыталось найти некую равнодействующую в украинском вопросе, которая, однако, проходила все же ближе к правому, чем к левому крылу партии.

В начале февраля 1914 г. состоялась поездка Милюкова в Киев. В ходе переговоров с украинскими кадетами он высказался против федерации, предупредив своих коллег о том, что «партия к.-д. не только отрицает возможность федерации в близком будущем, но и будет бороться против самого принципа федерации как утопического». Выступая 19 февраля 1914 г. в IV Думе по поводу запрещения Шевченковских торжеств, Милюков реализовал свои угрозы в адрес украинских федералистов-автономистов. Он заявил, что кадетская партия никогда не поддержит лозунг федерации и она не имеет ничего общего с позицией федералистов-автономистов. Единственное, на что партия может согласиться, это признать законными требования украинцев в пределах культурно-национальной автономии².

Заявление Милюкова вызвало недовольство со стороны украинских кадетов, лидеры которых стали настаивать на переговорах уже не лично с ним, а с ЦК кадетской партии. Сам Милюков считал возможным согласиться на такую встречу и договориться с украинцами относительно законопроектов «о языке в начальной и средней шко-

¹ Московский еженедельник. 1908. № 26. С. 16.

² См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия II. Ч. I. 1913–1914 гг. СПб., 1914. Стб. 908.

ле, и в суде, и о кафедрах украиноведения в южных университетах». Если же, заявил он, украинцы «будут демонстративно настаивать на своих широких требованиях, то от них придется отгораживаться».

17 марта 1914 г. состоялось пленарное заседание ЦК, которое явилось своего рода репетицией перед встречей с украинцами. Вновь проинформировав членов ЦК о результатах своих переговоров с ними, Милюков заявил, что он «считает постановку вопроса о федеративной связи Украины с Россией вредной и будет бороться против нее <...> не может признавать за всеми народностями, населяющими Россию, права на автономию» и что «автономия может быть признана только тогда, когда она выходит из коренных потребностей нации». В основу же соглашения с украинцами он «может ввести только право культурно-национального самоопределения и исполнение очередных задач: свободу языка в школе и суде, устройство кафедр и т. д.»¹.

23 марта 1914 г. национальный вопрос оказался в центре внимания кадетской партийной конференции.

Ведущий идеолог кадетской партии Кокошкин высказался против постановки национального вопроса на основе лозунга «права на политическое самоопределение». По его мнению, эта формула «могла быть растянута до союза суверенных государств включительно. Политическое самоопределение не может быть признано для всех национальностей еще и потому, что многие национальности перепутаны на одной территории. Это вопрос страшной сложности. Возбуждение национального вопроса по такой формуле сопряжено было бы с большими опасностями»².

Точку зрения Кокошкина поддержал А. М. Колюбакин, выступивший против отделения хотя бы «единой пяди русской земли». «Надо, – заявил он, – чтобы всем народностям предоставлены были права на широкое самоуправление, на родной язык и проч.»³. Подводя итог дискуссии, Милюков заявил: «Достижение национальностями даже тех прав, которые указаны в 24-м параграфе программы к.-д., прав на культурное самоопределение, – является задачей на многие годы. И если хотят дела, а не деклараций, пусть не перегружают нас широкими требованиями и не отягчают нашего положения, чтобы не было снова крушений. Ведь крушение 1905 г. было результатом не только широты нашей программы, но и следствием упорно распускавшейся клеветы, будто мы собираемся делить Россию на части». По мнению Милюкова, «практически

¹ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 286–287.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 514–515.

³ Там же. С. 522.

последовательный и постепенный путь должен заключаться в том, чтобы с каждой национальностью предельно договориться на почве ее реальных ближайших нужд»¹.

Начавшаяся Первая мировая война затянула в тугой узел две логически связанные между собой проблемы – патриотизма и национализма. Все без исключения либеральные партии и организации высказались за «священное единение» с правительством во время войны. На заседании IV Думы 26 июля 1914 г. либеральные фракции дали торжественную клятву о полной и безоговорочной поддержке правительства. Выражая этот единодушный порыв либеральной оппозиции, Милюков заявил: «В этой борьбе мы все заодно: мы не ставим условий и требований: мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника»². ЦК кадетов опубликовало специальное воззвание. «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну единой и неделимой и защищать ее положение мировой державы, оспариваемое врагом. Отложим наши внутренние споры, не дадим противнику ни малейшего предлога рассчитывать на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что в данный момент первая и единственная наша задача – поддержать наших солдат, внушая им веру в наше правое дело, спокойное мужество и надежду на победу нашего оружия»³.

В отличие от периода Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда в леволиберальной среде изредка проскальзывали нотки пораженчества, в годы Первой мировой войны либеральная оппозиция продемонстрировала свой патриотизм. Либералы как целое вели последовательную борьбу против пораженцев из рядов социал-демократической и эсеровской партий, отстаивая лозунг «война до победного конца».

Первая мировая война, как никогда прежде, со всей остротой выдвинула проблему единения всех национальностей, столь необходимую для победы. «Идущие в бой инородцы, – подчеркивал Кокошкин, – должны знать, что они идут на защиту общего отечества, которое для них не чужой, а свой дом, в котором есть место для свободной жизни и развития их народности. Население окраин, угрожаемых неприятельским нашествием, должно чувствовать себя живой неразрывной частью государственного организма, связанной с его центром своими насущными жизненными интересами»⁴.

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 529.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, Сессия II. Ч. III. СПб., 1914. С. 505.

³ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 394.

⁴ Цит. по: Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 25.

Либеральная оппозиция прекрасно понимала, что продолжающаяся великодержавная политика царского режима способствовала усилению сепаратистских тенденций, а это затрудняло ее задачу удержать под своим идейно-политическим влиянием национальные отряды интеллигенции, которые, воспользовавшись военной ситуацией, активизировали свои националистические притязания. В результате разрешение национальных проблем еще более усложнилось.

В своих думских выступлениях по национальному вопросу кадеты стремились не выходить за рамки программы Прогрессивного блока. Суть ее сводилась к следующим четырем пунктам: 1) разрешение русско-польского вопроса, а именно: отмена ограничений в правах поляков на все территории России, незамедлительная разработка и внесение в законодательные учреждения законопроекта об автономии Царства Польского и одновременный пересмотр узаконений о польском землевладении; 2) вступление на путь отмены ограничений в правах евреев, в частности, дальнейшие шаги к ликвидации черты оседлости, облегчение доступа в учебные заведения, отмена стеснений в выборе профессии, восстановление еврейской печати; 3) примирительная политика в финляндском вопросе, в частности, перемены в составе администрации и Сенате и прекращение преследований должностных лиц; 4) восстановление малоросской печати, немедленный пересмотр дел жителей Галиции, содержащихся под стражей и ссыльных, и освобождение тех из них, которые подвергались преследованиям¹.

Вместе с тем собственно партийная деятельность кадетов по национальному вопросу в 1914–1917 гг. была гораздо шире и продуктивнее, чем думская. При ЦК действовали комиссии по еврейскому вопросу (председатель Винавер), украинскому (А. А. Корнилов и В. И. Вернадский), польскому (Милюков, Кокошкин, Корнилов, Протопопов), армянскому (Милюков, М. С. Аджемов, А. К. Живелегов, М. И. Пападжанов), литовскому (Винавер, Кокошкин, Милюков, Н. П. Василенко, Вернадский, Корнилов, М. М. Ичас, Д. Д. Гримм и Гредескул).

Из всех названных национальных проблем, по которым были созданы специальные комиссии, наиболее слабо разработанными оказались еврейский и украинские вопросы. Выступать с инициативой их постановки в Думе кадетские лидеры считали нецелесообразным: по первому – в связи с ростом антисемитизма и шпиономании, искусственно раздувавшимися черносотенной пропагандой, по второму – ввиду событий в Галиции и позиции правительства и крайне правых националистов в отношении западных украинцев. Трем же

¹ Милюков П. Н. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С. 33.

остальным вопросам (польский, армянский и литовский), которые в годы войны приняли международный характер, уделялось самое пристальное внимание.

14 августа 1914 г. было опубликовано обращение главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к полякам, в котором им обещались свобода вероисповедания, сохранение языка и дарование Польше самоуправления под скипетром русского царя. Кадеты считали, что при разработке польского вопроса «необходимо стоять на почве воззвания главнокомандующего к полякам». Они самым категорическим образом высказались против предоставления Польше политической независимости. «Сейчас, – заявил на заседании ЦК 7 декабря 1914 г. Милюков, – независимая Польша в силу тех или иных обстоятельств могла бы занять враждебную позицию по отношению к России, и надо пока ее придержать»¹.

Допуская в исторической перспективе предоставление Польше автономии в этнографических границах, Милюков подчеркнул, что это решение должно быть обязательно проведено «через российские законодательные учреждения, через органы российского народного представительства». Иной же путь Польши к автономии (например, в порядке статьи 87 Основных законов, не говоря уже о революционном перевороте) Милюков считал вообще неприемлемым. «Все подобные экстраординарные способы решения вопроса, – заявил он, – действительно находились бы вне пределов партийной программы к.-д.». Предоставление автономии Польше исключительно законодательным порядком позволило бы, по его мнению, с одной стороны, разработать перечень вопросов, ограничивающих права сейма, а с другой – вывести польских представителей из Государственной думы, избежав тем самым возможности их «вредного влияния на чисто русские дела»².

Последовательным и бескомпромиссным противником предоставления политической независимости Польше оставался Струве. «Выделение Польши как независимого государства, – заявил он, – имело бы громадные и вредные последствия». И только один из участников этого заседания, Корнилов, допускал, что, «может быть, полная независимость Польши для русских интересов лучше, чем оставление польского представительства в Думе»³. Дискуссия и на этом заседании не привела к каким-либо определенным результатам. Члены ЦК кадетской партии с нетерпением ждали завершения рабо-

¹ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 476.

² Там же. С. 470.

³ Там же. С. 471.

ты над «Проектом закона об устройстве Царства Польского», автором которого являлся Кокошкин.

Основное содержание проекта Кокошкина сводилось к следующим положениям. Царство Польское должно было составлять «нераздельную часть государства Российского» и, следовательно, подлежало «действию общегосударственных законов и установлений». Согласно проекту, Польша в этнографических границах выделялась в особую автономную единицу с законодательным однопалатным сеймом, избранным на основе всеобщего избирательного права. К компетенции сейма были отнесены следующие вопросы: установление и отмена налогов, податей и повинностей (за исключением государственных монополий, таможенных пошлин и акционерных обществ), рассмотрение и утверждение бюджета и других. Посреднические функции между сеймом и царем должен был осуществлять особый статс-секретарь, который назначался монархом, равно как и возглавлявший управление Польши наместник. Последнему передавались функции назначения и увольнения министров, а за монархом оставались права роспуска сейма и утверждения всех принимаемых им законов. Проект предусматривал также отмену вероисповедальных ограничений, вводил употребление «местных языков» как в делопроизводстве, так и в преподавании. Однако официальным языком сношений между польскими общегосударственными учреждениями оставался русский¹.

Проект Кокошкина в 1915–1916 гг. неоднократно обсуждался на заседаниях ЦК кадетской партии. Так, 31 марта 1916 г. Ледницкий выразил свое несогласие с ним и высказался за предоставление Польше полной политической независимости. «Для поляков же, – говорил он, – точка зрения автономии создаст прямо критическое положение, она ставит их против России». Ледницкий предупредил, что в случае опубликования проекта в печати его личное положение как поляка было бы безвыходным и он принужден был бы уйти из партии². В свою очередь Д. И. Шаховской, стремясь как-то разрядить ситуацию, заявил: «Если демократия в России возобладает, надо думать, что демократическая Россия выскажется за самостоятельность Польши; но это еще вопрос будущего, относительно которого партия не может брать на себя никаких обязательств». Корнилов считал, что следует заявить о признании желательности восстановления Польши в этнографических границах; что же касается предоставления ей полной

¹ См.: Красный архив. Т. 50/51. М., 1932. С. 45–46.

² Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 285–286.

самостоятельности, то это «может быть и нежелательно»¹. Подводя итоги дискуссии, Милюков сказал: «В деле освобождения Польши нельзя идти дальше предоставления ей самой широкой автономии». Это является «жизненным вопросом для России». Принадлежность к партии, заявил он, для него «менее важна, чем соблюдение жизненных интересов России»².

Военные поражения России на фронтах, ослабление ее международного престижа, появление разного рода проектов о внесении существенных корректив в политическую карту Европы, разрабатывавшихся как в странах австро-германского блока, так и Антанты, заставляли кадетов вновь и вновь возвращаться к польскому вопросу. В мае 1916 г. на заседании МО ЦК был заслушан доклад князя П. Д. Долгорукова о Польше. Считая в настоящее время польский вопрос «скорее тактическим, чем программным», докладчик подчеркнул, что его решение самым непосредственным образом связано с тем или иным исходом войны. Далее он наметил три возможных варианта этого исхода: 1) условия мира будут продиктованы державами австро-германского блока; 2) Россия вместе со своими союзниками продиктует условия мира центральным державам; 3) война кончится вничью, и победителей вообще не будет.

При первом варианте исхода войны кадетская партия вообще окажется не в состоянии «повлиять на решение польского вопроса». Во втором же случае все три части Польши должны быть соединены в самостоятельное государство, имеющее выход к Балтийскому морю. Учитывая такую возможность, ЦК партии, по мнению Долгорукова, должен заранее разработать и внести от имени России на рассмотрение международного конгресса специальный акт о восстановлении независимости Польши в ее этнографических границах. Наконец, при третьем варианте возможен лишь *status quo ante bellum*, и Россия в состоянии будет иметь влияние только в той части Польши, которая входила в ее состав до войны. Ратуя на словах за предоставление Польше широкой автономии, Долгоруков с особой силой подчеркнул, что к желанию поляков в настоящее время «восстановить самостоятельное польское государство, хотя в пределах русской Польши, следует отнести отрицательно»³.

На заседании МО ЦК 8 ноября 1916 г. были приняты тезисы по польскому вопросу, суть которых сводилась к следующим пунктам. Во-первых, в них подчеркивалось, что выступление партии с призна-

¹ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 287.

² Там же. С. 288.

³ Там же. С. 305–306.

нием независимости или вообще с какими-либо проектами устройства Польши несвоевременно, ибо нельзя «забывать, что независимость Польши означает известное ослабление военного могущества России» и поэтому никто не дает «нам права от имени России соглашаться на такое умаление ее силы». Во-вторых, признание независимости Польши «навлечет на партию нападки справа и со стороны правительства», и в связи с этим позиция партии будет ослаблена, а «мы сильны сейчас именно тем, что стоим на почве охраны интересов государства». В-третьих, так как польский вопрос уже приобрел в настоящее время международный характер, то для его решения требуется соответствующий международный акт. В-четвертых, каким бы ни оказалось в будущем устройство Польши, «во всяком случае мы не можем себе представить ее иначе, как соединенной известной связью с Россией»¹. В этом итоговом документе, принятом за два с небольшим месяца до Февральской революции, с предельной откровенностью была изложена окончательная позиция кадетской партии по польскому вопросу.

2 и 16 ноября 1914 г. на заседаниях ЦК были заслушаны и обсуждены два сообщения Милюкова по армянскому вопросу. Отметив, что армяне, проживающие в шести вилайетах Турции, ждут от наместника на Кавказе воззвания подобно тому, с каким обратился главнокомандующий великий князь Николай Николаевич к полякам, он изложил три возможных варианта решения армянского вопроса. Первый из них предлагался определенной частью армянской интеллигенции, среди которой циркулирует мысль о возможности создания после войны политически независимого «Великого Армянского государства», состоящего как из русских, так и турецких территорий. Вторым определялся получавшей все более широкое распространение идеей об образовании в тех же вилайетах автономной Армении под формальным протекторатом Турции. И, наконец, третий вариант заключается в аннексии турецкой части Армении Россией.

Возможная реализация этих комбинаций, продолжал он, имеет трудности международного характера, ибо в этом регионе сталкиваются интересы многих стран. Однако политически наиболее реальным решением для России явилась бы аннексия Армении, ибо, считал Милюков, «нам надо иметь армян вместе, иначе они будут игрищем и орудием против нас, как и поляки до сих пор. Конечно, при объединении армян надо было бы позаботиться, чтобы это не было объединением на русском бесправию»². Более того, продолжал он, «если Армения будет конституироваться в своих этнографических границах, со сто-

¹ Там же. С. 335–336.

² Там же. Т. 2. С. 423.

роны Европы не будет возражений против аннексии ее Россией»¹. Два других варианта или, как он выразился, «комбинации» решения армянского вопроса Милюков считал невыгодными для России.

Позиция Милюкова была поддержана большинством участников заседания. Так, В. И. Вернадский категорически выступил против единого политически независимого армянского государства, считая, что его создание на побережье Черного моря было бы «для русских интересов совсем нежелательно». Что же касается автономии Армении под протекторатом Турции, то это тоже «грозило бы неприятностями при международных осложнениях». В автономной Армении, подчеркнул Вернадский, «Россия скорее будет иметь врага, чем друга»². С его точки зрения, самым оптимальным решением являлась бы аннексия Армении, которая «связала бы армянскую интеллигенцию с русскими интересами и в общем больше гарантировала бы интересы демократии».

Такой же точки зрения придерживался И. И. Петрункевич. «В автономной Армении под суверенитетом Турции, – говорил он, – Россия имела бы беспокойного соседа, постоянно стремящегося присоединить к себе армян из соседних областей; это был бы постоянный нарыв под боком, тем более что и европейские державы, несомненно, постараются и свои интересы проводить в автономной Армении. Поэтому и в торговом, и в военном отношении выгоднее была бы аннексия Армении к России с некоторой полосой Черного моря как моря русского»³. К позиции кадетского руководства в армянском вопросе были близки видные либеральные представители армянской буржуазии и интеллигенции Аджемов, Дживилегов, Пападжанов и др.

В 1916 г. комиссия при ЦК по литовскому вопросу обсудила проект П. С. Леонаса об автономном устройстве Литвы. Этот проект, состоявший из шести разделов и 36 статей, строился на тех же исходных принципах, что и проект закона об устройстве Польши. Согласно проекту Леонаса, Литва в этнографических границах выделялась в особую автономную единицу и составляла «нераздельную часть Российского государства». На Литву распространялись «общие гарантии гражданской и политической свободы, установленные общегосударственными законами», которые в случае необходимости могли быть расширены местным литовским законодательством. В своих внутренних делах Литва должна управляться особыми установлениями, на основе особого законодательства.

¹ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 438.

² Там же. С. 440.

³ Там же. С. 66.

Литовский однопалатный сейм, согласно проекту, избирался бы путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Принятые сеймом законопроекты подлежали утверждению российским императором. Причем из компетенции сейма исключался весьма значительный круг вопросов: внешняя политика, бюджет, средства коммуникации общероссийского характера, армия и флот, дела православной церкви, уголовное законодательства. По существу, в сфере его компетенции оставались лишь местные налоги, подати, пошлины, сборы и повинности, а также смета и роспись доходов и расходов. В проекте отмечалось, что литовское население имеет право отбывать воинскую повинность в сухопутных войсках, расположенных в Литве. На литовском языке должно было вестись и все делопроизводство в законодательных, судебных, административных, а также казенных учебных заведениях. В роли посредника между царем и сеймом выступал статс-секретарь, который назначался верховной властью из числа граждан Литвы. Он и представлял на одобрение царя законопроекты, принятые сеймом. Во главе особого управления в Литве стоял наместник, назначаемый верховной властью из числа ее граждан. Высшим судебным учреждением Литвы должен был стать Сенат.

После Февральской революции позиция кадетов по национальному вопросу была подвергнута обстоятельному обсуждению на VIII съезде кадетской партии (май 1917 г.), на котором был заслушан доклад Кокوشкина «Автономия и федерация» и внесены изменения в соответствующие разделы партийной программы. На IX съезде (июль 1917 г.) по национальному вопросу был заслушан доклад Нольде «Национальный вопрос в России» и принята резолюция.

Подчеркнув свою приверженность принципу сохранения единой и неделимой России, оба докладчика и большинство делегатов партийных съездов высказались против предоставления народностям права как на политическое самоопределение, так и на национально-территориальную автономию. Кадеты считали, что в условиях политической дестабилизации и усиления конфронтации в сфере национальных отношений разделение страны по национально-территориальному принципу, на чем настаивали представители отдельных национальностей, привело бы к полному разрушению государственного единства России и к установлению не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств)¹. Оптимальным решением национального вопроса в рамках полиэтнического государства, по мнению кадетских теоретиков и политиков, явилось бы предоставление народностям не территориальной, а культурно-национальной автономии.

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: В 3 т. 1915–1917. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 566.

В контексте этой общей посылки губернским областным земствам предоставлялись законодательные права в сфере хозяйственной и культурной жизни. Однако при этом местное законодательство не должно было противоречить общегосударственному. Государственным органам власти предоставлялось право в случае необходимости применять *veto* по отношению к местным законам.

Губернские и областные органы местного самоуправления могли вступать между собой «в срочные и бессрочные» соглашения для совместного осуществления общих задач и образовывать для этой цели «временные или постоянные союзы». Изменения территориальных границ губерний и областей, а также их разделение и слияние могли быть осуществлены по инициативе и с согласия подлежащих местных представительных собраний и в соответствии с желаниями местного населения¹, но только в порядке общегосударственного законодательства. Что же касается урегулирования взаимоотношений России с Польшей и Финляндией, то эти вопросы, по мнению кадетов, должны быть решены Учредительным собранием.

Большое внимание в докладах и резолюциях партийных съездов было уделено проблемам языка. Кадеты особо подчеркивали, что русский язык должен не только сохранить статус общегосударственного, но и быть языком межнационального общения. В местных государственных и общественных учреждениях, содержащихся за счет государства или органов самоуправления, устанавливалось право употребления местных языков соответственно национальному составу населения. При этом должны быть обеспечены в порядке общегосударственного законодательства права русского языка и языков национальных меньшинств. Населению каждой местности предоставлялось право получения начального, а по возможности среднего и высшего образования на родном языке.

В годы революции и Гражданской войны либеральная концепция решения национального вопроса подвергалась серьезным испытаниям. Державная целостность была разрушена. Шел процесс отделения окраин и образования малых самостоятельных государств, претендовавших на статус суверенных. Национальные регионы захлестывала волна самостийничества. Это не могли не учитывать либеральные теоретики и политики. В докладе на московской конференции кадетов в мае 1918 г. Винавер подчеркивал, что при будущем строительстве России должны быть приняты во внимание «в большей мере, чем это имело место до сих пор, обнаружившиеся автономные стремления окраин, должен быть учтен пережитый уже отдельными

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 567.

местностями период большей или меньшей самостоятельности»¹. Таким образом, сама ситуация ставила на повестку дня вопрос о федерации. Часть кадетской партии (прежде всего те, кто оказался за границей) призывали своих однопартийцев в России принять этот лозунг. Так, И. И. Петрункевич полагал целесообразным вернуться к теоретическим работам Кокошкина, ратовавшего в свое время за так называемую провинциальную автономию, то есть федерацию, но не крупных областей, а губерний с сохранением центральной всероссийской власти, обладающей суверенитетом и объединяющей Штаты Великой Восточно-Европейской равнины. Однако делегаты кадетских конференций в России, а также их праволиберальные коллеги по Национальному центру не считали возможным принять принцип федерации. В своем письме Петрункевичу Павел Долгоруков писал, что хотя он сам не только не исключает, но даже считает целесообразным установление в отдаленном будущем федеративного строя, тем не менее в сложившей в России обстановке опасается, что под лозунгом федерации будет вестись работа по расчленению России. Общим для либерального лагеря стала борьба за воссоздание «единой и неделимой России». Исключение составляли лишь украинские кадеты, которые на своем делегатском съезде в мае 1918 г. практически единодушно выступили за самостоятельную, независимую Украину, а попытки отдельных делегатов поставить на голосование поправку о сохранении верности «идеалам единства России» не были поддержаны².

Вместе с тем либералы опасались, что лозунг «единой и неделимой» может оттолкнуть участников национальных движений, даст лишние козыри в руки сторонников национально-государственной независимости и тем самым не только раздробит силы антибольшевистского лагеря, но и усложнит процесс «собирания земель» в постбольшевистской России. Поэтому либералы использовали в обоснование своей позиции сложную мотивацию. В их трактовке процесс отделения национальных образований происходил не только под воздействием «идеи самостийности», но и вследствие «стремления к самозащите» от распространения власти большевиков. Как заявлял Винавер, «окраины наши отделялись не от России, а от большевиков»³. Отсюда вытекало, что вместе со свержением советской власти ликвидировалось главное препятствие на пути восстановления единства страны. Одновременно постоянно подчеркивалось, что объективные интересы окраин сами требуют воссоединения их с Россией. В про-

¹ Там же. Кн. 2. 1918–1920 гг. М., 2000. С. 30.

² Там же. С. 161, 167, 170.

³ Там же. С. 29, 50.

граммном документе Национального центра прямо указывалось на неспособность образовавшихся на территории России «особых мелких государств» (подобных Эстонии, Латвии, Белоруссии, Литве, Крыму, Грузии, Армении, Азербайджану) «обеспечить подлинные потребности живущих на них народов», поскольку провозглашение ими государственного суверенитета дало бы им «только призрак независимости», а на деле поставило бы их в «полную политическую и экономическую зависимость от других государств»¹.

Отмечая, с одной стороны, что восстановление целостности страны полностью соответствует потребностям ее больших и малых народностей, либералы, с другой стороны, декларировали отказ от «старого централизма» как основного начала национального строительства. Вместо этого они провозглашали принципы децентрализации управления (в известных рамках), широкой областной автономии (в соответствии с местными исторически сложившимися условиями) и национального равноправия. В программе восстановления России, выработанной Национальным центром, говорилось: «Признавая за отдельными народностями, вошедшими в состав русского государства в процессе его исторического роста, права на охрану и развитие их национальности, правительство, не предвещая вопроса о будущих формах областного и национального устройства, полагает в то же время необходимым ныне же обеспечить за ними право свободного пользования родными языками в школе, управлении и общественной жизни. С этой целью правительство издает особый закон об употреблении местных языков»².

Конкретная картина внутринациональных отношений рисовалась либералам следующим образом. Единство и целостность России восстанавливались в границах до 25 октября 1917 г., соответственно ей возвращали все части территорий, от нее отторгнутые. Исключение делалось лишь для Польши, за народом которой признавалась право на полную политическую государственную независимость (Милюков уточнял: в прежних этнографических границах). Правительства же, созданные в ходе Гражданской войны на тех или иных частях российской территории, должны отказаться от претензий на самостоятельное государственное существование. На Екатеринодарской кадетской конференции в октябре 1918 г. последнее положение выставлялось в качестве обязательного условия участия этих правительств в образовании временной всероссийской власти. Правда, через полгода, в марте 1919 г., обнаружилось некоторое поправление позиции части партии, представленной на проходившем в то время в

¹ Всероссийский Национальный Центр. М., 2002. С. 365.

² Там же. С. 370.

Ялте совещании ЦК кадетов. В ходе дискуссии о путях предстоящего «собрания и объединения России» предпочтение отдавалось не достижению соглашения с отдельными государственными образованиями, а сосредоточению сил около некоторых центров всероссийского объединения, в качестве каких рассматривались «борющиеся за возрождение единой России... армии, как представляющие в совокупности своей идею государственного единства России»¹. Таким образом, национальные образования лишались активной самостоятельной роли в строительстве будущей России и переводились в разряд «объединяемых».

Либералы категорически возражали против создания особого Украинского государства, заявляя, что это таит «великую опасность для экономической и культурной мощи русского народа и для его здорового политического развития»². На незначительные уступки шли либералы в отношении Финляндии: они соглашались не оспаривать политическую самостоятельность Финляндии (в границах Великого княжества Финляндского) постольку, поскольку она «совместима с необходимым для обеих сторон военным единством, единством иностранной политики и устранением таможенной черты между Россией и Финляндией». Кроме того, гарантировалось неприменение «насищенного произвольного вмешательства во внутреннюю жизнь Финляндии и посягательств в ее конституционный строй»³. Вместе с тем признание независимости Финляндии, как это предлагал Струве, рассматривалось как непродуманный шаг. По мнению А. А. Нератова, таким признанием Россия связала бы себя и открыла бы дорогу домогательствам и притязаниям на государственную самостоятельность других национальностей и государственных образований. Для переговоров о судьбе Финляндии, замечал Нератов, настоящий момент неблагоприятен, нужно дождаться того времени, когда Россия будет достаточно сильна и авторитетна. Милюков считал также, что нельзя принять «безусловной независимости, отчуждения Карелии и берега Северного океана, даже если это и скажется на поддержке армии генерала Н. Н. Юденича».

Другим областям (в том числе и Прибалтике) предоставлялось автономное самоуправление и возможности национально-культурного развития. Общегосударственным языком объявлялся русский. Третья Восточная кадетская конференция, проходившая в Омске в мае 1919 г., призывала партию бороться за «верховенство русской

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 2. С. 65.

² Всероссийский Национальный Центр. С. 365.

³ Там же.

культуры как великого исторического, государственного связующего начала»¹.

Особое место в обсуждении национальной программы либералов занимал еврейский вопрос. Он подробно обсуждался на Харьковской конференции кадетов в ноябре 1919 г. в связи с информацией о еврейских погромах. И содержание выступлений, и текст специально принятой резолюции отражали двойственность подхода участников конференции. С одной стороны, они единодушно осуждали еврейские погромы, причины которых видели в порожденном большевизмом «моральном одичании населения». С другой стороны, от евреев требовали отмежеваться и заклеить своих соплеменников, вставших во главе революции и разрушающих Россию. В резолюции говорилось: «Сознательные и руководящие круги еврейства должны объявить беспощадную войну тем элементам еврейства, которые, активно участвуя в большевистском движении, творят преступное и злое дело»². Впоследствии, в эмиграционный период, осуждающий тон этой резолюции неоднократно становился предметом острой полемики в кадетских группах.

Являясь органической частью либеральной модели преобразования России как целого, рассмотренные выше варианты решения национального вопроса, отношение к проблемам пораженчества и патриотизма отражали глубинные мировоззренческие представления и политические интересы достаточно широких кругов российской либеральной общественности, кровно заинтересованных в сохранении прочного единства и целостности исторически сложившегося полиэтнического российского государства. Рассчитанные на компромисс и взаимопонимание между различными национальностями, эти либеральные варианты представляли вполне реальную возможность избежать насильственного решения национального вопроса и, следовательно, распада многовековой Российской империи. Исторический опыт начала XX в. убедительно показал, что российские либералы в своей основной массе являлись подлинными патриотами, видели дальнейшую перспективу динамичного развития России на пути свободы и демократии, на пути единения всех национальностей, населяющих страну.

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 2. С. 89.

² Там же. С. 147.

Глава IX. ОТ ИДЕИ «МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПАТРИОТИЗМУ

§ 1. Иден «красного патриотизма» в годы Гражданской войны (1918–1920)

Октябрьская революция 1917 г. и приход большевистской партии к власти не только ознаменовали собой коренной слом социально-экономических и политических институтов прежней капиталистической России, но и явились началом новой государственности. Ее политическое содержание, основанное на принципе «диктатуры пролетариата», главные законы ее организации и функционирования были разработаны В. И. Лениным еще в августе–сентябре 1917 г. В известном теоретическом труде «Государство и революция» он писал: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле “налаживания” социалистического хозяйства»¹. Образовавшаяся на руинах Российской империи Советская Российская республика нуждалась не только в создании своего государственного аппарата, армии, хозяйственных органов, но и в собственной патриотической идеологии. Решающими факторами, повлиявшими на ее формирование, явились начавшаяся с весны 1918 г. полномасштабная Гражданская война и иностранная военная интервенция.

Белогвардейское движение, которое ставило своей целью ниспровержение большевиков и выступало под лозунгами «единой и неделимой» России и освобождения ее от «засилья Интернационала», не смогло стать действительно «всенародным» и патриотическим. Во многом это объяснялось преимущественно дворянским и буржуазным социальным составом движения, отсутствием единой социально-политической программы и абстрактными националистическими призывами белых, которые не могли привлечь на свою сторону большинство крестьян, заинтересованных прежде всего в решении земельного вопроса. Карательные меры против мирного населения

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1970. Т. 33. С. 26.

на территориях, «освобожденных» от большевизма, также не могли служить свидетельством «народного» характера белого движения. Главнокомандующий Добровольческой армией А. И. Деникин в своих мемуарах с недоумением констатировал, что после «освобождения» его войсками огромных российских территорий ожидаемой поддержки белых со стороны всех враждебных Советской власти элементов не произошло¹. Характерны в этом отношении и свидетельства иностранцев, наблюдавших положение в «белом лагере». Так, английский корреспондент телеграфировал 11 февраля 1920 г. из Новороссийска: «Год тому назад союзные державы соединенно решили покончить с большевиками. Но союзники и Деникин, сменивший Корнилова, и все мы допустили одну ошибку. Мы забыли ознакомиться с настроениями русского народа. Мы ожидали взрыва добровольческого движения, но он не осуществился»².

«Патриотическая» риторика белогвардейцев существенно дискредитировалась и фактом оказываемой им значительной финансовой и военной помощи со стороны Антанты. Эта помощь подтверждалась и официальными западными кругами. Так, факты поддержки армии Деникина британскими властями приведены одним из главных организаторов военной интервенции против Советской России У. Черчиллем в его работе «Мировой кризис» (вышла в период 1923–1931 гг.): «По совету генерального штаба, начиная с июля месяца 1919 г., Англия оказывала ему (Деникину) главную помощь, и не менее 250 тыс. ружей, 200 пушек, 30 танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы через Дарданеллы и Черное море в Новороссийск. Несколько сотен британских армейских офицеров и добровольцев в качестве советников, инструкторов, хранителей складов и даже несколько авиаторов помогали организации деникинских армий <...> Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело»³. В 1919–1920 гг. расходы Великобритании на армию Деникина (Вооруженные Силы Юга России) составили около 100 млн фунтов стерлингов⁴. Британское военное командование полностью обеспечивало потребности белых армий в артиллерии и стрелковом вооружении. При этом войска А. И. Деникина, Н. Н. Юденича и Е. К. Миллера было решено перевооружить исключительно английским оружием, а армию А. В. Колчака – винтовками из «русских

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин. 1926. Т. 5. С. 118.

² Известия Всеукраинского революционного комитета и Харьковского губревкома. 1920. № 47. 13 февраля.

³ Черчилль У. Мировой кризис. М.; Л., 1932. С. 166, 173; История Отечества в документах. 1917–1993 гг. М., 1994. Ч. 1. С. 148.

⁴ Соколов Т. Интервенты на Кубани. Краснодар, 1957. С. 12.

заказов» периода Первой мировой войны. США, как одна из ведущих держав Антанты, также были заинтересованы во всемерной поддержке белогвардейцев. Американское правительство предоставило армии А. В. Колчака кредит в размере 262 млн долларов и в счет этой суммы на протяжении 1918–1919 гг. направило ему 450 тыс. винтовок, несколько тысяч пулеметов, сотни орудий, боеприпасы. Япония израсходовала на содержание белогвардейских формирований на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. около 160 млн иен¹. После разгрома основных сил Колчака и Деникина организованная в 1920 г. в Крыму Русская армия П. Н. Врангеля сразу же была «взята на обеспечение» странами Антанты. Так, английское правительство ассигновало Врангелю 14,5 млн фунтов стерлингов, французское правительство дало ему заем в сумме 150 млн франков. Антанта предоставила армии Врангеля большое количество оружия, тяжелую артиллерию, танки, самолеты, передала ему почти все германское вооружение, оставшееся в Болгарии². Впрочем, среди лидеров белого движения появлялись военачальники, делавшие главную политическую и материальную «ставки» на немецкие оккупационные власти. Прежде всего это относилось к «освободительной» деятельности атамана Всевеликого войска Донского П. Н. Краснова. По справедливому замечанию историка А. В. Репникова, «успехи Дона в борьбе с Красной армией и устойчивость власти атамана в значительной мере были обусловлены его лояльностью и тесным сотрудничеством с командованием германских войск, занимавших часть территории области»³. В своем приказе «Всевеликому войску Донскому» от 17 мая 1918 г. Краснов потребовал, «чтобы все воздерживались от каких бы то ни было выходов по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как и на свои части». В письме к кайзеру Вильгельму (18 мая) с просьбой о поставках оружия атаман взамен предлагал установить «правильные торговые отношения» с Германией⁴. Впрочем, после капитуляции Германии в ноябре 1918 г. П. Н. Краснов обратился за поддержкой к Великобритании и Франции, «проявив склонность следовать политической конъюнктуре»⁵.

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 230.

² Там же. С. 235.

³ См.: *Гребенкин И. Н., Репников А. В.* Краснов П. Н. // *Общественная мысль Русского зарубежья*. Энциклопедия. М., 2009. С. 360.

⁴ См.: *Петров В. И.* Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988. С. 95.

⁵ *Гребенкин И. Н., Репников А. В.* Краснов П. Н. С. 36; *Репников А. В.* П. Н. Краснов и И. А. Родионов о Первой мировой войне и ее последствиях // *Первая мировая война и российская провинция*. Материалы международной научной конференции. Орел, 2014. С. 8–18.

Лидеры кадетов, правых эсеров, российского финансового капитала также охотно шли на контакты с представителями западных держав и рассматривали иностранную интервенцию как действенную меру в борьбе с большевизмом. На Ясском совещании лидеров российских буржуазных партий и представителей держав Антанты, проходившем в ноябре 1918 г., был разработан план совместных действий против большевизма. Члены «русской делегации» на совещании (октябристы В. В. Меллер-Закомельский и А. В. Кривошеин, кадеты П. Н. Милюков и М. М. Федоров, монархист В. И. Гурко, банкир В. П. Рябушинский и др.) выступили с призывом к странам Антанты «о немедленном приходе союзных вооруженных сил» на Юг России (в Одессу и Николаев) для поддержки белого движения в его борьбе с Советской властью¹. О своей деятельности в пользу западных держав и о контактах с представителями английской, французской, польской разведок в годы Гражданской войны дал подробные показания Военной коллегии Верховного Суда СССР в августе 1924 г. один из лидеров правых эсеров Б. В. Савинков. Признавая антинациональный характер своей борьбы с большевизмом – «властью, признанной русским народом», Савинков указывал на неизбежную зависимость антисоветских сил от иностранной помощи: «Я поступал так, как поступали все белые, опиравшиеся на иностранцев. А без опоры на иностранцев мы воевать не могли»². Еще более конкретное выражение это признание Савинкова получило в его знаменитом письме «Почему я признал Советскую власть», написанном после процесса: «Есть еще одно обстоятельство <...> Я говорю о связи с иностранными государствами. Кто борется – тот в зависимости от иностранцев: от англичан, французов, японцев, поляков <...> Кто борется, тот в железных тисках – в тисках финансовых, военных, даже шпионских. Иными словами, на границе измены. Ведь никто не верит в бескорыстие иностранцев. Ведь каждый знает, что Россия снится им как замаскированная колония, самостоятельное государство, конечно, но работающее не для себя, а для них»³. Разоблачая коллаборационизм представителей крупной буржуазии, которая пошла на союз с Антантой в борьбе против большевизма, В. И. Ленин отмечал, что российская буржуазия «готова была на все, чтобы удушить Советскую власть самыми подлыми способами – предать Россию кому угодно, только чтобы уничтожить власть Советов...»⁴.

¹ Гражданская война и военная интервенция. С. 699.

² Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 553.

³ Савинков Б. В. Воспоминания. М., 1990. С. 398.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 216.

Западные государства приняли самое активное участие в Гражданской войне в России. К весне 1919 г. на территории бывшей Российской империи действовали войска 14 иностранных государств общей численностью более 300 тыс. человек¹. Разумеется, политическое и военное вмешательство «союзников» России в ее внутренний гражданский конфликт было продиктовано отнюдь не «миротворческими» намерениями. Кроме опасности распространения «коммунистической угрозы» на страны Европы и всего мира, западные финансовые и политические круги беспокоила возможность восстановления сильного Российского государства с антикапиталистической идеологией. Наступившая после распада Российской империи «смута» создала благоприятные условия для передачи ее территорий под контроль иностранных держав и международного финансового капитала. В конце ноября 1917 г. на межсоюзной конференции в Париже правительства стран Антанты договорились о борьбе против победившей большевистской революции в России. 23 декабря 1917 г. между представителями Англии и Франции в Париже было заключено соглашение о всесторонней помощи белогвардейским формированиям, а также о разделе «сфер влияния» на территории бывшей Российской империи. По этому соглашению предполагалось отторгнуть от России Прибалтику, Украину, Кавказ, Дон, Крым, Среднюю Азию, Бессарабию и другие территории. Зоной английских интересов были признаны Кавказ, Дон и Кубань. В свою очередь, Украина, Бессарабия, Крым объявлялись французской зоной влияния. Была также достигнута договоренность о том, что Дальний Восток и Сибирь становятся преимущественно сферами влияния США и Японии².

Примечательно, что западные политические круги декларировали свою военную и финансовую поддержку белогвардейцев и собственную интервенцию как «помощь русским национальным силам»³. В утвержденном 17 февраля 1919 г. Главным командованием армиями Антанты «Плане действий» по расширению военной интервенции провозглашалось, что «реставрация режима порядка в России является делом сугубо национальным, которое должен осуществить сам русский народ»⁴. Для успешного осуществления этого «национального дела» предлагались меры по «оккупации Украины» войсками союзных держав, «блокада побережья Балтийского моря британским флотом», «действия Франции в Сибири» и ее участие в «организации

¹ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2007. М., 2008. С. 84.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 233.

³ Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2. С. 7.

⁴ Там же.

польской армии». Все эти действия должны были служить главной цели, которая также обозначалась в документе: «Для держав Антанты встает жизненная необходимость свергнуть его (Советское правительство. – А. К.) как можно скорее, и возникает долг солидарности осуществить с этой целью совместные усилия»¹.

«Русские национальные силы» в лице лидеров белого движения щедро расплатились со своими союзниками и кредиторами за оказанную помощь. Так, за период своего пребывания на Русском Севере иностранные оккупанты, с согласия белогвардейцев, вывезли леса, льна, марганцевой руды на сумму более 3,5 млн фунтов стерлингов. Во время пребывания в Крыму армии Врангеля интервенты вывезли с 1 февраля по 1 сентября 1920 г. около 3 млн пудов зерна, 830 тыс. пудов соли, 120 тыс. пудов льна, 120 тыс. пудов табака, 63 тыс. пудов шерсти и другое сырье. Белогвардейцами фактически за бесценок был продан США, Великобритании и Франции русский Черноморский торговый флот². На Дальнем Востоке только за первые три месяца 1919 г. американо-японские интервенты вывезли более 3 млн шкурок ценной пушнины, за весь год – 14 млн пудов сельди, вывозилось большое количество леса³. В целях экономического закабаления русских дальневосточных территорий оккупанты создали при содействии белогвардейских властей во Владивостоке отделения банков США – национального Нью-Йоркского Сити-банка, Меркантиль Оверси и К, Чайна-Джапан трейдинг банка, а также отделения японских банков – Спеш- и Чосен-банка. Американские и японские монополии (Морган, Рокфеллер, Дюпон, Мицуи и Мицубиси) получали огромные прибыли от эксплуатации природных богатств Дальнего Востока. Япония получила от правительства Колчака право на продление рыболовной конвенции 1907 г., что дало японским предпринимателям возможность захватить в свои руки почти все русские рыболовные участки на дальневосточном побережье⁴. За время белогвардейской диктатуры братьев Меркуловых в Приморье (1921–1922) японские интервенты расхитили достояние региона на сотни миллионов рублей золотом⁵. Расширялась и религиозная американская экспансия при полном невмешательстве «русских патриотических властей». В 1918–1920 гг. на Дальний Восток засылались сотни американских проповедников. Ими были созданы отделения «Христианского союза

¹ Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2. С. 8.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 232, 235.

³ Там же. С. 230.

⁴ Героические годы борьбы и побед (Дальний Восток в огне гражданской войны). М., 1968. С. 90–91.

⁵ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 231.

молодых людей», субсидировались различные сектантские общины¹. Конкурирующие с американцами японские и французские власти также рассматривали российский Дальний Восток зоной своих геополитических и экономических интересов. Главную ставку в реализации своих планов они делали на белогвардейцев. В 1921 г. представителями Дальневосточной республики (ДВР) были преданы огласке документы, изобличавшие агрессивные планы японских политических кругов в этом регионе. В частности, был опубликован секретный договор между Японией и Францией, по которому последняя соглашалась на оккупацию японцами Дальнего Востока и Сибири. Для этих целей французской стороной предлагалась переброска из Европы на Дальний Восток в распоряжение японского командования и его ставленника атамана Г. М. Семенова частей врангелевских войск. В документе отмечалось, что «французское правительство готово поддержать тот проект, чтобы японское правительство получило в Сибири свободу действий и чтобы бывшая армия Врангеля под руководством Семенова или других русских офицеров освободила занятые большевиками сибирские территории. После этого освобождения японское правительство может повести дело таким образом, что освобожденные области, находясь под японским протекторатом, но с русским управлением, подпадут совершенно под японское влияние». Был также опубликован секретный договор между Японией и атаманом Семеновым, по которому японская сторона брала на себя обязательства по снабжению его войск и белогвардейских формирований Р. Ф. Унгерна фон Штернберга оружием и деньгами. Разумеется, все это основывалось на согласии «белых вождей» пойти на возможные территориальные уступки «союзникам» в случае победы и даже признать иностранный протекторат². Эти и другие подобные факты никак не соответствовали «патриотическим» лозунгам «восстановления великой России», которые выдвигали лидеры и идеологи белого движения.

Развернувшееся широкое партизанское движение на территориях, оккупированных иностранными войсками, также свидетельствовало о нежелании народных масс признавать в лице зарубежных «освободителей от большевистского ига» новоявленных «спасителей» России. Неприкритый грабеж национальных богатств страны и беспощадный террор оккупантов против мирного населения едва ли могли служить надежной основой для укрепления подобного пропагандистского образа. Характерное свидетельство содержится в мемуарах члена Союзнической судебной комиссии капитана А. Мандрилли. Утверждая, что победа большевиков объяснялась прежде всего на-

¹ Героические годы борьбы и побед. С. 91.

² Там же. С. 324; Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1951. С. 352.

родным стремлением к национальной независимости, он жестко критиковал союзников: «Их поведение помешало им преодолеть недоверие аморфных масс, для которых большевистская пропаганда нашла легкую наживку – разжигание ненависти к иностранцам, которые вмешиваются во внутренние дела России, прикрывшись маской фальшивого сентиментализма»¹.

Уже после разгрома основных сил белых армий Колчака и Деникина и иностранных интервентов И. В. Сталин в своей статье «К военному положению на Юге» (январь 1920 г.) указывал, что прямым следствием победы белогвардейцев явилась бы потеря национальной независимости России: «Деникин и Колчак несут с собой не только ярмо помещика и капиталиста, но и ярмо англо-французского капитала. Победа Деникина-Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков. В этом смысле Советское правительство есть единственно народное и единственно национальное в лучшем смысле этого слова правительство, ибо оно несет с собой не только освобождение трудящихся от капитала, но и освобождение всей России от ига мирового империализма, превращение России из колонии в самостоятельную свободную страну»².

Таким образом, большевизм, победивший в Петрограде, Москве и ряде центральных губерний страны, находясь во враждебном кольце интервентов и контрреволюции, объективно становился единственной политической силой, способной отстоять государственный суверенитет России. Пролетариат первой Республики Советов обрел свое Отечество, которое нуждалось в защите. Мобилизация трудящихся масс для обороны республики требовала создания новой армии и «реабилитации» идеи патриотизма, идеи Отечества.

Призыв к защите социалистического Отечества впервые прозвучал в феврале 1918 г., еще за несколько месяцев до начала широкомасштабной военной интервенции. 22 февраля 1918 г. публикуется написанный В. И. Лениным декрет-воззвание Совета Народных Комиссаров (СНК) «Социалистическое Отечество в опасности!». Он появился в критический момент истории молодой республики, когда Германия, воспользовавшись срывом мирных переговоров в Брест-Литовске, развернула наступление на Советскую Россию. Декрет гласил: «Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян

¹ Цит. по: *Росси М.* Деятельность итальянского экспедиционного корпуса на территории России (1918–1919 гг.) // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. М., 2011. С. 151.

² *Сталин И. В.* Соч.: В 13 т. М., 1946–1951. Т. 4. С. 284–285.

России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии»¹. После обозначения конкретных мер, необходимых для обороны республики, декрет-воззвание заканчивался словами: «Да здравствует социалистическое отечество!», «Да здравствует международная социалистическая революция!»². Характерно, что наряду с призывом к защите Отечества стратегическая установка большевиков на мировую интернациональную революцию оставалась главенствующей. Основные надежды большевистское руководство возлагало на возможность победы революции в Германии, явившейся родиной европейской социал-демократии, и испытанного в классовых боях пролетариата. Россия – государство *победившего* пролетариата – рассматривалась как временный революционный плацдарм, отвоеванный у мировой буржуазии, который необходимо было отстоять. По свидетельству Л. Д. Троцкого, проект воззвания обсуждался при участии левых эсеров. В ответ на их замечание о неправомерности использования лозунга «Защиты Отечества», противоречившего задачам распространения мировой революции на страны Европы, В. И. Ленин указал на его политическую своевременность. По мнению главы советского правительства, такой лозунг «сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!»³.

3 марта 1918 г. между Советской Россией и странами Четверного союза был подписан мирный договор. От России в пользу Германии и ее союзников отторгались Украина, Польша, Литва, Латвия, западная часть Белоруссии, территории в Закавказье. Всего Советская Россия теряла около 1 млн кв. км территории, входившей ранее в состав Российской империи. По статьям договора советская сторона демобилизовала армию и флот, а также только что созданные части Красной армии. Советское государство обязывалось уплатить

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357. В опубликованном вслед за ленинским декретом воззвании ВЦИК «Братья-крестьяне!» говорилось уже и о защите «социалистической Родины». Центральный советский орган обратился к находящимся на оккупированной немцами территории российским крестьянам с призывом: «Все, как один, на защиту революции, в ряды партизанских повстанческих отрядов. Пусть чувствует немецкий насильник, что он вошел в революционную страну, пусть знает, что ему не удастся утвердить своего владычества ни в одном городе, ни в одной деревне, ни в одном уголке нашей Красной социалистической Родины», цит. по: Фрайман А. Л. Революционная защита Петрограда в феврале-марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 217.

² Там же. С. 358.

³ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 215.

Германии контрибуцию в 90 т золота¹. Крайне тяжелые и унижительные для России условия «мира» явились поводом для обвинений большевиков в предательстве национальных интересов страны и «сговоре» с германской стороной. Сложившееся положение требовало разъяснений позиции партии в отношении Брестского мира. В день переезда советского правительства в Москву (11 марта 1918 г.) В. И. Ленин пишет статью «Главная задача наших дней», носившую программный характер. В качестве эпиграфа были взяты слова поэта Н. А. Некрасова: «Ты и убогая, ты и обильная, // Ты и могучая, ты и бессильная // – Матушка-Русь!» Говоря о тяжелых последствиях Брестского мира (который по исторической аналогии назван Тильзитским – между Наполеоном и Александром I в 1807 г.), В. И. Ленин указывал: «Мы принуждены были подписать “Тильзитский” мир <...> Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной <...> У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, – чтобы создать действительно могучую и обильную Русь. Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили»². В той же статье со всей определенностью был заявлен тезис о наличии у победившего русского пролетариата своего, отвоеванного у международного капитала революционного Отечества и необходимости его защиты в условиях обостряющегося классового противостояния и реальной угрозы иностранной агрессии. Война трудящихся за независимость своей социалистической республики рассматривалась уже как «отечественная»: «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за “защиту отечества”, но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма»³. Спустя три дня, в своем

¹ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 74.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 79–80.

³ Там же. С. 82 (курсив оригинала).

выступлении на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов (14 марта 1918 г.) глава советского правительства еще более определенно обозначил отношение большевизма к вопросу об «отечестве»: «С 25 октября мы сказали открыто, что мы за защиту отечества, ибо у нас есть это отечество»¹. Таким образом, классическая марксистская формулировка в сложившихся условиях признавалась политически неактуальной.

Высадка войск стран Антанты на Севере и Дальнем Востоке России весной 1918 г. стала началом широкомасштабной интервенции против молодой Советской республики. Это событие, а также нарастающее гражданское противостояние привели советское руководство к необходимости провозглашения революционной войны как войны отечественной. В связи со сложившимся положением был переориентирован и партийно-пропагандистский аппарат. В марте 1918 г. в резолюции VII съезда РКП(б) отмечалось: «Исторически неизбежны в настоящий период начавшейся эры социалистической революции многократные военные наступления империалистических государств (как с Запада, так и с Востока) против Советской России (<...> Первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне»².

Призыв к защите нового социалистического Отечества звучал не только в документах большевистской партии, но и в решениях местных советских органов. Так, в постановлении V съезда Советов Дальнего Востока (Хабаровск, 25–28 августа 1918 г.), проходившего в условиях начавшегося наступления объединенных войск американо-японских интервентов и белогвардейцев, подчеркивалось: «Мы будем бороться всеми силами, имеющимися в нашем распоряжении. *Ни одной пяди своей социалистической родины не уступим без боя.* Если же под напором огромных вражеских сил мы должны будем отойти от теперь занятых нами позиций, то сделаем это лишь в последнюю минуту с проклятием в устах и для того, чтобы, собравшись со свежими силами, вновь ринуться на обнаглевших врагов»³.

Признание социальной борьбы русских трудовых масс как борьбы национально-освободительной, борьбы против агрессии запад-

¹ Там же. С. 110.

² КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 26.

³ Героические годы борьбы и побед. С. 80.

ных буржуазных правительств и связанного с ними отечественного капитала со всей определенностью было обозначено в заявлении наркоминдела Г. В. Чичерина, опубликованном на страницах газеты «Известия» в сентябре 1918 г. В «Ответной ноте Народного комиссара по иностранным делам», предъявленной представителям нейтральных держав, Чичерин подчеркивал: «Подавляющее большинство русского народа в лице Второго съезда рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов отдало власть в руки Рабоче-Крестьянского Правительства. Кучка капиталистов, желавших получить обратно в свои руки фабрики и банки, отнятые у них в пользу всего народа, кучка генералов, желающих снова палкой учить подчинению рабочих и крестьян, не признали этого решения русского народа. Они при помощи денег иностранного капитала мобилизуют контрреволюционные банды, при помощи которых обрезают Россию от хлеба, дабы костлявая рука голода задушила русскую революцию <...> Они предали Россию на юге, севере и востоке чужестранным империалистическим государствам, призывая чужие штыки отовсюду, откуда только их могут получить <...> Эту контрреволюционную клику, пользующуюся поддержкой иностранного капитала и русской буржуазии, желающей набросить на шею русского народа петлю рабства и войны, русский трудовой народ беспощадно подавит»¹. Задачи обороны республики от внешней агрессии и внутренней контрреволюции приобрели для советского руководства первостепенное значение. 29 июля 1918 г. объединенное заседание ВЦИК, Моссовета и представителей рабочих организаций объявило социалистическое Отечество в опасности и призвало трудящихся к его защите. Позднее, в начале сентября 1918 г., когда положение на фронтах стало наиболее критическим, ВЦИК объявил Советскую республику единым военным лагерем. Постановление ВЦИК от 2 сентября гласило: «Все силы и средства Социалистической республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников»². Обращает внимание использование здесь нехарактерной для коммунистов терминологии – борьба против классовых врагов впервые объявлялась «священной». Были приняты меры по организации централизованного руководства фронтами и военными учреждениями. 6 сентября 1918 г. был создан Революционный военный совет республики (РВСР) – орган, призванный осуществлять в условиях войны непосредственное руководство армией и флотом. Его председателем был назначен Л. Д. Троцкий. Постановлением ВЦИК от 30 ноября 1918 г. образовывается чрезвычайный орган Советского

¹ Известия ВЦИК. 1918. 13 сентября.

² Правда. 1918. 4 сентября.

государства – Совет рабочей и крестьянской обороны. Его возглавил В. И. Ленин, в первоначальный состав Совета были включены И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Красин и другие партийные и советские руководители. На протяжении 1918 г. шел процесс формирования Рабоче-крестьянской Красной армии, организации ее военных и политических структур.

Придерживаясь принципиальной установки на неизбежность скорой европейской революции, которая произойдет лишь в случае удержания коммунистами власти в России, В. И. Ленин и большевики рассматривали вопрос о защите Отечества также в общем контексте решения задач мировой революции. В своем докладе на объединенном заседании ВЦИК и Моссовета 14 мая 1918 г. глава советского правительства подчеркивал: «Мы оборонцы после 25 октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество <...> Мы защищаем отечество от империалистов <...> Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, – не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы социалистического отечества... Это маленький островок среди окружающей империалистический мир войны, но на этом островке мы показали и доказали все, что может сделать рабочий класс»¹. Классовое отношение к идее патриотизма проявлялось и в более поздних высказываниях В. И. Ленина. Патриотизм в своем дореволюционном «исконном» значении рассматривался как идеология буржуазии, идеология, мешающая сплочению интернациональных масс, замыкающая себя в национально-государственных границах. В ноябре 1918 г. Ленин констатировал: «Наша революция боролась с патриотизмом. Нам пришлось в эпоху Брестского мира идти против патриотизма (имеется в виду признание большевиками тяжелых и унижительных для России условий Брестского мира с Германией – А. К.). Мы говорили: если ты социалист, так ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции»². Вместе с этим новая политическая обстановка, военное положение, в котором с весны 1918 г. оказалась Советская республика, объективно способствовали утверждению патриотической идеи как важного элемента пропаганды революционного оборончества.

Первые значительные победы Красной армии над войсками белогвардейцев и чехословаков в Поволжье осенью 1918 г. укрепили позиции большевиков и способствовали переходу на их сторону значи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 341–342.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 213.

тельной части среднего крестьянства. В ноябре 1918 г. В. И. Ленин отмечал: «Неизбежно наступил поворот в положении мелкобуржуазной демократии <...> Это поворот не случайный, не личный. Он касается миллионов и миллионов людей, которые поставлены в России в положение среднего крестьянства <...> Поворот касается всей мелкобуржуазной демократии. Она шла против нас с озлоблением, доходящим до бешенства, потому что мы должны были ломать все ее патриотические чувства. А история сделала так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону. Ведь ясно, что нельзя свергнуть большевиков иначе как иностранными штыками»¹.

В те же ноябрьские дни происходят революции в Германии и Австро-Венгрии. Эти события не только явились для большевиков подтверждением правоты их стратегии в отношении Брестского мира, но и укрепили уверенность в начале общеевропейской революции, в которой Советской России предстоит сыграть ведущую роль. 13 ноября 1918 г. ВЦИК аннулирует Брестский договор. Выступления В. И. Ленина того времени проникнуты идеями революционно-патриотического мессианства. Так, в своей речи на III съезде рабочей кооперации 9 декабря 1918 г. он подчеркивал: «Раньше западные народы рассматривали нас и все наше революционное движение, как курьез. Они говорили: пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет <...> Чудной русский народ!.. И вот этот “чудной русский народ” показал всему миру, что значит его “баловство”. В настоящий момент, когда подошло начало немецкой революции, один из иностранных консулов говорил Зиновьеву: “Да еще не известно, кто больше использовал Брестский мир, вы или мы”. Это говорил он потому, что все говорят то же самое. Все увидели, что это только начало всемирной великой революции. И это начало великой революции положили мы, отсталый русский “чудной” народ <...> Нужно сказать, что история идет странными путями: на долю страны отсталой выпала честь идти во главе великого мирового движения. Это движение видит и понимает буржуазия всего мира»².

Показательно, что выдвинутый В. И. Лениным тезис о ведущей роли русского народа в деле социального освобождения человечества нашел отклик и у представителей интеллигенции, ранее оппозиционно настроенной к новой власти. Недавний идейный оппонент большевизма А. М. Горький в своем выступлении на I конгрессе Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. отмечал: «Сегодня началась великая работа освобождения людей из крепкой, железной паутины прошлого <...> Случилось так, что впереди наро-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 215–216.

² Там же. С. 347–348.

дов идут на решительный бой русские люди <...> Сегодня они идут к победе или на смерть пламенно и мужественно, как старые, привычные бойцы <...> То, что творится сейчас на Руси, должно быть понято, как гигантская попытка претворить в жизнь, в дело великие идеи и слова, сказанные учителями человечества, мудрецами Европы <...> И если честные русские революционеры, окруженные врагами, измученные голодом, будут побеждены, то последствия этого страшного несчастья тяжело лягут на плечи всех революционеров Европы, всего ее рабочего класса <...> Русский рабочий верит, что его братья в Европе не дадут задушить Россию»¹.

Несмотря на следование марксистской установке на «мировую революцию» и учреждение для этих целей Коммунистического Интернационала, расчеты большевистских руководителей на скорую поддержку Советской России европейским (прежде всего германским) пролетариатом не оправдались. Революции 1919 г. в Баварии и Венгрии были подавлены интервентами и внутренней контрреволюцией. «Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас со всех сторон <...> лезет контрреволюция», – констатировал В. И. Ленин². Однако надежды на возможную поддержку Советской России со стороны пролетариата Европы (а с начала 1920-х гг. и трудящихся Азии, прежде всего Китая) оставались у части большевистского руководства вплоть до начала 1930-х гг.

Продолжавшаяся Гражданская война, усиление иностранной интервенции, блокада центральных районов России, реальная угроза гибели Советского государства и коммунистической власти – все эти факторы объективно подвели большевистское руководство к более широкому использованию идей русского патриотизма в пропаганде революционного оборончества. В причудливом сочетании с идеями интернационализма и всемирной пролетарской революции русский патриотизм в большевистской интерпретации (позднее названной философом Н. В. Устряловым «национал-большевизмом») становился одним из элементов раннесоветской идеологии. Задача защиты революционного Отечества и «освободительная миссия» русского пролетариата по отношению к угнетенным другим стран и народов требовали воспитания у красноармейцев качеств интернационалиста и патриота. Этому способствовал ряд факторов. К концу Гражданской войны в пятимиллионной РККА русские составляли абсолютное численное большинство – 77,6 %, украинцы – 13,7 %, белорусы – 4 %, татары, башкиры, латыши и другие националь-

¹ Цит. по: *Бунин И. А. Окаянные дни*. М., 1990. С. 111.

² См.: *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 36.

ности – 4,7 % (кроме того, в частях Красной армии в разное время служили около 200 тыс. зарубежных интернационалистов)¹. Другим немаловажным фактором являлась деятельность белогвардейских диверсионно-пропагандистских органов (прежде всего колчаковского РОПД и деникинского ОСВАГ)², направленная на дискредитацию большевизма как «антинационального» движения, на идеологический подрыв Красной армии и советского тыла. Широко практиковалась публикация и переброска в части РККА материалов об «антипатриотической» политике коммунистов (в частности, о «германо-большевистском заговоре» – фрагменты из так называемых документов Сиссона), фальшивых номеров партийных и советских газет («Правда», «Беднота» и др.), поддельные декреты советского правительства и приказы по Красной армии³.

Все это заставляло руководство республики усилить пропагандистскую работу в РККА. В 1919 г. в Красной армии и на флоте окончательно сложилась структура партийно-политического аппарата: партячейки, институт военных комиссаров, политотделы во главе с Политуправлением Реввоенсовета Республики (РВСР). Кроме политучебы, разъяснения политики партии и Советского государства предпринимались первые шаги по патриотическому воспитанию красноармейцев. Для этого понадобилось обращение к армейским традициям и военному теоретическому наследию дореволюционной России.

Показательно в этом отношении введение в октябре 1918 г. обязательной для всей Красной армии «Служебной книжки красноармейца» – первого кодекса военной этики и учебника политграмоты советских вооруженных сил. Она была утверждена и издана за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. Вместе с обозначением срока прохождения службы, перечислением выданного красноармейцу оружия, снаряжения и обмундирования в «Книжку» были включены основные положения Конституции РСФСР, некоторые декреты советского правительства, рассказывалось о предназначении РККА, о военном долге красноармейца перед Советской республикой. «Книжка» призывала к отваге, мужеству, воинской доблести и преданности своей социалистической Родине. Свое новое содержание получило и понятие «воинской чести»: «Революционная *воинская честь* есть сознание собственного достоинства, как воина-революционера Рабоче-Крестьянской Красной армии и гражданина сво-

¹ Самойленко В. Ф. Народ и армия едины. М., 1974. С. 10; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 236.

² РОПД – Русское общество печатного дела (май–декабрь 1919 г.); ОСВАГ – Осведомительное агентство (август 1919 г. – март 1920 г.).

³ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 423–424.

бодной страны, исполняющего по совести свой долг»¹. Характерным «новшеством» стала публикация в «Служебной книжке красноармейца» цитат из книги А. В. Суворова «Наука побеждать» (были включены 10 наиболее важных воинских правил великого русского полководца)². В 1919 г. Политуправлением РВСР была издана листовка «Наказ красноармейцу», которая призывала к бережному отношению к военному имуществу и учила правилам поведения в бою. Листовка включала в себя несколько правил, составленных на основе русских народных пословиц и поговорок³.

Эти факты свидетельствовали о стремлении большевистского партийного руководства и подчиненных ему политорганов РККА возродить некоторые необходимые в военных условиях традиции русской армии, патриотическое воспитание военнослужащих. Политорганы Красной армии (с 1946 г. – Советской армии) на протяжении всей советской истории будут выполнять функцию «пропагандиста» политики Коммунистической партии в Вооруженных Силах, станут для армии главным проводником официальной линии, направленной на сочетание идей «пролетарского интернационализма» и русского патриотизма, получившего в 1930-е гг. наименование «советский патриотизм».

Следование русским военным традициям нашло отражение и во введении новой формы для военнослужащих РККА. В апреле 1918 г. приказом наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого была учреждена комиссия по разработке формы обмундирования красноармейцев, а в мае объявлено положение о конкурсе по установлению форм одежды. В конкурсной разработке приняли участие известные русские художники того времени: В. М. Васнецов, Б. М. Кустодиев, М. Д. Езучевский и др. 16 января 1919 г. приказом РВСР был утвержден головной убор красноармейца – шлем из сукна со звездой, получивший неофициальное название «богатырка». Действительно, по своей форме новый головной убор напоминал древнерусскую «ерихонку» или шелом с бармицей. Позднее он получит название «фрунзевка» (по имени командующего войсками Восточного фронта М. В. Фрунзе), а затем и свое наиболее известное название – «буденовка» (по имени командующего 1-й Конной армией С. М. Буденного). Различные модификации этого головного

¹ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 266; Суворовский сборник. М., 1951. С. 275–276.

² Там же.

³ Листовки гражданской войны в СССР 1918–1922 гг. М., 1942. С. 19.

убора использовались в Красной армии вплоть до начала Великой Отечественной войны¹.

Задача создания новых вооруженных сил Республики Советов требовала привлечения в их ряды опытных командных кадров царской армии. 10 июля 1918 г. Пятый Всероссийский съезд Советов вынес постановление о мобилизации в Красную армию офицеров старой армии. 29 июля был принят Декрет СНК РСФСР об обязательном призыве на службу в Красную армию бывших офицеров, чиновников, врачей. Показательно, что еще до принятия Декрета, к июню 1918 г., около 9 тыс. офицеров добровольно вступили в Красную армию². К августу 1920 г. на службе в Красной армии состояло 48 тыс. бывших генералов и офицеров царской армии, более 10 тыс. военных чиновников, 14 тыс. военных врачей. К концу Гражданской войны они составляли треть комсостава Красной армии и Красного флота³. Поскольку количество бывших царских офицеров, служивших красным, пополнилось незначительно, на службу в РККА за период войны было взято более 14 тыс. пленных белых офицеров. К 1920 г. среди командного состава РККА бывшие белые офицеры составляли 92,3 % командующих фронтами, 100 % начальников штабов фронтов, 91,3 % командующих армиями, 97,4 % начальников штабов армий, 88,9 % начальников дивизий и 97 % начальников штабов дивизий⁴. За весь период войны в Красной армии служило 775 бывших генералов и адмиралов – более половины состава генералитета (1263 человека на 1 января 1914 г.)⁵. Среди кадровых военных царской армии, перешедших на службу к Советской власти в годы Гражданской войны, можно назвать имена генерал-лейтенантов К. И. Величко и М. С. Бонч-Бруевича, генерал-майоров Ф. Ф. Новицкого, А. А. Самойло, П. П. Лебедева,

¹ Вопрос о времени и мотивах создания формы остается дискуссионным. По мнению одних исследователей, она была изготовлена по эскизам В. М. Васнецова и К. А. Коровина еще в годы Первой мировой войны и предназначалась для предполагавшегося победного парада русских войск в Берлине. Невостребованная для этой цели, она в 1918 г. была взята со складов для обмундирования Красной армии. Другие исследователи считают, что форма была разработана в 1918 г. русскими художниками после соответствующего приказа Наркомвоенмора Л. Д. Троцкого. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 637–638; *Дерябин А. И.* Гражданская война в России 1917–1922. Красная Армия. М., 1998. С. 3–5; *Сопельняк Б.* Буденовка – любимый головной убор красноармейцев // *Вечерняя Москва*. 2010. № 27.

² Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 107.

³ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 167.

⁴ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 316.

⁵ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. С. 22.

адмирала А. В. Немитца, контр-адмирала В. С. Альтфатера, полковников Б. М. Шапошникова, С. С. Каменева, И. И. Вацетиса, подполковника Д. М. Карбышева и др. Особое место в этом списке принадлежит знаменитому русскому военачальнику Первой мировой войны А. А. Брусилову. В 1916 г. он являлся главнокомандующим Юго-Западного фронта (войска которого осуществили прорыв австро-венгерского фронта), в мае–июле 1917 г. – верховным главнокомандующим. Когда весной 1918 г. представители белого командования обратились к Брусилову с письмом-предложением возглавить «добровольческие» силы на Дону, он ответил подателю этого письма: «Никуда не поеду. Пора нам забыть о трехцветном знамени и соединиться под красным»¹. С мая 1920 г. прославленный полководец был назначен председателем Особого совещания при главнокомандующем всех Вооруженных Сил Республики. Многие представители старой русской армии, принявшие Советскую власть, рассматривали службу в РККА как исполнение своего патриотического долга. Так, контр-адмирал В. С. Альтфатер, перешедший к большевикам еще в начале революции, говорил К. Б. Радеку в 1918 г.: «Я вам не верил, теперь буду помогать и делать свое дело, как никогда я этого не делал – в глубоком убеждении, что служу родине»².

Белое командование расценивало многочисленные факты сотрудничества генералитета и офицерства с советскими властями как измену «русскому делу». 14 ноября 1918 г. выходит приказ Главнокомандующего Добровольческой армией А. И. Деникина. В нем говорилось: «К стыду и позору русского офицерства много офицеров, даже в высоких чинах, служат в рядах красной армии»³ <...> Объявляю, что никакие мотивы не будут служить оправданием этого поступка. Ведя смертный бой с большевизмом, мы в провокаторах не нуждаемся <...> Всех, кто не оставит безотлагательно ряды красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской Армии – суровый и беспощадный»⁴. Измена «белому делу» сурово каралась – многие служившие в Красной армии бывшие царские генералы и офицеры, оказавшиеся в плену у белогвардейцев, за отказ перейти на их сторону были казнены. В их числе: генерал-лейтенант А. А. Таубе, генерал-майор А. В. Станкевич, генерал-майор А. П. Николаев, генерал-лейтенант А. П. Востросаблин и другие.

¹ См.: *Нестерович-Берг М. Л.* В борьбе с большевиками. Париж, 1931. С. 100.

² См.: *Агурский М. С.* Идеология национал-большевизма. М., 2003. С. 62.

³ Так в тексте. – А. К.

⁴ Цит. по: *Шевоцукوف П. А.* Страницы истории гражданской войны. М., 1992. С. 162.

В Циркулярном письме ЦК РКП(б) об укреплении Красной армии от 14 июля 1919 г. отмечалось: «Из числа офицеров за полтора года путем естественного отбора выделилась группа военных деятелей по большей части, которые с преданностью и самоотверженностью служат делу рабоче-крестьянской России. Сотни и сотни этих офицеров погибли в первых рядах, сражаясь бок о бок с нами против белогвардейцев. Сотни и сотни таких офицеров остаются в рядах нашей Красной армии и служат ей верой и правдой. Само собой понятно, что эта часть офицерства заслуживает величайшего уважения со стороны рабочих»¹. Вместе с этим в письме ЦК РКП(б) обращалось внимание на факты предательства со стороны военспецов и содержался призыв к усилению роли армейских политкомиссаров². Это было определено решениями VIII съезда партии (март 1919 г.), осудившего политическую линию Л. Д. Троцкого в армии, выразившуюся в чрезмерном преклонении перед авторитетом военспецов и сведении к минимуму роли партийных организаций.

Усиление иностранной интервенции, продвижение белогвардейских войск к центральным районам страны требовали от советского правительства не только экстренных мер по созданию новой армии, но и налаживания эффективной политико-пропагандистской работы внутри республики, на фронте и на территории, занятой противником. Эта работа осуществлялась под руководством ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР – Наркоматом просвещения, Политуправлением Реввоенсовета Республики (ПУР), советскими издательствами, культотделами Советов, Российским телеграфным агентством при ВЦИК (РОСТА) и др. Наряду с призывами к мировой революции и к сплочению интернациональных сил в борьбе с международным капиталом, в советских пропагандистских документах 1918–1919 гг. (материалы периодической печати, воззвания, листовки, агитплакаты и т. д.) все чаще обращались к идеям социалистического патриотизма, защиты территориальной целостности России.

Так, в листовке «Чего хотят англичане, французы, идущие против нас войной?», выпущенной в 1918 г. издательством ВЦИК, подчеркивалось: «Они (интервенты. – А. К.) захватили дорогу на Мурманск, весь берег Белого моря, Онегу, Архангельск. Нашлись предатели, которые им помогли. Они пушками с крейсеров громили мирное население – за что, что мы им сделали? <...> Чего же хотите вы, король, президент, лорды и герцоги, купцы и банкиры, помещики Америки, Англии, Франции, Японии?» Далее в листовке приводятся их слова: «Мы хотим сожрать вас, мы хотим захватить ваши леса на севе-

¹ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 113.

² Там же.

ре, ваши гавани, ваши дороги. Мы хотим, чтобы лен и пенька, лес и хлеб, все, чем богата ваша страна, медь и железо, свинец, серебро, платина, золото, – все мы хотим захватить <...> Мы хотим захватить и север, и Волгу, и Урал, и Кавказ. Нам нужны ваши источники нефти, ваши рудники и шахты, ваши рыбные¹ ловли, все заберем! <...> Мы хотим посадить вам на шею царя, потому что и в нашей стране (имеется в виду Великобритания. – А. К.) король Георг – родственник Романова, потому что наша буржуазия – родная вашей, наши помещики – родные вашим». Завершается листовка словами: «Вот чего хотят эти люди. Гоните их вон!»² Примечательно, что в данном документе представители русских эксплуататорских классов фактически отождествляются с иностранными захватчиками. Подобным образом обозначался антинациональный характер всего контрреволюционного движения. В одном из выпусков агитационного плаката «Окон сатиры РОСТА» за 1919 г. генерал Деникин был представлен в образе свиньи, а противостоящий ему красноармеец – как страж новой России. Под рисунком был приведен текст В. В. Маяковского: «Русь – свинье не товарищ»³. Борьба против иностранной интервенции заставляла большевиков-интернационалистов все чаще апеллировать к патриотическим чувствам русских, к их героическому прошлому. Например, в марте 1919 г. в оккупированной французскими войсками Одессе коммунистическим подпольем распространялась листовка с обращением к белогвардейцам: «Как вам не стыдно идти вместе с французами? Разве вы забыли 12-й год?»⁴

Использование большевиками идей русского патриотизма, обращение к национальным военным традициям в годы Гражданской войны еще не превратилось в определенную идеологическую линию, но являлось необходимым элементом политической пропаганды в условиях иностранной агрессии и гражданского противостояния. Публицист М. С. Агурский в своей работе «Идеология национал-большевизма», вышедшей в Париже в 1980 г., выдвигал гипотезу о том, что главным «теоретиком красного патриотизма и едва ли не его вождем оказывается Лев Троцкий»⁵. В доказательство этого приводятся характерные цитаты Л. Д. Троцкого из его книги «Литература и революция», окрашенные в русско-патриотические тона. В частности, Троцкий утверждал, что «Октябрьская революция глубоко

¹ Так в тексте. – А. К.

² Цит. по: Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. С. 515.

³ Маяковский В. В. Собр. соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 7. С. 37.

⁴ Цит. по: Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 159.

⁵ Там же. С. 150.

национальна»¹. Проводя параллель между деятельностью большевиков и радикальными реформами Петра I, противопоставляя русских революционеров государственному патриотизму эпохи Николая I, партийный лидер указывал на то, что «варвар Петр был национальнее всего бородатого и разужоренного прошлого», декабристы национальнее официальной государственности Николая I, большевизм национальнее Врангеля и всей русской эмиграции². Бездоказательность подобного утверждения М. С. Агурского подтверждается уже тем, что приведенные цитаты Л. Д. Троцкого содержатся в книге, написанной им в 1923 г., то есть уже после окончания Гражданской войны. Книга отражала личные взгляды автора на вопросы отечественной истории и культуры и директивного характера не носила. Нет конкретных фактов, подтверждающих роль Троцкого в проведении патриотической пропаганды в РККА. Как отмечалось выше, к идеям патриотизма большевики обратились еще задолго до Октября 1917 г., и инициатива исходила непосредственно от В. И. Ленина. После VI съезда РСДРП(б) в августе 1917 г., когда Троцкий и группа «межрайонцев» были приняты в ряды партии, и в период Гражданской войны уже в должностях наркомвоенмора и председателя РВС республики новый партийный лидер не обозначил своей принадлежности к какой-либо национальности и не являлся пропагандистом патриотической идеи. Будучи убежденным интернационалистом, он постоянно это подчеркивал. В своих мемуарах «Моя жизнь», написанных в период эмиграции, Л. Д. Троцкий отмечал: «Национальный момент, столь важный в жизни России, не играл в моей личной жизни почти никакой роли. Уже в ранней молодости национальные пристрастия или предубеждения вызывали во мне рационалистическое недоумение, переходившее в известных случаях в брезгливость, даже в нравственную тошноту. Марксистское воспитание углубило эти настроения, превратив их в активный интернационализм»³. Однако пребывание на посту руководителя военного наркомата и Реввоенсовета республики на протяжении нескольких лет (1918–1925) и особенно в годы Гражданской войны способствовало формированию мнения о Л. Д. Троцком в среде интеллигенции как о «защитнике революционной Отчизны». Не случайно в 1918 г. советскими политпропагандистами был выпущен плакат, где наркомвоенмор изображен в виде Георгия Победоносца. Текст плаката гласил: «Троцкий поражает дракона контрреволюции»⁴. Тем не менее, опираясь на вышепри-

¹ Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 151.

² См.: Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1991. С. 82.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 63.

⁴ См.: Емельянов Ю. В. Троцкий: мифы и личность. М., 2003. С. 240 (вкладка).

веденные исторические факты и материалы печати, можно утверждать, что главным инициатором введения элементов патриотической идеологии в советскую и партийную пропаганду тех лет следует считать В. И. Ленина.

Свое новое выражение идеи русского патриотизма как важная компонента пропаганды «революционного оборончества» получают в период советско-польской войны. 25 апреля 1920 г. Польша, отвергнув мирные предложения советского правительства, вторглась на территорию Украины. 6 мая польскими войсками был взят Киев. Одновременно польская армия развернула наступление на Белоруссию. Страны Антанты, заинтересованные в создании «санитарного кордона» против большевизма, поддерживая провозглашенную польскими правящими кругами идею «великой Польши от моря до моря» (от Данцига до Одессы), оказали значительную материальную помощь режиму Ю. Пилсудского. По данным, приведенным российским историком М. И. Мельтюховым, «весной 1920 г. Англия, Франция и США поставили Польше 1494 орудия, 2800 пулеметов, 385,5 тыс. винтовок, 42 тыс. револьверов, около 700 самолетов, 200 бронемашин, 800 грузовиков, 4,5 тыс. повозок, 3 млн комплектов обмундирования, 4 млн пар обуви, средства связи и медикаменты»¹. О целях, преследуемых польским правительством, красноречиво свидетельствует документ, подготовленный по указанию Ю. Пилсудского 1 марта 1920 г. для командного состава Волынского фронта: «Глава государства и польское правительство стоят на позиции безусловного *ослабления России* <...> В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину. Ведущей идеей создания самостоятельной Украины является *создание барьера между Польшей и Россией*, переход Украины под польское влияние и обеспечение таким путем экспансии Польши, как экономической – для создания себе рынка сбыта, так и политической». В документе также указывалось на необходимость захвата черноморских портов, что позволило бы Польше занять «такое положение в отношении восточноевропейских государств, какое сейчас в отношении Польши занимают западноевропейские государства <...> Порты на Балтике будут иметь значение, когда Польша одновременно получит порты на Черном море»².

¹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. М., 2004. С. 51–52.

² Там же. С. 54 (курсив оригинала).

Нападение Польши на советские республики – Украину и Белоруссию было воспринято в Москве как начало новой интервенции стран Антанты против Советской России. 23 мая в советской печати публикуются тезисы ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи», в которых война с буржуазной и «шляхетской» Польшей объявлялась «центральной задачей всей рабоче-крестьянской России». Трудящиеся Советской России, как подчеркивалось в этом документе, должны были осознать, что отражение польской агрессии является общенациональным делом: «Рабочий и работница, крестьянин и крестьянка должны понять и почувствовать, что война с Польшей есть их война, есть война за независимость социалистической России». При этом в «Тезисах» указывалось, что эта война ведется за будущий «союз с социалистической Польшей и с пролетариями Европы и всего мира»¹. События апреля–мая 1920 г. привели, по мнению М. И. Мельтюхова, «к определенному национальному сплочению в расколотившейся гражданской войной стране»². Призыв к национальному объединению в условиях польской агрессии нашел свое яркое выражение в письме генерала А. А. Брусилова к начальнику Всероссийского главного штаба Н. И. Раттелю и в воззвании к белому офицерству представителей генералитета бывшей царской армии.

В письме, направленном 1 мая 1920 г. Н. И. Раттелю, генерал А. А. Брусилов, выражая свое беспокойство обстановкой на советско-польском фронте, отмечал: «За последние дни пришлось мне читать ежедневно в газетах про быстрое и широкое наступление поляков, которые, по видимому, желают захватить все земли, входившие в состав Королевства Польского до 1772 г., а может быть, и этим не ограничатся <...> При такой обстановке было бы желательно собрать совещание из людей боевого и жизненного опыта для подробного обсуждения настоящего положения России и наиболее целесообразных мер для избавления от иностранного нашествия <...> Первою мерою должно быть возбуждение народного патриотизма, без которого крепкой, боеспособной армии не будет». Признавая, что «старое павшее правительство было неправо, держа часть польского братского народа <...> под своим владычеством», А. А. Брусилов, вместе с тем, подчеркивал, что «свободная Россия, освободив поляков и дав им возможность самоопределиться и устроиться по своему желанию, вправе требовать того же самого от них, и польское нашествие на земли, искони принадлежащие русскому православному народу, необходимо отразить силою»³.

¹ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 184.

² Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. С. 70.

³ Правда. 1920. 7 мая.

Мотивация этого письма была изложена А. А. Брусиловым позднее: «Я хотел что-нибудь предпринять, чтобы оградить Россию от Польши, вместе с тем возбудить в армии национальный дух, вернее, расшевелить национализм». Прославленный полководец с возмущением писал о военном союзе врангелевцев и поляков, выступивших одновременно против Советской России, подчеркивая политическую недалекость сторонников «белого дела», не понимавших, что «поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны кровопролития». Окончательное разочарование в возможностях белого движения нашло отражение в следующих признаниях А. А. Брусилова: «Я думал, что пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними по пути. Они сгинут, а Россия останется. Я думал, что меня поймут там, на Юге. Но нет, не поняли»¹.

Опубликованное в «Правде» письмо А. А. Брусилова Н. И. Рателю сопровождалось обширными редакционными комментариями. В них, в частности, отмечалось: «В высокой степени знаменательно, что А. А. Брусилов самим фактом предложения своих услуг для дела борьбы с буржуазно-шляхецкой Польшей как бы подтвердил от лица известных общественных кругов, что рабоче-крестьянская власть имеет право желать и требовать поддержки и помощи от всех честных и преданных народу граждан, независимо от их прошлого воспитания, в той великой борьбе на Западе, от которой зависит будущность России»².

Реввоенсовет республики, рассмотрев предоставленное Н. И. Рателем письмо А. А. Брусилова, в котором излагалась идея создания Особого совещания, 2 мая принимает решение: «В целях всестороннего освещения вопросов, связанных с этой борьбой, от исхода которой зависит судьба не только украинского, но и русского народа <...> образовать при главнокомандующем всех вооруженных сил республики высокоавторитетное по своему составу особое совещание по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции»³. 5 мая этот приказ был опубликован в «Правде». Председателем Особого совещания назначался Брусилов. В состав совещания вошли известные военачальники – А. А. Поливанов, В. Н. Клембовский, П. С. Балугев, А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский, А. А. Цуриков, М. В. Акимов, Д. П. Парский и другие.

¹ Цит. по: Соколов Ю. В. Красная звезда или крест? М., 1994. С. 117.

² Правда. 1920. 7 мая.

³ Правда. 1920. 5 мая.

Одной из первых акций, предпринятых участниками совещания, явилось составление воззвания «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». 30 мая оно было опубликовано в «Правде». В нем, в частности, отмечалось: «Свободный русский народ освободил все бывшие подвластные народы и дал возможность каждому из них самоопределиться и устроить свою жизнь по собственному произволению. Тем более имеет право сам русский и украинский народ устраивать свою участь и свою жизнь так, как ему нравится, и мы все обязаны по долгу совести работать на пользу, свободу и славу своей родной матери России». Раскрыв цели, преследуемые польскими интервентами, авторы воззвания обратились с патриотическим призывом к русскому офицерству сплотиться перед угрозой внешней агрессии: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорожную нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию»¹. Примечательно, что на страницах главной газеты большевистской партии были опубликованы строки, в которых содержался призыв к «надклассовой» солидарности русских патриотов в условиях военной агрессии против России.

2 июня 1920 г. Совнаркомом был принят декрет «О бывших офицерах», подписанный В. И. Лениным. Декрет гласил: «Все те бывшие офицеры, которые в той или другой форме окажут содействие скорейшей ликвидации остающихся еще в Крыму, на Кавказе и в Сибири белогвардейских отрядов и тем облегчат и ускорят победу рабоче-крестьянской России над шляхетской Польшей, будут освобождены от ответственности за те деяния, которые они совершили в составе белогвардейских армий Врангеля, Деникина, Колчака, Семенова и проч.»² В декрете нашло свое отражение стремление советского правительства привлечь опытные военные кадры для служения народной вла-

¹ Правда. 1920. 30 мая.

² *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. С. 169.

сти, гарантировавшей реабилитацию участникам белого движения, а также военнопленным белогвардейцам. Первые отклики на эти документы появились уже через несколько дней после их опубликования. Как пишет историк А. Г. Кавтарадзе, «группа бывших колчаковских офицеров, сотрудников хозяйственного управления Приуральского военного округа, обратилась 8 июня 1920 г. к военному комиссару этого управления с заявлением, в котором было сказано, что в ответ на обращение Особого совещания и декрет от 2 июня 1920 г. они испытывают “глубокое желание честной службой” искупить свое пребывание в рядах колчаковцев и подтверждают, что для них не будет более “почетной службы, чем служба родине и трудящимся”, которым они готовы отдать себя всецело на служение “не только в тылу, но и на фронте”»¹.

Идея патриотического, общенародного «надклассового» объединения в условиях военной польской интервенции получила свое выражение в публикациях советского журнала «Военное дело». Так, в мае 1920 г. на его страницах приводилась следующая оценка советско-польской войны: «Польша этой войной лишь содействует выздоровлению России. Пусть эта война для одних будет “гражданской” с точки зрения идеалов социализма, для других она “война за неприкосновенность, за цельность России”, война за честь “русского флага”, то есть в чистом виде оборона от внешних врагов. Здесь Россия найдет путь к единению: беспартийный и коммунист, патриот и искренний член интернационала от сердца могут подать руку друг другу для совместных усилий в грядущей борьбе»². Еще более яркое выражение пафос русского революционного патриотизма получил в «Обзоре боевых действий Красной Армии» в мае 1920 г. на страницах того же издания: «Наступила весна, и, несмотря на неимоверно тяжелые зимние походы и блестящие победы Красной Армии, ее оружие снова обнажено на западе, где гремит непрерывная канонада и решается вековой спор с ляхами. Еще несколько месяцев усилий красных бойцов Руси нужны для окончания цикла возгоревшихся войн 20-го века! Гремят призывом боевые трубы по всей Руси, скликая бойцов на последний “смертный” бой с ляхами! Эй Русь, вперед на защиту своих “вековых” прав – встань, как один против недруга!»³ Однако, как отмечает М. И. Мельтюхов, некоторые откровенно антипольские и «великорусские» публикации «Военного дела» вызвали недовольство Л. Д. Троцкого. В частности, это относилось к статье начальника Оперативного управления Полевого

¹ Там же.

² Цит. по: Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. С. 72.

³ Там же (курсив оригинала).

штаба РВСР Б. М. Шапошникова «Первые боевые шаги маршала Пилсудского», в которой «честный и открытый дух великорусского племени» противопоставлялся «природному иезуитству ляхов». По мнению наркомвоенмора, «это противоречило духу братства русского рабочего класса к трудящимся массам Польши»¹. Издание журнала «Военное дело» было приостановлено до радикального изменения состава редакции. Это свидетельствовало, что Б. М. Шапошников и другие авторы журнала своими антипольскими публикациями «переступили» определенную идеологическую «черту», отделяющую партийную пропаганду революционного оборончества от явных призывов к русскому национализму. Предпринятая в отношении журнала мера также соответствовала указанию ЦК РКП(б) редакциям газет, подчеркивавшему, что «в статьях о Польше и польской войне необходимо строжайшим образом исключить возможные уклоны в сторону национализма и шовинизма»².

В результате успешно проведенного контрнаступления в мае–июле 1920 г. Красная армия освободила захваченные противником территории Украины и Белоруссии и вступила в пределы Польши. Еще за несколько дней до освобождения столицы Белоруссии Минска, 2 июля, РВС Западного фронта отдает знаменитый приказ № 1423: «Красные солдаты! Пробил час <...> Войска Красного Знамени и войска гниющего белого орла стоят перед смертельной схваткой <...> Оправдаем же надежды социалистического отечества <...> На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп Белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На запад к решительным битвам, к громкозвучным победам. Стройтесь в боевые колонны, пробил час наступления на Вильно, Минск, Варшаву. Марш!»³ 23 июля В. И. Ленин направил члену РВС Юго-Западного фронта И. В. Сталину телеграмму, текст которой красноречиво свидетельствовал о настроениях большевистского руководства, предвкушавшего скорую победу европейской революции: «Положение в Коминтерне превосходно. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию»⁴. В тот же день главнокомандующий Вооруженными силами Республики С. С. Каменев отдал приказ советским войскам овладеть Варшавой.

¹ Мельтохов М. И. Советско-польские войны. С. 626; см. также: Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 61–62.

² Мельтохов М. И. Советско-польские войны. С. 71.

³ Там же. С. 110.

⁴ Цит по: Емельянов Ю. В. Троцкий: мифы и личность. С. 342.

Отношение И. В. Сталина к предстоящей военной операции на территории Польши было изначально скептическое. В статье «Новый поход Антанты» («Правда», 25–26 мая 1920 г.), подчеркивая освободительный характер действий Красной армии на украинских и белорусских землях, Сталин вместе с тем отмечал, что предстоящая революционная война, перенесенная на территорию сопредельного государства, будет в корне отличаться от внутрироссийского гражданского конфликта. И прежде всего это касалось тыла противостоящей стороны: «Ни одна армия в мире не может победить <...> без устойчивого тыла <...> Слабость Колчака и Деникина объяснялась тем, что у них не было “своего” тыла, что они, проникнутые истинно-русскими, великодержавными стремлениями, вынуждены были строить фронт, снабжать и пополнять его в значительной степени за счет нерусских элементов, враждебных к таким стремлениям, вынуждены были действовать в районах, заведомо чуждых для их войск <...> В отличие от тыла Колчака и Деникина, тыл польских войск является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение – “чувство отчизны” – передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польских войск»¹. Законы классовой борьбы, по мнению Сталина, также не действовали бы в подобных условиях: «Классовые конфликты (в Польше. – А. К.) еще не достигли такой силы, чтобы прорвать чувство национального единства и заразить противоречиями разнородный в классовом отношении фронт. Если бы польские войска действовали в районе собственно Польши, с ними, без сомнения, трудно было бы бороться»². Месяц спустя в беседе с корреспондентом УкрРОСТА Сталин предупреждал, что польская армия располагает значительными резервами и опирается на помощь Антанты. Исходя из этого, он считал «неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о “марше на Варшаву”, другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на “красной советской Варшаве”»³.

Однако сторонники разжигания «мирового революционного пожара» были настроены иначе и прежде всего рассчитывали на «классовую сознательность» польского пролетариата. Советско-польские мирные переговоры зашли в тупик. Тем временем в Польше была

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 323.

² Там же. С. 324.

³ Там же. С. 333.

объявлена дополнительная мобилизация. В течение июля в польскую армию пришли 573 тыс. мобилизованных и 160 тыс. добровольцев¹. Пропагандистская кампания «защиты национальной независимости», а также предпринятые правительством меры, направленные на сглаживание социальных противоречий (закон, ограничивавший помещичье землевладение и предоставляющий льготы крестьянским хозяйствам), способствовали сплочению польского общества. По мере приближения советских войск к Варшаве сопротивление поляков возрастало. 4 августа премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж потребовал немедленного прекращения наступления советских войск, угрожая возобновлением блокады и направлением английского флота к берегам России. Между тем на заседании Политбюро 5 августа, на котором рассматривался британский ультиматум, наркомвоенмор Л. Д. Троцкий уверял партийных соратников, что 16 августа Красная Армия возьмет Варшаву². 16 августа польские войска, используя численное преимущество, нанесли контрудар по 3-й и 15-й армиям Западного фронта. Началось отступление Красной армии по всему фронту. К 25 августа советские войска отошли на линию Липск – Вислочь, восточнее Бреста. Следствием поражения под Варшавой стало заключение в октябре 1920 г. перемирия с Польшей на значительно менее выгодных для Советской России условиях по сравнению с предлагаемыми польской стороной в июле. Анализируя причины поражения советских войск, В. И. Ленин впоследствии отмечал: «Когда мы подошли к Варшаве, наши войска оказались настолько измученными, что у них не хватило сил одерживать победу дальше, а польские войска, *поддержанные патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед*. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас не хватило сил»³. Эти слова лидера большевизма, убежденного интернационалиста и сторонника мировой пролетарской революции являлись фактическим признанием действительности патриотической пропаганды и необходимости учитывать «национальный фактор» в условиях революционной войны.

Постепенное затухание военного конфликта с Польшей позволило командованию Красной армии перебросить войска на южное направление – против выступивших из Крыма белогвардейских частей генерала П. Н. Врангеля, сменившего в апреле 1920 г. А. И. Деникина на посту главнокомандующего ВСЮР. Еще до начала наступления

¹ Емельянов Ю. В. Троцкий: мифы и личность. С. 342.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 321 (Курсив мой. – А. К.).

советских войск в Северной Таврии (28 октября) среди врангелевцев стала распространяться листовка «Воззвание к офицерам армии барона Врангеля», составленная участниками Особого совещания и подписанная Председателем ВЦИК М. Калининым, Председателем СНК В. Ульяновым (Лениным), Народным комиссаром по военным делам Л. Троцким и Председателем Особого совещания при Главкоме А. Брусиловым. Апеллировавший к патриотическим чувствам русских офицеров, оказавшихся в «белом лагере», текст листовки гласил: «Все, что есть честного в русском офицерстве, уже стало на защиту Советской России и борется за ее независимость, за возможность мирного труда, за власть трудящихся на фронтах против Польши и Врангеля. *И только вы до сих пор еще ведете братоубийственную войну, находясь в стане наших врагов...*

Во имя единодушного труда всех и всего, что есть честного в русском народе, руководимые заботой о возрождении трудовой России, мы призываем вас:

Откажитесь от постыдной роли на службе у польских панов и французских ростовщиков и сложите оружие, бесчестно направленное против собственного народа»¹.

Тот же призыв прозвучал позднее – в дни вступления частей Красной армии в Крым. 11 ноября Революционный Военный Совет Южного фронта и его командующий М. В. Фрунзе обратились по радио к офицерам, солдатам, казакам и матросам врангелевской армии: «Борьба на юге заканчивается полной победой советского оружия. Пали Краснов и Деникин, завтра падет Врангель. Все попытки восстановить в России капиталистический строй с помощью иностранных империалистов кончились позорно. Великая революция победила, великая страна отстояла свою целостность. Белые офицеры, наше предложение (о прекращении сопротивления. – А. К.) возлагает на вас колоссальную ответственность. Если оно будет отвергнуто и борьба будет продолжаться, то вся вина за бессмысленно пролитую русскую кровь ляжет на вас»². Это предложение «белой» стороной было проигнорировано. Врангель приказал закрыть все радиостанции, за исключением одной, обслуживаемой офицерами³.

Победа над Врангелем означала окончание вооруженной борьбы с «белой» контрреволюцией и иностранной интервенцией на большей части территории России (Дальний Восток, находившийся под контролем белогвардейцев и оккупационных японских войск, будет освобожден частями Народно-революционной армии Дальневосточной

¹ См.: Соколов Ю. В. Указ. соч. С. 126 (выделено в тексте листовки. – А. К.).

² Фрунзе М. В. Избр. произв.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. М., 1957. С. 419.

³ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 16.

республики лишь в октябре 1922 г. и затем включен в состав РСФСР). Оценивая победу трудящихся Республики Советов в Гражданской войне как высшее проявление «революционного», народного патриотизма, В. И. Ленин в заключительном слове по докладу о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г. подчеркивал: «Патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, это – настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы. Без этого патриотизма мы не добились бы защиты Советской республики <...> Это – лучший революционный патриотизм»¹.

Пришедшие к власти в России в октябре 1917 г. большевики являлись убежденными сторонниками мировой революции и своей конечной целью провозглашали построение коммунистического интернационального общества, в котором государственные и национальные перегородки, разъединяющие международный пролетариат, будут со временем разрушены. Однако реальность Гражданской войны, иностранная интервенция и существование молодой Советской республики в условиях международной изоляции заставили большевистских руководителей скорректировать свою идеологическую политику, «реабилитировав» патриотизм как одну из главных составляющих государственной пропаганды 1918–1920 гг. (понятия «патриотизм», «национальная гордость» были введены в большевистский идеологический лексикон В. И. Лениным еще в 1914 г.). Идея защиты социалистического Отечества как важный элемент пропаганды революционного оборончества была провозглашена в феврале 1918 г. и свое окончательное выражение получила в ходе советско-польской войны весной–летом 1920 г. В период Гражданской войны идея русского патриотизма будет использоваться большевиками как идея революционная, служащая задачам российского и международного пролетариата.

§ 2. Русский патриотизм в советской идеологии 1920-х гг.:

«за» и «против»

Несмотря на победу в Гражданской войне и освобождение территории Центральной России от войск белогвардейцев и иностранных интервентов, политическое и экономическое положение Советской республики оставалось крайне тяжелым.

Война явилась страшной трагедией в истории народов России и прежде всего русского народа. За годы гражданского противостояния (с осени 1917 до начала 1921 г.) население России уменьшилось на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 124.

10 887 тыс. человек. В результате голода, эпидемий, продолжавшихся военных столкновений, контрреволюционного и красного террора население страны в 1921–1922 гг. сократилось на 3446 тыс. человек. В 1917–1921 гг. из России эмигрировало около 2 млн человек – почти вся политическая, финансово-промышленная, значительная часть военной, научной и культурной элиты.

Первая мировая и последовавшая за ней Гражданская войны привели к катастрофическому спаду производства: в начале 1921 г. объем промышленного производства в стране составлял 12 % от уровня 1913 г. В результате засухи в 1922 г. голодали до 27 млн человек, погибли около 1 млн крестьян. Трагическим последствием войны, голода и смертности населения стало массовое сиротство: в 1922 г. в России насчитывалось около 4 млн беспризорных детей. Резко возросла безработица и уголовная преступность. Значительная часть населения деклассировалась. Крестьянские восстания (в Тамбовской губернии и других центральных регионах России, в Сибири), события в Кронштадте, забастовки рабочих, бандитизм, террор против партийных и советских работников – все это было проявлением массового недовольства большевистской политикой и представляло реальную угрозу новой власти, победившей в войне, но не сумевшей экономически и политически утвердить свое положение.

Это привело ленинское руководство к необходимости радикального изменения экономического курса в марте 1921 г. и введению нэпа. Возникшая угроза контрреволюционного мелкобуржуазного «термидора» вызвала новую волну репрессивных мер органов ВЧК по отношению к оставшимся в России небольшевистским партиям, прежде всего к социалистическим (эсеры и меньшевики). Указывая на опасность новой контрреволюции, уже под социалистическими, эсеро-меньшевистскими лозунгами, В. И. Ленин подчеркивал: «Умнейшие вожди русской крупной буржуазии сказали себе: “Мы не можем победить в России немедленно. Поэтому нашим лозунгом должно стать: “Советы без большевиков” <...> Лозунг сейчас таков: борьба против большевиков какой угодно ценой, во что бы то ни стало. Вся буржуазия помогает теперь меньшевикам и социалистам-революционерам. Эсеры и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции. Поэтому мы должны продолжать беспощадную борьбу против этих элементов»¹.

Такая оценка деятельности эсеро-меньшевистской оппозиции имела под собой определенные основания. Так, в документах захваченного ВЧК весной 1921 г. архива ЦК партии правых эсеров содержалась директива местным партийным организациям (от 25 февра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 53.

ля), в которой им предписывалось возглавить повстанческое крестьянское движение в регионах России и содействовать созданию на освобожденных от власти большевиков территориях органов «демократической государственности»¹. Таким образом, речь в документе шла не только о свержении коммунистической власти, но и о подрыве территориальной целостности РСФСР, о создании независимых от центра «органов государственности». Активную роль в организации рабочих забастовок в Петрограде, Москве, Харькове и других городах России сыграли представители меньшевистской партии. Позднее лидеры меньшевиков (в частности, Ф. И. Дан) признавали факт помощи зарубежных издателей в публикации антибольшевистских листовок для рабочих².

Страна вступила в зону ожесточенного социального и политического размежевания, поэтому какой бы то ни было компромисс становился невозможным, а взаимный террор противоборствующих сил – неизбежным. В условиях острой политической конфронтации коммунистическое руководство и репрессивные органы ликвидировали к 1922–1923 гг. остатки многопартийности и легальной антисоветской оппозиции на своей территории. Был окончательно утвержден курс на построение однопартийной коммунистической системы как надежного стержня для укрепления политической и идеологической централизации.

Сохранялась и опасность внешней агрессии. «Славянские» советские республики – РСФСР, УССР и БССР, а также советские республики Закавказья и Туркестана находились во враждебном окружении капиталистических государств, правительства которых рассматривали факт существования коммунистических режимов как прямую угрозу распространения «революционного пожара» на свою территорию. Значительная часть России (Дальний Восток) еще не была освобождена от вооруженных сил контрреволюции – белогвардейцев и японских интервентов. Активную разведывательную, террористическую и диверсионную деятельность на территории советских республик (прежде всего РСФСР) проводили белоэмигрантские и антибольшевистские организации, пользовавшиеся поддержкой западных политических кругов и спецслужб. Приграничные области

¹ См.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 2. С. 72; Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии с.-р. по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами. М., 1922. С. 52.

² *Семанов С. Н.* Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 года. М., 1973. С. 41.

Белоруссии подвергались постоянным нападениям отрядов савинковцев и булак-балаховцев, на ее территорию из Польши перебрасывались боевые группы националистов. На Украине активно действовали вооруженные формирования петлюровцев. Борцы за «национальную независимость» и освобождение от «большевистского рабства» терроризировали местное население и убивали своих единоплеменников, сотрудничавших с новой властью или заподозренных в сочувствии ей. Террор против собственного народа некоторые организаторы кровавых акций позднее стремились оправдать патриотическими мотивами. Так, в своих показаниях советским следственным органам 21 августа 1924 г. бывший лидер «Народного союза защиты родины и свободы» Б. В. Савинков, чьи боевые отряды совершали массовые убийства, грабежи и диверсии на советской территории, заявлял: «Я любил Россию, был глубоко предан трудовому народу и, конечно, мог ошибаться, но действовал всегда по совести и крайнему разумению»¹. Савинковская «любовь к России» щедро оплачивалась польским Генштабом и контрразведкой «Дефензива», английской и французской спецслужбами, стремившимися создать на территории советских республик очаги нестабильности². Движение басмачей в Средней Азии, опирающееся на поддержку зарубежных исламистских кругов, английских и турецких секретных служб, представляло серьезную угрозу для Советской власти в Туркестане. В Грузии и Армении, где в 1920–1921 гг. установились коммунистические режимы, активную подрывную деятельность осуществляло националистическое подполье.

В сложившихся условиях необходимость объединения советских республик в единое государственное образование становилась для большевиков главной задачей их политического будущего. Центром «кристаллизации» национальных республик могла стать только РСФСР как наиболее значимое в военном и политическом отношении советское государство.

Вопрос о преобразовании военного союза республик в постоянный «революционный союз между центральной Россией и окраинами России», входившими до 1917 г. в состав царской Империи, был со всей определенностью поставлен еще осенью 1920 г. народным комиссаром по делам национальностей И. В. Сталиным. В статье «Политика Советской власти по национальному вопросу в России», опубликованной 10 октября 1920 г. в газете «Правда», он подчеркивал: «Требование отделения окраин от России, как форма отношений между центром и окраинами, должно быть исключено не только по-

¹ Дело Савинкова // Факел. 1989. Историко-революционный альманах. М., 1989. С. 169.

² Там же. С. 172.

тому, что оно противоречит самой постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами, но прежде всего потому, что оно в корне противоречит интересам народных масс как центра, так и окраин. Не говоря уже о том, что отделение окраин подорвало бы революционную мощь центральной России, стимулирующей освободительное движение Запада и Востока, сами отделившиеся окраины неминуемо попали бы в кабалу международного империализма. Достаточно взглянуть на отделившиеся от России Грузию, Армению, Польшу, Финляндию и т. д., сохранившие лишь видимость независимости, а на деле превратившиеся в безусловных вассалов Антанты, достаточно, наконец, вспомнить недавнюю историю с Украиной и Азербайджаном, когда первая расхищалась немецким капиталом, а второй – Антантой, чтобы понять всю контрреволюционность требования отделения окраин при настоящих международных условиях». Вывод автора статьи был однозначен: «В обстановке разгорающейся смертельной борьбы между пролетарской Россией и империалистической Антантой для окраин возможны лишь два выхода:

либо вместе с Россией, и тогда – освобождение трудовых масс окраин от империалистического гнета;

либо вместе с Антантой, и тогда – неминуемое империалистическое ярмо.

Третьего выхода нет»¹.

Помимо военной и экономической необходимости объединение с РСФСР советских республик – бывших национальных «окраин» Российской империи определялось также и рядом других факторов. Большинство народов России на протяжении столетий связывала общая историческая судьба. Несмотря на трагические годы войны и гражданского противостояния, приведшие к распаду страны, еще недавно централизованная хозяйственная система, общероссийский рынок, многовековые культурные, межнациональные и языковые связи не были окончательно разрушены. Это служило основой для возрождения единого государства. Экономический и военный потенциал Советской России был несоизмеримо выше, чем у других советских республик. Ведущая роль русского населения, прежде всего русского рабочего класса, в революционных событиях и победе в Гражданской войне также способствовала упрочению авторитета РСФСР. Существенным фактором был и значительно больший по сравнению с другими национальностями процент русских в РКП(б). В 1922 г. их численность составляла 72 % от всего состава партии, наиболее массовой политической организации пролетариата на всем со-

¹ *Сталин И. В.* Соч.: В 13 т. М., 1946–1951. Т. 4. С. 352–353.

ветском пространстве¹. Значительной была и общая доля великорусского населения среди граждан РСФСР – 52 % в 1921 г. (по переписи населения Российской империи 1897 г. – 44,3 %). Наряду с русскими (75 млн человек) своеобразным «ядром централизации» могли быть и родственные им в этнокультурном отношении братские славянские народы – украинцы (30 млн) и белорусы (4,5 млн)². Еще в июне 1919 г. между РСФСР, Украиной и Белоруссией был заключен военно-политический союз для совместной борьбы с белым движением и интервенцией. Однако, по справедливому замечанию английского советолога Э. Карра, даже такие наиболее крупные и развитые после русских славянские народы, как украинцы и белорусы, «не имели достаточных сил и не были достаточно объединены, чтобы успешно сопротивляться в течение долгого времени. Поэтому первым этапом в процессе воссоединения народов бывшей Российской империи было сплочение трех славянских народов, составлявших около четырех пятых всего населения. Когда они были объединены, сила их воздействия на некоординируемое скопление неславянских народов, гораздо менее развитых, оказалась непреодолимой. Это объединяющее воздействие усилилось и приобрело социальную и экономическую основу благодаря сосредоточению промышленной и торговой мощи в руках великороссов»³.

Более сложным было решение задачи интеграции РСФСР с новообразованными республиками Средней Азии и Кавказа, народы которых не только существенно отличались по своей этнокультуре, религии и традициям от славянства, но и находились на разных уровнях экономического и социального развития. Однако и здесь Россия могла стать объединяющим центром, как и в XIX столетии. На эту характерную особенность русской политики в отношении «восточных окраин» ранее указывали и основоположники марксизма. Так, в своем письме к Марксу от 23 мая 1851 г. Фридрих Энгельс отмечал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁴. Примечательно, что несмотря на хлесткую характеристику русского государства, Энгельс в этом письме признает его геополитическую и культурную роль в отношении других национальностей более про-

¹ Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения в 1917 г. С. 46.

² Карр Э. История Советской России. В 4 кн. и 7 т. М., 1990. Кн. 1. Большевикская революция 1917–1923: В 2 т. Т. 1. С. 210.

³ Там же. С. 211.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. М., 1955–1981. Т. 27. С. 240–241.

грессивной, нежели действия «цивилизованных» поляков, которые, по мнению мыслителя, «никогда не совершали в истории иного, кроме смелых драчливых глупостей»¹.

К началу 1920-х гг. надежды большевиков на скорую революционную поддержку Советской России пролетарскими массами Запада не оправдались. Буржуазная Европа оставалась оплотом против коммунизма. Поэтому внешнеполитический вектор «революционности» необходимо было направить на «пробуждающийся Восток». События в Монголии и Китае (1921) подтверждали правоту такой позиции. Эта возможная стратегическая линия была обозначена В. И. Лениным еще до революции в его статье «Отсталая Европа и передовая Азия» (1913): «В “передовой” Европе *передовым* классом является *только* пролетариат. А живая буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство <...> В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение <...> Просыпаются к жизни, к свету, к свободе *сотни миллионов* людей»². Упрочение Советской власти на Кавказе, особенно в Средней Азии, в 1920-е гг. рассматривалось большевиками не только как необходимое условие защиты своих южных и восточных рубежей, но и как возможность оказывать политическое влияние на развивающееся революционное движение в азиатских странах. Партийные и хозяйственные кадры, направляемые из Центральной России, должны были содействовать этим процессам.

Еще одним определяющим фактором, способствовавшим объединению бывших национальных окраин вокруг России, следует считать возрождение патриотической идеологии, служащей задачам интернационального братства, социального и национального развития. Марксистская идея освобождения народов от гнета международного капитала, партийная пропаганда «революционного оборончества» в годы Гражданской войны и действия РКП(б), направленные на централизацию страны в условиях враждебного окружения, наконец, ведущая роль великорусского пролетариата в защите революционного Отечества и государственном строительстве – все это парадоксальным образом окрашивало подчеркнуто «интернационалистскую» политику большевиков в русские патриотические тона. Показательно, что идеи русского красного патриотизма получили широкое распространение у части партийного аппарата и рядовых членов РКП(б). При этом многие большевики отождествляли себя и свою политическую деятельность не только со своей партией или «всемирным пролетариатом», но прежде всего со своим народом. Популярность

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. М., 1955–1981. Т. 27. С. 240–241.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 166–167.

этих идей была с сожалением констатирована в выступлении одного из партийных лидеров Украины В. П. Затонского на X съезде РКП(б) в марте 1921 г.: «Национальное движение выросло также и в Центральной России, и именно тот факт, что Россия стала первой на путь революции, что Россия из колонии, фактической колонии Западной Европы превратилась в центр мирового движения, этот факт исполнил гордостью сердца всех тех, кто был связан с этой русской революцией, и созданся своего рода русский красный патриотизм. И сейчас мы можем наблюдать, как наши товарищи с гордостью, и небезосновательно, считают себя русскими, а иногда даже смотрят на себя прежде всего как на русских»¹. Это свидетельство о том, что процесс национальной самоидентификации, нового понимания своей «русскости», своего Отечества в результате победы в классовом противостоянии с контрреволюцией и внешним врагом, уже затронул значительные слои партии, интернациональной по своей идеологии, но на три четверти состоящей из представителей государствообразующего народа.

Иное отношение к идее национального патриотизма (даже в его революционной интерпретации) было у большинства руководителей партии и ее идеологических работников. Опираясь на собственное понимание марксистского учения, зачастую узкоклассовое и политически ангажированное, они полагали, что дальнейшее и ускоренное развитие мировой революции является необходимым условием для построения планетарного коммунистического общества, в котором все национальные различия, а также национальные культуры должны будут исчезнуть как пережитки «буржуазного прошлого».

Соответственно, русский патриотизм – основополагающая идеологическая компонента духовной и этнокультурной жизни ведущего народа России, – рассматривался ревнителями чистоты марксистского учения как явление «контрреволюционное» и «шовинистическое», препятствующее классовому единству международной армии пролетариата. При этом русский патриотизм зачастую отождествлялся с национализмом. Само понятие «Великая Россия» прочно ассоциировалось с бывшей самодержавной властью, идеологией белогвардейцев и черносотенцев. Русская патриотическая идея, к которой в годы Гражданской войны обратились В. И. Ленин и некоторые представители партийного и военного руководства, в последующее десятилетие будет подвергнута уничтожающей критике со стороны приверженцев пролетарского интернационализма в его радикальной, космополитической форме. Вместе с тем, несмотря на явное расхождение с положениями марксизма в его ортодоксальной

¹ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 202–203.

интерпретации и господствующей идеологией, патриотическая идея овладевала все более широкими массами русского населения. Это явление не только было вызвано победой в войне, но имело более глубокие исторические корни. По мнению М. С. Агурского, «с течением времени красный патриотизм стихийно подвергается дальнейшему влиянию национальной среды <...> незаметно черпая свое вдохновение в тех идеях противопоставления России бездушной западной цивилизации, основанной на капитализме, которые давно возникли в русском обществе»¹.

Все более отчетливо проявлялась и централистская тенденция в советских республиках и среди народов бывшей Российской империи. Большевистский лозунг «самоопределения вплоть до отделения» парадоксальным образом послужил в годы Гражданской войны росту патриотических настроений среди инородцев и стремлению к объединению с РСФСР. Сепаратизм, охвативший в 1917–1918 гг. окраины бывшей империи и возглавляемый региональными националистами и местной интеллигенцией, в конечном счете показал, что обретение национальной «независимости» возможно лишь при помощи иностранного военного и финансового вмешательства. По мнению исследователей, сторонники отделения от государственного центра, «чья гордость восставала против зависимости от Петрограда или Москвы, оказались сателлитами и наемниками или Германии, или союзников, или соответственно и тех и других»².

Декларируемый лидерами белого движения принцип «единой и неделимой России» также не мог привлечь большинства представителей национальных меньшинств (давала о себе знать память о «русификаторской» политике царизма). Победы же Красной армии, в большинстве состоящей из великороссов, поднимали авторитет Советской России среди трудящихся других национальностей. Координирующая роль РКП(б) по отношению к республиканским компартиям также служила основой политической и территориальной централизации. Таким образом, ленинская стратегия, направленная на постепенное собирание наций России в новое государственное образование через исторически неизбежный этап их «размежевания», полностью себя оправдала. Уже после образования СССР XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) окончательно утвердит курс на политическую централизацию в своем тезисе о диктатуре партии. Следствием этого стало создание общесоюзной сверхцентрализованной Коммунистической партии, действовавшей вне рамок закре-

¹ Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 148.

² Мастюгина Т. М., Перепелкин Л. С. Этнология. Народы России: история и современное положение. М., 1997. С. 215.

пленной Конституцией федеративной государственной структуры и игнорировавшей любую автономию¹.

Единое многонациональное государство, но уже в своем новом, советском варианте, скрепленное и контролируемое жесткой партийной структурой, было восстановлено большевиками за четырехлетний срок после распада Российской империи, в условиях войны, экономической разрухи, классовой и национальной междоусобицы. Нельзя не согласиться с оценкой результатов большевистской политики по сплочению воедино бывших территорий России, данной историком Э. Карром: «К концу 1918 г. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика располагалась примерно в тех же границах, что и средневековая Московия до завоеваний Ивана Грозного, и немногие – пожалуй, даже среди самих большевиков немногие – верили, что режим уцелеет. Тем не менее всего четыре года спустя разные части бывшей царской империи, за небольшим исключением, были снова объединены в Союз Советских Социалистических Республик, и оказалось, что по силе сплоченности новый союз по крайней мере не уступает исчезнувшей царской империи. Это свершение, которого никто не мог предвидеть в мрачные дни 1918 или 1919 г., представляет собой выдающийся результат созидательной государственной деятельности Ленина»². Однако созданное государство качественно отличалось от своих исторических предшественников – по социальному строю, административно-территориальному устройству, идеологии и политическому предназначению. Русскому народу в этом государстве в 1920-е гг. отводилась объединяющая культурно-политическая и экономическая роль по отношению к бывшим «угнетенным» национальностям. При этом государствообразующий народ не имел статуса ведущего этноса в СССР.

В процессе политического и экономического объединения республик вокруг российского центра постепенно отпадал и принцип «самоопределения наций», необходимый в период революционного завоевания власти и ее удержания, но утративший свою силу с началом создания единого многонационального государства – федеративного по юридическому статусу, но централистского по своей политической сути. Декларируемый лозунг сохранялся, но не мог быть реализован в условиях единого союзного государства с однопартийной политической системой. При этом ленинская позиция по данному вопросу претерпела за несколько лет существенное изменение. Так, на апрельской партийной конференции 1917 г. лидер РСДРП(б) прямо заявлял о терпимом отношении большевиков к нарастающим сепаратистским

¹ Там же. С. 218; КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 409.

² *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. Т. 1. С. 209.

тенденциям в стране: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист»¹. Осуществление революционного переворота в стране предполагало признание неизбежности и даже прогрессивности усиливающихся центробежных явлений и местного национализма. В сложившихся политических условиях Россия уже не могла существовать как единое государство, его распад начался еще до прихода большевиков к власти. Этим и объяснялись подобные высказывания Ленина.

Однако с созданием Советского государства, по мере укрепления политических и экономических связей РСФСР с другими советскими республиками вождь большевистской партии пересматривает свою прежнюю позицию по вопросу о национальном самоопределении. Возможность отказа от программного положения о праве наций на самоопределение была обозначена еще в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б). Полемизируя с Н. И. Бухариным, предлагавшим изъять это положение из программы партии, В. И. Ленин заметил: «Тов. Бухарин говорит: “Зачем нам право наций на самоопределение!” Я должен повторить то, что возражал ему, когда он в 1917 году летом предлагал откинуть программу-минимум и оставить только программу-максимум. Я тогда ответил: “Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати”. Когда мы завоюем власть, да немного подождем, тогда мы это сделаем. Мы власть завоевали, немножечко подождали, теперь я согласен это сделать»² (то есть отказаться от политической линии на «самоопределение наций». – А. К.). Характеризуя наметившийся поворот в национальной и геополитической стратегии большевиков, Э. Карр подчеркивал: «“Право на отделение” – фраза, однажды сказанная Лениным, – постепенно заменялась “правом на объединение”. Было в принципе невысказано, чтобы какая-либо социалистическая нация пожелала отделиться от социалистического содружества наций; было практически невысказано к концу 1920 г., чтобы кто-либо, не будучи непримиримым врагом советского строя, захотел порвать с таким единством, которое было уже достигнуто»³. Однако сторонники создания социалистического интернационального государства обозначали и реальную «угрозу» единству советских наций. Она, по их мнению, прежде всего исходила от «великорусских шовинистов».

В том же выступлении на VIII съезде В. И. Ленин указывал и на опасность «великорусского шовинизма» в разных его проявлениях, который, по мнению вождя пролетарской партии, препятствовал многонациональному классовому сплочению трудовых масс новой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 435.

² Там же. Т. 38. С. 157.

³ Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1. С. 288.

России: «Осторожность особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала к себе во всех других нациях бешеную ненависть, и только теперь мы научились это исправлять, да и то плохо. У нас есть, например, в Комиссариате просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему, такой коммунист, это – великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас и с ним надо бороться. Вот почему мы должны сказать другим нациям, что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций»¹. Озабоченность Ленина проявлениями «великорусского шовинизма» едва ли можно считать доказательством «руссофобии» лидера партии. Как было показано выше, в годы Гражданской войны «великорусскому фактору», политике воспитания в массах нового социалистического патриотизма – одной из идеологических компонент революционного оборончества, – Ленин придавал особое значение. Но если какое-либо проявление излишней «русскости» мешало, по мнению лидера большевиков, классовому интернациональному сплочению народов в деле социалистического строительства и напоминало о прежней «великодержавной» политике царской власти, оно жестко пресекалось. Ленинская стратегия построения многонационального государства, которое по мере развития мировой революции должно было принимать в «братскую семью народов» все новые этносы и территории, исключала какие-либо проявления национализма, в особенности «великорусского». Таким образом, русский народ как ведущая сила революционных преобразований и строительства нового социалистического общества ставился в неравное и даже подчиненное положение по отношению к другим национальностям.

На опасность так называемого великорусского шовинизма неоднократно указывали решения партийных съездов начала 1920-х гг. При этом проявления русского национализма, особенно в среде партийного и государственного аппарата представляли, по мнению руководства РКП(б), бóльшую угрозу для формирования коммунистического интернационального единства народов, чем местный национализм². Любое, даже невольное нарушение местных обычаев, допущенное русскими партийными и советскими работниками в

¹ Там же. С. 183.

² В связи с этим показательное выступление на заседании комфракции X Всероссийского съезда Советов (26 декабря 1922 г.) делегата Бейдильдина: «В отдельных республиках мы скрутили шею сепаратистскому национализму. И, объединяя наши республики, мы с этим сепаратистским шовинизмом мелкой буржуазии и маленьких народностей кончаем. С этого дня мы приступаем ко второй задаче, и об этой задаче никто из товарищей не говорил. Мы начинаем крутить шею русскому великодержавному шовинизму» //

национальных районах, квалифицировалось как «шовинистический уклон»¹. Так, в резолюции X съезда партии, в частности, отмечалось: «Работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования “державной” нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной народности, вульгаризируя, таким образом, и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма»². Установка на то, что русский народ якобы являлся «угнетающей нацией» до революции и вследствие этого должен был постоянно «завоевывать доверие» угнетаемых национальностей бывшей Российской империи, стала в 1920-е гг. одной из главных идеологических составляющих партийной политики по национальному вопросу. Если великорусский пролетариат, как указывалось в партийных решениях тех лет, все же смог завоевать доверие «своих инациональных братьев», то большинство населения – русское крестьянство, «полное националистических предрассудков», в союзе с буржуазной интеллигенцией объявлялись главной социальной базой «шовинизма» бывшей «державной нации»³.

Особенно острой и уничтожающей критике «великорусский шовинизм», как едва ли не главное политическое препятствие интернациональному сплочению народов, был подвергнут в дни образования Союза ССР. В конце декабря 1922 г., находясь в Горках во время нового обострения болезни, В. И. Ленин продиктовал тексты писем к руководству РКП(б) по важнейшим вопросам го-

Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / сост. Ненароков А. П., Горный В. А., Доброхотов Л. Н. и др. М., 1992. С. 161.

¹ Американский ученый Питер Э. Блитстейн в своей статье о проблемах изучения русского языка в республиках СССР приводит характерное высказывание узбекского советского чиновника 1930-х гг., утверждавшего, что со времени провозглашения Советского Узбекистана (1924) не было подготовлено «ни одного учителя русского языка для нерусских школ». Любого, кто поднимал этот вопрос, сказал он, называли «великорусским шовинистом» См.: *Питер Э. Блитстейн. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 г.* // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 313.

² КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 255.

³ Там же. С. 249.

сударственного строительства и партийной жизни (впоследствии весь комплекс этих документов будет известен как «Политическое завещание» Ленина). Тема «шовинизма» была затронута в одном из материалов «Завещания» – письме «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», предназначенном для оглашения на предстоящем в апреле 1923 г. XII съезде партии. Угрожающие признаки русского национализма тяжелобольной и теряющий политическое влияние Председатель Совнаркома и глава РКП(б) разглядел в действиях представителей руководящего партийно-советского аппарата и даже среди своего ближайшего окружения. Как известно, появлению этой статьи предшествовали два события, непосредственно связанные со сложным процессом объединения республик в союзное государство.

Еще в августе 1922 г. Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) был рассмотрен вопрос «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик». Для выработки решения по данному вопросу к предстоящему в октябре партийному Пленуму была создана комиссия Оргбюро ЦК под председательством В. В. Куйбышева. По заданию комиссии И. В. Сталиным был подготовлен проект «автономизации», предусматривавший вхождение Украины, Белоруссии и республик ЗСФСР (Грузии, Армении и Азербайджана) в РСФСР на правах автономий. В своем письме к В. И. Ленину от 22 сентября 1922 г. Сталин приводил аргументацию своего проекта: «За четыре года Гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы <...> Если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик»¹. Хотя предложенный Сталиным проект был в основном поддержан представителями республик (за исключением Грузии, Украина заняла выжидательную позицию), он вызвал негативную реакцию Ленина. В централистской по своей сути «автономизации» он усмотрел грубое нарушение государственного суверенитета республик и отход от принципов интернационализма. В сентябре 1922 г. Ленин предлагает свой проект «федерализации», предусматривающий создание союзного государства – «Союза

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 198–200.

Советских Республик Европы и Азии», на основе добровольного и равного объединения юридически самостоятельных республик (при наличии общесоюзных органов власти). Свою оценку столь резкому изменению позиции лидера большевистской партии по вопросу об «автономизации» (ранее В. И. Лениным одобренной) дает российский историк Ю. Н. Жуков: «Получив все материалы комиссии Оргбюро, Ленин, наконец, весьма неожиданно отреагировал на них. Категорически отверг подготовленный проект решения предстоящего пленума. Так и не сумел понять, что Сталин заботился только о воссоединении страны ради ее успешного экономического развития. Более близкими главе партии и государства – интернационалисту – оказались взгляды явных националистов и сепаратистов, “воспитанных”, по выражению Сталина, “среди коммунистов”, “настоящих социал-независимцев” – Мдивани и Раковского¹ <...> Ленин, несомненно, лукавил. Не мог он, как юрист, не знать по прежним партийным дискуссиям, в которых участвовал и сам, что навязываемый им “союз” отнюдь не равнозначен “Федерации”. Он – нечто иное – конфедерация <...> Ленин как бы забыл или просто отверг все, о чем не раз говорили на съездах, о чем сам неоднократно писал. Забыл о “Программе” РКП, подготовленной при его прямом участии и принятой три года назад, на VIII съезде – “как одну из переходных форм на пути к полному единству партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу” <...> Что же это было? Следствие перенесенного тяжелого заболевания (инсульта)? А может, нечто иное, кем-то (нельзя исключить Троцкого) навязанная воля? Ответа пока мы не имеем². Сталин расценил ленинскую позицию «вместе и наравне» как проявление «национального либерализма», однако впоследствии вынужден был согласиться с мнением лидера партии.

В октябре 1922 г. план «федерализации» был утвержден на Пленуме ЦК РКП(б) в качестве отправного варианта создания будущего государства. Ленинский проект и само первоначальное название союзного государства носили на себе явный отпечаток глобальной политической стратегии по созданию «Всемирной федеративной республики Советов», о которой вождь пролетарской партии заявил еще в марте 1919 г.³ Разворачивающиеся революци-

¹ Мдивани П. Г. – член Президиума ЦК компартии Грузии; Раковский Х. Г. – председатель СНК Украины. В 1922 г. оба занимали подчеркнuto сепаратистскую позицию, выступали против объединения своих республик с РСФСР.

² Жуков Ю. Н. Первое поражение Сталина 1917–1922 годы. От Российской Империи – к СССР. М., 2011. С. 585–587.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 520.

онные события на Востоке и остававшиеся у значительной части большевистского руководства надежды на европейский (прежде всего немецкий) пролетариат лишь подкрепляли утопическую мечту о дальнейшем победоносном шествии мировой революции, по мере которого количество новых республик, вливающихся в единый союз, будет постоянно расти. Ленинский федеративный проект ввиду его усложненности и заидеологизированности едва ли мог стать надежной основой для эффективного и длительного существования нового государства без жесткой партийно-административной структуры (что и показала судьба СССР спустя 69 лет). «Русский фактор», ведущая роль государствообразующего народа в упрочении политического и экономического единства советских республик автором проекта игнорировались, а любые проявления так называемого русского шовинизма решительно осуждались. Все это доказывало, что используемые в период Гражданской войны идеи русского патриотизма, тактически необходимые в условиях враждебного окружения РСФСР в 1918–1920 гг., с наступлением «нового этапа» мировой революции и созданием для нее государственного плацдарма – СССР становились для вождя большевизма неприемлемыми. Очевидно, что новообразованное государство рассматривалось В. И. Лениным как временная форма сосуществования союзных республик, которая будет видоизменяться по мере развития мирового революционного процесса. При этом набиравший в республиках силу партийный национал-сепаратизм рассматривался Лениным как неизбежное и меньшее зло по сравнению с «великодержавным уклоном», который, по мнению вождя, лишь один мог воспрепятствовать добровольному объединению народов в Союз. Свое наиболее яркое выражение эта позиция Ленина получила в связи с так называемым грузинским инцидентом.

19 октября 1922 г. руководство ЦК компартии Грузии потребовало ликвидации Закавказской Федерации (ЗСФСР) и вхождения своей республики в состав будущего государства на правах самостоятельного политического образования. Выяснения отношений между представителями Москвы на Кавказе и грузинской стороной дошли до рукоприкладства: во время одного из конфликтов руководитель Закавказского крайкома Г. К. Орджоникидзе ударил одного из членов ЦК республики. Посланная для выяснения причин инцидента комиссия из Москвы под председательством Ф. Э. Дзержинского оправдала действия Орджоникидзе. Такое решение вызвало сильное возмущение В. И. Ленина, усмотревшего в подобном повороте событий доказательство существования «великодержавной» оппозиции

своему курсу¹. Однако из-за плохого состояния здоровья он не мог сразу дать необходимой для членов партии теоретической оценки произошедшему. Лишь 30 декабря 1922 г. он диктует свое письмо «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», в котором обрушивается со всей присущей ему в таких случаях нетерпимостью на проводников «великорусско-националистической кампании» в республиках.

Прежде всего необходимо было еще раз предать анафеме ранее отвергнутый курс на «автономизацию», являвшийся, по мнению Ленина, главной причиной проявившегося в Грузии русского «великодержавничества». «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации <...> Видимо, вся эта затея “автономизации” в корне была неверна и несвоевременна», – таким признанием начинается это письмо². Далее его автор называет главную политическую силу, препятствующую «правильному решению» национального вопроса. Речь идет о работниках советского аппарата, не изживших прежней имперской психологии: «Говорят, что требовалось единство аппарата <...> Мы называем своим аппарат, который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину <...> При таких условиях очень естественно, что “свобода выхода из союза”, которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великорос-

¹ По воспоминаниям секретаря Ленина Л. А. Фотиевой, «Владимир Ильич был хорошо и всесторонне осведомлен о положении в Грузии <...> Не мог не знать, например, о таких вредных мероприятиях, проводившихся в Грузии с санкции старого ЦК КП(б)Г, как учреждение кордонов на границах Грузии, взимание платы за разрешение, выдаваемые НКВД на право въезда и пребывания в Грузии, которые Владимир Ильич безусловно не одобрял» (Фотиева Л. А. Из воспоминаний о В. И. Ленине (Декабрь 1922 г. – март 1923 г.) // Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. М., 1991. Т. 8. С. 196–197). О произволе, допущенном коммунистическими властями Грузии в отношении голодающих русских беженцев (Г. К. Орджоникидзе осудил такую политику), свидетельствует следующий документ, направленный в октябре 1921 г. Уполномоченному Центроэвака РСФСР (Центральная эвакуационная комиссия): «Отношением своим за № 4769/1653 Политический отдел наркомзема уведомляет, что русские беженцы Карской области как не грузинско-подданные согласно первой статьи переселенческого устава в Грузии не могут быть расселены, что доводится до Вашего сведения. Зам. пач. Грузцентроэвака Какабадзе. 12 октября 1921 г.», цит. по: Константинов С. В., Ушаков А. И. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М., 2001. С. 16.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.

са-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали»¹.

Кроме работников аппарата, в разряд проводников «великорусской националистической кампании» Ленин зачисляет и своих соратников, убежденных интернационалистов – Сталина и Дзержинского, повинных в «неправильном» разрешении «грузинского инцидента». При этом подчеркивалось, что «тов. Дзержинский, который ездил на Кавказ расследовать дело о “преступлениях этих социал-националов”², отличился тут же только своим истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения)»³. В своей следующей диктовке, 31 декабря, В. И. Ленин решил конкретизировать свое отношение к двум основополагающим, на его взгляд, вопросам, от правильного понимания которых зависела судьба союзного пролетарского государства – к вопросам национализма и интернационализма. Автор «диктовки» подчеркивал, что абстрактная постановка вопроса о национализме в корне неправильна: «Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой <...> По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия»⁴.

Какое же «правильное» поведение в новых социальных условиях предписывалось «большой нации», в чем должен был выразиться ее интернационализм в отношении нерусских народов? Ответ автора был однозначным: «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации (хотя великой только своими наси-

¹ Там же. С. 357–358.

² Речь идет о сепаратистски настроенных членах ЦК КП(б)Г.

³ Там же. С. 358. Ф. Э. Дзержинский, убежденный противник любых проявлений национал-сепаратизма, и ранее выступал против декларируемого партийным руководством «права наций на самоопределение», рассматривая его как покушение на принципы пролетарского интернационализма и потворствование местному (в частности, польскому) национализму. На VII Всероссийской конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. в ответ на обвинения в поддержке «великорусского шовинизма» Дзержинский возразил: «Я могу его (В. И. Ленина. – А. К.) упрекнуть в том, что он стоит на точке зрения польских, украинских и других шовинистов». См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 90, 219; *Ретников А. В.* Дзержинский Ф. Э. // Революционная мысль в России XIX – начала XX века. Энциклопедия. М., 2013. С. 136–139.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 358.

лиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»¹.

Автор, по сути, ревизует интернациональную доктрину, предполагавшую национальное и социальное равноправие народов (вне зависимости от их численности, культурного и экономического уровня развития), и предлагает свое понимание интернационализма, согласно которому большая нация должна быть поставлена в неравное и даже подчиненное положение к малым нациям. По мнению автора «Письма», русский народ, создавший великую культуру и сыгравший ведущую роль в революции, разгроме интервентов и белогвардейцев, социальном освобождении других народов и собирании их в новое государство, должен был нести ответственность за прежнюю политику самодержавной власти. Из этого следовало, что под понятие «угнетающая нация» подпадал и великорусский пролетариат – главный творец революции, о котором В. И. Ленин всегда отзывался с восхищением и считал ведущей силой социального освобождения трудящихся России.

В советской и российской историографии сложилось устойчивое мнение о подлинности авторства этого документа. Однако вышедшее в 2003 г. исследование историка В. А. Сахарова, посвященное «Политическому завещанию» Ленина, ставит под сомнение общепринятую версию. Опираясь на широкий круг источников и проведя научную экспертизу «Письма», автор делает предположение, что этот документ – продукт политической игры, и авторство Ленина, стилистическое и даже теоретическое – сомнительно².

Отношение В. И. Ленина к русскому народу, его истории, культуре, его роли в революционном движении крайне противоречиво. Не подлежит сомнению, что Ленин был убежденным и последовательным интернационалистом. Национальный вопрос рассматривался им с позиций решения конкретных задач классовой и национально-освободительной борьбы. Построение бесклассового и безнационального коммунистического общества являлось для него главной целью всей политической деятельности. Любые проявления русского национализма и консерватизма (в литературе, публицистике, искусстве) рассматривались им как выражение идеологии эксплуататорских классов и решительно осуждались как идейно враждебные «демократическому направлению» в политической теории и культуре. Однако в повседневной жизни В. И. Ленин не был человеком, лишенным национальных пристрастий, вкусов и патриотических чувств. Об этом, к примеру, свидетельствует близко знавший Ленина писатель М. Горький: «Я не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 358.

² См.: Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003. С. 306–311, 321–328.

редко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к своему народу»¹. О Ленине как о национальном политическом лидере писал Л. Д. Троцкий: «Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себе, дает ей высшее выражение <...> Через Ленина социалистическая революция, давно имеющая свое интернациональное теоретическое выражение, нашла впервые свое национальное воплощение»². Показательно, что подобные характеристики «вождю мирового пролетариата» давались людьми, несколько не идеализировавшими русский народ. Русские поэты А. А. Блок, С. А. Есенин, Н. А. Клюев, С. Д. Дрожжин, В. Я. Брюсов писали о Ленине как о народном вожде³. Один из ведущих публицистов эмигрантского движения сменовеховцев Н. В. Устрялов в статье «Памяти Ленина» отмечал: «Пройдут годы, сменится нынешнее поколение, и затихнут горькие обиды, страшные личные удары, которые наносил этот фатальный, в ореоле крови над Россией взошедший человек, миллионам страдающих и чувствующих русских людей. И умрет личная злоба, и “наступит история”. И тогда уже все навсегда и окончательно поймут, что Ленин – наш, что Ленин – подлинный сын России, ее национальный герой – рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым»⁴.

Идейные оппоненты Ленина – Н. А. Бердяев и В. В. Шульгин позднее признавали в нем выдающегося государственного деятеля, создателя новой России⁵. Парадоксальным является и тот факт, что

¹ Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 т. М., 1968–1976. Т. 20. С. 42.

² Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 234, 237.

³ См.: Блок А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 6. С. 317–318; Есенин С. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1969. Т. 2. С. 126–131; Клюев Н. А. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999. С. 377–378; И. З. Суриков и поэты-суриковцы. М.; Л., 1966. С. 447; Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973–1975. Т. 3. С. 162–163.

⁴ Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 373 (выделено в оригинале).

⁵ См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114–116; Шульгин В. В. Опыт Ленина // Наш современник, 1997. № 11. С. 145, 171; Репников А. В., Христофоров В. С. Шульгин В. В. // Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия. С. 727; Репников А. В. В. В. Шульгин: «Мое слово в его пользу будет весить больше, чем тома его последователей, сделавших на Ленинизме карьеру» // Музейный сборник. Вып. 13: материалы круглого стола «Ленин. Взгляд из третьего тысячелетия», проходившего 7 ноября 2008 г. М., 2009. С. 147–158; Он же. «Моя судьба – это ничтожная песчинка в грандиозном “Опыте Ленина”» // Политическое просвещение. 2012. № 5. С. 133–138.

признания масштабности личности вождя русских коммунистов были характерны даже для их непримиримых идеологических противников – представителей зарождавшегося немецкого национал-социализма. В своей книге «Die Zweite revolution» («Вторая революция», 1926) один из тогдашних лидеров «левого» крыла национал-социалистической партии Йозеф Геббельс утверждал: «Ни один царь так не постиг русский народ в его глубине, в его страстях, в его национальных инстинктах, как Ленин»¹. Впрочем, можно привести немало высказываний известных ученых, мыслителей, писателей XX столетия о Ленине как о русском человеке и выдающемся национальном политическом деятеле. Поэтому проблема «Ленин и русский вопрос» еще ждет своего всестороннего и объективного исследования.

В апреле 1923 г. письмо В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» было зачитано руководителям делегаций на XII съезде РКП(б)². Указания главы партии по вопросу «великорусского шовинизма» были учтены и нашли свое отражение в резолюции съезда: «Партия обязана вести решительную борьбу прежде всего с остатками великорусского шовинизма. Только решительной борьбой с великорусским шовинизмом можно обеспечить прочность союза³ и обеспечить влияние партии среди трудящихся масс других стран»⁴. Идею о необходимости поставить русский народ в «неравное» положение по отношению к другим советским нациям, изложенную в ленинском «письме», развивал Н. И. Бухарин: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций»⁵. Обращаясь к Сталину, Бухарин заметил, что генсек партии, выступая на съезде, уделил недостаточное внимание опасности «русского шовинизма», сделав главный упор на борьбу с местным национализмом: «Я понимаю, когда наш дорогой друг, т. Коба, Сталин, не так остро выступает против русского шовинизма, и что он как грузин выступает против грузинского шовинизма»⁶. В своем заключительном слове

¹ Цит. по: *Агурский. М. С.* Идеология национал-большевизма. С. 256.

² Текст письма был опубликован после XX съезда КПСС (см.: *Коммунист.* 1956, № 9).

³ Имеется в виду СССР.

⁴ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 407.

⁵ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 613.

⁶ Там же. С. 614.

по национальному вопросу Сталин отвел выдвинутые против него обвинения в игнорировании «русской шовинистической опасности», указав при этом на недопустимость искусственного принижения национально-политического статуса великорусского пролетариата: «Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим, – не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций, – это значит сказать несообразность. То, что у т. Ленина является оборотом речи в его известной статье, Бухарин превратил в целый лозунг»¹. Вместе с этим И. В. Сталин разглядел новую «шовинистическую» опасность, возникшую в условиях нэпа: «В связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила – великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения <...> Если мы ее не подсечем в корне, – а нэповские условия ее взращивают, – мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что будет означать подрыв диктатуры пролетариата»². Примерно за месяц до этого выступления Сталин на страницах «Правды» указал и на новый источник, идейно подпитывающий русские националистические настроения: по мнению автора статьи, «они получают подкрепление в виде “новых” сменовеховских великорусско-шовинистических вейний, все более усиливающихся в связи с нэпом»³.

Сменовеховство – идейное движение, зародившееся в среде русской эмиграции в начале 1920-х гг., явилось своеобразной реакцией части либеральной интеллигенции на процессы, происходящие в Советской России. Новый курс коммунистического руководства в экономике (нэп), образование Советского Союза, который представлялся как модернизированная форма Русского государства, пробуждали у сменовеховцев уверенность в «национальной» трансформации большевистского режима. Публицисты (Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, С. С. Лукьянов и др.), группировавшиеся вокруг издававшегося в Париже журнала «Смена вех» и берлинской газеты

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 264–265.

² Там же. С. 249. В своей записке, переданной на съезде Бухарину, Сталин уточнил свою позицию относительно первостепенности борьбы именно с «русским национализмом»: «Я никогда не говорил, что борьба с антирусским национализмом является такой важной; наоборот, я говорил, что куда более важной является борьба с русским национализмом», цит. по: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011. С. 31.

³ Правда. 1923. 24 марта.

«Накануне», в своих статьях призывали русскую эмиграцию к отказу от борьбы с Советской властью, признавали необходимость сотрудничества с нею во имя национального согласия и возрождения России. По мнению сменовеховцев, Октябрьская революция явилась закономерным событием русской истории, а Советская власть с ее интернациональной идеологией могла бы стать надежной основой для объединения народов России вокруг государствообразующего этноса¹. В наиболее яркой форме идеология сменовеховства нашла свое выражение в публицистике Н. В. Устрялова, охарактеризовавшего собственные взгляды как «национал-большевистские»². Отвергая «белую» альтернативу развития России как «отрыжку прошлого», Устрялов предлагал свой путь, predeterminedный условиями нэпа. Отмечая, что «только в изживании, преодолении коммунизма – залог хозяйственного возрождения государства»³, идеолог сменовеховства утверждал, что новые силы, вызванные революцией к активной политической деятельности, способны возродить страну: «Старая мощь России» может быть восстановлена лишь новыми силами, вышедшими из революции и поныне пребывающими в ней. Это нужно признать раз навсегда. Ориентироваться можно только на эти новые силы, на их активный авангард, разбуженный взрывом и прошедший столь изумительную школу за страданные годы революционной борьбы»⁴. В отличие от идеологов белой эмиграции, Устрялов воспринимал Октябрьскую революцию и предпринятые большевиками меры по упрочению новой государственности как начало возрождения Великой России. В статье, приуроченной к 5-й годовщине Великого Октября, он писал: «Не знаю, с какими чувствами (в глубине души) справляют сегодняшний праздник настоящие, правоверные коммунисты, строители интернационала и коммунизма в России и во всем мире, – но русские патриоты имеют все основания справлять его с радостной душой и бодрой верой в будущее родной страны.

Затрудняюсь сказать, в какой мере протекшие пять лет оправдали мечты о “немедленном коммунизме” и мировой революции – но вочию вижу и всем своим существом ощущаю, что они не развенчали идеи *Великой России*»⁵.

Русское национальное возрождение представлялось Устрялову как грядущий «термидор» (по аналогии с французской револю-

¹ Петренко Е. Л. Сменовеховство // *Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия*. С. 150.

² Устрялов Н. В. *Национал-большевизм*. С. 123.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же. С. 149.

⁵ Там же. С. 249 (выделено в оригинале).

цией) и неизбежное наступление «русской реакции», «здоровой и плодотворной»¹. Позднее, в своих заметках, опубликованных в 1926 г., после поездки в советскую Москву, он конкретизировал свое понимание «национального перерождения» большевизма: «Одно ясно: из интернационалистской революции Россия выйдет национально выросшей, страной крепчайшего национального самосознания. Октябрь с каждым годом национализируется; нужно будет публицистически выразить это формулой “национализация Октября”»².

Несмотря на явную утопичность предлагаемых Устряловым и сменовеховцами мер по «возрождению России» и невозможность в тех условиях осуществления их проекта экономического и политического переустройства страны на «национальной основе», некоторые большевистские лидеры проявили интерес к новому идейному течению, ставшему популярным и в России. Как отмечает исследователь Е. Л. Петренко, «В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин и другие члены Политбюро в разное время поддерживали чем могли это не совсем типичное явление <...> Финансовая поддержка Кремлем различных сменовеховских начинаний даже не была особенно засекречена. Примерами могут служить контроль Сталиным и Н. Н. Крестинским берлинско-московской газеты “Накануне” или предотвращение Лениным закрытия московско-петроградского журнала “Россия”. Характерно также и принятие лидером европейских сменовеховцев Ключниковым предложения Ленина консультировать советскую делегацию на Генуэзской конференции 1922 года»³.

Поддержка большевистскими руководителями патриотической идеологии сменовеховцев определялась как внешнеполитической конъюнктурой (необходимостью укрепления авторитета Советской России за рубежом и стратегией дальнейшего раскола в лагере эмиграции), так и особенностями внутрипартийной борьбы. Соответственно, если Л. Д. Троцкий и А. В. Луначарский на определенном этапе относились к новому движению заинтересованно⁴, то И. В. Сталин в 1923 г. предпочел осудить сменовеховство, исходя из политических соображений: после отвергнутого плана «автономизации» и «грузинского инцидента» ему было необходимо утвердить себя в глазах партийных масс как твердого сторонника «ленинской линии» в национальном вопросе, осуждавшего любые проявления «великорусского шовинизма» как внутри страны, так и за ее предела-

¹ Там же. С. 150, 169.

² Там же. С. 593. См. также: *Кожевников А. Ю.* Великий Октябрь в оценках русских национал-патриотических публицистов конца 1960-х – первой половины 1980-х гг. // *Ключевские чтения – 2008.* М., 2008. С. 104.

³ *Петренко Е. Л.* Сменовеховство. С. 150.

⁴ См.: *Агурский М. С.* Идеология национал-большевизма. С. 148–151.

ми. В противоположность меняющейся позиции Сталина, Троцкий изначально указывал на желательность пропаганды идей сменовеховства. Так, еще в октябре 1921 г., в газете «Правда» он писал: «Сменовеховцы, исходя из соображений патриотизма, пришли к выводам, что спасение России в советской власти, что никто не может охранить единство русского народа и его независимость от внешнего насилия в данных исторических условиях, кроме советской власти, и что нужно ей помочь <...> Они подошли не к коммунизму, а к советской власти через ворота патриотизма»¹.

О широком распространении идей сменовеховства в среде русской эмиграции свидетельствовало «Открытое письмо Н. В. Чайковскому» известного писателя А. Н. Толстого, опубликованное в апреле 1922 г. Предыстория его появления была следующей. В начале апреля 1922 г. председатель Трудовой народно-социалистической партии Н. В. Чайковский в письме из Парижа по поручению эмигрантского «Исполнительного бюро комитета помощи писателям-эмигрантам» потребовал у А. Н. Толстого объяснений по поводу его сотрудничества в берлинском печатном органе «сменовеховцев», газете «Накануне». В своем письме Чайковский спрашивал А. Н. Толстого, следует ли понимать его участие в «Накануне» как открытый переход под флаг «самозванной» большевистской власти в России. Почти одновременно с Чайковским к Толстому обратился и П. Н. Милюков, прямо заявив в своем письме о несовместимости сотрудничества литератора со «сменовеховцами» и его пребывания в «Союзе русских писателей». В ответ на эти обвинения А. Н. Толстой пишет знаменитое письмо Н. В. Чайковскому, в котором излагает свою точку зрения на положение русских эмигрантов за границей и свое отношение к новой России. Прежде всего Толстой опровергал выдвинутые против него и газеты, в которой он печатался, обвинения в пособничестве большевикам и стремлении к расколу эмигрантской среды: «Задача газеты “Накануне” не есть, – как вы пишете, – борьба с русской эмиграцией, но есть борьба за русскую государственность <...> В существующем ныне большевистском правительстве газета “Накануне” видит ту реальную – единственную в реальном плане – власть, которая одна сейчас защищает русские границы от покушения на них соседей, поддерживает единство русского государства и на Генуэзской конференции одна выступает в защиту России от возможного порабощения и разграбления ее иными странами»². Мотивы, определившие идейную эволюцию писателя, – от резкого неприятия большевизма до признания Советской власти

¹ Правда. 1921. 27 октября.

² Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958–1960. Т. 10. С. 33–34.

как единственной реальной государственной власти в России, он сам обозначил так: «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед. В эти годы погибли два моих родных брата, один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядей, восемь человек моих родных умерло от голода и болезней. Я сам с семьей страдал ужасно. Мне было за что ненавидеть.

Красные одолели, междоусобная война кончилась»¹.

По признанию А. Н. Толстого, два события – советско-польская война 1920 г. и начавшийся год спустя страшный голод в России изменили отношение писателя к происходящему на его Родине. Касясь первого события, он отмечал: «Я в числе многих, многих других, не мог сочувствовать полякам, завоевавшим русскую землю, не мог пожелать установления границ 72 года или отдачи полякам Смоленска, который 400 лет тому назад, в точно такой же обстановке, защищал воевода Шеин от польских войск, явившихся также по русскому зову под стены русского города². Всей своей кровью я желал победы красным войскам»³. Реакция части эмиграции на наступивший после Гражданской войны голод в ряде регионов России возмутила писателя: «Они (антисоветски настроенные эмигранты. – А. К.) сказали, – голод ужасен, но – с разбойниками, захватившими в России власть, мы не примиримся, – ни вагона хлеба в Россию, где этот вагон лишний день продлит власть большевиков! К счастью, таких было немного. В Россию все же повезли хлеб, и голодные его ели»⁴. Третьим, «чрезвычайным событием», заставившим писателя пересмотреть свое прежнее отношение к Советской России, уже преобразованной политикой нэпа, «была перемена внутреннего, затем и внешнего курса русского, большевистского правительства, каковой курс утверждается бытом и законом». По мнению А. Н. Толстого, «каждому русскому, приезжающему с запада на восток, – в Берлин, – становится ясно еще и нижеследующее:

Представление о России, как о какой-то опустевшей, покрытой могилами, вымершей равнине, где сидят гнездами разбойники-большевики, фантастическое это представление сменяется понемногу

¹ Там же. С. 34.

² Автор неверно указывает дату обороны Смоленска от польских интервентов, которую возглавил воевода Б. И. Шеин. Она длилась с 1609 по 1611 г., то есть за 311 лет до 1922 г.

³ Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. С. 35.

⁴ Там же. С. 36.

более близким к действительности. Россия не вся вымерла и не пропала, 150 миллионов живет на ее равнинах, живет, конечно, плохо, голодно, вшиво, но несмотря на тяжелую жизнь и голод, – не желает все же ни нашествия иностранцев, ни отдачи Смоленска, ни собственной смерти и гибели»¹.

Отвергая предлагаемые идеологами эмиграции пути к «сохранению и утверждению русской государственности» – военную интервенцию и экономическую блокаду Советской России, А. Н. Толстой призывает к «третьему пути». По его мнению, необходимо «признать реальность существования в России правительства, называемого большевистским, признать, что никакого другого правительства ни в России, ни вне России – нет <...> Признав, делать все, чтобы помочь последнему фазису русской революции пойти в сторону обогащения русской жизни, в сторону извлечения из революции всего доброго, в сторону уничтожения всего злого и несправедливого, принесенного той же революцией, и, наконец, в сторону укрепления нашей великодержавности»². «Открытое письмо Н. В. Чайковскому» было опубликовано 14 апреля 1922 г. в газете «Накануне». 25 апреля газета «Известия» перепечатала письма Чайковского и Толстого и дала высокую оценку патриотической позиции писателя, подчеркнув большое политическое значение его выступления³. В августе 1923 г. А. Н. Толстой возвращается на родину.

Постепенная стабилизация жизни в России, начавшийся экономический рост вследствие проведения нэпа, а также объявленная декретом ВЦИК от 3 ноября 1921 г. амнистия для значительной части рядовых военнослужащих – участников белого движения – стали поводом к возвращению на Родину тысяч эмигрантов. Характерным явлением для Русского Зарубежья тех лет было возникновение общественных организаций – союзов возвращения на Родину (так называемые «Совнарод»). В своих изданиях представители этих союзов проводили идею примирения с коммунистической властью (как «государственной» и отвечающей чаяниям русских патриотов) и призывали к возвращению в Советскую Россию. Так, 24 мая 1922 г. в печатном органе одного из союзов – софийской газете «На Родину» было опубликовано обращение к проживающим в Болгарии белоэмигрантам: «Мы зовем всех честных людей русской эмиграции, которым чужды авантюристские похождения и дороги интересы родной страны, сомкнуть свои ряды под флагом нашей организации и газеты и вместе с нами начать дело исправления наших ошибок, сознатель-

¹ Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. С. 36.

² Там же. С. 37.

³ См.: Петелин В. В. Алексей Толстой. М., 1978. С. 177.

но или бессознательно нами совершенных, дело искупления наших грехов»¹. При активном содействии Болгарской коммунистической партии проводилась агитация среди врангелевских солдат по их вовлечению в «Союз возвращения на Родину». К 1923 г. на территории этого государства существовало 65 групп «Совнарода» численностью около 8500 человек. При помощи этой организации, через которую миссия советского Красного Креста организовывала работу по репатриации бывших российских граждан, в 1922–1923 гг. из Болгарии вернулись на Родину, по разным данным, от 12 до 14 тыс. человек, из которых 70 % составляли казаки².

Очевидная бесперспективность продолжения борьбы с большевизмом в рядах белоэмигрантских и антисоветских организаций, а также патриотические мотивы служения новому «Русскому государству» побуждали к возвращению на Родину и представителей белого генералитета. В ноябре 1921 г., после переговоров с представителями ВЧК и с разрешения советского правительства в Россию с группой офицеров вернулся генерал-лейтенант врангелевской армии Я. А. Слащов. Перед отъездом он направил в зарубежные газеты письмо, в котором обосновал свое решение: «Внутри России революция окончена <...> Если меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России. Ныне меня зовут защищать честь России, и я еду выполнять свой долг, считая, что все русские, военные в особенности, должны быть в настоящий момент в России»³. Сразу после возвращения в Россию Слащов вместе с прибывшими с ним генерал-майором А. С. Мильковским и полковником Э. П. Гильбихом написал обращение к офицерам и солдатам врангелевской армии. По версии российского историка Ю. Цурганова, идея создания этого документа принадлежала Л. Д. Троцкому и заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту. Вопрос о необходимости подобного обращения к белоэмигрантам обсуждался на одном из заседаний Политбюро

¹ Цит по: *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. С. 75.

² Там же. С. 75, 77.

³ Это письмо Я. А. Слащова было также опубликовано в газете «Известия» (24 ноября 1921 г.), передовая статья которой была озаглавлена «Прозрение». После признания своей вины за тяжкие преступления, совершенные им в годы Гражданской войны, Слащов был амнистирован Советским правительством. В июне 1922 г. он получил должность преподавателя тактики в школе комсостава «Выстрел». См.: *Кавтарадзе А. Г.* Предисловие // *Слащов-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990. С. 21–22.

ЦК РКП(б)¹. Взывая к патриотическим чувствам русских военных, оставшихся за пределами страны и продолжавших возлагать надежды на свержение коммунистического режима путем интервенции, Слащов писал: «С 1918 года льется русская кровь в междоусобной войне. Все называли себя борцами за народ. Правительство белых оказалось несостоятельным и не поддержанным народом – белые были побеждены и бежали в Константинополь. Советская власть есть единственная власть, представляющая Россию и ее народ. Я, Слащов-Крымский², зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться Советской власти и вернуться на Родину»³. Это обращение генерала к бывшим однополчанам, а также его выступления по радио, в которых звучали призывы к признанию новой власти и возвращению в Россию, получили большой резонанс в среде эмиграции. Другой акцией, способствовавшей дальнейшему идейному расколу в стане белоэмигрантов, стало обращение «К войскам белых армий» генералов А. Секретова, Ю. Гравицкого, И. Клочкова, Е. Зеленина, полковников Д. Житкевича, В. Оржаневского, Н. Климовича, М. Лялина (октябрь 1922 г.). Признавая правительство РСФСР как единственно законную власть русского народа на территории бывшей Империи и отвергая путь «белой» реставрации прежних порядков, авторы обращения подчеркивали: «Наша Родина вышла из полосы первоначального революционного хаоса и вступила на путь творческой, созидательной работы. На международной политической арене Советское правительство является единственным защитником интересов России и ее государственного суверенитета». В обращении осуждались любые действия, направленные против Советской России, в которые стремились вовлечь военнотружущих-эмигрантов. Авторы документа обращались к эмиграции с призывом: «Ни одного солдата и офицера на новую авантюру!» Те же мотивы были характерны и для других подобных обращений и воззваний представителей Русского военного зарубежья 1922–1923 гг.⁴

Декрет ЦИК и СНК от 9 июня 1924 г. распространил амнистию также и на всех рядовых белых армий, находящихся на территории

¹ *Цурганов Ю. С.* Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка рванша. 1939–1945. М., 2010. С. 45.

² В специальном приказе от 19 августа 1920 г. главнокомандующего ВС ЮР П. Н. Врангеля Я. А. Слащов за особые заслуги в проведении военных операций против Красной армии в Северной Таврии получил почетную «приставку» к своей фамилии, по примеру великих русских полководцев. См.: *Кавтарадзе А. Г.* Предисловие // *Слащов-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г. С. 16.

³ Известия. 1921. 20 ноября.

⁴ *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. С. 76–77.

Дальнего Востока, Монголии и Западного Китая. Это решение советских властей вызвало новую волну «возвращенцев». Всего за период 1921–1931 гг. в Россию (СССР) вернулись 181 432 эмигранта (из них 121 843 в 1921 г.)¹. Впоследствии многие из вернувшихся будут подвергнуты репрессиям².

Примечательным является и тот факт, что даже убежденные противники Советской власти вынуждены были признать ее как реальную политическую и идейную основу для возрождения России. Так, в покаянной статье Б. В. Савинкова «Почему я признал Советскую власть» (редакция газеты «Правда» опубликовала ее в сентябре 1924 г. под заголовком «Сменовеховец с неразорвавшейся бомбой»), бывший эсер-террорист и один из ведущих лидеров антисоветской эмиграции заявлял: «Я – не коммунист, но и не защитник имущих классов. Я думаю о России, и только о ней. При царе Россия была сильна и стала жандармом Европы. Советская власть, укрепившись, объединила в равноправный союз народы бывшей Российской империи. Она стремится к усилению и процветанию СССР. Пусть во имя Коммунистического Интернационала. Значит ли это, что Россия приносится ему в жертву? Нет, это значит, что в глазах миллионов русских людей вчерашний жандарм, Россия, станет завтра освободительницей народов. Для меня достаточно восстановления ее»³. Поворот к нэпу, предпринятый большевистским руководством, пробуждал у некоторых представителей белой эмиграции иллюзии в «национально-имперском» перерождении советского режима. В своей книге «Три столицы», изданной в 1926 г. в Берлине после «нелегальной» поездки в Советскую Россию (организованной ОГПУ), ее автор В. В. Шульгин сделал парадоксальный вывод о трансформации ленинизма в новую форму «белой» русской государственности: «Когда Ленин голосом Чингисхана, стегаящего нагайкой племена и расы, крикнул шестой части суши апокалипсическое слово “НЭП” и в развитие сего прибавил издевательское, гениальное: “Учитесь торговать”, – он

сжег все то, чему он поклонялся,
и поклонялся тому, что сжигал...

Так поступают или великие преступники, или герои. Пусть Ленин герой! Так повернуть руль корабля мог только человек, к-рый вла-

¹ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. С. 178.

² См.: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 233; Цурганов Ю. С. Белоэмигранты и Вторая мировая война. С. 46–47.

³ Савинков Б. В. Воспоминания. С. 396.

ствуует над стихией <...> Это значит, что Ленин, сознательно или нет, стал орудием, инструментом Белой Мысли»¹. В. В. Шульгин не относился к сменовеховцам и был убежденным монархистом, но некоторые суждения о Советской России тех лет, приведенные в его книге «Три столицы», явно перекликались с идеологическими установками этого движения.

Упрочение советского режима, прекращение международной изоляции СССР, усиливающийся раскол в стане эмиграции – все эти причины обусловили постепенное «сворачивание» коммунистическими властями сменовеховского движения и его изданий (в том числе и зарубежных). Во второй половине 1920-х гг. прекращается регулярный выход на европейскую аудиторию журнала «Смена вех» и газеты «Накануне». В 1926 г. был закрыт выходивший в СССР печатный орган сменовеховцев – журнал «Россия» (называвшийся до августа 1922 г. «Новая Россия»). Некоторые сменовеховцы, проживавшие за рубежом, возвратились на Родину и стали советскими госслужащими. Ведущий идеолог сменовеховства Н. В. Устрялов, преподававший в 1935–1937 гг. в Московском институте инженеров транспорта и активно печатавшийся в «Правде» и «Известиях», был арестован по подложному обвинению и расстрелян в сентябре 1937 г.²

История первых пятнадцати лет Советской власти показывает, что обращение большевистского руководства к идеям русского патриотизма имело сугубо «выборочный» характер и определялось политической конъюнктурой того времени. Все «полезное» и политически необходимое в конкретных условиях госстроительства, содержащееся в идеях русского патриотизма и призывах к возрождению России, должно было служить исключительно задачам укрепления первого социалистического интернационального государства – кристаллизующего центра будущей мировой Республики Советов. Любые «автономные» и политически опасные для большевиков проявления русского патриотизма и «великодержавничества» жестко пресекались. Таким образом, русский народ – титульная нация новообразованного Советского государства – становился заложником глобальной геополитической игры большевистского руководства, раздираемого в 1920-е гг. внутрипартийной борьбой. При этом русское население СССР, несмотря на декларируемое национальное равноправие, становилось в неравное и даже подчиненное положение по отношению к другим советским народам. Характеризуя такую «интернациональную» политику, проводившуюся большевиками в те годы, россий-

¹ Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 364–365.

² См.: Сергеев С. М. Страстотерпец великодержавия // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 15–16.

ский историк В. Д. Соловей подчеркивает: «Если Старый порядок¹ был нерусским, то новый – последовательно, целеустремленно и открыто антирусским. По крайней мере, первые пятнадцать лет существования Советской власти»².

Американский историк Терри Мартин, рассматривая в своей работе историю становления ленинско-сталинской «империи положительной деятельности» – СССР (основой которой автор считает государственную политику предоставления льгот ранее подвергавшимся дискриминации этническим группам), изложил свою точку зрения на положение русских в Советском Союзе 1920-х – начала 1930-х гг. По его мнению, «конструктивные действия в интересах одной национальности <...> предполагают разрушительные действия по отношению к другим. В случае Советского Союза <...> основную тяжесть дискриминации несли на себе одни только русские <...> Советская политика и впрямь требовала от русских жертв в области национальной политики: нерусским республикам были переданы территории, населенные русским большинством; русские были вынуждены согласиться на амбициозные программы положительной деятельности, которые проводились в интересах нерусских народов; русских призывали учить языки национальных меньшинств, и, наконец, традиционная русская культура была осуждена как культура угнетателей»³.

Следует отметить, что последний вывод, который делает Терри Мартин, не бесспорен. Русская культура и общественная мысль предыдущих столетий, рассматривавшиеся идеологами большевизма как формы проявления классового мировоззрения, не были отвергнуты в первые годы Советской власти. Утвердившийся в России большевистский режим нуждался в годы Гражданской войны и иностранной агрессии в определенном пропагандистском «наполнении» политики «революционного оборончества». Защита революционного Отечества могла основываться в тех условиях как на доктрине «мировой революции», так и на идеях патриотизма и исторической преемственности. Исходя из этого, коммунистическое руководство использовало в качестве «символов» новой России не только героические образы деятелей международного и российского революционного движения, вошедшие в многовековую летопись освободительной борьбы разных стран и народов, но и имена наиболее выдающихся представителей русской дореволюционной культуры.

¹ Так в тексте.

² Соловей Т. Д., Соловей В. Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2009. С. 174.

³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 31.

Показательно, что даже некоторые деятели искусства, писатели и философы, которых сторонники «революционно-демократического» направления обычно относили к «консерваторам» и проводникам «религиозно-охранительной» традиции, также были внесены большевистскими лидерами в общий список исторических имен, призванных наполнить формирующуюся пролетарскую культуру реальным политическим и эстетическим содержанием. Так, 18 июля 1918 г. отдел изобразительных искусств Наркомпроса направил в Совет Народных Комиссаров декларативную записку: «По инициативе Председателя Совнаркома т. В. И. Ленина Комиссар народного просвещения сделал в заседании 1918 года предложение художественной коллегии поставить памятники лицам, выдающимся в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусства»¹.

30 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров утвердил «Список лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и др. городах РСФСР». В него были внесены имена как представителей революционно-демократического движения, так и наиболее «приемлемых» для формировавшейся пролетарской культуры русских писателей, художников, ученых, актеров. В начале августа газета «Известия» сообщила о намерении советского правительства воздвигнуть памятники выдающимся революционерам и деятелям мировой культуры и науки, а также А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Н. В. Гоголю, Ф. И. Тютчеву, А. В. Кольцову, И. С. Никитину, Л. Н. Толстому, Ф. М. Достоевскому, Н. А. Некрасову, М. Е. Салтыкову-Щедрину, В. Г. Белинскому, Г. И. Успенскому, М. В. Ломоносову, Д. И. Менделееву, Андрею Рублеву, О. А. Кипренскому, А. А. Иванову, В. И. Сурикову, М. А. Врубелю, М. И. Козловскому, Ф. И. Шубину, М. Ф. Казакову, М. П. Мусоргскому, Н. А. Римскому-Корсакову, А. Н. Скрябину, В. Ф. Комиссаржевской, П. С. Мочалову и др.²

В создании памятников принимали участие известные скульпторы С. Т. Коненков, Л. В. Шервуд, Н. А. Андреев, В. И. Мухина, С. Д. Меркуров и др. Характерным примером отхода от жесткой идеологической заданности в культурной политике тех лет стало открытие памятника писателю и представителю русского консервативного лагеря Ф. М. Достоевскому. Памятник ему был установлен в Москве на Цветном бульваре 7 ноября 1918 г. – в первую годовщину Октябрьской революции³. Ровно через десять лет после этого собы-

¹ См.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969. С. 566.

² Известия ВЦИК. 1918. 2 августа. См. также: Коненков С. Т. Ленин: «Я назвал бы это монументальной пропагандой» // Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. М., 1979. Т. 5. С. 287–288.

³ История русского и советского искусства. М., 1989. С. 332.

тия принял первых посетителей музей писателя в Москве. В августе 1920 г. в Муранове по решению советских властей (и при непосредственной поддержке В. И. Ленина) был открыт музей Ф. И. Тютчева, великого русского поэта, близкого к славянофильскому направлению¹. Декретом от 12 сентября 1921 г. «Об охране садов и парков» имение И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново получило статус государственного заповедника, а в Орле был открыт музей писателя. В ноябре 1921 г. в Москве открылся музей-усадьба Л. Н. Толстого.

Большое внимание уделялось и охране памятников русской старины. Свидетельства об этом содержатся в воспоминаниях о Ленине В. Д. Бонч-Бруевича (в 1917–1920 гг. – управляющий делами Совета Народных Комиссаров): «Несмотря на всю свою занятость, Владимир Ильич обращал большое внимание на архитектурные древности Москвы и других городов. Так, когда белогвардейцы артиллерийским огнем разрушили Ярославль, он принимал самое горячее участие в восстановлении этого старинного русского города. Была организована специальная комиссия, которая приводила Владимира Ильича в отчаяние своей медлительностью. Он хотел, чтобы во что бы то ни стало были восстановлены ярославские древние церкви, которые представляли собой памятники нашего старинного зодчества. Когда ему приходилось слышать, что в Галиче, Угличе и других старинных русских городах пытались разрушить церкви, он немедленно рассылал телеграммы и строгие приказы этого не делать, вызывал представителей местных властей, разъясняя им значение исторических памятников»².

В тех же воспоминаниях приводятся факты бережного отношения В. И. Ленина к архитектурным памятникам Москвы, о его деятельности по восстановлению Московского Кремля, Сухаревой башни и других русских культурно-исторических памятников³. В апреле 1920 г. по декрету Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина все находящиеся в пределах Троице-Сергиевой лавры сооружения и историко-художественные ценности вошли в собрание организованного там музея. Когда Ленину представили на подпись текст декрета о национализации Троице-Сергиевой лавры, он внес в него «особенно много исправлений», чтобы усилить ответственность за сохранность произведений искусства⁴. Глава советского правительства призывал к бережному отношению к памятникам древнерусского искусства как неотъемлемой части национального

¹ См.: *Кожин В. В.* Тютчев. М., 1988. С. 8.

² *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 404.

³ Там же. С. 402–405.

⁴ См.: *Грaбарь И. Э.* Моя жизнь. Автобиография. М.; Л., 1937. С. 272.

культурного достояния. Об этом свидетельствуют воспоминания выдающегося архитектора И. В. Жолтовского: «Ленин часто говорил о необходимости при реконструкции столицы сохранить памятники древнего зодчества, все ценное, что создано художественным гением русского народа»¹. Уже в первые дни Советской власти, в ноябре 1917 г., по распоряжению Ленина была начата проверка и эвакуация в Москву исторических и культурных ценностей из музеев Петрограда и пригородных дворцов. Такая мера была обусловлена близостью военной зоны и опасностью захвата этих ценностей в случае оккупации Петрограда. На учрежденный по указанию Ленина Народный комиссариат художественно-исторических имуществ возлагались обязанности по охране памятников русской культуры. Как вспоминал впоследствии заместитель наркома художественно-исторических имуществ И. А. Вайман, кроме организации охраны памятников Кремля, в 1918 г. началась работа по учету художественных ценностей на территории РСФСР, не захваченной иностранными интервентами и белогвардейцами: «Во дворцах Московской области – Архангельском, в Кускове, Покровско-Стрешневе и других – была организована охрана памятников искусства и старины <...> Для выездов вне пределов Москвы тов. Ленин давал нам свою автомашину. Таким образом нам удалось объехать и организовать охрану Архангельского дворца, замечательного памятника культуры XVIII–XIX веков, панорамы Бородинского боя 1812 года и т. д.»².

Несмотря на тяжелые условия Гражданской войны, советскими издательствами выпускалась русская классическая литература (уже без купюр царской цензуры). Особое значение имело издание отечественной классики в 1920-е гг. – в период разворачивавшейся политики по ликвидации неграмотности среди населения и его привлечению к наследию мировой и русской культуры. 29 декабря 1917 г. ВЦИК принимает «Декрет о Государственном издательстве», в котором, в частности, указывалось: «В первую очередь, должно <...> быть поставлено дешевое народное издание русских классиков. Сочинения тех из них, срок авторского права которых истек, должны быть переизданы <...> Народные издания классиков должны поступать в продажу по себестоимости. Если же средства позволят, то и распространяться по льготной цене, или даже бесплатно через библиотеки, обслуживающие трудовую демократию»³. В трудное для молодой Советской республики военное время Совнарком изы-

¹ Жолтовский И. В. В 1918-м // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 211.

² Вайман И. А. С товарищем Лениным. Охрана памятников старины и искусства // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 3. С. 250–252.

³ Декреты Советской власти: В 2 т. М., 1957. Т. 1. М., 1957. С. 296–297.

скивает полтора миллиона рублей для налаживания издательской деятельности в стране и предпринимает меры для широкого издания произведений русской и зарубежной классической литературы и выпуска новых школьных учебников¹. По-своему объяснял необходимость привлечения русского литературного наследия для правильного идейно-политического «воспитания» пролетариата Л. Д. Троцкий в своей статье «Пролетарская культура и пролетарское искусство»: «Рабочему классу не нужно и невозможно порывать с литературной традицией, ибо он вовсе не в тисках ее. Он не знает старой литературы, ему нужно только приобщиться к ней, ему нужно только овладеть еще Пушкиным, впитать его в себя – и уже тем самым преодолеть его <...> Когда футуристы предлагают выкинуть за борт старую индивидуалистическую литературу <...> они обнаруживают весьма-таки недостаточное понимание диалектической природы и противоречия индивидуализма и коллективизма»². Приведенная цитата наглядно характеризует стремление Троцкого использовать такой существенный фактор общественной жизни, каким традиционно являлась русская литература, в целях политической конъюнктуры. Творчество русских писателей, призванное сыграть свою роль в повышении культурного уровня пролетариата, должно будет со временем «преодолено» и отброшено. Следует отметить, что в культурных мероприятиях, проводимых большевиками, далеко не всегда присутствовал подобный политический практицизм. Установка памятников русским писателям, деятелям отечественной науки и искусства, предпринимаемые меры по сохранению памятников древнерусского зодчества, открытие музеев – все эти мероприятия новой власти свидетельствовали о том, что русское национальное наследие (по крайней мере все лучшее и «прогрессивное» на ее взгляд) рассматривалось как неотъемлемая компонента формирующейся интернациональной пролетарской культуры.

Даже в суровые годы войны и хозяйственной разрухи проводились мероприятия, посвященные деятелям русского искусства, устраивались художественные выставки, концерты произведений композиторов-классиков. Так, 10 апреля 1919 г. в Колонном зале Дома Союзов состоялся концерт в честь 80-летия со дня рождения М. П. Мусоргского. 19 апреля 1920 г. в Большом театре прошло торжественное заседание, посвященное пятилетней годовщине со дня кончины А. Н. Скрябина. 23 апреля там же состоялась премьера новой постановки оперы А. П. Бородина «Князь Игорь» (режиссер А. А. Санин, дирижер Н. С. Голованов, художник К. А. Коровин,

¹ Паль Р. В. Человек придумал книгу. М., 1983. С. 254.

² Правда. 1923. 14 сентября.

балетмейстер А. А. Горский)¹. Для прославленного русского художника Б. М. Кустодиева первое десятилетие Советской власти явилось не только временем тяжелых личных испытаний, связанных с Гражданской войной и лишениями тех лет, но и новым периодом в творческой судьбе. Живописец, картины которого передавали красоту русской природы и колорит городского и купеческого быта, принял Октябрьскую революцию как начало положительных перемен в жизни России. Он создавал полотна, прославляющие революцию, советские праздники, рисовал плакаты. Новая действительность нашла свое отражение в картинах художника «Праздник в честь открытия второго конгресса Коминтерна 19 июля 1920 года. Демонстрация на площади Урицкого» (1921), «Ночной праздник на Неве» (1923), «Октябрь в Петрограде» (1927). Наибольшую известность в те годы получила картина Кустодиева «Большевик» (1920), где художник изобразил русского рабочего-исполина, возвышающегося над уличной толпой и держащего в руках красное знамя освобождения. Фанатичный взгляд большевика устремлен на церковь, стоящую на его пути. Что хотел выразить этим художник – торжество новой «веры», призванной уничтожить религию прошлого, или единство коммунистических и христианских идеалов – является до сих пор дискуссионным вопросом для историков и искусствоведов. Официальными кругами и партийными критиками картина была принята доброжелательно и признана ярким явлением формирующегося советского искусства. Неоднократно организовывались выставки живописных работ Б. М. Кустодиева как новых, так и дореволюционных.

Однако, несмотря на принимаемые представителями большевистской власти меры по сохранению русского культурного наследия, их поддержку просоветски ориентированного патриотического направления в среде эмиграции (сменовеховства), в целом официальная идеологическая и культурная политика имела совершенно противоположный патриотической идее и русским национальным ценностям характер. С особой силой это проявилось после окончания Гражданской войны и стало одной из главных составляющих советской пропаганды и культурной политики в 1920-х – начале 1930-х гг. Линия на искоренение «великодержавного шовинизма» и «русского национализма» в культуре, гуманитарных науках, языкознании принимала зачастую форму откровенного глумления над историей и национальными традициями ведущего народа СССР. Все, что было связано с дореволюционной Россией, по мнению левацки настроенных «ниспровергателей прошлого», подлежало решительному осуж-

¹ *Вострышев М. И.* Москва сталинская. Большая иллюстрированная летопись. М., 2008. С. 82, 102.

дению и уничтожению как контрреволюционное и националистическое по своему содержанию, как олицетворение идеологии и культуры господствующих классов.

Даже краткий перечень актов вандализма, совершенных в 1920-е – 1930-е гг. в отношении памятников и захоронений деятелей русской истории, красноречиво свидетельствовал о целенаправленной политике, проводившейся определенными кругами в большевистском руководстве и местными властями, по искоренению всего, что олицетворяло дореволюционное прошлое страны. Об этом пишут современные российские исследователи: «В фундамент для компрессоров превращены могилы героев Куликовской битвы Александра Пересвета и Родиона Осляби. Останки организатора и героя национально-освободительной борьбы русского народа Кузьмы Минина взорваны вместе с храмом в нижегородском кремле, а на том месте сооружено здание обкома партии. Мрамор надгробия с места захоронения другого народного героя, князя Дмитрия Пожарского в Спасо-Ефимиевом монастыре в Суздале пошел на фонтан одной из дач <...> В 1936 г. была разобрана Триумфальная арка на площади Тверской заставы в Москве, сооруженная в честь победы в Отечественной войне 1812 г. 25 апреля 1932 г. в Наркомпросе постановили передать “Металлому” памятник Раевского на Бородинском поле ввиду того, что он “не имеет историко-художественного значения”. С такими же формулировками были взорваны Храм Христа Спасителя, 12 из 14 памятников, установленных на местах боев 1812 г., разрушены тысячи других исторических памятников»¹.

Пафос отрицания культурного прошлого России был присущ и части советских творческих работников – сторонников создания «новой пролетарской культуры», чуждой классическим традициям. Так, в резолюции Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей, проходившей в январе 1925 г., «контрреволюционным» объявлялось не только все прошлое русской литературы, но и лояльное к Советской власти течение писателей-«попутчиков», поклонявшееся «гранитному монументу буржуазно-дворянской литературы» и проникнутое «духом национализма, великодержавности, мистицизма»². В выступлении молодого писателя В. В. Вишневского на одной из армейских партконференций в июле 1921 г. провозглашалось, что «старая культура была фактически пропитана буржуазным духом». Соответственно, большинству наиболее известных русских литераторов и деятелей искусства были присвоены классовые «ярлыки», которые обозначали «непригодность» их творчества

¹ Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998. С. 110–111.

² Там же. С. 142–143.

для будущей социалистической культуры: А. С. Пушкин был назван дворянином, придворным камер-юнкером, не признававшим никаких революций и, следовательно, являвшимся «контрреволюционером», М. Ю. Лермонтов – аристократом, Н. А. Некрасов – помещиком, Л. Н. Толстой – графом и писателем, в произведениях которого народ был лишь фоном для основного действия, которое разыгрывалось в аристократической среде. А. П. Чехов был объявлен мещанином и представителем «упаднического» направления в литературе, А. В. Кольцов – типичным представителем кулачества, М. И. Глинка – помещиком, Н. А. Римский-Корсаков – придворным капельмейстером, автором лженародных опер, не понятных крестьянину. Творчество П. И. Чайковского рассматривалось В. В. Вишневским как образец упадничества и пессимизма, чуждого рабочему классу¹. В статье о Л. Н. Толстом, опубликованной в Малой советской энциклопедии в 1930 г., утверждалось, что роман писателя «Война и мир» является не более чем попыткой «реабилитировать дворянство»; в публикациях 1920-х гг. П. И. Чайковский объявлялся «квасным патриотом», а А. М. Горький – «псаломщиком русской культуры»². Литературовед В. Б. Шкловский, затрагивая на страницах журнала «Искусство кино» вопрос о постановке классических произведений русской литературы, заявлял, что «Капитанская дочка», «Герой нашего времени», «Бесы» являются «запасом неправильных фактов». Поэтому «с Толстым, Пушкиным, Лермонтовым и Достоевским нужно бороться по линии изменения сведений, которые они сообщают»³. Нигилистическое отношение к культурному наследию было характерно и для раннего В. В. Маяковского. Так, в своем стихотворении «Радоваться рано» (1918) поэт призывал к тотальному разрушению старой культуры: «Выстроили пушки на опушке, // Глухи к белогвардейской ласке. // А почему не атакован Пушкин? // А прочие генералы классики?»⁴ Впоследствии Маяковский изменил свое отношение ко многим писателям-классикам, в том числе и к А. С. Пушкину (в 1924 г. поэтом будет написано знаменитое стихотворение «Юбилейное», посвященное 125-летию со дня рождения Пушкина, которое отмечалось в стране)⁵. К новому «пониманию» дореволюционной литературы призывал и нарком просвещения А. В. Луначарский. В 1924 г. он утверждал, что Пушкин, Гоголь,

¹ Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. С. 140–141.

² Там же. С. 141; Нусинов И. Толстой Л. Н. // МСЭ. М., 1931. Т. 8. Стб. 845.

³ Шкловский В. Как ставить классиков. Советский экран. 1927. 16 августа. С. 10.

⁴ Маяковский В. В. Собр. соч. Т. 1. С. 178.

⁵ Там же. Т. 3. С. 38–46, 382.

Достоевский, Толстой если и были великими писателями, то «вопреки этой проклятой старой России, и все, что в них есть пошлого, ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она»¹.

Ярлык «националиста» был приклеен автору «Конька-горбунка» П. П. Ершову. В отзыве, написанном редактором Главлита Львом Жмудским в начале декабря 1922 г. на замечательную стихотворную сказку, отмечалось: «Фабула – православный (это всюду автором выделяется) Иван-дурак наперекор своим умным собратьям становится царем – как нельзя лучше сатиры на дореволюционную Россию – но беды в том, что услужливый автор как истый националист ненавидит басурман и мечтает о “святом кресте” даже на луне (конечно, в образе сказочных достижений), глубоко верует в звезду Ивана-дурака. Не в пример сказкам Пушкина сказка Ершова лишь лубочная карикатура на них – по части воспитательной для детей в ней все от реакционного и антипедагогического – здесь все лучшее по царю мерится (стр. 10–1-я половина) и по боярам. Конечно ничего не делается, чтобы не перекреститься (стр. 10-я, II половина). Ну а истинно русскому обязательно противопоставляется, “не пойдет ли царь Салтан басурманить христиан” (там же) <...> На стр. 16 восхваляется “царь надежа”, которого, конечно, народ встречает восторженным “ура” <...> На основании всего приведенного считаю “Конек-горбунок” к выпуску в свет весьма нежелательным, если ни недопустимым»². Академическое издание «Конька-горбунка» будет осуществлено лишь в 1934 г.³

Органами цензуры запрещались и некоторые спектакли, поставленные по произведениям русской классической литературы. Их идейное и эстетическое содержание, «не соответствовавшее» новым культурно-политическим установкам, зачастую и определяло решение цензурных чиновников. Не удивительно, что творчество выдающегося поэта, прозаика и драматурга, певца русской «былинной старины» графа А. К. Толстого едва ли могло быть приемлемым для людей, стремящихся навсегда с этой «старинной» покончить. В мае 1924 г. циркуляром Главлита была запрещена постановка оперы «Князь Серебряный» по одноименному роману писателя. Свое решение цензоры мотивировали тем, что содержание оперы «является яркой агитацией в духе православия, самодержавия и народности».

¹ Цит. по: *Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.* Русский народ в национальной политике. XX век. С. 141.

² Цит. по: *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009. С. 87.

³ *Ершов П.* Конек-горбунок (Общая и художественная редакция А. Н. Тихонова. Подготовка текста, предисловие и примечания М. К. Азодовского). М., 1934.

По мнению Главлита, образы царя Ивана Грозного, князей и бояр авторами либретто идеализировались, а «народ» был представлен безропотной массой, послушной воле благодетеля-монарха¹. Драма «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого была охарактеризована Главреперткомом как сочинение «с оттенком либерального монархизма» и не рекомендовалась к постановке в деревне (как и другая пьеса писателя из его знаменитой «драматической трилогии» – «Смерть Иоанна Грозного»). «Царя Федора» в виде исключения было позволено ставить раз в месяц в одном из театров Москвы².

Национальная патриотическая идея, противоположная по своей сути идее всемирного «наднационального» братства трудящихся, рассматривалась ревнителями «мировой революции» как контрреволюционная и едва ли не как главная идеологическая угроза осуществлению глобального коммунистического проекта. В своей статье о патриотизме, опубликованной в «Энциклопедии государства и права» (1927), один из ведущих разработчиков советского законодательства, председатель Верховного суда РСФСР П. И. Стучка подчеркивал: «В наше время П (патриотизм. – А. К.) играет роль наиболее реакционной идеологии, которая призвана обосновывать империалистическое хищничество и заглушать классовое сознание пролетариата, ставя непереходимые границы его освободительной борьбе»³.

В своем выступлении на I Всесоюзном учительском съезде в январе 1925 г. А. В. Луначарский утверждал, что «идея патриотизма – идея насквозь лживая». По его мнению, в патриотической пропаганде были заинтересованы только представители низвергнутых имущих классов, для которых «задача патриотизма заключалась в том, чтобы внушить крестьянскому парнишке или молодому рабочему любовь к “родине”, заставить любить своих хищников»⁴. Обращаясь к учителям, нарком просвещения задавался вопросом: «Что такое

¹ Зеленов М. В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000. С. 354.

² Там же. Примечательно, что у советских лидеров было иное отношение к творчеству писателя. Так, А. В. Луначарский в статье «О будущем Малого театра» (1924), говоря о воспитательном и культурном значении отечественного театра, назвал в числе «перлов русской драматургии»: и пьесы А. К. Толстого (*Луначарский А. В. О театре и драматургии: В 2 т. М., 1958. С. 334*). Часто цитировал писателя (в том числе и как одного из создателей Козьмы Прутков) в своих статьях и выступлениях В. И. Ленин (См.: *Жуков Д. А. Алексей Константинович Толстой. М., 1982. С. 378*).

³ Цит. по: *Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2009. С. 26*.

⁴ *Луначарский А. В. Задачи просвещения в системе советского строительства: Доклад на I Всесоюзном учительском съезде. М., 1925. С. 93–94*.

в самом деле родина при капиталистическом строе, что такое каждая отдельная страна, держава?» И отвечал на него, убеждая делегатов съезда в условности существования национальных государств и национального гражданства: «Очень редко вы найдете такую страну, в которой случайно граница ее совпадает с границами расселения данного народа. В огромном большинстве случаев вы имеете державы, подданные которых в демократической стране прикрыты лживым термином “граждане” – люди различных национальностей»¹. Поскольку такое «гражданство» и такой буржуазный «патриотизм», по мнению Луначарского, стремительно «разлагаются» под воздействием мировых революционных процессов, докладчик призвал советское учительство воспитывать детей в сугубо интернациональном, «общечеловеческом» духе: «Воспитывать нужно человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо, для которого каждый человек, к какой бы нации он ни принадлежал, есть брат, который абсолютно одинаково любит каждую сажень нашего общего земного шара и который, когда у него есть пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе, понимает, что это – иррациональное пристрастие»². По сути, в этих словах звучал призыв к индифферентному и даже космополитическому отношению к родной земле и культуре своего народа. Своему негативному восприятию патриотической идеи А. В. Луначарский оставался верен и в последующие годы. Так, в лекции, прочитанной им перед ленинградской аудиторией 23 мая 1928 г., нарком прямо заявлял: «Мы не нуждаемся ни в каком патриотизме». Только всемирное государство трудящихся сможет обеспечить достойную жизнь многонациональному пролетариату, поскольку он, по мнению Луначарского, «не чувствует себя гражданином определенной страны <...> является интернационалистом»³.

Еще более непримиримую позицию по отношению к идее патриотизма занимал заместитель Луначарского по Наркомпросу – известный историк-марксист М. Н. Покровский, возглавлявший в 1920-е – начале 1930-х гг. советскую историческую науку. По его мнению, патриотическим чувствам подвержены главным образом мещане и представители мелкой буржуазии; капиталистам и тем более интернациональным пролетарским массам патриотизм чужд. Если первые рассматривали территорию своей экономической деятельности лишь как место для извлечения прибыли, то вторые, подвергавшиеся эксплуатации и насилию, относились к своему государству как

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 6–7.

³ Цит. по: *Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.* Русский народ в национальной политике. XX век. С. 113.

к «отечеству-тюрьме». Как отмечал Покровский в статье, посвященной десятилетию Октября, в Советском Союзе «болезнью» патриотизма «вместо миллионов, как это было в Западной Европе, вместо сотен тысяч, как это было у нас в начале 1917 года, хворают только единицы»¹. Само название «Россия», по мнению историка, нужно писать в кавычках, поскольку «“Российская империя” вовсе не была национальным русским государством. Это было собрание нескольких десятков народов <...> объединенных только общей эксплуатацией со стороны помещицкой верхушки, и объединенных притом при помощи грубейшего насилия»².

В соответствии с такой интерпретацией понятий «Россия», «отечество», «патриотизм» необходимо было предложить советскому обществу новую, основанную на «классовой теории» трактовку событий дореволюционного прошлого, диаметрально противоположную прежнему официальному истолкованию русской истории. При этом само понятие «русская история» подлежало осуждению как «контрреволюционное» и исключению из научного лексикона. В своем выступлении на конференции историков-марксистов (1930) М. Н. Покровский подчеркивал: «Мы поняли, – чуть-чуть поздно – что термин “русская история” есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и “единой и неделимой”»³. Историческая роль русского народа на протяжении столетий сводилась к «угнетению» «порабощенных» им национальностей и слепому следованию «шовинистической» политике правящей власти. На той же конференции Покровский без обиняков заявлял: «В прошлом мы русские были величайшие из грабителей, каких можно себе представить»⁴. Такая интерпретация российской истории получила свое законченное выражение еще за десятилетие до этого выступления Покровского – в его известной работе «Русская история в самом сжатом очерке» (М., 1920–1923). Изданная при непосредственной поддержке В. И. Ленина книга должна была стать не только обобщающим «марксистским» исследованием по русской истории, но и идеологическим пособием для широких масс населения. Книга выдержала 10 изданий при жизни М. Н. Покровского (умер в 1932 г.) и переиздавалась в послесталинские советские десятилетия.

Рассматривая события российской истории сквозь призму вульгарного социологизма и до крайности упрощенного «классового

¹ Покровский М. Н. Избранные произведения: В 4 кн. М., 1967. Кн. 4. С. 102.

² Там же. С. 129–130.

³ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. С. 495.

⁴ Там же. С. 494.

подхода», М. Н. Покровский стремился представить читателю тысячелетнее прошлое русского народа в негативных тонах (определенное исключение было сделано лишь для представителей освободительного и революционного движения). Так, полемизируя с дореволюционными историками – противниками так называемой норманской теории, он подчеркивал, что эти ученые оспаривали главенствующую роль иноземцев-варягов в образовании Древнерусского государства «из соображений патриотических, т. е. националистических: им казалось обидно для народного самолюбия русских славян, что их первыми государями были иноземцы»¹. Ставленник шляхетской Польши, авантюрист Лжедмитрий I назывался в книге Покровского «царем, который шел против интересов богатых помещиков и капиталистов»². Зато организаторы борьбы против польских интервентов, национальные герои Козьма Минин и Дмитрий Пожарский объявлялись предводителями «купеческо-помещичьего ополчения». По мнению историка, «защита родины и защита своей мощны у этих людей, как у буржуазии всех времен, сливались, таким образом, в одно <...> Такой патриотизм не только не мешал зоркому ограждению своих интересов, но, напротив, помогал ему»³. Из книги Покровского советский читатель мог, например, узнать, что Петр I скончался «от последствий сифилиса, заразив предварительно и свою вторую жену»⁴, приводились и другие «доказательства», свидетельствующие о ничтожестве и политической несостоятельности императоров романовской династии. Войны, которые на протяжении столетий вела Россия, объявлялись захватническими, а ее внешняя политика – агрессивной. При этом враждебная России сторона зачастую оправдывалась (так, нападение без объявления войны японцев в феврале 1904 г. на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, расценивалось Покровским как «поступок, допущавшийся международным правом»⁵).

В книге фактически ничего не говорилось о развитии культуры русского народа и других народов страны. Впрочем, художественной и исторической литературе, как неотъемлемой составляющей русской культурной жизни последних двух столетий, ведущий советский историк-марксист уделил внимание в других публикациях. Русская литературная классика и историческая наука (прежде всего сторонники «государственной школы» С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин

¹ Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 3. С. 28.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ Там же. С. 339.

и В. О. Ключевский) были представлены как выражение буржуазной «великодержавности» и национализма. В своем предисловии к сборнику «Русская историческая литература в классовом освещении» (1927) М. Н. Покровский утверждал, что «русская литература (имеется в виду историческая. – А. К.), как и вся русская классическая литература, насквозь великодержавна. И великодержавие ее чрезвычайно характерно для националистической политики»¹. Все это, по мнению ученого, было обусловлено тем, что «русский промышленный капитализм складывался около Москвы – великорусского центра, и московский отпечаток чрезвычайно резко лежит на всей его политике. Отсюда прежде всего великодержавность этой литературы»². Как можно понять из этих строк, Покровский определял все многообразие русской национальной культуры и отечественной исторической науки особенностями развития торгово-промышленного капитализма в России XVII–XIX вв.

Возвращаясь к главному популярному сочинению ученого – «Русская история в самом сжатом очерке», стоит отметить, что оно не было учебником и не предназначалось для преподавания в школах и университетах (хотя и являлось своеобразным идеологическим «ответом» на учебники Д. И. Иловайского – наиболее популярные пособия по отечественной истории в дореволюционных гимназиях), а скорее представляло собой пропагандистский документ. Более того, во многом благодаря усилиям М. Н. Покровского и его сторонников в 1922–1923 гг. преподавание курса истории в государственной общеобразовательной школе было прекращено³.

Пример борьбы с «великорусским шовинизмом» и ревизии дореволюционного прошлого, поданный московскими историками-марксистами, оказался заразительным и для их коллег в национальных республиках. В обстоятельном исследовании российского историка А. Л. Юрганова, посвященном генезису понятия «русское национальное государство» в советской историографии 1920–1950-х гг., приводится примечательный документ. 6–7 ноября 1930 г. фракция Всеукраинского пленума Совета украинского Общества историков-марксистов приняла резолюцию, в которой содержалась резкая критика московского Общества историков, возглавляемого М. Н. Покровским. Наряду с «напоминанием» о том, что сочинения дореволюционных русских историков-классиков (Н. М. Карамзин,

¹ Цит. по: Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 33–34.

² Там же. С. 34.

³ См.: Фохт А. В. Ошибки М. Н. Покровского в вопросах преподавания истории // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. М.; Л., 1940. Ч. 2. С. 487.

С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов) были «насыщены великодержавной идеологией “единой неделимой России”», в документе подчеркивалось, что унаследованные от прошлого идеи великодержавия по отношению к украинской истории «нашли свое отражение <...> также в работах отдельных историков-марксистов». Не называя имен и работ этих «отдельных историков», авторы резолюции с возмущением констатировали, что «русская марксистская историография еще до сих пор не дала развернутой критики буржуазных великодержавных схем в отношении к истории Украины и тем самым не дала ответа на целый ряд важнейших вопросов взаимоотношений истории России и Украины». В заключение украинские историки конкретизировали свои требования к московским коллегам: «Фракция считает необходимым, чтобы руководящие представители русской марксистской историографии изложили свое понимание вопроса о самостоятельности истории Украины на всем протяжении исторического развития украинского народа»¹. На очередном заседании московского Общества историков Покровский, слегка покритиковав своих украинских коллег за то, что они сами «не переварили многих не националистических, а великодержавных установок», в целом согласился с положением резолюции, в котором говорилось об отсутствии у русских историков-марксистов развернутой критики «националистически-великодержавных теорий», однако подчеркнул, что подобная критика должна проводиться в жестких рамках «классового подхода»².

Ученики «школы Покровского» также внесли посильную лепту в развенчание дореволюционного прошлого России и героических страниц ее военной истории. М. В. Нечкина в своей статье, посвященной Отечественной войне 1812 г., утверждала, что нашествия Наполеона на Россию не было, а сама война с Францией была «затеяна русскими помещиками». Представляя французскую армию как прогрессивную политическую силу, Нечкина с сожалением отмечала, что «случайное» поражение французов в России было обусловлено тем, что «грандиозность задуманного Наполеоном плана превосходила возможности того времени». Всеобщий патриотический подъем в русском обществе отрицался. Партизанская борьба с захватчиками сводилась лишь к тому, что «вооруженные чем попало крестьяне» защищали от французских солдат свое имущество. Сам термин «Отечественная война», по мнению Нечкиной, нельзя считать правильным, поскольку он являлся официальным «русским националистическим названием войны, произошедшей в 1812 г.». Победа рус-

¹ Юрганов А. Л. Русское национальное государство. С. 34–35.

² Там же. С. 40, 43.

ского оружия над Наполеоном имела сугубо отрицательное значение, поскольку «явилась началом жесточайшей европейской реакции»¹. Статья, опубликованная в Малой советской энциклопедии (издание 1928–1931 гг.), наглядно отражала господствующую в исторической и популярной литературе тенденцию к принижению и выставлению в сугубо негативном свете всего, что до недавнего времени являлось символами национальной гордости русского народа. В том же идеологическом ключе были написаны и другие статьи энциклопедии, посвященные деятелям русской истории².

В развенчании всего относившегося к «проклятому прошлому» царской России от исторической «школы Покровского» не отставало и советское литературоведение. Так, во вступительных статьях В. М. Саянова и В. Н. Орлова к изданию собрания стихотворений героя войны 1812 г. поэта-партизана Д. В. Давыдова (1933) он был представлен как заурядный карьерист, крепостник и алкоголик³. В примечаниях к этому изданию, в частности, указывалось, что А. В. Суворов был «полководец, особенно прославившийся разгромом восставшей Польши (1794 г.) и победами над революционной французской армией (1799 г.)»⁴. Других сведений о знаменитом русском военачальнике не приводилось. О самих событиях 1812 г., прославивших имя Давыдова, говорилось следующее: «Легенда об отечественной войне, как войне национально-освободительной, давно уже разоблачена марксистско-ленинской исторической наукой. Давно потускнел романтический ореол, прикрывающий “полководцев”, занесенных в “анналы” русских военных “побед” 1812 г.»⁵.

Советская печать тех лет пестрела откровенно русофобскими высказываниями, стремящимися перечеркнуть все культурные и военные достижения русского народа на протяжении его истории. В частности, отмечалось, что «Россия всегда была страной классического идиотизма» (такую характеристику ей дал Г. Зелинский). Говоря о присоединении к Российской империи Средней Азии, Г. Сафаров подчеркивал, что это осуществлялось с «истинно русской подлостью». Севастополь назывался одним из публицистов «рус-

¹ Нечкина М. Отечественная война // МСЭ. М., 1931. Т. 6. Стб. 186–187.

² См., например, статьи об Александре Невском (МСЭ. Т. 1. Стб. 216), Козьме Минине (Т. 5. Стб. 229), князе Дмитрие Пожарском (Т. 6. Стб. 651), Петре I (Т. 6. Стб. 447).

³ Саянов В. Денис Давыдов // Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. М., 1933. С. 9–10, 13; Орлов В. Краткая биография Дениса Васильевича Давыдова // Там же. С. 56.

⁴ Орлов В. Автобиография Дениса Давыдова // Там же. С. 224.

⁵ Там же. С. 11.

ским разбойничьим гнездом на Черном море»¹. Навсегда ушедшую в прошлое тысячелетнюю Русь «хоронил» на страницах «Правды» поэт В. Александровский: «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? // Что же! Вечная память тебе. // Не жила ты, а только охала // В полутемной и тесной избе»². Соответственно, с гибелью старой России подлежали разрушению и памятники ее историческим героям, образы которых были чужды новым советским поколениям – строителям коммунистического будущего. Поэт Джек Алтаузен обращался к ним с призывом: «Я предлагаю // Минина расплавить, // Пожарского. // Зачем им пьедестал? Довольно нам // Двух лавочников славить – // Их за прилавками // Октябрь застал. // Случайно им // Мы не свернули шею. // Я знаю, это было бы под стать. // Подумаешь, // Они спасли Россию! А может, лучше было б не спасать?»³ К полному разрыву с национальным культурным наследием и осуждению «буржуазного искусства» прошлого призывали в своих манифестах и сочинениях представители возникших в середине 1920-х гг. художественных группировок – «ЛЕФа» («Левый фронт искусств») и РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей, 1925–1932.).

Вместе с этим беспощадная идеологическая борьба велась не только с «чуждой» пролетарским массам русской «великодержавной» культурой прошлого, но и с проявлениями «национал-шовинизма» в условиях новой действительности. В роли их главного обличителя выступил член Политбюро ЦК РКП(б), главный редактор газеты «Правда» Н. И. Бухарин. В своих «Злых заметках», опубликованных на страницах главного партийного органа в январе 1927 г., Бухарин подверг резкой критике «патриархальные» мотивы, содержащиеся в творчестве крестьянских поэтов П. Д. Дружинина и С. А. Есенина. Избрание в качестве главных объектов для пропагандистской атаки представителей крестьянской культуры (в большинстве своем лояльно относившихся к Советской власти) не было случайным. Во-первых, русское крестьянство, по мнению Бухарина и других большевистских идеологов, еще не изжило своей «мелкобуржуазной» и «патриархальной» психологии, в корне противоположной задачам «перестраивающего мир» пролетариата. Во-вторых, «доказательством» враждебного отношения к существующему строю среди литераторов – выходцев из крестьянской среды могли стать определенные высказывания и публикации Есенина с критическим подтекстом по политическому и национальному вопросам, а также раскрытие орга-

¹ Цит. по: *Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.* Русский народ в национальной политике: XX век. С. 111. См. также: *Каграманов Ю.* Империя и ойкумена. Новый мир. 1995. № 1. С. 156.

² *Александровский В.* Русь и СССР. Правда. 1925. 13 августа.

³ *Алтаузен Д.* Вступление к поэме. 30 дней. 1930. № 8. С. 66.

нами ОГПУ в 1924 г. так называемого ордена русских фашистов (его лидер – поэт А. А. Ганин и шесть членов организации – литераторов крестьянского происхождения были расстреляны в марте 1925 г.⁴). Свое отношение к русскому крестьянству Н. И. Бухарин отчетливо выразил еще в мае 1924 г. в выступлении на совещании в ЦК РКП(б), посвященном вопросам партийной политики в области литературы: «Мы должны вести такую политику, чтобы, постепенно, с такой постепенностью, с какой мы ведем крестьянство, учитывая весь его вес и его особенности, вести его по линии раскрестьянивания, точно так же и в области художественной литературы, как и во всех других идеологических областях»⁵.

В случае с С. А. Есениным и П. Д. Дружининым Бухарин стремился представить их творчество как наиболее показательный пример «упадничества», «шовинизма» и пережитков «патриархальной» психологии, якобы свойственных большинству крестьянских писателей-«попутчиков». В качестве «отправной точки» для последующей идеологической атаки Бухарин выбрал политически нейтральное стихотворение Дружинина «Российское», опубликованное в журнале «Красная новь». В своем сочинении поэт воспевал родную землю, народные обычаи, сохранившиеся, по его мнению, и в новых советских условиях: «О, Русь чудесная! Жива ты, // Как живы русские блины. // Твои соломенные хаты // Овсяной тайною полны!.. // Своя земля, как кладень древний, // Над ней ночует свет и мрак. // И в каждой хате есть царевна, // И в каждой улице дурак... // На них цветные сарафаны // И заливчатские штаны... // На кой же черт иные страны, // Кромя советской стороны!» Отметив с иронией, что никому, конечно, невозбранно и в стихах возвеличивать в патриотическом азарте «русские блины», согласившись с автором «насчет изобилия дураков» в русской деревне, «но отнюдь не насчет царевен, которые в свое время были немного перестреляны», Бухарин подверг резкой критике последние строки стихотворения: «Это уж не только “национальная ограниченность”. Это просто-напросто шовинистическое *свинство*»⁶. В «старое, доброе время» выдающуюся роль в деле кристаллизации российской националистической идеологии играл, как известно, *квас*. Отсюда – «квасной патриотизм», выражение, которое считалось бранным в устах всякого мало-мальски прогрессивного человека. Предпочтение, которое Дружинин отдавал России

⁴ См.: Ганин А. Мир и свободный труд – народам: Тезисы // Наш современник. 1992. № 1. С. 168–171; Куняев С. Растерзанные тени. Там же. С. 166–168.

⁵ К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М., 1924. С. 36.

⁶ Здесь и далее в цитатах Н. И. Бухарина курсив оригинала.

«блинов, штанов, царевен и дураков», отвергая тем самым прогрессивную идею мировой революции, Бухарин заклеил как «идеологию юродствующих»: «Это юродство входит как составная часть в совокупную идеологию новейшего национализма “à la moujik russe”»: “мы-ста по мужицки, по-дурацки” и т. д., и т. п. Эта “древняя” юродствующая идеология для конспирации напяливает на себя “советский кафтан”»¹. Свое окончательное выражение «патриархально-националистическая» идеология писателей-«попутчиков», по мнению главного редактора «Правды», находит в творчестве С. А. Есенина: «*Есенинщина* – это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня <...> Это отвратительная напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из “кобелей”, икон, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господа бога, некрофилии <...> религии и хулиганства, “любви” к животным и варварского отношения к человеку <...> все это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма – вот что такое есенинщина». Цинично намекая на трагическую смерть поэта, Бухарин замечает, что герой Есенина «даже может повеситься на чердаке от внутренней душевной пустоты. “Милая”, “знакомая”, “истинно русская” картина!». С неудовольствием отмечая популярность творчества Есенина среди молодежи и даже в комсомольской среде, партийный публицист выносит свой «приговор» поэту и этому направлению: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого “национального характера” <...> По есенинщине нужно дать *хорошенький залп*»². Таким образом, творчество С. А. Есенина и близких ему по духу крестьянских литераторов являлось, по мнению Н. И. Бухарина, ярким выражением идей «квазинародного национализма», с которыми следовало вести самую беспощадную борьбу.

Справедливости ради следует отметить, что несмотря на бухаринские призывы покончить с «есенинщиной», посмертные собрания сочинений поэта дважды издавались во второй половине 1920-х гг. В дальнейшем, уже в период абсолютного господства сталинской идеологической политики в пропаганде и культурной сфере, произведения С. А. Есенина также неоднократно переиздавались (в 1940, 1946, 1952 и 1953 г.), но уже малыми тиражами. Примечательным является и тот факт, что на смерть Есенина откликнулся сочувственным некрологом Л. Д. Троцкий, к которому у поэта вначале

¹ Бухарин Н. И. Революция и культура: Статьи и выступления. 1923–1936 гг. М., 1993. С. 104–105.

² Там же. С. 106–107.

было сугубо негативное отношение¹, сменившееся впоследствии на благожелательное, едва ли не восторженное. Более того, Есенин воспринимал Троцкого как русского националиста. Характерное свидетельство содержится в дневнике друга Есенина, поэта и литературного критика И. А. Оксенова. Описывая встречу Есенина с Троцким в Кремле (в августе 1923 г.), он отмечает: «Троцкого <...> Сергей любит, потому что Троцкий “националист”, и когда Троцкий сказал Есенину: “Жалкий вы человек, националист”, – Есенин якобы ответил ему: “И вы такой же!”»² В письме к Айседоре Дункан от 20 августа 1923 г. Есенин писал: «Был у Троцкого. Он отнесся ко мне изумительно. Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство»³. У Троцкого в свою очередь был определенный политический интерес к имени одного из наиболее ярких крестьянских поэтов-«попутчиков». Этим, очевидно, и объясняются сочувственные слова заметки Троцкого на страницах бухаринской «Правды» в январе 1926 г., посвященной памяти Есенина: «В нашем сознании скорбь острая и совсем еще свежая умеряется мыслью, что этот прекрасный и неподдельный поэт по-своему отразил эпоху и обогатил ее песнями, по-новому сказав о любви, о синем небе, упавшем в реку, о месяце, который ягненком пасется в небесах, и цветке неповторимом – о себе самом. Пусть же в чествовании памяти поэта не будет ничего упадочного и расслабляющего... Умер поэт. Да здравствует поэзия! Сорвалось в обрыв незащищенное человеческое дитя! Да здравствует творческая жизнь, в которую до последней минуты вплетал драгоценные нити поэзии Сергей Есенин...»⁴ Такое отношение влиятельного партийного функционера к знаменитому русскому поэту прежде всего было продиктовано политическим расчетом. Не имевший надежной опоры в широких партийных кругах (преимущественно русских по своему национальному составу) убежденный интернационалист Л. Д. Троцкий стремился заручиться поддержкой со стороны патриотически ориентированной и просоветски настроенной мелкой буржуазии и представителей интеллигенции (писателей-«попутчиков», сменовеховцев и др.). По справедливому замечанию М. С. Агурского, Троцкий и некоторые другие большевистские лидеры, «которые пришли в партию лишь накануне революции и, не будучи укоренены в партии, вынуждены были искать опоры вне ее.

¹ См.: *Гусляров Е. Н., Карпухин О. И.* Есенин в жизни: Систематизированный свод воспоминаний современников. М., 2000. Т. 1. С. 328.

² Там же. Т. 2. С. 13.

³ Там же. С. 12.

⁴ Правда. 1926. 19 января.

Это заставило их поглядывать и на русский национализм»¹. Поэтому нетрудно понять, почему имена Есенина и другие русских писателей и общественных деятелей, их творчество стали «разменной картой» в политической игре партийных лидеров.

Начало антиесенинской кампании тот же Агурский связывает с выводом «покровителя» поэта – Л. Д. Троцкого из Политбюро в октябре 1926 г. (не случайно, что бухаринская статья появилась спустя три месяца после его изгнания с партийного «Олимпа»). Однако идеологическая атака на «есенинщину» не только была очередной «дискредитацией» Троцкого, но и заключала в себе более глубокий политический смысл. Представляет интерес объяснение Агурским отношения Сталина к антиесенинской кампании. Как и в случае со сменовеховством (которое поддержал Троцкий), Сталин полагал, что наследие Есенина едва ли могло быть идеологически пригодным для пропаганды нового политического курса: «Сталин не был заинтересован в его защите. Во-первых, его не привлекало то, что Есенин защищал Троцкий, главное, его не привлекали никакие формы левого национал-большевизма. В этом он был весьма последователен. Он готов был поддержать Толстого, Булгакова, но отнюдь не Есенина <...> Левое народничество, скифство уходило в прошлое»². Более поздняя поддержка Сталиным А. Н. Толстого, М. А. Булгакова, М. А. Шолохова (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) свидетельствовала уже о начале выстраивания совершенно иной «государственной» и идеологической официальной линии, в которую вписывались и должны были служить пропагандистской «поддержкой» конкретные произведения этих писателей («Дни Турбиных», «Тихий Дон», «Петр Первый», «Хождение по мукам» и др.). Творчество же литераторов «патриархально-народнического» направления продолжало подвергаться обструкции и в последующие годы.

Разгромная критика крестьянских писателей-«попутчиков» продолжалась и в начале 1930-х гг., когда, несмотря на уже обозначившуюся тенденцию к «патриотическому повороту» в официальной пропаганде и пересмотру сугубо негативного отношения к прошлому России, инерция национального нигилизма еще давала о себе знать. Так, в сборнике статей литературоведа Осипа Бескина с характерным названием «Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика», изданном в 1930 г., его автор выявляет руди-

¹ Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 201.

² Там же. С. 227–228. Под «скифством» М. С. Агурский имеет в виду литературное направление 1917–1918 гг. национал-большевистской и лево-народнической идейной ориентации, сформировавшееся после выхода сборника «Скифы». Вокруг него группировались поэты и писатели А. А. Блок, С. А. Есенин, Н. А. Клюев, Е. И. Замятин и др.

менты националистического «росеянства» и «славянофильства» в творчестве друзей и последователей Есенина – поэтов Н. А. Клюева, П. В. Орешина и С. А. Клычкова. Фактически воспроизводя известные пассажи из бухаринской статьи, Бескин с негодованием отмечает: «Она еще доживает свой век – старая, кондовая Русь с ларцами, сундуками, иконами, лампадным маслом, с ватрушками, шаньгами по “престольным” праздникам, с обязательными тараканами, с запечным медлительным, распаренным развратом, с изуверской верой, прежде всего апеллирующей к богу на предмет изничтожения большевиков, с махровым антисемитизмом, с акафистом, поминками и всем прочим антуражем. Еще живет “росеянство”, своеобразно дожившее до нашего времени славянофильство, даже этакое боевое противозападничество с верой по-прежнему, по-старинке, в “особый” путь развития, в народ-“богоносец”, с погружением в “философические” глубины мистического “народного духа” и красоты “национального” фольклора. В современной поэзии наиболее сильными представителями такого “росеянства” являются: Клычков, Клюев и Орешин (Есенин – в прошлом)». Особое возмущение у литературоведа вызвало то, что Клычков назвал интернациональный СССР «Советской Русью» и даже призывал к сохранению русской национальной культуры после победы мировой революции. Вот как об этом писал сам поэт: «Завтра произойдет мировая революция, капиталистический мир и национальные перегородки рухнут, но <...> русское искусство останется, ибо не может исчезнуть то, чем мы по справедливости перед миром гордились и будем, любя революции <...> гордиться!» Бескин осудил такую «великодержавную» позицию: «Конечно, великодержавнику Клычкову никогда не понять, не дойти до того, что Октябрьская революция – не русская революция. Ему ведь полагается забыть о ста с лишним народах, населяющих бывшую Российскую империю»¹. Не случайно, что сборник статей О. Бескина вышел в «год великого перелома», связанного с форсированной политикой всеобщей коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Сборник был переиздан в 1931 г. В марте того же года поэт А. И. Безыменский в своем выступлении на VI съезде Советов СССР также подверг резкой критике последователей Есенина – крестьянских писателей, как проводников кулацкой и националистической идеологии: «В настоящее время традицию воспевания всего того отвратительного, что создавало нищету и забитость крестьянства, продолжают кулацкие поэты типа Клюева и Клычкова». Безыменский призвал объявить «жесточайшую войну кулацким идеологам “Рассеюшки-Руси”». Для ее успешного завершения, по мнению поэта, необходимо было

¹ Цит. по: *Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.* Русский народ в национальной политике: XX век. С. 129–130.

уничтожение «образа того врага, который заключает в себе понятие “Рассеюшка-Русь”»¹. Судьба поэтов – последователей Есенина сложилась трагически. В 1937 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности» будут расстреляны Н. А. Клюев, С. А. Клычков, П. Н. Васильев, в 1938 г. – П. В. Орешин. В том же году погибнет в заключении поэт Б. П. Корнилов. Творчество С. А. Есенина и ряда других писателей «есенинского направления» как значимый факт русской литературы «вернется» к советскому читателю лишь в 1960-е гг.²

Русская Православная церковь (РПЦ) как государственный и духовный институт царской империи изначально являлась для большевиков одним из главных политических противников, идеологической основой самодержавия и «великодержавной националистической политики» эксплуататорских классов. После прихода к власти коммунисты, следуя собственной установке на построение светского атеистического общества, начали планомерное наступление на религиозные институты, прежде всего, на Православную церковь. Декрет от 4 декабря 1917 г. провозгласил изъятие церковных и монастырских земель в пользу государства. В ведение последнего также передавались церковно-приходские школы (составлявшие около 35 % начальных школ), семинарии и духовные академии (постановление Наркомпроса от 11 декабря 1917 г.). Особое значение имела публикация декрета «О свободе совести» (31 декабря 1917 г.), в котором, помимо провозглашения отделения церкви от государства, содержалось положение о том, что церковные общества лишались права владения собственностью и утрачивали свой юридический статус. В своем окончательном варианте декрет был утвержден 23 января 1918 г., но уже под другим названием: «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Начавшиеся реквизиции церковного имущества, закрытие храмов, оскорбительная для верующих антирелигиозная пропаганда, преследование духовенства и многие другие меры, предпринятые большевиками, вызвали возмущение у прихожан и православного священства. Непримируемую позицию по отношению к новой власти занял Патриарх Тихон. В январе 1918 г. он направил советскому правительству послание, в котором предал большевистских руководителей анафеме, а их действия расценил как проявление «самого разнузданного своеволия и сплошного насилия над святой Церковью». В октябре 1918 г. в своем послании Совету Народных Комиссаров, написанном к первой годовщине Октябрьской революции, патриарх, обращаясь к коммунистическим вождям, обвинял их в отступничестве от декларируемых ими же лозунгов. Он заявлял:

¹ Там же. С. 130.

² См.: Русские писатели, XX век. Библиографический словарь: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1. С. 264, 628, 633, 665; Там же. Ч. 2. С. 145.

«Вы обещали свободу <...> Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы <...> и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их последнюю волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль – это священное достояние всего верующего народа». Особое неприятие у патриарха вызывала «антипатриотическая» политика большевиков, нашедшая свое выражение в лозунге «революционного пораженчества» (до 1918 г.), в заключении «позорного» Брестского мира, в провозглашении курса на мировую революцию и в «разжигании» гражданской междуусобицы: «Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставив защиту Родины, бежать с полей сражений <...> Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли их в небывалое по жестокости братоубийство... Не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции»¹.

Столь резкая оценка большевизма, содержащаяся в послании, была обусловлена радикальной антирелигиозной политикой новой власти, впервые за всю тысячелетнюю российскую историю начертавшей на своих знаменах призывы к воинствующему безбожию и отрицанию прошлого. Патриарх Тихон изобличал большевизм как силу антинациональную и чуждую русскому народу, его вере, культуре и традициям.

Вместе с тем необходимо учесть, что в условиях гражданско-го противостояния значительная часть православного духовенства предпочла позиции нейтралитета и примирения враждующих сторон прямую поддержку белого движения. Историк А. С. Барсенков приводит следующие данные: «Духовенство приняло активное участие в организации сопротивления большевизму. В белогвардейских ар-

¹ Родина. 1990. № 6. С. 72.

миях действовали кадры военного духовенства. В армии Деникина было около 1000 священников, у Врангеля – более 500, у Колчака – несколько тысяч. В Сибири под общим руководством омского епископа Сильвестра (Ольшанского) созданы “полки Иисуса”, “полки Богородицы”, возглавлявшиеся священниками. Подобные части действовали и на Юге¹. Все это не могло не способствовать дальнейшему расколу в российском обществе и эскалации Гражданской войны. Борьба в рядах белых армий, получавших финансовую и военную поддержку стран Запада, едва ли могла служить доказательством «патриотизма» священства, избравшего такой путь противостояния большевизму. Участие представителей духовенства в контрреволюционных заговорах и антисоветской агитации заставляло коммунистическое руководство и органы ВЧК усилить репрессивные меры в отношении Церкви. Однако зачастую преследованиям подвергались ни в чем не повинные лица духовного звания. Массовый характер носили убийства священников, реквизиция церковного имущества была возведена в ранг государственной политики. К 1922 г. было закрыто более двух третей из 1200 православных монастырей. В том же году под предлогом получения средств для помощи голодающим еще более широкий размах получила кампания по изъятию церковных ценностей. В мае 1922 г. Патриарх Тихон был заключен под арест. При поддержке советских властей широкое распространение получило движение «обновленцев», представленное священниками, выступавшими за радикальную реформу РПЦ, изменения в церковных обрядах и упразднение патриаршества. К 1923 г. «обновленцы» захватили многие православные приходы, 37 из 73 епархиальных архиереев подчинились обновленческому Высшему церковному управлению².

Стремясь избежать нового раскола Церкви и защитить ее от дальнейших гонений, Патриарх Тихон в июне 1923 г. обратился в Верховный Суд РСФСР с письмом, в котором признал ошибочность своей прежней позиции по отношению к Советской власти. После этого письма Патриарх был освобожден из-под стражи. В апреле 1925 г., незадолго до своей кончины, им было составлено послание, известное как «предсмертное завещание Тихона». Призывая верующих признать новую власть как единственно законную на территории России, Патриарх обратился к пастве со словами: «В годы великой гражданской разрухи по воле Божией, без которой в мире ничто не совершается, во главе Русского государства стала советская власть, принявшая на себя тяжелую обязанность – устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода. Вступая

¹ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2007. С. 116. См. также: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 655.

² Там же. С. 181.

в управление Русским государством, представители советской власти еще в январе 1918 г. издали декрет о полной свободе граждан веровать во что угодно и по этой вере жить <...> Мы в свое время в посланиях к архипастырям, к пастырям и пасомым всенародно признали новый порядок вещей и рабоче-крестьянскую власть народов, правительство коей искренне приветствовали.

Пора понять верующим христианскую точку зрения, что *судьбы народов от Господа устраняются*, и принять все происшедшее как выражение воли Божией <...> Призываем и церковноприходские общины, и особенно их исполнительные органы, не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что советская власть – действительно народная рабоче-крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая <...> Во избежание тяжелых кар мы призываем находящихся за границей архипастырей и пастырей прекратить свою политическую с врагами нашего народа деятельность и иметь мужество вернуться на Родину и сказать правду о себе и Церкви Божией...»

Обращенный к духовенству и православным мирянам призыв «подчиниться» новой власти завершал текст «Завещания»: «Призывая на архипастырей, пастырей и верных нам чад благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без боязни погрешить против святой веры подчиниться советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова апостола: *Всякого душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены* <...> Вместе с этим мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподавать детям нашим пасомым закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы»¹.

Обращение Патриарха, опубликованное на страницах «Известий» 15 апреля 1925 г., вызвало неоднозначную реакцию в обществе², но стало еще одним важным заявлением из противоположного большевикам лагеря, которое подтверждало «легитимность» новой власти и обозначало ее как реальную политическую силу, скрепляющую государственное единство России. Несмотря на это обращение главы РПЦ к советским властям, гонения на Церковь усилились. Всего за период 1918–1931 гг. на территории РСФСР

¹ Известия. 1925. 15 апреля.

² См.: *Цытин В. А.* История русской церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 123.

было закрыто 10 056 молитвенных зданий РПЦ¹. Своего пика антирелигиозная кампания достигла в мае–июне 1929 г., когда на местах началось массовое закрытие церквей. Эти действия получили свое идеологическое «обоснование» в решениях XIV Всероссийского съезда Советов (май 1929 г.) и II съезда Союза безбожников (июнь 1929 г.). По мнению наиболее ярких сторонников дальнейшего усиления антирелигиозной политики, борьба с церковью являлась «борьбой за социализм». Несмотря на содержащиеся в специальном июньском циркуляре ЦК ВКП(б) призывы «повести решительную борьбу с <...> извращениями в практике закрытия церквей и других молитвенных домов», должного воздействия они не возымели². В 1931–1933 гг. было закрыто еще 539 православных молитвенных зданий, продолжалось преследование духовенства³. Массовыми тиражами издавались в 1920-х – начале 1930-х гг. антирелигиозная литература и периодика (газета «Атеист», журнал «Безбожник» и др.), не столько пропагандировавшие идеи научного атеизма, сколько оскорблявшие чувства верующих и подвергавшие нигилистической критике духовные традиции русского народа. Наиболее негативно оценивалась роль Церкви в дореволюционном образовании, благодаря которой в школе «создавалась грандиозная система религиозного фарисейства, патриотического лицемерия и начальственного холопства»⁴.

Таким образом, православное духовенство и зажиточное крестьянство (в том числе представители так называемой кулацкой литературы) рассматривались сторонниками ультраинтернационализма в 1920-х – начале 1930-х гг. как главные носители патриархально-националистической идеологии и традиций, глубоко чуждых социализму и «пролетарской культуре». Более того, «пережитки» русской «великодержавной» психологии, идеи русского патриотизма расценивались как контрреволюционные, как проявление «национальной ограниченности» и как главное препятствие, мешавшее процессу коммунистического слияния наций и сплочению пролетарских масс России и других стран для решения задач мировой революции.

По мнению адептов мировой революции, «националистическое» мировоззрение было характерно не только для представителей мелкобуржуазных и клерикальных кругов. Национализм проник также и в партийно-советскую среду и даже получил свое выражение в по-

¹ *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России: XX век. М., 1994. С. 88.

² Там же. С. 79–80.

³ Там же. С. 88.

⁴ *Бендриков К.* К десятилетию светской школы в СССР // Народное просвещение. 1928. № 7. С. 98.

литике ряда зарубежных компартий. В своих тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала, написанных в июне 1920 г., В. И. Ленин призвал к решительной борьбе с «мелкобуржуазным национализмом» в комдвижении: «Признание интернационализма на словах и подмена его на деле <...> мещанским национализмом <...> составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными-национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя <...> неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует <...> подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе»¹. Таким образом, сама идея «консервации» революции в своих национальных рамках трактовалась как абсолютное отступление от канонов марксизма, предусматривавших скорейшую революционную экспансию на другие страны.

Однако сам ход послевоенной европейской истории, изменение экономической и политической конъюнктуры в тех странах, на которые возлагали особые надежды большевики, заставляли их корректировать свои прежние планы. Поражение в советско-польской войне, экономическая стабилизация в Европе и необходимость налаживания торговых отношений с ведущими капиталистическими государствами объективно вели к пересмотру сроков начала нового революционного наступления сил международного пролетариата. О невозможности в сложившихся условиях форсированного развития мировой революции заявил в июле 1921 г. В. И. Ленин: «Развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось»². Тем не менее надежда на скорый мировой революционный рывок не оставляла наиболее радикально настро-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 165–166.

² Там же. Т. 44. С. 37.

енных лидеров РКП(б). Так, в своем выступлении на IV конгрессе Коминтерна (18 ноября 1922 г.) Н. И. Бухарин предложил ввести в программу этой организации следующий пункт: «Мы должны установить в программе, что каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию».

В «Коммунистическом Манифесте» сказано, что пролетариат должен завоевать мир, но ведь этого не сделать же движением пальца. Тут необходимы штыки и винтовки. Да, распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции»¹.

События лета–осени 1923 г. в Германии были восприняты советским руководством как начало нового этапа в развитии мировой революции (как и в годы Гражданской войны, именно на эту страну большевики возлагали особые надежды, считая ее исторически сложившимся европейским центром пролетарской борьбы, «родиной революционной социал-демократии»). Тяжелый экономический кризис, галопирующая инфляция, массовая безработица (охватившая до 60 % рабочего класса) и угроза социального хаоса привели в августе 1923 г. к созданию коалиционного правительства с участием социал-демократов, которое возглавил лидер Народной партии Густав Штресеман. Однако новому правящему кабинету не удалось стабилизировать положение в стране. Следствием все более возрастающей радикализации масс стало повсеместное возникновение фабрично-заводских советов, в которых стремительно росло влияние коммунистов². Общая экономическая и политическая обстановка в Германии также усугублялась продолжавшейся оккупацией франко-бельгийскими войсками Рурского угольного бассейна и Рейнской области. Унизительные условия Версальского договора оскорбляли патриотические чувства немцев и способствовали усилению националистических настроений.

Сложившиеся условия, по мнению лидеров РКП(б) и ИККИ³, позволяли рассчитывать на скорое революционное выступление немецкого пролетариата. Примечательно, что большевики, рассматривавшие Коммунистическую партию Германии в качестве ведущей организационной силы предстоящего восстания, предполагали найти поддержку и в среде набиравших популярность «левых» национал-социалистов. 20 июня 1923 г. член Президиума ИККИ К. Б. Радек

¹ IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Избр. доклады, речи и резолюции. М.; Пг., 1923. С. 195–196.

² См.: *Пантелеев М.* Агенты Коминтерна. М., 2005. С. 24.

³ ИККИ (Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала) – высший действующий орган Коминтерна в период между проведением его конгрессов.

выступил на расширенном заседании пленума комитета с речью, посвященной убитому французскими оккупантами в Рейнской области немецкому националисту Лео Шлагеттеру. Отдавая должное «мужественному солдату контрреволюции», коммунист Радек апеллировал к патриотическим чувствам немцев: «Против кого хотят бороться германские националисты? Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или с капиталом Антанты для порабощения немецкого и русского народов?.. Если патриотические круги Германии не решаются сделать дело большинства народа своим делом и создать таким образом фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагеттера был дорогой в ничто»¹. Если выступление К. Радека вызвало сенсацию в немецких националистических кругах², то у его непосредственного руководителя, председателя Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьева реакция на подобные призывы была сугубо отрицательной. В письме Л. Б. Каменеву (30 июля 1923 г.) он осудил как Радека, так и поддержавшего его Сталина: «Поговорив с интриганом Радеком, Сталин сразу решил, что германский ЦК ничего не понимает <...> и что надо поддержать болтуна Радека, к[ото]рый чуть-чуть не “уговорил” фашистов³ своей речью о Шлагеттере»⁴. Свои разногласия с Зиновьевым по данному вопросу Сталин попытался «сгладить» в письме к нему от 7 августа 1923 г., в котором генсек призвал руководствоваться соображениями политической целесообразности: «Конечно, фашисты не дремлют, но нам выгоднее, чтобы фашисты первые напали: это сплотит весь рабочий класс вокруг коммунистов»⁵. Однако надежды Сталина и Радека на то, что немецкие националисты «спровоцируют» серьезные беспорядки, не оправдались. Выжидательную позицию заняло и руководство германской компартии, не решившееся в последний момент призвать рабочие массы к революционному выступлению. Только в Гамбурге коммунисты подняли восстание (23 октября), подавленное властями в течение двух дней.

Поражение в Германии было по-разному воспринято в московских партийных кругах. Если Г. Е. Зиновьев расценил произошедшее как ошибку «в оценках темпа» мировой революции, который следует

¹ Цит. по: *Агурский М. С.* Идеология национал-большевизма. С. 196.

² Там же. С. 196–197.

³ Имеются в виду немецкие национал-социалисты.

⁴ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. М., 2004. С. 129.

⁵ Там же. С. 139.

измерять годами, а не месяцами¹ (об этом он заявил в июне 1924 г.), то для более «прагматично» настроенной части руководства РКП(б) во главе с И. В. Сталиным это событие явилось предлогом для пересмотра прежней партийной установки, предполагавшей скорейшее распространение революции на другие страны и являвшейся основой внешнеполитической стратегии большевизма на протяжении последних семи лет. Осознание невозможности в сложившихся условиях немедленной революционной экспансии и насущная необходимость укрепления советской государственности и экономического развития территории, «отвоеванной» у международного империализма, привели к возникновению концепции «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране». Свое окончательное оформление она получила в декабре 1924 г. в предисловии «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», написанном И. В. Сталиным к своей книге «На путях к Октябрю»² и явившимся теоретическим «ответом» на работу Л. Д. Троцкого «Программа мира» (опубликованную в 1917 г. и переизданную в 1924 г.). Полемизируя с Л. Д. Троцким, отрицавшим саму идею построения социализма в одной стране в условиях враждебного капиталистического окружения и отсутствия поддержки извне, И. В. Сталин, опираясь на ленинское наследие, опровергал теоретические установки сторонников «перманентной революции»: «Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране, – оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России говорит не за, а против этой теории <...> Ленин совершенно прав, говоря, что победа пролетариата в одной стране является “типичным случаем”, что “одновременная революция в ряде стран” может быть лишь “редким исключением”». Вместе с этим Сталин подчеркивал, что «победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача», ее необходимо рассматривать «как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах»³. Перспективы мировой революции Сталин непосредственно связывал с успехами строительства социализма в СССР: «Само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране»⁴. При этом

¹ V Всемирный конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. М.; Л., 1925. Ч. 1. С. 9.

² Книга выйдет двумя изданиями – в январе и в мае 1925 г.

³ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 395–396.

⁴ Там же. С. 399.

конкретные сроки нового этапа революции, целью которого было бы «преодоление буржуазии в мировом масштабе», Сталиным не указывались и, по сути, отодвигались на неопределенное время. В своем выступлении перед московским партактивом в мае 1925 г. он отметил, что наступивший новый этап революции представляет собой «целый стратегический период, охватывающий целый ряд лет, а пожалуй, и ряд десятилетий»¹. Последующие события в Китае (1927 г.), поражение коммунистов в борьбе с националистической партией Гоминьдан также подтвердили всю иллюзорность надежд коминтерновцев и определенной части руководителей ВКП(б) на скорое «продвижение» революции и на Востоке. Пересмотр прежнего курса на революционную экспансию приведет к тому, что социалистическое строительство в СССР со временем действительно станет главной «самодовлеющей задачей» для дальнейшего развития советского государства, а идея мировой революции («мирового революционного процесса») получит качественно иное содержание и будет служить пропагандистским «прикрытием» внешнеполитической стратегии лидеров коммунистической державы.

Л. Д. Троцкий и в дальнейшем оставался непримиримым противником теории «социализма в одной стране». Так, признавая в 1926 г. необходимость социалистического строительства в СССР, он вместе с тем подчеркивал, что оно возможно только с помощью международного пролетариата. Отрицать это значило бы впасть «в грубую национальную ограниченность»². Спустя два года, уже находясь в ссылке в Алма-Ате, Троцкий еще более резко высказался о данной теории в статье «Что же такое перманентная революция?». Главный идейный оппонент Сталина заявлял: «Теория социализма в отдельной стране, поднимавшаяся на дрожжах реакции против Октября, есть единственная теория, последовательно и до конца противостоящая теории перманентной революции. Попытка эпигонов <...> ограничить применимость теории социализма в отдельной стране одной только Россией, ввиду ее особых свойств (пространства и естественные богатства), не улучшает, но ухудшает дело. Разрыв с интернациональной позицией всегда и неизбежно ведет к национальному *мессианизму*³, то есть к признанию за собственной страной преимуществ и качеств, позволяющих ей будто бы выполнить ту роль, до которой не могут подняться другие страны»⁴. Теорию «социализма в одной стране» Троцкий охарактеризовал как «теорию национал-социализма»⁵.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 92.

² Коммунистическая оппозиция в СССР. Из архива Льва Троцкого: В 4 т. Т. 2 (1926–1927). Вenson. 1988. С. 67.

³ Выделено в оригинале.

⁴ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 287.

⁵ Там же. С. 288.

Военная тревога лета 1927 г., вызванная разрывом дипломатических отношений между Великобританией и Советским Союзом, возродила лозунг «защиты социалистического отечества», то есть советский патриотизм. Поддержка первого социалистического государства в случае войны (как и поддержка еще продолжавшейся китайской революции) была объявлена главной задачей международного пролетариата. В резолюции Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль–август 1927 г.) говорилось: «Если в 1914 г. речь шла о войне *между* империалистическими государствами и на обеих сторонах фронта был империализм, то в войне против СССР империализм борется против пролетариата, организованного как *государственная власть* <...> Поэтому здесь *должно* говорить как о защите *социалистического* отечества (которого не было в 1914 г.), так и о защите китайской революции; поэтому здесь не только необходимо в *капиталистических* странах проповедовать лозунг *пораженчества*, но и лозунг *активной помощи* государству пролетариата»¹. Разоблачая «псевдореволюционную» тактику троцкистской оппозиции, И. В. Сталин на том же пленуме подчеркивал: «*Революционер* тот, кто без оговорок, безусловно, открыто и честно, без тайных военных совещаний готов защищать, оборонять СССР <...> Ибо кто думает защищать мировое революционное движение помимо и против СССР, тот идет против революции, тот обязательно скатывается в лагерь врагов революции»².

Необходимость возрождения патриотической идеи как неотъемлемой пропагандистской составляющей провозглашенного в конце 1920-х гг. курса на социалистическую модернизацию СССР в условиях враждебного капиталистического окружения, задачи мобилизации масс для отпора возможной внешней агрессии, воспитание советской гражданственности – все это могло получить свое законченное идеологическое выражение лишь с учетом главного этнополитического фактора, «скреплявшего» новое государство. Только русский народ, с его многовековой историей, культурой, традициями социально-освободительной и революционной борьбы мог стать главным проводником социалистических преобразований, социальной основой нового общества, что подтверждалось следующими фактами.

1. Русские составляли этническое большинство населения Советского Союза (по данным переписи 1926 г., 77,8 млн человек, то есть 52,9 % от всего населения страны)³. Не менее важным было и то,

¹ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 468 (курсив в оригинале).

² Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 51 (курсив в оригинале).

³ Мастюгина Т. М., Перепелкин Л. С. Этнология. Народы России: история и современное положение. С. 239.

что абсолютное численное большинство ведущей силы социалистической модернизации – РКП(б) – ВКП(б) – также составляли этнические русские (по данным переписи 1922 г., 71,9 % от всего состава партии)¹. В «Организационном отчете Центрального Комитета», представленном И. В. Сталиным XIII съезду РКП(б) (24 мая 1924 г.), генсек заверил делегатов, что процент великороссов после «ленинского призыва» еще более возрастет². Действительно, объявленный в январе 1924 г. «ленинский призыв» в ряды РКП(б) привел к значительному пополнению партийных рядов, в основном из среды русского пролетариата (с 83 тыс. в 1924 г. – до 433 тыс. в июле 1926 г.)³. По мнению М. С. Агурского, массовый приход в партию великорусских рабочих «означал <...> существенное смещение национального вектора. Партия становилась компактно русской, ибо пролетариат у станка главным образом формировался из русских»⁴.

2. Решение задач дальнейшего государственного строительства требовало внедрения в массовое сознание новых «мобилизационных» пропагандистских установок, отличавшихся от прежних абстрактных ультрареволюционных и космополитических идеологием и способствующих укреплению политического единства советского общества. В связи с этим в качественном обновлении нуждалась и система народного образования, особенно ее гуманитарная сфера. Американский историк Д. Л. Бранденбергер в своем исследовании, посвященном официальной советской патриотической пропаганде в сталинский период, приводит факты абсолютной невосприимчивости учащихся к предлагаемому им набору абстрактных и до крайности «идеологизированных» схем, заменивших реальные знания. На примере одной из школ автор показывал, что «даже там, где специально изучались социальные науки, судя по результатам экзаменов, ученики почти ничего не знали об истории классовой борьбы, марксизме или советском периоде»⁵. Также не способствовало формированию гражданственности и «высокой идейной сознательности» навязывание в качестве героических примеров деятелей международного революционного движения (К. Либкнехт, Р. Люксембург, А. Бебель и др.), нерусских по происхождению и потому чуждых основной массе советских учащихся. Для воспитания гражданского самосознания и патриотизма требовалось обратиться к национальному

¹ Всероссийская перепись членов РКП 1922 г. Вып. 5. Национальный состав членов партии. М., 1924. С. 25.

² Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 202.

³ Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 192.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. С. 33.

прошлому русского народа, к его героям и знаменательным событиям отечественной истории. Характерным показателем наметившегося пересмотра прежнего сугубо негативного отношения к российской дореволюционной истории стала положительная оценка, данная в 1929 г. Сталиным личности и эпохе Петра I¹. Однако подлинная «реабилитация» русской истории и исторической науки произойдет спустя несколько лет – в 1934 г.

3. Еще одним важным фактом, способствовавшим формированию патриотического самосознания у советских граждан, явился провозглашенный в 1927 г. Сталиным лозунг «развития национальной культуры народов СССР». В выступлении на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (1 августа 1927 г.), полемизируя с Зиновьевым, отрицавшим данный лозунг как «буржуазный», глава партии заявил: «Мы теперь за развитие национальной культуры народов СССР, национального языка, школы, печати и т. д. на основе Советов <...> По своему содержанию развиваемая советской властью культура народов СССР должна быть культурой общей для всех трудящихся <...> по своей же форме она есть и будет культурой неодинаковой для всех народов СССР, культурой национальной»². Таким образом, национальная культура как основа национального самосознания любого народа не только освобождалась от прежней большевистской трактовки этого явления как «буржуазного», но ее развитие объявлялось одной из приоритетных задач советской государственной и идеологической политики.

Патриотическая идея, взятая на вооружение большевистским руководством в годы Гражданской войны как важная составляющая пропагандистской политики «революционного оборончества», в 1920-е гг. подверглась жесткому осуждению со стороны левацки ориентированных партийных и культурных кругов. Патриотизм, национальные духовные ценности, религия, культура, история русского народа трактовались представителями этого направления как пережитки «буржуазного прошлого» и как враждебные коммунистической идеологии и стратегии мировой революции проявления «великодержавного шовинизма». Последний рассматривался как главная угроза интернациональному советскому государственному единству. Вместе с тем большевистские руководители активно использовали в политических целях «просоветские» патриотические проявления в эмигрантской среде («сменовеховство», движение за возвращение белоэмигрантов на Родину). Крушение надежд на скорое развитие

¹ См. Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике: XX век. С. 124.

² Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 69.

мировой революции и необходимость форсированного социалистического строительства в СССР в условиях враждебного капиталистического окружения заставили в конце 1920-х гг. руководство страны пересмотреть прежнюю сугубо нигилистическую оценку национального фактора и вновь обратиться к патриотической идее, которая получила бы свое государственное *советское* выражение. Реальной этнокультурной и социальной основой для утверждения идеи советского патриотизма мог быть только русский народ – государствообразующий и ведущий этнос Советского Союза. В последующее десятилетие эта новая пропагандистская линия получила свое окончательное выражение.

§ 3. Трансформация патриотической идеи в 1930-е гг.

Провозглашение в 1924 г. лозунга построения социализма в «одной, отдельно взятой стране», ставшего своеобразной идеологической основой для последующей форсированной модернизации народного хозяйства, неизбежно подводило руководство ВКП(б) к окончательному утверждению пропагандистского тезиса о Советском Союзе как состоявшемся Отечестве советских трудящихся и международного пролетариата (который «обрел» его в этом, отвоеванном у мировой буржуазии государстве). Соответственно, теряло свою прежнюю значимость и фактически удалялось из пропагандистского инструментария классическое положение марксизма об отсутствии у рабочих отечества и о чисто буржуазном характере патриотизма. В новых условиях понятие «отечество» подлежало окончательной «реабилитации», но должно было получить качественно иное значение. В предыдущие 12 лет Советской власти (1917–1929) использование большевиками патриотической идеи носило избирательный характер, определялось политической конъюнктурой и встречало сопротивление сторонников «перманентной» революции. К началу 1930-х гг. с упрочением власти И. В. Сталина и его приверженцев, повышением международного статуса СССР и необходимостью решения насущных задач внутригосударственного развития эта идея должна была стать одной из определяющих в официальной пропаганде. Если еще в конце 1920-х гг. понятия «патриотизм» и «отечество» являлись лишь «вспомогательными» компонентами в общей стратегии мировой революции, а молодое Советское государство рассматривалось как временное образование, которому предстоит в дальнейшем объединиться с новыми революционными республиками планеты с целью создания Всемирной республики Советов, то в 1930-е гг. на первый план выходит идея государственности.

4 февраля 1931 г. в своем выступлении на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности И. В. Ста-

лин, говоря об основных направлениях экономической реконструкции страны, особо подчеркнул, что с образованием СССР вопрос об отечестве трудящихся окончательно решен и главная задача советского народа заключается в его укреплении и защите государственной независимости: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость». При этом сохранение социалистических завоеваний и государственного суверенитета, сама «жизнеспособность» советской страны на мировой геополитической арене непосредственно связывались с проведением ускоренной хозяйственной модернизации: «Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно потеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет <...>

Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹.

В подтверждение своих слов Сталин обратился к прошлому России, представляя его как историю бесконечных поражений, которые терпела страна ввиду своей многовековой «отсталости» и «слабости»: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную <...> Ты отстал, ты слаб – значит ты неправ, стало быть тебя можно бить и поработать <...> Вот почему нельзя нам больше отставать»². Желая при помощи такой интерпретации русской истории указать на важность текущего момента и мобилизовать советское общество призывом к ускоренной модернизации страны, глава ВКП(б) намеренно представил российское прошлое в сугубо негативном свете (о военных победах, культурных и экономических достижениях ушедшей эпохи не было сказано). Сталин, как признанный теоретик партии, считал пока несвоевременным публичное осуждение устоявшегося, исключительно отрицательного отношения к дореволюционной России, характерного для раннего большевизма. Однако, наряду с пропагандистской

¹ Сталин И. В. Соч.: В 13 т. М., 1946–1951. Т. 13. С. 39.

² Там же. С. 38.

инерцией очернительства истории и культуры русского народа (с сохранением за ним закрепленного в прошлом статуса «угнетающей» и «великодержавной» нации), в идеологической политике явственно обозначилась и другая тенденция, противоположная прежнему курсу. Формальным поводом для этого послужила публикация в центральной партийной печати стихотворных фельетонов Демьяна Бедного и отрицательная реакция на них властей, неожиданная для признанного «пролетарского поэта».

В сентябре 1930 г. на страницах газеты «Правда» печатаются два фельетона Д. Бедного «Слезай с печки» и «Перерва». Недобросовестность, косность и лень, породившие проблемы в социалистическом строительстве, преподносятся автором как пороки, исторически характерные для русского народа. Вот как поэт клеймил якобы извечную русскую лень и рабскую психологию в первом стихотворении: «Сладкий храп и слюнища возжею с губы // Идеал русской лени. В нем столько похабства! Кто сказал, будто “мы не рабы”? // Да у нас еще этого рабства!» Осуждалась и русская лесь как народная черта: «Похвальба пустозвонная // Есть черта наша русски-исконная». Высмеяв попутно «исторический хлам», вроде знаменитой кремлевской Царь-пушки, «ни разу не стрелявшей», Д. Бедный выносит свой приговор уже всей русской культуре: «Расейская старая горе-культура – // Дура, // Федура. // Страна неоглядно-великая, // Разоренная, рабски-ленивая, дикая, // В хвосте у культурных Америк, Европ. // Гроб!» Чтобы строительство социализма в СССР состоялось, по мнению поэта, необходимо изжить «нашу рабскую, наследственно-дряблую природу». Завершался фельетон призывом, обращенным к тем представителям беднейшего крестьянства, которые не желали вступить в колхоз: «Чтобы ушли бедняки из кулацкой уздечки... // – Слезай, деревенщина, с печки!»¹

В другом фельетоне, посвященном железнодорожной катастрофе, произошедшей 8 сентября 1930 г. на подмосковной станции «Перерва» из-за допущенной халатности, Д. Бедный вновь с присущей ему безапелляционностью обрушивается на российскую «недобросовестность в каждой работе», которая и стала главной причиной трагедии. Русский работник, по мнению поэта, традиционно недобросовестен по своей природе. Иное дело – западные рабочие и специалисты: «Добросовестность – это у немцев, // У иноземцев». Именно трудящиеся цивилизованных государств должны являться для рабочих России примером: «Добросовестный спец-иностранец // Немец, американец // Иль японец... // Должен быть у рабочих в немалой чести». Если русский работник не воспримет западное отношение

¹ Правда. 1930. 7 сентября.

к труду, то локальная катастрофа может обернуться катастрофой общесоветской: «Враги, нашей гибели ждущие гады, // Прочтут о Перерве и буду так рады... // И ждать, будут ждать: за Перервою первой, // Если дальше позорно так дело пойдет, // Наш советский-де строй сам собой пропадет, // Сокрушивши себя *всесоветской Перервой!*!»¹ Свой фельетон Д. Бедный охарактеризовал как «поэму сверх-поэтическую // До ужаса патристическую». Как можно понять, термин «патриотизм» использован здесь автором в сугубо отрицательном, ерническом значении.

Однако критика «чисто русских» недостатков в соцстроительстве поэту показалась неполной, и уже в декабре в «Правде» печатается очередной его фельетон «Без пощады», посвященный проходившему в том месяце процессу «Промпартии». Обличая вредителей в социалистической промышленности, Д. Бедный решил отыскать «корни» подобной «контрреволюционной деятельности» в прошлом, обратившись к русской истории XVII столетия периода Смуты. Следуя оценке, данной тем событиям М. Н. Покровским, автор стихотворения писал об одном из руководителей антипольского народного ополчения Кузьме Минине: «Нет, над Мининым дивный горит ореол, // Ореол – усмирителя Смуты! // Вот за что воздана ему высшая честь! // У Покровского малые школьники даже, // Ныне могут об этом всю правду прочесть». «Вся правда», по мнению поэта (опиравшегося на «авторитетное» мнение главы советской исторической школы тех лет), заключалась в том, что народное ополчение было организовано «купцами-мясниками» и «тогдашними охотнорядцами», проникнувшимися «патристическим духом» из страха перед народными массами. И поэтому памятник «купеческому ставленнику» Минину и другому «усмирителю смуты» князю Пожарскому не только свидетельствовал о «проклятом прошлом», но и являлся, как полагал Д. Бедный, прямым вызовом делу Ленина. В фельетоне Кузьма Минин обращается к князю Пожарскому с такими словами: «В поход князь! На кремль! Перед нами добыча! // Кричит с пятернею одной у меча, // А другой пятернею купецкою тыча, // На гранитный надгробный шатер Ильича!!!»²

Эти сочинения официального «пролетарского поэта», написанные на злобу дня, бичующие русские национальные «пороки» и героев отечественной дореволюционной истории, вполне соответствовали общей пропагандистской тенденции 1920-х гг. Демьян Бедный, полагавший себя блюстителем чистоты пролетарского интернационализма на литературно-пропагандистском фронте, в очередных пу-

¹ Правда. 1930. 11 сентября.

² Правда. 1930. 5 декабря.

бликациях хотел вновь подчеркнуть свою особую роль в проведении партийной линии в борьбе с «великорусским шовинизмом». Однако реакция властей на новые произведения поэта оказалась для него неожиданной и нелицеприятной.

6 декабря 1930 г. (на следующий день после выхода фельетона «Без пощады») последние «правдинские» публикации Д. Бедного становятся предметом обсуждения на заседании Секретариата ЦК ВКП(б). В специальном постановлении, принятом высшим партийным органом по поводу данных публикаций, отмечалось: «ЦК обращает внимание редакций “Правды” и “Известий”, что за последнее время в фельетонах т. Демьяна Бедного стали появляться фальшивые нотки, выразившиеся в огульном охаивании “России” и “русского” (статьи “Слезай с печки”, “Без пощады”); в объявлении “лени” и “сидения на печке” чуть ли не национальной чертой русских (“Слезай с печки”); в непонимании того, что в прошлом существовало две России, Россия революционная и Россия антиреволюционная, причем то, что правильно для последней, не может быть правильным для первой; в непонимании того, что нынешнюю Россию представляет ее господствующий класс, рабочий класс и прежде всего русский рабочий класс, самый активный и самый революционный отряд мирового рабочего класса, причем попытка огульно применить к нему эпитеты “лентяй”, “любитель сидения на печке” не может не отдавать грубой фальшью»¹.

В письме к И. В. Сталину Д. Бедный доказывал, что его фельетон «Слезай с печки» получил предварительное одобрение В. М. Молотова, который «расхвалил его до крайности», а Е. М. Ярославский даже прислал поэту поздравительное письмо. По распоряжению Молотова это стихотворение было издано отдельной брошюрой. Однако, как сообщал в письме вождю Бедный, он, совершенно неожиданно для себя, получил выписку из Секретариата ЦК с разгромной критикой своих последних сочинений².

Ответ Сталина поэту был категоричен. В своем письме, направленном Д. Бедному 12 декабря 1930 г., генсек партии указывал на недопустимость огульного очернительства всей истории России и русского пролетариата как революционного авангарда советского народа и рабочих других стран: «В чем существо Ваших ошибок? Оно состоит в том, что критика недостатков жизни и быта СССР,

¹ «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938. Документы. М., 1997. С. 85.

² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 2002. С. 132–133.

критика обязательная и нужная, развитая Вами вначале довольно метко и умело, увлекла Вас сверх меры и, увлекши Вас, стала перерастать в Ваших произведениях в *клевету* на СССР, на его прошлое, на настоящее. Таковы Ваши “Слезай с печки” и “Без пощады”. Такова Ваша “Перерва”»¹.

Намеренное принижение роли русского пролетариата и прямое оскорбление его национальной принадлежности, обвинение его в «неполноценности», по мысли И. В. Сталина, было глубоко ошибочно не только с точки зрения решения конкретных задач государственного строительства, но и с позиций правильного освещения истории революционного движения в России. Генсек разъяснил поэту суть его главной «политической ошибки»: «Весь мир признает теперь, что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР, как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нем единственное свое отечество. Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и прежде всего *русскому* рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуринных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса.

А Вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс и подняться на высоту задач певца передового пролетариата, ушли куда-то в лощину и, запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из “Домостроя”, стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную “Перерву”, что “лень” и стремление “сидеть на печке” является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и – русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а *клевета* на наш на-

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 24 (здесь и далее в цитатах письма Сталина выделено курсивом в оригинале).

род, *развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата*»¹.

В письме И. В. Сталина, как и в постановлении Секретариата ЦК, обращает на себя внимание прямая перекличка с ленинской теорией «двух культур» (буржуазной и демократической), а также с положением о пролетарском революционном патриотизме, впервые сформулированном в статье «О национальной гордости великороссов» (1914). Эта статья В. И. Ленина, к которой редко обращались партийные пропагандисты 1920-х гг., стала вновь востребованной советским руководством в начале 1930-х. Приведа из нее характерный отрывок, указывающий на правомерность национальной гордости великороссов, создавших свой революционный класс и доказавших свою способность «дать человечеству великие образцы борьбы за свободу», Сталин, опираясь на авторитет ленинских слов, обратился к товарищу Демьяну: «Вот *как* умел говорить Ленин, величайший интернационалист в мире, о национальной гордости великороссов <...> Вот она, ясная и смелая «программа» Ленина <...> Она, эта “программа”, вполне понятна и естественна для революционеров, кровно связанных со своим рабочим классом, со своим народом <...> Возможно ли примирить эту революционную “программу” Ленина с той нездоровой тенденцией, которая проводится в Ваших последних фельетонах?.. К сожалению, невозможно»².

Показательно, что идеологическую линию, которую проводил в своих последних публикациях Д. Бедный, И. В. Сталин назвал откровенно троцкистской. В полном варианте сталинского письма (опубликованном уже в наше время) генсек прямо обвинил поэта в приверженности этим «антипартийным» взглядам: «Существует, как известно, “новая” (совсем “новая”!) троцкистская “теория”, которая утверждает, что в Советской России реальна лишь грязь, реальна лишь “Перерва”. Видимо, эту “теорию” пытаетесь Вы теперь применить к политике ЦК»³. Из этого следовало, что троцкизм отныне должен был рассматриваться не только как антипартийное течение, но и как одна из форм антипатриотической, антисоветской пропаганды.

В своем последнем фельетоне Д. Бедный не случайно ссылался на авторитетное мнение М. Н. Покровского. Его интерпретация русской дореволюционной истории считалась официальной и единственно правильной с точки зрения следования канонам марксизма. Сталин в своем письме подверг ревизии устоявшуюся историческую концепцию «красного академика». Каковы же были мотивы, которыми

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 24–25.

² Там же. С. 27.

³ Власть и художественная интеллигенция. С. 135.

руководствовался генсек? Российский историк А. И. Вдовин высказал предположение, что, направляя Бедному полное разгромной критики послание, И. В. Сталин «рассчитывал, что и ученые-историки примут к сведению его замечания»¹. Однако письмо тогда не было опубликовано в партийной прессе, следовательно, не было предано широкой огласке и не приобрело характер директивного документа. Возможно, Сталин хотел «прозондировать» отношение в элитарной научной и творческой среде к предложенным идеологическим новациям и дать понять ей о наметившихся сдвигах в официальной пропагандистской политике.

Спустя 17 лет, на обсуждении фильма «Иван Грозный» в феврале 1947 г., И. В. Сталин, вспомнив о позиции Д. Бедного по отношению к русскому прошлому и памятникам старины, заметил: «Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного², Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его “Иваном, не помнящим своего родства”. Историю мы выбрасывать не можем»³. Судя по этому позднему признанию Сталина, в начале 1930-х гг. у него вызвали неприятие не только негативная оценка русского пролетариата, данная в стихах Демьяна, но и нигилистическое отношение к отечественной истории вообще. С этого времени именно истории, как ведущей гуманитарной науке, формирующей гражданское сознание, будет отведена одна из главных ролей в разворачивающейся идеологической кампании по пропаганде идей патриотизма и советской государственности.

Сформулированная в письме к Д. Бедному идея о первенстве русского пролетариата и русского большевизма в мировом революционном движении получила свое дальнейшее развитие год спустя. В своем письме «О некоторых вопросах истории большевизма», направленном в редакцию журнала «Пролетарская революция» в октябре 1931 г., глава ВКП(б) подверг резкой критике и обвинил в троцкизме советских историков – приверженцев западной модели социал-демократии. Формальным поводом для этого явилась публикация в журнале статьи А. Г. Слущкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса» (1930, № 6). Ее автор попытался пересмотреть официальную партийную установку, согласно которой В. И. Ленин и его сторонники уже с первых лет существова-

¹ Вдовин А. И. Подлинная история русских. XX век. М., 2010. С. 46.

² Имеются в виду мероприятия по реконструкции Москвы.

³ Власть и художественная интеллигенция. С. 614.

ния большевизма вели непримиримую борьбу с оппортунистическими и центристскими течениями в революционном рабочем движении (с меньшевиками и Л. Д. Троцким – в России, с К. Каутским и немецкими правыми социал-демократами – на Западе). Слуцкий утверждал, что Ленин не вел в первые годы мировой войны политической линии на разрыв с западными социал-демократами. Размежевание большевиков с лидерами II Интернационала, по мнению автора статьи, обозначилось лишь в конце войны. Опровергая это утверждение, И. В. Сталин в своем письме подчеркивал, что Ленин «еще задолго до войны, примерно с 1903–1904 гг. <...> вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами» в РСДРП и во II Интернационале¹. С особенной силой этот раскол проявился в начале Первой мировой войны в связи с предательской политикой западноевропейских социал-демократов и поддержкой ими своих воюющих правительств. Лишь русские большевики-ленинцы, как отмечал И. В. Сталин, остались верны революционному пролетарскому делу и бескомпромиссной борьбе с любыми проявлениями оппортунизма: «Из всех группировок II Интернационала русские большевики были тогда единственной группировкой, способной по своему организационному опыту и идеологической подкованности предпринять что-либо серьезное в смысле прямого разрыва, раскола со своими оппортунистами в своей российской социал-демократии»².

Такая последовательная позиция большевиков еще до раскола европейской социал-демократии в 1914–1915 гг. могла бы стать, по мнению И. В. Сталина, примером для западных и прежде всего немецких марксистов. Но они не пошли по «русскому», ленинскому пути, предпочтя тактику примирения с оппортунистами в своей среде. Считая в тех условиях позицию ленинцев единственно правильной, лидер ВКП(б) обратился к редакции «Пролетарской революции» с такими вопросами: «Кто может сомневаться в том, что русские большевики считали свою политику в отношении оппортунистов и центристов образцом политики для левых на Западе? Кто может сомневаться в том, что русские большевики всячески толкали левых социал-демократов на Западе, в частности левых в германской социал-демократии, на разрыв, на раскол со своими оппортунистами и центристами? Не вина Ленина и русских большевиков, если левые социал-демократы на Западе оказались не созревшими к тому, чтобы итти по стопам русских большевиков»³.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 86.

² Там же. С. 87.

³ Там же. С. 88.

В этом письме И. В. Сталин не только предложил новую концепцию истории революционного рабочего движения в Европе первой трети XX в., но и прямо указал на преемственность русского большевизма по отношению к революционному марксизму прошлого века. По мнению Сталина, именно русский пролетариат и ленинская партия – его политическая организация, размежевавшись с социал-реформистами в своих рядах, разорвав отношения с предавшими интересы рабочего класса лидерами II Интернационала, стали во главе мирового революционного движения и явились той силой, которая привела к победе в Октябре 1917 г. Русский пролетариат как социальный «двигатель» революционных преобразований стал передовым «национальным» классом мировой революции. О потенциальных возможностях русского рабочего класса в революционной борьбе международного пролетариата В. И. Ленин писал еще в 1902 г. в брошюре «Что делать?». И. В. Сталин привел в своем письме характерную цитату из этой работы: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны <...> Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»¹.

Известно, что отказ от устаревшей в условиях империализма марксистской теории первоначальной победы пролетарской революции именно в развитых европейских странах был со всей определенностью обозначен в более поздней работе В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915). Как можно понять из вышеприведенной цитаты лидера большевиков, он предлагал рассматривать русский рабочий класс как передовой отряд мирового пролетариата еще в 1902 г. Эти взгляды разделял и И. В. Сталин. На VI съезде РСДРП(б) в августе 1917 г. в ходе обсуждения пункта резолюции «О политическом положении» он отверг поправку депутата Преображенского, согласно которой революция в России возможна лишь «при наличии пролетарской революции на Западе». Возражая ему, Сталин привел свои доводы в пользу «русского пути» революционного переворота: «Я против такой поправки. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... База нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства <...> Надо откинуть отжившее представление о том, что только

¹ Там же. С. 94 (курсив оригинала).

Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»¹.

Эти высказывания лидеров большевизма свидетельствовали об их намерении пересмотреть классическое положение марксистской теории о главенствующей роли европейского пролетариата в социальной борьбе и о революционном Западе как «центре» мирового коммунистического движения. «Западнические» настроения, несмотря на такую позицию В. И. Ленина и И. В. Сталина, были широко распространены в большевистском руководстве. Согласно «евроцентристской» идеологической модели, которой придерживались Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский и многие другие партийные функционеры, русская революция рассматривалась лишь как определенный этап в мировом революционном процессе, а русский коммунизм – не более как модификация в национальных условиях западного марксистского учения. А. В. Луначарский в 1929 г. прямо указывал на эту «преемственность» западной революционной теории и русского пути к социализму: «Наш коммунизм является отпрыском Запада <...> Наш пролетариат, совершивший такую героическую революцию, есть неотъемлемая часть всемирного пролетариата»². Однако то, что открыто провозглашалось с официальных трибун и на страницах массовых советских изданий в конце 1920-х гг., спустя несколько лет не только потеряло свою актуальность и «директивность», но и было признано идеологически порочным. Крах надежд на скорую европейскую и возможную китайскую революции, падение влияния компартий в западных странах – с одной стороны, и превращение Советского Союза как состоявшегося государства трудящихся в единственный оплот мирового революционного движения – с другой, – неизбежно повышали статус советского русского пролетариата как ведущей силы социальных преобразований на планете.

Таким образом, в период 1930–1931 гг. обозначились первые признаки официального идеологического поворота в сторону «реабилитации» таких определяющих и необходимых для пропаганды государственности понятий, как отечество и патриотизм. Русский советский пролетариат провозглашался не только передовым классом, скрепляющим советское общество, но и самым революционным и ведущим в мире. Осуждению (пока еще негласному) со стороны сталинского руководства стали подвергаться попытки принизить роль и значение русского рабочего класса в социалистическом строительстве и освободительном движении, глумление над революционными и национально-историческими традициями русского народа.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 3. С. 186–187.

² Луначарский А. В. Наше западничество // Огонек, 1929. № 5. С. 4.

Однако инерция очернительства отечественной истории и национальных символов сторонниками ультраинтернационализма и крайне левой интерпретации марксизма продолжалась вплоть до середины 1930-х гг. Примеры тому: отрицательная оценка критиками РАППа романа А. Н. Толстого «Петр Первый», обвинения писателя в возвышении идеи государственности и русского самодержца-преобразователя (дискуссия о романе в журнале «Октябрь» в июле 1934 г.); продолжающаяся травля поэтов-деревенщиков в советской печати начала 1930-х гг.; так называемое дело Академии наук (1929–1931) с последовавшими репрессиями в отношении русских ученых дореволюционной исторической школы, обвинение их в «монархическом заговоре» и «зоологическом национализме»; «дело славистов и русистов» (январь–апрель 1934 г.), которых обвинили в связях с зарубежными «фашистскими» центрами и евразийцами; постановка в Ленинграде (декабрь 1931 г.) оскорбительного для национальной истории «богоборческого» спектакля «Крещение Руси», созданного в форме фарса и получившего благожелательные отклики в официальной прессе; наконец, тезис о русских как «нации Обломовых», предложенный «любимцем партии» Н. И. Бухариным в его статье в «Известиях» (январь 1936 г.), а также скандал в ноябре того же года, связанный с постановкой московским Камерным театром откровенно русофобского спектакля «Богатыри» на либретто Д. Бедного. Наряду с этим именно в первой половине 1930-х гг. обозначилась и к концу десятилетия обрела подлинную силу «патриотическая» тенденция в государственной пропагандистской политике.

Следует отметить, что уже в начале 1930-х гг. узкоклассовый подход к вопросу о советском патриотизме, согласно которому только великорусский пролетариат являлся носителем всего лучшего и подлинно революционного в народе, трансформируется в патриотизм общенациональный. Русский народ, русские трудящиеся СССР провозглашались самой выдающейся нацией мира. 2 мая 1933 г., на приеме в Кремле, устроенном в честь участников первомайского парада, И. В. Сталин в своем тосте за техническую модернизацию Красной армии отметил следующее: «Оставляя в стороне вопросы равноправия и самоопределения, русские это основная национальность мира, она первая подняла флаг Советов против всего мира. Русская нация – это талантливейшая нация в мире»¹. Два месяца спустя, 6 июля 1933 г., во время посещения дачи И. В. Сталина делегацией советских художников генсек партии решил развить идею о русском народе как о самой выдающейся нации, но уже в семье советских народов: «Давайте вы-

¹ Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.; СПб., 2003. С. 44.

пьем за советский народ, за самую советскую нацию, за людей, которые раньше всех совершили революцию. За самую смелую советскую нацию. Я специалист по национальным делам. Я кое-что в эти дни прочитал. Я сказал как-то Ленину: самый лучший народ – русский народ, самая советская нация <...> Выпьем за советскую нацию, за прекрасный русский народ»¹.

В начале 1930-х гг. властью предпринимаются первые шаги по преодолению национал-нигилистических тенденций в политико-культурной сфере, унаследованных от предыдущего десятилетия.

В апреле 1932 г. решением руководства партии ликвидируются творческие объединения «пролетарских писателей» – Российская ассоциация пролетарских писателей и ВОАПП². Левацкая идеология этих организаций, групповщина, монополизм в издательской деятельности дезорганизовали литературный процесс в стране. Многие русские советские писатели (В. В. Маяковский, А. Н. Толстой и др.) подвергались необоснованной и оскорбительной критике на страницах «рапповских» изданий. В постановлении ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. отмечалось, что деятельность этих объединений «тормозит серьезный размах художественного творчества» и «создает опасность <...> отрыва от политических задач современности». Исходя из этого, ЦК партии постановил «объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти <...> в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем»³. В августе 1934 г. Союз писателей СССР проведет свой первый съезд. Этому ведущему творческому союзу, контролируемому ЦК партии, будет суждено в дальнейшем сыграть одну из ключевых ролей в политике патриотического воспитания и пропаганды как определяющей компоненты сталинской идеологической централизации советского общества.

27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР принимают постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов». В главном документе, удостоверяющем личность советского гражданина, впервые в истории России появляется графа «национальность». В паспортах граждан Российской империи (в частности, в «паспортных книжках» 1906 г.) эта графа отсутствовала, национальная принадлежность определялась по ве-

¹ Цит. по: *Кацман Е.* Связан ли вкус с мировоззрением? Художники в гостях у генсека // *Независимая газета*, 1998. 4 июля. С. 16.

² Всесоюзное объединение ассоциации пролетарских писателей (1928–1932).

³ КПСС в резолюциях. Т. 5. С. 44–45.

роисповеданию¹. Несмотря на то что введение паспортной системы в СССР было продиктовано политикой властей по всесторонней юридической регламентации жизни советского общества, а также стремлением воспрепятствовать массовой миграции крестьянского населения в города, появление графы «национальность» имело принципиальное значение. Зафиксированная в документе национальность его обладателя способствовала формированию у него чувства принадлежности к своей этнической общности (национальной идентичности). В дореволюционной России ввиду ряда социально-политических, экономических, географических факторов это чувство национальной идентичности у большинства русских (великороссов) было развито еще недостаточно². Как отмечает российский историк Д. А. Аманжолова, «категория “русские” обрела узкоэтнический смысл именно в период строительства “социалистических наций”»³, то есть в 1930-е гг. Введение графы «национальность» в советские паспорта было явным вызовом сталинского руководства ультрареволюционным сторонникам «скорейшего решения» национального вопроса в СССР и дальнейшего слияния наций в единое безнациональное «братство трудящихся».

Характерным показателем изменений, произошедших в национально-культурном строительстве в начале 1930-х гг., стали предпринятые советским руководством меры по сворачиванию проводимой ранее политики латинизации кириллической письменности.

Стратегия скорейшего развития мировой революции, которой придерживалось большевистское руководство после победы Октября, дала жизнь теориям об окончательном решении языкового вопроса в условиях победы пролетариата во всемирном масштабе. Наряду с учением о «едином мировом языке», сформулированным в 1923–1924 гг. академиком Н. Я. Марром, и пропагандой искусственного международного языка эсперанто в 1920-х гг. в советской культурной политике начал активно проводиться курс на латинизацию русской письменности (а также алфавитов грузинского, армянского, еврейского и ряда других языков народов СССР). Разработчиками данного проекта, реализация которого позволила бы «сблизить» советских трудящихся с западноевропейским пролетариатом, были ученые-языковеды Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА) и руководство Наркомата просвещения.

¹ *Байбурин А. К.* К антропологии документа: паспортная «личность» в России. URL: <http://www.valerytishkov.ru>

² См.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. С. 18–35.

³ *Аманжолова Д. А.* Сталинизм в национальной политике: некоторые вопросы историографии // *Историография сталинизма. Сборник статей.* М., 2007. С. 325.

Активным пропагандистом перевода русского алфавита на латиницу был А. В. Луначарский. В июне 1930 г. он заявлял: «Отныне наш русский алфавит отдалил нас не только от Запада, но и от Востока <...> Выгоды, предоставляемые введением латинского шрифта, огромны. Он даст нам максимальную международность»¹. Реализацию данного проекта взял на себя Наркомпрос, организовавший комиссию по разработке вопроса о латинизации русского алфавита. Возглавил ее лингвист Н. Ф. Яковлев. На своем первом заседании 29 ноября 1929 г. комиссией были приняты «тезисы» председателя, в которых подчеркивалось, что «русский гражданский алфавит в его истории является алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма», что кириллица даже после ее реформы 1917 г. «продолжает оставаться алфавитом национал-буржуазной великорусской идеологии» и «служит главным препятствием делу латинизации как других национальных по форме алфавитов (еврейский, армянский, грузинский и т. д.), так и графики, построенной на основе кириллицы (белорусская, украинская, восточно-финские и др.)»². На заключительном заседании в январе 1930 г. комиссия принимает постановление, в котором подчеркивалось: «Русский гражданский алфавит является пережитком классово-графической XVIII–XIX веков русских феодалов – помещиков и буржуазии <...> Он до сих пор связывает население, читающее порусски, с национально-буржуазными традициями русской дореволюционной культуры». По мысли авторов документа, переход на латинский алфавит «окончательно освободит трудящиеся массы русского населения от всякого влияния буржуазно-национальной и религиозной по содержанию дореволюционной печатной продукции»³. Таким образом, предполагалось подвергнуть коренному пересмотру и даже осуждению все многовековое русское культурно-языковое наследие. Сторонниками латинизации игнорировался и такой весомый аргумент оппонентов реформы, как необходимость сохранения русского алфавита – единственного, на котором было издано собрание сочинений В. И. Ленина. Исходя из этого, упразднение кириллической письменности существенно затруднило бы работу по пропаганде идей марксизма среди населения СССР. Однако проводники новой языковой политики были непреклонны: переход на латинский алфавит предполагалось осуществить в течение первой пятилетки.

¹ См.: Мясников А. Л. Хроника человечества. Россия. М., 2003. С. 518.

² Цит. по: Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 96.

³ Там же.

Следует отметить, что политика латинизации письменности советских народов, проводившаяся почти десятилетие, к концу 1920-х гг. рассматривалась ее проводниками уже как необходимая государственная мера, направленная на «окончательное» решение национального вопроса в СССР. К маю 1930 г. на новый алфавит перешли 36 языков народов Средней Азии, Северного Кавказа, началась работа по переводу на латинскую графику монгольской, еврейской и ассирийской письменности, языков малочисленных народностей Севера. На очереди стоял вопрос о латинизации русского гражданского алфавита, об отказе от кириллицы как «идеологически чуждой социалистическому строительству формы графики». Однако эти планы экспериментаторов от языкознания были внезапно нарушены.

25 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает резолюцию «О латинизации», в которой указывалось: «Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита»¹. Таким образом, в документе было четко обозначено отрицательное отношение партийного руководства к намечавшейся «реформе». Но решение Политбюро, принятое под грифом «строго секретно», не было тогда предано огласке и, следовательно, не являлось директивным. Работа комиссии Яковлева продолжалась. Продолжались и нападки в печати на русскую графику, хотя уже и не в таких оскорбительных тонах, как несколько месяцев назад. На проведение языкового эксперимента тратились большие государственные средства. Руководство страны решило положить конец этой пагубной практике. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О реформе русского алфавита» от 2 июля 1931 г. гласило: «Ввиду продолжающихся попыток “реформы” русского алфавита (см. извещение об итогах всесоюзного совещания орфографистов в «Вечерней Москве» от 29 июня), создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства, ЦК ВКП(б) постановляет: 1) Воспретить всякую “реформу” и “дискуссию” о “реформе” русского алфавита. 2) Возложить на НКПрос РСФСР т. Бубнова ответственность за исполнение этого постановления. Секретарь ЦК»².

Между тем процесс искусственного внедрения «языка будущего» в советских республиках и автономиях вызывал все более активное неприятие у местного населения. Вскоре в языковой политике четко обозначится противоположная латинизации тенденция. Прежде всего это нашло свое отражение в отказе от главенствующей ранее оценки русского языка как языка русификации национальных окраин бывшей царской империи. В условиях нового социального строя, соз-

¹ Источник. 1994. № 5. С. 100.

² *Сойма В., Комиссаров В.* Неизвестный Сталин. М., 2013. С. 367.

дающегося под руководством великорусского пролетариата и государствообразующего народа как главной этнической основы, скрепляющей советское интернациональное братство трудящихся, такое отношение к «языку межнационального общения» народов СССР становилось неприемлемым. Об этом, в частности, свидетельствовало выступление на февральском 1933 г. пленуме ВЦКНА редактора журнала «Революция и национальности» С. М. Диманштейна: «Остался ли русский язык для нерусских после революции тем же самым, каким он был до нее? Нет, не остался. Во-первых, на этом языке нерусские добровольно получают многое из того, что имеет большую ценность <...> Первоначально работы Ленина и Сталина и все основополагающие документы революции появлялись на русском <...> Кроме того, теперь русский язык имеет совсем иное классовое содержание»¹. Как справедливо отмечает российский историк А. И. Вдовин, «продолжающиеся нападки на русский язык выглядели теперь как нападки на революцию и советское государство»².

Постепенно набирал силу процесс делатинизации национальных языков народов СССР. Одним из первых шагов в этом направлении стало предложение первого секретаря Татарского обкома ВКП(б) М. О. Разумова о переводе татарского алфавита с латиницы на кириллицу летом 1933 г. Предложение было вынесено на обсуждение и принято абсолютным большинством голосов на ближайшем пленуме обкома. Однако сторонникам латинизации посредством сложных бюрократических ходов это решение удалось отменить. Разумов, переведенный на должность первого секретаря Восточно-Сибирского крайкома партии, продолжал отстаивать идею делатинизации национальных языков, призывая к переводу на кириллицу алфавитов малых народов Севера. Формальным поводом для этого послужила книга латиниста И. Хансуварова «Латинизация – орудие ленинской национальной политики», в которой автор, говоря о необходимости латинизации якутской письменности, по традиции обрушился на русский «великодержавный» алфавит: «Якуты сразу же отбросили всю эту русификаторскую письменность. Уже в 1917 г. языковед – студент Новгородцев разработал свой алфавит на латинской основе <...> Правда, и здесь без борьбы дело не обходится: отдельные националистически настроенные интеллигенты-якуты вместе с великодержавными шовинистами русскими из чиновничества и русской интеллигенции пытаются протащить и закрепить русский алфавит»³.

¹ Диманштейн С. М. Принципы создания национальной терминологии // Письменность и революция. 1933. № 1. С. 31, 33–34.

² Вдовин А. И. Русские в XX веке. С. 98.

³ Хансуваров И. Латинизация – орудие ленинской национальной политики. М., 1932. С. 28.

Резкую отповедь подобным взглядам Разумов дал в своем выступлении на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г. Партийный секретарь указал на абсурдность обвинений сторонников русской письменной графики в «шовинизме» и «миссионерстве»: «Я не понимаю, почему в книжке Партиздата те, кто за сохранение уже существующего для якутского языка алфавита, общего с русским, являются националистами и шовинистами, а те, кто борется за сближение с алфавитом французов и итальянцев, – являются интернационалистами. Разговор о миссионерском характере русского алфавита в условиях пролетарской диктатуры – это совершенно несуразная вещь». У оратора вызвало недоумение и другое положение, содержащееся в книге Хансуварова, – о необходимости латинизации самой русской письменности как главного «препятствия» на пути сближения народов. Разумов прокомментировал это так: «Тут товарищ Хансуваров явно зарпортовался <...> Он явно скорбит о том, что и в русском языке до сих пор письменность не заменена латинской. А кому и для чего это надо? В чем преимущества латинского алфавита перед русским, на котором созданы огромные культурные ценности страны Советов? Во имя каких “принципов” надо предпринимать гигантскую работу по смене алфавитов, от которой кроме ущерба советской культуре ничего ждать нельзя». В доказательство правоты своих слов секретарь крайкома привел пример малочисленных народов Восточной Сибири: «На нашем Севере около пятнадцати национальностей, и некоторые из них, как например тафалары, ненцы, долгане, насчитывают всего по 1–2 тыс. душ. Спрашивается: зачем им латинский алфавит? Не проще ли для письменности этих народностей взять за основу русский алфавит, чтобы облегчить трудящимся северных национальностей овладение письменностью обоих языков – родного и русского?» Недоуменную реплику делегата Г. И. Бройдо «почему легче?» Разумов парировал: «Без этого невозможен действительно культурный подъем национальностей Севера»¹. Это выступление на съезде отчетливо показало, что «маятник» языковой политики пошел в другую сторону. Русский язык в последующие три года обретет статус главного государственного языка.

Мощным внешнеполитическим фактором, ускорившим обращение советского руководства к идеям русского патриотизма, стал приход в январе 1933 г. к власти в Германии Адольфа Гитлера и национал-социалистической партии. Сам фюрер изначально не скрывал своих экспансионистских планов по захвату земель на славянском Востоке. В своей книге «Mein Kampf» («Моя борьба») Гитлер недвусмысленно дал понять читателю, что «восточное направление» в за-

¹ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 215.

хватнической политике нацистов в случае их прихода к власти станет приоритетным: *«Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.*

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены...

Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки»¹.

Победа нацистов в Германии, стране, на которую большевики традиционно возлагали особые надежды в деле развития европейской революции, стала для советской стороны во многом неожиданным событием. Учитывая радикальный антикоммунизм и неприкрытый экспансионизм идеологии гитлеровцев, расизм и антиславянскую направленность их пропаганды, у сталинского руководства не оставалось иного выхода, кроме скорейшей промышленной модернизации и идеологической мобилизации советского общества. Идеям государственного патриотизма в этих условиях отводилось ведущее место. Отечественной истории, воспитывающей советских, прежде всего русских граждан, на лучших образцах прошлого, принадлежала особая роль.

В 1920-е гг. история была исключена из числа школьных дисциплин и заменена курсом обществоведения, включавшим в себя первоначальные знания по политэкономии, социологии, теоретическим основам марксизма. Хаотичный и малопонятный для учащихся набор информации едва ли мог способствовать системному усвоению знаний и воспитанию советской гражданственности. Кроме того, стараниями «реформаторов» из Наркомата просвещения были отменены классно-урочная система, шкала оценок, а также многие учебники как «пережитки» дореволюционного классического образования, недопустимые в новой народной школе. Неэффективность подобных мер отчетливо обозначилась уже к концу десятилетия, что заставило советское руководство в корне пересмотреть прежнюю политику в сфере образования. В 1929 г. руководство Наркомпроса во главе с А. В. Луначарским после резкой критики за проводимый им ранее

¹ Гитлер А. Моя борьба. Ашхабад, 1992. С. 556–557 (курсив в оригинале).

курс было отправлено в отставку. Политбюро ЦК ВКП(б) поручило новому наркому просвещения А. С. Бубнову разработку стабильных школьных учебников. 5 сентября 1931 г. согласно решению ЦК партии и Наркомпроса РСФСР история вновь обрела статус самостоятельного предмета, но учебные программы по историческим курсам отсутствовали, по инерции разрабатывались программы по общественным дисциплинам. На недопустимость «упрощенческо-вульгаризаторского подхода» при составлении школьных программ по общественным дисциплинам указывало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. В нем обращалось особое внимание на «недостаточность исторического подхода к программам по общественным предметам, выражающаяся в том, что в них крайне слабо дается представление об историческом прошлом народов и стран, о развитии человеческого общества». В документе также подчеркивалось: «Существенным недостатком является и то, что не разработаны еще программы по истории», предлагалось «значительно усилить элементы историзма в программах по обществоведению и литературе»¹. ЦК партии взял на себя непосредственный контроль над разработкой и содержанием курсов по истории.

В марте 1933 г. начала свою работу комиссия при Наркомпросе РСФСР по написанию новых учебников по всеобщей истории и истории России. Летом того же года была издана программа преподавания истории². В 1933–1934 гг. выходят три учебника по истории для средней школы³. Однако события прошлого по-прежнему рассматривались в них через призму вульгарного социологизма, а русская история трактовалась в национал-нигилистическом духе школы М. Н. Покровского, зачастую отсутствовали сами исторические факты. 5 марта 1934 г. по инициативе И. В. Сталина Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о преподавании гражданской истории в средней школе. Наркому просвещения А. С. Бубнову предлагалось «доложить на следующем заседании Политбюро о постановке в школе преподавания гражданской истории и о мерах, необходимых для

¹ Историю – в школу: создание первых советских учебников / под ред. С. Кудряшова. М., 2008. С. 17.

² Программы средней школы. 2-е изд. М., 1933.

³ *Никольский Н. М.* История: Доклассовое общество, Древний Восток, Античный мир. Учебник 5-го класса средней школы. М., 1934; *Гуковский А. И., Трахтенберг О. В. (и Вернадский В. Н.)* История: Эпоха феодализма. Учебник для средней школы, 6–7-й годы обучения. М., 1933; *Ефимов А., Фрейберг Н.* История: Эпоха промышленного капитализма. Учебник для средних школ. М., 1933.

улучшения этого дела»¹. В ходе обсуждения недостатков учебных программ по истории Сталин особо отметил, что эта дисциплина вновь подменяется социологией: «Нет гражданской истории, того, как происходили события, как делалась политика, вокруг чего разворачивалась классовая борьба – такого рода истории у нас нет <...> Вообще получилась какая-то непонятная картина для марксистов – какое-то стыдливое отношение – стараются о царях не упоминать и о деятелях буржуазии стараются не упоминать <...> Мы не можем так писать историю! Петр был Петр, Екатерина была Екатерина. Они опирались на определенные классы, выражали их настроения, интересы, но все же они действовали, это были исторические личности, но об этой эпохе надо дать представление <...> Без этого никакой гражданской истории у нас не может быть»². Выполняя указание вождя, Бубнов созвал 8 марта в Наркомпросе совещание историков и географов. На нем нарком предложил обратиться к дореволюционному опыту написания учебников. «Может быть, они написаны совершенно не с нашей точки зрения, но надо вспомнить, как люди укладывали это дело»³, – посоветовал собравшимся Бубнов. На совещании также прозвучала характерная фраза, свидетельствующая о намерении некоторых историков вернуться к классическому курсу так называемой прагматической истории: «Нам нужен большевистский Иловайский»⁴.

14 марта А. С. Бубнов направляет И. В. Сталину проект «О преподавании всеобщей и русской истории в средней школе». В документе обозначалось, что курс истории будет содержать хронологическое изложение событий и сведения о деятельности конкретных исторических лиц. Предполагалось издание учебников, методик преподавания истории в средней школе, хрестоматий для учащихся, а также журнала «История и география в средней школе»⁵.

На очередное заседание Политбюро 20 марта, посвященное вопросу об учебниках, была приглашена группа ученых-историков. Как отмечал в своих дневниковых записях присутствовавший на обсуждении профессор С. А. Пионтковский, Сталин выразил крайнее неудовольствие качеством изданных ранее учебников: «Что это такое, – спрашивал он, – “эпоха феодализма”, “эпоха промышленного капитализма”, “эпоха формации” – все эпохи и нет фактов, нет событий, нет людей,

¹ И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1920–1930-е годы / сост. М. В. Зеленов. СПб., 2006. С. 186.

² Цит. по: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. С. 45–46.

³ Там же. С. 46.

⁴ Цит. по: *Вдовин А. И.* Русские в XX веке. С. 103.

⁵ Историю – в школу. С. 32–33.

нет конкретных сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания. Это никуда не годится <...> Нам <...> нужны учебники с фактами, событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники древнего мира, средних веков, нового времени, история СССР, история колониальных и угнетенных народов». Критикуя схематизм и социологизм прежних учебных пособий, И. В. Сталин в своем выступлении отметил, что «вся эта беда пошла от времен влияния Покровского». Фактически это положило начало идеологическому развенчанию наследия скончавшегося двумя годами ранее «красного академика» и официальному пересмотру существующей исторической концепции, что отчетливо проявилось в ходе обсуждения будущего учебника по истории СССР. Предложение Бубнова о написании учебника по истории народов России, а не СССР, Сталиным было отвергнуто: «Нет, история СССР, русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас»¹. По сути, в этой реплике вождя партии обозначался особый государствообразующий статус русских – народа-собирателя и объединителя других народов на протяжении всей его истории – как дореволюционной, так и советской. Свое окончательное выражение этот тезис получит позднее – в концепции первенства русского народа как «старшего брата» в семье советских народов (1937).

Комиссии в составе А. С. Бубнова, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова и заведующего Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А. И. Стецкого было поручено представить к следующему заседанию Политбюро список членов групп по составлению учебников по истории. Спустя пять дней список с характеристиками на членов рабочих групп Бубновым был составлен, а 29 марта утвержден на Политбюро. Написание учебника по истории СССР поручалось коллективу авторов в составе: Н. Н. Ванаг (руководитель), историки Б. Д. Греков, А. М. Панкратова, С. А. Пионтковский². В тот же день Политбюро приняло постановление о введении исторических факультетов в составе университетов. Началась работа по подготовке итогового постановления о преподавании истории. Для участия в его разработке из ссылки был возвращен известный историк Е. В. Тарле, осужденный в числе других русских ученых в 1931 г. по так называемому делу Академии наук³.

¹ Цит. по: Литвин А. Л. Без права на мысль: Историк в эпоху Большого террора – очерк судеб. Казань, 1994. С. 56–57.

² И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. С. 187.

³ См.: Тарле Е. В. // Чернобаев А. А. Историки России XX века: Библиографический словарь. Саратов, 2005. Т. 2. С. 388; Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 230.

15 мая 1934 г. СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», которое на следующий день было опубликовано в центральной печати. Констатируя неудовлетворительный уровень преподавания истории в советских школах, правительство и ЦК партии указали на причины подобного положения: «Вместо преподавания гражданской истории в живой, занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами». Имя М. Н. Покровского в постановлении не упоминалось, но, по сути, в этих строках содержалась резкая критика проводимой им и представителями его школы политики в исторической сфере. Для исправления подобного положения в документе предлагалось создание доступных и наглядных курсов по истории (в том числе и отечественной), основанных на «соблюдении историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат». В постановлении содержалось указание о подготовке к июню 1935 г. новых учебников по истории. Для подготовки квалифицированных преподавателей истории предписывалось восстановить с 1 сентября 1934 г. исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах¹. Если же учесть принятые ранее решения о возвращении ученых степеней, выпускных экзаменов, классно-урочной формы занятий, то можно было бы констатировать факт частичного восстановления в первой половине 1930-х гг. дореволюционной системы классического русского образования и традиционной науки, но уже на качественно ином политико-идеологическом уровне. Восстановление преподавания русской истории (как и русской литературы²), ее «реабилитация» как науки и предмета имели особый смысл. Только она могла стать главной идеологической опорой в формировании новой советской гражданственности и патриотической мобилизации народа перед лицом неизбежной войны с агрессором. По справедливому замечанию американского ученого Д. Л. Бранденбергера, «история с ее почитанием традиций

¹ Правда. 1934. 16 мая. Обзор российской и зарубежной историографии, посвященной истории возникновения постановления от 15 мая 1934 г., см.: Зеленов М. В. 1934–1936 гг. В поисках нового патриотизма и концепции истории России // И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. С. 184–185.

² Историю – в школу. С. 120–121.

и святых имен, с празднованием важных годовщин вернулась на передний план как эффективный катализатор патриотических чувств»¹.

Почти одновременно с «реабилитацией» отечественной истории в советский пропагандистский лексикон было окончательно возвращено понятие «патриотизм». Это являлось закономерным развитием выдвинутого в 1931 г. тезиса о наличии у советского народа и мирового пролетариата своего отечества – СССР. Если раньше патриотическая идея оценивалась левацки настроенными партфункционерами и пропагандистами сугубо негативно как главное (наряду с религией) идеологическое обоснование легитимности власти имущих классов, то в условиях форсированного построения социализма в первом государстве трудящихся патриотизм обретал качественно иное содержание. В конце мая 1934 г. «Правда» опубликовала статью журналиста Г. О. Васильковского, в которой автор, повторяя высказывание Сталина об обретенном после Октябрьской революции первом пролетарском отечестве и необходимости его защиты, назвал чувство патриотизма, преданность народному государству – «высшим законом жизни» (так называлась статья)².

9 июня 1934 г. в советской печати было опубликовано постановление ЦИК Союза ССР «О дополнении положения о контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления статьями об измене родине». По новому закону «измена родине» предполагала «действия, совершаемые гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то – шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу – караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества». Наказанию подлежали не только обвиненные в измене, но и члены их семей, не сообщившие о ней властям³. В тот же день «Правда» вышла с передовицей «За родину!», обосновывающей введение дополнения к УК СССР. Преданность своей социалистической Родине провозглашалась в ней высшей общественной ценностью: «У советских людей, руководимых нашей партией, выращенных Сталиным, безгранична любовь и преданность своей родине». Понятие «родина» приобрело особый смысл, любое посягательство на родную землю или измена ей, своему народу объявлялись в статье тягчайшим преступлением:

¹ Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. С. 43.

² Правда. 1934. 28 мая.

³ Правда. 1934. 9 июня.

«Тот, кто поднимет руку на родину, тот, кто изменит ей, должен быть уничтожен»¹. Слово «родина», «возвращенное» русским и другим народам Союза как главный этнокультурный и территориальный символ нации, имело уже иное значение, чем «обретенное» отечество мирового пролетариата. Понятие «родина» было более глубинным, связанным с национальными корнями, культурой, бытом, духовными ценностями, историей народа, а не с задачами мировой революции и коммунистического движения.

Примечательно, что слово «родина» (писавшееся тогда еще со строчной буквы) как пропагандистский термин было впервые использовано в первомайских лозунгах, утвержденных на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 18 апреля 1934 г., то есть почти за два месяца до выхода знаменитой правдинской статьи. О смещении идеологических акцентов говорит и тот факт, что в лозунгах впервые говорилось о верности Красной армии не международному пролетариату, а «советской родине». Наряду с РККА защитниками социалистической державы провозглашались советские рабочие и крестьяне².

Утверждение в СССР понятия «родина» как одного из главных идеологических символов вызвало неоднозначную реакцию в эмигрантских кругах. Для представителей левых течений (меньшевиков и троцкистов) это было очередным доказательством отступления сталинского руководства от канонов марксизма и «идейного перерождения» советского режима. 25 июня 1934 г. в передовице «За родину!» (заголовок правдинской статьи был не случайно продублирован и взят в кавычки) печатного органа меньшевиков «Социалистический вестник» было заявлено, что введение в советский политический лексикон слова «родина», взятого из пропагандистского арсенала белогвардейцев, дискредитирует идеи революции и социализма. Меньшевики упрекали своих оппонентов в том, что они вознамерились употреблять в целях массовой агитации термины, «буквально повторяющие лозунги правительств нереволуционных и контррево-

¹ Там же. В июне 1934 г. кампания по утверждению новой патриотической идеи, как идеи общенародной, а не узкоклассовой, получит свое развитие в статьях колхозницы А. С. Молоковой «И я говорю сынам: Защищайте нашу страну» и академика А. Богомольца «Почва, которая рождает героев» (Правда. 1934. 18 июня).

² См.: *Якобсон С., Лассвелл Г.* Первомайские лозунги в Советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 1(21). С. 123–141. Еще за полгода до описываемых событий, в ноябре 1933 г., среди лозунгов к очередной годовщине Октябрьской революции на первом месте фигурировали следующие: «Да здравствует мировая пролетарская революция!» и «Вперед к всемирному Октябрю!» (*Попович Н.* Советская политика по укреплению русского патриотизма и самосознания (1935–1945 гг.) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 468).

люционных и так же апеллирующие не к революционно-социалистическому, а к географически-националистическому, “зоологическому” патриотизму»¹. Л. Д. Троцкий в своем издании «Бюллетень оппозиции» подчеркнул, что идеологический поворот 1934 г. не случаен – он является логическим завершением сталинской «контрреволюции», отказом от ленинизма и переходом «от революционного патриотизма к национал-реформизму»².

Противоположной была реакция на советские идеологические новации некоторых представителей белоэмигрантского лагеря. Русский философ Г. П. Федотов расценил происходящие в СССР перемены как отказ советских властей от интернационализма в качестве определяющей идейно-политической основы и постепенный переход на национально-державные позиции. Возвращение понятия «родина» являлось, по его мнению, знаковым событием: «Вещь неслыханная, невозможная вчера: в СССР “родина” объявлена священным словом. Родина склоняется во всех падежах, комсомольцы учатся по классическим прописям: то есть, прежде всего, национальной гордости. Первая в мире страна, самая свободная, самая мощная, самая передовая! На нее покушаются – мы дадим отпор. И враги – это уже не мировая буржуазия, а конкретно: Япония, Германия. Нельзя думать, что все это пишется и говорится по заказу. Естественно предполагать, что власть только открыла шлюзы, долго сдерживавшие поток бурной национальной стихии»³.

8 августа 1934 г. И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров внесли свои поправки к присланному конспекту учебника по истории СССР, написанному группой советских историков под руководством Н. Н. Ванага. После ознакомления с текстом большевистские лидеры вынесли решение, что группа Ванага «не выполнила задания и даже не поняла самого задания». Упрекнув авторов конспекта учебника в копировании «ненаучных определений» буржуазных историков, примененных ими в оценке событий российского прошлого, партийные руководители указали: «нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР»⁴. Это замечание, по сути, воспроизводило сталинское высказывание в марте того же года о русском народе – собирателе земель и создателе многонационального государства. 14 августа замечания были одобрены Политбюро ЦК ВКП(б) и доведены до

¹ «За родину!» Социалистический вестник. 1934. 25 июня. С. 1.

² Троцкий Л. Д. Что означает капитуляция Раковского? Бюллетень оппозиции. 1934. № 40. С. 14.

³ Федотов Г. Новый идол. Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. LVII. Париж, 1935. С. 399.

⁴ Историю – в школу. С. 121–122.

сведения авторов учебника. В январе 1936 г. в связи с активизацией работы по написанию учебника по истории СССР замечания будут опубликованы в печати¹.

К наиболее показательным примерам осуществляемой властями идеологической политики, направленной на создание новой советской исторической концепции и обозначившей отказ от левацких и антипатриотических установок предыдущего десятилетия, можно отнести письмо И. В. Сталина к членам Политбюро и директору Института Маркса – Энгельса – Ленина В. В. Адоратскому от 19 июля 1934 г. В нем содержалась критика некоторых положений работы Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (1890). Эта статья была подготовлена Адоратским для публикации в журнале «Большевик» к 20-летию начала Первой мировой войны. Энгельс, оценивая степень влияния России на ход европейской истории XVIII–XIX вв., подчеркивал, что внешнеполитическое могущество царизма было обусловлено расчетливой и коварной деятельностью дипломатов, не русских по происхождению, а «иностранных авантюристов» (просматривая статью, Сталин в этом месте на полях отметил: «Всемогуществен. дипломатов-авантюристов? Что за чепуха...»²). Далее Энгельс объяснял, почему этой «шайке авантюристов» удавалось долгое время так успешно влиять на европейскую политику. Эти успехи, по мнению родоначальника «научного коммунизма», имели под собой «осязаемую материальную основу» – русский народ. Энгельс писал: «Представим себе Россию в середине прошлого столетия. Уже тогда – это огромная страна, заселенная племенем, исключительным по своей однородности. Население редкое, но быстро растущее, так что рост мощи страны обеспечен одним уж течением времени. Это население заостенело в умственном застое, лишено всякой инициативы, но в рамках своего унаследованного от предков быта может быть использовано решительно на что угодно; выносливое, храброе, покорное, привыкшее ко всем тяготам, оно представляло собой превосходнейший солдатский материал для войн того времени, когда сомкнутые массы решали исход боя»³. Русская армия, как полагал автор статьи, была всегда непригодна для серьезных наступательных операций, и поэтому «самостоятельные военные действия царизм ведет только против таких заведомо слабых противников, как шведы, турки или персы» (Сталин, имея в виду могущество импе-

¹ Правда. 1936. 27 января.

² И. В. Сталин Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. С. 227.

³ Там же.

рии Карла XII, отметил на полях: «Не всегда шведы были слабы»¹). Перенос политическую ответственность за действия царского правительства на русский народ и объявляя Россию едва ли не оплотом европейской реакции, Ф. Энгельс призвал покончить с «гегемонистскими» устремлениями ведущего славянского государства. Выход он видел в следующем: «Опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве заняться своими собственными жизненными интересами внутри страны»².

Откровенно антироссийская направленность статьи, ее фактологическая предвзятость были раскритикованы И. В. Сталиным в его письме В. В. Адоратскому и членам Политбюро. Отвергая тезис Энгельса о России как о главном европейском государстве-агрессоре, вождь ВКП(б) особо отметил, что «завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей». Сталин подчеркнул, что «завоевательная политика была также присуща – не в меньшей, если не в большей степени – королям и дипломатам всех стран Европы»³. Указав еще на ряд исторических неточностей в работе Энгельса и назвав ее лишь «памфлетом против русского царизма», советский лидер посчитал нецелесообразной публикацию этого материала в главном теоретическом органе партии. Несмотря на непререкаемый авторитет Энгельса у коммунистов и руководства страны, появление такой статьи и придание ей характера директивного документа явно сыграли бы дезорганизующую роль в процессе идеологической мобилизации советского общества. СССР как первое социалистическое государство и фактически провозглашенное геополитическим правопреемником дореволюционной России уже никак не могло рассматриваться в качестве страны-агрессора (в отличие от мировых империалистических держав и особенно гитлеровской Германии, открыто заявившей о своих экспансионистских намерениях). Не считалось возможным предавать огласке и откровенно русофобские высказывания Энгельса, содержащиеся в его статье, которые ставили бы под сомнение искренность его интернационализма. Примечательно, что письмо Сталина будет напечатано лишь в мае 1941 г.⁴, то есть перед самым началом войны с Германией. В советской истории этот эпизод с несостоявшейся публикацией

¹ Там же. С. 228.

² Там же. С. 231.

³ *Сталин И. В.* Соч. Т. 14. С. 8.

⁴ *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Большевик. 1941. № 9 (Май). С. 1–5.

произведения основоположника коммунистической теории станет тем редким, но наглядным примером, когда общенациональные и государственные интересы будут ставиться выше идеологических установок, невзирая на авторитет их авторов.

Знаковым событием в культурной жизни СССР, произошедшим в год «идеологического поворота», стало создание Всесоюзного Пушкинского комитета. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июля 1934 г. Комитет утверждался «ввиду приближающегося столетия со дня смерти великого русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы А. С. Пушкина, погибшего под пулей международного авантюриста, исполнявшего волю помещичьей аристократии». Символично, что Пушкин, ранее причислявшийся к «представителям помещичьей культуры» и даже к «контрреволюционерам» (такими ярлыками «награждали» писателя левацки настроенные авторы 1920-х гг.), был назван в этом документе «великим русским поэтом», убитым западным авантюристом по наущению представителей высших аристократических кругов. А. С. Пушкин, дворянин по происхождению, но подлинно национальный писатель, противопоставлялся чуждой народу аристократии. Решением ЦК Пушкинскому комитету поручалось «выработать ряд мероприятий, имеющих целью увековечить память Пушкина среди народов СССР и содействовать широкой популяризации его творчества среди трудящихся». Как следовало из этих слов, творчество гения русской литературы должно было содействовать упрочению межнационального и культурного единства советских народов. Комитет возглавил А. М. Горький, его заместителями были назначены А. С. Бубнов и первый секретарь Союза писателей А. С. Щербаков. В состав Комитета вошли ведущие партийные работники (К. Е. Ворошилов, В. В. Куйбышев, С. М. Киров, А. А. Жданов и др.), крупнейшие писатели и деятели культуры СССР (А. Н. Толстой, А. С. Серафимович, А. А. Фадеев, Ю. Н. Тынянов, Л. В. Собинов, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, Янко Купала, Г. Тобидзе и др.), представители науки (А. С. Орлов, М. В. Розанов, Н. С. Державин, М. А. Цявловский, Ю. Г. Оксман и др.)¹. Окончательное «возвращение» А. С. Пушкина, а впоследствии и других классиков русской литературы, приобщение (посредством просвещения и государственной политики по ликвидации неграмотности) широких многонациональных масс к духовному наследию прошлого имели не только культурное, но и важное политическое значение. Трудно не согласиться с оценкой этого события, данной российским историком Ю. Н. Жуковым: «Страна решительно по-

¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 218–219.

рывала с нигилистическим по сути, вульгарно-социологическим по форме отношением к своему прошлому, к тем, кто на протяжении веков создавал ее литературу, искусство, науку. Формирование Пушкинского комитета и проведение Пушкинских торжеств (в феврале 1937 г. – А. К.) открывали долгую череду восстановления с помощью таких же юбилеев сознательно замалчивавшихся учебниками и пропагандой имен писателей, поэтов, художников, архитекторов, композиторов, ученых»¹.

В 1935 г. понятие «патриотизм», уже прочно утвердившееся в советском политическом лексиконе, приобретает и ярко выраженное антифашистское содержание. Советский патриотизм, любовь народов СССР и рабочих других стран к первому в истории государству трудящихся, в котором устранены основные социальные и межнациональные противоречия, становится мощным пропагандистским оружием, направленным против главного врага – нацистской Германии, гитлеровской идеологии национал-социализма и ее составляющих: радикального антикоммунизма, идеи расового превосходства и ненависти к интернационализму.

В марте 1935 г. в «Правде» появляется заметка «Советский патриотизм», в которой декларировалось, что Советский Союз является для трудящихся всего мира «живительным родником человечества», а в звучащем «подобно колоколу в тумане» имени столицы этого государства – Москве – «воплощена надежда на лучшее будущее и победу над фашистским варварством». Советский патриотизм понимался как «чувство безграничной любви, безоговорочной преданности своей родине, глубокой ответственности за ее судьбу и защиту – рождается из недр нашего народа. Никогда героизм в борьбе за свою страну не достигал таких невиданных высот». Патриотизм граждан рожденного революцией государства объявлялся подлинным и народным: «Славная история Советского Союза показывает, на что способны трудящиеся, когда дело касается их родины. Нелегальная работа, сражения на баррикадах, бои могучей армии Буденного, смертельный огонь бессмертной армии революции, гармония фабрик и заводов социалистической индустрии, ритм труда больших и малых городов, деятельность Коммунистической партии – все это звучит в бессмертной песне нашей любимой, свободной, обновленной страны <...> Советская Россия – это страна, вскормленная и воспитанная Лениным и Сталиным. Она нежится в лучах весны, которая пришла вместе с Октябрьской революцией <...> Мы подняли красный флаг коммунизма к новым высотам, к далеким голубым небесам». О народном патриотизме как восприимчивке державной идеи и культур-

¹ Жукон Ю. Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С. 201.

ных традиций говорилось в следующих строках: «Советский патриотизм – это любовь нашего народа к стране, которую мы отобрали кровью и мечом у капиталистов и помещиков. Это – любовь к прекрасной жизни, которую построил наш великий народ. Это – надежная защита западных и восточных рубежей. Это – любовь к великому культурному наследию»¹. Примечательно, что немецкая сторона отреагировала на появление этой статьи. Ее перевод был опубликован в немецком печатном органе «Рундшау» (1935. № 15. С. 787).

Одновременно с утверждением патриотизма как ведущей составляющей массовой пропаганды в политике середины 1930-х гг. продолжался процесс постепенного возвращения к русскому культурному наследию, которое в новых социальных условиях должно было способствовать правильному идейному и эстетическому воспитанию советских граждан. Прежнее левацкое экспериментаторство в сфере культуры было отброшено. Вот как описывал события первой половины 1930-х гг. Г. В. Свиридов, в те годы начинающий композитор: «Тридцатые годы – неоднородные. Начало их – 31–32–33-й годы – голод по России. В литературе и искусстве торжество крайних экстремистских движений. С одной стороны – ЛЕФ, с другой РАПП и РАПМ. Гнусные негодяи и тут и там. Травля и уничтожение Русской культуры. Разрушение церквей, уничтожение ценностей, уже никогда невозможных. Отмена ЛЕФ'а и РАПП'а, Горький, недолгая попытка поднять значение и роль творческой интеллигенции (имеются в виду 1934–1936 гг. – А. К.). Литература: Шолохов, Леонов, А. Толстой. Появление талантливых поэтов: Прокофьев, Корнилов, Васильев, Смеляков. Романтизм (поэтический). Кино “Чапаев” – лучшая советская картина, так и осталась лучшей, имевшая настоящий всенародный резонанс и успех. Стали выставляться Нестеров, Петров-Водкин, Рылов. Появление Корина. Рахманинова разрешили играть; а раньше он был под государственным запретом. С. Прокофьева перестали называть “фашистом” (в 1933 г. великий русский композитор окончательно вернулся в СССР. – А. К.) <...> Интерес к Русскому (внимание к нему), возврат к классическим тенденциям»². В сентябре 1935 г. Политбюро своим специальным постановлением дает согласие на просьбу о возвращении в Россию выдающегося русского художника И. Я. Билибина вместе с семьей³.

¹ Правда. 1935. 19 марта.

² Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М., 2002. С. 209–210.

³ Власть и художественная интеллигенция. С. 267. В своем письме из Парижа на имя члена Политбюро ЦК ВКП(б) Я. Э. Рудзутака И. Я. Билибин признавал, что «пребывание здесь – нелепость и громадная ошибка», и просил разрешения вернуться на Родину (Там же. С. 764).

Происходили изменения и в области культурного строительства, выразившиеся в отказе от леворадикальной эстетики и в обращении к национальным традициям. Постепенно на сцену стали возвращаться русские песни и танцы, в официальной прессе появились благожелательные публикации о народном творчестве (в особенности после выступления А. М. Горького на I съезде писателей в 1934 г., в котором фольклор был назван выражением народной мудрости). В 1935 г. И. В. Сталин рекомендовал включить русские народные песни в постоянный репертуар музыкальных коллективов. В ноябре того же года газета «Правда» указала на значимость национальных традиций для дальнейшего развития советской музыкальной культуры. В одной из редакционных статей говорилось: «Все возвращающий интерес к народному танцу и народной песне – явление здоровое и жизненное. Это правильный путь и для всего советского музыкального искусства»¹. Современные композиторы, чьи произведения не соответствовали критериям русской музыкальной классики и канонам «социалистического реализма» (например, Д. Д. Шостакович с его оперой «Леди Макбет Мценского уезда»), обвинялись в «формализме», «левацком уродстве» и «мелкобуржуазном новаторстве»². Борьба с проявлениями «формализма» затронула и сферу живописи. Так, в мае 1936 г. председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР П. М. Керженцевым была направлена на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова докладная записка, в которой автор сетовал на то, что в залах Третьяковской галереи и Русского музея в последние 20–25 лет экспонируются «произведения формалистического и натуралистического порядка <...> ничтожные по своему художественному значению», в то время как «ряд картин, скульптур и рисунков лучших мастеров – реалистов XIX и XX вв. консервируются в запасниках». Призывая покончить с подобной практикой, Керженцев предложил утвердить постановление об изъятии произведений авангардистов из экспозиционных залов вышеуказанных музеев и «одобрить организацию Комитетом по делам искусств специальных выставок художников-реалистов Репина, Сурикова, Рембрандта»³. Первостепенное внимание при этом уделялось произведениям мастеров русской реалистической школы.

В канун нового, 1936 г., советскому народу и прежде всего юным гражданам СССР были возвращены новогодний праздник и елка, до этого считавшиеся идеологически вредными символами про-

¹ Правда. 1935. 10 ноября.

² См. редакционную статью в «Правде» «Сумбур вместо музыки» (28 января 1936 г.).

³ Власть и художественная интеллигенция. С. 308–309.

шлого, связанными с Рождеством и христианской традицией. В декабре 1935 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и секретарь ЦК КП(б) Украины П. П. Постышев, предварительно согласовав со Сталиным вопрос об этом нововведении, обратился с открытым письмом к комсомольцам страны. В нем он объяснил необходимость возвращения для советских детей традиционного праздника: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на Новый год своим детям елку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями елку и веселящихся вокруг нее детей богатеев. Почему у нас школы, детские дома, ясли, Детские клубы, Дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны? Как-то, не иначе как “левые” загибщики ославили это детское развлечение как буржуазную затею. Следует этому неправильному осуждению елки, которая является прекрасным развлечением для детей, положить конец. Комсомольцы, пионер-работники должны под Новый год устроить коллективные елки для детей <...> Горсоветы, председатели районных исполкомов, сельсоветы, органы народного образования должны помочь устройству советской елки для детей нашей великой социалистической родины»¹. Письмо Постышева восприняли как директивное, и уже на следующий день было опубликовано постановление ЦК ВЛКСМ за подписью лидера комсомола А. В. Косарева, в котором предписывалось организовать новогодние елки в школах, домах пионеров, парках – как веселое действо для детей, «не допуская <...> всякого рода докладов о деятельности школы»². Тогда же новогодние праздники были возвращены и для взрослых. По предложению профсоюзов Совнарком постановил выходной день 30 декабря (очередной после шестидневной рабочей недели) перенести на 1 января³. Новогодние детские елки, новогодние празднества и балы были впервые за долгие годы проведены по всей стране.

В те же дни было опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы», которое гласило: «Отменить установленные при допуске к испытаниям и при приеме в высшие учебные заведения и техникумы ограничения, связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей»⁴. Отмена некоторых социальных ограничений, установленных после Октября 1917 г. и распространявшихся на детей представителей бывших при-

¹ Правда. 1935. 28 декабря.

² Комсомольская правда. 1935. 29 декабря.

³ Правда. 1935. 21 декабря.

⁴ Известия. 1935. 30 декабря.

вилегированных слоев, являлась лишним свидетельством отказа советских властей от узкоклассового подхода в социальной политике и начала формирования общенародного государства, которое получит свое идеологическое оформление в Конституции 1936 г.

Среди ярких примеров реставрации в СССР некоторых дореволюционных армейских институтов следует особо отметить введение в сентябре 1935 г. постановлением ЦИК воинских званий в Красной армии¹ и последовавшую через полгода окончательную «реабилитацию» казачества. Последнее рассматривалось властью уже как всецело советское и было признано не только частью крестьянства, активно участвующей в колхозном строительстве, но и значимой единицей вооруженных сил страны. С казаков как носителей многовековых ратных традиций были сняты прежние ярлыки, определявшие их исключительно в качестве «царских карателей» и «пособников белых». Восстанавливался и воинский статус этого бывшего служилого сословия. 20 апреля 1936 г. вышло постановление ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА», существовавших с начала 1920-х гг. В документе указывалось: «Учитывая преданность казачества советской власти, а также стремление широких масс советского казачества наравне со всеми трудящимися Советского Союза активным образом включиться в дело обороны страны, Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановляет: отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии, кроме лишенных прав по суду»². На следующий день последовал приказ № 061 наркома обороны К. Е. Ворошилова о создании в РККА казачьих кавалерийских частей – донских, кубанских и терских. Военнослужащим казакам была возвращена (с некоторыми изменениями) традиционная форма казачьих частей Русской Императорской армии, но без погон (они будут введены в январе 1943 г.)³.

Характерным показателем возвращения к традиционным общественным ценностям стал предпринятый советским правительством курс на укрепление института семьи. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» предрекались неизбежное отмирание семьи при новом социальном строе и передача ее функций обществу. В советских публикациях (вплоть до начала 1930-х гг.) семья, «законный брак» по ортодоксальному пониманию марксистского учения объявлялись «патриархальными пережитками», социальным

¹ Правда. 1935. 23 сентября.

² Правда. 1936. 21 апреля.

³ См.: Жуков Ю. Н. Иной Сталин. С. 217; Солдаты Великой Отечественной войны. Киев, 2013. № 6. С. 6–7, № 13. С. 6–7.

и половым «порабощением», показателем культурной отсталости и «буржуазного индивидуализма». По мнению активной пропагандистки идей «полового коммунизма» А. М. Коллонтай, традиционная семья являлась главным препятствием на пути к коллективизму. В 1918 г. партийная сторонница «свободной любви» заявляла в одной из своих работ: «Семья обречена на разрушение»¹. На протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. левацкими функционерами в СССР активно пропагандировались нормы свободных семейно-брачных отношений, широкое распространение получили гражданские браки. Параллельно с этим к середине 1930-х гг. увеличилось количество разводов, аборт стали угрожающим явлением. Происходящие процессы оказывали негативное воздействие на демографическую ситуацию в стране. Все это не могло не вызвать беспокойства кремлевского руководства, стремящегося к максимальной централизации общества посредством государственнической идеологии и утверждения традиционных моральных норм. Как отмечает российский историк Т. В. Юрина, «именно в это время в политике государства произошел переход от идей радикального переустройства института семьи и сексуальной революции послереволюционного периода к установкам на сохранение семейных ценностей»². 26 мая 1936 г. «Правда» публикует правительственный законопроект об укреплении семьи, призванный подвести прочную юридическую основу под этот важнейший социальный институт. Предназначенный для широкого общественного обсуждения проект регламентировал вопросы семейно-брачных отношений, разводов, аборт, пособий многодетным и по уходу за ребенком и т. д. Существенно затруднялась процедура развода, увеличивались размеры алиментов. 27 июня 1936 г. было принято постановление, запрещающее аборт и их пропаганду. Отныне семья провозглашалась главной «ячейкой» советского общества и основной социальной составляющей в государственной структуре. Очередная «консервативная» мера, предпринятая большевистским руководством, окончательный отказ от левого радикализма в социально-духовной сфере, поворот к «семейным ценностям» и конкретным нравственным нормам прошлого были встречены с одобрением в кругах русской эмиграции. Возвращение «старорежимного» культа семьи с энтузиазмом было воспринято философом Г. П. Федотовым, назвавшим в своей статье «Сталинокрапия» (1936) этот процесс «бы-

¹ Коллонтай А. М. Семья и коммунистическое государство. М.; Пг., 1918. С. 23.

² Юрина Т. В. Советская семья в 1920-е – 1930-е годы: к вопросу об эволюции традиционной системы ценностей. URL: <http://www.rusnauka.com>

говой и духовной контрреволюцией»¹ (явно напрашивается аналогия между мнением Федотова и национал-большевистской позицией Н. В. Устрялова по отношению к переменам в Советской России начала 1920-х гг.). В левоэмигрантском лагере реакция на очередные перемены в СССР была прямо противоположной. Л. Д. Троцкий такое «новое» понимание семьи и всю советскую систему молодежного воспитания определил как характерные признаки сформировавшегося в СССР тоталитарного общества наподобие нацистской Германии. Он писал: «Многие педагогические афоризмы и прописи последнего времени могли бы казаться списанными у Геббельса, если б сам он не списал их в значительной мере у сотрудников Сталина»². Как показал дальнейший ход истории, для Сталина и его «сотрудников» возрождение здорового нравственного климата в стране, воспитание молодого поколения на лучших примерах прошлого и гуманистических идеалах (а не на абстрактных лозунгах), построение социальной системы, где возвращенные понятия «Родина», «семья», «честь» будут не отвлеченными пропагандистскими категориями, а обретут значимый для общества смысл, явились необходимыми мерами, позволившими создать великое государство, разгромившее фашизм.

В начале 1936 г. советская патриотическая концепция получает свое новое качественное дополнение – впервые официально декларируется ведущая роль русского народа в революционном движении и социалистическом строительстве, а также подчеркивается то особое положение, которое занимает Россия среди других братских республик Союза. 1 февраля в передовице «Правды» с характерным заголовком «РСФСР» провозглашалось: «В созвездии союзных республик первой величиной является Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. И первым среди равных является русский народ». Далее приводилось обоснование выдвинутого тезиса о русском первенстве в современной истории социализма: «Все народы – участники великой социалистической стройки – могут гордиться результатами своего труда; все они – от самых маленьких, до самых больших – полноправные советские патриоты. И первым среди равных является русский народ, русские рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей Великой пролетарской революции, от первых побед до нынешнего блистательного периода ее развития, исключительно велика <...> Наш великий народ, давший такие блестящие образцы борьбы за освобождение человечества <...> занимает почетное место в братской семье трудящихся всех стран <...> на его богатейшей истории будут воспитываться

¹ См.: Федотов Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 83. 109

² Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 135.

многие поколения борцов за мировой коммунизм». Таким образом, здесь можно говорить о явном смещении пропагандистских акцентов по сравнению с 1934–1935 гг.: от прославления патриотизма «общесоюзного», но лишённого какой-либо этнической окраски, к утверждению более конкретного, русского советского патриотизма (или «руссоцентризма» по терминологии Д. Бранденбергера¹). Русский патриотизм в его советской модификации провозглашался объединяющим идеологическим началом для других народов и высшим выражением интернационализма – с одной стороны, с другой – подчеркивалась ведущая роль русских во всех сферах жизни молодого социалистического государства. Однако, несмотря на то что статья была опубликована в главном печатном органе ВКП(б), изменение вектора идеологической политики было замечено далеко не всеми партфункционерами и деятелями культуры. Русский патриотизм был заявлен на страницах «Правды», но в силу продолжавшейся идеологической инерции и стереотипов вульгаризированного «классового подхода» пока еще не стал главенствующим в советской пропаганде. Это произойдет через год.

По-своему объяснял происхождение патриотической идеи заведующий Информационным бюро ЦК ВКП(б) и журналист К. Радек в своей статье «Советский патриотизм», опубликованной три месяца спустя в той же газете. Зарождение «патриотического сознания» он связывал с освободительной войной народов Западной Европы и России против наполеоновской Франции. Пришедшая к власти в освобожденных странах буржуазия «крадет» победу у народа, присваивая себе патриотическую идею, и собирает под ее знаменами эксплуататорские классы, образующие нацию. Пролетариат противопоставил буржуазному патриотизму («национал-шовинизму») свою контридеологию – интернационализм, чтобы вернуть себе Отечество. Только международная солидарность рабочих, борьба с капитализмом в собственных странах делает возможным обретение национальной свободы. По мнению Радека, именно интернационализм, в корне чуждый национал-нигилизму и буржуазному национал-шовинизму, является главным оружием в борьбе с национальными и классовыми поработителями: «Идея пролетарского интернационализма <...> выросла исторически в борьбе с буржуазным шовинизмом, с опошлением национальной идеи буржуазно-демократических революций. Но идея пролетарского интернационализма никогда не противоречила идее патриотизма в ее историческом смысле, как стремления к освобождению от внутреннего и внешнего гнета <...> Ленин и Сталин учили русский и международный про-

¹ См.: Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. С. 8.

летариат, что пролетарский интернационализм состоит не в национальном нигилизме, в отрицании значения национального вопроса, а в борьбе с национальным угнетением». Советский патриотизм (как патриотизм граждан СССР и всех пролетариев планеты) противопоставлялся гитлеровской национал-имперской пропаганде, защищающей интересы имущих классов: «Как бы ни старались фашисты, как бы ни надрывались их министерства пропаганды, им не создать в массах любви к отечеству. Ибо патриотические крики фашистов преследуют одну цель: не допустить, чтобы рабочие, крестьяне отняли у капиталистов и помещиков фабрики, заводы и землю»¹. Как видно из статьи К. Радека, его понимание советского патриотизма вполне соответствовало идеологическим установкам годичной давности и не имело каких-либо «отклонений» от ленинских принципов пролетарского интернационализма. Последний отождествлялся с подлинным патриотизмом, но значимость русского национального фактора игнорировалась. Наряду с этим, в публикации известного партийного журналиста патриотизм признавался закономерным и прогрессивным явлением, идеологией народных масс, рожденной в борьбе за независимость и национальное государство. Однако наступило время, когда советских граждан как патриотов необходимо было ознакомить с реальными событиями своей многовековой «богатейшей истории» (такую характеристику она получила в февральской правдинской статье). Отечественной истории предстояло сыграть определяющую роль в реформировании советской идеологической системы.

Формирование новой советской исторической концепции предполагало окончательный отказ от теоретического наследия М. Н. Покровского и его школы. 27 января 1936 г. в центральной печати были опубликованы «Замечания Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР», сделанные партийным триумvirатом еще в августе 1934 г, но не предававшиеся широкой огласке полтора года. Конспект учебника по истории СССР под редакцией Н. Н. Ванага представлял собой типичный образец социологического подхода к истории в русле «школы Покровского» и был подвергнут публичной критике. Наряду с «Замечаниями» в тот же день был опубликован принятый Политбюро проект извещения в печати «В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б)», в котором «ненаучность» и «несостоятельность исторических определений», содержащихся в конспекте, были признаны как яркий пример «антимарксистских, антиленинских, ликвидаторских, антинаучных взглядов на историческую науку», присущих значительному числу ученых – сторонников вульгарно-социологического подхода. Совнарком и

¹ Правда. 1936. 1 мая.

ЦК ВКП(б) указывали на то, что «эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой исторической школе Покровского». В партийно-правительственном документе подчеркивалось, что «задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения»¹. Было принято постановление о создании специальной комиссии Совнаркома и ЦК ВКП(б) под председательством А. А. Жданова по пересмотру и улучшению учебников по истории, а также предлагалось объявить конкурс на учебники, подлежащие коренной переделке. Учебник под редакцией Н. Н. Ванага и учебник по элементарному курсу истории СССР (авторы-составители И. И. Минц и З. Б. Лозинский) были признаны непригодными для преподавания.

В статье члена комиссии по новым учебникам В. А. Быстрянского «Критические замечания об учебниках по истории СССР», отредактированной И. В. Сталиным и опубликованной в «Правде» 1 февраля 1936 г., отмечалось, что учебник, написанный группой Н. Н. Ванага, «имеет ряд примеров “дурной социологии”, когда изложение гражданской истории заменяется мнимыми социалистическими обобщениями». Особо подчеркивалось: «Серьезнейшим недостатком учебника является то, что его авторы не показали прогрессивного значения “собирания земли русской”, создания ядра русского национального государства. В учебнике говорится только о грабежах и насилиях московских князей, так что учащиеся не могут вынести понимания, что образование национального государства великорусского племени было шагом вперед в историческом развитии». В этом замечании впервые была публично озвучена выдвинутая Сталиным еще в марте 1934 г. историческая и геополитическая концепция «русского народа – собирателя земель»². Она же была спроецирована и на советскую современность – в правдинской передовице «РСФСР» (опубликованной в одном номере со статьей Быстрянского), в которой русские

¹ Правда. 1936. 27 января. Текст «извещения» редактировал И. В. Сталин, см.: И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. С. 211–214; *Бранденбергер Д.* Посмертное убийство Покровского (прелюдия к публичному «разоблачению отца советской марксистской историографии, январь 1936 г.) // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков: Сб. статей и материалов. Брянск, 1999. С. 61–71.

² Историю – в школу. С. 159.

провозглашались ведущей нацией Советского Союза. Н. Н. Ванаг и группа авторов критиковались в «Правде» и за то, что в их учебнике не было показано «положительное значение Минина и Пожарского в освобождении страны от ее оккупации иноземцами – шведами и поляками – и в создании национального государства»¹. Обращалось внимание и на следующие недостатки учебника: отсутствие глав по истории русской культуры; характеристика М. В. Ломоносова исключительно как «идеолога дворянства», а декабристов – как «корыстных эксплуататоров» (несмотря на ленинскую оценку этого движения как революционного); «скомканное изложение» событий войны 1812 г. и т. д.² Публичное осуждение (в январе–феврале 1936 г.) откровенно русофобских и идеологически ангажированных взглядов на прошлое страны представителей школы Покровского ознаменовало собой окончательную смену ориентиров в советской исторической науке и пропагандистской политике: от «левацкого интернационализма» (как назвал данное явление Быстрянский) – в сторону государственности, исторической преемственности (с учетом классового подхода) и идеи патриотизма. По разному сложится судьба авторов несостоявшегося учебника: Н. Н. Ванаг и С. А. Пионтковский вскоре будут репрессированы, ученица Покровского А. М. Панкратова (несмотря на приверженность взглядам учителя, что найдет свое выражение в ее позиции на дискуссии историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 г.) и академик Б. Д. Греков станут активными пропагандистами сталинского идеологического курса³.

К кампании по развенчанию «антинаучных взглядов» историка М. Н. Покровского и его последователей присоединился и Н. И. Бухарин. 27 января, то есть в день появления в печати партийных публикаций по этому вопросу, главный редактор «Известий» помещает на страницах газеты свою статью «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах М. Н. Покровского)». Отдавая должное «блестящей работе», проделанной покойным академиком «по разрушению консервативных, буржуазных и мелко-буржуазных исторических концепций» (в числе их представителей автор статьи назвал имена Н. М. Карамзина, Б. Н. Чичерина, А. П. Щапова, В. О. Ключевского, славянофилов), Бухарин указал и на «узость и ограниченность исторических концепций М. Н. Покровского» из-за отсутствия в его работах «настоящей марксистской диалектики». Поскольку советская наука и культура поднялись за последние годы,

¹ Там же. С. 161.

² Там же. С. 159, 162.

³ См.: Историю – в школу. С. 294–298.

по словам Бухарина, «на несколько ступеней», то уже отчетливо видна вульгарная трактовка Покровским многих историко-методологических проблем, «где за левой фразой и теоретическими парадоксами прятались мысли, тормозившие рост исторической нации» (исторически просвещенной «советской нации». – А. К.)¹.

Однако уже через несколько дней сам автор статьи о Покровском будет подвергнут уничтожающей критике. Причиной тому стала публикация Н. И. Бухарина «Наш вождь, наш учитель, наш отец», приуроченная к 15-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Напомнив читателю о словах вождя большевизма, бичующих «обломовщину» и косность самодержавной России, редактор «Известий» прямо заявлял, что эти пороки были свойственны всему русскому народу как «нации Обломовых», нации ленивой и малограмотной. И поэтому «нужны были именно большевики <...> чтобы из аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала *нация* Обломовых, сделать ударную бригаду мирового пролетариата!»². По мнению Бухарина, именно Октябрьская революция и социалистические преобразования «вытравили» из народного сознания присущие ему «азиатские» черты, которыми умело пользовалась царская власть: «Эта расейская растяпа! Эти почти две сотни порабожденных народов, растерзанных на куски царской политикой! Эта азиатчина! Эта восточная “лень”! Куда все это девалось?»³ Если исходить из идеологической направленности статьи Бухарина, то складывалось впечатление, что ее автор остался добровольным заложником своих левацких и откровенно русофобских взглядов 1920-х гг. Для него, позиционирующего себя приверженцем и пропагандистом нового, советского, патриотизма перемены в идеологической сфере последних пяти лет и выдвинутый в 1931 г. И. В. Сталиным тезис о первенстве русского пролетариата в революционном движении XX в. либо были «не замечены», либо по-своему поняты. Представляя великую революцию делом группы большевиков, а не широких народных масс, которые были лишь ведомой «аморфной» массой, главный редактор «Известий» лишь подтвердил ту оценку, которая была дана ему 13 лет назад политическим лидером, памяти которого и посвящалась бухаринская статья. В декабре 1922 г. В. И. Ленин отмечал, что теоретические воззрения

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 358. Л. 40–41. В черновом варианте статья называлась «К ликвидации негодного инвентаря (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах М. Н. Покровского)».

² Курсив в оригинале.

³ Известия. 1936. 21 января.

Бухарина «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским»¹.

Партийная реакция на запоздалый русофобский выпад редактора «Известий» не заставила себя долго ждать. 30 января «Правда» в своей передовице подвергла разгромной критике концепцию «нации Обломовых», обвинив ее автора (пока его имя не называлось) в глумлении над русским народом, в теоретической безграмотности и незнании истории. В газете подчеркивалось: «Только любители словесных выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в нашей стране до революции “обломовщина была самой универсальной чертой характера”, а русский народ был “нацией Обломовых”». По мнению авторов материала, «народ, давший миру таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человечества, как Ленин и Сталин, – народ, подготовивший и свершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую социалистическую революцию, – такой народ называть “нацией Обломовых” может лишь человек, не отдающий себе отчета в том, что он говорит». В следующем номере «Правды» от 1 февраля (в упоминавшейся выше передовице «РСФСР») еще не названный по имени автор «вредной болтовни» о русском народе был уподоблен «продажным фашистским профессорам», утверждавшим, что «русские даже не люди». Проводилась параллель и с Гитлером, не признававшим за русскими собственной истории и утверждавшим, что «не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана германским элементам». К таким «элементам», олицетворявшим нерусский по своей этнополитической сути самодержавный строй, «Правдой» были отнесены «одиозные» государственные деятели немецкого происхождения: «цари Романовы <...> все эти Ольденбурги, Ренненкампы, Фредериксы, фон-Плеве, Штюрмеры, Остенсакены и др. ». Говоря о подлинно национальном характере советской власти, статья прямо указывала на то, что «ненависть к русскому народу включает в себя, конечно, ненависть ко всему советскому».

Обеспокоенный такой неожиданной реакцией на свою антирусскую инвективу, Н. И. Бухарин пишет письмо Сталину, в котором пытается оправдаться за столь неудачное выступление в печати. Он обратился к советскому вождю как к единомышленнику: «Я ни на йоту не хотел каких бы то ни было разногласий или “оттенков”. Я понимаю хорошо, что ты ведешь огромную большую политику, готовишь страну и к военной победе, хочешь опереться на все национальные традиции. Поэтому особенно тебя резанула “нация Обломовых”. Я же,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

как объяснял, хотел особо подчеркнуть и *национально-освободительную* роль большевизма и рабочего класса. Нехорошо сделал <...> Ты не представляешь, до чего глупо бывает, когда приходится страдать из-за разногласий, *которых нет*»¹. Но несмотря на формальное «раскаяние», Бухарин продолжал помещать на страницах «Известий» материалы, звучащие явным диссонансом на фоне набирающей силу державной и руссоцентристской пропагандистской кампании.

Полемизируя с «Правдой», выдвинувшей тезис о РСФСР как «первой среди равных» в союзе советских республик, Бухарин, оставаясь верным собственному пониманию интернационализма, в своей очередной известинской статье «Могущественная федерация» (опубликована 2 февраля) называет Россию «равной среди равных» в «братской семье». Для него также неприемлема и новая идеологическая формулировка: «царизм – тюрьма народов». «Тюрьмой», по мнению Бухарина, была именно Россия – «алчный и хищный насильник над национальной культурой и волей 180 народов», а русские в сознании инородцев ассоциировались с жандармами. Последнее положение вызвало особый гнев главного партийного печатного органа. 10 февраля «Правда» дает резкую отповедь подобным взглядам Бухарина (на этот раз обвинения были адресованы уже лично ему). Автор редакционной статьи «Об одной гнилой концепции» задавался вопросом: «Разве “русский” вообще (русский народ?) был для трудящихся других народов “равнозначим имени жандарма”, разве он не боролся против жандармов? <...> В таком тоне о русских (вообще, в целом) говорили петлюровцы, дашнаки, грузинские меньшевики и федералисты, мусаватисты, алаш-ордынцы и т. п.» Антирусские филиппики Бухарина расценивались в публикации как выступление против ленинизма, «высшего достижения русской культуры»: в то время, когда «товарищ Сталин говорит <...> о русском революционном размахе» и «с исчерпывающей полнотой показывает, почему Россия стала очагом ленинизма», редактор ведущей советской газеты «находится в непримиримом противоречии со всей историей нашей страны, нашей революции и нашей партии», партии, которая «всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии. Иванов, не помнящих родства, пытающихся окрасить историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет»². 14 февраля Бухарин в «Известиях» публично отмежевался от якобы «приписанной ему <...> целой исторической концепции, по которой весь великорусский народ (до революции) трактуется как ни на что

¹ См.: Исторический архив. 2001. № 3. С. 57 (курсив в оригинале).

² На возможное авторство И. В. Сталина двух антибухаринских статей в «Правде» указывает историк Г. В. Костырченко, см.: *Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм*. М., 2001. С. 150.

не способная величина». Вскоре он будет отправлен в длительную зарубежную командировку и фактически отстранен от должности главного редактора «Известий» (формально таковым будет числиться до января 1937 г.). Так завершилась эта короткая, но примечательная «полемика» по русскому вопросу между двумя ведущими советскими изданиями.

Уже после расстрела Н. И. Бухарина (март 1938 г.) он характеризовался в советской печати не только как «враг народа» и «фашистский шпион», но и как один из наиболее ярых ненавистников всего русского. О нем говорилось: «Иуда Бухарин в своей звериной вражде к социализму писал о русском народе как о “нации Обломовых”. Это была подлая клевета на русскую нацию, на мужественный, свободолюбивый русский народ»¹. В конце 1930-х гг., когда государственническая и патриотическая идеи окончательно восторжествовали в советской пропаганде и политическом курсе страны, еще недавно непререкаемые истины Н. И. Бухарина и М. Н. Покровского вызывали теперь недоумение самим фактом своего существования. Вот что, к примеру, писала «Правда» об исторической концепции Покровского в марте 1937 г.: «Можно только удивляться, как эта антинародная ересь печаталась»².

Однако в 1936 г. еще не все партийные и культурные работники поняли смысл происходящих в стране перемен. Инерция тотального очернительства дореволюционного прошлого и национальных символов проявлялась и в публичных выступлениях, и в советской культуре. Красноречивым примером тому может служить история со скандальной постановкой в московском Камерном театре режиссером А. Я. Таировым оперы-фарса «Богатыри» на либретто Д. Бедного (заказ на написание текста поэт получил еще два года назад). Действующие лица спектакля – великий князь Владимир и его двор, русские былинные богатыри – были выставлены карикатурно, как пьяницы, стяжатели и авантюристы. С прежних вульгарно-атеистических позиций 1920-х гг., но в более абсурдистском виде было представлено Крещение Руси, якобы состоявшееся исключительно «по пьяному делу». Отрицательным персонажам пьесы (историческим деятелям и героям русского былинного эпоса) ее автор противопоставил «положительных» представителей народа – разбойников из беглых крестьян. Свой выбор «положительных героев» Демьян Бедный позднее объяснял так: «Надо было оттенить, что это были не богатыри, а чепуха. “Купилы”, “чудилы”, а не богатыри. А ведь нужно было и героика брать в то же время. Тут я опять обратился к фолькло-

¹ Волин Б. Русские // МСЭ. М., 1941. Т. 9. Стб. 326.

² Правда. 1937. 28 марта.

ру. Вот тут я запутался в былинах и в разбойничьих песнях. Думал, что героинку я включаю сюда. Тут мне казалось, что это героинка всюду в былинах и в русской литературе, и на театре, и везде разбойники представляются художественным героическим пятном»¹. По мнению поэта, именно эта разбойничья стихия является подлинным выражением воли народа «и ведет к Стеньке Разину и Пугачевым»².

Премьере оперы-фарса, которая состоялась 29 октября 1936 г., предшествовал ряд восторженных статей о ней в некоторых советских периодических изданиях³. 13 ноября спектакль посетил председатель СНК СССР В. М. Молотов. Представленное зрелище привело главу советского правительства в негодование – он ушел со спектакля, выразив свое возмущение от увиденного в адрес режиссера-постановщика и автора либретто: «Безобразие! Богатыри ведь были замечательные люди!»⁴ Глуumlение над русской историей и героями национального фольклора, столь характерное для предыдущего десятилетия, в середине 1930-х гг. стало недопустимым, поскольку в корне противоречило выстраиваемой сталинским руководством модели новой государственнической идеологии и патриотического воспитания на лучших образцах прошлого, в том числе и на былинных сказаниях Древней Руси. Свое объяснение мотивов такой перемены в оценках русского эпоса приводит российский историк Л. В. Максименков. По мнению ученого, определяющим фактором явилось стремление власти вызвать у широких масс ассоциативное восприятие вождей новой советской Руси как былинных героев-богатырей: «Намечалось появление нового псевдомонархического мотива в идеологии сталинизма и ажиотажа вокруг фольклора и образа богатыря как основного элемента зарождавшейся литературной сталинианы. Побочной линией этого мотива было превознесение как эталона классических русских опер XIX века, трактующих эти темы: Иван Сусанин – богатырь, Руслан – богатырь, Садко – богатырь и т. д. <...> Так как эпос сталинианы черпал вдохновение в былинах о русских богатырях, то любая критика, а тем более издевка над полусвященными текстами былин могла восприниматься как косвенное посягательство на образ Сталина и его соратников. Кроме того, именно на рубеже 1935–1936 годов сталинское руководство стало склоняться к частичной реабилитации культурного наследия царской России <...> Происходил окончательный переход от интернационал-коммунизма ленинско-троцкистского образца к национал-большевизму сталинского толка.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 257. Л. 27.

² Там же.

³ См.: Правда. 1936. 24 октября; Советское искусство. 1936. 20 октября.

⁴ См.: Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 87.

Подчеркивание исключительного значения русского национального эпоса, монархической истории России (Иван Грозный, Петр Первый, Александр Суворов и т. д.) было стержнем идеологического обеспечения нового крутого перелома»¹. Возвращение в пропагандистский арсенал многих прославленных имен прошлого произойдет несколько позднее (в 1937–1941 гг.). В 1936 г. был окончательно «реабилитирован» лишь русский героический эпос как выражение подлинно народной культуры. Вызывает также сомнение тезис Л. В. Максименкова об отказе советского руководства от ленинского интернационализма. Отказ от интернационализма как одной из главных идеологических скреп многонационального государства трудящихся с политическим режимом, официально декларирующим свою преданность коммунистическому учению, был в принципе невозможен. Базовые положения марксизма-ленинизма (принцип диктатуры пролетариата, учение о классовой борьбе, пролетарский интернационализм), являвшегося официальной партийной и государственной идеологией (в своей сталинской модификации) оставались незыблемыми и не подлежали сомнению. Перемены затронули прежде всего советскую пропаганду, действительно во многом «скорректировав» ее содержание. В известном смысле можно говорить о новом идеологическом курсе, но никак не о смене идеологии. Вместе с тем термин «национал-большевизм» (введенный в оборот немецкими левыми националистами в 1919 г. и широко применяемый впоследствии Д. Л. Бранденбергером, М. С. Агурским и другими исследователями) можно трактовать как конкретное направление сталинской пропагандистской политики, основывающейся на идеях державности, интернационализма народов СССР, возглавляемых «старшим братом» – русским народом, и русского патриотизма как основы советского патриотизма. Но вернемся к событиям, связанным с постановкой «Богатырей» Д. Бедного.

14 ноября 1936 г. Политбюро своим специальным постановлением утверждает принятый накануне проект постановления Комитета по делам искусств о пьесе «Богатыри» Д. Бедного. В документе отмечалось, что опера-фарс «а) является попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси, как положительный революционный элемент, что противоречит истории и насквозь фальшиво по своей политической тенденции; б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа; в) дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению

¹ Максименков Л. В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. М., 1997. С. 212–213.

славянских народов с народами более высокой культуры». Было принято решение снять с репертуара пьесу Д. Бедного «как чуждую советскому искусству» и предложить председателю Комитета по делам искусств П. М. Керженцеву написать статью для «Правды» «в духе настоящего решения»¹. Статья будет опубликована в газете 15 ноября 1936 г.

Реакция властей на пьесу произвела на Д. Бедного шокирующее впечатление. Было очевидно, что «пролетарский поэт» не извлек уроков из истории с его стихотворными памфлетами, жестко раскритикованными И. В. Сталиным в декабре 1930 г. В беседе с секретарем Союза писателей В. П. Ставским 19 ноября 1936 г. Демьян Бедный пытался всячески оправдать себя, но получилось обратное: поэт совершенно не понял сути происходящих в стране перемен, упорно продолжая оставаться на позициях раннего большевизма с его тотальным отрицанием ценностей православия и державно-патриотической идеологии как «чуждых» и «враждебных» делу пролетариата. Вот как пытался объяснить Д. Бедный карикатурное изображение Крещения Руси, мотивируя это своими обидами на прежнюю власть: «Я и крещение подал фарсово, я не видел, что к нему нельзя подходить фарсово <...> Во мне сказалась, во-первых, старая отрывка антирелигиозника <...> Ведь я десятки лет на этом деле травленный и злоба у меня есть. Если бы я думал об этом, когда писал. Настолько внедрилось мне в голову это православие, самодержавие, народность, что эти три понятия представлялись мне в формах невежественных. Мне это представлялось: “Бей жидов, спасай Россию” – славянофильством. Я только бил по этим трем титанам <...> Уж очень долго перед моими глазами маячили эти православие, самодержавие и народность. Очень долго. Причем как нечто единое. И вот под впечатлением этого отвратительного впечатления от православия, самодержавия и народничества² я и выкинул штуку. И получилась чепуха»³. Примечательно признание поэта: он продолжал «бить по титанам» знаменитой уваровской «триады», когда они в совершенно измененном виде и в новых социально-политических условиях стали применяться советской пропагандой. Этого Д. Бедный понять и принять никак не мог (как и многие партийные работники старой большевистской «гвардии»). Здесь нельзя не согласиться с мнением российского публициста М. Ю. Ошлакова: «В неприятии курса Сталина на реабилитацию русской истории и культуры бюрократию поддерживала и значительная часть творческой интеллиген-

¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 333.

² Так в тексте.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 257. Л. 31–32.

ции, ибо по своему происхождению, характеру и складу перейти от революционного космополитизма к “обслуживанию” русской культуры физически не могла»¹.

По мнению Д. Бедного, разделявшего западнические взгляды, присущие раннему большевизму, принятие византийского христианства имело для Руси самые пагубные последствия, поскольку отрывало ее от цивилизованных стран Европы. Автор «Богатырей» уверял Ставского: «Ведь я привык думать, что Византия пришла к нам с крещением. А византизм было страшное для меня слово. Ведь мы с крещением получили византизм, восток. Мы повернулись спиной к Западу. Византия от Рима отошла и дала нам наиболее порочную форму христианства. Как это христианство ни является прогрессивным, но форма была настолько жуткая для нас, что дала и обоготворение царской власти, дала нам московских государей. Эта идеология византизма держала нас до Октября, т. е. если византизм был прогрессивен на тот момент, то потом он стал для нас хуже татарского ига, он отвратил нас на сотни лет от Западу»². Тем не менее повинующийся партийной дисциплине и напуганный статьей в «Правде», Демьян признает свои ошибки («Да что говорить, словом, крещение я проморгал, я теперь только понимаю это», «с разбойниками <...> меня просто толкали на это дело» и т. д.³) и заключает: «Пусть меня называют дураком, пусть смеются, пусть что хотят делают, но пусть говорят обо мне без той тенденции, что я хотел обмануть. Я буду таскать в кармане “Правду” и говорить: вот, никого я не обманул. Ты знаешь, когда Молотов пришел и посмотрел пьесу и вскипел, только тут я понял: “Мать честная! А мы-то приукрашивали разбойников”»⁴.

Позднее Д. Бедный будет делать тщетные попытки приспособиться к новому идеологическому курсу, но уже окончательно утратит доверие власти. В июле 1938 г. он будет исключен из ВКП(б) «за резко выраженное моральное разложение». В кругу домашних бывший кремлевский стихотворец заявлял, что «не приемлет сталинского социализма» и что «Сталин – ужасный человек и часто руководствуется личными счетами». Были и такие признания «среди своих»: «Я стал чужой, вышел в тираж. Эпоха Демьяна Бедного окончилась. Разве вы не видите, что у нас делается <...> Вот и меня преследуют потому, что на мне ореол октябрьской революции». Несколько раз Д. Бедный го-

¹ Ошлаков М. Ю. Сталин их побери! 1937: Война за независимость СССР. М., 2011. С. 89.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 257. Л. 32.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 41.

ворил родным о своем намерении покончить жизнь самоубийством¹. В годы Великой Отечественной войны окончательно «перестроившийся» поэт примет активное участие в массовой патриотической пропаганде.

Показательна реакция советских творческих работников на запрет оперы-фарса «Богатыри». У некоторых постановление Комитета по делам искусств вызвало недоумение, растерянность и даже резкое неприятие. Кинорежиссер И. З. Трауберг заявил в узком кругу: «Советское государство становится все более и более национальным и даже националистическим <...> Совершенно неожиданные вещи находят защиту у руководства партии». Впрочем, преобладали прямо противоположные оценки постановления. Приведем некоторые из них. В. А. Луговской, поэт: «Постановление вообще правильное, но что особо ценно, это мотивировка. После этого будут прекращены выходы разных пошляков, осмеливавшихся высмеивать русский народ и его историю. До сих пор считалось хорошим тоном стыдиться нашей истории». С. А. Клычков, поэт: «Этим постановлением реабилитируется русская история, а то все у нас дерьмом называют. Надо было. Теперь начинают признавать прогрессивное значение за многими фактами <...> С другой стороны, постановление как бы реабилитирует христианство». П. С. Романов, прозаик: «Очень хорошо, что заступились за русский фольклор, русских богатырей. Надо же искать и русских героев». В. В. Вишневский, драматург: «Поделом Демьяну, пусть не халтурит. Это урок истории: “не трогай наших”. История еще пригодится, и очень скоро. Уже готовится опера “Минин [и] Пожарский – спасение от интервентов”»². Примечательно, что автором либретто к опере на патриотическую тему станет писатель М. А. Булгаков, раскритикованный в мае 1936 г. за комедию «Иван Васильевич» по причине неуважительного изображения русского прошлого и образа царя Ивана Грозного³. Это означало, что советская пропаганда взяла курс на «реабилитацию» многих выдающихся деятелей русской истории, что и произойдет в следующем, 1937 г.

Предпринятые советским руководством в середине 1930-х гг. меры по изменению идеологического курса не могли не вызвать повышенного интереса в правящих кругах нацистской Германии. Американский историк, автор биографии Сталина Роберт Такер

¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 415–416.

² Там же. С. 336–337.

³ См.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. С. 103–105; *Дневник Елены Булгаковой*. М., 1990. С. 72, 120–121; *Татаринов В.* Драматургия в театре марионеток // *Булгаков М. А.* Театральный роман: Романы. Пьесы. М., 2004. С. 665.

приводит в своем исследовании эпизод, характеризующий реакцию немецких властей на происходящие перемены в стане главного геополитического противника: «Вполне возможно, что именно в связи с этой (антибухаринской. – А. К.) статьей в “Правде” и критическими замечаниями Сталина, Жданова и Кирова по поводу новых учебников истории сотрудника советского полпредства Андрея Смирнова спросили в германском МИДе, что означает рост националистических тенденций в Советской России. Естественно, нацистов должен был беспокоить рост подобных тенденций в стране, которую они считали будущим противником, – ведь по собственному опыту нацисты знали, какой мощной силой может стать национализм в его крайних проявлениях. Летом и осенью 1936 г. тенденции к росту русского национализма в СССР стали еще более заметными»¹.

Изменившаяся внешнеполитическая обстановка в связи с приходом к власти в Германии нацистов и нарастающая угроза новой мировой войны требовали от советского руководства не только существенной корректировки пропагандистского курса внутри страны, но и пересмотра прежней стратегии в коммунистическом движении. Советский Союз к середине 1930-х гг. обрел статус независимой и развитой державы, центра мирового социализма и активного игрока на международной арене. В 1934 г. по приглашению значительного числа государств – членов Лиги наций СССР стал полноправным членом этой международной организации. В сложившихся условиях Коминтерн постепенно утрачивал свое значение координирующего органа комдвижения и становился явным «анахронизмом» как политическая структура. Организация коммунистических и антифашистских сил становилась прерогативой Советского государства – «великого отечества трудящихся всего мира», как назвал его Георгий Димитров в своем выступлении на VII конгрессе Коминтерна в июле 1935 г.² В решениях этого последнего в истории Коммунистического Интернационала конгресса был взят курс на создание антифашистского Народного фронта, призванного объединить все прогрессивные демократические движения в борьбе с «коричневой» опасностью. Отказ от прежних оценок мировой социал-демократии как формы «социал-фашизма» и «самого опасного врага рабочего движения» явился логическим продолжением линии на создание единого Народного фронта и окончательным разрывом с левацкой политикой в комдвижении. Примечательно было и то, что Исполкому

¹ *Такер Р.* Сталин. История и личность: Путь к власти. 1879–1929; У власти. 1928–1941. М., 2006. С. 621–622.

² *Димитров Г.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. М., 1935. С. 36.

Коминтерна (ИККИ) рекомендовалось «избегать, как правило, непосредственного вмешательства во внутриорганизационные дела коммунистических партий»¹. В выступлениях на конгрессе и в его документах СССР провозглашался «двигателем мировой пролетарской революции» и «важнейшим фактором всемирной истории». Как отмечает Р. Такер, идеологический фон конгресса качественно отличался от предыдущих: «На конгрессе много говорили о патриотизме, но по мнению некоторых исследователей, это был самый “руссоцентристский” из всех конгрессов Коминтерна, поскольку в конечном счете получалось, что главная задача зарубежных коммунистов – обеспечить безопасность СССР даже в тех договорах, которые он мог впоследствии заключить с империалистическими колониальными державами»². На конгрессе был обновлен руководящий состав ИККИ. Он будет сформирован главным образом из ближайших соратников вождя и приверженцев новой линии в комдвижении.

Коминтерн в качестве проводника советской политики на международной арене и в мировом коммунистическом движении просуществует еще несколько лет. В апреле 1941 г. И. В. Сталин перейдет уже к конкретному обсуждению с Г. Димитровым и А. А. Ждановым вопроса о ликвидации данной организации, мотивируя это необходимостью придания европейским компартиям более национального облика³. Начавшаяся война помешает осуществлению этих планов. Созданный для осуществления «всемирной пролетарской революции» и переживший на 20 лет самую возможность ее осуществления вследствие кардинально изменившихся социально-политических условий Коминтерн будет распущен 15 мая 1943 г. как организация, «выполнившая свою миссию». Утопические идеи «мирового революционного пожара» уже давно «погасли» и уступили место реальным геополитическим интересам Советского государства, а лозунг «мировой революции» впоследствии будет заменен идеологемой «мировой революционный процесс». В сентябре 1947 г. под непосредственным контролем ЦК ВКП(б) будет создан новый орган, координирующий работу европейских компартий – Коминформ.

Следует отметить, что в некоторых советских пропагандистских документах, в выступлениях партийных функционеров и в целом ряде произведений литературы и искусства уверенность в неизбежной и скорой мировой революции и в «освобождении человечества» в результате действий оплота мирового коммунизма – СССР

¹ Резолюция VII Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935. С. 7.

² Такер Р. Сталин. С. 605. См. также: *Claudin F. The Communist Movement from Comintern to Cominform*. N. Y., London, 1975, I. P. 189–191.

³ См.: *Черняев А. С. Моя жизнь и мое время*. М., 1995. С. 283.

сохранялась вплоть до начала Великой Отечественной войны¹. Сам же И. В. Сталин, решительно опровергавший еще в начале 1930-х гг. какие-либо суждения об «отказе» Советского Союза от курса на мировую революцию (например, в своей статье 1932 г. «Господин Кэмпбелл привирает»²), спустя несколько лет заявит совершенно противоположное. В беседе с председателем американского газетного объединения Роем Говардом 1 марта 1936 г. советский лидер, отвечая на вопрос о наличии у СССР «планов и намерения произвести мировую революцию», подчеркнул, что «таких планов и намерений у нас никогда не было» и приписывание их большевикам является «плодом недоразумения», причем недоразумения «трагикомического»³. Несмотря на явно «пропагандистский» характер такого заявления большевистского вождя представителю западной прессы, оно свидетельствовало об одном: советское руководство публично отмежевывалось от прежних установок на мировую революцию образца 1920-х гг. Еще одним косвенным доказательством этого явилось исключение из проекта новой Конституции СССР (в ходе его обсуждения на Пленуме ЦК ВКП(б) в июне 1936 г.) первого раздела советской Конституции 1924 г. – «Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик», в котором провозглашалась конечная цель первого государства трудящихся: «Новое союзное государство <...> послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»⁴. В новых условиях, когда Советский Союз уже несколько лет состоял в Лиге Наций и был самым активным проводником политики мира и противостояния гитлеровской агрессии, сохранение подобного раздела в Основном законе страны становилось явным анахронизмом, не соответствующим международному статусу крупной мировой державы. Во внутривнутриполитической сфере для советского руководства первоочередной задачей по-прежнему оставалась ускоренная экономическая и военная модернизация страны и связанные с этим социальные и идеологические реформы.

5 декабря 1936 г. на Всесоюзном Чрезвычайном VII съезде Советов был утвержден проект новой Конституции СССР. В отличие от прежних советских конституций в ней впервые провозглашалось равноправие всех граждан страны. Решено было отказаться от суще-

¹ См.: Вдовин А. И. Русские в XX веке. С. 63–67, 178.

² Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 147.

³ Правда. 1936. 5 марта.

⁴ Конституция и конституционные акты Союза ССР (1922–1936). М., 1940. С. 41–42.

ствовавшей ранее выборной системы по производственному принципу (от заводов, фабрик, мастерских и т. д.) и перейти к территориальному. СССР, по сути, становился общенародным государством трудящихся, а не исключительно государством «диктатуры пролетариата», что декларировалось ранее. Нововведение было юридически закреплено статьей 135 Конституции, в которой говорилось: «Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, *вероисповедания*, образовательного ценза, оседлости, *социального происхождения*, имущественного положения и *прошлой деятельности*, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав»¹. Таким образом, в данной статье снимались ограничения в правах, распространяемые ранее на представителей прежних «эксплуататорских» классов (дворянство, купечество, духовенство и др.), получивших после революции статус так называемых лишенцев. Новые положения Основного закона Советского государства не только отображали перемены, произошедшие в социальной структуре государства со времени принятия Конституции 1924 г., но и являлись ярким доказательством стремления советского руководства к дальнейшей демократизации общества. По мнению историка Ю. Н. Жукова, «группа Сталина упорно стремилась к одной из важнейших по возможным результатам цели: принципиальному изменению массовой базы избирателей». Перед создателями новой Конституции стояла задача «предельно расширить круг лиц, которым вернули гражданские права, отбиравшиеся начиная с 1918 г.»².

Принцип гражданского равноправия распространялся и на духовенство. В статье 124 провозглашалось, что «в целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»³. Священнослужители, наравне с другими гражданами, получили право участия в голосовании. Вместе с тем необходимо отметить, что религиозные организации разрешались только как частные объединения, не принимающие участия в общественной и политической жизни страны. Священники не имели право избираться ни в Совет Союза, ни в Совет Национальностей, ни в рабочие Советы. Советский Союз по своей идеологической и политической сути оставался атеистическим государством.

¹ Конституция и конституционные акты Союза ССР (1922–1936). С. 189. (Курсив мой. – А. К.)

² Жуков Ю. Н. Иной Сталин. С. 219.

³ Конституция и конституционные акты Союза СССР. С. 188.

Новая Конституция возбудила надежды у многих представителей Православной церкви, так как в прежние годы они были лишены не только гражданских прав, но и права для своих детей на полное образование, а семьи священников – государственного страхования. По свидетельствам современников, некоторые православные епископы награждали церковнослужителей за проведение общественного обсуждения Конституции в приходах, а митрополит Витебский даже направил с этой целью 40 священников вглубь епархии¹.

О положительной реакции некоторых представителей православного духовенства на новые статьи Конституции свидетельствуют два документа: обращение священников Вяземской епархии к И. В. Сталину и тема лекции протоиерея А. Поспелова «Революция и Советская власть при свете веры». Они являются приложением к докладной записке зав. отделом культпросветработы ЦК ВКП(б) Е. М. Тамаркина и зав. сектором культурно-клубной работы отдела культпросветработы ЦК ВКП(б) М. С. Эпштейна, направленной 15 февраля 1937 г. секретарям ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу, А. А. Андрееву и Н. И. Ежову.

В обращении духовенства Вяземской епархии к И. В. Сталину говорилось:

«Великому вождю народов, мудрому архитектору счастливой и радостной жизни, творцу самой демократической в мире конституции Иосифу Виссарионовичу Сталину Духovenство Вяземской епархии, во главе со своим архиепископом Павлом (ориентации Высшего церковного совета), с чувством неподдельной радости и сыновней преданности выражает Вам, мудрейший из людей, глубочайшую благодарность за дарованные нам права, изложенные в бессмертном историческом документе – ВЕЛИКОЙ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Мы, как и все граждане социалистического государства, видим и чувствуем в этом документе изумительные, блестящие победы, одержанные нашей замечательной страной, под Вашим гениальным руководством.

День утверждения новой Конституции для нас, доселе бесправных, явился и будет до конца нашей жизни поистине светлым днем торжества, светлым днем радости за себя и за всех людей, населяющих нашу родину и согретых невиданной в истории человечества, Вашей отеческой заботой.

Мы искренне заверяем Вас, Иосиф Виссарионович, и Советское правительство, что во всей нашей деятельности оправдаем великое доверие, оказанное нам партией и правительством Советского Союза и всякий из нас, посягнувший прямо или косвенно на подрыв мощи нашей дорогой родины, где так вольно дышит человек, сам себя обречет на заслуженную кару, и такому нет и не будет места в наших рядах.

¹ *Поспеловский Д. В.* Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 175.

Слава Вам, Великий Зодчий человеческого счастья, на нескончаемые годы.

Пусть Ваш гений освещает путь всему человечеству!
Слава нашему Советскому Правительству!
Да здравствует Великая Сталинская Конституция!»¹

К «Обращению» прилагалась тема лекции «Революция и Советская власть при свете веры», изложенная в виде тезисов. Автор этого документа, протоиерей Алексей Поспелов, предпринял попытку легитимизировать существующий строй как «богоустановленный» и единственно возможный на территории России в сложившихся условиях:

«1. Соввласть, существующая в нашей стране с фактического согласия или признания народного, есть не только законная, но и богоустановленная власть.

2. Отношения к «властям предрержащим» (высшим), заповедываемые христианским учением, безусловно и полностью обязательны для верующих и в отношении к соввласти.

3. Несправедливость утверждения, будто библия освещает и обязывает христианскую церковь освещать и признавать только царскую власть, как единственно богоустановленную и идеальную, и потому церкви как будто бы присуще врожденное влечение именно к этой власти и одновременно ненависть ко всякой другой, а всилу этого – и не отделимое будто-бы тяготение народа к царскому прошлому.

4. Ниспровержение старого строя, вследствие его внутренней неправды и несостоятельности, явилось исторической необходимостью, словом божеским предсказанною и человеческою мыслью предвиданной.

5. Наши общественные язвы-грехи, вызвавшие революцию, как кару за них, революция, как остро-заразная, так сказать, политическая эпидемия, коей присуще неудержимое стремление перебрать все страны, а счастье первой ее жертвы – нашей страны, благополучно перенесшей эпидемию и в результате получившей как бы вторую молодость.

6. Божественные наставления, данные в свое время древним иудеям и израильтянам по разрушении их царств о полной и благожелательной покорности победителям, сохраняют свою полную силу и значение для нас в отношении к Соввласти.

7. Обращение с призывом к лояльности, к тем верующим, кои наиболее пострадали от революции и нового строя и потому могли затаить в себе ненависть к новой власти и строю и вместе с тем пламенную мечту о возврате царского прошлого.

8. Великие цели и задачи соввласти и поразительные успехи ее государственно-общественного строительства обуславливают полную и естественную возможность перехода от вражды и неприязни к лояльности и предан-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 256. Л. 42.

ности соввласти и советстрою со стороны наиболее пострадавших от бури совершившегося политического и социального переворота.

9. Успехи советстрою, как показатели божия к нему благоволения, причины и основания перенесения благоволения божия со стороны строя, носившего знамя креста и веры, на новый, сознательно заменивший, однако, то знамя знаменем звезды и неверия»¹.

Едва ли подобные взгляды протоиерея из Калининской области разделяло большинство служителей культа и православных мирян. Вышеприведенные материалы были представлены Е. М. Тамаркиным и М. С. Эпштейном своему партийному руководству как «документы, характеризующие новые формы работы церковников»². Обращает на себя внимание и орфография «темы лекции». Приведенные в тексте слова «Бог», «Церковь», «Библия» написаны со строчной буквы (возможно, А. Поспелов решил следовать правилам советского правописания). Являлся ли этот документ искренним признанием нового строя как «богоустановленного», обозначил ли такой подход определенную «тенденцию» в настроениях православного духовенства или был инспирирован властями – задача, которую предстоит решить будущим исследователям «советской» истории РПЦ. Так или иначе, но содержание обоих документов свидетельствовало об одном: их авторы не только признавали преемственность новой власти по отношению к дореволюционной государственности, но и подчеркивали свою приверженность советской патриотической идее.

Однако, несмотря на формальное восстановление в гражданских правах служителей культа, отношение властей к Церкви оставалось враждебным, религиозные организации по-прежнему рассматривались партийными функционерами как «единственные легальные реакционные вражеские организации» (Е. Ярославский)³. В вышеупомянутой докладной записке Е. М. Тамаркина и М. С. Эпштейна секретарям ЦК (февраль 1937 г.) указывалось на активизацию в стране «контрреволюционной» деятельности церковников и сектантов. Констатируя тот факт, что «антирелигиозная пропаганда за последние годы почти прекратилась», авторы документа обвиняли местные партийные и комсомольские организации, советские органы и профсоюзы в «самоустранении» от этой важной идеоло-

¹ Там же. Л. 43–44 (орфография и пунктуация текста оригинала сохранены. – А. К.). См. также: *Кожевников А. Ю.* «...Благодарность за дарованные нам права». Политическое просвещение. 2011. № 2. С. 111–112.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 256. С. 41.

³ Цит. по: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2006. С. 91.

гической работы и фактическом «бездействии»¹. После некоторой «либерализации» политики власти по отношению к духовенству в 1934 г. в последующие годы гонения на Церковь постоянно усиливались. Своего пика репрессии достигли в 1937–1938 гг. Российский историк М. В. Шкаровский приводит следующие данные: «Только в 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев»². В том же 1937 г. органами НКВД было арестовано 150 тыс. церковнослужителей и простых граждан, проходивших по церковным делам, 80 тыс. человек было расстреляно. Еще летом 1935 г. официальные органы приостановили издание «Журнала Московской Патриархии», в конце года прекратил свое существование Временный Патриарший Священный Синод³. Продолжалось варварское разрушение храмов, уничтожение памятников православной культуры. Репрессивные меры в отношении РПЦ и представителей других конфессий в период 1935–1938 гг. можно рассматривать в качестве целенаправленной и форсированной кампании по окончательной ликвидации церковных институтов и духовенства как проводников «буржуазно-клерикальной» и «националистической» идеологии, как «пособников контрреволюции». Однако, несмотря на предпринятые меры по скорейшему искоренению религии в обществе, данные переписи 1937 г. показали неожиданный для властей результат: более половины населения СССР продолжали оставаться верующими ($\frac{2}{3}$ сельского и $\frac{1}{3}$ городского населения)⁴. Это означало, что приверженность основной части общества традиционным национальным и духовным ценностям после 20-летнего искусственного внедрения новых идейно-нравственных установок оставалась неизменной.

Если действующая РПЦ оставалась для коммунистического руководства последней «легальной враждебной организацией», подлежащей скорейшему удалению из общественной сферы (а в перспективе и ликвидации как социального института), то отношение власти к исторической Церкви и ее роли в формировании русской государственности существенно меняется уже в конце 1936 г. Это было связано не только с негативной реакцией на постановку «Богатырей» Д. Бедного, в которой вульгаризировались знаковые события прошлого (в частности, Крещение Руси), но и с продолжавшейся работой по созданию единого учебника по истории СССР.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 256. Л. 35–39.

² Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 92.

³ Там же. С. 91–93.

⁴ Цыпин В. А. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 248.

В перспективе новый учебник должен был не только дать пропагандистское обоснование сталинскому «руссоцентристскому» курсу, но и способствовать формированию в массовом сознании идеи преемственности русской и советской государственности. Согласно такому подходу, СССР представлялся как правопреемник исторической России, фактически выдвигалась концепция единого и непрерывного «потока» национально-государственного развития: от Киевской Руси до советской державы (с учетом социально-экономических отношений и классовой структуры существовавших государственных образований). Советский строй признавался закономерным и высшим достижением государственного развития за всю многовековую русскую историю. Марксизм, согласно этой концепции, не только не противоречил идеям государственности и патриотизма, но в своем «русском», ленинско-сталинском прочтении по-своему обосновывал их, подводя теоретико-методологическую базу под идеологические нововведения. Примечательно, что новая патриотическая интерпретация русской истории в научных трудах и массовых изданиях часто «подкреплялась» характерными цитатами из Маркса – о ливонских «псах-рыцарях», об Иване Калите, Петре Великом, о «Слове о полку Игореве» и др. Российский историк А. Н. Вольнец отмечает, что «в этой новой идеологической доктрине 1930-х годов марксизм не противоречил патриотизму и национальному чувству, а наоборот, органически с ним сочетался. Революция становилась не отрицанием, а важнейшим этапом продолжения национальной истории, мотором национального развития. Новое государство – Советский Союз – становился продолжателем не только революционных, но и лучших государственных традиций. При этом подходе первая в мире социалистическая революция естественным образом ставила русскую цивилизацию впереди всего остального мира»¹. Данная патриотическая концепция ляжет в основу нового учебника по истории.

Россия и русский народ рассматривались в новой советской исторической концепции как объединяющие другие народы центростремительные начала, позволяющие сохранить национальную самобытность. Впервые было сказано о положительной роли монастырей в создании централизованного государства, а также о значении фактора единоверия в процессе присоединения к России других народов (украинцы, грузины). Для обоснования прогрессивного характера присоединения была предложена теория «наименьшего зла» (по сравнению с абсолютным злом национального и культурного порабощения этих народов соседними враждебными государствами). Все эти новации нашли свое выражение в указаниях А. А. Жданова

¹ Вольнец А. Н. Жданов. М., 2013. С. 187.

«о составлении постановления жюри конкурса на учебники по истории СССР» (записанные А. С. Бубновым 9 и 10 декабря 1936 г.). Отметив, что новые конспекты учебников по своему содержанию явно продвинулись вперед по сравнению с предыдущими (от «социологических» к марксистским), Жданов как председатель комиссии СНК и ЦК по улучшению учебников по истории обратил внимание на события прошлого, требующие особой трактовки в свете концепции «собираания Руси». Воссоединение Левобережной Украины с Россией было предложено рассматривать следующим образом: «О Богдане Хмельницком (пол. XVII в.). Украина и Россия. Присоединение к России <...> Это не абсолютное благо, но из двух зол это было меньшее». Далее А. А. Жданов указал на важность религиозного и этнического родства воссоединившихся славянских народов: «Одна вера! Славяне! Имеет значение <...> Была бы Украина тем, чем она является в настоящее время?» О присоединении Грузии к России: «Подобное же положение: Грузия и Россия (вторая половина XVIII в.). Ираклий II и его договор с Екатериной II (1783 г.) <...> Присоединение к России <...> Персы – Россия. Из двух зол – наименьшее <...> Самостоятельной Грузия в то время (в сложившейся исторической обстановке) быть не могла. Идти в кабалу к персам или туркам <...> Получили – Баку, железные дороги, социал-демократию <...> Единоверцы (это тоже имело значение)». Показательно, что цивилизаторская и охранительная миссия России по отношению к присоединившимся к ней народам проецировалась и на настоящий момент: таким образом РСФСР провозглашалась не только советским государствообразующим «стержнем», но и гарантом независимости и национального развития других республик. Возвращаясь к вопросу о централизации русских земель в XIV–XVI вв., Жданов особо отметил роль монастырей (как культурно-политических центров) в этом процессе: «О роли монастырей в собирании Руси. Фактор прогрессивный. См. у Маркса». И наконец, краткое резюме ко всему сказанному об общей концепции будущего учебника: «Собирание Руси – важнейший исторический фактор»¹.

Проблема государственной централизации, новая интерпретация событий русского прошлого и его знаковых фигур в свете «подлинно марксистского» подхода к истории стали темами для обсуждения на заседании жюри конкурса на лучший школьный учебник по истории СССР (25 января 1937 г.). Опираясь на последние указания А. А. Жданова, участники заседания подвергли критике «антимарксистские установки», содержащиеся в предложенных на конкурс рукописях учебников. А. С. Бубнов отметил, что освободительная

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 359. Л. 13–14.

борьба Богдана Хмельницкого против поляков представлена в большинстве учебников «таким образом, что национальный характер этого движения <...> совершенно аннулируется и Хмельницкий дискредитируется и опорочивается, якобы потому, что вел борьбу против крестьянского движения». Нарком просвещения провел здесь параллель с неправильной трактовкой событий Смутного времени в раскритикованном ранее учебнике Н. Н. Ванага, в котором Козьма Минин и Дмитрий Пожарский характеризовались «в самых резких контрреволюционных тонах», а в нынешних учебниках «национальный характер» освободительной борьбы русских против поляков «выкидывается»¹. П. О. Горин (соавтор одного из предложенных на конкурс учебников) в свою очередь заметил, что необходимо пересмотреть прежнюю оценку событий Отечественной войны 1812 г.: «Политика Наполеона была явно колонизаторская, шла борьба за покорение России, и Наполеон не ставил программы освобождения крестьян». «Император победившей буржуазии», по мнению ученого, «выступал как покоритель, завоеватель России, и в этом смысле Отечественная война против Наполеона имеет положительное значение»². В том же духе были выдержаны выступления большинства участников заседания. А. А. Жданов указал на правильность партийной критики еще присутствовавшего в учебниках «вульгарного социологизма», от которого необходимо окончательно отказаться советским историкам: «Это та ахиллесова пята, в которую уязвили наших историков авторы наших замечаний. Она оказалась во всех других учебниках таким же уязвимым местом. Сюда относится неправильная трактовка, как роли Минина и Пожарского, роли Богдана Хмельницкого, таких событий, как присоединение Грузии к России, все это рассматривается вообще как зло, а не как наименьшее зло. Затем трактовка роли монастырей, трактовка цивилизаторской исторической роли Петра, затем трактовка христианства и т. д.»³ По мнению председателя комиссии по учебникам, их авторы намеренно давали неверные оценки героическим событиям истории России, «боясь впасть в великодержавный шовинизм и прочие национализмы»⁴. Таким образом, национально-освободительное движение, борьба за независимость и территориальную целостность страны, государственное строительство и централизация уже не должны были рассматриваться с прежних вульгарно-классовых позиций, а признавались прогрессивными и героическими явлениями отечественной истории.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 359. Л. 166.

² Там же. Л. 174.

³ Там же. Л. 168–169.

⁴ Там же. Л. 174.

После рассмотрения более четырех десятков проектов учебников А. А. Жданов и член ЦК ВКП(б) Я. А. Яковлев рекомендовали авторам осветить в них следующие вопросы: «10) вставить вопрос о Византии; 11) лучше объяснить культурную роль христианства; 12) дать о прогрессивном значении централизации госуд[арственной] власти; 13) уточнить вопрос о 1612 г. и интервентах <...> 14) ввести Святослава “иду на вы”; 15) подобное дать о немецких рыцарях, используя для этого хронологию Маркса о Ледовом побоище, Александре Невском и т. д.; 16) средневековые Зап[адной] Европы не включать; 17) усилить историю отдельных народов; 18) убрать схематизм отдельных уроков; 19) [sic!] исправить о Хмельницком; 20) то же и о Грузии; 21) реакционность стрелецкого мятежа...»¹ Эти рекомендации прежде всего были адресованы авторскому коллективу историков под руководством профессора А. В. Шестакова (рукопись их учебника вызвала наибольшее одобрение комиссии).

Завершающий этап работы над учебником (декабрь 1936 г. – август 1937 г.) совпал по времени с развернувшейся в стране широко-масштабной официальной кампанией по пропаганде патриотической идеи, в которой русскому фактору отводилась ведущая роль. Соответствующие публикации в прессе, популярные книги по русской истории и культуре, переиздание писателей-классиков, патриотические произведения искусства и литературы советских авторов должны были способствовать утверждению в массовом сознании позитивного восприятия своего героического прошлого и воспитанию чувства национальной гордости. О новом понимании патриотизма в свете такого подхода писал в «Известиях» 18 декабря 1936 г. бывший «сменовеховец», а в то время – советский служащий и публицист Н. В. Устрялов: «Никогда еще чувство родины на всем пространстве нашей страны не было столь конкретным, столь живым и углубленным, как теперь. И никогда вместе с тем сознание ценности народно-национальной культуры не проникало в столь широкие слои нашего многонационального населения <...> Любовь к родине и к своему народу есть любовь не только к их настоящему и будущему, но также и к их историческому прошлому. Плох тот патриот, который уважает историю своего народа лишь в будущем. И не случайно вызывает ныне в советских людях такой единодушный отпор пренебрежение к прошлому великого нашего русского народа»². Усиление русской составляющей в массовой патриотической пропаганде несколько не противоречило официальной интернационалистской доктрине (аналогичная политика «реабилитации» некоторых национальных символов, прославления «прогрессивных» деятелей прошлого и мно-

¹ Цит. по: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. С. 66.

² *Устрялов Н. В.* Самопознание социализма // *Устрялов Н. В.* Избранные труды. М., 2010. С. 832.

гих памятников литературы и искусства проводилась и в советских республиках¹), а, напротив, всячески подчеркивало, что сохранение национальной независимости и развитие самобытной культуры советских народов возможно лишь в тесном союзе с государствообразующим народом, в соприкосновении с его историей и уникальным духовным наследием. По мнению того же Н. В. Устрялова, опыт национального строительства в условиях социализма снимал «былую контрверзу патриотизма и интернационализма»². Впрочем, как показала советская практика, решение национального вопроса в СССР не всегда соответствовало декларируемым намерениям и зачастую диктовалось мотивами политической целесообразности.

В январе 1937 г. впервые на официальном уровне было заявлено об особом вкладе русского народа в мировую культуру. В своем выступлении, посвященном проекту конституции РСФСР, председатель ЦИК СССР М. И. Калинин заявил: «Русский народ выдвинул из своей среды немало людей, которые своим талантом подняли уровень мировой культуры! Достаточно напомнить такие имена, как Ломоносов, Пушкин, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Некрасов, Щедрин, Чехов, Толстой, Горький, Суриков, Репин, Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, Менделеев, Тимирязев, Павлов, Мичурин, Циолковский. Я не говорю о крупных талантах русского театра, оказавших огромное влияние на развитие театрального искусства. Все это говорит о роли русского народа в развитии мировой культуры»³.

Главным событием 1937 г., официально закрепившим за русским культурным наследием статус объединяющего духовного начала в жизни советских народов, стали всесоюзные юбилейные торжества, приуроченные к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Подготовка к знаменательной дате началась еще задолго до февраля 1937 г. Постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) 1935 и 1936 г. определялись характер и основные направления реализации предложенных Пушкинским комитетом мероприятий. В частности, декабрьским постановлением 1936 г. предусматривалось: организация всесоюзной выставки, посвященной творчеству великого поэта; издание академического полного собрания сочинений А. С. Пушкина (с комментариями, адаптированными для широкого круга читателей) тиражом 540 тыс. экземпляров; массовые издания его произведений общим объемом 13,4 млн экземпляров и 151,5 млн листов-оттисков; открытие памятников, мемориальных досок, музеев в местах,

¹ См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011. С. 607–609.

² *Устрялов Н. В.* Самопознание социализма. С. 832.

³ Правда. 1937. 16 января.

связанных с жизнью и творчеством классика (в Ленинграде, селе Михайловском и др.)¹. К юбилею был снят и выпущен на экраны страны художественный фильм «Юность поэта» (реж. А. А. Народицкий, 1937), повествующий о лицейских годах жизни А. С. Пушкина. В 1936 г. вышла экранизация романа Пушкина «Дубровский» (реж. А. В. Ивановский). В советских театрах ставились спектакли по произведениям писателя. В честь родоначальника русской литературы были переименованы Биржевая площадь и драматический театр в Ленинграде, Царское Село стало называться городом Пушкин, в Москве появились Пушкинская улица и набережная. Наркомпросом РСФСР также был разработан и проведен целый комплекс мероприятий к предстоящему празднику – экскурсии учащихся по пушкинским местам, издание методических пособий по творчеству поэта, книг для популярного чтения и иллюстративных материалов о Пушкине и его эпохе. О значении наследия великого русского поэта для формирования у школьников многонациональной страны правильного культурно-эстетического мировоззрения говорилось в выступлении на заседании Пушкинского комитета заместителя наркома просвещения Б. М. Волина: «В наших школах обучается 25 млн детей, и мы обязаны все их внимание мобилизовать вокруг Пушкина. Юбилейная дата – только исходный момент. На пушкинском материале мы должны формировать литературные вкусы нашей молодежи»². В этом высказывании нашла отражение официальная «руссоцентристская» трактовка творчества А. С. Пушкина. «Родоначальник русской литературы и основатель нового русского языка»³ не только провозглашался главным литературным «наставником» для миллионов советских школьников, но и рассматривался как символ духовного единения народов России. «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой // И назовет меня всяк сущий в ней язык» – строки поэта, часто цитировавшиеся в юбилейных публикациях, раскрывающие «общерусский» и межнациональный смысл его творчества, проецировались уже на советскую действительность, когда произведения русского гения стали достоянием всех народов великой страны. Лейтмотивом выступлений на торжественном заседании в Большом театре 11 февраля 1937 г. и многих юбилейных материалов печати стал тезис об определяющем влиянии творчества Пушкина на развитие русской литературы и национальных литературных традиций, о культурной значимости наследия поэта для на-

¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 344–345.

² *Гиневский Я.* Навстречу пушкинскому юбилею // Средняя школа. 1936. № 8. С. 77.

³ Формулировка, предложенная А. С. Бубновым в октябре 1936 г., см.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. С. 100.

родов Советского Союза. В те дни «Правда» писала: «Русский народ чувствует память величайшего своего поэта, создателя русского литературного языка, родоначальника новой русской литературы. И все народы советской страны присоединяются братски к этому празднику русской литературы, потому что эта литература стала и для них близкой и родной»¹. В преддверии юбилейных торжеств произведения А. С. Пушкина были переведены на 58 языков народов СССР². На официальном уровне Пушкин провозглашался «великим национальным поэтом», «пламенным патриотом своей земли», творчество которого интернационально, потому что по своему характеру «глубоко национально»³.

Пушкинские торжества явились эффективным политическим и идеологическим мероприятием сталинского руководства, направленным на дальнейшую культурную централизацию многонационального советского общества вокруг имени и творчества первого поэта России. Немаловажной для власти была также и ее дальнейшая легитимация как патриотической и подлинно национальной в глазах русского населения страны. Российский историк Е. С. Громов отмечает: «Основная идея проводимых мероприятий: Пушкин – истинно русский гений, желавший видеть свою страну великой и единой под российскими знаменами <...> В случае с Пушкиным кремлевский правитель проявил незаурядное политическое, идеологическое чутье. Для русского народа Пушкин – не просто гениальный писатель, он его живая и проникновенная любовь, можно сказать, символ нации. Славя его, Сталин идеологически укреплял режим, завоевывая симпатии русского народа и его интеллигенции»⁴. Показательно, что И. В. Сталин лично присутствовал в Большом театре на торжественном заседании памяти великого поэта. Этим подчеркивалось первостепенное значение русской литературы, объединяющей народы в общем культурном пространстве – по сравнению с национальным культурным наследием других республик и этносов СССР (годом позже в качестве этноцентрализаторской «силы» выступит «реабилитированный» русский язык, за которым будет официально закреплён статус общегосударственного языка и языка межнационального общения советских народов).

Пушкинский юбилей стал началом широкомасштабной кампании по пропаганде дореволюционного культурного наследия, всего

¹ Правда. 1937. 2 февраля.

² См.: *Сикар Е.* Пушкин на языках народов СССР. Революция и национальности. 1937. № 2. С. 71.

³ *Волин Б.* Великий русский народ // *Большевик.* 1938. № 9. С. 32.

⁴ *Громов Е. С.* Сталин: искусство и власть. М., 2003. С. 327.

«прогрессивного» и политически приемлемого для нового государственного и идеологического курса. С левацким, нигилистическим отношением к русской классике, имевшим место в 1920-х – начале 1930-х гг., было решительно покончено. Русская культура и ее представители (за исключением наиболее «одиозных» и «реакционных» с точки зрения властей: славянофилов, философов-консерваторов, писателей и публицистов «охранительного направления») уже рассматривались как неотъемлемая часть новой советской культуры. Видный представитель русского национально-патриотического движения 1970–1980-х гг., православный публицист Г. М. Шиманов указывал на идеологическую обусловленность возрождения «культы» русской классики в сталинском СССР: «Только с торжеством сталинской политики культ русской литературы был восстановлен, упрочен и в модернизированном виде поставлен на службу новому режиму. Который нуждался в обогащении скудного идейного и эмоционального рациона, имевшегося в советском марксизме. И которому требовалось стилизовать русскую литературу XIX века под нечто протомарксистское и протосоветское с тем, чтобы примирить ее поклонников с собою и подчинить их себе. И эта задача была выполнена»¹. При всей дискуссионности подобного суждения нельзя не согласиться с автором приведенных строк в одном: новые «мехи» идеологической политики нуждались в старом и высококачественном «вине». Власть стремилась использовать лучшее из русского классического наследия для воспитания нового человека – гражданина и патриота своей Родины, высокообразованного и эстетически развитого строителя общества будущего. Необходимо было также «придать советскому искусству и литературе авторитетность, наделить родословной и традицией, отсутствовавшим вот уже пятнадцать лет»².

Отказ от вульгарно-социологической трактовки отечественной литературной классики нашел свое отражение в кинофильмах конца 1930-х гг. по произведениям русских писателей. Если дореволюционное прошлое России в экранизациях пушкинского «Дубровского», «Грозы» по одноименной драме А. Н. Островского (реж. В. М. Петров, 1934), в «Иудушке Головлеве» по роману М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (реж. А. В. Ивановский, 1934) представлялось сплошным «темным царством», а «положительные герои» произведения – выразителями прогрессивных взглядов и едва ли не революционерами («Дубровский»), то в кинофильмах, снятых после 1937 г., узкоклассовый подход сменяется новой трактовкой, близкой к литературному первоисточнику: «Бесприданница» по пьесе А. Н. Островского

¹ Шиманов Г. М. Записки из красного дома. М., 2006. С. 346.

² Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. С. 101.

(реж. Я. А. Протазанов, 1937); «Медведь» по водевилю А. П. Чехова (реж. И. М. Анненский, 1938); «Маскарад» по драме М. Ю. Лермонтова (реж. С. А. Герасимов, 1941) и др. Многотысячными тиражами издавались во второй половине 1930-х гг. собрания сочинений и отдельные произведения русских писателей дореволюционной эпохи¹. С середины 1930-х гг. празднование юбилеев выдающихся представителей русской науки, литературы и искусства становится неотъемлемой частью государственной культурной политики и массовой пропаганды (официальные торжества, публикации в прессе, посвященные М. В. Ломоносову, В. Г. Белинскому, В. И. Сурикову, И. Е. Репину и др., планируемые мероприятия к 100-летней годовщине со дня смерти М. Ю. Лермонтова)². В интернациональном СССР также широко отмечались юбилеи национальных писателей прошлой эпохи и памятников народной литературы (Шота Руставели, Т. Г. Шевченко, армянский эпос «Давид Сасунский», калмыцкий эпос «Джангар» и др.). В мае 1937 г. в Россию возвращается из эмиграции писатель А. И. Куприн. В своем интервью «Комсомольской правде» под впечатлением от перемен, произошедших на его Родине, он отметил: «Меня поразило также высокий уровень образованности всей советской молодежи. Кого ни спроси – все учатся, конспектируют, делают выписки <...> А как любят в СССР Пушкина! Его читают и перечитывают. Он стал подлинно народным поэтом»³.

Необходимо отметить, что массовый интерес к русской литературной классике и отечественной истории являлся не только следствием официальной политики по пропаганде национальных ценностей прошлого, но и результатом масштабных культурных преобразований, произошедших в СССР в последнее десятилетие. К концу 1930-х гг. в стране фактически была ликвидирована неграмотность. По результа-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1949; Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1937–1952; Крылов И. А. Полн. собр. стихотв.: В 2 т. Л., 1935–1937; Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. Л., 1935–1937; Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотв. Л., 1934; Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч.: В 20 т. М.; Л., 1933–1941; Островский А. Н. Избр. произв. М., 1935; Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958; Толстой А. К. Драматическая трилогия. Л., 1939; Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1935; Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940; Блок А. А. Собр. соч.: В 12 т. Л., 1932–1936; и др.

² См.: Власть и художественная интеллигенция. С. 309–310, 444, 469; Грабарь И. Великий русский живописец В. И. Суриков // Правда. 1936. 28 декабря; Кеменов В. Илья Репин. Там же. 1936. 10 июля; Гениальный сын великого русского народа. Там же. 1936. 18 ноября.

³ Куприн А. И. Москва родная. Комсомольская правда. 1937. 11 октября. В 1937 г. Гослитиздатом будет выпущен двухтомник произведений Куприна.

там переписи 1939 г. в Советском Союзе грамотными были 89,1 % населения (по сравнению с 56,6 % по переписи 1926 г.)¹. Качественно повысился и уровень народного образования, в том числе в гуманитарной сфере. Широкие массы населения, по сути, впервые узнали о собственной истории как о важнейшем проявлении национального бытия, о своих прославленных полководцах, государственных деятелях, писателях, художниках, композиторах, ученых (едва ли талантливому, но неграмотному простонародью дореволюционной России были известны имена героев собственной истории, в лучшем случае в фольклорном изложении). Все это создавало прочную основу для формирования гражданского и национального самосознания, воспитания у советских людей, особенно у русских, чувства преемственности героического прошлого и гордости за свою страну.

Музыкальная культура также являлась объектом пристального внимания партийного руководства. По замыслу властей, формалистические тенденции, чуждые народным традициям, должны быть окончательно преодолены и изгнаны из музыкальной сферы. Русская классика и национальный фольклор стали одним из ведущих направлений в советской музыкальной культуре. В докладной записке, направленной 16 февраля 1937 г. заведующим сектором отдела Культпросветработы ЦК ВКП(б) Е. М. Тамаркиным секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву, указывалось на недостаточное внимание Музгиза к изданию произведений русских композиторов: «До настоящего времени Музгиз не издает капитальных произведений русской музыкальной классики. У нас не существует полных собраний сочинений Глинки, Чайковского, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова и т. п. Издаются в небольших тиражах лишь отдельные произведения музыкальных классиков»². После соответствующих распоряжений партийных органов конъюнктура советских издательств изменилась в сторону массового издания русской музыкальной классики.

Новое официальное «прочтение» истории России существенно изменило и характер театральных постановок. Драматические произведения о национальных героях русского народа и знаменательных событиях прошлого заняли почетное место в репертуаре театров наравне с пьесами о революции и советской действительности. Тематика пьес по русской истории, их литературно-художественное исполнение, трактовка событий прошлого и характеристика персонажей определялись партийными органами, курирующими культуру. В этом отношении показателен эпизод с несостоявшейся постанов-

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1960 году. М., 1961. С. 24–25.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 256. Л. 67.

кой оперы «Минин и Пожарский». Автором музыки был композитор Б. В. Асафьев, либретто написал М. А. Булгаков. Предложение создать текст на героический сюжет из русской истории было воспринято драматургом как возможная «реабилитация» после недавних обвинений его в «зубоскальстве» и вульгарном изображении выдающихся деятелей прошлого (пьеса «Иван Васильевич»), а также как новое перспективное направление для собственного творчества. Однако центральные партийные органы весьма негативно восприняли предложенную авторами оперы интерпретацию событий «русской смуты». В докладной записке зам. зав. Культпросветотделом ЦК ВКП(б) А. И. Ангарова А. А. Андрееву от 9 января 1937 г. отмечалось следующее: «Центральные образы оперы “Минин и Пожарский” бесцветны и лишены драматического действия. Наоборот, польские персонажи – Гонсевский и Зборовский очерчены ярко, наделены сильными, героическими характеристиками. Польский разведчик Зборовский, пробравшийся в лагерь ополчения с целью убить Пожарского, излишне облагорожен либреттистом, что совершенно неправильно по отношению к польским военным авантюристам XVII века. Народные массы, поднявшиеся против польских интервентов, не показаны во все». Вслед за недостатками текста М. А. Булгакова, «крайне слабого по своим драматургическим качествам», в записке была подвергнута критике и музыкальная основа оперы: «Музыка Асафьева, обнаруживающая превосходную технику автора, мало выразительна и почти не содержит четких музыкальных характеристик сценических образов <...> Мелодии Пожарского и Минина бледны, русский песенный элемент представлен крайне слабо <...> Марш ополченцев, выступающих в поход, не имеет ничего общего с русской музыкой и несомненно написан под влиянием Прокофьева и новейшей западноевропейской музыки». Авторам оперы было предложено «переработать ее в соответствии с историческими фактами и с более широким использованием русского музыкального фольклора»¹.

В 1937 г. начался процесс постепенного «возвращения» русской советской общественности имен выдающихся государственных деятелей прошлого и включения их в официальный пантеон национальных героев – как собирателей и строителей России, защитников ее независимости и территориальной целостности. И первым из числа этих «возвращенных» народу знаковых фигур русской истории и получивших в целом положительную оценку новой власти станет Петр Великий.

В ретроспективе представляют интерес характеристики, данные Петру I и его эпохе русскими революционерами – историческими

¹ Там же. Л. 8–9.

предшественниками большевизма. Отношение в революционно-демократических кругах XIX в. к личности и деятельности первого российского императора не было однозначным: от положительных оценок преобразований «коронованного революционера» (декабристы, А. И. Герцен, В. Г. Белинский) до сугубо отрицательных – как деспота и «кровопийцы» (Т. Г. Шевченко). Приведем лишь некоторые высказывания, отражающие всю разноречивость мнений о «царе-реформаторе»: А. И. Герцен в работе «О развитии революционных идей в России» (1851) писал: «Петр I не был ни восточным царем, ни династом; то был деспот наподобие Комитета общественного спасения, – деспот и по своему положению, и во имя великой идеи, утверждавшей неоспоримое его превосходство над всем, что его окружало <...> Петр I предстает перед своим народом, словно простой смертный. Все видят, как этот неутомимый труженик, одетый в скромный сюртук военного покроя, с утра до вечера отдает приказания и учит, как надо их выполнить, он кузнец, столяр, инженер, архитектор и штурман. Его видят везде, без свиты, – разве только с одним адъютантом, – возвышающегося над толпой благодаря своему росту <...> Петр Великий был первой свободной личностью в России и, уже по одному этому, коронованным революционером»¹. За десятилетие до этого мнение о Петре как о подлинно национальном правителе высказал в своем цикле статей «Россия до Петра Великого» (1841) критик В. Г. Белинский: «Россия до Петра Великого была только народом и стала нацией, вследствие толчка, данного ей ее преобразователем <...> Только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ»². Опровергая выдвинутые против Петра представителями славянофильского и консервативного лагерей обвинения в разрушении великим реформатором русских национальных основ и в приверженности его исключительно западным ценностям, революционер и писатель Н. Г. Чернышевский подчеркивал: «У самого Петра Великого все важные для общественной жизни понятия и все принципы действия были совершенно русские понятия и принципы времен Алексея Михайловича и Федора Алексеевича <...> Он был истинно русским человеком, не изменившим ни одному из важных в общественной жизни понятий и привычек, господствовавших у нас во времена его детства и юношества <...> Способ его действия чисто национальный, без малейшей примеси западного характера» (статья «Апология сумасшедшего»,

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 7. С. 170.

² Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 4. С. 38.

1860)¹. Более противоречивым было отношение к личности Петра у предшественников революционных демократов 1840–1860-х гг. – декабристов. Спектр мнений о великом преобразователе был широк: от положительных и даже романтически-возвышенных («Думы» К. Ф. Рыльева) до критических (статья А. О. Корниловича). Крайне отрицательное отношение к Петру I было у украинского поэта и революционного демократа Т. Г. Шевченко. В своей поэме «Сон» (1844), разоблачавшей «угнетение» Малороссии самодержавием, автор так характеризовал первого императора России: «Этот – *первый*, распинал он нашу Украину», «кровопийца», «палач свирепый» и т. п.² Следует отметить, что в литературных произведениях, написанных с позиций официальной триады «православие, самодержавие, народность», образ Петра в основных чертах соответствовал принятой трактовке, но был лишен глубокого и объективного раскрытия.

У наследников русских революционных демократов XIX столетия – большевиков отношение к эпохе петровских преобразований (несмотря на их прогрессивный характер) было в основном отрицательным. Для революционеров-ленинцев первый император олицетворял идею самодержавной власти, политика Петра I рассматривалась как крепостническая, репрессивная, направленная на упрочение новых порядков. В первое десятилетие Советской власти в официальной пропаганде, исторической науке и культуре преобладали негативные характеристики Петра и его эпохи. Такое отношение было обусловлено политической установкой на «развенчание» дореволюционного прошлого и представителей «самодержавной России». Уничижительной характеристики первый император удостоился в работе историка М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» (1920–1933).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в советской пропаганде и культуре обозначается противоположная тенденция в оценке образа Петра I. Это было связано с упомянутыми изменениями в официальном идеологическом курсе, с ориентацией власти на государственный патриотизм и стремлением И. В. Сталина найти аналоги политике советской модернизации в русском прошлом. Несмотря на тот факт, что большевистский лидер в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом (1931) публично отмежевался от распространенного на Западе сравнения своей политики с петровскими преобразованиями, спустя несколько лет подобные «параллели» станут все более явно проводиться в пропаганде и культуре. Советская трактовка

¹ Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения. В 3 т. М., 1951. Т. 3. С. 304–305.

² Шевченко Т. Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1977. Т. 1. С. 272, 274 (курсив в оригинале).

образа создателя новой России нашла свое отражение как в литературных произведениях, так и в театральных и кинопостановках.

Ведущая роль в новом художественном преломлении образа Петра I принадлежала выдающемуся русскому советскому писателю А. Н. Толстому. К эпохе преобразований начала XVIII в. он обращался еще в первые годы революции (рассказы «Первые террористы», «Наваждение», «День Петра», 1917–1918). В 1928–1929 гг. Алексей Толстой вновь возвращается к этой теме и пишет историческую пьесу о Петре «На дыбе». В ней российский реформатор был показан не только выдающимся государственным деятелем, заботящимся о благе Отечества, но и жестоким деспотом, ненавидимым угнетаемым им простонародьем. Это было определенной «данью» писателя идеологическим установкам, господствовавшим в официальной историографии и культуре в те годы. Но даже такая интерпретация Петра была воспринята негативно. Пьесу о Петре и новое истолкование событий петровской эпохи поддержал И. В. Сталин. Вот как писал об этом А. Н. Толстой в своей «Краткой автобиографии»: «Постановка первого варианта “Петра” во 2-м МХАТе была встречена РАППом в штыки, и ее спас товарищ Сталин, тогда еще, в 1929 году, давший правильную историческую установку петровской эпохе»¹. «Правильная установка» была дана, по всей видимости, в начале 1930 г. И. В. Сталин, присутствовавший на генеральной репетиции спектакля по пьесе «На дыбе» 23 февраля 1930 г., ушел, не дождавшись ее окончания, но высказал свое мнение о постановке художественному руководителю театра, режиссеру И. Н. Берсеневу: «Прекрасная пьеса. Жаль только, что Петр выведен недостаточно героически»². Однако мнение первого лица государства, высказанное Берсеневу в личном разговоре и переданное членам худсовета, еще не стало широко известным и не приобрело «директивного» по тем временам характера. Идеологический «разнос» произведения о самодержце-реформаторе не прекращался. Рапповский критик И. Бачелис писал: «Пьеса А. Н. Толстого – бывшего графа – вчерашнего певца разорившегося дворянства, до последнего времени числившегося в рядах мелкобуржуазных попутчиков, злобная, бешенная вылазка классового врага, прикрытая искусной маской “историчности” <...> искусно замаскированная контрреволюционная вылазка, во много раз более активная, чем “Дни Турбиных” или “Багровый остров”»³. После премьеры пьесы во Втором МХАТе двое сотрудников Института крас-

¹ Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958–1961. Т. 1. С. 60.

² Иванов-Разумник Р. В. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 73.

³ Цит по: Крестинский Ю. А. А. Н. Толстой. Жизнь и творчество. М., 1960. С. 182.

ной профессуры обратились к писателю «с предложением провести для него специальную консультацию о том, как следовало бы ему изобразить Петра, поскольку он, очевидно, недостаточно хорошо знает историю XVIII века и возвеличил тирана-варвара»¹. Резко отрицательную реакцию рапповской критики вызвала также публикация первой книги А. Н. Толстого «Петр Первый» (1929–1930). На страницах журнала «Октябрь» публицисты, обсуждавшие роман, обвинили писателя в пропаганде государственной идеологии, в «идеализации» прошлого и в приверженности национальной идее, которая, по мысли оппонентов автора романа, являлась не чем иным, как «агрессивной идеей буржуазии». Сам жанр исторического романа рассматривался ими как «проявление стремительной агрессии национальной идеи к захвату сознания наишироких масс»². В 1936–1937 гг. официальная оценка Петра I, его личности, деятельности становится более объективной. Эпоха великих преобразований будет рассматриваться (в соответствии с утвержденной исторической концепцией) уже как закономерный и героический этап становления новой российской государственности.

Определяющим событием в культурной жизни страны и в деле патриотического воспитания советского общества на героических образах прошлого стал выход на экраны страны 31 августа 1937 г. первой части кинодилогии «Петр Первый» (реж. В. М. Петров, сцен. А. Н. Толстой, в роли Петра I – Н. К. Симонов). В фильме Петр I был представлен как выдающийся государственный деятель, энергичный и прозорливый создатель новой России, талантливый полководец и в известном смысле как «народный» царь. На это обратила внимание и русская эмигрантская пресса. Газета «Возрождение» в дни демонстрации фильма на Всемирной выставке в Париже отмечала: «Фильм вполне приличный, довольно увлекательный, недурно воскрешающий особенности петровского времени и моментами даже историческую атмосферу <...> Единственно, в чем <...> все же сказывается [пропаганда], это именно в тенденции изобразить петровское дело как “первый пятилетний план”, а самого Петра – как коронованного пролетария»³. Фильм, снятый на высоком художественном уровне, с великолепным актерским составом, с триумфом прошел в кинотеатрах Советского Союза и получил престижные награды за рубежом (Гран-при Международной выставки в Париже, 1937; др.). В 1941 г.

¹ Никитина З. А., Толстая Л. И. Воспоминания об А. Н. Толстом. Сборник. М., 1973. С. 214.

² См.: Фридлянд Г. Основные проблемы исторического романа // Октябрь. 1934. № 7. С. 208; Ваганян В. О двух видах исторического романа. Там же. С. 216–220.

³ Цит. по: Летопись российского кино. 1930–1945. М., 2007. С. 512.

«Петр Первый» будет удостоен Сталинской премии. Советские писатели и публицисты связывали выход кинокартины о царе Петре на широкий экран с ожидаемым выпуском учебника по истории СССР и с возрастающим интересом у граждан великой страны к своему героическому прошлому. Ю. К. Олеша писал об этом фильме: «Его появление как нельзя лучше отвечает культурным запросам населения нашей страны. Массы проявляют небывалый интерес к истории. Произведения великих мастеров русского искусства, трактующие исторические сюжеты, привлекают особое внимание. Огромный интерес проявляет вся страна к выходу в свет нового учебника истории. Народ хочет знать свою историю. Он хочет увидеть пути, которые привели его к славе»¹.

С этого времени новая интерпретация образа Петра I как государственного деятеля-реформатора и создателя великой державы станет главенствующей в советской массовой пропаганде, историографии и искусстве. Вместе с этим постоянно подчеркивались классовая направленность его реформ и усиление иностранного влияния – как негативное следствие преобразований. К 1938 г. А. Н. Толстой создает новую редакцию пьесы «Петр Первый». Ее постановки с большим успехом пройдут во многих театрах Советского Союза, в том числе в Ленинградском гос. акад. театре драмы им. А. С. Пушкина (роль Петра исполнил Н. К. Черкасов, в роли Меншикова – В. В. Меркурьев). Над романом «Петр Первый» писатель будет работать вплоть до свой смерти (2-я и 3-я книги эпопеи будут публиковаться с 1934 по 1945 г.). В одном из интервью, касаясь своей главной творческой темы, Алексей Толстой так охарактеризовал время петровских преобразований: «Эпоха Петра I – это одна из величайших страниц истории русского народа. По существу вся петровская эпоха пронизана героической борьбой русского народа за свое национальное существование, за свою независимость. Темная, некультурная боярская Русь с ее отсталой, кабальной техникой и патриархальными бородами была бы в скором времени целиком поглощена иноземными захватчиками. Нужно было сделать решительный поворот во всей жизни страны, нужно было поднять Россию на уровень культурных стран Европы. И Петр это сделал. Русский народ отстоял свою независимость»². Такая трактовка петровской эпохи советским писателем давала историческое обоснование современной сталинской политике модернизационного рывка и сплочения нации перед угрозой внешней агрессии и порабощения. Не случайно А. Н. Толстой в том же интервью признался, что сам Сталин санкционировал съемки кинодилогии о Петре: «Иосиф Виссарионович очень внимательно ознакомился с на-

¹ Известия. 1937. 2 сентября.

² Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1946–1953. Т. 13. С. 535.

шими планами, одобрил их и дал указания, которые мы положили в основу нашей работы»¹. За полгода до этого в беседе с сотрудником «Литературной газеты» писатель особо подчеркнул патриотическую направленность готовящейся к выходу на экраны кинокартины, призванной возвеличить историческую роль русской нации, ее талант и героизм, подвергавшиеся до этого сомнению или открытому осмеянию у левацки настроенных авторов: «Развернувшаяся в советской печати дискуссия по поводу “Богатырей” совершенно четко определила задачи советских писателей-историков и навсегда выбила оружие из рук вульгаризаторов этой области науки и искусства <...> Центральной идеей нашего фильма была и остается идея показа мощи великого русского народа, показа непреоборимости его созидательного духа»². Подлинным воплощением национального духа, преданности родной стране, – как отмечал исполнитель главной роли Николай Симонов, – являлся сам царь Петр: «Мне хотелось показать историческую прозорливость Петра, его патриотизм, преданность исконным интересам России. Хотелось, чтобы в годы осложнившейся международной обстановки перед Отечественной войной, когда снимался фильм, каждый советский человек почувствовал величие и силу своей Родины»³. Историческая кинолента, впервые прославляющая державное величие России и национального лидера-государственника вызвала небывалый до тех пор интерес у граждан страны (сравнимый, возможно, лишь с премьерой «Чапаева» в 1934 г.). Только в Москве за первые 11 дней демонстрации фильма его посмотрело более 1,5 млн человек⁴. 7 марта 1939 г. на экраны страны вышла вторая часть кинодилогии о Петре, которая была встречена советским зрителем с неменьшим интересом, чем предыдущая.

Еще одним знаковым событием, совпавшим по времени со всесоюзной премьерой «Петра Первого», стал выход в октябре 1937 г. давно ожидаемого учебника по истории СССР.

22 августа в центральной печати было опубликовано постановление Всесоюзной правительственной комиссии, в котором подводились итоги конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3-го и 4-го классов средней школы. Первая премия не была присуждена. Вторую премию жюри присудило авторскому коллективу под руководством А. В. Шестакова. Поощрительной премии были удо-

¹ Там же.

² Литературная газета. 1937. 30 марта.

³ Цит. по: *Раззаков Ф. И.* Гибель советского кино. Интриги и споры. 1918–1972. М., 2008. Ч. 1. С. 106.

⁴ Там же. С. 107.

стоены И. И. Минц, А. М. Панкратова, М. В. Нечкина и некоторые другие авторы представленных на конкурс учебников¹.

Еще на заключительной стадии работы авторских коллективов члены комиссии указали на главный недостаток, содержащийся во всех рукописях учебников, – основное внимание в них уделялось русской истории при недостаточном освещении истории других народов Советского Союза. Это явно не только расходилось с указаниями И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова об основной концепции учебника, но и противоречило новой интернационалистской доктрине: русский народ – «первый среди равных», но никак не главенствующий в «братской семье народов». На это было обращено особое внимание в «Заключении» комиссии на конкурсные учебники по истории (февраль 1937 г.): «Они (авторы учебников. – А. К.) приготовили “блюдо”, в котором основное – это Русь, а другие народы – только “гарнир” <...> Авторы не понимают и не хотят понять, что русский народ есть первый среди равных, именно равных народов СССР. Поэтому они, авторы, дают вместо истории всех народов СССР своеобразное “помянутие” о народах СССР <...> Таким образом авторы лишили другие народы СССР, кроме русского народа, права на свою историю»². Замечания авторами были учтены, но даже в исправленном варианте учебники, по мнению комиссии, еще «не соответствовали» в полной мере предъявляемым к ним требованиям (что и показали итоги конкурса с присуждением первой премии). Как справедливо отмечает российский историк А. Л. Юрганов, «требования выдвигались такие, что выполнить их было невозможно»³. Нереальным было бы изложение (даже краткое) в школьном учебнике истории *всех* народов страны – в таком случае он разросся бы до энциклопедических объемов (в «Заключении» комиссии не были названы те народы, с историей которых необходимо ознакомить советских учащихся). И хотя в итоговом постановлении комиссии отмечалось «как крупное достижение» авторов то, что их учебники «перестали быть историей одного только великорусского народа», вместе с этим подчеркивалось, что задача «вести в качестве субъектов истории также и другие народы <...> не решена ни одним из авторов учебников»⁴. Среди других «недостатков», идеологических и фактологических «ошибок», содержащихся в учебниках, отмечались следующие: идеализация язычества и игнорирование «прогрессивной» роли христи-

¹ Правда. 1937. 22 августа.

² Цит. по: Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 189.

³ Там же. С. 188.

⁴ Историю – в школу. С. 264.

анства для культурного развития Руси; отсутствие «марксистской» оценки битвы на Чудском озере; неправильная трактовка авторами воссоединения Украины с Россией и присоединения Грузии, «вне связи с конкретными историческими условиями того времени»; непонимание «реакционности» стрелецких мятежей; преувеличение «организованности и сознательности» участников крестьянских восстаний; недооценка роли Советов после Октябрьской революции и др.¹ Вместе с тем сам факт появления учебников по истории, избавленных от социологического схематизма и дающих в хронологической последовательности описание важнейших событий прошлого, был признан комиссией («жюри конкурса») как «достижение на фронте исторической науки»². Учебнику А. В. Шестакова (в редактировании рукописи которого принимал участие И. В. Сталин³) суждено будет не только сыграть важную роль в историческом воспитании широких слоев советского общества, но и стать мощным оружием патриотической пропаганды и идеи национальной государственности.

Выход в начале октября 1937 г. «Краткого курса истории СССР» (под редакцией А. В. Шестакова) стал ярким событием в советской политической и общественной жизни того времени. Изданная тиражом в пять миллионов экземпляров книга рассматривалась уже не только как школьный учебник, но и как главное пособие по истории для самых широких слоев населения: от колхозников до красноармейцев и партработников. Ведущий теоретический орган партии – журнал «Большевик» именно так представил читателю новый учебник: «По нему будут учиться не только миллионы детей и молодежи, но и миллионы рабочих и крестьян, сотни тысяч партийных активистов, пропагандистов, агитаторов. “Краткий курс истории СССР” несомненно будет не только школьным учебником, но станет настольной книгой каждого партийного и непартийного большевика, желающего понять прошлое, чтобы ясно разбираться в настоящем и уметь предвидеть будущее <...> Пока не появятся более пространные марксистские учебники по истории СССР, он, несомненно, будет основным пособием и для взрослых читателей, учащихся партийных, комсомольских и профсоюзных школ»⁴. Вплоть до 1940 г. (когда выйдет в свет новый учебник – «История СССР» для 8–10-х классов под редакцией А. М. Панкратовой), действительно, «Краткий курс истории СССР» стал единственным популярным пособием, благодаря которому большинство русских граждан советской страны впервые

¹ Там же. С. 261, 264.

² Там же. С. 259.

³ См.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. С. 67.

⁴ Краткий курс истории СССР // *Большевик*. 1937. № 17. С. 85–86.

узнали о реальных событиях своей истории, о народных героях, правителях старой России, полководцах, о многовековой борьбе за национальную независимость и социальное освобождение. Несмотря на идеологическую заданность исторической концепции, которая была предложена читателю авторами учебника, его значение в патриотическом воспитании советского общества накануне войны трудно переоценить.

Выдающиеся деятели русской истории – князья (Ярослав Мудрый, Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской), великие государи и цари (Иван III, Иван Грозный, Петр I), полководцы (Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский, А. В. Суворов, М. И. Кутузов) рассматривались в учебнике через «призму» классового подхода. Но они были представлены читателю уже без характерного для 1920-х – начала 1930-х гг. негативизма, а как яркие и достойные уважения исторические личности, собиратели и защитники родной земли. В постоянной борьбе с внешними врагами и «удельными князьками», из поколения в поколение продолжалось великое дело объединения русских земель. Так, «царь-самодержец» Иван Грозный «как бы заканчивал начатое Иваном Калитой собирание разрозненных отдельных княжеств в одно сильное государство»¹. «Собирание Руси – важнейший исторический фактор» – эта сталинская установка, озвученная А. А. Ждановым, легла в основу учебника. Другая, не менее важная идея, которая красной нитью проходила через все повествование, – преемственность дореволюционной и советской истории, руководимый большевиками СССР как геополитический преемник старой России. То, что незримо присутствовало на страницах учебного пособия и наталкивало читателя на определенные ассоциации, вскоре будет провозглашено первым лицом государства.

7 ноября 1937 г. И. В. Сталин в своей речи, произнесенной на праздничном обеде в честь 20-летия Октября, устроенном на кремлевской квартире наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова, отметил: «Русские цари сделали много плохого. Они грабили и поработали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело – сколотили огромное государство – до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство, как единое неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство <...> Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг го-

¹ Краткий курс истории СССР / под ред. А. В. Шестакова. М., 1938. С. 49–50.

сударства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью»¹. По мнению историка Р. Такера, в этом выступлении Сталин фактически провел параллель между собственной политикой по упрочению советской державы, репрессиями в отношении врагов партии, троцкистов, местных националистов и государственной деятельностью Ивана Грозного, боровшегося с «боярской изменой»².

В сталинской речи особо подчеркивалась роль русской нации, скрепляющей единство советских народов: «Старая Россия ныне превращена в СССР, где все народы одинаковы. Страна сильна своим могуществом, армией, промышленностью, сельским колхозным хозяйством.

Среди равных наций государств и стран в СССР самая советская, самая революционная – это русская нация»³.

Идеи этатизма и русоцентризма, провозглашенные в этом выступлении, станут определяющими компонентами нового пропагандистского курса. Тезис о первенстве русского народа как революционного авангарда трудящихся советской державы и других стран планеты, а также как ведущей нации, объединяющей народы СССР, с этих пор закрепится как идеологическая аксиома.

В дополнение к уже утвердившейся с 1936 г. в официальной пропаганде формулировке «русский народ – первый среди равных» отечественные публицисты (возможно, не без санкции Агитпропа) предложили новую концепцию, определявшую «старшинство» государствообразующей нации в иерархии советских народов как членов «единой семьи». В конце декабря 1937 г. в газете «Ленинградская правда» была опубликована статья А. Садовского «Старший среди равных», в которой отмечалось: «Когда русский народ поднялся во весь рост, свободолюбивый, талантливый, мужественный, справедливый, как всякий народ, несущий на своих знаменах свободу, он по братски был признан первым другими народами СССР. Так братья, равные в дружной семье, отдают первенство старшему»⁴. Данная концепция получит широкое распространение позднее – в годы Великой Отечественной войны.

Официальный русоцентризм определил также и вектор советской языковой политики. С середины 1930-х гг. начался процесс делатинизации национальных алфавитов и перевода их на кириллическую письменность. В ноябре 1934 г. в докладной записке, направленной

¹ Застольные речи Сталина. С. 148.

² *Такер Р.* Сталин. История и личность. С. 730–731.

³ Застольные речи Сталина. С. 151.

⁴ Ленинградская правда. 1937. 30 декабря.

ной И. В. Сталину и Л. М. Кагановичу, сообщалось: «Весной прошлого, 1933 г., культпромом были даны твердые указания не латинизировать алфавит тех народностей, которые применяют русскую письменность»¹. Но первое официальное постановление Президиума ВЦИК по данному вопросу будет принято полгода спустя – 1 июня 1935 г. Оно предписывало перевести на кириллицу письменность народов Севера. Недовольство, вызванное искусственной латинизацией письменности, давало о себе знать в разных регионах страны – в автономиях РСФСР, в республиках Средней Азии, Закавказья. Граждане многонациональной державы обращались в высшие инстанции, писали в «Правду», «Известия» и другие печатные издания. Суть обращений была одна: остановить пагубный эксперимент, разрушающий народную языковую культуру. О неэффективности внедрявшихся языковых «новаций» на Северном Кавказе сообщал советскому руководству 15 мая 1936 г. заведующий отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) К. Бауман: «Дополнительный опыт показал, что кабардинские и абазинские дети с трудом овладевают своими азбуками только на пятом году обучения, бегло читать эту “латинизированную письменность” еще никто до сих пор не научился». Политика латинизации характеризовалась в этом документе как враждебная социалистическому строю и подрывающая интернациональные основы государства: «Враги Советской власти и ВКП(б) пытались использовать латинизацию в целях отрыва трудящихся этих республик и областей от общей семьи народов Союза ССР. Прикрываясь разговорами о “международном характере” латинской основы, они отстаивали ориентацию на буржуазную культуру Западной Европы»². В апреле 1936 г. было отменено Всесоюзное совещание по вопросам языка и письменности национальностей СССР. Против его проведения выступил лично И. В. Сталин. В 1937 г. Всесоюзный центральный комитет нового алфавита будет распущен. В октябре того же года на Пленуме ЦК Сталин указал на необходимость введения во всех национальных школах страны обязательного изучения русского языка. Свое решение лидер ВКП(б) мотивировал тем, что при призыве в Красную армию представителей некоторых нерусских национальностей, ранее освобожденных от воинской обязанности, возникнут неизбежные языковые проблемы. Он обратился к членам высшего партийного органа со словами: «У нас есть только один язык, на котором все граждане СССР могут выражать себя более или менее понятно, – и это русский язык. И было бы неплохо, если бы каждый гражданин, призванный на службу в ар-

¹ *Сойма В., Комиссаров В.* Неизвестный Сталин. С. 369.

² Там же. С. 371–372. См. также: *Кожевников А. Ю.* «И этот язык – русский» // Политическое просвещение. 2013. № 6. С. 138–146.

мию, говорил бы по-русски так, чтобы его понимали, – так, если бы, например, узбекскую дивизию перевели бы в Самару, их речь была бы понятной для местного населения. И вот здесь-то, учитывая всеобщую воинскую повинность, у нас и существует абсолютная потребность в том, чтобы все бойцы Красной армии владели каким-то одним языком, на котором они могли бы вести общение во всех частях Союза. И этот язык – русский. Мы изучаем немецкий, французский и английский, но позвольте мне заверить вас, что в нашей повседневной жизни французский, немецкий и английский менее полезны, чем русский. (*Смех, голоса: “Правильно!”*)»¹. В своем выступлении вождь партии подверг резкой критике Наркомпрос за отсутствие какой-либо системы в преподавании русского языка в школе. Комиссариат обязали подготовить документ, призванный упорядочить изучение русского языка в национальных школах. Однако вариант «языкового» постановления, разработанный новым наркомом народного образования П. А. Тюркиным, не был принят².

13 марта 1938 г. выходит постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Его проект был подготовлен специальной комиссией Политбюро, возглавлявшейся А. А. Ждановым. На одном из заседаний комиссии И. В. Сталин привел свои аргументы в пользу нового закона о русском языке как о значимом государствообразующем и культурном факторе в жизни народов Союза: «Во-первых, в таком многонациональном государстве, как СССР, знание русского языка должно быть мощным средством, чтобы наладить связи и общения между народами СССР, способствуя их непрерывному экономическому и культурному росту. Во вторых, [это будет] содействовать дальнейшему совершенствованию специальных и научных знаний среди национальных кадров. В-третьих, это является необходимым условием успешного прохождения всеми гражданами военной службы в Красной армии»³.

С этого времени русский язык окончательно обрел статус главного языка Страны Советов. Во всех национальных школах русский язык изучался как второй язык, наравне с родным. Несмотря на существенные трудности, изначально сопутствующие этому глобальному начинанию, советская печать была преисполнена опти-

¹ Цит. по: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». С. 626–627.

² Подробнее об этом см.: *Блитстейн Питер Э.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах. 1938–1953 гг. // *Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина.* М., 2011. С. 312–319.

³ Цит. по: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». С. 627.

мизма. Так, «Учительская газета» писала: «Великий и могучий русский язык, язык Ленина и Сталина, Пушкина и Горького, Толстого и Белинского, глубоко близок всем гражданам СССР, его с любовью изучают и взрослые и дети». По мнению авторов статьи, это было прямым доказательством «исключительного интереса всех национальностей к изучению языка великого русского народа, первого среди равных в братской семье народов»¹. Отмечалось и то, что принятое постановление повышает международный статус русского языка. Газета «Правда» подчеркивала, что отныне русский язык становится языком мировой социалистической культуры, наподобие латыни, которая являлась «международным языком верхов раннего средневекового общества», или французского языка, игравшего ту же роль в XVIII и XIX в.²

К ноябрю 1939 г. все народы, письменность которых была ранее латинизирована, перешли на русский алфавит. С 16 декабря 1939 г. начался перевод на кириллицу письменности «титупных» народов Узбекистана, Азербайджана, Таджикистана, Туркмении, Киргизии, Казахстана, Молдавии³. После принятия 1 сентября 1939 г. закона «О всеобщей воинской обязанности» призывы в Среднеазиатском и Закавказском военных округах показали, что многие новобранцы плохо владеют русским языком или не владеют им совсем. Это было следствием как недостаточной языковой подготовки в национальных школах, так и острой нехватки преподавательских кадров на местах. 6 июля 1940 г. ЦК ВКП(б) издал специальное постановление, согласно которому многих учителей русского языка предполагалось направить из школ на спецкурсы для призывников в Красную армию. Проблема недостаточной языковой подготовки военнослужащих из национальных республик существовала и в годы Великой Отечественной войны (вследствие того, что многие преподаватели ушли на фронт). Несмотря на успехи, достигнутые в обучении и популяризации русского языка среди народов СССР, этот процесс растянулся на долгие годы. По мнению американского исследователя национальных отношений в СССР Питера Э. Блитстейна, только после смерти И. В. Сталина и проведенной в 1958 г. реформы образования советская языковая политика стала «продвигаться в направлении русификации». В обоснование своей концепции историк ссылается на аналогичное мнение американского историка Изабеля Крайндлера, утверждавшего, что только после 1953 г. русский язык «занял центральное место, когда почти все официальные усилия употреблялись

¹ Учительская газета. 1938. 7 августа.

² Правда. 1938. 7 июля.

³ Вдовин А. И. Русские в XX веке. С. 166.

на расширение его роли как языка “новой исторической общности – советского народа”»¹. Однако, несмотря на существенные недостатки государственной политики 1930–1940-х гг. по всеобщему и обязательному обучению русскому языку, ее значение было огромно: она не только скрепляла политическое и интернациональное единство страны, но и способствовала популяризации русской культуры среди многочисленных народов и национальностей Советского Союза. Повышался и международный авторитет ведущего языка первой социалистической державы.

Знаковым событием, окончательно утвердившим русскую патриотическую тему как одну из ведущих в советском искусстве и массовой пропаганде, а также существенно повлиявшим на дальнейший процесс официальной «реабилитации» многих героев отечественной истории и возвращения их прославленных имен народу, как символов национальной гордости и достойных подражания примеров служения Отчизне, – стал выход в декабре 1938 г. на экраны страны фильма «Александр Невский».

Новгородский князь Александр Ярославич (1220–1263), прозванный Невским за его блистательную победу над шведами на Неве в 1240 г., на протяжении веков был одним из наиболее почитаемых национальных героев. Русской православной церковью он был причислен к лику святых. В первое советское двадцатилетие образ великого полководца, государственного деятеля и дипломата, защитника Руси от иноземных захватчиков также представлялся ревнителями «чистоты» классового подхода в сугубо негативных тонах (что, впрочем, распространялось и на других государственных деятелей дооктябрьской эпохи). «Смежный феодал», князь, «оказывающий ценные услуги новгородскому торговому капиталу», – такие характеристики в духе «школы Покровского» являлись едва ли не самыми нейтральными по отношению к Александру Невскому и его политической деятельности. Зачастую его имя, как и связанные с ним военные победы, вообще не упоминались в научной литературе и справочных изданиях 1920-х – начала 1930-х гг. Даже в дни празднования в апреле 1937 г. годовщины битвы на Чудском озере (что само по себе уже свидетельствовало об отказе власти от прежних негативистских установок в отношении русского героического прошлого) имя полководца, под началом которого были разгромлены тевтонские «псы-рыцари», названо не было. Однако в скором времени русским народным массам прежних эпох будут «возвращены» их вожди и военачальники, благодаря которым они одерживали победы над врагом. Необходимый для сталинского идеологического курса тезис о роли личности в истории

¹ *Блитстейн Питер Э.* Национальное строительство или русификация? С. 328.

найдет свое выражение не только в новой интерпретации личности Петра I, но и в создании образа народного вождя, защитника Руси от немецких агрессоров. Нарастающая угроза нового столкновения с этим – уже нацистским – агрессором определила ярко выраженную патриотическую направленность и содержание будущего фильма об Александре Невском.

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1938 г. был утвержден тематический план производства новых полнометражных художественных фильмов. Помимо традиционной тематики (историко-революционная, «стахановская», оборонная, антифашистская) в план были дополнительно включены и три героико-патриотические темы из русской истории: «Петр I» (2-я серия), «Минин и Пожарский» и «Александр Невский»¹, постановка которого была поручена известному режиссеру С. М. Эйзенштейну. Знаменитый мастер советского кино уже более года находился в вынужденном творческом «простое» по причине запрета его новой работы «Бежин луг», «ввиду антихудожественности и явной политической несостоятельности фильма» о коллективизации². Писатель В. В. Вишневский обратился в Культпрос ЦК ВКП(б) с просьбой предоставить Эйзенштейну право экранизировать его роман «Мы, русский народ» (о создании Красной армии и борьбе с германскими интервентами), чтобы режиссера «политически и творчески направить к оздоровлению»³. Постановка фильма по сценарию писателя не состоялась (роман будет экранизирован лишь в 1965 г.). Однако через год режиссеру доверят снять фильм уже не по советско-патриотической тематике, а об одном из наиболее ярких событий истории Древней Руси. Еще в декабре 1937 г. в журнале «Знамя» был опубликован сценарий будущей картины «Русь» (Эйзенштейн выступил здесь соавтором писателя П. А. Павленко). Его содержание вызвало неоднозначную реакцию в научной среде (с острой критикой явных фактологических ошибок

¹ Кремлевский кинотеатр. 1928–1953. Документы / сост. К. М. Андерсон, Л. В. Максименков и др. М., 2005. С. 493–494.

² См.: Максименков Л. В. Сумбур вместо музыки. С. 242.

³ Кремлевский кинотеатр. С. 424. Сам В. В. Вишневский, призывавший в начале 1920-х гг. отбросить «пропитанную буржуазным духом» дореволюционную русскую литературу, спустя 15 лет резко осудил национал-нигилистическую политику предыдущего десятилетия. В одном из выступлений в октябре 1937 г. писатель особо подчеркнул, что в советской литературе «проблема – национальная, особенно русская, – годами была в загоне. Россия не существовала», однако чувство национальной гордости присутствовало «в каждом из нас, в нашей крови, в костях, во всем <...> это вековое», цит. по: Родионова И. В. Роль деятелей культуры в формировании сознания советского общества (1917–1953 гг.) // Власть. 2011. № 10. С. 140.

выступил, в частности, историк М. Н. Тихомиров¹). Против авторов сценария в печати даже выдвигались обвинения в том, что они показывают сусальную картину Древней Руси и идут «по проторенной дорожке Иловайских»². Эйзенштейн и Павленко учли замечания и существенно скорректировали сценарий. 7 июня 1938 г. Комитет по делам кинематографии при СНК СССР издал приказ о запуске в производство фильма «Александр Невский», режиссером которого был утвержден С. М. Эйзенштейн³. Съемки проходили с июня по август. К работе над картиной были привлечены такие известные мастера, как оператор Э. К. Тиссэ, главные роли исполняли выдающиеся актеры – Н. К. Черкасов (Александр Невский), Н. П. Охлопков (Васька Буслай), А. Л. Абрикосов (Гаврила Олексич) и др. Музыка к фильму написал С. С. Прокофьев. 9 ноября 1938 г. Комитет кинематографии одобрил готовый фильм и 1 декабря состоялась его премьера⁴.

Успех кинокартины, сравнимый с недавним триумфом «Чапаева» и «Петра Первого», был обусловлен не только замечательной игрой актеров и высоким профессионализмом создателей фильма, но и своей ярко выраженной патриотической направленностью. Символично, что последние слова знаменитой речи полководца «На том стоит и стоять будет Русская земля», произнесенные исполнителем роли Александра Невского Николаем Черкасовым, были воспроизведены на экране крупными буквами и завершали фильм. Песня «Вставайте, люди русские» на музыку Сергея Прокофьева звучала как призыв к национальному единению перед угрозой иноземного порабощения. Эмоциональное воздействие киноленты на массовую аудиторию, в том числе и на юное поколение, было огромным. Российские историки Ю. В. Кривошеев и Р. А. Соколов приводят следующие факты: «В Москве Первый кинотеатр за день продал 7500 билетов на все сеансы, еще 15 тыс. билетов было распродано на два дня вперед. Только два часа шла реализация билетов на 20 сеансов в трехзальном “Метрополе”, после чего свободных мест просто не осталось. Всего в семи кинотеатрах было куплено за один день 45 тыс. билетов <...> Газеты помещали многочисленные хвалебные отзывы, дети на улицах играли в “Ледовое побоище”, сеансы сопровождалось восторженными аплодисментами зрителей <...> Интерес к “Александр Невскому” в столице был таким, что обеспечить всех желающих би-

¹ Тихомиров М. Н. Издевка над историей // Историк-марксист. 1938. № 3.

² Правда. 1938. 7 июня.

³ Летопись российского кино. 1930–1945. С. 561.

⁴ Там же. С. 581, 583. Подробнее о создании фильма см.: Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. К истории создания кинофильма «Александр Невский» // Новейшая история России: время, события, люди (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева). СПб., 2010. С. 281–295.

летами просто не представлялось возможности»¹. В советской прессе было опубликовано около сотни положительных рецензий на фильм как в преддверии его показа, так и во время его демонстрации. Приведем лишь некоторые выдержки из них. Газета «Известия»: «“Ледовое побоище” осталось в памяти народа как одна из важнейших определяющих дат его истории. Здесь, в борьбе с немецкими псами-рыцарями, в победе над ними на льду Чудского озера зрело национальное самосознание народа, которое привело к образованию русского государства. И Александр Невский, как государственный деятель, был одним из немногих, кто поставил тогда национальные интересы русской земли, русского народа выше феодальных усобиц и распрей, терзавших удельную Русь»². Из подборки зрительских отзывов о фильме, опубликованных в «Вечерней Москве»: «Это подлинный шедевр советского киноискусства. Незабываемые эпизоды “Ледового побоища”, характеризующие патриотизм русского народа, его беззаветную храбрость и глубокую любовь к своей родине» [тов. Шляхов, воентехник второго ранга]; «Величие идей и грандиозность постановки делают фильм одним из лучших средств мобилизации нашего народа на борьбу с теми, кто в 1938 году забыл о чувствительных уроках 1242 года...» [П. Лунин, инженер]; «“Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет”. Эти слова Александра Невского, сказанные семьсот лет назад, актуальны и сейчас...» [тов. Голотов, слесарь завода им. Горбунова]³. А вот мнение о вышедшей патриотической ленте драматурга В. В. Вишневского: «Смотришь на экран и с гордостью говоришь себе: “Вот она, Русь! Вот как эта Русь много веков назад была полчища немецких псов-рыцарей!” Эмоции зрителя усиливаются еще тем, что этот фильм, построенный на фактах древней истории, смело перекликается с современностью <...> Собрание русского народа во имя защиты родной земли показано в фильме необычайно просто. Но эта простота не от бедности, а от умения создателей фильма найти синтетическое выражение глубокой идеи произведения»⁴. 15 марта 1941 г. главным создателям фильма будет присуждена советским правительством Сталинская премия первой степени (наряду с «Александром Невским» премии первой степени будут удостоены и другие историко-патриотические киноленты: «Петр Первый», «Минин и Пожарский», «Суворов»)⁵. Однако за

¹ Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Периодическая печать о фильме «Александр Невский». 1938–1939 гг. Ч. I // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 184.

² Известия. 1938. 11 ноября.

³ Цит. по: Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. С. 124–125.

⁴ Цит. по: Раззаков Ф. И. Гибель советского кино. Ч. 1. С. 108–109.

⁵ Летопись российского кино. 1930–1945. С. 701.

полтора года до этого события кинолента была временно изъята из проката (после подписания советско-германского пакта из-за анти-немецкой направленности фильма). К советскому зрителю картина вернется с началом Великой Отечественной войны¹. Новая широкая демонстрация «Александра Невского» состоится в 1942 г. в связи с 700-летием битвы на Чудском озере.

Успех «Александра Невского» стимулировал выход на экраны других лент, прославляющих героев русской истории: «Минин и Пожарский» (реж. В. И. Пудовкин, М. И. Доллер, 1939); «Суворов» (реж. В. И. Пудовкин, М. И. Доллер, 1940); «Первопечатник Иван Федоров» (реж. Г. А. Левкоев, 1941). Параллельно с ними снимались фильмы о предводителях народных восстаний – «Пугачев» (реж. П. П. Петров-Бытов, 1937), «Степан Разин» (реж. И. К. Правов, О. И. Преображенская, 1939). В этих кинокартинах вожди крестьянско-казацких масс также по-своему были представлены советскому зрителю как русские национальные лидеры. В кинодраме «Богдан Хмельницкий» (реж. И. А. Савченко, 1941), повествующей о борьбе украинцев за национальную независимость, идея объединения славянского народа с братской Россией была определяющей.

Примечательно, что и в некоторых фильмах на революционную тему присутствовали ярко выраженные русские патриотические мотивы, но уже в своем «национал-большевистском» преломлении. Так, в завершающей части популярной «кинотрилогии о Максиме» – фильме «Выборгская сторона» (реж. Г. М. Козинцев, Л. З. Трауберг, 1939), главный герой, рабочий-революционер Максим, назначенный советским правительством комиссаром Госбанка, обратился к бывшим российским банковским служащим со следующими словами: «Вы русские люди? И вы еще смеее говорить о России? Что в вас русского, господа Шумахеры, Андресены, Мациевские? Фамилии у вас немецкие, капиталы вы охраняли французские, со шпионами знали английскими, а поряочки мечтали завести японские? Не выйдет!» Эти слова главного героя по замыслу авторов фильма должны были не только дать беспощадную характеристику отечественной буржуазии как нерусской по происхождению и компрадорской, но и подвести зрителя к выводу, что большевистская власть – подлинно народная. Подобный подход в кино должен был способствовать утверждению идеи национальной легитимности нового строя.

Патриотическая тема стала одной из ведущих в официальной пропаганде и культуре конца 1930-х – начала 1940-х гг. Знаменательным событиям прошлого, русским национальным героям были посвящены многие произведения советских писателей: поэмы К. М. Симо-

¹ Там же. С. 712.

нова «Суворов» (1939) и «Ледовое побоище» (1940), «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева (1940), романы «Дмитрий Донской» С. П. Бородин (1941), «Козьма Минин» В. И. Костылева (1939), «Порт-Артур» А. Н. Степанова (1940–1941), «Цусима» А. С. Новикова-Прибоя (1932, 1940), «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского (1937–1939), повесть В. Г. Яна «Чингис-хан» (1939) и др. Образы русских исторических деятелей, полководцев, простых солдат заняли главенствующее место, «потеснив» героев революции. Вот как пишет о смене пропагандистских ориентиров в предвоенном СССР историк А. И. Вдовин: «Если в 1920-е годы <...> главным героем был революционер, вождь народных масс, декабрист, рабочий на баррикадах, то в 1930–1940-е годы, когда революционная тема осталась, но несколько отодвинулась на второй план, важнейшими, “сюжетообразующими” стали образы государственных деятелей и защитников страны»¹. Необходимо отметить, что официальная «реабилитация» выдающихся представителей русской истории носила выборочный характер и распространялась как на почитаемые народом имена защитников родной земли (Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, А. В. Суворов, М. И. Кутузов), так и на «собрателей Руси», великих реформаторов, благодаря которым окрепла государственная мощь России (Иван Калита, Иван III, Иван IV, Петр I). К абсолютному же большинству государственных деятелей российской тысячелетней истории сохранялось негативное отношение. Советская пропаганда, основывающаяся на позициях классового подхода, не переставала подчеркивать, что великие князья, государи, цари, императоры олицетворяли собой низвергнутый большевизмом «эксплуататорский строй», их деятельность была направлена на социальное и национальное угнетение народов России.

Многообразие форм пропаганды идеи русского национального патриотизма и воспитания широких масс на примерах героического прошлого нашло свое выражение в следующих официальных мероприятиях: проведение в феврале–марте 1939 г. в Государственной Третьяковской галерее выставки полотен русских художников XVIII–XX вв. на сюжеты из отечественной истории (было экспонировано около 600 картин), празднование 230-летия разгрома шведских войск под Полтавой (июль 1939 г.). В сентябре 1937 г. был открыт Бородинский музей, торжественно отмечена 125-летняя годовщина Бородинского сражения, в июле 1939 г. в Филях открылся музей-памятник «Кутузовская изба». Восстанавливались памятники русской воинской славы на полях великих сражений. Были отреставрированы памятники М. И. Кутузову, П. И. Багратиону, восстано-

¹ Вдовин А. И. Русские в XX веке. С. 153.

лен исторический комплекс Куликова поля. Троице-Сергиеву лавру открыли для проведения туристических экскурсий. 25 мая 1938 г. советская общественность торжественно отметила 750-летие «Слова о полку Игореве», состоялось объединенное заседание АН СССР и ССП СССР, посвященное этому знаменательному событию, по всей стране были проведены мероприятия, пропагандирующие великий памятник древнерусской литературы. Наряду с выпуском новых книг и популярных брошюр, знакомящих массового читателя с героическими страницами прошлого страны, стали переиздаваться произведения дореволюционных русских историков. В апреле 1937 г. И. В. Сталин в резолюции на докладной записке заведующего Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б. М. Таля указал: «Можно немедленно приступить к изданию Ключевского». Выпуск «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева был разрешен секретарем ЦК А. А. Ждановым¹. Были переизданы отдельные произведения С. Ф. Платонова. В 1939 г. в Институте истории АН СССР началась работа по составлению многотомной истории Москвы. В том же году вышла в свет книга В. Г. Кузнецова «Очерки истории русской науки», прославлявшая открытия русских ученых XVIII–XX вв. Выпущенный в 1940 г. «Историко-революционный календарь» со статьями о русских деятелях дооктябрьской эпохи, полководцах, писателях, революционерах, знаменитых сражениях и территориальных приобретениях России (каждый месяц обязательно сопровождался материалом из русской истории: о «великом полководце М. И. Кутузове», о преобразованиях Петра I, присоединении Грузии к России, о Ледовом побоище, «Слове о Полку Игореве» и др.) должен был, по замыслу составителей, сформировать у читателя представление о преемственности всего лучшего, прогрессивного, «державного» в исторической России и советского настоящего. Еще с февраля 1939 г. «Военно-исторический календарь» стал регулярной передачей на Всесоюзном радио, включавшей в себя рассказы о русских полководцах и легендарных сражениях, репортажи из музеев, встречи с историками².

Особое место в пропаганде идеи русского патриотизма отводилось национальному фольклору, народным сказкам, былинам, песням. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. массовым тиражом были переизданы древнерусские стихотворения, собранные Киршей Даниловым, онежские и пудожские былины, песни и сказки Воро-

¹ См.: Как вернули Соловьева и Ключевского // Родина. 2008. № 6. С. 26–28.

² Никонов В. А. Российская матрица. М., 2014. С. 551.

нежской области и Поволжья, русские пословицы и поговорки¹. В 1940 г. в обработке А. Н. Толстого вышел сборник наиболее известных русских народных сказок (в 1944 г. появится его дополненное издание). По словам писателя, русские сказки являлись «крупнейшим памятником мировой художественной литературы»². Он планировал их многотомное издание (в пяти книгах) с научными комментариями филологов, историков, фольклористов. При этом классик советской литературы подчеркивал, что «вначале надо подготовить и издать полный свод русской народной поэзии, а потом все лучшее, что есть в фольклоре народов СССР»³. Подвиги богатырей, защищающих родную землю, сюжеты русских сказок, произведений классиков станут новой темой в советском детском кино и мультипликации. Трудно переоценить эмоциональное воздействие этих фильмов на молодую аудиторию, их прекрасное художественное исполнение. Большой популярностью у советских подростков пользовались картины А. А. Роу «По щучьему велению» (1938), «Василиса Прекрасная» (1940), «Конек-Горбунок» (1941), фильм «Руслан и Людмила» режиссеров И. С. Никитченко и В. И. Неvejeина (1938), мультфильм «Сказка о рыбаке и рыбке» (реж. А. Л. Птушко, 1937). В апреле 1940 г. Комитетом по делам кинематографии был запланирован выпуск цветного фильма «Илья Муромец».

Политика популяризации русских национальных героев и государственных деятелей прошлого затронула также сферу музыкальной культуры. В феврале 1939 г. в Большом театре была возобновлена опера М. И. Глинки «Жизнь за царя» под своим первоначальным названием «Иван Сусанин» (постановка С. А. Самосуда, либретто С. М. Городецкого). Инициатором возвращения на сцену прославленной русской оперы, запрещенной ранее к показу Главреперткомом, выступил А. А. Жданов⁴. Дискуссию вызвал у постановщиков финал произведения с патриотическим рефреном «Слався!», обращенным к российскому государю. Предлагалось ставить оперу без этого финала, но вопрос решил И. В. Сталин, лично приехавший в Большой театр.

¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938; Онежские былины / сост. А. Ф. Гильфердинг. Т. I–III. М., 1938–1949; Былины Пудожского края / сост. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1941; Песни и сказки Воронежской области / под ред. Ю. М. Соколова и С. И. Минц. Воронеж, 1940; Волжский фольклор / сост. В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская. М., 1937; Русские пословицы, поговорки и загадки. Воронеж, 1938.

² Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1961. Т. 10. С. 388.

³ Там же. Т. 8. С. 537.

⁴ См. Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004. С. 83.

По воспоминаниям А. Т. Рыбина (в те годы военного коменданта Большого театра), Сталин обратился к аудитории с недоуменным вопросом: «Как же так, без “Славься”? Ведь на Руси тогда были князья, бояре, купцы, духовенство, миряне. Они все объединились в борьбе с поляками. Зачем же нарушать историческую правду? Не надо»¹. Финал оперы оставили в прежнем виде. Было решено также завершить действие торжественным выездом Минина и Пожарского на конях из Кремля к народу и поставленным на колени побежденным полякам. Новая постановка оперы о народном герое имела большой резонанс. «Литературная газета», отмечая большую духовную значимость патриотического подвига простого костромского крестьянина, писала: «Сусанины были, есть и всегда будут жить в великом русском народе, во все времена и на всем протяжении русской земли»². Следует отметить, что новая постановка «Ивана Сусанина» (как и выход в том же году на экраны фильма «Минин и Пожарский») имела и внешнеполитическую мотивацию – напряженные отношения СССР с соседней Польшей³. Одновременно были предприняты попытки увековечить в современной советской музыке образы государственных деятелей исторической России. Так, в 1940 г. первый секретарь МГК ВКП(б) А. С. Щербаков обратился к молодому композитору Т. Н. Хренникову с предложением написать оперу об Иване Грозном⁴. Однако этот замысел осуществлен не был.

В фундаментальном исследовании Д. Л. Бранденбергера приводятся многочисленные примеры неоднозначного отношения в советском обществе к новому пропагандистскому курсу. Спектр мнений был широк: от сугубо негативных до восторженных. Положительные оценки преобладали, и это наглядно демонстрировало те перемены, которые произошли с середины 1930-х гг. в национальной психологии, идейных установках и культурных предпочтениях большинства русского населения, осознавшего свою ведущую роль в становлении нового государства, в социалистическом преобразовании мира. В этом процессе воздействие пропаганды на массовое сознание было значительным, но не определяющим. Изменилась политическая обстановка внутри страны и за ее пределами, изменился «социальный климат» и во многом идеологические ориентиры общества. Преобладающее славянское население государства после левацких

¹ Рыбин А. Рядом со Сталиным // Иосиф Виссарионович Сталин: Сборник / сост. Л. В. Маркова. М., 1994. С. 16.

² Литературная газета. 1939. 15 ноября.

³ См.: Кремлевский кинотеатр. 1928–1953. С. 12; Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. С. 106.

⁴ См.: Тихон Хренников. Так это было: Тихон Хренников о времени и о себе. М., 1994. С. 110.

экспериментов 1920-х гг. нуждалось в базовых ценностях, созданных тысячелетней историей. Русская земля, Россия, держава, родина, отчина, отечество, патриотизм – стали отныне для миллионов русских граждан СССР (как и для большинства представителей других народов, заново «обретших» свои национальные символы) реальными категориями национального мировоззрения. Соответственно повышался интерес к собственному прошлому, его наиболее ярким событиям, героям, памятникам культуры. Все это способствовало формированию у широких масс чувства национального самосознания, сопричастности традициям и истории своего народа.

Приведем лишь некоторые примеры из книги американского историка. Так, только за одну неделю работы выставки, посвященной «Слову о Полку Игореве» (осень 1938 г.), ее посетило несколько тысяч человек. Еще большую зрительскую аудиторию собрала экспозиция в Третьяковской галерее знаменитых полотен русских живописцев на темы из отечественной истории (март 1939 г.). Большинство посетителей выражали в книге отзывов свой восторг от увиденного и благодарили организаторов выставки за то, что она способствовала лучшему восприятию событий прошлого. «Выставка нам помогла закрепить в памяти историю развития нашего государства», – так писали студенты-инженеры Московского авиационного института. Учащиеся Тимирязевского сельскохозяйственного института отметили, что образы героев русской истории «еще больше заставляют нас изучать глубоко и настойчиво историю народов СССР»¹. А вот запись в дневнике школьницы-старшеклассницы Нины Костериной, для которой увиденное в залах галереи стало событием, повлиявшим на ее национальное самовосприятие: «Вчера, когда я шла после осмотра выставки русской исторической живописи в Третьяковской галерее домой через центр, по Красной площади, мимо Кремля, Лобного места, храма Василия Блаженного, – я вдруг вновь почувствовала какую-то глубокую родственную связь с теми картинами, которые были на выставке. Я – русская. Вначале испугалась – не шовинистические ли струны загудели во мне? Нет, я чужда шовинизму, но в то же время я – русская». Далее, перечисляя поразившие ее работы знаменитых мастеров, девушка пишет: «Это русская история, история моих предков...»² Автор этих записей явно находилась под влиянием внушенных ей еще в младшей школе «антишовинистических» установок конца 1920-х гг., давно уже сданных в пропагандистский архив (отсюда и первоначальная психологическая раздвоенность по отно-

¹ Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. С. 127.

² Там же. С. 128–129.

шению к собственной русскости). Отношение же младших школьников к героическому прошлому уже было лишено какой-либо двусмысленности, поскольку их знакомство с историей совпало с началом идеологического поворота. Темы, связанные с победами русского оружия, биографии великих полководцев вызвали у учащихся живой интерес и патриотическое воодушевление. Об этом красноречиво свидетельствуют записи уроков по истории СССР. Вот как описывает наблюдатель урок, посвященный событиям Смутного времени, проведенный в одной из подмосковных школ: «В беседе о том, что узнали о “Борьбе с польскими захватчиками”, ученики говорили о прошлом так, словно сами были свидетелями исторических событий. В суждениях о Лжедмитрии и польских интервентах чувствовалась искренняя детская ненависть. О Минине же и о Пожарском, как впоследствии о Болотникове, говорили с чувством гордости»¹. Не меньший интерес к русской истории проявляла и взрослая аудитория. Огромным спросом по-прежнему пользовался учебник Шестакова. Эта книга стала главным руководством по отечественной истории на политзанятиях в РККА². Выше уже говорилось о большой популярности у советского зрителя «Петра Первого», «Александра Невского» и других героико-патриотических фильмов, о читательском интересе к произведениям, повествующим о знаменательных страницах русской истории. Об этом, к примеру, красноречиво свидетельствует запись в личном дневнике рабочего завода им. Молотова Геннадия Семенова

¹ Там же. С. 83.

² Итоги советско-финской войны 1939–1940 гг. заставили советское военное руководство пересмотреть основные направления политической подготовки в Красной армии. Начальник Главного политуправления РККА Л. З. Мехлис в своем выступлении в мае 1940 г. подчеркивал: «Пропаганда в Красной армии не должна ограничиваться только теорией и историей большевистской партии. Было ошибкой то, что мы увлеклись только пропагандой “Краткого курса ВКП(б)” и забыли пропаганду, обязывающую реагировать на все». Далее обозначался новый вектор политпросвещения в армейских частях: «Слабо изучается военная история, в особенности русская. У нас неправильное охаивание старой армии, а между тем мы имели таких замечательных генералов царской армии, как Суворов, Кутузов, Багратион, которые останутся всегда в памяти народа как великие русские полководцы и которых чтит Красная Армия, унаследовавшая лучшие боевые традиции русского солдата. Эти выдающиеся полководцы забыты, их военное искусство не показано в литературе и остается неизвестным командному составу <...> Все это приводит к игнорированию исторического конкретного опыта, а между тем самый лучший учитель – это история» См.: Мехлис Л. З. «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 // Исторический архив. 1997. № 5/6. С. 87, 93, 97.

(май 1941 г.): «Читаю “Дмитрия Донского” (роман С. Бородина. – А. К.). Хорошая вещь. Прочел поэму Веры Инбер “Овидий”. Очень понравилась. И все-таки “Дмитрий Донской” взволновал больше. Время-то сейчас такое напряженное и будто голос далеких предков слышишь»¹. Ассоциативное восприятие национального прошлого и суровых предвоенных будней стало одной из главных особенностей психологического настроения советского общества накануне германской агрессии.

Однако у ортодоксально настроенных коммунистов и рядовых граждан, ратовавших за «чистоту» интернациональной идеи, подобные перемены в обществе и государственной политике вызывали недоумение и даже острое неприятие. Так, газета «Правда» в фельетоне «Преступление старого учителя» поведала читателям об истории, произошедшей с преподавателем одной из школ Свердловской области И. А. Смородиным. На районном собрании избирателей, состоявшемся накануне выборов в Верховный Совет СССР, учитель в своей речи произнес не только торжественные слова о партии Ленина – Сталина, но и здравицу в честь «счастливого русского народа». Руководство парторганизации местного райисполкома усмотрело в этом «самый что ни на есть голый, необузданный шовинизм». Был поставлен вопрос об увольнении с работы заслуженного учителя с 45-летним стажем. «Правда», подробно описавшая все перипетии, связанные с гонениями на пожилого педагога, встала на его защиту, обратившись к Смородину со словами поддержки: «Уважаемый Иван Александрович! Вы сказали очень хорошо, очень тепло – прекрасно сказали! Не стыдитесь ваших слов, не стыдитесь ваших чувств любви к великому и героическому русскому народу. Они вполне естественны и законны. Надо быть выродком или кретином, или врагом народа, чтобы не любить свой народ». По мнению автора статьи, травля учителя И. А. Смородина – дело рук не только «дураков», – он «пал жертвой наглых действий врагов народа, пытавшихся скрыть свою подлинную личину под маской бдительности»². Нетрудно догадаться, что после требования главной газеты страны «привлечь к ответу виновников» гонения на учителя прекратились, а их инициаторы действительно понесли ответственность по суровым законам того времени. Антипатриотические и откровенно русофобские выступления отныне расценивались как выступления против линии партии и национально-государственной политики в целом. Симптоматично, что частный случай с учителем Смородиным был предан широкой огласке именно на страницах центрального печатного органа ВКП(б): это было еще одним официальным «сигналом» тем функционерам на

¹ Цит по: *Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. С. 133.*

² *Правда. 1938. 19 января.*

местах, кто пока не извлек должных уроков из событий двухлетней давности, связанных с осуждением за ту же национал-нигилистическую позицию Н. И. Бухарина и Д. Бедного.

В отличие от некоторых местных партфункционеров, так и не разобравшихся в существовании происходящих перемен, искусствовед и театральный критик В. И. Блюм прямо заявил о своем несогласии с новым пропагандистским курсом. Как консультант драмсекции Союза писателей, на очередном ее заседании в январе 1939 г. Блюм резко выступил против широко разрекламированных прессой новых театральных постановок по пьесам советских авторов на историко-героические сюжеты: «Ключи Берлина» (о событиях Семилетней войны 1756–1763 гг.) Ф. Я. Финна и М. С. Гуса и «Богдан Хмельницкий» А. Е. Корнейчука. В своей речи критик указывал на недопустимость положительной трактовки событий и персоналий дореволюционного прошлого, поскольку, по его мнению, это не только противоречило бы задачам и самой сути большевистской пропаганды, но и прямо вело к возрождению великодержавных настроений в обществе. Чуть позже он вновь выразит эти опасения уже на заседании секции критиков и театроведов Всесоюзного театрального общества. Стоит отметить, что в своем резком неприятии каких-либо проявлений «державничества» и отхода от принципов «интернационализма» В. И. Блюм занимал последовательную позицию: еще в июне 1926 г. он приложил немало усилий для того, чтобы не допустить к постановке пьесу М. А. Булгакова «Дни Турбиных», доказывая, что она – «сплошная апология белогвардейцев»¹. Однако на этот раз понимания среди коллег влиятельный критик не нашел. Более того, его обвинили в оскорблении видных деятелей советской культуры. В заметке «Литературной газеты» (ранее уже писавшей о «вредном пропагандистском тезисе» выступлений Блюма) с характерным заголовком «Снова Блюм...» с гневом отмечалось, что надлежащих выводов для себя фрондирующий критик не сделал. «Он (В. И. Блюм. – А. К.) не постыдился сказать, – писала газета, – что пьесе “Богдан Хмельницкий” А. Корнейчука охотно рекомендовал бы самый реакционный министр народного просвещения Николая П. Шварц; он не постыдился глумливо отозваться об С. Эйзенштейне и утверждать, что Пуришкевич, Гучков и Милюков облобызали бы авторов пьесы “Ключи Берлина” <...> Это переходит уже в политическое хулиганство»². Блюм, несмотря на свою приверженность «интернациональным» левацким догмам 1920-х гг., готов был пойти на некоторые «уступки» патриотической идее, руководствуясь при этом

¹ См.: Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 343.

² Литературная газета. 1939. 26 января. С. 5.

методологией давно развенчанного властью М. Н. Покровского. Так, критик даже усмотрел в пьесе В. Соколовой «Илья Муромец» «своеобразное выражение идеи народного антифашистского фронта»¹. Но дальше патриотизма образца 1936 г., вернувшего русским лишь их былинных героев, Блюм пойти принципиально не мог – возвращение имен реальных деятелей дореволюционной России (великих князей, государей, царей, императоров, полководцев) и их официальное прославление было для ортодоксально настроенного критика идеологической «ересью».

Обеспокоенный развернувшейся против него в прессе кампанией, В. И. Блюм решил апеллировать к высшим инстанциям. 31 января 1939 г. он обратился к И. В. Сталину с письмом, в котором выразил свое принципиальное несогласие с новой партийной линией в сфере культуры и массовой пропаганды. В письме подчеркивалось, что в последнее время искажается «характер социалистического патриотизма – который иногда и кое-где начинает у нас получать все черты расового национализма. И положение с этим представляется <...> тем более серьезным, что люди новых поколений – выросшие в обстановке советской культуры, “не видевшие” буржуазного патриотизма Гучковых, Столыпиных и Милюковых – этих двух патриотизмов просто не различают»². Далее Блюм с тревогой сигнализировал советскому вождю, что в искусстве «началась погоня за “нашими” героями в минувших веках, скороспелые поиски исторических “аналогий”, издательства и Всесоюзный комитет по делам искусств берут ставку на всякий “антипольский” и “антигерманский” материал, авторы бросаются выполнять этот социальный заказ»³. Также в письме отмечалось, что современная «оборонческая» агитация в пьесах на исторические темы «носит все черты не нашего социалистического оборончества, а старого – буржуазного и расистского – оборончества кадетской литературы 1914 года». В. И. Блюм, взявший на себя роль блюстителя идеологической «чистоты» в советском театральном искусстве, писал Сталину, что сторонники «уродливого, якобы социалистического расизма <...> не могут понять, что бить врага-фашиста мы будем отнюдь не его оружием (расизм), а оружием гораздо луч-

¹ Театр. 1939. № 4. С. 143.

² См.: *Бранденбергер Д. Л., Петроне К.* «Все черты расового национализма...» Интернационалист жалуется Сталину (январь 1939 г.) // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 130.

³ Там же. С. 131. Имеется в виду переработка поэтом С. М. Городецким либретто оперы «Жизнь за царя» для постановки ее в новом варианте («Иван Сусанин»). Подчеркнуто антинемецкую направленность В. И. Блюм усмотрел в фильме С. М. Эйзенштейна «Александр Невский».

шим – интернациональным социализмом»¹. В каких произведениях советских авторов содержались именно «расистские» мотивы, Блюм не указал и не объяснил, что же он подразумевал под термином «расизм» применительно к событиям национальной истории в их современной литературной интерпретации. Борьба украинского народа с польскими паннами-поработителями и русско-прусская Семилетняя война явно не подходили под такое определение, да и советские драматурги едва ли ставили своей целью показать «расовую» подоплеку этих конфликтов.

На слабо аргументированное, полное «разоблачений» и идеологических ярлыков письмо В. И. Блюма (завершившееся фактическим доносом на писателя А. Е. Корнейчука²) адресат, разумеется, не ответил, но этим документом заинтересовались партийные органы. Театральный критик был вызван на беседу в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Там автору письма было указано «на ошибочность его теоретических положений и выводов из них относительно произведений советского искусства, связанных с исторической тематикой»³. Блюм, не согласившийся с такой оценкой, продолжал отстаивать свою позицию. В беседе с сотрудником ЦК партии В. Степановым он отрицал прогрессивное значение воссоединения Украины с Россией, подчеркивая при этом, что Украина, освободившаяся от польского владычества, «попала под иго» царской власти. Богдан Хмельницкий «подавлял крестьянские восстания и являлся организатором еврейских погромов». По мнению Блюма, кинокартины «Александр Невский», «Петр Первый», опера «Иван Сусанин» и многие другие художественные произведения «искаженно освещают исторические события, подделывая их под лицо современности». Характеризуя в целом советскую культурную политику, собеседник Степанова недоумевал: «Почему сейчас так много идет разговоров о силе русского оружия в прошлом, которое служило средством закабаления и угнетения других народов?»⁴ Несговорчивый критик вскоре будет смещен с должности и отправлен на пенсию. Следствием запоздалого идеологического демарша В. И. Блюма стало специальное постановление ЦК ВКП(б), принятое в августе 1939 г. и осудившее «вредные тенденции огульного охаивания па-

¹ Там же.

² В. И. Блюм писал И. В. Сталину о «расистской шовинистической отраве», содержащейся в пьесе А. Е. Корнейчука «Богдан Хмельницкий». Как доказательство идейного «брожения умов» в советской писательской среде к письму прилагался проведенный Блюмом «анализ» пьесы Корнейчука и еще одного произведения (Там же).

³ Там же. С. 133.

⁴ Там же. С. 132.

триотических произведений <...> под флагом борьбы с пресловутой «кузьма-крючковщиной»¹ либо под флагом «высоких эстетических требований»². Этим подчеркивалось, что идеологически неприемлемо ставить знак равенства между подлинным патриотизмом освобожденного революцией народа (советским патриотизмом), уважающим героические традиции и свою национальную культуру, и «квасным» ура-патриотизмом, искусственно культивировавшимся царской властью и всегда осуждавшимся большевиками.

Однако В. И. Блюм в своем неприятии культурно-политических новаций последних лет был не одинок. Не только ортодоксально настроенные партийцы, но и некоторые видные представители государственной власти, литературы, искусства с недоумением, тревогой и часто с осуждением воспринимали прославление на официальном уровне многих национальных героев и символов прошлого, наметившуюся «русификацию» различных сфер общественной и культурной жизни. Вдова В. И. Ленина, замнаркома просвещения РСФСР Н. К. Крупская писала И. В. Сталину 7 марта 1938 г.: «Мы вводим обязательное обучение русскому языку во всем СССР. Это хорошо. Это поможет углублению дружбы народов.

Но меня очень беспокоит, как мы это обучение будем проводить.

Мне сдается иногда, что начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм.

Например, я считаю вредным введение преподавания письма и чтения на первом году обучения не только на материнском, но и на русском языке, считаю вредным введение единого букваря для всех народностей, букваря, переведенного с русского...»³

Далее Н. К. Крупская выражала свою обеспокоенность проявлениями шовинистических настроений у молодежи и их последствиями: «Среди ребят появилось ругательное слово “жид”, малышка говорит: “Дедушка, я не хочу быть латышкой”. Правда, пока это отдельные случаи, но все же нужна известная осторожность»⁴.

¹ Имеется в виду пропагандистская кампания в годы Первой мировой войны, прославлявшая фронтовые подвиги (иногда мифологизированные) донского казака К. Ф. Крючкова (1890–1919).

² О некоторых литературно-художественных журналах // Большевик. 1939. № 17. С. 5.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179.

⁴ Там же. Следует отметить, что Н. К. Крупская, находясь долгие годы на посту замнаркома просвещения и курируя в 1920-х гг. библиотечное дело в стране, как убежденный большевик-интернационалист всячески противодействовала проникновению в массовую читательскую аудиторию сочинений на религиозную и русскую патриотическую тематику. Еще в 1920 г. по инициативе Крупской Главполитпросвет Наркомпроса разослал на места

Оппозиция к новому идеологическому курсу и к проводимой в стране национально-кадровой политике обозначилась как в ортодоксальных партийных кругах («старой гвардии»), так и среди левацки настроенных представителей творческой интеллигенции. Так, в одной из частных бесед (1938) партийная функционерка А. А. Берзинь заявила: «В свое время в Гражданскую войну я была на фронте и воевала не хуже других. Но теперь мне воевать не за что. За существующий режим я воевать не буду <...> В правительство подбираются люди с русскими фамилиями. Типичный лозунг теперь: “Мы – русский народ”. Все это пахнет черносотенством и Пуришкевичем»¹. Поэт И. П. Уткин в разговоре с писателем П. Н. Васильевым выражал свое возмущение сталинской политикой отказа от прежних «революционных» ориентиров: «Идет ставка на бездарное, бездумное прошлое <...> Пытаться понять, что задумал Сталин, что творится в стране, – происходит ли государственный переворот или что другое, – невозможно. Пока ясно одно: была ставка на международную революцию, но эта ставка бита, все время мы терпим поражения <...> У нас революция переходит в бонапартистскую фазу»². Проводимая властью популяризация в СССР русской истории и включение в советский героический пантеон прославленных имен дореволюционной России вызывало резкое неприятие у писателя И. Г. Эренбурга. Общаясь с собратьями по перу, он сетовал на то, что «Александра Невского уже произвели в большевики, теперь очередь за святым Сергием Радонежским и Серафимом Саровским – это производит за границей отвратительное впечатление»³. Живший долгие годы за рубежом и знавший о настроениях в политически «пестрой» эмигрантской среде, писатель был отчасти прав в своих выводах: подобное

инструкцию об изъятии из общественных библиотек «идеологически вредной и устаревшей» литературы. В «черный список» тогда попали «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Басни» И. А. Крылова, некоторые произведения Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, труды писателя и педагога К. Д. Ушинского. В 1924 г. за подписью Н. К. Крупской, зав. Главлитом П. И. Лебедева-Полянского и председателя Межведомственной центральной библиотечной комиссии М. А. Смушковой выходит «Инструкция по пересмотру книжного состава библиотек». Изъятию подлежали книги, «воспитывающие в духе основ старого строя (религиозность, монархизм, националистический патриотизм, милитаризм)». Идеологически чуждыми произведениями были признаны сочинения Н. С. Лескова, «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова, «Народные русские сказки», собранные А. Н. Афанасьевым, и многие другие дореволюционные издания, см.: Красный библиотекарь. 1924. № 1. С. 135–137.

¹ См.: Наш современник. 1997. № 6. С. 157.

² Власть и художественная интеллигенция. С. 420–421.

³ Фрадкин В. А. Дело Кольцова. М., 2002. С. 94.

отношение к переменам, происходящим в Советском Союзе, было характерно для меньшевиков и представителей леворадикального течения – троцкизма. В своей критике патриотической трансформации советской пропаганды Л. Д. Троцкий был так же беспощаден, как и его единомышленники в СССР. Лидер IV Интернационала видел в этом процессе логическое завершение и идеологическое обоснование сталинского «термидорианского контрреволюционного переворота». Заявляя на страницах собственных печатных изданий о возрождении великорусского национализма в СССР, он подчеркивал: «Официальная идеология нынешнего Кремля апеллирует к подвигам князя Александра Невского, героизму армии Суворова-Рымниковского или Кутузова-Смоленского, закрывая глаза на то, что этот “героизм” опирался на рабство и тьму народных масс и что именно по этой причине старая русская армия оказывалась победоносной только в борьбе против еще более отсталых азиатских народов или слабых и разлагающихся пограничных государств на Западе¹. При столкновении же с передовыми странами Европы доблестное царское воинство всегда оказывалось несостоятельным <...> Что до всего этого термидорианцам и бонапартистам? Им необходимы национальные фетиши»². По мнению бывшего наркомвоенмора Советской республики, подобные исторические «фетиши» являлись лишь пропагандистским прикрытием «слабости» Красной армии. Похожих взглядов придерживался и советский невозвращенец, бывший полпред СССР в Болгарии Ф. Ф. Раскольников. В своем «Открытом письме Сталину» (август 1939 г.), обвиняя кремлевского вождя в истреблении кадров РККА, он писал: «Под нажимом советского народа вы лицемерно вскрываете культ исторических русских героев: Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они помогут вам больше, чем казенные маршалы и генералы»³. Однако, как показали дальнейшие события, именно широкая и эффективная государственная политика пропаганды патриотической идеи в годы Великой Отечественной войны, воспитание красноармейцев и всего населения воюющей страны на лучших боевых традициях и героических примерах национальной истории станут мощным средством, скрепляющим политическое и

¹ В этом выводе Л. Д. Троцкого явно прослеживается реминисценция с похожим высказыванием Ф. Энгельса о царской армии, способной, по его мнению, вести «самостоятельные военные действия только против заведомо слабых противников» («Внешняя политика русского царизма», 1890).

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. С. 4.

³ *Раскольников Ф. Ф.* Правда неопровержима // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 317.

духовное единство советского народа перед угрозой фашистского порабощения, главным идеологическим оружием великой Победы. Огульное же отрицание патриотизма, презрение к истории и культуре ведущей нации Советского Союза, неверие в творческие возможности русского народа, абстрактные, оторванные от жизни теории и нежелание считаться с изменившимися реалиями – все это обрекало леворадикальную часть интеллигенции, «истинных марксистов» как внутри СССР, так и за его пределами (находящихся в эмиграции троцкистов и меньшевиков) на политическую изоляцию. Отсутствие широкой социальной поддержки вело к маргинализации левых течений, наподобие троцкистского IV Интернационала, державшегося во многом на авторитете своего лидера.

Недостаточное понимание реального положения дел в новой России, догматизм, критическое и недоуменное отношение к объективным процессам, происходящим в советской идеологии, культуре и общественном мировоззрении, были присущи левоэмигрантским, социал-демократическим кругам. О возрождении патриотических настроений в СССР с некоторым удивлением сообщал из Москвы негласный корреспондент меньшевистского «Социалистического вестника»: «Об этом, т. е. о патриотизме, говорят в советских учреждениях, в заводских курилках, в общежитиях молодежи и пригородных поездах. Наиболее распространенное настроение – это чувство национальной гордости <...> В совучреждениях обывательски настроенные служащие, годами молчавшие, теперь уверенно говорят о национальном патриотизме, об исторической миссии России <...> встречая при этом сочувственное одобрение коммунистов – руководителей учреждений». Но если для меньшевиков-интернационалистов, сторонников западноевропейской модели социал-демократии, подобные факты свидетельствовали о начавшихся переменах в СССР и появлении так называемого обывательского патриотизма, то для ортодоксально настроенных членов ВКП(б) это стало потрясением. «Среди идейных коммунистов явная растерянность», – констатировал автор московской корреспонденции¹. Впрочем, и в самой партии меньшевиков не было единства в вопросе об отношении социал-демократической оппозиции к СССР в условиях нарастающей военной угрозы. Лидер РСДРП Ф. И. Дан выступил в 1935 г. с идеей «защиты страны победившей революции». По его мнению, «защита СССР» являлась одним из главных устоев «борьбы за мир, борьбы

¹ А. Советский патриотизм – легализация обывательского патриотизма // Социалистический вестник. 1935. 25 марта. С. 24.

за власть»¹. Данный тезис вызвал острую полемику в меньшевистском руководстве².

Более заинтересованное и даже благожелательное отношение к переменам в Советском Союзе наблюдалось в других кругах русской эмиграции. Близкий к либеральному лагерю философ Н. А. Бердяев в своей известной работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937) указал на неизбежность патриотической трансформации советской идеологии. Советскую власть он считал единственной в сложившихся исторических условиях политической силой, способной защищать государственную целостность и интересы России. Н. А. Бердяев писал: «Идеологически я отношусь отрицательно к советской власти <...> Но в данную минуту это единственная власть, выполняющая хоть как-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей. Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляло бы даже опасность для России и грозило бы анархией»³. Следуя собственной концепции «русской идеи», философ указывал на национальные «корни» советского патриотизма как «деформации старой русской мессианской идеи»⁴. «В России, – отмечал он, – вырастет не только коммунистический, но и советский патриотизм, который есть просто русский патриотизм. Но патриотизм великого народа должен быть верой в великую и мировую миссию этого народа, иначе это будет национализм провинциальный, замкнутый и лишенный мировых перспектив. Миссия русского народа сознается, как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире. И это согласно с русскими традициями»⁵. Несмотря на критическое отношение к большевизму как форме власти, основанной, по мнению русского мыслителя, на насилии и подавлении свободы личности, для Бердяева была неприемлема позиция тех эмигрантов, которые были согласны на иностранную интервенцию ради свержения ненавистного им политического строя в СССР.

Еще большие надежды на новый советский идеологический курс возлагал философ и публицист Г. П. Федотов. Проводящуюся в СССР политику («сталинская генеральная линия») он охарактери-

¹ См.: *Ненароков А. П., Савельев П. Ю.* Дан Ф. И. // *Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия.* С. 277.

² *Ненароков А. П., Савельев П. Ю.* *Меньшевики // Революционная мысль в России XIX – начала XX века. Энциклопедия.* С. 289.

³ *Бердяев Н. А.* *Истоки и смысл русского коммунизма.* М., 1990. С. 120.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Там же. С. 120–121.

зовал как «линию национализации революции, т. е. линию национал-социализма»¹. Согласно мнению русского философа, по этой идеологической линии выстраивалась вся внутренняя политика Советского государства последних лет. В доказательство такого вывода Федотов приводил следующие аргументы: «Продолжается реабилитация русской истории, преимущественно военной. Газеты полны описаний военных музеев. Выставка Ледового побоища, выставка Кутузова <...> Сильный удар наносится окраинным сепаратизмам реставрацией русского языка как языка государственного»². Вместе с тем в его предвоенных публикациях, в целом приветствующих возврат к идее патриотизма в СССР, звучала и тревога: окажется ли жизнеспособной и эффективной пропаганда этой идеи, уже как советской и большевистской, в условиях войны с иностранным агрессором? Осуждая жесткие методы экономической модернизации 1930-х гг., в результате которых русский народ понес тяжелые потери, Г. П. Федотов, тем не менее, не видел в сложившихся условиях какой-либо иной альтернативы сталинскому государственному и идеологическому курсу:

Новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России. Если он будет бит, если народ откажется защищать Россию Сталина, как он отказался защищать Россию Николая II, и Россию демократической республики, то для этого народа, вероятно, нет возможности исторического существования. Придется признать, что Россия исчерпала себя за долгий тысячелетний век и, подобно стольким древним государствам и нациям, ляжет под пар на долгий отдых или под вспашку чужих национальных культур.

Еще очень трудно оценить отсюда (из эмиграции. – А. К.) силу и живучесть нового русского патриотизма. Он очень крепок у молодой русской интеллигенции, у новой знати, управляющей Россией. Но так ли силен он в массах рабочих и крестьян, на спинах которых строится сталинский трон? Это для нас неясно. Сталин сам, в годы колхозного закрепощения безумно подорвал крестьянский патриотизм, в котором он теперь столь нуждается. Но и сейчас, в горячке индустриального строительства, он губит патриотизм рабочих, на котором создавалась Советская республика. Мы с тревогой и болью следим отсюда за перебоями русского надорванного сердца. Выдержит

¹ Цит. по: *Роговин В. З. Мировая революция и мировая война*. М., 1998. С. 83. Используя термин «национал-социализм», Г. П. Федотов не проводил параллель между сталинским политическим курсом и гитлеризмом с его расистской доктриной, а имел в виду советский «русифицированный» социализм. По справедливому замечанию К. А. Соловьева, «непонимание существенных характеристик мировоззрения Федотова приводило к искажению его общественно-политических взглядов». См.: *Соловьев К. А. Федотов Г. П. // Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия*. С. 582.

² Там же.

ли? Выдержит ли оно новое военное напряжение, которое, вероятно, будет тяжелее прежнего, перед лицом опасностей несравненно более грозных?

Кто не с Россией в эти роковые дни, тот совершает – может быть, сам того не сознавая – последнее и безвозвратное отречение от нее...¹

Определенные надежды на реставрацию старых порядков в России возлагали на новый советский политико-идеологический курс представители военной белой эмиграции. Белое движение (если иметь в виду его наиболее активную военно-террористическую структуру – Русский общевоинский союз) после похищения и убийства органами ОГПУ – НКВД генералов А. П. Кутепова (1930) и Е. К. Миллера (1937) переживало кризис и постепенно сходило с политической сцены. Некоторые влиятельные представители белого генералитета были уверены, что возрожденная коммунистами русская армия в случае войны с Германией разгромит врага, а затем свергнет и существующую в СССР власть. На одном из публичных докладов А. И. Деникин, опровергая мнение о слабости Красной армии и ее возможном «бегстве» от гитлеровских войск, заявил: «Нет, не победит. Храбро отстоит русскую землю, а затем повернет штыки против большевиков»². Называя Гитлера «злейшим врагом русского народа», Деникин в январе 1938 г. подчеркивал: «Борьба с коммунизмом. Но под этим прикрытием другими державами преследуются цели, мало общего имеющие с этой борьбой <...> Нет никаких оснований утверждать, что Гитлер отказался от своих видов на Восточную Европу, то есть на Россию»³. Примечательно, что подобных взглядов на экспансионистские планы Запада в отношении нашей страны бывший главнокомандующий вооруженными силами Юга России (охотно использовавший, тем не менее, иностранную военную и материальную помощь в борьбе с большевизмом в годы Гражданской войны) стал придерживаться еще с конца 1920-х гг. Так, в 1928 г., в переписке с неким «красным командиром» А. И. Деникин, жестко полемизируя со своим оппонентом, был солидарен с ним в одном: «Я совершенно согласен с вами, что над Россией нависли грозные тучи со всех сторон <...> Теперь уже открыто говорят о разделе России»⁴. Похожую позицию занимал в начале Второй мировой войны и П. Н. Милюков. Для лидера партии кадетов были приемлемы любые действия советских властей, укрепляющие обороноспособность и государственное могущество СССР. Милюков приветствовал заключение советско-германского

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 125–126.

² Цит. по: Любимов Л. На чужбине. М., 1963. С. 209.

³ См. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. С. 173.

⁴ Там же. С. 172.

пакта 1939 г. и войну Советского Союза с Финляндией 1939–40 гг.¹ Необходимо отметить, что А. И. Деникин и П. Н. Милюков, оставаясь убежденными противниками большевизма и коммунистической идеологии, признавали положительное значение внешнеполитических акций советского правительства и категорически отвергали какую-либо мысль о сотрудничестве русской эмиграции с Германией в случае ее нападения на СССР.

В эмигрантской среде второй половины 1930-х гг. набирало силу движение поддержки СССР – так называемое оборончество. Идея защиты своей Родины в условиях неизбежной войны с Германией объединила тысячи представителей русской эмиграции, проживавших в странах Европы и Азии. Во Франции был организован Союз друзей Советской Родины и Союз оборонцев. В 1936 г. в Праге создается Оборонческий комитет. Концепция «оборонцев» излагалась в одной из их листовок: «Внешняя опасность, грозящая России, не могла не вызвать оборонческого движения, ставящего своей целью посильное содействие защите родины в критический момент ее истории. Планы враждебных России держав к началу 1936 г. выяснились с совершенной очевидностью. В этих планах Россия рассматривается как объект колониальной политики, необходимый для наций, якобы более достойных и цивилизованных. Более или менее открыто говорится о разделе России. Врагами России поддерживаются всякие сепаратистские движения. И во имя борьбы с существующим в России правительством некоторые круги эмиграции открыто солидаризируются со всеми этими вражескими планами, надеясь ценной раздробления родины купить себе возможность возврата в нее и захвата в ней государственной власти <...> Вопрос совести каждого эмигранта: с кем он?»²

Параллельно с «оборончеством» в эмиграции росло и движение за возвращение в СССР (так называемое возвращенчество). Во Франции к началу войны насчитывалось более тысячи «возвращенцев». Союз возвращенцев существовал также в русской диаспоре Шанхая. Советский историк Л. К. Шкаренков в своем исследовании о политических путях русской эмиграции 1920–1940-х гг. привел многочисленные высказывания представителей «оборонческого» и «возвращенческого» движений, отражающие широкий спектр мнений по вопросу об отношении к СССР. Вот, например, как заявил свою открыто просоветскую позицию «возвращенец» Н. Н. Тверитинов: «Мы

¹ *Канищева Н. И.* Милюков П. Н. // *Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия.* С. 432. Более детально свою позицию по этим вопросам П. Н. Милюков изложит в 1943 г. в полемике с одним из бывших лидеров эсеров М. В. Вишняком, см.: *Любимов Л.* На чужбине. С. 250.

² Цит. по: *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. С. 174.

хотели бы рассматривать оборонческое движение как приближение эмиграции к современной советской действительности, как приближение к Советскому Союзу по пути патриотизма. Такой путь не заказан даже и некоторым монархистам, так как не все поголовно правые стремятся к военному разгрому СССР <...> В отличие от оборонцев-эмигрантов мы, стоящие на советской платформе, будем защищать не только границы России, но и завоевания Октябрьской революции»¹. Такого же мнения придерживался и активист Союза друзей Советской родины В. К. Цимбалюк. «Другой России, – заявил он, – кроме коммунистической, сейчас нет. Нам в эмиграции делать нечего. Надо идти защищать русскую коммуну на русской земле, а все политические счета не хранить в кармане, а просто выбросить в мусорный ящик»². Конечно, абсолютное большинство русской эмиграции не разделяло подобных радикально просоветских настроений, однако рост державного могущества СССР, идеологические перемены в стране и опасность агрессии против России объективно вызывали в этой среде рост патриотических чувств. В этом отношении весьма показательна реакция Ф. И. Шаляпина на происходящие на его Родине процессы постепенного возвращения государственной идеологии и народного самосознания к национальным ценностям. В своем письме к дочери в декабре 1937 г. великий русский певец, находясь под впечатлением радиопередач из Москвы, с удовлетворением отмечал «перемену в настроении русском», выразившуюся в постоянном прославлении понятий «Родина, отечество, гордимся русским человеком»³.

Выше уже отмечалось, что с 1936 г. нацистское руководство стало внимательно отслеживать начавшиеся кардинальные изменения в пропагандистской сфере и культуре своего главного геополитического противника – Советского Союза. После подписания советско-германского пакта у гитлеровских бонз появилась возможность непосредственно наблюдать эти неожиданные для них признаки «национализации» большевизма. Прибывшего в сентябре 1939 г. в Москву министра иностранных дел Третьего рейха Й. фон Риббентропа поразили такие идеологические новации, как культ национальных героев исторической России и государственный характер официальной пропаганды. Рейхсминистр отмечал в своих записях: «Наряду с другими впечатлениями мне показалось это знаком того, что в сталинской Москве наметилась эволюция тезиса о мировой революции в более консервативном направлении. Фильм “Петр Первый”, который как раз шел тогда на московских экранах, тоже мог истолковываться в этом

¹ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. С. 175.

² Там же.

³ Кириленко К. Н., Коробова Н. А. Судьба архива Ф. И. Шаляпина. Письма к дочери Ирине // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 296.

направлении»¹. Еще до заключения пакта, в беседе с временным поверенным в делах СССР в Германии Г. А. Астаховым Риббентроп решил прояснить вопрос об изменении советской государственной идеологии: «Не кажется ли Вам, – обратился он к Астахову, – что национальный принцип в Вашей стране начинает преобладать над интернациональным? Это вопрос, который наиболее интересует фюрера». На приеме, устроенном в честь советских дипломатов 26 июля 1939 г., эксперт германского МИД К. Ю. Шнурре, говоря о позитивных, с точки зрения немецкой стороны, изменениях, «произшедших в русском большевизме в последние годы», заявил следующее: «Слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских и подвигов (празднование годовщины Полтавской битвы Петра Первого, битвы на Чудском озере Александра Невского), изменило интернациональный характер большевизма <...> особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию»². Столь смелое по дипломатическим меркам заявление, разумеется, не могло ввести советских представителей в заблуждение: ни та, ни другая стороны не собирались отказываться от своих геополитических планов и тем более от собственной идеологии. Заключение советско-германского пакта рассматривалось И. В. Сталиным как необходимый шаг для дальнейшего укрепления позиций Советского государства на мировой арене и оттягивания начала войны, которую коммунистический лидер считал неизбежной.

В начале 1941 г. советское руководство вплотную подошло к необходимости «реабилитации» национализма как объективного и прогрессивного в новых условиях социокультурного явления и политической идеологии, которая в своем левом (демократическом, патриотическом) варианте диалектически сочеталась бы с принципами пролетарского интернационализма. Подобное решение было продиктовано желанием лидеров ВКП(б) придать мировому коммунистическому движению национальную направленность и новые организационные формы. Центральным здесь был вопрос о будущем Коминтерна. Как полагал И. В. Сталин и его соратники, в сложившихся условиях эта организация уже исчерпала себя и не отвечала новым задачам мирового комдвижения и координации антифашистских сил. Генеральный секретарь ИККИ Г. М. Димитров зафиксировал в своем дневнике основные события последних предвоенных месяцев, связанные с судьбой возглавляемого им органа. 27 февраля 1941 г.

¹ *Риббентроп Й. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 160.

² См.: Оглашению не подлежит: СССР и Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991. С. 29–31; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 30; *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 271.

глава Коминтерна приводит слова А. А. Жданова, сказанные ему в присутствии А. А. Андреева и Г. М. Маленкова: «Мы сбились [допустили ошибку] на национальном вопросе. Не обращали достаточно внимания на национальные моменты». Далее в записи приводилась установка самого Сталина, озвученная Ждановым: «Сочетание пролетарского интернационализма со здоровыми национальными чувствами данного народа. Подготовить надо наших “националистов”»¹. На следующий день в ИККИ состоялось обсуждение данных установок ЦК и был обозначен комплекс первоначальных мероприятий по проведению «национальной» линии в комдвижении. Было решено создать специальную одногодичную школу для подготовки новых кадров комдвижения, началась разработка программы преподавания, которую предполагалось «составить с учетом большого внимания к национальным проблемам (проблемам собственно стран)»².

Представляет интерес оценка дневниковых записей Г. Димитрова, данная в июне 1982 г. заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС А. С. Черняевым. Ознакомившись с этими строго засекреченными тогда документами, он отмечал: «Сразу после VII Конгресса Коммунистического Интернационала (1935) Сталин стал оттирать Коминтерн <...> Только в 1941 г., накануне войны, примерно в апреле, для Димитрова стало проясняться, что за этим у Сталина стояла большая стратегия, которую Сталин, а потом и Жданов сформулировали совершенно четко <...> Они понимали уже, что Советский Союз остается один перед лицом фашизма <...> что рабочий класс Запада ничем нам не поможет, германский рабочий класс в войсках вермахта уже завоевал Европу. Словом, надеяться не на что, кроме как на самих себя <...> И не надо суетиться с организацией мировой революции из Москвы с помощью КИ³: ее не будет, почва для нее рассыпалась. Поэтому пусть коммунисты начинают все сначала, но у себя дома, опираясь на национализм своего народа, становясь национальной силой»⁴.

Впрочем, предписанный зарубежным компартиям переход на национальные позиции всецело относился, по замыслу лидера

¹ Цит. по: *Марьина В.* Георги Димитров – советский гражданин. 1934–1945 гг. (по материалам дневников Г. Димитрова) // Россия XXI. 2007. № 4. С. 96.

² Там же. С. 97. О планах сталинского руководства по роспуску Коминтерна см. также: *Байерлайн Б.* «Предатель – ты, Сталин!» Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941): утраченная солидарность левых сил. М., 2011. С. 421–424.

³ Коммунистического Интернационала.

⁴ *Черняев А. С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008. С. 493–494.

ВКП(б), и к идеологии своей партии и всего Советского государства. Обсуждая 12 мая 1941 г. с Г. Димитровым вопрос о возможном роспуске Коминтерна, А. А. Жданов, подчеркнув, что этот шаг не означает отказа от интернациональных основ советской политики, вместе с тем привел слова И. Сталина, указывающие на необходимость обращения к национальному патриотизму как одной из главных идеологических скреп государственности: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм <...> Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага»¹.

Сталинский тезис, предполагавший «уравновесить» национальную и интернациональную компоненты официальной идеологии (и в чем-то даже усилить первую), ломал привычные стереотипы. Однако радикального поворота в советском пропагандистском курсе не произошло. Здесь сказались опасения инициаторов несостоявшейся идеологической революции быть обвиненными в ревизии основ марксизма-ленинизма. Также, по утверждению историка А. И. Вдовина, «останавливал и страх перед возможными обвинениями Сталина со стороны партийных ортодоксов в переходе в национальном вопросе на гитлеровскую точку зрения, ставящую нацию и национальную идею в центр своей идеологии и политики»². Но начавшаяся война внесла существенные коррективы в советский пропагандистский курс, направив его в сторону еще большей «русификации».

Проводимая с начала 1930-х гг. И. В. Сталиным и его ближайшим окружением политика инкорпорации в официальную пропаганду и культуру идей государственности и советского, русского патриотизма была обусловлена объективными процессами. Внешнеполитические (невозможность осуществления планов мировой революции; угроза нападения на СССР; приход к власти в Германии нацистов) и внутриполитические (утопизм прежних левацких установок и методов, непригодных для дальнейшего соцстроительства, их неприятие большинством населения; необходимость идеологической мобилизации советского общества в условиях угрозы новой войны) факторы оказывали непосредственное воздействие на содержание этой политики и формы ее осуществления. Не затрагивая в целом основ марксист-

¹ *Марьина В.* Георги Димитров – советский гражданин. С. 100.

² *Вдовин А. И.* Русские в XX веке. С. 180.

ско-ленинской идеологии, меры, предпринятые сталинским руководством, существенно скорректировали пропагандистский курс. Идеи державности и русского патриотизма (как главного «стержня» патриотизма общесоветского) заняли главенствующее положение, наравне с пролетарским интернационализмом. Новый пропагандистский курс (проводимый посредством специальных партийных постановлений и государственных мероприятий, а также в соответствующих произведениях литературы, науки и искусства) встречал сопротивление со стороны ортодоксально настроенных партийных кругов и в среде левой интеллигенции. Большинство же русского населения Советского Союза происходящие перемены были восприняты положительно. Возвращение к государственнической идеологии, ко многим духовным ценностям, традициям, символам, отрицаемым в первые послереволюционные годы, во многом способствовало росту национального самосознания у русских граждан СССР. Необходимо при этом подчеркнуть, что именно русский народ понес наибольшие потери в результате массовых репрессий, тяжелых издержек политики коллективизации. Так, русские составляли 46,3 % от общего количества арестованных и осужденных с октября 1936 г. по июль 1938 г. и 63 % лагерных заключенных на начало 1939 г.¹

Но несмотря на невозвратные потери и напряжение предвоенного десятилетия, именно благодаря героическим усилиям советских людей и в первую очередь русского народа, в большинстве своем поддерживавшего государственную власть, удалось провести ускоренную модернизацию страны. И немалую роль в сплочении общества накануне суровых испытаний сыграло возрождение в СССР идеи патриотизма.

¹ См.: *Данилов В. П.* Сталинизм и советское общество // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 173–175; *Земсков В. Н.* Документы трагического времени // Аргументы и факты. 1990. № 35. С. 4.

Глава X. ИДЕИ ПАТРИОТИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Является ли национализм особой идеологией? Этот вопрос вызывает у исследователей много споров и не имеет однозначного ответа. Применительно к России его прежде всего можно рассматривать как идейно-теоретический комплекс, который эффективно взаимодействовал со всеми политическими доктринами – от правых до левых. Возникнув в XVII в. в Европе как «идеологическое орудие» для сокрушения традиционных общественно-политических структур и монархически-имперских режимов, в России «национализм» укоренился только в первой половине XIX в., выступая в качестве идеологической составляющей государственной политики. В отличие от европейского, русский национализм долго не признавался российскими либералами, тогда как националистические идеи охотно взяли на вооружение отечественные консерваторы, используя понятие «национализма» для обозначения своей идеологии. Ситуация изменилась после Первой русской революции, когда по националистическим высказываниям П. Б. Струве о «Великой России» о национализме стали судить как об идейной основе русской либеральной интеллигенции.

Русский национализм не был однороден. В начале XX в. он распался на три направления: традиционалистское (идеологи и представители монархических организаций), либеральное (сторонники П. Б. Струве), радикальное (последователи либерального народника М. О. Меньшикова). Являясь идеологической сцепкой различных политических доктрин, на пути своего концептуального развития национализм испытывал не только взаимоотталкивания, но и взаимовлияния. Националисты всех политических оттенков признавали себя исключительно государственниками. В силу этого они четко разграничивали национализм народов, входящих в состав многонациональных государств, с комплексом стремящихся к независимости этнических элементов, и национализм как самосознание нации, имеющей собственное государство и численно преобладающей в нем. Подчеркивая свою приверженность второй форме национализма, русские националисты всеми силами и средствами стремились сохранить существующее государственное образование. Национализм и в дореволюционной России, и в эмиграции был сдвинут к этно-

центричности. Доктрина национал-либералов держалась на формировании юридически равноправной постоянно расширяющейся национальной империи вокруг крепкого руководящего национального ядра. В отличие от них, традиционалисты и радикалы в большей степени склонялись к изоляции и замкнутости имперских границ.

Теория русского «государственного национализма» переживала неоднократную трансформацию, всякий раз доказывая свою жизнеспособность и возможность эволюции. Очередной этап ее трансформации наступил после русской революции 1917 г., когда полное разрушение фундаментальных основ государства поставило перед националистами-государственниками задачу формирования обновленной национальной идеологии. В эмиграции формируемая заново национальная идея, воплощенная в символе «Великой, единой и неделимой России», выступала объединяющей силой для всех направлений национально-патриотического Зарубежья.

Определяя пути национального развития, русская общественно-политическая мысль традиционно исходила из познания России, ее особой миссии в мире через детальное осмысление собственного исторического прошлого, через проникновение в тайники характера русского народа, через осознание им самим своеобразия собственной истории и культуры. Либерально-консервативные мыслители Зарубежья являлись прямыми наследниками русской общественно-политической традиции конца XIX – начала XX в. Вслед за идеями своих предшественников они выделяли наиболее важные сущностные аспекты формулируемой ими идеи национального возрождения: 1) общечеловеческий, соединяющий в себе мысль о всеобщем спасении, объединении человечества в высокую общность с использованием опыта России, ее способности и практики преодоления государственных потрясений; 2) общероссийский, направленный на возрождение монархической России через воссоздание ее национального ядра. Важное место в национальной идее отводилось православной вере, которая играла основополагающую роль в реанимации национального самосознания, духовного пробуждения освобожденной от власти большевиков страны. Большое внимание уделялось проблеме свободы в национальном идеале русского человека, понимаемой как необходимое условие творческого «самовыражения» нации. В ситуации эмигрантского рассеяния ярко проявилась национальная значимость культурного фактора, что, кроме всего прочего, обуславливалось стремлением эмигрантской культуры обрести статус национальной.

Сохраняя свою разновекторную направленность, эмигрантский национализм сходил на трех принципиальных положениях: 1) на признании национальной самобытности России, своеобразия генезиса, развития и содержания русской государственности; 2) на определении России как некоего духовного единства, благодаря которому

русский народ пережил все выпавшие на его долю испытания; 3) на поиске фундаментальных основ национальной доктрины в историческом наследии страны.

Немало своих трудов вопросу национальной идеи («русской идеи») посвятил И. А. Ильин. Будучи убежден, что «судьбы народа сокрыты в его истории»¹, он видел некое мистическое предназначение в ее влиянии на ход государственного развития. «История обернулась к нам своим трагическим ликом, – писал Ильин в работе “Родина и мы”, – поэтому ради обновления страны должна быть использована та часть исторического наследия, которая способна оградить народ от нелепиц и настоящих опасностей»². В качестве главного мотива борьбы русского народа за свободную и достойную жизнь на земле идеологом провозглашалась вера в Россию, ее духовную силу и национальное своеобразие³. Россию он рассматривал как живую духовную систему со своими историческими дарами и заданиями, за которыми стоит предназначенный русскому народу некий Божий замысел. Предначертанная свыше миссия России «выговаривается русской идеей», «идеей созерцающей любви и предметности». Ильин выделял следующие сущностные черты «русской идеи».

1. «Русская идея есть идея сердца», провозглашающая, «что главное в жизни есть любовь, и что именно любовью строится совместная жизнь на земле». Любовь он считал духовно-творческим потенциалом русской души, без которого русский человек представляет собой «неудавшееся существо». Любовь и вера – два качества, отличающие русского человека. При их отсутствии он становится пустым существом, без идеала, без цели⁴.

2. Проявлением любви и веры является живое созерцание, или «живая очевидность сердца», лежащая в основе русской культуры, русского исторического монархизма. «Россия росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости и к политическому рабству <...> но потому, что государство, в его понимании, должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице – живом, созерцаемом, беззаветно любимом <...> и укрепляемом этой всеобщей любовью»⁵.

3. «Русская идея» есть идея свободно созерцающего сердца, однако это созерцание должно быть не только свободным, но и предметным. Отсюда «русская идея» понималась Ильиным как «свободно

¹ Ильин И. А. О России // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 19.

² Ильин И. А. Родина и мы // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 9/10. М., 1999. С. 263–265.

³ Ильин И. А. О русской идее // Он же. Русская идея. М., 1992. С. 436.

⁴ См.: Там же. С. 437.

⁵ Там же. С. 437–438.

и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура»¹. «Там, где русский человек жил и творил из этого акта, он духовно осуществлял свое национальное своеобразие и производил свои лучшие создания – во всем...»²

Один из предметов воззрений философа составляло его отношение к «государственному делу», роли государственных начал в историческом прошлом России и в ее будущем. Убежденный сторонник целостности российского государства, он вместе с тем не возводил ее в качестве определяющего фактора общественного развития. Ильин делал акцент на развитии духовных и нравственных начал государственности, каковыми, в его представлении, являлись: близость к Богу, живая вера, совесть, семья, Родина, духовная сила русского народа, его органическое единство с природой. Мыслитель был уверен, что только на основе осуществления органического единства ценностей русского народа возможно обновление и возрождение России.

Исследуя природу «русской идеи», он пришел к выводу, что эта «идея всеобщего спасения» родилась «из катастрофического прошлого страны». Войны, далеко не всегда успешные, обрушивались на Россию беспрестанно: Москву жгли татары, поляки, французы, но Россия, как феникс, возрождалась из пепла и вновь расцветала. Незыблемой основой ее возрождения всегда выступала «идея национального единства и соборного согласия»³. Ильин отмечал: «русская идея» – идея национальная, но не националистическая, в ней нет стремления к утверждению своей исключительности, покорению других народов. Россия – многонациональна, но русских по своей природе отличала национальная терпимость. Именно она способствовала складыванию мощного государства и его восхождению в течение веков.

Формулируя национальную идею, Ильин основывался на том, что она должна быть собственной, русской. «Мы не призваны заимствовать у других народов их духовную культуру и подражать им. Мы призваны творить свое по-своему, по-русски», хоть бы потому, что у других народов иной характер и творческий уклад: «особый у иудеев <...> у греков, римлян, англичан <...> У них другая вера, другая кровь в жилах, другая наследственность, другая природа, другая история <...> свои достоинства и свои недостатки. Кто из нас захочет заимствовать их недостатки? – Никто. А достоинства нам даны наши собственные». Русскому человеку необходимо лишь создать условия для бурного «расцвета» собственных достоинств. Преодолевая свои

¹ Ильин И. А. О русской идее. С. 439.

² Там же.

³ См.: Антоненко Н. В. Идеология и программа монархического движения русской эмиграции. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 58.

национальные недостатки совестью, молитвою, трудом и воспитанием, поверив в себя, о чужих достижениях он и помышлять не захочет¹.

Ильин резко отрицательно относился к слепому копированию западных идеалов, признавал унижительным для такого великого народа, как русский, «побираться под чужими окнами». Западную культуру при всех ее достижениях он не считал идеалом для России, подчеркивая, что она в полной мере соответствует способностям и потребностям западного общества, но никак не отвечает национальным запросам русского народа, его историческому призванию и душевному укладу. «Нам не за чем гнаться за Западом и делать из него образец, – писал Ильин в статье о “Русской идее”. – У него свои недуги, заблуждения и опасности, у нас свои пути, свои национальные задачи; мы Западу не ученики и не учителя, мы ученики Богу и самим себе»². В этом мыслитель видел подлинный смысл национальной идеологии. По своему содержанию она, с одной стороны, должна выражать русское историческое своеобразие, с другой – русское историческое призвание. В ней должны быть заложены присущие русскому национальному характеру сущностные черты: его «благая сила» и самобытность среди других народов. Кроме того, «русская идея» как государственная должна одновременно определять основополагающую для страны историческую задачу и направлять ее на духовный путь, по которому будут следовать современное и грядущие поколения. Отсюда Ильин представлял «национальную идею» как «нечто живое, простое и творческое»³. Он отождествлял ее с идеей патриотической, что было принципиально важно для разбросанного по миру эмигрантского сообщества. Идеологи Зарубежья, ставившие задачу объединения эмиграции, использовали патриотическую идею как движущую силу в деле национального возрождения.

Патриотизм Ильин называл глубоким духовным чувством, идущим от существа русской души. «Не просто самый народ, но народ, ведущий духовную жизнь, и непросто самая жизнь народа, но жизнь подлинно духовная и духовно высокая, не просто все условия жизни – и земля, и климат, и хозяйство, и организация, и власть, и законы, – но все это как данное для духа и созданное духом и ради духа»⁴, – писал он. В то же время для мыслителя было важно подчеркнуть, что невероятная любовь русских к своей родине не слепа, не безрассудна, а в высшей степени гуманистична. Ильин отстаивал

¹ Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 425.

² Там же. С. 426–427.

³ Там же. С. 419.

⁴ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 4. М., 1994. С. 248.

идею «гуманного патриотизма», будучи убежден, что «только незрелое и больное правосознание может культивировать патриотизм как слепое, внеэтническое исступление, забывая о том, что внеэтнический экстаз нужен только для того, чтобы развязать унижительное для человека животное своекорыстие»¹.

Отвечая запросам эмигрантского сообщества, Ильин выдвинул идею «обновленного национализма». При этом мыслитель опирался на специфику русского национализма, его спокойный, неагрессивный характер. С одной стороны, он «пропитан» величайшей любовью к русскому народу, с другой – огромным уважением к народам, живущим с ним в едином сожителстве. В своих многочисленных работах, посвященных этой проблематике, Ильин постоянно интерпретировал определение русского национализма, всякий раз дополняя его новыми деталями.

Национализм он рассматривал как понятие многоаспектное и крайне широкое: 1) любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии; 2) веру в инстинктивную и духовную силу своего народа, в его духовное призвание; 3) волю к тому, чтобы народ имел возможность свободного творчества; 4) созерцание своего народа, его души, недостатков, талантов, его исторической проблематики; 5) систему тупиков, вытекающих из любви к Богу, из веры, из высшей воли и ее созерцания². При этом национализм Ильина был многофункционален: являлся проводником интересов русского народа, защитником его жизни, «отправным пунктом» национального творчества. Любой «творческий акт», «изобретение» того или иного народа он считал не индивидуальным, а общенациональным достижением, результатом деятельности целого народа на протяжении многих веков³.

Возрождающийся среди эмиграции национализм Ильин называл «инстинктивным», «духовным», «восходящим к Богу» и противопоставлял его интернационализму, «сентиментальному» и «свирепому» национализму агрессивных народов⁴. Для мыслителя было принципиально важно, чтобы русские люди как в эмиграции, так и в самой России не связывали себя никакими интернационалистическими «симпатиями» или «обязательствами»⁵, а стремились к идеалу «духовного» национализма с его идеей бессмертной души, «самостоятельной по своему дару, по своей ответственности и по своему при-

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. С. 257.

² См.: Ильин И. А. О русском национализме // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 363–364.

³ Там же. С. 364.

⁴ Там же. С. 360.

⁵ Там же.

званию, особой в своих подвигах, и самодеятельной в созерцании, любви и молитве». Эту специфику христианского сознания он называл «метафизическим своеобразием человека» и соотносил его с метафизическим своеобразием народа. Таким образом, в теории Ильина соединялись две ведущие идеи – христианская и национальная¹.

Мораль «служения Божьего» Ильин подводил к тому, что каждый народ всей своей историей, своей культурой, всем трудом служит Богу, однако духовно ведущими народами становятся только те, которые служат ему наиболее вдохновенно. Отсюда следовал вывод: великий русский народ непременно получит свои «духовные дары» и творчески «претворит их по-своему»². Мыслитель был убежден, что творчески одаренный и одухотворенный этнос не только способен, но и призван создать нечто прекрасное, совершенное для всех народов. «Мировой гений есть, прежде всего, “национальный гений”, всякая попытка создать нечто великое из “интернациональной” души дает в лучшем случае мнимую, “экранную знаменитость”», – писал Ильин. Подлинный гений, в его понимании, всегда национален, и это он знает о себе сам. Если пророки не принимаются в своем отечестве, то только потому, что они углубляют творческий акт своего народа до того уровня, до той глубины, которая еще не доступна сознанию его современников. Пророк и гений всегда национальнее своего поколения, в чем их безусловное достоинство для нации (которая не сразу это понимает и принимает) и личная трагедия. Вместе с тем истинное призвание великих личностей – показать своему народу его подлинную силу, его предназначение и грядущие пути³.

Ильин считал, что миссия каждого народа на земле идентифицируется через дарованное ему национальное чувство – некий «духовный огонь», ведущий каждого отдельного человека к служению и жертвам, а народ в целом – к духовному расцвету. В национальном чувстве или в «народной гордости» он видел источник национального достоинства, «народного единения», государственного правосознания⁴.

В своих рассуждениях Ильин, с одной стороны, разграничивал понятия национализма и народности, с другой – прослеживал их взаимосвязь. Если народность мыслитель трактовал как «климат души» и «почву духа», то национализм в этой связи рассматривал как верную, естественную тягу к своему климату и к своей почве, «здоровое

¹ См.: Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 323–329.

² Там же. С. 325–326.

³ См.: Ильин И. А. О русском национализме // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 365.

⁴ Там же. С. 364.

и оправданное настроение души»¹. Проявления агрессивного национализма объяснялись им инстинктом национального самосохранения и оправдывались только в том случае, если этот инстинкт был согласован с духовными законами, являлся носителем любви, жертвенности, храбрости и мудрости, благодатной почвой для национального единения, развития национальной культуры и творческого национального гения². Ильин четко разделял понятия «жертвенного» и «агрессивного» национализма. Русский народ он относил к обладателям «жертвенного» национализма, что вместе с тем не давало оснований представлять его каким-то особенным среди других народов. Демонстрацию превосходства русских мыслитель отождествлял с отказом от собственного «национально-индивидуального духовного лица».

Вместе с тем Ильин опасался перерождения истинного русского национализма в «больные и извращенные формы» национального чувства и национальной политики. Сигналом такого рода трансформации могли быть два тревожных симптома: 1) когда национальное чувство «прилепляется» к неглавному в жизни и культуре своего народа; 2) национальное чувство превращает «население» своей культуры в отрицание чужой. Самые тяжелые и опасные последствия для национализма вызывает соединение обеих форм. В этом случае национализм деформируется: чувство и воля националиста прикрепляются уже не к «внутренним» проявлениям народной жизни (дух, духовная культура народа), а к ее «внешним» сторонам (хозяйство, политическая мощь, размер государственной территории, успешные завоевания). Как следствие, происходит переоценка ценностей: главное для народа – жизнь духа становится средством для развития второстепенного, неглавного; национализм перерождается, превращаясь в орудие хозяйства, агрессивной политики и завоеваний. Он отрывается от своего истинного смысла и цели и становится на службу инстинктивным настроениям, жадности, безмерной гордыне, ожесточению, свирепости. «Опьянившись» земными соблазнами, в конце концов национализм может «извратиться» до крайности. Любопытно, что такую опасность Ильин допускал относительно любого народа, кроме русского. Русские, по его твердому убеждению, надежно ограждены от «крайностей» национализма своим религиозным смыслом, православием, вытекающей из него «нравственно праведной» и «совершенной в своей добродетели» идеей Святой Руси³. В течение веков русский народ осмысливал свое бытие не хозяйством, не государством, не войнами, а верой и ее содержанием. Это ограждало русское национальное

¹ Ильин И. А. О русском национализме // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 366.

² Там же. С. 363.

³ Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 367.

самосознание от соблазна экономизма, этатизма, империализма, а сам русский народ – от слепого оголтелого стремления к успехам хозяйства, государственной власти или власти оружия¹.

Проявлением крайности национализма Ильин считал отвращение и презрение к всему иноземному. Такого рода заблуждения националистов он объяснял психологической и духовной природой, вырывающейся на поверхность их «примитивной натуры» через «наивную исключительность», этнически врожденное самодовольство, жадность и похоть власти, узость провинциального горизонта, недухотворенность национального инстинкта. Народы с такой типологией национализма, как правило, впадают в манию величия и своеобразное «завоевательное буйство», называемое шовинизмом, империализмом и т. п. Однако русские, по наблюдениям Ильина, исторически ограждены от этих крайностей, во-первых, своей простодушной скромностью и природным юмором; во-вторых, – многонациональным составом Российской империи; в-третьих, – примером Великого Петра, «приучившего свой народ к самооценке и готовности самосовершенствоваться на примере других»². Петр приобщил Россию к цивилизации, понимая, что в унижительном положении своей отсталости она будет завоевана и порабощена. Вместе с тем отсталость в технике и хозяйстве («земную») Петр I не смешивал с достижениями духовными. Постигнув необходимость дать русскому национальному сознанию свободу светского мировоззрения, он смог найти новый синтез между православием и светской цивилизацией и культурой³. С правления Петра Великого русскому народу и русскому национализму был уготован новый путь: небесное и земное разделились, вместе с ними национальное сознание отделилось от «вероисповедального, церковного». В культурном творчестве возникла необходимость различать церковное и религиозное начала, затем – церковное и национальное; открыв дорогу светской культуре и светской цивилизации, внести в нее религиозный православный дух. В связи с этим перед русским народом была поставлена комплексная перспективная задача – выработать свое светское национальное самосознание, создать совершенно новую национальную культуру, национально-светскую цивилизацию. К сожалению, она до сих пор не решена. Миссию ее реализации Ильин возлагал на строителей «грядущей России»⁴.

В заслугу Великого Петра мыслитель ставил разграничение приоритетов государства и Русской православной церкви. В его правление Россия формировала свой «светский национализм», создавала

¹ Там же.

² Там же. С. 368.

³ Там же. С. 369–370.

⁴ Там же. С. 371.

свою национальную светскую культуру, светское русское искусство, новый светский уклад правосознания, правопорядка, государственности, новый уклад жизни и нравственности, частного и общественного хозяйства. Вместе с тем православная церковь не теряла своего истинного лица, оставалась преданной хранительницей жизненно-религиозных и нравственных ценностей. Как объединение верующих, включающее в себя многие народы, православная церковь была и остается сверхнациональной, хотя всегда несла в себе доминанту русскости. «Русский национальный акт и дух», взращенный в среде православной веры, расширяет горизонты православия для всех без исключения народов великой Российской империи. России по своему историческому предназначению было суждено создать «великое здание» империи, «выработать русско-национальный творческий акт, верный историческим корням славянства и религиозному духу русского православия», чтобы все народы могли найти в нем свое «родовое лоно, оплодотворение и водительское научение». В процессе имперского строительства на долю Русской православной церкви выпала великая миссия решения двух основополагающих задач: 1) создать русскую национальную «свободно-светскую» культуру, сообразовать ее с духом христианства; 2) «узреть и выговорить свою национальную идею, ведущую через пространство истории»¹.

Для разъяснения особой национально-государственной роли православия в Российской империи Ильин ввел понятие «христианского национализма». Этому вопросу он посвятил специальный раздел соей работы «Основа христианской культуры». В отличие от самого национализма, который в данном варианте трактовался как вера в благодатную силу своего народа, в «его призвание», «христианский национализм» мыслитель рассматривал гораздо шире – как открывающий человеку глаза на национальное своеобразие, призывающий не презирать другие народы, уважать их духовный достижения и национальные чувства. «Христианский национализм» Ильин противопоставлял «интернационализму» и «безнациональности». Высшим достижением национальности, вершиной национализма он считал его соединение с христианскими идеалами (так называемый сверхнационализм)². Ильин доказывал, что подлинное национальное чувство не противоречит христианским идеалам, более того, оно приобретает истинный смысл, приобщаясь «к дарам Святого Духа, даруемым каждому народу и по-своему претворяемым каждым из них в истории и в культурном творчестве»³. Отсюда христианство, в

¹ Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 373.

² Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 326–327.

³ Там же. С. 323–324.

трактовке Ильина, выступало собирателем культур, приобретая тем самым статус надкультурный и наднациональный¹.

Соединяя национализм с идеями христианства и права, Ильин отмечал, что России необходимо новое правосознание, «национальное по своим корням, христианско-православное по своему духу и творчески содержательное по своей цели». Только такое правосознание позволит создать в стране новый государственный строй². Грядущую Россию он представлял как многонациональное государство, «ограждающее и обслуживающее национальную культуру»³. Чаемое национальное возрождение мыслитель связывал с деятельностью в России «самых храбрых, национально преданных людей», способных возродить национальное достоинство, национальный дух, национальные инстинкты. Поэтому перед эмиграцией им ставилась задача отбора «качественных сил», способных стать кадровым потенциалом будущей России. В предсталении Ильина это должен быть духовно обновленный образованный слой с крепким правосознанием⁴.

Формулирование русской национальной идеи Ильин выдвигал как главную национальную задачу, подчиненную основополагающей цели возрождения страны. Вместе с тем он предупреждал об опасности ее расчленения на отдельные «национальные государства» или (как разновидности этого) о создании на месте России аморфной «федерации». Статья философа «Что сулит миру расчленение России» (из сборника «Наши задачи») является своего рода образцом политического предвидения событий. Россия, пишет Ильин, есть «живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению <...> Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира»⁵. На примере России мыслитель показывал, как принцип национального сохранения вступает в противоречие с принципом «национальной свободы». В связи с этим он отмечал: племенное деление народов никогда и нигде не совпадало с государственным, всегда существовали малые народы и племена, неспособные к государственной самостоятельности. Многие из них спасались только тем, что примыкали к более круп-

¹ См. там же. С. 324.

² Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 430–431.

³ Ильин И. А. О русском национализме // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 359.

⁴ См.: Прохоренко А. В. Философское россиеведение в идейной полемике пореволюционной эмиграции (первая половина XX в.). СПб., 2005. С. 98.

⁵ Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 327.

ным народам, государственным и толерантным¹. Напоминая о том, что Россия никогда не денационализировала свои малые народы, в отличие от тех же германцев в Западной Европе, Ильин справедливо отмечал, что само разделение России представляет собой территориально неразрешимую задачу, ибо «расчленение более крупных и значительных племен таково, что каждое отдельное “государствице” должно было отдать свои “меньшинства”, тем более что большевикам не удалось отвести каждому племени его особенную территорию, потому что все племена России разбросаны и рассеяны, кровно смешаны и географически перемешаны друг с другом»². Исходя из этого, мыслитель предполагал: расчленение России неизбежно приведет к образованию «до двадцати отдельных “государств”, не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни бесспорного национального населения. До двадцати пустых названий <...> Каждое поведет с каждым соседним длительную борьбу за территорию и за население, что будет равносильно бесконечным гражданским войнам в пределах России»³.

В случае угрозы государственного распада Ильин прогнозировал два возможных варианта развития событий: либо в стране установится национальная диктатура, способная взять бразды правления в свои руки, «погасить гибельный лозунг расчленения и, пересекая любые сепаратистские движения, привести страну к единству»; либо, если такая диктатура не сложится, начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия. Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам⁴.

Ильин считал, что справиться с анархией власти в переходный период от большевизма к монархическому строю сможет только национальная диктатура. В общем виде она представлялась как твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная власть, помогающая народу выделить кверху свои подлинно лучшие силы и воспитывающая народ к трезвению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве⁵. Из этого определения исходили и задачи для национального диктатора: 1) сократить и остановить хаос в стране; 2) немедленно начать качественный отбор людей; 3) наладить трудовой и производ-

¹ Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 328.

² Там же. С. 331.

³ Там же. С. 336.

⁴ Там же. С. 335.

⁵ Ильин И. А. Демократия – немедленно и во что бы то ни стало // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 176–177.

ственный порядок; 4) если нужно будет, оборонить¹ Россию от врагов и расхитителей; 5) поставить Россию на ту дорогу, которая ведет к свободе, к росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры².

В своем проекте государственно-политического устройства («Конституция») Ильин подробно разбирает функции и полномочия будущего национального правительства, которое он назвал правлением «высокопрофессиональной и национально ответственной элиты». По «Конституции» до восшествия на престол законно избранного царя, управленческие, законодательные и судебные функции передавались Верховному Правителю («национальный диктатор»), назначаемому на десятилетний срок. Ильин пояснял, что в качестве переходной формы государственного устройства предлагает установление в России авторитарного строя, который «не исключает народного представительства, но дает ему лишь совещательные права: глава государства <...> выслушивает советы народа, но правит самостоятельно»³.

Будущими представительными учреждениями мыслились Государственный Совет (избираемый на десятилетний срок) и Земский Собор, полномочия членов которого имели в первое десятилетие двухлетнюю, а в дальнейшем – пятилетнюю длительность. При этом Земский Собор мог быть распущен особым указом Верховного Вождя до истечения срока своей работы⁴.

Проект Ильина представлял собой модель российской государственности, совмещавшую преимущества авторитарного строя с преимуществами демократического, взаимоустраняя опасности первого и недостатки второго⁵. Отсюда верховная власть в России мыслилась «не как подчиненная народу или законодательной палате, а как самостоятельная правовая творческая реальность, пребывающая в главе государства»⁶. В отношении общества диктаторская власть рассматривалась не как подавляющая сила, а как пробуждающая, национально воспитывающая и активно вовлекающая народ в систему государственного управления⁷.

¹ Так в оригинале.

² Ильин И. А. О грядущей диктатуре // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 461.

³ Ильин И. А. От демократии к тоталитаризму // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 114.

⁴ См.: Ильин И. А. Проект Основного Закона Российской Империи // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 7. М., 1993. С. 532.

⁵ См.: Ильин И. А. О сильной власти // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 417.

⁶ Ильин И. А. Основы государственного устройства // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 7. С. 499.

⁷ См.: Ильин И. А. Проект Основного Закона Российской Империи // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 7. С. 502.

Являясь монархистом, Ильин не отрывал своего проекта от традиционных российских ценностей¹. Оставаясь до конца преданным национальному идеалу, он не пошел на поводу у новомодных течений, как поступало значительное число эмигрантов. Не стремился он и вслед за убежденными монархистами, мечтавшими реставрировать дореволюционную Россию, вырвать ненужные страницы из ее истории. Будучи по духу националистом, по состоянию души – патриотом, по своим убеждениям – сторонником крепкой национальной власти и правопорядка, Ильин и на чужбине оставался верен своим идеалам. Можно сказать, что его идеи значительно дополнили теоретический арсенал эмигрантских правоконсервативных организаций.

Как и И. А. Ильин, основательно занимался разработкой национальной доктрины постбольшевистской России П. Б. Струве. Его мировоззренческий путь от легального марксизма и позитивизма до идеализма отличался критическим отношением к ранее разделяемым теориям. Вместе с тем эволюция идей Струве сопровождалась неизменной приверженностью националистическому мировоззрению. Он подчеркивал: нет ненационализированных идеологий, и консерватизм, и либерализм, и социализм, чтобы стать государственно-действенной силой, не могут не национализироваться².

Струве не отделял националистических взглядов от политических. Оказавшись после революции в эмиграции, о своих убеждениях он писал: «Я не легитимист в условиях Зарубежья – хотя в России охотно и радостно приму легитимную монархию, которая, принятая народом, будет осуществлять национальное призвание государственной власти, укреплять мощь государства, блюсти национальную культуру и охранять свободу лица и человека. Я не республиканец, но если народ примет республику, которая будет твердо и ясно осуществлять национальное призвание государственной власти, как его осуществляли русские цари и императоры, я приму республику и буду служить ей как национальному государству. Именно потому я с таким пытливым сочувствием вглядываюсь во все политические направления Зарубежья, в лице которых читаю национальную мысль России и патриотическую тревогу за нее»³.

В эмиграции, пребывая в условиях демократических режимов, Струве с большим интересом изучал демократию. Поначалу, «купа-

¹ См.: Макаров В. Г., Репников А. В. Ильин И. А. // *Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия*. С. 318–323.

² См.: Струве П. Б. Национальное начало в либерализме // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. С. 235–236.

³ Струве П. Б. «Младороссы». Социал-легитимисты. «Крестьянская Россия». Национал-республиканцы // Струве П. Б. *Дневник политика (1925–1935)*. М.; Париж, 2004. С. 383.

ясь» в лучах непривычной для русских демократической свободы, он восторженно констатировал: демократизм эволюционирует, становится национальным. При этом русский национализм демократизируется, «в некоторых из тех русских политических направлений, которые именуют себя “демократическими”, чувствуется влияние какого-то национального духа, а на лице тех направлений, которым было особо присуще подчеркивание национального начала, намечается какое-то новое демократическое движение»¹. Струве приветствовал взаимопроникновение национализма и демократизма, считал, что такое взаимодействие будет действительно полезным для «выздоровления» России². Вместе с тем он осторожно относился к понятию демократии в силу произошедшей деформации его трактовки.

Россия, ее национально-государственные, исторические начала всегда были объектом внимания Струве. Взгляды мыслителя на эти проблемы можно расценивать как попытку обновить почвенную национально-культурную традицию славянофильства и соединить ее положительные стороны с европейскими ценностями³. Идеи Струве нашли свое оформление в образе «Великой России». Свой идеал «Великой России» мыслитель не воспринимал как призыв к старому, наоборот, лозунг «Великой России» являлся для него ориентиром формирования новой русской государственности, опирающейся на свое историческое прошлое и на «живые культурные традиции»⁴. Струве неоднократно заявлял о решительном отказе не только от призыва, но даже от каких-нибудь «задних мыслей» о реставрации старого строя, настаивая на том, что Россия должна быть «восстановлена на твердом основании Права и Прав, в духе правовой государственности, на основе верности <...> великим заветам национального бытия»⁵.

«Великая Россия» для Струве являлась и политической реальностью, и неким государственным символом. Своеобразие его подхода к государству заключалось в том, что в основу концепции государственного строительства им закладывались не средства к достижению политической цели, а «целая система культурного мировоззрения», заложенная в фундамент духовного перевоспитания нации⁶. Творческий

¹ Там же. С. 384.

² Там же.

³ *Рябова Т. И. П. Б. Струве: идеал «Великой России» // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 358.*

⁴ *Струве П. Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 50–51.*

⁵ Возрождение. 1926. 28 марта.

⁶ См.: *Струве П. Б. Спор с Д. С. Мережковским // Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. С. 70–80.*

или революционный момент государственного развития он видел в укреплении внешнеполитических позиций. По Струве, «быть могущественным – значит обладать непременно внешней мощью»¹. Согласно его теории, только сильное государство представляет ценность для личности, слабое не может обеспечить ее защиту, ибо потенциально считается добычей сильного противника. В этом смысле индикатором внутреннего «здоровья» государства выступает его внешнее могущество, которое символизирует собой империалистическую идею.

Какие же условия требуются для созидания «Великой России», согласно концепции Струве? Он считал, что решение этой задачи невозможно в отрыве от национальной идеи, смысл которой виделся в примирении «между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом»². Эти две силы должны найти друг друга и органически срастись. Их единение может состояться только на широком фундаменте культурного творчества, вдохновляемого новым политическим и культурным сознанием русского человека. Обращаясь к будущей государственной власти, Струве писал: «Власть должна понять, что путь к идеалу “Великой России” лежит через “свободный, творческий подвиг всего народа”, напряженную работу собирания всех положительных общественных сил»³. Он был убежден, что политический вектор общества определяется тем внутренним настроением, который оно вносит «в свое отношение к государству»⁴. Так как опыт революций 1917 г. показал, что русское общество еще не осознало необходимости подчинения народной жизни началам государственной дисциплины, перед русским образованным слоем ставилась первостепенная задача политического просвещения широких народных масс, суть которого выражалась в признании тесной взаимосвязи дисциплины и культуры, сознательного подчинения известным общеобязательным нормам политического поведения. Только внедрив эти нормы в основу государственной политики, Россия сможет стать конкурентом европейского культурного мира в области политической свободы и права. Укрепление правовых и конституционных норм Струве рассматривал как необходимое условие функционирования государственного и национального начала, только в неразрывном единстве они способны обеспечить могущество страны.

Будучи убежденным сторонником идеи «Великой, единой и неделимой России», Струве утверждал, что государство и государственная мощь вовсе не являются единственной и конечной целью человеческого сознания. Гармония государства состоит в его духовности,

¹ Струве П. Б. Великая Россия. С. 51.

² Там же. С. 61–62.

³ См.: Там же. С. 55, 61.

⁴ Там же. С. 54.

поэтому, говоря о национальном возрождении, мыслитель прежде всего подразумевал возрождение духовное, «спасительный духовный переворот»¹, в идейной основе которого лежат две ведущие идеи, «вышедшие из духовного прошлого, традиций Святой Руси и Великой России»², – идея религиозно-церковная и идея национальная³.

Потенциалом национального возрождения Струве считал русскую эмиграцию. В ней он видел не просто «политическую силу и даже не социальную», а «обусловленное уничтожением элементарных основ хозяйственной и правовой жизни в стране географическое перемещение сознательной духовной жизни»⁴, подлинно национальную Россию. Струве рассматривал эмиграцию как уникальное явление в русской истории, сохранявшее за пределами России ее культурно-политическое наследие, которое коммунистический режим решительно истреблял внутри страны, но без которого возродить ее былое величие невозможно. Таким образом, диаспора (в определении мыслителя) являлась «представительницей и выразительницей не только старой России, но и России грядущей»⁵. «Мы здесь блюдем национальную культуру, там растаптываемую и уродуемую. Мы здесь отстаиваем там пока скрывшееся национальное лицо России»⁶, – писал он об эмигрантском сообществе.

Историческая миссия эмиграции в представлении Струве выходила за рамки культурно-охранительных задач, прежде всего она сводилась к освобождению и возрождению России на основе единения России зарубежной и «внутренней». Отсюда идеолог формулировал двуединую цель «настоящего момента»: 1) духовное единение политических сил эмиграции на основе обновленной национальной идеи; 2) духовное возрождение патриотического движения внутри Советской России⁷. Исходя из содержания цели, национальную идею он определял как патриотическую.

Свою позицию Струве обосновал в статье «Великая Россия и святая Русь»⁸. Чувство любви к Родине, подчеркивал он, неотделимо от

¹ См.: *Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее // Струве П. Б. Избранные сочинения.* М., 1999. С. 324, 325.

² *Струве П. Б. Дневник политика: Наши идеи // Возрождение.* 1926. № 366. 3 июня. С. 1.

³ Там же. С. 329.

⁴ *Струве П. Б. Россия // Струве П. Б. Избранные сочинения.* С. 334.

⁵ См.: *Пайнс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944: В 2 т. Т. 2.* М., 2001. С. 421–422.

⁶ Там же. С. 422.

⁷ См.: *Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее.* С. 329.

⁸ См.: *Струве П. Б. Великая Россия и святая Русь // Нация и империя в русской мысли начала XX века.* С. 230–234.

государства. «В государстве есть, помимо социальной техники, нечто от божественного начала <...> В любви к государству находит выражение не <...> материализм <...> а, наоборот, бескорыстное, преодолевающее заботу о личном благополучии, религиозное отношение к сменяющему друг друга на земном поприще бесчисленному ряду человеческих поколений, почтение к предкам, которых мы никогда не видели, к потомкам, которых мы никогда не увидим»¹. Вместе с тем любовь к родине мыслитель никогда не смешивал с любовью к власти.

Будучи в свое время энергичным пропагандистом либерального национализма, Струве призывал русских к политическому самообразованию и укреплению союза нации с государством. В августе 1918 г. он писал о российской революции: «Это был первый в мировой истории случай торжества интернационализма и классовой идеи над национализмом и национальной идеей»². Вместе с тем Струве не смешивал «национализм» и «национальную идею». В природной сути последней выделял народность и национальную идентичность, присущую всем русским людям. Национализм же расценивался им как категория политическая, связанная с политизацией национального сознания и требованием создания нации-государства, концентрирующего в себе единый народ, язык, веру, закон, культуру. Струве считал, что унификация такого рода была неосуществима в имперской России, она несла гибель для русской нации, поскольку лишала ее естественных этнических признаков и лидерской роли в общероссийском социуме. Такой «унифицированной» форме национализма он противопоставлял тандем национализма творческого («этнического»), носящего государственный характер и стремящегося к созданию благоприятных условий для экономического, политического и культурного развития своего народа при открытом соперничестве с другими странами и народами, и охранительного, ограждающего народы от конкуренции и создающего искусственные национальные привилегии.

Стремясь найти правильную формулу русского национализма, Струве отталкивался от формы его существования в имперской России. В свое время в статье «Два национализма», опубликованной в журнале «Русская мысль» в 1910 г., он обрушился с яростной критикой официального национализма Российской империи, именуя его идеологией «правлящей бюрократии», призванной «психологически скрашивать бессилие и унижение народного представительства»³. Струве крити-

¹ Струве П. Б. Национальный эрос и идея государства // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. С. 242.

² Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // *Из глубины: Сборник статей о русской революции*. М., 1990. С. 235.

³ Струве П. Б. Два национализма // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. С. 224.

ковал старый официальный национализм, прокладывающий путь не к национально-государственному объединению, а к национальному автономизму и федерализму. «Он не собирает, а дробит государство, – писал мыслитель. – Это национализм поверхностный, заботящийся лишь о сегодняшнем дне и не заглядывающий в будущее»¹.

В целях правильного формулирования русской национальной доктрины Струве стремился выявить «заблуждения» и «противоречия» официального национализма. Так называемые заблуждения он находил в том, что в условиях многонациональной России, где существовало несомненное русское большинство, для сохранения государственного единства правительство вынужденно прибегало к методам выстраивания «искусственных перегородок» (например, как «национальные курии» в Польше). «Официальный национализм» проявлял себя как «насильнический», тем самым не ослабляя силы своих противников, а искусственно возвращая силы сопротивления самому себе. В результате «насильнический национализм» стал творцом, «пестуном национальных сознаний и притязаний угнетаемых народностей», обусловив главное противоречие имперской национальной политики. «Наш воинствующий национализм <...> слаб именно потому, что он не только не народен, но и прямо противонароден»², – писал Струве. «Национализм может быть подлинной силой только там, где он опирается на самодеятельность широких народных масс. Это верно по отношению к угнетенным национальностям и еще более верно по отношению к такой национальности, которая, как русская, создала само государство и играет в нем первенствующую роль»³.

В качестве рекомендаций-предостережений на будущее Струве сформулировал «пороки» «официального имперского национализма».

1. «Официальный» национализм порочен, так как поражен глубочайшими внутренними противоречиями. Всякому создавшему свое государство народу соответствует только открытый, мужественный, завоевательный национализм, провозглашающий свободное состязание национальностей. Именно такого рода национализм должен составлять фундаментальную основу государства, исполненного чувства национального самосохранения и самоутверждения, здорового национального эгоизма.

2. «Официальный» национализм носит антинародный характер, лишаяющий его живых питательных соков, которые может давать лишь широкая демократическая среда. Однако именно этой среды чиновничье-помещичий национализм боится.

¹ Там же. С. 228.

² Там же.

³ Там же.

3. «Официальный» национализм не укрепляет великодержавное положение России, а, наоборот, ослабляет его. Такая политика, по наблюдениям Струве, себя изжила, и весь цивилизованный мир откажется от практики принудительного национализма¹.

Для будущей России он рекомендовал найти оптимальные способы охраны государственного национализма и национальностей, в связи с чем предостерегал от роковой ошибки «официального» русского национализма, непреодолимой стеной отделившегося от всего нерусского, воспринимавшего «нерусские элементы» как нечто чужеродное, антигосударственное².

Размышляя о типологии национализма, Струве выделял два классических типа: один, именуемый «свободным», «творческим», «открытым в подлинном и в лучшем смысле завоевательным» (национализм «англосаксонского типа»); другой – «скованный, пассивный и потому вынужденный бояться и обособляться от других» («закрытый, или замкнутый и оборонительный» национализм). Носителями такого типа национализма представлялись евреи, вынужденные с целью сохранения своего национального ядра отделиться от остального мира, пойти против христианства. К этому их подтолкнул судьбоносный выбор: либо раствориться в «христианизирующемся эллинском мире», либо самосохраниться путем национально-религиозного обособления³.

Свои аналитические выкладки Струве логически подводил к главному вопросу: какого типа национализм может быть приемлем для русского государства и русского народа – англо-саксонского или еврейского типа? Первый открыт для всех, не опасается соперничества, уверен в том, что «не растворится в море чужеродных элементов», а «претворит их в себя <...> окажется более крепким и стойким». Второй, боящийся свободного соперничества и состязания национальностей, отгораживается от других. Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, Струве считал свободную органическую гегемонию, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединенных штатах Северной Америки и Британской империи⁴.

Отстаивая так называемый свободный, открытый, завоевательный национализм⁵, он предупреждал, что решение национальных вопросов допустимо исключительно на основе моральных и поли-

¹ Струве П. Б. Два национализма // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. С. 229–230.

² См.: Там же. С. 225.

³ Там же. С. 226.

⁴ См. Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 226.

тических принципов, не должно зависеть от чувств¹. Именно в этом ракурсе он представлял национальную модель Великой России: империя с сильным национальным государственным ядром, естественно, русским, неоспоримо первенствующим. Наличие этого крепкого национального ядра объясняло ненужность и неприемлемость для России автономного строя².

Обращаясь к истокам российской истории, Струве пришел к выводу, что «ход развития и сложения России есть весьма характерный случай тесной связи между государственным и национальным развитием»³. Россия собиралась в единую нацию путем слияния русских племен, вобравших в себя множество «иноплеменных элементов». Под влиянием внутренних и внешних обстоятельств славянские племена сформировались в единое национальное государство и в нем спаялись в единую нацию. Это государственное ядро, помещенное в определенную географическую среду, постоянно росло путем расширения, а не уплотнения. Расширяясь в своих границах, оно постепенно вбирало в себя инородные элементы. Но в силу разных причин связь этих элементов с национальным ядром оказалась не одинакова: в одних случаях – чисто или преимущественно государственная, в других – государственно-культурная, доходящая до полного обрусения «инородцев»⁴.

Так, постепенно географически расширяясь, русское государство со временем превратилось не просто в многонациональное, а в единое национальное, то есть в империю. Империей Струве считал только многонациональные государства, обладающие сильным национальным ядром. Классическими примерами империй для него были Англия, США и Россия. Им противопоставлялась Швейцария, с точки зрения мыслителя, совершенная в плане государственного устройства, но не сумевшая образовать внутреннего национального единства⁵.

Струве резко осуждал отождествление национализма и насилия. По его словам, «насильнический элемент отрезает путь к <...> идеалу свободной и органической гегемонии русской национальности и русской культуры <...> Вне такой гегемонии Россия, как национальное государство, прочно существовать не может»⁶. На тех же ненасильственных методах он мыслил географическое расширение Великой

¹ Струве П. Б. Интеллигенция и национальное лицо // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 223.

² См.: Струве П. Б. Национальное начало в либерализме // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 236.

³ Струве П. Б. Великая Россия и святая Русь. С. 230.

⁴ См.: Там же. С. 231.

⁵ См.: Там же.

⁶ Струве П. Б. Два национализма. С. 228.

империи. Областью, доступной «влиянию русской культуры», виделся бассейн Черного моря (все выходящие к нему европейские и азиатские страны) с его экономическими ресурсами, необходимыми для развития России (человеческими и природными – каменный уголь, железо и др.)¹. Струве полагал, что экономическое господство в бассейне Черного моря обеспечит российскому государству прочные культурные и политические позиции на всем Ближнем Востоке². С укреплением государственной мощи России он связывал формирование нового политического культурного народного сознания, основанного на идеях дисциплины труда, уважения права и прав. Исходя из этого, возрождение Великой России отождествлялось им с успехом хозяйственного развития, а также с правильно выстроенной национальной политикой.

В своих работах Струве заострял внимание на специфике российских национальных проблем. В их причинно-следственной связи он выделял два основополагающих фактора: во-первых, «разноплеменной» состав населения страны, традиционно отрывавший русскую власть от толщи народа; во-вторых, наличие в национальной среде так называемого ресурса реакции в лице «инородцев». Среди «инородческих» вопросов мыслитель особо выделял «польский» и «еврейский». До революции он много писал о положении Польши, рассматривая ее взаимоотношения с Россией в плоскости политической заинтересованности последней удержать в составе империи царство Польское. После распада Российской империи и образования советского государства Струве, признав независимость Польши, все же считал, что в хозяйственном отношении она больше нуждается в России, а не наоборот³.

К «еврейскому вопросу» он подходил деликатно, убедительно, с конкретными рецептами решения. Дореволюционная власть, подчеркивал Струве, лишь делала вид, что не замечает «еврейского вопроса». Меры по его решению сводились только к упразднению черты оседлости. Вместе с тем этот, один из самых сложнорешаемых в России вопросов, требовал серьезной реформации государственно-правовых подходов. Выход Струве видел не просто в официальном устранении правового неравенства евреев, а в «перевоспитании» российского общества, среди которого «сила отталкивания от еврейства <...> очень велика». Он стремился убедить общественность, что «из всех инородцев евреи всех нам ближе, всего теснее с нами связаны»⁴. Они несут в себе необходимый делу возрождения Великой России

¹ См.: *Струве П. Б. Великая Россия // Нация и империя в русской мысли начала XX века.* С. 208.

² Там же. С. 209.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же.

и ее грядущим завоеваниям Ближнего Востока интеллектуальный, культурный, творческий потенциал¹. «Не случайно, недаром, не по “недоразумению” русская интеллигенция всегда считала этот просвещенный народ своим», хотя сама еврейская национальность не распознала дружелюбного порыва российских интеллектуалов, агрессивно ответив на него сионистским движением. Недопонимание, искусственно созданные межнациональные барьеры обернулись осложнением положения евреев в России. Струве искренне надеялся, что ситуация изменится сама собой в процессе экономического восстановления страны, когда интеллектуальный ресурс евреев будет востребован для развития ее хозяйственной мощи².

Крушение Российской империи актуализировало важный для развития России и ее будущего «украинский вопрос». Он касался всего «русского народа», под которым подразумевались представители трех славянских национальностей. Струве был убежденным сторонником особой роли славянства в формировании и развитии российской государственности. Славяне тесно связаны не только кровными узами, но и «наследием стародавнего народного быта» (формами бытового устройства, достижениями государственности, культурными богатствами, искусством, культурой, литературой), национальной образованностью. Мыслитель подчеркивал, что в славянстве нет в культурном отношении народов богатых и бедных. У всех есть свое культурное наследие, все его приумножают и одинаково друг в друге нуждаются, в славянском мире «все призваны и все избраны». Он полагал, что с падением советского строя в России откроются новые горизонты для «жизни славянства»³. Единственным препятствием на пути сближения славянских народов он считал стремление к украинской независимости.

Об опасности украинского сепаратизма Струве предупреждал еще до революции. Он не раз заявлял, что «украинская проблема» в России будет напоминать о себе постольку, поскольку «притязания так называемых украинцев на какую-то особую государственность и национальную культуру рядом с культурой общерусской» будут встречать надлежащий отпор в русском образованном слое⁴. В тот момент, как русский либерал, Струве допускал для Украины лишь признание культурно-национальной автономии. Свою сдержанность мыслитель объяснял опасностью распространения «украинства» в его извращенном националистическом виде⁵. Находясь в эмиграции, он стремился

¹ Там же.

² Там же.

³ См.: *Струве П. Б. Новая жизнь славянства и России // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). С. 406–407.*

⁴ *Струве П. Б. Австро-германское «украинство» и русское общественное мнение // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 238.*

⁵ Там же.

донести широкому кругу эмигрантской общественности свои новые соображения по «украинскому» вопросу со страниц периодической печати. В наибольшей степени Струве тревожила проводившаяся в Советской России политика насильственной и искусственной «украинизации», направленно подрывающая «культурное единство триединого русского народа». В связи с этим даже политическое отделение географической Украины от России мыслитель рассматривал как меньшее зло в сравнении с полным культурным и этническим обособлением этой части России в границах одного государства¹.

Стремление Украины отделиться от Советской России Струве характеризовал как «охранительно-противобольшевистский сепаратизм». Его настораживало появление на Украине новых «сепаратистских элементов», возмущали действия старых украинских националистов и их пособников, ранее выступавших против стеснений, налагаемых на них властью, теперь же протестующих и борющихся против «насильнической и злоупотребляющей украинизации»². Такое положение дел не вписывалось в «государственно-имперский» идеал Великой России, ставилась под угрозу фундаментальная основа великого «славянского призвания» – покровительствовать над всеми народами Великой империи.

Вершиной идейного творчества Струве можно рассматривать воссоединение идеалов Великой России и Святой Руси. В этом акте он видел особое предназначение русского народа – реализацию высшей религиозной идеи³. В чаемом им облике Великой России либеральная концепция правового государства увязывалась с идеалом русской духовности. Мыслитель отмечал: особая духовная и культурно-просветительская миссия, отводимая русскому народу, вовсе не означает, что он будет заниматься «обрусением» тех, кто не желает «русеть». Народы империи должны сохранять свое национальное лицо. «Государственная справедливость не требует от нас национального безразличия. Притяжения и отталкивания принадлежат нам, они наше собственное достояние, в котором мы вольны, мы все, в ком есть органическое чувство национальности...»⁴ Национальное самосознание Струве считал одним из главных условий существования народа. Идея национального самосознания, национализма, нации соотносилась им с концепцией русской революции. В своей работе «Размышления о русской революции» Струве писал: «Мы потер-

¹ Струве П. Б. К «украинскому» вопросу // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). С. 229.

² Там же. С. 234.

³ Струве П. Б. Великая Россия и святая Русь. С. 234.

⁴ Струве П. Б. Интеллигенция и национальное лицо. С. 222.

пели крушение государства от недостатка национального самосознания в интеллигенции и в народе. Мы жили так долго под щитом крепчайшей государственности, что перестали чувствовать и эту государственность, и нашу ответственность за нее <...> Единственное спасение для нас – в восстановлении государства через возрождение национального сознания. После того, как толпы металась в дикой погоне за своим личным благополучием и в этой погоне разрушали историческое достояние предков, нам ничего не остается, как сплотиться во имя государственной и национальной идеи. Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации»¹.

Для П. Б. Струве и И. А. Ильина как для националистов-государственников было характерно отстаивание государственных интересов через подчинение им национальных. Стремясь ликвидировать раскол между нацией и государством, нацию они ставили на службу интересам государства. Это сближало их с традиционалистами. Вместе с тем между националистами-либералами и националистами-традиционалистами существовали значительные расхождения на почве разных оценок свершившейся революции. Если первые стремились вынести из случившегося поучительные уроки для России и ее будущего, вторые, пытаясь самооправдаться, «блуждали» в поиске виноватых, в связи с чем их национализм был агрессивен и шовинистичен. Одним из приверженцев такого типа национализма являлся Н. Е. Марков. Многие современники видели в нем фанатика борьбы «без передышки – без сочувствия», «демагога» и «антисемита»². Крушение монархии в России Марков связывал исключительно с подрывной деятельностью евреев в рамках даже не общероссийского, а общемирового масштаба. Отсюда революционный процесс 1917 г. он называл «еврейским штурмом России»³.

Следует отметить, что идея трактовать революционные процессы в России как «промысел темных антихристианских сил» для русских националистов была не нова. Еще после событий 1905–1907 гг. в определенных кругах российского общества свершившаяся революция представлялась плодом «жидомасонского» заговора с целью закабаления России, уничтожения христианства, подчинения Великой империи интересам мирового еврейства. Антисемитские настроения усиливались по мере обострения политической ситуации и активизации революционных процессов в стране. Своего апогея они до-

¹ Струве П. Б. Размышления о русской революции // Струве П. Б. Избранные сочинения. С. 272.

² См.: Антоненко Н. В. Идеология и программа монархического движения русской эмиграции: Дис. ... канд. истор. наук. С. 34.

³ См.: Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. С. 16.

стигли в среде постреволюционной эмиграции, удачно вписавшись в идеологию консервативного Зарубежья. Для многих эмигрантских консерваторов-националистов чрезмерное увлечение идеей «еврейского» характера русской революции переросло в определенную жизненную философию.

Так, Марков рассматривал «еврейский вопрос» не просто как «местно русский», а как «вселенский», «общечеловеческий». Исходя из этого, он не представлял исцеления «больного организма империи» одними местными способами ее лечения. «Еврейство есть организм мировой, вернее – интернациональный, – писал Марков. – В качестве этого живого интернационала еврейство борется для своего развития и роста со всеми живыми нациями. Не классовая борьба, не борьба народов, а борьба за существование наций с еврейским интернационалом составляет смысл и содержание современной эпохи человеческой истории. Кто этого не признает, тот не может правильно разрешить еврейский вопрос в России»¹.

Не во всем соглашаясь с националистами-эмигрантами в их оценках «еврейского» вопроса, Марков, тем не менее, глубоко заинтересовался и высоко оценил книгу В. В. Шульгина с говорящим названием «Что нам в них не нравится», призванную, по замыслу автора, сформулировать основные причины неприятия евреев². Впрочем, и в этой, «полезной для себя», работе Марков нашел ряд недостатков. В частности, он указал на то, что Шульгин писал в своей книге лишь о части российских евреев, а не обо всем народе в целом. Это фрагментарное видение проблемы якобы привело автора к ошибочному выводу о том, что евреи в русской революции тактически выиграли, но стратегически проиграли: с одной стороны, революция принесла им равноправие, с другой – подъем волны антисемитизма. Марков яростно доказывал, что армия евреев воюет с человечеством во всех странах мира, в России же действует только один из ее корпусов. Даже полная его гибель может считаться не стратегическим, а тактическим поражением евреев³.

Через призму «еврейского вопроса» Марков «преломлял» все спектры эмигрантского сообщества. Внутри политической эмиграции он четко выделял «два стана»: «правый», где сознают и признают, что Россию разрушила и Россией овладела власть международного иудейства, а большевистский террор является лишь «грубо-революционным выражением вековечного стремления иудаизма к мировой

¹ Марков Н. Е. Книга В. В. Шульгина «Что нам в них не нравится» // Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 462.

² Там же.

³ Там же. С. 459.

власти под скипетром мессии»¹. Отсюда «правую» эмиграцию Марков характеризовал как антиреволюционную силу, отказавшуюся «покоряться» иудаизму в любых его формах и проявлениях (революционной в виде «коммунистической тирании», либо в эволюционной в облике «масонских парламентских учреждений и всемирного правительства Лиги Наций»). К «левой» эмиграции он относил всех тех, кто смирился с действиями существующего в России властного террора².

Как теоретик «правого» лагеря Зарубежья Марков принял активное участие в разработке консервативных проектов национального возрождения. Здесь в полной мере проявилась крайняя реакционность его политических взглядов. В отличие от многих перестроивших свое мировоззрение эмигрантов, Марков упорно призывал идти не «новыми», а приемлемыми для России «хорошими» путями³, пролегающими, в его видении, через самодержавную монархию. «Священная» миссия «восстановления старого, единого бело-синекрасного национального флага» возлагалась на монархически настроенную эмиграцию⁴.

Национальная идея в теории Маркова отождествлялась с монархической идеей. Он называл монархию «испытанной тысячелетней историей цементирующей основой», скрепляющей народы Российской империи в прочное великое государство. Ее падение, кроме всего прочего, объяснял подменой «стопроцентного раствора российского самодержавия» конституционной подделкой под монархию⁵. Отсюда, обращаясь к сторонникам монархической эмиграции, Марков призывал, чтобы они как разумные государственные строители не только намечали план, но и создавали «раствор» (идеологию), на котором будет вестись кладка российского государственного здания. Среди своих идеологических противников Марков в первую очередь критиковал так называемых аполитичных националистов (непредрешенцев будущего государственного строя в России) за их узкую политическую направленность на свержение советской власти, а не на дело конструктивной перестройки российского государства⁶. Конструкция «истинной» монархии образно представлялась ему как «Самодержавие Помазанника Божия», стоящего над всеми народами

¹ Марков Н. Е. О крайности // Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. С. 434.

² См.: Там же.

³ См.: Марков Н. Е. Речь при открытии съезда Хозяйственного восстановления России // Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. С. 381.

⁴ Там же.

⁵ Марков Н. Е. Долг патриота // Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. С. 442.

⁶ Там же.

и управляющего ими сверху вниз. Только такую модель монархической власти, именуемую «монархией божественной силы», он считал оптимальной для России¹.

Интересна философия Маркова относительно воли народа и высшей власти. Он не признавал понятия народной воли, доказывал, что никакой единой «определенно выражаемой, действительно всеобщей воли населяющих Россию племен и народов» нет и никогда не было. Единая воля дана только одному человеку, представляющему монархическое правление². На этом держалась тысячелетняя российская история. «Была воля к крещению у князя Владимира, и русский народ открыл ему врата Царства Небесного. Но у народа того времени никакой единой воли к <...> крещению не было <...> народ не знал, не понимал и не чувствовал того, что <...> почувствовал <...> князь. Была воля Петра Великого к просвещению и культуре. Воля же <...> народа в то время была против просвещения и культуры, ибо [они] были неведомы, чужды и отвратны»³. Если бы тот же Владимир искал народной воли, страна до сих пор пребывала бы в «дедовском язычестве». «Народ, – продолжал Марков, – познает благо и зло лишь опытным путем. Познав и оценив плоды государственной деятельности, народ начинает познавать и ценить свою государственную власть. Мнение народа о своей государственной власти вытекает как вывод из длительного опытного восприятия, а <...> не <...> на основании отвлеченных соображений или пристрастий»⁴.

Логику своих размышлений Марков подводил к основному выводу: все народы Российской империи на протяжении многих веков находились под опекой самодержавия, благодаря чему успешно строили и развивали собственный государственный быт. Как только эта «отеческая опека» была снята, выявился весь ужас, вся гибельность государственного положения. Опыт народовластия наглядно показал русским, какая власть им полезна, а какая вредна. Отсюда Марков призывал соотечественников: «Не <...> ждать у моря погоды, напрасно тратить время на выяснение воли народной при совершенно очевидном его властном восприятии. Чего тут ждать? Какого волеизъявления народа? Надо напрячь все силы, и тащить его на берег монархии. В этом состоит долг русского патриота. И потому истинный русский патриот, действительно русский националист сознательно должен быть русским монархистом»⁵. Перед русскими националистами им ставилась задача пробудить в народе национальное

¹ Марков Н. Е. Долг патриота // Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. С. 442.

² Там же. С. 444.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 445.

чувство, транслируя правильно сформулированную национальную идею, сущностно выраженную в действенном союзе национальной и государственной сил¹.

Типичным представителем эмигрантского «агрессивного» национализма был Н. Д. Тальберг. Его националистические устремления идеологически опирались на монархическую православную государственность, первенство русской национальности и русской культуры. Современники называли Тальберга монархистом «с целостным христианским мировоззрением, дающим ответ на вопросы не только моральной и духовной жизни человека и семьи, но и освещающего проблемы общественной, национальной и государственной жизни»².

Как ортодоксальный монархист, в своих работах Тальберг много рассуждал о монархии, ее специфике и особой роли в России. Всю историю страны он рассматривал как историю монархии. Своим читателям Тальберг стремился донести главную мысль его произведений: «В самые трудные времена, когда, казалось, Русь становилась на самый край гибели, спасала ее монархическая идея»³. Неизменным спутником монархической идеи выступала идея православия. Будучи убежденным сторонником «симфонии властей», Тальберг показывал обоюдное стремление церкви и государства совместить заботу о народе и нации в целом. Значительную часть своих исторических трудов он посвятил описанию идеального образа царя-самодержца, демонстрируя истинную любовь и преданность русских царей своему народу и государству. Особенно рьяно им отстаивались «оклеветанные» в истории личности императоров Павла I, Николая I, Николая II⁴, отличавшиеся своей неординарностью, сочетавшие в себе европейскую образованность с даром русскости, искавшие способы реализации собственных политических идеалов. Натолкнувшись на полное непонимание, с одной стороны, чиновничьей бюрократии, с другой – интеллигенции, возмнившей себя мозгом нации, они так и не смогли все это осуществить⁵.

¹ Струве П. Б. Великая Россия // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 219.

² Протоиерей Митрофан (Зноско). Памяти Николая Дмитриевича Тальберга. К 10-летию кончины – 29 мая 1967 г. – 1977 г. // Тальберг Н. Д. О Вере, Царе и Отечестве. Книга 1. М., 2004. С. 41.

³ Тальберг Н. Д. Сила веры и верности // Двуглавый Орел. 1926. Вып. 21. Париж. 1 (12) дек. С. 19.

⁴ См.: Протоиерей Митрофан (Зноско). Памяти Николая Дмитриевича Тальберга. С. 38.

⁵ Фомин С. В. Н. Д. Тальберг: Попытка воцерковления истории России // Тальберг Н. Д. Русская быль: Очерки истории Императорской России. М., 2006. С. 26.

Будучи убежден, что такие понятия, как либерализм и парламентаризм, несовместимы с историческими устоями страны, именно в деятельности либералов Тальберг видел подрывную силу Великой империи. Революционный процесс февраля–октября 1917 г. он характеризовал как трагедию, обусловленную совпадением целого комплекса факторов: «гнилостью» и «дряблостью» русского общества, изменой кучки военных, подрывной деятельностью «иудо-масонов»¹. Но главной причиной гибели Российской империи Тальберг считал отступление от национальной идеи, ее подмену чуждыми мировоззрению русского человека западными либеральными ценностями. Анализируя процесс деидеологизации русского общества, он пришел к его отправной точке, связанной с деятельностью Александра II. «С этого момента, – писал Тальберг, – российское общество “послушно побрело на поводу у либералов”»². В течение столетия русские либералы упорно стремились свергнуть самодержавие и добиться установления конституционного строя. Их союзники – террористы «обрушивались на власть в лоб», «сапой взрыхляли землю и бросали семена взрощенных на Западе ядовитых конституционных растений»³. В годы революции либералы окончательно столкнули Россию в бездну, провалили «геройское добровольческое движение»⁴. Мастерски удалось этим «темным силам» и разложение главного врага революции – офицерства⁵. С их подачи армия утратила общественный авторитет, причем удар направлялся на подрыв самих основ воинского духа. «В течение многих десятилетий в произведениях все более мельчавших писателей, в различных интеллигентских кружках, усиливаясь, развивались идеи антисемитизма, все военное высмеивалось, офицеры выставались недоучками, неудачниками, дармоедами. Служба в гвардии изображалась сплошным прожиганием жизни, служба в армии – беспросветным пьянством. Вся огромная воспитательная и образовательная работа, которая велась офицерством в войсках, искусственно замалчивалась, оставалась для общества неведомой»⁶. Свою лепту в разложение армии внесли и предста-

¹ Тальберг Н. Д. Русская смута // Тальберг Н. Д. Перед судом правды. Кн. 2. М., 2004. С. 405–406.

² Тальберг Н. Д. Политическое предвидение // Двуглавый Орел. 1922. Вып. 24. Берлин. 15 (28) янв. С. 18.

³ Тальберг Н. Д. Зловещий юбилей // Двуглавый Орел. 1930. Вып. 41. Париж. 14 (27) нояб. С. 2040.

⁴ Тальберг Н. Д. Все повторяется // Двуглавый Орел. 1929. Вып. 34. Париж. 30 нояб. (13 дек.). С. 1629.

⁵ Тальберг Н. Д. Русская смута // Тальберг Н. Д. Перед судом правды. Кн. 2. С. 431–432.

⁶ Там же. С. 432–433.

вители либеральных партий в Государственной Думе: военные верхи втягивались в оппозиционную политику, «кое-кого депутаты умели и запугивать»¹. После октябрьских событий 1917 г. в России либеральные политики развернули активную подрывную деятельность в эмиграции. Продолжая заниматься политиканством, они постепенно «позахватывали» наиболее важные посты и источники казенных средств, ощущая себя «хозяевами положения».

Тальберг считал своим долгом направить все силы на борьбу с этим «пагубным явлением» через содействие консолидации оказавшихся в эмиграции сторонников монархии. Он принял участие в наиболее значимых эмигрантских форумах: в съезде Хозяйственного восстановления России в г. Рейхенгалль (Бавария) 29 мая – 4 июня 1921 г., где был избран управляющим делами образованного Высшего монархического совета (ВМС); во всеэмигрантском съезде в Париже в 1926 г., где стал членом созданного Патриотического объединения²; во 2-м Зарубежном церковном соборе в Сремских Карловцах (Югославия) в 1938 г. в качестве помощника секретаря. В 1920–1930-е гг. Тальберг участвовал в деятельности Русской монархической партии во Франции³.

Будучи ортодоксальным монархистом, Тальберг до конца своих дней боролся за чистоту монархической идеи, оказывал активное сопротивление сторонникам эмигрантского неомонархизма. Критикуя, с одной стороны, умеренных монархистов, с другой – русский фашизм и все правое обновленчество в целом, он упрекал их в «оттягивании» эмигрантской молодежи от истинного «здорового монархизма»⁴. Отстаивая преимущества «испытанных и одобренных историей старых основ» государственного строя⁵, Тальберг боролся и с республиканцами-демократами, и с социалистами. Возможность социалистической республики им отвергалась напрочь. Тальберг был убежден, что «многострадальный русский народ <...> испивший до дна чашу с ядом чистейшего социализма, не позволит принести себя в жертву

¹ Там же. С. 438.

² Русское Зарубежное Патриотическое объединение (председатель И. П. Алексинский) составило большинство из крайне правых монархистов, голосовавших на парижском съезде 1926 г. и требовавших подчинения великому князю Николаю Николаевичу.

³ Ромов Р. Б. Тальберг Н. Д. // *Общественная мысль Русского зарубежья*. Энциклопедия. С. 541.

⁴ Тальберг Н. Д. Все повторяется // *Двуглавый Орел*. 1929. Вып. 34. Париж. 30 нояб. (13 дек.) С. 1630.

⁵ Тальберг Н. Д. Чаемая монархия // Тальберг Н. Д. *Перед судом правды*. Кн. 2. С. 594.

идолу всех социалистов <...> Марксу»¹. Обречен, с его точки зрения, и конституционный строй с полным «безвластием» и «безответственностью» монарха. Конституционный монарх ни за что и ни перед кем не отвечает, ни о чем и никто его не спрашивает, он «царствует, но не правит». Регламентирующая деятельность монарха конституция с добровольного согласия монарха лишает его «права действовать по своему разуму и по своей совести». Его «величественная фигура» является выгодным прикрытием для управляющих государством вождей политических партий. Верность монарха Конституции очень редко совпадает с верностью своей совести². Отсюда Тальберг делал заключение, что «Конституционная Монархия, по существу, бессовестна»³.

Печальные воспоминания навевал Тальбергу и пресловутый представительный строй, «так бесславно и так преступно закончившийся последней Думой»⁴. Он не давал и малейшего шанса желающим восстановить буржуазную республику, будучи убежден, что идея республиканской России «захлебнулась» в потоках кровавого опыта революции, вскрывшего полную несостоятельность сложившейся представительной системы⁵. Ее «гнилость» была порождена механизмом думских выборов. Закон о выборах 1906 г. и внесенные в него поправки от 3 июня 1907 г. опирались на странную и неисполнимую идею смешать все классы населения Империи в одну общую бесформенную толпу, из которой следовало выбирать наиболее способных, толковых, государственно мыслящих людей «сложным и неестественным порядком двух- и трех- степенных выборов»⁶. Тальберг доказывал, что разработчики этого избирательного закона совершили грубейшую ошибку, пытаясь в механизме выборов подменить словное деление российского общества делением на политические партии и классы. Они не учитывали того, что реальная Россия не смешана, ее бытовые, классовые и сословные барьеры существуют и еще достаточно крепки, а «политических партий нет вовсе или таковые находятся в зародыше»⁷. Законодатели вводили народ в заблуждение

¹ Тальберг Н. Д. Сила веры и верности // Двуглавый Орел. 1926. Вып. 21. Париж. 1 (12) дек. С. 16.

² Тальберг Н. Д. Православная монархия // Двуглавый Орел. 1927. Вып. 9. Париж. 27 июня (5 июля). С. 11–15.

³ Тальберг Н. Д. Чаемая монархия // Тальберг Н. Д. Перед судом правды. Кн. 2. С. 545.

⁴ Тальберг Н. Д. Сила веры и верности // Двуглавый Орел. 1926. Вып. 21. Париж. 1 (12) дек. С. 18.

⁵ Там же. С. 17–18.

⁶ Тальберг Н. Д. Политическое предвидение // Двуглавый Орел. 1922. Вып. 24. Берлин. 15 (28) янв. С. 30.

⁷ Там же.

своими намерениями не получить действительных представителей Земли Русской, а уловить настроения разношерстной толпы в лице ее вожakov, эти настроения наиболее ярко выражающих. Их просчеты имели самые тяжелые и необратимые последствия: дворян-помещиков смешали с земледельцами и духовенством, купцов – с чиновниками и интеллигентами, крестьян-домохозяев – с крестьянами-пролетариями, казаков, «с целью совершенно обезличить эту бытовую группу, свалили в кучу с иногородними и инородцами»¹. Делегируя интересы различных социальных групп авантюристам, представлявшим интересы различных политических партий, правительство в конечном итоге вместо крестьян, на которых делалась ставка в первой и второй Думах, получило трудовиков, а вместо помещиков, выразивших в дальнейшем надежды властей, – левых октябристов, «лидеров партий, только вчера образовавшихся на предвыборном сборище»². Виртуозно владея ораторским искусством, политики демонстрировали свои «неоценимые преимущества» в глазах выборщиков перед местными выдвиженцами. Однако, завоевав доверие избирателей, в своей дальнейшей деятельности в Государственной Думе эти «решители судеб России» подчинялись уже не местным интересам и не рекламируемым ранее политическим лозунгам, а общественным настроениям. «В первой Думе они олицетворяли настроения революционной толпы, ошеломленной неудачами Русско-японской войны, во второй – настроение крестьянских масс, требовавших чужой земли и воли грабить чужое имущество, в третьей – настроение испуганных погромами помещиков, а в четвертой – настроение этих же помещиков, уже успокоившихся и снова недовольных правительством»³.

Обращая внимание на политическую незрелость русского народа, Тальберг подчеркивал, что «Россия – младенческая страна в политическом отношении»⁴. Он был убежден, что парламентского кризиса удалось бы избежать при условии прямых всесловных выборов. Основанная на непосредственном участии городских и уездных сословных групп избирательная система позволила бы каждому волостному крестьянскому обществу, уездным дворянским, купеческим, мещанским собраниям, духовенству, казачьим станицам, городскому чиновничеству выбирать по одному представителю, напрямую делегируя свои корпоративные интересы⁵.

Среди идеологов крайне правого политического крыла эмиграции Тальберг предлагал наиболее развернутую программу государствен-

¹ Там же.

² Там же. С. 31.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же. С. 31–32.

ного управления. Ее стержневой основой выступала идея «единой, твердой и разумной» власти «Православного Царя-Самодержца, по своей совести и воле правящего государством»¹. Самодержавная власть рассматривалась Тальбергом прежде всего как власть национальная, признающая обычаи и культурные особенности различных народов империи, сложившиеся традиции местного управления. В систему национально-государственных отношений им полагались две фундаментальные идеи – идея признания Российского Самодержца «Верховным хозяином всех земель русских» и идея признания исключительного значения православной веры всеми племенами и народами Российской империи².

Решающим фактором возрождения России для Тальберга была четко сформулированная государственная идеология. Он призывал вернуться к идее Святой Руси, сложившейся «единой мудрой работой ее Великих Князей и Царей с Российскими митрополитами и Патриархами»³. Будучи носителем религиозного мировоззрения, идеолог доказывал, что «здоровое государство должно быть проникнуто сильным и ярким религиозным духом»⁴, ибо «такой чуткий и душевный народ, как наш русский, не может удовлетворяться одним животным материализмом»⁵. «Связующей тканью государственного тела» в теории Тальберга выступала идея единения православного царя и народа⁶. Он мечтал вернуться к временам верноподданности, когда Богом данный Монарх станет непререкаемым символом государственной веры, тем Святая Святых, которое должны оберегать русские люди⁷.

Тальберг идеализировал строй старой России, строго регламентированный уставом Русской православной церкви⁸. Он считал, что поступательное государственное развитие было нарушено с середины XVIII в., с того момента, когда западные ветры стали заносить в Россию

¹ Тальберг Н. Д. Чаемая монархия // Тальберг Н. Д. Перед судом правды. Кн. 2. С. 594.

² Там же. С. 569–570.

³ Тальберг Н. Д. По историческому пути // Двуглавый Орел. 1922. Вып. 23. Берлин. 1 (14) янв. С. 4.

⁴ Тальберг Н. Д. Жизнь в Духе // Двуглавый Орел. 1927. Вып. 3. Париж. 15 (28) янв. С. 4.

⁵ Тальберг Н. Д. Чаемая монархия // Тальберг Н. Д. Перед судом правды. Книга вторая. С. 536.

⁶ Тальберг Н. Д. Жизнь в Духе // Двуглавый Орел. 1927. Вып. 3. Париж. 15 (28) янв. С. 5.

⁷ Тальберг Н. Д. Перед судом Правды // Двуглавый Орел. 1922. Вып. 27. Берлин. 15 (28) марта. С. 4.

⁸ Тальберг Н. Д. Жизнь в Духе // Двуглавый Орел. 1927. Вып. 3. Париж. 15 (28) янв. С. 5.

религиозные колебания и отрицания, прививать вольтерьянство, ма- сонство, лживый мистицизм. Тогда, поверив и подчинившись чужим учениям, русское общество со свойственным неопитам пылом стало отходить от Бога¹. Процессу социальной деградации меньше всего поддавались народные толщи, но об их духовной потребности власть заботилась мало, в лучшем случае не мешала жить наивной «детской» верой. Образованные же круги и полупросвещенные слои, вплотную примыкавшие к простому народу, напротив, стремительно обезверивались². Так постепенно стирался «духовный облик подлинной Руси», к началу XX в. он почти не просматривался в среде образованного и полуобразованного русского общества³. Материалистический Запад сделал свое дело – привил русскому обществу яд религиозного безразличия. На душу русского человека, пропитанную религиозными исканиями, отступление от веры произвело ужасающее, разрушительное воздействие, имеющее катастрофические последствия.

На будущее перед российским государством и обществом Тальбергом ставилась задача возрождения Святой Руси, в которой государственные, общественные и семейные уклады будут дышать религиозным духом, святиться пламенем веры. «Кто не постигает этого умом и не ощущает совестью, тот, как бы умен и способен он ни был, всегда будет чужд истинной Руси, тот не волеется в ее новую – извечно старую – жизнь, жизнь не только в теле, но и в Духе»⁴, – писал он, обращаясь к эмигрантскому обществу.

Историк А. А. Корнилов характеризовал Тальберга как «широко образованного и глубокомысленного идеолога русского монархизма, с одной стороны, приводившего в систему и освобождавшего от всего лишнего и часто вредоносного ходячие понятия монархических слоев Русского зарубежья. А с другой стороны, создавшего школу, в которой могла воспитываться и тренироваться подрастающая молодежь, способная образовать некую национальную элиту, готовую влиться в дело восстановления России»⁵. По словам современников, Тальберг делал «великое дело», побуждая молодое поколение эмиграции обращаться к родному, национальному, здоровому прошлому Российской империи⁶. Он искренне верил, «что русская молодежь,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: *Ромов Р. Б.* Тальберг Н. Д. // *Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия.* С. 543.

⁶ *Протоиерей Митрофан (Зноско).* Памяти Николая Дмитриевича Тальберга. К 10-летию кончины – 29 мая 1967 г. – 1977 г. // *Тальберг Н. Д.* О вере, Царе и Отечестве. Кн. 1. С. 45.

со свойственной ей чуткостью <...> не будет блуждать по кривым западным дорогам, а станет стремиться выйти на прямой, широкой, истинно русский путь»¹, и смысл ее жизни будет сводиться не только к заботам о хлебе насущном (к чему так стремится все «культурное человечество»), но и к заботе о душе².

В идейно-теоретических изысканиях эмигрантских мыслителей теория русского национализма приобретала порой самые неожиданные, неординарные формы. Так, один из видных эмигрантских консервативных идеологов Т. В. Локоть пытался объединить в формате русского национализма социалистическую и консервативную идеологии. Свой национализм он называл демократическим, лишенным агрессивного духа³.

В модели национальных отношений Локотя привлекает особое оригинальное видение «еврейского вопроса». В своих взглядах мыслитель постоянно эволюционировал. До революции он выступал против экономического господства евреев в черте оседлости (прежде всего в Малороссии), вместе с тем призывал бороться целенаправленно с еврейским капиталом, а не против народности в целом. Локоть выступал за отмену черты оседлости в первую очередь по политическим соображениям: чтобы евреи искусственно не скапливались в отдельных регионах Российской империи и тем самым не вызывали к себе негативное отношение со стороны коренного населения. На примере евреев – «самых сильных и самых ярких националистов» – Локоть предлагал формировать идеал русского национализма. Он считал, что именно у евреев должны учиться «здоровому национализму» «слабые, не солидарные, не организованные» русские⁴. В отличие от традиционалистов, не признававших в России «украинского вопроса», Локоть не отрицал наличие проблемы украинского сепаратизма, хотя особой угрозы со стороны Украины не ожидал. По его соображениям, расклад в этой области национальных проблем зависит от правильно выстроенной внутренней политики. Ратуя за гибкую национально-политическую линию, Локоть вместе с тем не был сторонником вольности в национальных отношениях. Уважая права других национальностей, он настаивал на государственном протекционизме в от-

¹ *Тальберг Н. Д.* Святая Русь // *Тальберг Н. Д.* О Вере, Царе и Отечестве. Кн. 1. С. 68.

² Там же. С. 67.

³ См.: *Иванов А. А.* Профессор Т. В. Локоть: путь русского националиста // *Имперское возрождение.* 2008. № 3. С. 75–80; *Он же.* Локоть Т. В. // *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века.* Энциклопедия. С. 276–278.

⁴ *Локоть Т. В.* Национализм и евреи. По поводу новой газеты «Киев». Киев, 1910. С. 8.

ношении русского народа, допуская в его интересах некоторые ограничения для других народов. В содержании русского национализма Локоть четко разграничивал национализм «государственный» и «племенной, антропологический». «Государственный» национализм для него выступал гарантом ведущей роли народности, вложившей наибольшее количество усилий, своего труда в государственное развитие. Национализм «антропологический», подразделяемый мыслителем на «этнографический» и «сепаратистский», объяснялся по-разному: в первом случае, терпимостью, во втором – строгостью и суровостью. Националистическая идея Локотя не отличалась характерной для традиционализма фанатичной религиозностью. С одной стороны, он был противником любой реформации православия, его синтезирования с какими бы то ни было идеями; с другой – придерживался уважения к собственному и чужому религиозному чувству. Объединяющим началом в национализме, по Локотю, выступали не духовно-религиозные, а экономические идеи. Он стремился сплотить средние классы русского общества на почве «экономического национализма», включающего в себя комплекс национально-экономических, политических и культурных ценностей. Локоть не принял революцию, противоречащую, по его словам, национальным и государственным интересам.

Возрождение страны Локоть напрямую связывал с формированием новой, подлинно национальной, монархически настроенной демократической социальной опоры¹. Идеальным для России государственным строем он считал самодержавную монархию. Проверенная временем, она была «национально выгоднее», по своему существу гарантировала развитие России на «истинно-народных, национально-русских началах, обеспечивающих национальные интересы, национальное достоинство и национальную мощь русского народа»². Путь к монархизму пролегал через постепенное пробуждение в народе национальной идеи. Миссия ее общественной популяризации возлагалась на класс «новой, подлинно национальной интеллигенции». Для возрождения национальной исторической России Локоть призывал к объединению под сенью монархической идеи всей национально-патриотической эмиграции.

В отличие от националистов-либералов и традиционалистов, развернувших свою деятельность в первые годы эмиграции (1920-е гг.), радикальное направление зарубежного национализма вступило в активную фазу своего развития позже других (вторая половина 1930-х гг.).

¹ О взглядах Локотя на национальную демократию см.: *Локоть Т. В.* Оправдание национализма. Рабство русской радикальной интеллигенции. Национал-демократия. Киев, 1910.

² *Локоть Т. В.* «Завоевания революции» и идеология русского монархизма. Доклад профессора Т. В. Локотя. Берлин-Шарлоттенбург, 1921. С. 20.

На это повлияла совокупность нескольких факторов: долгие годы эмиграции, оторванность от Родины, укрепление политического строя Советской России, смена поколений эмиграции (выросло новое поколение эмигрантов, признавшее и критиковавшее идеализм и утопизм взглядов своих отцов). Среди радикалов были и монархисты «чистой воды», и «непредрешицы», конкретно не определившиеся в форме будущего государственного строя. Однако всех их сближали общие идеи построения сильного национального государства, подготовки национальной революции как способа достижения поставленной политической цели, национализма как фундаментальной государственной основы. Вместе с тем трактовки «модифицированного» национализма были самобытны, неоднозначны и разнообразны.

Вопросы национализма и национального государства были детально проработаны идеологом народно-имперского (штабс-капитанского) движения И. Л. Солоневичем¹. Свои рассуждения о «нации», «национализме», «национальной идее» он вел в соответствии с характерными для русских националистов идейно-теоретическими канонами: Россия должна следовать законам своего, а не чужого национального бытия, нация оказывается слабой, если сворачивает с пути самобытности². Русский народ как любой великий народ имеет свою собственную судьбу, проходит особый путь развития, имеет неповторимое лицо, несет свою неповторимую историческую миссию. Движущей силой, ведущей его по пути истории, является «объединяющая и воспитывающая нацию» национальная идея. Российская государственная идеология традиционно была пропитана идеей национализма. В условиях потрясенной революциями и большевистским строем России она выступает гарантом ограждения от пагубных альтернатив шовинизма – «признака дурного воспитания нации», космополитизма, «свидетельствующего об отсутствии какого бы то ни было воспитания» и интернационализма, представляющего по своей сути выполняемую для чужих целей «каторжную работу нации»³.

Концепция «Великой России» Солоневича во многом пересекалась с идейными воззрениями И. А. Ильина. Размышляя о своеобразии исторического пути России, наложившем неизгладимый отпечаток на его содержание: самобытную русскую государственность, русскую национальность, русскую культуру, – Солоневич писал: «Россия это не Европа, но и не Азия и даже не Евразия. Это – просто – Россия. Совершенно своеобразный национальный государственный

¹ См.: Сапожников К. Солоневич. М., 2014.

² Солоневич И. Л. Политические тезисы Российского Народно-Имперского (Штабс-капитанского) Движения // Окорочков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М., 2001. С. 398.

³ Там же. С. 396.

и культурный комплекс, одинаково четко отличающийся от Европы и от Азии»¹. Ее основные черты вполне отчетливо определились еще до того, как Европа и Азия могли наложить на нее свои отпечатки. Поэтому, в отличие от других стран, русская национальная идея всегда перерастала свои рамки и становилась сверхнациональной. Ее не раз калечили иностранные интервенты, но сущность идеи изменить не удалось: она состоит в создании России с крепкой монархической государственностью².

В основе националистических воззрений Солоневича лежала идея уникальности российской монархии с ее ярко выраженным «народным духом», особенностями характера русского народа, его национальным «я». Таким образом, российская монархия связывалась идеологом с социально-психологической спецификой русского народа. Историю страны он отождествлял не столько с географией, сколько с биографией народа³. Солоневич размышлял: «В сходных географических условиях могут существовать различные народы (например, на Апеннинском полуострове сложилась как древнеримская цивилизация, так и культура современных итальянцев), вместе с тем их развитие идет разными путями. Почему?» Проводя аналогии между народом и личностью, он пришел к следующему выводу: биография любого великого человека позволяет уловить определяющую черту его характера, или «доминанту»⁴; народ как историческая индивидуальность, своего рода «соборная, коллективная личность», также является носителем определяющих черт его характера, специфических свойств своего «я», отличающих его от всех соседей⁵. Однако, в отличие от отдельно взятой личности, характер народа неуловим в его отрыве от знания государственности. Так и становление русского народа нельзя рассматривать отдельно от формирования его государственности.

Уникальность русской государственности Солоневич «рельефно» просматривал на фоне западноевропейской истории, демонстрирующей, по его словам, неудачные попытки государственного строительства и объединения народов. «Драмы инквизиций и религиозных войн, борьбы протестантизма с католицизмом, стройки империй, которые жили десятки – редко сотни – лет»⁶ заполняли европейскую историю. На этом фоне российская государственность показывала обратный пример естественного, органического развития, исключая религиозные войны и обеспечивающего мирное сосуществова-

¹ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2003. С. 17.

² Там же.

³ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991. С. 144–145.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Там же. С. 148.

ние разных этносов. Такого рода аргументами Солоневич в очередной раз доказывал свою убежденность в необходимости использования собственного исторического опыта в построении будущей российской государственности¹.

Много внимания он уделял разбору конкретных примеров «имперского строительства», подчеркивая специфический характер русского народа, сумевшего создать огромную империю вопреки основным принципам колониализма. Солоневич доказывал, что русские были комплементарно настроены в отношении большинства населяющих огромное евразийское пространство народов и никогда не пытались поставить себя в положение правящей нации (как, например, англичане, чья империя не продержалась и трех веков). Скорее наоборот: русский центр подвергался значительной эксплуатации в пользу инациональных окраин. Заслуга русского государства-империи состояла в особом балансе отношений церковной и государственной властей. В российской модели церковь никогда не покушалась на светскую власть, в свою очередь монархическое правление веками стояло на страже интересов общества, народа, поддерживая и поощряя демократические элементы в народной жизни. «У нас была <...> демократия неизмеримо высшего стиля, чем англо-саксонская», – с гордостью отмечал Солоневич². Однако линия восходящего гармоничного развития российского государства была прервана наступившей эпохой подражания европейской жизни, следования европейским учениям, в частности, марксизму. В нем постепенно растворилось «все живое, органическое, настоящее. Исчезали живые нации – на их место стал интернационал»³. В марксистской доктрине потерялась национальная личность. Учение К. Маркса и его последователей чуждо русскому народу не только своим разрушающим воздействием на национальное государство, но прежде всего своими рационалистическими, экономическими и политическими факторами государственного развития. Русский же народ традиционно вел государственное строительство инстинктивно. Этот «государственный инстинкт» позволил создать русское государство независимое от «географии, вопреки климату и <...> даже и вопреки истории»⁴.

Отстаивая тезис о «биологическом инстинкте народа» как решающем факторе образования нации и государства, Солоневич критиковал все другие концепции (экономическую, климатическую, географическую, расово-антропологическую) происхождения государства. Свою

¹ Солоневич И. Л. Народная монархия.

² Там же.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 155.

точку зрения он обосновывал устойчивостью Российской империи, длительностью существования русского государства. Приверженность русского народа имперским идеалам служила доказательством того, что в его характере, инстинкте, в духе есть свойства, с одной стороны, отличающие его от других народов мира – англичан и немцев, испанцев и поляков, евреев и цыган, с другой – умение на протяжении тысячи лет проявлять себя с достаточной определенностью¹ (именно это свойство Солоневич называл государственным инстинктом русских).

Силу нации идеолог связывал с силой национального духа, отталкиваясь от этого, предупреждал: любые проявления слабости духа повлекут за собой неизбежность расплаты. С этих позиций большевизм Солоневич рассматривал как заслуженную расплату за двухвековые грехи, накопленные Россией с момента отречения от своего национального бытия, увлечения иноземным влиянием, отрыва дворянства от народа; а русскую революцию – как следствие основного греха русского народа, греха его двухсотлетнего бессилия перед своим дворянством².

В эмигрантских спорах о причинах произошедшей в октябре 1917 г. революции Солоневич убедительно доказывал, что «русская коммунистическая революция выросла не из русской народной и национальной традиции»³, а из целого комплекса факторов и чрезвычайно сложного узла событий: культурно-технической отсталости страны, ее постоянного военно-стратегического расширения, нескольких неудачных войн подряд, пресловутого «еврейского вопроса» и, наконец, «векового спора между тремя основными силами внутри русской жизни: монархией, дворянством и народом»⁴. Поэтому ее невозможно объяснить однозначно ни одной теорией или предположением.

У Солоневича была своя версия событий февраля–октября 1917 г. В специально посвященной этому вопросу работе «Великая фальшивка Февраля» он в результате своих размышлений пришел к выводу, что никакой революции в России в феврале 1917 г. не было. Произошел всего лишь «военно-дворцовый переворот», заговор отдельных групп земельной, денежной и военной знати, подготовленный с целью изоляции царя от армии и народа. Последующие же события марта, июля, октября 1917 г. являлись цепной реакцией, по-

¹ Там же.

² Там же. С. 214.

³ Солоневич И. Л. Медведь и его шкура // Солоневич И. Л. Загадка и загадка России. М., 2008. С. 89.

⁴ Цит. по: Зимина В. Д. Интеллигенция Российского зарубежья 1920–30-х гг.: новые споры о старом // Новый исторический вестник. 2001. № 1. С. 64.

степенно разрушившей обломки старой государственной системы¹. Революционный Февраль 1917 г. Солоневич рассматривал через призму сложившихся социально-политических обстоятельств. Он был убежден, что предреволюционная Россия находилась в своеобразном социальном тупике, когда новые слои – энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные – пробивались к жизни и к власти, на их пути стоял правящий слой, «выродившийся во всех смыслах, даже в физическом»². Неизбежно настал период кризиса, в котором обе несовместимые линии развития сошлись: с одной стороны, возникла острая необходимость для страны сменить свой правящий слой, с другой – противостояла невозможность менять его в период ведения масштабных военных действий. «Монархия стремилась пройти это “узкое место” эволюционным путем, но не прошла»³. В обстановке внутренних противоречий, при разложившемся правящем слое, при незаконченном раскрепощении крестьянства, при разделе между монархией и верхами, при разладе в среде династии, при наличии парламента, который только и ждал момента для захвата власти, наконец, в обстановке затянувшейся Первой мировой войны участь России фактически была решена⁴. Таким образом, всю вину за случившееся в стране Солоневич полностью возлагал на «верхи бывшего правящего слоя». Он предупреждал о необходимости учесть это обстоятельство в целях ограждения будущей национальной власти от ее главного врага в образе бывшей политической элиты. «Собираясь что бы то ни было предлагать будущей России, – писал идеолог, – мы обязаны сказать ей, что ни наследников, ни осколков <...> этого слоя <...> нельзя пускать ни к власти, ни даже на порог власти <...> Ибо, если они будут допущены к власти <...> они повторят то же, что они делали в 1916–1917 или в 1918–1920 годах: поставят интересы и психологию слоя и касты выше национальных интересов России и продадут и нас, и Россию – точно так же, как они делали это раньше»⁵.

Вот почему в программе возглавляемого им Штабс-капитанского движения Солоневич уделял такое большое внимание требованиям к будущей национальной элите, называемой им «орудием нации»⁶.

¹ См.: Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 247.

² Там же. С. 203.

³ Там же. С. 241.

⁴ Там же. С. 217.

⁵ Солоневич И. Л. Еще о Феврале // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. С. 253.

⁶ Солоневич И. Л. Политические тезисы Российского Народно-Имперского (Штабс-капитанского) Движения // О कोरोков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). С. 407.

Перед будущим национальным правительством теоретиком ставилась первоочередная техническая задача подбора и воспитания правящего слоя из остатков русской национальной интеллигенции за рубежом, остатков старой русской интеллигенции в СССР и из массы новой русской интеллигенции, родившейся в годы коммунизма. Из предполагаемого состава «правлящей верхушки» категорически исключались:

1) дворянство («неудачный наследник русского феодализма», истребленный большевиками);

2) русская буржуазия, показавшая свою полную недееспособность у власти;

3) советский правящий слой, «отрезанный от народных масс морями крови и ненависти, воспитанный на атеизме и насилии, на грабеже и терроре».

Допускались два возможных политических претендента на власть и связанные с ними два пути развития событий.

1. Некая еще несуществующая партия, опирающаяся на часть интеллигенции и пролетариата, закрепившаяся у власти путем вооруженного выдвиженчества. В случае ее прихода к власти мог реализоваться тип диктатуры, опирающейся по преимуществу на временное и организованное насилие.

2. Люди, преданные национальной идее, прошедшие специальный «правлящий отбор». При их государственном управлении установится монархия, соответствующая интересам и чаяниям основной массы русского народа.

Солоневич был уверен, что при любом раскладе событий власть перейдет к русской интеллигенции, к профессионалам умственного труда, к единственному существующему слою, по своему культурному уровню способному разрешить задачи русского национального и государственного строительства. Он не сомневался в том, что эта национальная, внесловная интеллигенция будет ставить интересы нации выше интересов сословия или класса¹. Русскому Зарубежью он поручал великую миссию формирования программно-теоретических основ для будущего правящего слоя, его идейного костяка².

Задумываясь о возрождении постбольшевистской России, Солоневич начинал с постановки вопроса: «Во имя чего должны строиться нация и государство?». Ответить на него могла только правильно сформулированная национальная идея. В духе российских государственных традиций он объединял русскую национальную идею с идеей национализма. Для Солоневича были тождественны понятия «русского» и «российского» национализма. Употребляя их в одном смысловом значении, он погружался в специфику этого явления.

¹ Там же. С. 414–415.

² Там же. С. 423–424.

Специфической чертой русского национализма как идеи объединяющей и воспитывающей русскую нацию Солоневич считал глубокую и неразрывную связь с православием, по его словам, «вдыхающим в русский национализм особое мироощущение и мировосприятие»¹. Русский национализм без опоры на православие он называл «логической нелепицей». Православие для него было не только и не столько «религией большинства русского народа», сколько религиозно-нравственной основой русского национального государственного творчества. Солоневич доказывал, что как величайшая религия мира православие только в самом крайнем случае посягало на свободу иноверцев. В большинстве же случаев это делалось в целях национально-религиозной самозащиты, которая неизбежно возникнет перед Россией в будущем. В связи с опорой на фундамент православной религии пропагандировать свободу совести (принцип «лицемерного западно-европейского либерализма») для будущей России он не считал целесообразным². Вместе с тем перед Русской православной церковью им ставилась задача перемещения центра тяжести ее деятельности с формально обрядовой стороны на религиозно-воспитательную.

Воспитательные функции оказывали непосредственное влияние на устои русского национализма. Солоневич подчеркивал, что воспитание нации не должно осуществляться на канонах прошлого, оно должно культивировать чувство национальной гордости и национального осознания совершенных нацией ошибок. «Русский национализм» должен обладать достаточной долей мужества, чтобы признать собственные ошибки и просчеты и «не взваливать их на чужие плечи – масонские, немецкие, еврейские, английские, японские»³.

Русский национализм рассматривался Солоневичем как явление, имеющее «великое нравственное предназначение». На этом базировались его задачи: 1) духовно-объединяющая; 2) воспитательная; 3) формирование кадрового потенциала талантливых, добросовестных, преданных России людей.

С русским национализмом связывалась идея социального равенства. Солоневич считал, что национализм не должен заниматься примирением общественных групп и классов, его предназначение – бороться и в перспективе ликвидировать так называемые духовные надстройки деления народа на «буржуев» и «пролетариев», на «белую» и «черную» кость. Сословное деление он планировал заменить корпоративным, то есть таким строем, где каждый русский

¹ Солоневич И. Л. Политические тезисы Российского Народно-Имперского (Штабс-капитанского) Движения // О कोरोков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). С. 396.

² Там же. С. 405.

³ Там же. С. 398.

займет в нации положение в зависимости от его личных заслуг и качеств. Понятия сословий, каст и классов теоретик предлагал заменить общим понятием государственной службы, выражающим по своему существу подчинение всякого государственного интереса общенациональному¹.

Как идея государственно оформляющая нацию, русский национализм ассоциировался Солоневичем с самодержавным правлением, олицетворяющим, по его словам, «религиозный смысл русского социального бытия». Под самодержавной монархией он понимал наследственную династическую власть, опирающуюся на широкие массы народа и отстаивающую его права в противостоянии с эгоистически настроенной олигархией. Солоневич доказывал: «Выступая центром демократичной и справедливой системы власти, учитывающей интересы большинства граждан, самодержавная монархия защищает религиозный, культурный и социальный уклад народной жизни»². Вместе с тем не все «великие правления» в российской истории он относил к этому идеалу. Исключение составляли политические режимы Петра I и Екатерины II по причине их антитрадиционного и антинационального характера. Вслед за интеллектуальной традицией славянофилов, Солоневич резко критиковал петровские реформы, «расколовшие единую нацию на европеизированное дворянство и многомиллионную крепостную массу»³. Такого рода правлениям он противопоставлял свой идеал народно-монархического государства.

Концепция «народной монархии» И. Л. Солоневича представляла собой нечто неординарное в истории русской общественно-политической мысли. В какой-то степени она развивала идеи славянофилов, вместе с тем не унифицировала русских самодержавных традиций. В отличие от националистов-традиционалистов, Солоневич не был реставратором; вглядываясь в историческое прошлое, он не стремился повернуть колесо истории вспять, а искал там схемы, способствующие прогрессивному моделированию будущего. Его «народная монархия» была обращена к «Московской Руси», «к государственным принципам Московского Царства», суть которых заключалась в «единении царя, церкви и народа – единоличной государственной власти и единоличной церковной власти, опирающихся на единство и нераздельность национального, государственного и религиозного

¹ Там же. С. 397.

² Там же. С. 396.

³ См.: *Антоненко Н. В.* И. Л. Солоневич о возрождении «Великой России» // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2011. № 1. Ч. 2. С. 217.

сознания народа»¹. С одной стороны, Солоневич призывал к борьбе «За Веру, Царя и Отечество», с другой – вкладывал в старый лозунг новое смысловое содержание. Подчеркивая «народный» характер будущей монархии, он отмечал, что монархическая власть должна быть социально основана не на старом буржуазно-помещичьем слое, а на широких слоях российского крестьянства². «Нам нужен демократический Царь, опирающийся на “демос”, хотя бы уже по одному тому, что опираться больше не на кого. Но нам нужно, чтобы Царь определял линию “демократии”, а не демократия учила бы царя»³, – писал Солоневич. Он идеализировал образ «русского мужика», доказывал, что народ российский является «суммой личностей», а не безликой массой. Русский мужик через тяжчайшие испытания сумел пронести свое собственное «я». «Его не съели» ни татары с их ордами, ни Петр I с его реформами. «Он отстоял свой костюм, приноровленный к климату и к труду, он отстоял свою семью, он отстоял своего Бога и свою Родину – он также отстоит и своего Царя – как он его отстаивал десятки раз в своей истории. Он отстаивает Россию и от большевизма...»⁴

В эмиграции Солоневич вел бурную дискуссию как со сторонниками парламентарного образа правления, так и с приверженцами реставраторства. Первым он отчаянно доказывал, что парламентарные методы управления привели к полному политическому, экономическому и моральному маразму все страны Европы, и весь мир стремится к авторитарному правительству. «Демократизм формы правления не имеет почти никакого отношения к демократизму жизни: юридически самодержавная Россия имела, по-видимому, самый демократический в мире уклад»⁵. Критикуя планы самодержавного реставраторства, Солоневич предупреждал, что «лозунг дворянско-помещичьей монархии означает для России новую Гражданскую войну <...> против данной формы монархизма, с перерастанием этой войны в войну против монархизма вообще»⁶.

Его уникальная модель народно-монархической государственности сочетала в себе две формы власти – народное представительство,

¹ Солоневич И. Л. Политические тезисы Российского Народно-Имперского (Штабс-капитанского) Движения // Окорочков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). С. 403.

² См.: Солоневич И. Л. Народная монархия. С. 77.

³ Солоневич И. Л. Совсем всерьез // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. С. 382.

⁴ Солоневич И. Л. Что есть масса? // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. С. 204.

⁵ Солоневич И. Л. Диктатура импотентов // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. С. 281.

⁶ Солоневич И. Пути, ошибки и итоги // Наша газета. 1939. № 35. 19 июня. С. 7.

отражающее интересы всех граждан, и наследственную единоличную монархию, «спасавшую страну в кризисные моменты ее истории»¹. Обе ветви власти опирались на разветвленную систему местного, профессионального и национального самоуправления. Принципами, заложенными в фундамент возрожденного российского государства, провозглашались: 1) сильная царская власть; 2) сильное народное представительство; 3) сильное земское самоуправление; 4) гражданская и хозяйственная свобода для всех граждан империи². В теории Солоневича народная монархия выступала в неразрывной связи с выборной (соборной) монархией. Осмысливая монархическую традицию в России, теоретик пришел к выводу, что «московская монархия была по самому глубокому своему существу выборной монархией. С той только разницей, что люди выбирали не на четыре года и не на одно поколение, а выбирали навсегда»³.

Говоря о представительной власти, Солоневич заранее отметал ее западноевропейские образцы и призывал вернуться к собственному⁴. Поэтому будущий представительный орган в России мыслился ему Собором, «составленным из людей “государевой” и “земской” службы», а не парламентом⁵. Проводя параллели между парламентом и Собором, он останавливался на системе их формирования, по его мнению, наиболее адекватно отражающей национально-демократический характер обеих форм представительной власти. Солоневич был убежден, что механизм парламентских выборов автоматически обуславливает концентрацию в парламенте богачей, карьеристов, «отбросов интеллигенции», которые «стараятся за свои четыре-пять лет депутатства сколотить елико возможно денег»⁶. Демократически избранные Соборы, напротив, всегда являлись «органическим представительством нации»⁷, «грозно и честно» стоявшим вокруг российского престола⁸. Режим западной демократии не был лишен недостатков. Применять его к русским Солоневич считал непозволительной роскошью, которая России не по карману⁹. Идеальная модель верховной власти представлялась

¹ См.: *Волкогонова О. Д.* Образ России в философии русского зарубежья. М., 1998. С. 264.

² См.: *Солоневич И. Л.* Народная монархия. С. 130.

³ Там же. С. 124–125.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Там же. С. 378–379.

⁶ См.: *Солоневич И. Л.* Парламент и Собор // *Солоневич И. Л.* Наша страна. XX век. С. 170–171.

⁷ Там же. С. 171.

⁸ См.: Там же.

⁹ *Солоневич И. Л.* Назад к капитализму? // *Солоневич И. Л.* Загадка и загадка России. С. 322.

ему в форме органического сочетания наследственной самодержавной монархии и народного представительства (Земской Собор), которые будут соизмеряться не борьбой друг с другом, а способностью выполнять возложенные на них государственные задачи.

Строя планы на будущее, Солоневич не мог обойти вниманием особо значимый для России национальный вопрос, концентрирующий в себе «сумму полтора века вопросов»¹. Отстаивая образ «единой и неделимой России», он выступал за сохранение «исторически сложившегося сожителства народов одной шестой части света», любые попытки разделения страны считал преступлением не только против России как государства, но и против тех, кому удалось бы навязать это отделение. Солоневич прогнозировал, что сепаратистская политика приведет к чудовищному политическому, культурному, хозяйственному регрессу, а возможно, и к войнам внутри страны «за обладание разными уездами»².

Свой идеал национальных отношений он обращал к царской России, доказывая историческими примерами, что Российская империя как единое государство существовала более тысячи лет и не проявляла признаков государственного распада. Гарантией этого выступало обеспечение граждан, независимо от их национальной принадлежности, всеми правами российской государственности³. Идеализируя образ Великой Российской империи, Солоневич стоял на том, что до революции в государстве не было национальных проблем, так как не существовало национального неравенства. Национальный вопрос заявил о себе только после революционных событий 1917 г. Это обстоятельство объяснялось врожденной тягой русских к справедливости, которая от природы заложена как в самом русском характере, так и в традиционной для России форме власти – самодержавной монархии. При наличии в стране полтора века народностей «русская монархия рассматривала каждый национальный вопрос в зависимости от каждого индивидуального случая», поэтому ее опыт еще не изжил себя и может быть вновь востребован при благоприятных условиях⁴.

По выражению Солоневича, «русское самодержавное правительство было нянькой для русских “инородцев”, хотя и не для всех»⁵. В довоенной России неравноправным было только еврейство. Все остальные нации были равноправны и в законодательстве, и в быту⁶.

¹ Солоневич И. Л. Народная монархия. С. 66.

² См.: Там же. С. 66.

³ См.: Там же. С. 148.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ Солоневич И. Л. Белая империя. М., 1997. С. 80.

Еврейская политика российского правительства была неустойчивой, противоречивой и нелепой, ее основной смысл заключался в попытке затормозить капиталистическое развитие сельского хозяйства. Поэтому при императоре Николае I евреи пользовались полным равноправием и даже получали баронские титулы; крепостное право все равно не допускало в деревне никаких капиталистических отношений. При Николае I и сами евреи были лояльны по отношению к империи. После него, при последних царствованиях, они постепенно перешли на сторону революции, надеясь в ней что-то для себя приобрести. Однако вместо этого потеряли гораздо больше, чем другие российские народы¹.

Для самодержавного правительства «еврейский вопрос» не стоял в числе первоочередных, вместе с тем, подчеркивал Солоневич, это не снимает самой проблемы в будущем. Его особенно тревожила разрастающаяся в советском обществе угроза антисемитизма². В положении евреев в Советской России Солоневич выделял три существенных аспекта: их роль в государственном управлении, правовые гарантии, отношение к существующему строю. Евреев в СССР он рассматривал как «по преимуществу служилый слой», заменивший на службе государству не желавшую работать на большевиков старую и «новых призывов» русскую интеллигенцию. Солоневич считал, что евреи в большинстве своем сжились с новой системой, их известная всем солидарность, когда «каждый Каганович тянет за собой другого Кагановича», дала возможность довольно быстро к ней адаптироваться³. Вместе с тем к вопросу о положении евреев в России он подходил строго дифференцированно. По его мнению, от советской государственности выиграла исключительно «верхи», «тонкая прослойка крупной еврейской бюрократии», разъезжающая по полпредствам и мирным конференциям, торгующая во внешторгах, сидящая во главе трестов и управления лагерями ОГПУ, то есть тот поверхностный слой, который создает впечатление, что «евреи правят Россией». Относительное материальное благополучие этой бюрократии обеспечивается ценой страшного обеднения основной массы еврейского населения⁴. Неся на себе все тяготы жизни, это «низовое еврейство» панически боится внутреннего переворота, опасаясь расправы со стороны вооруженного русского рабочего или русского мужика. Солоневич был уверен в преувеличении опасности антисемитизма народных низов, обращал внимание на смещение социальных и географических центров антисемитизма в России. По этому поводу он

¹ Солоневич И. Л. Народная монархия. С. 65.

² Там же. С. 65–66.

³ Солоневич И. Л. Россия, революция и еврейство // Солоневич И. Л. Россия и революция. М., 2007. С. 40–41.

⁴ Там же. С. 42.

писал: «Если в довоенное время очагами антисемитизма были наши окраины, то теперь ими являются Москва и Петербург. Если раньше базой антисемитизма были низы, то теперь антисемитичной является интеллигенция, отчасти и некоторые партийные круги»¹.

Для патриотической эмиграции из современного состояния «еврейского вопроса» Солоневич сделал два основополагающих вывода: 1) мистика антисемитизма для антибольшевистских сил вредна; 2) с лозунгом «Бей жидов!» в Россию идти нельзя². Политика в отношении евреев в постсоветской России намечалась им в зависимости от сложившихся обстоятельств: либо их ассимиляция с остальным населением, либо изоляция в отдельное национальное государство. При любом политическом раскладе Солоневич был убежден: «Нет почвы для антинациональной пропаганды, нет почвы и для еврейской опасности»³.

Основные подходы к решению национального вопроса в России формулировались Солоневичем в «Тезисах» народно-монархического движения. Их положения категорически отбрасывали политику насильственной русификации, гарантировали каждому гражданину и каждой этнической группе возможность говорить, учиться, печататься на родном языке (при общегосударственном статусе русского языка), сохранять традиции национального самоуправления. Последнему Солоневич придавал особое значение, будучи уверен, что, получив полное местное самоуправление, при условии свободно голосования, ни один народ «ни на какие сепаратизмы не пойдет»⁴.

Вопросы русского национализма охватывают целый комплекс общегосударственных проблем: понимание национализма, его определение применительно к концепциям государственного развития, выстраивание национальной политики в условиях многонациональной государственности, соотношение национального и имперского сознания и др. Свои ответы на эти многочисленные национально-государственные вопросы пытались дать мыслители русской эмиграции.

Русский национализм, неразрывно связанный с государственной политикой, выступал союзником либеральных и социалистических идей, его носителями открыто позиционировали себя консерваторы. В имперской России идеи национализма вписывались в контекст государственной идеологии, были популярны среди определенных кругов российского общества. Однако, несмотря на некоторые успехи, представители различных направлений русского национализма – традиционалисты, националисты-либералы, радикалы – оказались

¹ Солоневич И. Л. Россия, революция и еврейство // Солоневич И. Л. Россия и революция. М., 2007. С. 43.

² Там же С. 50.

³ Там же. С. 49–50.

⁴ Солоневич И. Л. Народная монархия. С. 66.

бессильны перед разрушением российского государства и крушением национально-государственных идеалов в феврале–октябре 1917 г. Национализм в России был побежден интернационализмом. Почему? Ответ на этот вопрос прежде всего следует искать в социальной специфике страны. Национализмом были «охвачены» верхи российского общества, часть либерально настроенной буржуазии и интеллигенции. Основная масса населения была далека от понимания националистических идей. В силу своей культурной отсталости их осознанием не могло проникнуться ни многомиллионное российское крестьянство, ни масса рабочих и «низовой» интеллигенции. Таким образом, одной из причин не востребованности идей национализма в Российской империи была узость его социальной базы.

Кроме того, русский имперский национализм, хотя и взаимодействовал с государственной идеологией, находился в глубоком противоречии с традиционными основами русской жизни. Большинство приверженцев национализма (прежде всего либерального толка), ощущая его «европейскую природу», инстинктивно ориентировали Россию на европейский образец развития. Чрезмерное увлечение западничеством, его идеалами не вписывалось в русскую национальную доктрину, в устои российского общества, в многонациональный имперский контекст. Опираясь на национальные постулаты, ситуацию пытались исправить традиционалисты. Однако их опора исключительно на старые государственные традиции, идеализация допетровской Руси не отвечали реалиям времени, не учитывали в полной мере остроты государственных проблем, в том числе и национальной.

Эволюционный прорыв в идеологии русского национализма произошел только после его политического поражения в результате революционных процессов 1917 г. в России. Гибель имперского режима побудила вынужденно оказавшихся за пределами страны эмигрантов под сенью национализма искать выход из глубокой государственной трансформации. Если до революции российское государство использовало в своей идеологической доктрине лишь некоторые националистические лозунги, после революции идеи национализма уже предлагались в качестве фундаментальной государственно-идеологической основы. Формируемая под знаменем «нового русского патриотизма» обновленная националистическая доктрина, с одной стороны, выражала стремление к социальному консенсусу, пыталась учесть интересы демократических слоев российского общества, с другой – общегосударственные интересы.

Идеология эмигрантского национализма, по сути, представляла собой модернизированную версию традиционного имперского национализма. Направленная на решение сложнейшей задачи возрождения Великой России, она включала в себя не только идеи, но и конкретные положения по созданию образа будущей государствен-

ности. В доктрине эмигрантского национализма четко обозначились три составляющих: 1) национальная идея как символ возрожденной России; 2) оптимальная модель национальной власти; 3) конструкция национальных отношений, позволяющая избежать национальных противоречий в будущем.

В качестве национального идеала выступал образ «Великой, единой и неделимой России», олицетворявший собой государственную мощь, национальное единство и «соборное согласие» русского народа, под которым подразумевалась совокупность всех народов бывшей империи.

Идеология эмигрантского национализма напрямую связывалась с представлением о будущей национальной власти. Линия объединения национально-патриотических сил зарубежной России, проводимая «правым» крылом эмиграции, постепенно сконцентрировала националистов вокруг монархически настроенной эмиграции. Взаимовлияние двух идеологий, с одной стороны, позволило русскому национализму идейно обогатиться за счет монархизма, с другой – способствовало правоэмигрантам в реализации основополагающей задачи – разработке проекта национального возрождения России и его популяризации среди патриотически настроенного Зарубежья. Идеологический фундамент проекта синтезировал в себе наиболее рациональные элементы националистической и консервативной идеологием. Будущая государственная власть представлялась монархией, учитывающей интересы демократических слоев населения, а также национальные интересы. Национализм в эмиграции был враждебно настроен к демократии западного типа, противопоставляя ей идею демократической, «соборной» Руси.

В эмигрантском национализме сходились две важнейшие составляющие: приоритет, отдаваемый государству, и озабоченность этнической судьбой русского народа. Одной из остро стоявших и наиболее обсуждаемых среди эмигрантов проблем была проблема национальных взаимоотношений. До революции русские националисты не ставили вопрос о национальной политике как таковой, с середины XIX в. ими отдельно обсуждались «еврейский», «польский», «мусульманский» вопросы. К началу XX в. было выработано общее понятие об «инородческом вопросе», выражавшем по своей сути пути и механизмы сближения инородцев с русскими. Оценка важности того или иного «инородческого вопроса» зависела главным образом от того, насколько среди инородцев были развиты национальные идеи, поскольку именно они считались властями наиболее опасными для поддержания государственного единства¹. Таким образом, «нацио-

¹ См.: Бахтурина А. «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии // Русский национализм: Социальный и культурный контекст. М., 2008. С. 107.

нальный» или «инородческий вопрос» в Российской империи не рассматривался в рамках целостного политического курса, а решался в зависимости от степени накала антиправительственных настроений среди отдельных этносов.

Эмигрантский национализм не обсуждал национальные вопросы индивидуально, а стремился выработать целостную национальную политику, направленную на сбалансирование национальных отношений в условиях единого многонационального государства. При этом особый акцент делался на единстве прав входящих в состав России народов, сохранение традиций местного управления и национальной культуры.

Как отдельный аспект национальной политики мыслители русского Зарубежья выделяли проблему взаимоотношений окраин и центра. Подчеркивая универсальность модели имперской России, они проводили аналогии между окраинами империи и колониями западноевропейских государств. В связи с этим подчеркивалось, что Российская империя не была колониальной державой, ее политика в отношении нерусского населения существенно отличалась от политики колониальных империй Запада. В России понятия «нация» и «империя» не разделялись, именно эта взаимосвязь позволила нерусскому населению чувствовать себя не колонией в составе метрополии, а полноправным членом государства. Кроме того, в законодательстве Российской империи отсутствовали ограничения по этническому признаку (за исключением поляков и евреев). Отсюда националисты делали вывод о том, что в России не было национального угнетения, господствующей нации.

В рамках национальной политики широко обсуждалась проблема «русификации». До революции русский национализм использовал понятие «русификации», подразумевая под ней государственную политику, направленную на культурную и языковую ассимиляцию народов Российской империи. В эмиграции националисты изменили смысловое значение проблемы: под «русификацией» стала пониматься идея национального единения, государственная политика, направленная на укрепление национального патриотизма, формирование однородной массы граждан в лингвистическом и административном отношении. По сути, «русификация» стала трактоваться как политика «государственного национализма», призванная минимизировать внутреннюю этническую разнородность, в связи с этим унифицировать язык, административное управление, образование.

По-новому был поставлен и так называемый еврейский вопрос. О нем высказывались все течения эмигрантского национализма. И традиционалисты, и либералы, и радикалы проповедовали свой особый тип антисемитизма, обоснованный широким спектром аргументаций: от религиозных обвинений до личной неприязни. Вместе с тем нацио-

налисты в эмиграции проявляли все меньше порывов к актам насилия в отношении евреев, старались скрыть, завуалировать свой антисемитизм. К этому их, с одной стороны, побуждало желание скорейшего возвращения в Россию, с другой – ощущение себя чужаками, изгнанниками, теми, кем чувствовали себя евреи в России. Тот же Солоневич, ранее довольно резко отзывавшийся о евреях, теперь заявлял: «Русская эмиграция есть самая крупная эмиграция в мировой истории, если не считать еврейской “диаспоры” еврейского народа в рассеянии. Но русская эмиграция есть и самая бесправная эмиграция мира, опять же, если не считать евреев и их гетто»¹. Те, кто называл себя патриотами-националистами, стали понимать, что в сложившихся условиях вопрос отношения к евреям уже не национальный, а политический. От правильно выбранной стратегии его решения зависела реализация первостепенной задачи освобождения России от власти большевиков.

Идеологи русского Зарубежья (И. А. Ильин, П. Б. Струве, Н. Д. Тальберг и др.) рассматривали эмиграцию как потенциал национального возрождения. Исходя из этого, большое внимание уделялось программам патриотического воспитания молодежи, подчеркивалась особая роль православия в духовном возрождении нации и поддержании национального единства.

Эмигрантский национализм стремился сформулировать идеи альтернативные советскому национализму. Это побуждало националистическую доктрину эмиграции соотноситься как с официальной идеологией Российской империи, так и с потребностями и «запросами» советского общества. Годы пребывания вне родной страны стали для теоретиков национализма периодом мучительных размышлений о судьбе России. Эмигрантские мыслители активно работали над образом Великой России и ее будущего. Их творческое наследие доказывает, что русский национализм за рубежом не был «вещью в себе», ориентируя свои идеи на благо развития России. Идеологи национализма искренне надеялись на то, что рано или поздно их теоретические наработки будут востребованы российским обществом.

Многими современными исследователями национализм исключается из сообщества «великих» идеологий – социализма, либерализма, консерватизма. Его рассматривают как некую устойчивую, застывшую, не способную к трансформации доктрину². Однако в условиях изоляции от России русский национализм, пытаясь сформулировать идеологемы, отвечающие вызовам времени, доказал обратное: свою гибкость, пластичность, подвижность, способность к идейно-теоретической трансформации.

¹ Солоневич И. Л. Медведь и его шура // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. С. 131.

² Соловей Т. Д., Соловей В. Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2009. С. 33–34.

Глава XI. РУССКИЙ СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1941–1953)

Нападение нацистской Германии и ее союзников на СССР 22 июня 1941 г. стало самым трагическим событием за всю новейшую историю нашей Родины, тяжелейшим испытанием для всех советских людей. Вопрос стоял не только о защите независимости и государственной целостности СССР, но и о судьбе тысячелетней российской цивилизации, о сохранении культуры и национальной самобытности, спасении населения страны от порабощения и геноцида.

Главарь Третьего рейха никогда не отказывался от своих планов в отношении «восточного пространства» как зоны колонизации. Уничтожение СССР как суверенного государства, захват и расчленение его территории, истребление части населения страны, окончательная ликвидация «коммунистической угрозы», «еврейско-большевистской» (по гитлеровской терминологии) власти и идеологии являлись для нацистов самоцелью. На одном из партийных совещаний, состоявшемся 30 марта 1941 г., Адольф Гитлер так определил задачи немецкой экспансии на Востоке: «Наши задачи в России – разбить вооруженные силы, уничтожить государство <...> Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность»¹. С предельной откровенностью «фюрер германской нации» излагал свои взгляды и на решение славянского вопроса. В беседе с румынским премьер-министром Й. Антонеску Гитлер прямо заявил: «Моя миссия, если мне удастся, – уничтожить славян. В будущей Европе должны быть две расы: германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать в России для того, чтобы уменьшить количество славян. К России нельзя подходить с юридическими или политическими формулировками, так как русский вопрос гораздо опаснее, чем это кажется, и мы должны применять колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян»². Наиболее детально программа расового

¹ Цит. по: Кузьмин С. Т. Сроку давности не подлежит. М., 1985. С. 22.

² Цит. по: Дюков А. П. «Русский должен умереть!» От чего спасла нас Красная Армия. М., 2011. С. 67.

геноцида на оккупированных восточных землях была представлена в разработанном в конце 1941 г. Главным управлением имперской безопасности генеральном плане «Ост»¹. Министерство А. Розенберга внесло в документ специальное дополнение «К вопросу о будущем обращении с русским населением», в котором отмечалось: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве <...> Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их». Для этого предусматривалось «разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие»². Для достижения этих целей предполагалось уничтожение интеллигенции, низведение образования и культуры народа до самого низкого уровня, резкое уменьшение численности населения за счет искусственного сокращения рождаемости, бесчеловечных мер в области здравоохранения, ликвидации сферы социальной защиты. Главная цель этой политики в документе обозначалась так: «Важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он был не в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»³. Русские как ведущая нация Советского Союза рассматривались нацистами как главный объект политики геноцида. Солдатам вермахта внушалось, что борьба против русского большевизма имеет более глубокие исторические «корни». В приказе генерала Эриха Гёппнера, зачитанном перед войсками накануне вторжения на территорию СССР, говорилось: «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это – давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московско-азиатского нашествия, отпор еврейскому большевизму. Эта борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью <...> Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы»⁴. Уничтожению (или онемечиванию) подлежали и многие другие народы страны. Еврейское и цыганское население оккупированных территорий, по замыслу гитлеровцев, должно было подвергнуться тотальному ис-

¹ Поскольку сам текст плана «Ост» не был предъявлен Нюрнбергскому трибуналу, о содержании документа можно судить по составленным на его основе «Замечаниям и предложениям по генеральному плану “Ост”», принадлежащим Э. Ветцелю – начальнику отдела колонизации 1-го главного политического управления министерства по делам оккупированных областей.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 3 т. М., 1966. Т. 3. С. 132.

³ Там же. С. 146.

⁴ Дюков А. П. «Русский должен умереть!» С. 21.

треблению. К реализации своих планов нацистские агрессоры приступили уже в первый день войны.

Смертельная схватка с фашизмом требовала от советского руководства не только радикальной перестройки всей экономической жизни страны и перевода народного хозяйства на военные рельсы, но и качественных изменений в идеологической сфере. Главным стержнем официальной пропаганды стала идея защиты Отечества, воспитание бойцов Красной армии и всего населения на героических примерах национального прошлого. Такая установка четко обозначилась уже в первый день войны в выступлении по радио заместителя председателя Совета Народных Комиссаров В. М. Молотова. Проводя параллель между гитлеровской агрессией и нападением на наполеоновской Франции на Россию в июне 1912 г., Молотов подчеркнул: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу»¹. Война советского народа с фашизмом была официально объявлена Великой Отечественной войной². 24 июня в газетах «Известия» и «Красная звезда» публикуется стихотворение В. И. Лебедева-Кумача «Священная война». Это произведение известного поэта, положенное на музыку композитором А. В. Александровым, вскоре станет едва ли не главной патриотической песней, призывающей советских людей к беспощадной борьбе с фашистскими захватчиками и к защите родной земли (с 15 октября 1941 г., то есть с началом второго, наиболее тяжелого этапа битвы за Москву, эта песня будет ежедневно исполняться по Всесоюзному радио – каждое утро, сразу после боя кремлевских курантов). Официальное признание войны с фашизмом как народной, отечественной и священной не только должно было подчеркнуть ее общенациональный, надклассовый характер, но и вводило в современный язык массовой пропаганды элементы дореволюционной лексики, что лишней раз указывало на преемственность героических традиций. В день нападения Германии на Советский Союз к православным верующим и духовенству обратился Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский). В своем «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви»

¹ Правда. 1941. 23 июня.

² Вплоть до 1940 г. советские историки и пропагандисты избегали использования термина «отечественная война», см.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. С. 350.

он призвал к единению перед лицом смертельной опасности: «Фашистские разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыея, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью Родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью, и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу <...> Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам <...> Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов <...>

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу»¹.

26 июня в Богоявленском соборе митрополит Сергей отслужил молебен «о даровании победы». Подобные молебствия стали совершаться и в других храмах по всей стране. 10 августа глава Ленинградской епархии митрополит Алексей (Симанский) обратился к пастве с такими словами: «Как во времена Дмитрия Донского и св. Александра Невского, как в эпоху борьбы с Наполеоном, не только патриотизму русских людей обязана была победа Русского народа, но и его глубокой вере в помощь Божию правому делу <...> мы будем непоколебимы в нашей вере в конечную победу над ложью и злом, в окончательную победу над врагом»².

Трудно переоценить значимость этих обращений представителей высшего православного духовенства к верующим гражданам СССР, число которых в стране оставалось большим. Сотни тысяч верующих были мобилизованы в Красную армию (прежде всего из сельской местности, где традиционная мораль и вера были еще достаточно сильны, по крайней мере у старшего поколения). РПЦ обратилась

¹ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 3–4.

² Цит. по: *Шкаровский М. В.* Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2005. С. 120.

с патриотическим призывом к населению в очень тяжелое для нее время: накануне войны Церковь подверглась очередным гонениям со стороны властей. В целом количество православных священников в результате репрессивной политики 1920–1930-х гг. сократилось с 50 тыс. человек в 1917 г. до 6376 человек в 1941 г. Сократилось и число представителей высшего духовенства (со 130 в 1917 г. до 4 к началу войны), из 61 архиерея 17 отбывали заключение. Из 48 тыс. действовавших до революции храмов РПЦ к 1941 г. функционировали только 4225 (из которых $\frac{3}{4}$ находились на западных территориях, присоединенных к СССР в 1939–1940 гг.)¹. Но, несмотря на трагические потери, понесенные за последние 20 лет своей истории, Русская церковь, как и в прежние времена смут и военных лихолетий, обратилась к народу с призывом защитить родную землю от вражеского нашествия, апеллируя к образам национальных героев прошлого и святых заступников Руси. Принципиальная патриотическая позиция руководства РПЦ, проникновенные слова о защите Отечества, обращенные к пастве, сыграли важную роль для духовного единения верующих граждан страны в первые недели войны. Такое же значение деятельность Православной церкви будет иметь и в последующие годы всенародного противостояния фашистскому агрессору и для достижения великой Победы над ним.

3 июля по радио к советскому народу обратился И. В. Сталин. Тот факт, что долгожданное выступление председателя Государственного комитета обороны состоялось лишь спустя полторы недели после начала войны, очевидно, объяснялся желанием вождя более детально изучить обстановку на фронтах и дать объективную оценку сложившемуся критическому положению. Осознанием смертельной опасности, нависшей над страной, и призывом к всенародному единству в борьбе с врагом (всех граждан СССР независимо от их партийности, социального положения и отношения к религии) были проникнуты начальные слова речи Сталина, адресованные всему населению Советского Союза: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»² В этих сло-

¹ Васильева О. Ю. Русская православная церковь в Великой Отечественной войне // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 528. Подробнее см.: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М., 2009; Ретников А. В. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Исторический архив. 2011. № 3. С. 194–198; Одинцов М. И., Кочетова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014.

² Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 9.

вах содержалось воззвание как к коммунистам и беспартийным, так и к советским верующим (традиционное церковное обращение к пастве «братья и сестры»), что ранее было совершенно неприемлемо для идеологического лексикона атеистической власти. Вместе с тем необходимо отметить, что обращение к товарищам по партии в речи вождя ВКП(б) стояло на первом месте. Это еще раз должно было указать на руководящую роль партии в политической жизни страны.

Говоря о серьезной опасности, грозящей советскому народу и социалистической Родине, Сталину пришлось признать факт оставления Красной армией значительной части западной территории СССР («гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины»), объясняя трагические потери первых недель «выгодными условиями для немецких войск и невыгодными для советских войск» в начале войны, а также «вероломным нарушением пакта о ненападении» со стороны фашистской Германии. Более глубинные причины поражений Красной армии (незавершенность ее модернизации, ошибочная военная доктрина, предполагавшая ведение операций на территории противника, невосполнимые кадровые потери РККА в результате репрессий, неверие политического руководства в начало войны летом 1941 г. и др.) не назывались. Призывая советских людей «понять всю глубину опасности, которая угрожает стране», Сталин в своей речи раскрыл планы гитлеровцев в отношении СССР и населявших его народов: «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев <...> и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов»¹. Если отбросить надуманное утверждение о якобы имевшихся у национал-социалистов планах реставрации монархии на оккупированных землях (что являлось явным отголоском советской пропаганды первых лет революции), то все остальные положения сталинского выступления, раскрывающие характер и цели гитлеровской агрессии, соответствовали жестоким реалиям.

Обозначив в своем радиообращении первостепенные меры по перестройке страны на военный лад, организации производства в новых условиях, координации действий Красной армии и партизанских отрядов в тылу врага, И. В. Сталин в заключение сказал несколько слов о самом характере войны советского народа с немецким нациз-

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 12–13.

мом: «Войну с фашистской Германией нельзя считать обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой *всенародной* отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма <...>

Товарищи! Наши силы неисчислимы <...> Вместе с Красной армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа <...> Мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину – в нашей отечественной войне с германским фашизмом»¹.

Об огромном впечатлении, которое произвело на советских граждан выступление И. В. Сталина, можно судить по свидетельствам очевидцев тех событий. Писатель Илья Эренбург вспоминал: «Третьего июля рано утром мы слушали речь Сталина; он, видимо, волновался – слышно было, как он пил воду, да и начал он непривычно, назвал нас “братьями и сестрами”, “друзьями” <...> Все слушали молча <...> Днем я ходил по городу <...> На Пушкинской площади в витрине “Известий” висела большая карта. Москвичи мрачно смотрели на нее, потом расходились по домам. Кто знает, сколько было в каждом из нас недоумения, горечи, тревоги! Но нам было не до исторических оценок – фашисты рвались к Москве»². О своем восприятии речи Сталина писал позднее в мемуарах Александр Верг – корреспондент английской газеты «Санди таймс», находившийся в СССР в годы войны: «Прошло 12 невероятно долгих и тревожных дней, прежде чем к советскому народу обратился по радио сам Сталин <...> Это было поразительное выступление. Причем наиболее сильное впечатление произвели вступительные слова: “Товарищи! Граждане! Братья и сестры!” Эта речь, обращенная к встревоженным, а нередко испуганным и растерявшимся людям, оказала очень большое воздействие. Своим сравнительно коротким выступлением по радио Сталин не только создал надежду на победу, если не уверенность в ней, но и сформулировал в скупых, выразительных словах целую программу поведения всей нации в военное время. Он также апеллировал к национальной гордости, к патриотическим чувствам народа. Это был великий при-

¹ Там же. С. 15–16. Курсив мой. – А. К.

² Цит. по: *Вострышев М. И.* Москва сталинская. Большая иллюстрированная летопись. М., 2008. С. 410. Под «историческими оценками» Эренбург, очевидно, имел в виду прямую аналогию с событиями 1812 г., которую провёл Сталин в своем выступлении.

звывая себя в руки и быть готовым к тяжелым жертвам»¹. В сталинском выступлении говорилось об угрозе национального порабощения и уничтожения фашизмом культуры советских народов (русские как ведущая нация страны и славянские народы СССР упоминались первыми). Проводились исторические параллели с 1812 годом и агрессией кайзеровской Германии 1918 г. (при этом особо подчеркивалась роль союзнической коалиции в разгроме наполеоновской Франции). Обращение к событиям Отечественной войны 1812 г. и сравнение их с современностью уже прозвучали в речи В. М. Молотова 22 июня, в подготовке которой Сталин лично участвовал. Бóльшему эмоциональному воздействию на аудиторию выступления И. В. Сталина способствовал и личный авторитет советского вождя. Как справедливо отметил российский историк А. С. Горлов, «если в тридцатые годы Сталин был персонифицированным воплощением советского социализма, то во время войны его имя было превращено в символ патриотического дела»².

Уже с первого дня войны изменился характер работы советского Агитпропа. Выступления В. М. Молотова и И. В. Сталина во многом определили направленность идеологической политики. Защита Родины, патриотизм, ненависть к фашистским захватчикам стали ведущими темами в советской пропаганде и политической работе в армии. В первые месяцы войны доминировали сюжеты Отечественной войны 1812 г., борьбы русского народа с агрессией Ливонского ордена 1241–1242 гг. и с германской интервенцией 1918 г. 22 июня 1941 г. на совещании в ЦК ВКП(б) были разработаны планы издания военно-патриотической литературы. Государственное учебно-педагогическое издательство было переориентировано на массовый выпуск книг и брошюр, призванных освещать «героизм русского народа в его историческом прошлом» (из произведений популярного характера назывались «Ледовое побоище», «Изгнание Наполеона из России», «Петр I и его времена»)³. В рекомендациях Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)⁴ в июле 1941 г. главное место отводилось лекциям и беседам о русском героическом прошлом. Среди тем, к примеру, предлагались биография адмирала П. С. Нахимова и оборона Севастополя. Вышла в свет книга «Полководец Кутузов (1745–1813)», открылась выставка о героическом прошлом русского народа

¹ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 2001. С. 78, 82.

² *Горлов А. С.* Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: институциональные и организационные аспекты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 22.

³ См.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. С. 350.

⁴ Далее – УПиА ЦК ВКП(б).

с отдельной экспозицией, посвященной событиям 1812 г.¹ 22 июня 1941 г. руководитель УПиА ЦК ВКП(б) Г. А. Александров дал указание Комитету по делам кинематографии в срочном порядке изменить репертуар кинотеатров и отводить главное место картинам оборонного («Если завтра война» и др.) и военно-исторического («Минин и Пожарский», «Суворов», «Чапаев», «Щорс» и др.) жанров². На следующий день на экраны страны были возвращены фильм «Александр Невский», а также антифашистские и антигерманские ленты³.

Авторы публикаций в советской прессе июня–августа 1941 г. ориентировались на пропагандистские установки предвоенного времени: советский патриотизм как главное идеологическое оружие в борьбе с внешним врагом, интернациональное братство народов СССР, верность социалистическим идеалам и защита завоеваний революции. Но по мере стремительно ухудшавшейся обстановки на фронтах и роста пораженческих настроений среди части населения страны «русский фактор» стал приобретать особое значение в официальной пропаганде. Русские и другие славянские народы составляли большинство (73 %) населения многонационального Советского Союза. Доля среди мобилизованных в 1941 г. в РККА составляла: русские – 61 %, украинцы – 19,6 %, белорусы – 4,1 % (итого 84,7 %)⁴. И воевать солдатам и генералам предстояло уже не за некие абстрактные идеалы, а чтобы защитить свою землю, своих родных, свою культуру, которые по планам гитлеровцев подлежали уничтожению. Большинство советских людей хотели отстоять те социальные завоевания, которые им дала социалистическая революция и новая власть. «Было бы, разумеется, слишком большим упрощением, – отмечал в своих мемуарах А. Верт, – считать (как считают некоторые), что это была “национальная” или даже “националистическая” война, и ничего больше. Нет, в этой национальной, народной войне советские люди сражались также за свою, советскую власть»⁵. Поэтому уже в первые месяцы войны, несмотря на отступление, тяжелейшие потери, миллионы бойцов, оказавшихся в плену, массовый народный героизм лучше всего подтвердил правильность нового идеологического курса 1930-х гг. Печать

¹ Попович Н. Советская политика по укреплению русского патриотизма и самосознания (1935–1945 гг.) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 471.

² Кино на войне: Документы и свидетельства. М., 2005. С. 89.

³ Вишневский В. Е. 25 лет советского кино в хронологических датах. М., 1945. С. 111.

⁴ Население СССР в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. М., 2001. Т. 2. С. 15; Шуктомов П. И. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970. С. 11.

⁵ Верт А. Россия в войне. С. 7.

делала главный упор на то, что Красная армия – восприимчива лучших воинских традиций старой русской армии, но уже как сила, защищающая подлинно народные государственный строй и власть. Газета «Красная звезда» писала в первые дни войны: «Германский фашизм бросил свои озверелые банды против нашей родины <...> Прошлое человечества знало немало завоевателей. Но сколько их было, зазнавшихся вояк, растерявших свою призрачную славу среди необъятных просторов нашей страны! Словно безумный метался по Европе Карл XII, бросая свою армию из одной войны в другую, до той поры, пока петровские полки не сокрушили его под Полтавой. Известна и судьба Наполеона, вознесшего своих орлов над покоренным полумиром и затем до крови ошипанных в Отечественной войне 1812 года. Такие и им подобные события происходили в те далекие времена, когда Россия была страной технически отсталой по сравнению с Западом. Какая же участь ждет врага теперь? Народная сила помножена ныне на все современные средства борьбы. У нас есть все, что необходимо для победы над врагом. Наше дело – правое! Красная армия, которая бьется за это дело, неразрывными узами связана с народом. От бойцов до военачальников она состоит из его сынов, служит ему, защищает его интересы, а значит, и свои собственные. Наш красноармеец борется не за иллюзию, не за мнимое отечество, а за свою подлинную родину <...> Воины Красной армии отстают свободу и честь своей родины. С ними – великое прошлое нашей страны, ее блистательные победы над врагами, ее герои, павшие за независимость и целостность родины. С ними – вечно живущие суворовские традиции русской армии, не раз громившей врагов и венчавшей свои знамена громкой славой»¹.

Войну Советского Союза против фашистских захватчиков советская печать сопоставляла с героическими событиями отечественной истории, а русский народ представлялся силой, сплывающей нации единой страны в борьбе с иноземными поработителями. Та же газета «Красная звезда» отмечала: «Не раз на нашу землю приходили вражеские орды, чтобы победить русский народ. Их авантюры неизменно кончались крахом. В Отечественной войне 1812 года русский народ истребил цвет наполеоновской армии, вторгшейся в Россию <...> Свыше ста лет назад весь народ воевал на стороне русских полков, защищавших независимость и достоинство России». При этом русский национальный патриотизм проецировался и на события недавнего времени – война с белогвардейцами и иностранными интервентами также называлась отечественной: «Гражданская война 1918–1921 гг., в которой молодой и неокрепшей Красной армии противостояли вооруженные до зубов банды белогвардейцев и их иноземные покровители, закончилась славной победой, потому что это была народная

¹ Красная звезда. 1941. 26 июня.

война, война освободительная, отечественная»¹. Об этом же писал и А. Н. Толстой в своей статье «Что мы защищаем»: «Немецкие армии, гонимые в бой каленым железом террора и безумия, встретились с могучей силой умного, храброго, свободолюбивого народа, который много раз за свою тысячелетнюю историю мечом и штыком изгонял с просторов родной земли наезжавших на нее хазар, половцев и печенегов, татарские орды и тевтонских рыцарей, поляков, шведов, французов Наполеона и немцев Вильгельма <...> В отечественной войне девятьсот восемнадцатого – двадцатого годов белые армии сдавили со всех сторон нашу страну, и она – разоренная, голодная, вымирающая от сыпного тифа – через два года кровавой и, казалось бы, неравной борьбы разорвала окружение, изгнала и уничтожила врагов <...> Народ черпал силу в труде, озаренном великой идеей, в горячей вере в счастье, в любви к родине своей»². В другой своей статье «Армия героев» советский писатель назвал РККА русской армией, призванной освободить народы от гитлеризма. А. Н. Толстой подчеркивал: «Красная армия своей стальной мощью, своей храбростью, высоким духом патриотизма, благородства и бескорыстия высоко передо всем миром подняла на свои знамена имя русского <...> Русский станет именем, которое дети с колыбели привыкнут благословлять, как избавителя от удушающего смертельного кошмара фашизма»³.

Конечно, многие материалы советской прессы отличались излишней патетикой и в первые дни войны зачастую носили даже несколько бравурный характер. Но по законам пропагандистской политики такое освещение событий на фронте было необходимо для поднятия боевого духа в армии, воспитания ненависти к врагу, героизма, уверенности в неизбежной победе у советских людей.

Новая тактика, предписанная Коминтерну еще накануне войны, и необходимость переориентации деятельности коммунистических партий на поддержку сражающегося Советского Союза были изложены в рекомендациях И. В. Сталина Г. Димитрову 22 июня 1941 г. Сталин указывал: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. – Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы»⁴. Однако инерция прежнего пропагандистского под-

¹ Красная звезда. 1941. 28 июня.

² Правда. 1941. 27 июня.

³ Красная звезда. 1941. 9 июля.

⁴ Цит. по: *Байерляйн Б.* «Предатель – ты, Сталин!» Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941): утраченная солидарность левых сил. М., 2011. С. 445.

хода, делавшего упор на «классовую солидарность пролетариата» воюющих, сторон давала о себе знать. «Интернационалистские» иллюзии нашли, к примеру, свое выражение в «Открытом письме к немецкому народу» (август 1941 г.) – документе, созданном советским Агитпропом и предназначенном населению Германии и прежде всего солдатам вермахта. В листовке говорилось: «Немецкие рабочие и крестьяне! Германские солдаты! Отказывайтесь воевать за чуждые вам интересы! Свергайте иго богачей, наживающихся на вашей крови! <...> Солдаты и летчики! Не стреляйте в Красную армию, армию рабочих и крестьян! <...> Немецкие солдаты! Переходите на нашу сторону <...> Солдаты германской армии! Поверните ваше оружие против действительных врагов немецкого народа – Гитлера и его своры!»¹ Другая листовка, обращенная к немецким рабочим, взывала к чувствам классовой солидарности и памяти о революционных традициях пролетариата Германии: «Было время, когда русские рабочие многому учились у немецких рабочих. Когда-то германские рабочие шли во главе рабочих других стран <...> Поворачивайте оружие против Гитлера. Так вы измените “суровые законы войны” на пользу немецким рабочим, на благо германского народа, на счастье Германии»². Подобные воззвания забрасывались и в другие национальные войска гитлеровской коалиции (к румынам, финнам и т. д.), но эффект был минимальным: лишь мизерное количество солдат и офицеров сдавалось в плен добровольно, под воздействием такой агитации. Это доказывало, что прежние пропагандистские подходы, действенные в период Первой мировой войны и революции, давно себя изжили. «Вы в одну листовку хотите всадить весь марксизм-ленинизм» – такая оценка советской «классовой» пропаганде давалась немногочисленными немецкими перебежчиками. Национальный характер войны нашего народа против германского фашизма стал уже неоспоримым фактом. Окончательно отказавшись от абстрактных лозунгов, советский идеологический аппарат теперь всецело сосредоточился на пропаганде патриотической идеи – единственно возможной и эффективной в военных условиях. Тезис о дружбе народов СССР не только не был потеснен русской патриотической идеологией, но и стал ее надежным подкреплением. При этом русская тематика была представлена на страницах армейских изданий и прежде всего газеты «Красная звезда» (что вполне объяснимо, если принять во внимание этнический состав РККА) более широко, чем в «Правде», являвшей-

¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 299–300.

² Там же. С. 303–304.

ся партийным органом, призванным придерживаться принципов интернационализма и государственного патриотизма¹.

Мощным оружием внешнеполитической пропаганды, по замыслу советского Агитпропа, также должна была стать идея общеславянской солидарности в борьбе с немецко-фашистской тиранией. По решению ЦК ВКП(б) в Москве 10–11 августа был проведен Первый Всеславянский радиомитинг, в котором приняли участие известные общественные деятели, ученые, писатели СССР и славянских европейских стран – Алексей Толстой, Александр Корнейчук, Янка Купала, Ванда Василевская, Зденек Неядлы и др. Главной целью митинга, как подчеркивали его участники, было объединение славянских народов ради «уничтожения немецко-фашистского гнета». В воззвании ко всем угнетенным славянским народам мира от имени Всеславянского радиомитинга говорилось: «У нас одна задача и одна цель – разгром гитлеровских армий и уничтожение гитлеризма. У нас одно горячее и всеобъемлющее стремление, – чтобы славянские, также как и все другие народы, мирно и свободно развивались в рамках своей государственности». При этом подчеркивалось, что организаторы митинга являются противниками панславизма, как «насквозь реакционного течения, глубоко враждебного высоким задачам равенства народов»². На специальной сессии Отделения истории АН СССР обсуждались вопросы борьбы славян против фашистской агрессии, при этом в докладах особый упор делался на историческую и этнокультурную общность славянских народов³. В советской печати был опубликован цикл статей, повествующих о многовековой экспансии немцев за счет славянских земель, об агрессивной политике, направленной против славянских народов, прежде всего русских, украинцев, белорусов, об антиславянской сути нацизма⁴. 5 октября 1941 г. в Москве по инициативе ЦК партии будет учрежден Всеславянский комитет из представителей славянских народов СССР и европейских

¹ См.: Советский народ сплочен и един, как никогда! // Правда. 1941. 16 июля; Великая дружба народов СССР // Правда. 1941. 29 июля.

² Борьба славянских народов против фашизма. Свердловск, 1942. С. 12.

³ См.: *Гордина Е. Д.* История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны. URL: <http://pish.ru/blog/articles/articles2010/648>

⁴ См.: *Гладков Ф.* Фашизм – смертельный враг русского народа // Красная звезда. 1941. 25 июля; *Демидов К.* Изверг Гитлер – лютый враг украинского народа // Красная звезда. 1941. 7 августа; *Янка Купала.* Германский фашизм – злейший враг белорусского народа // Правда. 1941. 18 июля. Краткий обзор истории славянских народов привел в своей статье руководитель Агитпропа Г. Ф. Александров. Славяне // Правда. 1941. 21 августа.

стран, оккупированных Германией. Возглавит этот координирующий орган генерал-лейтенант А. С. Гундоров¹.

В тяжелейшие осенние месяцы 1941 г., когда враг угрожал Москве, когда началась блокада Ленинграда и большая часть европейской территории СССР оказалась оккупированной немцами, русская патриотическая идея и вдохновляющие на подвиг героические примеры отечественной истории стали ведущими направлениями советской пропаганды. Об изменившихся приоритетах идеологической политики, обусловленных объективными военными причинами и особенностями национальной психологии сражающегося за свою Родину народа, сделал откровенное признание И. В. Сталин в беседе с американским представителем в СССР А. Гарриманом в сентябре 1941 г.: «У нас нет никаких иллюзий, будто бы они сражаются за нас. Они сражаются за мать – Россию»². В другом варианте это откровение советского вождя звучало следующим образом: «Мы знаем, что народ не хочет сражаться за мировую революцию <...> Может быть, будет сражаться за Россию»³.

В патриотической и военно-исторической пропаганде осени 1941 г. одно из главных мест по-прежнему отводилось событиям войны 1812 г. В Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина открылась выставка об этапах русской героической истории начиная с X в., со специальной экспозицией, посвященной войне России с Наполеоном. В осажденной Москве с успехом демонстрировалась пьеса «Фельдмаршал Кутузов», о великом полководце издавались книги и популярные брошюры для красноармейцев. 9 декабря 1941 г. по радио транслировали симфонию П. И. Чайковского «1812 год». Как отмечает российский историк А. Э. Ларионов, «образ войны 1812 года активно внедрялся в сознание бойцов и командиров, защищавших столицу, для укрепления их морального духа посредством инкорпорирования в сознание чувства исторической преемственности с героями 1812 г.»⁴. В этом отношении особенно знаменателен эпизод, имевший место в решающие дни битвы за Москву. 15–17 октября воины 32-й стрелковой дивизии полковника В. И. Полосухина героически отражали натиск гитлеровских орд и удерживали бородинский рубеж, сражаясь под знаменами своих ве-

¹ Об истории Всеславянского комитета подробнее см.: *Кикешев Н. И.* Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. М., 2008.

² Русские шли волна за волной: Беседа американского профессора Урбана с бывшим послом в СССР А. Гарриманом // *Родина*. 1991. № 6. С. 49.

³ Цит. по: *Немолаевский Б. И.* Тайные страницы истории. М., 1995.

⁴ *Ларионов А. Э.* Патриотическое наследие 1812 года в советской идеологии и пропаганде периода Великой Отечественной войны // *Гуманитарный вестник*. Балашиха. 2012. Вып. 2. С. 116.

ликих предков 1812 г. (эти штандарты русской армии были взяты из музейных фондов и торжественно вручены командирам полков перед боем). Героические образы 1812 г. будут популяризироваться и после контрнаступления под Москвой, советская пропаганда будет проводить прямые аналогии между событиями двух отечественных войн.

Одним из наиболее эффективных художественных средств массовой агитации стал плакат. Можно обозначить три главных тематических направления плакатной графики первого года войны: 1) антифашистское, изобличающее агрессора и призывающее к уничтожению немецких захватчиков (к числу наиболее ярких примеров относятся плакаты Д. А. Шмаринова «Раздавите фашистское чудовище» и А. А. Кокорекина «Бей фашистского гада»); 2) советско-патриотическое, содержащее призыв к защите социалистической Родины (знаменитый плакат И. М. Тоидзе «Родина-мать зовет!»). Качественно новым идеологическим содержанием отличались плакаты, в которых Великая Отечественная война сравнивалась с русским героическим прошлым, проводилась идея исторической преемственности. Великие русские полководцы, вырвавшие исполинами за спинами идущих в атаку красноармейцев как бы благословляли их на ратный подвиг. Таковы образы А. В. Суворова на плакате В. Иванова «Бей, коли, гони, бери в полон!», М. И. Кутузова на плакате В. Иванова и О. Буровой «Советские войска на Бородинском поле под прозорливым взглядом М. И. Кутузова», Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского на плакате В. Корецкого «Наши силы неисчислимы» и др. Знаменитые высказывания этих исторических деятелей соседствовали со словами И. В. Сталина из его речи на параде 7 ноября (что послужило отправной точкой к массовому выпуску военно-исторических плакатов в решающие недели битвы за Москву). Наибольшей популярностью пользовался плакат Кукрыниксов «Суворовцы-чапаевцы» («Бьемся мы здорово, колом отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева»), где идея преемственности русских и советских боевых традиций была отражена с особой силой. И. В. Сталину очень понравился текст поэта С. Я. Маршака к этому художественному шедевру: «Когда плакат “Бьемся мы здорово” принесли Сталину, тот долго ходил вокруг стола, что-то напевал, доволен был и говорил: – Маршак – орел! Орел Маршак!»¹ Следует подчеркнуть, что разнообразные и яркие формы массовой агитации (посредством боевой публицистики, произведений художественной литературы, изобразительного искусства, кино) имели большое значение для воспитания чувства патриотизма у красноармейцев и рядовых граждан, они рассказывали о чудовищных злодеяниях фа-

¹ Я думал, чувствовал, я жил. Воспоминания о Маршаке. М., 1988. С. 395.

шистов, играли огромную мобилизующую роль в борьбе с врагом. Но главным носителем патриотической идеи являлся сам многонациональный народ и прежде всего русское и славянское население страны, принявшее на себя основной удар гитлеровских полчищ и боровшееся вместе с другими советскими народами за освобождение своей земли от немецких поработителей.

Наиболее отчетливо новый руссоцентристский курс был обозначен в докладе И. В. Сталина к 24-й годовщине Великой Октябрьской революции 6 ноября 1941 г. Говоря о программе и кровавых деяниях гитлеровцев на советской территории, их ненависти к народам и национальной культуре, Сталин отметил: «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова»¹. Если в этом выступлении говорилось преимущественно о деятелях русской дореволюционной науки и культуры, то в следующей своей речи на параде 7 ноября на Красной площади перед войсками, уходящими на фронт, Сталин назвал именно русских полководцев, долженствующих служить великим примером героизма для каждого советского воина. Верховный главнокомандующий обратился к красноармейцам со словами: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»² Примечательно, что, кроме В. И. Ленина, не было упомянуто ни одного советского государственного деятеля или прославленного военачальника – все из перечисленных имен представляли русское дореволюционное прошлое, а многие являлись искренними охранителями самодержавия и даже носителями «власти эксплуататоров». В. И. Ленин же в этом списке имен фактически был представлен как великий государственный и защитник Отечества.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой еще более усилил руссоцентристские и патриотические мотивы советской пропаганды. Продолжали развиваться тема 1812 г. и прямые сравнения с победой советских войск. Российский историк М. В. Дацишина писала об этом: «Контрнаступление под Москвой зимой 1941–1942 гг. трактовалось советской пропагандой как аналогия поражения наполеоновской армии под Москвой в 1812 г., а Сталин выдвигал за-

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 28.

² Там же. С. 36.

дачу, перейдя в контрнаступление, “добить врага в его собственном логове”. В контексте парадигмы “отечественная война” актуализации темы войны с Наполеоном помогал и 130-летний юбилей Бородинского сражения в 1942 г., и то, что в начале 1942 г. было освобождено от немецких оккупантов село Бородино¹. На освобождение советскими войсками этого великого села, связанного с ратной славой русского народа, откликнулся Илья Эренбург статьей «Второй день Бородино» в газете «Красная звезда»: «Россия не забудет второй день Бородина <...> и доблестных красноармейцев, которые сказали своим славным предкам: мы вас не осрамили, мы отстояли Москву от проклятых чужеземцев»². Вместе с тем антигерманский характер советской пропаганды оставался определяющим. В апреле 1942 г. в СССР широко отмечалось 700-летие победы русских дружинников во главе с Александром Невским над тевтонскими рыцарями на Чудском озере. В советской периодической печати, в листовках, на плакатах образ немца ассоциировался с образом нациста, убийцы, насильника, и это соответствовало страшным реалиям войны, которую развязал гитлеризм, превратив великий народ в орудие агрессии.

В ракурсе сталинской политики временного отказа от принципа классовой войны, с дальнейшим ее перенесением на территорию противника, следует рассматривать приказ № 278 от 10 декабря 1941 г. начальника ГлавПУР РККА³ Л. З. Мехлиса о замене лозунга армейских газет и листовок «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на «Смерть немецким оккупантам!». Главпур мотивировал замену тем, что традиционный коммунистический лозунг в условиях войны за государственную независимость «может неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих»⁴. После ноябрьских выступлений И. В. Сталина в советской прессе появилось немало материалов, возвеличивавших русское прошлое, русский народ и отдававших ему первенство в национально-государственной жизни. Особого внимания заслуживают статьи партийных функционеров – историка Е. М. Ярославского и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК А. С. Щербакова, которые должны были конкретизировать официальную позицию по русскому вопросу для широких слоев населения. В публикации Емельяна Ярославского большевики были названы «законными наследниками великого и славного прошло-

¹ Дацишина М. В. Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 149.

² Красная звезда. 1942. 24 января.

³ Главное политическое управление Рабочее-крестьянской Красной армии.

⁴ Родина. 1991. № 6/7. С. 75.

го русского народа», а роль русских в Советском государстве была, в определенном смысле, сопоставлена с ролью партии¹. Александр Щербаков, развивая известный тезис 1936 г. о русском народе как «первом среди равных» советских народов, указал на особую роль русских в войне с фашизмом: «Русский народ – первый среди равных в семье народов СССР – выносит на себе основную тяжесть борьбы с немецкими оккупантами»². Термин «старший брат» (впервые применен в декабре 1937 г.) стал использоваться в пропаганде с лета 1942 г.

По мнению российского историка Ф. Л. Сеницына, «пропаганда русского национального фактора в период с февраля по май 1942 г. была ослаблена»³. Как отмечает исследователь, это объяснялось уверенностью большевистского руководства, что окончательный перелом в войне наступил и 1942 г. будет годом ее окончания. Однако новое наступление немецко-фашистских войск в мае, поражения Красной армии в Крыму и под Харьковом, развернувшееся в июне наступление противника к Волге и нефтяным районам Кавказа заставили советских руководителей не только вернуться к прежней идеологической линии, но и максимально усилить ее. Это отразилось как на кадровой политике (смещение Л. З. Мехлиса с ключевого для армейской пропаганды поста начальника Главного политуправления РККА в июне 1942 г. и замена его секретарем ЦК ВКП(б) А. С. Щербаковым), так и на тематике, которую предполагалось использовать с целью более эффективного ведения патриотической пропаганды в армии и среди населения. Кроме «возвращенных» ранее героических страниц русской истории, уже готовилась и частичная «реабилитация» событий Первой мировой (русско-германской) войны. В записке начальника УПиА ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова и его заместителя П. Н. Федосеева от 20 июля 1942 г. на имя А. С. Щербакова предлагалось «отметить в печати» 28-ю годовщину мировой войны. Среди тем, подлежащих освещению, предлагались следующие: «Захватнические устремления германского разбойничьего империализма», «Роль русского фронта в Первой мировой войне», «Брусилловский прорыв в 1916 г.»⁴. И хотя данное предложение не было принято, сам факт подобной инициативы свидетельствовал о том, что в высших партийных структурах возникло желание дать иную оценку некоторым событиям войны 1914–1918 гг., ранее представлявшимся в сугубо негативном све-

¹ Правда. 1941. 27 декабря.

² Доклад А. С. Щербакова 21 января 1942 года. Большевик. 1942. № 2. С. 10.

³ Сеницын Ф. Л. За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 16.

⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 368.

те. Вскоре имя А. А. Брусилова прочно займет место рядом с наиболее почитаемыми в СССР военачальниками дореволюционной России, а после 1945 г. он будет признан «выдающимся полководцем русской армии» и «одним из последних представителей традиционной суворовской школы», а его знаменитый прорыв австро-венгерского фронта в 1916 г. – «началом перелома в ходе первой мировой войны»¹. Более интенсивным и разнообразным стало издание массовой литературы о национальном героическом прошлом и выдающихся личностях русской истории. Статья в «Правде» от 13 августа 1942 г. положила начало целой серии публикаций о русских полководцах (Александре Невском, А. В. Суворове и др.). В связи со 130-летием Бородинского сражения УПиА ЦК ВКП(б) обратилось к А. С. Щербакову с предложением широко отметить эту дату в печати. Подчеркивалась необходимость показать в предполагавшихся статьях «патриотизм, мужество и стойкость русских людей в отечественной войне 1812 г., значение Бородинской битвы как начала конца “непобедимой” армии Наполеона, крушение наполеоновских планов мирового господства в результате самоотверженной борьбы русского народа»². Среди тем планировалось осветить следующие: «Героические подвиги русского народа в отечественной войне 1812 г.», «Великий русский полководец Кутузов и Бородинское сражение», «Полководцы отечественной войны 1812 г. (Багратион, Раевский и др.)», «Партизаны отечественной войны 1812 г. (Денис Давыдов, Фигнер, Сеславин, Василиса Кожина и др.)»³. После одобрения данной инициативы в советской прессе развернулась кампания по празднованию юбилея битвы.

В городах и селах Советского Союза, на фронте широко демонстрировались фильмы по историко-патриотической тематике, снятые еще до войны («Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Суворов» и др.), боевые киноальбомы, ставились спектакли по пьесам советских авторов о русских полководцах («Суворов», «1812 год», «Фельдмаршал Кутузов» и др.). В крупных городах устраивались выставки, посвященные годовщинам знаменательных событий отечественной истории, русским военачальникам, народным героям, дореволюционным деятелям культуры. Массовыми тиражами для фронта и советских граждан – тружеников тыла издавались популярные книги и брошюры о русских полководцах и охранителях державы (например, «Дмитрий Донской», «Петр Первый» В. Мавродина, «Александр Невский» С. Аннинского, «Михаил Кутузов» В. Качанова и др.).

¹ См.: Таленский Н. А. Брусиловский прорыв 1916 года // Героическое прошлое русского народа. М., 1946. С. 134, 150.

² Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 386.

³ Там же.

На основе директивы Главпура от 25 мая 1943 г. о воспитании советского патриотизма на примерах национальной истории в том же году Воениздатом была выпущена книга «Героическое прошлое русского народа», содержащая курс лекций, в которых в доходчивой и увлекательной форме рассказывалось о знаменитых битвах и полководцах от Александра Невского до Брусиловского прорыва. Отдельная лекция была посвящена борьбе советских народов с немецкими оккупантами в 1918 г. Переиздавались исторические романы А. Н. Толстого, В. И. Костылева, В. Г. Яна. Появятся и художественные произведения о русском человеке – участнике войны с фашизмом, защитнике своей советской Родины («Русские люди» К. М. Симонова, «Русский характер» А. Н. Толстого, «Секретарь райкома» И. Прута, «Нашествие» Л. М. Леонова, патриотические стихи и песни А. А. Суркова, А. Т. Твардовского, М. М. Исаковского, А. И. Фатьянова, популярные на фронте и в тылу). Неизменным успехом продолжали пользоваться у массовой аудитории произведения русских дореволюционных писателей и постановки по ним, народный фольклор, отечественная классическая музыка. Выездные бригады советских артистов давали на фронте концерты, в репертуаре которых ведущее место отводилось произведениям патриотической тематики. По понятным причинам была затруднена пропагандистская работа в тылу врага, в партизанском подполье, но и она давала свои качественные результаты¹.

Как отмечает американский историк Д. Л. Бранденбергер, на фронте «наибольшим спросом пользовались романы и рассказы дореволюционных и советских писателей, а также документальная и историко-биографическая литература – от “1812” и “Крымской войны” до “Наполеона” и “Нахимова”»². О степени воздействия на сознание красноармейцев этих и других произведений разных жанров можно судить по фронтовым письмам военнослужащих РККА, отправленным родным и друзьям в Тамбовскую область. Приведем лишь некоторые фрагменты: «Мы отомстим, отвоюем, не отдадим на поругание русскую землю, не раз кровью и потом обильно политую нашими предками. Не осрамим на поле битвы отцов, дедов, прадедов наших, не раз отстоявших грудью великую и могучую Русь от нашествия многочисленных врагов при Александре Невском, Дмитрие Донском, Кутузове, Суворове, при Смутном и великом времени Минина и Пожарского <...> Я буду бить, уничтожать фашистских гадов всеми своими силами и всеми доступными средствами в великой,

¹ Более подробное описание форм, методов и тематики патриотической пропаганды в годы Великой Отечественной войны см. в специальном исследовании: *Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. С. 160–209.*

² Там же. С. 191.

освободительной, отечественной войне, чтобы не посрамить оружия русского» [Старший лейтенант В. А. Пустырев]; «Семьсот лет назад наш великий русский полководец Александр Невский говорил: “Кто с мечом к нам войдет, тот от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет земля русская”. Немецко-фашистские захватчики пришли к нам с мечом. От меча и погибли, они будут истреблены огнем и штыком, они будут раздавлены и уничтожены танками и самолетами, созданными руками советских людей» [Лейтенанты Овдин и Субочев]; «Свободолюбивый русский народ будет изнывать в рабстве и вырождаться <...> Наша национальная культура будет уничтожена <...> История сбросит нас со своих страниц как недостойных. Можем ли мы, потомки Невских, Мининых, Суворовых, Кутузовых, Чапаевых, допустить это? Нет, нет, сто раз нет» [Гвардейский офицер В. Семенов]¹. Искренность авторов этих писем не подлежит сомнению – слишком велика была ненависть к врагу. Конечно, не только одна патриотическая пропаганда вдохновляла солдат и командиров на подвиги и самопожертвования. Но степень ее влияния на формирование национального самосознания и стремления проецировать героические события своей истории на современность едва ли стоит преуменьшать. Принимая во внимание многонациональный состав РККА, Главпур выпускал и литературу о выдающихся исторических деятелях и полководцах других народов СССР. Большой популярностью на фронте пользовались издания о героях Гражданской войны (Чапаеве, Котовском, Щорсе)². Несмотря на сильный патриотический «вектор» политико-пропагандистской работы, прежде всего она базировалась на коммунистической идеологии.

Наряду с официальной линией, подчеркивающей ведущую роль русских в борьбе с фашизмом, была максимально усилена и пропагандистская работа с красноармейцами – представителями других национальностей СССР. Идея дружбы и боевого братства советских народов оставалась главенствующей. Вот что пишет об этом историк Ф. А. Синицын: «17 сентября 1942 г. Главное политуправление Красной Армии издало директиву “О воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности”». К воинским подразделениям были прикомандированы агитаторы, владеющие национальными языками, была осуществлена массовым тиражом публикация политической и художественной литературы на национальных языках. В 1942–1943 гг. в действующей армии издавались 50 газет на национальных языках. Воины русской национальности постоянно призывались “крепить дружбу с красноармейцами

¹ Там же. С. 194.

² Там же. С. 193.

нерусской национальности»¹. С целью еще большего утверждения в массовом сознании тезиса о ведущей роли «старшего брата» в жизни государства и в военном противостоянии гитлеровской агрессии, пропагандисты в следующем, 1943 г. обратились к практике публикаций «писем» народов СССР к своим соплеменникам, служащим в рядах Красной армии. Как отмечает далее Ф. А. Сеницын, «в период с февраля по август 1943 г. было выпущено значительное число таких “писем”, которые выражали “любовь к великому русскому народу”, благодарность за его помощь, признавали его “старшим братом” и “желанным собратом”, апеллировали к исторической “боевой дружбе” с русскими, утверждали, что угроза “Великой Русской земле” “всегда была угрозой и нам”². На некоторых плакатах военных лет русские красноармейцы идут в атаку плечом к плечу с бойцами других национальностей СССР (например, на плакате И. М. Тоидзе «За Родину-мать!», 1943). Но изображения советского солдата прежде всего как русского воина в агитационной художественной графике преобладали.

С началом наиболее упорных боев на Южном фронте Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1942 г. учреждаются ордена Александра Невского, Суворова и Кутузова. Эта мера не только была призвана поддержать патриотический дух советских воинов, но еще раз показать неразрывность боевых традиций русского народа и сражающейся Красной армии. Позднее будут учреждены ордена Богдана Хмельницкого (10 октября 1943 г. – в разгар битвы за Днепр), ордена и медали Ушакова и Нахимова (3 марта 1944 г.)³.

Решающие месяцы Сталинградской битвы также ознаменовались рядом важных нововведений в Красной армии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. упразднился институт военных комиссаров и восстанавливалось традиционное для армии единоначалие. Вместо должности военного комиссара была учреждена должность заместителя командира по политической части. Теперь на командиров возлагалась ответственность за все стороны армейской работы. Еще более знаменательным событием стало введение новых знаков различия в РККА. 6 января 1943 г. был подписан Указ

¹ Сеницын Ф. А. За русский народ! С. 31.

² Там же. С. 33.

³ В 1944 г. предполагалось также учреждение орденов Дениса Давыдова (для партизан), Николая Пирогова (офицерам-медикам), Петра Великого и официальное разрешение участникам Первой мировой войны ношения Георгиевских крестов. Однако эти проекты осуществлены не были из-за опасения развития «националистических тенденций» в наградном деле, см.: Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 198.

Верховного Совета «О введении погон для личного состава Красной Армии», 15 января вышел приказ Народного Комиссара Обороны об изменениях в форме одежды РККА. Погоны, являвшиеся неотъемлемым атрибутом формы русской императорской армии, теперь были введены в советских войсках¹. Это решение свидетельствовало о намерении власти опираться на старые воинские традиции. В одном из армейских изданий отмечалось: «Надевая погоны, Красная армия и Военно-Морской Флот тем самым подчеркивают, что они являются преемниками и продолжателями славных дел русской армии и флота»². После введения погон было восстановлено и звание офицера. Необходимо отметить, что осуществление мероприятий по возрождению в РККА старых армейских традиций началось еще до войны, однако именно в ее первые два года приобрело характер реальной организационной и политической линии. 7 мая 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР устанавливались генеральские звания, 23 июня 1941 г. была создана Ставка главного командования, 8 августа 1941 г. введен пост Верховного главнокомандующего, 18 октября 1941 г. несколько советских стрелковых дивизий были преобразованы в гвардейские, а 21 мая 1942 г. учреждаются гвардейские звания, особые нагрудные знаки и знамена. В том же ракурсе следует рассматривать и другие правительственные меры, направленные на восстановление некоторых институтов дореволюционного прошлого. 16 июля 1943 г. вышло постановление СНК СССР «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных республик и крупных промышленных городов», также вводилась школьная форма по типу формы учащихся дореволюционных гимназий и реальных училищ. 21 августа 1943 г. руководством страны принимается решение об учреждении военных суворовских, а в октябре и нахимовских училищ для юношей по типу старых кадетских корпусов. В 1943–1944 гг. было создано 17 суворовских училищ, в организации которых активное участие принял А. А. Игнатьев, бывший полковник Генерального штаба царской армии, генерал-лейтенант РККА. Указом Президиума Верховного Совета от 4 сентября 1943 г. вводились персональные форма, звания и новые знаки различия для личного состава железнодорожного транспорта, а 16 сентября того же года постановлением СНК форменная одежда была введена для работников органов прокуратуры и дипломатической службы.

¹ Решение о введении новых знаков различия в РККА было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 23 октября 1942 г.

² Цит. по: *Синицын Ф. Л.* За русский народ! С. 27.

Закономерным следствием сталинской тактики переориентации деятельности коммунистических партий в сторону национально-освободительной борьбы и против фашизма, а также стремления советского руководства укрепить отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции стал роспуск в мае 1943 г. «штаба мировой революции» – Коминтерна. Подобный шаг, неожиданный для многих участников международного комдвижения, И. В. Сталин мотивировал на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 21 мая следующим образом: «Опыт показал, что и при Марксе, и при Ленине, и теперь невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного международного центра. Особенно теперь, в условиях войны, когда компартии в Германии, Италии и других странах имеют задачи свергнуть свои правительства и проводить тактику пораженчества, а компартии СССР, Англии и Америки и другие, наоборот, имеют задачи всемерно поддерживать свои правительства для скорейшего разгрома врага. Есть и другой мотив для роспуска КИ, который не упоминается в постановлении. Это то, что компартии, входящие в КИ, лживо обвиняются, что они являются якобы агентами иностранного государства, и это мешает их работе среди широких масс. С роспуском КИ выбивается из рук врагов этот козырь. Предпринимаемый шаг несомненно усилит компартии как национальные рабочие партии и в то же время укрепит интернационализм народных масс, базой которого является Советский Союз»¹.

Коренной перелом в войне определил дальнейшее усиление руссоцентристских тенденций в официальной пропаганде. Главным инициатором и проводником этой политической линии был И. В. Сталин. В день победы под Сталинградом, 2 февраля 1943 г., советский лидер решил развить тезис о ведущей роли русских в войне с фашизмом и в интернациональном сплочении народов, противоположном расистскому принципу «избранных наций». В своем тосте, произнесенном на обеде в честь монгольской делегации, Сталин подчеркнул:

Наша сила, сила большевиков, сила нашего народа и наших союзников-антифашистов заключается в опоре на дружбу народов. Слабая сторона наших противников-фашистов заключается в господстве некоторых «избранных» наций <...>

Русский народ первым вырвался из цепей капитализма, первым установил Советскую власть.

Русский народ породил Ленина. Все советские народы равноправны, но среди равноправных бывают первые. Русский народ является первым среди равных. Нет ни единого народа, который вынес бы столько тягот в этой войне, как русский народ.

¹ Цит по: *Фирсов Ф. И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 35.

За русский народ, породивший величайшего из великих людей Ленина!
За русский народ, научивший советские народы жить в дружбе!¹

Еще за месяц до этого, 10 января 1943 г., Политбюро ЦК ВКП(б) поддержало И. В. Сталина в том, что «общая политическая и военная обстановка требует еще более резкого курса на патриотизм и русский национализм»². О намерении советского вождя придать русскому фактору ведущее значение в национальной политике СССР свидетельствует следующее сталинское признание: «Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы его всегда правильно решали <...> Это проклятый национальный вопрос <...> Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране – великая великорусская нация <...> Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом»³.

Еще одним решительным шагом власти в сторону частичного восстановления низвергнутых революцией социально-духовных институтов стала нормализация отношений с Русской православной церковью. Эта мера была продиктована сугубо прагматическими соображениями, поскольку многие граждане СССР (в том числе и военнослужащие) оставались верующими, а количество православных доминировало по сравнению с представителями других конфессий. Кроме того, необходимо было продемонстрировать перед союзниками готовность пойти на определенные уступки в этом вопросе (как и в случае с роспуском Коминтерна), при условии скорого открытия Второго фронта. Не меньшее значение для властей представляли внешнеполитические связи РПЦ. По утверждению Э. И. Лисавцева (инструктор ЦК КПСС, курировавший в 1960–1980-е гг. религиозные вопросы), первая краткая встреча митрополита Сергия с И. В. Сталиным состоялась еще в июле 1941 г.⁴ Определенной уступкой Церкви можно считать передачу ей в 1942 г. типографии уже фактически не функционирующего Союза воинствующих безбожников. В том же году властью было дано разрешение на проведение в Москве пасхальных крестных ходов. В январе 1943 г. митрополит Сергей отправил телеграмму на имя Сталина с просьбой разрешить открытие специального счета, на который вносились бы деньги с приходов для оборонных нужд. В ответной телеграмме И. В. Сталин дал согласие и выразил от лица Красной армии благодарность Церкви за ее патриотическую

¹ Застольные речи Сталина. С. 333.

² Цит. по: *Вдовин А. И.* Русские в XX веке. С. 200.

³ Там же.

⁴ *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 185.

позицию и помощь фронту¹. 4 сентября в Кремле состоялась встреча Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), на которой также присутствовали В. М. Молотов и полковник госбезопасности Г. Г. Карпов. В ходе беседы глава правительства положительно отозвался о проводимой РПЦ патриотической работе, отметив, что в многочисленных письмах, приходящих в Совнарком с фронта и из тыла, советские люди дают высокую оценку позиции Православной церкви и ее деятельности за прошедшие два года войны. Результатом встречи стала договоренность о проведении Архиерейского Собора для избрания Патриарха. Кроме того, были приняты решения об открытии части православных храмов для богослужения, об издании ежемесячного журнала Патриархии, об открытии семинарий и духовных академий с целью подготовки кадров священнослужителей и др.² На встрече с иерархами РПЦ также был затронут вопрос о священнослужителях, находящихся в заключении, и И. В. Сталин пообещал разобраться в каждом конкретном случае, поручив Г. Г. Карпову лично заняться этой проблемой³. Для регламентации деятельности РПЦ и более эффективного контроля над ней со стороны государства при СНК СССР учреждался специальный орган – Совет по делам Русской православной церкви, председателем которого назначили того же Г. Г. Карпова. 8 сентября на Архиерейском Соборе патриархом Московским и всея Руси был избран Сергей. Начался новый период в истории Русской церкви, связанный с ее относительным «признанием» атеистической властью и некоторыми послаблениями в религиозной политике.

О реакции западных СМИ на происходящие в Советском Союзе перемены в отношениях власти и Церкви красноречиво свидетельствовала статья «Великий прорыв: церковь выходит из катакомб», опубликованная во влиятельной американской газете «Тайм». Автор в велезначительных выражениях описывал первые разрешенные при Советской власти рождественские праздники: «Рождество 1943-го было самым радостным с 1916 года – последнего Рождества прошлой войны и прошлого порядка <...> Для русского духа это Рождество было исполнено торжественности не только из-за военных побед, но и по более глубинным причинам. Советское правительство, официально признав Русскую Православную Церковь и восстановив патриархию, вернуло Москве статус религиозной столицы 100 000 000 православных христиан (протестантов в России сравнительно мало) и уничтожило пропасть, которую в течение

¹ Там же. С. 185–187.

² *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России: XX век. С. 104–105.

³ Там же. С. 105.

25 лет большевики пытались создать между верующими и атеистами <...> Этот шаг позволил объединить европейских славян, живущих по берегам Дуная и на Балканах, и создать славянский религиозный континент, чьим центром является Россия, а метрополией – Москва. Станет или нет новый статус Русской Православной Церкви постоянным (а многое свидетельствует в пользу того, что станет), в любом случае этот тактический ход советского правительства вызвал к жизни перемены такого политического значения, что они непременно станут вехой в истории России и Европы, а, следовательно, и всего мира». Наряду с этим в статье высказывались опасения насчет долгосрочности нового курса сталинского руководства: «Советское правительство известно любовью к резким переменам политического курса. Долго ли продержится патриарх Сергей? Надолго ли вернулась Русская Православная Церковь в Россию? Или на нее обрушится новая волна гонений? В будущем может произойти много непредвиденного, и точного ответа на эти вопросы никто дать не может»¹. Конечно, сомнения автора статьи были понятны: коммунистическая власть не собиралась отказываться от атеизма как от одной из основ своей идеологии. В этом отношении показательно письмо Г. Ф. Александрова и П. Н. Федосеева к А. А. Жданову, относящееся к 1944 г. и указывающее на необходимость поиска новых форм антирелигиозной работы и правильной ориентировки партийных пропагандистов в сложившихся условиях. В документе отмечалось: «Патриотический подъем, охвативший в условиях Отечественной войны все слои населения СССР, в том числе и верующих, заставил также и подавляющую часть духовенства занять патриотическую позицию. В церквях совершаются молебствия о победе Красной армии, священники выступают с проповедями и воззваниями, зовущими верующих на борьбу с фашизмом, организованы сборы в фонд обороны страны. Церковь осудила ту часть духовенства в оккупированных немцами советских районах, которая продалась врагу и помогает гитлеровцам душировать советских людей <...> В нашей стране, несмотря на огромный рост атеизма и отход трудящихся от религии, церковь объединяет еще в своих рядах большие массы верующих, десятки миллионов людей <...> Тот факт, что церковники, как правило, заняли в своей деятельности антифашистскую, патриотическую позицию, является для нас положительным, выгодным фактом. В связи с этим и в отношении партии и советской власти к церкви произошли некоторые изменения <...> Однако это ни в коем случае не означает, что партия и советская власть меняет свое принципиальное отношение к религии и

¹ Time. December 27, 1943. URL: Ognev/Live journal. com/94744. htm/

церкви. Наше отношение к религии и церкви, основанное на учении марксизма-ленинизма о религии, как антинаучной идеологии, остается неизменным»¹. Хотя авторы письма подчеркивали необходимость «осторожного и вдумчивого подхода к делу антирелигиозной пропаганды», в частности, отказа от старых форм агитации, оскорбительных для чувств верующих-патриотов, они настаивали на дальнейшем «развертывании политико-воспитательной, разъяснительной работы в массах», которая, по их мнению, «являлась единственно надежным средством в борьбе с религией»². По сравнению с временами «воинствующего безбожия» 1920–1930-х гг. подобный подход к религии и верующим был, бесспорно, более гибким (влиятельный фактор войны), но нисколько не менял стратегической линии большевиков на окончательное устранение из общественной жизни так называемых религиозных пережитков.

Прагматическая и в целом благожелательная политика власти в отношении РПЦ в годы войны привела к частичному возрождению церковных институтов и фактической легализации деятельности духовного центра всех православных верующих в стране. К концу войны было открыто около 17 % церквей. По данным Совета по делам РПЦ, на 1 июня 1945 г. общее количество действующих храмов Патриархии составляло 10 243, также функционировало 104 монастыря. Число архиереев к январю 1945 г. достигло 41 (к началу 1946 г. – 61). Восстанавливались епархиальные управления, открывались архиерейские кафедры, были созданы условия для подготовки новых священнослужителей³. Роль Русской православной церкви в Победе над фашизмом была велика и многогранна. Достаточно привести лишь некоторые факты. Пожертвования священников и прихожан РПЦ в фонд обороны с 1941 по 1945 г. составили более 300 млн рублей. На средства Церкви и верующих были построены танковая колонна «Димитрий Донской» и авиационная эскадрилья «Александр Невский». Храмы собирали сотни тысяч и миллионы рублей на помощь фронту, подарки красноармейцам, прихожане отправляли бойцам теплые вещи, одежду, обувь. Все это было как частной инициативой, так и следствием патриотической агитационной и организаторской деятельности православных иерархов и рядовых служителей Церкви. В мае 1944 г. преемник Сергия на посту Патриарха, митрополит Ленинградский и Ладожский Алексей и его

¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 541–542.

² Там же. С. 546.

³ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 215.

сестра передали свою дачу под детский дом для детей погибших солдат и офицеров Красной армии. Многие священнослужители находились в действующей армии (например, С. М. Извеков – будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен, будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексей (Коноплев), протоиереи, дьяконы, клирики, монахини и игумены). До службы в армии был монахом герой Сталинградской битвы Я. Ф. Павлов. Православные священники активно участвовали и в партизанском движении. Тысячи верующих и представителей Церкви были награждены советскими орденами и медалями за героизм на фронтах великой войны и вклад в общенародное дело Победы над врагом¹.

Идея о ведущей, «державной» роли русского народа нашла свое выражение и в советской государственной символике. В результате изменения внешнеполитических ориентиров в условиях войны: отказа от стратегической линии на мировую революцию в ее первоначальном варианте, роспуска Коминтерна, продиктованного необходимостью налаживания более эффективного взаимодействия с западными союзниками по антигитлеровской коалиции, – старый гимн «Интернационал» по своему чисто коммунистическому идеологическому содержанию уже не мог соответствовать задачам патриотического сплочения нации. С 1942 г. началась работа по написанию Гимна Советского Союза. Многочисленные варианты текста и музыки прислались из республик необъятной страны на рассмотрение государственной комиссии, к созданию гимна были привлечены десятки известных поэтов и композиторов. Главным смысловым стержнем произведения должна была стать идея о государствообразующей роли русского народа, объединившего в единое целое советские нации. В некоторых вариантах гимна, предложенных комиссии, руссоцентристские мотивы преобладали. Так, в тексте поэта О. Я. Колычева, признанном одним из самых удачных, говорилось о России, собравшей воедино советские народы, но уже как «народы русской земли»: «Славься, Россия, наша Держава! // Славьтесь, народы русской земли! // Нашей Державы стяг величавый // Сквозь испытания мы пронесли. // Слава народам, в дружбе живущим! // Славься, Россия – дружбы оплот! // Славься, вовеки наш всемогущий, // Непобедимый русский народ»². В результате конкурсного отбора был утвержден вариант гимна с текстом, написанным поэтами С. В. Михалковым и Г. Эль-Регистаном, и с музыкой А. В. Александрова. Как известно, первые строки текста гимна великой страны подчеркивали роль исторической средневековой Руси и ее правопреемницы – новой, «советской Руси» в объедине-

¹ Васильева О. Ю. Русская православная церковь в Великой Отечественной войне. С. 531–532.

² Цит. по: Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 21.

нии обширных земель и народов: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». Советская пресса отмечала, что «строки <...> гимна ярко свидетельствуют о великой организующей и ведущей роли русского народа в жизни всех народов, входящих в состав Советского Союза»¹. В то же самое время автор публикации в американском издании «Тайм», наблюдавший за процессами, происходящими с СССР, констатировал: «Москва дала еще одно доказательство тому, что советский цикл от мировой революции к национализму завершен»². Новый Гимн Советского Союза впервые прозвучал по радио в новогоднюю ночь 1 января 1944 г. «Интернационал» с тех пор остался только партийным гимном ВКП(б).

Придание русскому фактору ведущего статуса в официальной патриотической пропаганде и государственной политике вызывало у фрондирующей части советской интеллигенции противоречивые чувства: от недоумения и тревоги, объясняемых возрождением «великодержавия», до надежд на помощь Запада в проведении «демократизации» в стране. О подобных настроениях свидетельствуют донесения информаторов НКВД, из которых приведем лишь некоторые фрагменты высказываний писателей, относящиеся к лету 1943 г.: «Уткин И. П., поэт, бывший троцкист: “Завершен логический путь, начатый с провозглашенной [Сталиным] политики “построения социализма в одной стране” <...> Из его социализма получилось чудовищное обнищание страны <...> Нужно спасти Россию, а не завоевывать мир <...> Теперь у нас есть надежда, что мы будем жить в свободной демократической России, ибо без союзников мы спасти Россию не сумеем, а значит, надо идти на уступки. А все это не может не привести к внутренним изменениям <...> Возьмите хотя бы название партии, отражающее ее идеологию: коммунистическая партия. Ничего не будет удивительного, если после войны она будет называться “русская социалистическая партия” <...> Мы еще увидим, как изменится государственная форма нашей жизни”. Никандров Н. П., писатель, бывший эсер: “Мы прошлым летом ждали конца войны и освобождения от 25-тилетнего рабства, в этом году, этим летом и произойдет освобождение, оно только произойдет несколько иначе, нежели мы думали. Большевизм будет распущен, как Коминтерн, под давлением союзных государств...” Светлов М. А., поэт, в прошлом участник троцкистской группы: “Раньше я думал, что мы дураки – мы кричали, что погибает революция, что мы пойдем на поводу у мирового капитала, что теория социализма в одной стране погубит советскую власть. Потом я решил: дураки мы, чего мы кричали? Ничего страшного не произошло. А теперь я думаю: боже, мы ведь в самом

¹ Цит. по: *Синицын Ф. Л.* За русский народ! С. 39.

² Там же.

деле были умные, мы же все это предсказали и предвидели <...> Революция кончается на том, с чего она начиналась. Теперь процентная норма для евреев, табель о рангах, погоны и прочие “радости”. Такой кругооборот даже мы не предвидели”»¹.

Но если оппозиционно настроенные к сталинскому курсу советские интеллигенты (внешне лояльные к власти) осуждали идеологический поворот к патриотизму или надеялись на трансформацию политического режима под давлением западных союзников, то пособники оккупантов объявляли себя истинными защитниками национальных интересов русского народа, страдающего под гнетом «еврейско-большевистской власти» и англо-американского капитала. Советская патриотическая пропаганда объявлялась предателями Родины – власовцами лживой, служащей, якобы, исключительно укреплению сталинской власти. В открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» (март 1943 г.) бывший генерал-лейтенант Красной армии А. А. Власов, перешедший к немцам в июле 1942 г., оправдывал собственную измену некоей «борьбой» за «правое дело русского народа». По словам генерала-предателя, это было вызвано его личными довоенными впечатлениями, когда «растоптывалось все русское <...> на руководящие посты в Красной армии выдвигались подхалимы, люди, которым не были дороги интересы русского народа»². Обвиняя советское правительство в лицемерии и вынужденном обращении к патриотической идее, Власов заявлял: «В последние месяцы Сталин, видя, что русский народ не желает бороться за чужие ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за Отечество, за Россию. Этот жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут поверить, будто Сталин отказался от принципов большевизма. Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русского народа добиться победы, а завтра, с еще большей силой, закабалить русский народ и заставить его и дальше служить чуждым

¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 2002. С. 488–489.

² Цит. по: *Окороков А. В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны.* М., 2007. С. 238.

ему интересам»¹. «Возрождение» русской нации пособник гитлеровцев видел в «союзе и сотрудничестве с Германией», которая поможет «построить новую счастливую Россию – в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы»². Власовские листовки, разбрасываемые над позициями советских войск, более упрощенно излагали «идеи» руководителя РОА. Двусторонняя листовка – пропуск для желавших сдаться в плен красноармейцев (август 1943 г.) гласила: «Большевики всегда отрицали понятие “родина”. Они залили твою Родину кровью лучших людей, миллионы людей согнали в концентрационные лагеря. Желая использовать твою любовь к России, сейчас Сталин бессовестно призывает тебя вести “отечественную войну”. Помни, что большевизм – враг твоего отечества, враг твоей Родины. Только уничтожив большевизм, ты сможешь создать свободную Россию»³. Российский историк Б. Н. Ковалев, опираясь на материалы русскоязычной фашистской прессы, отмечает, что «патриотизм в 1942 году провозглашался коллаборационистской печатью как противостояние русского народа “Сталину, развалившему страну, армию репрессиями, а теперь призывающему бороться с немцами”»⁴. В профашистских изданиях, выходивших на оккупированной территории, особое место уделялось «репрессивной политике сталинского режима», «ущемлению» прав русского народа в СССР и другим темам, которые должны были способствовать усилению антисоветских настроений у обывателей. Едва ли стоит говорить о степени влияния подобной пропаганды на советских солдат, сражавшихся за свою Родину и прошедших «науку ненависти» к фашистским извергам. Сама кровавая практика нацизма и его пособников исключала возможность массового перехода красноармейцев на сторону врага, сотрудничества абсолютного большинства советских граждан с оккупантами (феномен русского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, его истоки и мотивы стали предметом специальных исследований отечественных историков)⁵.

¹ *Окорков А. В.* Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. С. 237.

² Там же. С. 236.

³ Там же. С. 260.

⁴ *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004. С. 285–286.

⁵ Из наиболее значительных работ за последние десятилетия по теме исследования особенностей «патриотической» идеологии русских коллаборационистов – гитлеровских приспешников – назовем лишь некоторые: *Андреева Е. А.* Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993; *Бахвалов А. А.* Генерал Власов: предатель или герой? СПб., 1994; *Окорков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004; вышеуказанная монография Б. Н. Ковалева.

Гитлеровские пропагандисты в своих листовках и карикатурах, предназначенных для личного состава РККА, стремились скомпрометировать новый патриотический курс советского руководства, представить его политической игрой кремлевских вождей. На одной из подобных карикатур Сталин был представлен в царском одеянии, в окружении «бояр» – партийных соратников (Жданов, Буденный и др.). Лидер большевиков обращался к своему окружению: «Ну смотрите же, черти, чтобы никто не ляпнул что-нибудь про Третий интернационал! Гнем теперь по дворянско-исторической линии»¹. Другая карикатура, изображавшая советского вождя склонившимся перед новым мундиром офицера Красной армии, должна была изобличить «новейший трюк с погонами и цветными галунами, подобно предыдущим, ложно патриотическим лозунгам»². Еще одно «произведение» нацистской художественной графики – листовка «III Интернационал и Святая Русь» изображало советских руководителей, пытающихся поставить гроб с женщиной – образом Святой Руси «правильно», чтобы она служила задачам патриотической пропаганды³. В то же время некоторые работники нацистского идеологического аппарата понимали, что советский патриотический курс не был «верхушечным» явлением, инспирированным властями, а определялся объективными условиями и находил горячий отклик у сражавшихся на фронтах бойцов Красной армии. Так, в одном из донесений отдела пропаганды ОКВ⁴ признавалось, что «в основе боевого духа русских солдат лежит патриотический настрой»⁵.

Советский Агитпроп, используя возможности антифашистского подполья и разраставшегося партизанского движения, к 1943 г. смог наладить эффективную контрпропагандистскую работу в тылу врага. Главными темами текстов листовок, адресованных гражданам, находящимся на оккупированной территории, были советский патриотизм (уже рассматриваемый как русский патриотизм) и преданность свободной от угнетения родной земле, народу, социалистической Родине. Так, к примеру, в листовке «Патриотический долг сельского учителя» говорилось: «Гитлеровцы пытаются вытравить из сознания нашего народа все русское, опустошить его душу, отравить ядом лживой фашистской пропаганды <...> Гитлеровцы стремятся онемечить русских ребят, уничтожить у них в зародыше всякое чувство нацио-

¹ Пропуск в рай: Сверхоружие последней мировой. Дуэль пропагандистов на Восточном фронте. Альбом. М., 2007. С. 73.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 74.

⁴ ОКВ – Верховное командование вермахта.

⁵ Пропуск в рай. С. 34.

нальной гордости и достоинства, всякую мысль о свободе». Текст листовки призывал русских учителей, находящихся в зоне оккупации: «Если ты истинно русский патриот, препятствуй всеми силами осуществлению этих дьявольских замыслов немцев <...> Развивай в ребятах патриотические чувства, любовь к своей советской родине, к русскому народу, к русской национальной культуре»¹. Выпускались и листовки, предназначавшиеся предателям Родины, прислужникам нацистов. Советская сторона давала им шанс на искупление своей вины перед народом. Листовка «Служить в банде Власова – преступление перед русским народом» апеллировала к патриотическим чувствам бойцов РОА²: «Власов – кровожадный гитлеровский бандит. Итти³ служить в банду Власова – значит воевать на стороне немцев против своих же единокровных русских <...> Русский человек! Ты любишь свою землю, свою Родину, помнишь ратные дела твоих дедов и прадедов. Они никогда не склоняли своих голов перед врагом, били его всюду, откуда бы он не приходил, давили предателей <...> Поднимись и ты во весь свой рост, гордый русский человек. Бей проклятого немца, бей всех немецких пособников. Бей до полного уничтожения!»⁴ Подобные мотивы звучали и в советской листовке-обращении к полицаям: «Полицейский! Ты пошел в услужение к немцам, в немецкую полицию, – русский человек, рожденный на русской земле, вскормленный русской матерью. Ты совершил тягчайшее преступление перед родиной <...> Час расплаты близок. Красная армия наступает <...> Скоро она придет в те края, где творишь ты свое черное подлое дело. Тогда не сносить тебе головы. Народ проклянет тебя, вынесет смертный приговор и приведет его в исполнение. Хочешь жить, хочешь искупить свою вину перед родиной – забирай немецкое оружие и уходи в партизанский отряд. Там встретят тебя родные русские люди. Вместе с ними ты сможешь выполнить свой священный долг перед родиной. Перед русским народом <...> Опомнись, русский человек! Отказывайся служить проклятой немецуре, переходи к партизанам»⁵. Об изменниках Родины красноречиво свидетельствовал советский плакат 1943 г. «Ты скажи мне, гадина, сколько тебе дадено?», на котором полицейский, фашистский холуй облизывал своего хозяина – гауляйтера.

Придание «русскому фактору» определяющего значения в военно-патриотической пропаганде вдохновляло советских историков на

¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 451.

² РОА – Русская освободительная армия, организованная А. А. Власовым в 1942 г.

³ Так в оригинале.

⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 472.

⁵ Там же. С. 416.

написание новых работ о многовековом прошлом народа, его свершениях и героизме в борьбе с внешними врагами. В своих монографиях, статьях и популярных брошюрах известные ученые (Е. В. Тарле, Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров, С. К. Бушуев, А. И. Яковлев и др.), занимавшие ярко выраженные патриотические позиции, прославляли русских полководцев, выдающихся представителей отечественной науки и культуры, государственных деятелей, укреплявших мощь России, законным преемником которой теперь провозглашался Советский Союз. Массовыми тиражами выпускались также фундаментальные труды по истории советских республик и народов, населявших их. Такой подход должен был способствовать не только повышению интереса граждан СССР к своему прошлому, но и упрочению единства многонационального государства, сражающегося с гитлеровскими захватчиками. Любые намеки на превосходство какого-либо из советских народов над другими и тем более их противопоставление друг другу беспощадно пресекались и исключались по сути. Но тезис о русском «старшем брате» как ведущей силе в борьбе с фашизмом оставался основополагающим для всей пропагандистской политики 1942–1943 гг. Некоторые авторы, представлявшие «державное» (если так его условно обозначить) направление в гуманитарной сфере, полагали, что новая идеологическая кампания открывает дорогу дальнейшей популяризации не только русских традиционных символов, но и преподносившихся еще недавно в сугубо негативном свете событий и знаковых фигур отечественной истории (несмотря на «реабилитацию» многих представителей дореволюционного прошлого еще во второй половине 1930-х гг.). И действительно, если рассматривать общую тенденцию советской идеологической политики, то можно констатировать, что в год великого перелома в войне с фашизмом властью был взят стратегический курс на возвеличивание русской нации, а пропаганда стала использовать великодержавную риторику царской России. Кроме введения новой военной формы для офицерского состава РККА, во многом дублирующей форму императорской армии, принятия гимна СССР, можно привести и другие факты, подтверждающие руссоцентристскую направленность официальной политики. Так, по прямому поручению ЦК ВКП(б) советские издательства начали выпускать серии брошюр «Великие русские полководцы» и «Великие борцы за русскую землю», рассчитанных на массового читателя. Популярная биографическая серия «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) была преобразована в цикл брошюр «Великие люди русского народа» и «Великие русские люди». Первенство здесь отдавалось знаменитым русским военачальникам, однако героями становились и выдающиеся отечественные литераторы, ученые, деятели культуры и искусства XVIII–XIX вв., прославившие имя России. В создании этих книг уча-

ствовали не только советские писатели и публицисты, но и известные историки¹. Воениздат НКО СССР иногда использовал пропагандистские приемы пресловутой «козьма-крючковщины» времен Первой мировой войны, но уже с совершенно иных позиций, представляя подвиг простого русского солдата без ложного пафоса. Например, в выпуске «Страница юмора», содержащего дружеские шаржи на отличившихся в боях красноармейцев, был представлен шарж на Героя Советского Союза, старшего сержанта Ивана Богатыря, захватившего за время войны 200 «языков». На картинке он был изображен в одеянии воина Древней Руси, с винтовкой в одной руке и с пучком плененных немцев в другой. Текст шаржа гласил: «Шагает русский богатырь, // Идет молва и вдоль и вширь: // Одной рукой – гляди каков! – // Хватает столько “языков”»².

Руссоцентристский и державный характер военной пропаганды был воспринят рядом советских ученых как удобный повод для пересмотра официальной интерпретации отечественной истории, основывавшейся на марксистских принципах классового подхода и пролетарского интернационализма, а также для возможной «реабилитации» дореволюционной историографии. Так, член-корреспондент АН СССР А. И. Яковлев на заседании в Наркомате просвещения 7 января 1944 г., посвященном утверждению новой школьной программы по истории, заявил: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве <...> Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника. Совмещать с этим интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется неправильным <...> Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях»³. Яковлев и другой историк, А. В. Ефимов, по собственной инициативе приступили к подготовке специального издания, в котором предполагалось дать положительную оценку взглядам В. О. Ключевского и даже рассмотреть в более объективном ключе ряд работ П. Н. Милюкова.

¹ Гордина Е. Д. Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 64.

² Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 416 (иллюстрации).

³ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 82–83 (далее – Стенограмма совещания).

Историк С. К. Бушуев предлагал пересмотреть с национально-державных позиций роль таких «одиозных» деятелей дореволюционной России, как А. А. Аракчеев, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, внешнюю политику Александра I и Николая I. Академик Е. В. Тарле оценивал территориальную экспансию Российской империи как позитивное явление, объективно способствующее росту геополитической мощи государства (в данном случае явно проводилась параллель со сталинским СССР)¹.

Идейными оппонентами этих ученых была группа ортодоксально настроенных историков-марксистов во главе с заместителем директора Института истории АН СССР А. М. Панкратовой. Судя по заявленной Панкратовой позиции, могло сложиться впечатление, что уроки, преподанные властью ревнителям концепции М. Н. Покровского, и официальное развенчание их покойного учителя во второй половине 1930-х гг. не возымели на ученую должного воздействия и она не вполне уяснила для себя необратимость происходящих в идеологической сфере и в исторической науке процессов. Результатом занятой А. М. Панкратовой идеологической позиции явились ее напряженные отношения с коллегами (в частности, с А. В. Ефимовым, А. И. Яковлевым, Е. В. Тарле). Одной из причин недовольства Панкратовой наметившейся ревизией классового подхода в оценке событий дореволюционного прошлого стала также резкая критика заместителем начальника Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александровым вышедшей еще в 1943 г. книги «История Казахской ССР», одним из авторов которой она являлась. В этой работе фактически отвергалась официальная установка 1936 г. о присоединении к царской России других народов как «наименьшем зле» для них и этот процесс объявлялся в «лучших традициях» советской историографии 1920-х гг. «абсолютным злом». Как позднее отметит в своем письме на имя члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданова от 2 марта 1944 г. сама А. М. Панкратова, «в беседе со мной <...> тов. Александров сформулировал следующие обвинения против этой книги: 1) Книга антирусская, так как симпатии авторов на стороне восставших против царизма; никаких оправданий для России она не показывает. 2) Книга написана без учета того, что Казахстан стоял вне истории, и что Россия поставила его в ряд исторических народов»². Не удивительно, что подобные «вели-

¹ См.: *Гришаев О. В.* Роль совещания историков 1944 года в ЦК ВКП(б) в развитии советской историографии русской истории. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1. Вып. 25. С. 132.

² Цит. по: *Константинов С. В.* Несостоявшаяся расправа (О совещании историков в ЦК ВКП(б) в мае–июле 1944 года) // *Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия.* М., 1994. С. 256.

кодержавные» взгляды одного из ведущих идеологических работников ЦК ВКП(б) вызвали возмущенное недоумение у ортодоксальной коммунистки. Свое запоздалое выступление против антимарксистских тенденций в советской исторической науке А. М. Панкратова решила осуществить в начале 1944 г., когда победный исход войны был уже предрешен и возвращение идеологического курса на «круги своя» левацкого интернационализма образца 1920-х – начала 1930-х гг. виделся ей вполне возможным.

Решив апеллировать к ЦК партии, А. М. Панкратова в вышеупомянутом письме к А. А. Жданову обвинила ряд советских ученых в отступлении от марксистско-ленинской методологии, в «протаскивании – под флагом патриотизма – самых реакционных и отсталых теорий отказа от классового подхода к вопросам истории, замены классового принципа в общественном развитии национальным, реабилитации идеализма, панславизма и т. п.»¹. В следующем письме от 12 мая 1944 г., направленном высшему руководству страны – И. В. Сталину, А. А. Жданову, Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову, содержался уже прямой донос на коллег: «В редакцию “Исторического журнала” поступает немалое количество статей, в которых героями русского народа и патриотами Родины изображаются многие царские генералы только потому, что это были храбрые русские генералы. Резко выраженная тенденция к надклассовому и идеализированному изображению русских царей наблюдается в отношении личности и роли Ивана Грозного. Профессор Смирнов П. П. <...> в одной из бесед в кругу историков <...> заявил, что Великая Отечественная война заставляет нас отказаться от прежнего классового подхода к историческому процессу <...> Отрицательная оценка роли отдельных русских царей, по мнению профессора Смирнова, объяснялась нашими политическими задачами – свержения царизма и капитализма. Теперь перед нами другая задача – возвеличения нашего прошлого, и нам необходимо “реабилитировать” не только Ивана IV и Петра I, но и других царей XVIII–XIX вв., т. к. они действовали в своей внешней и колониальной политике в интересах укрепления Российской державы и ее расширения, а массовые народные движения, в частности, крестьянские и национальные восстания подрывали государственное могущество России. Профессор Яковлев объявляет прогрессивной всю колониальную политику царизма в XVIII–XX вв.». Как указывалось в письме, профессор С. К. Бушуев, «объясняя необходимость коренного пересмотра истории СССР в связи с условиями войны,

¹ Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 55.

выдвинул лозунг: «Добить национальный нигилизм!»». Досталось и деятелям литературы и искусства. Так, подвергся критике режиссер С. М. Эйзенштейн за киносценарий «Иван Грозный», поскольку в нем историк усмотрела «резко выраженную тенденцию к надклассовому и идеализированному изображению русских царей». Та же «тенденция» была обнаружена и в пьесе А. Н. Толстого «Орел и орлица» об Иване IV. Кинорежиссера В. И. Пудовкина Панкратова уличила в «прикрашенном к тому же неверном изображении императора Александра I в фильме «Кутузов»». Но все же главное острие критики было направлено против «шовинистического» направления в советской исторической науке. На основании изложенных фактов Панкратова обратилась к руководителям партии с просьбой найти «возможность обсудить положение и задачи советских историков в условиях Великой Отечественной войны и помочь нам выправить наши недостатки»¹.

Разумеется, подобная информация, поступившая от известного историка в высшие правительственные инстанции, не могла не вызвать ответных действий со стороны руководителей Агитпропа. Представился удобный случай не только навести порядок на историко-идеологическом «фронте», осудив как «правый», так и «левый» уклоны в гуманитарной сфере, но и конкретизировать единственно верный подход к освещению событий дореволюционного прошлого с партийных позиций. В марте и мае 1944 г. УПиА ЦК ВКП(б) подвергло критике сторонников А. М. Панкратовой: «В советской исторической науке не преодолено еще влияние реакционных историков – немцев, фальсифицировавших русскую историю», «сильно сказывается еще влияние школы Покровского», «присоединение к России расценивается как абсолютное зло». Вместе с тем осуждались и ревизионисты классового подхода: «Среди некоторой части историков наблюдается оживление антимарксистских буржуазных взглядов»². Для окончательного решения назревших в научно-гуманитарных кругах проблем ЦК партии, взяв на себя роль арбитра, решил провести совещание историков (запланированное еще в 1938 г.).

События, связанные с совещанием историков в ЦК ВКП(б) в мае–июле 1944 г., подробно освещены в работах российских и зарубежных

¹ Цит. по: *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 431–432; *Синицын Ф. Л.* За русский народ. С. 52, *Константинов С. В.* Несостоявшаяся расправа. С. 257.

² *Синицын Ф. Л.* За русский народ. С. 53.

исследователей¹. На этом мероприятии (сценарий его был разработан в главном партийном органе еще 18 мая) присутствовали секретари ЦК А. А. Андреев, Г. М. Маленков и А. С. Щербаков, которые фактически в дискуссии участия не принимали. На первом заседании 29 мая Маленковым был обозначен круг вопросов, имеющих «важное значение для советской исторической науки»: оценка внутренней и внешней политики царского самодержавия; оценка колониальной политики царизма и применимости теории «меньшего зла» в отношении присоединения к России других народов; о характере западного влияния на русскую культуру; об отношении советских историков и «норманнской теории»; о преодолении антимарксистских взглядов «школы Покровского» и др.² Основное обсуждение затронутых проблем началось 1 июня, и сразу же дискуссия приняла острый характер. Представитель группы Тарле, профессор С. К. Бушуев охарактеризовал положение на «историческом фронте» как неблагоприятное, обвинив в этом историков В. П. Волгина, А. М. Панкратову и особенно М. В. Нечкину как «типичного ученика Покровского». Другой сторонник «державного подхода» к событиям русской истории, публицист Х. Г. Аджемян вообще призвал к пересмотру устоявшихся классовых стереотипов в оценке прошлого, оправдывая территориальные захваты России «мудрым инстинктом самосохранения русской нации и державы», а своих оппонентов назвал представителями «рассудочной историографии»³. Совсем уж «еретично» в стенах ЦК партии прозвучало утверждение Аджемяна о русских монархах как о выразителях «народного духа, народной воли, народной мощи» и противопоставление государственных деятелей воспеваемым советской пропагандой крестьянским вождям и революционерам, поскольку первые «строили» державу, а вторые – «разрушали»⁴. Как

¹ *Бурдей Г. Д.* Историк и война. 1941–1945. Саратов, 1991. С. 150–158; *Константинов С. В.* Несостоявшаяся расправа. С. 254–268; *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 80–85; *Бранденбергер Д. Л., Дубровский А. М.* Итоговый партийный документ совещания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. (История создания текста) // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 148–160; *Дубровский А. М.* Историк и власть. С. 424–489; *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. С. 139–159; *Синицын Ф. Л.* За русский народ. С. 50–55; *Юрганов А. Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 227–484. *Гришаев О. В.* Роль совещания историков 1944 года в ЦК ВКП(б) в развитии советской историографии русской истории. С. 132–136.

² *Дубровский А. М.* Историк и власть. С. 444.

³ Стенограмма совещания... С. 55–57.

⁴ Там же. С. 61, 66.

подметил историк А. М. Дубровский, «уже в первых выступлениях историков “люди власти” увидели прежде всего сторонников нового идейного направления в исторической науке, заявивших о себе резко и агрессивно»¹. По воспоминаниям участников совещания, услышанное вызвало у собравшихся шок, молчали и сидящие в президиуме члены ЦК². В своем ответном слове А. М. Панкратова резко выступила против проводимой в работах сторонников Тарле «прямой линии преемственности от старого дворянски-буржуазного государства в России к советскому социалистическому государству»³, против «апологетического изображения старого русского государства и его основных деятелей»⁴. Обвинив С. К. Бушуева, Х. Г. Аджемьяна, А. И. Яковлева в отходе от марксизма и формационной теории, в приверженности идеям дореволюционной «государственной школы», основную атаку Панкратова повела против своего главного оппонента – Е. В. Тарле и его недавнего доклада «О роли территориального расширения России в конце XIX и начале XX века». Академик был подвергнут критике (в правке стенограммы она была усилена) за «оправдание всей колониальной и внешней политики царизма», за придание пространственному фактору определяющего значения в военной истории России (Тарле спроецировал это положение и на современность)⁵. А. С. Щербаков поддержал Панкратову. Завершался первый день совещания выступлением профессора М. В. Нечкиной. Ссылаясь на ленинский тезис о существовании в рамках одной нации двух наций, антагонистически противоположных друг другу, историк подвергла разгрому надклассовую концепцию, выдвинутую С. К. Бушуевым. В ходе следующих четырех заседаний (5, 10, 22 июня и 8 июля) обсуждение затронутых вопросов, несмотря на ряд взвешенных и близких партийной позиции выступлений (И. И. Минц и др.), носило характер крайне идеологизированной академической полемики, вращавшейся главным образом вокруг великодержавного или марксистского истолкования истории Отечества. Сами же научные проблемы и пути их решения являлись для большинства участников лишь предлогом для взаимных претензий. «Левое» ортодоксальное направление было ярко представлено в выступлении ученика Покровского А. Л. Сидорова, обвинившего последователей Тарле в стремлении «ликвидировать марксистские

¹ Дубровский А. М. Историк и власть. С. 447.

² См: Письма Анны Михайловны Панкратовой. С. 59.

³ Стенограмма совещания. С. 68.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 71. См. также: Юрганов А. Л. Русское национальное государство. С. 302.

установки и заменить их своими, непродуманными и вредными»¹. Свой бой «зоологическому патриотизму» и черносотенству в исторической науке решил дать Н. С. Державин (бывший член «Союза русского народа»), заявив: «Нельзя, товарищи, смешивать советский патриотизм с патриотизмом “Союза русского народа”. Нельзя переводить советский патриотизм на старые, прогнившие рельсы зоологического патриотизма вообще <...> Было бы грубейшей ошибкой и немислимым положением вещей, если бы, исследуя тот или иной исторический факт, советский историк, игнорируя все положения марксистско-ленинской теории, стал подходить к его оценке с мериллом великодержавного национал-шовинистического патриотизма»².

По мере продолжения совещания оно все более приобретало характер взаимной склоки среди работников одного научного цеха. Ученые, представлявшие обе враждующие группы, не раз обращались с письмами к И. В. Сталину, А. С. Щербакову и другим советским вождям, пытаясь доказать правоту собственной позиции и обвиняя своих оппонентов во всех идеологических «грехах». Черту под затянувшейся дискуссией провел на последнем заседании заведующий отделом УПиА ЦК ВКП(б) С. М. Ковалев. Говоря о преодолении пренебрежительного отношения к великому прошлому нашей Родины, которое насаждалось длительное время антимарксистской «школой Покровского»³, партийный функционер указал на то, что подобное отношение было характерно и для представителей «дворянско-буржуазной историографии». И те, и другие, по мнению Ковалева, считали Россию страной отсталой, утверждали, что лучшие ее представители заимствовали все от Запада (очевидно, в этом пассаже, озвученном аппаратным работником, была обозначена новая тема борьбы с «низкопоклонством перед Западом», ставшая одной из ведущих в послевоенной пропаганде). Раскритиковав учебники по истории СССР, в которых недостаточно показаны героическое прошлое страны, лучшие представители русского народа, русской культуры, самостоятельно развивавшейся и не подверженной западным влияниям, С. М. Ковалев завершил свою речь словами, адресованными обеим группам историков: «Если игнорирование реакционных моментов в истории нашей страны до 1917 г. ведет к тому, что Октябрьская социалистическая революция становится немотивированной, то, с другой стороны, принижение прогрессивных явлений в истории России, затушевывание передовых сил,двигающих исторический процесс вперед, приводит к тому, что пролетар-

¹ Стенограмма совещания. С. 88.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 70, 71.

ская революция становится незакономерной»¹. После шестого заседания «научная дискуссия» была прервана. Г. Ф. Александрову поручалось написать от имени Политбюро проект постановления ЦК ВКП(б), которое расставило бы четкие идеологические акценты в обсуждаемых вопросах и положило бы конец расколу в стане историков, однако текст этого документа был отклонен А. С. Щербаковым. В августе 1944 г. А. А. Жданов, новый ответственный за написание постановления ЦК «О недостатках научной работы в области истории», решил отказаться от равномерной критики обеих «ересей» в советской историографии – «великодержавия» и «антимарксистской концепции Покровского». Основной удар предполагалось нанести по «великодержавному шовинизму», попыткам «возрождения буржуазно-исторической школы Милюкова» и «национализма» (подразумевалась группа Е. М. Тарле). Сторонники А. М. Панкратовой могли бы торжествовать победу, но и этот проект постановления не был утвержден. Более того, в сентябре 1944 г. главный инициатор совещания – Панкратова была освобождена от должности заместителя директора Института истории. Ее покаянные письма А. А. Жданову не возымели действия. В чем же была причина столь резкой смены позиции властей, не позволивших раскрутиться очередному «академическому делу» образца 1928–1930-х гг. (как известно, Е. В. Тарле был осужден по нему)? По-видимому, наиболее верное объяснение дал в свое время историк С. В. Константинов: «Причина первая – несоответствие ортодоксально-марксистских взглядов Панкратовой на историю царской России реальной действующей идеологии ВКП(б) времен Великой Отечественной войны, давшей сильный крен в сторону традиционного русского патриотизма <...> Политбюро оказалось втянуто в склоку историков и предпочло выйти из этой ситуации молча и с минимальными моральными издержками <...> Выход из этой ситуации руководству ВКП(б) подсказала сама инициатор скандального совещания – Панкратова. Именно в ее поведении следует искать вторую причину неприятия ЦК партии специального постановления о положении дел в исторической науке»².

Впрочем, это совсем не означало, что власть перешла на те национал-державные позиции, которых придерживались Е. В. Тарле и его единомышленники. Сталинский национал-большевизм был эффективной модификацией основных положений марксизма в конкретных условиях конкретной страны. Несмотря на неожиданные политические и идеологические ходы, главная цель оставалась прежней – укрепление социализма в СССР, распространение социалистического опыта на другие страны и создание в перспективе мирового

¹ Там же. С. 73.

² Константинов С. В. Несостоявшаяся расправа. С. 267.

коммунистического общества. Русский народ рассматривался как главная движущая сила в осуществлении этого глобального проекта, призванного освободить человечество от социального и национального неравенства, эксплуатации и нищеты. Историки группы Тарле, уверовав в необратимость перемен в государственной идеологии, в трансформацию большевистской власти в «национальную» и «имперскую», перешли запретную черту. Советские лидеры хорошо понимали, что окончательный переход на великодержавные позиции привел бы к подрыву межнационального единства народов СССР, к кардинальному изменению идеологии и, в конечном счете, поставил бы под сомнение легитимность политического режима в стране. Для большевистского руководства это было абсолютно неприемлемо. Кроме того, продвижение Красной армии за пределы СССР и освобождение народов Европы от гитлеризма требовали усилить интернациональные мотивы в советской пропаганде, поскольку была необходимость в тесном взаимодействии с антифашистскими силами и комдвижением в зарубежных странах. Конечно, никакого возврата к левацкой фразеологии и национал-нигилизму 1920-х гг. быть уже не могло. Но итоги совещания историков в 1944 г. провели четкие границы, разделяющие понятия классового и национального, патриотического и интернационального. В связи с этим показательным, что наряду с продолжавшейся «реабилитацией» многих славных событий отечественной истории и ее выдающихся представителей, на официальном уровне были отвергнуты предложения о возведении в ранг национальных героев А. П. Ермолова, М. И. Драгомирова, М. Д. Скобелева, М. Г. Черняева и других выдающихся полководцев (главной причиной этому послужили факты их военной биографии, связанные с присоединением к России сопредельных земель)¹. В 1944 г. в армейских изданиях наблюдалось снижение в два раза, по сравнению с 1943 г., количества публикаций о героическом прошлом русского народа². По мнению историка А. М. Дубровского, с этого времени властью «провозглашалась борьба на два фронта – и против возвеличения царской политики, неумеренного воспевания до-революционной России и против очернения прошлого страны»³. Как отмечает исследователь О. В. Гришаев, подобный подход к событиям российской истории, основывающийся на марксистско-ленинском учении, сохранялся до начала «перестройки»⁴.

¹ Вдовин А. И. Русские в XX веке. С. 213.

² Сеницын Ф. Л. За русский народ! С. 48.

³ Дубровский А. М. Историк и власть. С. 473.

⁴ Гришаев О. В. Роль совещания историков 1944 года в ЦК ВКП(б) в развитии советской историографии русской истории. С. 135.

В то же время это не означало, что большевистское руководство решило отвергнуть русскую патриотическую идею как основу советской пропаганды в последний период войны. Массовыми тиражами продолжали выходить научные труды, популярные книги, рассказывающие о подвигах русского оружия, полководцах и государственных деятелях, способствующих упрочению мощи Руси. Образ первого царя – Ивана IV, объединителя Русского государства в борьбе с боярской изменой, покорителя Казани, Поволжья и Сибири, защитника своей земли от внешних врагов, стал одним из центральных в официально дозволенном перечне героев национальной истории, несколько потеснив образ «западника» Петра I. Алексей Толстой, задумавший пьесу об Иване Грозном еще в середине 1930-х гг. и получивший заказ на ее создание в 1940 г., писал 2 июня 1943 г. И. В. Сталину: «Драматическая повесть “Иван Грозный” начата в самое трудное время, – в октябре 1941 г. (пьесой “Орел и орлица”), когда со всей силой, со всей необходимостью, нужно было разворошить, по-новому понять и привлечь, как оружие борьбы, историю русской культуры. История советского двадцатипятилетия и неистощимые силы в этой войне показали, что русский народ – почти единственный из европейских народов, который два тысячелетия сидит суверенно на своей земле, – таит в себе мощную, национальную, своеобразную культуру <...> Идеи величия русского государства, непомерность задач, устремленность к добру, к нравственному совершенству, смелость в социальных переворотах, ломках и переустройствах, мягкость и вместе – храбрость и упорство, сила характеров, – все это – особенное, русское и все это необычайно ярко выражено в людях 16 века. И самый яркий из характеров того времени – Иван Грозный. В нем – сосредоточие всех своеобразий русского характера»¹. Первоначальный вариант пьесы «Иван Грозный» был подвергнут критике, ввиду того что произведение писателя «не решает задачи исторической реабилитации Ивана Грозного» и «извращает исторический облик одного из крупнейших русских государственных деятелей». После беседы А. Н. Толстого со Сталиным пьеса была подвергнута существенной переработке (в раннем варианте присутствовала более объективистская оценка царя Руси). Первая часть драматической диалогии («Орел и орлица») была поставлена в Малом театре в октябре 1944 г. Постановка и опубликованная пьеса вызвали большой резонанс у театральной общественности и рядовых читателей. «Толстой талант огромный, – утверждал В. И. Немирович-Данченко, – в исторических картинах по выписанию фигур, по языку, я не боюсь ска-

¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 486–487.

зять, что не знаю ему равных во всей нашей литературе»¹. Следует отметить, что выдающийся писатель являлся наиболее ярким выразителем русской патриотической идеи в ее «национал-большевистском» варианте 1930–1940-х гг. Такая идеологическая позиция прослеживается в трилогии «Хождение по мукам» и в некоторых других произведениях классика. В своей публицистике и официальных выступлениях А. Н. Толстой постоянно подчеркивал главенство русского национального начала в государственной и культурной жизни многонациональной страны. В докладе «Четверть века советской литературы» 18 ноября 1942 г. в Свердловске, на юбилейной сессии Академии наук СССР, посвященной 25-летию Советской власти, писатель отмечал подлинно русское патриотическое содержание советской литературы в новых социальных условиях: «В литературе классической <...> говорили о мессианстве русского народа и часто скрашивали эти идеи дебелим крепостничеством и черносотенством. Тут, в живой действительности, советский писатель увидел исторически обусловленный, подлинно народный русский характер, в наши дни развертывающийся в небывалых, самоотверженных подвигах строительства и кровавой борьбы с фашизмом и впервые, как колокол града Китежа, зазвучали в советской литературе слова: святая Родина»².

Дилогия «Иван Грозный» стала заметным явлением на советской сцене 1944 г. Однако образ великого царя – защитника, строителя, преобразователя требовал не только литературного, театрального, но и кинематографического воплощения. Тем более, что в июле 1943 г., на совещании работников кино глава Государственного комитета по кинематографии И. Г. Большаков указал на первостепенность выпуска фильмов по русской и государственно-патриотической тематике. Осенью 1943 г. С. М. Эйзенштейн приступил к съемкам по своему сценарию фильма «Иван Грозный». О том, что идея постановки фильма была предложена «сверху», свидетельствовала записка И. В. Сталина И. Г. Большакову (13 сентября 1943 г.): «Сценарий получился не плохой. Т. Эйзенштейн справился с задачей. Иван Грозный, как прогрессивная сила своего времени, и причина, как его целесообразный инструмент, вышло не плохо <...> Следовало бы поскорее пустить в дело сценарий»³. Фильм по сценарию С. М. Эйзенштейна с участием замечательных советских актеров – Н. К. Черкасова (заглавная роль), М. И. Жарова, Л. В. Целиковской, С. Г. Бирман, П. П. Кадочникова, А. М. Бучмы, М. М. Названова и др. – будет снят на Алма-Атинской киностудии и

¹ Цит. по: Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 9. С. 788.

² Там же. Т. 10. С. 541–542.

³ Власть и художественная интеллигенция. С. 499–500.

начнет свое триумфальное шествие по экранам страны в январе 1945 г. Первая серия фильма в 1946 г. будет удостоена Сталинской премии. Фразу «Ради Русского царства великого», произнесенную исполнителем роли царя Ивана Н. К. Черкасовым, можно считать определяющей для всей идейной канвы кинокартины. В марте 1944 г., после ряда доработок вышел фильм режиссера В. М. Петрова «Кутузов» (в 1946 г. картина получит Сталинскую премию). Русская патриотическая тема нашла яркое отражение также в фильмах «Иван Никулин – русский матрос» (реж. И. А. Савченко, 1945) и «В шесть часов вечера после войны» (реж. И. А. Пырьев, 1944, Сталинская премия в 1946 г.). В последней киноленте главная героиня, провожая своего любимого на фронт, напутствует его словами: «Будь храбрым, будь смелым в жестоком бою, // За русскую землю сражайся!» Фильм, снятый за год до окончания войны, удивительно точно передавал предчувствие скорой Победы. Его создатель, кинорежиссер И. А. Пырьев, высказал озабоченность, что: «Как ни странно, но в нашей кинематографии очень мало русского, национального»¹. Однако его идея в 1943 г. об организации киностудии «Русьфильм» на базе «Мосфильма» (поддержанная главой Госкино И. Г. Большаковым) была отвергнута².

Идеологический курс и сопутствующие ему конкретные меры властей отразились и на топонимике. В 1943–1944 гг. отдельным советским городам вернули их первоначальные наименования. Так, город Ворошиловск вновь стал Ставрополем. Старые названия были возвращены и ряду других населенных пунктов Северного Кавказа. Решением Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 13 января 1944 г. предполагалось: «Ввиду того, что прежние наименования некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда тесно связаны с историей и характерными особенностями города и прочно вошли в обиход населения <...> Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся решает восстановить наименования следующих улиц, проспектов, набережных и площадей города». В документе за подписью Предисполкома Ленгорсовета П. С. Попкова значился перечень советских и «возвращенных» (дореволюционных) названий: Проспект 25 Октября опять стал знаменитым Невским проспектом, улица 3 июля – Садовой улицей, проспект Красных командиров – Измайловским проспектом, площадь имени Воровского – Исаакиевской площадью, проспект имени Володарского – Литейным проспектом, набережная имени Рошаля – Адмиралтейским проспек-

¹ Левин Е. С. Краткий курс истории Русфильм. Искусство кино. 1994. № 9. С. 131.

² См. Раззаков Ф. И. Гибель советского кино. Интриги и споры. М., 2008. С. 113–128.

том и т. д.¹ Эта мера, на которую пошли ленинградские руководители, была достаточно смелой по идеологически жестким условиям военного времени, когда советское руководство поощряло руссоцентризм и не останавливалось даже перед «реабилитацией» царей и императоров дореволюционной России.

У некоторых советских служащих, по-своему воспринявших патриотический идеологический курс и новые отношения с Церковью, рождались своеобразные планы создания новой, «советской» религии. Так, 19 октября 1944 г. начальник Главного управления учебными заведениями Комитета по делам архитектуры при СНК СССР Л. К. Чалдымов в письме к И. В. Сталину предлагал «учредить новый по существу и по форме культ священной Родины <...> со своими обрядами для проведения народных празднеств, революционных торжеств, событий личной и общественной жизни граждан». Кроме того, предлагалось «учредить как общественное сооружение духовной жизни народа Храм Священной Родины». Культ «Священной Родины», по замыслу автора письма, должен был составить конкуренцию традиционным обрядам. Неудивительно, что подобные предложения не были реализованы, хотя по свидетельству самого Чалдымова вызвали интерес у ряда партийных деятелей². Конечно, этот эпизод можно отнести к разряду курьезов. Идеологических руководителей едва ли интересовали вопросы создания новой, «советской религии», а заботили конкретные дела.

Особое внимание в 1943–1944 гг. продолжало уделяться патриотическому и интернациональному воспитанию бойцов РККА. При этом, как и ранее, постоянно подчеркивалась организующая и скрепляющая советское боевое единство ведущая роль русского народа. 7 августа 1943 г. А. С. Щербаков в своем выступлении на сборах агитаторов, работающих среди красноармейцев нерусской национальности, отметил: «Крайне недостаточна работа по воспитанию чувства национальной гордости народов Советского Союза, популяризации героического военного прошлого народа <...> популяризации патриотических традиций русского народа и всех народов Советского Союза <...> Еще слаба работа и забота о том, чтобы боец нерусской национальности уяснил себе роль русского народа, как старшего брата в семье народов Советского Союза»³.

¹ См.: *Куняев С. С.* Жданов: гонитель или жертва? // *Завтра*. 1994. № 12. С. 6. См. также: *Куняев С. С.* Post scriptum I // *Наш современник*. 1995. № 10. С. 197.

² *Костырченко Г. В.* Мертворожденный культ // *Родина*. 1992. № 10. С. 59–60.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 88. Оп. 1. Д. 967. Л. 13.

Начавшееся в 1944 г. освобождение от гитлеризма стран Восточной Европы и прежде всего славянских народов еще более активизировало работу Всеславянского комитета. За 1943–1944 гг. было организовано 6 радиомитингов, состоялось 1269 радиовыступлений членов Комитета¹. Большой вклад внесла эта структура в организацию воинских формирований из представителей славянских народностей для освобождения своих стран от фашизма. Славянский вопрос рассматривался И. В. Сталиным с позиций распространения влияния Советского Союза на страны Восточной Европы после окончания войны и формирования социалистического пояса вокруг СССР. О новом, коммунистическом понимании общеславянской идеи И. В. Сталин заявил на приеме в честь чехословацкой делегации 28 марта 1945 г.: «Теперь много говорят о славянофильстве и славянофилах. Нас зачастую сравнивают со старыми славянофилами царских времен. Это неправильно <...> Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом <...> Вся история жизни славян учит, что этот Союз нам необходим для защиты славянства <...> В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства»². В этом выступлении советского лидера уже отчетливо просматривалась послевоенная геополитическая стратегия советской державы.

Советский народ, выдержав неисчислимые испытания в годы войны, совершил великий подвиг, разгромив фашизм. Он спас другие нации от рабства и унижения. Представители многочисленных национальностей СССР проявляли чудеса героизма на фронте и в тылу, защищая от врага родную землю. И немалую роль в достижении Победы сыграла пропаганда патриотической идеи, всех лучших духовных традиций народов нашей страны. Русский народ принял на себя основную тяжесть в борьбе с гитлеризмом. И не случайно в победном тосте 24 мая 1945 г. И. В. Сталин произнес знаменитые слова о ведущей нации Советского Союза:

«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и, прежде всего, русского народа. (*Бурные, продолжительные аплодисменты, крики "ура"*).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

¹ Синицын Ф. Л. За русский народ. С. 172.

² Застольные речи Сталина. С. 441–443.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!»¹

Патриотическая пропаганда в послевоенный период, в последние годы нахождения у власти И. В. Сталина, во многом отличалась от той, которая велась на протяжении предыдущего десятилетия (1935–1945), что было обусловлено рядом факторов. Во-первых, начавшаяся холодная война и нарастающая конфронтация с США и странами Запада объективно вели к усилению державно-патриотических мотивов в идеологии. Во-вторых, власти обоснованно опасались роста прозападных симпатий у части интеллигенции, рассчитывающей на либерализацию политического режима в СССР. Немаловажно было и то, что миллионы вернувшихся из Европы советских военнослужащих могли уже иначе воспринимать социальную действительность в своей стране. Так или иначе, идеи русского патриотизма не только были востребованы, как и в годы войны, но заняли значительно большее место в официальной пропаганде. Так, согласно «Плану мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма», составленному Агитпропом ЦК ВКП(б) в апреле 1947 г., необходимо было воспитывать у советских граждан чувство гордости «великим историческим прошлым». В документе говорилось об особой роли русской нации в развитии мировой культуры, науки, об освободительной миссии России: «Нужно подчеркивать, что русский народ на заре современной европейской цивилизации защитил ее в само-

¹ Сталин И. В. Выступление на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. // Правда. 1945. 25 мая.

отверженной борьбе против шедших из Азии монголо-татарских орд, а позднее оказал решающую помощь народам Европы в отражении натиска турецких завоевателей. В начале XIX века, разгромив полчища Наполеона, русский народ освободил народы Европы от тирании французского диктатора <...> Следует разъяснить, что наш народ сделал неоценимый вклад в мировую культуру. Необходимо раскрыть всемирно-историческое значение русской науки, литературы, музыки, живописи, театрального искусства»¹. Именно в этом ракурсе и развивалась пропагандистская политика в конце 1940-х – начале 1950-х гг., с одной стороны, резко направленная против проявлений «космополитизма» и западного влияния внутри страны, с другой – всячески подчеркивающая ведущую роль СССР и государствообразующего русского народа в мировом процессе. Говорилось о приоритете русской нации во всех областях науки, культуры, в мировой литературе последних столетий. Порой пропагандистские работники явно «перегибали палку» в чрезмерном прославлении лишь отечественных достижений. Однако в целом нельзя не признать эффективность подобной пропаганды в просвещении и патриотическом воспитании широких масс населения. Достаточно хотя бы назвать историко-биографические фильмы, повествующие о выдающихся деятелях русской истории и снятых на высоком художественном уровне («Композитор Глинка», «Римский-Корсаков», «Александр Попов», «Пирогов», «Белинский», «Адмирал Нахимов», «Адмирал Ушаков», «Корабли штурмуют бастионы», «Герои Шипки» и др.). Эти кинокартины пользовались неизменным успехом у советского зрителя. Планировался выпуск новых фильмов о Петре I и Иване Грозном, а также ленты о Дмитрии Донском и Куликовской битве. Массовыми тиражами продолжала выходить научно-популярная и художественная литература, рассказывающая о славных страницах национального прошлого. С началом хрущевской «оттепели» в советскую патриотическую идеологию будут внесены существенные коррективы.

¹ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК КПСС. М., 2005. С. 112.

Глава XII. ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАТРИОТИЗМ В 1960-х – СЕРЕДИНЕ 1980-х гг.

Возникновение русского национального патриотизма как самостоятельного идейно-политического явления в жизни советской интеллигенции прослеживается со второй половины 1950-х гг. До этого времени русский патриотизм представлял собой, по мнению российского историка В. Д. Соловья, «совокупность лозунгов и символов, нацеленных на мобилизацию народной поддержки сталинскому режиму и жестко им контролировавшихся»¹.

Становление русского национального патриотизма во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. не было единым процессом. Английский историк У. Лакёр, исследуя причины «возрождения» русского национального патриотизма («русского национализма», начало истории которого ученый относил к деятельности славянофилов), отмечал: «После смерти Сталина – и особенно в 1960-е гг., во времена политической оттепели, – возрождение русского национализма происходило на различных уровнях. Возрождение ни в коей мере нельзя назвать единым процессом – оно происходило как внутри государственных институтов и в литературных журналах, так и среди диссидентов и в их самиздате»². Формирование политических взглядов русских патриотов обусловлено рядом объективных причин, связанных с политикой советского руководства, проводимой во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг.

1. Антисталинский доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.), политика десталинизации, проводимая советским руководством во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., нанесли серьезный удар по гегемонии официальной марксистской идеологии³.

¹ Соловей В. Д. Русское национальное движение 60–80-х годов XX века в освещении зарубежной историографии // Отечественная история. 1993. № 2. С. 107.

² Лакёр У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. С. 109.

³ Dunlop J. B. The Faces of Contemporary Russian Nationalism. Princeton; New Jersey, 1983. P. 29; Соловей В. Д. Русское национальное движение 60–80-х годов XX века. С. 107.

Как вспоминал впоследствии представитель РНП¹ В. Н. Осипов (в 1956 г. – студент МГУ), «“секретный” доклад Хрущева буквально на глазах низверг пятиконечную звезду в грязь. В глазах тогдашней молодежи Сталин и коммунизм соединялись намертво»². Развенчание «культы личности» И. В. Сталина на XX съезде партии, последовавшая за этим определенная либерализация общественной жизни в СССР (период так называемой оттепели) привели к росту социальной активности различных слоев советского общества, к поиску новых идейных позиций. Историк С. Н. Семанов отмечал: «Смерть Сталина и хрущевские выпады против его наследства вновь породили в стране во второй половине 50-х гг. общественное и идейное движение, чего не было 30 лет»³. Особенно остро процесс поиска новой идеологии протекал в среде интеллигенции: если одна ее часть ратовала за возврат к «подлинному» ленинизму, очищенному от тяжелого наследия «сталинщины», то другая часть (в том числе и русские национальные патриоты) придерживалась антикоммунистических взглядов и призывала к созданию новой идеологии, отражающей национальные интересы конкретного народа, учитывающей его национальную самобытность, традиции и культуру.

«Русская идея», «традиция – национальная и религиозная» – вот те основные постулаты, на которых базировалось мировоззрение формирующегося в середине 1960-х гг. русского национально-патриотического направления в общественной жизни СССР. Представители антикоммунистического, оппозиционного власти, «нелегального» (защищающего исторические национальные и духовные традиции русского народа) направления черпали «идейный материал» у русских религиозных мыслителей XIX столетия, а также – из общения с представителями русской дореволюционной интеллигенции. Поскольку советский период русской истории и коммунистическая идеология представителями этого направления фактически отвергались, объявлялись разрывом с «национально-религиозной традицией», то ее идеальное воплощение виделось им в дореволюционной истории России⁴. «Легальное» направление в РНП появляется во второй половине 1960-х гг., его возникновение было связано с последствиями политики десталинизации 1950-х – начала 1960-х гг. Политика «десталини-

¹ РНП – Русский Национальный Патриотизм (авторское определение).

² *Осипов В. Н.* Сколько нам осталось жить // Наш современник. 1993. № 1. С. 151.

³ *Николаев С.* «Молодая гвардия» русского возрождения // Вече. Мюнхен, 1994. № 52. С. 111.

⁴ Подробнее о «нелегальном» направлении в РНП 1950–1980-х гг. см.: *Кожевников А. Ю.* Национально-патриотические течения в русской интеллигенции 1950-х – первой половины 1980-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

зации» и либерализации общественной жизни СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. не только явилась одним из главных условий возникновения русского национального патриотизма, но также оказала воздействие на формирование общественно-политических и исторических взглядов его представителей.

2. Антирелигиозная кампания, проводимая советским руководством в начале 1960-х гг., разрушение древних церквей и памятников русской национальной культуры также повлияли на активизацию русских национальных патриотов (многие из которых были православными верующими). Как отмечает Л. М. Алексеева, «в 1960–1964 гг. более половины православных храмов вновь были закрыты, как и большинство семинарий и монастырей. Из 30 тысяч православных священников, имевших приходы в 1959 г., к 1962 г. сохранили их только 14,5 тысяч»¹. Закрытие и разрушение православных храмов, резкое усиление атеистической пропаганды, принимающей подчас формы, оскорбительные для религиозных чувств верующих, – все эти действия властей не могли не вызвать протеста у определенной части русской интеллигенции, рассматривавшей Православие как неотъемлемый и важный компонент культуры и истории России.

3. Негативные последствия социально-экономической политики Н. С. Хрущева в начале 1960-х гг. и связанные с ними проявления общественного недовольства также инициировали активность русских национальных патриотов.

4. В числе причин, способствующих возникновению русского патриотического направления в среде советской интеллигенции, можно назвать и следующий фактор идеологической политики советского руководства в начале 1960-х гг. – идею ускоренного слияния наций по мере их продвижения к коммунизму. Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.) заявил: «Идет процесс сближения наций, усиливается их социальная однородность. В ходе развернутого строительства коммунизма будет достигнуто полное единство наций»². По мнению ряда отечественных и зарубежных историков, «наивная вера Н. С. Хрущева в близость коммунизма и навязываемая им идея ускоренного слияния наций не могли не вызвать ответную реакцию со стороны всех народов СССР, в том числе и русского»³. Определенным показателем этого явилось воз-

¹ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Вильнюс. М., 1990. С. 178.

² Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 191.

³ Вдовин А. И. Национальная политика большевиков и проблемы самоопределения русского народа // Русский народ: историческая судьба в XX веке. М., 1993. С. 133. См. также: Соловей В. Д. Русское национальное движение 60–80-х годов XX века. С. 107.

рождение на неофициальном уровне «русской патриотической идеологии», возвращение к национальным традициям в кругах русской советской интеллигенции начала 1960-х гг. Вот как описывает эти процессы публицист А. Л. Янов (живший в те годы в СССР): «Из-под глыб замшелой официальной идеологии вдруг стали пробиваться свежие удивительные голоса, толковавшие о необходимости национального возрождения, о возвращении к национальным корням и спасении России. Новое настроение, как вихрь, закружило Москву. Оно возникло стихийно, снизу, не только не по указанию властей, но порою было направлено прямо против них. В домах интеллигентов, в клубах и университетах появились люди самого разного возраста – и старики, и юноши, – призывавшие вернуться “домой”, к “святыням национального духа”, торжественно деклариовавшие о “земле” и “почве”, – словно ожили славянофилы 1830-х гг. Интеллигенция вдруг устремилась проводить отпуска в деревнях, у могил далеких предков – вместо модных еще недавно Крыма, Кавказа и Прибалтики. Молодежь бродила по вымирающим деревням, собирая иконы, и очень скоро не осталось почти ни одного интеллигентного дома в Москве, не украшенного символами православия»¹. Одной из ведущих тем дискуссий в ряде советских журналов становится «вымирание русской деревни, ужасающее запустение колыбели нации – Северо-восточной Руси»².

Впрочем, даже в годы антисталинской «оттепели» не было отказа от руссоцентристского курса. Хотя талантливые произведения литературы и кинематографа по историко-революционной тематике значительно потеснили «державное» направление, полный отказ от русского фактора в искусстве был уже невозможен. Например, в советском кино выпускались картины о национальных героях, былинные богатырях («Илья Муромец», реж. А. А. Птушко, 1956; «Хождение за три моря», реж. В. М. Пронин, Х. Аббас, 1958 и др.). Следствием «оттепели» стал выпуск в 1956 г. советскими издательствами собраний сочинений русских классиков – представителей консервативного направления и послереволюционной эмиграции, до того года не переиздававшихся массовыми тиражами в СССР (Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. Ф. Писемский, И. А. Бунин). Кинорежиссер И. А. Пырьев экранизировал первую часть романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (1958). Были созданы и кинопостановки по произведениям Н. С. Лескова. Новый взгляд на события Гражданской войны прослеживался в фильме Г. Н. Чухрая «Сорок первый» (1956) по рассказу Б. А. Лавренева. В третьей программе

¹ Янов А. Л. Русская идея и 2000 год. Нью-Йорк, 1988. С. 168–199.

² Там же. С. 119.

КПСС, утвержденной в октябре 1961 г. на XXII съезде партии, подчеркивалась ведущая роль русского народа в развитии других советских национальностей: «Опираясь на взаимную братскую помощь, в первую очередь на помощь великого русского народа, все советские национальные республики создали у себя современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции»¹.

Следует отметить, что названные факторы социально-экономической и идеологической политики советского руководства второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. лишь способствовали *активизации* определенных кругов русской интеллигенции, обострению ее патриотических чувств и национального самосознания. Чувства преданности и любви к своему Отечеству жили в русском народе на протяжении всей его многовековой истории и проявлялись в различных формах (национально-освободительная борьба против иноземных захватчиков, устное народное творчество, произведения русского искусства, литературы, гражданской публицистики, проникнутые идеями патриотизма, преклонением перед историей и культурой своей страны).

Деятельность «легальных» русских патриотов из среды интеллигенции с конца 1960-х гг. сосредоточилась главным образом вокруг официальных советских печатных органов и носила литературно-публицистический характер. Важное место в истории «легального» направления РНП конца 1960-х – начала 1970-х гг. принадлежит журналу «Молодая гвардия». Официально он являлся изданием ЦК ВЛКСМ, но фактически был печатным органом русских патриотов. Материалы, публикуемые на страницах этого издания, во многом послужили идейным выражением формирующегося с конца 1960-х гг. так называемого национал-большевистского течения в «легальном» РНП. Историк Д. Кречмар заметил, что уже «с 1967 г. “Молодая гвардия” разрабатывала свою программу замены марксистских аксиом классового анализа истории и общества, и пролетарского интернационализма моделью общества и культуры в русском национальном духе»². Каким образом это предполагалось осуществить? Ответ на этот вопрос дает С. Н. Семанов, один из ведущих публицистов «Молодой гвардии» рассматриваемого периода (в 1969–1975 гг. – заведующий редакцией серии «Жизнь замечательных людей»): «“Молодая гвардия” делала свою главную ставку на просвещение верхов (точнее – “подверхов”). Здесь была обширная и благоприятная среда: все, кто не был облучен влиянием “премудрых”, то есть громадное большинство правящего сословия, оказались чрезвычайно восприимчивы ко взглядам “Молодой гвардии”. Идеи народности,

¹ КПСС в резолюциях. Т. 8. С. 206.

² Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М., 1997. С. 39.

традиционности, порядка, неприятия всякого рода разрушительного модернизма, – все это соответствовало настроениям основной части послесталинского поколения. Власть <...> Большинство “Молодой гвардии” хорошо понимало, что такое марксистский “социализм”, но рычаги огромного и сильного государства – разве это не преобразующая сила, если она направлена во благо?.. “Молодая гвардия” мечтала о сильной и спокойной “революции сверху”, чтобы не дать разгуляться страстям и погубить Россию <...> Деятели “Молодой гвардии”, люди образованные и опытные, видели недостатки западных демократий: очевидное всевластие денег, социальные конфликты, “свобода” для гангстеров и порнографии, многое иное. Так нельзя ли избежать всего этого и попытаться перейти в подлинное царство справедливости и добра, минуя то, что именуется “капитализмом”?¹ Мнение С. Н. Семанова во многом поддерживалось известным литературоведом В. В. Кожинным: «Я вовсе не хочу сказать, что журнал был “диссидентским”; он выступал прежде всего и главным образом “за”, а не “против” <...> выступал он за ту тысячелетнюю Россию, которую “революционная” идеология <...> не ценила»². Такова была «идейная» и политическая линия, проводимая на страницах журнала его ведущими специалистами.

О тех, кто принял участие в деятельности журнала, чьи материалы печатались на его страницах в 1960–1970-х гг., вспоминает бывший помощник главного редактора «Молодой гвардии» А. Никонова – писатель Валерий Ганичев: «В этот период публикуются замечательные произведения Владимира Солоухина, Владимира Чивилихина, Виктора Курочкина, Александра Прокофьева, Анатолия Сафронова, печатаются статьи и выступления критиков и ученых Олега Михайлова, Виктора Чалмаева, Анатолия Ланщикова, Владимира Бегуна, историка Андрея Сахарова»³. Однако главными «идейными манифестами» явились опубликованные на страницах журнала в 1968–1970 гг. статьи его публицистов: Михаила Лобанова – «Просвещенное мещанство»⁴, Виктора Чалмаева – «Неизбежность»⁵ и Сергея Семанова – «О ценностях относительных и вечных»⁶.

¹ Николаев С. «Молодая гвардия» русского возрождения // Вече. Мюнхен, 1994. № 52. С. 131–133.

² Кожин В. В. Величие и падение «Молодой гвардии» // Наш современник. 1997. № 9. С. 208.

³ Ганичев В. Н. Величие и падение «Молодой гвардии» // Наш современник. 1994. № 9. С. 200.

⁴ Лобанов М. П. Просвещенное мещанство // Молодая гвардия. 1968. № 4.

⁵ Чалмаев В. А. Неизбежность // Молодая гвардия. 1968. № 9.

⁶ Семанов С. Н. О ценностях относительных и вечных // Молодая гвардия. 1970. № 8.

В статье М. П. Лобанова подвергаются острой критике определенные слои советской интеллигенции, зараженные «духовным мещанством», у которых наблюдается «американизация духа», выражающаяся в отрыве человека от своих национальных корней, в погоне за материальным благополучием и низменными наслаждениями. Речь, фактически, идет о новом социальном явлении – о «дипломированной массе, зараженной мещанством»¹, о «разливе так называемой образованности», которая «как короед <...> подтачивает здоровый ствол нации»². Эта мещанская «масса» «визгливо-активна в отрицании» и этим представляет «разлагающую угрозу» национальной культуре России³. Истинная же культура, по мнению Лобанова, ведет свое начало от «национальных истоков», от «народной почвы» и ее главным выразителем во все времена является не «просвещенное мещанство», а «задавленный <...> необразованный народ, который во все века порождал <...> непреходящие ценности культуры»⁴. У «просвещенного мещанства» – «мини-язык, мини-мысли, мини-чувства – все мини <...> И Родина для них мини»⁵. Главная опасность для народа, по мнению Лобанова, заключается в следующем: «Нет более лютого врага для народа, чем искус буржуазного благополучия <...> Буржуазная Россия? Да минует Россию это проклятие!» (здесь Лобанов повторяет известное изречение А. И. Герцена)⁶. «Духовная сытость – вот психологическая основа буржуа», – резюмирует автор «Просвещенного мещанства»⁷.

Статья В. А. Чалмаева «Неизбежность» во многих своих положениях перекликалась с основными выводами лобановской статьи. В ней порицаются такие явления западного буржуазного общества, как «вульгарная сытость» и «материальное благоденствие»⁸. Повествуя о «гибели многих чудес человеческой цивилизации в буржуазном мире»⁹, Чалмаев ссылается на известное высказывание русского писателя И. А. Бунина о том, что «Америка есть первая страна, которая, будучи просвещенной, живет без идей»¹⁰. Однако особый интерес представляют здесь взгляды В. А. Чалмаева на российский

¹ Лобанов М. П. Просвещенное мещанство. С. 299.

² Там же. С. 303.

³ Там же. С. 296.

⁴ Там же. С. 299.

⁵ Там же. С. 296.

⁶ Там же. С. 296, 304.

⁷ Там же. С. 304.

⁸ Чалмаев В. А. Неизбежность // Молодая гвардия. 1968. № 9. С. 270.

⁹ Там же. С. 271.

¹⁰ Там же.

процесс и его движущие силы. Он пишет: «Современный молодой человек может, вероятно, быть удивлен тем обстоятельством, что в исторических романах последних лет такое большое место вновь <...> заняли цари, великие князья, а рядом с ними, но никак не ниже их, патриархи и другие князья церкви, раскольники и пустынножители»¹. И автор поясняет, что все эти государственные и духовные деятели России – и патриарх Никон, и «пустынножитель-патриот» Сергей, и «патриот-патриарх» Гермоген и др. воплощали в себе «духовные силы» русской нации, ее «огненные порывы и мечты», из которых она «выплавляет <...> основу для государственных подвигов»².

Именно эти исторические деятели должны были, по мнению В. А. Чалмаева, стать той направляющей духовной силой для русского народа, поскольку «великая страна не может жить без глубокого пафоса, без внутреннего энтузиазма, иначе ее захлестывает дряблость, оцепенение»³. Отстаивая свою концепцию непрерывности исторического развития России (не делая при этом различия между дореволюционной русской историей и советским периодом), автор статьи, оценивая исторический путь, пройденный русским народом, отмечает: «Это история народа, который то путем эволюции, то при помощи революционного взрыва шел от одних <...> форм государства и общественного к другим, более прогрессивным»⁴. Смысл многовековой истории русского народа – истории развития и созревания «национального духа» – заключается в подготовке окончательной победы над духом западной буржуазности, духом «американизма». Важную роль в этом процессе В. А. Чалмаев отводит идеологической борьбе. «Мерой подлинной интеллектуальности и прогрессивности является в наши дни борьба с идеологическими противниками нашей Родины»⁵, «осознание этого бескомпромиссного размежевания идеологий – историческая неизбежность нашего времени», – подчеркивает автор статьи⁶.

Итак, основные идеи, декларируемые М. П. Лобановым и В. А. Чалмаевым в своих статьях: в России, как и во всем мире, существует противоборство двух непримиримых сил – нравственной самобытности народа и «американизма духа», главными проводниками которого являются в России «просвещенное мещанство», космополитическое по своей сути, в мире – буржуазный «американизм». Историческая

¹ Там же. С. 265.

² Там же. С. 267–268.

³ Там же. С. 256.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Там же. С. 262.

⁶ Там же. С. 263.

миссия России заключается в окончательной победе национального «русского духа» над духом буржуазного «американизма». Борьба с этим всемирным злом пронизывает все прошлое и настоящее России, таким образом доказывается непрерывность ее исторического развития. Руководят этой борьбой хранители «духовной силы» русского народа – его государственные и духовные вожди: полководцы, деятели Церкви, самодержцы и др. Особое место в деле сопротивления «американизму» и «буржуазности» отводится борьбе с идеологическими противниками своей Родины, а осознание бескомпромиссного размежевания двух антагонистических идеологий является исторической неизбежностью.

Конечно, большинство выводов, которые были сделаны авторами этих статей, существенно расходились с основными постулатами официальной советской пропаганды, стоявшей на позициях ортодоксального марксизма. Если официальной советской идеологией мировой исторический процесс декларировался как непримиримая «борьба классов», то по М. П. Лобанову и В. А. Чалмаеву, как борьба двух противоположных «духовных» начал: «нравственной самобытности» определенной нации и «американизма духа» как всемирного явления. Если советская пропаганда и историческая наука представляли самодержавную власть и духовенство как явления реакционные и антинародные по своей сути, то два публициста, напротив, подчеркивали позитивную роль русских самодержцев, по крайней мере некоторых из них – Ивана IV, Петра I и др., деятелей Церкви – патриархов Никона и Гермогена, св. Сергия Радонежского, в деле укрепления «народного духа», «внутреннего энтузиазма» страны. Не могло удовлетворить ревнителей «чистоты» марксистско-ленинской идеологии и фактическое признание Чалмаевым преемственности российской истории, постановка автором «знака равенства» между дореволюционным и советским ее периодами. Для В. А. Чалмаева история России – это единый процесс, в котором народ «то путем эволюции, то при помощи революционного взрыва» шел «к более прогрессивным» формам государства и общественного сознания, направляемый «духовными вождями»: священнослужителями, самодержцами, советскими государственными деятелями. Таким образом, с точки зрения В. А. Чалмаева, деятельность патриарха Гермогена для своего времени не менее значима, чем деятельность В. И. Ленина для своего, ведь оба были «духовными вождями» нации. Отметим, что весьма благожелательное отношение Чалмаева к роли Православной церкви в русской истории также не могло не вызвать раздражения у советских идеологов-марксистов, стоящих на атеистических позициях. И, наконец, в статьях Лобанова и Чалмаева основное место отводится определяющей роли русского народа в истории России, что само по себе противоречило идеологическим канонам «пролетарского интер-

национализма». Всего этого официальная советская пропаганда признать не могла. Не устраивали эти «идеи» и представителей советского «либерального лагеря» в журнале «Новый мир».

В журнале «Новый мир» в № 4 за 1969 г. была опубликована статья публициста А. Г. Дементьева «О традиции и народности», в которой автор с марксистских позиций пытался полемизировать с «исторической концепцией» В. Чалмаева и М. Лобанова, находя, что они говорят о России и Западе «скорее языком славянофильского мессианизма, чем языком наших современников». Требуется, по Дементьеву, трактовать проблему современного исторического процесса «прежде всего как борьбу мира социализма с миром капитализма» <...> в основе которой «лежат не национальные различия, а социальные, классовые¹. Неприятие у Дементьева вызывает призыв к борьбе с буржуазным «американизмом», к «бескомпромиссному размежеванию» с идеологическими противниками своей страны: «В. Чалмаев и М. Лобанов указывают на опасность чуждых идеологических влияний. Устоим ли мы, например, перед искусом «буржуазного благополучия?» «В современной идейной борьбе соблазн “американизма” <...> нельзя преуменьшать», – утверждает Чалмаев. – Правильно. Однако и преувеличивать тоже не надо <...> Советское общество по самой своей <...> природе не предрасположено к буржуазным влияниям»².

Статья А. Дементьева в «Новом мире» вызвала ответную полемику, но уже со стороны... журнала «Огонек», возглавляемого в те годы известным советским драматургом А. В. Сафроновым. В «Огоньке» (1969, № 30) было помещено коллективное письмо одиннадцати советских литераторов: М. Н. Алексеева, С. В. Викулова, С. Воронина, В. А. Закруткина, А. С. Иванова, С. И. Малашкина, А. А. Прокофьева, П. Л. Проскурина, С. С. Смирнова, В. А. Чивилихина, Н. Е. Шундика. Большинство из них принадлежало к русскому патриотическому направлению. Писатели осуждали позицию, занятую «Новым миром»: «Вопреки усердным призывам А. Дементьева не преувеличивать “опасности чуждых идеологических влияний”, мы еще и еще раз утверждаем, что проникновение к нам буржуазной идеологии было и остается серьезнейшей опасностью <...> может привести к постепенной подмене понятий пролетарского интернационализма столь милыми сердцу некоторых критиков и литераторов, группирующихся вокруг “Нового мира”, космополитическими идеями»³. Таким обра-

¹ Дементьев А. Г. О традициях и народности // Новый мир. 1969. № 4. С. 221.

² Там же. С. 225–226.

³ Против чего выступает «Новый мир» // Огонек. 1969. № 3. С. 26–27.

зом, авторы письма в «Огоньке» фактически солидаризировались с концепцией Лобанова и Чалмаева о необходимости жестокого противостояния чужеродной «американистской» буржуазной идеологии и западному влиянию.

По мнению ряда зарубежных историков, именно напечатанное в «Огоньке» письмо одиннадцати писателей во многом предопределило «окончательную отставку А. Т. Твардовского (главного редактора журнала “Новый мир”) и разгром либерального, реформистского направления» в “Новом мире”»¹. А. Л. Янов так оценивает «поражение» журнала: «Приговор был подписан. Не только Дементьеву, но и “Новому миру”, который героически выстоял против бешеных атак всей сталинской сволочи, который печатал Солженицына и Синявского, который стоял, казалось, несокрушимо, как одинокий утес либерализма, среди бушующего океана реакции. И вот он пал. Пал – какова ирония! – не за Солженицына, не за Синявского, а за правоверную марксистскую статью, защищавшую чистоту идеологических риз партии». Янов отмечает, что он «не один раз слышал от работников ЦК, что если не причиной, то действительным поводом для снятия Твардовского была статья Дементьева»².

Под давлением ЦК КПСС (и прежде всего члена Политбюро ЦК М. А. Суслова, в то время фактически второго человека в партии, отвечающего за вопросы идеологии) в феврале 1970 г. на секретариате Союза писателей СССР, в отсутствие А. Т. Твардовского было принято решение об укреплении редколлегии и аппарата журнала. От своих должностей были освобождены главные проводники либеральной линии в «Новом мире» – А. Кондратович, В. Лакшин, И. Виноградов, И. Сац. Твардовский подал уже заготовленное прошение об отставке, и его отставка была принята. Можно только догадываться, что же послужило главной причиной разгрома либеральной редакции «Нового мира»: возможно, недовольство М. А. Суслова идеологическим своевольничаньем А. Г. Дементьева (либеральное направление «Нового мира» вызывало раздражение главного идеолога партии на протяжении всех 1960-х гг.), возможно, Суслов не хотел обострения отношений с ЦК влиятельных советских писателей – авторов «Письма одиннадцати» в «Огоньке». В любом случае это отвечало излюбленной «центристской» тактике М. А. Суслова, отметававшей и «левые», и «правые» отклонения от идеологической линии партии. Так, в телефонном разговоре с Твардовским, перед

¹ *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 40.

² *Янов А. Л.* Русская идея и 2000 год. С. 154–155.

его вынужденной отставкой, Суслов посоветовал редактору «Нового мира» «не нервничать и довериться ЦК»¹.

Между тем «молодогвардейцы» продолжали свои идеологические «атаки»: в № 8 «Молодой гвардии» за 1970 г. появляется третий концептуальный материал журнала – статья С. Н. Семанова «О ценностях относительных и вечных». Она была написана с откровенно «национал-большевистских» и простиалинистских позиций. Октябрьская революция объявлялась Семановым «бесценным национальным достоянием»². Оценивая русскую советскую историю 1920–1930-х гг., Семанов клеймит троцкизм как «глубочайшее отвращение к нашему народу, его <...> традициям <...> его истории»³, оправдывает разгром Сталиным исторической школы Покровского и борьбу партии против «разрушителей и нигилистов» в 1930-х гг.⁴ Отмечая тот факт, что «много клеветнических выпадов с тех пор обрушилось на этот исторический период», С. Н. Семанов утверждает, что «перелом в деле борьбы с разрушителями и нигилистами произошел в середине 30-х годов»⁵. По мнению автора статьи, защитники так называемого золотого века, якобы царившего в салонах двадцатых гг., не желающие видеть в советской культуре ничего, кроме этих салонов, не поняли того исторического факта, что «именно после принятия нашей Конституции (1936 г. – А. К.) все честные трудящиеся нашей страны отныне и навсегда оказались слитыми в единое и монолитное целое», было осуществлено подлинное равенство всех советских граждан перед законом⁶. Как отмечает автор, «эти перемены оказали самое благотворное влияние на развитие нашей культуры». На наш взгляд, суждение весьма спорное, если учитывать, какой урон советскому обществу нанесли необоснованные репрессии 1930-х гг.⁷

¹ См.: *Медведев Р. А., Ермаков Д. А.* «Серый кардинал». М. А. Суслов: политический портрет. М., 1992. С. 187.

² *Семанов С. Н.* О ценностях относительных и вечных // Молодая гвардия. 1970. № 8. С. 317.

³ Там же. С. 318.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Следует отметить, что данная статья С. Н. Семанова явилась, фактически, первым его печатным материалом, написанным с позиций русского патриотизма и «национал-большевизма». Вот как описывает свою идейную эволюцию в 1960–1970-е гг. сам Семанов: «Мое мироощущение складывалось <...> как и у других людей моего поколения и социального положения, никаких особых случаев не было. В юности, естественно, был революционером в душе, в литературной молодости был либералом и печатал скандальные заметки в “Новом мире” А. Твардовского (которого

Еще за месяц до появления статьи С. Н. Семанова партийными идеологами был нанесен удар и по позициям «молодогвардейцев». В июльском номере органа ЦК КПСС – журнала «Коммунист» за 1970 г. публикуется статья В. Иванова «Социализм и культурное наследие», в которой острой критике подвергаются взгляды В. Чалмаева, изложенные им в статье «Неизбежность». Автор статьи в «Коммунисте» пишет: «“Неизбежность” сразу <...> обратила на себя внимание прежде всего, пожалуй, именно беспрецедентным <...> внесоциальным подходом к истории, смещением всего и вся в прошлом России, попыткой представить в положительном свете все реакционное»¹. Далее В. Иванов обрушивается и на идеологические «заблуждения» других авторов «Молодой гвардии», очевидно, имея в виду М. П. Лобанова и С. Н. Семанова, которым «следовало бы прислушаться к тому рациональному, объективному, что содержалось в критике статьи “Неизбежность” и некоторых других, близких к ней по тенденции. К сожалению, этого не произошло. Более того, отдельные авторы пошли еще дальше в своих заблуждениях, забывая прямые ленинские указания по вопросам, которые взялись судить»². Статьи этих «отдельных авторов», по мнению В. Иванова, сформировали «линию» журнала, которая «придает» журналу явно ошибочный «крен»³. Статья в «Коммунисте» явилась своеобразной «прелюдией» к более серьезным, уже административным мерам, предпринятым сусловским идеологическим аппаратом против «Молодой гвардии».

Очевидно, статья С. Н. Семанова явилась решающим поводом для административных мер против «Молодой гвардии». Заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС (а по существу, его фактический руководитель) А. Н. Яковлев, по указанию М. А. Суслова и якобы при содействии заместителя руководителя отдела культуры ЦК Альберта Беляева добился того, что в ноябре 1970 г. состоялось заседание Политбюро ЦК, на котором обсуждался вопрос об ошибочной идеологической направленности «Молодой гвардии», а также критиковались проявления религиозной пропаганды в некоторых

даже не видел ни разу). Перевалив за тридцать, стал переходить на консервативные взгляды и начал печатать скандальные статьи в “Молодой гвардии” А. Никонова, моего старшего товарища <...> Получилось вроде бы по Пушкину: “Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел...” Никаких пропастей в моем скромном духовном мире не случилось” // Цит. по: Семанов С. Анкета Литературного музея. 1996. 5 июня (печатный экземпляр из личного архива С. Н. Семанова).

¹ Иванов В. Социализм и культурное наследие. Коммунист. 1970. № 7. С. 97.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 99.

средствах массовой информации¹. А. Л. Янов отмечает, что «Брежнев, по слухам, пожаловался на этом заседании, что когда бы он ни включил телевизор, он только и слышит, что колокольный звон, только и видит, что церковные купола. В чем дело, товарищи? – спросил он. – В какое время мы живем? До революции или после нее?»².

Осознавая очевидную угрозу административных мер со стороны властей, члены редколлегии «Молодой гвардии» делают последнюю, отчаянную попытку спасти свой журнал и оградить его редактора А. В. Никонова от возможной отставки. М. П. Лобанов вспоминает: «У нас еще была надежда “отстоять” Никонова. Мы, члены редколлегии, добились приема у секретаря ЦК по пропаганде Демичева. За его служебным столом выступали Владимир Солоухин, Анатолий Иванов, Василий Федоров, я, Владимир Чивилихин»³. Однако и эта попытка писателей спасти редактора своего журнала к успеху не привела. Участь А. В. Никонова как главного редактора журнала была предрешена. На заседании Секретариата ЦК в ноябре 1970 г. он был снят с поста главного редактора «Молодой гвардии» за допущенные «ошибки» в работе и заменен «в целях укрепления руководства» журнала функционером из ЦК КПСС Ф. Овчаренко (которого в 1972 г. сменил на этом посту писатель А. С. Иванов)⁴. Однако, по свидетельству члена редколлегии журнала писателя В. Н. Ганичева, визит «молодогвардейцев» к П. Н. Демичеву «чуть смягчил участь» А. В. Никонова: он был переведен на должность главного редактора журнала «Вокруг света», однако «на литературное поле», по свидетельству В. Н. Ганичева, его «больше не пускали»⁵.

Преемник А. В. Никонова – Ф. Овчаренко, а затем и сменивший его А. Иванов фактически продолжили идеологическую линию «Молодой гвардии», публикуя на страницах журнала произведения русской национально-патриотической направленности⁶. Почему же меры, предпринятые руководством ЦК КПСС против «Молодой

¹ *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 41.

² *Янов А. Л.* Русская идея и 2000 год. С. 152.

³ *Лобанов М. П.* Величие и падение «Молодой гвардии». С. 210.

⁴ *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 41.

⁵ *Ганичев В. Н.* Величие и падение «Молодой гвардии». С. 201.

⁶ Так, один из ведущих публицистов «Молодой гвардии» М. Лобанов в начале 1970-х гг. продолжал публиковать на страницах журнала свои полемические статьи, написанные с позиций защиты традиционных ценностей русского народа, его истории и культуры. см.: *Лобанов М. П.* Сила благодатная // Молодая гвардия. 1972. № 6; *Он же.* Слово и образ // Молодая гвардия. 1972. № 8.

гвардии», оказались достаточно «либеральными», почему четко отлаженная система партийного контроля над периодическими изданиями на этот раз, по выражению А. Янова, «забуксовала»? Ответы на эти вопросы в известной степени содержатся в свидетельстве бывшего работника Отдела культуры ЦК КПСС Г. М. Гусева, отметившего, что у главного редактора «Молодой гвардии» А. В. Никонова «были добрые отношения с тогдашними членами Политбюро ЦК Д. С. Полянским <...> А. Н. Шелепиным <...> Тайная дружба связывала Анатолия Васильевича с одним из любимцев Суслова, по сути, старшим помощником “серого кардинала” ЦК В. В. Воронцовым. Догматика и неколебимого интернационалиста Михаила Андреевича (Суслов – А. К.), конечно, “перевоспитать” было невозможно, однако кое-что смягчить, “подрессорить” в яростных нападках тогдашних либералов на патриотические силы – иногда удавалось <...> Но вот любопытно: именно с молчаливого согласия Суслова в работе с творческой интеллигенцией де-факто осуществлялась так называемая “политика качелей” <...> Правда, “качели” рано или поздно шли вразнос, либеральная “чаша” постоянно перевешивала, и состояние относительного (внешне) равновесия сменялось острыми схватками и открытым противостоянием»¹. Подобные «противоречия» в действиях партийных властей по отношению к представителям русского национально-патриотического лагеря, по мнению историка В. Д. Соловья, объясняются тем, что «со второй половины 50-х гг. политика режима <...> все более заметно приобретала двойственный характер. Власть пыталась соблюсти неустойчивый баланс между недопущением русского национализма как массового движения, блокированием его проникновения в политическую элиту и истеблишментарные группы и необходимостью каких-то шагов навстречу требованиям русских, частичным удовлетворением интересов России. Иными словами, то была политика “кнута и пряника”»².

Однако, несмотря на весьма умеренный характер тех мер, которые были приняты партийным руководством против «Молодой гвардии», идеологические атаки на журнал продолжались. В январе 1972 г. публикуется постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», требовавшее бескомпромиссного осуждения тех ошибочных тенденций в литературной критике и публицистике, которые противоречили основам марксистско-ленинской идеологии. После публикации постановления на пленуме правления Союза писателей СССР (26 января 1972 г.), в присутствии секре-

¹ Гусев Г. М. Величие и падение «Молодой гвардии» // Наш современник. 1997. № 9. С. 202.

² Соловей В. Д. Национал-радикализм // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 596.

таря ЦК КПСС П. Н. Демичева и заведующего Отделом культуры ЦК В. Ф. Шауро были уточнены конкретные цели данного документа. В докладе на пленуме, сделанном партийным критиком Виталием Озеровым, особое внимание было обращено на антимарксистские национал-патриархальные уклоны в литературной критике и публицистике. Касаясь национально-патриотических публикаций, Озеров отметил, что «вечные», не зависящие от развития общества ценности внеклассовой морали, прямо противоречат лозунгам марксизма-ленинизма. Было особо подчеркнуто, что от некоторых авторов журнала «Молодая гвардия» в итоге «мы еще не услышали, какие необходимые выводы они сделали из критики их ошибок, что этим авторам пора “извлечь и осознать уроки”»¹. Однако все это было только «прелюдией» к более жесткой атаке на позиции русских национальных патриотов в литературе и исторической публицистике.

15 ноября 1972 г. в печатном органе Союза писателей СССР «Литературной газете» публикуется статья «Против антиисторизма»². Ее автор – А. Н. Яковлев, исполняющий обязанности заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС (а по сути – фактический руководитель отдела, так как с 1967 г. должность заведующего оставалась вакантной), один из ведущих партийных функционеров в области идеологии, решил выступить на страницах газеты в качестве ученого-историка. Приуроченная к предстоящей знаменательной дате – 50-летию образования СССР – объемная статья Яковлева почти целиком была посвящена острой критике антимарксистских и антиленинских по своей сути русских патриархально-националистических влияний, проникших почти во все идеологически значимые области науки и культуры.

Что же послужило «причиной» для появления этой острой, «директивной» статьи А. Н. Яковлева, чья это была инициатива? Ответ на этот вопрос давали как непосредственные участники событий, так и западные историки. Свою версию появления нашумевшей статьи выдвинул А. Л. Янов. По его мнению, «Яковлев, стоявший на левом фланге <...> брежневского центра, был озабочен как соображениями идейного, так и личного характера. Он исполнял обязанности заведующего отделом. Но заведующим его не назначили. Для этого он был слишком левым. Репутация обязывала. И для того, чтобы оправдать свою левизну, Яковлев попытался переместить налево центр тяжести самой брежневской фракции. Наиболее удобным политическим рычагом для этого представлялась борьба с руководством. И Яковлев

¹ Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 50–51.

² Яковлев А. Н. Против антиисторизма // Литературная газета. 1972. 15 ноября. С. 4–5.

уже с 1968 г. пытался превратить русофильство в объект политической борьбы наверху. Это он стоял за критическим залпом, выпущенным по чалмаевщине. Это он стоял за статьей в “Коммунисте”. И заседание секретариата ЦК, обсуждавшего эскапады “Молодой гвардии”, тоже было делом его рук <...> После нескольких лет безуспешного маневрирования и интриг <...> Яковлев вынужден был сыграть ва-банк <...> Момент, выбранный им для атаки, оказался удачным. С одной стороны, предстоял пятидесятилетний юбилей многонационального СССР. С другой – детант с Западом уже разгорался ярким пламенем. Следовало доказать: во-первых, что русофильство – это вовсе не лирическая ностальгия по деревенскому прошлому, а явление сугубо политическое, и политика его антимарксистская и даже контрреволюционная; во-вторых, что русофильство стимулирует националистические настроения в нерусских республиках СССР; в-третьих, что оно несовместимо с курсом XXIV съезда – съезда детанта»¹.

Как отмечает А. Л. Янов, «нельзя забывать о двойственности положения самого Яковлева. Он исполнял обязанности партийного идеолога и, следовательно, нес ответственность за все, что происходило на идеологическом фронте. Поэтому, сгущая краски, подставлял под удар самого себя <...> Тот факт, что он шел на это, даже рискуя своим положением, свидетельствует, насколько серьезной казалась ему ситуация»². Итак, по мнению Янова, появление разгромной для «русофилов» статьи в «Литературной газете» (как и другие меры против русского национально-патриотического направления – статья В. Иванова в «Коммунисте», заседание Секретариата ЦК, где рассматривался вопрос о редакции «Молодой гвардии») – инициатива А. Н. Яковлева. С этой точкой зрения «солидаризируется» и деятель РНП М. Лобанов: «Справка о “Молодой гвардии” для заседания Секретариата (ЦК КПСС в декабре 1970 г. – А. К.), была составлена и. о. зав. отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлевым. Под прицелом (Яковлева. – А. К.) и находилась все время “Молодая гвардия”, вплоть до появления его статьи “Против антиисторизма” <...> Воспринятые как директивные указания сверху, его русофобские заклинания обложили буквально всю <...> страну: в прессе, в вузах, в идеологических учреждениях печатались материалы, проходили собрания, совещания с обличением “антиисторизма”, “внеклассовости”, “отхода от ленинизма” в идеологии»³. Этого мнения придерживаются также У. Лакёр и российский историк Р. А. Медведев⁴.

¹ Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год. С. 163–164.

² Там же. С. 165.

³ Лобанов М. П. Из памятного // Молодая гвардия. 1997. № 3. С. 128.

⁴ Медведев Р., Ермаков Д. Серый кардинал. С. 205; Лакёр У. Черная сотня. С. 148.

Однако существует и другая версия появления статьи А. Н. Яковлева. По мнению бывшего работника ЦК КПСС, публициста Ф. М. Бурлацкого эта статья была инспирирована главным идеологом партии М. А. Сусловым¹. Существует и третья версия, согласно которой яковлевская статья была делом рук «ортодоксально-марксистской фракции в ЦК»². Четвертая версия причины появления статьи «Против антиисторизма» принадлежит деятелям РНП. Публикация этой статьи, по их мнению, – открытое выступление антирусских, так называемых интернационалистических сил. Так, член редколлегии «Молодой гвардии», писатель В. Н. Ганичев отмечает, что в начале 1970-х гг. «интернационалисты, будущие перестройщики спохватились <...> решили наступать. Последовала печально знаменитая статья “Против антиисторизма” <...> За несколько дней до ее публикации на совещании в Академии общественных наук А. Н. Яковлев критиковал журнал “Молодая гвардия” за “внеклассовый подход”»³. Эти противоречивые версии причин появления статьи Яковлева, конечно, нуждаются в конкретных документальных подтверждениях.

«Против антиисторизма» – обширная статья, являющаяся важным документом истории РНП, требует более подробного анализа. Она содержала острую критику взглядов на некоторые проблемы отечественной истории, на социальную структуру современного советского общества и т. д. ряда советских писателей, публицистов, ученых. Их взгляды квалифицировались Яковлевым как ошибочные, идущие вразрез с основными постулатами марксистско-ленинской идеологии. Критика носила развернутый характер, автор явно стремился тем самым доказать широкий характер проникновения чуждых идеологических влияний в различные слои советской гуманитарной интеллигенции.

В статье осуждались «несостоятельные» антимарксистские взгляды на «ведущую» роль интеллигенции, а не рабочего класса, как в книге И. Забелина «Человек и человечество», и игнорирование четких классовых критериев в трудах ряда советских историков Армении и Грузии⁴.

Но главное острие критики Яковлева было направлено против представителей русского национально-патриотического направления в литературе и научной публицистике. Основные обвинения

¹ Бурлацкий Ф. М. Русские государе. Эпоха реформации. М., 1996. С. 199.

² Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 56.

³ Ганичев В. Н. Величие и падение «Молодой гвардии». С. 200–201.

⁴ Яковлев А. Н. Против антиисторизма // Литературная газета. 1972. 15 ноября. С. 4–5.

сводились к следующему: отход от четких классовых позиций; проповедь «патриархальщины»; идеализация исторического прошлого России, попытка «возвратить» это «прошлое»; возвеличивание роли крестьянства в русской и советской истории. Все это, по мнению Яковлева, и отражало «антиисторизм» взглядов некоторых авторов на прошлое и настоящее России, не имеющий ничего общего с идеями марксизма-ленинизма. Так, осуждая «патриархальные» идеи, исповедуемые рядом русских советских писателей, поэтов и публицистов, партидеолог отмечал следующее: «Непонимание законов живой жизни или растерянность перед ее сложными явлениями порождают у иных публицистов <...> воинствующую апологетику крестьянской патриархальности в противовес городской культуре – всеобщей, по словам одного из сторонников этой точки зрения, “индивидуальной пляске” <...> Заблуждение это обрело даже некую теоретическую “оболочку” в виде концепции “истоков”, которой почему-то дали “зеленую улицу” некоторые невзыскательные редакции <...> В представлении проповедников теории “истоков” именно деревня <...> затерянный хутор <...> в отличие от города являются главной питательной почвой национальной культуры, некой “общенациональной морали”. Тем самым культивируется любование патриархальным укладом жизни, домостроевскими нравами как основной национальной ценностью. Естественно, что при такой постановке вопроса социализм и те изменения, которые он за полвека внес в нашу жизнь, социальная практика советского общества, формирующая коммунистическую мораль, выглядят как искусственно привнесенные нововведения, как вряд ли оправданная ломка привычного образа жизни»¹. В подтверждение своих слов Яковлев ссылается на некоторые фрагменты книги М. Лобанова «Мужество человечности», в которой излагаются исторические взгляды писателя: «давно набившие оскомину рассуждения “о загадке России”, о “тяжелом кресте национального самосознания”, о “тайне народа, его безмолвной мудрости”, “зове природной цельности” о крестьянстве, как “наиболее самобытном национальном типе”, и в противовес этому, – о “разлагателях национального духа”». По мнению Яковлева, «в рассуждениях этих нет и грана конкретно-исторического анализа. Нет понимания элементарного – того, что <...> в классовом обществе нет и не может быть единого для всех “национального самосознания”»².

А. Н. Яковлев также критикует и статью Лобанова «Вечность красоты» (посвященную роману-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» и опубликованную в «Молодой гвардии», 1969, № 12) за «внешне-

¹ Яковлев А. Н. Против антиисторизма. С. 4.

² Там же.

исторический, внеклассовый подход к проблемам <...> литературы», выразившийся в оценке автором статьи «событий Отечественной войны 1812 г. как “периода классового мира, некоей национальной гармонии” в борьбе против чужеземных захватчиков». Неприятие Лобановым в той же статье идей Великой Французской буржуазной революции, против которых, по сути, и сражались русские солдаты при Бородино, также вызывает негативную оценку у Яковлева: «Насколько далеки подобные утверждения от истины, говорит уже то, что влиянию этой революции <...> лучшая часть русского общества во многом обязана формированию передовых идей того времени»¹. Острой критике была подвергнута попытка возвеличивания Лобановым роли деревни и патриархальных отношений в русской и советской истории, и ведущей роли «деревенской прозы» – в литературе. Подобные «мотивы» и «мировосприятие», по мнению Яковлева, можно также встретить и у поэтов В. Яковченко и И. Кобзева, у публициста В. Ланщикова, которые в своих стихах и статьях «скорбят» о гибели традиционной русской деревни и патриархальной культуры под натиском «цивилизации».

Приговор этим воззрениям был жесткий: «По сути дела, за всем этим – идейная позиция, опасная тем, что объективно содержит попытку возвернуть прошлое, запугать людей “злобным духом железного воя”, “индустриальной пляской”, убивающей якобы национальную самобытность». Критикуя сторонников «патриархальщины», А. Н. Яковлев ссылается на В. И. Ленина, который «в ряде работ писал об исторической ограниченности патриархального крестьянства, его забитости, сервиллизме, рабской психологии, воспитанной веками подневольного труда, вскрыл двойственность его природы как мелких собственников, с одной стороны, и тружеников – с другой. Уместно напомнить, что В. И. Ленин прямо отождествлял патриархальщину с дикостью. И в ней ли нам искать нравственные идеалы, “истоки” морального обновления!» – заключает Яковлев. Однако и эти ленинские доводы не убеждают (по мнению автора «Против антиисторизма») сторонников «патриархальщины» и «возвращения к истокам». Так, в романе М. Кочнева «Оленьи пруды» полемика фактически идет не только с Чернышевским (которому автор романа не может простить сравнения русских людей с «рабами»), но и с Лениным, который это мнение Чернышевского поддержал, обвиняя русский народ тех лет в «отсутствии революционности» и рабстве «по отношению к царской монархии». Кочнев же, упрекая Чернышевского за это жесткое и несправедливое высказывание в адрес русского народа, таким образом, косвенно полемизирует с Лениным, – заключает Яковлев, и вопро-

¹ Там же.

шает: «С кем же в этом случае борются наши ревнители патриархальной деревни и куда они зовут?»¹

Итак, русские писатели – защитники патриархальных традиций мечтают «возвернуть прошлое» и «полемизируют» с Лениным, – обвинения, выдвинутые Яковлевым, убийственны: «ревнители» патриархальности фактически замахнулись на «святая святых» – государственную идеологию и советский государственный строй. Однако, беспомощно критикуя сторонников «патриархальщины», Яковлев попутно пытается отмежеваться от возможных обвинений в свой адрес в неприятии национальных традиций: «Говоря о решительном неприятии юродствования по поводу “мужицких истоков”, мы столь же категорически осуждаем космополитическое небрежение народными традициями. Наш спор со сторонниками социальной патриархальщины отнюдь не означает нигилистического отношения к культурному наследию народов», и приводит ряд примеров деятельности советского государства, направленной на восстановление исторических памятников².

Подводя итоги своей полемики со сторонниками «патриархально-крестьянского» направления в художественной литературе и публицистике, А. Н. Яковлев делает следующий вывод: «Старое, патриархальное крестьянство полностью и навсегда ушло с исторической арены <...> Ушел в прошлое самый многочисленный социальный слой, порождавший мелкобуржуазное сознание, мелкобуржуазную идеологию <...> Этот протяженный во времени исторический сдвиг и сегодня еще дает отзвуки умонастроений, противоречиво отражающие столь крутые революционные перемены. Наряду с исследованием и усвоением всего лучшего, что было и есть в трудовом крестьянстве, что входит в жизнь социалистического общества, появляются поветрия, которые В. И. Ленин в свое время характеризовал как “реакционный романтизм” <...> Рупором такого рода “романтизма” выступают чаще всего отдельные либералы, давно оторвавшиеся от деревни. Сегодняшние ревнители патриархальщины, восторгаясь созданным ими же иллюзорным миром, защищают то прошлое в жизни крестьянство, с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник»³.

¹ Яковлев А. Н. Против антиисторизма. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Там же. Позднее А. Н. Яковлев оценит политику «коллективизации и создания колхозной системы» как «войну» советского правительства против «крестьянской России», которая в результате этой политики «была добита окончательно», см.: Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2000. С. 399, 403.

Вторую часть своей обширной статьи Яковлев отводит критике идеологически ошибочных книг и статей по русской истории, литературных сборников и брошюр, принадлежащих перу некоторых советских писателей и ученых-историков. Обвинения против них автором выдвигались примерно те же, что и против сторонников патриархальщины. Это и «забвения социально-классовых критериев», и «идеализация прошлого», и «неопочвенничество», и «антиисторизм». Так, критикуя концепцию истории России как «единого потока», выдвинутую публицистами «Молодой гвардии», А. Н. Яковлев возвращает читателей к «журнальной дискуссии» конца 1960-х – начала 1970-х гг.: «Партийная и литературная печать уже критиковала отдельные статьи в журнале “Молодая гвардия”, в которых культурное наследие рассматривалось в духе теории “единого потока”, причем дело доходило, по сути, до идеализации и восхваления таких реакционных деятелей, как В. Розанов и К. Леонтьев». Схожие обвинения в «проявлении внеклассового, внесоциального подхода к истории» Яковлев выдвигает против Л. Ершова и А. Хватова, авторов брошюры «Листья и корни», в которой они провозглашали Октябрьскую революцию «великой русской национальной революцией», а также утверждали, что «после Октября Ленин чуть ли не пересмотрел свое учение о двух культурах (революционно-демократической и “реакционной”. – А. К.), что после революции в ленинском отношении к наследию “многое кардинально меняется»¹. Все эти утверждения не соответствовали действительности, по мнению А. Н. Яковлева, «ибо и до, и после революции Ленин со всей определенностью требовал не внеклассовой всеядности, а “развития лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мировоззрения марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху диктатуры”. Авторы же брошюры утверждают нечто иное – будто “культура социалистического общества складывается не только из элементов последовательно демократических, но из всего культурного фонда прошлого”»².

«Игнорирование ясного ленинского требования, обязательно в подходе к истории», неприемлемо, по Яковлеву, и для оценок, которые давались деятелям дореволюционного прошлого России в работах критика О. Михайлова (журнал «Наш современник», 1969, № 4) и прозаика И. Шухова (журнал «Простор», 1972, № 1), якобы романтизировавших деятельность русского генерала Скобелева «без учета его реакционных унастроений и роли в подавлении народных выступлений в Средней Азии». Писатель М. Кочнев был

¹ Яковлев А. Н. Против антиисторизма. С. 5.

² Там же.

удостоен порицания за роман «Оленьи пруды», в котором представлена попытка оспорить точку зрения на Карамзина – историка как «защитника самодержавия». Признаки отхода от четких классовых позиций Яковлев усматривает и в сборнике стихотворений русских поэтов XIX столетия «О, Русская земля!», в котором, наряду с произведениями «революционных поэтов-демократов», были опубликованы стихотворения их идейных противников, поэтов-славянофилов (в том числе известное «послание» поэта Н. М. Языкова «К не нашим», названное впоследствии революционером А. И. Герценом «доносом в стихах»). И хотя составители сборника трактовали эти произведения как «стихи высокого гражданского звучания, высокого патриотического и революционного пафоса», Яковлев обвинил их в попытке «соединить несоединимое – революционных демократов с реакционерами-славянофилами». Явные симпатии к славянофильскому лагерю середины XIX в. просматриваются, по мнению доктора исторических наук, и в статье Б. Егорова «Славянофильство», опубликованной в Краткой литературной энциклопедии. Этот автор, как отмечает Яковлев, «подробно описав взгляды славянофилов по самому широкому кругу вопросов, не нашел места лишь для характеристики классовых корней этой консервативной идеологии, не сказав фактически о самом главном – о том, что она носила дворянский, помещичий характер»¹.

Резко критикуется на страницах яковлевской статьи и брошюра С. Семанова «Памятник. Тысячелетие России в Новгороде», автор которой «не занял диалектической, проникнутой историзмом позиции <...> хотя в его задачу <...> входило помочь читателю разобраться в идеологической сущности празднования в 1862 г. тысячелетия Российского государства <...> отразившейся и на замысле скульптора М. О. Микешина». По словам С. Н. Семанова, в 129 скульптурах памятника нашли свое отражение «гражданские убеждения» его создателя, «его понимание Родины и родной истории». «В действительности, – пишет Яковлев, – отбор исторических фигур для памятника носил <...> тенденциозный характер и выражал <...> требования официальной идеологии русского царизма <...> Брошюра же создает впечатление, будто ее автор полностью согласен с тем пониманием “судьбы Родины”, которое отражено в барельефах и скульптурах памятника»².

Как видно из приведенных фрагментов пространной статьи А. Н. Яковлева, автор «раскрывает» угрожающее влияние сторонников русской «патриархальщины» (позднее их будут именовать «руссо-

¹ Яковлев А. Н. Против антиисторизма. С. 5.

² Там же.

филами») буквально во всех областях советской литературы и общественных наук. Яковлев, по мнению А. Янова, «обнаружил русофильство в историографии, в беллетристике, в поэзии, в литературоведении – всюду. Очень осторожно, но тем не менее настойчиво старался он создать впечатление невиданной <...> диверсии враждебной идеологии, особенно опасной тем, что она практически помогает буржуазной пропаганде разжигать национальные противоречия в СССР»¹.

Действительно, говоря об опасности «патриархальных», русофильских идей для национальных отношений, Яковлев сослался на «происки» зарубежных «классовых врагов» советского политического строя, которые могли бы использовать любые проявления «национализма» в СССР в своих целях: «Хорошо известно, какая активная кампания ведется нашими классовыми противниками в связи с 50-летием многонационального советского государства <...> Легко понять, сколь старательно выискиваются и раздуваются при этом любые, самые малейшие проявления национализма, с какой готовностью подхватываются рецидивы мелкобуржуазной ограниченности и чванства, пусть и самые незначительные»². Как же в таком случае Яковлев оценивал идейную позицию, занятую сторонниками русской «патриархальщины» и «неопочвенничества»? Отмечая, что мотивы «неопочвенничества» не так уж безобидны, как может показаться при поверхностном размышлении, Яковлев выносит этому «идейно-ошибочному» явлению суровый «приговор»: «Партия всегда была непримирима ко всему, что может нанести ущерб единству нашего общества, в том числе, к любым националистическим поветриям, откуда и от кого они не исходили бы <...> Одним из таких поветрий являются рассуждения о внеклассовом “национальном духе”, “национальном чувстве”, “народном национальном характере”, “зове природной цельности”, содержащиеся в некоторых статьях, отмеченных объективистским подходом к прошлому. Их примечательная особенность – отрыв современной социальной практики от тех исторических перемен, которые произошли в нашей стране за годы после Великого Октября, игнорирование или непонимание того <...> факта, что в нашей стране возникла новая историческая общность людей – советский народ <...> Если <...> довести до конца подобные <...> рассуждения, то получается следующее: в мире нет классов, социальных слоев и групп <...> а есть лишь незываемые и неизменные национальные особенности, возникшие в неведомые времена по неведомым законам. Подобное внесоциальное, внеисторическое понимание нации и национальной культуры, взятой в целом, противо-

¹ Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год. С. 165.

² Яковлев А. Н. Против антиисторизма. С. 5.

поставляется западной, европейской культуре тоже без учета ее социальной дифференциации. И подобное противопоставление выдается порой чуть ли не за борьбу с буржуазной идеологией»¹. В заключении статьи Яковлев уже выдвигает против сторонников русского «национального» направления в литературе и науке жестокие обвинения: «Полезно всегда помнить, что опасность мелкобуржуазного национализма состоит в том, что он паразитирует на святом чувстве любви к своей отчизне, на высокой идее патриотизма, искажая ее до неузнаваемости. В итоге вместо национальной гордости получается национальное чванство, а патриотизм оборачивается шовинизмом»².

Таким образом, обвинения, выдвинутые одним из ведущих идеологических функционеров ЦК КПСС А. Н. Яковлевым против сторонников «патриархальщины» – русских писателей и ученых, были по тем временам довольно серьезными: это и «национализм», и «шовинизм», и «национальное чванство», и «паразитирование на святом чувстве любви к отчизне», не говоря уже о «внеклассовом подходе к истории», «антиисторизме» и прочих «ошибочных» идеях. Конечно, отдельные выводы, которые делали в статьях и книгах русские писатели и публицисты, могли показаться в чем-то наивными и даже спорными (в особенности, если их рассматривать с ортодоксальных марксистских позиций). Однако А. Яковлев, партийный работник с середины 1940-х гг., с 1953 г. – сотрудник аппарата ЦК КПСС, обвиняя русских писателей в избыточном и неправильном патриотизме, явно «забыл» об идеологическом «повороте», который произошел еще в конце 1930-х гг. и особенно усилился в годы Великой Отечественной войны и после нее, когда советская пропаганда активно использовала идею русского патриотизма, а деятельность многих дореволюционных русских военачальников, писателей, ученых была объявлена «национальным достоянием», «национальной гордостью» русского народа. Но, исходя из логики статьи Яковлева, можно предположить, что деятельность гениального полководца А. В. Суворова и великого царя-реформатора Петра I тоже была бы глубоко «реакционна» и «чужда интересам народа», если принимать во внимание только то, что первый участвовал в подавлении пугачевского движения, а второй проводил свои реформы за счет усиления крепостничества. А ведь именно в «реакционности» обвинял Яковлев выдающегося русского генерала М. Д. Скобелева, а заодно и советских писателей, прославлявших его деятельность на благо России и ее армии. Неизвестно, какую «оценку» получили бы в яковлевской статье русские полководцы М. И. Кутузов и Ф. Ф. Ушаков, взгляды которых

¹ Яковлев А. Н. Против антиисторизма. С. 5.

² Там же.

также не отличались «революционностью». От возможного разгрома Яковлевым этих великих деятелей прошлого России (а также и советских авторов, которые посвятили им свои объективные исследования) спасло лишь то, что они были фактически заново возвращены русскому советскому народу в годы Великой Отечественной войны, были учреждены боевые ордена их имени, в советской историографии, литературе и кинематографе была по достоинству оценена их выдающаяся роль в защите России от чужеземных захватчиков и укреплении Российского государства.

Примерно в таком же свете предстает и критика Яковлевым ««кетничания» с реакционно-консервативными традициями», якобы проявившегося в поэтическом сборнике «О, Русская земля!». Особое неудовольствие высокопоставленного автора вызвала публикация в сборнике стихотворений поэтов-славянофилов Н. М. Языкова и др. Составители сборника обвинялись едва ли не в симпатиях к представителям «реакционно-консервативного» лагеря. Однако все эти обвинения выглядят по меньшей мере странно, если принять во внимание тот факт, что произведения деятелей «реакционного» славянофильского лагеря – выдающихся русских поэтов Н. М. Языкова и Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова и др. выходили в СССР уже не одно десятилетие миллионными тиражами. Если также принять во внимание массовое издание в Советском Союзе с середины 1950-х гг. произведений таких «реакционно-консервативных» писателей, как Н. С. Лесков и Ф. М. Достоевский (романы последнего с 1960-х гг. были включены в школьную программу), то становится неясным, кого же критикует «партийный идеолог» – «сбившихся с правильного курса издателей сборника «О, Русская земля!» или весь советский Госиздат? Неприятие вызвали у Яковлева и попытки противопоставления некоторыми публицистами русской и зарубежной культур – без учета их «классовых корней». Действительно, взаимное влияние культур друг на друга на протяжении столетий было очень значительным. Известно, какое глубокое воздействие оказали идеи европейского «просветительства» XVIII в. и Великой французской революции на русскую культуру и революционное движение первой половины XIX столетия¹. Огромное влияние русской литературы XIX–XX вв. на мировую культуру также трудно переоценить. Но как же, в таком случае, объяснить такой весьма распространенный феномен западной идеологии, как «русофобия», зародившийся еще в середине XIX в. и ставивший своей целью сугубо негативное изображение России, русского народа, его культуры, истории, традиций?

¹ См.: *Мяжкова Е. М., Репников А. В. Образы Французской революции в общественной мысли России XIX в. // Россия XXI. 2012. № 5. С. 102–123.*

Обвиняя русских писателей – защитников дореволюционной – деревни в «патриархальщине», Яковлев игнорировал огромный вклад, который внесла русская деревня, ее общинный уклад и традиции в формирование русской культуры. Имена выдающихся русских поэтов, выходцев из сельских низов – А. В. Кольцова, И. С. Никитина, И. З. Сурикова, С. Д. Дрожжина, великого русского поэта С. А. Есенина – тому подтверждение. Русская деревня, ее проблемы, тяготы и заботы русского крестьянства, его быт, культура, психология нашли свое отражение в творчестве великих писателей: А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. О «революционности» беднейшего российского крестьянства в разное время писали А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, деятели «народничества» и В. И. Ленин. Об этом тоже не мог не знать историк и партийный идеолог А. Н. Яковлев.

Бросая русским ученым и писателям обвинения в «национализме», «шовинизме», в «национальном чванстве», А. Н. Яковлев не только не представил доказательных примеров тому, но даже не дал четких определений этим понятиям. Пытаясь представить сторонников так называемой патриархальщины едва ли не пособниками «классовых врагов» советского государства, стремящихся посеять национальную рознь среди народов СССР, Яковлев не смог привести ни одного примера негативного отношения критикуемых им русских писателей и ученых к другим национальностям. При чем же тогда здесь «шовинизм», «национализм»? Писатели, стоявшие на позициях русского патриотизма и защиты национальных традиций, не являлись противниками советской власти и советского государственного строя. Наоборот, были их приверженцами. Так, в статье С. Н. Семанова «О ценностях относительных и вечных» Октябрьская революция объявлялась «великим национальным достоянием» России, в статьях М. Лобанова и В. Чалмаева советский политический строй противопоставляется разрушительной буржуазной цивилизации Запада. Все это, очевидно, и вызвало негативную реакцию Яковлева на публикации «молодогвардейцев» и других патриотических писателей и публицистов: «подобное противопоставление (русской национальной и западной культур. – А. К.) выдается порой чуть ли не за борьбу с буржуазной идеологией»¹. Впрочем, А. Н. Яковлев все же вынужден был отдать должное критикуемым им авторам: «Некоторые статьи на темы, о которых мы вели речь, нельзя назвать бесталанными, они написаны не без страсти, полемической остроты»².

¹ Яковлев А. Н. Против антиисторизма. С. 5.

² Там же.

Конечно, статью Яковлева можно было бы рассматривать как выступление принципиального партийного чиновника, пекущегося об идеологической чистоте советской литературы и науки. Однако, в статье не критикуются «ошибочные» взгляды и «антиисторизм» другого, «либерально-западнического» направления в советской литературе, искусстве и общественной мысли. Удар фактически был нанесен лишь по сторонникам русских национальных традиций, по так называемому «русофильству». Очевидно, только это общественно-культурное явление вызывало наибольшую тревогу у партийного идеолога. Не случайно так много внимания было уделено разбору статьи А. Н. Яковлева в «Литературной газете», так как она сыграла определяющую роль в истории русского национального патриотизма 1970-х гг. В этом мнении сходится большинство приверженцев идей РНП¹. Задуманная ее автором как своеобразный программный документ (по типу постановления ЦК ВКП(б) 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград»), статья ставила своей целью разгром идеологически-ошибочных и «опасных» проявлений «русского национализма» и «неопочвенничества». Соответственно, после появления этого документа в отношении критиковавшихся авторов и печатных органов должны были последовать определенные меры репрессивного характера (заккрытие журналов, лишение работы и преследование авторов, названных в статье). Представители национал-большевистского течения в РНП, русские писатели, публицисты, подвергшиеся уничтожающей критике партийного идеолога на страницах «Литературной газеты», были готовы к самому худшему. «Казалось, с нами решено», – вспоминает писатель В. Н. Ганичев, в то время член редколлегии журнала «Молодая гвардия»². Но случилось непредвиденное. Никаких репрессивных мер по отношению к сторонникам «русофильства» не последовало.

Описывая события тех дней, автор книги «Красное и коричневое» Семен Резник, работавший в начале 1970-х гг. в редакции серии «Жизнь замечательных людей», которую возглавлял С. Н. Семанов, подчеркивал: «В том, что Семанов будет снят, не сомневался никто». Семанова вызвали в Большой дом на Старой площади, как в обихо-

¹ См.: Николаев С. «Молодая гвардия» русского возрождения. С. 117–118; Семанов С. Н. Юрий Владимирович. Зарисовки из тени. М., 1985. С. 37; Иванов А. М. Истинное лицо Андропова // Русский вестник. 1996. № 2/4. С. 10; Любомудров М. Н. Сергей Семанов. Юрий Владимирович. Зарисовки из тени. Образ. 1996. № 2. С. 175; Лобанов М. П. Из памятного. С. 128; Ганичев В. Н. Величие и падение «Молодой гвардии». С. 201; Шафаревич И. Р. Русский народ на переломе тысячелетий. Бег наперегонки со смертью. М., 2000. С. 174.

² Ганичев В. Н. Величие и падение «Молодой гвардии». С. 201.

де именовался ЦК партии. «Созволившись с товарищами по несчастью, – писал далее С. Резник, – то есть с теми, кто поименно был назван А. Н. Яковлевым, Семанов узнал, что все они тоже вызваны на тот же самый день и час. Похоже, что готовилась экзекуция <...> Однако случилось невероятное. “Молодых критиков” лишь слегка пожурили. Им объяснили, что товарищ Яковлев – крупный ученый и к его аргументам следует прислушаться, но это не значит, что партия имеет к ним политические претензии. Статья А. Н. Яковлева опубликована не в партийном органе и выражает только личное мнение автора»¹. С ноября 1972 г. по февраль 1973 г. в здании ЦК КПСС на Старой площади побывали многие советские литераторы, подвергшиеся критике в статье Яковлева. Но никаких строгих взысканий по отношению к ним не последовало. Скорее происходило обратное. Вот как описывает свой «визит» к заведующему сектором Отдела пропаганды ЦК КПСС И. И. Чхиквишвили в феврале 1973 г. писатель М. П. Лобанов: «В большом кабинете с кресла встал высокий грузин с торжественно поднятой, как будто поднимая тост за столом, для рукопожатия, рукой.

– Русовил? (т. е. русофил?) – играя глазами, спросил он.

– Нет, не русовил.

– Я сам русовил, и Александр Николаевич (Яковлев) про себя тоже русовил <...> Нам стало известно, что строят препоны вашей работе, задерживают книги. Я должен сказать, что это безобразие, провокационное дело. Вы должны знать, что мы вам поможем»².

В конце беседы, как вспоминает М. Лобанов, Чхиквишвили обратился к нему с предложением: «Вас может принять Александр Николаевич, даже сейчас, если хотите», но Лобанов от этого предложения отказался³. Но на приеме у Яковлева смогли побывать другие писатели. М. Лобанов вспоминает: «Другие герои его [Яковлева] статьи были у него. Олег Николаевич Михайлов, которому досталось за упоминание в статье имени генерала Скобелева, по обыкновению артистично, с издевкой рассказывал, как Яковлев выпытывал у него, зачем ему понадобился Скобелев. Он, Яковлев, конечно, не против русской истории, русской культуры, если надо, он в компании и песню русскую подтянет, и все другое, но при этом не надо забывать, что есть опасность шовинизма»⁴.

Как можно понять из воспоминаний свидетелей и участников событий, писатели и публицисты, которых резко критиковал в статье

¹ Резник С. Красное и коричневое. Советский антисемитизм в эпоху гласности. Вашингтон, 1990. С. 3–4.

² Лобанов М. П. Из памятного // Молодая гвардия. 1997. № 3. С. 129–130.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же.

Яковлев, не только не подверглись репрессиям, но даже услышали от работников ЦК КПСС заверения, что «партия не имеет к ним политических претензий», а некоторым писателям была обещана «помощь» в издании их книг. Этим писателям лишь «поставили в известность», что у крупного ученого А. Н. Яковлева тоже есть своя точка зрения на проблемы российской истории, это «его личное мнение» и к его аргументам «следует прислушаться». Таков итог истории со статьей А. Н. Яковлева. Однако для самого автора статьи в «Литературной газете» дальнейшие события приняли совершенно неожиданный разворот. В том же 1973 г. А. Яковлев был снят со своей должности и направлен Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Канаду, откуда был возвращен лишь при Ю. В. Андропове, в июне 1983 г.¹ По «неписанным» номенклатурным законам для Яковлева, занимавшего до этого ключевой пост в идеологическом аппарате ЦК КПСС, перевод послом в Канаду выглядел как явное понижение в партийной иерархии, являлся своеобразной «почетной ссылкой».

Для выяснения причин столь неожиданного развития событий пока нет достоверных документальных материалов. Такие «историки» русского национал-консерватизма, как А. Янов, С. Картер, С. Резник, строят свои гипотезы на основе всевозможных «догадок» и «предположений»². Другие историки, например, У. Лакер, вообще избегают каких-либо объяснений. Автор данного раздела коллективной монографии попытался ответить на эти вопросы, обратившись к многочисленным свидетельствам непосредственных участников событий, а также к работам историков, располагавших информацией о них.

Определенное «смягчение» удара, который готовил против «русофилов» Яковлев, было в известной степени вызвано уже тем, что это намерение партийного «идеолога» встретило сопротивление в самом аппарате ЦК КПСС. Так, благодаря определенным «аппаратным ходам», предпринятым заведующим сектором печати Отдела пропаганды ЦК КПСС И. П. Кириченко, статья Яковлева появилась не в центральном партийном органе – «Правде» (как предполагал сам автор статьи), а в «Литературной газете» (об этом факте автору поведал один из деятелей РНП 1970-х гг. историк А. Г. Кузьмин, по свидетельству которого И. П. Кириченко сочувствовал идеям русофилов – «молодогвардейцев» и оказывал им возможную помощь. О благотворной роли Кириченко в судьбе «молодогвардейцев» пишут также в своих воспоминаниях деятели РНП М. П. Лобанов и С. Н. Семанов³). По свиде-

¹ Яковлев А. Н. Омут памяти. С. 191, 202.

² См.: Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год. С. 166–167; Carter S. K. Russian Nationalism: Yesterday, Today, Tomorrow. L., 1990. P. 86; Резник С. Красное и коричневое. С. 4.

³ Лобанов М. П. Из памятного. Молодая гвардия. 1997. № 3. С. 129; Семанов С. Н. Андропов. Семь тайн генсека с Лубянки. С. 268–289.

тельству В. Ганичева, сразу после публикации в «Литературной газете» статьи А. Н. Яковлева в ЦК КПСС позвонили писатель М. А. Шолохов (в те годы член ЦК партии), маршал Советского Союза М. В. Захаров, «посыпались письма протеста против статьи», обвинявшие ее автора в травле русских писателей и «русофобии»¹. Быстрое возникновение влиятельной оппозиции в лице известных писателей, военных и общественных деятелей, очевидно, предотвратило возможные репрессивные меры, которые могли предпринять партийные власти против русских национал-патриотов. Факт существования в высших эшелонах власти в СССР сил, сочувствовавших русским национал-патриотам, допускается историком А. Яновым – давним идейным оппонентом «русофилов»: «Ясно <...> другое: очень могущественные силы наверху были заинтересованы в том, чтобы редакция “Молодой гвардии” не погибла, подобно редакции “Нового мира” <...> Действительный урок “дела” Яковлева заключается <...> в другом: кто-то не позволил, чтобы “истеблишментарная правая” разделила судьбу истеблишментарных либералов, чтобы редакция “Молодой гвардии”, разбитая политически, сохранила, тем не менее, свои кадры, свои позиции, свою идеологическую амуницию»².

Установив возможные причины провала идеологического «демарша», предпринятого Яковлевым на страницах «Литературной газеты», попытаемся ответить на вопрос: кто же явился «инициатором» появления статьи? По уже упоминавшемуся свидетельству бывшего сотрудника аппарата ЦК КПСС Ф. М. Бурлацкого, Яковлева «подтолкнул на это выступление» главный идеолог партии, член Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслов³. Однако в этом следует усомниться. Бурлацкий ушел из аппарата ЦК в феврале 1965 г., то есть за семь лет до описываемых событий, следовательно, мог судить о них по «слухам» и рассказам бывших сослуживцев. Как рассказывал автору бывший сотрудник Отдела пропаганды ЦК КПСС С. С. Слободянюк, статья А. Яковлева была личной инициативой ее автора, что и вызвало негативную реакцию Суслова: появление материала подобного рода в прессе было грубейшим нарушением правил аппаратной «субординации». Подобный «директивный» по своему характеру документ должен был быть «согласован» с Суловым. Схожую точку зрения мы встречаем и у историка Р. А. Медведева в его книге «Серый кардинал»: «М. А. Суслов, – пишет он, – внимательно следил и за общественными, литературно-критическими дискуссиями, разворачивавшимися в конце 60-х – начале 70-х гг. Он явно не одобрял и набирившее силу в конце 60-х годов русское “почвенничество”, вы-

¹ Ганичев В. Н. Величие и падение «Молодой гвардии». С. 201.

² Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год. С. 166–167.

³ Бурлацкий Ф. М. Русские государи. Эпоха реформации. С. 199.

разителем идей которого стали некоторые публикации, в частности, в журнале “Молодая гвардия”. Однако, когда один из ответственных работников аппарата ЦК КПСС, А. Н. Яковлев опубликовал 15 ноября 1972 г. в “Литературной газете” большую статью “Против антиисторизма”, где критиковал различного рода проявления “социальной патриархальщины и национализма”, она тоже не понравилась Михаилу Андреевичу определенностью и самостоятельностью суждений. Хорошо зная практику, при которой для ответственных работников статьи и речи составляются сотрудниками “менее ответственными”, Суслов попросил помощника выяснить, кто же готовил для Яковлева нашумевшую статью. Помощник вскоре доложил, что статью написал сам Яковлев. “Что он, Ленин, что ли”, – с раздражением заметил Суслов»¹.

Появление статьи Яковлева и тот шум, который поднялся вокруг нее, вызвали негативную реакцию и Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. С. Н. Семанов в своих воспоминаниях отмечает, как раздражал Брежнева скандал вокруг этой статьи: «Этот <...> хочет поссорить нас с русской интеллигенцией»². В. Н. Ганичев пишет: «Генсек Брежнев шумов и скандала не любил, приказал убрать Александра Николаевича, а его старший брат прислал письмо, в котором проклял своего родственника»³. А. Н. Яковлев в своих воспоминаниях тоже отмечает, что его статья вызвала недовольство Брежнева, которому не понравилось, что «растаскиваются» идеи его доклада к 50-летию образования СССР⁴.

Вся эта совокупность причин – образовавшаяся влиятельная оппозиция яковлевской статье в писательских, военных и широких общественных кругах; нарушение Яковлевым правил «аппаратной субординации»; определенная «независимость» его суждений, вызвавшая недовольство Суслова; наконец, гневная реакция самого Л. И. Брежнева, не желавшего ссориться с русской интеллигенцией из-за «возмутителя аппаратного спокойствия», и привели к снятию А. Н. Яковлева с занимаемого поста и его многолетней «почетной ссылке» послом в Канаду. Однако данные версии пока основываются на предположениях и немногочисленных фактах и требуют более основательного документального подтверждения. Отставка и последующая «ссылка» главного чиновного оппонента «русофилов» А. Н. Яковлева были встречены в их лагере с ликованием. «“МГ” торжествовала победу, и какую!» – отмечает в своей работе «“Молодая

¹ *Медведев Р. А., Ермаков Д. А.* «Серый кардинал». М. А. Сулов: политический портрет. М., 1991. С. 205.

² *Семанов С. Н.* Юрий Владимирович. С. 37.

³ *Ганичев В. Н.* Величие и падение «Молодой гвардии». С. 201.

⁴ *Яковлев А. Н.* Омут памяти. С. 190.

гвардия” русского возрождения» историк С. Николаев. По его словам, именно после отставки А. Н. Яковлева началось «шестивие» русских патриотов к политической власти в стране, «период широчайшего наступления и видимых успехов» сторонников «русского национально-возрождения»¹. Конечно, это несколько утрированный взгляд на реальную историю «легального направления» в РНП 1970-х гг., на долю которого вскоре выпадут новые испытания. Но сам факт удаления сильного оппонента русских национальных патриотов явился их несомненной победой. Они не только смогли избежать репрессий, но и заручились фактической поддержкой влиятельных сторонников из партийных, военных и культурных структур. Русские патриоты получили и ощутимую общественную поддержку.

Во второй половине 1970-х гг. «легальное направление» РНП, в первую очередь представленное журналами «Молодая гвардия» и «Наш современник», продолжало пропаганду русских национально-патриотических идей. «Молодая гвардия» (ободренная неожиданной «победой» над своим чиновным «оппонентом» А. Н. Яковлевым в 1973 г.) при главном редакторе Анатолии Иванове в основном продолжала на своих страницах придерживаться «национал-большевистской» линии. С. Н. Семанов вспоминал: «Анатолий Степанович Иванов возглавлял “МГ”, ну, без блеска, скажем прямо, ибо более всего занят был своими тысячестраничными эпопеями (роман Иванова “Вечный зов”. – А. К.). Однако традиционно-патриотическую линию журнала он продолжал вести достаточно твердо»².

Но яркий и плодотворный «никоновский» период для «Молодой гвардии» закончился. Главным проводником русской национально-патриотической идейной «линии» «легального» РНП со второй половины 1970-х гг. становится «Наш современник», именовавшийся с 1978 г. не только «литературно-художественным», но и «общественно-политическим» журналом. «Наш современник» под руководством его редактора Сергея Викулова превращается в центр русской патриотической, «ценностно-консервативной» публицистики³. Писатели-«деревенщики» В. Г. Распутин, В. И. Белов, Е. И. Носов,

¹ Николаев С. «Молодая гвардия» русского возрождения. С. 118.

² Семанов С. Величие и падение «Молодой гвардии». С. 205.

³ Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 92. Характеризуя сущность «ценностно-консервативного» (или «неославянофильского») течения в рядах русской патриотической интеллигенции 1970-х гг., Кречмар называет его основные «идеологемы»: «русский национализм, антиимперский изоляционизм, контраст между “охраняющей ценности” сельской и “разлагающей” их городской культурой, отрицание прямолинейного процесса, экологический пафос, а также пропаганда вневременных религиозно-этнических принципов».

В. П. Астафьев (ставшие членами редколлегии «Нашего современника») в своих произведениях отстаивали духовные ценности русской деревни, являющейся, по их мнению, единственным средоточием нравственности и культуры в современной России (в отличие от «разлагающего» духовную жизнь народа «космополитического» города). Писатели скорбят о запустении русской деревни, начавшемся упадке нравственности среди ее жителей, наступлении разрушительных сил «технического прогресса», уничтожающего деревню. Наиболее показательна в этом отношении повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой» (1974), в которой рассказывается о затоплении сибирского села Матера с целью постройки на его месте гидроэлектростанции. Писатель не случайно назвал село именем «Матера», которое созвучно слову «мать». Название повести фактически звучит как «прощание с матерью», со своей малой родиной, со своим прошлым. Повесть Распутина проникнута скорбью и тревогой за судьбу русского села. Говоря об упадке нравственности, забвении русскими людьми своих исторических «корней», Распутин в одной из более поздних статей отмечал: «Только одно может иметь для <...> народа самые тяжелые и непоправимые последствия: самодовольство поколения или нескольких поколений, забвение корней своих, сознательный или бессознательный разрыв с многовековым опытом прошлого, ведущие через последующие связи к утере национально-го чувства и исторической памяти, к разобщению, обезличенности и безродности. Тогда и народ – население, и родина – место жительства и прописки»¹. Другой писатель-«деревенщик», Владимир Солоухин, осуждая уничтожение памятников национальной культуры, духовное беспамятство, так объясняет смысл своего творчества: «Нет ничего удивительного в том, что я, русский писатель, пекусь о сохранении природы и творений русского гения, болею душой за все уничтоженное и безвозвратно потерянное, а русский читатель разделяет мою тревогу»².

Позиция, занимаемая «деревенщиками» и поддерживающего их «Нашего современника», по сути, являлась скрытым отрицанием не только многих «нравственных ценностей» так называемого развитого социалистического общества, но и моделей экономического развития страны, проводимых советским руководством в 1970-х гг. (проекты поворота сибирских рек в Среднюю Азию, уничтожения «нерентабельных деревень» и другие экономические «эксперименты», планируемые или уже проводимые в угоду «индустриально-техниче-

¹ РГАСПИ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 126. Л. 37 (рукопись статьи В. Распутина «Твой сын, Россия...», опубликована в: Советская культура. 1984. 20 июля).

² Там же. Д. 76. Л. 49 (запись беседы корреспондента газеты «Советская культура» с В. Солоухиным, опубликована в: Боль души моей. Советская культура. 1980. 18 февраля).

скому» развитию страны)¹. Распутин в интервью газете «Советская культура» описывал уничтожение «нерентабельных» деревень: «Был я в Усть-Илимском море, видел сплошное зарево от горевших деревень». Однако это горестное наблюдение писателя в его интервью опубликовано не было².

Дискуссии о «деревенской прозе» были в центре литературной критики 1970-х гг. Главными упреками в ее адрес стали «односторонняя фиксация на прошлом», «игнорирование научно-технического прогресса на селе» и «нетипичное изображение действительности» (статья Феликса Кузнецова в журнале «Новый мир»³). Яростные атаки на творчество писателей-«деревенщиков» вели и сторонники догматическо-марксистской литературной критики в правлении Союза писателей СССР. Критик В. Оскоцкий, выступая на пленуме Совета по литературной критике СП СССР (20 января 1977 г.), ссылаясь на осуждение рядом советских журналов еще в начале 1970-х гг. статьи публицистов «Нашего современника» Л. Ершова и А. Хватова «Живая, необоримая сила»⁴. Говоря о сегодняшней позиции этих авторов, он утверждал, что последние семь лет прошли мимо них, видимо, «бесследно». Они хотя и не определяли больше Октябрьскую революцию «как великую русскую национальную революцию», но по-прежнему провозглашают ценность всего русского культурного наследия для советской культуры⁵. На другом заседании Совета (от 14 сентября 1978 г.) Л. Новиченко отвергал критику «деревенщиками» колхозной системы и называл Советский Союз первой страной в мире, осуществившей «исторический перелом в тысячелетней судьбе рабочего крестьянства»⁶. Формирующееся «ценностно-консервативное» течение, представленное на страницах «Нашего современника» рядом публицистических статей и художественных произведений, стало ярким явлением в истории «легального» РНП 1970-х гг.

¹ См.: *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 92–93; *Лакёр У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. С. 138–139.

² РГАСПИ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 75. Л. 227 (запись интервью В. Распутина корреспонденту газеты «Советская культура», опубл. в: *Советская культура*. 1977. 27 декабря).

³ *Кузнецов Ф. Ф.* Судьбы деревни в прозе и критике. *Новый мир*. 1973. № 6. С. 233–250.

⁴ *Ершов Л., Хватов А. И.* Живая, необоримая сила // *Наш современник*. 1970. № 4. С. 114–121.

⁵ *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 269.

⁶ Там же.

По мнению Д. Кречмара, 1979 г. знаменовал собой «переломный момент» для национально-патриотических выступлений, а также и для расцвета «деревенской» литературы с ее «умеренным ценностным консерватизмом». В октябре 1979 г. журнал «Коммунист» в своей передовице «Революция, народ, история» атаковал идейные позиции «Нашего современника»¹. В частности, автор статьи в «Коммунисте» подверг критике книгу Ю. М. Лошица «Гончаров» (серия «Жизнь замечательных людей»), а также рассказ В. П. Астафьева «Падение листа» (писатель состоял в редколлегии «Нашего современника»). Обвинения в адрес писателей, по мнению Д. Кречмара, были выдержаны в духе «схожих нападок» начала 1970-х гг. на «молодогвардейцев»: здесь можно встретить и так называемую патриархальщину, и отход от классовых принципов под прикрытием расплывчатого понятия «народности», и т. п.² В 1979–1980 гг. «Литературная газета» провела дискуссию о деревенской литературе, в рамках которой ее упрекали за отклонения от партийно-пропагандистских норм «масштабности», «многонациональности», а также за отсутствие у писателей-«деревенщиков» образа «положительного героя». Как писал Кречмар, эта критическая кампания оказала определенное воздействие на самосознание ведущих деревенских прозаиков. После 1979 г. они уже не смогли достичь своего литературного успеха 1970-х гг.³

Но в период с 1980 по 1982 г. «Наш современник» продолжал на своих страницах пропаганду русских национально-патриотических ценностей. Причем многие материалы, публиковавшиеся в журнале и посвященные различным аспектам русской истории и культуры, продолжали «национал-большевистскую» линию «Молодой гвардии». Так, в преддверии знаменательной даты русской истории – 600-летия Куликовской битвы в мартовском номере «Нашего современника» за 1980 г. публикуется статья Юрия Селезнева «Чтобы старые рассказывали, а молодые помнили». Продолжая теорию «молодогвардейцев» о «едином потоке русской истории», развивая тезис писателя В. В. Кожина о «троекратном спасении мира» Россией (от монголов, Наполеона и Гитлера⁴), Ю. И. Селезнев дает свою оценку победе русских войск на Куликовом поле. По мнению автора статьи, победами над «паразитической, денационализированной и космополитической расовой смесью монголов», а позже над «буржуазно-космополитической агрессией» «международной армии наемных сол-

¹ Революция, народ, история // Коммунист. 1979. № 10.

² Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 102.

³ Там же. С. 102–103.

⁴ См.: Кожин В. Трижды великая // Молодая гвардия. 1969. № 12. С. 297–338.

дат» Наполеона и, наконец, над фашизмом, «самой агрессивной формой паразитарности и космополитического империализма», Россия спасла не только себя, но и весь мир. Все три битвы, как отмечал Селезнев, были столкновениями русской национальной идеи с «буржуазными, космополитическими и паразитическими агрессиями». Свою статью Ю. И. Селезнев заканчивал призывом к идеологической бдительности «морально сильного Советского Союза». Однако, по мнению публициста, эта «бдительность» должна быть направлена против западного космополитизма». Поскольку «международный империализм» пропагандирует «якобы неизбежное исчезновение национальных государств и провозглашение капиталистического мирового государства», современная советская литература должна стать «патриотически вдохновляющим, идеологическим оружием, противостоящим чужеродным влияниям»¹.

Подобная историческая концепция Селезнева была поддержана историками В. В. Каргаловым и А. И. Клибановым. Так, Каргалов в статье «Ратная слава России. Раздумья о Куликовом поле» сравнил Куликовскую битву с победой над Наполеоном в 1812 г.² Позднее в журнале «Огонек» (август 1980 г.) он повторил свой тезис о «преемственности» русской истории, отметив неразрывную связь между интересом к прошлому своей страны и патриотизмом как «существенным свойством русского национального характера»³. Историк А. И. Клибанов в статье «О светло светлая и красно украшенная земля русская!», развивая концепцию Селезнева, указывал на роль православия как «идеологического провозвестника народного освободительного движения» против монголов⁴. Эти и другие публикации в советской периодике, приуроченные к 600-летней годовщине Куликовской битвы, возможно, дали основание западному исследователю истории РНП Л. М. Алексеевой считать, что представители «легального» русского национального патриотиз-

¹ Селезнев Ю. И. «Чтобы старые рассказывали, а молодые помнили». Исторические традиции русской воинской поэзии // Наш современник. 1980. № 3. С. 176–184.

² Каргалов В. Ратная слава России. Раздумья о Куликовом поле // Наш современник. 1980. № 6. С. 172–179.

³ В ходе дискуссии о роли исторического сознания в современной культуре В. Каргалов сетовал на недостаточный интерес официальной советской культуры к средневековой истории России, что, в частности, нашло отражение в приостановке съемок фильма о Дмитрии Донском к юбилею Куликовской битвы, см.: Огонек. 1980. № 31. С. 9.

⁴ Клибанов А. И. О светло светлая и красно украшенная земля Русская! // Новый мир. 1980. № 9. С. 175–184.

ма с 1980 г. «завоевывают все более прочные позиции в подцензурной печати»¹.

В июле 1980 г. «Наш современник» публикует беседу с писателем-«деревенщиком» Федором Абрамовым «Сотворение нового русского поля». По мнению писателя, система нравственных ценностей крестьянской Руси, которая была уничтожена научно-технической революцией, впоследствии несправедливо осуждена как «патриархальщина». Поэтому современная русская литература должна позаботиться о том, чтобы этические, культурные и языковые национальные ценности не пропали, а вошли «органически и равноправно в духовный мир сегодняшнего и будущих поколений»². Позиция Абрамова была поддержана критиком В. Васильевым в его докладе о подготовке к V Съезду писателей РСФСР³. Другой представитель «деревенской прозы» и «ценностно-консервативного» течения в РНП, писатель Владимир Солоухин (обозначивший свои эстетические и патриотические позиции еще в 1960-е гг. в очерках «Письма из Русского музея» и «Черные доски») в эссе «Камешки на ладони», опубликованном в «Нашем современнике» в марте 1981 г., утверждал бесспорное существование высшего метафизического разумного принципа, то есть фактически признавал существование Бога (хотя этого слова в статье не было)⁴.

Таким образом, статьи, опубликованные в 1980 – начале 1981 г. в «Нашем современнике» (и ряде других журналов), обозначили принципиальные расхождения их авторов с некоторыми постулатами официальной советской идеологии – «научным атеизмом», «классовым подходом к истории», определяющей ролью «научно-технического прогресса» в социально-экономическом развитии общества. Реакция же властей на подобные выступления русских национальных патриотов в печати была (по крайней мере до 1981 г.) «замедленной и бездейственной»⁵. Даже выступление Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXVI съезде партии (февраль 1981 г.) с критикой «отхода от ясных классовых оценок определенных исторических событий и личностей» (конкретные имена и журналы Брежнев в своем докладе не называл) не повлияло на идейные по-

¹ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. С. 335.

² Беседа с Федором Абрамовым // Наш современник. 1980. № 10. С. 175–187.

³ Васильев В. Талант и художественное постижение жизни // Наш современник. 1980. № 10. С. 175–187.

⁴ Солоухин В. А. Камешки на ладони // Наш современник. 1981. № 3. С. 39.

⁵ Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 133.

зиции авторов «Нашего современника» и других публицистов национально-патриотического направления (эссе Солоухина было опубликовано через месяц после доклада Брежнева на съезде)¹.

Укреплялись позиции сторонников РНП и в других советских «подцензурных» органах печати. В декабре 1975 г. один из ведущих публицистов «национал-большевистского» течения в РНП С. Н. Семанов был назначен главным редактором научно-популярного журнала Министерства юстиции СССР «Человек и закон» (до этого Семанов заведовал редакцией серии «Жизнь замечательных людей» издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»). На страницах журнала Семанов публикует (помимо статей, посвященных правовому просвещению советских граждан) материалы, разоблачающие западный образ жизни и социальное несправие в странах капитализма². В 1970-х гг. редакторами ряда солидных литературных и общественно-политических советских изданий становятся деятели русской национал-патриотической ориентации: бывший «молодогвардеец» В. Н. Ганичев возглавил орган ЦК ВЛКСМ – газету «Комсомольская правда», Н. Палькин – журнал «Волга». В 1981 г. первым заместителем главного редактора «Нашего современника» становится один из ведущих публицистов журнала Ю. И. Селезнев (до этого, в 1975 г., сменил С. Н. Семанова на посту заведующего редакцией серии «ЖЗЛ»). В первой половине 1970-х гг. заместителем главного редактора официального издания АН СССР журнала «Вопросы истории» являлся представитель национал-большевистского течения в РНП историк А. Г. Кузьмин (эту должность он занимал с 1969 г.)³. Деятели РНП, занимавшие влиятельные посты в советских официальных изданиях, старались по мере своих возможностей, несмотря на давление партийных властей и цензуру, проводить на страницах журналов свою идеологическую линию. Вероятно, именно это и дало возможность историку С. Николаеву утверждать, что 1973–1980 гг. были «периодом широчайшего наступления и видимых успехов» русских патриотов, которые получили возможность издавать свои книги, иметь «свои» журналы и издательства («Молодая гвардия», «Современник»); благодаря усилению их влия-

¹ Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 133.

² Об истории издания журнала «Человек и закон» во 2-й половине 1970-х гг. см.: Семанов С. Н. Из нашей борьбы. Дневник. 1977 год // Роман-журнал XXI век. 2000. № 10. С. 52–77. Он же. Из нашей борьбы. Дневник. 1978 год // Роман-журнал XXI век. 2001. № 10. С. 64–87.

³ См.: Так было... К 60-летию со дня рождения Юрия Селезнева (предисловие В. Калугина) // Москва. 1990. № 11. С. 175–176; Кожин В. В. Судилище. Там же. С. 188.

ния появилась «деревенская проза»». По мнению С. Николаева, это был «исторически очень важный период русского возрождения»¹. Конец 1970-х гг. также отмечен появлением «полулегальных» и «легальных» групп РНП, послуживших основой для создания в начале 1980-х гг. так называемого общества «Память». Прародителями «Памяти» явились три группы национал-патриотической ориентации, существовавшие в Москве в 1978–1980-х гг.: «Витязи», Молодежное творческое объединение при Московском городском отделении ВООПИиКа и «Общество книголюбов» Министерства авиационной промышленности. Группа «Витязи» сформировалась в 1979 г. в связи с идеей неофициального празднования 600-летия Куликовской битвы. Участники группы занимались туризмом, совершали походы по местам русской боевой славы. Фактическим руководителем группы был журналист и сотрудник ВООПИиКа Э. Дьяконов, «начальником штаба» Г. Сальников. Участники группы были знакомы с патриотическим самиздатом (журнал «Вече», статьи А. Иванова-Скуратова и Г. Шиманова). Отпраздновав в 1980 г. 600-ю годовщину Куликовской битвы, группа распалась, но часть ее актива примкнула к «Памяти»².

Молодежное творческое объединение при Московском отделении ВООПИиКа функционировало в 1979–1980 гг. Его организатором был все тот же Э. Н. Дьяконов (формальным руководителем был некий поэт Жилкин). Участники объединения собирались для обсуждения своих и чужих литературных произведений (патриотического характера) в колокольне бывшего Знаменского собора на ул. Разина, принадлежавшего ВООПИиКу. Среди посетителей объединения были писатели национально-патриотического направления: Д. А. Жуков, О. Н. Михайлов, И. И. Кобзев и др. Своими духовными наставниками объединение считало Н. М. Рубцова, С. В. Куняева, Ю. П. Кузнецова. «Идейно невыдержанные» стихи и выступления на собраниях привели к тому, что Э. Дьяконову порекомендовали их прекратить. «Общество книголюбов» Минавиапрома СССР возникло в конце 1979 – начале 1980 г. Инициаторами его создания были инженер Г. Фрыгин и все тот же Э. Дьяконов. Совместно с московским ВООПиКом общество устраивало встречи с писателями, художниками национально-патриотического направления в музее Н. А. Островского, Доме культуры Метростроя, домах культуры им. Чкалова и им. Горбунова – ведомственных ДК Минавиапрома³.

¹ Николаев С. «Молодая гвардия» русского возрождения С. 119, 130.

² Верховский А., Прибыловский В. История русского национал-патриотического движения // Национал-патриотические организации в России. История. Идеология. Экстремистские тенденции. М., 1996.

³ Там же.

После получения в 1982 г. писателем В. А. Чивилихиным Государственной премии за роман-эссе «Память» (в котором автор на основе исторических источников подверг критике «норманскую теорию» происхождения Древнерусского государства, а также «евразийские» идеи, содержащиеся в работах Л. Н. Гумилева)¹, творчеству литератора был посвящен один из вечеров «Общества книголюбов». После этого Г. Фрыгин предложил переименовать их «Общество книголюбов» в общество «Память», дабы иметь собственное название. Предложение активом общества было принято. Фрыгин позвонил В. А. Чивилихину и получил его согласие на переименование общества в честь романа писателя. Так появилось общество «Память». Первоначально (вплоть до начала «перестройки») «Память» занималась примерно тем же, что и «Общество книголюбов» – устраивало встречи с историками и писателями (национально-патриотического направления): писателями И. М. Шевцовым, Д. А. Жуковым, С. Ю. Куняевым, Ф. И. Чуевым, В. Н. Крупиным (постоянные авторы журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник»), историком Н. Н. Яковлевым. Встречи проводились в музее Н. А. Островского, а с конца 1982 г. – во Дворце культуры московского Метростроя. Члены общества подчеркивали свою лояльность властям и в целом стояли на позициях «национал-большевизма» (история «Памяти» середины – второй половины 1980-х гг. выходит за рамки данного исследования и требует отдельного рассмотрения)².

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. наметилось значительное усиление репрессий по отношению к русским национал-патриотам, представлявшим, в основном, его «национал-большевистское» течение. Кроме уже упоминавшейся выше атаки, предпринятой официальной критикой против «Нашего современника», последовали и меры административного характера: в декабре 1980 г. с должности редактора «Комсомольской правды» был снят Валерий Ганичев, один из наиболее ярких национал-большевистских функционеров ЦК ВЛКСМ в 1960–1970 гг. Бывший «молодогвардеец» С. Н. Семанов объясняет это вмешательством «органов» (КГБ), «причем инициатива тут шла от самого шефа политической полиции (Андропов. – А. К.) и в обход Генсека» (Брежнев. – А. К.)³. В своих воспоминаниях В. Н. Ганичев приводит характерное высказывание секретаря ЦК по идеологии М. В. Зимянина, объясняющее причины снятия редактора «Комсомольской правды». Обращаясь к Ганичеву, секретарь ЦК

¹ Чивилихин В. А. Память. М., 1984.

² Верховский А., Прибыловский В. История русского национал-патриотического движения.

³ Семанов С. Н. Юрий Владимирович... С. 42.

сказал следующее: «Вам надо оставить газету. И вообще, выбросьте эти ваши русофильские замашки. Опираетесь только на одну группу писателей»¹. Как отмечает Ганичев, «тогдашнее руководство все больше беспокоило разрастающееся русское самосознание как главная опасность для национального коммунистического глобализма»². Весьма показательный пример партийной «политики качелей» в отношении творческой интеллигенции содержится в мемуарах представителя РНП 1970–1980-х гг. писателя С. Ю. Куняева: «Помню, как по окончании одного из писательских съездов, во время банкета заведующий отделом культуры ЦК КПСС Василий Филимонович Шауро <...> демонстрируя “единство партии и народа”, пошел вдоль ряда столов <...> И вдруг ни с того ни с сего остановился возле меня и Бориса Романова <...> “Великий немой” вдруг заговорил, обращаясь ко мне, но так, чтобы слышали все остальные: “Политика партии в том, чтобы в разумных пределах поддерживать все группировки писателей. Мы не можем выделять особо ни одну из них. Качели не могут качаться в одну сторону. Выдержать равновесие – вот наша задача с вами»³. Однако, как свидетельствовали события начала 1980-х гг., официальные «качели» склонялись совсем не в сторону русской национально-патриотической интеллигенции.

28 марта 1981 г. Ю. В. Андропов направляет в Политбюро ЦК КПСС записку «Об антисоветской деятельности Иванова А. М. и Семанова С. Н.»⁴, где речь шла о патриотической интеллигенции: «В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя “русистами”. Под лозунгом защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью. Указанная деятельность имеет место в иной, более важной среде, нежели потерпевшие разгром и дискредитировавшие себя в глазах общественного мнения так называемые “правозащитники”. Изучение обстановки среди “русистов” показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность, обретает организационную форму. В связи с изложенным представляется необходимым пресечь ука-

¹ Ганичев В. Н. Гагарин называл меня «идеологом» // Наш современник. 2003. № 11. С. 229.

² Там же.

³ Куняев С. Ю. Поэзия. Судьба. Россия: В 2 кн. М., 2001. Кн. 1. С. 301–302.

⁴ Впервые опубликовано в: Пресечь враждебные проявления «русизма»: Записка КГБ СССР в ЦК КПСС об антисоветской деятельности Иванова А. М. и Семанова С. Н., 28 марта 1981 г. // Источник. 1994. № 6. С. 108–109.

занные враждебные проявления»¹. В этом документе Андропов указывал и на конкретных проводников «русизма» – С. Н. Семанова и А. М. Иванова. Как отмечает Андропов, «Семанов С. Н. в своем окружении распространяет клеветнические измышления о проводимой КПСС и советским правительством внутренней и внешней политике, допускает злобные и оскорбительные выпады в адрес руководителей государства»². Неизвестно, насколько правдивы были обвинения в «злобных и оскорбительных выпадах в адрес руководителей государства», выдвинутые против Семанова (хотя он позднее и признавался, что при жизни Брежнева «поносил беднягу, как мог, за что и поплатился»), однако впоследствии Семанов отмечал, что «теперь склонен оценивать Леонида Ильича с долей симпатии»³. Среди других обвинений, выдвигаемых Андроповым против русских национальных патриотов, были и такие: «русисты» ратовали за «необходимость борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за спасение русской нации», заявляли «о перерождении Советской власти, об отрыве партии от масс <...> и, в конечном счете, неспособности нынешней государственной структуры управлять политическими, социальными и общественными процессами»⁴.

После появления записки Ю. Андропова в Политбюро ЦК КПСС (что, по мнению М. Н. Любомудрова, означало «новый виток борьбы с патриотами»⁵) действия властей против «русистов» не заставили себя ждать. 17 апреля 1981 г. С. Семанов был снят с должности главного редактора журнала «Человек и закон». В августе того же года КГБ арестовал А. М. Иванова, которому было инкриминировано «в 1971–1981 гг. <...> распространение и размножение среди широкого круга лиц сочинений, содержащих клеветнические измышления против советского общественно-политического строя» (имелось в виду распространение Ивановым номеров журнала «Вече», а также и собственных работ: «Рыцарь неясного образа», «Логика кошмара»)». В июне 1982 г. А. Иванов был приговорен к году тюремного заключения («строгой изоляции») и к 5 годам ссылки⁷. В частном определении судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда (от 28 июня 1982 г.) также говорилось: «Материалами предварительного и судебного следствия

¹ Семанов С. Н. Андропов. Семь тайн генсека. С. 373–375.

² Там же. С. 375.

³ Семанов С. Н. «Русский клуб» // Москва. 1997. № 3. С. 178.

⁴ Семанов С. Н. Андропов. Семь тайн генсека. С. 375.

⁵ Любомудров М. Сергей Семанов. Юрий Владимирович. Зарисовки из тени. С. 175.

⁶ «Некритически относился к антисоветской деятельности». Источник. 1996. № 2. С. 86.

⁷ Там же.

установлено, что одним из лиц, с которыми Иванов А. М. поддерживал постоянные отношения, являлся член Московского отделения Союза писателей Семанов Сергей Николаевич, которого интересовали работы, статьи Иванова А. М., его участие в “Вече” и сам журнал. Регулярно, с 1971 по 1974 г. Иванов А. М. передавал Семанову С. Н. экземпляры каждого из 10 выпусков <...> В 1977–1978 гг. Иванов передал Семанову написанные им антисоветские пасквили “Рыцарь неясного образа” и “Логика кошмара” <...> Статья “Логика кошмара” написана Ивановым под влиянием идей Семанова, который их высказывал в беседах и разговорах с Ивановым <...> Семанов <...> подстрекал Иванова к изготовлению и распространению клеветнических документов в отношении отдельных членов Союза писателей. Одним из таких документов является изготовленный Ивановым текст “По поводу письма Куняева”, подписанный им “Василий Рязанов”¹. Здесь имелся в виду текст Иванова, посвященный письму в ЦК КПСС секретаря Московского отделения СП С. Ю. Куняева (февраль 1979 г.), в котором говорилось о «сионистском влиянии» в культуре и идеологии. Под псевдонимом «Василий Рязанов» в 1979 г. в «самиздате» появился документ, разоблачающий влияние «сионистов» в высшем руководстве КПСС².

В частном определении также отмечалось, что С. Н. Семановым признавались участие А. М. Иванова в издании журнала «Вече», а также факты получения им от Иванова его экземпляров (которые Семанов, по его же свидетельству, потом «уничтожил»). «Остальные обстоятельства Семанов отрицал»³. Определение судебной коллегией гласило: «Все выше приведенные обстоятельства свидетельствуют о недостойном поведении Семанова, который некритически относился к антисоветской деятельности Иванова. Судебная коллегия находит, что изложенные факты недостойного поведения Семанова должны стать предметом обсуждения Московского отделения Союза писателей и его партийной организации»⁴. По воспоминаниям самого Семанова о событиях, связанных с «делом Иванова»: «В марте 1982 г. меня привезли в Лефортово, допрашивали два дня, устроили очную ставку с Ивановым, всячески угрожали. Все пред-

¹ Там же. С. 86–87.

² Письмо в ЦК КПСС по поводу альманаха «Метрополь» С. Ю. Куняева и письмо «Василия Рязанова» (А. Иванов) «По поводу письма Станислава Куняева об альманахе “Метрополь”» впервые опубл. в: Семанов С. Н. Андропов. Семь тайн генсека. С. 160–165, 352–358.

³ Частное определение судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 28 июня 1982 г. / «Некритически относился к антисоветской деятельности» // Источник. 1996. № 2. С. 87.

⁴ Там же.

ставленные мне обвинения я отрицал». В своем письме на имя прокурора РСФСР В. Кравцова от 31 августа 1982 г. С. Н. Семанов пытался опровергнуть выдвинутые против него обвинения: «Частным определением констатировано, что в 1977–1978 гг. Иванов передал мне написанные им антисоветские сочинения “Рыцарь неясного образа” и “Логика кошмара”. Я категорически отрицаю этот факт <...> никаких сочинений антисоветского характера я от него не получал. Этот факт основывается только на показаниях Иванова – человека к моменту следствия и суда болезненного, надломленного. Никаких подтверждений не имеется – ни свидетелей, ни тем более письменных или иных документов. В определении утверждается также, что я в беседах подстрекал Иванова к изготовлению и распространению клеветнических документов. Этот факт тоже не доказан материалами дела. Я никогда не составлял списка членов Союза писателей, по которому направлялись какие-либо сочинения Иванова, я возмущен тем обстоятельством, что мне вменяют в вину факты, не подтвержденные материалами дела»¹. Однако защитить себя Семанов не смог. Впоследствии он вспоминал: «После суда над Ивановым и частного определения Мосгорсуда в итоге долгого разбирательства в писательской организации Москвы я получил строгий выговор с занесением в партийную карточку. Меня снова изгнали с работы – уже из скромного “Альманаха библиофила” и из Педагогического института им. Ленина, где я долгие годы преподавал, изгнали со всех общественных должностей, негласно лишили права работать и печататься. Так продолжалось три года»² (с 1982 по 1985 г.).

В октябре 1982 г. «Радио Свобода» передало даже сообщение об «аресте Сергея Семанова» (что не соответствовало действительности). В сообщении отмечалось, что арест такого «номенклатурного работника», каким являлся Семанов, есть происшествие сенсационное. Такое развитие событий не может не потревожить и тех, кто не разделяет... взглядов “национал-коммуниста” Семанова...»³. Таким образом, хотя и не арестованный, но подвергшийся административным репрессиям С. Н. Семанов был отстранен от активной общественной и писательской деятельности. «За мной было устойчивое наружное наблюдение», – свидетельствовал он в своей книге⁴. Как сообщало «Радио Свобода», «по делу Иванова» на допросы в КГБ, кроме Семанова, «вызывались два сотрудника журнала “Человек и закон”, художник И. Глазунов, работник Генштаба и два сотрудника КГБ»⁵.

¹ Письмо С. Н. Семанова Прокурору РСФСР Кравцову В. В. от 31 августа 1982 г. С. 1–2 (копия из личного архива С. Н. Семанова).

² «Некритически относился к антисоветской деятельности». С. 86.

³ Там же. С. 87–89.

⁴ Семанов С. Н. Юрий Владимирович... С. 62.

⁵ «Некритически относился к антисоветской деятельности». С. 89.

Об отношении в писательской среде к происходившим событиям наглядно свидетельствуют материалы заседания парткома Московского отделения СП РСФСР (от 12 октября 1982 г.), на котором рассматривалось персональное дело Семанова. Последний представил в партком следующее объяснение: «Я полностью виноват перед партией, перед вами, как представителями партии и приму как должное любое наказание. Да, я принимал от Иванова журнал и видел, что он носит антисоветский характер <...> Я все, что угодно готов сделать для защиты советской власти, сделать совершенно искренне. Но всеядность толкает на поиски интересных людей. Иванов – талантливый человек, у него есть интересные произведения. С этого и началось. Могу, если я имею право, просить лишь об одном <...> прошу оставить меня в партии, ибо без нее не мыслю себя в жизни». Часть членов парткома (писатели В. И. Кочетков, В. И. Ардаматский, Д. И. Еремин) обвинили Семанова в «потакании антисоветчине», «двурушничестве» и настаивали на исключении писателя из партии. В выступлениях других литераторов (Ю. П. Кузнецов, В. В. Петелин, Л. Н. Жуков) поведение Семанова также осуждалось, на при этом выдвигалось предложение применить к Семанову более мягкое наказание. В результате голосования за исключение Семанова из партии проголосовало пять членов парткома, девять – за «строгий выговор с занесением в учетную карточку». В постановлении парткома указывалось: «Учитывая чистосердечное раскаяние и правильную политическую оценку своих поступков, заверения в том, что он сделает все необходимые выводы на будущее, а также тот факт, что за двадцать четыре года пребывания в партии он не имел взысканий, что как литератор он, особенно в последние годы, создал ряд книг, активно работающих на утверждение социалистического мировоззрения, партком считает возможным оставить С. Н. Семанова в партии, объявив ему строгий выговор с занесением в учетную карточку, и предупредив, что при первом же проступке, противоречащем Уставу КПСС, партийная организация вернется к вопросу о пребывании его в рядах КПСС». Объяснение такому относительно «благоприятному» для Семанова исходу голосования можно найти на страницах воспоминания одного из участников этого заседания писателя В. В. Петелина: «Много часов мы потратили на обсуждение этого дела <...> Как спасти хорошего человека от неприятностей? Обком настаивал на исключении, я уговаривал Виктора Ивановича (В. И. Кочетков, секретарь парткома. – А. К.) не соглашаться с этим предложением. Мнения членов парткома разделились и часто мы встречались с Феликсом Кузнецовым и обсуждали вечерами, что сделать для того, чтобы с меньшими потерями выиграть эту битву»¹. Но, несмотря на административно-репрессивные акции,

¹ См.: *Петелин В.* Счастье быть самим собой. М., 1999. С. 326–334.

предпринятые властями в отношении С. Семанова, журнал «Наш современник» все же опубликовал в 1981 г. две статьи историка, носившие ярко выраженный полемический характер: «Современное обличье старого врага» и «История и сплетня». В первой статье – рецензии на книгу М. И. Басманова «В обозе реакции», посвященной истории троцкизма, Семанов, анализируя историю и теоретические основы троцкизма, особо отмечал «космополитическую» и антикоммунистическую сущность данного идейно-политического явления, его «революционную агрессивность», проявлявшуюся в теории «экспорта революции» в призывах Л. Троцкого, который «требовал, чтобы страна победившего пролетариата несла на “красных штыках” революцию в другие страны»¹. По мнению историка Д. Данлопа, в этом положении статьи Семанова «содержалось едва прикрытое осуждение интервенции в Афганистане и других советских военных авантюр. Семанов явно имел в виду троцкистов у себя дома. Для него андроповцы являлись смесью <...> лишенных своего национального лица русских, предлагавших России самоубийственный путь»². Это мнение американского историка позднее опроверг сам С. Н. Семанов: «“Троцкистов” мы поносили при всяком удобном случае, намекая на космополитических советников в брежневско-андроповском руководстве, и только. События в несчастном Афгане мы воспринимали как рок судьбы, который надо разрешить всеми способами <...> Никакого намека на дела в Афгане в данной заметке не только не содержалось – такого не было у нас даже в мыслях <...> Но подозрительный ум Андропова <...> “Сотоварищи” решили совсем по другому»³. Данный вывод Семанова о наличии в советском руководстве людей, придерживавшихся «троцкистских» взглядов, весьма спорен и не имеет пока документальных подтверждений. Вторая статья Семанова «История и сплетня» (анализ романа М. Еленина «Семь смертных грехов», посвященного событиям гражданской войны в России) была напечатана в ноябрьском номере «Нашего современника» 1981 г. Эта статья историка, как и ряд других материалов, опубликованных в том же номере (повесть писателя В. Крупина «Сороковой день», критические статьи о русской литературе В. Кожина «И назовет меня всяк сущий в ней язык» и А. Ланщикова «Великие современники»), явились причиной серьезных дискуссий и перемен в редколлегии журнала. Скандальные материалы вызвали не только нарекания со стороны пропагандист-

¹ Семанов С. Н. Андропов. Семь тайн генсека. С. 381.

² Данлоп Д. Новый русский национализм. Дело «Нашего современника». 1981–82 (*Dunlop J. B. The New Russian Nationalism. New York, Eastbourne and Toronto. 1985*; самиздатский экземпляр отрывка статьи Д. Данлопа (рус. пер.) из архива С. Н. Семанова).

³ Семанов С. Н. Андропов. Семь тайн генсека. С. 292.

ских органов ЦК и правления Союза писателей РСФСР, но также острую полемику внутри редакции. Как отмечал С. Семанов в своих дневниках, «споры вокруг Гумилева и статьи Кожина вызвали чудовищный раздрызг среди наших». Чивилихин полчаса задыхался, что «Кожин защищает Гумилева, что статья русофобская <...> почему мы хуже всех и нам отказывают в национальной гордости и т. д. Естественно, что А. Кузьмин тоже осуждает Кожина. Оба они еще обижаются на немарксистские обстоятельства. У них окажется немало сторонников, как, впрочем, и у Кожина <...> начнется свара»¹. Вот еще запись из дневника Семанова (ноябрь 1981 г.): «Великие настроения начались вокруг “Нашего”. У них на летучке уже произошел раскол. Устинов (заместитель редактора журнала. – А. К.) выступил против <...> Чивилихин <...> хочет вроде бы выступить 7-го (декабря) на Секретариате, меня ругал: как можно сочувствовать Деникину (С. Семанов в статье “История и сплетня” сочувственно отозвался не об А. И. Деникине, а о видных представителях русской “культурной” эмиграции – Ф. И. Шаляпине, И. А. Бунине, А. И. Куприне и др. – А. К.²) <...> Предполагается, что накажут Юру (Селезнева. – А. К.) <...> Чивилихин кричит: Гумилев, Бородай, Кожин и Селезнев – одна линия!»³ На состоявшемся 7 декабря 1981 г. заседании Секретариата правления СП РСФСР (в присутствии работников ЦК КПСС) В. Крупин, В. Кожин, А. Ланщиков и заместитель главного редактора «Нашего современника» Ю. Селезнев были подвергнуты острой критике со стороны руководства СП (Ю. В. Бондарев, П. Л. Проскурин) и коллег по работе в журнале (В. А. Чивилихин). В выступлении Ю. Бондарева, в частности, указывалось на «художественную недоработанность» повести В. Крупина, на отказ писателя от объективного «исследования» негативных явлений в хозяйственной и культурной жизни страны, которое носит у него лишь характер «регистрации фактов» (алкоголизм, бесхозяйственность, низкий уровень телепередач и т. д.). Бондарев также отметил «чрезмерное противопоставление Достоевского Чернышевскому», содержащееся в статье А. П. Ланщикова⁴. Член редколлегии журнала В. А. Чивилихин обвинил В. В. Кожина в «ложной концептуальности и тенденциозности в подборе материала» для фрагментов его статьи, повествующих о взаимоотношениях «Руси с кочевой степью», в следовании

¹ Семанов С. Н. «Чем больше Родину мы любим...» / Так было... // Наш современник. 1999. № 11. С. 190–191.

² Семанов С. Н. Андропов. Семь тайн генсека. С. 392.

³ Семанов С. Н. «Чем больше Родину мы любим...». С. 191.

⁴ Стенограмма заседания Секретариата правления Союза писателей РСФСР (7 декабря 1981 года) // Так было... С. 177–178.

ошибочной позиции этнографа Л. Н. Гумилева¹. Главная ответственность за выпуск данного номера журнала была возложена на Ю. И. Селезнева, который в своем выступлении, признав допущенные им ошибки, отметил, что материалы носили «дискуссионный» характер и были достойны публикации². В заключение главный редактор журнала С. В. Викулов признал, что он и его заместитель Селезнев «не проявили <...> необходимой требовательности, подписывая этот номер в печать», а Бондарев рекомендовал Викулову «подумать о <...> распределении <...> и перегруппировке сил» в журнале³. После этого заседания Ю. Селезнев вынужден был оставить свой пост (позднее и другой заместитель главного редактора «Нашего современника» В. Устинов)⁴. По мнению В. В. Кожина, «подлинные причины снятия Юрия Селезнева» заключались не в публикации «идейно-ошибочных» материалов в журнале, а в том, что «андроповский КГБ руками своих послушных исполнителей пресекал наметившиеся проявления <...> «русистских идей» по всем направлениям»⁵. Хотя это предположение Кожина не получило пока документального подтверждения, можно констатировать, что административные меры, предпринятые властями в отношении редколлегии «Нашего современника», нанесли ощутимый удар по национально-патриотическому направлению журнала, которое с весны 1982 г., по мнению некоторых историков, «значительно ослабло»⁶. Несколько ранее, в 1979–1980 гг., административные меры были применены властями в отношении издательства «Современник»: со своих постов были сняты его директор Ю. Л. Прокушев и главный редактор В. В. Сорокин, что также негативно отразилось на «русской патриотической направленности» издательства: «перестали выходить <...> боевые книги современных патриотических авторов и переиздания русской классической мысли»⁷.

В апрельском номере журнала «Наш современник» (1982) публикуется полемическая статья историка А. Г. Кузьмина «Писатель

¹ Стенограмма заседания Секретариата правления Союза писателей РСФСР (7 декабря 1981 года). С. 185.

² Там же.

³ Там же. С. 180.

⁴ См.: *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 142; *Семанов С. Н.* Андропов. Семь тайн генсека. С. 182; *Он же.* «Чем больше Родину мы любим...» С. 191.

⁵ *Кожин В. В.* Судилище. С. 188.

⁶ См.: *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 145; *Семанов С.* Андропов. Семь тайн генсека. С. 182.

⁷ *Семанов С. Н.* Андропов. Семь тайн генсека. С. 181.

и история», направленная против взглядов одного из главных оппонентов «неославянофильства» критика В. Д. Оскоцкого. По мнению Кузьмина, именно славянофильская идеология приобретает новое значение в современной идеологической борьбе с Западом и поэтому ее критика в том виде, в каком ее пропагандирует Оскоцкий, сопоставима с поддержкой западных русофобских сил¹. Фактическое обвинение влиятельного официального критика в «русофобии» и «антисоветизме» не могло не вызвать ответных репрессивных мер со стороны властей. А. Г. Кузьмин на несколько лет был лишен возможности печататься².

Схожие обстоятельства предшествовали и смещению со своей должности редактора саратовского журнала «Волга» Н. Е. Палькина. В октябре 1981 г. журнал публикует рецензию М. П. Лобанова на роман М. Н. Алексеева «Драчуны», в котором описывались события коллективизации начала 1930-х гг. В своих мемуарах Лобанов рассказывает о причинах, побудивших его обратиться к этой теме: «“Драчуны” вызвали в памяти и личное, связанное с тридцать третьим годом, когда мне было семь с небольшим лет. Голод тогда <...> лишь краем коснулся наших рязанских мещерских мест, в отличие от Поволжья. Но навсегда запомнил я слова матери: Ничего нет страшнее голода <...> Народ может извлечь исторические уроки только из полноты своего опыта, сокрытие событий глубинных, трагических способно исказить, деформировать национальное <...> сознание. Литература, “историческая наука” молчали о тридцать третьем годе, а между тем вокруг него возникли целые мистические легенды <...> приступил я к статье о “драчунах” с решимостью прямо, без обиняков говорить, в какой мере исторический опыт народа отразился в современной литературе»³. Рецензия М. П. Лобанова представляла собой настоящий «манифест» национально-патриотической оппозиции. В этой публикации Лобанов сделал открытую попытку противопоставления литературе «прагматической <...> и духовно-разрушительной» – подлинной литературы. Автор подверг критике и оппонентов «деревенской литературы»⁴. Хотя вначале резкой реакции властей на статью Лобанова не последовало, но спустя год заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС Б. И. Стукалиным была отправлена резолюция в Секретариат ЦК, критикующая статью. Лобанов был осужден реше-

¹ Кузьмин А. Г. Писатель и история // Наш современник. 1983. № 4. С. 148–165; Оскоцкий В. Д. Роман и история. Традиции и новаторство исторического романа. М., 1980.

² Информация из беседы автора с А. Г. Кузьминым (архив А. Ю. Кожевникова).

³ Лобанов М. П. На передовой // Наш современник. 2002. № 4. С. 146–147.

⁴ Лобанов М. П. Освобождение // Волга. 1982. № 10. С. 145–165.

нием ЦК, а Секретариат правления СП РСФСР распорядился уволить главного редактора «Волги» Н. Палькина¹. М. П. Лобанов долгое время не имел возможности печататься². В январе 1983 г. (то есть уже после прихода Андропова к власти) на Секретариате правления СП СССР острой критике была подвергнута работа редакции журнала «Север» «за переизбыток дореволюционных исторических тем» в публикациях журнала, «патриархальщину» в изображении старой деревни и невнимание к «новым процессам в колхозной деревне»³.

Положение русских национальных патриотов было сложным. Часть представителей «нелегального» направления РНП была арестована и находилась в заключении (А. Иванов, Л. П. Бородин и др.), другие (С. Семанов, Ю. Селезнев, В. Устинов, литературовед Д. Жуков, Н. Палькин, А. Кузьмин) были подвергнуты «административным» репрессиям. Некоторые, подобно редактору «Нашего современника» С. Викулову, вынуждены были ради сохранения своих изданий идти на необходимые компромиссы с властью. И. Р. Шафаревич ожидал возможного ареста. Г. Шиманов и В. Осипов под давлением КГБ были вынуждены прекратить общественную и издательскую деятельность. Некоторые (как И. Шевцов, написавший в 1982 г. письмо Андропову об опасности проникновения в страну американской массовой культуры и вызванный на беседу в ЦК КПСС⁴) поняли тщетность какой-либо апелляции к властям. М. Н. Любомудров вспоминает: «Почти у всех (деятелей РНП. – А. К.) была уже полная безнадежность, – расправа следовала за расправой <...> Если бы Андропов процарствовал еще год-два-три, то русское патриотическое движение уничтожили бы под корень; сильные были бы сметены, слабые – запуганы, колеблющиеся – продались бы»⁵. В первой половине 1980-х гг. советские журналы, стоящие на русских национально-патриотических позициях («Наш современник», «Молодая гвардия» и др.), хотя и пытались, вопреки давлению цензуры, отстаивать свою идеологическую линию, но материалов, которые были бы схожи по смелости и идейной остроте со статьями 1970-х гг., на их страницах после 1981 г. больше не появлялось (исключение составляет упомянутая статья А. Г. Кузьмина), что было связано с усилением репрессивной поли-

¹ Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. С. 158; Семанов С. Н. Юрий Владимирович... С. 44.

² См.: Казинцев А. И. Новые политические мифы. М., 1990.

³ Время требует. В Секретариате правления СП СССР. О положительном герое литературы, о высокой принципиальности критики // Литературная газета. 1983. 26 января. С. 1–2.

⁴ Шевцов И. М. Что было, то было // Завтра. 1997. № 6. С. 6.

⁵ Любомудров М. Сергей Семанов. Юрий Владимирович. Зарисовки из тени. С. 180–181.

тики властей по отношению к РНП. Однако, по мнению У. Лакёра, в период пребывания у власти К. У. Черненко «дела националистов» шли лучше, чем при Андропове¹. Косвенным доказательством тому является награждение Верховным Советом СССР ряда советских писателей-«деревенщиков» (В. И. Белов, В. Г. Распутин, П. Л. Проскурин, Е. И. Носов), а также редакторов журналов «Наш современник» С. В. Викулова и «Молодая гвардия» А. С. Иванова орденами в связи с 50-летием Союза писателей СССР². Д. Кречмар полагает, что позиции русских национальных патриотов (в особенности «национал-большевиков») в годы правления К. У. Черненко несколько окрепли (после андроповских репрессий, когда члены РНП находились на грани окончательного разгрома) потому, что властями была взята на вооружение пропагандистская установка на отпор «западным влияниям» в культуре и общественной жизни (в связи с обострением противостояния между СССР и странами Запада и в первую очередь с США)³. В данном случае власть могла использовать идейный арсенал «национал-большевистского» лагеря (военные романы-репортажи писателя А. А. Проханова, статьи С. Ю. Куняева⁴, пропаганда антизападнических идей в некрологах умершему писателю М. А. Шолохову⁵).

¹ Лакёр У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. С. 148.

² Литературная газета. 1984. 21 ноября. С. 1–2.

³ Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. С. 205–207. Весьма показательным является факт публикации главным партийным органом – газетой «Правда» материалов, в которых пропагандировались идеи русского патриотизма (в отличие от большинства публикаций, печатавшихся в газете при Андропове, где главный упор делался на «интернациональном» аспекте государственной идеологии). Так, в интервью историка О. Трубачева, опубликованном в газете в декабре 1984 г., ученый, касаясь проблемы русского патриотизма, говорил о «коллективном опыте народа, его духе, его подлинном величии – о том, что будит в каждом из нас не один только научный интерес, но и дает священное право русскому, славянину, любить русское, славянское, и это столь же естественно, как любить своих родителей» // Правда. 1984. 13 декабря.

⁴ См.: Проханов А. А. Африканист // Знамя. 1984. № 3, 4; Он же. «И вот приходит ветер» // Знамя. 1984. № 9–10; Куняев С. Ю. Что тебе поют. Poleмические заметки о модном и культуре // Наш современник. 1984. № 7. С. 171–182.

⁵ Софронов Б. А. Вечной памяти Михаила Шолохова // Огонек. 1984. № 9. С. 6. О патриотической позиции М. А. Шолохова и о его деятельности, направленной на защиту русской культуры в 1970-е гг., см. также: Письмо М. А. Шолохова Л. И. Брежневу // Вечерняя Москва. 1993. 15 декабря (приложение «Градские вести». С. 2); Вдовин А. И. Российская нация... С. 206–207; Ганичев В. Величие и падение «Молодой гвардии». С. 201; Лигачев Е. К. Предостережение. М., 1998. С. 143.

В официальной пропаганде и искусстве середины 1960-х – первой половины 1980-х гг. русская патриотическая тема, наряду с интернациональной идеей, оставалась одной из ведущих. Национал-большевистские мотивы заметно прослеживались в советских фильмах: «Вечный зов» по одноименному роману А. С. Иванова (реж. В. А. Краснопольский, В. И. Усков, 1976–1983); «Судьба» по роману П. Л. Проскурина (реж. Е. С. Матвеев, 1978); киноопера «Освобождение» (реж. Ю. Н. Озеров, 1970–1972); «Государственная граница» (реж. Б. М. Степанов, 1979–1988); «Хождение по мукам» по трилогии А. Н. Толстого (реж. В. С. Ордынский, 1974–1977) и др. События героического прошлого русского народа были отображены в кинофильмах «Война и мир» (реж. С. Ф. Бондарчук, 1962–1967), «Эскадрон гусар легучих» (реж. С. И. Ростоцкий, Н. Хубов, 1981), «Юность Петра», «В начале славных дел» по роману А. Н. Толстого «Петр Первый» (реж. С. А. Герасимов, 1981), в телефильме «Россия молодая» по одноименному произведению Ю. П. Германа (реж. И. Я. Гурин, 1981), в картинах об истории Древней Руси – «Ярослав Мудрый» (реж. Г. Р. Кохан, 1982), «Русь изначальная» (реж. Г. Л. Васильев, 1985) и др. С середины 1960-х гг. в советском кинематографе (как и в ряде исторических и популярных публикаций) обозначилась осторожная линия по частичной «реабилитации» русской белой эмиграции и даже преподнесения в объективистском свете некоторых видных деятелей белого движения как умных и принципиальных противников Советской власти. Об этом были сняты кино- и телефильмы: «Операция “Трест”» (реж. С. Н. Колосов, 1968); «Адъютант его превосходительства» (реж. Е. И. Ташков, 1969); «Бег» по одноименной пьесе М. А. Булгакова (реж. В. Н. Наумов, А. А. Алов, 1968); упомянутая телеверсия романа «Хождение по мукам». Можно назвать также много фильмов – экранизаций произведений русских классиков, снятых на высоком художественном уровне и передающих литературный первоисточник без какой-либо политической ангажированности: «Дворянское гнездо» А. С. Михалкова-Кончаловского (1969), «Неоконченная пьеса для механического пианино» (1976) и «Несколько дней из жизни Обломова» (1980) Н. С. Михалкова, «Мой ласковый и нежный зверь» Э. В. Лотяну (1978) и др. Значительное место отводилось русскому прошлому, фольклору, знаменательным событиям русской истории и в детском кинематографе. Патриотическим духом были наполнены многие кино- и телефильмы по мотивам русских сказок и былин, в которых главные персонажи – богатыри, народные герои – противились силам зла (чужеземцам и внутренним врагам) или в обыденной обстановке являли собой национальную красоту и мудрость: фильмы А. А. Роу «Морозко» (1965) и «Варвара-краса, длинная коса» (1970), А. Л. Птушко «Руслан и Людмила» (1972),

Б. В. Рыцарева «Иван-да-Марья» (1975), Г. Л. Васильева «Финист – Ясный сокол» (1975) и «Василий Буслаев» (1982), а также работы других авторов. В 1970–1980-е гг. на советские экраны выходят мультипликационные фильмы, повествующие о героическом прошлом русского народа: «Илья Муромец», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Василиса Микулишна», «Сказание про Игорев поход» (снятый по мотивам «Слова о полку Игореве»), «Сказание о Евпатии Коловрате», «Детство Ратибора» и др. В 1980 г., к 600-летию Куликовской битвы был выпущен мультфильм «Лебеди Непрядвы», в котором, наряду с ратным подвигом русских воинов, была отмечена и роль Православной церкви в борьбе народа за независимость. В том же году журнал для самых маленьких читателей «Веселые картинки» (курируемый ЦК ВЛКСМ) посвятил отдельный номер битве на Куликовом поле. Немаловажным фактором воспитания у детей интереса к своей истории был выпуск красочно иллюстрированных, написанных ярким и доступным языком книг о великих деятелях русской культуры, науки, полководцах. Одной из наиболее популярных, к примеру, была «Книга будущих командиров» А. В. Митяева, изданная в 1974 г. и неоднократно переиздававшаяся. Для взрослой советской читательской аудитории выпускались большими тиражами книги, популярные брошюры, рассказывающие о людях и событиях российской тысячелетней истории. Особую роль в популяризации русского прошлого и его выдающихся представителей сыграли серия «Жизнь замечательных людей» (в 1969–1975 гг. ред. С. Н. Семанов) и издательство «Молодая гвардия» (его возглавлял в 1970-е гг. В. Н. Ганичев). Замечательные песни советских композиторов прославляли не только социалистическую Родину, но и Россию. Среди них, к примеру, можно назвать: «Русское поле» Я. А. Френкеля; «Течет Волга» М. Г. Фрадкина; «Цветы России» и «Моя земля, моя Отчизна» Е. Н. Птичкина; «Нет земли родней» П. К. Аедоницкого; «Шаги» Е. П. Крылатова, «Ты припомни, Россия» И. Е. Катаева и др. Исключительной музыкальной красотой и любовью к своей земле отличались произведения композиторов Г. В. Свиридова и В. А. Гаврилина.

Впрочем, властью отвергались работы, в которых фрондирующими авторами давалась собственная интерпретация событий прошлого. Так, в фильме А. А. Тарковского «Страсти по Андрею» («Андрей Рублев») партийные руководители усмотрели глумление над русским народом и очернительство. 17 июля 1969 г. в письме, направленном председателю Комитета по кинематографии А. В. Романову, секретарь обкома КПСС С. Сурниченко высказывал такое мнение о картине: «Фильм “Андрей Рублев” творческая неудача Андрея Тарковского, и его нецелесообразно выпускать на экран <...> Вместо воспитания у людей чувства патриотизма, гордости за нашу Родину,

за русского человека-творца <...> на протяжении всего фильма зрителям преподносятся в концентрированном виде сцены и картины зла, надругательства над человеком, над тем, что является святым. Перед нами предстает русский народ настолько отсталым и полудиким, настолько приниженым и раздавленным, что он не способен ни мыслить о свободе, ни, тем более, подняться на борьбу против татаро-монгольского ига»¹.

Острой критике советских и партийных органов была подвергнута книга казахского писателя Олжаса Сулейменова «Аз и Я». В записке Госкомиздата СССР и ЦК КПСС от 29 ноября 1975 г. осуждалась неправильная трактовка писателем «Слова о полку Игореве», в частности, то, что автор говорил о «насилии патриотического подхода», о «болоте патриотических научных произведений» в оценке этого памятника древнерусской литературы. О. Сулейменов утверждал, что «Слово о полку Игореве» было «написано частично на половецком языке, который в XII веке играл ту же роль, что французский в XVIII–XIX вв.», и вообще подвергал сомнению подлинность «Слова». Как заявлял писатель, описываемые в «Слове о полку Игореве» события «воспитанию патриотизма <...> не способствовали и, следовательно, были бесполезны, если не вредны». Ряд печатных органов Казахской ССР и даже некоторые центральные издания (например, «Комсомольская правда») опубликовали на своих страницах положительные рецензии на эту книгу². Подобное отношение к великому произведению древнерусской культуры спровоцировало скандал. В записке Академии наук СССР в ЦК партии (24 марта 1976 г.) подчеркивалось, что «по Сулейменову <...> получается так, что если русские и советские ученые на основании веских доводов считают “Слово о полку Игореве” памятником патриотическим, то они будто бы искажают или замалчивают подлинную историю <...> становятся “казенными патриотами” <...> Ополчась против патриотизма русских и советских исследователей “Слова о полку Игореве” (таких, как автор “Истории Российской” В. Н. Татищев, академики Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев и др.), О. Сулейменов игнорирует тот факт, что патриотическое чувство – один из величайших двигателей прогресса в науке и не понимает, что интернационализм не только не отменяет патриотизма, но является источником всякого подлинного патриотизма»³. В итоге на июльском заседании двух бюро АН СССР, состоявшемся по поручению ЦК КПСС, книга О. Сулейменова была признана «ошибочной». Евразийские взгляды

¹ Тарковская М. А. Осколки зеркала. М., 1999. С. 134.

² Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973–1978. Документы: В 2 т. М., 2001. Т. 1. 1973–1976. С. 801–806.

³ Там же. С. 875.

и «высказывания автора против патриотизма» были подвергнуты острой критике. «Идеологические ошибки» осудил и ЦК Компартии Казахстана¹.

Спустя два года великий писатель, член ЦК КПСС М. А. Шолохов дал жесткую оценку фильму А. Н. Митты «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». В своем письме Л. И. Брежневу (14 марта 1978 г.) он отмечал: «Одним из главных объектов идеологического наступления врагов социализма является в настоящее время русская культура, которая представляет историческую основу, главное богатство социалистической культуры нашей страны. Принижая роль русской культуры в историческом духовном процессе, искажая ее высокие гуманистические принципы, отказывая ей в прогрессивности и исторической самобытности, враги социализма тем самым пытаются опорочить русский народ как главную интернациональную силу советского интернационального государства, показать его духовно немощным, неспособным к интеллектуальному творчеству <...> Широко практикуется протаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру <...> Симптоматично в этом смысле появление на советском экране фильма А. Митты “Как царь Петр арапа женил”, в котором открыто унижается достоинство русской нации, оплеваются прогрессивные начинания Петра I, осмеиваются русская история и наш народ. До сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными». М. А. Шолохов в своем письме генсеку партии указывал на «очевидную необходимость еще раз поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатриотических, антисоциалистических сил, правильном освещении ее истории в печати, кино и телевидении». Писатель в этом обращении к Л. И. Брежневу предлагал целый ряд мер, которые способствовали бы развитию русской национальной культуры, в частности, начать издание печатного органа «Русская культура», мотивируя это тем, что «подобные журналы издаются во всех союзных республиках, кроме РСФСР»². Однако руководство ЦК проигнорировало предложения писателя. Прозападно ориентированные, либеральные силы в стране все более укрепляли свои позиции в партии и обществе.

В марте 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС становится М. С. Горбачев. В политической, экономической и социальной жизни СССР наступает «эпоха реформирования», более известная под названием «перестройка». В истории Русского национального патриотизма начинается новый этап.

¹ Там же. С. 902–904.

² Цит. по: *Петелин В. В.* Михаил Александрович Шолохов. Жизнь. Личность. Творчество. Хроника. 1905–1984. М., 2006. С. 143–144.

Глава XIII. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ. КРАХ «СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА» (1985–1991)

Социально-экономическая и политическая значимость национального вопроса в СССР была обусловлена многонациональным составом Союза, особенностями национально-государственного территориального устройства. Документы КПСС, решения ее съездов и пленумов ЦК на разных этапах развития, в том числе и в годы так называемой перестройки, свидетельствуют, что проблема межнациональных отношений с формальной точки зрения постоянно находилась в сфере партийно-государственного внимания. Однако в целом она рассматривалась и в партийно-государственных документах, и в работах советских ученых-обществоведов как уже решенная в основном и главном. Требовалось лишь в связи с имевшими место отдельными проявлениями национализма и местничества усилить воспитательной работы в направлении укрепления интернационального единства и патриотизма советского народа как новой исторической общности.

Объективно за этим скрывалась фактическая недооценка национального фактора, реального положения в сфере межнациональных отношений, что сыграло роковую роль в судьбе СССР.

1985 г. в истории СССР стал тем рубежом, за которым последовали события, круто изменившие вектор всего предыдущего общественного развития. Приход к высшей партийной, а, по сути, и государственной власти в стране М. С. Горбачева (март 1985 г.) положил начало глубокому реформаторскому процессу с катастрофическим, как показала жизнь, финалом. За периодом «горбачевских реформ» (1985–1991) в российско-советской историографии прочно закрепилось название «перестройка»¹.

¹ «Перестройкой» автор называет весь период горбачевского реформаторства, как это и утвердилось в историографии. Однако следует уточнить, что термин «перестройка» появился только во второй половине 1986 г., а четко сформулировано его содержание было лишь на январском пленуме ЦК КПСС в 1987 г.

Необходимость реформирования тех общественных отношений, которые сложились в стране к середине 1980-х гг., пришедшей к власти «команде Горбачева», да и обществу в целом, представлялась более чем актуальной. И это было справедливо, объективно обусловлено. Негативные явления давали о себе знать во всех сферах жизни. В экономике наметилось падение темпов роста производства, в ряде отраслей хозяйства имело место технологическое отставание, недостаточно эффективен был хозяйственный механизм в целом. Болезненно воспринималась населением нерешенность многих социальных проблем: нехватка жилья, дефицит на рынке товаров, невнимание к нуждам человека и т. п.

Уровень жизни основной массы трудящихся был невысок, но позволял вести достойный образ жизни. Страна не знала голода, невыплат зарплат, пособий и пенсий. Минимум прав рядового советского человека, таких как право на труд и его оплату, право на образование, бесплатное медицинское обслуживание, право на отдых, был защищен государством. И СССР к моменту перестройки относился к числу наиболее стабильных и безопасных для проживания стран.

Но предкризисная ситуация в обществе вызревала. Наиболее ярко эти процессы проявились в идейно-нравственной сфере и сфере власти.

Власть, особенно на самой верхней ступени, перерождалась изнутри, откровенно утрачивала духовно-нравственные основы, необходимые лидирующей группе. Семидесятилетние «старцы» из Политбюро уже в силу своего возраста олицетворяли застой и немощь. Об их привилегиях ходили легенды: правители-дачники, небожители, «построившие коммунизм» для себя и своих присных. Эти люди давно оторвались от жизни трудящихся и не желали знать, что происходит в стране.

Образ жизни, нравы политической верхушки соответственно транслировались вниз, вплоть до самых нижних этажей власти. И характеризовали этих чиновников от власти отнюдь не чувство долга перед Отечеством, не служение народу, а лишь непомерные властные амбиции, карьеризм, корысть. В результате власть в целом, как таковая, утрачивала моральный авторитет в глазах общества.

Поскольку жизнь рядового советского гражданина все чаще омрачалась разного рода нехватками, а привилегированные группы получали доступ к благам не по труду, а по негласно установленному социальному статусу, в обществе накапливалось недовольство, система распределения воспринималась как социально несправедливая, что порождало нигилизм, неверие в идеалы и ценности, провозглашаемые властью, причем это было характерно для всех слоев общества.

Интеллигенция, в первую очередь творческая, гуманитарная, тяготилась давлением партийно-бюрократической верхушки, раз-

личными запретами и ограничениями в профессиональной деятельности. Рабочие внимательно прислушивались к разговорам об их эксплуатации государством (на Западе капиталисты платят якобы больше). Колхозное крестьянство также имело претензии к власти, особенно по части социальной инфраструктуры села.

Особенно резко девальвировались идейные и нравственные ценности в молодежной среде. Росли алкоголизм, наркомания и преступность. Советский патриотизм стал незаметно стусевываться перед проникающей по различным каналам целенаправленной информацией о благополучном, пресыщенном в потребительстве Западе.

В итоге общая, как бы интуитивная оценка ситуации и соответствующее состояние общественного сознания получили выражение в убеждении: нужны перемены, так дальше жить нельзя!

Эту готовность общества к переменам верно уловили инициаторы перестройки во главе с М. Горбачевым. Был сделан вывод о необходимости ускорения социально-экономического развития, поставлена задача достижения качественно нового состояния общества. Имелись в виду эффективная экономика, сильная социальная политика, демократизация общественной жизни и государственного управления. Обществу предлагалось, преодолевая так называемую сталинскую, командно-административную модель социализма, сложившуюся в стране, двигаться к «лучшему социализму», ленинскому.

Горбачев пообещал «открыть все заслонки», чтобы основательно проветрить «затхлую атмосферу застойных времен» (имелись в виду 1970–1980-е гг.), подчеркивая первостепенное значение обновления в духовно-нравственной сфере и в системе власти. Именно такой курс, позже, к исходу 1986 г., оформившийся в концепцию всеобъемлющей перестройки, и был встречен в обществе с энтузиазмом. Об изменении общественного строя не могло быть и речи. Как заметил один из публицистов уже по итогам драматических событий перестройки, если бы в 1985 г. Горбачев заявил, что цель его «революции сверху» в упразднении советской власти, социализма, в уничтожении государства СССР, то он не только не получил бы народной поддержки, но попросту был бы упрятан в сумасшедший дом.

Народ и не догадывался о возможности утраты тех социальных преимуществ, которые уже давно были завоеваны и сделались привычными, не мог и предположить о возможности ухудшения жизни. Он стремился к лучшему, легко поверив в нарисованную реформаторами перспективу демократических свобод и материального благополучия, как некогда верил в построение коммунизма.

Концепция перестройки, ее философия, стратегия и тактика выработывались согласно с официальной точкой зрения того времени и той власти в течение 1986–1987 гг. Январский (1987) пленум ЦК КПСС объявил о намерении партии радикально демократизиро-

вать общество и собственно внутрипартийную жизнь. Следующий пленум, июньский, дал программу экономической реформы, суть которой состояла в повышении экономической самостоятельности предприятий. Установки этих пленумов рассматривались как решающие звенья концепции перестройки, завершившие разработку ее теории и открывшие практический этап реформ.

Однако усилия реформаторов ни в сфере демократизации общества, ни в области экономики не давали результатов. Перестройка «пробуксовывала». Более того, наметилось сопротивление ей в партийно-советском аппарате, в среде хозяйственной номенклатуры, в силовых структурах государства. В целом в обществе заметно угасала эйфория ожиданий чудесных и скорых перемен.

В этой обстановке инициаторы перестройки принимают решение сломить сопротивление «консервативных сил», подключив к своей «революции сверху» народ, используя прежде всего средства массовой информации. Горбачев призвал их взять на себя роль оппозиции тем силам, которые противятся перестройке. Фактически это обернулось призывом «открыть огонь по штабам», по несущим конструкциям тогдашнего государства. Был инициирован процесс, расцененный позже некоторыми историками перестройки как *самоподрыв власти*, как искусственное создание Горбачевым массовой политической оппозиции существующему режиму, которая, разгромив правящую партию, устранит вместе с ней и самого инициатора начатых преобразований.

§ 1. Национальный вопрос как часть вопроса о власти

В условиях нарастающего хаоса в стране на политической сцене в качестве просыпающегося к активным действиям «игрока» все настойчивее заявляет о себе национальный фактор, впрочем, долгое время катастрофически недооценивавшийся властью. А между тем, в сфере межнациональных отношений, одной из самых тонких сфер общественного бытия, оказался заложен разрушительный заряд огромной силы.

Инициированный сверху «огонь по штабам» означал критику доселе почти неприкасаемых функционеров партаппарата, за которой следовали неизбежные оргвыводы. Прозвучал тезис о перерождении кадров с указанием конкретных адресов: Узбекистан, Молдавия, Туркмения, ряд областей Казахстана, Краснодарский край, Ростовская область и, наконец, Москва. Понятно, что шумная кампания по зачистке старых кадров брежневского «застойного» времени вызывала их недовольство и глухое сопротивление. Особенно болезненно все это воспринималось партийной элитой на

республиканском уровне. Представители «старой гвардии» в борьбе за ускользающую власть имели здесь неубиенный козырь: возможность перевести любой конфликт с Центром в русло межнациональных противоречий, что очень скоро и произошло. Получившие окраску «национального бунта» события в столице Казахстана Алма-Ате 17–18 декабря 1986 г. как раз и возникли на почве кадровой чистки. Но поскольку старый брежневский кадр казах Д. Кунаев был заменен на посту первого секретаря ЦК КП Казахстана на русского выдвиженца из «команды Горбачева» Г. Колбина, в республике заинтересованными лицами это было квалифицировано как проявление «политики русификации», что и спровоцировало инцидент с кровавым исходом.

Как отмечалось в официальных сообщениях, в массовых беспорядках приняли участие около 5 тыс. представителей «националистически настроенной молодежи». В ходе противоправных действий имели место поджоги магазинов, личных автомобилей, оскорбительные действия против граждан. В столкновениях с органами правопорядка было ранено 1215 человек (2 умерли), 107 человек впоследствии были осуждены за участие в беспорядках¹.

Так, в некогда спокойном, благополучном с точки зрения межнациональных отношений регионе возник первый, по выражению журналистов, «адрес тревоги» на карте «нерушимого Союза».

В своих мемуарах М. Горбачев замечает, что историки будут, вероятно, правы, оценив рубеж 1986–1987 гг. как первый серьезный кризис перестройки. Он утверждает, что хотя общество и жило еще ожиданием благих и скорых перемен, мы, то есть реформаторская группа из его окружения, ощущали «подземные толчки»: упорное сопротивление ретроградов и агрессивность радикалов. В воздухе, по его выражению, «запахло антимарксистской ересью»².

Справедливости ради следует сказать, что «ересь» исходила как раз из ближайшего окружения Горбачева, из главного «штаба перестройки».

Процесс пробуждения общественного сознания, сопровождавшийся созданием неформальных общественных структур, выливался практически в процесс формирования оппозиционных настроений официальному «перестроечному» курсу, хотя в названиях многих объединений фигурировал стереотип: «в защиту перестройки». Процесс этот на исходе 1987 г. набирал все большее ускорение, размежевываясь на оппозицию справа (консерваторы) и оппозицию слева (радикал-реформаторы).

¹ См.: *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну. М., 2002. С. 215; *Хлобустов О. М.* КГБ СССР 1954–1991 гг. М., 2010. С. 339.

² См.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Т. I. С. 313.

Обострились дискуссии, в которых, с одной стороны, преобладало отрицание ценностей социализма, с другой – мучительные сомнения в социалистичности задуманных преобразований. Эта «охранительная» часть формирующихся оппозиционных настроений все решительнее указывала на тенденцию под разговоры о возвращении к ленинской точке зрения на социализм «увести» общественность в сторону буржуазного либерализма, демонтировать всю систему до основания.

В свою очередь, радикальная оппозиция продолжала энергично подталкивать события в сторону дестабилизации общественно-политической системы, не скупясь на обвинения каждого инакомыслящего в консерватизме и неосталинизме.

Непримиримость точек зрения в канун 70-летия Октября проявилась, прежде всего, в оценке роли И. В. Сталина в истории советского общества, которые в докладе М. Горбачева в связи с этой датой оказались взвешенными, компромиссными, что разочаровало радикалов и не устроило ту часть общества, где преобладали умеренные, а иногда и апологетические взгляды на недавнюю историю страны.

Уже давно шедшая дискуссия о характере построенного в СССР общества, «моделях» социализма получила новый импульс и значительно обострилась. Фактически это была уже не столько дискуссия, сколько бескомпромиссная, с использованием хлестких политических ярлыков борьба двух концепций «перестройки»: радикальной, заманувшейся на основы системы, и умеренно-консервативной, не желающей изменения ее социальной сути.

В этой обстановке февральский (1988) пленум ЦК выдвинул на первый план обсуждение идеологических аспектов перестройки, намереваясь дать сомневающимся убедительный ответ на вопрос: не происходит ли отступление от социализма? И ответ прозвучал, казалось бы, четко: от марксизма-ленинизма, от того, что завоевано и создано народом, партия ни на шаг не отступает, но отказывается от догматического, бюрократического и волюнтаристского наследства, стремясь возродить «ленинский облик» социализма. Мы должны, говорил Горбачев, действовать, руководствуясь нашими марксистско-ленинскими принципами. Принципами, товарищи, мы не должны поступаться ни под какими предложениями¹.

Однако ответ этот не убедил противоборствующие стороны. В последовавшем потоке публицистики, в научных публикациях продолжала преобладать акцентировка на теневой, негативной стороне прошлого. А это в свою очередь вызывало активизацию тех, кто

¹ См.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1990. Т. 6. С. 73.

был склонен защищать его. Противостояние радикал-реформаторов и консерваторов, таким образом, продолжало обостряться, вылившись в итоге в открытое столкновение так называемых антисталинистов и неосталинистов, поводом к чему послужило письмо преподавателя одного из ленинградских вузов Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами»¹.

В письме руководство перестройкой обвинялось в отступлении от фундаментальных принципов социализма, развивалось одно из коренных положений доклада Горбачева на февральском пленуме. Любопытно, что возмущенные письмом радикалы как бы в упор не видели этой досадной, мешающей детали.

Письмо получило официальное осуждение на страницах «Правды»², было названо «манифестом антиперестроечных сил», и острое в последовавшей кампании критики направлялось против «тех, кто стоял за спиной Н. Андреевой» (имелся в виду член Политбюро Е. Лигачев), против «идейного кредо» целой группы, выражавшей несогласие с концепцией «перестройки».

Идеологическая схватка вокруг письма Н. Андреевой стала рубежным событием, ознаменовавшим кризис в понимании содержания и характера перестройки, окончательный раскол в Политбюро, резкую поляризацию двух сил, так называемых консервативных и радикал-реформаторских, обнажила глубинную суть противоречий, указав на различное понимание целей, преследуемых в перестройке этими двумя потоками. На арену вышли перехватившие инициативу либерально-демократические силы, заменившие лозунг совершенствования социализма лозунгом общества эффективной экономики в условиях свободного рынка. В повестку дня фактически был поставлен вопрос реставрации капитализма.

Февральско-мартовское обострение конфликтов в идеологической сфере сопровождалось обострением в сфере межнациональных отношений, которая оказалась той самой чувствительной сферой, где разрыв ткани социального организма сразу же дал о себе знать, как только пробудившееся общество пришло в движение.

Известный философ и социолог А. Зиновьев, чьи исследования отличаются не только глубиной анализа, но в ряде случаев и точностью социального предвидения, тем не менее, допустил, на наш взгляд, серьезную прогностическую ошибку именно в связи с оценкой характера и состояния межнациональных отношений в СССР. «Расчеты на то, что межнациональные конфликты в Советском Союзе, – писал

¹ Советская Россия. 1988. 13 марта.

² Правда. 1988. 5 апреля.

он, – послужат причиной гибели советской империи, основаны на полном непонимании фактического состояния страны с этой точки зрения»¹.

О комплексе причин распада «советской империи», объективно-го и субъективного характера, у нас еще будет возможность сказать. Сейчас же подчеркнем, что среди этих причин не последней по своему значению приходится назвать именно межнациональные конфликты. Умело провоцировавшиеся и направлявшиеся, они послужили горючим материалом такой взрывоопасной силы, что в пожаре, вызванном ими, сгорела великая держава.

Процесс распада многонационального государства, по сути, унитарного типа в исторически осмысливаемых масштабах оказался поистине обвальным: потребовалось немногим более шести лет, чтобы казавшийся незыблемым монолит рассыпался во прах. И тем важнее обратить внимание на то, как фатально недооценивалась союзной властью на заре «перестройки» проблема межнациональных отношений, оказавшаяся в конечном итоге роковой в судьбе державы. Здесь, в сфере межнациональных отношений и государственного устройства, был, как оказалось, заложен смертоносный заряд, и его «головной механизм» неумолимо заработал едва ли ни с первых попыток руководства «растрезожить систему».

Уже упоминалось, что первый инцидент на межнациональной почве с кровавым исходом (Алма-Ата, декабрь 1986 г.), когда одна сторона озвучила сепаратистские лозунги (требование суверенитета Казахстана и его членства в ООН), а другая применила силу для предотвращения беспорядков, произошел в результате кадровой чистки на политическом Олимпе республиканского уровня в рамках укрепления реформаторского режима Горбачева.

Январский пленум ЦК, казалось бы, оперативно отреагировал на события в Алма-Ате, указав на необходимость «видеть реальную картину и перспективу развития национальных отношений»² в многонациональной стране, где без учета этого фактора нельзя решить ни одного принципиального вопроса. Но к негативным явлениям и деформациям, накопившимся в сфере национальных отношений, в первую очередь были отнесены местничество, тенденции к национальной замкнутости, национальное чванство среди некоторых отсталых групп населения.

¹ *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 208.

² Материалы пленума Центрального комитета КПСС. 27–28 января 1987 года. М., 1987. С. 38.

Причинами инцидентов, подобных алма-атинскому, назывались лишь «серьезные недостатки в интернациональном воспитании, в научной разработке проблем развития национальных отношений»¹.

Однако в постановлении ЦК КПСС от 1 июля 1987 г. эти события были названы «проявлением казахского национализма»², объяснялись они серьезными ошибками и просчетами в работе партийных комитетов республики, что привело «к росту националистических проявлений, которые своевременно не пресекались, более того, замалчивались или квалифицировались как обычное хулиганство»³.

Любопытно, что о проявлении национализма было четко сказано уже более полугода спустя после событий. По горячим же следам, хотя и говорилось о том, что незрелая молодежь была спровоцирована на хулиганство националистически настроенными элементами, но упор делался на то, что подлинные режиссеры и постановщики этого драматического действия – те, кто не принял «перестройку», не желает жить гласно, честно, кто панически боится, что вчерашнее тайное может стать явным. В этом содержался намек на крупные злоупотребления властью со стороны функционеров уходящего «застойного» времени – Кунаева и его ближайшего окружения, которые и подозревались в провоцировании декабрьских волнений.

От имевшей место острой, хотя и «подковерной», стычки в борьбе за власть региональной элиты с Центром, в которой региональная элита запустила механизм национальных столкновений, внимание людей пытались увести в сторону частных социальных проблем, благо их действительно было немало. И самая острая из них – жилищная: по 15–20 лет люди стояли в очереди на квартиру. Наиболее болезненные для населения последствия злоупотреблений околкунаевской бюрократии были именно в этой сфере. Не случайно новый руководитель республики Г. В. Колбин сразу же начал, как писали газеты, «невзирая на лица и ранги, очистительную работу по утверждению социальной справедливости»⁴. За нарушения, допущенные при распределении жилья, протекционизм более 50 должностных лиц были освобождены от работы и получили строгие партийные взыскания.

Попытки на первых порах замолчать тот факт, что конфликт, возникший на почве борьбы за власть региональной элиты с Центром (точнее, тайного бунта старой элиты против новой центральной вла-

¹ Материалы пленума Центрального комитета КПСС. 27–28 января 1987 года. М., 1987. С. 38.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1989. Т. 15. С. 435.

³ Там же.

⁴ Литературная газета. 1987. 11 марта.

сти), заинтересованным лицам легко удалось перевести на рельсы межнационального столкновения, были вообще в духе и традициях далекой от принципов гласности политики идеологов «застойного» времени. Данный факт, свидетельствовавший, что в этой сфере накопилось много «горючего материала», никак не укладывался в рамки официальной доктрины, в соответствии с которой национальный вопрос трактовался как окончательно решенный, за вычетом мелких неурядиц, главным образом на уровне житейско-бытовом. В программном партийном документе говорилось: «...Национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен»¹. И хотя задачи по совершенствованию национальных отношений признавались актуальными, но практическая политика свидетельствовала о том, как фатально недооценивалась на заре перестройки проблема межнациональных отношений (отсюда и попытки замолчать этот аспект в алма-атинских событиях).

Но почему же в июле 1987 г. эти события были квалифицированы как «проявление казахского национализма»? Дело вероятнее всего в том, что после январского 1987 г. пленума ЦК, провозгласившего всеобщую «углубленную демократизацию», следовало продемонстрировать на практике готовность называть вещи своими именами, в том числе и в ранее запретных областях. Общий настрой на гласность, отказ от стереотипов мышления и действий обязывал. К тому же идеологи «нехоженых троп» обновления еще не растратили имевшийся кредит народного доверия и могли позволить себе некоторую смелость, даже когда дело касалось национальных чувств целых республик. Высвечивать же сюжет, послуживший непосредственным поводом к событиям – силовое решение кадрового вопроса, в условиях громко раскритикованной «слабости демократических начал в кадровой работе» инициаторы перестройки полагали политически нецелесообразным.

Это будет признано в 1990 г., когда политическая ситуация в стране в корне изменится, и теряющий реальную власть Горбачев станет всячески заигрывать с республиканскими лидерами. Новый руководитель республики Н. Назарбаев в это время утверждал, что процедура избрания Колбина первым секретарем, длившаяся всего 18 минут, возмутила полным пренебрежением к мнению даже партийного актива. Да, Горбачев действовал старыми, испытанными методами диктата «сверху».

В мае 1990 г. Политбюро ЦК КПСС принимает постановление, дезавуирующее июльское постановление ЦК от 1987 г. В нем гово-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 156.

рится, что «содержащаяся в постановлении (1987 г. – Л. Д.) оценка массовых нарушений общественного порядка в Алма-Ате в декабре 1986 г. как проявление казахского национализма является ошибочной. Имели место противоправные действия части молодежи, подстрекаемой экстремистскими и националистическими элементами»¹.

Впрочем, в 1990 г. уже полыхал конфликт в Нагорном Карабахе, уже разыгрались кровавые драмы Сумгаита и Ферганы, Нового Узеня и Сухуми, Тбилиси, Кишинева и Баку. Журналисты давно писали не об «адресах тревоги», а о «горячих точках», об опасном балансировании на грани полномасштабной гражданской войны, так что на этом фоне те давние алма-атинские события действительно представлялись несмелыми и негрозными, а их виновники вполне достойными «отпущения грехов».

Верховный Совет Казахской ССР и ЦК Компартии Казахстана, ссылаясь на то, что обвинение в национализме крайне болезненно воспринято в народе и особенно среди интеллигенции, обратились в ЦК КПСС с просьбой устранить подобные положения из постановления 1987 г., что, по их мнению, способствовало бы стабилизации общественно-политической обстановки в республике. Политбюро, уже столкнувшееся с грозными проявлениями сепаратизма во многих республиках Союза, не могло не прислушаться к просьбе республики, на тот момент откровенно демонстрировавшей свою приверженность Центру.

После кровавых событий в Алма-Ате в декабре 1986 г. история межнациональной напряженности в стране передышек фактически не знала. Стоит напомнить, что несколько ранее, в марте–апреле 1986 г. произошли столкновения между группами русской и якутской молодежи Якутского госуниверситета, по поводу которых было даже принято постановление секретариата ЦК КПСС, но тогда эти события рассматривались лишь сквозь призму «негативных проявлений среди молодежи». В декабре 1986 – январе 1987 г. состоялись анти-русские демонстрации в Риге, о чем пресса почти ничего не сообщала, во всяком случае, национальный аспект был тщательно затушеван.

Побывавший в феврале 1987 г. в Латвии и Эстонии М. Горбачев распространялся о хорошей политической обстановке в республиках, где «народ ощущает себя, как дома, в нашей огромной, своей для всех стране». И это говорилось всего за год до мощных национальных выступлений, последовавших в Прибалтике. Какие-то факты национального неблагополучия он, разумеется, не мог не отметить, – неприязнь, скажем, к русским рабочим, которых становилось слишком много и которые не стремились воспринимать местную культуру, иг-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 6.

норировали национальный язык и т. п. Однако возникающую в этой связи напряженность генсек списывал по разряду неловких действий местных бюрократов, сводил проблему лишь к вопросу улучшения интернационального воспитания.

Национальный фактор на поверхности бурлил пока что проблемами главным образом культурно-духовного характера. Остро возникали вопросы языка. Во многих республиках складывалась ситуация, когда родной язык оказывался как бы в блокаде, уступая языку межнационального общения, то есть русскому. Резкий конфликт на этой почве возник в Грузии еще в 1978 г., но уроки извлечены не были, и проблема языка стала все чаще возникать то в одной, то в другой республике. Деятели культуры Белоруссии обратились к Горбачеву с письмом о трагической судьбе вымирающего, с их точки зрения, белорусского языка. Обращение осталось без ответа.

Однако в Прибалтике уже в августе 1987 г. зазвучали более острые мотивы. В связи с годовщиной заключения советско-германского пакта о ненападении тысячи манифестантов вышли на улицы, требуя публикации секретных протоколов к этому договору, определивших судьбу прибалтийских стран, восстановления справедливости в отношении массовых депортаций. Латышская националистическая группа «Хельсинки-86» провозгласила цель восстановления статуса Латвии 1939 г.

В прессе эти события комментировались бодро, как чьи-то провокационные, но, в сущности, не состоявшиеся замыслы, получившие должный отпор со стороны здоровой части населения.

В мае 1987 г. как бы неожиданно возник русско-еврейский вопрос, получивший огласку через шумные выступления общества «Память». В отличие от упомянутых выше конфликтов, которые замалчивались или глушились фальсификацией их сути, акции «Памяти» и сам факт возникновения этого общества были не просто замечены центральной и особенно московской прессой, но получили мощный отпор.

В завязывавшихся на национальной почве конфликтах поражает недооценка проблем самой большой, русской нации. Она вообще как бы выпадала из сетки национальных отношений, словно не имела ни своего национального лица, ни национальной специфики, ни национальных интересов. Над ней тяготело «проклятье» известного ленинского тезиса о нации, ранее угнетавшей малые народы, и вот уже 70 лет она расплачивалась за эти мнимые грехи, принося все новые и новые жертвы на алтарь интернационализма. Не по собственной воле, разумеется, – такова была официальная политика.

Как бы незамеченными в то насыщенное событиями лето 1987 г. проскочили московские акции крымских татар, требовавших возвращения на родину, то есть в Крым, восстановления его автономии. Между тем акции эти носили весьма агрессивный характер, а движе-

ние принимало все более организованные формы. В июле в течение трех дней у Кремлевской стены проходили непрерывные демонстрации крымских татар под лозунгом: «Родина или смерть».

Политбюро обсуждало возникшую ситуацию, но реакция в итоге оказалась типично бездейственной и, пожалуй, ярче всего нашла выражение в реплике А. А. Громыко: «Чего мы торопимся? Ничего не страшлось. Что из того, что делегация все время ездит в Президиум Верховного Совета и в другие инстанции? И пусть ездят»¹.

А возникли еще и проблема немцев Поволжья, и выступление во Львове так называемой украинской группы мира. В Политбюро все это неспешно обсуждали, создавали комиссии...

Это лишь беглое перечисление первых «возгораний», первых тревожных звонков, прозвучавших в 1987 г. в многонациональном доме, который в целом воспринимался еще вполне благополучным для перестройки, хотя эйфория от мнимых ее успехов уже шла на убыль. Это чувствовало и высшее партийное руководство: с апреля 1987 г. Горбачев на Политбюро все чаще с раздражением говорил о неудовлетворительном ходе перестройки, ее медленных темпах. Любопытно, что к осени эту его мысль перехватит Ельцин, сделает ее стержневой в своем знаменитом выступлении на октябрьском пленуме. Но то, что позволено Юпитеру, говорится в пословице, не позволено быку... Тем более, что в критике Ельцина присутствовали стрелы, метившие в самого Генсека.

После Беловежской Пуши, оглядываясь на содеянное и пытаясь найти причины катастрофы, постигшей Союз, многие аналитики, да и некоторые практические участники политического процесса тех лет, сделали, среди прочих, вывод о том, что политическое руководство, затеявшее перестройку, очень долго недооценивало проблемы национальных отношений. Есть и другая точка зрения: эти проблемы намеренно замалчивались, так как руководство попросту боялось их, считая «умолчание» самым надежным способом снятия всяческих противоречий. Пожалуй, на практике и то, и другое имело место: и боязнь, и недооценка. Боязнь вытекала из сознания серьезности проблемы, понимания того, что тут можно рано или поздно «наткнуться» на фундаментальные принципы национально-государственного устройства страны, заложенные еще Союзным договором 1922 г. Недооценка же, напротив, была следствием самовнушения: национальный вопрос в стране в корне уже разрешен, а возникающие

¹ Союз можно сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995. С. 15.

коллизии – лишь результат некоторых частных просчетов, главным образом в идейно-воспитательной сфере.

Формально, казалось бы, нельзя говорить о том, что руководство не реагировало на локальные конфликты конца 1986 и 1987 г., что оно полностью игнорировало проблему межнациональных отношений. Уже на январском (1987) пленуме ЦК Горбачев говорил, что «события в Алма-Ате и то, что им предшествовало, требуют серьезного анализа, принципиальной оценки»¹. Правда, именно этого и не произошло. Последовали лишь рекомендации всем партийным организациям, их комитетам «повернуться лицом к проблемам дальнейшего развития национальных отношений, усиления интернационального воспитания»². Эти общие рекомендации дополнялись требованием учитывать национальный фактор при подборе руководящих кадров, делать упор на «особую деликатность национальных аспектов той или иной проблемы, народные традиции в образе жизни и поведении людей»³. Подвергались критике наука за «недостаточную проработку вопросов национальной политики»⁴, политика предшественников – за то, что «ошибки, допускаясь в области национальных отношений, их проявления оставались в тени и говорить о них не было принято»⁵. В итоге в целом подчеркивалась готовность руководства вести принципиальную борьбу «против любых проявлений национальной ограниченности и кичливости, национализма и шовинизма, местничества, сионизма и антисемитизма, в каких бы формах они ни выступали»⁶.

Однако в реальной политике недооценка национальных проблем просматривалась прежде всего в нежелании (или боязни) исследовать, выявлять истинные причины, корни возникающих противоречий. Причины, как правило, сводились к бюрократизму начальников, будь то хозяйственники или идеологи, которые (каждый в своей сфере) «не проявляли чуткости и деликатности» в этом вопросе, обижая представителей национальных республик.

«Национальные проблемы у нас разрешимы и разрешаются, – говорил Горбачев, – но разрешить мы сможем их, если осадим руководящих работников, для которых интернационализм стал смердить и которые поднимают панику и стучат кулаком, если кто-то что-то ска-

¹ Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 27–28 января 1987 года. С. 38.

² Там же. С. 39.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

зал не то и не так, забывая, что Ленин учил осторожности и деликатности со стороны великой нации»¹.

Характерен и другой не менее, а, пожалуй, более важный момент. Национальный вопрос продолжал рассматриваться в одностороннем порядке (это видно и из только что приведенной цитаты). Он существовал для всех, кроме самой большой – русской нации. Русский вопрос, если и возникал, то лишь как вопрос «русского шовинизма». Как показала история, именно этот перекокс в национальной политике и оказался роковым для Союза. Когда разваливали СССР, русские не вышли его защищать – у них накопилось слишком много обид на «младших братьев». И это стало общей бедой.

К выводу о том, что главной причиной крушения СССР явилось ослабление русской нации – как идеологическое, духовно-нравственное, так и демографическое, – ныне пришли многие политики и политологи разных идейно-политических ориентаций. И ослабление это было прямым следствием дискриминации «великой нации», нации, являвшейся стеновым хребетом державы, объединявшей народы.

Формально советские руководители оправдывали такую позицию заботой о сохранении Союза, ибо русский национализм, с их точки зрения, неизбежно вызовет ответный национализм окраин, что чревато развалом страны. На деле все получилось с точностью до наоборот. Лишь во второй половине 1989 г., когда развал СССР уже начал рассматриваться как не столь уж отдаленная реальность и были сказаны Валентином Распутиным его знаменитые слова: «...а может быть, России выйти из состава Союза?»², М. Горбачев всерьез заговорил о русском народе: «Мы уже не можем игнорировать напора в русском народе и не реагировать. Пока сохранится уверенность в русской нации плюс украинцы и белорусы, – все в Союзе будет вращаться вокруг этой оси. Тут все ясно. Это – реальность. Великороссы – не шовинисты. Они несут в себе интеграционную особенность, сложившуюся исторически. С этим связаны и территория, и экономика страны»³.

Обострение конфликтов в феврале–марте 1988 г. в идеологической сфере сопровождалось и обострением в области межнациональных отношений. Они, воспринимавшиеся поначалу как социальный протест в форме национального движения, стали все явственнее обретать содержание антисоветизма и сепаратизма.

Февраль 1988 г. был отмечен началом Карабахского конфликта, названного в зарубежной прессе «трещиной на советском фасаде».

¹ Цит. по: Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 144.

² Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчет: В 6 т. М., 1989. Т. 2. С. 459.

³ Союз можно сохранить. Белая книга. Документы и факты. С. 69.

«Карабахский узел», завязывавшийся с 1986 г., перевел в 1988 г. национальные отношения из разряда локальных вспышек напряженности в общегосударственную проблему, которая требовала решительных политических шагов, конкретных действий, на что инициаторы «революции сверху» оказались неспособны.

Горбачевская политика уговоров не прошла, и запоздалые попытки поиска путей конструктивного выхода из уже тупиковой ситуации к желаемым результатам не привели. Бывший предсовмина СССР Н. И. Рыжков высказал, может быть, и не бесспорную, но заслуживающую внимания мысль. Развал Союза начался не в тот момент, когда «славянские президенты» вышли из Беловежской Пущи, не с «августовского путча», разрушившего зыбкий новоогаревский мир, и даже не после того, как самая дерзкая из прибалтийских республик – Литва заявила о своем выходе из состава СССР, а когда Центр не захотел или не сумел услышать карабахский «звонок»¹.

С конца января 1988 г. в Армении было уже неспокойно. Азербайджан обвинялся в притеснении армян Нагорного Карабаха. В Степанакерте начался сбор подписей под петицией с требованием передать НКАО из Азербайджана в состав Армении. Сессия облсовета НКАО принимает решение о выходе из состава Азербайджана и присоединении к Армении, обращаясь к Президиуму ВС Азербайджана и Армении с просьбой утвердить свое решение.

Армяне, преобладающее население области, переданной в 1921 г. решением Кавбюро в состав Азербайджана, оказались, с их точки зрения, в положении дискриминации по национальному признаку. В автономной области на протяжении длительного времени не решались многие вопросы, затрагивающие национальные интересы армянского населения, особенно в сфере культуры, образования, кадровой политики. Нарушались конституционные права автономной области. Во всем этом обвинялись органы власти Азербайджана, и в итоге армянской частью населения НКАО был сделан вывод о необходимости пересмотра национально-территориального устройства в этом регионе как несправедливого и исторически, и по сути проводимой политики.

В ответ в Баку и Сумгаите прошли первые митинги под лозунгом «НКАО – неотъемлемая часть Азербайджана». 24 февраля на дороге Степанакерт – Акдам в ходе стихийной демонстрации произошло столкновение, в котором были убиты два азербайджанца.

ЦК КПСС на информацию о событиях в НКАО отреагировал констатацией того факта, что действия и требования, направленные на пересмотр существующего национально-территориального устройства, «противоречат интересам трудящихся Азербайджана и Армянской

¹ См.: Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М., 1992. С. 208.

СССР, наносят вред межнациональным отношениям»¹. Говорилось об «отдельных экстремистски настроенных лицах», спровоцировавших нарушения общественного порядка. Местному руководству давались рекомендации сосредоточиться на решении «конкретных экономических, социальных, экологических и прочих проблем». Было принято обращение Горбачева к народам двух республик, в котором генсек уговаривал конфликтующие стороны сохранить «подлинное братство и единение», не отдавать «серьезнейшие вопросы народной судьбы во власть стихии и эмоций»². Он принял армянскую поэтессу С. Капутикян и публициста З. Балаяна, полагая, что их обращение к интеллигенции с призывом к разуму сможет разрядить обстановку, просил время для «изучения ситуации».

Комитет «Карабах», возглавлявший национальное движение в НКАО, приостановил акции протеста. Москва же прибегла к тактике выжидания, ибо, по свидетельству Рыжкова, в руководстве никто попросту не знал, каким же должно быть «справедливое решение», способное удовлетворить обе стороны³.

А между тем 27 февраля в Сумгаите уже разыгрывалась кровавая драма. В центральной прессе появилось сдержанное информационное сообщение, в котором говорилось, что «в Сумгаите группой хулиганствующих элементов были спровоцированы беспорядки <...> Уголовные элементы совершали насильственные действия и грабежи. От их рук погиб 31 человек. Среди них – люди разных национальностей, старики и женщины. Приняты решительные меры для нормализации обстановки»⁴.

Западные радиоголоса, упрекая советскую прессу в «ограниченной гласности», напротив, освещали сумгаитскую трагедию с беспощадным натурализмом, едва ли не смакуя варварскую расправу над «роженицами в роддоме», жестокие убийства, изнасилования, надругательства над телами погибших и ранеными. «Голос Америки» передавал в эфир прямые призывы к армянскому населению выходить на демонстрации в Ереване, а «Би-би-си» транслировало интервью с неким азербайджанцем, заявившим, что «если Карабах будет передан Армении, то это будет означать войну. И нас поддержат турки и наши братья в Иране». Трудно назвать все это иначе, чем прямым подстрекательством.

«В Советском Союзе нарастают этнические волнения», – с удовлетворением констатирует английский журнал «Тайм», а француз-

¹ Правда. 1988. 24 февраля.

² См.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 6. С. 95.

³ См.: Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. С. 203.

⁴ Правда. 1988. 5 марта.

ский «Экспресс» рисует обстановку в Армении буквально в стиле военной сводки: «По всей республике бастуют предприятия, парализован транспорт, закрыты школы <...> В Ереван на самолетах ночью переброшены войска, в пригороды столицы введены танки». Западногерманский «Штерн» свою статью озаглавил: «Сто народов против Москвы. Убитые в Азербайджане, мятеж в Армении и Прибалтике...»¹

Одним словом, вокруг вспыхнувшего пожара, радостно потирая руки, прыгали жрецы демократии и свободы, ликовали западные «друзья перестройки». Это полезно вспомнить в свете бытовавшего пропагандистского клише о незаинтересованности Запада в распаде СССР.

В попытках объяснить причины сумгаитской трагедии было много доводов, не вызывающих сомнений: на поверхность выплеснулись копившиеся годами неудовлетворенность (как среди армян, так и среди азербайджанцев) условиями жизни, труда и быта, протест против социальной несправедливости. Но глубинные истоки лежат в сложном переплетении исторических, социальных, экономических, культурных, этнических проблем, извращениях национальной политики на протяжении многих лет, замалчивании острых, конфликтных ситуаций или попытке их разрешения авторитарными, а то и насильственными методами.

Всем этим воспользовались коррумпированные кланы, дельцы теневой экономики, сомкнувшиеся с уголовными элементами. В своих политических целях, спекулируя на реальных проблемах, они подтолкнули людей к националистическим выступлениям. Официальными властями это интерпретировалось как сопротивление перестройке, но лидеры национальных движений, напротив, говорили о доведении ее до конца, то есть об освобождении от диктата Центра, обретении политической и экономической независимости.

Горбачев, уже после Сумгаита, очень здраво рассуждал о причинах кризиса. Говорил о притеснении армян в Нахичевани, вследствие чего их количество там за 40 лет сократилось с 40 до 1,5 %. Отмечал, что и в Нагорном Карабахе все шло к тому. Винил интеллигенцию той и другой республики в культивировании вируса национальной вражды, категорически называл главными виновниками конфликта ЦК КП Азербайджана и ЦК КП Армении (первые лица были сняты со своих постов). Резко критиковал деятельность персонально Гейдара Алиева на посту первого секретаря ЦК КП Азербайджана, в чью бытность на процессы социально-политического характера как раз и наложился национализм как следствие проводимого им курса.

¹ Цит. по: Аргументы и факты. 1988. 2–8 апреля.

Признавал Горбачев и то, что сигналы о неблагополучии в Нагорном Карабахе шли в ЦК уже в течение 3 лет, поступило 500 писем, причем одно из них в августе 1987 г. подписали 75 тыс. армян, приезжали делегации и в Москву, но, по собственному признанию генсека, «у нас была рутинная реакция»¹. И все же кризис собственного руководства Горбачев признавать не хотел, хотя обвинений в его адрес звучало немало, в том числе и о применении силы. Почему войска были введены с запозданием? Почему на разъяренную толпу бросили безоружных курсантов? Ответ сегодня очевиден – руководство, прежде всего первое лицо в государстве, проявляли нерешительность, боялись ответственности. Есть точка зрения, никак не дезавуированная, что о готовящихся погромах в Сумгаите Горбачеву докладывалось за несколько дней, однако решительные действия все же запоздали. Кровь пролилась. Понятно, что это было на руку сепаратистским силам.

Отвергая какие-либо подозрения относительно злого умысла в действиях Горбачева, помощник генсека фактически признает, что проводимая политика была неадекватна вызову времени. Он полагает, что «надо было сразу, в 1986 г., когда только возник карабахский кризис и когда азербайджанский национализм спал глубоким сном и, уж во всяком случае, никак не был “организован”, отдать Карабах Армении. А потом разбирались бы между собой уже суверенные государства»². Аргументирует он эту позицию тем, что так, может быть, и не удалось бы избежать крови, но не возникло бы столь тяжелых кровопролития, хаоса, погромов. Ясно, что для принятия такого решения требовалась политическая воля первого лица, которой у него не оказалось. Горбачев поддерживал идею создания в Карабахе автономной республики при условии, что такое решение примут парламенты Армении и Азербайджана. Впрочем, и это говорилось уже после Сумгаита.

Состоявшаяся в конце июня 1988 г. XIX всесоюзная партконференция стала поворотным моментом в истории перестройки. Поставив вопрос о демократизации общества путем реформирования политической системы, она послужила мощным стимулом взрывного развития общественно-политических, гражданских инициатив. Народ все активнее включался в политический процесс, что находило самые разные формы выражения. Движение так называемых неформалов поднимается как бы на новую ступень в развитии демократической инициативы: возникают народные фронты в качестве самостоятельных общественных движений, существующих в рамках Конституции

¹ Цит. по: *Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 244.*

² Там же. С. 246.

СССР и ставящих цель, как провозглашалось в их программных документах, «содействовать курсу партии на перестройку».

Впрочем, очень скоро станет ясно (всем, кроме инициаторов перестройки), что для большинства лидеров народных фронтов лозунги «перестройки» были лишь фиговым листком, прикрывающим истинные цели, в республиках чаще всего и прежде всего – национал-сепаратистские.

Не случайно народные фронты возникли раньше всего в республиках Прибалтики. 3 июня 1988 г. организационно оформилось самостоятельное гражданское движение Литвы «Саюдис», в октябре того же года состоялся первый съезд этой организации. Возникли народные фронты в Латвии и Эстонии. Затем подобные движения появились в Закавказье, Молдавии, на Украине. Не стала исключением и Российская Федерация: Москва и Ленинград, Горький, Свердловск, Новосибирск...

Когда осенью 1988 г. прозвучал так называемый эстонский вызов (эта республика заявила о своем суверенитете), а «Народный фронт» Эстонии, возникший по инициативе коммунистов, занял откровенно национал-сепаратистские позиции, в ответ последовало создание «Интернационального фронта» как реакция самозащиты русскоязычного населения. Но партийные руководители республики отрицали национальный характер возникающего противостояния. Все разговоры о выходе Эстонии из состава СССР, выселении русских, произошедшем в обществе глубоком расколе по национальному признаку они расценивали как «чушь невероятную» (выражение секретаря ЦК Компартии Эстонии И. Тооме).

Этот взгляд на «благотворный процесс демократизации» в Эстонии широко пропагандировала центральная перестроечная пресса («Огонек», «Известия», «Московские новости» и др.). Поощрялись идущие в республике процессы и высшим партийным руководством страны, в частности, членом Политбюро А. Яковлевым, роль которого в дестабилизации положения в Прибалтике впервые будет остро обсуждаться двумя годами позже, на XXVIII съезде КПСС.

Даже год спустя после «эстонского вызова» реформаторы Горбачева продолжали свой патронаж над народными фронтами, держась за миф об этих общественных новообразованиях как «движениях за перестройку», не замечая или намеренно не желая видеть в их среде носителей национал-сепаратизма и антикоммунизма.

На лето 1988 г., когда все общественно-политические проблемы естественным образом обострились в связи с работой XIX партконференции, пришелся второй тур карабахских событий. Москва подтверждала существующую реальность – Нагорный Карабах входит в состав Азербайджанской ССР, но допустимы варианты повышения статуса области. Одновременно карабахцам давались гарантии недо-

пустимости повторения политики дискриминации. В мае было заменено руководство в обеих республиках, в урегулировании ситуации делался основной упор на решение проблем социально-экономического и культурного развития НКАО, на что правительством было выделено 500 млн рублей. Однако материальные «подачки» уже не имели эффекта, впрочем, как и иные паллиативы.

В июле сессия облсовета НКАО приняла решение о выходе из состава Азербайджанской ССР, поддержанное Верховным Советом Армении. Это решение ВС Азербайджана признал незаконным, а Президиум ВС СССР подтвердил принадлежность НКАО Азербайджану.

По всей Армении вспыхнули новые митинги, забастовки. В Нагорный Карабах с «особой миссией» для умиротворения, «организации и координации работ» по выполнению решений Центра был направлен депутат ВС СССР А. И. Вольский. Для тех же целей из числа депутатов Совета национальностей ВС СССР была образована специальная комиссия¹. Однако осенью последовал новый взрыв страстей и эмоций.

В связи с попыткой прокуратуры области начать проверки и ревизии предприятий, возбуждать уголовные дела на тех, кто участвовал в различных столкновениях комитет «Карабах» потребовал выслать из НКАО представителей прокуратуры Азербайджана и СССР, назначить прокурором армянина, вывести войсковые подразделения.

На митингах звучали уже откровенно сепаратистские и антисоветские призывы: «Ставленники Москвы Арменией править не могут, они вражеский штаб <...> С открытым лицом надо объявить войну»; «Те, кто направляет к нам армию, должны знать – армянский народ воспринимает эту армию как колониальную»; «Нужны армянские военные формирования»².

В сентябре в связи с инцидентом у азербайджанского села Ходжалы, имевшим кровавые последствия, на территории НКАО и Агдамского района было введено особое положение, но эскалация конфликта продолжалась. В конце ноября было введено особое положение в Баку, Нахичевани и Кировабаде. В декабре в Баку отмечались массовые беспорядки с жертвами. На этот месяц пришлось самые большие потоки беженцев. В Азербайджан прибыло свыше 165 тыс. беженцев из Армении, встречный поток составил более 140 тыс.³

12 января 1989 г. на территории НКАО была введена особая форма управления – образован Комитет особого управления во главе

¹ См.: Правда. 1988. 26 июля.

² См.: Правда. 1988. 28 сентября.

³ См.: Правда. 1989. 15 января.

с Вольским. Полномочия Областного Совета народных депутатов и его исполкома приостанавливались, Комитет подчинялся непосредственно Центру и обладал на месте всеми властными полномочиями¹. Однако и эта мера, как показал дальнейший ход событий, действия не возымела.

Второй поток осложнений на межнациональной почве (точнее, теперь уже на межгосударственной) принесли в 1988 г., как отмечалось выше, беспокойные прибалтийские ветры.

Национальные движения, связанные с Днем памяти 1939 г., воспринимаемым как день утраты государственной самостоятельности, давали о себе знать в форме митингов и демонстраций уже в феврале 1988 г. В советской прессе они либо замалчивались, либо подавались как незначительные выступления небольших групп населения, спровоцированные зарубежными «радиоголосами». Однако это уже было время активного формирования народных фронтов, которые в Прибалтике очень скоро заняли ярко выраженную сепаратистскую позицию, выставив требование безоговорочного выхода из СССР.

С этой целью инициировался вопрос о нелегитимности актов 1940 г., в соответствии с которыми государства Прибалтики вошли в состав Союза. 14 июня в связи с 48-й годовщиной включения Латвии в состав СССР в Риге состоялась мощная демонстрация (около 100 тыс. чел.). В местных средствах массовой информации широко обсуждались, приобретая все более высокий эмоциональный накал, вопросы о насильственном характере присоединения государств Прибалтики к СССР, репрессиях сталинских времен, перенаселенности республик русскими и русскоязычными мигрантами, произволе союзных ведомств и его пагубных экологических и социальных последствиях.

Делегация Эстонии на XIX партконференции выступила с радикальными предложениями по «восстановлению ленинских принципов федерализма»². Это была первая попытка перевести разговор о сути национальных проблем на рельсы национально-государственного устройства, попытка увидеть корень зла в нарушенных на практике принципах федерализации в государственном устройстве СССР, в его унитарном характере.

Было внесено предложение пересмотреть Конституцию СССР, установив, что государственная собственность страны (за исключением сферы обороны) состоит из государственной собственности

¹ См.: Там же.

² См.: XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. Стенографический отчет: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 74–77.

всех союзных республик и они являются полноправными распорядителями этой собственности. Предлагалось выработать новый союзный договор как основополагающий документ Союза равноправных советских республик, разработать закон СССР, который детально регулировал бы взаимоотношения союзных республик между собой и с центральными органами страны. Ставился вопрос об известной законодательной самостоятельности республик, о Конституционном суде СССР как верховном арбитре в возможных спорах союзного и республиканских законодательств, о реальных возможностях республик активно участвовать в международной жизни и т. п. Одним словом, речь шла о принципиально новой организации совместной жизни республик в рамках подлинной федерации.

Однако эти предложения ни руководством, ни общественностью услышаны не были. Позже, уже после развала Союза, Горбачев признает, что, недооценивая остроту межнациональных отношений, прошел мимо возможности начать процесс выработки нового союзного договора, когда обстановка этому еще благоприятствовала. Но опоздал, начав процесс лишь в 1990 г.¹ (Впрочем, вопрос о том, нужен ли вообще был процесс выработки нового договора, является дискуссионным.)

Проблема урегулирования национальных отношений XIX партконференцией была сведена главным образом к предоставлению республикам большей экономической самостоятельности, к поиску управы на союзные ведомства. На это особенно активно жаловались прибалты, они и получили в первую очередь заверения в готовности центральной власти создать для них в этой сфере условия наибольшего благоприятствования: региональный хозрасчет раньше других был подарен Эстонии.

Судя по резолюции, попытки взглянуть на проблему шире предпринимались, но либо по линии декларации каких-то общих положений, за которыми не последовали практические действия, либо по накатанной бюрократической схеме создания новых формальных органов, которые также заведомо не способны были к практическим шагам.

Отношение Горбачева к Прибалтике, по свидетельству его ближайшего окружения, было особым. Развивающиеся там национал-сепаратистские процессы он долго расценивал как «естественные в условиях демократии и гласности», не веря в серьезное намерение республик отделиться от СССР, прежде всего по экономическим соображениям. Однако осенью 1988 г. именно отсюда прозвучал первый вызов целостности Союза, так называемый эстонский вызов.

¹ См. *Горбачев М. С. Декабрь-91. Моя позиция.* М., 1992. С. 145–146, 149.

Республика заявила о своем суверенитете, положив начало последующему «параду суверенитетов» и порожденной им «войне законов».

ВС Эстонии провозгласил на своей территории верховенство республиканских законов, внес поправки в свою Конституцию, в соответствии с которыми верховные органы республики получали право приостанавливать или ограничивать действие союзных законов. Иными словами, в республике явочным порядком стали проводить идеи, не получившие поддержки на XIX партконференции.

Принятые акты, естественно, противоречили Конституции и законам СССР, на что Президиум ВС СССР и указал ВС Эстонии¹. Принятые им документы были признаны недействующими. Первые залпы «войны законов» прозвучали.

В это время в прибалтийских столицах уже всюду гремели лозунги типа: «Немедленный выход из СССР!», «Русские, убирайтесь вон!» и т. п. Гневно осуждая «политический экстремизм националистического толка», Горбачев отстаивал концепцию «оставаться вместе», по-прежнему делая ставку на «метод демократических обсуждений и выработку согласованных общих позиций». Сознавая возможность развала страны, иногда призывал «идти и навстречу ветру», но не шел.

Политическая реформа, начатая XIX партконференцией, в интерпретации Горбачева, предполагала два этапа. На первом этапе укреплялись позиции Центра, содержание второго – гармонизация отношений Центра и республик. Родилась формула: «Прочный Союз – это сильный Центр и сильные республики»².

Как показал дальнейший ход событий, эта формула оказалась утопичной, ибо на политическую арену уже вышли силы, в задачу которых входил слом именно «сильного Центра», поскольку государство в скрепах этого «сильного Центра» и рассматривалось ими как «воплощение унитаризма», с которым велась бескомпромиссная борьба.

Заканчивался 1988 г. Ситуация уже приобретала принципиально иной характер. Социалистический камуфляж преобразований хотя еще и сохранял свою видимость, но переориентация в генеральном направлении «революции» уже состоялась. По свидетельству А. Н. Яковлева, на отрезке времени между XIX партконференцией и I съездом народных депутатов СССР (май–июнь 1989 г.) произошла «эволюция представлений» о путях, степени радикальности и конечных целях реформирования общества. Перестройка «обрела автономность от ее инициаторов», стала неуправляемой «сверху»³.

¹ См.: Правда. 1988. 27 ноября.

² См.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 7. С. 153–154, 177.

³ См.: Яковлев А. Н. Предисловие. Обвал. Последействие. М., 1992. С. 130.

Инициативу перехватили либерально-демократические силы, умело подогревая «уличную стихию», направляя ее в нужное русло.

Проблема межнациональных отношений и государственного устройства рассматривалась, на первый взгляд, еще с точки зрения необходимости возвращения к «ленинской модели», принципу союза равноправных и суверенных республик в противовес «сталинской модели» централизованного, по сути, унитарного государства со слабо выраженной автономией союзных республик. Причины центробежных тенденций связывались главным образом с неудовлетворительным положением в экономике, за что ответственность возлагалась на Центр. Неэффективность тех или иных регионов списывалась на неэффективность централизованного планирования, неэффективность самой идеи Союза. И делался вывод: из Союза надо выйти, тогда каждая республика, каждый регион легко решит свои проблемы. Выдвигался принцип горизонтального устройства вместо иерархического. Раздавались, правда, и отдельные трезвые голоса, предостерегающие от чрезмерно резких движений в области национально-государственного устройства.

§ 2. От локальных вспышек до общегосударственной проблемы

К весне 1989 г. межнациональные конфликты бушевали уже по всему периметру страны. После событий в столице Казахстана в декабре 1986 г. история межнациональных конфликтов на просторах СССР передышек уже фактически не знала.

Зарождаясь как социальный протест в форме национального движения, межнациональные конфликты очень скоро под воздействием местных правящих элит, преследовавших амбициозные и корыстные цели, вылились в сепаратизм и антисоветизм, в борьбу против «тоталитарного центра», который отождествлялся в первую очередь с Россией. Национальный вопрос становился частью вопроса о власти, инструментом борьбы за нее.

В конце марта – начале апреля 1989 г. в Грузии произошло серьезное обострение политической обстановки в связи с событиями в Абхазии, где высшими руководящими органами было принято решение о повышении ее статуса до уровня союзной республики и выходе из состава Грузии. Этого потребовал многотысячный сход в селе Лыхны Гудаутского района. Там назревали серьезные межнациональные столкновения.

«Абхазский вызов» был болезненно воспринят в Грузии. В Тбилиси, у Дома правительства вспыхнули непрерывные многотысячные митинги, на которых первоначальное антиабхазское содержание

вылилось в лозунги антисоветского, антикоммунистического толка. Лидеры «Национально-освободительного движения Грузии» выдвинули требование о выходе республики из состава СССР, начали оглашать планы захвата власти. В толпе зазвучали угрозы расправы с коммунистами, представителями советской власти.

Бюро ЦК Грузии и Совет Министров республики приняли решение о пресечении «несанкционированных митингов» в Тбилиси¹, имея в виду вытеснение митингующих с площади у Дома правительства силами милиции, внутренних войск МВД и Советской армии. В результате предпринятых силовых действий пролилась кровь – факт для того времени еще неординарный, хотя уже имелся «опыт» Сумгаита, а потому сильно взбудораживший общественность. Погибли 18 человек из числа митингующих, несколько десятков получили травмы разной степени тяжести, пострадали 189 человек военнослужащих и 13 сотрудников местной милиции².

Такова фактическая канва этих трагических событий.

Политический резонанс имел самые тяжелые последствия. В обществе возобладала, благодаря оппозиционно настроенным СМИ и общему антигосударственному фону работы I съезда народных депутатов СССР, односторонняя и необъективная трактовка событий в Тбилиси. Они подавались как «военная операция против мирных демонстрантов». Говорилось о беспрецедентном избиении невинных людей, но умалчивалось о подстрекательских действиях отдельных групп среди митингующих.

Представителями ряда политических течений главным ответчиком за трагический исход событий была объявлена Советская армия (высшие иерархи страны от ответственности уходили). Но армия, как известно, становой хребет, опора всякой государственности. История убеждает – судьбы государств и их армий неразделимы. Атака на Советскую армию означала атаку на устои СССР как государства. Тбилисские события были использованы политическими силами, чтобы представить армию главным препятствием на пути демократизации общества. Прозвучавшее на I съезде народных депутатов СССР обвинение армии в кровавой расправе с собственным народом стало, по выражению одного из публицистов, «первым ударом погребального колокола для Союза и его армии».

И хотя, как показало следствие, ни один человек в этих трагических событиях не погиб ни от колющей, ни от режущей раны, миру был навязан образ армейской «саперной лопатки», занесенной над демократией. В результате развязанной антиармейской кампании ар-

¹ См.: Гласность. 1991. 30 мая.

² Там же.

мия приобрела «комплекс вины», так называемый тбилисский синдром, избавиться от которого впоследствии так и не смогла. В критические моменты (август и декабрь 1991 г.) она действовала неуверенно либо вовсе бездействовала, фактически отказавшись от своей конституционной обязанности защиты государства.

Председатель созданной на I съезде народных депутатов СССР комиссии по тбилисскому делу А. Собчак по итогам ее работы сделал категорический вывод, что тбилисская трагедия не имела под собой межнациональных корней. Он умолчал об абхазских событиях, игнорируя важнейший вывод своей комиссии о том, что митинг в Тбилиси выдвинул требование о выходе Грузии из СССР. Понятно, что это представляло события в совершенно ином свете.

Между тем на просторах страны разыгрывались новые острые конфликты на межнациональной почве. Очередная «горячая точка» вспыхнула в Узбекистане, в Фергане, подключив к «очагам межнациональных столкновений» и среднеазиатский регион.

Кровавые события здесь отличались особой жестокостью. Объектом насилия оказались турки-месхетинцы, против которых озлобилась местная крестьянская община. И главной причиной стала земля. По сложившемуся в Узбекистане мнению, община турок-месхетинцев, переселенных сюда из Грузии в сталинские времена, в среднем имела на душу земли больше, чем коренное население, узбеки. Претензии социального характера под воздействием соответствующей пропаганды легко приобрели форму межнационального конфликта.

Первая реакция властей была выдержана в духе традиций умолчания, делались попытки уйти от серьезного анализа причин конфликта, сводя их к мелким недоразумениям бытового характера, вроде недовольства ценой на клубнику на ферганском базаре. Но масштабность беспорядков и жестокость столкновений очень скоро вынудили власть признать такую позицию безответственной и политически вредной. Были подвергнуты критике местные правоохранительные, советские и партийные органы, которые «не только недооценили, а порой и попустительствовали антиперестроечным элементам»¹. Конкретные же практические меры были сведены к традиционной готовности союзного правительства решить дело дополнительной материальной подачкой республике и переселением 16 тыс. турок-месхетинцев в Смоленскую, Орловскую, Курскую, Белгородскую и Воронежскую области РСФСР, что создаст дополнительную напряженность уже в российских областях.

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 96.

Как видим, политические силы, инициировавшие межнациональные конфликты с уже достаточно ясно выраженной целью развала Союза, официальным руководством страны все еще благодушно именовались «антиперестроечными элементами». В это понятие, когда все туманнее становились цели перестройки, можно было вложить какое угодно содержание. Это элементы, которые против перестройки, потому что хотят сохранить Союз, или они против перестройки, потому что хотят избавиться от Союза, уйти в самостоятельное плавание? Ответа на эти вопросы руководство союзных реформаторов предпочитало до поры до времени не давать.

Огонь конфликтов стремительно распространялся дальше, словно по бикфордову шнуру, в направлении Беловежской Пуши. Вновь, после двух с половиной лет перерыва, в его зоне оказался Казахстан. Столкновение произошло в Новом Узене (июль 1989 г.) между казахской и кавказской частью населения этого молодого города нефтяников и газовиков. В подоплеке – все те же социально-экономические причины, на поверхности – межнациональная стычка.

В том же июле под надрывные разговоры об апрельских событиях в Тбилиси с новой силой оживает дотоле тлевший «абхазский вулкан». В Сухуми произошли столкновения в связи с организацией там Тбилисского университета на таких началах, что это вызвало недовольство абхазской части населения. В ходе столкновений применялось холодное и огнестрельное оружие, были жертвы.

I съезд народных депутатов СССР, объявивший о принципиальном обновлении национальной политики, признал, что компетенция Союза ССР и суверенные права республик, а также автономий нуждаются в современном четком юридическом определении, причем в самое ближайшее время¹.

Возможно, что даже эта, очень осторожная, формулировка дала импульс активизации, прежде всего, прибалтийских республик в их стремлении к государственному обособлению. Уже в августе ВС Литовской ССР объявил незаконными и недействительными германо-советские договоры 1939 г., из чего делался вывод и о нелегитимности вхождения Литвы в состав СССР в 1940 г.

Это прозвучало откровенным пренебрежением к тому, что избранная на I съезде народных депутатов комиссия по политической и правовой оценке упомянутых договоров еще не завершила своей работы. Эта комиссия, возглавляемая А. Яковлевым, сделает свои выводы и доложит о них тремя месяцами позже, на II съезде. В этих выводах

¹ См.: Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. Т. 3. С. 424–425.

будет по существу признан факт насильственного присоединения прибалтийских республик к СССР.

Однако в августе упреждающий демарш Литвы выглядел еще борьбой, тем же силовым нажимом прибалтийцев на союзное правительство, нетерпением сепаратистских сил. По всей Прибалтике бушевали проводимые народными фронтами митинги с требованием отделения от СССР. Они приобретали все более взвинченный, истерический характер. Звучали лозунги, оскорбительные для русских, враждебные советскому строю, КПСС, Советской армии. Апофеозом этой борьбы стала проведенная 23 августа в связи с 50-летием пакта 1939 г. акция «свечечной цепи», когда демонстранты со свечами в руках образовали живую цепь на территории всех трех республик – от края и до края.

Руководство Союза, в частности, М. Горбачев, болезненно реагировали на эту акцию. Было сделано заявление ЦК КПСС «О положении в республиках Советской Прибалтики»¹, в котором указывалось на попытку насильственного отторжения республик, создания параллельных органов власти, осуждалась деятельность «деструктивных, антисоветских и по существу антинациональных сил». Делались попытки еще и еще раз воззвать к мудрости и здравому смыслу, к национальному согласию перед лицом катастрофических последствий развала единого государства.

В окружении Горбачева отдельные политики уже осознавали неизбежность выхода прибалтийских республик из состава СССР (а кое-кто и сознательно на это работал). Однако генсек и Председатель Верховного Совета, справедливо полагая, что советский народ, и в первую очередь русские, не простит им развала страны, продолжали делать ставку на возможность решения проблемы путем различных паллиативов и послаблений, путем уговоров, найдя, как казалось, убедительный аргумент – в подлинном федеративном Союзе мы еще не жили, следовательно, надо не разбежаться, а создать такой Союз.

Большие надежды в этом отношении связывались с пленумом ЦК КПСС по национальной политике партии. Он состоялся в сентябре 1989 г. в отблеске прибалтийских событий, имея за плечами Карабах и Сумгаит, Тбилиси и Фергану, Новый Узень, Сухуми, а в ближайшей перспективе – Кишинев и Киев, новый тур карабахских событий и грозное кровавое зарево Баку.

Находясь уже в кольце локальных конфликтов, а по сути дела, в сплошном пожаре, полыхающем по окраинам державы, ее верховная власть устами партийного пленума провозгласила «восемь принци-

¹ См.: Правда. 1989. 27 августа.

пов полнокровной советской федерации»¹, вполне разумных, хотя и не всех удовлетворивших. Главным был принцип оптимального соответствия между правами союзных республик и Союза ССР как целого. Называлась общепризнанной формула: без сильного Союза нет сильных республик, без сильных республик нет сильного Союза. Эта «общепризнанная» формула как раз очень скоро подвергнется жесточайшей критике: пирамиду потребуют перевернуть.

Пленум впервые поставил вопрос и о разработке нового Союзного договора.

Однако было уже слишком поздно. Локомотив политического процесса, проскочив развилку, оказался направленным по неподвижному пути. Национальный вопрос, как уже подчеркивалось, стал частью вопроса о власти, инструментом борьбы за нее. А на арену политического соперничества вышли силы, отвергающие социалистический путь. И эти силы побеждали. Отсюда проблема принципиальной невозможности сохранения Союза как социалистического и советского вне зависимости от решения некогда основного вопроса о полномочиях, объеме компетенции Центра и республик. Впрочем, эта коренная суть противоречий еще какое-то время будет оставаться закамуфлированной.

Между тем география межнациональной напряженности продолжает расширяться. С активными сепаратистскими лозунгами выступает и Украина. На состоявшемся в Харькове съезде националистического движения «Рух» в качестве конечной цели объявлена «самостоятельная Украина».

В ноябре произошли беспорядки в столице Молдавии, где пикетировали здание МВД республики. Попытка милиции разогнать толпу привела к столкновению с тяжелыми последствиями. Все произошло уже по отработанному сценарию с известными антисоветскими и антирусскими лозунгами, с выпадами против КПСС и Советской армии, с призывами к свержению власти.

Продолжала обостряться ситуация и в Нагорном Карабахе. Откровенный крах потерпела миссия А. Вольского как представителя Центра. Не дождавшись благоприятных решений Союза, ВС Армянской ССР вынес в декабре 1989 г. собственное постановление «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха», что немедленно было расценено Азербайджаном как недопустимое вмешательство в его суверенные дела, посягательство на территориальную целостность республики.

В Баку вспыхнули массовые беспорядки, прокатились погромы, где жертвами стали в основном армяне. Ереван ответил трех-

¹ См.: Правда. 1989. 24 сентября.

соттысячным митингом, требуя введения в армянские села районов Азербайджана дополнительных войск для защиты населения. В Карабахе происходят столкновения с применением автоматов и пулеметов. Уже появились вооруженные отряды, так называемые боевики. Гибли армяне, азербайджанцы, русские военнослужащие внутренних войск, чье положение оказалось особенно драматичным – меж двух огней. К ним либо апеллировала и та, и другая сторона, либо яростно нападала, обвиняя в пристрастии к одной из конфликтующих сторон. Ситуация стремительно развивалась в сторону полномасштабной гражданской войны.

1989 г. стал переломным в судьбе СССР, поставив проблему жизни и смерти государства. Решить ее в пользу трехсотмиллионного народа у руководства страны не хватило ни профессионализма, ни политической воли. Инициаторы «перестройки» утратили контроль над происходящими в обществе процессами, непримиримо настроенные политические силы вступили в жесткую конфронтацию. В ходе конфликтов, в первую очередь на почве национально-государственного устройства, расшатывались жизненно важные, несущие конструкции этого государства, прежде всего армия. Оформилась оппозиция режиму и в обществе, и внутри КПСС, оказавшейся на грани раскола.

§ 3. Парадокс российского сепаратизма

В судьбе некогда могучего государства, занимавшего шестую часть земной суши, 1990–1991 гг. стали роковыми. В эти годы стремительно нарастает процесс его распада, все больше обретая фатальный характер. 1990 г., рожденный в грозном зареве кровавых бакинских катаклизмов, дал решительный старт тому броску, который привел к катастрофе декабря 1991 г.

Весной 1990 г. произошел радикальный переворот в политической системе страны. Состоявшийся в марте III съезд народных депутатов СССР принял закон, упразднивший статьи 6 и 7 Конституции СССР о руководящей роли КПСС в политической системе общества, избрал М. Горбачева президентом страны, передавая власть Советам. Было принято решение о подготовке нового Союзного договора, которое стало ответом на вызов уже большинства республик, не желавших оставаться в составе единого государства. В противоречивом и драматическом процессе создания нового Союзного договора, длившемся без малого два года, нашла наиболее яркое выражение политическая борьба за расчленение Союза, с одной стороны, и его сохранение – с другой.

В условиях недоверия, взаимной подозрительности, властных бюрократических и националистических амбиций начинается зондаж

важнейших положений проекта будущего договора, завязываются дискуссии о понимании сути необходимых преобразований национально-государственного устройства.

Каким быть Союзу? Обновленной, то есть подлинной федерацией? Конфедерацией? Содружеством? Что предпочесть – договорный путь или изменение Конституции? Велик разброс мнений. Но четко обозначились противоборствующие стороны: Центр – республики. Далеко не ясны истинные цели многих договаривающихся сторон. Ощущается разное понимание сути единого государства, степени сохранения властных функций Центра и суверенных республик. Центр подозревает республики в стремлении довести суверенизацию до фактического уничтожения единого государства. Республики – в стремлении Центра сохранить модель унитарного государства, лишь слегка смягчив прежний диктат.

Вызов, брошенный Центру республиками Прибалтики и Закавказья, обрел особо грозную силу, когда в политическую борьбу с Кремлем вступила Российская Федерация. Это случилось после принятия 12 июня 1990 г. на I съезде народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете РСФСР¹.

Мотив, по которому большинство россиян с восторгом восприняло идею российского суверенитета (правда, в рамках обновленного Союза), был понятен и близок общественному настроению того момента. Российский народ, в первую очередь русский, не хотел более мириться с положением, когда республика, находясь на первом месте по производительности труда, была последней по удельному весу расходов на социальные нужды и служила донором для большинства других республик. А в ответ в республиках все выше поднималась волна недовольства именно Россией как олицетворением тоталитарного Центра, укоренялись антирусские настроения, а то и открытая злобная русофобия.

Прямой путь преодоления социально-экономического неравенства, сложившегося в Союзе, новые российские лидеры видели в полномочном политическом и экономическом суверенитете России.

Объявленное Декларацией верховенство республиканского закона над союзным (что уже было осуществлено в Литве) стало губительной «миной», заложенной под основание Союза. Ее мощь настолько превосходила «мины» литовские, грузинские, азербайджанские и проч., что развязанная «война законов» превратилась в общесоюзную катастрофу именно с вступлением на арену «боевых действий» России.

¹ См.: Советская Россия. 1990. 13 июня.

После принятия Декларации о суверенитете РСФСР развернулся «парад суверенитетов» по всей стране. Республиками суверенитеты объявлялись в такой последовательности: Узбекистан, Молдавия, Украина, Белоруссия, Туркменистан, Казахстан, Киргизия (Эстония, Литва, Латвия, Азербайджан, Грузия объявили суверенитеты ранее, в 1988–1989 гг.).

Вслед за союзными республиками заявлять о своих суверенитетах стали и автономии. Этот процесс начался в августе 1990 г. Целостности самой Российской Федерации стали угрожать те же самые процессы, что были развязаны в рамках Союза.

Курс на самостоятельность, взятый Россией, усилил центробежные тенденции среди других республик Союза, его распад становился реальностью.

На главном направлении разрушения Союза с этого момента оказалась экономика страны и связанный с ней материальный уровень жизни населения. Борьба новых российских лидеров за реальный суверенитет прежде всего подорвала основу экономической власти союзного правительства. «Война законов» в экономической сфере до основания сотрясала всю конструкцию народно-хозяйственного механизма. В этой жестокой войне союзное правительство отменяло российские постановления, а парламент России – постановления и решения союзных ведомств, в том числе объявляя не действующими на территории республики и указы Президента СССР. В результате экономика огромной страны оказалась на грани краха.

В процессе работы над Союзным договором выдвинутая Горбачевым формула «сильный Центр – сильные республики» была отвергнута лидерами республик и заменена формулой «сильные республики – сильный Центр». За этим, казалось бы, невинным кульбитом стояли принципиальные вопросы о том, какой объем полномочий будет делегирован республиками Центру и какова будет процедура делегирования: сверху вниз или снизу вверх.

Российское руководство выступило за так называемые горизонтальные межреспубликанские связи, предлагая начать договорный процесс с заключения договоров между республиками и договора республик с Центром. Последнему выделялся бы такой объем полномочий, какой сочтут для себя приемлемым республики (Центр по сути дела вообще вытеснялся, получая лишь координирующие функции). Идея горизонтальных договоренностей превентивно торпедировала возможность объединения в рамках единого государства. Такие договоренности Российская республика уже в 1990 г. подписала с Украиной и Казахстаном. Вынашивался проект заключения четырехстороннего договора России, Украины, Белоруссии и Казахстана, однако он не был реализован главным образом из-за осторожной позиции казахстанского руководства Н. А. Назарбаева.

Процесс подготовки Союзного договора, вокруг которого изначально велись сложные «политические игры», превратился в инструмент шантажа Центра со стороны республик. И Центр последовательно сдавал свои позиции, делая одну уступку за другой. Не случайно позже политологами высказывалась мысль о том, что, ступив на путь создания нового Союзного договора, Горбачев тем самым окончательно обрек Союз на уничтожение.

Начавшийся процесс распада СССР сопровождался попытками политических деятелей, ученых, писателей и публицистов осмыслить происходящее. В фокусе общественного сознания вполне закономерно оказались проблемы национально-государственного устройства, развития этносов, межнациональных отношений.

Резко проявились неоднозначные взгляды на СССР как государственное образование. Под воздействием массированной пропаганды, не в последнюю очередь идущей с Запада и активно подхваченной отечественной радикально-перестроечной прессой, в сознании части общества укреплялся негативный взгляд на Союз. Советским людям внушался целый букет стереотипов применительно к их стране, государству: «империя зла», «тоталитарный монстр»... Крушение этой «последней империи» провозглашалось благом, поскольку-де это объективный процесс, вполне отвечающий тенденциям XX в. Так называемая сталинская модель государственного устройства уже не просто решительно критикуется политиками и политологами демократического толка, но делаются попытки выработать и предложить обществу альтернативную модель.

С радикальной программой децентрализации СССР выступил один из идеологов демократического движения Г. Х. Попов. В нашумевшей работе с весьма знакомым для российской общественно-политической жизни названием «Что делать?» он утверждал, что с обретением республиками экономической свободы и подлинной демократии распад СССР на три, четыре, а то и пять десятков независимых государств станет неизбежным. «Советская империя» рассыплется, ибо невозможно представить себе сохранение Союза без добровольного согласия тех, кто сегодня объединен в нем, а добровольность по горячим следам разыгравшихся межнациональных конфликтов более чем проблематична.

Считая факт распада «империи» предопределенным, автор предлагал два возможных, с его точки зрения, демократических варианта последующей интеграции¹.

¹ Вариант первый: все границы объявляются несуществующими, а СССР – единым государством. После денационализации проводится референдум – кто, где, в какой республике хотел бы жить. По большинству голосов формируются те самые десятки независимых государств, в которых

Идеи Попова поддерживались Межрегиональной депутатской группой (образована во время I съезда народных депутатов СССР), в том числе активно Б. Н. Ельциным. Весной 1990 г. в своей предвыборной программе (выборы народных депутатов РСФСР) он заявил о целесообразности раздела России на семь самостоятельных русских республик (Центральная Россия, Северная, Южная, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток), правда, уже в августе 1990 г. самокритично признал эту идею абсурдной.

Другим теоретиком национально-государственного устройства на просторах распадающегося СССР выступил писатель А. И. Солженицын, опубликовавший свои «посильные соображения» на тему: «Как нам обустроить Россию»¹. Россия понималась в данном случае не как РСФСР (образование ленинско-сталинских времен), а как Большая Россия, прямая наследница исторически сложившейся Российской империи, хотя тоже далеко не в полном объеме.

Идея писателя – сохранить славянское ядро империи (Россия, Украина, Белоруссия), но решительно отсечь 12 республик (прибалтийские, закавказские, среднеазиатские). Допускалось присоединение Казахстана, его южно-сибирских и южно-приуральских территорий, населенных главным образом русскими и украинцами. Самостоятельная государственность таких крупных российских наций, как татары, башкиры, удмурты, коми, чуваша, мордва, марийцы, якуты, исключалась в силу элементарной непрактичности «существовать государству, в круговую охваченному другим». К тому же, как полагал автор, не крупный Российский Союз нуждается в присоединении малых, особенно окраинных народов, а они нуждаются в том гораздо больше.

Позиции обоих теоретиков нового государственного устройства были подвергнуты резкой критике как со стороны приверженцев сохранения Союза в жесткой унитарной форме, так и «обновленного» в горбачевском понимании, включая и демократов, в среде которых в вопросах государственного устройства уже произошел глубокий раскол.

и расселяются народы с помощью «режима свободных переселений». А уж затем эти республики решают – нужен ли им союз и если нужен, то какой. Второй вариант: проводится референдум еще до денационализации. По его итогам уточняются границы республик с возможным уменьшением, скажем, Эстонии и Молдавии за счет районов с преобладанием некоренного населения. Возможны изменения границ между Татарией и Башкирией, выход Южной Осетии из Грузии, Карабаха из Азербайджана, отделение Крыма от Украины и многое др., см.: *Попов Г. Х.* Что делать? М., 1990.

¹ См.: *Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. Л., 1990.

В ноябре 1990 г. был опубликован первый вариант проекта Союзного договора, получивший известность как президентский вариант¹. IV съезд народных депутатов СССР одобрил концепцию договора, рекомендовав республикам и Центру продолжить работу над ним. Вместе с тем было очевидно, что главные трудности еще впереди. Концепция подверглась беспощадной критике как со стороны тех, кто в принципе ее принимал, так и тех, кто отрицал ее в самой основе.

Среди непримиримых противников проекта выступило прежде всего российское руководство, обвинив Центр в торопливости, стремлении форсировать подписание договора. Однако скрывалось за этим принципиальное несогласие с концепцией, которая предполагала сохранение единого, хотя и федеративного государства. Российское же руководство уже определенно склонялось к конфедеративному принципу устройства.

А ситуация в стране продолжала осложняться по всем направлениям. Угрожающе нарастал экономический кризис, обострялась социальная обстановка. Характеризуя положение в стране, лидеры уже прибегали к исключительно сильным выражениям: «тенденция разложения и распада», «катастрофа неминуема, если...» и т. п.

Все более радикальный характер принимала борьба и на парламентском уровне, и на уровне уличных митингов. В демократическом стане появились документы откровенно экстремистского толка, с призывами к гражданскому неповиновению, «явочной приватизации», захвату власти насильственным путем.

Окраинный сепаратизм уже повсюду бушевал на Украине. Во Львове и других западноукраинских городах демонтировали памятники Ленину. На знамени «Руха» появились имена Петлюры и Бендеры, других идеологов украинской самостийности. Волна сепаратизма, традиционно возникшая на Западной Украине, быстро захлестнула и Киев.

Национализм на Украине приобретал особо жесткие, агрессивные формы. Лидеры Украинского националистического союза, призывая построить Великую Украину (Украинскую Самостийную Соборную Державу), выдвинули лозунг: «Киев против Москвы!». Москва объявлялась врагом № 1, с которым надлежит бороться до победного конца. «И задача наших организаций, – провозглашал один из функционеров УНС, – заключается не столько в том, чтобы добыть независимость, а сколько в том, чтобы добить Россию в том виде, в каком она существует сейчас»².

¹ См.: Известия. Московский вечерний выпуск. 1990. 24 ноября.

² См.: Нескорена нація. 1991. № 2, сентябрь.

Бурные политические события разыгрывались и в Молдавии, принимая порою кровавый характер. На улице Кишинева среди белого дня был убит семнадцатилетний студент Дмитрий Матюшин только за то, что громко говорил по-русски. Антирусская истерия, нагнетаемая лидерами местного народного фронта, получила выражение в печально известном, здесь лозунге: «чемодан – вокзал – Россия». Русские и русскоязычное население, снабженное ярлыком «оккупанты», цинично вытеснялось и из этой республики.

На почве столь же крутого национализма и сепаратизма в первых числах ноября 1990 г. разыгралась трагедия в Дубоссарах. Этот небольшой приднестровский городок подвергся нападению молдавского ОПОНа, чьи действия были выдержаны в духе жестоких фашистских акций времен Второй мировой войны, а то и затмевали их.

Поток русских беженцев в Россию нарастал.

Обострились национальные отношения и в самой России. К «параду суверенитетов» подключились и автономии. После принятия российской Декларации о государственном суверенитете сразу же приняла подобную декларацию Северная Осетия. Чечено-Ингушетия и Татарстан заявили о выходе из РСФСР. Председателем ВС РСФСР уже была произнесена знаменитая фраза о том, что каждый может взять столько суверенитета, сколько способен «проглотить»¹. И кое-где это тоже было воспринято как сигнал к освобождению от «русских колонизаторов». В частности, волна насилия, инспирированная националистическими элементами, прокатилась по Туве. Зазвучали лозунги «Тува – для тувинцев!», «Русские, убирайтесь за Саяны!». За полгода более трех тысяч человек, главным образом русских, покинуло Туву.

В условиях всеобъемлющего кризиса власти, который был уже очевиден, все громче стали раздаваться голоса с требованием решительных действий по наведению порядка в стране, принятию чрезвычайных мер во имя политической и экономической стабилизации. Особо последовательно настаивала на этом сформировавшаяся в рамках Съезда народных депутатов группа «Союз». IV съезд народных депутатов СССР хотя и не ввел чрезвычайного положения, тем не менее утвердил предложения Горбачева о введении формы президентского правления, что свидетельствовало о готовности власти укрепить исполнительскую вертикаль и действовать в более жестком ключе. В российском руководстве это было расценено как акция на срыв республиканских суверенитетов. Ельцин излагает принципиальные положения, при соблюдении которых только и возможно подписание Союзного договора. Важнейшее условие – режим наи-

¹ См.: Советская Башкирия. 1990. 14 августа.

большого благоприятствования для республик: они должны решать, какая структура Центра им нужна и какие минимальные функции он должен выполнять¹.

1991 г. принес новый виток столкновений между Центром и республиками, вытекавших из принятого IV съездом народных депутатов СССР курса на ужесточение силовых действий союзных властей, действий, как показала история, нерешительных, половинчатых, а в чем-то просто провокационных.

В январе в Литве и Латвии разразились драматические события. В ночь с 12-го на 13-е в Вильнюсе в результате столкновения у здания телерадиокомитета и поздним вечером 20-го в Риге в стычках у Министерства внутренних дел пролилась кровь.

Реакция в стране на события в Прибалтике оказалась необычайно бурной и противоречивой: резко негативной в демократической среде, эмоциональной, но с полным пониманием действий союзных силовых структур – в патриотической.

Наиболее активным выразителем протеста выступило российское руководство, решительно вставшее на сторону взбунтовавшихся республик. Государственная акция с использованием армии и МВД была расценена в демократической прессе как «расстрел демократии, власти, свободно избранной народом»².

Однако патриотически настроенная часть общества, сторонники сохранения единого государства (их взгляды на парламентском уровне выражала депутатская группа «Союз») морально поддерживали действия союзного руководства, видя в них прежде всего защиту русских и других некоренных народов Прибалтики, защиту армии, попавших в дискриминационное положение в результате принятых здесь антиконституционных законодательных актов и практических шагов.

Президент, поначалу одобрявший превентивные силовые меры, поощрявший формирование так называемых комитетов национального спасения, при первых же «раскатах грома» специфического общественного мнения, взорвавшегося на страницах демократической прессы, спешно «спрятался в кусты», выставляя главным виновником трагических событий начальника воинского гарнизона. В его интерпретации оказалось, что события, приведшие к жертвам, «не являются выражением линии президентской власти»³. Правда, президент сделал упор на то, что произошедшее – следствие жесточайшего кризиса, порожденного противозаконными актами, попранием

¹ См.: Известия. 1990. 20 декабря.

² См.: Московские новости. 1991. 20 января.

³ См.: Правда. 1991. 23 января.

Конституции СССР, пренебрежением указами президента, грубым нарушением гражданских прав, дискриминацией людей по национальному признаку, безответственным поведением по отношению к армии, военнослужащим и их семьям. Он настаивал на отмене антиконституционных законов и постановлений, принятых в этих республиках, подтверждая их конституционное право на выход из СССР, но на основе референдума и соответствующего «бракоразводного процесса», предусмотренного законом (III съезд народных депутатов СССР принял такой закон).

Январские события в Прибалтике, как и события, произошедшие годом ранее в Азербайджане, стали попыткой найти развязку мучительных проблем распадающегося Союза на путях применения военной силы. Попытка закончилась неудачно для Центра и до предела обострила напряженность в отношениях союзного руководства с российским. Противостояние их лидеров, Горбачева и Ельцина, достигает апогея. Ельцин обвиняет Горбачева в стремлении к диктатуре, сохранению тоталитарного государства, прямо призывая демократов «объявить войну руководству страны»¹. Горбачев обвиняет своего оппонента в жесткой борьбе за власть с целью изменения общественно-политического строя, указывая на то, что демократы не просто отвергают тоталитарную модель социализма, но и социалистическую идею в принципе². Впервые публично обнажилось так называемое программное расхождение двух лидеров (впрочем, глубина этого расхождения, а главное подлинность всегда подвергались политиками и политологами серьезному сомнению, а после декабря 1991 г. большинством признаны фикцией).

В этой обстановке непримиримой конфронтации развернулась кампания по подготовке и проведению всесоюзного референдума: быть или не быть Союзу? Кампания проходила под знаком соперничества Горбачев – Ельцин (первый призывал сказать «да» обновленному Союзу, сторонники второго фактически говорили Союзу «нет»), но в обществе крепло убеждение, что речь идет не о выборе между Горбачевым и Ельциным и даже не о выборе общественного строя, а о бытии или небытии страны.

На референдуме, состоявшемся 17 марта 1991 г., 76,4 % принявших участие в голосовании высказались за Союз. Причем в соответствии с содержанием поставленного вопроса гражданами было поддержано сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равных суверенных республик. Однако в последовавшей в дальнейшем тяжелой борьбе за окончательные

¹ См.: Советская Россия. 1991. 23 февраля, 12 марта.

² См.: Правда. 1991. 1 марта; Советская Россия. 1991. 28 февраля.

формулировки Союзного договора стали исчезать такие социально-политические характеристики республик, как «советские» и «социалистические», появлялись варианты проекта Союза неких суверенных республик все с большими уступками в сторону конфедерации.

С мая 1991 г. в подмосковной усадьбе Ново-Огарево начал работу над проектом нового Союзного договора подготовительный комитет, созданный по решению IV съезда народных депутатов СССР. В ходе почти месячных усилий под разговоры о том, что комитетом «будут учтены сполна результаты референдума» и «реализована воля народа», как-то незаметно родилось новое наименование будущего государства, принципиально изменившее его характер: Союз Суверенных государств.

Подготовленный в Ново-Огарево проект внешне еще предполагал федеративную форму государственного устройства, но по существу объединительные федеративные начала в документе никак не просматривались, сколько-нибудь дееспособный союзный центр вообще отсутствовал. Не случайно сторонники единого Союза восприняли новоогаревский проект как недопустимо большую уступку республиканскому сепаратизму, как недвусмысленную санкцию на распад Союза.

Новоогаревский процесс, по мнению экспертов, подменил демократический характер выработки проекта чисто «кабинетным», превратив договор народов в соглашение президентов о перераспределении властных функций. Представительные органы оказались отстраненными от выработки принципиальных решений, что провоцировало неизбежный конституционный кризис.

Нараставший радикализм и амбиции республик, бесплодные попытки Центра монополизировать реформу Союза, отсутствие единства, нехватка в ряде случаев здравого смысла, политической воли и достаточной компетенции представительных органов – все это в совокупности неумолимо влекло страну к августовской драме.

Подписание новоогаревского проекта было назначено на 20 августа 1991 г., но 19 августа группа представителей высшей власти Союза, получившая известность как ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению), предприняла попытку торпедировать намеченное подписание договора, чтобы предотвратить распад Союза, объявив в обход президента СССР чрезвычайное положение в стране. Однако действия этой группы были робки и непоследовательны, что привело их к быстрому и сокрушительному поражению.

Августовские события 1991 г. стали высшей точкой разрушительного процесса в СССР. Они означали государственный переворот, приведший к смене политических режимов. К власти пришли силы либерально-демократического толка, одной из главных целей кото-

рых был демонтаж Союза как неперемное условие последующих изменений формационного характера.

Важнейшим итогом событий стало устранение с политической сцены КПСС как несущей конструкции государства, дискредитация КГБ, армии, других структур союзного государства. Решительный приговор был вынесен «социалистическому выбору», под сомнением оказался и Союзный договор.

Идейные противники победивших демократов, те, кто идеологически и морально поддержали «советское руководство», выступившее в защиту Союза, получили по какой-то извращенной логике политический ярлык «коллорабационисты» (видимо, в отместку за недавно прозвучавшие из уст председателя КГБ Крючкова обвинения в наличии так называемых агентов влияния в среде демократов-западников).

Среди «коллорабационистов» оказались авторы опубликованного в канун событий обращения к патриотам Союза под названием «Слово к народу», газеты «День», «Русский вестник», «Литературная Россия», журналы «Молодая гвардия», «Современник», их руководство и ведущие сотрудники. Впрочем, сюда попали и те, кто просто «хотел лояльности любой ценой».

У тех, кто выступал за единство страны с патриотических позиций, предлагалось отобрать слово «патриотизм», причем не только «советский», но и «русский». Патриотизм стремились представить как примитивное чувство, как нечто постыдное, противоположное демократическим устремлениям. В так называемых демократических СМИ тиражировалось расхожее клише о патриотизме как «последнем прибежище негодяев». откровенным издевкам подвергались и такие морально-нравственные категории, как преданность Родине, долг перед Отечеством. Противники государственности, единства страны потому и шельмовали понятие патриотизма, что патриотическая идея – это идея государственности, идея, являющая собой для любой страны «огромную спасительную и созидательную силу» (В. Распутин). Позже слово «патриотизм» было перехвачено демократическими движениями, осознавшими бесперспективность и чужеродность безоглядного западничества на российской земле.

Хотя в спорах и размышлениях о том, почему рухнула гигантская «последняя империя», утверждается взвешенный подход, в соответствии с которым признается наличие комплекса причин объективного и субъективного характера, на первый план выходит фактор субъективный, понимание того, что никакие режимы, а тем более государ-

ства не рушатся сами по себе. Они гибнут под воздействием сил как внутренних, так и внешних.

Наиболее ярким частным проявлением субъективных причин гибели СССР стала позиция российских властей, разрушивших Центр ради прихода к власти и взявших на вооружение в качестве идейного обоснования российский сепаратизм. В борьбе с унитарным Центром все разбегающиеся субъекты Союза опирались на грозное оружие национализма и порожденного им сепаратизма. Национализм, возникший поначалу на окраинах не сам по себе, а под воздействием целенаправленной националистической пропаганды, инициированной западными центрами и подхваченной «пятой колонной» внутри страны в лице ее СМИ и некоторых идеологов «перестройки», овладел постепенно и российским центром. Он стал естественной реакцией на крутой национализм окраин, обвинявших Россию и русских во всех своих бедах, приклеивших им ярлык оккупантов и начавших откровенную их дискриминацию, а то и прямое насилие.

Но самым большим парадоксом стал российский сепаратизм, выросший на почве русского национализма, во многом спровоцированного советской политикой дискриминации русской нации. И парадокс этот заключался в том, что именно русская нация на протяжении веков была созидающей силой великой русской империи, ее становым хребтом, а от ее имени вдруг выступили силы, сыгравшие роковую роль в разрушении не только СССР, но Великой России, тысячелетнего государства, олицетворявшего неповторимую евразийскую цивилизацию.

Как справедливо заметил историк Д. Фурман, разработанная русскими националистами аргументация о дискриминационном положении России в составе СССР оказалась перехваченной демократами и, доведенная до идеи суверенитета России, была использована ими в борьбе за власть. В итоге русские попали в «историческую ловушку», ибо не столько вольно, сколько невольно способствовали разрушению собственного великого государства, безоглядно поддерживав все радикальные, уничтожающие страну лозунги и действия Б. Ельцина¹. Сказалась историческая обида великой нации на семидесятилетнюю дискриминацию времен советской эпохи.

К моменту развала Союза русские в лице своей национальной элиты оказались не способны ни осознать необходимость противодействия разрушительным процессам, ни тем более препятствовать

¹ См.: *Фурман Д.* Российские демократы и распад Союза // Век XX и мир. 1992. № 1. С. 10–19.

им практически. Вот почему, делает вывод исследователь, к одной из главных и наиболее общих причин гибели «империи» следует отнести идеологическое, духовно-нравственное и демографическое ослабление русской нации, утратившей на момент государственного кризиса свою державность, державообразующую и державоохранную суть.

Потребовались годы для того, чтобы на развалинах «советского патриотизма» появились ростки нового патриотизма многонациональной общности современной России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сквозное исследование в хронологических границах двух столетий (с конца XVIII до конца XX в.) проблем патриотизма и национализма как неперенных – интеллектуально и эмоционально насыщенных и социально окрашенных – факторов российской истории позволяет в обобщенном виде высказать некоторые итоговые суждения, заложенные как в концепции данного труда в целом, так и в конкретных исследовательских заявках и решениях авторов отдельных глав. При этом читатель, думается, уже обратил внимание на то, что ряд сюжетов и направлений исследуется авторами впервые, в том числе на базе анализа вновь вводимых в научный оборот архивных материалов.

Краткая характеристика (на примере творчества Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина и др.) предшествующего этапа формирования искомым идей во времена Екатерины II и Александра I позволяет перейти к анализу в философско-типологическом и конкретно историческом ключе проблем идеологического пространства русского патриотизма и национализма в эпохи от Николая I до Александра II включительно (автор Н. П. Ильин).

Как своеобразная «национальная революция “сверху”» оценивается акт появления и внедрения в идеологическую и социальную практику знаменитой уваровской формулы, утверждавшей триединство «православие, самодержавие и народность». Считая ее адекватным ответом на вызовы того времени как «века национальностей», исследователь выявляет как процессы первоначальной консолидации интеллектуальной элиты русского общества вокруг идеи народности, так и предпосылки наметившегося раскола в нем (П. Я. Чаадаев и «чаадаевщина»).

Специальное внимание в данном контексте уделяется славянофилам и славянофильству как идейному течению, занявшему отдельную нишу в концептуальном пространстве между национализмом и космополитизмом. Отталкиваясь от сводного анализа взглядов на проблему «славянофильство и западничество» дореволюционных, советских и современных исследователей, Н. П. Ильин фиксирует синкретический характер учения «старших» славянофилов (И. С. и К. С. Аксаковы, П. В. и И. В. Киреевские, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков), связанный с концепциями народно-

сти, личности и человечества. Данное обстоятельство неизбежно вело в дальнейшем к «разложению», расщеплению данного учения с формированием трех основных типов национальной идеологии. Одним из них, по градации автора, стал *мессианский* (универсалистский) национализм, исповедующий теорию и практику подчинения нации идее человечества. В рамках другого – *цивилизационного* – национализма нации рассматриваются с позиций более широких общностей (расы, суперэтносы и т. п.). Наконец, третий – *персоналистический* – национализм проявляет себя в том, что отдельным народам/нациям отводится роль самостоятельных субъектов исторического процесса по аналогии с отдельной личностью.

Важно отметить, что все эти типы у ранних славянофилов были представлены в эклектическом, «смешанном» виде, что делало неизбежным их конкретизацию и разделение в уже недалеком будущем.

Одним из результатов данного размежевания стало формирование русского типа европейского (персоналистического) национализма, воплотившегося в почвенничестве. Смыслом идейных исканий идеологов этого течения, сплотившегося на базе издания в пореформенные годы под эгидой братьев М. М. и Ф. М. Достоевских журналов «Время» и «Эпоха», стала двуединая «борьба с Западом и борьба с Востоком». Относясь с сочувствием к идеям славянофилов, тем не менее почвенники усматривали свою, «частичную» правду и за западниками, видя ее в идеях свободного развития личности как постоянного источника исторического прогресса.

Данные представления нашли свое наиболее зримое воплощение в идее национальной природы человека в «органической критике» Ап. А. Григорьева и в философской антропологии Н. Н. Страхова. Идейная позиция Ф. М. Достоевского, для которого понятие «почвы» было неразрывно связано с понятием веры, с религиозными представлениями, стала основой для постановки в отечественной мысли проблемы «русское христианство».

В русле анализа «цивилизационного» национализма рассматривается учение Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах, построенное на отрицании единого цивилизационного поля и выделении внутри него 11 «полноценных» типов, в том числе славянского. Отсюда формулируется вывод, что в обстановке идейной борьбы между славянофилами и западниками различные, в том числе несовместимые, интерпретации данного учения становились неизбежными, порождая концепции панславизма, византизма, евразийства. В связи с этим полемика В. С. Соловьева и Н. Н. Страхова по поводу концепции Данилевского оценивается как ключевой момент в окончательном размежевании национализма и космополитизма. В плане

общих итогов на суд читателей выносятся соображения, какой из типов национализма в широком временном контексте оказался наиболее последовательным, а значит, и наиболее актуальным сегодня.

Альтернативное по отношению к славянофилам и почвенникам понимание патриотизма, его роли и значения в процессах радикального обновления России было дано когортой представителей и идеологов революционной интеллигенции XIX столетия (автор А. Ю. Кожевников).

Патриотическая идея в работах декабристов как идея национальная и демократическая приобрела после Отечественной войны 1812 г. качественно иное, противоположное официальному идеологическому курсу, содержание, согласно которому ее «носителем» провозглашались не царствующая династия и ее политические институты, а сам народ. Русский патриотизм, ярко выраженный в идеологии декабристов, в произведениях В. Г. Белинского, а также А. И. Герцена, Н. П. Огарева (на народническом этапе их становления), являлся не только признанием исторической роли русского народа, но и реакцией на его социальную и национальную дискриминацию в Российской империи. Русские как наиболее угнетаемая самодержавной властью нация должны были стать движущей силой будущего революционного переворота и главенствующим этносом нового государства (унитарной русской республики по проекту П. И. Пестеля или политическим центром общеславянской федерации, как полагал А. И. Герцен). Отвергая официальную версию истории России как идеологическое обоснование существовавшей власти, декабристы, В. Г. Белинский, А. И. Герцен предрекали великую будущность русскому народу как главной силе грядущих революционных преобразований, опирающейся на традиции социальной и национально-освободительной борьбы. Основывающаяся первоначально на просветительских, а позднее и на социалистических западных учениях, идеология этих радикальных движений в условиях самодержавия получила свое новое – социальное и патриотическое содержание.

Следует также отметить, что патриотическая концепция декабристов и ранних народников (Герцен, Огарев, М. А. Бакунин) в корне отличалась от антипатриотических и нигилистических оценок оппозиционно настроенной к самодержавию части интеллигенции, отвергавшей национальное прошлое и ставящей под сомнение историческое будущее русского народа (В. С. Печерин, П. Ф. Якубович и др.). В 1860–1870-е гг. русская революционная идеология в работах представителей народничества (П. Н. Ткачева, П. Л. Лаврова и др.) утратит свое патриотическое содержание. К концу XIX столетия под влиянием западноевропейского марксистского учения в среде российской радикальной интеллигенции распространяется сугубо интернационалистская трактовка социализма.

Глубокий и идейно значимый след в процессе самопознания России отечественной общественной мыслью составила постановка проблем «народ, патриотизм и национализм в русском народничестве» (автор В. В. Зверев). Вопрос о национально-патриотической составляющей русского народничества, отмечает исследователь, как это ни странно звучит, до настоящего времени еще не стал предметом изучения в отечественной историографии. В значительной степени такое положение дел продиктовано сохраняющейся неопределенностью смыслового содержания понятия «народничество». Стремясь преодолеть эту неопределенность, автор раздела обращается к анализу взглядов А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, заложивших, согласно его концепции, теоретические основы русского народничества. Их патриотизм носил деятельный, плодотворный характер и был ориентирован на поиск путей радикального, но, как считает автор, в основе своей ненасильственного преобразования всех сторон общественной жизни страны и несущих конструкций ее государственного устройства.

На рубеже 1860–1870-х гг. Герцен оставлял будущему поколению социалистов только обозначенные, но не разрешенные вопросы социальной концепции. Социализм, видевшийся ему как главное средство освобождения человека, реализации его способностей, по-прежнему оставался достаточно неопределенной и расплывчатой конструкцией. Родоначальник русского народничества указал на необходимость активной деятельности отечественной интеллигенции, вплотную подошел к определению роли личности в истории России, но не дал четкого содержания ее практики. Вопрос о соотношении революции и реформы не получил однозначного ответа в его работах. В равной степени можно сделать аналогичный вывод и в отношении проблемы народ и интеллигенция, которая была в творчестве Герцена во многом ответом на капиталистическое развитие Запада, где «либеральный зигзаг» вел, по его мнению, к крушению цивилизации. Русская особость, русский национальный уклад жизни становились вариантом спасения будущего, который он отстаивал со всем блеском своего научного и литературного таланта.

Понимание Н. Г. Чернышевским теории прогресса, определение им места России в мировой цивилизации, обозначение роли интеллигенции в эволюции общества во многом перекликались со взглядами Герцена, однако им были присущи и серьезные отличия, которые проявились в ином истолковании наследия западноевропейской мысли, законов общественной эволюции, критичных оценках крестьянской общины.

Наиболее реальной и содержательной стороной взглядов родоначальников народничества, выявляющей суть их активного, действен-

ного патриотизма, следует признать разрабатываемые ими конкретные планы реформирования страны, а именно: проекты коренной перестройки государственных и административных институтов, ликвидации крепостного права, сковывающего духовные, интеллектуальные и экономические силы народа, проведения демократизации общественной жизни, установления конституционного порядка и обеспечения участия в политической деятельности всего населения страны. Такая программа была лишена узко понимаемого национализма и объективно направлена на постепенное и последовательное приобщение России к мировой цивилизации, развитие самосознания и сплочения нации.

В течение всей истории своего существования русское народничество придерживалось идей разумного сочетания общемировых тенденций прогресса человечества и особенностей развития каждого народа. Поставленная еще в работах А. И. Герцена проблема национальной вариативности социально-экономической эволюции оставалась одним из центральных вопросов в разработках наиболее крупных теоретиков, программных документах политических партий. В целом и радикалы, и представители умеренного крыла народничества – как наиболее влиятельного общественного движения России второй половины XIX – начала XX в. – придерживались принципа равноправия наций, выступали против любых выражений национального гнета, унижения национального достоинства людей. Однако в 1880-е – начале 1890-х гг. произошел пересмотр некоторых основополагающих элементов доктрины, в том числе и отношения к национальному вопросу. И в первую очередь это относилось к работам И. И. Каблицы, проникнутым идеями национализма и национальной ксенофобии.

Ревизия Каблицем народнического варианта решения национального вопроса, резюмирует *В. В. Зверев*, была вызвана его отходом от основ самой доктрины. Он фактически признавал и оправдывал государственную политику ассимиляции других народов России. Патриотизм Герцена и Чернышевского был заменен обоснованием законности и незыблемости русского великодержавия. Каблиц явно сближался с идеями консервативной части русского общества, видевшей спасение от надвигавшейся капиталистической модернизации в сохранении патриархальных устоев русской деревни. Социалистическая направленность народничества подменялась опасной националистической утопией, способствующей дальнейшему обострению социально-политической ситуации в стране.

Постулируя первенство мнения народа над интеллигентским вмешательством в ход народной жизни, Каблиц по существу призывал следовать настроениям наиболее антисемитски настроенных слоев деревни (кулаков, шинкарей и прочих «предпринимателей»),

воспринимавших в чисто эмоциональном, далеком от рациональности ключе евреев в качестве конкурентов в ограблении своих же односельчан. Не замечая этого факта, он защищал интересы так ненавидимой им сельской и городской буржуазии, проникнутой духом торгашества и наживы. Отвергнув «интеллигентский бюрократизм», насилие по отношению к основной массе русского населения, Каблиц фактически признавал и оправдывал государственную политику национализма, ассимиляции других народов России.

Идеология государственного национализма особенно ярко проявила себя в период царствования Александра III, найдя свое обоснование в трудах наиболее последовательных теоретиков и вдохновителей. Вместе с тем построения консервативных публицистов и политиков имели в большей степени государственно-православно-охранительную направленность, а не сугубо националистическую. В случае К. Н. Леонтьева русский национализм вообще намеренно отвергался. Для К. П. Победоносцева была значима в первую очередь православная и самодержавная составляющая. Таким образом, даже при наличии лозунга «Россия для русских», о котором будет идти речь далее, идеология русского национализма отнюдь не была господствующей в эпоху Александра III, что впоследствии отмечалось и рядом неославянофилов (С. Ф. Шараров и др.).

Пристальное внимание к анализу русского национализма начала XX столетия закономерно вызывается тем, что обновленные концепции национализма в это время из кабинетных стен и со страниц малотиражных журнальных публикаций отдельных идеологов и «пророков» переключаются на авансцену реальной политической жизни страны, воплощаясь в программные документы правоконсервативных, монархических партий, ведущих активные поиски рычагов внедрения их в социальную практику. Идеи эти звучат с трибуны Государственной Думы и оказываются способными прямо и непосредственно воздействовать на умы тех представителей правящих кругов, которые определяют курс государственной политики империи.

В ряду таких обновленных идей, выдержавших испытание событиями Первой русской революции и «закаленных» ее реалиями, лозунг «Россия для русских», по мнению А. А. Иванова, можно отнести к числу немногих девизов-долгожителей. Зародившись еще в XIX в., он провозглашается и разделяется экстремистски настроенными элементами нашего общества и сегодня. Однако вкладываемое в него в наши дни содержание зачастую заметно отличается от первоначального смысла, которым наделяли его русские консерваторы и националисты второй половины XIX – начала XX столетия.

В чем же заключаются эти отличия?

Во-первых, по заключению исследователя, в идеологических построениях дореволюционных русских консерваторов лозунг «Россия для русских» играл несомненно важную, но отнюдь не первенствующую роль, занимая соответствующее ему «почетное третье место» в триаде «православие, самодержавие, народность». «Принцип крови» значил гораздо меньше вероисповедной самоидентификации, хотя русскому народу (как носителю православия) ими отводилось первенствующее положение в Российской империи.

Во-вторых, понятие «русский» трактовалось консерваторами и националистами довольно широко. Под русскими, кроме великороссов, правыми всегда подразумевались белорусы и малороссы; да и обрусевшие «инородцы», верные уваровской триаде, несмотря на свои явно нерусские фамилии, воспринимались правыми как «истинно русские люди». При этом те русские по рождению люди, которые утрачивали базовые, с точки зрения правых, присущие русской народности качества, переставали быть русскими

В-третьих, один из самых популярных лозунгов русских консерваторов и националистов второй половины XIX – начала XX в. «Россия для русских» не сводился к требованию исключительных прав для русского народа в Российской империи, но подразумевал и наличие определенных прав для «инородцев». Не содержал он – прямо и непосредственно – и требований ассимиляции других народов, проживавших на ее территории. На базе идеи о ведущей роли русского народа в жизнедеятельности империи он имел значительно более широкое звучание, менявшееся в зависимости от того контекста, в который эту фразу помещали ее апологеты или критики.

Другое дело, заключает А. А. Иванов, что в массовом сознании как сторонников, так и противников русских консерваторов и националистов эти нюансы далеко не всегда принимались во внимание, в результате чего лозунг «Россия для русских» нередко вульгаризировался, а порой и утрачивал тот первоначальный смысл, который вкладывался в него теоретиками правого лагеря. Его заметное упрощение происходило (и происходит до сегодняшнего дня) при попытках определенных политических сил рассматривать этот лозунг как не нуждающийся в дополнительных пояснениях призыв к действию. Поэтому при рассмотрении лозунга «Россия для русских» крайне важно помнить о наличии разрыва между консервативной теорией (его теоретическим обоснованием в трудах консервативно настроенных русских мыслителей) и политической практикой.

Свое партийно-идеологическое оформление русский национализм получает уже при Николае II: частично в идеологии правых партий и организаций («Русское собрание», «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела») и более детально в концептуаль-

ных построениях идеологов «Всероссийского национального союза». Значительную роль здесь, как отмечает *А. В. Репников*, играют работы *М. О. Меньшикова*, *П. И. Ковалевского*, *В. В. Шульгина* и др. При этом их национализм существенно отличен и от русофильских лозунгов периода Александра III, и от программ черносотенных партий и союзов. На позициях русского национализма в полной мере и после 1917 г. продолжает стоять только *В. В. Шульгин*, в то время как другие консервативные публицисты склоняются к возрождению или неославянофильских, или черносотенных лозунгов.

Особую социально-политическую нишу между правыми националистами и левыми радикалами занимали отечественные либералы. Восприятие либеральной общественной мыслью проблемы национализма и патриотизма, констатируют *Н. И. Канищева* и *В. В. Шелохаев*, было неоднозначным. Чтобы установить сходства и различия в понимании этих проблем, следует обратиться к анализу мировоззренческих и политических взглядов представителей различных течений внутри либеральной идеологии по проблемам «нация», «национальность», «национализм».

Трактовка понятий «нация» и «национальность» в качестве духовных и культурно-социальных категорий логически увязывалась либералами с особым пониманием ими национализма, в основе которого, по их мнению, по преимуществу лежат психоэтнические и психологические факторы, уходящие своими корнями в глубокое историческое прошлое, в подсознательные пласты человеческой психики. Поэтому либеральные теоретики рассматривали национализм как конкретно историческую данность.

Суть проблемы, по их мнению, сводится не к отказу от национализма как реального исторического явления, что практически невозможно, а к замене «зоологических», казенных форм национализма, мешающих формированию «политического тела» «гражданской нации», более цивилизованными и гуманными, которые, наоборот, стимулируют формирование гражданского общества и правового государства.

Собственное, но представительно отражающее убеждения партии конституционных демократов понимание сущности национализма содержится в трудах лидера партии *П. Н. Милюкова*. Отметив, что «всякий национализм тяготеет к национальной исключительности» и «может подчас принимать крайне уродливые формы шовинизма», он подчеркивал, что национализм представляет собой одно из важных средств для сохранения исторических устоев и способов воздействия на массы с целью отвлечения их от «великих социальных и политических задач».

По мнению Милюкова, «национализм есть такое понимание национального вопроса, при котором свойства национальности, приобретенные историей, считаются неизменными и вечными, превозносятся за счет особенностей других национальностей и кладутся в основу всей внутренней политики страны». В конечном счете великодержавный национализм противопоставляет себя: «1) развитию и прогрессу; 2) равноправию народностей (во имя державной народности, во имя захватов и завоеваний); 3) космополитизму и интернационализму».

Какую же альтернативу предлагал Милюков великодержавному национализму? Он считал, что имеются два возможных пути для объединения национальностей в едином государстве: во-первых, ассимиляция и, во-вторых, свободное сожительство. Отвергая политику ассимиляции, которая до сих пор нигде не удавалась и приносила только вред, Милюков настаивал на необходимости мирного сожительства национальностей в рамках единого государства. «Вот почему, – подчеркивал он, – идее национального русского государства мы противопоставляем идею российской государственности».

В принципе не отказываясь от самой идеи национализма, но выступая против крайних форм его проявления, Милюков предложил собственную модель решения национального вопроса в рамках полиэтничного государства – гибкую модель мирного сожительства различных национальностей, населяющих Российскую империю. По его мнению, такое мирное сожительство национальностей в рамках единого правового государства должно было в конечном счете привести к мирной ассимиляционной переплавке различных национальностей в единую гражданскую нацию.

В главе «Большевизм и русский вопрос в начале XX в.» (автор А. Ю. Кожевников) предметом исследования является отношение к патриотической идее представителей радикального направления революционной социал-демократии (большевики). Решение национального вопроса в Российской империи рассматривалось большевиками в общем контексте решения задач классовой борьбы пролетариата и дальнейшего развития мирового революционного процесса. Русский национальный и государственный патриотизм оценивался как форма буржуазной и «великодержавной» пропаганды, разобщающей многонациональные массы трудящихся и служащей идеологической «подпоркой» самодержавию. Однако уже в годы Первой мировой войны большевики-интернационалисты столкнулись с необходимостью создания собственной патриотической идеологии. Появилась и статья В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов» (1914). Это было обусловлено задачей сплочения великорусского пролетариата как революционного «авангарда» многонациональной России,

а также национальным составом РСДРП(б), в которой русские составляли большинство (56,5 % на февраль 1917 г.).

Обширная глава монографии, подготовленная А. Ю. Кожевниковым, посвящена анализу эволюции советского патриотизма от идей «мировой революции» к государственному патриотизму (1917–1953).

Рассматривая данную проблему поэтапно, автор первоначально исследует процессы становления «красного», советского патриотизма как составной части государственной идеологии Советской республики. Пришедшие к власти в России в октябре 1917 г. большевики являлись убежденными сторонниками мировой революции и своей конечной целью провозглашали построение коммунистического интернационального общества, в котором государственные и национальные перегородки, разъединяющие международный пролетариат, будут со временем разрушены. Однако реалии Гражданской войны, иностранная интервенция и существование молодой Советской республики в условиях международной изоляции заставили большевистских руководителей скорректировать свою идеологическую политику. Патриотизм как одна из главных составляющих государственной пропаганды в 1918–1920 гг. был «реабилитирован». Идея защиты социалистического Отечества как важный элемент пропаганды революционного оборончества была провозглашена в феврале 1918 г. и свое окончательное выражение получила в ходе советско-польской войны весной–летом 1920 г. В период Гражданской войны идея русского патриотизма будет использоваться большевиками как идея революционная, служащая задачам российского и международного пролетариата.

Представителями большевистской власти изначально принимались определенные меры по сохранению русского культурного наследия. Известна и их первоначальная поддержка просоветски ориентированного патриотического направления в среде эмиграции (сменовеховство). Однако в целом официальная идеологическая и культурная политика 1920-х гг. имела противоположный патриотической идее и русским национальным ценностям характер. Линия на искоренение «великодержавного шовинизма» и «русского национализма» в культуре, гуманитарных науках, языкознании принимала зачастую форму откровенного нигилизма по отношению к истории и национальным традициям ведущего народа СССР. Все, что было связано с дореволюционной Россией, по мнению левацки настроенных «ниспровергателей прошлого», подлежало решительному осуждению и уничтожению как контрреволюционное и националистическое по своему содержанию, как олицетворение идеологии и культуры господствующих классов.

Однако крах надежд большевистского руководства на скорую мировую революцию заставил его пересмотреть свою внешне- и внутриполитическую стратегию. На смену лозунгу обязательной и неизбежной мировой революции в 1924 г. выдвигается лозунг «построения социализма в одной, отдельно взятой стране» в условиях враждебного окружения.

Это вызвало необходимость внедрения в массовое сознание новых «мобилизационных» пропагандистских установок. Они отличались от прежних абстрактных ультрареволюционных и космополитических идеологием, способствуя укреплению политического единства советского общества. Для воспитания гражданского самосознания и патриотизма требовалось обратиться к национальному прошлому русского народа, к его героям и знаменательным событиям отечественной истории. Важным фактором, способствовавшим формированию патриотического самосознания, явился провозглашенный в 1927 г. лозунг развития национальной культуры народов СССР.

Одним из главных факторов, предопределивших окончательную идеологическую трансформацию советского режима 1930-х гг. в сторону государственного патриотизма, стала угроза нападения нацистской Германии на СССР. Идеологическая мобилизация населения предполагала, прежде всего, обращение к идеям национального патриотизма, героическому прошлому и культуре государствообразующего народа Советского Союза – русского народа.

«Патриотическая трансформация» советской идеологической политики нашла свое отражение в «реабилитации» понятий «Отечество» (1931), «патриотизм», «Родина» (1934). А также в возобновлении преподавания истории и русской литературы как ведущих гуманитарных и гражданских дисциплин (1934–1937). Русскому народу был официально «присвоен» титул «старшего брата» в многонациональной «семье народов» СССР (1936). Развернулась кампания прославления выдающихся государственных деятелей и полководцев (Петр I, Александр Невский, Дмитрий Донской, Козьма Минин и Дмитрий Пожарский, А. В. Суворов, М. И. Кутузов), представителей русской науки и культуры. Окончательное оформление эта пропагандистская политика получила в предвоенные 1937–1941 гг.

Особую значимость фактор русского патриотизма в мобилизации советского народа приобрел в годы Великой Отечественной войны. Официальная идеологическая линия в пропаганде русского героического прошлого, боевых традиций русской армии становится определяющей. Это находит свое отражение в выступлениях И. В. Сталина, в постановлениях политорганов РККА, в многочисленных проникнутых духом патриотизма произведениях литературы, театра, кино, музыки, в научных исследованиях, патриотическая направленность

которых являлась подчас предметом острых дискуссий (совещание историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 г.), во введении «новой старой» формы советских военнослужащих (январь 1943 г.), в принятии нового гимна СССР (январь 1944 г.).

Особую роль в деле патриотического единения народа сыграла определенная корректировка политики в отношениях с Русской православной церковью, предпринятая советским руководством в 1941–1944 гг. Знаменитый тост И. В. Сталина, провозглашенный им на приеме в честь участников парада Победы, официально еще раз укрепил за русским народом статус ведущей нации Советского Союза. Впрочем, патриотизм миллионов и миллионов советских людей, не инициированный «сверху», а идущий от сердца и разума народа, отстаивающий честь и независимость своей страны и обеспечивший великую Победу в кровавой схватке с фашизмом, не нуждался в каких-либо классификациях и официозных одобрениях.

В послевоенный период в советской массовой пропаганде сохраняется преимущество прежнего официального идеологического курса, нацеленного на усиление «русского фактора». Это нашло свое наиболее яркое выражение в пропагандистской политике конца 1940-х – начала 1950-х гг., направленной на утверждение приоритета русского народа в областях мировой науки, литературы, искусства. И было связано с началом холодной войны, обострением отношений с США и странами Запада, а также с утверждением послевоенного положения СССР как планетарной коммунистической сверхдержавы.

Идеология эмигрантского национализма, приходит к выводу *автор раздела Н. В. Антоненко*, по сути, представляла собой модернизированную версию традиционного имперского национализма. Направленная на решение сложнейшей задачи возрождения Великой России, она включала в себя не только идеи, но и конкретные положения по созданию образа будущей государственности. В доктрине эмигрантского национализма четко обозначились три составляющих: 1) национальная идея как символ возрожденной России; 2) оптимальная модель национальной власти; 3) конструкция национальных отношений, позволяющая избежать национальных противоречий в будущем.

В качестве национального идеала выступал образ «Великой, единой и неделимой России», олицетворявший собой государственную мощь, национальное единство и «соборное согласие» русского народа, под которым подразумевалась совокупность всех народов бывшей империи.

Эмигрантский национализм не обсуждал национальные вопросы индивидуально, а стремился выработать целостную национальную политику, направленную на сбалансирование национальных отношений в условиях единого многонационального государства.

При этом особый акцент делался на единстве прав входящих в состав России народов, сохранение традиций местного управления и национальной культуры.

В качестве отдельного аспекта национальной политики мыслители Русского Зарубежья выделяли проблему взаимоотношений окраин и центра. Подчеркивая универсальность в мировом масштабе модели имперской России, они вместе с тем проводили сравнительный анализ окраин империи и колоний западноевропейских государств. В связи с этим подчеркивалось, что Российская империя не была колониальной державой, ее политика в отношении нерусского населения существенно отличалась от политики колониальных империй Запада. В России понятия «нация» и «империя» не разделялись, именно эта взаимосвязь позволила нерусскому населению чувствовать себя не колонией в составе метрополии, а полноправным членом государства. Кроме того, в законодательстве Российской империи отсутствовали ограничения по этническому признаку (за исключением поляков и евреев). Отсюда националисты делали вывод о том, что в России не было национального угнетения, господствующей нации.

В рамках национальной политики широко обсуждалась проблема «русификации». До революции русский национализм использовал понятие «русификации», подразумевая под ней государственную политику, направленную на культурную и языковую ассимиляцию народов Российской империи. В эмиграции националисты изменили смысловое значение проблемы: под «русификацией» стала пониматься идея национального единения, государственная политика, направленная на укрепление национального патриотизма, формирование однородной в лингвистическом и административном отношении массы граждан. По сути, «русификация» стала трактоваться как политика «государственного национализма», призванная минимизировать внутреннюю этническую разнородность и в связи с этим унифицировать язык, административное управление, образование.

Идеологи Русского Зарубежья (И. А. Ильин, П. Б. Струве, Н. Д. Тальберг, И. С. Солоневич и др.) рассматривали эмиграцию как потенциал национального возрождения. Исходя из этого, большое внимание уделялось программам патриотического воспитания молодежи, подчеркивалась особая роль православия в духовном возрождении нации и поддержании национального единства.

Эмигрантский патриотизм и национализм стремился сформулировать идеи, альтернативные советскому патриотизму и национализму. Это побуждало патриотическую и националистическую доктрину эмиграции соотносить как с официальной идеологией Российской империи, так и с новациями, потребностями и «запросами» советского общества.

В главе «Позднесоветский консерватизм» (автор А. Ю. Кожевников) выделяются годы «хрущевской оттепели», которые были ознаменованы определенным отходом от прежнего идеологического курса по пропаганде русского советского патриотизма – в сторону усиления интернациональной составляющей в официальной идеологии. Период же середины 1960-х – первой половины 1980-х гг. рассматривается под углом зрения анализа различных форм русской патриотической идеи, находивших свое выражение как в советской официальной пропаганде, так и в культурной и научной сферах советского общества эпохи «развитого социализма». Усиление антизападной составляющей в системе патриотической пропаганды и в советской идеологической политике первой половины 1980-х гг. в целом было вызвано конфронтацией СССР с США и большинством ведущих капиталистических стран.

Заключительная глава монографии посвящена периоду «перестройки» и распада СССР (автор Л. Н. Доброхотов). В русле анализа практического исхода, социально-политического финала национальной политики советской власти исследуются процессы крайнего обострения в стране межнациональной напряженности. Причины, характер и содержание межнациональных, этнических конфликтов рассматриваются как следствие сложных переплетений исторических, социальных, экономических, культурных проблем, неадекватной национальной политики на протяжении многих лет. Показана эволюция конфликтов от социального протеста в форме национального движения, где поначалу преобладали проблемы культурно-духовного характера (язык, национальные традиции и т. п.), к росту антисоветизма и сепаратизма, постановке проблем кардинальной смены национально-государственного устройства.

Объективная данность сложного национально-государственного устройства Союза оказалась его ахиллесовой пятой в силу недалекновидной, а подчас и некомпетентной национальной политики, проводимой инициаторами «перестройки» (субъективный фактор), фатальной недооценки национального фактора, вытекающей из официальной советской доктрины того времени о решенности в основном и главном в СССР национального вопроса.

Советский патриотизм, предполагавший содружество народов на качественно новом уровне формирования единой интернациональной общности «советский народ», незаметно, но неотвратимо ступшевыается. Особенно явно это проявилось в республиках.

Сквозь призму указанных положений в главе рассматривается «история» и «география» межнациональных конфликтов или «горячих точек» на территории СССР. Это кровавые события в Алма-Ате, где впервые зафиксировано «проявление казахского национализма»; акции крымских татар с требованиями автономии Крыма;

Карабахский конфликт, переведший национальные отношения из разряда локальных вспышек в общегосударственную проблему; события в Грузии и так называемый абхазский вызов – требование выхода из состава Грузии; острый конфликт на межнациональной почве в Фергане (Узбекистан); столкновения между казахской и кавказской частью населения в Новом Узене (Казахстан); беспорядки в Молдавии и на Украине, где проявились особо жесткие, агрессивные формы национализма; наконец, драматические события в Азербайджане и Прибалтике (Литва и Латвия), где союзной властью были предприняты попытки предотвратить проблему распада Союза путем применения военной силы.

Автор анализирует мнение ряда исследователей, что главной и наиболее общей причиной крушения СССР стало идеологическое, духовно-нравственное и демографическое ослабление русской нации в результате проводимой в течение 70 лет политики фактической ее дискриминации. Спровоцированный этой политикой русский национализм обернулся сепаратизмом. На момент кризиса русская нация утратила свою державность. Национализм и сепаратизм окраин сомкнулся с русским национализмом и сепаратизмом. И это прозвучало историческим парадоксом, ибо русская нация всегда была созидательной силой и становым хребтом многонациональной общности, воплотившейся в веками формировавшемся понятии и явлении по имени Россия.

Итак, подведем некоторые итоги. Осуществленный в ходе реализации настоящего проекта сквозной анализ проблем патриотизма и национализма в том виде, в каком они ставились и решались в теории и социально-политической практике на протяжении двух столетий отечественной истории, убеждает, что вопросы эти перманентно присутствовали, не сходили с повестки дня общественной жизни страны, то на время затихая, то вновь обостряясь. При этом периоды обострений приходятся, что и естественно, на наиболее сложные, переломные, драматические этапы истории, порой постепенно вызревая в предчувствии важных, но еще неизвестных перемен.

В 1802 г. в обстановке энтузиазма и больших надежд на благотворные перемены, всколыхнувших мыслящую часть русского общества в связи с вступлением на престол Александра I, в журнале «Вестник Европы» появилась статья «О любви к Отечеству и народной гордости». Н. М. Карамзин, автор статьи, уже известный к тому времени писатель и мыслитель, дал четкую, хрестоматийно известную формулировку: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях»¹. Однако, буду-

¹ Карамзин Н. М. Избранные труды. М., 2010. С. 232.

чи уверенным, что данное понятие «требует рассуждения – и потому не все люди имеют его»¹, будущий автор «Истории государства Российского» выделяет три вида любви к Отечеству: физическую, моральную и политическую.

Справедливо полагая, что первые два вида способствуют сближению соотечественников, он не идет дальше – к признанию того, что патриотизм в идеологической и политической своей ипостаси как раз является источником разобщения граждан, разделения их, подчас острого и конфликтного, по убеждениям и политическим предпочтениям. И в этом свете формальная универсальность данной Карамзиным формулировки на деле выглядит призрачной, ибо несовпадение мировоззренческих и политических идеалов неизбежно ведет и к разному пониманию того, что есть благо и слава Отечества.

Неизбежность эта наглядно проявит себя три с лишним десятилетия спустя, в условиях уже николаевской России, реалии которой подвигли другого истинного патриота – П. Я. Чаадаева – на беспощадные обобщения и выводы: «Мы принадлежим к нациям, которые, кажется, не составляют еще необходимой части человечества, а существуют для того, чтобы со временем преподать какой-нибудь великий урок миру. Нет сомнения, что это предназначение принесет свою пользу, но кто знает, когда это будет?» И далее: «Мы растем, но не зреем; идем вперед, но по косвенному направлению, не ведущему к цели»².

Годы, десятилетия и даже без малого два столетия, минувшие с тех пор, не лишили актуальности, более того, злободневности, этих горьких умозаключений провидца, объявленного своими современниками сумасшедшим. К прозрениям этим последующие русские мыслители неизменно обращались в пору крупных исторических поворотов. «На русской революции, – писал П. Б. Струве в 1921 г., – оправдалась идея одного из величайших умов России, одинокого Чаадаева <...> Мы в нашей социалистической революции дали такой великий урок: *опытное опровержение социализма*»³.

Справедливость требует заметить, что в неприятии Октября Струве-политик взял верх над Струве-аналитиком. Ибо судить об итогах революции, находясь в ее горниле, имея дело с незавершенными процессами, было явно преждевременно. Но в другом Петр Бернгардович уже тогда был совершенно прав: «Мы потерпели кру-

¹ Карамзин Н. М. Избранные труды. С. 232.

² Чаадаев П. Я. Избранные труды. М., 2010. С. 42–43.

³ Струве П. Б. Избранные труды. М., 2010. С. 439.

шение государства от недостатка национального сознания в интеллигенции и народе»¹.

Перечитывая Чаадаева, и сегодня поражаешься актуальности многих его пророчеств и оценок ряда исторически сложившихся и долговременно действующих свойств и черт нашего национального менталитета. Таких, например, как: «Нам должно молотом вбивать в голову то, что у других сделалось привычкой, инстинктом», или же: «Старые идеи уничтожаются новыми, потому что последние не истекают из первых»².

И разве не характеризуют с удивительной точностью приметы эпохи 90-х гг. XX столетия обобщения П. Б. Струве, сделанные мыслителем – в русле методологии Чаадаева – на базе анализа революционных процессов начала того же столетия: «Толпы людей метались в дикой погоне за своим личным благополучием и в этой погоне разрушили историческое достояние предков»³?

Сквозное историческое исследование, таким образом, позволяет, с одной стороны, зафиксировать многоликость внутреннего содержания понятий и проявлений патриотизма и национализма. Проявлений, адекватно отражающих в ходе эволюции самого исторического процесса многообразие конкретных форм, черт, свойств и событий, синхронно следующих за его социально-политическими приливами и отливами. С другой же стороны, исторической процесс включает в себя не только уникальность событий и явлений, но и их определенную повторяемость. С учетом, конечно, временной и событийной специфики. И это предоставляет нам определенные возможности для того, чтобы приблизиться к некоему обобщенному, «надвременному» истолкованию искомых понятий.

Так в чем же заключается патриотизм? В том, чтобы *только* славить Отечество и гордиться им, или же в том, чтобы видеть и извечно слабые, уязвимые стороны российского типа исторического развития страны, образовывая и предостерегая современников и потомков? Конечно же, говорят нам наиболее прозорливые мыслители разных эпох, он должен заключаться и в том, и в другом. Но в таком точно замеренном уроками истории соотношении, какое инициирует и укрепляет наше стремление идти вперед, а не двигаться вспять или же топтаться на одном и том же месте.

И, наконец, в чем же состоит тот упомянутый Чаадаевым «великий урок», который мы можем и должны преподать, но не столько миру, сколько самим себе? Суть его точно сформулировал другой мысли-

¹ Там же.

² Чаадаев П. Я. Избранные труды. С. 42.

³ Струве П. Б. Избранные труды. С. 440.

тель и на другом континенте, как бы подчеркивая универсальность некоторых постановок и решений в мировой общественной мысли.

«Человечество, – справедливо замечал в свое время американский писатель и издатель XIX – начала XX в. Кристиан Нестел Боуви, – частично вознаграждается за великие бедствия великими уроками, которые из них вытекают»¹.

Действительно, нам важно сегодня, не скрывая в минувшем ничего сложного и драматического, не обходя острые углы, но не забывая и о позитивном, воззвать к жизни и усвоить именно *великие* уроки прошлого. Уроки, *вознаграждающие* нас сегодня социальной и политической мудростью, предостерегают от повторения бед прошлого, которые сплачивают общество, «работают» на его консолидацию, не тянут из прошлого в настоящее баррикады революций и фронты гражданской войны. В этом, быть может, и заключается истинное призвание патриотизма.

Что же касается проявлений национализма на исторических пространствах российской истории XIX и XX столетия, то при всей неповторимости черт его выражения в различных исторических обстоятельствах, мы можем зафиксировать и общее. Оно заключается в том, что национализм был и остается в конечном счете субстанцией сугубо политической, быстро перерастая границы проявлений этнического, духовно-нравственного, культурного, бытового, ситуационного и т. п. порядка и превращаясь в один из инструментов упрочения власти или борьбы за власть. Отсюда оценка любых разновидностей национализма невозможна без познания того, каким истинным политическим целям они служат. Вместе с тем специального внимания заслуживает проблема, о которой уже говорилось выше на примере тезиса «Россия для русских», ставшего знаменем черносотенного движения. Речь идет о неадекватности восприятия тех или иных теоретических моделей массовым сознанием.

Неадекватность эту важно воспринимать отнюдь не в русле какого-либо оправдания в данном случае идеологов консервативного лагеря. Весьма полезно увидеть в данной коллизии, столкновении теории и практики важный урок общеисторического звучания. Урок, адресованный теоретикам и вдохновителям любого политического движения, в том числе и демократического. Формулируя и продвигая в сферу практического применения ту или иную концепцию, идеологам не лишним будет просчитывать и возможную аберрацию их представлений в массовом сознании и поведении. Проходя красной нитью через всю историю России, данный феномен нестыковки теории и практики не раз ставил общество в целом и его институты (в том

¹ Афоризмы: По иностранным источникам. М., 1985. С. 9.

числе государственных) в положение грибоедовского героя: «шел в комнату – попал в другую». Игнорирование этого урока, как свидетельствует исторический опыт, наносит вред государству и обществу в целом, а также отдельным партиям и движениям. Все те, кто, взяв на вооружение тот или иной девиз, не подозревают, какую реакцию это может вызвать у тех категорий участников массового движения, которые не утруждают себя знанием и пониманием «тонкостей» и «полутонов» теоретических изысков. Особенно зримо и ощутимо данный парадокс проявил себя на рубеже 1980-х и 1990-х гг. Закат «перестройки» выплеснул на идеологическую арену и на улицы больших и малых городов причудливые разновидности национализма в патриотическом облачении и патриотизма с его как ярко, так и скрытно (латентно) проявляющимся национализмом. На практике получилось так, что лозунг «патриотизм» стал выполнять функцию «приводного ремня» в реализации идей национализма и сепаратизма, сокрушивших СССР.

В. В. Журавлев

Научное издание

**Патриотизм и национализм как факторы
русской истории (конец XVIII в. – 1991 г.)
Коллективная монография**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.07.2015.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 49.
Тираж 700 экз. Заказ 3554

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс),
8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59